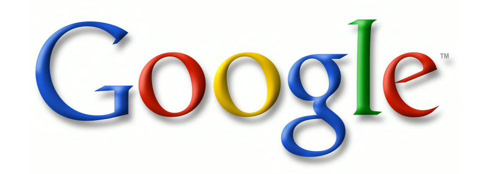

Google

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

B-2
11

ВЕЛИКОРУССЪ

ВЪ СВОИХЪ

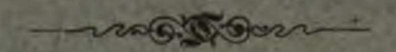
ПѢСНЯХЪ, ОБРЯДАХЪ, ОБЫЧАЯХЪ, ВѢРОВАНІЯХЪ, СКАЗКАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И Т. П.

МАТЕРІАЛЫ СОБРАННЫЕ И ПРИВЕДЕННЫЕ ВЪ ПОРЯДОКЪ

П. В. ШЕЙНОМЪ.

Томъ I, выпускъ второй.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

ВЕЛИКОРУССЪ

ВЪ СВОИХЪ

ПѢСНЯХЪ, ОБРЯДАХЪ, ОБЫЧАЯХЪ, ВѢРОВАНІЯХЪ,

ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТЧИКА:

Оба выпуска I-го тома „Великорусса и т. д.“ слѣдуетъ при переплетѣ соединить вмѣстѣ, страницы XXVII—VIII оглавленія и списка опечатокъ (при 1-мъ выпускѣ 1898 г.), а также частные заглавные листы выпусковъ 1 и 2 слѣдуетъ *уничтожить*, и **замѣнить** ихъ *общимъ* заглавн. листомъ ко всему I тому и *общимъ* оглавленіемъ (для чего изъ 1-го вып. взять страницы I—XXVI оглавленія и прибавить изъ 2 вып. стр. XXVII и далѣе).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, май 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ПѢСНИ ОБРЯДОВЫЯ.

Б. Свадебныя.

I. Архангельской губерніи.

Свадебный обрядъ по поберержью Бѣлаго Моря отъ г. Онеги до Кемскаго уѣзда (стр. 377—386).

[1]) № 1486 пропускается, какъ не сюда относящій. Онъ попалъ въ свадебные причеты по недосмотру.

III. Вятской губерніи.

Крестьянская свадьба въ Елабужскомъ уѣздѣ. (стр. 459—469).

[1]) Эти двѣ пѣсни, хотя и не свадебныя, но парни и бабы поютъ ихъ и еще другія подобныя для подавленія въ себѣ грусти, наводимой на нихъ пѣснями дѣвушекъ.

VI. Новгородской губерніи.

Свадебный обрядъ и пѣсни въ Крестецкомъ уѣздѣ.

Той же губерніи, Бѣлозерск. у., с. Антушево.

Того же уѣзда, с. Бубриво.

VI. Псковской губерніи.

VII. Рязанской губерніи, Зарайск. у.

Запой. Величальн. пѣсни.

Той же губ., Данковск. у.

XIII. Тверской губерніи, Калязинск. у.

XX. Саратовской губерніи.

Свадебные обряды, Сердобск. у.

(На пропоѣ):

(Послѣ запоя):

(Наканунѣ дѣвичника):

(На дѣвичникѣ):

(Въ день свадьбы):

(На другой день свадьбы, когда подымаютъ молодыхъ, свахи поютъ):

XXI. Оренбургской губерніи и у.

(На помолвкѣ невѣста):

(Дѣвушки поютъ):

(На другой день свадьбы, когда на молодую надѣваютъ повойникъ):

(Пѣсни, распѣваемыя въ течение свадебныхъ обрядностей):

(Пѣсни величальныя (на сговорѣ и другія).

(Тысяцкому):

(Дружкѣ и подружкѣ):

(Свахѣ со стороны жениха):

Обряды погребальные и поминальные.

Указатель мѣстности, откуда доставлены пѣсни и причеты.

(Цифры означаютъ №№ пѣсень).

Архангельской губерніи.

Пинежск. у. пѣсня: 1174. Города Пинеги 1316 — 1350. Побережья Бѣлаго моря отъ г. Онеги до Кемск. у. 1284—1315. Шенкурск. у. 1351.

Владимірской губерніи.

Вязниковск. у. 107, 133, 143, 149, 153, 159, 168, 186, 209, 214. Ковровск. у. 410, 413, 465, 744. Муромск. у. 241, 242. Судогодск. у. 2233—2263. Шуйск. у. 44, 75, 138, 160, 161, 163, 171, 172, 193, 206, 208, 220, 221, 244, 268, 273, 446, 548, 560, 606. Покровск. у. 2264—2269. Юрьевск. у., с. Шелебово: 2208—2231; дер. Снегириха: 2232.

Воронежской губерніи.

Бобровск. у. 179, 438.

Вологодской губерніи.

Вологодск. у., Сретиньинск. в., д. Яковлевск. 76—78, 83, 84, 100, 123, 127, 235, 240, 339 (по ошибкѣ вм. 340), 341, 342, 344, 356, 363, 387, 397, 425, 461, 464, 468, 469, 473, 476, 481, 488, 493, 499, 509, 510, 514, 516, 594, 622, 632, 638, 641, 678, 691, 694, 711, 724, 731, 732, 738, 740, 748, 751, 780, 790, 801, 824, 825, 836, 837, 860, 863, 938, 968, 994, 1008, 1024, 1367—1391. 1504, 1518—1527 1555, 2507, 2508, Въ Янгосарѣ: 1392—1424. Въ разн. селеніяхъ 1425—1453. Г. Вельскъ 357. Грязовецк. у. 480—481, 754, 819, 847, 1352—1366, 1505—1517. Кадник. у., с. Лопатино. 927, 985, 1003. Сольвычегодск. у. 376, 385, 470, 511, 754. Березониволоцк. в. 1547. Верхотомск. в. 1533—1546; Гавриловск. в. 1528—1532. Ильинномоск. вол. 1548—1554. Тотемск. у.: 274, 405, 496, 555, 646, 734, 939 (с. Печенига), 994, 1025, 1454—1465. Подъ Тотьмой 1466—1503, 1555 (безъ указанія в.), 1562—1565.

Вятской губерніи.

16, 17, 49—52, 101, 128, 281, 346, 350, 390, 395, 404, 406, 412, 416, 430, 448, 485, 487, 490, 517, 530, 531, 533, 574, 597, 604, 614, 772, 937, 1036, 1062. Яранск. у., с. Ижевское—950. Котельнич.—1146—1163. Елабужск. у.—1566—1585. Слободск. у.—1586—1627.

ОПЕЧАТКИ, ПОГРѢШНОСТИ И ПОПРАВКИ.

Страница.	Столб.	Строки.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
6	2	4 снизу	Пастухъ	Пѣтухъ.
9	1	2 снизу	Коклюшка	коклюшка
28	1	подъ № 135	Всѣ 3	Обѣ
31	2	10 сверху	скачекъ	скачетъ
32	2	13 сверху	Овцу яливицу	Овцу яловицу
40	1	20 сверху	Ваня Гоголь	Ваня гоголь.
79	1	18—19 сверху	Мы коней выпустимъ, выпустимъ.	А мы коней выкупимъ, выкупимъ.
			На что же выпустите выпустите?	А чѣмъ же вамъ выкупить выкупить?
94	1	13 снизу	Въ короводѣ	Въ короводъ.
106	2	13 сверху	срасною	краспою
107	1	15 сверху	Салигалич. у.	Солигалич. у.
112	1	14 снизу	Княжескій	Клязескій
125	1	3 сверху	биляйко	виляйко
133	2	21 сверху	колышку	колышки
134	1	3 снизу	за зазоръ	за заборъ.
135	2	23 сверху	А курицѣ	А курица
136	2	11 сверху	Само поводу	Сама по воду
141	2	6 сверху	Пѣтухи топоютъ	Пѣтухи-то поютъ
—	1	11 снизу	Съ трехъ	Изъ трехъ
160	1	19 сверху	Харьковск. губ.	Екатеринославск. губ.
162	2	22 сверху	не корастны	не корыстны
172	1	16 снизу	Николи меня хмели разыгрывали	Николи меня хмелина не разыгрывала
184	2	17 снизу	извольте-ка вы кушать	извольте-ка выкушать.
195	1	18 сверху	Обѣ зап. мною	Зап. мною.
—	2	17 снизу	Той же губ.	Тульск. губ.
197	1	9 сверху	Не совсею	И со всею
—	1	19 сверху	А съ жиру а твово	А съ жиру да твово
199	1	6 сверху	Не соколъ ропитъ	Не соколъ ронитъ

Страница.	Столб.	Строки.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
200	2	14 снизу	Митковая рубашка	Миткалевая рубашка
—	2	15 снизу	уладная коса	укладная коса.
206	1	12 снизу	Кричало махала мой: мой милой остановись	Кричала, махала: мой милый остановись!
207	2	7 снизу	за грими	за греми
209	2	2 снизу	отвязалася	отвязалося
211	1	23 снизу	На огонь	Не огонь
213	2	19 снизу	ведетъ	ведутъ
217	1	16 снизу	всякъ поклониться	всякъ поклонится
—	1	17 снизу	всякъ помолиться	всякъ помолится
224	2	1 сверху	Бѣльск. у.	Бѣлевск. у.
225	1	7 снизу	Я горя-бѣдна	Я горе-бѣдна
227	2	6 сверху	Певѣстушекъ	Невѣстушекъ
229	2	2 сверху	Кричитъ, вапитъ	кричитъ, вопитъ
231	2	17 снизу	навялится	навалится
243	2	....	вм. 986	896.
254	1	13 сверху	Ровно двадцать внучатъ	Ровно двадцать внучатъ:
257	1	15 снизу	Наклапа	Наклала
259	2	15 сверху	Па печи	На печи
264	1	24 сверху	На новое	На новоѣ
271	1	25 сверху	оты малка	отымалка
290	2	18 снизу	никто не знаетъ	Никто не знаетъ, Никто не спознаетъ
290	2	17—16	Спозналъ совушку, Спозналъ вдовушку	Спознали совушку, Спознали вдовушку
—	2	14 снизу	сталъ сову щипать	Стали сову щипать
292	1	7 сверху	сметанку воѣдати	сметанку поѣдати
295	2	12 снизу	Прохмѣля	Про хмеля
296	2	20 сверху	прохорчилася	прохарчилася
299	2	10 сверху	бережечко	беремечко
—	2	14 сверху	комариво	комарово
310	1	11 сверху	Ой свѣтки	Ой, святкй
312	1	12 снизу	Распрекраспую королеву	Распрекрасную королевну.
—	2	24 снизу	По твое поряженное	По твое по ряженное
313	2	3 снизу	Ёнъ покоргоду	Енъ по корогоду
314	2	10 снизу	Вотъ мнѣ шапки	Вотъ мнѣ шапка
319	2	19 снизу	по келійку хожу	по келійкѣ хожу
135	1	13 сверху	Усырые уборы	Ў сырые ў боры
321	2	5 снизу	Всѣ 13	Всѣ 16
354	1	2 снизу	такой босниньской	такой басинькой
366	1	5 сверху	заросла полыпомъ	заросла полыномъ
—	1	7 сверху	съ цвками	съ цѣвками
384	2	14 снизу	буной головы	буйной
397	2	5 снизу	по лотенца	полотенца
419	2	7 сверху	не вымольятъ	невылмовятъ
459	2	13 сверху	опа	она
—	2	23 сверху	опи	они
467	2	19 снизу	не чернилы	на чернилы
471	1	13 сверху	пачинаютъ	начинаютъ
483	2	5 сверху	помолись Богу,	помолившись Богу,
—	2	18 сверху	зловомъ	словомъ
487	1	5 сверху	Такъ поспѣй ты кресна матушка.	Такъ поспѣй ты кресна матушка,

Страница.	Столб.	Строки.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
501	2	27 сверху	сенныя стапухи	сѣнныя стануха
535	2	1 снизу	Шашкинымъ	Шашнинымъ
539	1	6 сверху	матушки	матушка
555	2	17 снизу	разгораються	разгараются
693	2	6 снизу	отъ нынѣ	отнынѣ
706	1	21 сверху	свылося	свылося
719	2	16 снизу	на лилую	на милую
747	1	17 сверху	за столо	за столы
753	2	21 сверху	см. выше.	см. дальше.

ПѢСНИ ОБРЯДОВЫЯ.

Б. Свадебныя.

I. Архангельской губерніи.

Свадебный обрядъ побережья Бѣлаго моря отъ г. Онеги до Кемскаго уѣзда.

Свадьба начинается, какъ обыкновенно, сватовствомъ. Со стороны жениха отправляется сватомъ къ родителямъ невѣсты его крестный отецъ или кто либо изъ близкихъ родственниковъ. Придя въ домъ невѣсты, онъ вызываетъ ея отца въ сѣни и говоритъ ему о цѣли своего посѣщенія. Когда этотъ послѣдній сообщаетъ вѣсть о сватовствѣ своей семьѣ, то для совѣта приглашаются родственники. Если «находитъ на дѣло», то сговариваются о дарахъ, кому что нужно отъ молодой подарить. Напримѣръ свекру—ситцевая рубаха, холщевые порты, свекрови—дорогой штофнпа сороку[1]) и красной холстины на сорочку, золовкамъ — штофяное *очелье* къ повязкѣ, деверьямъ—ситцевую рубаху и платокъ и т. д. Смотря по достоинству этихъ даровъ, сватъ съ согласія женихова отца или самого жениха даетъ отцу невѣсты деньги «на подъемъ», т. е. на вино и т. п. Бываютъ перѣдко случаи что свадьба «разсыхается[2])» изъ за того, что одна сторона запроситъ много денегъ, а другая пожалѣетъ; но чаще это бываетъ отъ вмѣшательства постороннихъ, которые «расхинятъ жениха или невѣсту», т. е. наговорятъ той или другой сторонѣ, напримѣръ, что женихъ бѣденъ, что самъ онъ пьяница, что свекровь будетъ бранливая, или же что невѣста больная, не умѣетъ ничего дѣлать, а главное «красёнъ разставить не толкуетъ»[3]). Но обратимся къ свадебному обряду. Условившись о дарахъ, зажигаютъ у иконъ свѣчу, даютъ другъ другу руки. Послѣ этого начинаютъ пить такъ называемое «малое рукобитье.» Условившись о днѣ заплачки и свадьбы, сватъ отправляется къ жениху съ извѣстіемъ, что дѣло кончено, «по рукамъ ударено и малое рукобитье выпито». Въ день, назначенный для заплачки, отецъ невѣсты сзываетъ родню па большое рукобитье слѣдующими словами: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Иванъ Марковичъ, загости, пожалуй ко мнѣ хлѣба соли кушать, а къ Настасьѣ Ивановнѣ (невѣсткѣ) на винну чарку.» Невѣста же со своими подругами отправляется на вечеринку въ тотъ домъ, гдѣ прежде обыкновенно бывала. Сюда собираются дѣвушки съ другихъ вечеринокъ. Вслѣдъ за ними являются холостые парни, и начинаются игры, «ходятъ утушкой» и т. д. Невеста между тѣмъ, окруженная подругами, лежитъ на лавкѣ въ «*песьнемъ* углу»[4]) и прощается по очереди съ каждою подругою, приглашая ее къ себѣ на свадьбу. Въ домѣ невѣсты въ это время идутъ приготовленія для пріема созванныхъ отцемъ невѣсты родственниковъ, накрываютъ столы, приходятъ отъ жениха два человѣка для угощенія гостей. Когда выпьютъ рюмки по три, или по четыре, крестная мать невѣсты отправляется на вечеринку съ «почолкомъ» (головнымъ уборомъ невѣсты, въ родѣ повязки съ двумя рогами, вышитой серебромъ и унизанной жемчугомъ и другими украшеніями). Придя туда, она надѣваетъ этотъ «почолокъ» на голову невѣсты, которая заплаканная, вся въ слезахъ, начинаетъ «стиховодничать».

[1]) Головной уборъ пожилыхъ женщинъ.
[2]) Разстроивается.
[3]) Т. е. не умѣетъ разставить кросна для тканья полотенъ или чего либо другого.

1284.

Не во саду ли я, бѣдна, обсидѣлася,
Не на садъ ли я, бѣдна, оглядѣлася,
Не на травку муравку зеленую,
Не на всяки цвѣточки лазуревые?
Не вода ли подо мной разливается,
Не огонь ли подо мной разгорается? —
Сама то я знаю, бѣдна, да вѣдаю,
Что не въ саду то я, бѣдна, обсидѣлася,
Не на садъ то я, бѣдна, оглядѣлася,
Не на травку-муравку зеленую,
Не на всяки цвѣточки лазуревые,
Не вода подо мной разливается,
Не огонь подо мной разгорается, —
Разгорается мое зябло сердце ретивое,

[4]) въ печномъ углу.

Размываются мои горькія слезы горячія
По блеклому лицу перумяному.
Что за чудо за диво великое!
Прежде этыя поры, прежде времени,
Сидѣла я, глупа косата голубушка,
Во собраной своей тихія бесѣды смиренныя,
Не бывала крестовая ласкова матушка
Во собраной то моей тихой бесѣды смиренныя,
Со хорошей то моей дорогой воли вольнія.

Въ это время дѣвки наперерывъ стараются расплетать у невѣсты косу, потому что выплетенныя изъ косы ленты достаются той, которая прежде всѣхъ успѣетъ расплести косу. Невѣста между тѣмъ поетъ:

Ужъ послушайте, милыя подружки любовныя,
Ужъ не расплетайте моей русыя косы красовитыя!
Два востраго ножа, два булатнагó,
Обрѣжете свои бѣлыя опальнія рученьки.

Затѣмъ она кланяется въ ноги крестной матери и обнимаетъ ее. Во время этого обряда, который носитъ названіе «давать добровъ», дѣвки помогаютъ невѣстѣ водить стихи, «подголоспичаютъ», а она при каждомъ стихѣ ударяетъ кулакомъ правой руки въ лѣвую ладонь и кланяется въ поясъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ поклоновъ она падаетъ въ ноги тому, кому «даетъ добровъ» и затѣмъ обнимаетъ. Въ это время она поетъ:

1285.

Спасибо, крестовая ласкова матушка,
Творишь, дѣлаешь послушанье,
Надѣваешь-то хорошу дорогý волю вольную
На младую буйную голову.
Не въ достой-то наряжать мнѣ крестовую ласкову матушку,
Въ достой слушать крестовую ласкову матушку.
Послушай-ко, крестовая ласкова матушка,
Что-то я спрошу, сиза косата голубушка,
У тебя же, крестовая ласкова матушка:
По чьему входишь повелѣнью да благословленью,
Заходишь въ тихую бесѣду смиренную?
Со слова ли съ докладу ли ласкотниковъ, желанныхъ родителей,
Не отъ своёго-ль ума да отъ разума?
— Сама то я знаю, сиза косата голубушка,
Не такая крестовая ласкова матушка,
Что придти отъ своего ума да отъ разума, —
Что пришла по повелѣнью да благословленью
Отъ моихъ-то ласкотниковъ, желанныхъ родителей.

Невѣсту покрываютъ платкомъ и уводятъ съ вечеринки въ ея домъ при пѣніи слѣдующихъ стиховъ:

1286.

Послушайте, мои милыя подружки любовныя,
Пойдемъ-те вонъ со тихія бесѣды смиренныя,
Пришли скорые послы да незастѣнчивые.

Идя по улицѣ, поютъ:

1287.

Говорила то крестовая ласкова матушка,
Что сполна пекётъ красное солнце угрѣвное
Во родительскомъ домѣ, тепломъ витомъ гнѣздышкѣ,
Во купѣ да во собраньи сидятъ мои милые ласковы братьица,
Весь то родъ-племя приближенное.
Теперь слава Тебѣ, Боже Господи,
Не бѣдная да не обидная,
Обрадѣло мое зяблое сердце ретивое —
Во купѣ да во собраньи сидитъ мое родъ-племя приближенное.

Если у невѣсты умеръ кто нибудь изъ братьевъ въ Петербургѣ или на морѣ, то прибавляются еще стихи:

1288.

Собрались да скопились
Изо славныхъ то Питембурскихъ городовъ,
Со печальнаго синя солона моря,

(или же, если братья умерли дома)

Со окатъ со горы со Микольскія[1]).

Приходятъ ко крыльцу и вызываютъ мать невѣсты для встрѣчи, — стихами:

1289.

Не несутъ то мои ножки рѣзвыя
Во часту во ступенчату лисвёнку,
Какъ сегодня да по сегоднешному,

[1]) На этой горѣ кладбище.

По тихому позднему вечеру
Безъ ласкотницы желанной родители матушки.
Прежде этыя поры, прежде времени,
Ходила-то я, сиза косата голубушка,
Со тихой *полуносьнёй* вечерничочки —
Носили мои скорыя ножки рѣзовыя.

Когда мать выйдетъ:

1290.

Спасибо, желанная родимая матушка! —
Выходишь на торну на широкую улицу,
Подъ часту подъ ступенчату лисвёнку,
Стрѣчаешь меня, глупую сизу косату голубушку,
Со тонкимъ-то звучнымъ со голосомъ,
Со умильной-то со гораздой со причетью.

Входя въ сѣни:

1291.

Становись, моя поневольная млада головушка,
Середь новыхъ-то сѣней перёпыхъ.

(Снимаютъ съ головы невѣсты платъ).

Теперь вскину свои очи ясныя,
Обведу кругомъ новыя сѣни перёныя,
На которой стѣпѣ ограды бѣлокаменныя
Стоятъ чудные Спасы Многомилостивые.

Невѣста молится Богу.

1292.

Помолиться было сизой косатой голубушкѣ
Богу Спасу, Пресвятой Богородицѣ,
Придучись со пути со дорожки широкія.

Здоровается съ сѣнями:

1293.

Вы здорово, новы сѣни перёныя,
Кругомъ свѣтлыя окошка косещатыя,
Кругомъ бѣлыя брусовыя лавочки:
Не убойтесь-ко, новы сѣни перёныя,
Что не тихая пришла, не смирёная,
Не по старому пришла не по прежнему,
Со тонкимъ со звучнымъ со голосомъ,
Со умильной со гораздой со причетью
Со всемá милыма подружками любовными.

Зоветъ подругъ въ домъ:

1294.

Добро пожаловать,мои милыя подружки любовныя,
Во родительской домъ,—тепло витое гнѣздышко,
Впереди меня сизу косату голубушку.

Садясь на лавку въ печномъ углу, приговариваетъ:

1295.

Не пужайся, домъ, — тепло витое гнѣздышко,
Не пужайся, да не полохайся, мое сердце ретивое!
Не подломитесь, мои скорыя рѣзвыя поженьки!
Не блекни, мое блеклое лицо перуманое!
Не спѣшитесь-ко, прокатайтесь, мои горькія
слезы горючія
По блёклому лицу, нерумяному!
Не мѣшайся, рѣчистъ языкъ,
Во младой во буйной головушкѣ!

Проситъ у Бога, Пресвятой Богородицы и св. угодниковъ благословенія:

1296.

Теперь дай, Господи, тонкаго звучнаго голосу
Со умильной со гораздой со причетью!
Теперь благослови, Боже Господи,
Божья Мать, Пресвята Богородица,
Свѣтъ сударь Микола Многомилостивой,
Попусти тонкой молодой незвученъ голосъ!
Случилось слыхать сизой косатой голубушкѣ
Отъ чужихъ-то ото младыхъ-то ясныхъ соколовъ,—
Черезъ три губы сини солона моря
Есть мощи-ты среди синя солона моря,
На зеленомъ-то высокомъ на островѣ
Стоитъ божья церковь пресвященная.
Благослови же, Соловецкіе преподобны чудо-
творцы многомилостивые,
Попустить тонкой молодой незвученъ голосъ
По родительскому теплому витому гнѣздышку!

Какъ бы вспомнивъ, что забыла спросить благословенія у родителей, поетъ:

1297.

Глупая, младая буйна головушка!
Не спроса попускаю свой тонкой молодой голосъ
У ласкотниковъ желанныхъ родителей,
Чей домъ, того вольная воля довольная.
Домъ ласкотниковъ желанныхъ сердечныхъ родителей,
Ихъ-то многая вольняя воля довольная,
Добро со слова съ докладу у ласкотниковъ желанныхъ родителей.
Благослови-тко, ласкотникъ, желанный родитель батюшко,
Попустить тонкой молодой незвученъ голосъ —
Какъ сегодни по сегодешному,
По тихому позднему вечеру,
По потухлыя зари поздно-вечернія!

Вставши съ лавки изъ печного угла, идетъ къ столамъ давать отцу добровъ:

1298.

Расшапитесь[1]) ко народъ, люди добрые,
Чужи бѣлыя хороши лебедочки,
Вси совѣтныя милыя подружки любовныя!
Дайте не со множечки пути-дорожки широкія,
Съ одну дубовую мостовиночку,
Пройти проплысть сизой косатой голубушкѣ
На родительское домъ-тепло витое гнѣздышко,
Передъ бѣлые столы передъ дубовые.
Могу ли усмотрѣть, дитя бѣдное,
Сквозь туманъ, горьки слезы горячія,
На которой бѣлой брусовой на лавочкѣ
Пекётъ кресное солнце угрѣвное,
Сидятъ мои желанные сердечны родители,
Думаютъ собча[2]) крѣпкую думу заединую?
Что за чудо за диво великое,
Что за гости сидятъ за торговые,
Торгуютъ товарами заморскими,
Выбираютъ, желанные сердечны родители,
Хорошее дорогое платье цвѣтное
По моему уму да по разуму.
Ужъ послушайте, желанны сердечны родители,
Не въ пору схватились, не во время
Заводить хорошее дорогое платье цвѣтное.
Сама-то я знаю, сиза косата голубушка,
Что не гости сидятъ, не торговые,
Не торгуютъ товарами заморскими,
Не выбираютъ желанные сердечны родители
Хорошаго дорогого платья цвѣтнаго, —
Пособрано свое родъ-племя приближенное,
Честна дорога *природа* родительска,
Сидятъ думаютъ собча крѣпкую думу заединую,
Пьютъ горькое хмѣльно зелено вино,
Пропиваютъ меня сизу косату голубушку,
Во злодѣйку неволю великую.
Послушай-ко, желанный родитель батюшко,
Ужъ попеняю я, сиза косата голубушка,
Тебѣ же, мое красное солнце угрѣвное,
Ужъ ты думай, да не продумай,
Ты да не пропей мою младую буйну голову
Во злодѣйку неволю великую;
Сама то я знаю, сиза косата голубушка:
Видно думалъ, да продумалъ.

Обращается къ подругамъ:

1299.

Ужъ послушайте, милыя подружки любовныя,
Не держите крѣпкой *надеи*[3])
На ласкотниковъ желанныхъ родителей, —
Они до поры добры, да до времени,
Не сулятся, а опалятся желанны сердечны родители.

Опять къ отцу, который сидитъ задумчивый, а иногда и со слезами на глазахъ, такъ какъ стихи очень заунывны, и притомъ невѣста плачетъ, кланяется въ ноги и обнимаетъ его за шею:

1300.

Послушай-ко, желанный родитель батюшка,
За каку вину опалу великую
Отдалъ да обневолилъ во злодѣйку неволю великую?
Развѣ не трудница была, не работница,
Не вѣрная слуга—все измѣнная?
Измѣняла тебѣ, красное солнце угрѣвное,
У всякаго зелья—работы тяжелыя,
Не берея была краснымъ паливнымъ ягодкамъ,
Не ловея была свѣжія рыбы трепущія?
Развѣ укорять тебя стали, упрекать, красное солнце угрѣвное,

---

[1]) Вѣроятно стяженіе отъ: *расшапитесь* или *расшатнитесь*. Ш.
[2]) сообща.
[3]) надежды.

При толпахъ тебя, при артеляхъ великіихъ,
При славныхъ царевыхъ при кабакахъ?
Ты послушай, мое красное солнце угрѣвное,
Что то я скажу, сиза косата голубушка:
Лучше найми меня, сизу косату голубушку,
Во рабы въ *казачихи* нахлѣбницы,
Возьми *собину* счетную золоту казну,
Заплати ко чужимъ яснымъ то соколамъ,
За проторы, убытки великіе,
За довольное хмѣльно-зелено вино.

Благодаритъ отца:

1801.

Спасибо, мое красное солнце угрѣвное,
На вольнія воли довольнія!
Воздавалъ мнѣ-ка, сизой косатой голубушкѣ,
Многую вольную волю довольную—
Ходить-гулять сизой косатой голубушкѣ
По гульбамъ, по прохладамъ,
По тихимъ *полуносьнымъ* вечериночкамъ.
Спасибо, мое красное солнце угрѣвное,
На покруты, покрасы дѣвочія! —
Ужъ не жалѣлъ особенной счетной золотой казны,
Заводилъ покруту, покрасу великую,
Лучше краше всѣхъ милыхъ подруженекъ:
Дивовалися мною народъ-люди добрые,
Завидовали мои милыя подружки любовныя.

Подобные же стихи водитъ затѣмъ невѣста матери, братьямъ и всѣмъ членамъ семьи. Гости, сидѣвшіе за столомъ, выпивъ вино, начинаютъ расходиться. Между тѣмъ невѣста снаряжаетъ двухъ дѣвушекъ бариномъ и барынею: барина одѣваютъ въ синій кафтанъ и шапку, а барыню въ платокъ и хорошую шубейку. Прочія дѣвушки тоже рядятся, во что кому вздумается. Съ пѣснями, толпою идутъ онѣ къ жениху и, придя къ нему въ домъ, обращаются къ нему съ слѣдующими словами! «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Князь первобрачной (называютъ по имени)! Княгиня первобрачна (имя) добра здорова, низко кланяется!» Когда онѣ сдѣлаютъ подобное же привѣтствіе свекру и свекрови, ихъ сажаютъ за столъ и подчуютъ какой нибудь водкой или виномъ. Затѣмъ вся толпа, притворяясь пьяными, на обратномъ пути повѣсничаютъ: проходя мимо домовъ, гдѣ есть холостые парни, опрокидываютъ костры дровъ, вытаскиваютъ дровни, сани и ими загораживаютъ дорогу, иногда вытаскиваютъ дровни на рѣку и опускаютъ ихъ оглобли въ прорубь, гдѣ онѣ и вмерзаютъ. Вернувшись въ домъ невѣсты, онѣ, схватившись за руки, начинаютъ кружиться, притопывать, причемъ поютъ

1802.

Бражка, ты, бражка моя!
Да и и ихъ и!
(послѣ каждаго стиха).
Дорога́ бражка посы́чена была,
На ручью-то бражка смоченая,
На полатяхъ разсоло́жена,
Да на эту бражку нѣту питуховъ,
Нѣтъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ у насъ!
Я послѣ мужа во честномъ пиру была,
Со боярами я стольничала,
Супротиву холостого сидѣла,
Супротиву на скамеечкѣ.
Ужъ я пьяна, я непьяная была,
Да я не помню, какъ домой сошла,
Я кокошникъ во рукахъ несла,
Подзатыльничекъ подъ поясомъ.

Затѣмъ танцы продолжаются подъ другія плясовыя пѣсни, пока дѣвушки не устанутъ и не разойдутся по домамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ невѣста оставляетъ у себя ночевать.

На другой день утромъ, позванивая колокольчиками, приходятъ дружки будить невѣсту. До ихъ прибытія дѣвушки стараются спрятать невѣсту какъ можно дальше, и сами прячутся подъ одѣяла, шубы, солому, кафтаны и пр., для того, чтобы дружки дольше не могли найти невѣсты. Часто они разбудятъ съ молитвою нѣсколькихъ дѣвушекъ, пока имъ не откроютъ невѣсты. Кто имъ укажетъ невѣсту, того дружки дарятъ калачами. Невѣсту будятъ слѣдующими словами: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій! Княгиня первобрачна (имя)! Встань, убудись, отъ крѣпкаго сна прохватись! Бѣлый свѣтъ *спорыдается*, заря размыкается, на улицѣ собаки лаютъ, ребята играютъ, по боярскимъ домамъ соловьи свищутъ, по крестьянскимъ домамъ пѣтухи поютъ, печи топятся!»

Невѣста открываетъ одѣяло и стиховодничаетъ:

1803.

Полно спать, пора вставать!
Разомкнитесь-ко мои очи ясныя,
Распечатай, Господь, сахарныя уста,

Воротись-ко, рѣчисть языкъ, во младой, во
буйной головушкѣ,
Бѣжи тонкой молодой незвученъ голосъ,
По родительскому дому, тепло витому гнѣздышку!
Ужъ послушайте, милыя подружки любовныя,
Не спрося, попускаю свой тонкой молодой голосъ
У ласкотниковъ желанныхъ родителей,
Добра со слова, съ докладу.
Благословите ласкотники желанны родители,
Попустить тонкой молодой незвученъ голосъ.
Что за чудо, за диво великое, —
Прежде этыя поры, прежде времени,
Убужала ласкотница, желанная матушка,
Какъ сегодни да по сегодешному по утру по
раннему,
Убужають чужи младые ясные соколы.
Вставайте, милыя подружки любовныя,
Отъ крѣпкаго сна забудущаго!
Ужъ послушайте, мои милыя подружки любовныя,
Что я спрошу, сиза косата голубушка:
У васъ мягкая ли была перина пуховая?
Круто ли было взголовье косещатое?
Тепло ли было одѣяло соболиное?
У меня-то какъ, у сизой голубушки,
Не мягкая была перина пуховая,
Въ три ряда было сѣрыхъ валючихъ камешковъ,
Одѣяломъ-то была бѣлая льдина холодная;
Малымъ-то мало спалось, во снѣ видѣлось,
Во снѣ-то мнѣ бѣдной привидѣлось,
На яву то мнѣ, бѣдной, показалося, —
Какъ подъ нашимъ-то свѣтлымъ окошкомъ
косящатымъ
Стоитъ тихое приглубое озеро.
Ужъ во этомъ, во тихомъ приглубомъ во озерѣ
Плаваютъ сѣрыя водоплавныя утушки.
У нихъ подобрано легкое крылье утиное;
Одна плаватъ сѣрая водоплавная утушка, —
У ней распущено легко крылье утиное.
Ужъ разсудите-тко, мои милыя подружки любов-
Мои крѣпкіе сны, забудущіе. [ныя,
Не разсудницы, милыя подружки любовныя,
Не тихое стоитъ приглубое озеро, —
Стоитъ родительско домъ—тепло витое гнѣздышко,
Тутъ не сѣрыя плаваютъ утушки,—
Сидятъ милыя подружки любовныя
По бѣлымъ по брусовымъ по лавочкамъ.
Ужъ зачесаны у нихъ младыя буйныя головы,
Я одна то сижу, сиза косата голубушка,
Распущены мои тонкіе вольные волосы.

Зоветъ мать чесать голову:

1804.

Гдѣ то ходитъ моя ласкотница, желанная
матушка?
Ужъ послушай-ко, ласкотница желанная матушка,
Наложу-то я службу работу не тяжелую:
Найди-ко хорошій частозубчатый гребешокъ,
Зачеши-тко мою младую буйную голову.
Ужъ не въ достой-то наряжать мнѣ
Ласкотницу желанную матушку,
Въ достой слушать самой, сизой косатой
голубушкѣ.
Заплети-тко мою русую косу красовитую,
Вплети хорошія семишелковыя ленточки.

Когда мать причешетъ голову:

1805.

Спасибо тѣ, ласкотница желанная матушка!
Творишь дѣлаешь послушанье, —
Зачесала мою буйную голову.
Ужъ на томъ тебѣ не спасибо,
Что не заплела мои русыя косы красовитыя,
Не вплела моихъ хорошихъ семишелковыхъ
ленточекъ.

Посылаетъ сестру на рѣку за водою:

Гдѣ то ходитъ моя милая сестрица родимая?
Ужъ послушай-ко, милая сестрица родимая,
Сходи на крутой то на красной на бережокъ
По свѣжу водичу ключевую:
Мнѣ-ка есть вѣра, радѣнье великое,
Обмыть горьки слезы горячія,
Намыть радости веселья великаго.
Ужъ послушай, милая сестрица родимая,
Что-то я скажу, сиза косата голубушка,
Когда придешь на крутой на красной бережекъ,
Первую струю пропусти внизъ по славной
Дунай рѣкѣ,
Другую струю пропусти внизъ по славной
Дунай рѣкѣ,
Изъ третьей то почерпни, милая сестрица родимая:
Первой струей умывается разлучница злодѣйка
неволя великая,
Другой струей чужи дальни несердечны —
богоданные родители.
Когда придешь ко частой ко ступенчатой лисвѣнки,
Поплесни же, моя милая сестрица родимая,
Пусть же выростетъ чаща роща непроходимая,
Чтобы нельзя было ни пройти, ни проѣхати
Разлучницѣ злодѣйкѣ великія.

Послѣ этого невѣста умывается, дѣвушки же между тѣмъ пекутъ блины, которыми кормятъ дружекъ. Иногда въ шутку онѣ стаскиваютъ у

дружки сапоги, нальютъ въ нихъ воды, или набьютъ снѣгу и спрячутъ, и дружкѣ приходится выкупать у нихъ калачами свои сапоги. Затѣмъ невѣста пришиваетъ дружкамъ на плеча по лентѣ, большому дружку—на правое, а малому—на лѣвое, даетъ имъ по бѣлой опояскѣ и начинаетъ причитать:

1306.

Послушайте, ласкотники желанные родители,
Что то я скажу, сиза косата голубушка:—
Не жалѣли поить кормить меня, сизу косату
голубушку,
Крутить рядить младую буйную голову,
Не жалѣйте вы сальнія свѣчи воску яраго.

Зажигаютъ свѣчу у иконъ.

Помолиться было Богу Спасу, Пресвятой
Богородицѣ,
За царя Восударя великаго,
За матушку царицу Восударыню:
Имъ дай, Господи, здравья здоровья,
Долгаго вѣку протяжнаго,
Жить послѣ меня, сизой косатой голубушки,
Со маленькими сердечными дѣточками,
Со всей силой арміей.
Теперь помолиться кручинной касатой голубушкѣ
За ласкотника, желаннаго родителя батюшку:
Ему дай, Господи, здравья здоровья, долгаго
вѣку протяжнаго.

Подобнымъ же образомъ молится за мать, братьевъ, сестеръ и проч. и, наконецъ, за себя:

1307.

Послушайте, мои милыя подружки любовныя,
Попридайте ума много разума,
Мнѣ чего молить, сизой косатой голубушкѣ?
За себя-то, за сизу косату голубушку.
Молить скорыя то грозныя смереточки
Во родительскомъ во тепломъ витомъ гнѣздышкѣ,
На родительской на бѣлой на брусовой лавочкѣ?—
Ужъ ты глупая моя младая буйная го̀лова,
Ужъ сама то я знаю, сиза косата голубушка,
Что не придетъ мнѣ во родительскомъ дому,
Во тепломъ витомъ гнѣздышкѣ
Скорая то грозная смереточка.
Помолить было мнѣ, сизой косатой голубушкѣ,
Здравья, здоровья великаго
Жить во злодѣйкѣ-то неволи великія.

Даетъ отцу «добровъ».

1308.

Теперь отворотиться мнѣ, сизой косатой
голубушкѣ,
На родительско домъ-тепло витое гнѣздышко,
Гдѣ то ходитъ мое красное солнце угрѣвное,
Мнѣ-ка есть-то вѣра радѣнье —
Побити целомъ да поклапяться.

Здѣсь повторяются тѣ-же стихи, что на рукобитьѣ. Невѣста собирается затѣмъ въ баню, приготовленную подругами. При этомъ она прежде приглашаетъ въ баню отца:

1309.

Добро жаловать, ласкотникъ, желанный родитель
батюшка,
Въ парную мыльную баенку,
Впереди то меня, сизой косатой голубушки.

Точно также обращается она къ матери, своимъ роднымъ и сосѣдямъ, затѣмъ отправляется въ баню. По выходѣ изъ бани, подруги покрываютъ невѣсту платкомъ и поютъ:

Спасибо тебѣ, парная мыльная баенка,
На храненьи да на береженьи,
Что хранила меня, сизу косату голубушку!
Ужъ чего то мнѣ молить, сизой косатой
голубушкѣ,
Что-ль тебѣ, моя парная мыльная баенка?
Ужъ раскатить тебя, парная мыльная баенка
Съ верхняго бревешка до нижняго!
Глупа моя младая буйна головушка, —
Раскатаю я парную мыльную баенку?
Пускай стоитъ парная мыльная баенка,
Пусть моются ласкотники, желанны родители,
Послѣ меня-то, сизой косатой голубушки.

Затѣмъ проситъ у отца лошадей ѣхать гулять.

1310.

Послушай же, мое красное солнце угрѣвное,
Не жалѣй-ка хорошаго, рѣзваго, наступчиваго
конечка,
Пожалѣй-ко меня, сизу косату голубушку,
Мнѣ-ка есть вѣра радѣнье погулять, покрасоваться
По Дунай рѣчкѣ быстрыя,
Покрасоваться во честномъ, во похвальномъ
дѣвочесьвѣ,

Во ангельскомъ чину, во архангельскомъ,
Проститься мнѣ со славной, со гладкой со
горочкой,
Со хорошей, новошатровой колоколенкой.

Запрягають пару коней въ сани, въ которые садится невѣста съ нѣкоторыми изъ подругъ, остальныя же садятся въ другіе сани, запряженные одной лошадью. Гуляютъ до половины дня, объѣзжая близкихъ родственниковъ, у которыхъ невѣста прежде гостила. Всѣмъ имъ она «даетъ добровъ» и стиховодничаетъ, причемъ выражаетъ благодарность тому, кто былъ до нее добръ, и пеняетъ при всѣхъ тому, кто былъ не добръ. Если не хватаетъ времени, чтобъ заѣзжать ко всѣмъ родственникамъ, то невѣста, проѣзжая мимо дома, останавливается и «даетъ добровъ» на улицѣ.

Когда она проѣзжаетъ мимо дома жениха, то дружки выносятъ водки и подчуютъ невѣсту и ея подругъ. По возвращеніи невѣсты домой, къ ней съѣзжаются отъ жениха гости «обѣтныя»: крестная мать жениха, его сестры и тетки. Встрѣтивъ ихъ на улицѣ, невѣста вводитъ ихъ въ домъ, садитъ за столъ и причитаетъ:

1311.

Сказали да [illegible]
Что [illegible] да [illegible] гостей милыя
гости не [illegible]
Во родительско [illegible]
Гдѣ то [illegible] ласкотинька желанная матушка!
Ужъ послушай-ко моя ласкотинька желанная
родитель матушка.
Разставляй столы [illegible].
Разстилай скатерти [illegible].
[illegible] честнымъ-то гостей не [illegible].

[illegible] обѣтныхъ [illegible] невѣсту [illegible] за платье и пояса. [illegible] въ платье, [illegible] въ руки [illegible] и [illegible]

1312.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Поблагодаривъ отца и братьевъ за то, что ее хорошо обряжали, невѣста подъ образомъ, украшеннымъ шитыми по концамъ полотенцемъ, садится за «байникъ» т. е. за набранный столъ, накрытый скатертью и призываетъ родныхъ стихами:

1313.

Добро пожаловать, ласкотинька, желанный мой
батюшка (имя),
Ко бѣлу да ко [illegible] байничку.

Подходитъ отецъ и, помолившись Богу, даритъ невѣстѣ ситцу на сарафанъ или на рукава, затѣмъ мать и такъ далѣе, по очереди, всѣ тѣ, кто [illegible]. Получивъ подарокъ, невѣста обнимаетъ каждаго нѣсколько разъ и кланяется.

1314.

Спасибо, ласкотинька, желанный родитель
батюшка,
Что [illegible],
Хорошимъ [illegible].

Между тѣмъ [illegible] приходитъ въ домъ невѣсты женихъ, [illegible] у родителей [illegible] [illegible] за [illegible] [illegible] Іисусе Христе, Сыне Божій! [illegible] Михаилу [illegible] и матушкѣ моей, [illegible] Если женихъ, проѣзжая по [illegible] то также при[illegible] [illegible]

[illegible] женихъ невѣстѣ [illegible] Въ домѣ невѣста [illegible] у [illegible] въ [illegible] время [illegible] за руки [illegible] и [illegible] ее въ упр-

ницу или подполье, гдѣ и снаряжаютъ ее къ вѣнцу. Когда женихъ въ это время съ поѣзжанами сидитъ за столомъ противъ невѣстина образа, въ избу собирается народъ смотрѣть на жениха, наполняетъ избу, взбирается на *воронцы*, полати, на печь. Эта часть свадебнаго обряда называется «смотрѣньемъ». Дѣвушки при этомъ поютъ свадебныя пѣсни.

Свату:

1815.

Да тебѣ, свату большому,
Да измѣнщику дѣвочьему,

(Каждый стихъ повторяется).

Да Акиму Степановичу,
На ступень ступить—нога сломить,
На другой ступить—друга сломить,
На третій—голова свернуть.
Того мало свату большому
Да измѣнщику дѣвочьему.
На печи спать подъ шубою,
Подъ тремя полушубками,
Подъ четырьмя тулупами,
Да трясло бы тя повытрясло,
Да сквозь печь провалитися,
Во мясныхъ щахъ обваритися.
Того мало свату большому,
Да измѣнщику дѣвочьему, —
Съ хоромъ бы тя о борону,
Да съ горы бы тя о каменье,
Безъ попа безъ покаянья,
Безъ духовнаго батюшка!
Не ходилъ бы, не сватался,
Стариковъ не обманывалъ,
Да старухъ не подговаривалъ,
Не хвалилъ, не нахваливалъ
Чужи дальнія стороны,
Да Подгорскія слободы. [1])
Она горемъ насѣяна,
Да слезами наполивана.

По окончаніи этой пѣсни съ двумя своими сватьями является передъ столы невѣста въ лучшемъ нарядѣ и покрытая платкомъ. Поклонившись три раза поѣзжанамъ, она подноситъ имъ по рюмкѣ вина. Поѣзжанинъ, выпивъ рюмку, кладетъ въ чарку какую-нибудь монету, когда же очередь дойдетъ до жениха, то онъ въ отвѣтъ подноситъ невѣстѣ красной водки, затѣмъ подаетъ ей на подносѣ покрывало, мыло, въ которое ребромъ вставлены гроши, гребень, зеркало и большой пряникъ. Пѣсни въ это время умолкаютъ, а большой дружка, вставъ съ мѣста, говоритъ, обращаясь къ невѣстѣ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Княгиня первобрачна, Марья Михайловна! У столовъ была, молодого князя видѣла, подарочки приняла: мыльце, гребешекъ, зеркальце, пряничекъ. Мыльцемъ умойся, гребешкомъ зачешись, въ зеркальце посмотрись, пряничкомъ закуси. У нашего князя, Семена Петровича, горка низенька, водка близенько, ходи хорошенько, сажу-грезь [2]) подъ матицу вѣсь, худые порядки оставляй дома у матки, а хорошіе съ собой забирай». Малый дружка даритъ дѣвушекъ за пѣсни калачами, а женихъ даетъ собравшимся въ избу мужикамъ денегъ на водку. Посторонній народъ уходитъ. Невѣсту, закрывъ платкомъ, садятъ за столъ къ жениху и отецъ ея благословляетъ ихъ обоихъ три раза иконою, которая была на стѣнѣ и передаетъ ее тысяцкому, послѣ чего, вставши съ лавокъ, всѣ молятся Богу и отправляются въ церковь къ вѣнцу. Женихъ ведетъ невѣсту за платокъ, «рожники» (братья) подъ руки, впереди идутъ дружки, звеня колокольчиками, поѣзжане поютъ пѣсни. Во время вѣнчанія на паперти раздаютъ народу свадебные пироги. Послѣ вѣнца молодую одѣваютъ въ повойникъ и она съ женихомъ, благословившись у священника, отправляются въ домъ жениха.

Здѣсь въ сѣняхъ они останавливаются, ихъ встрѣчаетъ свекоръ съ хлѣбомъ солью. Для этого въ рѣшето онъ насыпаетъ жита, на которое кладетъ хлѣбъ и соль. Рѣшетомъ этимъ свекоръ три раза обводитъ около наклоненныхъ головъ молодыхъ, затѣмъ передаетъ его свекрови, которая, сдѣлавъ то же самое, отдаетъ рѣшето жениху, а этотъ послѣдній невѣстѣ, которая его вноситъ въ домъ и ставитъ на столъ. Въ избѣ, помолившись Богу, молодые съ тысяцкимъ садятся за столы, свекоръ снимаетъ съ молодой платокъ, и всѣ съ нею здороваются со словами: «Здорово ли подъ вѣнцомъ стояли?» Дружки подносятъ поѣзжанамъ по рюмкѣ вина, послѣ чего они и расходятся по домамъ.

Послѣ ужина молодые идутъ въ клѣть спать. Невѣста должна растегнуть у жениха кафтанъ и снять сапоги, въ которые положено нѣсколько серебряныхъ монетъ. Женихъ мѣшаетъ ей снимать сапоги, такъ какъ, всякій разъ какъ невѣста не можетъ ихъ снять, она должна цѣ-

[1]) Названіе деревни.

[2]) грязь.

ловать жениха. Затѣмъ женихъ ложится на кровать лицемъ къ стѣнѣ и не поворачивается до тѣхъ поръ, пока невѣста не поклонится и не скажетъ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Яковъ Ивановичъ, пусти почевать!»

На другой день на обѣдъ жениховy родню сзываютъ дружки, а невѣстину *рожники* слѣдующими словами: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Осипъ Ивановичъ, загости, пожалуй, къ Василью Петровичу (отцу жениха) и Аннѣ Егоровнѣ (матери) хлѣба соли кушать, къ Степану Васильевичу молодой смотрѣть». Когда за обѣдомъ дружки обносятъ гостей водкой, всякій разъ какъ кто-нибудь пьетъ, молодая должна кланяться ему въ поясъ. Послѣ этого она раздаетъ дары, выговоренные при сватовствѣ и затѣмъ всѣмъ подноситъ по чаркѣ вина, причемъ каждый выпивъ рюмку, кладетъ въ нее деньги. Послѣ этой церемоніи подаютъ кушанья. При каждомъ изъ нихъ дружки и женихъ обращаются къ гостямъ по очереди со слѣдующими словами: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Иванъ Аѳанасьевичъ, поѣшь покушай, гостей почествуй!» Черезъ нѣсколько дней бываютъ у родителей невѣсты блины, на которые сзываетъ, свою родню самъ женихъ. Послѣ блиновъ подруги, бывшія у невѣсты на свадьбѣ, приносятъ ей приданое. Этимъ и заканчивается свадьба.

Зап. волостной писарь Вачевскаго Волостного Правленія Василій Басвъ. Сообщ. С. В. Максимовымъ въ 1868 г.

Свадебные обряды г. Пинеги.

О порѣ вступленія въ законный бракъ здѣшніе парни зауряд рѣшаютъ сами и только иногда этотъ вопросъ рѣшаютъ ихъ родители; не справляясь съ волей своихъ сынковъ. Это бываетъ большею частію тогда, когда для дому нужна бываетъ работница. Въ такомъ случаѣ родители предлагаютъ сыну выбирать невѣсту, нерѣдко однако-жъ и сами назначаютъ ее. Когда парень женится по своему произволу, тогда онъ падаетъ отцу и матери въ ноги и проситъ благословенія жениться. Нѣкоторые парни выборъ невѣсты сами отдаютъ на волю родителей, а другіе сами назначаютъ себѣ невѣсту. Случается и такъ, что родители перебирая дѣвицъ, дойдутъ до той именно, которую женихъ желалъ бы имѣть. Тогда онъ опять падаетъ въ ноги родителямъ, говоря: «Вотъ та, батюшка и матушка, моя невѣста». Если родители согласны имѣть ту дѣвицу женою сына, то говорятъ: «Богъ благословитъ, женись!» а если не согласны, то препятствуютъ, а иногда и вовсе не позволяютъ, что однако рѣдко случается.

Когда родители согласятся въ выборѣ невѣсты съ сыномъ, тогда посылаютъ свата, а большею частью сватью, которые выбираются непремѣнно изъ родственниковъ; а всего чаще ходитъ сама мать жениха. Избранная сватья идетъ въ домъ невѣсты въ простомъ нарядѣ. Прежде, нежели зайдетъ въ домъ, обходитъ его кругомъ, а зайдя въ избу или покой, становится подъ матицу. Это дѣлается для того, чтобы невѣсту непремѣнно отдали, замѣчая, будто бы отъ этихъ *запукъ*, не въ силахъ отказать и еще замѣчаютъ: если сватья увидитъ невѣсту босикомъ, то уже безъ сомнѣнія будетъ *ихна* какъ они выражаются. Выполнивъ эти глупости, сватья обращается къ отцу, говоря: (называетъ его по имени и отечеству) «выйдемъ-ко на пару словъ», и уходятъ, большею частью, въ сѣни, а у весьма рѣдкихъ, въ другой покой и тамъ сватья продолжаетъ: «у тебя есть невѣста, а у меня женихъ, —не согласенъ ли отдать? меня такой то послалъ», называя жениха по имени и отечеству. Если отецъ невѣсты совершенно не хочетъ отдать за того жениха, то прямо отказываетъ, не спрашивая и у невѣсты, и хотя бы она желала за него выйти. Если же намѣренъ отдать или самъ не знаетъ, на что рѣшиться,—въ такомъ случаѣ проситъ времени, опредѣляя срокъ, подумать и посовѣтоваться съ родственниками.

Въ назначенный срокъ сватья опять является въ домъ невѣсты и говоритъ, обращаясь къ родителямъ: «О чемъ было дѣло за тѣмъ и пришла, что скажете?» Если родители согласны отдать, то говорятъ: «согласны!» и только для обряду ходятъ спрашивать согласія невѣсты и хотя бы она вовсе не желала идти замужъ за названнаго сватьей жениха, но родители хотятъ, тогда ея несогласіе не имѣетъ никакого значенія; а родители со сватьею, засвѣтивъ передъ образомъ свѣчи, молятся Богу, и дарятъ сватью платкомъ и посылаютъ таковой же жениху, только въ лучшемъ качествѣ, а сватья, имѣя въ запасѣ отъ жениха кольцо для невѣсты, отдаетъ его отцу ея. До богомоленія родители и сватья условливаются о приданомъ и о всемъ ходѣ свадьбы; а послѣ взаимныхъ подарковъ угощаютъ сватью. Это извѣстно у крестьянъ подъ названіемъ *сговора*. У нѣкоторыхъ послѣ того, какъ помолятся Богу, приглашаютъ жениха и выводятъ невѣсту въ лучшемъ нарядѣ, тогда это уже называется *смотрѣньемъ*, которое состоитъ только въ томъ, что посидятъ нѣсколько времени и напившись чаю расходятся. Благословенія не бываетъ.

Съ этого времени невѣста не выходитъ изъ

дому до самого вѣнца и кромѣ рукобитья и *посидки* не показывается никому изъ постороннихъ. И если бы кто-нибудь въ это время зашелъ въ ея домъ и засталъ бы ее врасплохъ, то она непремѣнно убѣжитъ и спрячется за печку, если ей некуда болѣе укрыться. Это въ настоящее время уже выходитъ по немногу изъ употребленія.

День свадьбы бываетъ тогда, когда съ обѣихъ сторонъ успѣютъ къ нему приготовиться; а въ этотъ промежутокъ времени дѣвицы ходятъ къ невѣстѣ шить. Въ городѣ ходитъ и женихъ съ кѣмъ нибудь; а въ деревнѣ этого нѣтъ.

Посѣдка.

За два дня до совершенія брака бываетъ такъ называемая *посидка*, о которой заранѣе всѣмъ объявляютъ, дабы всѣмъ это было извѣстно, ибо у нѣкоторыхъ, хотя очень немногихъ, посѣдки не бываетъ. На эту посѣдку всѣ дѣвки и женщины приходятъ незваныя, ибо званыхъ очень мало: близкія сосѣдки и родственницы. Дѣвицы называются *подголашницами*, коихъ дѣло состоитъ въ томъ, чтобы стоять вмѣстѣ съ невѣстой и припѣвать плачъ, которой поетъ невѣста. Для этого выбирается знающая всѣ роды плачей женщина, называемая *передовщицею*. Самая посѣдка состоитъ въ томъ, что невѣста въ средственномъ нарядѣ, плачетъ стоя середи полу, окруженная подголашницами, размахивая и схлапывая руками съ громкимъ крикомъ. Прежде начинаютъ заплакивать передъ образомъ и тогда невѣста подъ плачъ молится Богу кланяясь передъ образомъ въ землю:

1816.

Стану я дочь побѣдная
Передъ чудныхъ святыхъ образовъ,
Передъ Владыку, Царя Небеснаго:
Благослови меня Христосъ Истиный
И Пречистая Мать Божья, Богородица,
Всѣ угодники великіи!
Меня сохраните и помилуйте
На первой ступени!
Благослови меня, Христосъ Истиный,
Бѣлой лебедью воскликати,
Красной дѣвицей восплакати.

Послѣ этого плача плачутъ отцу, матери и всѣмъ своимъ братьямъ и сестрицамъ такъ:

1317.

Схожо красно мое солнышко,
Родитель мой батюшко,
Свѣтъ Григорій Семеновичъ!
Ты желанна моя бо́лѣзна,
Въ день денная моя плакальщица,
Въ ночь ночная богомольщица!
Вы о чемъ на меня воскручинились,
На меня, молодешеньку,
На мою буйну голову,
На мою дѣвью кра́соту?
Вы спросились ли да доложились ли
У крестнаго батюшка,
Да у крестовой матушки?
Да вы собща ли вмѣстѣ за едино ли
Всѣ вздумали просватать меня красну дѣвицу,
Запоручить мою буйну голову?

Братьямъ:

1818.

Млады ясные соколы,
Однокровны, единоутробны,
Вы родимы брателки!
Мы жили да красовались,
Вы добры да добродѣтельны.
Сряжали да снаряжали,
Цвѣтно платье заводили.
Вы куда меня сряжаете,
Во котору путь-дороженьку?

Сестрамъ:

1819.

Сестрицы родимыя,
Единокровны, единоутробны!
Вы куда меня сряжаете,
Во котору во дороженьку?

По окончаніи плача съ родными всѣ обѣдаютъ (посторонніе въ это время не бываютъ). Хотя очень незадолго передъ тѣмъ ѣли, а послѣ

пего и начинается собственно посѣдка. Невѣста переодѣвается въ хорошее, а не въ самое лучшее платье, и, зайдя въ горницу, начинаютъ плакать:

1820.

Я зайду ли, да заступлю ли
Во свѣтлу свою свѣтлицу,
Во столову нову горницу,
Къ схожему красному солнышку,
Ко родимому батюшку,
Ко желанной своей болѣзной родимой матушки,
Къ однокровнымъ единоутробнымъ своимъ
братцамъ,
Къ единоутробнымъ своимъ сестрицамъ?
Не позазрите, мои бѣлы лебеди,
Что не стрѣтила я васъ, бѣлыхъ лебедей,
Середи пути дороженьки,
Не на крутомъ, красномъ крылечикѣ,
Не на сѣняхъ, сѣняхъ новыхъ.
Ужъ я встрѣчу васъ, лебеди бѣлыя,
Середи полу дубоваго,
Середь свѣтлой своей свѣтлицы.
И не осудите и не подивите:
Меня не спѣсь-гордость одолила,
Не богатство великое,
И не дородность моя непомѣрная,
А изняла меня, да издолила
Подневольная тоска-кручина.
Пріотхлынь, тоска кручина
Отъ зазнобнаго да ретива сердца!
Пріотлейте, да горьки слезы,
Дайте тоски да воздохнути!

Потомъ плачетъ съ дѣвицами, начиная съ той, которая сидитъ въ большомъ углу:

1821.

Да ужъ ты здравствуешь, лебедь бѣлая
Люба мила подруженька,
Свѣтъ Анна Ивановна!
Мы ходили съ тобой, красовались,
Сообща вмѣстѣ за едино
О каткихъ, гладкихъ катищахъ
И о рождественскихъ игрищахъ,
И о звонкіихъ колокольняхъ.[1]
Теперь скажу тебѣ, лебедь бѣлая,
Все прошло мое и прокатилось,
Пора-времячко да миновалось,
За единый часъ показалось,
За единый часъ, за минуточку.

[1]) Ходили на Святой звонить на колокольни.

Сколько есть дѣвушекъ со всякой должно плакать это же самое.

Женщинамъ:

1822.

Ужъ ты здравствуй, государыня,
Многоумна, крѣпко разумна,
Много вѣжлива, крѣпко отчеслива!
Не слыхала я, многокручинная,
Груба, бранна отъ тебя слова.
Столько отъ тебя слыхала,
Что ты мной хвалишься, да похваляешься.
Челомъ бью, благодарствуй,
Что пришла ко мнѣ, не погордила,
Въ домъ къ роднымъ моимъ родителямъ.
И впередъ гости да жалуй
На крѣпко мое рукобитье,
На плотно мое зарученье.

Сосѣдкамъ:

1823.

Сосѣдушка приближенная,
Приближенная да подлѣдворная,
Не слыхала я, многокручинная,
Груба, бранна отъ тебя слова

и пр. то же, что женщинамъ.

Мущинамъ:

1824.

Ужъ ты младой ясенъ соколъ,
Въ нашемъ домѣ не бывалъ,
Хлѣба-соли не ѣдалъ.
Ты впередъ гости да жалуй,
На крѣпко мое рукобитье,
На плотно мое зарученье,
На хорошъ, красенъ
На дѣвичь вечеръ.

Во время плача невѣста должна обнимать ту, съ которою плачетъ, а старшимъ родственникамъ падаетъ сперва въ ноги, а потомъ, вставши, обнимаетъ. Такимъ образомъ она должна переплакать со всѣми, переходя отъ одной къ другой. Хотя плачи и не великй, но они поются очень протяжно, а потому и долго. Чѣмъ ближе къ невѣстѣ дѣвица или женщина по родству или дружбѣ, тѣмъ долѣе съ тою она плачетъ. Какъ бы ни нравился ей женихъ и какъ бы ни пріятно было по ея соображенію жить въ семействѣ будущаго мужа, она всетаки должна сильно плакать и съ великимъ крикомъ причитать, что весьма поразительно и непріятно для слуха. Идя замужъ по собственному желанію и съ большею охотою трудно имѣть такое множество слезъ, какое требуется; въ такомъ случаѣ стараются искуственно возбудить ихъ, чтобы не подвергнуть себя пересудамъ, оговорамъ и насмѣшкамъ, всегда свойственнымъ въ особенности старымъ бабамъ, кои для того собственно на посѣдки и ходятъ, чтобы было о чемъ послѣ поговорить или лучше сказать посплетничать. Во время плача на посѣдкѣ, женихъ посылаетъ невѣстѣ дары съ сестрою его, а если нѣтъ ся, то съ какою либо родственницею, которая подноситъ ихъ сама невѣстѣ, а эта послѣдняя кланяется и не беретъ ихъ, причитая:

1325.

Не подходите, не приносите и не дарите
Дорогими меня гостинцами!
Я не жадна и не ужадна.
У честныхъ своихъ родителей
Всячиной была довольна.
Вы, лебеди мои бѣлыя!
Я не знаю васъ назвать
Ни имени, ни вотчины.
Хоша знаю, да языкъ мой не воротится.
Дорогіе мои гости въ нашемъ домѣ не бывали,
Пива съ хмѣлемъ не пивали,
Хлѣба съ солью не ѣдали.
Вы скажите, лебеди бѣлыя,
Князю да первобрачному
Заочное да челобитье,
Чтобъ онъ жилъ да не надѣялся,
Искалъ бы новую да молодую,
Меня получше и покраше,
Цвѣтнымъ платьемъ побогаче.

Между тѣмъ принявъ дары, передаетъ ихъ своей матери, которая къ тому времени приходитъ тутъ. По окончаніи плача посланную отъ жениха уводятъ въ другую комнату и тамъ угощаютъ, а невѣста продолжаетъ плакать съ остальными. Отплакавши со всѣми, одѣваютъ ее въ самое лучшее платье въ штофные полушубокъ и юбку, а если есть и въ парчевые, и повязку, а па шею жемчугъ у кого какой есть: дутой или настоящій, послѣдній очень у немногихъ, а если вовсе нѣтъ, то какія либо перла, и плачутъ такъ называемый плачъ «жемчугъ»:

1326.

Какъ заслышали уши чудную,
Умильную да складну пѣсню —
Поютъ подружечки задушевны,
И сосѣдушки приближенны.
И припѣваютъ ко мнѣ многокручинной
Чужого да чуженина,
Незнаемаго человѣка.
Стану я многокручинная
Середи полу дубоваго,
Во двери широкія,
Призову свою желанную.
Ты желанна, моя болѣзна,
Въ день денная печальщица,
Въ ночь ночная богомольщица!
Посмотри-ко ты, погляди
На меня многокручинную:
Меня краситъ ли, *хорошитъ* ли
Меня природная дѣвья крáсота
И дорого мое цвѣтно платьице?
Хоть не скажешь, моя желанная,
Сама знаю вѣдаю,
Не краситъ и не хóрошитъ
Дорога моя дѣвья крáсота,
Потемнѣла, да почернѣла
Чернѣ чернаго потолка,[1])
Чернѣ ворона да поднебеснаго.

На этихъ посѣдкахъ бываетъ очень много народу и все женскаго пола, чужіе мужчины изъ ихъ среды вовсе не бываютъ, а приходятъ нѣкоторые изъ родственниковъ невѣсты, весьма не многіе холостые парни изъ любопытства и то очень мало. Напротивъ того женщины, оставляя всѣ, даже нужныя работы и занятія, идутъ на посѣдку. Дѣвки также. По этому сколько бѣдной

---

[1]) Въ Архангельской губерніи въ деревняхъ еще много черныхъ избъ, въ которыхъ потолокъ закопченъ дымомъ.

невѣстѣ стоитъ труда переплакать съ каждою порознь, отъ чего и посѣдка продолжается болѣе полъ-дня. Мнѣ кажется надобно имѣть особенное здоровье, чтобы вынести весь этотъ тягчайшій церемоніалъ.

Нужно родиться для этого. Я былъ свидѣтелемъ этой мучительной сцены и, признаюсь, пробывъ не болѣе 1/2 часа, не могъ болѣе оставаться отъ спертаго воздуха, по причинѣ множества народа, крика невѣсты и я, пожалѣвъ несчастную страдалицу, ушелъ, пожелавъ ей отъ души силы и крѣпости перенести этотъ обременительнѣйшій обрядъ благополучно: на лицѣ ея видно было сильное изнуреніе; слезъ уже не доставало оплакивать еще многихъ зѣвакъ; голосу не было для припѣванія плача и онъ обращался въ какой то странный и даже страшный вой для непривычнаго его слушать. Она этимъ воемъ и всхлапываніемъ рукъ заглушала всѣхъ подголашницъ, жалобно и умильно поющихъ плачъ. Во время плача жемчугу она должна ходить по комнатѣ, «расшибаться»[1]) и кланяться во всѣ стороны; подголашницы же въ это время стоятъ на одномъ мѣстѣ и поютъ, а мать ея при этомъ плачѣ должна быть непремѣнно. Имъ и оканчивается посѣдка и всѣ расходятся по своимъ домамъ, а остаются однѣ подголашницы и родныя.

Съ этого дня и до самаго вѣнца невѣста уже не перейдетъ ни одного порога, не перекрестившись. Въ день посѣдка вечеромъ всѣ гости ѣздятъ по городу или по деревнѣ и поютъ пѣсни.

На другой день посѣдка невѣста ѣздитъ ко всѣмъ своимъ роднымъ плакать въ сопровожденіи подголашницъ на двухъ или на трехъ саняхъ зимою, а лѣтомъ ходятъ пѣшкомъ, особенно къ кому не такъ далеко, и обыкновенно, начинаютъ съ близкихъ родственниковъ; а если нѣтъ отца или матери, то прежде всѣ ѣздятъ на могилу, гдѣ и плачутъ:

1327.

Я зайду многокручинная
Въ божью церковь соборную[2]),
Помолюсь я угоднику,
Николы Святителю.
И пойду я на колоколенку,
И ударю трижды въ колоколъ,
И побужу своего родителя!
«Разступися, мать сыра земля,
Расколися, ты гробова доска,
Раздерися полотно бѣлое!
Вы раствортесь, очи ясныя!
Разомкнитесь уста сахарныя,
Раскатитесь вы, руки бѣлыя.
Меня нарядить, младу, есть кому,
А благословить меня некому,
Нонь при нынѣшнемъ времени.»
Благословляетъ молодешеньку,
Благословленой мой батюшко,
Родимой мой брателко (или кто другой)

Съ могилы—къ родственникамъ и въ каждомъ домѣ опять плачетъ со всѣми съ мала до велика, также какъ и на посѣдкѣ, не смотря на то, что уже плакала на ней со многими изъ нихъ.

Въ этотъ день всѣ родственники приготовляютъ угощеніе, зная, что невѣста пріѣдетъ плакать; а эта послѣдняя должна въ каждомъ домѣ обѣдать или по крайней мѣрѣ сидѣть за столомъ пока не переносятъ всѣхъ кушаній. По выходѣ изъ-за стола опять плачутъ, благодаря за хлѣбъ за соль:

1328.

Слава Господу Богу,
Пресвятой Богородицѣ!
Отпила млада, откушала
Послѣдошно, остапёшно
У честныхъ своихъ родителей.
Вамъ челомъ бью, да благодарствуй
За хлѣбъ за соль великіи,
На частыхъ большихъ перемѣнахъ.
Вы гостите, мои родители,
На крѣпко мое заученье,
На плотно мое рукобитье
Со всѣмъ домомъ да благодатнымъ.

У нѣкоторыхъ подаютъ и чай большею частію до обѣда, а прощаясь, невѣста кланяется во всѣ углы и стороны. Дорогою же отъ одного дома до другаго всѣ ея спутницы поютъ свадебныя пѣсни, а невѣста не поетъ и не плачетъ, а сидитъ покрыта большимъ платкомъ. А потому никто изъ ходящихъ па улицѣ не можетъ ее видѣть въ лицо. Всѣ взрослыя дарятъ невѣсту по своимъ средствамъ. Если же родственники живутъ далеко, напримѣръ, верстъ за пять, то къ нимъ не ѣздятъ.

[1]) Расшибаться значитъ всхлапывать руками и кланяться.

[2]) Нижняя церковь въ соборѣ во имя Николая Чудотворца.

Рукобитье[1]).

На другой день послѣ этой ѣзды или на третій день посѣдки бываетъ рукобитье. Въ этотъ день еще рано утромъ приготовляютъ баню. Отправляясь, въ нее, плачутъ:

1329.

Вы родны мои родители, благословите
Въ умыльную да парну баню —
Помыться и попариться
Въ послѣдошно, остапошно
Дѣвицей-душой красной!

И возвратясь также плачутъ:

1330.

Челомъ бью, да благодарствуй,
Честны мои родители,
На умыльной да парной банѣ, —
Умылась и упарилась.

Баню приготовляютъ двѣ дѣвицы изъ числа подругъ невѣсты и ни на минуту не оставляютъ ее не замкнутою, тщательно сберегая у себя ключъ отъ нея. Это дѣлается въ предосторожность отъ злонамѣренныхъ людей, чтобы они не сдѣлали какого либо зла силою вѣдѣнія или колдовствомъ, за что невѣста по выходѣ изъ бани благодаритъ дѣвицъ приготовившихъ ее:

1331.

Ужъ вы, бѣлы мои лебеди,
Челомъ бью, да благодарствую, —
Вы истопили мнѣ
Умыльную да парну баню!

Въ баню ходитъ вмѣстѣ съ подголосницами. Передовщица замѣчаетъ вѣникъ невѣсты, кладя на него примѣтку, и та изъ дѣвицъ, которая возметъ его, будетъ первая выдана замужъ.

[1]) У насъ: большое смотрѣнье.

Отобѣдавши послѣ бани, невѣста плачетъ за убрáнымъ столомъ, если нѣтъ у ней отца или матери, а также и воспреемниковъ:

1332.

Ужъ я стану среди полу дубоваго,
Среди стола убрáнаго
Погляжу я кругомъ свѣтлу свою свѣтлицу,
Кругомъ нову свою горницу,
Не ходитъ ли, не подчуетъ ли,
Не собираетъ ли срядныхъ дубовыхъ столовъ.
Не могла я усмотрѣть,
Не могла я углядѣть
Схожа красна своего солнышка,
Родителя батюшка.
Онъ не ходитъ, не подчуетъ
Собраныхъ дорогихъ гостей
И не собираетъ у бранныхъ дубовыхъ столовъ.

Обращаясь къ брату:

1333.

Единокровный, единоутробный
Ты родимой мой брателко,
Младъ ясенъ соколъ!
Выйди-ко на улицу на широкую,
На дороженку на проѣзжую,
Да послушай, младъ ясенъ соколъ,
Нѣтъ ли посвистовъ да молодецкихъ,
Нѣтъ ли нѣтопу да лошадинаго,
Не идетъ ли ко мнѣ
Родимой мой батюшко
На крѣпко мое рукобитье,
На плотно мое зарученье.
Охъ-те-мнѣ-чинько, тошнехонько,
Мнѣ ждать да дожидатися
Родимаго моего батюшка
Со родительскимъ благословеніемъ.
Со того то свѣту бѣлаго
Нѣтъ ни выходца, ни выѣзда,
Ни письма нѣту, ни грамотки,
Ни словеснаго челобитьица.

Послѣ этого плача уходитъ въ другую комнату, а если у кого нѣтъ ея, то въ *солнышъ* или заборку, а у многихъ вмѣсто заборки занавѣсъ отдѣляетъ часть избы у печки, причитая: «понесите ноги рѣзвы изъ за срядныхъ да дубовыхъ

столовъ», а тамъ плачетъ съ тѣми родственниками, у которыхъ она не была по отдаленію. Случается такъ, что женихъ пріѣдетъ, а она еще плачетъ. Къ пріѣзду ихъ стараются, чтобы ворота были заперты.[1]) Пріѣхавши, сватъ стучится, хотя бы ворота и не были заперты. Тогда дѣвки запоютъ: «Колотится сватъ у воротъ и проч.», а отецъ невѣсты отворивъ ворота, приводитъ поѣзжанъ въ тотъ покой, гдѣ убраны столы и сидятъ въ лучшихъ своихъ нарядахъ, дѣвки, которыя тотчасъ по приходѣ ихъ, уходятъ и составляютъ вечёреньку, а женщины съ ними и невѣста выходятъ на повѣть смотрѣть жениховъ, ибо не рѣдко невѣста въ первый разъ его тутъ видитъ. Отецъ невѣсты проситъ поѣзжанъ садиться, что они и исполняютъ, садясь, зная каждый свое мѣсто, не выше, не ниже въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ сидѣли у жениха, передъ выѣздомъ къ невѣстѣ. Въ первомъ мѣстѣ сидитъ священникъ, подлѣ котораго *вѣжливой*[2]), потомъ отецъ жениха, тысяцкой и женихъ, а далѣе сидятъ по степени близости родства. Надобно замѣтить, что въ этомъ поѣздѣ женщины почти не бываютъ, кромѣ самыхъ близкихъ родственницъ и то не болѣе двухъ или трехъ. Столы убираются такимъ образомъ: прикладывается столъ къ столу, какъ обыкновенно вездѣ дѣлаютъ, и покрываются скатертью. Число столовъ должно быть достаточно для помѣщенія всѣхъ поѣзжанъ, коихъ бываетъ до 40 и даже до 50 человѣкъ. Родители невѣсты знаютъ, хотя приблизительно, число поѣзжанъ своего жениха. Накрывши столы скатертью, кладутъ на нихъ въ трехъ мѣстахъ по два ржаныхъ хлѣба, одинъ на другомъ, изъ коихъ на верхнемъ кладется по солоницѣ соли, потомъ часто кладутъ ломти ржаного же хлѣба, прямо на салфетку безъ всякихъ тарелокъ, перпендикулярно къ линіямъ столовъ, а на нихъ изъ ячменной муки пироги, а наверхъ этихъ—пироги съ крупой; но какъ тѣ, такъ и другіе кладутся какъ бы параллельно линіямъ столовъ, значитъ крестообразно, съ ломтями хлѣба и такъ, чтобы концы одной пары пироговъ соединялись съ концами другихъ двухъ паръ на ту и другую сторону находящихся.

Когда всѣ, по окончаніи описанной церемоніи усядутся, то отецъ невѣсты подаетъ на подносѣ, а нерѣдко, за неимѣніемъ его, и на тарелкѣ, по стакану пива и рюмкѣ водки, начиная съ большаго угла, говоря «покорно просимъ» и кланяется въ поясъ. Послѣ отца подноситъ мать точно также, а за нею братья невѣсты, если есть. У нѣкоторыхъ, побогаче, бываетъ и чай, который подносятъ братья, какъ бы вмѣсто водки и пива. За этимъ угощеніемъ отецъ и мать благословивъ дочь и вмѣстѣ со сватьею выводятъ ее, какъ говорится, на ставку. Сватья и невѣста кланяются въ поясъ. Отецъ невѣсты спрашиваетъ у жениха: на той ли сватался? Онъ отвѣчаетъ утвердительно. Отецъ продолжаетъ: люба ли?—Люба. Потомъ невѣста, также какъ отецъ и мать подноситъ по стакану пива и рюмкѣ водки сперва родственникамъ жениха, кланяясь каждому въ поясъ вмѣстѣ со сватьею и взявши обратно рюмку и стаканъ, также обѣ кланяются въ поясъ, отошедши къ столу. Женихъ, выпивши рюмку кладетъ въ завернутые въ бумажку деньги по состоянію своему, самобѣднѣйшіе кладутъ не менѣе 20 коп. серебромъ, а богатые кладутъ даже и по червонцу. Который не пьетъ водки, а пиво, кладетъ въ стаканъ. Прочіе же не кладутъ. Лишь только женихъ поставитъ рюмку, невѣста тотъ часъ подноситъ ему платокъ на подносѣ или на тарелкѣ, кланяясь въ поясъ и также вмѣстѣ со сватьею. Онъ, взявши платокъ, опять даритъ деньги, кладя ихъ на подносъ, а обтерши губы платкомъ, кладетъ его въ карманъ; а она подноситъ остальнымъ поѣзжанамъ. Послѣ этого обноса отецъ спрашиваетъ: «Всѣмъ ли было, всѣ ли довольны?» Они, вставъ съ своихъ мѣстъ отвѣчаютъ: «Всѣ довольны, всѣмъ было». Потомъ невѣста подноситъ своимъ родственникамъ не только тѣмъ, которые тутъ стоятъ, но даже приводятъ изъ другаго покоя или сѣней, которыя тамъ находятся по причинѣ невмѣстимости въ избѣ, или въ томъ покоѣ, гдѣ женихъ; а дѣвицъ даже и съ вечеринки, которыя по неимѣнію мѣста въ домѣ невѣсты, бываютъ и у сосѣдей.

По окончаніи описанной церемоніи подвѣнечная сватья уводитъ невѣсту въ сопровожденіи пѣнія:

1334.

Отворотцю я лицо бѣлое
Отъ срядныхъ дубовыхъ столовъ
Отъ зимы то зимы холодныя,
Отъ тяжкихъ плящихъ морозовъ.

Въ ту же комнату, а за неимѣніемъ ея въ солнышъ, откуда приводили; а мать ея начинаетъ дарить всѣхъ поѣзжанъ платками, а у бѣдныхъ по недостатку ихъ дарятъ

[1]) Женихи пріѣзжаютъ очень поздно вечеромъ, обыкновенно—часовъ въ 11-ть пополудни, а иногда даже въ 3-мъ часу пополуночи.

[2]) колдунъ, оберегающій свадьбу отъ другихъ колдуновъ.

нѣкоторыхъ ситцомъ, разрѣзывая его на маленькіе кусочки. «Вѣжливой» всѣхъ болѣе выигрываетъ: Онъ получаетъ двойные дары, т. е. два платка, одинъ дарится какъ поѣзжанину, а другой какъ вѣжливому. Надобно замѣтить, что вѣжливому особенной платы не бываетъ а дѣйствуетъ онъ за великую честь, какую ему оказываетъ каждый, преимущественно предъ всѣми, за всевозможное угощеніе, а потому онъ пресыщается и упивается сколько его душѣ угодно и наконецъ—за двойные дары съ обѣихъ сторонъ. Вѣжливые бываютъ всегда со стороны жениха, для безопасности съ обѣихъ сторонъ. Въ то время когда мать невѣсты даритъ, получившіе дары ужинаютъ. Число перемѣнъ не велико и качество ихъ довольно простое: треска, палтусина и каша—одного или двухъ родовъ, а въ скоромной день сверхъ этого бываетъ иногда и птица, и у богатыхъ немного деликатнѣе, развѣ одной семгой. Перемѣны эти подаютъ на столъ на 3-хъ или на 5-ти большихъ блюдахъ, смотря по количеству поѣзжанъ, которые раздѣлясь произвольно на части по числу блюдъ и каждая изъ перемѣнъ больше достается тому изъ нихъ, которое ближе находится и всѣ вмѣстѣ, перекрестясь ѣдятъ съ него безъ церемоніи, просто безъ вилокъ, несмотря на то, что у нѣкоторыхъ руки не совсѣмъ опрятны, а кашу разумѣется хлѣбаютъ деревянными ложками, также каждая часть изъ своей общей чаши.

Одаривъ всѣхъ и кланяясь, мать спрашиваетъ: «Всѣмъ ли было, всѣ ли довольны?» при этомъ вопросѣ всѣ встаютъ и кланяясь отвѣчаютъ: «всѣмъ было, всѣ довольны.» Въ это же время отецъ невѣсты ведётъ жениха здороваться къ невѣстѣ, которая тогда опять плачетъ съ подголашницами пришедшими къ ней съ вечереньки. При входѣ жениха къ невѣстѣ, она стоитъ и плачетъ, склонившись. Женихъ беретъ ее за косу и приподнявъ голову, ее цѣлуетъ, между тѣмъ ногою наступаетъ ей на ногу, а затѣмъ даритъ деньги, какъ говорится у нихъ,—на бѣлила. Въ это время невѣста плачетъ:

1835.

Вы родны мои родители!
Не подходите, да не подводите
Вы чужого ко мнѣ чуженина
И незнаемаго человѣка.

Потомъ:

1836.

Охъ-те мнѣ-чинько!
Пристыдилъ мое лицо бѣлое,
Призазорилъ мои очи ясныя,
Присквернилъ мои уста сахарныя—
При родныхъ моихъ родителяхъ,
При любыхъ милыхъ подружечкахъ,
При сосѣдушкахъ приближенныихъ!
Не во пору, не во время,
При зарѣ да при вечерніи.
Пріутихли вѣтры буйные,
Пріутихла заря вечерняя,
Пріумолкли да птицы райскія,
Пріуснули люди добрые,
Всѣ сосѣдушки да порядовыя,
Порядовыя да приближенныя.

Минутъ черезъ 10 женихъ опять приходитъ такимъ же образомъ прощаться и снова даритъ ее. Невѣсту выводятъ *на ставку*[1]) въ самомъ лучшемъ платьѣ, набѣленную и нарумяненную, что въ Пинегѣ еще въ большемъ употребленіи. Немедленно, по отъѣздѣ жениховъ домой, невѣста плачетъ отцу:

1837.

Схожо красно мое солнышко,
Родитель мой батюшко!
Чего я у тебя поспрошаю,
Я не съ хитрости и не съ мудрости, —
Съ дѣвья глупаго ума-разума.
Да приходилъ ты, солнце красное,
Со грозой со великою,
Да приказалъ мнѣ, солнце красное,
Бѣлехонько да умываться,
Наряднехонько да наряжаться.
Это что же у васъ да, солнце красное,
Что за праздники за большіе,
Что за гости за частые?
Вы куда меня выводили,
Да передъ кого меня становили?
Хошъ не скажешь, солнце красное,
Я сама про то разумѣю:
Выводили да становили
Передъ чужого да чуженина,
Передъ незнаемаго человѣка.

Послѣ этого плача всѣ свадебники невѣсты кромѣ ея самой, отца и матери идутъ въ домъ жениха пѣть ему и невѣстѣ пѣсни. Пріѣхавши къ жениху, поютъ ему:

1838.

Княгиня первобрачная
Приказала кланяться,

[1]) *Выводить на ставку* значитъ: выводить нарядно одѣтую и, обыкновенно, заплаканную невѣсту изъ комнаты, называемой *дѣвичникъ*, къ жениху и гостямъ на осмотръ. Слов. Подвысоцкаго.

Не велѣла надѣяться,
Велѣла искать новую да молодую,
Получше и покраше,
Цвѣтнымъ платьемъ побогаче.

Отецъ и мать и самъ женихъ обносятъ всѣхъ по рюмкѣ водки и стакану пива; а десертъ, состоящій изъ какихъ либо орѣховъ и пряпишныхъ закусокъ, стоитъ на столѣ безъ употребленія. При походѣ домой женихъ высыпаетъ его въ платокъ одной дѣвицы, которая относитъ его невѣстѣ, а она уже даетъ своимъ подружкамъ. Пришедши домой, всѣ встаютъ передъ невѣстой и кланяются, поя:

1339.

Дѣвица красная, княгиня первобрачная,
Молодъ князь поклонъ прислалъ,
Велѣлъ низко кланяться,
Велѣлъ готовиться идти и ѣхать
Ко соборной Божьей церкви.

Въ этотъ день всѣ свадебники, какъ жениха, такъ и невѣсты, пріѣзжая на свадьбу, привозятъ приносъ, называемый «хлѣбиной», который состоитъ изъ разнаго рода пироговъ изъ ячменной муки. Весьма немногіе приносятъ хлѣбъ изъ крупищатой муки, что чрезвычайно рѣдко случается. Кромѣ этой «хлѣбины» никакихъ подарокъ при ней не носятъ.

На другой день рукобитья, т. е. въ день свадьбы, невѣста и всѣ подголашницы встаютъ рано и только что умоются, начинаютъ плакать, такъ называемую у нихъ, «кра́соту». Заплакиваютъ также какъ и на посѣдкѣ, а потомъ плачутъ такъ:

1340.

Позовите мою сестрицу родимую!

(сестра подходитъ).

«Ты поди, моя лебедь бѣлая,
Ты, сестрица родимая,
Ко срядны̂мъ да дубовы̂мъ столамъ,
Ты сдыми, моя однокровна, единоутробна,
Свои руки бѣлыя на мою буйну голову.
И ты сойми мою дѣвью кра́соту!
И ужъ ты спречь, моя лебедь бѣлая,
Во погребы во глубокіе.»
Я пойду, млада многокручинная,
Подойду, млада, послушаю:
Не плачетъ ли, не кичетъ ли
Дорога моя дѣвья кра́сота
О моей буйной го́ловы?
Какъ услышали уши чудныя,—
Она расплакалась дѣвья кра́сота.
Я возьму, многокручинная,
Дорогу свою дѣвью кра́соту,
Я снесу, многокручинная,
Во лѣса во темные,
Во темные дремучіе,
За болота зыбучія.
Я повѣшу ей, многокручинная,
На березу на бѣлую
И отойду, млада, послушаю:
Не плачетъ ли, не кичетъ ли
Дорога моя дѣвья красота
О моей да буйной головы?
Не услышали уши чудныя,
Не плачетъ и не кичетъ
Во дали отдаленныя.
И распростилась я, многокручинная,
Со своей дѣвьей кра́сотой.

Во время этого плача сестра невѣсты сн маетъ съ головы ея повязку. А снявши, плачет

1341.

Сестрица моя родимая!
Ужъ какъ у тебя поднялись руки бѣлыя
На мою на буйну голову,
На мою-то па дѣвью кра́соту?
Не убоялась, да не устрашилась
Снеть съ моей да буной го́ловы
Дорогу́ мою дѣвью красоту?

Надобно замѣтить, что при этихъ двухъ плача бываетъ много слезъ, рыданій и всхлапыва руками. Крѣпко прижимаютъ одна другую такою чувствительностію, что можно подума что они навѣчно разстаются, даже всѣ посторо нія дѣвицы, собравшіяся провожать невѣс весьма слезно плачутъ.

За этимъ плачетъ одна изъ ближнихъ подр жекъ:

1342.

Люба милая подружечка,
Свѣтъ (имя и отчество)
Подойди-тко да подступи

Ко мнѣ, многокручинной!
Ты расплети мою трубчату косу —
Потихошеньку да помалехоньку.

Когда та расплететъ, то она ей причитаетъ:

1343.

Ужъ какъ у тебя поднялись руки бѣлыя
На мою да трубчату косу? и т. д.

Затѣмъ:

1344.

Люба милая подружечка,
Свѣтъ (имя и отчество)!
Подойди-ко да поступи
Ко мнѣ, многокручинныя!
Да расчеши мою буйну голову
По единому да русу волосу,
По моимъ да могучимъ плечамъ —
Послѣдошне, остатошне
Душой красной дѣвицей.

По расчесаніи головы причитаетъ:

1345.

Ужъ какъ у тебя поднялись руки бѣлыя
На мою буйну голову,
На мои русы волосы?

По окончаніи этого начинаютъ зашивать банникъ[1]). Это есть обязанность матери крестной. Для зашиванія его берутъ одну большую нитку, такъ чтобы хватило зашить весь банникъ, а другой нитки никогда не вдергиваютъ. Если же не хватитъ одной, то остальное скалываютъ булавками. Когда его зашиваютъ невѣста плачетъ:

1346.

Родитель мой, батюшко!
Родимая матушка!
Въ день денная печальщица,
Въ ночь ночная богомольщица!
И крестова моя матушка,
Крестовая восприѣмная,
Всѣ родны мои родители!
Вы куда меня сряжаете,
Во котору путь дорожечку,
Съ хлѣбомъ-солью великіимъ,
Съ двумя ложками со красными[2])?
Али въ матушку во славну Москву,
Али въ батюшко Петербургъ-городъ;
Али во славной городъ Архангельской?
Хоша вы мнѣ не скажете,
Я сама да знаю вѣдаю,
Молода да догадаюся —
Ко чужимъ роднымъ родителямъ,
Ко чужимъ, дальнимъ, незнакомымъ.
Ты крестова моя, восприѣмна!
Про тебя, моя крестова,
Лежитъ славушка хороша
Во всѣ стороны четыре, —
Внизъ до города до Архангельска,
Вверхъ до самой до Кевролы[3]).
Ты горазна, моя крестова, шить,
Брати краснымъ золотомъ,
Пошивать да чистымъ серебромъ.
Ужъ ты вышей, моя крестовая,
На всѣхъ углахъ четырехъ:
На первомъ углу вышей
Красно солнце съ *моревами*,
На второмъ углу вышей —
Свѣтлый мѣсяцъ со звѣздами,
А на третьемъ углу вышей —
Сине море со волнами,
На четвертомъ углу вышей —
Чисто поле со звѣрями,
А на середкѣ вышей Божью церковь
Со крестами, со чудными образами.
Охъ-те мнѣ-ченько, тошнехонько!
Дѣвья жира[4]) да коротается,
Бабья старость да приближается,
Тягота моей буйной головы,
Торпа крѣпка русымъ волосамъ,
И передъ вами, мои бѣлы лебеди,
Всѣ гульбы мои проклады
Дѣвья жизнь да лебединая.

Во время этихъ церемоній пріѣзжаютъ дружки съ пряникомъ, который называется «утренной, бужальной *пѐредатью*»[5]) и спрашиваетъ невѣсту, къ

[1]) Банникъ значитъ хлѣбъ, зашитый въ скатерть, который возятъ въ церковь, когда вѣнчаютъ.

[2]) Ибо въ банникъ зашиваютъ хлѣбъ-соль и двѣ деревянныхъ ложки.

[3]) Кевролa—большая деревня вверхъ по рѣкѣ Пинегѣ, въ 140 верстахъ отъ города.

[4]) Жира—спокойное, привольное житьё. Слов. Подвысоцкаго.

[5]) *Пѐредать*—первый гласный подарокъ жениха невѣстѣ, наканунѣ свадьбы. *Будильную передать* (пряникъ, цвѣты) женихъ посылаетъ черезъ дружекъ, а *наряжальную* (остальное) привезетъ самъ. Слов Даля.

которая ихъ ведетъ на мѣсто, [illegible] пряникъ невѣста говоритъ: «получайте, желанны други дружками» пряникъ. Невѣста даритъ дружекъ платками, а дружки [illegible] ихъ за плечи по вышитой лентѣ, старшему на право, а младшему на лѣво. Тогда дружки уѣзжаютъ.

Вскорѣ по отъѣздѣ ихъ пріѣзжаетъ женихъ въ сопровожденіи этихъ же двухъ дружекъ, тысяцкаго и близкихъ родственниковъ, но не женщинъ. Они привозятъ съ собою: вино, водку, пряниковъ, колачи, зеркало, туфли и башмаки. Это называется «наряжельною передатью». Всѣ ея принадлежности долженъ привезти каждый женихъ бѣдный и богатый, разность въ добротѣ вещей. Самые бѣдные берутъ нѣкоторыя изъ этихъ вещей у другихъ возвращая ихъ послѣ свадьбы. Пріѣхавши къ невѣстѣ, дружка обращается къ ея матери, которая ведетъ ихъ къ ней. Они ставятъ пряникъ съ зеркаломъ и прочими вещами, ей слѣдуемыми, тогда плачутъ:

1347.

Не приходите, да не приносите
Отъ чужого да чуженина.
Я ничѣмъ была не жадна и не щадна,
Всячиной была довольна
У своихъ честныхъ родителей.

А потомъ и принесетъ. А женихъ съ прочими идетъ въ другую комнату, гдѣ онъ подноситъ каждому изъ свадебниковъ и свадебницъ немѣсти по стакану пива и рюмкѣ водки, кладя на тотъ же поднось по нѣскольку колачей и мелкихъ пряниковъ, послѣднее, т. е. колачи и пряники дается не каждому свадебнику, а по семейстмамъ, а потому и кладется ихъ не поровну, а соображаясь съ числомъ членовъ семейства и по степени родства, для чего приводятъ всѣхъ ихъ къ жениху [1]) и одинъ изъ нихъ беретъ пряники и колачи, выпивши пиво и водку, если пьетъ, а прочимъ только подносится пиво и водку безъ пряниковъ и колачей, которые даетъ имъ тотъ, который взялъ.

Когда раздадутъ всю, такъ называемую «наряжельную передать», сестра невѣсты даритъ жениха платкомъ, а онъ ее деньгами. Потомъ выходитъ подвѣнечная сватья и, кланяясь во всѣ стороны, говоритъ: «Примите въ товарищи!» а они отвѣчаютъ: «Милости просимъ!» Она уходитъ и тотчасъ съ отцомъ и матерью приводитъ невѣсту. Отецъ идетъ напередъ, неся образъ, передъ коимъ горитъ свѣча, потомъ мать, неся хлѣбъ, на идетъ [illegible] въ сѣни. Тамъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ бываетъ всегда завернутъ въ салфетку или полотенце, а невѣста идетъ за сватьею, прикрываясь платкомъ; пришедши въ комнату, отправляется и кладется вмѣстѣ со сватьею; выходитъ женихъ и становится по правую сторону [2]) невѣсты, подлѣ нея. Тогда ихъ благословляютъ: сперва отецъ образомъ жениха и дочь, а мать хлѣбомъ не развертывая его изъ полотенца. При этомъ надобно замѣтить, что отецъ и мать даютъ жениху и дочери, благословляя ихъ, по нѣскольку денегъ, кладя ихъ тайно въ руки. Если у невѣсты есть воспріемники, то и они ихъ благословляютъ и также даютъ деньги, замѣчая, что отъ этого будутъ жить богаче. Послѣ благословенія женихъ, взявши невѣсту за руку, идетъ съ нею за столъ, гдѣ онъ становится на правую руку и тотчасъ бросаетъ невѣстѣ на голову платокъ, который называется гумулькою [3]), такъ чтобы онъ закрылъ и лицо ея. Тогда женщины воютъ:

1348.

Пала гумулька на буйную главу,
Ее дождичкомъ не смочитъ
И вѣтеркомъ не сдуетъ.

А женихъ, взявши невѣсту за руку, ведетъ ее въ сани или телѣгу, гдѣ она садится со сватьею, а онъ садится въ другіе сани вмѣстѣ съ тысяцкимъ и ѣдутъ въ церковь въ такомъ порядкѣ: впереди дружки, за ними женихъ съ тысяцкимъ, затѣмъ сватья съ невѣстой, закрытой гумулькою. Дѣвицы къ вѣнцу не ѣздятъ.

Вѣнчаются большею частію до полудни, а рѣдко послѣ полудни, а потому часто пріѣзжаютъ въ церковь, особенно въ праздничные дни, во время литургіи и даже еще до ея начала и до самаго таинства брака стоятъ въ трапезѣ и невѣсты не раскрываютъ. При началѣ обряда сватья снимаетъ гумульку.

Невѣста одѣвается къ вѣнцу въ самое лучшее платье, въ штофномъ полушубкѣ и юбкѣ, а у кого есть—и парчевыхъ. На головѣ *чебакъ* [4]) зимою и лѣтомъ, не смотря на то, что это зимняя одежда, но онъ снимается вмѣстѣ съ гумулькою и она стоитъ подъ вѣнцомъ съ распущенною косою.

Послѣ вѣнца женщины, родственницы жениха

[1]) Это называется: приводить къ стакану.

[2]) съ этого времени онъ во всѣхъ случаяхъ занимаетъ мѣсто по правую руку, а она по лѣвую.

[3]) По слов. обл. архангельск. нарѣчія Подвысоцкаго: *гомылька*—большой платокъ, даримый женихомъ невѣстѣ передъ отъѣздомъ къ вѣнцу.

[4]) *Чебакъ*—крытая парчою и опушенная мѣхомъ женская старушечья шапка съ наушниками. Слов. Подвысоцкаго.

крутятъ невѣсту въ трапезѣ, т. е. заплетаютъ двѣ косы и надѣваютъ на голову повойникъ и косынку, при чемъ молодая плачетъ, а женщины шумятъ, говоря: «Христосъ на головку, не плачь». Тутъ мущины не бываютъ, кромѣ одного брата (шафера)—а стоятъ въ той же трапезѣ поодаль. Съ невѣстиной стороны бываетъ три брата (шафера) двое какъ обыкновенные шафера, а третій ѣздитъ къ вѣнцу, съ такъ называемою *коробьею*, въ которой находится подножникъ, повойникъ, косынька, платокъ къ замку [1]) и колачи, называемые «кручальными», которые бросаетъ молодой по дорогѣ, ѣдучи отъ вѣнца—для проходящихъ. Нѣкоторые бросаютъ закуски и даже деньги. Окрутивши, сватья, опять накрываетъ мологую гумулькой и вмѣстѣ съ третьимъ братомъ (шаферомъ) выводятъ къ новобрачному ея мужу, который, взявши жену свою за руку, ведетъ въ сани или телѣгу, куда и садится она со сватьею, а онъ уходитъ къ другому таковому же экипажу и садится вмѣстѣ съ тысяцкимъ и тогда ѣдутъ въ домъ жениха въ такомъ же порядкѣ, какъ ѣхали въ церковь и въ продолженіе всего пути молодая вмѣстѣ со сватьею *откладываютъ* низкіе поклоны [2]), хотя бы имъ никто и не встрѣчался. Это, я думаю, потому что молодая непремѣнно должна всякому кланяться, а какъ она подъ закрышкою ничего и никого не видитъ, то и кланяется безпрерывно [3]).

Когда дружки пріѣдутъ въ домъ молодаго, отецъ его съ образомъ, а мать съ хлѣбомъ встрѣчаютъ молодыхъ на улицѣ и заведши въ покой, гдѣ никого нѣтъ, ибо всѣ выходятъ встрѣчать молодыхъ,—тотчасъ запираютъ двери и благословляютъ, а всѣ свадебники стоятъ на новѣти или въ сѣняхъ. Послѣ благословенія отворяютъ двери и ведутъ молодыхъ за столъ, уже убранный. За ними идутъ всѣ свадебники и садятся по чиноположенію, молодой на правой рукѣ, а молодая на лѣвой. Съ невѣстою пріѣзжаютъ братья и сватья. Молодой, тысяцкой и братья сидятъ, а молодая и сватья стоятъ и кланяются. Между тѣмъ свекровь, взявши два пирога и приложивъ одинъ къ другому такъ, чтобы дно ихъ были порознь и завернувъ въ салфетку или полотенцо и согнувъ головы молодыхъ, обводитъ кругомъ ихъ трижды и отдавъ ихъ молодой, снимаетъ съ ней гумульку. Тогда приносятъ на столъ тетеру, а посороннія женщины, собравшіеся смотрятъ, въ это время поютъ:

1) такъ называется платокъ, который даютъ дьячку или пономарю, пріѣзжая къ вѣнцу.

2) и въ церковь ѣдутъ съ такими же поклонами.

3) Во время вѣнца привозятъ къ молодому приданое и постель.

1349.

Тетера на столъ прилетѣла —
Молода спать захотѣла.

Тетеры какъ и предъидущихъ перемѣнъ не разрѣзываютъ и не ѣдятъ. Потомъ приносятъ кашу, а тѣже зѣваки поютъ:

1350.

Каша пошла въ колупанье,
А молода пошла въ цѣлованье.

Молодой, почерпнувъ на ложку, сколь можно болѣе каши, кладетъ молодой на пироги. Молодая, перекрестившись, беретъ ложку съ кашей и ѣстъ, а сватья прикрываетъ ее платкомъ. Когда молодая съѣстъ почерпнутую ей кашу, тогда отецъ и мать молодаго, тысяцкой и сватья ведутъ молодыхъ на подклѣтъ въ сопровожденіи священника, если онъ есть на свадьбѣ. Съ ними идетъ и братъ, пріѣхавшій съ коробьею. Здѣсь молодая даритъ свекру рубашку и подштанники, свекрови рубашку и повойникъ, а родственницамъ чего либо также на повойникъ, что называется *скройкомъ* [4]) и по колачу, а родственникамъ по платку. Дарятъ только близкихъ родственниковъ, а дальнымъ молодые подносятъ только по рюмкѣ водки и стакану пива. Когда подарятъ всѣхъ родственниковъ, которые и уходятъ опять за столъ, молодые остаются, тутъ приносятъ имъ ѣсть, ибо они до того времени ничего не ѣдятъ. Послѣ обѣда сватья укладываетъ ихъ спать; а свадебники закусываютъ. Это называется малый столъ. За нимъ цѣлаго кушанья не начинаютъ, а ѣдятъ уже початыя. Часа черезъ два и менѣе, смотря по времени, сватья съ родственницами молодаго ходятъ будить молодыхъ. Молодые выходятъ, а сватья выноситъ полотенца, зеркало, гребень и мыло. Молодые кланяются въ ноги отцу и матери и близкимъ родственникамъ, а прочимъ только кланяются просто. Молодая обнимаетъ всѣхъ и говорятъ имъ: «Начовали здорово». Это и называется «начовала давать». А сватья все принесенное отдаетъ матери молодаго, которая и развѣшиваетъ по лотенца на гвозди или спички, а зеркало и прочее кладетъ на столъ. Богатые выносятъ до 10-ти полотенцевъ, а бѣдные два или три. Одно полотенцо молодая держитъ въ рукахъ и со сватьею кланяются сперва свекру и свекрови,

4) *Скроекъ*—небольшой отрѣзокъ какой-нибудь ткани. Слов. Подвысоцкаго.

говоря: «Покорно просимъ помыться», а потомъ просятъ и родственниковъ также кланяясь. Свекоръ, свекровь и родственники моются и вытираются полотенцомъ, а нѣкоторые чешутъ волосы и смотрятся въ зеркало, а иные избѣгаютъ этой церемоніи,—не моются, ибо при этомъ не мало бываетъ и шалостей—мараются сажей и т. п.

Послѣ этого молодыя уходятъ одѣваться, ибо черезъ недолгое время пріѣзжаютъ и родственники молодой *на госьбу* и сватья съ блинами. Они всѣ собираются для этого въ домъ родителей молодой, и оттуда всѣ вмѣстѣ ѣдутъ къ молодымъ на госьбу[1]). Пріѣхавши къ молодымъ, ихъ тотчасъ садятъ за столъ, тутъ сидятъ и молодые и всѣ родственники молодаго. Столы также убираются какъ и на рукобитье, только хлѣбовъ не бываетъ. Вмѣсто салфетокъ употребляютъ полотенца. Число перемѣнъ на этой госьбѣ больше нежели въ предъидущіе столы и они въ лучшемъ видѣ. Когда подаютъ на столъ сладкой пирогъ, то молодые выходятъ изъ за стола и подносятъ каждому по рюмкѣ водки и стакану пива. При этомъ прежде клали на поднось или на тарелку деньги; а нынѣ это уже выходитъ изъ употребленія.

Послѣ этого стола свадебники уѣзжаютъ домой довольно веселы; а другіе даже и весьма. Нѣкоторые родственники молодаго остаются и ночевать.

На другой день свадьбы, утромъ молодая *пашетъ*[2]) полъ, а оставшіеся свадебники на выпаханное мѣсто сыплютъ перье. Тутъ молодой подноситъ имъ по рюмкѣ водки, а молодая приноситъ поднось колачей и закусокъ и они болѣе уже не мѣшаютъ ей доканчивать своего дѣла. За этимъ свекровь выноситъ ковригу, т. е. *банникъ* и разшиваетъ его при родственникахъ, которые, отобѣдавши, уѣзжаютъ домой.

Въ этотъ день шафера шуточно приготовляютъ баню, истопивъ ее двумя или тремя вѣниками. Въ эту баню они возятъ на боронѣ свекра и свекровь, а младая имъ приготовляетъ по вѣнику, обертывая комли ихъ платками, которые и идутъ имъ въ подарки, а бѣдные и холстомъ. Разумѣется они въ такой банѣ не моются.

Чрезъ нѣсколько дней у родителей молодой бываетъ подобная госьба. Нѣкоторые дѣлаютъ ее вскорѣ, какъ говорятъ на тѣхъ же *ошуркахъ*[3]), а побогаче черезъ недѣлю или около того, приготовляя все снова.

Зап. учитель Степанъ Пругавинъ въ 1850 г. Изъ архива И. Р. Геогр. Общ.

[1]) Это называется поѣздомъ.

[2]) мететъ.

[3]) *Ошурки*—остатки кушаньевъ, лакомствъ и питей, послѣ званнаго пиршества. Слов. Подвысоцкаго.

1351.

Той же губ., Шенкурскаго у.

Когда расплетаютъ косу.[4])

Ты красное мое солнышко,
Ты, родная моя матушка!
Принеси мнѣ дорогую дѣвью крáсоту!
Мнѣ покрасоваться еще съ дѣвьей красотой,
При милыхъ своихъ подруженькахъ,
На золотомъ принеси на блюдецькѣ;
Я прижму ко серьцю своему ретивому,
Я вздыну выше своей буйной головы.
Моя дѣвья, дорогая красота!
Она роститъ крылья лебединыя,
Улетѣть хоцётъ съ моей буйной головы.
Мнѣ куда съ ей будетъ дѣватися?
Мнѣ какъ съ ей будетъ разстатися?
Она краснла меня, дѣвья красота.
Я снесу свою дѣвью красоту,
Улецю я въ цисто поле,
Я на яблонь снесу на кудрявую,
И на бѣлую на березыньку;
Я отойду, млада, послушаю:
Не кукуётъ ли въ полѣ сѣра кукушица
О своемъ о тепломъ гнѣздушкѣ?
И не плацётъ ли моя дѣвья красота?
Плацётъ, плацётъ, дѣвья красота
О моей буйной головѣ.
Дай ена въ угонь за мной все гонится.
Вороцюсь я, бѣдна дѣвица,
Я возьму на руцьки опять на бѣлыя,
Ко серьцу прижму да ко ретивому,
Я вздыну буйную голову:
Красота ты моя великая!
Мнѣ куда съ тобой дѣватися?
Мнѣ какъ же съ тобой разстатися?
Я снесу тебя на Вагу рѣку,
На тихія я снесу нѣ волны,
Ко бѣлымъ ко лебедушкамъ,
Што еще пущай же дѣвья красота,
Пущай съ има красуётся,
Съ бѣлыми съ лебедушками.
Отойду я, лягу, послушаю:
Не кицётъ ли лебедь бѣлая,
Не плацётъ ли дѣвья красота,
О моей буйной головѣ?
Кицётъ, кицётъ, лебедь бѣлая,
Плацётъ, плацётъ, дѣвья красота
О моей буйной головѣ;
Она въ угонь за мной гонится.
Вороцюсь я, бѣдна дѣвица,

[4]) Приводимъ здѣсь эту причеть какъ болѣе интересный и полнѣйшій варіантъ къ напечатанному выше № 1340. Ш.

Возьму я на руцьки свои на бѣлыя,
Прижму ко серьцу своему ретивому:
Охти мнѣ, младой, тошнехонько!
Призывать стану сестру свою родимую:
«Ты, сестрица моя одноутробная!
Ты подойди ко мнѣ, голубушка!
Есть у меня дума съ тобой подумати,
У меня съ тобой тайное мое молвити:
Я тебѣ сдавать стану волю бо́льшину,
Дорогую дѣвью кра́соту.
Ты красуйся, сестра родимая,
Въ дорогой снаряжайся кра́сотѣ!
Тебя знать станутъ люди добрые,
Поцитать станутъ цестны родители,
Похвальба про тебя пойдетъ хорошая.
Ты береги своей дѣвьей красоты,
Отъ вѣтру береги, отъ буйнова,
Отъ цястыхъ мелкихъ дожжицьковъ!
Ты красуйся, сестрица моя родимая!
Есть у батюшки за пецьнымъ столбомъ,
Злодѣйка сидитъ, бабья красота.
Што житье бабье позорливое,
Оно позорливо житье бабье, попецальное,
Попецально житье бабье, вѣковѣцное,
Оно на вѣкъ на меня навяжется,
Все я буду подъ грозой жити, подъ великою,
Во пецяли житье пойдетъ, не въ радости.
Што злодѣйка, бабья кра́сота,
Она сидитъ у матушки за пецьнымъ столбомъ,
Она сидитъ все и топорщится,
Ростите крылья ястребиныя,
Ростите когти совиныя,
Налетѣть хоцётъ, напорхнути,
На мою на буйну голову:
Она вцѣпить хоцётъ когти вострые
Въ мои русы волосы.
Да и охъ! порудить хоцётъ дѣвью красоту.
Охти мнѣ, младой тошнехонько!
Она на вѣкъ на меня навяжется, —
Мнѣ куда теперь дѣватися?

Сообщ. А. А. Котляревскимъ.

II. Вологодской губерніи.

1352.

Свадебныя причитанія и пѣсни.

(На дѣвишникѣ, собравшимся съ жениховой стороны невѣста причитаетъ).

Дорогі̇ гости, гости милые,
Поѣзжана вы хорошіе!
Ужъ ты дружка съ полу̀дружьемъ,
Ты душа добрый молодецъ!
Погляжу я, молодешенька,
Во середнее окошечко.
Какъ у нашей свѣтлой свѣ̀тлицы,
Какъ у дому благодатнаго,
Не купцы-купцы наѣхали,
Не палатки поизставили, —
Поѣзжане наѣхали
Со добрымъ да добрымъ молодцемъ
Что ко мнѣ молодешенькѣ.
Благослови меня, Господи,
Пресвятая Богородица!
Мнѣ садиться, молодешенькѣ,
Во мѣстечко во упальное
Со своимъ со подруженькамъ—
Причитать мнѣ, молодешенькѣ,
Что послѣднее то времечко,
Мнѣ послѣднюю-то ноченьку
Со своимъ со подруженькамъ.

1353.

(Невѣста къ подружкамъ).

Вы послушайте, подруженьки,
Я объ чемъ вамъ буду го̀ворить.
Какъ придетъ добрый молодецъ
Со своимъ цвѣтнымъ платьецомъ,
Какъ надѣнетъ добрый молодецъ
На меня, молодёшеньку,
Свое цвѣтное платьецо,
Зазнобитъ ретиво́ сердце
Своимъ цвѣтнымъ платьецомъ,
Со чужой дальней сто́роны
Со злодѣйки незнакомыя;
Что гораздо мои голубушки,
Ужъ вы милыя подруженьки,
Что у васъ сердца каменны:
Промѣняли, мои матушки,
На чужого на молодца
Вы меня, молодешеньку.
Какъ надѣлъ добрый молодецъ
Свое цвѣтное платьецо,
Зазнобило ретиво сердце
У меня молодешеньки.

1354.

(Невѣста къ жениху).

Благодарствуй, добрый молодецъ,
На твоемъ цвѣтномъ платьецѣ.

Ты прими, добрый молодецъ,
Мои дары поклонные.
Я жила молодёшенька
У кормильца-то у батюшки,
У родимой-то у матушки,
Я жила, не хаживала въ люди,
На чужу дальню сторону,
Ко чужому отцу-матери.
Благодарствуй, добрый молодецъ,
На устахъ на сахарныхъ,
Сладкомедовыхъ-то на пряничкахъ,
Что на яблочкахъ садовыхъ,
На орѣхахъ на калёныхъ.
Что не честь, добрый молодецъ,
Что не честь честоватися,
Принародно цѣловатися.
Обезчестилъ, добрый молодецъ,
Ты мою дѣвью красоту,
Ты мою красоватую.
Не спасибо тебѣ, сватушка,
Не спасибо тебѣ, друженька,
Тебѣ сватъ перелестничекъ!
Ужъ какъ дай бы тебѣ, Господи,
Тебѣ мыки подавитися
И хлѣбной захлебатися:
Ты просваталъ молодёшеньку
На чужу дальню сторону,
Ко чужому отцу матери,
Что сдался кормилецъ батюшка
На твои да слова ласковы.
Поглядите, люди добрые!
Вы сосѣди и сосѣдушки,
Ужъ вы милыя подруженьки!
Не ровнѣ со мной ровнѣется,
Не верста со мной верстается.
Молодымъ я молодёшенька
И глупымъ-то я глупёшенька,
Зеленымъ я зеленёшенька.
Ужъ я какъ да ни подумаю,
Ужъ я какъ да ни погадаю
Что своимъ-то глупымъ разумомъ:
Какъ наѣхали чужи люди
Со чужой да дальней стороны,
Какъ у дружка да полу-дружья,
У нихъ вожжи-то наёмныя
И дуги у нихъ еловыя,
А поддёвки-то рогозяны.
Какъ поѣхали чужи люди
На свою на дальню сторону,
Ужъ какъ дай бы вамъ-то, Господи,
Во степяхъ-то насидѣтися
И въ водѣ-то захлебатися.
Не доѣхать тебѣ, друженька,
До своей-то свѣтлой свѣтлицы,
До прекрасной новой горницы.
Ужъ какъ мнѣ дай бы, дай бы Господи,
Что чужи-то добру лошадку
Во степяхъ не насидѣтися,
Во рѣкахъ не захлебатися.
Что доѣхать бы до свѣтлицы,
Доѣхать съ благополучіемъ,
Какъ бы лечь со Божьей милостью
Ночевать послѣдню ночешку.
Мнѣ теперь да молодёшенькой,
Мнѣ осталось съ этого мѣстечка,
Мнѣ осталось со [illegible].
Ужъ мнѣ лечь молодёшенькой,
На кроватушку тесовую,
На перинушку пуховую.
Мнѣ послѣднюю-то ночешку
Ночевать во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой новой горницѣ.

1355.

Ты садися, добрый молодецъ,
Не со спесью, не со гордостью,
Ты со Божьей со милостью.
Не засѣживай, добрый молодецъ,
Моего платья цвѣтнаго,
Моего подвѣнечнаго,
Моего вѣковѣчнаго.
Чтобы жить мнѣ, молодёшенькѣ,
На чужой на дальней сторонѣ,
Чтобы жить мнѣ, не каяться,
Въ чужихъ людяхъ не маяться,—
Безъ кормильца безъ батюшка,
Безъ родимой своей матушки.
Ты послушай, сударь батюшка,
И родная моя матушка,
Я объ чемъ буду вамъ говорить,
По-низку вамъ низко кланяться,
Отъ бѣлова лица до земли,
Ниже шелковаго поясу.
Ты на что-же распрогнѣвался
На меня, молодёшеньку,
На меня, зеленёшеньку?
Не слуга-ли была вѣрная,
Не посылка тебѣ скорая?
Что пропилъ, кормилецъ батюшка,
Ты меня, молодёшеньку,
На чару зелена вина,
На стаканъ пива пьянаго.
Ты польстился, сударь батюшка,
На деньги, золоту казну!
Ты послушай-ко, голубушка,
Ты любезна мила сёстрица,
Я объ чемъ те буду говорить,
По-низку тебѣ кланяться.

Не прогнѣвайся, голубушка,
Ты любезна мила сестрица,
Что ужъ я тебя не встрѣтила
Середи-то поля чистого,
Середь улицы проѣзжія,
Середь мостика калйнова,
Середь лѣстницы брўщатой,
На скобу руки не налбжила,
На пяту дверь не отвбрила,
Въ честно мѣсто не посадила,
Въ честно мѣсто подъ окошечко,
Подъ окошко подъ косящатое,
Осерёдь да свѣтлы свѣтлицы.
Погляди-ка ты, голубушка,
Ты голубушка, мила сестра,
На меня, молодёшеньку:
У меня, молодёшеньки,
Топерь много больно горюшка,
Ровно три поля насѣяны
И кручиной огорожены,
Горючйимъ слезамъ полйваны.
Ужъ ты ѣхала, моя голубушка,
Ты голубушка, милá сестра,
Ужъ ты ѣхала полямъ чистымъ,
И лугамъ-то ты зѣленымъ,
Не попала те (в)стрѣча первая,
Стрѣча первая, хорошая —
Что моя да дѣвья крàсота,
Что моя да красовитая?
Прививалась дѣвья крàсота
Ко сухому да ко дереву.
Какъ сухое-то дерево
Не бываетъ двбю зелено,
Прививалась дѣвья крàсота
Ко зеленой ко травиночкѣ.

1356.

Не отъ свѣчки, не отъ скáринки.
Широкъ дворъ-отъ загорается,
Не отъ Божьей-то милости,
Дѣвій вѣкъ коротается.
Божій судъ совѣтàется,
Надо мной совершается.
И не гуси, не лебеди
Своимъ крыльемъ захлопали,
Не стѣна бѣлокаменна
По-за-мнѣ раскатилася.
Раскатилось горе-кручинушка
Въ мою свѣтлую свѣтлицу,
Во столову нову горницу.

1357.

Что не ключики брякнули,
Не замочики щелкнули, —
По рукамъ-то ударили.
Запоручилъ сударь-батюшка,
Да кормилица матушка
За поруки-то за крѣпкія,
За замки вѣковѣчные.
Посадилъ сударь батюшка
Меня въ куть подъ окошечко,
Во упальное мѣстечко,
Подъ тонкбе полотенечко,
За убрáну занавѣсочку.

1358.

Вы глядите ясны́ очи
По всей свѣтлой свѣтлицѣ
По столовой по горницѣ!
Во слезахъ да умытися.
Посмотрите ясны́ очи
На родимую матушку,
Ты послушай, кормилица,
Ты кормилица матушка,
Я о чемъ буду прбшати,
Я о чемъ буду кланяться,
Не со спесью, не со гордостью
Не съ весельемъ, не со радостью.
Я прошу тебя, матушка,
Со своимъ горючимъ слезамъ.
Ты гостей-то пріѣзжіихъ
Ты поклономъ укланивай,
Ты словами уговаривай:
«Не прогнѣвайтесь, чужй люди
У насъ на честныхъ дарахъ.
У насъ невѣста-то не взрослая
И дары не пасёные.
Они нѐ тонко напрядены,
Не бѣлб они убѣлены.»

1359.

Я подумала, мблода,
Я подумала, зѣлена,
Что къ моей свѣтлой свѣтлицѣ
Не было пути-дороженьки,
Ни лѣтнія тропиночки.
Не ходили, не ѣздили,
Ни конные, ни пѣшіе.
Что вокругъ свѣтлой свѣтлицы
Все лѣса были дремучіе
Да болота топучіе.
Что въ сегодняшній день
Отчего это случилось,
Что пролёгла дороженька
И пришли къ намъ, пріѣхали
Чужи люди незнамые
По меня молодёшеньку?

1360.

[illegible]

1361.

[illegible]

1362.

[illegible]

1363.

[illegible]

1364.

[illegible]

1365.

Ужъ я что же засидѣлася,
На кого я заглядѣлася?
Чужихъ басень послушалася,
Во веселья во радости, —
Не въ горѣ, не въ кручинушкѣ,
Не въ тоскѣ неносмѣрной.
У меня-то, у молоди,
Много горя кручинушки
Все тоски да великія.
Три поля горя насѣяно,
Три города накачено.
У меня-то на русой косѣ
Что на всякой волосиночкѣ
По горючей по слезиночкѣ.

1366.

Благослови, Боже Господи!
Мнѣ вставать приподнятися
На свои ноги рѣзвыя,
На чулочки бумажные,
На башмачки сафьянные,
Мнѣ итти, молодёшенькѣ,
Вдоль свѣтлыя свѣтлицы
Ко чужому чужёвину,
Чужу сыну отцовскому
По его по гостинчики.
Не стоятъ ноги рѣзвыя,
Не глядятъ очи ясныя,
Не берутъ руки бѣлыя
Отъ чужова чужевина
Его сладкихъ гостинчиковъ.

(Всѣ 15 причетовъ Грязов. у.).

1367.

(Послѣ запорученія, невѣста причитаетъ):

Благослови, Христосъ истинный,
Душу красную дѣвицу
На сегодняшній бѣлый день!
Мнѣ-ка сѣсть, молодешенькѣ,
На печальное мѣстечко!
Не съ весельемъ, не съ радостью,
Со горемъ, со кручиною,
Со *печальемъ* великіимъ,
На сегодняшній бѣлый день
Нападала роса мѣдвяна;
Не роса въ лѣсы нападала,
Нападало горе кручинушка
На меня молодёшеньку.
Горе. мука ознобила,
Ознобила ретиво сердце
Безъ морозу студёнова.
Ознобилъ сударь батюшка
Мое сердце ретивое.
Далъ правую рученьку
Онъ чужимъ добрымъ людямъ,
Отнялъ волю великую
У души красной дѣвицы.
Мнѣ сказалъ сударь батюшка:
«Не ходи, дочи, на улицу,
На мосты на калиновы.»
Посадилъ сударь батюшка
Меня въ куть за занавѣсу.
Я взведу очи ясныя
По всей свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой по горницѣ.
Гдѣ стоитъ моя матушка?
У печки-ль у ясныя,
У шесточка кирпичнаго,
Поджавъ бѣлы рученьки,
Повѣся буйну голову,
Потупя очи ясныя?
Она стоитъ, убивается,
Слезами умывается.
«Отойди, моя матушка,
Отъ печки отъ ясныя,
Отъ шесточка кирпичнаго
Ко мнѣ въ куть да занавѣсу,
Сядь подъ правую рученьку,
Разложимъ горе-кручинушку!
Ты возьми, моя матушка,
На бѣлы свои рученьки,
Прижми къ сердцу ретивому,
Приложи ко бѣлу лицу.
Я пытала тебѣ кланяться:
«Продержи годокъ поры времечка,
Хоть одно лѣто теплое,
Хоть еще весну красную!
Я не хуже тебѣ, матушка,
Козачихи вселѣтницы,
Козака полулѣтника;
Скорая была посылочка,
Надѣюшка крѣпкая.
Было словушко тайное,
Тайное, безвыносное.
Да хошь наймётъ сударь батюшка
Казака полулѣтника,
Козачиху вселѣтницу, —
Не скорая посылочка,
Не надѣюшка крѣпкая,
Пошлёте, не дождетесь,
Хоть *отдаси*, моя матушка,
Во чужіе во добры люди
Отъ ся прочь да неподалеку.»
Прибрала ты мнѣ-ка, матушка,
Изъ мѣстъ мѣсто хорошее,
За дѣтину не одинокова,
Мѣстечко не окупленное,
Новче годы потрусливые,
Люди все ярословые;
Господа немилосливые.
Да мутятъ люди добрые
На чужова чуженина,
Ознобятъ ретиво сердце
У меня, красны дѣвицы
Безъ морозу студёнова,
Безъ вѣтру, безъ вихорю,
Безъ частова безъ дождичка.
Не осуди, моя матушка,
Что не жалко управила,
Не слезно уплакала, —
Надо мнѣ пріуплакати,

Жалобно упричитати
Государя то батюшка:
«Подойди въ куть запавѣсу,
Утоли горе-кручинушку,
Уйми слёзы горючія.
Я спрошу тебя, батюшка:
Ты куды наряжаешься?
Не во церкви ли божественной?
Не на торги ли на ярмонки?
Вы поймите меня съ собою,
Ты сряжайся-ко, батюшка,
Со всѣмъ родомъ и съ племенемъ
Пропивать да просватывать
Душу красную дѣвицу.
Не покинь, сударь батюшка,
На чужой-то на сто́ронѣ
Вѣковόва укорища
Вѣковόва упрекьица.

1868.

(Причетъ невѣсты передъ самымъ пріѣздомъ поѣзжанъ).

Что не гуси, не лебеди
Въ чистомъ полѣ укрываются,
Не вода-матка вешняя
Кругомъ двери облиліяла,
Что не вѣтромъ, не вихоремъ
Ворота растворилися,
Не льдомъ да не *шорохомъ* [1])
Подворотечку вышибло, —
То мои свѣтъ бѣлы лебеди,
Мои милыя подруженьки,
Души красныя дѣвицы.
Вы послушайте, голубушки,
Кто у окошка колотится?
Не торгованы ли наѣхали,
Не съ бѣлиламъ ли, со мазильчикамъ,
Не съ хрустальнымъ ли чернильницамъ?
Вы послушайте, голубушки,
Видно,—дружка княжая
У окошка колотится,
Со молитвамъ Іисусовымъ,
Со поклонами низкими.
Государь сударь батюшка,
Всхожай красное солнышко!
Ты приставь, сударь батюшка,
Къ воротамъ приворотничковъ,
Ко крыльцу-то крылешничковъ,
Ко дверямъ-то придверничковъ,

[1]) Шорохъ—мелкій, осенній ледъ, идущій по рѣкѣ, сало. Слов. Даля.

Чтобъ не пришелъ дружка княжая.
Что не плотны у батюшка
У воротъ приворотнички,
У крыльца все калымщички,
У дверей все табашнички.
Приведи, сударь батюшка,
Человѣка ученаго;
Отъ кого правитъ друженька
Челобитье великое?
Токо правитъ дружка княжая
Отъ родни отъ родимыя,
Отъ милеия жалостливаго.
Ты возьми правой рученькой
Просмотри челобитьецо.
Видно правитъ дружка княжая
Отъ чужого чуженина?
Ты возьми лѣвой рученькой
Зашиби челобитьецо
О кирпичную середу [2]).
Ты возьми дружка за̀ воротъ,
Поведи его за́ двери,
Укажи путь дороженьку.
Вы мои свѣтъ бѣлы лебеди,
Души красныя дѣвицы!
Не убойтесь, голубушки,
Этого дружки княжаго.
Какъ подойдетъ дружка княжая
Со всѣмъ княжимъ со поѣздомъ
Дорожите (?), голубушки
Свѣтлое подоконьецо,
У насъ столъ-отъ во сто рублей
Скатерки въ пятьдесятъ рублей,
Хлѣба-соли на тысячу,
Питья, яс(т)вы и счету нѣтъ.
Охти мнѣ да тошнёшенько,
Что пришла дружка княжая
Со княжимъ со всѣмъ поѣздомъ;
Привезла дружка княжая
Намъ ушатъ пива пьянаго,
Намъ ведро зелена̀ вина,
Намъ кунатцо (?) меду сладкаго,
Коробокъ сладкихъ пряничковъ,
Сто рублей золоты́ казны.
Да умѣетъ ли чужой чуженинъ
Ко столу приступатися,
Да по-низку покланятися?
Удалой добрый мо́лодецъ
Не добро́ идётъ, не хо́робро
За столы за дубовые.
Не побей дубова стола,—
У насъ столъ отъ во сто рублей
Скатерка въ пятьдесятъ рублей.
Ты, удалый добрый молодецъ,

[2]) Печь.

Правда-ль хвасталъ, нахвастывалъ:
Приберу я себѣ княжой поѣздъ, —
Ужъ я молодца къ молодцу,
Молодцы всѣ во единый ликъ.
Армяки одноцвѣтные,
Кушаки однотравчатые,
Шапочки все бобровые,
Рукавицы замшоныя,
Кони все одношерстные,
Сани-то сини-дубовыя,
На саняхъ почети (?) зеленыя,
Всѣ уздицы тасмяныя;
У нихъ возжи всѣ моржовыя,
Въ ручкахъ платки шелковые.
А какъ тысяцкой-отъ сидитъ
Ровно красное солнышко.
А какъ большой-отъ бояринъ —
Ровно свѣтелъ мѣсяцъ вó небѣ,
А какъ меньшіе то бояра
Умные да разумные.
Конюха да повозники —
Будто частыя звѣзды во небѣ.
А какъ свахонька княжая
Будто гостинная гостейка
Изъ Сибири наѣхала.
Ужъ какъ чужой-отъ чужениnъ,
Удалой добрый молодецъ,
Будто темная ноченька,
Темна ночка, ночь осенняя,
Да повѣся буйну голову,
Да потупя очи ясныя.
Ты скажи, добрый молодецъ:
Развѣ я красна дѣвица
Не по уму не по разуму
Тебѣ не на вѣкъ досталася?

1369.

(Передъ поѣздомъ къ вѣнцу).

Какъ моя-то Богородица
Изъ кіоточки вынята.
Поставлена Богородица
На стѣну бѣлокаменну,
Что прилѣплена къ Богородицѣ
Свѣча бѣла воску ярова.
Я молитву ли сотворю
Съ поклоненіемъ Інсусову;
Перекрещу лицо бѣлое.
Я земной поклонъ положу
За гору за высокую,
За мать церкву божественну,
За Николу милостлива,
За поповъ да за дьяконовъ,
За миленькихъ пóдъечковъ,
Да еще поклонъ пóложу
За царей милосливыхъ,
Да еще поклонъ пóложу
За государя за батюшка,
За родимую матушку;
Да еще поклонъ пóложу
За голубчиковъ милыхъ братцевъ,
За сестрицъ бѣлыхъ лѣбедей;
Да еще поклонъ пóложу
За крѣстную матушку,
Да за всю родню родимую;
Да еще поклонъ пóложу
За себя, молодёшеньку.
Во сегодняшній бѣлый день
Поѣду къ церкви божественной,
Ко Николу милостливу,
Подъ вѣнцы подъ злащёные.
Да отъ церкви божественной
На чужую на сторону.
Сохрани, Христосъ истинный,
Отъ врага супостателя,
Отъ злыхъ, отъ лихихъ людей,
Кто на меня лихо думаетъ,
Не попусти, Христосъ истинный.
Слава Христу, слава небесному!

1370.

(Иногда этотъ причетъ поютъ какъ семейную пѣсню женщины несчастныя въ замужествѣ).

Сватъ-отъ сватался, да порасхвастался:
Что изба-то у насъ пятистѣнная,
Что дворъ-то у насъ на семи верстахъ,
Что скотинушки у насъ полонъ дворъ,
Середи-то двора шатеръ стоитъ.
Три поля у насъ хлѣба насѣяно,
Частымъ дождичкомъ поливано,
Все весельемъ огорожено.
Обманули меня бѣдную:
Что изба-то — безугольная,
Что дворь-отъ на семи шагахъ,
Что скотинушки—одна коза,
Середи двора пестерь [1]) стоитъ;
Три поля горя насѣяно,
Горючимъ слезамъ поливано,
Все кручиной огорожено.
Я пойду съ горя въ темны лѣса, —
Я хожу въ лѣсахъ, аукаюсь.
Никто въ лѣсѣ не отъукнется,
Что ни батюшка, ни матушка,
Ни соколы братцы милые,

[1]) Пестерь—плетенный изъ береста коробъ для собиранія ягодъ, грибовъ и т. п. Слов. Подвысоцкія.

Ни голубушки бѣлы сестры.
Чуть напоситъ голосъ матушки:
«Ты родимое мое дитятко,
Не въ лѣсу ли заблудилося,
Не въ травѣ ли заплеталося,
Не въ росѣ ли замочилося?»
—«Ты родимая моя матушка!
Заблудилась я въ чужихъ людяхъ,
Заплелась я въ горѣ-кручинушкѣ,
Обмочилась въ горючи́хъ слезахъ.»
«Ты родимое мое дитятко!
Ты носи платье, не складывай,
Ты терпи горе, не сказывай.»
— «Ты родимая моя матушка!
Поноси-то платье, сложится,
Потерпя горе да скажется.»

1371.

Ужъ я шла чистымъ полемъ,
Шла широкимъ раздольемъ,
Шла улицей широкой.
Мнѣ почулось, послышалось,
Во лѣсу-то въ темномъ
Скоковала кокушечка.
Я сама догадалася,
Я, млада, домекнулася.
Сидитъ красная дѣвица
Во высокомъ во теремѣ
У родимаго батюшка,
У родимыя матушки,
У соколовъ милыхъ братьевъ,
У голубушекъ милыхъ сестеръ.
Не прогнѣвайся, голубушка,
Что тебя я не встрѣтила
У воротъ да на улицѣ,
На ступча́той на лѣсенкѣ,
На калиновомъ мостикѣ,
У дверей я не сто́яла,
Я дверей-то не отво́рила,
За бѣлы̀ руки не при́няла,
Въ честно мѣсто не поса́дила,
Дубовы́мъ столомъ не задвинула,
Бравыхъ скатертей не раскинула,
Яствы сахарны не наставила,
Я челомъ не ударила,
Ниже шолкова пояса,
Золотыя перевязочки.
На меня да не спесь взошла,
Да не гордость великая,
Не богатство меня и́зняло, —
Меня и́зняло, молоду,
Меня горюшко великое,
Подступить-ка мнѣ, молодѣ,
Въ куть подъ окошечко,
За бранную занавѣсочку,
Подъ тонкое полотенечко,
Не велѣлъ-то мнѣ батюшка
Далеко ходить расхаживать,
Не велѣла мнѣ матушка
Широко глядѣть разглядывать.
Что мнѣ далъ родной батюшка?
Далъ единое мѣстечко —
Отъ кути да до̀ печи,
Что дала мнѣ родна матушка —
До воды до ключовыя,
До полотенечка бранаго.
Ужъ вы сядьте-ка, голубушки,
Подъ мою руку правую,
Поучите-ка, голубушки,
Ко уму меня къ разуму
И ко вѣдву [1]) хорошему.
Ужъ какъ я, молодёшенька,
Ужъ какъ я, зеленёшенька,
Несозрѣлая ягодка,
Не наливчатой яблочекъ,
Я въ чужихъ людяхъ не бы́вала,
Я чужихъ людей не ви́дала.
Какъ мнѣ будетъ, молодёшенькѣ,
На чужой дальней сто̀ронѣ,
Ужъ мнѣ какъ привыкать будетъ
У чужого отца-матери,
У чужого-то чуженина,
Чужа сына-то отецкаго,
Грозы-то молодецкія,
У чужого роду племени?

1372.

Ты сударь кормилецъ батюшка,
Ты родимая матушка!
Я о чемъ вамъ побью челомъ,
По-низку да буду кланяться:
«Не оставь, сударь батюшка
И родимая матушка
Моея просьбы великія,
Моего докучаньеца,
Слёзнаго причитаньеца.
Во первой-отъ разокъ и въ послѣдній
Ты свези, сударь батюшка,
Ко Николѣ-то святителю
Мою дѣвью-то кра̀соту,
Положи дѣвью кра̀соту
На престолъ Богоматери.
Какъ придутъ люди добрые,

[1]) наука, знаніе.

Они станутъ дивоваться:
Это чья дѣвья кра̂сота?
Она честно-то ношена,
Она къ мѣсту положена,
За престолъ Богоматери.

1373.

(При отправленіи отца въ церковь для молебствія и по возвращеніи).

Спасибо тебѣ, батюшка
И роднмая матушка,
Что послушалъ, сударь батюшка
Ты меня, молодёшеньку.
Ужъ я думала, мо̂лода,
Ужъ я думала, зе̂лена,
Что помилуетъ Господи
Отъ чужія дальни стороны,
Отъ злодѣйки проклятыя,
Отъ чужого отца-матери,
Отъ чужого чуженина
Отъ чужа сына отецкаго,
Отъ грозы-то молодецкія,
Отъ чужого рода-племени.

1374.

(Къ брату передъ поѣздомъ въ церковь).

Ты кормилецъ, со̂колъ, милый братъ!
Я объ чемъ да побью челомъ,
По-низку да буду кланяться
Ниже шолкова пояса,
Золотыя перевязочки.
Не оставь ты, соколъ, милый братъ,
Слезяно̂ва причитаньеца!
Не пускай ты, соколъ милый братъ,
Что чужого-то чуженина,
Чужа сына отецкаго,
Ты грозу-то молодецкую.
Не сдавайся, соколъ, милый братъ,
На пивные стаканчики,
На винныя рюмочки,
На слова то ласковыя,
На поклоны-то низкіе,
На злато, на се̂ребро.

1375.

(Къ жениху, потомъ къ свахѣ и къ родителямъ).

Ты садись ка, добрый молодецъ,
Не со спесью, не со гордостью,
Со божьей-то милостью —
По мою-то руку правую,
Какъ зима со морозами;
По мою-то руку лѣвую
Морозы трескучіе.
Ужъ ты, сваха пріѣзжая,
Ты скоро опознаешься,
Зз русу косу хватаешься.
У меня-то во русой косѣ
Три ножа-то булатные,
Три сабельки вострыя.
Ты обрѣжешь, сваха пріѣзжая,
Свою руку-то бѣлую.
Ты попустишь кровь урѣзную
По моему платью цвѣтному,
Цвѣтному, подвѣнечному.
Супротивъ меня, мо̂лоды,
Стоятъ лѣса-то темные,
Лѣса-то дремучіе.
Не съ ума я слово молвила,
Не съ великаго разума,
У меня-то, у мо̂лоды,
Во устахъ рѣчь мѣшается,
Супротивъ меня, молоды,
Сидятъ гости пріѣзжіе.
Ужъ ты потчевай, батюшка,
Всѣхъ гостей-то пріѣзжіихъ,
Одного гостя всѣхъ больше.
Ты дари-ка, родна матушка,
Ты дари гостей, ударивай,
Одного гостя всѣхъ больше,
Чтобы не было мнѣ, молодѣ,
Укору-то великаго
Отъ чужого чуженина,
Отъ чужа сына отецкаго,
Отъ чужого роду-племени,
Отъ грозы то молодецкія
На чужой на сторонушкѣ,
На злодѣйкѣ проклятой.
Ты прости, сударь-батюшка,
Ты родимая матушка,
Соколы-то, вы милы̂ братья̂,
Голубушки, милы сестры,
И дядюшки и тетушки,
И подружки голубушки,
Вы сосѣди и сосѣдушки,
Вы сосѣдски малы дѣтушки,
Ты родимая сторонушка!
Подымись ты, туча грозная,
На своемъ-то широко̂мъ дворѣ

У родимого-то батюшки,
У родимой-то матушки;
Ты убей-ка, туча грозная,
Меня, молодёшеньку,
Меня, зеленёшеньку,
На родимой сторонушкѣ.

1376.

(Причетъ невѣсты-сироты передъ отъѣздомъ къ вѣнцу).

Благослови меня Господи!
Пресвятая Богородица!
Мнѣ садиться, молодешенькѣ,
Мнѣ садиться, зеленёшенькѣ,
Подъ середнее окошечко
Со своимъ со подруженькамъ,
Мнѣ съ нимъ думушку подумати,
Мнѣ съ нимъ думушку-то крѣпкую.
Я сижу, молодёшенька,
Я сижу, зеленёшенька,
Сирота горе-великая;
Я сижу да призадумалась,
Я чужихъ басенъ заслушалась.
Не со мной да люди говорятъ,
Не моихъ басенъ слушаютъ.
Хорошо тому басни слушати,
У кого горя нѣтутка.
У меня, молодёшеньки,
У меня, зеленёшеньки
Много горя-кручинушки,
Что кручинушки тяжелыя.
Вы послушайте, подруженьки,
Вы, подружки задушевныя,
Вы сосѣди и сосѣдушки,
Про меня, молодёшеньку,
Сироту горе-великую!
Ужъ какъ я ни подумаю,
Ужъ какъ я ни погадаю
Что своимъ глупымъ разумомъ,
Что своимъ неразсудливымъ, —
Не пора бы мнѣ, не времечко
Что сидѣть въ этомъ мѣстечкѣ,
Не съ ума я слово молвила,
Не съ ума да не со разуму,—
Со великія со глупости.
Я польстилась, молодёшенька,
На слова-то на ласковы,
На слова добра молодца,
На его золоту казну,
Какъ польстилася кормилица,
Моя родная матушка,
На его золоту казну,
Золоту казну добра молодца.
Продала моя кормилица
Что меня, молодёшеньку,
Сироту-горе великую,
На чужу дальню сторону,
На злодѣйку незнакомую,
Ко чужому отцу-матери,
Ко чужому роду племени,
На чужой па дальней сторонѣ —
Тамъ березы-то кужлявыя,
Тамъ и люди-то лукавые,
Тамъ луга-то кочковатые,
Тамъ и люди ломоватые.
Не привыкнуть мнѣ, молодѣ,
Не привыкнуть бѣдной-горькой
У чужого отца-матери
Со своей родимой стороны,
Съ моего-то житья дѣвичья!
Я жила, молодёшенька,
Сирота горе-великая,
У своей то я у матушки,
Я ложилась, молодёшенька,
Что ранымъ-то ранёшенько,
Я вставала, молодёшенька,
Что позднымъ-то позднёшенько,
Умывалась, молодёшенька,
Я мылами все янтарными,
Утиралась, молодешенька,
Полотенечкомъ миткалевымъ,
Я садилась, молодёшенька
За столы-то за дубовые
И за скатерти за браныя
И за яства за сахарныя.
На чужой-то дальней сторонѣ
Наглядѣться молодёшенькѣ
Напроситься бѣдной-горькой
Ужъ мнѣ куса-то поданова,
Поданаго да ожурёнаго.
Вы послушайте, подруженьки,
Мои милыя голубушки,
Я объ чемъ вамъ буду говорить:
Ужъ не годикъ мнѣ годовати,
Не недѣлюшку недѣлевать
И не ночка ночёвати,
Одинъ часикъ часовати
Во своей-то свѣтлой свѣтлицѣ,
У родимой-то у матушки.
Я спала-то, молодёшенька,
Я послѣднюю-то ноченьку,
Я спала больно худёшенько.
Ужъ какъ мнѣ, да молодёшенькѣ,
Больно сонъ худой привидѣлся:
У родимой-то у матушки
Всѣ заборы раскатилися,
Переводы развалилися,

Ужъ какъ я да ни подумаю,
Ужъ какъ я да ни погáдаю
Что своимъ-то глупымъ разумомъ,
Погляжу я бѣдна-горькая
На сосѣдей, на сосѣдушекъ
И на милыхъ-то подруженекъ: —
Ужъ какъ всѣ люди собралися,
Всѣ сосѣди и сосѣдушки
И подруженьки голубушки,
Всѣ и дядюшки и тетушки,
Одного гостя, всѣхъ больше, нѣтъ —
Что родимова-то батюшка.
Снарядить-то меня есть кому,
Благословить-то меня некому.
Ты послушай, соколъ, милый братъ,
Я объ чемъ те буду гȯворить,
По-низку-то низко кланяться:
Ужъ ты съѣзди, соколъ, милый братъ,
Ко Николѣ ко Святителю,
Ко Успенью Божьей матери;
Ты возьми-ка, соколъ милый братъ,
Отъ самой церкви золоты ключи,
Ты ударь-ка, соколъ милый братъ,
Что во самый большой колоколъ:
Не поднимутся-ль вѣтры буйные?
Не разступится-ль мать сыра-земля?
Не откроется-ль гробова доска?
Не развѐрнется-ль золота парча?
Не возстанетъ-ли кормилецъ батюшка
На свои-то рѣзвы ноженьки?
Не благословитъ-ли меня бѣдную,
Сироту горе-великую,
Изъ своихъ-то рукъ бѣлыихъ?
— Ужъ я какъ да ни подумаю,
Отъ сухова-то отъ дерева
Не бываетъ отростѐльца, —
Съ того-то свѣту бѣлаго
Не бываетъ сюда выходцевъ.
Ужъ мнѣ жить, молодёшенькѣ,
На чужой на дальней стȯронѣ,
Ужъ мнѣ вѣки да и пȯ вѣки.

1377.

(Невѣста къ отцу, отданному въ солдаты).

Ты кормилица матушка,
Ты соколъ, мой милый братъ,
У васъ что это за праздничекъ?
Всѣ-то гости собираются,
Одного-то гостя нѣтутка, —
Родимȯва мово батюшка.
Ужъ вы свѣтъ, мои голубушки,
Приближенныя сосѣдушки,
Вы названыя тетушки!
Пособите-ка, голубушки,
Вы мнѣ горя-то поубавити,
Горючи̇хъ слезъ порȯнити
И голосу повынести
Изъ высокаго терему.
Подхватите вы, буйны̆ вѣтры̆,
И снесите вы, буйны̆ вѣтры̆,
Голосá то великіе
Далекȯ по святой Руси̇,
Высоко противъ нѐбесу,
За рѣки-то за быстрыя,
За моря-то за синія,
Въ города-то во дальніе,
Во службу-то царскую,
Во неволю государскую.
Ты пришелъ бы, сударь батюшка,
При послѣднемъ порѣ времечкѣ,
При послѣднемъ свиданьецѣ,
При послѣднемъ разставаньецѣ.
Да принесъ, сударь батюшка,
Мнѣ свое благословеньеце,
Мать Божью Богородицу.
Какъ твое благословеньеце
И спасетъ и помилуетъ
Изъ синя̆ моря вынесетъ.

1378.

(Невѣста къ теткѣ).

Ты голубушка тетушка!
Ты скажи-ка, голубушка,
Ужъ ты какъ разставалася;
Со родимымъ-то батюшкой,
Со кормилицей матушкой,
Съ соколомъ милымъ братомъ,
Со голубушкой милой сестрой,
Со тетушкамъ, со бабушкамъ,
Со подружкамъ голубушкамъ,
Со душамъ краснымъ дѣвушкамъ,
Со дѣвьей-то крȧсотой,
Со дѣвичьимъ украшеньецомъ?

1379.

(Тетка къ невѣстѣ).

Я скажу тебѣ, голубушка:
Тяжело я разставалася,
Разставалась я, бѣдная,

Оставалась я, горькая!
Не помню я, молода,
На ногахъ-ли меня вывели,
На рукахъ-ли меня вынесли.
Тяжело да разставатися
Со родимымъ-то батюшкой,
Со родимой-то матушкой,
Со своимъ-то родомъ-племенемъ;
Какъ еще того тяжелѣе,
Какъ со дѣвьей-то красотой,
Со дѣвичьимъ украшеньецомъ.
Какъ еще скажу голубушка
Про чужую дальню сторону,
Про злодѣйку проклятую:
Тяжело, моя голубушка,
Тяжело жить на чужой сторонѣ,
Тяжело жить въ чужихъ людяхъ.
Надо жить-то умѣючи,
Говорить разумѣючи.
Надо стараго звать дядюшкой,
А старую-то звать тетушкой,
Молодыхъ-то по имени,
Величать по отечеству.
Какъ родимая-то матушка
Во первой-отъ разъ побудитъ,
По головушкѣ погладитъ.
«Ужъ ты спи, мое дитятко,
Ужъ ты спи, мое милое!»
Какъ второй-отъ разъ побудитъ,
Куньей шубкой окутаетъ,
Какъ въ третѣй-то разъ побудитъ:
«Ты вставай, мое дитятко!
У меня все дѣло сдѣлано
И работа наработана!»
Ужъ я встану, молодёшенька,
Ключевой водой умоюся,
Полотенечкомъ утруся.
Все дѣло-то сдѣлано,
Вся работа приработана.
У родимой-то матушки,
У родимаго-то батюшки
Я не знала, молодёшенька,
Гдѣ восходитъ-то солнышко,
Закатается красное.
На чужой-то на сторонѣ
Я спознала, молодёшенька,
Гдѣ восходитъ красно солнышко,
Гдѣ оно закатается.
На чужой-то на сторонѣ
На злодѣйкѣ-то проклятой,
У чужого отца-матери—
Какъ ходитъ чужая мать
По повѣтямъ то скрипучимъ,
По переводамъ-то зыбучимъ:
«Ты вставай, сноха сонливая,
Ты вставай, снова дремливая!
Я все дѣло-то придѣлала,
Всю работу приработала.»
Ужъ я встану, молодешенька
Горючимъ слезамъ умоюся,
Я рукавчикомъ утруся.

1380.

Что не ключики-ли брякнули?
Не замочки ли щелкнули?
Не меня-ли запоручили
За поруки за крѣпкія,
За письма-то за мелкія?
Выручать меня—не выручить,
Выкупать-то—не выкупить
Ни златомъ, ни серебромъ
Ни своей золотой казной.

1381.

Наложить мнѣ руку правую
На кутнее окошечко,
Отворить бѣдной горькой
Мнѣ окошечко малёшенько,
Опустить бѣдной горькой
По локотъ руку правую.
Упади, мое колячушко,
Покатись, мое колячушко,
По большой по дороженькѣ;
Не сворачивай, колячушко
Ни пѣшему, ни конному;
Прикатись, мое колячушко,
Ко Ивану-то Предтечѣ,
На честные монастыри.
Возвейся, колячушко,
Выше церкви божественной,
Выше крестнаго знаменья!
Да ударься, колячушко,
О могилушку высокую!
Расшибись, мое колячушко
О матушку сыру-землю:
Ты разсыплись, мать сыра земля
На всѣ четыре стороны,
«Ты раскройся, гробова доска,
Распахнитесь тонки саваны,
Разожмитесь руки бѣлыя,
Отъ сердца-то отъ ретиваго;
Разожмитесь очи ясныя,

Распечатайтесь, уста сахарныя!
Промолви, родимая матушка,
Ты единое словечушко!
И возстань, возстань, родимая
На свои-то рѣзвы ноженьки,
И зайдемъ, родимая матушка
Во церкву во божественну,
Да отпоемъ, родимая матушка,
Три молебна заздравны.»

1382.

Ужъ мнѣ нонѣшній годочекъ
Не пилось и не ѣлося,
Во гостяхъ не гостилося,
Въ посидѣнкахъ не сидѣлося,
Во гулянкахъ не гулялося:
Тосковалось молодёшенькѣ.
Я ложилась, молодёшенька,
Вечерòмъ позднымъ позднёшенько,
Я вставала, молодёшенька,
По утру ранымъ ранёшенько;
Умывалась, молодёшенька,
Я водицею ключòвою;
Утиралась, молодёшенька,
Тонкимъ бѣлымъ полотенечкомъ.
Я брала же, молодёшенька
Свои тòченыя пялечка,
Я садилась, молодёшенька,
Подъ переднее окошечко;
Отворяла, молодёшенька,
Я окошечко малёшенько;
Я глядѣла, молодешенька,
Я на улицу широкую,—
Что летитъ стадо гусиное,
И говòрятъ гуси сѣрые
Человѣческимъ голосомъ:
«Ужъ какъ этому-то тѣрему
Ему быть растворенному,
Ужъ какъ здѣшнему хозяину—
Ему быть раззоренному;
Ужъ какъ этой красной дѣвицѣ—
Ей быть расквиленной.»

1383.

«Ужъ ты что же засидѣлася,
На кого же заглядѣлася?
Не въ саду ли загулялася?»
—«Не на садъ я заглядѣлася,
Не на яблонцы кужлявыя,
Засидѣлась молодешенька
Во высокомъ-то во теремѣ,
У родимаго у батюшка,
У родимыя у матушки,
Со подружкамъ голубушкамъ.
Что сидятъ мои подруженьки,
Души красныя дѣвицы,
Онѣ сидятъ-то по старому,
Говорятъ все по-прежнему,
Не повѣся буйну голову,
Не потупя очи ясныя.
У нихъ буйныя головы—
У нихъ гладко учёсаны,
У нихъ русыя косоньки —
Во узоръ косы заплётаны;
У нихъ дѣвья-то крàсота —
По корень косы заплётана,
Да на каждой волосиночкѣ
Посажено по бисеринночкѣ.
Ужъ какъ я, молодёшенька,
Я сижу-то не по-старому,
Говорю не по-прежнему;
У меня буйна гòлова —
Не гладко учёсана,
У меня руса косонька, —
Не въ узоръ она заплётана,
У меня дѣвья-то крàсота —
По конецъ въ косы вплётена,
А на каждой волосиночкѣ
По горючей по слезиночкѣ.

1384.

Я ходила, молодёшенька,
На свой на широкой дворъ,
Я глядѣла, молодёшенька,
Я во заднее окошечко,
Тамо стоятъ три древушка:
Первое-то—береза бѣлая,
А второе—яблонца кужлявая.
Ужъ какъ третье-то древушко—
Осинушка горькая.
Ужъ бѣлая-то березонька —
Она съ яблонцой свивается,
Какъ осинушка-то горькая —
Она прочь удаляется.
Ужъ какъ бѣлая березонька—
Это мой родимый батюшка,
Ужъ какъ яблонца кужлявая—
Это родимая матушка;
Ужъ какъ осина-то горькая—
Это я бѣдна-горькая.

1385.

Призагу́ньте, призамолкните
На широкой-то улицѣ
Всѣ и гуси и лебеди!
Во высокомъ-то теремѣ —
Всѣ и гости и гостейки,
Всѣ сосѣдушки голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Что же мнѣ это почудилось:
На конѣ ровно подъѣхало,
У калиточки постукалось,
У колячушка побрякалось,
Что крылечко отворилося,
Верейюшки пошатилися,
Часта лѣсенка разсыпалась,
Двери на̀ пяту отворилися;
Что идетъ ко мнѣ и жалуетъ
Дорогая чѐстна гостейка.
Добро итти да жаловать,
Ты родимая матушка
На мою *сварбу* бѣдную,
На мою сварбу сиротскую!
Что несетъ родима матушка
Во правой-то во рученькѣ
Пресвятую Богородицу,
Благословеньеце великое;
Во другой несетъ во рученькѣ
Несетъ свѣтлое платьецо,
Цвѣтное да подвѣнешное,
Несетъ шубу соболиную.
Я не знаю, бѣдна-горькая,
Мнѣ за что будетъ братися:
За цвѣтное ли платьецо,
За шубу ли соболиную,
За Пресвятую Богородицу?
Пресвятая-то Богородица —
Благословеньецо великое,
Меня спасетъ и помилуетъ,
Изъ синя̀ моря повынесетъ,
Изъ темна лѣса повыведетъ.

1386.

Какъ вчера объ эту пору,
Поранѣе малёшенько,
Пролеталъ младъ ясёнъ соко̀лъ
Мимо батюшкова терема,
Мимо матушкиной горенки,
Мимо кутняго окошечка.
Говорилъ младъ ясёнъ соко̀лъ:
«Не плачь, красная дѣвица!
Тебѣ плакать-то нѐ объ чемъ,
Причитать-то тебѣ нѐ по комъ.
На чужой-то дальней сто̀ронѣ
У чужого-то чуженина
Три поля пшена насѣяны,
Частымъ дождичкомъ поливаны,
Радостью да обгорожены.»
Какъ вчера объ эту пору,
Поранѣе малёшенько,
Пролетала лебедь бѣлая
Мимо батюшкова терема
Мимо матушкиной горенки,
Мимо кутняго окошечка;
Надломила право крылышко,
Надвѣстила красной дѣвицѣ:
«Ты поплачь-ка, красна дѣвица,
Тебѣ плакать-то есть объ чемъ,
Причитать-то тебѣ есть по комъ:
На чужой-то да̀льней сто̀ронѣ
Три поля горя насѣяны,
Горючимъ слезамъ поливаны,
Кручиной то обгорожены,
Печальёй-то исподпираны.»

1387.

Ужъ вы свѣтъ, мои подруженьки,
Души красныя дѣвицы!
Я объ чемъ васъ буду про̀сити,
Объ чемъ буду говрити.
Все пройдетъ и все мину́ется
Вся волна проволнуется,
Всѣ и гости разъѣдутся,
И пройдетъ это времечко,
И придетъ лѣто теплое
И святыя воскресеньеца,
Придутъ праздничкй веселые,
Вы пойдите, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
На гулянье веселое,
Ступите-ка, мои голубушки,
Во мою-то ступенечку[1]),
Вспомяните-ка, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Вы меня, молодёшеньку,
На чужой дальней сто̀ронѣ,
На злодѣюшкѣ незнамоё,
Какъ у меня, молодёшеньки,
Пройдетъ первый день праздничка:
Онъ пройдетъ въ празднова̀ньецѣ.
Какъ другой-отъ день праздничка—
Онъ пройдетъ во чесаньецѣ,

[1]) слѣдъ.

А какъ третій день праздничка —
Онъ пройдетъ въ снаряжаньецѣ.
Снаряжусь я, молодёшенька,
На гуляньеце веселое.
Ужъ я выйду, молодёшенька,
На широкую улочку,
Погляжу я, молодёшенька,
Я на всѣ четыре стòроны:
На закатѣ красно солнышко,
На расходѣ люди добрые.
Ворочусь я, молодёшенька,
Въ нелюбимую горенку,
Я ударюсь, молодёшенька,
О свой окованъ сундукъ,
Я сниму свѣтло платьецо;
Я повѣшу свое платьецо
Выше буйныя гòловы,
Наревлюсь я, молодёшенька,
Въ нелюбимой-то горенкѣ.
Я пойду, молодёшенька,
Къ богоданной-то матушкѣ,
Ужъ я сяду, молодёшенька,
Подъ кутне окошечко.
Станетъ спрашивать у молодёшеньки
Богоданная матушка:
«Нагулялась-ли, гулливая,
Наболталась-ли болтливая,
Наслонялась-ли, слонливая?»

1388.

Я жила, красовалася,
Я жила, наряжалася
У родимаго батюшки,
У родимыя матушки.
Я спала, высыпалася,
Я спала, прохлаждалася
На тесовой кроваточкѣ,
На мягкой постелюшкѣ,
На высокомъ зголовьецѣ,
Подъ теплымъ одъялечкомъ.
Ужъ какъ ходитъ рòдна матушка,
Она ходитъ по малёшеньку,
Говоритъ потихошеньку,
Подойдетъ она, послушаетъ,
Отойдетъ она, окутаетъ:
Ужъ ты спи, моя работливая,
«Ужъ ты спи, моя заботливая!
Не взошло красно солнышко,
Въ поляхъ люди нè пашутъ,
Во лугахъ люди нè косятъ,
Во лѣсахъ роса не ðпала.»
Ужъ я встала, молодёшенька,
Я умылась, молодёшенька,
Ключовою водицею,
Утиралась, молодёшенька,
Тонкимъ бѣлымъ полотенечкомъ,
Выходила, молодёшенька,
Я на свой на широкой дворъ,
Я смотрѣла, молодёшенька,
На широкую улицу:
Что взошло красно солнышко,
Во поляхъ-то люди пашутъ,
Во лугахъ-то люди косятъ,
Во лѣсахъ роса ðпала.
На чужой на дальней сторонѣ
Я спала, не высыпалася
На мягкой перинушкѣ,
На высокомъ зголовьецѣ,
Подъ теплымъ одъялечкомъ.
Ужъ какъ ходитъ богоданная,—
Она ходитъ по гусиному,
Говоритъ по журавлиному,
Подойдетъ она, постукаетъ,
Отойдетъ—меня раскутаетъ.

1389.

Я возьму свою кра̀соту
Во свои руки бѣлыя,
Я снесу свою кра̀соту
Во лѣса во дремучіе,
Повѣшу свою кра̀соту
Я на бѣлую березоньку.
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко:
Какъ придетъ зима холодная,
Нападутъ снѣги бѣлые,
И придутъ люди добрые
Съ топорами со вострыми,
Подсѣкутъ бѣлу березоньку,—
Упадетъ моя кра̀сота
На снѣги-то на бѣлые.
Какъ придетъ весна красная,
Какъ растаютъ снѣги бѣлые,
Потекутъ рѣки быстрыя,
Унесутъ мою кра̀соту
Во луга во зеленые,
На травы̀ на шелкòвыя,
На цвѣты на лазоревы.
И придетъ лѣто теплое,
И пойдутъ люди добрые
Со косами со вострыми,
Подкосятъ люди добрые
Тѣ травы̀-то шелкòвыя,

Упадетъ моя кра̀сота
Что на щетку колючую, —
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко.
Я снесу свою кра̀соту
Ко Ивану Предтечѣ,
Положу свою кра̀соту
За престолъ Божьей матери.
И придутъ люди добрые
Во церкву божественну,
И увидятъ люди добрые
Мою дѣвью-то кра̀соту:
«Ужо чья это кра̀сота?
Она красно красовалася,
Она баско наряжалася
У роднимаго батюшки,
У роднмой-то матушки.»

1390.

Мое сердце испугалося,
Рѣзвы ноженьки подогнулися,
Бѣлы рученьки опустилися.
У меня ли, сизой пташечки,
Горе-горькой сиротинушки,
Голова съ плечъ покатилася,
Во устахъ рѣчь помѣшалася.
Запору̀чилъ милый дядюшка
И кормилица тетушка
За поруки-то за крѣпкія,
За замки вѣковѣчные.
Отъ замковъ ключи потеряны,
Во синѐ-море опущены.
Ты взойди, красно солнышко,
Обсуши ты синѐ-море!
Ужъ вы свѣтъ мои подруженьки,
Мои милыя голубушки!
Вы сходите на синѐ море,
Поищите золотыхъ ключей.

1391.

(Подружки къ невѣстѣ).

Ужъ ты свѣтъ наша голубушка,
Дорогая ты, Татьянушка,
Наша милая подруженька!
Что сухому ли то дереву
Не бывать два раза зѐлену,
И тебѣ, наша подруженька,
Ужъ не быть во красныхъ дѣвушкахъ.

(Всѣ причеты начиная съ № 1367 записаны въ дер. Яковлевскомъ, Фетиньинской вол., Вологодскаго у.).

1392.

(Невѣста къ теткѣ).

Ужъ ты свѣтъ моя голубушка,
Моя милая тетушка!
Поднялись, моя голубушка,
На меня-ли то на бѣдную,
Сироту-то горе горькую —
Что твои-то руки бѣлыя!
Такъ не жаль тебѣ, кормилица,
Что мою-то буйну голову
И дѣвичью мою кра̀соту!

1393.

(Тетка къ невѣстѣ).

Ужъ ты свѣтъ моя голубушка,
Моя милая племянница!
Кабы былъ у тя, голубушка,
Твой родимый-то батюшка,
Да родимая матушка,
До люби бы насидѣлася,
До охоты нагулялася,
Со своими-то подружками,
Со товарками дѣвицами.

1394.

(Невѣста къ умершимъ родителямъ).
Я сидѣла ли бѣдная
За столами за дубовыми,
За скатертями за браными,
За яствами саха̀рными!
Я смотрѣла по свѣтлицѣ
Своихъ милыхъ родителей,
Не стоятъ мои родные
У стола у дубоваго
И не потчуютъ дорогихъ гостей.

1395.

(Невѣста къ теткѣ).

Богъ тебѣ судья, голубушка,
Дорогая моя тетушка!
Что прикрыла сиротинушкѣ
Половину свѣта бѣлаго.
Не велишь теперь мнѣ, тетушка,
Широко ходить-расхаживать,

Далеко глядѣть-разглядывать.
Только дали сиротинушкѣ
Половнички три единыя:
Отъ кути да до кадушечки,
Отъ кадушечки до полотенечка,
И отъ печи до голбчика.
Научи же меня, тетушка,
Уму-разуму степенному
И обычаю хорошему: —
Какъ мнѣ жить на дальней сто̀ронѣ
У чужого-то чуженина,
У чужого отца-матери,
У чужого роду-племени.

1396.

(Тетка къ невѣстѣ).

Ужъ ты свѣтъ мое солнышко!
Ты дитя благословенное!
Ты живи, моя голубушка,
Моя милая племянница,
На чужой-то дальней сто̀ронѣ,
Семьянинкой скромной горлицей;
Ужъ ты будь, моя голубушка,
Буйной го̀ловой поклончива,
Ретивымъ сердцемъ отходчива;
Рѣзвы ноженьки съ подходами,
Бѣлы рученьки съ подносами.
Ты здоровайся, голубушка,
Что со старымъ и со малыми,
Называй-ка ты, голубушка,
Что холо̀стова по имени,
А старо̀ва по отечеству.

1397.

(Невѣста къ замужней подругѣ).

Ужъ ты свѣтъ моя голубушка,
Моя старая подруженька!
Ужъ я буду тебя спрашивать,
Ты начни-ка мнѣ разсказывать.
Ты скажи-ка мнѣ, голубушка,
Моя прежняя подруженька,
Какъ сама ты разставалася
Со своимъ милымъ родителямъ,
Со всѣмъ своимъ родомъ-племенемъ,
Со подружками голубками,
Со своей ли волей вольною,
Со своей дѣвичьей красотой?
Я еще спрошу, сиротинушка,
Я еще спрошу горе-горькая:
Ты повѣдай мнѣ, подруженька,
Хорошо ли во чужихъ людяхъ
У чужого отца-матери?

1398.

(Молодая баба къ невѣстѣ).

Ужъ ты свѣтъ моя голубушка,
Моя прежняя подруженька!
Тяжело да разставатися
Со своимъ-то отцомъ-матерью,
Съ дорогими-то сестрицами,
Со всѣмъ милымъ родомъ-племенемъ.
А еще того тяжѐлѣе
Разставаться съ вольной волею,
Со дѣвичьей своей кра̀сотой.
Не запомнила, младѐшенька,
Разставанья я тяжелаго, —
На рукахъ-то меня вынесли,
На коняхъ-то меня вывезли
Ко матушкѣ Божьей церкви,
Подъ вѣнцы подъ золоченые,
Отъ вѣнца отъ золоченаго
На чужую дальню сторону;
Увезли меня, подневольную,
Ко чужому-то чуженину.
Что хвалить-то чужу сторону, —
Мое сердце не воротится,
А что хаять чужу сторону —
Твое сердце испугается.
Ужъ ты свѣтъ, моя подруженька!
Тяжело жить во чужихъ людяхъ,
У чужого отца съ матерью,
У чужого сына отецкаго,
У грозы-то молодецкія.
Ты живи, моя голубушка,
На чужой дальней сторонушкѣ
Осторожненько, умѣючи,
Говори да разумѣючи.
Не держи на чужой сто̀ронѣ
Ты подружки задушевныя;
Ты держись, моя голубушка,
Все подушечки пуховыя:
Что подруженька голубушка
На чужой на да̀льней сторонѣ
Тебя выдастъ да и высмѣетъ,
А подушечка пуховая
Твоихъ жалобъ не повѣдаетъ,

1399.

(Невѣста къ дѣвушкамъ на дѣвишникѣ).

Во шуму я не услышала,
Во слезахъ я не увидѣла,
Что идутъ ко мнѣ да жалуютъ
Мои милыя подруженьки,
Души красныя дѣвушки.
Не прогнѣвайтесь, пожалуйста,
Мои милыя голубушки,
На меня на сиротинушку,
Что не вышла, васъ не встрѣтила,
Широко дверей не растворила,
За бѣлы руки не приняла,
Въ честно мѣсто не посадила,
Въ честно мѣсто, подъ окошечко,
На тесовую на лавочку.
На меня, мои подруженьки,
Что не спесь нашла великая,
Не богачество одолило,
Извело меня, младешеньку,
Горе лютое, неутѣшное:
Отдаютъ меня, бѣдную,
Что кормилецъ-то дядюшка
И голубушка тетушка
Противъ воли во замужество,
Молодымъ-то молодёшеньку,
Зеленымъ-то зеленешеньку.
Вы послушайте, голубушки,
Какъ у моего-то у дядюшки
Веселое-то пированьецо,
А у меня у сиротинушки
Что не радостная свадебка.
Что не свѣтелъ день безъ солнышка,
Не свѣтла ночка безъ мѣсяца,
Не славна свадьба сиротская
И судьба ея не радостна.

1400.

(Невѣста къ тѣмъ же подружкамъ).

Вамъ спасибо, подруженьки,
Мои милыя голубушки,
Что на вашихъ на подарочкахъ!
Кабы эти да гостинчики
Кабы въ пору были, вó-время,
Да по ранѣе малёшенько,
По своей-то вольной волюшкѣ,
Во своей-то дѣвьей крáсотѣ,—
Я бы съѣздила съ подружками
Въ городá да и во ярмонки,
Я зашла-бы, молодешенька,
Къ молодому купцу въ лавочку,
Я купила-бъ алу ленточку,
Золотую перевязочку.
Лентой косу бы украсила,
Перевязочкой повязочку.
А теперь что мнѣ въ подарочкахъ?
Въ рукахъ держать—потерять могу,
Къ лицу поднесть—всѣ обмочатся,
Ко сердцу прижать—заржавѣютъ.
Положу ваши гостинчики
Я въ себѣ да въ окованъ сундукъ,
Увезу ваши подарочки
На чужую дальну стóрону.
На постылой на сторонушкѣ
Растоскуется сердечушко,
Тутъ зайду я, молодёшенька,
Въ нетопленую-то хатину;
Отопру тогда тихошенько
Свой дѣвичій окованъ сундукъ
И возьму ваши гостинчики
На свои-то руки бѣлыя;
Подыму ваши подарочки
Выше буйныя гóловы,
Выше бабьяго повойничка,
Ужъ я буду похвалятися:
У меня эти гостинчики
Со родимой со сторонушки,
Отъ голубушекъ подруженекъ,
Ужъ я буду ими хвастаться
Что и старому и малому,
Холостому и женатому.

1401.

(Тоже).

Ужъ вы свѣтъ мои голубушки,
Мои милыя подруженьки
И родная моя тетушка,
Вы сосѣди и сосѣдушки,
У сосѣдей малы дѣтушки!
Призамолкните, пожалуйста,
На единую минуточку!
Ужъ и что-же мнѣ почудилось:
У окошечка постукалось,
У калитки кольцо брякнуло,
У дверей да возмолилося?
Двери на пяту растворилися:
Какъ идетъ ко мнѣ батюшка
И родимая матушка.
Что несетъ ко мнѣ батюшка
На своей на правой рученькѣ
Благословеньеце великое —

Пресвятую Богородицу,
А родимая-то матушка
Цвѣтно платье подвѣнечное.
Я взялась, молодёшенька,
Не за цвѣтное платьецо,
Я взялась горе-горькая
За святую Богородицу.
Ужъ какъ ихъ благословеньецо
Что спасетъ меня, помилуетъ
На чужой дальней стòронѣ.
Ужъ я глупая, неразумная,
Голова моя несмышлёная,
Развѣ могутъ съ того свѣта
Появляться сюда выходцы!
Ни письмà оттоль, ни грамотки,
Ни словеснаго челобитьеца!
Отъ сухого-то отъ дерева
Не бывать, видно, отросточкамъ,
Изъ подъ снѣгу изъ подъ бѣлаго
Не растетъ да шелковà трава,
Не цвѣтутъ цвѣты лазоревы.
Такъ съ того свѣта божьяго
Не придутъ мои родители
На мое на пированьецо,
На мою свадьбу сиротскую.

1402.

(Невѣста, когда пріѣхалъ женихъ).

Ужъ вы свѣтъ мои голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Ужъ вы станьте-ка, голубушки,
Что стѣною бѣлокаменной,
Не пускайте-ка, голубушки,
Вы чужого-то чуженина
Со чужой-то дальней стòроны.
Благослови, Боже Господи!
Пресвятая Богородица!
Ужъ мнѣ встать да подниматися
На свои ноги рѣзвыя,
На чулочки на бумажные.
На башмàчки сафьянные.
Что не гнитесь вы, полòвочки,
Не ломайтесь перевòдинки!
Что по вамъ-то не медвѣдь идетъ,
Не медвѣдица-то лютая,
Идетъ красная дѣвица.
Не тяжéлѣ я прежняго,
Отчего-жъ это случилося:
Рѣзвы ноженьки подогнулися,
Бѣлы рученьки опустилися,
Голова съ плечъ покатилася,
Во устахъ рѣчь помѣшалася?
Ужъ спрошу я, сиротинушка,
У всего-то роду племени,
У милыхъ своихъ подруженекъ,
Что позволятъ-ли голубушки
И прикажетъ-ли мнѣ дядюшка
И кормилица тетушка
Принимать мнѣ гостинчики
Отъ чужого-то чуженина
Отъ чужа сына отцовскаго?

1403.

(Невѣста къ свату).

Хочу встану, хочу—нè встану,
Хочу пòйду, хочу нè пойду
Передъ сватомъ подхалюзникомъ;
Передъ сватомъ переметникомъ
Не статья мнѣ слезно плакаться.
У меня у молодёшеньки
Не захвачена воля вольная.
Все ходилъ ко мнѣ сватъ сводничекъ,
Все ходилъ онъ, подхалюзничекъ,
И позднѝмъ ко мнѣ позднёшенько,
И ранѝмъ ко мнѣ ранёшенько,
Все торилъ ко мнѣ дороженьку.

1404.

(Подружки къ свату).

Ужъ тому-ли свату-своднику
На печи бы заблудитися,
Сквозь напыльникъ провалитися,
Киселемъ бы подавитися,
Подъ шестокъ бы закатитися,
Чтобъ клюкой грести, не выгрести,
Помеломъ мести, не вымести!
А еще бы свату-своднику
Три бы чирья ему въ бороду,
А четвертый-то подъ горлышко,
Вмѣсто краснаго солнышка.
Ужъ ему ли свату своднику
Мы дадимъ-же провожатаго —
Таракана-то рогатаго,
Еще мышь полосатую.

1405.

(Невѣста, принявъ отъ жениха подарки).

Не коря, я покорилася,
Не склоня, я поклонилася
Передъ добрымъ-то молодцемъ.

1406.

(Подружки къ невѣстѣ).

Что не честь красной дѣвицѣ,
Не хвала раскрасавицѣ
Принимать эти гостинчики
Безъ своихъ-то ей родителей
Отъ чужого-то чуженина.

1407.

(Невѣста передъ уходомъ въ баню).

Попрошу я, сиротинушка,
Попрошу я, горе-горькая,
У кормильца свово дядюшки
И кормилицы тетушки
Благословенья великаго
Что во баню во пàрушу,
Во теплу подвѣнешную.

1408.

(Невѣста, возвращаясь изъ бани).

Ужъ тебѣ бы, банѣ пàрушѣ,
По бревну-бы раскатитися,
По кирпичику развалитися.
Ужъ какъ баня-то пàруша
На лютыхъ-то звѣряхъ вожена,
На лихо мѣсто поставлена.
Ужъ ты свѣтъ, кормилецъ дядюшка
И кормилица тетушка,
Ужъ вы встрѣтьте меня, бѣдную!
Ужъ вы дайте мнѣ, родимые,
Ключевой воды напитися!
Подойди, кормилецъ дядюшка,
И кормилица тетушка,
Вы ко мнѣ къ сиротинушкѣ.
Посмотрите-ка, родимые,
На мое лицо бѣлое, —
Какъ берёстечка блёклое,
Зла тоска на немъ написана;
Какъ мои щечки алыя —
Что листочки лежалые.
Я немного попарилась,
А ужъ много съ себя спарила
Что своей-то дѣвьей крàсоты.

1409.

(Невѣста раздаетъ подарки подружкамъ).

Подойди, моя голубушка,
Моя милая подруженька,
Ты Варвара свѣтъ, Ивановна!
Ты сними, моя голубушка,
Что мою-то дѣвью крàсоту
Со моей-то буйной гòловы!
Ты носи ту дѣвью крàсоту
Съ головы да не снимаючи,
И меня-то вспоминаючи.
Вспомяни меня ты, бѣдную
Хотя въ три денька одѝнова.
Если часто покажется —
Въ три недѣльки хоть одѝнова,
Можетъ часто покажется, —
Такъ въ три года одѝнова.
Что моя-то дѣвья крàсота
Никому она не надобна.
Я снесу да дѣвью крàсоту
Во лѣса-то во темные,
Я повѣшу дѣвью крàсоту
Что на бѣлу березоньку.
Что придутъ люди добрые
Съ топорами со вострыми
И подрубятъ березоньку,
Что березоньку кужлявую.
Упадетъ да дѣвья крàсота
Что на матушку сыру землю,
На траву да на шелкòвую,
На цвѣты да на лазоревы.
Подкосятъ траву шелкòвую
Что косами-то вострыми.
И осудятъ люди добрые,
Когда будутъ сходитися,
На мою красу дивитися:
Она честно изношена,
Да не къ мѣсту положена.
Тутъ моей дѣвьей крàсотѣ
Ей не мѣсто, не мѣстечко,
Не житье вѣковѣчное.
Понесу я дѣвью крàсоту
Ко матушкѣ церкви божіей
За престолъ Богородицы.
Что придутъ люди добрые,

И восхвалятъ люди добрые:
«Это чья же дочка умная
Ужъ и чья она разумная?
Ужъ ея да дѣвья красота
Она съ честью изношена
И ко мѣсту положена.
Тутъ ей мѣстечко угожее
И житье ей вѣковѣчное.»

1410.

(Невѣста къ теткѣ въ день свадьбы).

Ужъ ты свѣтъ, моя голубушка,
Ты родная моя тетушка!
Ужъ ты дай, моя голубушка
Огонька одну мнѣ искорку!
Я скажу тебѣ, голубушка,
Что какой мнѣ сонъ привидѣлся:
Ко мнѣ, горькой сиротинушкѣ
Приходила дѣвья кра̀тота,
Буйну голову погладила,
Алу ленточку поправила.
А ужъ я-то ли, бѣдная,
Ничего ей не отвѣтила.
И пошла вонъ дѣвья кра̀сота,
На меня-то разсердилася.

1411.

(Невѣста къ брату).

Ужъ ты свѣтъ да соколъ, милый братъ!
Я объ чемъ буду просить тебя,
Просить буду, низко кланяться:
Ты сходи-ка, соколъ, милый братъ,
На свой то на широкой дворъ;
Обуздай ты ворона̀ коня,
Запряги ты разудалова
Во дубовы новы саночки;
Съ сиротой со мной поѣдешь ты
Ко приходу-то господнему,
Къ отцу нашему духовному.
Мы попросимъ золотыхъ ключей
Отъ матушки церкви божіей
И взойдемъ съ тобою, милый братъ,
На высоку колоколенку,
И ударимъ, соколъ, милый братъ,
Въ заунывной большой колоколъ,—
Чтобы звонъ-то перекатами
Разбѣжался по святой Руси
И проникъ бы во сыру землю:
Не разступится-ль мать сыра земля,
Не раскроется-ль гробова доска,
Не распахнется-ль тонко полотно,
Не отведутся-ль руки бѣлыя,
Ко груди плотно прижатыя,
У моего отца съ матерью,
И не вымолятъ ли горькой мнѣ
Благословеньецо великое
На чужую дальну сторону.

1412.

(Невѣста по возвращеніи съ кладбища къ дядѣ или къ теткѣ).

Ужъ я ѣздила, сиротинушка,
Ко приходу ко господнему,
На могилушку къ родителямъ;
Не могла я ихъ дозватися,
Не могла добудитися
Своего кормильца батюшку
И родимую матушку
На мою свадьбу сиротскую!
Не отвѣтили они, бѣдной мнѣ,
Ни единова словечушка.
Будьте вы, мои родимые,
Мнѣ на мѣсто отца-матери
Что на томъ ли на вѣнчаньецѣ
Горемычной моей свадебкѣ.

1413.

(Невѣста къ брату).

Ужъ ты свѣтъ да соколъ, милый братъ,
Ты мое да красно солнышко!
Я еще-ли, сиротинушка,
Объ одномъ буду просить тебя:
Осѣдлай ты коня во̀рона
Во черкасское сѣделечко;
Ужъ ты съѣзди, соколъ милый братъ,
На чужую дальню сторону,
Ко чужому-то чуженину.
Ты повысмотри тамъ, милый братъ,
Что согласно-ли въ семьѣ живутъ,
Что одинъ ли хлѣбъ-соль кушаютъ,
Одного ли въ домѣ слушаютъ?
Не насидѣться бы молодёшенькѣ
По конецъ стола дубоваго,
Не насмотрѣться бы зеленёшенькѣ
Что куска-то мнѣ подàнаго.

1414.

(Невѣста передъ выѣздомъ въ церковь).

Попрошу у тебя, дядюшка,
И родимая тетушка
Благословенія великаго.
Подъ вѣнцы подъ злаченые,
На чужую дальну сторону.

1415.

(И когда подъѣзжаетъ поѣздъ).

Не отъ вѣтра, не отъ вихоря
Шумъ по улицѣ разносится,—
То чужане появилися
Со чужой-то дальней стороны,
Со злодѣйки проклятыя.
«Ужъ ты свѣтъ, родимый дядюшка,
Не пускай-ка ты чужихъ людей!
Ты приставь, кормилецъ дядюшка,
Ко калиткѣ-то придверничковъ,
А къ воротамъ приворотничковъ.»

1416.

(Тоже).

Богъ судья тебѣ, милый братъ!
Не послушался просьбы великія;
Ты прельстился золотой казной
И чужими рѣчьми сладкими.
Ужъ ты продалъ меня, милый братъ,
На чужую дальню сторону,
Ко чужому ко чуженину.
Какъ на васъ теперь, подруженьки,
Вся надежда моя крѣпкая:
Вы не выдайте, родимыя
Горе-горькую сиротинушку.

1417.

Мои милыя подруженьки;
Мои милыя, любимыя!
Допустили вы, подруженьки,
До меня до сиротинушки
Вы чужова-то чуженина.

1418.

(Къ жениху).

Такъ садись же, добрый молодецъ,
Не со спесью, не со гордостью,
А со божіей милостью!
Ты бери-ка мою рученьку,
Ты бери-ка потихохоньку,
Ты не жми-ка праву рученьку
Ко перстнямъ своимъ злаченымъ.

1419.

(Подружки къ свахѣ).

Ты садись, сваха пріѣзжая,
Не со спесью, не со гордостью,
А со божіей со милостью!
Ты снимай-ка потихохоньку
Съ головы ея платокъ цвѣтной,
Выплетай-ка полегохоньку
Изъ косы-то алу ленточку,
Ея честну дѣвью красоту.
Какъ въ ея да во русой косѣ
Есть два ножичка булатные;
Не обрѣжь, сваха пріѣзжая,
Ты ножами своихъ бѣлыхъ рукъ.

1420.

(Подружки къ невѣстѣ).

Ужъ ты свѣтъ, наша голубушка,
Наша милая подруженька,
Дорогая ты Варварушка!
Ты скажи-ка, не утай отъ насъ,
Что чужой-то добрый молодецъ
Не засѣлъ ли цвѣтно платьецо
И не жметъ ли руки правыя
Ко своимъ перстнямъ злаченымъ?

1421.

(Невѣста къ подружкамъ).

Ужъ вы свѣтъ, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Не могу теперь судачить я
Про чужого-то чуженина;
Не присѣлъ онъ цвѣтно платьецо
И не жметъ руки онъ правыя
Ко перстнямъ своимъ злаченымъ.

1422.

(Подружки къ невѣстѣ).

Ужъ ты свѣтъ наша голубушка,
Наша милая подруженька!
Ужъ ты скоро обнадѣялась
На чужого на чуженина,
На чужа сына отцовскаго.
Ужъ ты скоро расположилась
На его на рѣчи сладкія,
На его да на коварныя.

1423.

(Подружки къ невѣстѣ).

Ты воскликни лебедь бѣлая,
Что весною на проталинкѣ!
Ты восплачь, наша голубушка,
Наша милая подруженька,
За дубовымъ столомъ сидючи!
Али плакать тебѣ не объ чемъ,
Причитать ли тебѣ нечего?
У тебя ли горя нѣту-ти?
У тебя, наша голубушка,
Нѣтъ родимаго батюшки
И родимыя матушки;
На твоей на свадьбѣ горькой,
На твоей на сиротской
Не стоитъ родимый батюшка
Со твоей-то милой матушкой
У стола да у дубоваго
И не потчуютъ дорогихъ гостей.

1424.

(Невѣста къ дядѣ и теткѣ).

Ужъ ты свѣтъ родимый дядюшка
И кормилица тетушка,
Я о чемъ буду просить тебя,
По низку да буду кланяться:
Ужъ ты потчуй дорогихъ гостей,
Не жалѣй имъ зелена̀ вина,
Чтобы пили да позабыли,
Меня бѣдную позабыли
На своей-то на родной сторонѣ,
У своего-то роду-племени.

(Всѣ причеты, начиная съ № 1392 записаны въ Янгосарѣ, Волог. у.).

1425.

Благослови Боже Господи,
Пресвятая Богородица!
Ужъ мнѣ сѣсти, молодёшенькѣ,
На брусчатую лавочку,
Мнѣ запѣть, молодёшенькѣ,
Непѣвалую пѣсенку,
Не съ веселья, со радости,
Съ горя, со кручинушки.

1426.

Сторона-ли наша сторонка,
Сторона-ли моя веселая!
Она всѣмъ-то изукрашена:
И церковью божественной,
И звонамъ колокольнымъ,
И большой-то дороженькой,
И озерами широкими
И рѣчкой то быстрою.

1427.

Ты красуйся, моя кра̀сота,
Веселись буйна го̀лова,
Радуйся, сердце ретйвое!
Тебѣ не долго красоватися:
Не зиму зимовати,
Не весну красоватися,
Не лѣто наряжатися,
Не осень работа̀ти, —
Одна ночка ночевати,
И та коротёшенька, —
Не знать—хо̀дя проходити,
Не знать—сѝдя просидѣти,
Не знать—Богу помолитися.
Мнѣ ходить—не находитися,
Мнѣ сидѣть—не насидѣтися.
Вскорѣ Богъ не помилуетъ,
Государь не пожалуетъ,
Какъ не жалостливъ родимый,
Не жалостлива родимая,
Только жалуютъ родимые
Чужой дальней сторонушкой,
Да еще добрымъ мо̀лодцомъ.
Того пуще тяжелѣе —
Меня кѝкой-то бѣлою:
Вложитъ кѝка-то бѣлая
Сухоту въ ретиво сердце
Желтизну во бѣло̀ лицо.
Какъ по счастью достанется—

Веселитъ буйну голову,
Радуетъ ретиво сердце;
Она утѣха яснымъ очамъ
И веселье чернымъ бровямъ.
И несчастно достанется —
Щемитъ ретиво сердце,
И томитъ очи ясныя,
И навѣса чернымъ бровямъ,
И клонитъ буйну голову;
Мои рученьки не машутся,
Мои ноженьки не движутся.

1428.

Ужъ ты свѣтъ, сударь батюшка,
Ужъ ты пой да упаивай
Ты своихъ дорогихъ гостей;
Одного не упаивай
Ужъ ты свата разлучника,
Живого перелестника:
Все ходилъ сватъ потихошеньку,
Колотился по малёшеньку.
Поднеси свату-ворогу,
Ты воды-то болотныя;
А какъ мало покажется,
Ты смолы-то кипучія.
Ты родимая матушка,
Ты дари-ка, ударивай
Твоихъ дорогихъ гостей;
Одного не ударивай
Ужъ ты свата-разлучника,
Живого перелестника.
Подари свату-ворогу
Ты онучу-то черную.
Токо мало покажется —
Судомойку рогозяну.
Ужъ какъ свату-то ворогу —
Ему три чирья въ бороду,
А четвертый подъ горлышко,
Вмѣсто краснаго солнышка.
Ужъ какъ свату-то ворогу
На печи заблудитися,
Сквозь напыльникъ провалитися,
Столбу поклонитися,
Молокомъ захлебатися,
Киселемъ подавитися!
Мы возьмемъ свата подъ-руки,
Повалимъ свата нá-дровни,
Мы свеземъ свата нá гору,
Мы спехнемъ свата пóдъ-гору,
Принесемъ чáсту бóрову,
Мы расчешемъ свату бороду,
Сыновей-бы не жéнивать,
Дочерей не отдáвывать!

1429.

Не отъ вѣтру, не отъ вихорю
Воротёчка отворилися,
Верейшка пошатилася,
На дворъ гости пріѣхали.
Не видала красна дѣвица,
Какъ пришелъ добрый молодецъ,
Разудалый во горницу
Въ мою свѣтлую свѣтлицу, —
Тутъ дѣвица испугалася,
Изъ глазъ слёзы покатилися,
Во слезахъ она слово молвила:
«Вонъ идетъ погубитель мой,
Вонъ идетъ расплетай-косу!»
Добрый молодецъ отвѣтъ держалъ:
«Не я погубитель твой!
Погубитель твой — батюшка,
Раззорительница — матушка,
Расплетай-косу — свахонька,
Потеряй-косу — дѣвица.

1430.

Ужъ вы свѣтъ, мои подруженьки,
Мои милыя голубушки!
Ужъ я что буду говóрити,
Объ чемъ вамъ стану наказывать:
Какъ пройдетъ зима холодная,
Какъ растаютъ снѣги бѣлые,
Вы пойдите, голубушки,
Во луга во зелёны,
Вы замѣтьте, голубушки,
Три цвѣтка, да три лазоревы.
Что первóй-отъ цвѣтъ лазоревой —
Онъ безъ вѣтра шатается,
Что другой-отъ цвѣтъ лазоревой —
Онъ безъ солнышка вянетъ,
Что третéй-то цвѣтъ лазоревой —
Онъ безъ дождика вянетъ, —
Это я, молодёшенька,
На чужой дальней сторонушкѣ.
Какъ придетъ первый праздничекъ
Во моемъ-то прощаньецѣ,
Какъ придетъ другой праздничекъ
Во моемъ отпущаньецѣ,
Что придетъ третей праздничекъ
Во моемъ спаряжаньецѣ.
Спаряжусь я, молодёшенька,
Не въ пору да не вó-время,
На закатѣ красна солнышка,
На расходѣ добрыхъ людей.
Ужъ я выйду, молодёшенька,

На утйшинку тихую,
Погляжу, молодёшенька,
Я на всѣ четыре стороны:
Что пойдутъ люди добрые
Со гулянья веселаго.
Ворочусь я, молодёшенька,
Не въ любимую сторону;
Я приду, молодёшенька,
Не въ любимую горенку;
Я сниму платье цвѣтное,
Я возьму его въ руки бѣлыя,
Я прижму платье цвѣтное
Ко сердцу ретйвому,
Отъ сердца ретйвого
Ко лицу ко бумажному [1]).
Подниму я платье цвѣтное
Выше буйныя го̀ловы,
Заложу платье цвѣтное
Во свой окова́нъ ларецъ,
А сама стану говóрити:
«Ужъ ты свѣтъ, платье цвѣтное,
Цвѣтное да подвѣнешное,
Не счастливое купилося,
Не таланливо сошйлося.
Какъ приду я, молодёшенька,
Во свою свѣтлу свѣтлицу,
Въ нелюбимую горницу,
Ужъ мнѣ скажутъ молодёшенькѣ:
«Нагулялась ли, гуляивая,
Нашаталась ли, шатальная?»
Ужъ я выйду, молодёшенька,
На утйшинку тихую,
Гдѣ бы вѣтры не вѣяли,
Добры люди не слышали
И наплачусь, молодёшенька.

1431.

Провожатые хорошіе,
Провожатые пригожіе,
Проводите меня, бѣдную,
Ко церкви ко божіей,
Ко честному ко Здвиженью,
Ко святой Богородицѣ,
Ко вѣнцу ко злачёному,
Ко перстню обручальному;
Отъ вѣнца отъ злачёнаго,
Отъ перстня обручальнаго
На чужу дальню сторону.

[1]) т. е. бѣлому, какъ бумага.

1432.

Не прогнѣвайся, сударь дядюшка,
На меня, молодёшеньку,
Что не вышла, не встрѣтила
У воротъ да на улицѣ,
Я дверей не отвóрила
Широко̀ двери на̀ пяту,
За бѣлы руки не прйняла,
Я челомъ не ударила
Да шелко̀ваго поясу,
До башмачнаго чо̀боту;
Въ высокъ теремъ не вво̀дила,
Что не спесь меня взя̀ла
И не гордость великая, —
Обуяло меня, мо̀лоду,
Меня горе великое:
Не велѣлъ сударь батюшка
Подалёку расхаживать;
Не велѣла мнѣ матушка
На бѣло̀й свѣтъ посматривать,
Призакрыла, да закутала
Половину свѣта бѣлаго.

1433.

(Невѣста, когда ей подаютъ подарки).

Те спасибо, сударь дядюшка.
На твоемъ на подарочкѣ,
Тебѣ на златѣ, на яхонтѣ
И на гривнѣ серебряной!
Мнѣ твои-то подарочки
Ужъ и мйлы и до̀роги,
Однимъ они нѐ милы, —
Что сгонятъ меня, молоду,
На чужу̀ дальню стòрону.
Положу твои гостинчики
Въ сундукъ я око̀ванный.
На чужой, на дальней сто̀ронѣ,
Когда скучно покажется, —
Я пойду, молодёшенька,
По сараю зыбучему,
По мосту по скрипучему
Я въ пустую хоромину,
Синико̀мъ что называется, (?)
Я возьму твои гостинчики
На свои руки бѣлыя,
Я прижму твои гостинчики
Ко сердцу ретйвому,
Ужъ какъ эти-то гостинчики
Роднмаго дядюшки!
Ужъ какъ ты-то, мой дядюшка,
Помяни меня мо̀лоду

На чужой дальней стȍронѣ
Въ три денёчка одйнова.
Токо часто покажется,
Такъ въ недѣльку одйнова,
Токо часто покажется —
Такъ въ годочекъ одйнова.

1434.

Моя милая матушка!
Ты сади да усаживай
Моихъ милыхъ подруженекъ
За столы за дубовые,
Да за скатерти бран(н)ыя!
Ты давай-ка, моя матушка,
Братынъ пива пьянаго,
Да стаканъ зеленȁ вина.
Вы покушайте, подруженьки,
Вы братынъ пива пьянаго,
Вы стаканъ зеленȁ вина;
Вы покушайте, голубушки,
Моего-то хлѣба соли!
Не глядите, голубушки,
На меня, молодёшеньку,
На меня, зеленёшеньку, —
Ложка въ ложкахъ замѣшалася.
Посмотри, моя матушка,
На меня, молодёшеньку,
На меня, зеленёшеньку,
Каково я нарядилася,
Каково я набѣлилася:
Ко стану-ли цвѣтно платьецо?
Ко лицу-ли дѣвья красота?

1435.

Ужъ мнѣ сѣсти, молодёшенькѣ,
На дубовую лавочку,
Подъ косящато окошечко,
Подъ хрустальное стоколышко.
Благослови, Боже-Господи,
Мать божья Богородица!
Ужъ мнѣ встать, молодёшенькѣ,
На башмачки-то сафьянные,
На чулочки бумажные, —
Не грузнѣе я прежняго.
Вы не гнитесь, половочки,
Не ломитесь, переводинки:
Ужъ мнѣ сѣсти, молодёшенькѣ,
На переднюю лавочку.
Благослови Боже-Господи,
Мать божья Богородица!
Ужъ мнѣ встать, молодёшенькѣ,
На свои рѣзвы ноженьки.
Разодвиньтесь-ка, сосѣдушки,
Всѣ вы малыя крошечки,
Вы дайте ка, кормилицы,
Вы единую половочку,
Походить, покрасоватися
Что своей дѣвьей крȁсотой,
Золотою перевязочкой,
По свѣтлйцѣ, новой горницѣ!
Вы ходйте, ноги рѣзвыя,
Вы машйтесь, руки бѣлыя,
Вы смотрите, очи ясныя
Что во всѣ четыре стороны.
Гȍсударь, кормилецъ-батюшка,
Государыня рȍдна-матушка!
Отпустите-ка, младёшеньку,
Вы во поле-то чистое.
Далекȍ-то вамъ покажется,
Широкȍ-то вамъ поглянется—
Отпустите, молодёшеньку,
Меня съ миленькимъ подруженькамъ
На широкую улицу.
Далекȍ-то вамъ покажется,
Широкȍ-то вамъ поглянется,—
Отпустите молодёшеньку
Со милыимъ-то подруженькамъ
На сараи-то тесовые.
Далекȍ-то вамъ покажется,
Широкȍ-то вамъ поглянется, —
Отпустите молодёшеньку
По своей свѣтлой свѣтлицѣ:
Не послетѣли-ли бѣлилечки,
Не полиняли-ли мазйлочки?
Я не знаю, куда дѣвати
Свою крȁсоту красную,
Золотую перевязочку.
Отдамъ крȁсоту красную
Золотую перевязочку
Своей милой подруженькѣ
Свѣтъ Натальѣ Ивановнѣ.
«Ты носи, милȁ подруженька,
По господнимъ носи праздничкамъ,
По христовымъ воскресеньецамъ,
По веселымъ по гуляньецамъ.
Помяните-ка, голубушки,
На веселыхъ на гуляньецахъ!
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко,
Не мѣсто не прекрасное.
Я положу дѣвью крȁсоту
На престолъ Богородицы, —
Тутъ не мѣсто, тутъ не мѣстечко,
Не мѣсто не прекрасное.
Какъ увидятъ люди добрые,

Такъ сшибутъ люди добрые
Со престола со божія;
Я сниму дѣвью крàсоту,
Золотую перевязочку
Со престола-то божія,
Я снесу дѣвью крàсоту,
Золотую перевязочку
Во лѣса во дремучіе,
Во травы во шелкòвыя,
Я положу дѣвью красоту,
На березу кужлявую.
Какъ придутъ люди добрые
Съ топорами со вострыми,
Срубятъ бѣлую березоньку, —
Повалится дѣвья крàсота,
Золотая перевязочка,
Какъ придутъ люди добрые
Со косами со вострыми,
Подкосятъ дѣвью крàсоту,
Золотую перевязочку.

1436.

Не морозы крещенскіе
За скобу принималися,
Двери нà пяту растворялися,
На пяту̀ на дубовую,
На брусьё положòную, —
Поглядѣть молодёшенькѣ
По своей свѣтлой свѣтлицѣ.
«Подойди, мила подруженька,
Ты ко мнѣ, молодёшенькѣ,
Ты скажи, мила подруженька:
На который теремъ хòдила?
Коему̀ Богу молилася?»
—«Я на тотъ бы теремъ схòдила
Тому Богу помолилася:
Не помилуетъ ли Господи
Отъ чужія дальни стòроны,
Отъ чужого отца-матери,
Отъ удàла добра мòлодца?»
—«Поскажи, мила подруженька,
Про чужую дальню стòрону:
На чужой-то дàльней стòронѣ
Каково те поглянулося
У чужого отца-матери,
У удàла дòбра молодца?

1437.

(Подружка отвѣчаетъ).

Не моги ты меня спрашивать, —
Не могу я тебѣ сказывать
Про чужую дальню сторону,
Про чужого отца съ матерью,
Про удàла дòбра мòлодца:
Намъ все да полюбилося,
Намъ все да поглянулося
На чужой дальней стòронѣ.
Ты живи-ка, наша матушка,
На чужой-то на сторонушкѣ,
Почитай отца съ матерью,
Да удàла дòбра мòлодца.

1438.

Не отъ вѣтру, не отъ вихорю,
Не отъ краснаго солнышка,
Не отъ чàстаго дождичка
Пошатѝлася верѐюшка,
Воротѐчка отворялися, —
Вонъ идетъ-то моя тетушка.
«Подойди-ка, моя тетушка,
Ко мнѣ ко младёшенькѣ,
Да не забудь, мѝла тетушка,
Меня на чужой сторонушкѣ.
Какъ житье будетъ хорошее,
Я и встрѣчу тебя, тетушка,
Середи-то поля чистаго.
Какъ житье будетъ середнее,
Ужъ я встрѣчу тебя, тетушка,
Среди улицы широкія;
Какъ житье будетъ пережее,
На взъѣзду̀ у ворòтечекъ.

1439.

Призатихните, голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Ужо что-то мнѣ послышалось:
Подъ окошечкомъ постукалось,
За колечушко побрякалось.
Что ко мнѣ идетъ да жалуетъ
Дорогая чѐстна гостейка,
Моя сѐстрица родимая.
«Подойди, моя голубушка,
Ты ко мнѣ, молодёшенькѣ,
Не убойся, родимая,
Моего горя лютаго.
Мое горе-то лютое
Отъ меня пе отвяжется,
Къ тебѣ горе не привяжется.
Тѣ спасибо, голубушка,
На твоемъ на подарочкѣ,

Что на златѣ, на сѐребрѣ,
Да на гривнѣ серебряной.
Что твои-то подарочки
Мнѣ и любы и дѐроги.
Что однимъ они нѐ любы,
Однимъ тяжелёшеньки, —
Что прогонятъ меня, мѐлоду,
На чужую дальню сторону.
На чужой дальней стѐронѣ
Надо жить тамъ умѣючи,
Говорить разумѣючи;
У чужого отца-матери
Безъ вины виноватая,
У чужого чуженина
Безъ причины буду битая.

1440.

(Гостья отвѣчаетъ).

Ты не бойся, голубушка,
Чуже-дальнія стѐроны;
На чужой дальней стѐронѣ
У чужого отца-матери
И гроза еся и милости.
Какъ ты будешь послушная,
Какъ ты будешь покорная,
Будутъ лю̀бить тѐбя, жаловать.

1441.

Благослови, сударь батюшка!
Ужъ мнѣ встать, молодёшенькѣ,
Со брусчатыя лавочки,
Изъ за темнаго скутничка,
Изъ за браной занавѣсочки,
Да итти мнѣ, молодёшенькѣ,
Во теплую парушу,
Во теплу̀ю, подвѣнѣшную.
Благослови меня, матушка!
Что итти мнѣ, молодёшенькѣ,
Не ступить бы мнѣ, зѐленѣ,
Во конёвье копытечко,
Не сронить бы мнѣ, зеленѣ,
Съ себя дѣвьей-то крàсоты.
Что пошла я, молодёшенька,
По свѣтлой-то свѣтлицѣ,
По столовой-то горницѣ.
Отворила я, мѐлода,
Ужъ я дверь да дубовую, —
У пятѝ да *ободвёрины*

Что сидитъ кѝка бѣлая!
Она въ лапти обувается,
Во оборы увивается,
Со мной въ баню сбирается.
Туто я испугалася,
Туто я перепàлася:
Что итти ли мнѣ, мѐлодѣ,
Во теплу̀ю-то парушу?
Ужъ вы, свѣтъ мои подруженьки!
Отгоните кѝку бѣлую
Со пути-то со дороженьки!
Что итти мнѣ въ теплу парушу.

1442.

(По возвращеніи изъ бани).

Я не долго попарилася,
Ужъ я много съ себя спарила:
Ужъ я смыла съ себя, молода,
Свою дѣвью-то крàсоту.
Вы садитесь, подруженьки,
Кругъ стола да на лавочки!
Ты стели-ка, родна матушка,
Скатерти-то браныя;
Станови-ка, родна матушка,
Питья, ѣ̀ства сахàрныя,
Угощай, моя родимая,
Ты подружекъ голубушекъ,
Не въ первы̀е, да въ послѣдніе.
«Вы покушайте, голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Когда Господи спо̀добитъ
Ужо жить мнѣ, молодёшенькѣ,
На чужой дальней стѐронѣ, —
Помяните меня, мѐлоду,
Въ три денёчка одѝново.»
Тѣ спасибо, сударь батюшка,
Напилась я, наѣлася,
Въ чёстномъ мѣстѣ насидѣлася,
Насидѣлася съ подружками
Со моимъ милы̀мъ голубушкамъ.

1443.

Благослови Боже Господи!
Ужо встать мнѣ, молодёшенькѣ,
Со постелюшки мягкія,
Со подушки пуховыя, —
И итти мнѣ умыватися.
Я умыла лицо бѣлое
И утёрла полотенечкомъ.

Ужо встать мнѣ, молодешенькѣ,
Середь свѣтлыя свѣтлицы
И столовыя горницы,
Помолиться мнѣ, молодѣ,
Ко святымъ ко иконушкамъ:
Я первой поклонъ положу
За Царя благовѣрнаго,
Я другой поклонъ положу —
За царицу благовѣрную;
Я третей поклонъ положу
За царевыхъ малыхъ дѣтушекъ.
Я еще поклонъ положу
За родимаго батюшку,
За родимую матушку.
Я еще поклонъ положу
За своихъ родныхъ брателковъ,
За сестрицъ за голубушекъ.
Я еще поклонъ положу
За себя, молодёшеньку.
Я еще поклонъ положу
За чужу дальню сторону,
За чужого чуженина,
За его семью великую.
Ужо сѣсти молодёшенькѣ,
На брусчатую лавочку.
«Подойди-ка, родна матушка,
Ты ко мнѣ, молодёшенькѣ!
Растолкуй, моя родимая,
Ужо что-то мнѣ приснилося,
Мнѣ во снѣ да показалося:
Ужъ я шла, молодёшенька,
Я по полюшку хлѣбному,
Да по лѣсу дремучему.
Тамъ по полюшку чистому
Я увидѣла, молода,
Непокрытую хатину,
Пустую хоромину.
Я зашла, молодёшенька,
Я въ пустую хоромину:
Что въ углу да на лавочкѣ
Тутъ сидитъ да сизой орелъ,
По полу ходитъ бѣла лебедь,
На окошкахъ сизы голуби,
А по лавочкамъ ласточки,
На печѣ у напыльника —
Тутъ сидитъ сова пестрая,
Да ворона крылатая,
А подаль на лавочкѣ —
Тутъ сидитъ младъ ясёнъ-соколъ.
Онъ глядитъ да въ окошечко,
Изъ окошка хочетъ вылетѣть,
Онъ меня да съ собой манитъ.
Туто я испугалася,
Ото сна пробужалася.»
—«Ужъ ты свѣтъ, мое дитятко!
Этотъ сонъ тебѣ привидѣлся,
Скоро въ яво покажется:
Что пустая-то хоромина —
Чужедальная сторона,
Во углу сидитъ сизой орелъ —
Это твой свекоръ батюшка;
По полу ходитъ бѣла лебедь —
То свекровь твоя матушка.
По окошкамъ сизы голуби —
То деверья братцы милые.
А по лавочкамъ ласточки —
То золовки голубушки,
На печѣ сова пестрая —
Это ихняя баушка,
А ворона крылатая —
Это тетка богатая.
Что поодоль на лавочкѣ
Тутъ сидитъ младъ ясёнъ-соколъ —
Это твой лада милая.
Онъ тебя да съ собой манитъ,
Отъ семьи онъ отдѣлится.

1444.

Какъ вечоръ, моя матушка,
Прилетала кукушечка,
И садилась кукушечка
На кутнее окошечко.
Говорила кукушечка
Человѣческимъ голосомъ:
«Ужъ ты плачь, красна дѣвица,
Уливайся, дочь отецкая!
На чужой-то на сторонушкѣ
Три поля горя насѣяны,
Печальей-то огорожены,
Горючимъ слезамъ поливаны.
Течетъ рѣченька слезаная,
По ей жилочка кровяная»,
А сегодня вотъ, матушка,
Прилеталъ младъ ясёнъ-соколъ, —
Что садился младъ ясёнъ-соколъ
На переднее окошечко;
Говорилъ младъ ясёнъ-соколъ
Человѣческимъ голосомъ:
«Ты не плачь, красна дѣвица,
Веселись, дочь отецкая!
На чужой дальней сторонѣ
Три поля пшена насѣяны,
Весельёмъ да обгорожены,
Радостью да исполиваны.
Течетъ рѣченька медовая,
По ей жилочка золотая.»

1445.

«Тѣ добро да итти жаловать,
Наша милая подруженька,
Душа красная дѣвица!
Тѣ добро да итти жаловать
Что во теплую-то пàрушу,
Во теплую-то подвѣнешную.
Какъ у насъ во теплой пàрушѣ —
У насъ каменка жемчужная,
Полочки тамъ хрустальныя
И вѣничекъ-то шолковый.»
— «Ужъ вы свѣтъ мои подруженьки,
Мои милыя голубушки!
Ужъ вы дайте молодешенькѣ
Мнѣ поруку великую.»
«Ужъ ты свѣтъ наша голубушка,
Наша милая подруженька,
Мы поруку дадимъ великую
Тебѣ крестную матушку.»
— «Ужъ вы свѣтъ, мои подруженьки,
Мои милыя подруженьки,
Ужъ вы дайте мнѣ поруку-то —
Мать божью Богородицу.»

1446.

Благослови, Боже Господи!
Мнѣ повыйти, повыступити
На широкую улочку.
Ты свѣти-ка, свѣтёлъ мѣсяцъ,
Освѣщай путь дороженьку.
Не ступить бы молодёшенькѣ
Мнѣ на конью ступенечку,
Не сронить бы, молодешенькѣ,
Дѣвьей-то крàсоты.

1447.

На обманъ дѣло дѣлали,
Я недолго попарилась,
Съ себя много я спарила:
Я спарила, молодёшенька,
Съ себя дѣвью-то крàсоту.
Вамъ покорно благодарствую,
Вамъ, родимый батюшка
И родимая матушка,
На теплой-то пàрушѣ!
Дайте хлѣба мнѣ на ужину,
Не вь первые, въ послѣдніе,
Со подружкамъ голубушкамъ
Провести ужинъ въ послѣдніе.

1448.

Мнѣ не честь, красной дѣвицѣ,
Провожать добра мòлодца!
Да не корà, я покорилася,
Не кланяясь, поклонилася
Я чужому-то чужѐнину,
Удалу̀ добру мòлодцу.
Я сидѣла, молодёшенька,
За столами за дубовыми,
За скатертями за браными,
И за яствами сахàрными
Со чужимъ людямъ дòбрымъ.
Того пуще, тяжѐлѣе —
Съ удалы̀мъ добрымъ мòлодцемъ,
И съ грозою молодецкою.
Я не смѣла молодешенька,
Ни съ кѣмъ слова-то вымолвить —
Не съ роднымъ, не съ двоюроднымъ;
Того пуще, тяжѐлѣе —
Со подружкамъ голубушкамъ.

1449.

Ужъ вы, свѣтъ, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Я объ чемъ буду говòрити,
Я объ чемъ буду наказывать:
Какъ придетъ лѣто теплое,
Придутъ лѣтніе праздники,
Лѣтніе да гулящіе,
Вы пойдите, голубушки,
На гуляночку веселую;
Ужъ вы вспомните, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Вы меня, молодёшеньку,
Хотя въ день вы одиножды.
Если часто покажется, —
Такъ въ недѣльку одиножды,
Если часто покажется, —
Такъ въ годочекъ одиножды.
По тяжелому вздòхнется
На чужой дальней стòронѣ,
Какъ подумаю бѣдная:
Помянули меня молоду
На своей-то сторонушкѣ.

1450.

(Невѣста къ родителямъ, передъ отъѣздомъ ихъ на сватовство).

Ты не ѣзди, родимый батюшка,
На чужую дальню стòрону,

На злодѣюшку незнамую;
Не кидайся, родимый батюшка,
На хоромы-то высокія,
На запоры-то крѣпкіе,
На самовары-то чистые,
На скотинушку рогатую,
Того пуще, тяжелѣе —
На удала добра молодца.

1451.

Ты не послушался,
Родимый батюшка,
Ты не послушалась
Родимая матушка,
Моего наказаньеца,
Слезянова причитаньеца;
Вамъ-то тамъ полюбилося,
Вамъ-то тамъ поглянулося:
Тамъ хоромы высокіе,
Самовары-то свѣтлые,
И запоры-то крѣпкіе,
И скотинушка рогатая,
И удалой доброй молодецъ.
Не пожалѣлъ, родимый батюшка,
Ты меня, молодёшеньку!
Промѣнялъ, родимый батюшка,
Ты на винную чарочку,
На пивную братйночку.

1452.

Пріоткрыть молодёшенькѣ
Мнѣ платочка малёшенько,
Мнѣ повыше очей ясныхъ,
Да пониже бровей черныхъ,
Да поглядѣть молодёшенькѣ
По своей свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой-то горницѣ,
На родимую матушку,
«Подойди, моя голубушка,
Ты родимая матушка,
Ко кутней-то кутницѣ,
Къ забрандй занавѣсочкѣ,
Ты ко мѣсту упалому,
Къ человѣку печальному,
Ты ко мнѣ, молодёшенькѣ!
Не убойся, голубушка,
Ты родимая матушка,
Моего горя кручинушки.
Что мое горе-кручинушка
Отъ меня не отвяжется
И къ тебѣ не привяжется.
Сядь, родимая матушка,
По мою руку правую;
Поучи меня, голубушка,
Ты родимая матушка,
Какъ мнѣ жить, молодешенькѣ
На чужой дальней сторонѣ.—
На чужой дальней сторонѣ —
Тамъ ужъ люди ученые,
Тамъ ужъ люди торёные.
Какъ сама про ся подумаю —
Я дитя-то неученое,
Я дитя неторёное.
На чужой дальней сторонѣ
Надо голову поклонливу,
Ретиво сердце покорное.
Какъ придетъ пора-времечко,
Увезутъ молодешеньку
На чужу дальню сторону,
На злодѣюшку незнамую.—
Ужъ ты сдѣлай, родна матушка,
Безъ дороженьки дороженьку,
Безъ пути перепутьецо.
Ты провѣдай, голубушка,
Свѣтъ-родимая матушка;
Какъ житье будетъ хорошее,
Я тя встрѣчу, голубушка,
Свѣтъ-родимая матушка,
Середи поля чистаго,
Середи луга зеленаго.
Какъ житье будетъ по-среднему, —
Я тя встрѣчу, голубушка,
Свѣтъ родимая матушка,
Середь улицы широкія.
Какъ житье будетъ послѣднее, —
Я тя встрѣчу, голубушка,
Свѣтъ родимая матушка,
У шесточка кирпичнаго.
Подожму, молодешенька,
Свои рученьки бѣлыя
Ко сердцу ко ретивому.
Не промолвлю я, молода,
Съ тобой, родимая матушка,
Ни единаго словечушка.

1453.

Ужъ ты свѣтъ родимый батюшка
И родимая матушка!
У васъ что же за праздничекъ?
У васъ что за весельецо?
У васъ всѣ гости съѣзжаются,

У васъ всѣ собираются
И родны и двоюродны;
Одного гостя нѣтутка —
Соколочка братца милого.
Ужъ мы съѣздимъ-ка, батюшка,
Во торги да во ярмонки,
Да купимъ, роднмый батюшка,
Мы тамъ гѐрбовой грамотки,
Напишу я, молодешенька,
Не перомъ, не чернилами,
А своимъ горючи́мъ слезàмъ;
Отошлемъ письмо-грамотку
Мы во дальніе гȍроды,
Во полки-то военные,
Во казармы казенныя,
Къ соколочку братцу милому.
Какъ получитъ братецъ миленькой
На свои руки бѣлыя,
Распечатаетъ миленькой
Онъ руками-то бѣлыми,
Прочитаетъ-то миленькой
Онъ устами сахàрными,
Что зовутъ-то на свадебку, —
И пойдетъ братецъ миленькой
Во казармы казенныя,
Ухвати́тъ братецъ миленькой
Ружьецо-то булатное,
Растоскуется сердечушко
У соколочка, братца милаго.
Ужъ какъ строгіе начальнички
Ужъ какіе немилосливы(е)
И сердцàмъ-то не жалосливы!

(Всѣ причеты, начиная съ № 1425 записаны въ разныхъ селеніяхъ Вологод. у.).

1454.

Что не свѣтъ свѣтается,
Не заря занимается, —
Тутъ идетъ, подымается
Роднмой-отъ батюшка,
Кирило Ивановичъ.
Ты дойди, дойди, дȍступи
До кути́, до занàвѣсы,
До тȍнкой до полȍтняной,
До ши́той перѐбраной.
Есть въ кути́ за занàвѣсой
Кручи́нная дѣвица,
Со печали надсѣлася,
Хлѣба-соли лишилася.
Я прошу тебя, батюшка,
Не ради-то дàрьеца [1]),
Только ради свиданьеца,
Мнѣ свидѣться хочется,
Свидѣться проститися
На вѣку-то не впѐрвые,
Въ дѣвьей крàсотѣ впослѣдніе.

1455.

Вы помойте, подруженьки,
Вы помойте, голубушки,
Мою-то дѣвью крàсоту
Мою-то ли красовитую
Во чистой-то пàрушѣ,
Въ достальнŷя послѣдніе.
Какъ во чистой-то пàрушѣ
Три окошка косàщатыхъ:
На первȏмъ-то окошечкѣ —
Все мазила румяныя,
На второмъ-то окошечкѣ —
Все бѣлилечка бѣлыя,
А на третьемъ окошечкѣ —
Моя дѣвья крàсота.
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко,
Не мѣсто вѣковѣчное.
Возьму-ка я крàсоту
Со окошка косящата,
Положу-ка я крàсоту
На березу кужлявую,
Что придŷтъ люди добрые
Со топорами со вострыми,
Что сорвутъ они крàсоту
Со березки кужлявыя.
Положу-ка я крàсоту
На травку шелкȍвую,
На цвѣточки лазоревы,
На кусточки ракитовы.
Что придŷтъ люди добрые
Со косами со вострыми
И скосятъ дѣвью крàсоту,
Мою красовитую, —
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко,
Не мѣсто вѣковѣчное.
Положу-ка я крàсоту
На сестрицу голубушку, —
Тутъ и мѣсто ей и мѣстечко,
И мѣсто вѣковѣчное.
Ты возьми, мила сѐстрица,
Мою дѣвью-то крàсоту,
Мою красовитую,
Со окошка косящата!
Береги же ты, сѐстрица,

[1]) подарка.

Мою дѣвью-то красоту,
Береги же, не снашивай
И, носивъ, не изнашивай!
Береги же ты, сестрица,
Мою дѣвью-то красоту
Отъ дождика частова,
Отъ солнышка ясного.

1456.

(При выходѣ изъ бани всѣ дѣвицы хоромъ поютъ).

Раскатись-ка ты, каменка,
До единова камушка,
Развались-ка ты, баненка
До единова брёвнышка!

1457.

Сяду-ка я, молода,
Въ куть подъ окошечко,
На кручинное мѣстечко,
На дубовую лавочку.
Ничего мнѣ тутъ не высидѣть,
Ни въ кути подъ окошечкомъ,
Ни въ почетномъ (углу) на лавочкѣ,
Ни у батюшки, ни у матушки.
Лучше встану я, молода,
Лучше встану я, зелена,
На свои рѣзвы ноженьки,
Во обновкѣ пригоженькой,
Вы идите, рѣзвы ноженьки,
Ко родимымъ отцу-матери.
Живучи вы не подгибывались,
Живучи вы не подламывались.
Протянитесь рѣзвы рученьки,
Обнимите отца-матушку!
Живучи вы не сгибывались,
Живучи вы не ломалися.
Вы глядите, очи ясныя, —
Во слезахъ вы не мутитеся!
Не клонись-ка ты, головонька,
Не ломись, переводинка!
Не тяжелѣ я прежняго,
Не дурнѣе я стараго.
Развѣ тѣмъ я тяжелѣе —
Своимъ горемъ-кручиною.
Ужъ мнѣ дайте увидѣти,
Ужъ мнѣ дайте усмотрѣти
Моего батюшку родимаго,
Мою матушку сердечную.
Ну, спасибо тебѣ, батюшка,
И спасибо великое
На хлѣбѣ и на соли,
На твоей добродѣтели!
Что твоя хлѣбъ-соль сладкая,
Слаще меду медвянаго;
Добродѣтель—сердечная
Доброхота великаго.
Не жалѣлъ же ты, батюшка,
Для меня, молодешеньки,
Ни платья-то цвѣтнаго,
Ни башмачковъ сафьянныхъ,
Ни чулочковъ бумажныхъ,
Ни поясья-то тканаго,
Что ни колецъ-то, ни серегъ,
Ни мѣховъ-то собольихъ.
Не спрошу теперь у батюшки
Ни платья-то цвѣтнаго,
Только спрошу у батюшки
Благословенья родительска
Отъ сердца ретиваго
Ко вѣнцу ко злаченому.

1458.

Поищу-ка я, горькая,
Поищу я, злосчастная,
Доброхота великаго
Во своей темной темницѣ,
Во столовой во горницѣ.
Не могу я увидѣти,
Не могу я усмотрѣти
Доброхота великаго.
Какъ почулось-послышалось —
У окошка постукалось.
Ужъ какъ мнѣ показалося
Что родимова батюшки
Голосочекъ послышался.
Ужъ пойду же я, горькая,
Ужъ пойду я, злосчастная,
Ужъ я встрѣчу же, горькая,
Родимова-то батюшку
Со широкой со улочки.
Нѣтъ и нѣтъ, не случается —
Отъ сухова-то дерева
Не живетъ[1]) отростельеца,
Что отъ тѣла-то мертваго

1) т. е. не бываетъ.

Не живетъ благословеньеца.
Что оставилъ мнѣ батюшка
Одно примѣтное мѣстечко,
Да дубовую лавочку.

1459.

Проводите-ка, подруженьки,
Проводите, голубушки,
Вы меня молодешеньку,
Вы меня зеленешеньку, —
Со бесѣды смиренныя,
Въ достальные послѣдніе.
Со подружкамъ голубушкамъ
Не бывать молодешенькѣ,
Не бывать зеленешенькѣ
Ни въ бесѣдѣ смиренной,
Ни въ гуляньяхъ веселыхъ,
Не водить на нихъ красоты.

1460.

Ты свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ,
Во всю ночьку темную,
Во всю ночь осѣнную
Надъ моей свѣтлой свѣтлицей,
Надъ столовою горницей,
Надъ моей дѣвьей красотой,
Надъ моей красовитою,
Надъ моей любовитою!
Ужъ ты встрѣть меня, батюшка,
Ужъ ты встрѣть меня, матушка,
Со подружкамъ голубушкамъ,
Со послѣдней бесѣдушки,
Со бесѣды смиренныя,
Въ достальные послѣдніе.
Не бывать ужъ мнѣ, молодѣ,
Не бывать ужъ мнѣ, зѐленѣ,
Со подружкамъ голубушкамъ
Во своей дѣвьей красотѣ,
Во своей красовитой,
Во своей любовитой
Во бесѣдѣ смиренной.
Отказали мнѣ батюшка
И родимая матушка
И подружки голубушки
Отъ бесѣды смиренной.

1461.

Ты красуйся краса
У родимого батюшки
У родимыя матушки
Въ достальные послѣдніе,
У соколиковъ, родныхъ братцевъ,
У сестричекъ голубушекъ
Во своей свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой во горницѣ.
Заприметь же ты, батюшка,
Заприметь же ты, матушка,
Мою дѣвью-то красоту
Въ достальные послѣдніе.
Погляди-ка ты, батюшка,
На подружекъ голубушекъ:
У подружекъ голубушекъ
Русы косы заплетены,
Что на каждой волосиночкѣ
По жемчужной бисериночкѣ.
У меня то молодешеньки,
У меня то зеленешеньки —
Плотно косонька не плѣтется.
У меня-то, молодешеньки,
У меня-то, зеленешеньки,
На каждой волосиночкѣ
По горючей по слезиночкѣ.

1462.

Расплетите, подруженьки,
Вы мою дѣвью красоту,
Вы мою красовитую
Въ достальные послѣдніе.
Не бывать-то мнѣ, молодѣ,
Не бывать-то мнѣ, зѐленѣ,
Со подружкамъ голубушкамъ
На веселыхъ гуляньецахъ.
Какъ о лѣтнихъ о праздничкахъ
Гуляли мы, молоды,
По травкѣ по шолковой,
По цвѣточкамъ лазоревымъ.
Подъ намъ травка не мялася,
Цвѣточки не ломалися,
Надъ намъ люди дивовалися:
«Это чьи идутъ дѣвицы?
Это чьи раскрасавицы?
Не родимыя ли сѐстрицы,
Не одной ли мати дочери?

1463.

Что на стулѣ на рѣшѐщатомъ,
Противъ зеркала нѣмецкаго,
Тутъ сидѣла красна дѣвица
И чесала русы кѐсоньки.
Что чесала, приговаривала:
«Завивайтесь, русы кудерки,
Къ моему-то лицу бѣлому,
Ко моимъ щекамъ румянымъ!»

1464.

(На это подружки поютъ):

Ты послушай, подруженька,
Ты послушай, голубушка!
Привыкать теперь подруженькѣ
Къ молодецкому-то разуму.

1465.

(Невѣста падаетъ передъ хозяйкой).

Спасибо же, хозяюшка,
Тебѣ на тихой бесѣдѣ,
Что закладывалась, хозяюшка,
За меня молодешеньку.,

(Всѣ 12, начиная съ № 1454 зап. въ Тотем. у.).

1466.

Что не свѣтъ свѣтается,
Не зоря занимается,
Что не ласточка касаточка
Съ тепла гнѣздышка снимается, —
Душа красная дѣвица
Ото сна пробуждается.
«Мнѣ итти, молодешенькѣ,
Во свѣтлую свѣтлицу;
Умываться, молодешенькѣ,
Свѣжой ключевой водой,
Утираться молодешенькѣ
Тонкимъ бѣлымъ полотенечкомъ,
Помолиться, молодешенькѣ,
Мнѣ Спасу Пречистому,
Пресвятой Богородицѣ.
Я первой поклонъ пѐложу
За царя благовѣрнаго,
Я второй поклонъ пѐложу
За царицу благовѣрную,
Я третей поклонъ пѐложу
За царевыхъ за дѣточекъ,
Четвертый поклонъ пѐложу
За роднмаго батюшку;
Я пятый поклонъ пѐложу
За родимую матушку,
Я шестой поклонъ пѐложу
За свою буйну голову,
Чтобы далъ-то мнѣ, Господи,
Великое повѣтріе
Ко церкви божественной,
Ко вѣнцу ко злащеному,
Ко перстню обручальному,—
Отъ вѣнца отъ злащенаго
На чужу дальню сторону,
Во часы-то во добрые,
Да въ минуты веселыя.

1467.

Благослови, Боже Господи,
Мать божья, Богородица!
Ужъ мнѣ сѣсти, молодешенькѣ,
На брущатую лавочку,
Мнѣ запѣть, молодешенькѣ,
Невеселую пѣсенку.
Не съ веселья со радости —
Съ горя со кручинушки,
Со печали великія,
Со причетамъ со жалостнымъ
Со слезами горючими.

1468.

Ужъ когда та пора прошла,
Когда время миновалося,
Когда я красовалася!
Ровно не живано-бывано,
Ровно не хожено-гуляно,
Ровно во снѣ младѣ привидѣлось,
Въ сновидѣньецѣ показалося
Мнѣ свое житье дѣвичье,
Своя воля великая.
Мнѣ изъ воль-то воля была,
Мнѣ изъ нѣгъ-то нѣга была,
Изъ прохладъ была прохладушка.
Пожила, покрасовалася,
Погуляла, понаряжалася
У родимаго батюшка

У родимыя матушки:
Я сама въ гости гостила,
Я къ себѣ гостей водила,
Своихъ милыхъ подруженекъ.

1469.

Красота-ли моя красота,
Красота моя хорошая,
Красота моя пригожая!
Такъ ростить моя красота
Золотое себѣ крылышко,
Такъ и хочетъ улѣтѣти
Со моей буйной головы
На иные па городы,
На сибирскія украины,
За моря за глубокія,
За озера широкія,
За рѣченьки быстрыя,
За грязи за чёрныя,
За лѣса за дремучіе.
Сядетъ моя красота
На березоньку бѣлую,
Придетъ весна красная,
Придутъ люди добрые,
Мужики деревенскіе,
Ссѣкутъ бѣлую березоньку.
Такъ упадетъ моя красота
На травы шелковыя,
На цвѣты па лазоревы.
Придетъ лѣто жаркое,
Придутъ люди добрые
Съ косами со вострыми —
Подкосятъ мою красоту:
Упадетъ моя красота
На щетку колючую.
Я пойду, молодешенька,
Во луга во зеленые,
Я возьму, молодешенька,
Свою дѣвью-то красоту
На свои руки бѣлыя,
Да сама стану говорити:
«Тутъ моей красотѣ
Ей не мѣсто, пе мѣстечко,
Не мѣсто вѣковѣчное.»
Я снесу свою красоту
За престолъ Богородицы,
Сама стану говорити:
«Тутъ моей красотѣ
И мѣсто и мѣстечко
И мѣсто вѣковѣчное!»

1470.

(Подружки поютъ за дверью).

Мы возьмемъ двери за́ скобу,
Мы отворимъ двери на́-пяту:
Ты не гнись-ка половочка,
Не ломись, переводинка,
Не убойся, красна дѣвица.
Не звѣрье къ тебѣ идетъ,
Къ тебѣ идутъ да жалуютъ
Твои милыя подруженьки —
Звать во теплую парушу,
Во теплую подвѣнешную,
Не въ первые, въ послѣдные.
Ужъ что теплая паруша
Очень ясно топилася,
Что во теплой-то парушѣ
Стоитъ каменка жемчужная;
Середи-то теплой паруши
Стоятъ три чары золочены,
Что во первой-то чарочкѣ
Твои бѣлыя бѣлилица,
Во второй-то во чарочкѣ
Румяныя мазилица
Что во третьей-то чарочкѣ —
Твоя дѣвичья красота.
Что во теплой-то парушѣ
Стоятъ двери стеклянныя,
Подворотечки хрустальныя.

1471.

(Невѣста отвѣчаетъ).

Ужъ вы, свѣтъ, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Не на обманъ ли дѣло сдѣлали?
Не на проводку-ли проводите?
Ужъ вы дайте мнѣ, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Мнѣ поруку-то крѣпкую.

1472.

(Подружки).

Мы даемъ тебѣ, голубушка,
Наша милая подруженька,
За поруку-то крѣпкую
Твоего родима батюшку
И родимую матушку.

1473.

(Невѣста).

Не теперь же изувѣрилась,
Я въ роднмомъ сударь батюшкѣ
И роднмой-то матушкѣ.
Ужъ вы дайте мнѣ, голубушки,
Мои милыя подруженьки
Мнѣ поруку-то крѣпкую.

1474.

(Подружки).

Мы дадимъ тебѣ, голубушка,
Наша милая подруженька,
Мы поруку-то крѣпкую —
Ужъ мы Спаса Пречистаго
Пресвятую Бо́городицу.

1475.

Невѣста встаетъ передъ иконами и причитаетъ:

Благослови, Боже Господи,
Мать Божья, Богородица!
Мнѣ итти молодёшенькѣ
Во теплую на́рушу,
Во теплую подвѣнешную,
Не въ первые, въ послѣдніе,
Во дѣвичьей-то во кра́сотѣ.

1476.

Тутъ двѣ подружки берутъ невѣсту подъ руки, а третья мететъ вѣникомъ дорогу и ведутъ ее въ баню. Невѣста въ это время причитаетъ.

Ты свѣти-ка, свѣтелъ мѣсяцъ,
Освѣти-ка путь дороженьку;
Не ступить бы молодёшенькѣ
Во коневье копытечко,
Не сронить-бы, молодёшенькѣ
Своей дѣвьей-то красоты!

1477.

Послѣ бани невѣста продолжаетъ.

Мои милыя подруженьки
На обманъ дѣло сдѣлали,
На проводку прово́дили.
Я не долго попарилась,
А я много съ себя спарила,—
Ужъ я спарила, молодёшенька,
Свою дѣвью-то красоту.

Когда невѣста входитъ въ домъ, мать встрѣчаетъ ее съ пряженикомъ и съ пивомъ. Невѣста закусываетъ, пьетъ пиво и идетъ отдыхать. При наступленіи вечера ее зовутъ на смотрины.

1478.

(На смотринахъ невѣста кидается на грудь отцу и причитаетъ).

Не выходи, сударь батюшка,
Ты на свой на широкой дворъ,
Не встрѣчай, сударь батюшка,
Ты своихъ дорогихъ гостей!
Не води дорогихъ гостей
Во свой во высокъ терёмъ!
Не коли ретива́ сердца,
Не клони буйны го́ловы,
Не запоручивай, родимый,
Ты меня, молодёшеньку,
На чужу дальню сто́рону!

1479.

Подружки берутъ невѣсту подъ руки, ведутъ умываться и причитаютъ:

Красна дѣвица снаряжается,
Бѣлымъ мыломъ умывается,
Въ чисто зеркало смотрится,
Красотѣ своей дивуется:
«Красота ли моя, кра́сота,
Красота́ моя хорошая,
Красота́ моя пригожая!»

1480.

Когда подружки убираютъ голову невѣсты, она причитаетъ.

Ужъ вы свѣтъ мои голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Расплетите русу косоньку,
Вы вплетите алу ленточку,

Не въ первые, въ послѣдніе,
Въ мою дѣвичью крȧсоту.
Ты катайся, руса косонька,
По моимъ могучимъ плечикамъ
Со правȍва да на лѣвое,
Со лѣвȍва да на правое.
Закатись, моя русȧ коса,
Мнѣ всочь[1]), во ясны очи;
Мнѣ въ запасъ бы наглядѣтися,
Мнѣ въ запасъ насмотрѣтися
На свою русу косоньку.

1481.

Нарядившись, невѣста проситъ благословенія у отца и матери.

Ужъ ты свѣтъ сударь батюшка
И родимая матушка!
Ужъ вы дайте, родимые,
Благословеньеце великое,
Ужъ вы Спасомъ пречистымъ,
Пресвятой Богородицей.

1482.

Когда невѣста получитъ благословеніе, подружки причитаютъ.

Ты красуйся, голубушка,
Наша милая подруженька,
Во дѣвичьей во крȧсотѣ!
Тебѣ не годъ годовȧти,
Не зима зимовȧти,
Одна ноченька ночевати
Во дѣвичьей во крȧсотѣ,
Да и та коротёшенька;
Не знать, хȍдя проходити,
Не знать, сйдя просидѣти,
Не знать, Богу молитися,—
Вскорѣ Богъ не помилуетъ,
Государь не пожалуетъ.

1483.

Невѣста отвѣчаетъ:

Меня батюшка жалуетъ
Не великою радостью —
Удалымъ добрымъ молодцемъ.
Меня матушка жалуетъ
Невеликою радостью —
Меня кйкой-то бѣлою.
Ужъ какъ кйка-то бѣлая
Влагаѐтъ желтизну въ лицо,
Сухоту̀ въ ретивȍ сердце.
Ужъ какъ дѣвичья крȧсота
За сто верстъ она слышна,
Ужъ какъ кйка-то бѣлая
Со печи не видна
И за порогъ не слышна.

[1]) въ лицо.

1484.

Невѣста садится за столъ съ подружками и причитаетъ.

Благослови, Боже Господи,
Мать Божья Богородица!
Ужъ мнѣ сѣсти, молодёшенькѣ,
На брущатую лавочку,
За столы за дубовые,
И за скатерти браныя,
И за яства сахȧрныя,
И за пйтья медовыя.
Подойдите, родимыя,
Ко столу ко дубовому
И ко мнѣ, молодёшенькѣ.
Вы откройте, родимыя,
Вы платочка малёшенько,
Посмотрите, родимыя,
Мнѣ всочь во ясны очи:
Я бѣло ли набѣлилася,
Румянȍ ли нарумянилась,
Не въ первые, — въ послѣдніе
Во дѣвичьей-то во крȧсотѣ?

1485.

Ужъ ты свѣтъ сударь батюшка!
Ужъ какъ я тебѣ говȍрила,
Ужъ какъ я тебѣ наказывала!
Не послушалъ, сударь батюшка,
Моего наказаньеца,
Запору̀чилъ, сударь батюшка,
Ты меня, молодёшеньку,
За поруки за крѣпкія,
За пйсьма вѣковѣчныя.
Выкупать, да не выкупить,
Выручать, да не выручить,

Съ чуже-дальнія стöроны.
Не коня вѣдь ты зàпродалъ,
Не пшеницу бѣлоярую.
Я гораздо, сударь батюшка,
Я много надосадила,
Живучй напрокўчила.
Ужъ я, кажется, батюшка,
Слуга была вѣрная
И посылочка скорая,
Я дѣло-то дѣлала,
И работу рабρтала.
Я гораздо, сударь батюшка,
Не сусѣкъ хлѣба выѣла,
Не колодезь воды выпила;
Ужъ я, кажется, батюшка,
Я жила, молодёшенька,
Потише воды великія,
Пониже травы шолковыя.

1486.

(Причетъ по умершемъ мужѣ).

Ты оставилъ меня бѣдную,
Ты оставилъ меня горькую,
Сироту горемычную
Со маленькимъ крошечкамъ!
Какъ мы жить-то будемъ, бѣдные,
Безъ тебя, красно солнышко,
Моя милая ладушка!
Какъ придетъ пора времечко,
Придетъ лѣто-то красное,
И пойдутъ люди добрые
Со косами со вострыми,
Не будетъ у насъ бѣдныхъ
Ни деннöва работничка,
Ни ночнова попечѐльщичка.
Ты куда же снарядился,
Ты куда-же сподобился,
Мое красное солнышко,
Моя милая ладушка?
Не въ торги, не во ярмонки,
Не на гуляночки веселыя,
Снарядился, моя ладушка,
Ко церкви божественной,
На житье вѣковѣчное,
Ужъ намъ ждать—не дождатися,
Глядѣть—не наглядѣтися
Ни съ которой сторонушки
На тебя, милу ладушку!

(Всѣ причеты, начиная съ № 1466 зап. въ Волог. у.).

1487.

Тысяцкой неумоя,
Сватушка кукомоя,
Суньса въ лоханку, умойся,
Нá тебѣ рогозку, утрися,
Нà тебѣ лопату, помолися.

Или.

1488.

Сваха неряха,
Немытая рубаха,
Не колоченая,
Не молоченая.
Свахоньку
Надо выколотить,
Свахоньку
Надо вымолотить.
Надо рощи наростѝть,
Надо пива наварить,
Надо сваху напоить.
Выпустимъ кота
Изъ за задняго хлѣвá,
Обдеретъ онъ тебя,
Ровно сковороду.

1489.

Къ жениху.

Князь молодой, развернися,
Съ нами гостями обойдися.

1490.

Вы подруженьки голубушки,
Сидите призадумались,
Чужихъ басень заслушались.
Будто пѣть у насъ нечего,
Припѣвать будто некого?
Припоемъ мы подруженьку,
Анну Степановну.
Я прошу тебя, подруженька,
Не ради дàрьеца,
А ради свиданьеца:
Мнѣ свидѣться хочется,
Свидѣться, проститися
На вѣку-то не въ пѐрвые,
Въ дѣвьей красотѣ въ послѣдніе.

1491.

Когда гости жениха соберутся, тогда, помолившись Богу, они отправляются къ невѣстѣ, что бываетъ всегда вечеромъ. Отъѣхавъ немного, весь поѣздъ останавливается, а дружка три раза дѣлаетъ о̀кликъ: «всѣ-ли бояре въ скопѣ?» и каждый разъ получаетъ утвердительный отвѣтъ, послѣ чего поѣздъ отправляется далѣе. Пріѣхавъ къ дому невѣсты, послѣ того какъ гости выйдутъ изъ саней или телѣгъ, дружка говоритъ:

«Господи Іисусе Христе, сыне божій, помилуй насъ!
Ѣхали мы бояре
Чистыми полями,
Зелеными лугами,
Дремучими волока̀ми.
Подлѣ стогъ на угорѣ
Стоитъ большой огромный дубъ,
Изъ подъ того дуба выпалъ куній слѣдъ.
Мы ударились по куньему слѣду:
Куна шла темными лѣсами,
Зелеными лугами,
Дремучими волоками.
Мы ѣхали на своихъ лошадяхъ-лихачахъ
По пенькамъ, по колодникамъ, —
Все пенье приломали,
Колодникъ припинали,
За намъ сдѣлался какъ московской трактъ.
Попали намъ два старика усаты,
Два бѣло-бородаты;
Мы спрошали ихъ:
Та-ли дорога, та-ли широ̀ка
Къ нашей княгинѣ молодой?

(Пріѣхавшіе гости отвѣчаютъ «Та»).

Мы доѣхали,
Стоитъ деревня, какъ городъ,
Домъ какъ теремъ.
Мы не сами узнали,
Намъ люди сказали.
Говорятъ: есть у насъ хорошій товаръ,
А есть при васъ первой гильдіи купецъ?
Есть у насъ куницы, лисицы,
Заморскія соболицы,
Красныя дѣвицы.
— Отдайте намъ куницу!
Не отдадите куницы,
Отдайте лисицу,
Отдайте заморскую соболицу,
Не отдадите заморской соболицы,
Отдайте красную дѣвицу.
Не отдадите красной дѣвицы —
Отдайте сто рублей штрафу,
Не отдадите сто рублей штрафу,
Отдайте красную рубаху,
Я и съ той домой уѣду.

1492.

(Послѣ этого женихъ и всѣ его гости идутъ къ крыльцу дома, а дружка говоритъ):

Господи Іисусе и проч.
Къ этому дому,
Къ высокому терѐму
Лѣсенки точёны,
Ступеньки золочёны.
На перву ступеньку ступлю,
Свято проговорю:
Господи Іисусе и проч.
У молодой княгини
Есть ли отецъ-мати—родители?
Кто поилъ, кормилъ,
Обувалъ, одѣвалъ,
На ноги подымалъ,
Также бы теперь мнѣ и ворота отпиралъ,
Встрѣчалъ бы меня дружку передо̀ѣзжаго,
Со своимъ молодымъ по̀дружьемъ,
Со всѣмъ честнымъ по̀ѣздомъ.

1493.

(Случается, что когда поѣзжане подойдутъ къ дверямъ, то онѣ оказываются запертыми. Дѣвушки въ сѣняхъ поютъ пѣсни и кто нибудь изъ сѣней задаетъ вопросы):

— У насъ на запорѣ медвѣдь сидитъ.

(Дружка возражаетъ):

У нашего князя молодого
Есть ружья турецки,
Замки нѣмецки,
Стрѣлки молодецки;
Будутъ стрѣлять и палить,
Медвѣдю на запорѣ не улежать.
— Къ невѣстѣ-то рѣка широка̀.
— У нашего князя молодого
Есть лодочки самоходочки,
Гребцы молодцы, —
Не удержать рѣкѣ широкѣ̀.
— Кто тамъ пищитъ?
Не комаръ-ли, не муха?
Аминь Святого Духа.

1494.

(Двери отворяются и всѣ поѣзжане входятъ въ особую избу. Дружка беретъ приготовленные на подносѣ для невѣсты подарки: чулки, башмаки, платокъ, зеркало, бѣлила, румяна и положенный поверхъ всего этого пряникъ и отправляется съ ними въ избу невѣсты. Какъ только переступитъ порогъ, начинаетъ говорить):

Господи Іисусе и проч.
Сватъ да сватья!
Выпрягайте нашихъ лошадей-лихачей!
Дугъ не ломайте,
Оглобли подымайте,
Давайте сѣна до колѣна,
Овса до щетки.
Если нѣтъ сѣна,
Нѣтъ-ли трясѝнки;
Нѣтъ трясѝнки —
Нѣтъ-ли овсянки;
Нѣтъ овсянки —
Нѣтъ-ли ржанки.
Нѣту ржанки —
Нѣтъ ли осиновыхъ дровъ:
Наши кони погложутъ, попинаютъ,
И то по сорокъ верстъ убѣгаютъ.
Господи Іисусе и проч.
Сватъ да сватья!
Есть-ли ѝры собаки?
Ярыхъ собакъ садите нà цѣпь,
Стариковъ-колдуновъ,
Пѣтуховъ-клевуновъ,
Бабъ бранливыхъ
Пихайте нà печь.
Есть ли маленьки ребята —
Пихайте ихъ на полати.
Вы ребятка, полати не трясите,
Соломенки не уроните,
Мнѣ, дружкѣ, головы не проломите,
Подарочки не осрамите!
Господи Іисусе и проч.
Во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой горницѣ,
Въ благодатномъ домѣ,
У молодой княгини
Есть-ли полати
Скласти халаты?
Есть-ли полѝцы
Скласть рукавицы?
Есть ли грѝдки
Скласти шапки?
Есть-ли спички точѐны
Свѣсить плѐтки строчѐны?
Господи Іисусе и проч.
Иду я, дружка молодой передоѣзжій,
Съ ноги на ногу поступываю,
Сапогъ о сапогъ поколачиваю,
Къ молодой княгинѣ наворачиваю.
Каково у васъ молодая княгиня,
Живетъ-здравствуетъ?
— У насъ князь молодой
Хорошо живетъ-здравствуетъ,
Въ чистомъ полѣ гуляетъ,
Какъ сѐколъ летаетъ,
Шелковой плетью пощѐлкиваетъ,
Сапогъ о сапогъ поколачиваетъ,
Къ молодой княгинѣ наворачиваетъ.
Господи Іисусе и проч.
Вы тетки-молодки,
Разступитесь на четыре сторонки;
У васъ платьеца крàсны,
Сапожки мои грàзны.
Надо вамъ на ногу не наступить,
Платьеца не замарать,
Васъ не посрамить,
Самому себя не пристыдить.
Господи Іисусе и проч.
Иду я дружка молодой,
Передоѣзжій
Къ молодой княгинѣ съ дорогимъ подаркомъ:
Съ бѣлиламъ, съ румянамъ,
Зеркало нѣмецко,
Чулочки бѣлѐньки,
Башмачки чернѐньки.
На этихъ подаркахъ лежитъ пряникъ.
Онъ широкъ и дологъ,
По серѐдкѣ жолобъ,
Какъ Архангельска поскòтина [1]),
Есипленскій лугъ [2]),
Не съѣсть его вдругъ.
Господи Іисусе и проч.
Ты, молодая княгиня,
Встань на куньи,
Подростутъ собольи,
Прошу подарки принять,
Подносъ голый не отпускать:
Рюмку водки подать,
Поздороваться.

1495.

Женихъ съ родней и гостями пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты. Когда всѣ гости заняли мѣста, но еще не сѣли, дружка говоритъ:

Господи Іисусе и проч.
Во свѣтлой свѣтлицѣ,

---

[1]) Скотный выгонъ; городьба вкругъ выгона.
[2]) Лугъ близъ Устюга.

Во столовой горницѣ,
Въ благодатномъ домѣ,
У молодой княгини
Есть-ли попы-дьяки?
— Нѣтъ поповъ-дьяковъ.
Нѣтъ-ли людей грамотныхъ?
— Нѣтъ людей грамотныхъ.
Нѣтъ ли людей старыхъ-памятныхъ,
Кто-бы за хлѣбомъ-солью
Свято проговорилъ?

1496.

(Когда гостямъ разносятъ дары, дружка говоритъ):

Господи Інсусе и проч.
Наша-то невѣста
Въ теремѣ сидѣла,
Въ кутѣ за занавѣсой,
Подъ кутнимъ окошечкомъ;
Тонко пря̀ла,
Звонко тка̀ла,
Бѣло̀ бѣлила,
На быстрой рѣчкѣ мыла,
На сѣромъ камешкѣ колотила,
На красномъ солнышкѣ сушила,
По зеленому лужку волочила,
На дубовомъ столикѣ катала,
Въ коробеечку клала,
Коробеечку запирала,
Ключи въ карманъ убирала,
По зеленому лужку гуляла,
Ключики потеряла.
Ключики нашла,
Сама замужъ пошла.
А у меня, подносчика,
Ножки съ подходомъ,
Ручки съ подносомъ,
Голова съ поклономъ,
Языкъ съ приговоромъ,
Ретиво сердце съ радостью.
Прошу покорно,
Князь молодой,
За подарочки приматься,
Надо мной не ломаться;
Не я прялъ, не я ткалъ,
Не я мочилъ, не я волочилъ,
Только въ томъ согрѣшилъ,
Что я подносилъ.

1497.

(Передъ отправленіемъ къ вѣнцу, дружка говоритъ):

Господи Інсусе и проч.
Во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой горницѣ,
Въ благодатномъ домѣ,
У молодой княгини
Есть ли отецъ-мать—родители?
Благословили бы свое дитя
Ко злату вѣнцу ѣхать.

1498.

(Затѣмъ дружка зоветъ гостей на свадебный пиръ)

Господи Інсусе и проч.
У нашего князя молодого
Есть яства медо̀выя,
Пи̂тья саха̀рныя,
Просимъ покорно
Къ намъ на свадьбу,
Попить, покушать.

1499.

(Послѣ вѣнца передъ дверьми):

Господи Інсусе и проч.
Скидайте запоры дубовы,
Отворяйте ворота тесовы,
Выставляйте подворотенки кленовы,
Встрѣчайте свое дитя
Съ хлѣбомъ да съ солью,
Съ таланомъ да участью
Съ божьей милостью.

(Всѣ причеты, начиная съ № 1487 зап. въ Устюг. у.).

1500. [1])

Кунья шуба, не попы̀хивай,
Иванъ господинъ, не повзды̀хивай:
Наша-то Наташа не хуже тебя:
Она ростомъ поменьше,
Умомъ подороже;
Она костью посладнѣе тебя,
Бѣлымъ лицомъ побѣлѣе тебя,

[1]) Съ этого № идутъ собственно свадебныя пѣсни, въ перемежку съ причетами.

Ягодницы[1]) ровно маковъ цвѣтъ.
Наша-то Наташа не пара тебѣ,
Тебѣ-то пара—во дворѣ свинья,
Полосатая, съ поросятами.

1501.

По лугамъ, лугамъ зеленымъ,
По цвѣточкамъ лазоревымъ
Разливалась вода вешняя,
Вода вешняя, холодная.
Посылали Дуняшеньку
На Дунай рѣку по̀ воду,
Босу, не обутую,
Нагу, не одѣтую.
Налетѣли гуси сѣрые,
Возмутили воду свѣжую.
Какъ вода-то устоялася,
А я, млада, надрожалася.
Какъ случилося Дуняшенькѣ
Мимо батюшкина дома итти,
Мимо матушки высока терема̀, —
Тутъ стоитъ родной батюшка
На красномъ на крылечкѣ.
«Ты куда, мое дитятко?
Ты пошто воротилося?»
— «Позабыла я, батюшка,
Три ключика мѣдные:
Первый ключъ отъ ящика,
Другой ключъ отъ короба,
Третій ключъ отъ терема.»
«Позабыла ты, дитятко,
Волю-то батюшкину
Да нѣгу-то матушкину,
Третью дѣвью кра̀соту.
Какъ дѣвья-то кра̀сота
На блюдечкѣ поло̀скана,
На тарелочкѣ коло̀чена,
На солнышкѣ су̀шена.
А какъ бабья-то кра̀сота
На болотѣ поло̀скана,
На кочкѣ коло̀чена,
Черезъ дымникъ су̀шена.»

1502.

У родимой-то матушки
Я жила, красовалася,
Не слыхала, когда пѣтухи поютъ,
Не слыхала, когда матушка встаетъ.
Встаетъ она, не стукаетъ,
Говоритъ она, не гаркаетъ;
Она семь разъ по̀дойдетъ,
Да одинъ разъ сгаркаетъ:
«Ты вставай, мое дитятко!
Умывайся бѣлёшенько,
Принимайся за работушку,
За работушку тяжелую:
За шитье да за бра̀ньеце.»
У богоданной-то матушки
Услыхала, когда пѣтухи поютъ,
Услыхала, когда матушка встаетъ.
Встаетъ она, стукаетъ,
Говоритъ она, гаркаетъ,
Она семь разъ сгаркаетъ,
Да одинъ разъ по̀дойдетъ.
«Ты вставай, моя сно̀шенька,
Принимайся за работушку,
За работушку легкую:
За толчѐнье, моло̀ченье.»

1503.

Во Китаѣ было городѣ,
Во палатѣ бѣлокаменной,
На стулѣ на раменцѣ,
Противъ зеркала нѣмецкаго.
Тутъ сидитъ-то добрый молодецъ;
Чешетъ русые кудеречка.
Онъ-то чешетъ, приговариваетъ:
«*Привосватайтесь*, русы кудерки,
Ко моёму лицу бѣлому,
Ко моёму лицу румяному.
Привыкай-ка ты, Дунюшка,
Къ моему-то уму разуму,
Ко посту̀пу молодецкому!»
Привыкать-то не хотѣлося,
За досаду показалося,
За досаду за великую.

(Коренево, подъ Тотьмой. Поется на дѣвишникѣ.).

1504.

Не вьюнъ надъ водой извивается, —
То Иванъ у воротъ убивается.
Онъ у чьяхъ у воротъ?
У Викторовыхъ.
Проситъ онъ свою суженую,
Проситъ онъ свою ряженую
Запору̀ченную,

[1]) Щеки.

Запросватанную.
Ему вывели коня въ сѣдлѣ,
Во сѣдлѣ, въ золотой уздѣ.
«Это не моя, это не суженая,
Не суженая и не ряженая,
Не запорученная,
Не запросватанная.»
Вынесли ему коробку съ бѣльемъ,
А другую съ дарами.
«Это не моя, это не суженая,
Не суженая и не ряженая,
Не запорученная,
Не запросватанная.
Выносили ему птицу на бѣлыхъ рукахъ.
«Это не моя, это не суженая,
Не суженая и не ряженая,
Не запорученная,
Не запросватанная.»
Вывели ему Поликсенушку,
Поликсенушку, свѣтъ Викторовну.
«Это моя суженая: —
Это моя ряженая, —
Запорученная,
Запросватанная.»

(Вологъ. у.).

1505.

«Ужъ вы гуси да лебеди,
Вы далёко ли лѣтали?»
— Ужъ мы лѣтали, лѣтали
Съ моря на море.
«Ужъ вы что тамъ видѣли?»
— Ужъ мы видѣли, видѣли
Бѣлу лебедь на заводѣ.
«Для чего вы ее
Съ собой не взяли?»
—Хотя мы ее не взяли,
Мы ее запримѣтили,
Право крылышко заломили.
«Вы бояра, бояра,
Вы далёко ли ѣздили?»
— Ужъ мы ѣздили, ѣздили
Съ городу на городъ.
«Ужъ вы что же тамъ видѣли?»
— Ужъ мы видѣли, видѣли
Красну дѣвицу въ теремѣ.
«Для чего вы ее
Съ собой не взяли?»
— Хотя мы ее не взяли,
Мы ее запоручили,
За поруки за крѣпкіе
За замки да за вѣрные.

1506.

Не шолкова ленточка
Къ стѣнкѣ льнетъ,
Иванъ-то Поликсену
Къ сердцу жметъ.
Жметъ, прижимаетъ,
Спрашиваетъ:
«Скажи, Поликсена,
Кто тебѣ милъ?
— Милъ-то мнѣ милъ
Батюшка родной.
«Это, Поликсена,
Неправда твоя
И не истинная.
— Мила-то мнѣ, мила,—
Матушка родная.
«Это, Поликсена,
Неправда твоя
И не истинная.
— Милъ то мнѣ милъ
Ты, господинъ!
«Это, Поликсена,
Правда твоя,
Правда истинная.»

1507.

Ты соколъ, ты соколъ,
Перелетной соколъ!
Не летай высоко,
Не садись близко,
На мое платьё!
Не ступай ногой,
Не ломай башмака. —
Мнѣ не ты платье купилъ,
Не ты заводилъ.
Родной батюшка купилъ,
Я сама завела.

1508.

Ваня ходитъ по двору,
На немъ кунья шубонька,
Люди-то спросятъ:
«Чей ходитъ такой?»
Батюшка-то скажетъ:
«Мой сынъ родной.»
Матушка-то скажетъ:
«Я родила.»
Брателко-то скажетъ:

«Я коня сѣдлалъ,»
Сéстрица-то скажетъ:
«Я кудри завила;»
Поликсена скажетъ:
«Мой господинъ!»

1509.

Ты послушай, Поликсенушка,
Дѣвичій-то наказъ:
Что тебѣ дѣвушки говаривали?
Что тебѣ красавицы наказывали?
«Не ходи-ка, Поликсенушка,
Въ зеленъ садъ гулять!
Ты не слушай, Поликсенушка,
Ивановыхъ гуслей!
У Ивана гусли переманчивые,
Переманятъ тебя гусли
На чужую сторону!»

1510.

Не трубонька трубитъ
Рано по утру:
Поликсена плачетъ
Рано по косѣ:
«Свѣтъ ты моя косонька,
Русая коса!
Вечôръ тебя, косонька
Дѣвушки плели,
Завтра тебя, косонька,
Сваха расплетётъ.
Сваха расплетётъ,
На двѣ заплетётъ.»

1511.

У Виктора на дворѣ,
На широкомъ на дворѣ,
Тутъ стояло деревцо.
Сверху плисовое,
Снизу вызлащено.
Что на это деревцо
Все слетались соколы;
Что подъ это деревцо
Становились бояра,
Соколы-то щекотятъ,
А бояра говорятъ:
«Ужо кто къ намъ ѣдетъ
Къ Виктору на дворъ?
Ужо кто же войдетъ
Къ Поликсенѣ во терêмъ?»
Что Иванъ господинъ
Таки рѣчи говоритъ:
«Ужъ какъ самъ-то я въѣду
Къ Виктору на дворъ,
Ужъ самъ-отъ я войду
Къ Поликсенѣ во терêмъ.
Ужъ я самъ уведу
У Виктора дочь,
У Марьи дитя.
Я не честью возьму,
Не хвалой уведу!»

1512.

Ты не стой древо надъ рѣкой,
Не рони-ка листье нà воду,
Ты не плачь, не плачь, Поликсенушка,
О родимой о сторонушкѣ,
О родимомъ о батюшкѣ,
О кормилицѣ матушкѣ.
Ты стой древо надъ рѣкой,
Ты рони листье нà воду.
Ты расплачься, Поликсенушка,
На чужой на дальней сторонѣ,
У чужôва отца-матери,
У чужа сына отецкаго.

1513.

Благослови, Господи,
Свадьбу играть!
Благослови, Боже, насъ
Свѣчи засвѣчать,
Намъ Ивана-то женить,
Свѣтъ Ильича.
Благослови, Господи,
Поликсену выдавать,
Свѣтъ Викторовну!

1514.

Вы цвѣты-ли мои цвѣтики,
Вы цвѣты мои лазоревы!
Много васъ было посѣяно,
Васъ немного уродилося, —
Много насъ было подруженекъ,

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

1515.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

1516.

Какъ молодой [illegible],
Какъ молодой [illegible]!
Не [illegible],
Не [illegible]. —
[illegible],
[illegible]
И на [illegible].

1517.

Въ полѣ калина
Кругомъ [illegible].
[illegible]
Иванъ молодецъ!
Онъ [illegible] кудри,
Расчесалъ волосы.
Мать его уговаривала:

«[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] —
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]»

[illegible]

1518.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
«Уж ты свѣтъ мое дитятко!
Что сидишь ты не весела,
Буйну голову повѣсила?»
— «Государыня матушка!
Мнѣ къ чему веселитися
Да къ чему же смѣятися?
Надо мной туча грозная,
Подо мной вся земля дрожитъ:
Отдаютъ меня, младу,
На чужу дальню стóрону.
На чужой дальней стóронѣ
Надо жить тамъ умѣючи,
Говорить разумѣючи,
Голова держать поклонная,
Ретиво сердце покорное,
Называть всякого по имени,
Звеличать по отечеству»

1519.

Не злачёнъ перстень по горницѣ катался, —
Нашъ Иванъ-то жениться сбирался.
Ему матушка голову чесала,

три волоса въ кудринку завивала.
у, Иванушку, да наказала:
бѣ станутъ красны дѣвушки пѣсни пѣти,
зтъ Поликсенушку припѣвати,
зтъ Викторовной величати, —
дари же красныхъ дѣвокъ по рублинкѣ,
то много показалось по рублинкѣ —
дари же красныхъ дѣвокъ по полтинкѣ,
то много показалось по полтинкѣ —
дари же красныхъ дѣвокъ по поклону,
е пряничковъ дари ты по подолу.

1520.

Иванъ входилъ къ Поликсенѣ
За занавѣску за тонкую;
Онъ бралъ ее за правую руку.
Я не смѣю сказать тятенькѣ,
Доложиться родной маменькѣ.
Я брала, брала золотые ключи,
Отпирала свой окова́нъ сундукъ,
Вынимала сукно бархатное,
Я кроила да выкраивала
Свѣтъ Иванушку зеленъ кафтанъ,
Во подолѣ-то раструбистой,
Во срединѣ перехватистой.
Что бы льзя-то добру мо́лодцу
На добра коня садитися,
Къ божьей церкви отправлятися,
Съ Поликсеною вѣнчатися
Съ Викторовною обручатися,
Да красотой своей мѣнятися.

1521.

Вдоль по улицѣ сивонько бѣжитъ,
Сивой гривою потряхиваетъ,
Золотой уздой побрякиваетъ.
Что Иванушко молодку ведетъ,
Что молодку-то молоденькую,
Поликсену черпоброненькую.
Его матушка выскакивала,
Что Иванъ ты свѣтъ Ильичъ,
Подними-ка ты златъ вѣнецъ,
Покажи ка Поликсенино лицо:
Безъ бѣлилъ она бѣлешенька,
Безъ мазилъ румянешенька.

1522.

Что не пава по сѣнечкамъ ходила,
Не павлиное перье роняла, —
Поликсена по сѣнямъ ходила,
Викторовна по сѣнямъ гуляла.
Она тихую рѣчь говорила:
«Отоприся замокъ, отоприся,
Кипарисная дверь, отворися!
Отворись, тепла спальня, отворися!
Размахнись, шитъ-бранъ положокъ, размахнися!
Пробудися, родной батюшка, пробудися,
Ты проснися, родна матушка, проснися!
Мнѣ не годы у васъ годовати,
Одна ночка у васъ ночевати,
Да и та на молитвѣ простояти.»

1523.

Ужъ какъ по мосту-мосту̀
Карета стучала,
Золотая бренчала.
Что во той во каретѣ,
Во той золочёной
Ѣхала Поликсена,
Ѣхала Викторовна, —
Въ рукахъ держитъ ларчикъ
Златой окова́нный,
Къ ларцу припадаетъ,
Къ дарамъ причитаетъ:
«Ужъ ты ларчикъ мой, ларчикъ,
Златой окованный!
Я не годъ тебя копила,
Не два собирала.
Какъ пришла воля Божья
Иванова женитьба,
Да Ильича свѣта, —
Въ одинъ часъ раздарила:
Ужъ я батюшку свекру —
Соболей на шубу,
Матушкѣ свекрови —
Сантетю̀ру на платье,
Братцамъ девѣ́рьямъ —
Сукна па сюртуки,
Сестрицѣ золовкѣ —
Изъ русой косы ленту.
«Ты красуйся, сестрица,
Красуйся голубушка,
Какъ я красовалась.
А какъ я красовалась,
Все село любовалось.

1524.

Какъ изъ терема терема
Золотые [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] красна дѣвица —
[illegible] свѣтъ Викторовна.
И въ встрѣчу добрый молодецъ
Свѣтъ Иванъ Ильичъ.
«Ты куда, красна дѣвица,
Намъ куда-же съ тобой итти?»
— «Ты куда, добрый молодецъ,
Ты ужъ у меня выспрашиваешь,
Или свой въ [illegible] отдаешь?
Мой путь — во чистыхъ поляхъ,
А дороги — во быстрыхъ рѣкахъ,
Во высокъ теремъ — лѣстница,
Такъ туда намъ съ тобой итти.»
Отъ сахарнаго дерева
Такъ сахарныя отрасли.
Что отца-то онъ уважаю
И матерь-то разумница,
Такъ умѣла отвѣтъ держать
Удалому добру молодцу.
Онъ возьметъ за бѣлы руки
И введетъ къ себѣ во теремъ.
«Вотъ изволь, сударь-батюшка,
Государыня матушка,
[illegible] вамъ ключница.»

1525.

Ужъ какъ съ воды на воду
Тутъ летали гуси сѣрые.
Приставала лебедушка
Ко стадику сѣрыхъ гусей.
Не умѣла лебедушка
По-гусиному кричати,
Ее стали гуси щипати.
«Не щиплите, гуси сѣрые!
Не сама я къ вамъ залѣтѣла, —
Занесло меня погодою.»
Какъ изъ улицы въ улицу
Ходятъ красныя дѣвицы.
Отставала Поликсенушка
Отъ подружекъ-голубушекъ,
Приставала Викторовна
Къ удалому добру-молодцу,
Ко Ивану свѣтъ Ильичу.
Не умѣла Поликсенушка
На головушкѣ оправити,
Ее стали бабы бранити.
«Не браните меня, молоду,
Не сама я къ вамъ [illegible] —
Завели меня добрые
Иванъ свѣтъ Ильичъ.»

1526.

Съ поля [illegible] гуси [illegible].
Нашъ Иванушка свѣтъ Ильичъ.
На встрѣчу ему одинъ [illegible]
«Я тебѣ, [illegible], [illegible],
Золотые рога [illegible].»
— «Не [illegible] меня, молодецъ,
Не въ пору время тебѣ [illegible]:
Стану жениться, на свадьбу приду,
Золотымъ рогамъ весь дворъ освѣщу,
Всѣхъ я гостей твоихъ развеселю,
Больше всѣхъ я невѣсту твою,
Поликсену душу Викторовну.»
Пріѣхали гости съ чужой стороны,
Поломали сѣни новыя,
Разстукали чашу золоту,
Выпустили соловья изъ садку,
Расплевили красу дѣвицу-душу.
Негдѣ взялся Иванъ свѣтъ Ильичъ.
Унималъ да разговаривалъ:
«Поликсена, не плачь, Викторовна!
Новыя сѣни я самъ срублю,
Золоту чашу перелить отдамъ,
Мѣсто соловья я самъ побуду.»

1527.

Расшаталася грушица,
Передъ яблонцой стоючи, —
Расплакалась дѣвица
Передъ батюшкой стоючи:
«Ужъ ты свѣтъ, сударь-батюшка!
Ты на что же пиво варишь,
На что глядя, гостей зовешь?»
— Ужъ ты свѣтъ, мое дитятко,
Моя дочка родимая,
Я хочу тебя замужъ отдать.
«Ужъ ты свѣтъ, сударь батюшка,
Не можно-ли того сдѣлать —
Моя свадьба отложить?»
— Ужъ ты свѣтъ мое дитятко,
Моя дочка ты милая!
У насъ дѣло-то сдѣлано,
По рукамъ сватамъ ударено
И дарамъ-то задарено.
Попы письма написали,

Дьяки руки приложили.
Выкупать, да не выкупить,
Выручать, да не выручить.

Всѣ 10 Вологодск. у.

1528.

Наканунѣ свадьбы для невѣсты топятъ баню избранныя ея подруги и ходятъ съ ней мыться; передъ выходомъ въ баню онѣ причитаютъ родителямъ невѣсты:

Благослови, Боже Господи!
Во дворѣ вечеряется,
Божій судъ совершается;
Не палата бѣлокаменна
Надъ дѣвицей разсыпается.
Насидѣлась у матушки
Въ новой рубленой клѣточкѣ,
Находилась у батюшки
По калиновымъ мостикомъ.
Нагулялась красна дѣвица
Во зеленыхъ лугахъ.
Я пошла красна дѣвица
Во высокой новой теремъ,
Я ступила красна дѣвица
Правой ногой.—
Поперекъ меня подхвàтили
Красны дѣвицы полюбовные,
Повели во высокъ теремъ;
Посадили красну дѣвицу
На брусовую лавочку,
Подъ косящато окошечко,
Подъ стекло подъ нѣмецкое.
Отмахну, я красна дѣвица,
Тонко бѣло полотенышко
Отъ своего лица бѣлаго,
Подыму брови черныя,
Обведу очи ясныя:
Есть ли въ высокомъ теремѣ
Мой кормилецъ-то батюшка?
Откажи, родной батюшка,
Чужому человѣку.
Увезутъ красну дѣвицу
За лѣса-то за темные,
За грязи за черныя,
За болота за зыбучія,
Не въ большую деревеньку.
Зашумятъ шишки еловыя,—
То звоны колокольные.

Послѣ этого невѣста такимъ же причитаніемъ прашиваетъ: есть ли въ теремѣ родимая матушка? Причитальщицы дѣлаютъ небольшой интервалъ, а затѣмъ причитаютъ брату. Начало этого причитанія одинаково съ предъидущимъ:

1529.

«Отмахну-ли я» и проч.
Еще есть ли во теремѣ
Родной братецъ? (имя?)
Наряжу я тебя, родной братецъ
На дѣла и на работушку,
На работушку тяжелую —
Топить банюшку парную.

Опять небольшая пауза; затѣмъ причитаніе сестрѣ невѣсты; начало его тоже.

1530.

Наряжу я родна сѐстрица
На дѣла и на работушку —
Затопи-ка парну банюшку,
Нацѣди-ка щелоку
Изъ *семера* пепелу
Изъ ивова, *коньковова* (?)
Коньковова, березовова,
Изъ баталожнова, изъ осиновова,
Изъ ольхова изъ пихтовова.
И пошли мы, красны дѣвицы,
Къ первой бѣлой березонькѣ
Ко березонькѣ по вѣничекъ.
Перва бѣла березонька
Со корня посыхала,
Со вершины позябала.
Пошли мы, красны дѣвицы
Ко другой бѣлой березонькѣ,—
Сидитъ горька кукушечка
Что по утру ранёшенько
Горюетъ-кукушечка
Вечеромъ-то позднёшенько.
Ронитъ горючи слезы
На мелкія вѣточки.
Мы отъ той бѣлой березоньки
Прочь назадъ пошли.
Пришли красныя дѣвицы
Ко третей бѣлой березонькѣ:
Прутья вйтые шелковые.
Наломали, положили,
Благословясь, красны дѣвушки,
Мы на правыя рученьки.
Понесли красны дѣвушки

Во парную банюшку,
Пошли красныя дѣвушки
По святу воду ключо̀вую.
Пришли красныя дѣвушки
Ко перво̀й быстрой рѣченькѣ, —
Стоятъ матери солдатскія,
Пошли красныя дѣвицы
Ко другой быстрой рѣченькѣ —
У другой быстрой рѣченьки
Сидятъ вдовы солдатскія.
Отъ той быстрой рѣченьки
Назадъ заворотилися.
Пришли красныя дѣвушки
Ко третей быстрой рѣченькѣ.
У ней донышко серебряное,
Берега̀ позолочены.
Благословясь почерпали
Во ветляной ушатечекъ;
Понесли красны дѣвушки
Во парную банюшку.

Тѣ дѣвушки, которыя понесли воду въ баню, подходятъ къ невѣстѣ, берутъ ее подъ руки, ведутъ въ баню, а сами причитаютъ:

1531.

Повели красну дѣвушку
Во парную банюшку,
Умылася красна дѣвица,
Умыла я буйну голову
Не подъ бѣлый почелочекъ
Подъ *шамшуру*[1]) великую.
Умыла могучи плечи
Не подъ наряды шелковые,
Подъ работы тяжелыя,
Умыла грудь бѣлую
Не подъ поцѣпки злаченые.
Умыла груди бѣлыя
Не подъ хрёсты животворящіе,
. . . . [2])
Умыла руки бѣлыя
Не подъ перстни злаченые —
Подъ работу тяжелую
Ко корыту ко бушному [3]).

При возвращеніи невѣсты изъ бани, дверь сѣней запирается; невѣста обращается съ просьбой, чтобы ее пропустили въ избу; дѣвицы въ это время причитаютъ:

1532.

Сохрани, родитель батюшка,
Отъ темныя ночи,
Отъ лютаго звѣря,
Отъ тучи, отъ грому.

Послѣ этого отворяются двери и отецъ невѣсты выходитъ встрѣчать ихъ съ яндовой пива, которую и подаетъ дочери; послѣдняя надкушиваетъ пиво, передаетъ своимъ подругамъ и въ сопровожденіи ихъ идетъ въ избу.

(Всѣ 5 Сольвыч. у., Гавриловской вол.).

При выходѣ замужъ невѣсты сироты, обязанности причитальщицъ принимаютъ на себя старухи. Наканунѣ свадьбы для невѣсты топятъ баню и ближайшія подруги невѣсты водятъ ее мыться въ сопровожденіи причитальщицъ. Передъ тѣмъ, какъ итти въ баню, послѣднія причитаютъ.

1533.

Ужъ ты свѣтъ родимый дядюшка!
Ты поруби дровецъ березовыхъ
Для банюшки парушки,
Для тепла подвѣнечнаго.
Ужъ ты свѣтъ родимая тетушка!
Ужъ сходи-ка истопи-ка
Сиротинушкѣ банюшку
Горегорькой подвѣнечную.

Баню для невѣсты топятъ ближайшіе родные. Когда она готова, невѣста обращается черезъ причитальщицъ къ подругамъ съ просьбой проводить ее:

1534.

Вы сводите-ка, подруженьки,
Вы меня, сиротинушку,
Во теплую банюшку!
Вы сводите, голубушки,

[1]) *Шамшаръ, шамшура* — особый головной уборъ замужнихъ женщинъ.
[2]) Тутъ не достаетъ стиха.
[3]) Въ которомъ *бучатъ* бѣлье.

Меня горегорькую
Во теплую подвѣнечную.

При послѣднемъ словѣ къ невѣстѣ подходятъ двѣ близкія ея подруги, берутъ ее подъ руки и ведутъ въ баню. Остальныя подруги идутъ сзади. Голова невѣсты покрыта фатой и она плачетъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону. Въ баню невѣста входитъ съ тѣми подругами, которыя вели ее, а прочія остаются и играютъ до выхода невѣсты изъ бани. Тогда всѣ идутъ въ избу въ томъ же порядкѣ, причемъ причитанія:

1535.

Ужъ тебѣ бы, банѣ парушѣ,
По бревну бы раскатитися,
По кирпичику развалитися!
Ужъ ты, банюшка паруша, —
На лютыхъ звѣряхъ вожена,
На лихо мѣсто ставлена.

Невѣста, дошедши до дома, поднимается вмѣстѣ съ провожавшими ее подругами на помостъ крыльца и останавливается, а старухи причитаютъ:

1536.

Ужъ ты свѣтъ родимый дядюшка
И родимая моя тетушка!
Ужъ вы встрѣтьте сиротинушку,
Ужъ вы встрѣтьте горегорькую
Со пивной-то чашечкой,
Со винною со чарочкой.
Ужъ вы дайте сиротинушкѣ
Ключевой воды напитися.
Я не долго въ банѣ парилася,
А много съ себя спарила.
Ужъ я стала, сиротинушка,
Хуже листика лежалова,
Хуже бересточка бѣлова.

Навстрѣчу имъ выходитъ дядя невѣсты съ ендовою пива, а тетка въ рукахъ съ подносомъ, на которомъ стоятъ два стакана, наполненные водкой. Дядя племянницу, а тетка ея подругъ, потчуютъ, а потомъ всѣ входятъ въ избу. Дѣвушекъ кормятъ ужиномъ, причемъ всѣ близкія подруги невѣсты сидятъ за столомъ «во святомъ углѣ».

(Всѣ 4 Сольвыч. у., Верхотоемской вол.).

Во время пріѣзда жениха, невѣста сидитъ разряженная въ «кутномъ углѣ» за занавѣсой, причитальщицы причитаютъ:

1537.

Не отъ вѣтру, не отъ вихорю
Вереюшки пошатилися,
Воротечка растворилися,
Кони-те на дворъ заѣхали,
Удалые на широкой дворъ,
Тутъ гость ступилъ въ горенку,
Да княземъ во свѣтлицу.
Полна горница столовъ стоитъ,
Полна свѣтлица гостей сидитъ.
Тутъ Марьюшка испугалася
Со бѣла лица перемѣнилася,
Бѣлы рученьки попустилися,
Рѣзвы ноженьки подкосилися,
Изъ глазъ слезы покатилися,
Въ устахъ рѣчь помѣшалася;
Во слезахъ я слово молвила,
Во слезахъ рѣчь говорила:
«Вонъ идетъ погубитель мой,
Вонъ идетъ раззоритель мой,
Вонъ идетъ расплетай-косу,
Вонъ идетъ потеряй красу!»
Тогда Павлушко слово молвилъ,
Свѣтъ Ивановичъ рѣчь говорилъ:
«Не я погубитель твой,
Не я раззоритель твой.
Твой раззоритель родной брателко,
Раззорительница сношенька,
Расплетай-косу—свашенька,
Потеряй красу—подруженька.

(Сольвыч. у., Верхотоемской вол.).

Женихъ сидитъ за столомъ въ ожиданіи невѣсты, а причитальщицы причитаютъ:

1538.

Ужъ ты свѣтъ родимый дядюшка!
Какъ придетъ лѣто красное,

Лѣто красное, лѣто теплое,
Ты пойдешь, родимый дядюшка,
На работушку тяжелую,
Ты на жатье, на сѣнокосъ,
Ты на тканье, на пряденье
Ты помянешь сиротинушку,
Помянешь-горе-горькую.

Затѣмъ къ подругамъ:

1539.

Ужъ ты милая подруженька,
Ты (имя) свѣтъ (отчество)!
Подойди ко сиротинушкѣ,
Подойди-ка къ горегорькой.
Я желаю тебя видѣти,
Съ тобой рѣчи говóрити.

При послѣднемъ словѣ подруга подходитъ къ невѣстѣ; невѣста встаетъ, обнимаетъ ее за шею руками, цѣлуетъ и кланяется ей въ ноги; это повторяется три раза съ каждой. Послѣ этого молодые ребята бросаютъ въ дѣвокъ калачами домашняго печенія, причемъ соблюдается строгій порядокъ, чтобы дѣвушка не получила двухъ калачей. Онѣ всѣ встаютъ и кланяются находящейся въ избѣ молодежи. Причитальщицы продолжаютъ:

1540.

Ужъ ты свѣтъ соколъ милый братъ
Ты двоюродный братанушко,
Ты осѣдлай-ка коня
Во черкасское сѣдельшко,
Во шелковую уздочку,
Запряги новы сапочки.
Мы съѣздимъ ко святой церквѣ;
Мы попросимъ, соколъ, милый братъ,
У отца нашего духовнаго —
Мы попросимъ золотыхъ ключей;
Отопремъ-ка, соколъ, милый братъ,
Высокую колоколенку;
Мы ударимъ въ большой колоколъ,
Чтобы звонъ былъ съ перекрёстами,
Прошелъ бы во сыру̀ землю̀,
Къ моему отцу съ матерью.
Ужъ ты свѣтъ, родимый батюшка
И родимая матушка!
Ужъ вы встаньте, родимые,
На свои рѣзвы ноженьки.
Ужъ вы дайте сиротинушкѣ
Благословеніе великое, —
Ко злату вѣнцу ѣхати,
Златъ вѣнецъ принятии.

1541.

Далѣе причитаютъ братану.

Ужъ ты свѣтъ соколъ, милый братъ,
Осѣдлай коня вóрона
Во черкасское сѣдельшко,
Во шелковую уздочку!
Ты съѣзди, соколъ милый братъ,
На чужу дальню сторону
Ко чужому чуженину;
Ты повысмотри, соколъ, милый братъ
У чужого чуженина:
Каково во семьѣ живутъ,
Одинъ хлѣбъ-ли-соль кушаютъ?
Одного ли въ домѣ слушаютъ?
Не насидѣться бы молодешенькѣ
По концу стола дубоваго,
Не наглядѣться бы зеленешенькѣ
Куска поданнаго, ожурённаго.

1542.

Ты рѣка, рѣка Сухона!
Ты течешь, течешь рѣчка,
Назадъ не воротишься,
Ты течешь, не колебнешься.
Ужъ ты свѣтъ, Александрушка,
Ты стоишь не трепещешься,
Говоришь рѣчи—не усмѣхаешься.
—Что надъ чѣмъ было смѣяться мнѣ!
Полна горница столовъ стоитъ,
Полна горница гостей сидитъ.
Я пойду по всѣмъ горницамъ,
Посмотрю по всѣмъ свѣтлицамъ
За столами дубовыми
За тонкими скатертями.
Осмотрю я всѣхъ милыхъ гостей.
Что всѣ милые гости есть какъ есть,
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ.
Что нѣтъ гостя милаго,
Нѣтъ батюшки рóднова.
Я пойду въ нову горницу,
Я возьму золоты ключи,
Отопру я сундукъ новóй,

Новый серебромъ окованный,
Я возьму золоту трубу,
Я пойду на круту гору,
Стану въ трубоньку трубити:
«Разступись, мать сыра земля,
Ты раскройся, гробова доска,
Ты возстань, родна матушка,
Ты возстань, возстань родимая,
На свои рѣзвы ноженьки,
На злачные гвоздички.
Ты дай, родимая матушка,
Мнѣ-ка, сиротинушкѣ
Благословеньецо великое,—
По златъ вѣнецъ ѣхати,
Съ нареченнымъ обвѣнчатися,
Златымъ кольцомъ обручатися.

Невѣста раздаетъ «дивью» или дѣвичью крàсоту своимъ подругамъ на память. Раздача красоты состоитъ изъ различныхъ вещей, какъ-то: ленточекъ, перлицевъ и другихъ недорогихъ вещей. Невѣста беретъ одну изъ вещей, кладетъ себѣ на голову, сама плачетъ, а старухи причитаютъ:

1543.

Подойди ко мнѣ, подруженька,
Александра свѣтъ Степановна!
Ты сними съ меня дѣвью красоту!
Помяни меня, сиротинушку,
Хоть въ три денька одинъ разокъ,
Если часто покажется, —
Такъ хоть разъ въ три недѣлюшки.
Часто можетъ покажется,
Такъ хоть въ три годка *одинождьі*.
Тутъ моей дѣвьей красотѣ
Не мѣсто не мѣстечко,
Не житье вѣковѣчное.
Я пойду ли, сиротинушка,
Я пойду-ли, горе-горькая,
Я снесу дѣвью красоту
Во лѣса во дремучіе,
Я повѣшу дѣвью красоту
На березоньку бѣлую.
Какъ придутъ люди добрые
Подрубятъ бѣлу березоньку
Топорами они вострыми, —
Упадетъ бѣла березонька
Что на сыру землю.
Тутъ ей не мѣсто, не мѣстечко,
Не житье вѣковѣчное.
Я возьму ли дѣвью красоту,
Я снесу во зеленъ лугъ,
Положу я дѣвью красоту
На цвѣты на лазоревы.
Какъ придутъ люди добрые
Со косами со вострыми,
Покосятъ травку шелковую,
Упадутъ цвѣты лазоревы.
Ужъ какъ станутъ люди добрые
.... сходитися,
На мою красу дивитися:
«Это чья-же дѣвья крàсота?
Съ честью она изношена,
Да не къ мѣстечку положена.
Ужъ тутъ дѣвьей крàсотѣ
Не мѣсто не мѣстечко,
Не житье вѣковѣчное.
Я возьму ли дѣвью крàсоту,
Я снесу ее ко матушкѣ,
Ко святой божьей церкви.
Я положу дѣвью красоту
На престолъ Богородицы,—
Ужъ тутъ-то моей крàсотѣ
Мѣсто ей мѣстечко
Тутъ житье ей вѣковѣчное.

Подружки, получивши отъ невѣсты на память «дѣвью красоту», отправляются играть на улицу, а невѣсту уводятъ за столъ къ жениху, гдѣ ужинаютъ. По окончаніи стола, но не выходя изъ за него, начинаютъ «перепиваться». Невѣста беретъ подносъ со стаканами, а женихъ бутылку съ водкой и начинаютъ угощать подходящихъ къ столу родныхъ обѣихъ сторонъ, причемъ молодая чета каждому подходящему кланяется. Послѣ этого дѣвушки снова собираются въ избу и садятся по лавкамъ. Невѣста встаетъ изъ за стола и уходитъ въ куть за занавѣсу, а ей причитаютъ:

1544.

Ужъ ты свѣтъ, родимый дядюшка!
Подойди ко мнѣ, сиротинушкѣ,
Горе-горькой за занавѣсу, —
Мы съ тобою попрощаемся.
Я поѣду ко святой церкви,
Ко златому вѣнцу,
Отъ златого вѣнца
На чужу дальню сторону,
Ко чужому чуженину.

Дядя идетъ въ куть. При его появленіи невѣста встаетъ, обнимаетъ дядю за шею, затѣмъ кланяется ему въ ноги три раза, причемъ каждый

разъ обнимаетъ его за шею, потомъ прощается съ теткой и другими родными такимъ же образомъ. Невѣсту опять уводятъ за столъ и сажаютъ подлѣ жениха. Ей подаютъ подносъ съ рюмками; она встаетъ; тетка наполняетъ рюмки какимъ либо слабымъ напиткомъ и невѣста угощаетъ имъ своихъ подружекъ, а сама плачетъ. Въ это время причитальщицы причитаютъ:

1545.

Ужъ вы милыя подруженьки!
Ужъ вы пейте-ка зелено вино,
Вы пропейте меня, сиротинушку,
На винной-то на чарочкѣ,
На пивной то братыночкѣ.
Вы возьмите во послѣдній разъ
Изъ моихъ-то бѣлыхъ рукъ.
Вѣдь намъ больше не сиживати,
На гуляньецѣ не игрывати,
Разбѣгунечкой не бѣгивати.

Послѣ этого дѣвушки уходятъ домой, а невѣста проситъ благословенія у дяди. Старухи причитаютъ:

1546.

Ужъ ты свѣтъ родимый дядюшка,
Подойди-ка къ дубовымъ столамъ,
Ко тонкимъ бранымъ скатертямъ.
Ужъ ты дай мнѣ, сиротинушкѣ,
Благословеньеце великое.
Дай мнѣ подъ златъ вѣнецъ ѣхати,
Мнѣ златъ вѣнецъ приняти,
На чужу дальню стδрону
Ко чужому чуженину.

Дядя, а потомъ тетка, берутъ икону и благословляютъ племянницу. Послѣ благословенія женихъ беретъ невѣсту за руку и уводитъ одѣваться. По пріѣздѣ отъ вѣнца пируютъ, а на другой день молодая раздаетъ дары мужниной роднѣ. Дня черезъ два молодые ѣдутъ къ дядѣ на «хлибины», гдѣ и пируютъ два дня.

(Всѣ 10 Сольвычегодск. у., Верхотоемской волости).

Во время пріѣзда жениха съ родными къ невѣстѣ на «сватанье», дѣвицы, подруги невѣсты, сидятъ въ кутномъ углу и поютъ пѣсни.

1547.

Ахъ ты дружина
Ты храбрая дружина,
Ты Василій свѣтъ
Сударь Васильевичъ!
Не ступай, хоробра дружина,
За дружиной тысяцкой,
Большой человѣкъ,
За тысяцкимъ князева свашенька,
За князевой сватьюшкой
Большіе бояра;
За большими боярами
Князевы поѣзжана.

(Сольвыч. у., Березониволоцкой вол.).

Женихъ угощаетъ своей водкой, которую онъ привезъ съ собой, невѣстину родню, а дѣвицы поютъ:

1548.

Ты родимый мой батюшка
Свѣтъ Гаврило Ивановичъ,
И родимая матушка,
Свѣтъ Марья Григорьевна!
Ужъ вы пропили свою доченьку
На винѣ да на стаканчикѣ,
Не за рδвню не за ровнюшку,
Не за цвѣтное платьецо.
Во послѣдніе отужинала
У роднмаго батюшки,
У родимой у матушки.

Невѣста обращается къ отцу съ просьбой, чтобы онъ пришелъ въ куть. Дѣвицы поютъ:

1549.

Ужъ ты свѣтъ, родимый батюшка,
Гаврило сударь Ивановичъ!
Ты удалый добрый молодецъ,
Да удалье молодецкое!
У тебя поступка бурлацкая.
Ты даешь свою любиму доченьку,

Свѣтъ Анну Гавриловну,
На чужую дальню сторону,
На чужую, незнакомую,
Не за разумъ, не за ровнюшку.
Не пора бы, не времечко!
Молода еще молодёшенька,
Не находилась, не нагулялася,
Ума мало покòпила.
И вотъ родимый батюшка
Выходи изъ за берчатыхъ *грядочекъ*, (?)
Ты дойди да дòступи
До родимой своей доченьки,
До Анны свѣтъ Гавриловны.
Распростись со своей доченькой.

Отецъ подходитъ къ невѣстѣ; она обхватываетъ его руками за шею и плачетъ, а дѣвицы поютъ:

1550.

Не прошу у тя, кормилецъ мой,
Я ни злата, ни сéребра,
Я прошу у тя, родной батюшка,
Благословеньеца великаго.
Ужъ я первую ступень стýпила —
Волю свекрову заступила.
Ужъ другую ступень стýпила —
Волю суженаго застýпила.
Не куница тутъ катается,
Красна дѣвица надрывается.

(По выходѣ отца изъ кути, дѣвицы опѣваютъ жениховыхъ родственниковъ и его самого):

1551.

а) Свѣтъ ты Иванъ Ивановичъ,
Удалой доброй молодецъ,
Да удалье молодецкое,
Головушка у тебя учесана.
Учесала твою головушку
Свѣтъ родимая матушка,
Парасковья Ивановна,
Своей правою рученькой,
Завивала русы кудри,
Понизёшенько клапялась.
У тебя поступка бурлацкая,
Да посвистка богатырская.
Ты хорошій и пригоженькой,
Да удалье молодецкое.
Ты берешь свою сужену
Свою сужену, красну дѣвицу,
Анну свѣтъ Гавриловну;
Она хороша и разумная.
Свѣтъ ты Иванъ Ивановичъ!
Ты примай дары, не *крятайся*, [1])
Бери зà разъ, не *котòсайся*, [2])
Во городъ не ворочайся;
Не дивуй на мои хитрѝ дары.
Не вамъ дары были лажены,
Да до васъ долежалися,
До удалаго добра молодца,
До Ивана свѣтъ Ивановича.
А слушалъ ли Иванъ,
Слушалъ ли свѣтъ Ивановичъ,
Что про тебя, что про тебя,
Въ кутѣ за занавѣсью,
Пѣсню поемъ, пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ?
Будешь дарить, будешь дарить, —
Мы тебя будемъ хвалить,
А не будешь дарить,
Мы тебя будемъ бранить,
Не-добро говорить.

1552.

б) Что сидятъ, сидятъ бояра,
Да все князевы,
А лучше всѣхъ, а лучше всѣхъ,
Да и вѣжливѣе,
Богатѣе, тороватѣе....
Назовемъ-ка его по имени,
Извеличаемъ его по изотчинѣ:
Свѣтъ Иванъ Ивановичъ,
Удалой доброй молодецъ,
Да удалье молодецкое,
Насвистка богатырская,
Да поступка бурлацкая,
Наливная ты ягодка!
Учесала у тя головушку
Свѣтъ родимая матушка
Своей правою рученькой,
Завивала русы кудри,
По головушкѣ гладила.
А слышалъ ли, слышалъ ли,
Иванъ свѣтъ Ивановичъ
Что про тебя говорятъ?
Мы пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ,
А честь добра,
До тебя, свѣтъ, дошла,
Свѣтъ Ивана Ивановича.

---

1) Капризничать.
2) Ломаться, упрямиться.

Какъ не будешь дарить,
Тебя будемъ корить,
Не-добро говорить.

Опѣвши жениха и прочихъ, дѣвушки получаютъ отъ жениха въ подарокъ 3, 5 или 10 к. деньгами, которые опускаются въ пиво. Выпивши пиво, онѣ поютъ:

1553.

Ужъ мы пиво-то выпили,
Ужъ мы мѣдну гривну выняли.
Спасибо тебѣ да спасибо
На златѣ на серебрѣ,
На честнóмъ приношеньецѣ!
Не велико твое золото,
Да велико имя царское
Велико имя государское.
На могилѣ ты ихъ выплакалъ.
Не людьми засылаешься,
А ты самъ подымаешься.
Спасибо тебѣ, спасибо,
Свѣтъ Иванъ да Ивановичъ,
Удалой доброй молодецъ!

Когда женихъ пріѣдетъ въ домъ отца за невѣстой къ вѣнцу, дѣвицы поютъ:

1554.

Затоплялася банюшка
Разгоралася каменка
До единаго камешка.
Расплакалася Марьюшка
Передъ своимъ роднымъ батюшкомъ:
«Ты родимый батюшка,
Не ходи къ дубову столу,
Не примай золотой чары,
Ты не пей зеленá вина,
Не пропей меня молоду
Мою русую косоньку,
Мою дѣвью-то крáсоту
На чужу дальню сторону
Ко чужому чужепину!
Какъ чужой онъ чуженинъ
Безъ плеточки выучитъ,
Безъ морозу сердце вызнобитъ.
У родимаго батюшка
У его сердце каменно,
Въ *золѣзо* сковано,
Въ булатѣ сварено.
Онъ сходилъ къ дубову столу,
Онъ принялъ золоту чару,
Онъ выпилъ зелено вино,
Онъ пропилъ меня молоду
На чужу дальню сторону.

(Всѣ 7 Сольвычег. у., Ильинскоподомск. вол.).

Невѣста, сидя въ кутномъ углу, поетъ:

1555.

Похожу я по терему,
Поищу роду-племени.
Неужели я безродная?
Неужели безплеменная?
Еще есть роду-племени,
Еще есть родимый батюшка,—
Подойди въ куть за занавѣсу!
Не прошу у тя, родимый батюшка,
Ни злата, ни серебра,
Ни села, ни вотчины,
Ни великаго приданаго,—
Прошу у тебя, батюшка,
Благословеньеца великаго
Ко злату вѣнцу ѣхати
Со своимъ мнѣ суженымъ.

Невѣста садится за столъ съ женихомъ.

1556.

Мы тебѣ, Марьюшка, наказывали,
Мы тебѣ, Васильевна, ваговаривали:
Не выходи изъ за занавѣсочки,
Не выступай изъ за берчатой,
Не садися въ *сутки* [1]) въ уголъ,
Подъ образа подъ святые,
Подъ воску ярова свѣчи,
Подлѣ дюжа мужика.
Онъ тебѣ не братъ, не сватъ,
Не свой человѣкъ.

1557.

Какъ со вечера родна матушка
Новъ корабль она строила,

[1]) *Сýтки* — красный уголъ, перéдъ.

Какъ со полуночи матушка,
Новъ корабль она грузила,
На восхожемъ красномъ солнышкѣ
Новъ корабликъ спускала.
Оставалася родна матушка
На крутомъ берегу;
Говорила родна матушка:
«Ты постой-ка, постой
Родное дитятко!»
— «Мы простилися съ тобой,
Родимая матушка.
Ужъ я рада бы постоять,
Да корабликъ-то не стоитъ,
Ужъ я рада бы слово вымолвить,
Да суженый не велитъ.»
«Ты постой, постой, дитятко,
Я забыла слово выговорить.»
— «Ужъ я рада-бы постоять,
Карабельщики не стоятъ,
Уключинки приросходилися,
Веселышки приразмахалися.»
— Оставалась родна маменька
На крутенькомъ берегу.

1558.

Ужъ мы что чуяли, видѣли?
Ужъ чуяли мы видѣли
Бѣла рыбонька
Къ каменю припадаючи,
Да батюшку напеняючи:
«Тебѣ Богъ судья, батюшка,
Отдаешь молодёшеньку.
Ужъ вы бояра,
Вы куда, бояра, ѣздили?»
— Ѣздили мы ужъ ѣздили
На высокія нà горы,
Привезли красну дѣвушку.
«Ты родимый батюшка,
Люба ли тебѣ красна дѣвица?»
— «Ты родимое дитятко,
Тебѣ люба,
А намъ давнымъ давно хороша.

1559.

Изъ кути по лавочкѣ
Гости сидятъ все хорошіе,
Но лучше всѣхъ сидитъ, (имя рекъ) —
Шапка на немъ обломи-голова,
Крестъ на груди въ пятьдесятъ рублей,
На рукахъ рукавки барановые,
На ножкахъ сапожки зеленъ сафьянъ.
Ты возстань-ка возстань,
Да поклонъ воздай.
Насъ-то чѣмъ будешь дарить?
Мы будемъ хвалить.
Не будешь дарить, —
Мы будемъ бранить.

1560.

Я пойду вдоль по рыночку,
Я зайду на колоколенку,
Созвоню въ большой колоколъ,
Подамъ вѣсть родну-батюшку.
Разступись, мать сыра земля,
Ты раскройся, гробовà доска,
Распахнитесь, бѣлы саваны,
Отойдите, бѣлы рученьки
Отъ ретиваго сердечюшка!
Вы взгляните, очи ясныя,
Сговорите, уста сахàрныя.
Ты взвернись легкой пташечкой,
Прилети на окошечко,
Посмотри свое чадушко,
Каково оно снаряжено,
Каково за столъ поставлено
Со своимъ-то суженымъ
Удалымъ добрымъ молодцемъ.

1561.

Вó полѣ во пóлѣ,
Во чистомъ во полѣ,
На крутой на горѣ,
На зеленомъ на лужкỳ,
Возлѣ рѣчушку,
На желтомъ на пескỳ,
Чей-то дворъ стоитъ,
Чей высокъ терèмъ?
Дворъ-отъ стоитъ
Спиридона молодцà,
А высокъ теремъ
Палагеюшки,
Со крытымъ краснымъ крыльцомъ,
Со косящатымъ окномъ,
Со хрустальнымъ со стекломъ.
А во томъ теремỳ
Есть кровать тесовà,
Перинушка пуховá,
Изголовье парчевó,
Одѣялышко теплò,
Оно бобромъ пушенó,

Шелкомъ вы́строчено,
Билью вы́вожено.
А на той на кровати
Что не кумъ съ кумой, —
Господинъ съ госпожей,
Спиридонъ съ Палагеей.
Промежду̂ ими катался
Золочёнъ перстёнь.
Не злаченъ перстень катался. —
Дума крѣпкая, дума крѣпкая,
Да слово вѣрное.
Они думали, гадали,
Черна соболя сряжали,
По поднебесью пущали.
Черный соболь-отъ идетъ,
Соболятъ стадо ведетъ.
Спиридону молодцу̂
Онъ на шапочку
На бухарочку, —
Палагеюшкѣ душѣ
Онъ на шубочку
На кошу̂лочку.
Они думали, гадали
Да бѣлу̂ лебедь сряжали,
По поднёбесью пущали.
Что бѣла̀ лебедь летитъ,
Лебедей стадо ведетъ
Спиридону молодцу
Да на кушаньѣ,
Палагеюшкѣ душѣ
Да на ру̂шенье.
Они думали, гадали,
Да червлёнъ кораб(л)ь снащали,
На сине море спущали.
Что червленъ корабь идётъ
Живота много несетъ
Спиридону молодцу
На житьё да на бытьё,
Спиридоновой женѣ —
На богачество.

(Тотемск. у.).

Приговоры дружки.

1562.

— Миръ вамъ, мы пріѣхали къ вамъ!
Здравствуйте, господа!
Мы пріѣхали сюда
Погулять, повеселиться,
Съ вами познакомиться.
Княгиней передображной разжиться,
Послѣ того будемъ молитву читать.
А вы можете-ли «аминь» отдать?

Отв. Можемъ.
— Господи Іисусе Христе
Сыне Божій, помилуй насъ!
Есть-ли супротивъ нашего князя
Молитву сотворить, «аминь» отдать?

Отв. Аминь вашей молитвѣ!
Что вы люди за люди,
Зачѣмъ къ нашему дому пріѣхали?

Дружка. — Мы люди божіе, государевы,
Два посла-посланника
Отъ князя передображенаго,
Двѣ дружки передоѣзжіе.
Ѣхали мы къ вашему дому,
Пріѣхали не сильно, не нахально,
Не остохвально, по первому зву,
По сватовству;
По другому—дань рукодань,
По третьему зву—рукобитье.
Еще же вы господа
Мы ѣхали сюда
Не путемъ, не дорогой,
Лѣсами дремучими,
Болотами зыбучими,
Водами вязучими,
Горами высокими,
Полями широкими.
Горы высоки, поля чисты,
Рѣки быстры.
Еще же вы, господа,
Мы ѣхали сюда
На добрыхъ коняхъ,
На красныхъ саняхъ,
Подъ синими полстями.
Ѣхали, скакали,
Къ вашему дому прискакали.
Нашъ князь передображный
Такъ говоритъ, что у нашей
Княгини передображной надо быть
Ворота и двери полы,
Столы готовы.
А сверхъ того увидали
Ворота заперты, двери затворены,
Столы неприготовлены.
Съ какого вы позволенія
Ворота запираете,
И двери затворяете,
Столовъ не приготовляете?

Отв. Потому мы ворота запираемъ
И двери затворяемъ,
Столовъ не приготовляемъ,
Что думаемъ у васъ сей день
Бракъ не сочинился,

То вы должны заплатить
За всѣ трезвости и волокиты,
Что нашъ хозяинъ потребуетъ.

Вопр. Послушай, господинъ хозяинъ!
Мы ѣхали сюда горами высокими,
Ручьями глубокими,
Моста рябиновы, калиновы,
И съ тѣхъ мостовъ ѣхали улками,
Улками, переулками.
Искали куницы, лисицы.
Не нашли ни куницы, ни лисицы,
Только нашли одинъ куній слѣдъ.
Тѣмъ куннымъ слѣдомъ ѣхали,
Гонили изъ Москвы до Сибири,
Своихъ коней пригонили,
Молодцовъ притомили.
Доѣхали до вашего
До высокаго шатра,
До господскаго двора,
Есть ли въ вашемъ домѣ господинъ-хозяинъ?

Отв. Есть.

Вопр. Какъ же ты, господинъ-хозяинъ,
На сегодняшній день не хотѣлъ
Воротъ отпирать,
Дверей отворять,
А нынѣ же ты ворота заперъ,
Двери затворилъ,
Столовъ не приготовилъ.
Съ какого позволенія?
Кто тебѣ приказалъ?

Отв. Потому ворота запираю,
Двери затворяю,
Столовъ не приготовляю,
Что вашъ княжескій молодецкій поѣздъ
Въ одномъ мѣстѣ ожидаютъ.

Вопр. Все это ваши недоговорки!
А нашъ княжескій
Молодецкій поѣздъ
Не въ разсорки,
Для чего вы ворота запираете?

Отв. Потому ворота запираю,
Двери затворяю,
Что свою передображную княгиню
Отъ лихихъ людей оберегаю.

Вопр. Послушайте, господа
Нашъ князь передображный
Далеко остановился
Въ чистомъ полѣ,
Въ зеленыхъ лузяхъ,
По край пути и дорожки,
Подъ краснымъ солнцемъ,
Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ,
Подъ частыма мелкима звѣздыма,
Со всѣмъ княжескимъ
Молодецкимъ поѣздомъ,
Со сторожемъ, со тысяцкимъ
Со сватовьемъ, съ нами,
Людьми передоѣзжими.
Послалъ насъ, пословъ,
Ясныхъ соколовъ,
Удалыхъ добрыхъ молодцевъ.
Послушай господинъ хозяинъ:
Мы ѣхали, скакали,
Издалека увидали,
Что стоятъ домы широки,
Ворота рѣдки, запоры крѣпки.
Тепере давай отвѣтъ: —
Обыскался у васъ куниной слѣдъ?

Отв. Былъ тотъ куній слѣдъ
Передняма воротыма зашелъ,
Заднима вышелъ!

Вопр. Хорошо господинъ хозяинъ,
Мы со своихъ коней слѣзали,
Вторично вашъ домъ объѣзжали,
Нигдѣ куньяго слѣда не взыскали
Опять же къ тѣмъ воротамъ прискакали.
Послушай господинъ хозяинъ!
Мы пріѣхали къ вамъ
Не по рожь, не по пшеницу,
Не по куницу, не по лисицу,
А по красную дѣвицу.
Куній слѣдъ отводи,
Либо красную дѣвицу выводи.
Какія на вашей красной дѣвицѣ примѣты?

Отв. Она сидитъ въ высокомъ терему,
Въ бабьей бесѣдѣ,
Въ дѣвьемъ порядкѣ,
Во брусовой лавкѣ,
Подъ бѣлымъ полотномъ,
Подъ колоднымъ окномъ,
Подъ бѣлобисернымъ почелкомъ,
Подъ шитымъ бранымъ платьемъ,
Подъ черной фатой;
Ручками помахиваетъ,
Головкой покачиваетъ,
Своихъ родителей почитаетъ,
Насъ молодцевъ
Съ пути и дорожки ожидаетъ.
Есть ли у васъ такія?

Отв. Есть.

Вопр. Есть ли у васъ у воротъ придворники,
У дверей придверники,
У стола пристольники,
У пива наживники,
У печки стряпки,
Люди также и коней караульщики?

Отв. Избери, палачь, изъ своихъ приставь.

Вопр. Также бы коней караульщики
Ворота отпирали
Подворотницы вымали,
Чтобы наши кони шли щелкали,
Копытъ не заломали,
Подъ колѣнъ ногъ не переломали,
Завертокъ не оборвали,
Сватьей не потеряли;
Честь, красота, отпирай ворота!

1563.

Къ хозяину.

Здравствуй, господинъ хозяинъ!
Ладьте же теперь нашимъ конямъ
Сѣна зеленаго, овса ядренаго, —
Сѣна до колѣна, овса до глазъ.

Отв. Есть про вашихъ коней
Солома ржаная,
И та гнилая.
— Ну хорошо, мягче стоять.
За скобу руками,
За молитву зубами,
За высокій порогъ
Едва свои ноги переволокъ.
Здравствуй, господинъ хозяинъ,
Съ хозяйкой, съ приходящими гостями
Своихъ гостей пой, корми,
Насъ молодцовъ не забывай!
Здравствуй, стряпка ты стряпка!
Отъ печки бросилась,
На куричьемъ говнѣ раскатилась.
Ты насъ не ругайся,
Сама себя остерегайся!
Здравствуй, господинъ хозяинъ!
Нашъ князь передображный
Велѣлъ спросить про вашу
Княгиню передображную:
Здорова ли, можетъ ли съѣздить
Къ Божьей церкви, къ отцу духовному,
Принять законный бракъ?

Отв. Можетъ.

Вопр. Еще нашъ князь передображный
Велѣлъ спросить:
Желаете ли насъ въ гости къ себѣ въ домъ?

Отв. Милости просимъ.

Вопр. Если желаете къ себѣ въ домъ,
Постановите столы дубовые,
На столы растилайте
Скатерти шелковыя,
Наносите на столы
Хлѣба ситняго, перемѣны часты,
Осетра рыбу свѣжую,
Гуся да лебедя жаренаго,
Чашки, блюда, ножики, вилки,
Тарелки фарфоровыя,
Рюмки хрустальныя,
Вина цѣльный штофъ,
Да сладкой водки полштофъ,
Молосной каши горшокъ,
Сметаны три пасма,
Пудъ толокна, бочку кислаго молока;
Мы цѣлыя сутки не ѣдали,
Вашего обѣда дожидали.

Къ дѣвицамъ.

1564.

Здравствуйте, красныя дѣвицы!
Краснымъ дѣвицамъ
Всѣмъ по низкому поклону,
Молодымъ молодицамъ
Всѣмъ по жидкой вещѣ.

Къ свахамъ.

1565.

Здравствуй, сватья!
Наша сватья вашей сватьѣ
Велѣла встрѣтить
На чистомъ полѣ.

Всѣ причитанія, пѣсни и приговоры изъ разныхъ мѣстъ Вологодской губерніи сообщ. Н. А. Иваницкимъ.

III. Вятской губерніи.

Крестьянскія свадьбы въ Елабужскомъ уѣздѣ.

Бракъ для крестьянской молодежи Елабужскаго уѣзда есть рѣшительно неволя, вызываемая со стороны родителей жениха необходимостію заставить молодца жить такъ, «какъ живутъ добрые люди», т. е. завестись хозяйкой, скотинкой и принадлежностями необходимыми въ крестьянскомъ быту, ради того въ особенности, «бабы парень-отъ совсѣмъ не избаловался.» Отецъ и мать тамъ считаютъ еще для себя грѣхомъ дать своему сыну волю выбрать для себя невѣсту по нраву, на томъ основаніи, что сынъ еще не жилъ столько лѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, сколько прожили они и потому онъ-де и не разумѣетъ, какая невѣста лучше, какая хуже. Иногда женихъ и не знаетъ, что за невѣсту выбрали ему его родители и безпечно гуляетъ себѣ со своей братьей—молодежью, пока не объявятъ ему въ какое нибудь воскресенье, что сегодня-де будутъ смотры и чтобы онъ заранѣе нарядился и сходилъ къ невѣстѣ съ гостинцами, т. е. съ длинными четвертными пряниками, называемыми въ простонародьи *«сосульками»*, кедровыми и грецкими орѣшками. Тогда только онъ спохватится, что дѣло-то не совсѣмъ ладно, что его хотятъ связать по рукамъ и ногамъ. Но дѣлать нечего, парень, почесавши затылокъ, скажетъ матери «а ай, мамка,—не охота мнѣ жениться-та» и потомъ съ благоговѣніемъ покоряется волѣ родительской. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ-же не пригорюниться молодому дѣтинѣ, считавшему себя дотолѣ вольнымъ казакомъ, привыкшему кутить беззапретно иногда цѣлыя ночи на пролетъ и дѣлать всё, что ни вздумается его молодецкой волѣ, лишь бы только не прогнѣвить Бога да родителей. До того времени онъ часто гулялъ по улицамъ съ гармоникой и, ни о чемъ не думая, распѣвалъ свои молодецкія пѣсни, въ родѣ:

Мнѣ буйну голову на плечахъ не сдержать.
Да отъ дѣвушекъ нехочется отстать.

А тутъ вдругъ скажутъ ему, что пора-де ему перестать шалить. И вотъ надѣваютъ на него праздничный кафтанъ, велятъ ему казаться «человѣкомъ» и сидѣть дома до тѣхъ поръ, покуда не споютъ ему съ невѣстой «Исаіе ликуй». Съ тѣмъ вмѣстѣ, впрочемъ онъ, какъ будто выходитъ изъ-подъ опеки родителей, пріобрѣтаетъ право и не слушаться ихъ, такъ какъ обзаведясь хозяйкой и хозяйствомъ, получаетъ полное право жить особнякомъ, какъ лицо совершенно постороннее въ отношеніи къ родителямъ и уже самъ приглашаетъ ихъ къ себѣ въ гости «пить пива и вина». Такого рода понятія глубоко вкоренились почти между всѣми старожилами Елабужскаго уѣзда, исключенія остаются только за тѣми изъ крестьянъ, которые переселились сюда изъ-подъ города Вятки и изъ другихъ губерній и у которыхъ по этому есть свои особенныя перенесённыя изъ прежняго мѣста жительства привычки, понятія, нравы и обычаи.

Говоря вообще о здѣшней зависимости женитьбы парней отъ воли родителей, должно замѣтить, что она ещё болѣе зависитъ отъ воли священника, такъ что несогласіе или отсовѣтованія послѣдняго считается для родителей жениха закономъ, нарушить который они не считаютъ себя въ правѣ, хотя бы предполагаемая женитьба совершенно согласовалась и съ ихъ собственными выгодами и съ видами ихъ сына. Женитьба здѣсь составляется очень просто и заурядъ по почину родителей. Отецъ и мать родили, выкормили, одѣли и обули сына, поэтому они же обязаны и женить его, безъ всякаго согласія съ его стороны, лишь бы ему выбрать въ жены работницу да здоровую дѣвку. Красота въ здѣшнемъ уѣздѣ играетъ второстепенную роль, а ужъ онъ въ свою очередь обязанъ научить её уму разому», т. е. говоря правильнѣе, колотить ее чуть не каждый Божій день, заставлять раздѣвать и разувать иногда пьянаго мужа и не прекословить ему ни въ чемъ, хоть бы онъ былъ совершенно не правъ. Методъ такого наученія основывается на томъ нелѣпомъ и почти общепринятомъ здѣсь мнѣніи, что женщина вмѣсто души имѣетъ голикъ, что жена создана не разсуждать, а во всемъ повиноваться своему мужу, а потому-де и нельзя ее не колотить, коли хочешь сдѣлать изъ неё порядочную хозяйку.

За недѣлю или за двѣ до свадьбы, родители позволяютъ своему сыну покутить ещё разокъ и угостить своихъ товарищей «порядкомъ», а сами между тѣмъ призываютъ къ себѣ сваху, какую нибудь причетницу, Ѳеклу Александрову, (въ здѣшнемъ уѣздѣ свахами большею частію бываютъ причетницы), угощаютъ ее иногда въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ дней чаемъ, раза по четыре въ день, пивомъ и виномъ и всякими сластями, съ условіемъ: сыскать ихъ сыну подходящую дѣвку, въ случаѣ-же не удачнаго въ какомъ нибудь отношеніи выбора сваха впослѣдствіи

лучше и не попадайся на глаза. Тотчасъ послѣ того какъ сваха, обнадеживъ родителей, отправляется на поиски, отецъ жениха идетъ къ мѣстному священнику, объясняетъ ему свое предположеніе и проситъ на это его согласія, за что впослѣдствіи, если Богъ дастъ здоровья его скотинкѣ, онъ непреминетъ прислать ему жирную ножку баранинки. Сваха между тѣмъ въ какой нибудь день по утру приходитъ разъ къ родителямъ жениха, напивается здѣсь ещё разъ до-пьяна, беретъ у нихъ и у самаго жениха руки, говоря «съ доброй руки выбрать мнѣ невѣсту хорошую» и прямо оттуда спѣшитъ, не оглядываясь, къ извѣстной ей невѣстѣ. Вообще нужно замѣтить, что свахи въ Елабужскомъ уѣздѣ не пользуются почетомъ и уваженіемъ, какъ въ другихъ уѣздахъ нашей губерніи. Ее обыкновенно называютъ здѣсь свахой обманщицей, потому самая должность налагаетъ на неё обязанность обманывать сватываемую ею невѣсту, чтобы уговорить ее выдти замужъ за рекомендуемаго ею парня. Въ случаѣ, если сосватанная ею чета будетъ жить между собою не согласно, то вся вина падаетъ на сваху, какъ на единственную виновницу ихъ недружелюбной жизни, чѣмъ и колютъ ей глаза при всякомъ удобномъ случаѣ.

Пришедши въ избу будущей невѣсты, сваха становится сначала у порога и кланяясь и приговаривая: «здорово живёте, можете» садится на лавку противъ матицы, а (если) матицы нѣтъ — къ столу. Родители невѣсты, разумѣя уже, что за птица сидитъ подъ матицей, молча здороваются со свахой и садятся рядомъ съ ней на лавку.

«У насъ купецъ — у васъ товаръ — давайте родниться, свататься, говоритъ сваха подпершись рукою въ подбородокъ и глядя на матицу.

— «Благодаримъ, свахонька, на добромъ словечкѣ съ поклономъ отвѣчаетъ ей отецъ и мать. Нѣтъ, ужъ какъ ни дорогонекъ твой женихъ, а мы немножко подумаемъ: вдругъ-отъ намъ неподручно».

«Это напасть какая! Долго-ли мнѣ ходить къ вамъ? Я и безъ того ужъ пороги всѣ отбила, ходила, да ходила.»

— «Ну, свахонька, что дѣлать-то: походи маленько; за то вѣдь ты получишь новѣ коты, а не то и ситцу на рукава.»

Наконецъ, когда уже отецъ и мать обдумаютъ и взвѣсятъ въ своемъ умѣ всѣ выгоды отдачи своей дочери за какого-нибудь «Микитку Байгулова» они тотчасъ-же призываютъ къ себѣ сваху и начинаютъ ее распрашивать о будущемъ женихѣ и его состояніи; чей онъ такой, много ли у его отца душъ, много ли коровушекъ, овечушокъ, лошадокъ и каковъ домъ, да ещё пригожъ ли самъ женихъ? Сваха, конечно, не ударитъ себя лицомъ въ грязь: расхваливаетъ жениха на чемъ свѣтъ стоитъ (на то она и сваха, чтобы всѣхъ обманывать) вычисляетъ по пальцамъ всѣ бывалыя и небывалыя его добродѣтели,—однимъ словомъ она такъ краснорѣчиво рисуетъ родителямъ невѣсты жениха, что они сами и ихъ дочь, нисколько не сомнѣваясь въ справедливости похвалъ жениху, сказавъ свахѣ «дакъ што, коли инъ ладно», какъ бы невольно изъявляютъ согласіе на ея предложеніе. Иногда, впрочемъ, видя, что сваха больно ужъ завралась въ расхваливаніи достоинствъ жениха, родители сомнѣваются въ ея словахъ; но сваха и тутъ умѣетъ найтись: она съ азартомъ скажетъ имъ, что ей, поди-ко больно нужно, коли не вѣрятъ, что она, слава Тебѣ Господи, живетъ шестой десятокъ на бѣломъ-то свѣтѣ и вотъ просватала ужъ восемъ невѣстъ, да што никого не обманывала, никто охулки на ея голову не положитъ, у ней, пожалуй, есть на примѣтѣ, много невѣстъ до десятка и онѣ-де не вашей чета; и она вамъ не поклонится». По неволѣ соглашаются при подобномъ краснобайствѣ свахи. Отказы бываютъ только въ томъ случаѣ, когда съ какой либо стороны мало предлагается приданаго, преимущественое же вниманіе обращается на то, хороша ли невѣста? умѣетъ ли работать? не лѣнива ли она въ работѣ? и проч. Если всѣ эти качества у невѣсты есть, свадьба непремѣнно состоится.

Невѣста со времени своего просватанья становится въ домѣ своемъ совершенной гостьей, ничего недѣлающей, обязанной казаться грустною и шить только для своего жениха полотенцы съ красными каймами. Во всё это время женихъ ходитъ къ ней съ толпою молодёжи съ гостинцами. Пѣсенъ въ это время никакихъ не поется, а молодежь, поплясавши и поигравши на гармоникѣ, скоро уходитъ вмѣстѣ съ женихомъ домой. Вскорѣ послѣ третьяго прихода жениха съ гостинцами бываютъ «смотры», или что тоже «сговоръ». На него собирается вся родня жениха и невѣсты и всѣ званые и незваные гости. Дѣвушки собираются первыя, наряжаютъ невѣсту въ подвѣнечный сарафанъ, который ей шьютъ по два: одинъ до «смотровъ», а другой послѣ. Затѣмъ ее садятъ въ чуланѣ, гдѣ по обычаю, заводится оффиціальное вытьё. Этому вытью дѣвки учатся ещё въ дѣтствѣ, и весьма плохой и безпутной считается та дѣвка, которая, выходя замужъ, не умѣетъ выть на разные лады. По понятіямъ бабъ и дѣвокъ та и дѣльна и хороша невѣста, которая при изученіи искусства выть отличается бойкостію, со всѣми старается быть

запанибрата и, въ случаѣ какой нибудь ссоры съ подружками или съ кѣмъ бы то ни было, умѣетъ всячески разругать своего противника. Такая «дѣвка—молодецъ» получаетъ, такъ сказать, дипломъ умной и дѣльной. Отличающіяся же скромностію и степенностію характера дѣвки, напротивъ слывутъ «безпутными» невѣстами, негодными ни для какой работы, хоть бы они въ дѣйствительности совсѣмъ и не заслуживали такой репутаціи.

Родственники жениха и невѣсты идутъ къ невѣстѣ на смотры въ слѣдующемъ, по старшинству, порядкѣ: напередъ всѣхъ сваха, за нею слѣдомъ тысяцкій (крестный отецъ жениха) съ женихомъ; потомъ дружка, полудружье, большой и малый бояринъ, кумовья и кумушки и наконецъ шествіе это заключаетъ шумная толпа мальчишекъ, которая всегда помѣщается по казенкамъ, по грядкамъ и палицамъ. Этотъ походъ даетъ ихъ пирующимъ матерямъ случай покричать, боясь, чтобы ихъ «угляненки» не полетѣли кубаремъ къ низу.

«Мишка! упадешь ле ты оттолева!» кричитъ чья нибудь мать на сидящаго гдѣ либо на грядкахъ сына.

— «Да тебѣ баютъ, што нѣтъ! такъ чаго она раздѣвалась: ужъ замаялась»,—отвѣчаетъ чумазый Мишка своей матери.

Подходя къ избнымъ дверямъ, тысяцкій, крестясь трижды и вслухъ произноситъ молитву: «Господи Іисусе Христе, Боже, помилуй насъ!» За дверями сватъ отвѣчаетъ: «аминь», и тотчасъ же отворяетъ дверь, встрѣчая прихожихъ съ ведромъ вина. Вино ставятъ подъ столъ, а женихъ и прочіе поѣзжане становятся вокругъ стола, не садясь до самаго появленія невѣсты.

— «Ну-ко, сватушко, сваханька, пожалуйста, не томите-ко насъ долго-то! паше глядите, а своето кажите», говоритъ сватъ отцу и матери невѣсты. Сваха невѣсту выводитъ подъ руки, становитъ её по срединѣ избы и приказываетъ ей напередъ отмѣрить «всей честной компаніи» по три поясныхъ поклона, а потомъ поцѣловаться трижды съ женихомъ и сватомъ. Послѣ этого невѣста опять уходитъ въ чуланъ къ дѣвкамъ, а отецъ ея подходитъ къ свату и даетъ ему свою руку, завернувъ ее въ полы своихъ азямовъ, означая этимъ, что у будущей молодой четы также будетъ толсто въ рукахъ всякаго богатства, какъ велики и толсты азямы ихъ отцовъ. Въ это время тысяцкій, сидѣвшій до сихъ поръ въ молчаніи, громко возглашаетъ всей честной компаніи: «Нуте-ко, сватушка, сваханька, не пора ли намъ приниматься, благословясь, (при этихъ словахъ всѣ присутствующіе крестится) за пированье, за веселье?» и тотчасъ же, посадивъ своихъ гостей «рядъ по ряды», беретъ изъ передняго угла большую каменную миску и начинаетъ наливать въ неё ковшомъ водку, ежеминутно дополняя её снова, по мѣрѣ того, какъ она мало по малу будетъ убывать въ крѣпкія желудки мужиковъ и—во всё вмѣщающія утробы бабъ. Первый стаканъ вина подносится отцу невѣсты. При этомъ сидящія въ чуланѣ дѣвки воютъ:

1566.

Забренчали винны чарочки,
Зашумѣло зелено вино:
Подносятъ родимому батюшку.
«Не примай-ко, родимый батюшка,
Хмѣльнаго зелена вина!
Гораздо тебѣ, батюшка, зелено-то вино
Кажется слаще меду, слаще сахару!

Эту же пѣсню воютъ и тогда, когда подносятъ вино матери невѣсты. Далѣе вино подается, смотря по степенямъ родства, родственникамъ жениха и невѣсты. Между тѣмъ какъ мужики и бабы пьютъ пиво и вино, дѣвки поютъ пѣсни, сначала грустныя и печальныя:

1567.

Сборы, вы сборы Аннушкины!
Сбирала Аннушка всѣхъ подругъ,
Садила подруженекъ рядъ по ряды,
Сама то садилась повыше всѣхъ,
Задумала думушку покрѣпче всѣхъ:
«Какъ то мнѣ назвать свекра батюшку?
Свекромъ те назвать—такъ осердится.
Батюшкомъ назвать—такъ не хочется.
Убавлю я себѣ спеси, гордости,
Прибавлю себѣ ума разума:
Назову свекра батюшкомъ.

или:

1568.

При вечерѣ, вечерѣ,
При Аннушкинымъ дѣвишникѣ —
Не веселъ соколъ летѣлъ высоко,

лучше и не попадайся на глаза. Тотчасъ послѣ того какъ сваха, обнадеживъ родителей, отправляется на поиски, отецъ жениха идетъ къ мѣстному священнику, объясняетъ ему свое предположеніе и проситъ на это его согласія, за что впослѣдствіи, если Богъ дастъ здоровья его скотинкѣ, онъ непреминетъ прислать ему жирную ножку баранинки. Сваха между тѣмъ въ какой нибудь день по утру приходитъ разъ къ родителямъ жениха, напивается здѣсь ещё разъ до-пьяна, беретъ у нихъ и у самаго жениха руки, говоря «съ доброй руки выбрать мнѣ невѣсту хорошую» и прямо оттуда спѣшитъ, не оглядываясь, къ извѣстной ей невѣстѣ. Вообще нужно замѣтить, что свахи въ Елабужскомъ уѣздѣ не пользуются почетомъ и уваженіемъ, какъ въ другихъ уѣздахъ нашей губерніи. Ее обыкновенно называютъ здѣсь свахой обманщицей, потому самая должность налагаетъ на неё обязанность обманывать сватываемую ею невѣсту, чтобы уговорить ее выдти замужъ за рекомендуемаго ею парня. Въ случаѣ, если сосватанная ею чета будетъ жить между собою не согласно, то вся вина падаетъ на сваху, какъ на единственную виновницу ихъ недружелюбной жизни, чѣмъ и колютъ ей глаза при всякомъ удобномъ случаѣ.

Пришедши въ избу будущей невѣсты, сваха становится сначала у порога и кланяясь и приговаривая: «здорово живёте, можете» садится на лавку противъ матицы, а (если) матицы нѣтъ — къ столу. Родители невѣсты, разумѣя уже, что за птица сидитъ подъ матицей, молча здороваются со свахой и садятся рядомъ съ ней на лавку.

«У насъ купецъ — у васъ товаръ — давайте родниться, свататься, говоритъ сваха подпершись рукою въ подбородокъ и глядя на матицу.

— «Благодаримъ, свахонька, на добромъ словечкѣ съ поклономъ отвѣчаетъ ей отецъ и мать. Нѣтъ, ужъ какъ ни дорогонекъ твой женихъ, а мы немножко подумаемъ: вдругъ-отъ намъ неподручно».

«Это напасть какая! Долго-ли мнѣ ходить къ вамъ? Я и безъ того ужъ пороги всѣ отбила, ходила, да ходила.»

— «Ну, свахонька, что дѣлать-то: походи маленько; за то вѣдь ты получишь вонѣ коты, а не то и ситцу на рукава.»

Наконецъ, когда уже отецъ и мать обдумаютъ и взвѣсятъ въ своемъ умѣ всѣ выгоды отдачи своей дочери за какого-нибудь «Микитку Байгулова» они тотчасъ-же призываютъ къ себѣ сваху и начинаютъ ее распрашивать о будущемъ женихѣ и его состояніи; чей онъ такой, много ли у его отца душъ, много ли коровушекъ, овечу-
шокъ, лошадокъ и каковъ домъ, да ещё
ли самъ женихъ? Сваха, конечно, не
себя лицомъ въ грязь: расхваливаетъ ж
чемъ свѣтъ стоитъ (на то она и сва
всѣхъ обманывать) вычисляетъ по паль
бывалыя и небывалыя его добродѣтели,
словомъ она такъ краснорѣчиво рису
телямъ невѣсты жениха, что они са
дочь, нисколько не сомнѣваясь въ справ
похвалъ жениху, сказавъ свахѣ «дакъ и
ипъ ладно», какъ бы невольно изъявля
сіе на ея предложеніе. Иногда, впроче
что сваха больно ужъ завралась въ
ваніи достоинствъ жениха, родители сом
въ ея словахъ; но сваха и тутъ умѣет
она съ азартомъ скажетъ имъ, что ей
больно нужно, коли не вѣрятъ, что она, с
Господи, живетъ шестой десятокъ на (
свѣтѣ и вотъ просватала ужъ восемъ
да што никого не обманывала, никто с
ея голову не положитъ, у ней, пожалуй
примѣтѣ, много невѣстъ до десятка и
вашей чета; и она вамъ не поклонится
волѣ соглашаются при подобномъ крас
свахи. Отказы бываютъ только въ том
когда съ какой либо стороны мало пре
приданаго, преимущественое же вним
щается на то, хороша ли невѣс
етъ ли работать? не лѣнива ли она въ
проч. Если всѣ эти качества у нев
свадьба непремѣнно состоится.

Невѣста со времени своего просв
новится въ домѣ своемъ совершен
ничего недѣлающей, обязанной казат
и шить только для своего жениха п
красными каймами. Во всё это в
ходитъ къ ней съ толпою молодё
цами. Пѣсенъ въ это время никак
а молодежь, поплясавши и поигра
никѣ, скоро уходитъ вмѣстѣ съ ж
Вскорѣ послѣ третьяго прихода
стипцами бываютъ «смотры», пли
воръ». На него собирается вся
невѣсты и всѣ званые и незв
вушки собираются первыя, на
въ подвѣнечный сарафанъ, ж
по два: одинъ до «смотровъ», а
тѣмъ ее садятъ въ чуланѣ, гд
дится оффиціальное вытьё.
учатся ещё въ дѣтствѣ, и во
путной считается та дѣвка,
мужъ, не умѣетъ выть на р
пятіямъ бабъ и дѣвокъ та
невѣста, которая при изуч
отличается бойкостію, со

Высадился на окошечко,
На серединное косящетое.
Увидала его матушка,
Говорила своей дочери,
Аннѣ Михайловнѣ:
«Ты родимое дитятко,
Ты дитя мое милое!
Приголубь себѣ голубчика,
Яснаго сокола залетнаго!
Добраго молодца заѣзжаго!»
—«Я бы рада приголубить его;
Да бѣлы ручки опустилися,
Рѣзвы ножки подогнулися,
Очи ясны помрачилися,
Голова съ плечь покатилася.»

Тотчасъ-же по окончаніи печальной пѣсни, мать невѣсты подходитъ къ ней и начинаетъ утѣшать и уговаривать, чтобы она не выла, а лучше бы «приголубила яснаго сокола залетнаго». На эти утѣшенія матери невѣста ничего не отвѣчаетъ и снова обнявшись съ четырмя своими подружками, начинаетъ выть:

1569.

Соловей ты мой соловеюшко!
Не взвивайся ты высохохонько,
Выше садика зелёнаго.
Ты взовьешься—опустишься,
Отшибешь ты право крылышко,
Правое крылышко, павинное!
—Ужъ родимый батюшка!
Не примай-ка зелена вина,
Не пропей-ка свою милую дочь!
Ужъ ты дочь пропьешь—не выкупишь.
Ты пропей лучше широкій дворъ:
Ты дворъ пропьешь—выкупишь,
Дочь пропьешь—не выкупишь!

Невѣста въ это время какъ бы въ послѣдній разъ еще пытается освободиться отъ своего горя—замужества, для чего она становится посреди избы противъ матери и начинаетъ ее умолять пѣніемъ, въ которомъ ей помогаютъ и подружки:

1570.

Перекатная чеспа звѣзда
Перекотила зорю утреннию,
Что другую зорю вечернюю,
Оставалась *супротъ* мѣсяца,
Супротъ мѣсяца, красна солнышка.
Дорогая наша гостейка,
Аннушка Михайловна!
Перешла она сѣни новыя,
Перекладечки дубовыя,
Становилась супротивъ батюшки,
Супротивъ батюшки родимаго,
Супротивъ матушки родимыя,
Говорила своему батюшку родимому,
Своей матушкѣ родимыя:
«Ужъ ты батюшка родимый!
Ужъ ты, матушка родимая!
Что нельзя ли этому горю пособить,
Что меня замужъ не выдати,
За удалаго добра молодца?»
— «Ужъ ты дитятко родимое,
Моя дочь милая
Что нельзя этому горю пособить,
Чтобы тебя замужъ не выдати:
Зелено вино распито,
Что тонки дары раздарены,
По бѣлымъ рукамъ ударено,
Мое дитятко запоручено,
За удалого добра молодца,
За Егора-то свѣтъ Иваныча.

Мать невѣсты, уже порядкомъ въ это время подгулявшая, обнимаетъ дочь и начинаетъ надъ ней голосить. Сватъ, тоже пьяный, принимается въ свою очередь утѣшать сваху:

—«Ну штой-то, свахонька, Господи Іисусе! ни мы первы, ни мы послѣдни.... Въ Польшѣ, кто насъ больше? Вѣстимо никто. Такъ чего *горюнить*-то. Все единственно—уладимъ»....

—Нѣтъ, ужъ нѣтъ, сватушко! свое дѣтушко не выдамъ, вотъ-те Христосъ! не выдамъ...» голоситъ ему сваха.

Въ это время, глядя на плачущую, мать невѣсты, и прочіе, сидящія по лавкамъ бабы начинаютъ всхлипывать, а молодежъ обыкновенно при этомъ смѣется, и чтобы какъ нибудь утѣшать свахоньку, одинъ какой нибудь дѣтина, тоже подъ хмѣлькомъ, вдругъ браво выбѣгаетъ на средину избы и начинаетъ отхватывать трепака, припѣвая:

1571.

Какъ на горкѣ, на горѣ,
На высокой на крутой,
Кабачекъ стоитъ новой,

Какъ во эвтомъ кабачкѣ,
Что Исковскіе[1]) пируютъ.

При этой пѣснѣ всѣ хохочутъ. Плачъ свахи также переходитъ въ смѣхъ, причемъ она не преминетъ сказать, хлопая по своимъ бокамъ: «ахъ вы озорники, озорники эдакіе, дуй васъ горой-то! Ну ужъ исполать, нечего сказать, умѣютъ развеселять».

Послѣ печальныхъ пѣсенъ дѣвки поютъ веселыя. Сначала поются величанья, а потомъ плясовыя:

1572.

Величанье жениху.

Какъ во нынѣшнемъ во славномъ во году
Уродилось много розановъ въ саду.
Тутъ ходилъ, гулялъ прекрасный кавалеръ,
Подходилъ онъ къ розѣ, къ розову кусту,
Онъ садился подъ розовый кустокъ,
Сорываетъ съ розы розовый цвѣтокъ.
Онъ цвѣтку, цвѣтку дивуется,
Красотѣ своей любуется:
Сколько ты, цвѣточекъ, нѣженъ и хорошъ,
А я, молодецъ, холостъ не женатъ.
А ещё я былъ во Питерѣ, Москвѣ, —
Не нашелъ таки невѣсты по себѣ.
Во соборъ я взойду, Богу помолюсь,
На всѣ стороны четыре Богу поклонюсь:
«Мнѣ создай, Боже, Господи!
Мнѣ невѣсту хорошенькую,
Со большимъ со приданымъ,
Со златомъ со серебромъ,
Съ молодой вдовой со ключницей,
Со молодчикомъ со сговорщичкомъ.

Во время величанья женихъ долженъ взадъ и впередъ ходить по избѣ, и въ то время, какъ дѣвки поютъ: «сорываетъ съ розы розовый цвѣтокъ» женихъ срываетъ съ плечь своей невѣсты платокъ и начинаетъ ею и собою любоваться.

---

[1]) Село Исское—Устье на правомъ берегу Камы, въ 40 в. отъ Елабужск. уѣзда. Читателямъ Вятскихъ Губ. Вѣд. уже извѣстны, общія черты изъ быта и характера этого селенія по статьѣ въ 38 №—1860 г.

Величаніе дружкѣ.

1573.

Долина, долинушка,
Раздолье широкое!
Ай люли, ай люли! раздолье широкое.
(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).
Приволье хорошее.
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Андреюшка Яковлевичь,
Повѣсилъ головушку
На праву сторонушку.
Увидала матушка
Изъ высока терема
Изъ косящаго окна.
«Дитя мое дитятко
Дитя, чадо милое!
Что ходишь не весело!
Гуляешь не радошно?»
— «Мати моя, матушка
Мати, государыня!
Какъ мнѣ ходить весело,
Гуляти мнѣ радошно?
Всѣ люди женятся,
А я холостъ не женатъ.»
— «Женю, женю, дитятко,
Возьму, возьму дитятко
У богатаго купца дочь, —
Умную разумную,
Да тиху рѣчь политичную,
Отъ людей отличную.»

Величаніе каждому гостю по одиночкѣ.

1574.

Какъ во садѣ, какъ во садѣ,
Виноградныимъ саду,
Летѣлъ голубь, летѣлъ сизой —
Со голубушкою.
У голубя у сизаго
Золотая голова,
У голубушки у сизой
Да позолоченная.
Ему братья, ему братья
Позавидовали:
«Исполать братъ, исполать братъ,
Хороша у тѣ жена!
Кабы-жа, кабы-жа
У меня была жена —

Умѣлъ бы я, умѣлъ бы я
Надъ ней честь вести:
Я бы лѣтомъ, я бы лѣтомъ
Во колясочкѣ каталъ,
А зимою холодною
На очаковскихъ саняхъ,
На своихъ-же лошадяхъ:
На извощикѣ кафтанъ
Васильковаго сукна.
Да Питербургскаго шитья.

Когда всѣхъ присутствующихъ гостей переличаютъ, то снова начинаютъ величать жениха съ невѣстой вмѣстѣ.

Величаніе жениху и невѣстѣ.

1575.

Какъ во садѣ было во садичкѣ
Во зеленомъ во вишневомъ, —
Тутъ ходилъ, гулялъ молодецъ,
Егоръ-отъ, свѣтъ Ивановичъ,
Онъ чесалъ буйну головушку.
Онъ чесалъ, приговаривалъ:
— «Разсыпайтесь мои волосы 2
По моимъ плечамъ могучіимъ! 2
Прилегайте, мои волосы, 2
Къ моему лицу бѣлому, 2
Ко моимъ щекамъ румянымъ,— 2
Привыкай, красна дѣвица, 2
Свѣтъ Анна Михайловна,
Къ моему уму разуму,
Да ты ко нраву молодецкому. 2
— Мнѣ-ка умъ-отъ не глянется 2
Мнѣ-ка нравъ-отъ вашъ не нравится. 2
Раскаталося вишенье,
Передъ яблоною садовою, 2
Передъ грушею зелёною. 2
Вотъ расплакалась дѣвица
Предъ батюшкомъ родимымъ, 2
Предъ матушкой родимой. 2
«Ты, родимый мой батюшка,
Ты родимая матушка!
Что нельзя ли этому горю пособить?
Эту думу передумати,
Меня замужъ не выдати,
За удалъ-добра молодца?»

Если у жениха или невѣсты нѣтъ отца или матери—дѣвки поютъ:

1576.

Много, много во винной рѣкѣ
Много злата, много серебра, 2
Много скатнаго жемчугу. 2
Только во винной рѣкѣ 2
Нѣту самоцвѣтнаго камушку, 2
Самоцвѣтнаго лазореваго. 2
Много, много, у Енюшки, 2
Много роду, много племени, 2
Много ближнихъ и пріятелей 2
Только у нашей Енюшки,
У молоденькой свѣтъ Ивановны,
Нѣту родимаго свѣту батюшки: 2
Снарядить-то её есть кому, 2
Благословить-то ее некому. 2
Осударь родимый братенько! 2
Егорушко, свѣтъ Ивановичъ!
Ты поди-ка на конюшенъ дворъ, 2
Выбирай-ка коня лучшаго! 2
Мы поѣдемъ ко Божьей церкви, 2
Привяжи коня къ колоколенкѣ, 2
Ты ударь въ большой колоколъ, 2
Заунывнымъ голосомъ: 2
Не разступится ли мать земля сырая? 2
Не раскроется ли гробова доска? 2
Не развернется ли дорога парча? 2
Не возстанетъ-ли родной батюшко? 2
Не благословитъ-ли меня горькую, 2
Мнѣ подъ златъ вѣнецъ ѣхати! 2

Въ то время, какъ дѣвки поютъ эту пѣсню, сидящая въ избѣ съ прочими гостями молодежъ и бабы, вѣроятно для подавленія въ себѣ грустнаго впечатлѣнія, произведеннаго этою пѣснею, начинаютъ пѣть между собою другую пѣсню, веселаго содержанія, какъ напримѣръ:

1577.

Сидитъ Ваня на диванѣ,
Чай остатки допиваетъ,
Не допивши Ваня по стакану,
Самъ за дѣвицей пошелъ.
«Ты дѣвица-красавица,
Объясни свою судьбу!
Я любилъ тебя три года,
Всё за умъ, за красоту,

Я любить тебя не буду,
Всё за грубость за твою.......
На Кавказъ пѣшкомъ пойду.
Во Кавказѣ, во трактирѣ,
Много денегъ, тысячь девять, —
Остается рублей сто.
На остаточны деньжонки
Найму тройку лошадей —
Разночальскихъ, разскудерскихъ,
Вороныхъ пару себѣ.
—Понесли его лихіе
Вдоль дорожки столбовой,
Мимо матушки родной....
Какъ у Ицкаго селенья
Деревенька небольша.
Какъ во этой деревенькѣ
Стоитъ кучеръ молодой.

Молодецкая пѣсня, которою парни разгоняютъ грустныя впечатлѣнія заунывнаго пѣнія, до того развеселяетъ и разшевеливаетъ дѣвокъ и бабъ, что которая нибудь изъ послѣднихъ, будучи не въ состояніи усидѣть на мѣстѣ, какъ бы невольно, соскакиваетъ съ своего мѣста и пускается плясать. За нею поднимаются и прочія бабы, при чемъ одинъ изъ парней мигомъ откуда-то достаетъ двухструнную балалайку или гармонику и, притопывая ногою въ тактъ съ бабьей пляской, ухарски на ней подыгрываетъ, а другой, сказавши игроку: «ну-ко, Мамушко, тряхни комаринскую» выступаетъ на средину избы съ какой нибудь пойманной имъ дѣвкой, начинаетъ плясать въ присядку. Въ избѣ въ это время нельзя бываетъ различить ни одного слова: все сливается въ несвязный, противный для слуха шумъ и гулъ, прерываемый изрѣдка тяжелыми вздохами старухъ и словами: «Матушка! Царица Небесная, согрѣшили мы грѣшные». Дѣвки въ припадкѣ общей веселости, поютъ въ это время веселыя пѣсни, которыя продолжаются уже до самаго окончанія смотровъ.

1578.

Всѣ угары зашумѣли въ головѣ,
Самовары закипѣли на столахъ,
Чайны чашки забренчали во шкафахъ.
Чайны чашки наливалися,
Тутъ дѣвицы забавлялися.
Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ,
Вдоль по широкой удала голова,
Онъ ударился махать алымъ платкомъ.
«Не угодно ли со мной погулять,
Во единый рядъ товаровъ закупать?
Изъ цвѣтовъ, цвѣтовъ лазоревыхъ цвѣтовъ,
Выбирай, милая, на платьице себѣ,
Голубой-отъ цвѣтъ не нравится,
Алой-розовой-отъ—солнышко горитъ,
А малиновый совсѣмъ полинялъ.
Ужъ и всѣ ситцы не нравятся,
Што всѣ скоро мараются.
Купи, миленькій, черной парчи.»
—«Мнѣ монашенькой покажешься,—
Я монашеньку на смерть не люблю.
Куплю лапушкѣ бѣлой кисеи,
Въ бѣло платьице нарядишься,
Мнѣ-ка барышней покажешься.
Ужъ я барышню люблю, 2
Я со барышней гулять пойду,»
Добрый молодецъ младъ да удалъ,
Чрезъ высокіе заплотики скакалъ,
У тулупу праву полу оборвалъ.
Праву полу починю я, починю,
На дѣвицу шаль терновый наложу,
Я дѣвицу по горницѣ провожу,
Поздоровалось—назадъ отойду.

— «Ну-ка, дѣвоньки, бабоньки, не пора ли ужъ, приниматься за свое дѣло!» громко возвышаетъ свой голосъ среди гула пѣсенъ чуть живой сватъ, сидящій за столомъ. Пляшущая и поющая толпа умолкаетъ и садится по своимъ мѣстамъ.

— «Ай да молодцы, молодцы, умѣли насъ стариковъ утѣшить», восклицаетъ также, чуть живой, отецъ жениха, и въ доказательство того, что молодцы его весьма утѣшили, начинаетъ мурлыкать про себя какую нибудь пѣсню собственной фантазіи:

Какъ за эвто утѣшенье
Куплю сахару, меду
Всё дѣвицамъ подарю,
А молодчикамъ янтарю и пр. ч.

Подъ конецъ смотровъ все почти бываетъ перебито и валяется гдѣ-нибудь въ углу, то бутылка съ остаткомъ вина, то конецъ рыбнаго пирога, на который, ходя по избѣ, какая нибудь пьяная баба, наступитъ ногой и со злостью проговоритъ: «да какая тутъ комуха, прости меня грѣшную валяется!» причемъ какой-нибудь мальчишка скажетъ ей съ палатей: «Это, бабушка, безпримѣнно сусѣдка», а баба ему въ отвѣтъ погрозитъ и прибавитъ: «я ти дамъ, сусѣдка!». А тѣ изъ бабъ, которыя еще немного могутъ говорить, сплетничаютъ о своихъ сосѣдяхъ, если-же, сами они не въ состояніи ужё продолжать какого ни-

будь разговора, ничего не говорятъ, а только изрѣдка крестятся и охаютъ, приправляя свои охи и кресты словами: «не бай, дѣвка, мать пьяна!», и маленькіе мальчики, сидѣвшіе до сихъ поръ на палатяхъ и на грядкахъ, видя уже, что любопытнаго для нихъ наблюденія остается мало, безпрестанно начинаютъ торопить своихъ отцовъ и матерей домой: «мамка-ли, молъ, айда, домой— спать хочу!»

— «Иду, иду, батюшко... сейчасъ иду!», отвѣчаетъ обыкновенно мать своему сыну, нисколько не думая ещё подниматься съ мѣста. На прощаньи дѣвки и бабы поютъ еще:

1579.

На морѣ лебедь воду пила,
Напившись воды, на берегъ взошла,
На берегъ взошла—сама сплакала:
«Какъ то я съ морюшкомъ разстануся?
Придетъ зима да студеная,
Выпадутъ снѣга глубокіе,
Западутъ слѣды да лебедушкины, —
Тутъ то я съ морюшкомъ разстануся.
—Въ теремѣ высокомъ красна дѣвица дары шила,
Шила дары, слезно всплакала:
«Какъ-то съ матушкой растануся?
Первые растани—середь горницы,
Другіе растани — на новомъ крыльцѣ,
Третьи растани — за воротами,
Тутъ-то я съ матушкой разстануся!»

По мѣрѣ того, какъ въ пѣснѣ упоминаются «растани» мужики, бабы и дѣвки постепенно прощаются съ матерью жениха и невѣсты (если только они не лежатъ уже гдѣ-нибудь на казенкѣ пьяные) сначала у избныхъ дверей, а потомъ за воротами, взявъ впрочемъ другъ съ друга слово—непремѣнно придти попировать и на свадьбу. Нѣкоторые изъ гостей, уже черезчуръ отуманенные винными парами, домой не уходятъ, а гдѣ сидятъ, тутъ и спятъ до утренняго похмѣлья, которое мало по малу доводитъ ихъ до того же состоянія. Это «опохмѣливанье» продолжается иногда цѣлую недѣлю. Послѣ смотровъ до свадьбы время обыкновенно проводится въ шитьѣ невѣстѣ подвѣнечнаго сарафана и въ приготовленіи даровъ поѣзжанамъ. Свадьба же откладывается, смотря по обстоятельствамъ родителей жениха, до болѣе удобнаго времени. Время отъ смотровъ до свадьбы иногда проходитъ болѣе мѣсяца, и въ продолженіе его женихъ съ невѣстой не должны видѣться между собой, за исключеніемъ, конечно, нечаянной встрѣчи въ церкви. Невѣста, какъ водится, отъ самыхъ смотровъ до свадьбы кажется печальною, давая тѣмъ знать, что ее выдаютъ за немилаго и что ей теперь не мѣсто веселиться, когда родители рѣшаютъ ея судьбу. Родители жениха и невѣсты проводятъ это время большею частію въ пированьи, разсказывая всѣмъ и каждому, что вотъ-де и мы сына женимъ или дочь выдаемъ. Не мѣшаетъ здѣсь, между прочимъ, замѣтить, что если послѣ смотровъ въ домѣ жениха или невѣсты, кто-нибудь умретъ или просто случится какое нибудь несчастіе, то свахи обыкновенно толкуютъ, что молодые будутъ жить несчастливо, потому что, по ихъ понятію, это безпремѣнно что-нибудь да не ладно». Въ день, назначенный для свадьбы, дѣвки ранымъ-рано собираются еще въ послѣдній разъ къ невѣстѣ и до самаго прихода жениха кажутся печальными, натирая иногда, за отсутствіемъ дѣйствительныхъ слезъ, глаза лукомъ, въ ознаменованіе ихъ глубокой дружбы и жалости къ невѣстѣ. При входѣ жениха въ избу, дѣвки начинаютъ выть:

1580.

Почила я, да высыпалася,
Ждала я, да дожидалася,
Я отъ батюшки — слова ласкова,
Я отъ матушки — пробужденьица,
Я отъ братыньки — мыла бѣлова,
Я отъ сестрицы — ключевой воды,
Отъ невѣстушки — полотеньица.
Не могла то я дождатися
Я отъ батюшки слова ласкова,
Я отъ матушки пробужденьица.

«Ну, ужь дѣвки-голубушки! проститесь-ко со своей-то подруженькой, пора ѣхать въ Божью церьковь къ вѣнцу»,—говоритъ обыкновенно мать невѣсты къ воющимъ дѣвкамъ». Услышавъ эти слова, дѣвки начинаютъ голосить еще пуще прежняго, давая тѣмъ знать, что вотъ какъ намъ дорога наша старая подруженька. Между тѣмъ женихъ съ невѣстой, отецъ жениха и съ дружкой садятся за столъ, на который тотчасъ же кладутъ *разюнный* пирогъ съ воткнутыми въ его верхнюю корку елочками и разными фигурками. Этотъ пирогъ долженъ весь съѣсть дружка, послѣ чего молодые должны непремѣнно отправиться къ вѣнцу. На порогѣ у избныхъ дверей отецъ и мать невѣсты благословляютъ ихъ—первый иконой, и мать короваемъ хлѣба и накры-

вают невѣсту красной шелковой фатой, подъ которой она должна ѣхать до самой церкви, наклонивъ голову впередъ. Всѣ поѣзжане и *погонюхи* ѣдутъ на пиръ съ колокольчиками и непремѣнно свѣсивъ съ экипажа одну ногу. Дружка на всякій случай беретъ съ собою косушку вина, затыкаетъ ее въ голенище своего сапога и въ случаѣ, какъ говорятъ дружки, попадется недобрый человѣкъ, онъ отдаетъ ему тотчасъ эту косушку. Тотчасъ послѣ обвѣнчанья свахи уводятъ молодую въ церковную сторожку и тамъ заплетаютъ ей двѣ косы, которыя она и должна носить до самой смерти. Оттуда поѣздъ ѣдетъ къ жениху, гдѣ молодая, при входѣ въ избу, должна положить по поклону отцу и матери мужа въ знакъ ея покорности волѣ родителей. Отецъ благословляетъ молодыхъ иконою, а мать, взявши большой бѣлый хлѣбъ, сначала надламываетъ его надъ головой сына, а потомъ уже и вовсе переламываютъ его надъ головою невѣсты и раздѣляютъ эти половинки имъ обоимъ, а они должны свято хранить ихъ до самой смерти. Дѣвушки на послѣ-свадебномъ пиру уже не бываютъ, пируютъ здѣсь бабы, мужики и молодежь. До прiѣзда отца, матери, братьевъ, сестеръ и другихъ родственниковъ невѣсты, молодая чета должна сидѣть въ особомъ чуланѣ, куда приглашаются къ нимъ священникъ и только самыя главныя лица села или деревни. Здѣсь молодая сидитъ въ безмолвiи, а женихъ и дружко готовятъ ужинъ, за которымъ впрочемъ молодые ѣсть не должны. Для родни со стороны молодой накрывается столъ въ избѣ и до самаго ихъ прiѣзда ни игоръ, ни пѣсней не бываетъ. За ними обыкновенно посылаютъ раза два и три. По прiѣздѣ ихъ женихъ и невѣста встрѣчаютъ ихъ виномъ еще во дворѣ и не ранѣе впускаютъ ихъ въ избу, какъ подавши имъ напередъ по стакану вина. Потчиванье невѣстиныхъ родственниковъ во дворѣ означаетъ то, что они какъ будто прiѣхали съ намѣренiемъ отнять у молодаго его жену; потому-то молодой и обязанъ въ предупрежденiе отбоя жены, задобрить ихъ виномъ. Родня молодой примиряется, уступаетъ жену молодому и хлопнувши по рукамъ, входятъ въ избу. Въ это время обыкновенно сватъ долженъ дарить всѣхъ родственниковъ, причтъ и нѣкоторыхъ изъ поѣзжанъ и погонихъ, и потому, когда всѣ присутствующiе размѣстятся по своимъ мѣстамъ, дружка, какъ бы желая намекнуть объ этомъ свату, говоритъ, какъ будто шутя:

— «А як, сватушко, надо бы полотенышко: не чѣмъ утереться». Сватъ на шутку дружки обыкновенно отвѣчаетъ такою-же шуткою.

— А вотъ на крюкѣ, што два висятъ......

— Да на крюкѣ то черно; а мнѣ бы надо бѣленько....

Перекрестившись трижды и ничего не говоря, сватъ (отецъ молодаго) вынимаетъ изъ лубяной коробки дары: сапоги, коты, десяти-копѣечныя платки и полотенцы, кладетъ ихъ на подносъ, на которомъ еще стоитъ стаканъ пива и рюмка водки и все это подноситъ сначала священнику, а потомъ и прочимъ поѣзжанамъ и погонихамъ. Въ это время бабы поютъ священнику величанье:

Величанье священнику:

1581.

У батюшки бородка,
У батюшки русая!
Вотъ эту бородушку царь любитъ,
По бородушкѣ царь гладитъ,
Приближенною называетъ:
Приближенный царю—воевода!
  Слышишь ли, батюшка,
Тебѣ пѣсни поемъ,
Тебя величаемъ?
Какъ бы ты слышалъ,
Такъ насъ, пѣвицъ подарилъ, —
Не рублемъ, не полтиною,
А золотой казной!
Намъ, молодушкамъ, много надо:
На пряники, на орѣшки,
Не черные чернилы,
На бѣлые на бѣлилы,
На твою матушку,
Съ городами вѣнокъ,
Съ пригородками;
На твоего сына милаго,—
Добра коня.
Конь подъ нимъ —
Ровно лютый звѣрь.
Самъ на конѣ —
Какъ соколъ на лету.
На твою, батюшка, дочерь милую,
Полояиской платъ,
Позолоченной!

Если священникъ и вообще тотъ, кого величаютъ подаритъ этихъ «пѣвицъ»,—они поютъ:

1582.

Исполать тебѣ, батюшко!
Исполать тебѣ, отецъ Николай!

Исполать со матушкой Сидоровной,
Исполать со дѣтушками со маленькими!

Величаніе свату:

1583.

Ты, сватушко, молодей,
Наливай корецъ медовой!
Чтобы весела наша бесѣда
Радошна была.
Не пчелыньки летѣли,
Къ шатру прививалися.
Шатеръ ты мой, шатричокъ!
Во этомъ во шатрикѣ Иванушко лежитъ.
Онъ лежитъ, ухмыляется,
Своей женой похваляется:
«У меня жена умная,
Свѣтъ Анна-та Марковна!
Своему дому хозяюшка,
Своимъ дѣтушкамъ матушка!...

Величаніе свахѣ:

1584.

На твою, Ѳеклуша, шубу;
Поволока гремитъ,
Пуговки бречатъ.
Слышишь ли Ѳеклуша,
Слышишь ли Александровна,
Тебѣ пѣсни поемъ,
Тебя величаемъ?
Кабы ты слышала,
Такъ насъ, пѣвицъ, подарила
Не рублемъ, не полтиною,
А серебряной гривной!

Во время даренья прочихъ погонихъ, бабы поютъ разныя пѣсни, въ которыхъ вообще восхваляются добродѣтели и внѣшнія отличія того, кого величаютъ. Большею же частію поютъ слѣдующую пѣсню:

1585.

Во горенькѣ во новой,—2
Что за нужда во новой

(Эти слова прибавляются къ каждому послѣднему слову новой строки).

Стоитъ столикъ кедровый. 2
На столикѣ набрано,
Графинъ водки ставлено.
Свѣтъ-Андрей-отъ господинъ. 2
По горенькѣ проходилъ,
Рюмку водки наливалъ, 2
Свѣтъ Михайловнѣ подносилъ:
«Александра, жизнь моя!
Выпей рюмку отъ меня,
Отъ Андрея сокола!
Я за эту тебѣ услугу
Нитку жемчугу подарю.
Носи жемчугъ, не жалѣй, 2
Корми сына, нѣжъ, лелѣй!»....

Пѣнье величальныхъ пѣсенъ прекращается голосомъ свата: «Нуте-ко, молодцы, не пора ли ужъ вамъ покончить дѣла-то? дѣло-то мы начали, такъ надо покончить, а то (обращаясь съ усмѣшкой къ молодымъ) и у васъ не будутъ покончены.»

— «Ну-ко, батюшко, благослови-ко, наши-тѣ яства и научи-ко насъ, какъ добры-то люди пиръ ведутъ»—говоритъ въ свою очередь сваха, подходя къ столу со стаканомъ вина и подавая его священнику. Священникъ читаетъ молитву: «Отче нашъ», садитъ всѣхъ гостей «рядъ по рядъ» и принимаетъ стаканъ вина, въ который онъ обязанъ по крайней мѣрѣ хоть обмакнуть свои губы. Нужно впрочемъ замѣтить, что крестьяне сочли бы гордецомъ того священника, который бы не отвѣдалъ на свадьбѣ, хотя немного простой сивухи; они бы всегда о такомъ священникѣ говорили бы такъ: «что у насъ батько-то, хоть и уменъ, да не изволитъ съ нами грѣшными и винца то испить...... али мы не люди? Богъ съ нимъ!» Этотъ свадебный пиръ, какъ водится, продолжается до самаго утра. Женихъ, по обыкновенію, во все продолженіе пира ничего не говоритъ и ограничивается одними только цѣлованьями съ невѣстой, поощряемыми криками поѣзжанъ и погонихъ: «горько, горько!» Какой нибудь сидящій на полатяхъ мальчишка, грызя орѣхи, тоже кричитъ: «горько!» Женихъ каждаго крикуна непремѣнно долженъ удовлетворить, а то бы сейчасъ отнесли это неудовлетвореніе къ нелюбви его къ своей суженой. Вино въ это время покупается ведрами, особенно, если родня молодой люди богатые. Иногда дѣло доходитъ и до того, что сватовья въ случаѣ недостатка въ деньгахъ закладываютъ свои азямы или что нибудь изъ своихъ домашнихъ вещей, увѣряя всѣхъ и каждаго (вѣроятно, изъ боязни унизить свое достоинство) что, «право, оно деньги то и есть, достало бы и дворецъ откупить, да деньги-то лежатъ далеко» или, «что цѣловальникъ не даетъ на 50 рублевую.» На эти увѣренія сватовей, присутствующіе махнутъ рукой и прибавятъ: «все едино; была честь прило-

жена». Не описываемъ здѣсь подробностей шумной свадебной оргіи, потому что эти оргіи имѣютъ характеръ общій со всѣми другими крестьянскими пирами, и болѣе или менѣе извѣстны читателю сколько нибудь знакомому съ крестьянскимъ бытомъ. Скажемъ только, что этотъ свадебный «пиръгорой» кончается ни чѣмъ инымъ, какъ отсутствіемъ, вслѣдствіе большого пріема горячительной влаги, почти всякой дѣятельности всѣхъ человѣческихъ членовъ: на ногахъ остаются только нѣкоторыя молодушки, да часть молодыхъ ребятъ. Дружка, впрочемъ до такого положенія не напивается, потому что ему непремѣнно нужно по окончаніи пира увести молодую чету на подклеть и дать жениху нѣсколько наставленій. Когда иные гости уже захрапятъ и сидящіе впереди женихъ съ невѣстой начнутъ также дремать, дружка и сваха выводятъ ихъ изъ-за стола, благословясь и провожаютъ до *подклета*[1]), кладя имъ подъ кровать, неизвѣстно для какой цѣли *бастрыгъ*, хомутъ и возжи и совѣтуя имъ спать крѣпко. Предъ отправленіемъ на ложе гименея, женихъ и невѣста должны сами потчивать провожавшихъ ихъ священника, дружку и сваху, рюмкой водки, при чемъ послѣдніе должны пожелать имъ «всякаго счастія и всѣхъ земныхъ благъ». Наконецъ и женихъ обязанъ поднести своей женѣ тоже рюмку водки, приговаривая: «кушай-ко, Анна Михайловна, коли меня любишь.» Невѣста, поднося жениху, также говоритъ: «кушай-ко Егоръ Иванычь, коли меня любишь.»

На другой день, ранымъ-рано, сваха и дружка топятъ баню, въ которую прямо съ постели отправляютъ молодыхъ при громѣ разныхъ побрякушекъ. Въ ихъ отсутствіе пирующіе поѣзжане считаютъ своею обязанностію перебить всю домашнюю посуду и *перелукать* съ полатей всѣ корчаги, если только хозяева не позаботились заранѣе кое-что поцѣннѣе припрятать. Въ этотъ же день вечеромъ молодые ѣздятъ въ гости ко всѣмъ родственникамъ, гдѣ ихъ подчуютъ чаемъ или пивомъ, блинами и рыбнымъ пирогомъ, предлагая при этомъ «подымающимъ поѣздъ» дары, состоящіе изъ плохонькаго платка и полотенца, за что погонщики должны въ свою очередь отдарить молодыхъ «серебряной гривной».

На третій день молодая принимается за исполненіе всѣхъ обязанностей хозяйки, памятуя однако, долгъ — быть во всю свою жизнь послушною свекрови и покорною своему мужу.

Изъ рукоп. сборника Н. А. Александрова.

———

[1]) Подклетъ, пóдклетъ и подклетье — исподній ярусъ двужилой избы. Смотри словарь Даля.

Тойже губ., Слободск. у.

Свадьба составляетъ важную эпоху въ жизни нашего крестьянина. Ничто такъ не сокрушаетъ его, ничто столько не приноситъ ему хлопотъ, какъ свадьба его сына. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта-же самая свадьба есть для него и величайшій праздникъ. Иной крестьянинъ еще года за два— за три готовитъ для свадьбы своего сына нѣсколько десятковъ рублей денегъ; и хотя бы у этого крестьянина дома нечего было и ѣсть, хотя бы у него изба совсѣмъ валилась,—онъ ни за что не рѣшится поправить свое состояніе, покуда не сыграетъ свадьбы. Спросите его, хоть изъ любопытства, отчего у него изба плоха, и отчего онъ ее не поправитъ, между тѣмъ какъ онъ могъ бы имѣть хорошую избу? Крестьянинъ вамъ всегда отвѣтитъ такъ, особенно если есть у него въ семьѣ сынъ или два: «Э, да вѣдь у меня есть сынъ; а я его ошто не женилъ, а вотъ женю, такъ тошно избу поставлю». Это кажется намъ очень понятнымъ, если мы припомнимъ, какое понятіе соединяютъ наши крестьяне со словомъ свадьба. Обыкновенно, свадьба для нихъ есть почти ничто иное, какъ большая пирушка, или какъ говорятъ сами крестьяне: «пропивки», на которыхъ пропиваютъ невѣсту. И если мужикъ сыгралъ свадьбу на славу, то о немъ всегда отзываются съ похвалой, ему во всю жизнь бываетъ большой почетъ, говоря, что «это добрая душа, какой и на свѣтѣ не отыщешь». И горе напротивъ тому мужику, который сыгралъ свадьбу своего сына не на славу, т. е. если у кого на свадьбѣ вина и пива было мало. Подобную свадьбу всегда станутъ звать похоронами, и отецъ жениха надолго будетъ пользоваться репутаціей скупца. Конечно въ такомъ случаѣ всякій старается устроить свадьбу порядкомъ, потому что, какъ говорятъ наши мужики, это дѣло взаимное. Нечего говорить, что эта попойка продолжается иногда болѣе недѣли, на томъ основаніи, что если какой нибудь напр. Семенъ Ахтямовъ женилъ сына,—слѣдовательно и всякій крестьянинъ того села или деревни въ правѣ пировать, хотя бы и больше недѣли, сколько его душенькѣ угодно [2]). Такъ разсуждаютъ и такъ дѣлаютъ почти всѣ наши крестьяне.

Мы должны были предпослать эти строки нашему очерку для того, чтобы показать, какъ понимаютъ крестьяне Слободскаго уѣзда свадьбу и какое значеніе она имѣетъ въ ихъ жизни. Теперь приступимъ къ дѣлу.

Крестьянинъ задумалъ женить своего сына и онъ самъ не въ правѣ объявить свою волю сыну, потому что ему было бы неприлично вмѣши-

[2]) Тутъ какая-то недомолвка.

ваться не въ свое дѣло. И вотъ отецъ гдѣ-нибудь на работѣ мелькомъ намекаетъ своему сыну объ этомъ полушутя: «Эхъ Митька, Митька! Ишъ жениться сбирается, а не умѣетъ и стога хорошенько сметать......». При чемъ сынъ на шутку отца улыбнется и тотчасъ же въ оправданіе свое прибавитъ: «со всѣмъ нѣтъ.... я рази тибѣ баялъ?...» или что нибудь въ этомъ родѣ. Долго продолжается это отцовское искушеніе сына. И наконецъ, когда сынъ окончательно сообщитъ о своемъ намѣреніи матери, то мать уже говоритъ объ этомъ его отцу, и опять таки какъ-нибудь сбоку (отецъ жениха не долженъ знать, что сынъ его хочетъ жениться, пока послѣдній самъ не скажетъ объ этомъ матери). Тогда мать при случаѣ скажетъ: «вотъ-де мнѣ куда какъ тяжело стало работать и править одной домомъ, помощницы никакой нѣтъ.» Потомъ начинаетъ какъ-нибудь хвалить своего сына: а яй, сынъ-отъ у насъ больно работящъ, ужъ не порали намъ его женить?» и т. п. Въ домѣ послѣ подобныхъ объясненій со стороны и матери и отца жениха, въ какой-нибудь праздникъ или воскресенье отецъ и мать садятся со всей семьей за столъ обѣдать, жениха садятъ впередъ и здѣсь-то мать объявляетъ во всеуслышаніе о своемъ намѣреніи женить своего сына. Дѣло мало по малу слаживается, конечно, не обходится и безъ того, чтобы не поспорить отцу и матери въ выборѣ невѣсты сыну. Тотчасъ же посылаютъ за какой-нибудь свахой, Вахрамѣевной, съ приходомъ которой начинается въ честь будущаго муженька порядочная пирушка. На просьбы матери и отца и на просьбы самаго жениха о прінсканіи ему хорошей невѣсты сваха обѣщается высватать пригожую да черноглазую дѣвку, при чемъ женихъ, въ случаѣ успѣха въ этомъ дѣлѣ, обѣщается купить ей ситцу на рукава или на сарафанъ. Сваха въ свою очередь проситъ жениха не позабывать ея и послѣ: «помянуть добрымъ словомъ». Порѣшивши со свахой, отецъ приказываетъ сыну-жениху запречь пару лошадей, на которыхъ сваха и отправляется, обыкновенно съ мѣстечка къ извѣстному ей крестьянину сватать невѣсту, надѣвши предварительно на руки *шубенцы*[1]) а на ноги лопотки.

Во время дороги сваха ни съ кѣмъ не должна говорить ни слова, хотя бы кто ее и спрашивалъ о важномъ дѣлѣ: она или махнетъ на вопросы рукой или просто смолчитъ, потому что по понятіямъ свахъ, въ противномъ случаѣ свадьба бы не сыгралась, а молодые не были бы умны: «стали бы говорить тамъ, гдѣ не спрашиваютъ». Подъѣхавши къ дому будущей невѣсты, сваха еще на бѣгу лошади соскакиваетъ съ телѣги и бѣгомъ отправляется въ избу невѣсты, означая этимъ, что и родители невѣсты также скоро склоняются на ея сватовство. По понятіямъ свахъ, когда она ѣдетъ къ дому невѣсты, то деготь въ колесахъ непремѣнно горячій, а у саней—полозья; слѣдовательно и лошади также бываютъ горячи и легки. Потому-то сваха и должна соскакивать съ телѣги на бѣгу, чтобы и ей скорѣе и горячѣе покончить это дѣло. При входѣ въ избу невѣсты сваха въ шубенцахъ становится не на долго на порогѣ и въ это время, по словамъ свахъ, никакой еретикъ не въ состояніи придти въ избу и испортить невѣсту. Потомъ сваха становится на средину избы, противъ матицы, чѣмъ представляетъ себя покупателя, а отца и мать представляетъ купцами, подобно тому, какъ въ лавкѣ покупщикъ не въ правѣ зайти далѣе прилавка.

«Сватъ со сватьей сядемъ на брукъ да положимъ ноги на очопъ,—говоритъ сваха, обращаясь съ поклонами къ отцу и къ матери невѣсты: отдайте свою дочь.... У васъ товаръ, у насъ купецъ,—не убудется, дѣло сбудется.»

— «Ладно, ладно свахонька», отвѣчаютъ ей въ свою очередь родители невѣсты, «благодаримъ на добромъ словцѣ; удостоили чести, такъ приводи купца и посмотрите товарецъ.»

Если же родители невѣсты почему-нибудь не соглашаются отдать свою дочь за рекомендуемаго свахой жениха, то сваха начинаетъ ихъ уговаривать, говоря: что дѣвкѣ-то и не увидишь какъ годы то минутъ, что коли дѣло сподручно, такъ завсегда можно отдать». При этомъ сваха, конечно, коснется и жениха, что «этакаго красавча работящаго и по всему свѣту искать такъ не найдешь». Послѣ разныхъ споровъ и похвалъ съ той и другой стороны и послѣ согласія невѣсты, сваха, сказавъ еще на дорогу: «не убудется, дѣло-сбудется,» тотчасъ удаляется. По уходѣ свахи въ дому невѣсты тотчасъ же поднимается вой. Мать уводитъ невѣсту куда-нибудь въ чуланъ и, если пріучилась съ дѣтства выть, тутъ то начинается вытье: «родимое ты, наше дитетко! покидаешь ты насъ отъ дому родительскаго, оставляешь ты насъ однѣхъ горе мыкать! Не увидимъ мы твои очи ясныя, не обмолвишь ты насъ болѣ словомъ ласковымъ» и проч., и проч.

На другой день женихъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью и со всѣми своими родственниками отправляются къ невѣстѣ на *смотры*. Пришедши въ избу невѣсты, женихъ и сопутствующая ему толпа родни не садятся на лавки до тѣхъ поръ,

[1]) Въ Оп. обл. великор. слов.—«шубёнки»: рукавицы изъ овчиннаго мѣха. У Даля этого слова нѣтъ.

пока не увидятъ невѣсты, послѣ чего всѣ уже садятся по степенямъ родства. Между тѣмъ какъ гости сидятъ за столомъ и поглядываютъ на рыбный пирогъ, приготовленный на этотъ разъ самой невѣстой, невѣста уходитъ съ своими подружками въ чуланъ, одѣвается тамъ въ новый сарафанъ, въ которомъ и выходитъ къ гостямъ вмѣстѣ съ матерью, держащею въ рукѣ подносъ, съ наполненными пивомъ стаканами. Мать обноситъ пивомъ гостей, а невѣста, раскланявшись съ гостями на всѣ четыре стороны, опять уходитъ въ чуланъ. По вторичномъ уходѣ невѣсты, гости начинаютъ толковать о красотѣ и достоинствахъ невѣсты, спрашиваютъ для шутки жениха, согласенъ ли онъ взять эту невѣсту, при чемъ женихъ отвѣчаетъ имъ, что «эта невѣста лучше сладкаго меда для него».

Долго не выходитъ невѣста къ гостямъ въ третій разъ, и это долгое отсутствіе позволяетъ отцу жениха три раза сдѣлать невѣстѣ приглашеніе, приговаривая при этомъ, что «въ давни поры и мы жили и у насъ были дочери, да ужъ экъ долго не выли; а ужъ нынче видно времена такія, что невѣста долго воетъ». При этомъ выходитъ изъ чулана мальчикъ, братъ или какой нибудь родственникъ невѣсты и садится на лавку къ столу, прося у жениха выкупъ за невѣсту; «а то», говоритъ онъ, «ни за что не выйдетъ и она не будетъ ваша». Отецъ жениха начинаетъ сначала мальчика стращать, грозится обрѣзать ему уши, если онъ не приведетъ невѣсты и наконецъ, послѣ долгихъ угрозъ и отказовъ онъ даетъ мальчику мѣдный пятакъ, — мальчикъ убѣгаетъ. Выходитъ невѣста и даритъ жениха платкомъ, цѣлуя его при этомъ трижды; а женихъ, въ свою очередь, даритъ ей разныхъ пряниковъ и башмаки, а матери невѣсты платокъ, за что она его благодаритъ слѣдующими словами: «дай Богъ вамъ жить, да быть, добра наживать на вѣки вѣчные». Послѣ этого всѣ гости встаютъ, молятся Богу и начинаютъ ѣсть; состряпанный невѣстою огромный рыбный пирогъ. Сватья обыкновенно при этомъ замѣчаетъ, что чѣмъ пирогъ состряпанъ лучше, акуратнѣе и чѣмъ онъ вкуснѣе, тѣмъ невѣста должна быть трудолюбивѣе и тѣмъ согласнѣе будетъ жизнь молодыхъ.

Эти смотры обыкновенно называются еще *пропивками*.

Послѣ пропивокъ къ невѣстѣ, въ продолженіе трехъ или четырехъ дней, ходятъ подружки и шьютъ ей вѣнчальный сарафанъ или приготовляютъ приданое. Въ продолженіе этого шитья дѣвки поютъ пѣсни, а невѣста потчуетъ ихъ пряниками, которые всегда покупаются женихомъ. Пѣсни въ это время поются слѣдующія:

1586.

Съ лѣсу на лѣсъ роса падетъ,
Съ терему во теремъ красны дѣвки шли,
Промежу собой Анну вели,
Они Анну вели, свѣтъ Марковну.
На ней башмачки, на ней сафьянны:
  Козлё, да козлё покатиться хотятъ 2
Подвели ей коня батюшкова;
Батюшковъ конь не ступилъ, не пошелъ, —
Въ чисто поле ушелъ.
  Съ лѣсу на лѣсъ роса падетъ
Съ терему во теремъ красны дѣвки шли,
Промежу собой Анну вели,
Они Анну вели, свѣтъ Марковну.
На ней башмачки на ней сафьянны:
  Козлё, да козлё покатиться хотятъ. 2
Подвели ей коня Иванушкова,
Иванушковъ конь онъ ступилъ и пошелъ,
Къ Божьей церкви ушелъ,
Ихъ вѣнчаться увелъ

или:

1587.

Шла наша Аннушка темнымъ лѣсомъ,
Крыла лѣса алымъ бархатомъ,
Путь катила золотымъ кольцомъ,—
Прикатила ко синю морю,
Воскричала бѣлой лебедью:
«Кто бы меня перевезъ на ту сторону?»
Воскричалъ ей да Иванъ господинъ:
«Не кричи, Аннушка, не кричи Марковна!
Я за тобой корабль пошлю боярина.»
— «Не посылай, не посылай ты за мной корабля боярина:
Ваши бояра насмѣшливые,
А я дитя у батюшки стыдливая.»

или:

1588.

Вью, вью, вью и лелю!
Перехожая звѣздонька и свѣтлое солнышко,
  Вью, вью, вью и лелю!

(Повторяется послѣ каждаго стиха).

Переходила Аннушка изъ терема въ горницу,
Изъ высокаго во новую,
Приходила ко матушкѣ:
«Охъ ты родимая матушка!
На что рано пиво варишь?
Ты на что рано бѣлье мнѣ кроишь?»
— «Я тебя въ замужъ выдаю».
Испугалася Аннушка,
Воротилась назадъ, пошла,
Закрылась шелковымъ платкомъ,
Пришла домой повалилась на дубовый столъ,
Сама слезно сплакала,
Во слезахъ слово сказала:
«Отошли мои красны дни,
Отошли мои радостные!
Пришла мнѣ разлука теперь
Съ родной матушкою,
Съ братцомъ и сестрицей,
Съ дѣвоньками, съ подруженьками,
А пристала я къ свекру, къ свекровкѣ,
Къ молодымъ молодушечкамъ.

или:

1589.

Динь, динь перепёлка!
Какъ вечёръ перепёлка
Долго вечёру щектала,
Какъ вечёръ къ перепелкѣ
Соколы прилетали,
Перепелку поймали,
Соколу въ руки дали,
Да ему начитали:
«Охъ ты, соколъ, соколичекъ!
Не давай ее въ обиду
Никакимъ большимъ птицамъ,
Ни орламъ, ни орлицамъ.»
Какъ вечёръ у насъ Анна
Долго вечеромъ сидѣла,
Какъ вечоръ у насъ къ Аннѣ
Молодцы наѣзжали,
Они Анну въ руки брали,
Молодцу въ руки дали,
Да ему начитали:
«Охъ ты молодецъ, молодчикъ!
Не давай её въ обиду
Никакимъ большимъ людямъ,
Ни свёкру, ни свекроўкѣ,
Ни деверю, ни золовкѣ,
Ни снохамъ колотовкамъ.»

Во время пѣнья этихъ пѣсенъ невѣста должна сидѣть пригорюнившись. Иногда въ это предсвадебное время приходятъ къ невѣстѣ старухи—молодость помянуть и на дѣвушекъ полюбоваться. Невѣста должна угощать ихъ пивомъ и виномъ, но не пряниками, «потому что имъ, какъ говорятъ сами старухи, не чета ѣсти то, что любитъ молодось».

Чрезъ нѣсколько дней послѣ смотровъ или пропивокъ бываетъ «сговоръ», на который собираются одни только сватовья, свахи, ближайшіе сосѣди, родственники жениха и невѣсты, преимущественно бабы и старики. Свахи въ это время толкуютъ о томъ, сколько тесть возьметъ съ зятя подмоги, чей долженъ быть *моршокъ* для невѣсты, чьи должны быть дары, состоящіе большею частію изъ бѣлаго холста, аршинъ 6 и дешевенькихъ платковъ. Обязанность же бабъ состоитъ въ приготовленіи стряпни (въ сговоръ всегда стряпаютъ бабы, а въ дѣвичникъ дѣвки) и въ мытьѣ посуды; а остальная часть до вечера проводится, такъ сказать, въ переливаніи изъ пустаго въ порожнее. Къ вечеру всѣ бабы расходятся по домамъ, а, перерядившись въ чистые сарафаны, опять являются въ домъ невѣсты, гдѣ они уже сидятъ весь вечеръ гостями. Женихъ между тѣмъ въ это время до вечера ѣздитъ въ село или городъ, закупаетъ тамъ пряниковъ и орѣховъ и все это уноситъ на вечеринку къ невѣстѣ, приказавъ предварительно дружкѣ сходить къ священнику, съ тѣмъ, чтобы пригласить его «посѣтить и благословить вечеринку». Когда всѣ гости соберутся женихъ выходитъ вмѣстѣ съ невѣстой съ нагруженными подносами пряниковъ и орѣховъ и подносятъ все это подъ благословеніе священника, послѣ чего опять начинается потчиванье и ужинъ съ невѣстинымъ пирогомъ. Послѣ ужина священникъ читаетъ молодымъ обручную молитву и гости разъѣзжаются по домамъ.

Но вотъ приходитъ и дѣвичникъ. Съ самаго утра подружки невѣсты начинаютъ перебирать изъ ея сундука все ея имущество и перекладываютъ его въ другой сундукъ, толкуютъ о томъ, какъ лучше принарядиться невѣстѣ подъ вѣнецъ и что ей въ этомъ случаѣ дѣлать иногда отъ нечего дѣлать и повоютъ, если есть еще время до прихода гостей. Къ вечеру собираются гости. Дѣвки завязываютъ свои головы бѣлыми платками по наколку, наряжаютъ невѣсту и начинаютъ офиціальное вытье:

1590.

Какъ во чорномъ во морюшкѣ
Сѣра утица купалася;

Какъ во высокомъ во теремѣ
Красна дѣвка наряжалася,
Красна дѣвка, Аннушка,
Надъ нею дѣвушки дивуются.
«Не дивуйтесь-ко, дѣвушки,
Не дивуйтесь, подруженьки,
Не сама я собой наряжаюся, —
Заставляетъ батюшка,
Да родимая матушка.
Самой мнѣ не весело;
Мнѣ отъ батюшки и отъ матушки
Отдати не хочется,
А отъ васъ, отъ подруженекъ—не подумается.
Отдаютъ меня силою,
Отдаютъ не за молодца, —
Отдаютъ за Иванушку.

По окончаніи этой пѣсни мать невѣсты ставитъ на средину стола коровай хлѣба, съ поставленною на верхъ его солоницею съ солью. Дѣвки опять поютъ.

Если жениха еще нѣтъ, то уже не поется ни одной пѣсни до его прихода и лишь только увидятъ, что онъ въѣзжаетъ въ невѣстинъ дворъ, дѣвки начинаютъ пѣть:

1591.

Вьюнъ на рѣкѣ извивается,
Петръ у воротъ убивается,
Проситъ свое суженое ряженое:
«Дайте мое, дайте мое суженое,
Дайте, дайте, мое ряженое!»
Вынесли ему сундукъ окованъ.
«Это не мое, это не мое,—это приданое».
Вьюнъ на рѣкѣ извивается,
Петръ у воротъ убивается
Проситъ свое суженое, ряжоное:
«Дайте мое, дайте мое сужоное, мое ряжо́ное!»
Выводили ему Анну душу, свѣтъ Марковну.
«Это мое, это суженое, мое ряженое!»

1592.

Ой горе да ладу мою!
Изъ за облакъ мѣсяцъ, —
Ой горе да ладу мою!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Изъ за свѣтлаго ѣдетъ,—
Зять къ тещѣ ѣдетъ:
Онъ во нарядѣ, онъ во хорошомъ,
На маленькой лошадкѣ
Въ коришневомъ кафтанѣ,
На рукахъ алы ленты,
На головкѣ картузикъ.
Теща испугалась:
«Мнѣ некуды зятя садити!
Посажу я во горницу,
Подарю я новинами.»
Зять дары не приметъ,
За дары не похвалитъ.
«Эти дары приданы».
Изъ за облака мѣсяцъ,
Изъ за темнаго свѣтитъ,
Зять къ тещѣ ѣдетъ.
Онъ во нарядѣ, онъ во хорошомъ,
На маленькой лошадкѣ,
Во коришневомъ кафтанѣ,
На рукахъ алы ленты,
На головѣ вѣночикъ.
Теща испугалась:
«Некуда зятя посадити!
Посажу я во свѣтлицу.»
Зять дары примаетъ,
За дары величаетъ.
Ой горе да ладу мою!

Во время пѣнья этой пѣсни будущій зять стоитъ по срединѣ избы; къ нему подходитъ теща и начинаетъ водить его по избѣ, какъ бы отыскивая ему мѣсто, гдѣ бы его посадить. Въ тоже время подходитъ къ нему сваха съ дарами, которыя она приказываетъ ему взять и раздарить ихъ кому слѣдуетъ. Будущій зять сначала не беретъ, отказывается, говоря, что ему не дѣло этимъ заниматься, а что онъ пришелъ къ своей суженой, съ ней посидѣть въ честной компаніи, но потомъ при концѣ пѣсни беретъ ихъ отъ свахи и одариваетъ ими тестя, тысяцкаго, дружку и проч. А когда молодые, сидя въ переднемъ углу, мѣняются между собою кольцами, въ знакъ того, что ихъ души взаимно между собою соединились, дѣвки поютъ:

1593.

Не долго вѣночку на столикѣ лежать,
Не долго Аннушкѣ во дѣвушкахъ сидѣть,
Не долго Марковнѣ въ красныхъ жить:
Русыя кудри за столъ пошли.
Русую косу за собой повели,
Съ правой руки кольчико спадываетъ,
А Иванъ у Анны выпрашиваетъ:

Скажи-ко мнѣ Аннушка, скажи-ко Марковна:
«Кто тебѣ изъ роду милъ?»
— «Милъ мнѣ милешенекъ—батюшко родной.»
Ахъ ты Анна душа, свѣтъ Марковна!
Это ужъ Аннушка, это ужъ Марковна,
Не правда твоя, што не правда твоя!
Свое сердце, Аннушка, тѣшишь ты,
А мое гнѣвишь, што мое-то гнѣвишь!
— Недолго вѣночку на столикѣ лежать,
Недолго Аннушкѣ во дѣвушкахъ сидѣть,
Недолго Марковнѣ во красныхъ жить:
Русыя кудри за столъ пошли,
Русую косу за собой повели.
Съ правой руки кольчико спадываетъ,
Иванъ Анну, Гаврилычъ Марковну выпрашиваетъ:
«Кто тебѣ изъ роду милъ?»
— «Милъ мнѣ милешенекъ—Иванъ господинъ,
Иванъ господинъ, да Иванъ господинъ.»
«Это ужъ, Аннушка, правда твоя истинная!
Свое сердце тѣшишь ты, а мое веселишь.
А мое веселишь, да веселишь!»

Дѣвки начинаютъ упрекать невѣсту, зачѣмъ она разлучилась со своими подружками и во время ихъ игоръ, они просятъ ее испросить позволеніе у отца и ея жениха поиграть и поплясать вмѣстѣ съ ними. Невѣста на ихъ упреки отвѣчаетъ, что она вѣдь не знала, чтобы выдти ей замужъ и отказаться отъ ихъ сообщества:

1594.

Я не знала, не вѣдала, —
Ко мнѣ сватья пріѣхала:
Молодая, хвастливая
Она хвастала, хвастала.

(Сваха прерываетъ ихъ пѣнье словами:—«не правда, не правда, дѣвоньки! Я не хвастывала и не говорила».) Дѣвки продолжаютъ пѣть:

Чужу сторону похваливала:
Наша сторонушка, —
Весела путь дороженька,
Какъ наша сторонушка
Виноградомъ посаженая,
Черносливомъ утыканая,
Она сахаромъ посыпаная,
Сытою поливаная.
— Какъ у нашего Иванушки —
У него домъ и широкій дворъ
На семи верстахъ выстроенъ.....

Сваха опять возвышаетъ свой голосъ: «Стыдно вамъ, дѣвки, врать. Я никогда не говаривала, что у Ивана Гаврильича на семи верстахъ домъ, а я толичко говорила: «У Ивана домъ басокъ [1]) и великъ.» Дѣвки продолжаютъ:

На семи съ половиною,
Крыша желѣзная,
Шоколья-то мѣдныя,
У воротъ столбы каменные,
Воротечки рѣшетчатые,
Подворотенка стекольчатая,
У воротъ кольцо серебряное,
Извитое золоченое.

Тотчасъ же по окончаніи этой пѣсни невѣста выходитъ изъ за стола и начинаетъ играть и плясать вмѣстѣ съ своими подружками. Дѣвки опять поютъ:

1595.

Какъ не пава, какъ не пава,
Не пава по сѣнямъ ходила,
Не павина шестала, —
Тутъ ходила, тутъ ходила,
Тутъ ходила, гуляла Анна, —
Да Анна по сѣнямъ ходила,
Какъ Марковна по новымъ ходила.
Приходила, приходила,
Приходила она къ чулану,
Ко дверямъ она припадала,
Ко дубовымъ она прилегала:
«Отворитесь, вы двери дубовы!
Отопрись, ты нѣмецкій замочикъ!
Распахнися, шитой-браной положечекъ!
Пробудися, родной батюшко,
Встань-ко ты, батюшка родной!
Ужъ ты встань-ко да посиди-ко!
Мнѣ не годъ ужъ у тебя годовати,
Не недѣльку у тѣ мнѣ жити, —
Мнѣ едва ноченьку ночевати,
И ту ночку не сыпати,
Съ подруженьками горевати

1596.

На синемъ морюшкѣ
Плыветъ лебедь бѣлая
Со своими дѣтками-лебедками.
Негдѣ взялся добрый молодецъ,
Петрушенька Кировичъ,—

---

[1]) Красивъ.

Убилъ убилъ лебедь бѣлую, —
Разбрызналъ кровь по синю морю,
Развѣялъ пухъ по чистымъ полямъ.
Негдѣ взялась красна дѣвица,
Ошто Аннушка Марковна:
Беретъ перье. беретъ перье,
Беретъ перье лебединое,
Кладетъ въ шапку соболиную.
Негдѣ взялся доброй молодецъ, —
Все Иванушко, все Иванушко,
Все Иванъ-отъ Гавриловичъ.
«Тебѣ Богъ помочь, красна дѣвица,
Ошто Аннушка Марковна,
Тебѣ брать перье лебединое,
Тебѣ класть въ шапку соболиную!»
Она ему ни словечка не сказала.
«Ужъ ты дѣвица, красавица,
Теперь ты со мной ломаешься,
Ошто будетъ-то за мной пойдешь,
Ошто будетъ-то будетъ у кроватушки стоять,
Ошто будетъ-то станешь разувать меня.»
Отвѣчала ему красна дѣвица:
«Ошто этого не будетъ никогда,
Чтобы стала разувать я тебя.
У тебя, у гада, — ноги грязныя,
У меня — у млады, руки бѣлыя,
У меня — у млады на рукахъ перстни златыя.
Кто то меня утѣшитъ, бѣдную?
Утѣшитъ, не утѣшитъ родной батюшко.
Его утѣшеньице не вѣчное,
Не вѣкъ съ нимъ жить.
Кто меня утѣшитъ, бѣдную?
— Утѣшитъ, не утѣшитъ родна матушка?
Ея утѣшеньицо не вѣчное
Не вѣчное, полувѣчное —
Полвѣка съ ней жить.
Кто-то меня утѣшитъ, бѣдную?
Утѣшитъ, не утѣшитъ Иванъ господинъ:
Его утѣшеньице вѣчное
Вѣчное, на вѣки вѣчное
Вѣкъ съ нимъ жить.

1597.

Не началъ-то батюшка во вѣкъ любить,
Избылъ 2 батюшка минутой часомъ.
Пропилъ 2 меня батюшко па горькомъ на винѣ,
Пропила-то меня матушка на сладкой водочкѣ — винцѣ;
Проѣли меня братъ съ сестрой
На сладкихъ пряничкахъ-жомкахъ.
Отдалъ, отдалъ тебя Аннушка.
«Когда ты, Аннушка будешь въ гости къ намъ?»
— Охъ ты, батюшко, отецъ родной!
Я буду, я буду въ гости къ вамъ —
Не лѣтомъ, не зимой
Не осевью, не весной;
Прилечу я къ тебѣ, батюшко,
Черезъ двадцать пять лѣтъ.
Сяду я, сяду я на зеленъ твой садокъ,
Оболью я у тебя, батюшко,
Зеленой твой садъ горючими слезами,
Обсушу у тебя, батюшко, твои яблонцы въ саду,
Не скажу я тебѣ, батюшко, про свое житье молодушечье.

Эту пѣсню поетъ невѣста вмѣстѣ съ прочими дѣвками, жалуясь на свое горькое и безутѣшное житье, которое она должна испытать въ замужествѣ.

Если у невѣсты нѣтъ отца или матери, — дѣвки поютъ:

1598.

Какъ па рѣчушкѣ на быстрый
Много *дрязгу* и *дудору* [1]), —
Какъ у насъ во высокомъ теремѣ
Много гостей и дѣвушекъ.
Сидѣла тутъ Евленьюшка,
Сидѣла тутъ Ивановна.
Тутъ всѣ сидятъ весело,
Всѣ говорятъ радостно;
У насъ Евленьюшка сидитъ невесело,
Говоритъ она не радостно.
Подходили къ ней дѣвушки,
Милыя подруженьки:
«Катерина Григорьевна,
Анна Семеновна,
Марья Михайловна.
Толи мнѣ да не тошно!
Толи мнѣ да не горько!
Отстаю я отъ батюшки,
Отстаю я отъ двухъ братьевъ,
Да отъ васъ — отъ подруженекъ.
Толи мнѣ да не тошно!
Толи мнѣ да не горько!
Всѣ гости здѣсь съ нами,
Одной гости нѣту здѣсь,
Одной гости малыя —
Моей матушки родимыя.
Охъ вы, дѣвушки подруженьки!
Пойдемъ-те-ко, войдемъ-те-ко
На красно крыльцо батюшково,
Поглядимъ-те на кладьбище

[1]) Въ слов Даля: *дудора* ж. собир. — хламъ, шарабара, дрянные пожитки.

На ея на могилушку,
На ея высокъ памятникъ.
На что стоитъ памятникъ?
Для насъ—дѣтей, для родныхъ ея.

или:

1599.

У скрипучаго деревца, золотыя вершинушки,
Много па немъ листу и полисту,
И много листу зеленаго.
Какъ у нашей у Аннушки
Много роду и племени,—
Нѣту роднаго батюшки.
Охъ вы, дѣвушки подруженьки,
Собирайтесъ въ одну горницу,
Пойдемъ-те-ко ко Божьей церквѣ.
Мы сойдемъ-те-ко на колокольню,
Ударимъ во больши колокола:
Не подымется ли сильная погодушка?
Не раздуетъ ли листики?
Не разступится ли сырая земля
Во всѣ четыре сторонушки?
Не откроется ли гробова доска?
Не состонетъ ли родной батюшка?
«Охъ ты, батюшко, благослови меня!»
— Охъ ты, Аннушка, мое дитятко!
Мои бѣлы руки не сдымаются,
Очи ясны не вскрываются.
Охъ ты, Аннушка, мое дитятко!
Благословятъ тебя чужи люди:
Опросинья Ивановна съ Иваномъ Иванычемъ,
Съ добрымъ молодцомъ Иванушкомъ.

1600.

На горѣ то стоитъ ёлочка,
Подъ горой стоитъ свѣтёлочка,
Во свѣтелочкѣ стоитъ столичекъ,
За столичкомъ сидитъ Аннушка.
Приходитъ къ ней батюшко;
Звалъ, звалъ Аннушку съ собой:
«Ты пойдешь, Аннушка, со мной?»
—«Я пейду, пейду, батюшко, съ тобой:
Ночи темны, не мѣсячны;
Лѣса густы, караульщиковъ нѣтъ;
Рѣчки быстры, перевозщиковъ нѣтъ,—
Насъ съ тобой не переведутъ.»
На горѣ стоитъ ёлочка,
Подъ горой стоитъ свѣтёлочка,
Во свѣтёлочкѣ бесѣдушка,
Во бесѣдушкѣ Аннушка.
Приходитъ къ ней Егорушко,—
Звалъ, звалъ Аннушку съ собой:
«Ты пойдешь, ты пойдешь, Аннушка, со мной?»
«Пойду, пойду Егорушка съ тобой
Ночи свѣтлы мѣсячны,
Лѣса рѣдки—караульщики есть,
Рѣки тише перевозщики есть,—
Насъ съ тобой перевезутъ,
На бѣлыхъ рукахъ перенесутъ.»

Во время пѣнья этой пѣсни всѣ гости дѣлятся на двѣ партіи; въ первой изъ нихъ стоятъ отецъ и родственники невѣсты, а во второй женихъ и прочіе гости. Невѣста въ это время стоитъ въ сторонѣ съ нѣсколькими своими подружками, и когда отецъ вмѣстѣ съ ея родственниками зоветъ ее идти съ собой, невѣста отговаривается отъ ихъ приглашенія, говоря, что ночи темны, лѣса густы и проч., но лишь только начинаетъ звать ее съ собой женихъ, невѣста охотно съ своими подружками присоединяется къ жениховой партіи и тотчасъ же цѣлуется съ женихомъ трижды. Потомъ женихъ садитъ невѣсту къ себѣ на колѣни; къ нимъ подходитъ теща, держа въ рукахъ подносъ, на которомъ лежитъ шаль, съ тою цѣлію, чтобы женихъ передалъ ее своей суженой. Женихъ беретъ эту шаль правой рукой и даритъ ее своей суженой, которая тутъ же надѣваетъ ее на свою голову. Между тѣмъ дѣвки поютъ:

1601.

Какъ березникъ не великъ круглелистъ,
Какъ Иванъ-отъ грубенистъ;
Онъ и Анну полюбилъ,
На колѣни посадилъ,
Шаль нѣмецку подарилъ,
Шаль нѣмецкая алая,
У насъ Анна бравая.

Долго гости пируютъ на вечеринкѣ невѣсты и наконецъ, наэлектризированные винными парами и утомленные продолжительною пляскою и пѣньемъ пѣсенъ, они съ пѣснями отправляются по домамъ, обѣщаясь на другой день непремѣнно побывать и на свадьбѣ. Женихъ на прощаньи съ невѣстой считаетъ своимъ долгомъ пригласить ее на слѣдующій день къ себѣ; при чемъ невѣста отказывается, говоря, что она все еще «подначальная».

1607.

Роднмая моя матушка!
Пройдетъ зима студёная,
Настанетъ лѣто тёплое,
Поростетъ въ лугахъ зелена трава,
Разцвѣтутъ цвѣты лазоревы, —
Пойдутъ мои подруженьки,
Пойдутъ мои задушевныя,
Задушевныя, полюбовныя,
Во зеленые луга гулять,
Сорвутъ онѣ по цвѣточку,
Совьютъ онѣ по вѣночку.
Мой цвѣточекъ при путѣ стоитъ,
При путѣ стоитъ, при дороженькѣ:
Никто его не сорветъ,
Никто вѣнка не совьетъ,
Онъ и сохнетъ, посыхаетъ, —
Мое сердце занываетъ
На чужой дальней сторонушкѣ,
У чужаго отца-матери:
Чужой-отъ отецъ-мати
Чомливы, спѣсивы и гордивы
Они любятъ *чомы* и *ломы*,
Да превизки поклоны.
А я-то горе-горькая,
А я-то горемычная,
Не умѣю имъ поклониться,
Не умѣю имъ покориться.
А я то у тебя, родима матушка,
Была дитя нѣжное.
Не знаю-то я ни чомовъ, ни ломовъ
Не знаю я низкихъ поклоновъ.

1608.

Не вылетай, утица, изъ за острова,
Не вылетай, сѣра, изъ за чистова!
Увидитъ утицу младъ ясенъ соколъ,
Побьетъ утицу середь поля середь чистова,
Кровь прольетъ во сыру землю,
Пухъ пуститъ по чисту полю.
Не выходи, Парасковья изъ за занавѣски,
Не выходи, Михайловна, изъ за брапыя!
Увидитъ Парасковьюшку лютой свекоръ,
Запроситъ дары великіе,
Дары великіе, дары тонкіе.
«Я дары шлю, сама нейду;
Хоть пойду я, не поклонюся,
Хоть поклонюся, да не до низка,
Хоть и дȯ низка, да не отъ радъ-сердца.»

1609.

Родимый мой брателко!
Выйди-ка во чистое поле,
Въ широко раздольице,
На большую дороженьку!
Посмотри-ка, брателко,
На всѣ четыре сторонушки!
Не летитъ ли гдѣ ясенъ соколъ?
Попроси-ка, брателко,
У сокола крылышки
У сизаго правилышки!
Прилети-ка, брателко,
На часъ на минуточку,
На свою родину сторонушку,
Ко батюшкѣ на широкій дворъ,
Ко матушкѣ въ нову горенку.
Ужь я бы вышла на красно крыльцо,
Вышла, его встрѣтила,
Взяла бы за бѣлы рученьки,
Увела бы въ нову горенку,
Посадила бы на бѣлу лавочку.
Гораздо у тебя, брателко,
Ретиво сердце каменно,
Горючи слезы жемчужныя,
Въ булатѣ сердце заковано,
Тремя замками золотыми,—
Что ты моего голоса заунывнаго
Не чуешь, не слушаешь.

1610.

Ахъ, вы гуси ли, гуси сѣрые!
Воспойте, пѣтухи ранніе!
Разбудите-ка моего батюшка!
Спала-то я горе-горькая,
Спала-то я горемычная,
Спала-то я просыпалася,
Дожидалася отъ батюшки пробужденьица:
Не пробудитъ ли меня батюшко?
Не пошлетъ ли меня на работушку?
А родимый сказалъ: «мило дитятко,
Работушка у тя съ сего дня,
Съ сего дня на чужомъ дворѣ,
На чужомъ дворѣ, во чужихъ людяхъ.

1611.

Середи было царства, середъ Полянъ [1])
Середи Полянъ стояла палатушка.
Во каменной во той, во палатушкѣ

[1]) Названіе села.

Все столы стоятъ, все дубовые.
На столахъ то яства сахарныя,
Яства сахарныя, питья медвяныя,
За столами-то сидятъ бояра-князья,
Они пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются,
Промежу собой похваляются.
Одинъ князь, онъ не пьетъ, онъ не ѣстъ,
Онъ не пьетъ, онъ не кушаетъ,
Онъ головушку держитъ пониже всѣхъ,
Держитъ въ правой рукѣ гусли звончаты,
Играетъ пѣсеньку заунывную.
На ту пору Пашенька сѣни мела,
Стала послушала, сѣла, подумала:
«Охъ ты воля, воля ли батюшкина!
Охъ ты нѣга, нѣга ли матушкина!»
Подумавши да заплакала;
Ахъ не будетъ мнѣ тоя волюшки,
Тоя волюшки во чужихъ людяхъ.
Хоть куда поди-спросися,
Хоть откуда приди-скажися.

1612.

Затыню ли я, затыню ли я,
Затыню ли я рѣчку быструю тыномъ, 2
Заманю ли я, заманю ли я,
Заманю ли я голубя со голубушкою. 2
Голубъ-ётъ у насъ, голубъ-ётъ у насъ,
Голубъ-ётъ у насъ—Александрушка, 2
Сизой-ётъ у насъ, сизой-ётъ у насъ
Сизой-ётъ у насъ—Михайловичъ, 2
Голубушка при немъ, голубушка при немъ,
Голубушка при немъ—Парасковьюшка, 2
Сизая при немъ, сизая при немъ,
Сизая при немъ Ивановна. 2
Свидятся они, свидятся они,
Свидятся они, поклонятся,
Сойдутся они, сойдутся они,
Сойдутся они, поцѣлуются. 2
Разойдутся они, разойдутся они,
Разойдутся они, низко поклонятся. 2
Имъ ровня, имъ ровня,
Имъ ровня сравнялася;
Имъ люди, имъ люди,
Имъ люди диковалися, 2
Три раза, три раза,
Три раза цѣловалися.

1613.

Родимая моя сестрица
Покрасуйся-ка у родимаго батюшки,
Полюбуйся-ко у родимой матушки
Вставай-ка ранёшенька,
Чеши буйну головушку
Частымъ гребнемъ костянымъ!
Заплетай русу косу,
Вплетай алу ленточку,
Кисточку златую шелковую.

1614.

Какъ по полю, полю,
Широкому раздолью,
Летѣли двѣ птички,
Собой невелички.
Гдѣ они летѣли,
Тутъ люди глядѣли,
Гдѣ они садились,
Всѣ люди дивились.
Какъ по саду, саду,
Саду зеленому,
Парасковьюшка гуляла,
А Павлушка ходитъ
Свѣтъ Ивановичъ ходитъ,
Да Михайловну водитъ,
Ей и рѣчь говоритъ:
«Роди-ка ты сына,
Какъ бѣлаго сыра,
Роди-ка мнѣ дочку,
Бѣлаго снѣжочку.
За перву услугу
Куплю кунью шубу,
За другу услугу
Куплю лисью шубу.

1615.

И то не пава по сѣнямъ ходила,
Не павины перушки ронила:
По горенкѣ гуляла ходила
Свѣтъ душа, Парасковьюшка;
Ко кроватушкѣ подходила,
Родного батюшку будила:
«Ахъ ты, батюшка, пробудися!
Не годъ мнѣ у тя годовати,
Не недѣлюшку гостити;
Одну ноченьку ночевати;
И та пройдетъ во тоскѣ во кручинѣ.

1616.

Подымайтеся, вѣтры буйные,
Со всѣхъ четырехъ сторонъ!

Разнесите желты песка!
Подымися, громъ да молнія!
Пустись, калена стрѣла,
Разбей гробову доску,
Гдѣ лежитъ родной батюшко!
Раскройся черна парча,
Откройтесь, очи ясныя,
Распечатайтесь уста сахарны,
Отойдите отъ ретива сердца,
Отъ ретива сердца бѣлы рученьки,
Встань, пробудись, родной батюшко!
Подъ златъ вѣнецъ меня благослови вести.
— Нарядить меня есть кому,
Благословить меня некому.

1617.

Бьются у Михайловыхъ воротъ,
Бьются женихи у воротъ;
Просятъ свое, свое суженое,
Свое суженое, свое ряженое.
Вынесли жениху сундукъ съ бѣльемъ.
«Это не мое,—что не суженое,
Что не суженое, что не ряженое.
Просятъ свое, свое суженое,
Свое суженое, свое ряженое.
«Выведите мнѣ мое суженое,
Мое суженое, мое ряженое.»
Вынесли ему сундукъ съ платьемъ,
Сундукъ съ платьемъ, со всѣмъ животомъ.
«Это не мое—что не суженое,
Что не суженое, что не ряженое.
Выведите мнѣ Прасковью душу,
Свѣтъ Михайловну.
Вывели ему Прасковью душу,
Свѣтъ Михайловну.
«Это мое—мое суженое,
Мое суженое, мое ряженое.»
Взялъ онъ ее за бѣлы ручки,
За златые перстни
Повелъ онъ ее
Что подъ златъ, подъ вѣнецъ.

(Ср. выше № 1591.)

ВЕЛИЧАЛЬНЫЯ.

Женатому.

1618.

Какъ по меду, по меду по сыченому,
По сыченому подмоложеному,
Плавала чарка серебряная, —
Что серебряная, позолоченая.
Кто эту чарку перейметъ?
Перейметъ-то нашъ Селифонъ господинъ,
Селифонъ господинъ, свѣтъ Яковлевичъ,
Самъ изопьетъ и женѣ поднесетъ:
«Пей-ка, жена молодая моя!»
— «Прочь, не хочу! прочь не хочется!
Ужъ мнѣ же, младенькѣ, немножко спалось,
Немножко спалось, много видѣлось:
Быдто у насъ на широкомъ дворѣ
Выростала шелкова трава, —
Шелкова трава, полушелковая.
Разцвѣли же цвѣточки лазоревы,
Ходитъ сизый павлинъ да и съ павушкою.
— А я тебѣ, милая, сонъ разсужу:
Сонъ разсужу, по словамъ разскажу:
Этотъ сизый павлинъ,—то и я господинъ,
Сизая павушка—ты у меня,
Голубые цвѣточки—то наши сыночки,
Розовые цвѣточки—тѣ наши-те дочки.
Слышишь ли Селифонъ и проч.

1619.

Леталъ голубь, ворковалъ,
Ко терему припадалъ.
Кто во теремѣ сидитъ
Очень громко говоритъ?
Вотъ Семенъ-отъ со женой,
Феклистовичъ со душой
Маша скажетъ: мой соколъ,
  Слышишь ли Василій сударь?
  Величаемъ тебя,
  Слышишь ли Ивановичъ сударь?
  Тебѣ пѣсни поемъ и проч.

Отцу и матери жениха.

1620.

Стой мой теремъ златоверховатъ!
Во томъ теремѣ тесовая кровать;
На той на кроватѣ перина лежитъ,
На той на перинѣ зголовье стоитъ,
На томъ на зголовьѣ подушка лежитъ,
На той на подушкѣ, подъ одѣяломъ,—
Подъ одѣяломъ Иванъ свѣтъ лежитъ,
Иванъ душа лежитъ, свѣтъ Ивановичъ,
Бѣлая лебедка Степахонька,
Бѣлая лебедка Игнатьевна.
Межъ ними-то вьется не златъ перстень,—

Златъ Павелушко перстень,
Златъ перстень да Ивановичъ.
— Слышишь ли Иванъ-сударь?
Величаемъ тебя,—
Слышишь ли Ивановичъ
Тебѣ пѣсни поемъ?
Слышишь ли Степафонька (х)
Величаемъ тебя?
Слышишь ли Игнатьевна
Тебѣ пѣсни поемъ
Вамъ честь воздаемъ? и проч.

Жениху.

1621.

Какъ у свѣтлаго мѣсяца
Часты были звѣздочки,
Какъ у краснаго солнышка
Золоты были лучицы,
Золоты, позолочены. —
Какъ у добраго молодца,
У Павла у Иваныча
Въ три ряда кудри завивалися,
Всѣ бояра дивовалися.
«Не дивуйтеся, бояра,
Не дивуйтеся, большія!
Я не самъ голову чесалъ,
Я не самъ кудри завивалъ, —
Чесала голову матушка,
Завивала кудри сестрица,
Завивала, приговаривала:
Служить бы тебѣ, брателко,
При полку да полковничкомъ,
При сенатѣ сенаторщикомъ,
При губернѣ губернаторомъ.
Ты поѣдешь, мой брателко,
По сужена свое ряжено,
Не оставляй копя середи пути,
Середи пути, середь дороженьки.
Въѣдешь, брателко, къ тестю на дворъ,
Къ тестю ко бояриву,
Ко боярину, къ большому барину, —
Ты отдай копя конюхамъ,
Накормили бы пшеницею,
Напоили бы сытицею.
Ты взойдешь на красенъ крылецъ
Ты взойдешь во новы сѣнички, —
Обтирай рѣзвы ноженьки,
Объ ковры-то шелковые.
Ты взойдешь во нову горенку,
Ты ли низко Богу молишся?
Ты ли низко тестю кланяешься,
Да не ниже того тещенькѣ?
Ты взойдешь за занавѣсочку, —
Ты узнай сужено ряжено.
Твое сужено ряжено
Во цвѣтномъ платкѣ шелковомъ,
Во шелковомъ подвѣнечныимъ.
Слышишь ли, женишекъ
Величаемъ тебя?
Слышишь ли, хорошенькій,
Тебѣ пѣсни поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ?
Во всю бесѣдушку смиренную
Всѣ гости званные, небывалые.
Во платкѣ гривна шевелится,
На ребрышкѣ становится,
Къ намъ, дѣвкамъ, *нарохтится*[1]).
Еще намъ деньги надобны,
Намъ на бѣлыя на бѣлилы,
Намъ на алыя на румяны,
Намъ на черныя на сурмины.

Тысяцкому.

1622.

Тысецкой, тысецкой,
Ты чесной человѣкъ!
Слышишь ли, разумѣешь ли,
Мы про тебя пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ?
Честь и хвала — право лучше всего.
Васильюшкомъ называемъ,
Иванычемъ величаемъ.
У тебя жена умная, —
Умная Авдотьюшка, разумная,
Она тебѣ сына породила, —
Сына, какъ ясна сокола,
Свѣтъ Петрушеньку.
И еще дочерь породила, —
Дочерь, какъ бѣлу лебедь.
Что ты, тысяцкой,
Слышишь ли, разумѣешь ли,
Мы про тебя пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ?
Честь и хвала — право лучше всего.
Ты Васильюшко здогадайся,
На рѣзвы ножки становися!
У тебя гривна шевелится,
На ребрушка становится,
Къ намъ, ко пѣвицамъ, катится.
Насъ-то пѣвицъ немножко —
Сорокъ пѣвицъ со пѣвицей,

---

1) Въ слов. Даля: *нарохтиться*—порываться, храбриться, собираться на какое дѣло.

Пятьдесять молодицъ съ молодицей,
У насъ горлы пересохли.
Пойдемте пѣвицы на рѣчку,
Изопьемте пѣвицы водицы,
Студеныя воды ключевыя!

(Тысецкой идетъ поить ихъ пивомъ.)

Какъ у тысацкаго бородка!
Какъ у тысацкаго головка!
Какъ за эту за головку царь любитъ,
По этой головкѣ царь гладитъ,
Приближоннымъ называетъ:
Приближенный воевода
Охочь воевать на добромъ конѣ,
Аль инда рѣчь замолвить путемъ,
Путемъ—разумомъ подъ ладъ и подъ стать.
Слышишь ли Тысецкой
Тебѣ пѣсню поемъ?
и т. д. (какъ въ предыдущей).

Большому боярину.

1623.

У нашего крестьянина;
У большаго боярина
Сыновья его хорошіе,
Дочери его пригожіе.
Дай ему, Господи,
Большаго сына женити,
Большую дочь замужъ отдати.
У князя молодаго, у княгини молодыя
Что большой бояринъ:
Слышишь ли и разумѣешь ли
Мы про тебя пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ;
Честь и хвала,
Право, лучше всего и т. д.

Большой бояринъ идетъ и поитъ ихъ пивомъ.

Свахѣ.

1624.

Не взбушуй, холоденъ вѣтерокъ!
Не раскачай звонкій колоколъ!
Не разбуди у Ивана жену,
Не разбуди у Панфилыча жену!
Вечоръ она во пиру была,
Съ пиру то пришла, сына родила.
Бабушка была съ повивальнаго двора,
Кумъ то былъ — офицерскій сынъ,
Кумушка была — офицерская жена,
Сваховька пригоженька!
Столь хорошо не прiѣзживала.
У свахоньки личико — снѣгу бѣлаго,
У свахоньки щеки — маку краснаго,
Маку краснаго, огороднаго.
Слышишь ли, свахонька?
Тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ;
Честь и слава — право лучше всего
и проч.

Это же величаніе припѣваютъ и всѣмъ замужнимъ женщинамъ,—гостямъ на большихъ смотрахъ.

Дружкѣ.

1625.

Не ходи ка ты, друженька,
Не ходи дружка хорошенькій,
По новымъ сѣнямъ,
По новымъ сѣнямъ рѣшетчатымъ!
Не бери-ка, друженька,
Свою огневицу серебряну!
Не подпаливай, друженька,
Не подпаливай русу косу,
Русу косу Агафьину!
Ты былъ, дружка, на ножку легокъ,
На ножку легокъ, на посылочку:
Куда дружка повернется —
Все тутъ медъ и патока.

Холостому.

1626.

Кто изъ насъ лучше,
Кто красовитѣй?
— Николай изъ насъ лучше,
Лукичъ красовитѣй:
Личико бѣлаго снѣгу
Щечки-то алыя,
Алѣй маку алаго,
Алѣй огороднаго;
Походка павлиная,
Рѣчь лебединая.

Свѣтъ ты Николенька,
Лукичъ свѣтъ хорошенькій!
Взять бы тебѣ женушку
Изъ Москвы бѣлокаменной,
А съ ней теремы серебра
Да бугры живота:
Слышишь ли, Николай сударь?
Слышишь ли, разумѣешь ли?
Тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ;
Честь и хвала — право лучше всего.

1627.

Во теремѣ дѣвки сидѣли,
Дѣвки орѣшки щелкали,
За окошко скорлупки бросали,
Молодымъ парнямъ назолу давали.
Да и Григорій сударь хорошенекъ,
Да и свѣтъ Ивановичъ пригоженекъ;
Его матушка породила,
Его сестрица хоронила,
По пуховой перинѣ катала,
Гребешкомъ кудри чесала.
За то его дѣвки любили,
Во теремъ его уводили,
Калачемъ его накормили,
Да сытой его напоили.
Изъ терема его проводили,
На добра коня посадили,
Шелковую плеть въ руки дали,
Со двора его проводили,
Да во слѣдъ ему поклонились.
Слышишь ли, Григорій сударь,
Слышишь ли, разумѣешь ли?
Тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ;
Честь и хвала,
Право, лучше всего, и проч.

Если кто нибудь не дастъ денегъ за величанье, — пѣвицы продолжаютъ:

Мы не хаемъ тебя, величаемъ,
По имени называемъ,
По отечеству величаемъ.
Вотъ поѣхалъ Григорій воевати
По чисту полю, по подполью,
Разбилъ горшки да корчаги,
Иступилъ онъ булатный мечъ,
Булатный мечъ о черенья,
Натянулъ онъ тугой лукъ,
Пустилъ калену стрѣлу,
Калену стрѣлу въ кучу *назьму* [1]).

Изъ рукописн. сборника Н. А. Александрова.

[1]) Навбзу.

Той же губ. Глазовскаго уѣзда, село Ухтымское.

Свадебный обрядъ.

Въ назначенный день брака поѣзжане собираются въ домъ жениха. Женихъ съ родными и поѣзжанами, помолились Богу, падаетъ въ ноги отцу, матери и всѣмъ лицамъ участвующимъ въ свадьбѣ. Родители благословляютъ сына своего иконою, изображая оною надъ головою его крестное знаменіе, и черезъ голову передаютъ икону дружкѣ. Дружка получа икону, кричитъ: «Господи Іисусе, помилуй насъ. Отецъ Богомъ данный, мать богоданная! умѣли свое дитя вспоить, вскормить, умѣйте благословить, подъ златы вѣнцы поставить. Чѣмъ благословите? Хлѣбомъ, али солью, добрымъ словомъ, златомъ, сребромъ, али св. иконой?» Отецъ отвѣчаетъ: всѣмъ благословляю: «хлѣбомъ и солью и добрымъ зловомъ, златомъ, сребромъ и святой иконой.» При выходѣ поѣзжанъ изъ дому дружка обращается къ неодушевленнымъ вещамъ и маленькимъ дѣтямъ, прося у нихъ благословленія:

Благословляйте: Кутяна, полотяна, середяна, маленькіе робенки, синіе пупки, свиные желудки!

Дружка отправившись съ поѣздомъ за ворота дома, встаетъ на ноги (въ телѣгѣ или на саняхъ) скидаетъ шапку или шляпу (шапки должны скидывать всѣ поѣзжане) и кричитъ: «Господи Іисусе, помилуй насъ! Князь молодой, тысяцкой, поневѣсенка, большіе бояре, малые бояре, дружье, подружье, запятницы, всѣ ли въ скопу, всѣ ли въ сборѣ? все ли взяли, чего не забыли ли? Думайте. Благословите меня, дружку, впередъ ѣхать, путь-дорожку править!» — «Богъ благословитъ!» отвѣчаютъ». — Дружко всегда ѣдетъ впереди поѣзда, держа икону въ рукахъ, и бываетъ постоянно изъ числа кондуновъ (пухтаревъ) и заговаривается при всякой встрѣчѣ: «отъ бабы самокрутки, отъ дѣвки пустоволоски, отъ двоежена простека, отъ краснаго и рыжаго, отъ еретика, клеветника и русова попа, отъ прычищъ, озѣвищъ, уроковъ» и проч.

По пріѣздѣ къ невѣстѣ, въ сѣняхъ, стоя у запертыхъ дверей избы, дружко кричитъ: «Сватъ да сватья! ждете ли свадьбу? — Ѣдемъ на вашемъ полѣ, на нашихъ коняхъ, подъ коврами, подъ черными соболями. Кони вороные, сани дубовые, запетницы молодые—ѣдутъ къ свату въ ограду, вяжутъ коней къ дубову столбу, къ золоту кольцу. Сватъ да сватья! на нашихъ коняхъ сѣна по коннѣ, овса по *зобнѣ* [2]). Этимъ же конямъ сѣна зелёнова, овса толчёнова, хлѣба печенова;

[2]) Плетенка, кошель, кузовокъ, лукошко. Слов. Даля.

конямъ — конюха, къ дверямъ — придверника, къ заслону — запешпова, къ столу — стольника, на столъ скатерочки переборчатыя, ставчики рѣшатчаты, ложечки кленовыя, полотенца шелковыя.»

Послѣ такого воззванія отпирается дверь съ радушнымъ привѣтомъ: «Милости просимъ, заходите въ избу.»

Если дружко по какому-либо случаю, забудетъ прочесть означенное *присловіе*, то сватъ не позволяетъ давать лошадямъ поѣзжанъ ни овса, ни сѣна, хотя бы лошади полдни и больше не принимали пищи, и воспрещаетъ домашнимъ имѣть присмотръ за ними, хотя бы кто изъ недоброжелателей укралъ даже лошадь со двора, — хозяинъ не подлежитъ отвѣтственности.

Невѣста въ сопровожденіи попевѣстницы выходитъ съ *середы* (мѣсто въ избѣ противъ печки), униженно кланяясь поѣзжанамъ. Безъ церемоній, безъ приговорокъ, женихъ, невѣста и поѣзжане несадятся за покрытый столъ. Зажегши свѣчу передъ иконой, встаютъ всѣ и молятся Богу при чтеніи дружкою молитвы: Отче нашъ ... потомъ снова садятся на мѣста. Отецъ и мать невѣсты, стоя на ногахъ, позади поѣзжанъ, непремѣнно обязаны первые вкусить, въ постный день, по три куска рыбы, а въ скоромный — студень съ квасомъ. Сватъ да сватья, исполнивъ необходимую обязанность, кланяются гостямъ и просятъ ихъ обѣдать: обѣдайте гости. Женихъ и невѣста до совершенія брака не вкушаютъ пищи.

Послѣ обѣда дружко съ жениховымъ пивомъ, а отъ невѣсты избранный родственникъ съ дарами, подходятъ къ жениху, подносятъ стаканъ пива и дарятъ его невѣстинымъ платкомъ, приговаривая: «Нашъ князь новобрачный бьется хлѣбомъ солью и добрымъ словомъ: испей пивца, не истомя, излюбя, отъ нашего князя новобрачнаго и подарки прими!» Поѣзжанъ дарятъ лоскуткомъ холста. — Дружка, предъ каждымъ изъ нихъ во время принятія подарковъ, читаетъ молитву: Господи, Іисусе помилуй... и слѣдующее присловіе: Наша княгиня не по лѣсу ходила, не лыка драла, не лапти плела, — пряла да ткала, дары смышляла: тонко пряла, звонко ткала, бѣло бѣлила, за конецъ волочила, поѣзжанъ снарядила.»

Получа подарки, всѣ садятся на лавки, потомъ встаютъ и тихо молятся Богу. Помолившись родители благословляютъ невѣсту иконою. Дружко, принявъ икону черезъ голову невѣсты изъ рукъ отца ея и матери, читаетъ: «Господи Іисусе помилуй насъ! Отецъ Богомъ данный, мать богоданная, умѣли свое чадо вспоить, вскормить, умѣйте благословить, подъ златы вѣнцы поставить. Чѣмъ благословите свое чадо, хлѣбомъ, али солью, добрымъ словомъ, али св. иконой, али златомъ и серебромъ?» — Отецъ и мать отвѣчаютъ: «всѣмъ благословляемъ: хлѣбомъ и солью и добрымъ словомъ и св. иконой и златомъ и серебромъ». — Послѣ сего поѣздъ отправляется. Отъѣхавъ немного отъ дома, дружка встаетъ на ноги, снимаетъ шапку и читаетъ: «Господи Іисусе помилуй насъ!» Всѣ ли въ скопу; всѣ ли въ сборѣ? по што пріѣзжали, то не забыли ли? Тысяцкой, попевѣсенка, большіе бояра, малые бояра, дружье подружье запятницки! зачѣмъ пріѣзжали, то не забыли ли? Благословите меня, дружко, напередъ ѣхать, путь дорожку править!» Дружка снова возвращается въ домъ свата съ приглашеніями: «Сватъ, да сватья! пожалуйте къ намъ на свадьбу, на нашего князя посмотрѣть и молодую княгиню!» За приглашеніе сватъ подаетъ дружкѣ рюмку вина и стаканъ пива.

Послѣ брака отецъ и мать жениха встрѣчаютъ новобрачныхъ у крыльца съ рыбнымъ пирогомъ и пивомъ. Новобрачные по три раза откусываютъ пирога и запиваютъ пивомъ. При входѣ въ избу, при горящей свѣчѣ предъ иконой молятся Богу и садятся за покрытый столъ. Отецъ и мать жениха снимаютъ со головы молодой ширинку (большой платъ), покрываютъ и обвертываютъ ею головы новобрачныхъ и ударяютъ голову молодого объ голову молодой. Послѣ такого обряда начинается обѣдъ. — Послѣ обѣда, помолившись Богу, дружка читаетъ молитву: «Господи Іисусе, помилуй насъ! и затѣмъ говоритъ Отецъ Богомъ данный, мать богоданная, благослови свои чада на подклѣть свести и опоченуться. Передяна, середяна, кутяна, полотяна, мнѣ приказано каждова звать, а и кому надо стыдъ знать.» На подклѣтѣ пируютъ. При окончаніи пира новобрачные подносятъ отцу, матери и поѣзжанамъ стаканъ пива и рюмку вина, и кланяются въ ноги. — Каждый обязанъ дать имъ на подносъ по грошу и по два въ подарокъ. — Поѣзжане возвращаются въ избу. — Снова начинается пиръ. Дружка открываетъ его, подноси каждому изъ поѣзжанъ стаканъ пива и предъ каждымъ изъ нихъ долженъ приговаривать: «Ножки съ подходомъ, ручки съ подносомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ: испить пивца яснаго молодца прекраснаго, города Ростова, барина Толстого. Поѣхалъ за море торги торговать — по атласъ, по бархатъ и на немъ шубка соболья, сапожки козловы, рукавички рогозьи; ходитъ — ножками потопываетъ, рукавкомъ похлопываетъ, глазкомъ помигиваетъ. Дай тебѣ, Господи, дваста бы конь, полтораста-бы мериновъ семьдесятъ барашковъ все скакуновъ, на полѣ приростъ, на гумнѣ — примолотъ, на мельницѣ примолъ, въ квашнѣ — споринья; садила бы *петь*, вынила бы шесть.»

Невѣста въ день брака надѣваетъ на себя двѣ сорочки (рубахи), на верхнюю накладываетъ скатерть и подвязываетъ шерстянымъ поясомъ, одну изъ нихъ должна готовить на смерть; поясомъ опоясываютъ перваго новорожденнаго младенца, въ надеждѣ на долгую его жизнь; скатерть кладутъ подъ голову болящему младенцу отъ *уроковъ*, За пазуху невѣсты полагаютъ: мыло отъ болѣзни глазъ, шерсть, чтобъ множились овцы, — лепъ, чтобъ родился долгой, деньги жить богато, — калачъ и гребень, — гребнемъ молодая расчесываетъ голову послѣ брака, а калачъ съѣдаютъ новобрачные.

Этотъ свадебный обрядъ вполнѣ исполнялся прихожанами села Ухтымскаго, при каждой свадьбѣ, — безъ этого была свадьба не въ свадьбу; но нынѣ по настоянію священниковъ, совершенно оный прекращается, такъ что чрезъ нѣсколько времени забудется самими тѣми лицами, которыя мнѣ передали въ томъ видѣ, въ какомъ мною описанъ.

Зап. свящ. А. П. — Изъ матеріаловъ архива И. Р. Геогр. Общества. Списано мною въ 1868 г.

IV. Олонецкой губерніи.

Пудожскаго уѣзда.

После просватанія невѣсты:

1628.

Мнѣ сидѣть мнѣ-ка не высидѣть,
Одной думишки не выдумать,
Скрось потай мнѣ словъ не высказать,
Сквозь рукавъ да слезъ не выронить.
Какъ повыстать красной дѣвушки
Мнѣ на рѣзвые на ноженьки,
На софьяные башмачечки,
На бумажные чулочечки, —
Какъ пойти мнѣ красной дѣвушки
По полаты грановитой,
По усадьбы красовитой, —
Ошибилася, проступилася,
На словѣ проговорилася.
Какъ усадьба красовитая, —
У царицы въ зеленомъ саду,
Какъ полата грановитая, —
Во матушкѣ въ каменной Москвѣ.
Какъ пойти мнѣ, подневольницы,
По высокой новой горницы:—
«Отодвинтесь, люди добрые,
Отшатнитесь православные,
Дайте мѣстечка немножечко,
Мнѣ пройти до красной дѣвушки
Со бажоной [1]) дорогой волей!»
— Плясуны да на новы сѣни:
Кто играть да костью, картами, —
Тотъ къ сусѣдушку въ бесѣдушку:
Кто пьетъ да зелено вино, —
Тотъ къ братцу на кольчужной дворъ.
Красны дѣвушки по лавочкамъ,
А молодцы по скамеечкамъ.
Какъ сказали красной дѣвушкѣ, —
Какъ въ почотномъ большомъ углу
Сидятъ гости незнакомые,
Всѣ гости, купцы торговые,
Какъ торгуютъ дорогу волю
У кормильца, свѣта батюшка,
У добрбтушки у матушки.
Какъ свѣтло-ли свѣчи топилися?
Какъ слезно-ль Богу молилися?
На пробитье дорогой воли?
Ужъ какъ всѣ-ль были святители?
Во дому-ль были родители?
Пробивать да дорогой воли
Какъ за этого чужанина,
За млада сына отецкаго?—
Отвернуться красной дѣвушки
Ко кирпичной бѣлой печенкѣ,
Ко муравленому жарничку, [2])
Какъ спросить да красной дѣвушкѣ
У муравленаго жарничка:
Кто огнью былъ выдувальщикомъ?
Кто свѣчи былъ зажигальщикомъ?
— Сама знаю, сама вѣдаю:
Выдувала огонь матушка,
Зажигалъ да свѣчку батюшка.
Еще какъ ручки здымалися,
Въ ручкахъ пальчики сгибалися,
Зажигать да восковой свѣчи
Пробивать да дорогой воли».

[1]) Божаный—желанный, милый. Слов. Даля.

[2]) Въ слов. Даля: жарникъ — большой огонь въ полѣ, особенно по ночамъ, при осенней молотьбѣ.

Во свѣчу-ль огни задуваны?
Аль въ лучинучку зажиганы?
Ужъ какъ этая лучиночка
По три года была вожжена,
По три года она щипана,
Къ той поры она бережена,
Выдувать да огни плящія [1]),
Зажигать свѣчу восковую,
Пробивать да дорогу волю.—
Отвернуться красной дѣвушки
Во почотной во большой уголъ,
Помолиться, поклониться
Пресвятой да Богородицы
За кормильца, свѣта батюшки,
За добротушку за матушку.
Самому да свату большому
Во кисель да задавится,
Въ молоко да захлибнутися!
Какъ ступень ступитъ— нога сломитъ,
Какъ другой ступитъ—друга сломитъ!
Оттяните стола зà стѣну,
Какъ возьмите гостя зà руки,
Отведите гостя зà двери.—
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ кормилецъ свѣтъ-то батюшко,
И сердечные родители?
Вы что ходите, скрываетесь,
На глаза мнѣ не являетесь?
Ужъ какъ увидѣла обозрѣла
Сквозь туманъ да горючи слёзы,
Скрось великую обидушку
Своего кормильца батюшку,—
Какъ спрошу, бѣдна горюшница,
У кормильца, свѣта батюшка,
У добрушки у матушки:
Какъ зачимъ волю неволили,
И головушку заботили,
Какъ за этого чужанина
За млада сына отецкаго?
Какъ у этаго чужанина
Нѣтъ не стоговъ перегодныихъ,
И засѣковъ безызводныихъ.
Ужъ какъ этотъ чужъ отецкой сынъ,—
Онъ играть да костью, картами,
Онъ ужъ пьетъ да зелено вино,
Онъ бутылкамъ Богу молится,
Полуштофамъ поклоняется,
Да со рюмкой забавляется.
Ужъ какъ повыбрали родители,
Какъ не франта Петербургскаго,
Да не щеголя Московскаго,—
Ужъ какъ кабацкую потпорыпу,
Подорожную калужину.

[1]) пылающіе.

Ужъ мнѣ надо, красной дѣвушкѣ,
Держать очи во чистомъ полѣ,
Бѣлы руки на заложечки.—
Надоѣла напрекучила
Какъ сердечнымъ родителямъ,
Вѣрно поючись да кормючись,
Бѣлы плечка одѣваючись,
Рѣзвы ножки обуваючись,
На вечерочку спускаючи,
Мнѣ ворота отложаючи
Со весёлой со бесѣдушки.
Еще гдѣ есть у бѣднушки,
Мои сродцы, мои сродники:
Братецъ, красно мое солнушко,
Братецъ, бѣло мое свѣтушко,
Братецъ, яблонька кудрявая,
Братецъ, грушица зеленая!
Ужъ вы что за мной прослышали:
Аль худу славушку завѣдали?
Аль пусто-славица заслышали?
Жонаты-ль мною похвастали?
Аль холостые насмѣялися?
Какъ неволитъ дорогу́ волю,?
Какъ за этого чужого,
За млада сына отецкаго,
Не пойду да не подумаю
За млада сына отецкаго,
И никого я не послушаю.

Утромъ передъ дѣвичникомъ собираются родственники и подруги невѣсты.—Мужчины послѣ завтрака—(или угощенія). Они должны ѣхать зазывать гостей на свадьбу, потому они называются зазывателями,—а дѣвушки съ невѣстой ѣдутъ съ добровтоля, т. е. собирать дары у родни.

Отпускъ зазывателей. Невѣста садитъ ихъ за столъ и причитаетъ:

1629.

Вы поѣште да покушайте,
Вы любезны милы дядевья,
Какъ безъ гуся да безъ лебедя,
Безъ сѣрой да малой утушки,
Безъ трепущей свѣжей рыбушки.
Какъ по моему счастьицу,
Не словилъ кормилецъ батюшко:
Какъ вода съ пескомъ смутилася,
Рыба въ глубь да обрядилася,
Оружье не разрядилося,
Порохá не загорѣлися,
Не стрѣлилъ до сѣрой утушки.
Ужъ вы съѣздите, пожалуста,

Ко всимъ сродцамъ, ко всимъ сродникамъ;
Ко сердечнымъ родителямъ
На Михайловскую буевку [1]).
Не поспѣли ко плотному рукобитью,
Такъ поспѣй ты кресна матушка [2]).
Ко косному разплетаньицу.
Поспѣвала красна матушка
Ко купели ко святой воды,
Такъ поспѣй-же ты божатушка [3]),
Ко разлуки дорогой воли,
Ко теплой да парной баенки.
Обращаясь къ родителямъ причитаетъ:

1630.

Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ кормилецъ свѣтъ-то батюшко,
Да добрушка матушка.
Еще дайте, пожалуста,
Мнѣ лошадушекъ устáнныхъ,
Во первыхъ да во послѣднихъ, —
Сходить, съѣздить прокатится
Со бажоной дорогой волей.
По всему да роду племени.

Послѣ этого всѣ выходятъ; мужчины садятся на однихъ лошадей,—а невѣста съ подругами особенно—и отправляются всѣ на кладбище,— гдѣ невѣста приглашаетъ усопшую родню на слезливую свою свадьбу, причитая очень мало.

Оттуда мужчины уѣзжаютъ приглашать па свадьбу и встрѣчая по дорогѣ кого нибудь, кланяются, приговаривая: «Къ князю молодому хлѣба соли кушать».—А невѣста отправляется съ подругами, которые поютъ различные пѣсни, въ другую сторону за сборомъ даровъ и пріѣзжая подъ крыльцо, причитаетъ:

1631.

Вы устойтесь, добры кони,
Удержите-ко, извощики.
Вѣрно рады меня бѣднушку.
И бажону дорогу волю.
Какъ стрѣчай, сестрица милая,
Не впервыхъ да не впослѣднихъ
Помолиться, да поклониться
Пресвятой да Богородицы.
Сберегп, сестрица милая,
Какъ отъ этого чужанина,
Отъ млада сына отецкаго.
Ты во домъ возьми работницей,
А во хлѣвъ возьми коровницей,
На гумно да замолотчицей:
Пора времячко оттянется,
Я во дѣвушкахъ останусь.
Отрѣжь косу по пастушьему,
Ходить буду по старушьему.
Ужъ ты приди, сестра милая,
На веселу мою свадебку,
Ко теплой да парной баенкѣ,
Ко косному расплетаньицу,
Какъ по вечеру по позднему.

Отвѣтъ сестры невѣсты.

1632.

«Ты поди, моя голубушка,
Во почотной во большой уголъ,
Со подружками драгими!
Стану ставить столы дубовые,
Стлать скатерти камчатные,
Носить ѣствица сахарнія,
Ставить питьица медовые
Купью шубу соболиную
Снесу въ клѣть да въ коробеечку.
Дамъ работу не тяжѣлую,
Дамъ-те пялушка точоные,
Шить узоры немудреные.
Пора времечко оттянется,
Ты во дѣвушкахъ останешься.
Ты скажи, моя голубушка,
Ты, сестрица моя милая!
Кто неволилъ дорогу волю?
Ты-ль сама волю неволила,
И головушку заботила,
Какъ за этого чужанина,
За млада сына отецкаго?
Онъ игратъ да костью, картами,
Онъ ужъ пьетъ да зелено вино.
Какъ сама волю неволила,
Буди проклятъ, красна дѣвушка—
Воля лѣтнее гуляницѣ,
Воля зимнее катаницѣ,—
На головушкѣ легошенько,
На сердцѣ да веселешенько.

[1]) Кладбище.
[2]) Здѣсь у невѣсты не было крестной матери,— а если изъ родственниковъ кто —нибудь умеръ—то ихъ вспоминаетъ невѣста: непоспѣли къ рукобитью такъ поспѣй ты, милый дядюшка,—дорога—тетушка и т. д.
[3]) Крестная мать.

(Подаетъ подарки).

Ты прійми, моя голубушка,
Небольши мои подарочки!

Невѣста беретъ подарки и причитаетъ:

1633.

Какъ покорно благодарствую,
Ты сестрица моя милая!
Какъ чесно даришь, жалуешь,
Всѣмъ подруженкамъ позавидаешь,
Добрымъ людямъ на дивованье.
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Братецъ, красно мое солнушко,
Красно бѣло мое свѣтушко—
На слезную мою свадебку,
Какъ по позднему по вечеру,
За мной слѣдъ да провожатымъ,
Ко теплой да парной баенкѣ,
Ко косному росплетаньицу, —
Приходи ты красно солнушко.

Послѣ этого невѣста, садясь за столъ, причитаетъ:

1634.

Какъ пойти мнѣ, красной дѣвушкѣ,
На брусову бѣлу лавочку,
Не впервыхъ да не впослѣдпихъ,
Подъ косящето окошечко?
Какъ которое окошечко
Сберегало меня дѣвушку
Въ лѣтню пору отъ прохожаго,
Въ зимню пору отъ проѣзжаго.
Не сберегетъ-ли меня, дѣвушку,
Какъ отъ этого чужанина,
Отъ млада сына отецкаго?

Закусивъ, невѣста встаетъ со стола и причитаетъ:

1635.

Какъ покорно благодарствую,
Какъ на кушаньяхъ сахарніихъ,
Да на питьицахъ мёдвяныихъ!
Какъ гостите-ко, пожалуста,
За мной слѣдъ да проводницей,
На веселу мою свадебку,
Помолиться да поклониться
Пресвятой да Богородицы.

Послѣ этого уходятъ. Тоже самое причитается и у другихъ родственниковъ, только вмѣсто сестры—тетка—сватья и т. д.

Возвращаяся съ *добровта* невѣста причитаетъ у родителей:

1636.

Вы устойтесь, добры кони,
Удержите-ко, извощики,
У перёнаго крылечушка!
Ты встрѣчай, родитель батюшко,
Ты встрѣчай, родима матушка!
Ужъ я ѣздила каталася
По всему да роду племени
Со бажоной дорогой волей;
Нигдѣ гостя не унимано,
Кунья шуба не скидывана,
Во тёмну клѣть не снесено,
Въ коробеечку не замнута.
Прошла ископыть конипая,
Прошлась сбѣгъ да лошадиная
Проѣзжалъ да чужъ — отецкой сынъ,
Я отъ страха ужаснулася,—
Мною дѣвушкой похвастывалъ.
Ужъ я ѣздила, каталася,
На Михайловску на улицку,
На Михайловску на *буевку*,
Какъ ко кресной своей матушкѣ,
Какъ просила прощеньица,
И большаго благословенница.
Ужъ какъ ихнее прощеньице —
Есть большо благословеньице.
Изъ подъ камешка повыздынетъ,
Изъ сиия моря повыкинетъ,
Во Литвы жить за бояриномъ
Во Сибири за татариномъ.
Приходи ты, красна матушка,
По вечеру по позднему,
На слезливу мою свадебку,
Ко теплой да парной баенкѣ,
Ко косному росплетаньицу.

Во время вечеринки, т. е. дѣвичника, дѣвушки поютъ различные плясовые пѣсни. Когда дѣвичникъ кончается, тогда невѣста причитаетъ:

1637.

Ужъ вы послушайте, пожалусто,
Вы подружки мои любушки,

Ужъ вы ключницы ларечницы,
Дорогой воли наслѣдницы!
Отыщите-ко, пожалуста,
Какъ сердечныхъ родителей,
Моего кормильца батюшку
И добрóтушку матушку.
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ кормилецъ свѣтъ-то батюшко;
Какъ на такомъ страху не бывано,
Такова страха не видано,
Какъ севодняшняго денечка:
Какъ по позднему по вечеру,
Пристыдилъ да чужъ отецкой сынъ,
При всёмъ родѣ, при всемъ племени,
При сердечныхъ родителяхъ,
Цѣловалъ да во бѣлу щеку,
Прижималъ да за бѣлу руку,
Много грозъ онъ мнѣ угражавалъ,
Да страстей онъ *задавалъ*:
«Какъ возьму я молоду жену —
Ужъ я ее да повыучу,
Я ее да повышколю.»
 Отъ того страху великаго
Тонка бѣлинка рубашечка
По уточкамъ разтыкалася.
Какъ цвѣтные мои платьица,—
Всѣ по швамъ да роспивалися,
Крупны скачны мои жемчуги—
По поламъ да розсыпалися.
Послѣ этакой обидушки
Мнѣ-ка много людей надобно:
Ужъ какъ первы люди надобны—
Соткать тоненьку рубашечку,
Ужъ какъ други люди надобны, —
Сошить цвѣтны мои платьица.
Ужъ какъ третьи люди надобны—
Собрать крупны скачны жемчуга.

На этомъ кончается дѣвичникъ.

На другой день невѣста, вставъ со сна, причитаетъ:

1638.

Еще гдѣ есть у бѣднушки —
Какъ кормилецъ, свѣтъ батюшко,
Да добротушка матушка
И подружки мои любушки.
Ужъ ты подай, кормилецъ батюшко,
Мѣдной тазъ да съ ключевой водой,
Бѣло мыло съ умываньями, —
Мнѣ повымыть, красной дѣвушки,
Мнѣ ужъ грязь да со бѣлá лица,
Мнѣ ужъ синь да со ясныхъ очей.
Какъ ночеся мнѣ мало спалося,
Мнѣ во снахъ много казалося:
Какъ въ крутомъ моемъ зголовьицѣ,
Какъ стоитъ гора великая,
Какъ во рѣзвыхъ во ноженькахъ
Проросла трава шелковая,
Какъ по правую сторонушку
Наставала туча тёмная.
Ты скажи, кормилецъ батюшко,
Ужъ мнѣ кто сонъ порòзсудитъ,
Вси причины порòскажетъ?
Вси причины есть великіе.
Ужъ ты съѣзди, пожалуста,
За три поля, за три чистыхъ,
За три морюшка глубокихъ,
Какъ за Іосифомъ Прекраснымъ
За деннымъ разсудителемъ,
За ночнымъ предводителемъ.
Ужъ онъ сонъ мнѣ поразсудитъ,
Всѣ причины повыскажетъ.
— Ужъ не ладно пріуладила,
Да не хорошо придумала,
Какъ лошадушки усталые,
Стали братьица упрямые, —
Не поѣдутъ, не послушаютъ
Какъ за Іосифомъ прекраснымъ.
Я сама да сонъ поразсужу,
Вси причины повыскажу:
Надъ крутымъ моимъ сголовьицемъ
Какъ стоитъ гора высокая, —
То судимая сторонушка,
Какъ у моихъ ногъ у рѣзвыхъ
Проростала трава шелкова, —
То мужъ удала головушка;
Какъ со правой со сторонушки,
Наставала туча тёмная, —
То свекровь, змѣя лютая.
Помолиться да покланяться
Пресвятой да Богородицы.
Ужъ я первый поклонъ пòложу—
За кормильца, свѣта батюшки,
Ужъ я другой поклонъ пòложу—
За родимую свою матушку,
Я еще да поклонъ пòложу—
За царя за благовѣрнаго;
Я еще да поклонъ пòложу—
За царицу милосердную,
Я еще да поклонъ пòложу —
За братцевъ ясныхъ соколовъ,
Я еще да поклонъ пòложу —
За сестрицъ своихъ голубушекъ;
Я еще да поклонъ пòложу —
За подружекъ своихъ любушекъ;
Я еще да поклонъ пòложу —

За солдатушекъ военныхъ:
Можетъ будутъ всѣ защитники,
За мою волю заступники.

Послѣ этого входятъ дѣвушки и зовутъ невѣсту въ баню и причитаютъ:

1639.

Ты пойди, наша голубушка,
Во теплую пáрну бáеньку,
Во бѣлую умываленьку!
Изъ лучины баня топлена
Со колодцевъ вода ношена,
Со двѣнадцати колодцевъ:
Какъ со перваго колодца —
Со дому подугольнаго,
Какъ со другого колодца —
Отъ Ивана Волосатаго,
Какъ со третяго колодца —
Со рѣки Твери свирѣпыя,
Какъ со четвертаго колодца —
Отъ Іоны Преподобнаго,
Какъ со пятаго колодца —
Отъ Макарья Многомилостиваго,
Какъ съ шестаго колодца —
Со шумячего Онегушка,
Какъ съ седьмаго колодца —
Со Иматрушки гремущей
Какъ съ осмаго колодца —
Что отъ Іосифа Прекраснаго,
Какъ съ девятаго колодца —
Отъ Корнелья Полеостровскаго,
Какъ съ десятаго колодца —
Со бѣла моря глубокаго,
Какъ двѣнадцатаго колодца —
Съ океанъ моря широкаго.

Затѣмъ невѣста причитаетъ такъ:

1640.

Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ кормилецъ свѣтъ батюшко,
Да добротушка матушка.
Ужъ подай, родитель матушка,
Мѣдный тазъ да съ ключевой водой,
Бѣло мыло съ умываньями.
Еще дай, родитель матушка,
Тонку бѣлую рубашку,
Какъ которая рубашечка
По три ночи была сшжена,
По три строчки была строчена:
Перва ноченька—Христовская,
Друга ноченька—Иванская,
Третья ноченька—Петровская.
Еще родитель матушка
За мной слѣдъ да провожатыихъ
До теплой до парной баенки,
До бѣлой до умываленьки. —
Перву ротушку— солдатушекъ,
Другу ротушку—матросушекъ,
По бокамъ да вороныхъ коней,
По заду да добрыхъ молодцевъ,
Во передъ да красныхъ дѣвушекъ.

Въ банѣ невѣстѣ расплетаютъ косу и обдаютъ ее водою (наколдованой отъ призору). — Выйдя изъ бани, невѣста причитаетъ:

1641.

Послѣ моего быванынца,
Послѣ моего хоженьица, —
Раскатись-ка, парна баенька,
Какъ по едной мостовиченькѣ,
По единой половиченькѣ.
До бѣла я не намылася,
Только съ волей разлучилася.
Какъ на полокъ воля бросалася, —
Бѣлой лебедью казалася;
Какъ на каменку бросалася, —
Бѣлымъ паромъ оказалася,
Во корытушко бросалася, —
Сѣрой утушкой казалася
На окно воля бросалася, —
Уснымъ (?) соколомъ казалася;
По окну воля щелкнула, —
Стала волюшка свиватися,
Меня, дѣвку, приклинатися:
«Какъ умѣла красоватися,
А не умѣла разставатися;
Какъ съумѣла волю выростить,
А не не съумѣла воли выпустить.
Буди проклята красна дѣвушка!»

Послѣ этого невѣста возвращается домой причитаетъ у родителей:

1642.

Погляди, кормилецъ батюшко,
Да родитель, моя матушка,

На меня, красну дѣвушку,
На бажону дорогу волю:
Такова-ль была снаряжена,
Во теплу баню отпущена?
Я до-бѣла не намылася,
Только съ волей разлучилася,
Худы даны провожатыи
Ко теплой да парной баеньки,
Ко бѣлой да умываленьки. —
Мимо теплу да парну баенку
Проѣзжалъ да чужъ отецкой сынъ,
Прошла йскопыть конинная,
Прошли сбѣги лошадиные, —
Торговалъ да дорогу́ волю
Какъ у вашихъ провожатыихъ.
Много давалъ злата серебра,
Много крупныхъ скачныхъ жемчуговъ,
Тридцать ведръ за зелена вина,
Сорокъ ведръ да пива пьянаго.
Я стояла, не стыдилася,
Въ тонкой бѣленькой рубашечкѣ,
Говорила, не боялася:
«Отъѣзжай да чужъ отецкой сынъ,
Отъ теплой да парной баеньки,
Отъ бѣлой да умываленьки!
Мои дядевья не пьяницы,
Мои братьица не бражники,
Красны дѣвки не распутницы;
Намъ не надо зелена вина,
Намъ не нужно пива пьянаго,
Крупныхъ скачныхъ твоихъ жемчуговъ.»
Какъ послѣ этой поры времени
Стали дѣвушки разбойницы,
Молодцы да подорожники,
Мои дядевьица пьяницы,
Милы братья стали бражники,
Какъ силомъ волю обсилили,
Грабежомъ волю ограбили
У теплой да парной баеньки.

Послѣдняя причта передъ вѣнцомъ, когда невѣста отдаетъ свою волю: т. е. ленту съ головы.

1643.

Какъ пойти мнѣ, красной дѣвушки,
По высокой новой горницы,
Во почотной во большой уголъ?
Какъ положить да дорогу волю
Пресвятой да Богородицы?
Дорога моя басуется [1]).
Полетай, бажена волюшка,
Какъ ко солнушку въ бесѣдушку,
Ко луны на утѣшеньице.
Ужъ я не ладно пріуладила,
Да не хорошо придумала:
Образа съ волей не водятся. —
Положу я дорогу волю
Выше плечъ да на головушку, —
Пусть-ка волюшка по старому,
Дорога моя по прежнему
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ родитель, моя матушка,
Красно тепло мое солнышко?
Ты возьми-тко дорогу волю,
Носи по годовымъ праздничкамъ,
Въ воскресенье ко обѣденки, —
Еще вѣкъ того не водится.
Отдана бабы дорога воля. —
Ужъ я кладу да дорогу волю
На свою буйну головушку, —
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ сестрица моя милая,
Ужъ какъ ключница ларечница,
Дорогой воли наслѣдница: —
«Ты возьми-тко дорогу волю
На свою буйну головушку!»
— Ужъ я неладно пріуладила,
И не хорошо придумала:
Что у дѣвушки двѣ волюшки.
Я кладу да дорогу волюшку, —
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ подружки мои любушки.
Какъ отдамъ дорогу волю
Я подружкамъ потаеннымъ.
—Уже я не ладно пріуладила,
Да не хорошо придумала:
Что у дѣвушки двѣ волюшки. —
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Братецъ, красно мое солнушко.
«Братецъ, бѣло мое свѣтушко,
Братецъ, грушица зеленая!
Ты возьми дорогу волю
На буйну свою головушку.»
—Ужъ я не ладно пріуладила,
Да не хорошо придумала:
Молодцамъ воля не надобна,
По прошпектамъ будутъ ходить,
Дорогой волей потряхивать,
Мною дѣвушкой похвастывать.
Положу я дорогу волю
Выше плечъ да на головушку: —
Пусть-ко волюшка по старому,
Дорога моя по прежнему. —
Положу я дорогу волю
Какъ на стѣнушку лицевую,
Да на стопочку точеную.

[1]) Отъ слова баско—красиво, басуется красуется.

Какъ я не ладно пріуладила,
Да не хорошо придумала:
Какъ поѣдетъ чужъ отецкой сынъ, —
Ужъ онъ схвати тъ дорогу волю,
Будетъ волей потряхивать,
Мною, дѣвкой, похвастовать.
Еще гдѣ есть у бѣднушки
Какъ кормилецъ мой-то батюшко,
Красно тепло мое солнушко:
«Ужъ ты пріими дорогу волю
Выше плечь да на головушку!
Ужъ какъ съумѣлъ волю выростить,
Ну съумѣй-же въ люди выпустить.
Еще дай-ко мнѣ прощеньице,
Да большо благословеньице
На судимую сторонушку,
Какъ съ богоданнымъ родителямъ.
На судимой на сторонушки
Веселой быть не смѣятися,
Набѣ скоро ходить не бѣгати,
Кручиной быть не заплакати.
Ужъ какъ часъ къ часу минуется,
Скоро време коротается,
Я со волюшкой разстануся,
Съ подъ неволюшкой спознаюся. —
Какъ бажена дорога воля
На головушки легешенько,
На сердцѣ да веселёшенько: —
Ужъ какъ проклята подневолица
На головушки тяжелешенько
На умѣ не веселешенько. —
Какъ во почетномъ во большомъ углу
Сидитъ гостья незнакомая.
Отодвиньтесь, люди добрые,
Разшенитесь, православные,
Не въ первыхъ да не впослѣднихъ!
Какъ пройти да красной дѣвушки
Со баженой дорогой волей:
«Ты вставай *брюдга* [1]) на ноги!
Еще когда меня повыучишь, —
Я напередъ тебя повышколю.

(Брюдга встаетъ и кланяется невѣстѣ).

Брюдга на честь накупалася,
Брюдга Богомъ заклиналася,
Брюдга братомъ похвалялася:
Что не пьетъ да зелева вина,
Не игратъ да костью, картами,
Не ходитъ въ сусѣдушки въ бесѣдушку,
Не сидитъ да до полуночи.
Отодвинь стола дубоваго
Откинь скатерть новобранную, —
Принимай да дорогу волю,
Предъ иконой предъ священной.
Отвори, брюдга, окошечко.
Пусть летитъ да дорога воля
Какъ ко солнушку въ бесѣдушку,
Ко луны во утѣшеньица.
Какъ возьмешь, брюдга, повыучишь,
Молоду жену повышколишь.

Кладетъ ленту, т. е. *свою волю*, на столъ и три раза кланяется брюдгѣ. — Послѣ этого невѣсту одѣваютъ къ вѣнцу, — затѣмъ всѣ садятся за столъ, въ ожиданіи поѣзда жениха, — и когда увидятъ, что ѣдутъ за невѣстой, тогда дѣвушки поютъ:

1644.

Изъ за лѣсу лѣсу темнаго
Наставала туча грозная,
Со дождемъ туча, со молніей
Съ великой Божіей милостью.
Воно ѣдетъ погубитель нашъ,
Воно ѣдетъ разоритель нашъ!

(Жениховы дружки входятъ и отвѣчаютъ за жениха).

Какъ не я ли погубитель вашъ,
Какъ не я ли разоритель вашъ, —
Разоритель вашъ, — батюшко,
Погубительница — матушка,
Расплетай косу — свашенька,
Увози съ двора — друженька.

Послѣ этого выкупаютъ невѣсту—даютъ матери *качальную* полтину, — а дѣвушкамъ бросаютъ, торгуясь, деньги, на пряники. — Тутъ невѣста кланяется всѣмъ въ ноги и испросивъ у родителей благословенія, уѣзжаютъ къ вѣнцу.

Запис. бывшимъ студентомъ Петербургскаго университета дворяниномъ Витебской губерніи Феликсомъ Осиповымъ Слезіеръ.

[1]) Брюдга — женихова сестра.

V. Новгородской губерніи.

Свадебный обрядъ и пѣсни въ Крестецкомъ уѣздѣ въ с. Ватагинѣ.

Послѣдовательность эпизодовъ изъ свадебной процедуры записана со словъ *Аграфены Петровой Сонатихи*. Ею же диктованы всѣ слова за исключеніемъ приговоровъ дружка, которые сообщены *Павломъ Галистовымъ*, свадебныя же пѣсни записаны со словъ *Петра Алексѣева* и дѣвушекъ на пасѣдкѣ. Въ прозѣ трудно было удержать языкъ и слогъ передававшей, приходилось переспрашивать и наводить, при объясненіяхъ. На нѣкоторые вопросы я не могъ добиться объясненія, поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтны пропуски. Разсказывавшимъ казалось, что я долженъ самъ знать всѣ мелочи и что̀ послѣ чего слѣдуетъ. Останавливать же на долгіе промежутки времени было неудобно, такъ какъ замѣчалось, что передававшіе отъ этого путались. Въ причитаніяхъ невѣсты, напр. можно смѣло сказать, что многія мѣста были тутъ же сочинены самой Аграфеной Петровой. Это видно во 1-хъ изъ того, что нѣкоторыя мѣста растянуты и повторяются, а во 2-хъ изъ словъ другихъ крестьянъ села Ватагина, знавшихъ, что Аграфена Петрова диктуетъ мнѣ и сказавшихъ: «Она тебѣ насочинитъ: первая мастерица у насъ. Что позабудетъ, сама навретъ. Чудашная!» Это явленіе обыкновенное. Кому часто приходится причитывать надъ покойниками и въ др. подобныхъ случаяхъ, тѣ уже наловчаются (какъ выражаются крестьяне) въ этомъ, и въ случаяхъ забвенія старыхъ, заученныхъ словъ, вставляютъ свои. Такъ Галистовъ, исправляющій на селѣ всегда роль дружки, при диктованіи часто вставлялъ фразу: «скажемъ такъ напримѣръ». Диктовать вообще трудно. Они забываютъ слова, которыя при дѣйствительной надобности сами рождаются у нихъ. Совершенно вѣрны слова П. В. Шейна: «Онъ (т. е. народный пѣвецъ) обыкновенно поетъ ее (т. е. пѣснь) полу-безсознательно, почти какъ птица въ лѣсу. Пѣсня живетъ и держится въ его памяти, преимущественно силою однообразнаго мотива.» Тоже самое, сказанное о народной пѣснѣ, можно примѣнить къ причитыванію, выкрикиванью. Когда причитающій говоритъ, рѣчь льется у него плавно, въ ней слышна даже гармонія звуковъ. Онъ забывается, закрываетъ глаза, подпираетъ рукою щеку или разчесываетъ бороду (если то субъектъ мужскаго пола), какъ бы самъ упивается, вдохновляется своею рѣчью. Произнося же медленно, онъ какъ бы конфузится, старается придать этому родъ шутки, не стоющей вниманія. Эта глубокая, психологическая черта въ народныхъ отношеніяхъ къ намъ, интилегентнымъ лицамъ. Я позволю себѣ высказать свое объясненіе этому. Мнѣ кажется, что придавая шутливый характеръ своей пѣснѣ, причиту при диктованіи или пересказѣ лицу другого класса общества, народный пѣвецъ какъ бы инстинктивно старается огородить свое дѣтище отъ насмѣшекъ, отъ обиды. Зная, что для насъ его размѣренная рѣчь нѣчто чуждое, незнакомое, онъ боится насмѣшки надъ собой и вотъ онъ самъ придаетъ, навязываетъ вамъ шутливый взглядъ. Онъ какъ бы даетъ формальную санкцію на иронію. Пожалуй тутъ играетъ нѣкоторую роль самолюбіе — съ одной стороны, съ другой — желаніе въ формальныхъ отношеніяхъ подладиться подъ васъ. Это своего рода замаскировыванье, довольно тонкая игра. Фактъ почти признанный, что народъ относится къ намъ недовѣрчиво. Къ чему же и тутъ раскрывать свою душу? Вѣдь странно, да и непонятно для него, что мы только за послѣднее время послѣ столь долгой отчужденности начали вдругъ изучать, отыскивать свой народъ. Будто открываемъ Америку! Народъ знаетъ, что мы его не знаемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно знаетъ, что онъ знаетъ и понимаетъ. Ему пока только не понятно, почему это мы вдругъ вспомнили объ немъ, объ его бытѣ, его пѣсняхъ. Въ сущности онъ нѣсколько косится на это записыванье его пѣсенъ, онъ недовѣряетъ этому (см. Некрасова «Пьяная ночь») и вотъ онъ пробуетъ насъ, зондируетъ почву. «Нѣтъ ли тутъ посягательства? Не надругаются ли?» И вотъ онъ самъ надъ своею же пѣсенью смѣется, разсуждая, «если вы надсмѣетесь, то повѣдайте другимъ, вашимъ, что мы тоже смѣемся». А это въ переводѣ будетъ значить — «не забирайтесь въ нашу душу, не пытайтесь понять, какъ дорого намъ то, надъ чѣмъ вы смѣетесь. Знайте насъ съ ложной, казовой стороны, какова бы она ни была, и довольно съ васъ».

Вмѣстѣ съ этимъ конечно ему и смѣшно, съ чего это вдругъ вздумали записывать. «Дурачатся баре отъ ничего недѣланья. Времени, видно, много свободнаго!»

Что касается до меня лично въ данномъ слу-

чаѣ, то я пользовался и находился въ исключительномъ положеніи. Семья, въ которой я жилъ зимою, когда я записывалъ пѣсни очень близко стоитъ къ народной жизни. Нѣтъ рѣзкой грани между усадьбою и селомъ. Молодые люди, господа, въ очень хорошихъ простыхъ сношеніяхъ къ деревенскимъ парнямъ, изъ которыхъ нѣкоторые, благодаря близости къ барскому дому, получили возможность обстоятельнаго разъясненія, для чего я записываю, съ какою цѣлью и были очень польщены даже, когда я сказалъ, что можетъ быть, нѣкоторыя пѣсни будутъ напечатаны. Оттого такъ охотно мнѣ и диктовали на посѣдкахъ всѣ гурьбою. Я съ своей стороны сообщалъ имъ знакомыя мнѣ пѣсни, училъ нѣкоторыхъ пѣть. Грустное впечатлѣніе производило то обстоятельство, что они особенно падки на скабрезныя (пахабныя) пѣсни. Чуть начнешь записывать, сейчасъ предлагаютъ грязь. Конечно, это особенно замѣтно среди молодежи, которая приставала и ко мнѣ, чтобы я съ своей стороны сообщалъ имъ мнѣ знакомыя нецензурныя слова. Долгъ платежомъ красенъ! Для сохраненія вполнѣ равныхъ отношеній я говорилъ имъ ихъ, но избѣгалъ случая записывать такія пѣсни для нихъ. Этого сорта пѣсни много записаны и приложены въ концѣ моего сборника. Пріятно было только видѣть, что они дорожатъ въ особенности въ серьезномъ разговорѣ, при оцѣнкѣ старыми пѣснями, хотя «по слабости» (какъ они говорили) падки на новѣйшія фабричныя, солдатскія съ пустымъ содержаніемъ, вычурными словами и звонкой рифмой. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я поспѣшилъ выслать Василію Иванову, мужику грамотному и великому любителю пѣсенъ христоматію......
......, что было мною сдѣлано по его убѣдительной просьбѣ подарить хорошихъ стишковъ, чтобы и самому научиться и сынишку научить. Былины ему очень понравились. Онъ собирался ихъ заучивать. Не знаю только, исполнилъ-ли свое благое желаніе.

Сватаньи[1]).

Парень приходитъ къ отцу и говоритъ ему: «Батюшка, я жениться хочу». — «Женись, съ Богомъ, сынокъ, коли желанье есть; но откуда же ты, сынокъ, хочешь невѣсту брать?»—«Да у меня уже невѣста выбрана, уже три года, какъ я съ нею знакомъ.» — «Да люба ли она тебѣ, понравилась?» — «Да лучше ее въ свѣтѣ нѣтъ. «Такъ ступай же, батюшка, свагайся.»

Отецъ пошелъ ее вечорошній день сватать. Пришелъ онъ къ невѣстину отцу и стоитъ у порога, Богу помолившись. — Здравствуйте». А невѣстинъ отецъ отвѣчаетъ: — «Здравствуйте». Объ чемъ вы такъ ходите, садитесь на лавку. — «Я пришелъ не кумиться, не брататься, а пришелъ я къ вамъ вашу дочь посватать. У меня есть сынъ Иванъ, у васъ есть дочь Марья, у моего сына есть крючекъ, у вашей дочки петелька, такъ нельзя ли ихъ въ кучу свесть».— Можно, мы очень рады, что вы пришли нашу дочь сватать. Посовѣтуемся, какъ намъ свадьбу дѣлать. Черезъ шесть денъ къ пребудущему воскресенью готовьтесь, а черезъ три дня, попережь воскресенья, въ четвергъ будемъ мы нашу дочку поручать. Пріѣзжайте съ женихомъ, мы хотимъ жениха посмотрѣть. Пусть самъ ся покажетъ и невѣсту посмотритъ. Привезетъ онъ пусть невѣстѣ что обуть—башмаки и чулки. Мы бсу ее не отпустимъ, фунтъ конфетовъ, пряничковъ, мыла фунтъ. А ежели не привезете что обуть, то она уйдетъ въ этотъ день за грибами. Пущай отецъ жениха везетъ мнѣ на угощеніе полштофа водки.

Проходитъ три дня, ѣдутъ они (сваты, женихъ и родня) поручать съ колокольчиками. Услыхали невѣстины родные и бѣгутъ къ ей, говорятъ ей: «Ѣдетъ женихъ поручать тебя». Это невѣста спужалася, упала на полъ и начинаетъ плакать»[2]).

1645.

Не хватайся, кормилецъ батюшка,
И родная матушка
Выдавать меня во чужіе люди,
Во великую горюшку,
За чужого-то за чужанина,
За чужого-то за супостателя!
Побоялся ты, кормилецъ батюшка,
Да и родима матушка,
Что проснжу я у васъ дубовы лавочки,
Что протопчу я кирпичный полъ,
Позавѣшу вамъ очи ясныя.
Я не думала, молодешенька,
Ты кормилецъ, желанный батюшка,
Ты родима матушка,
Не начитала я, молодешенька,

---

[1]) Текстъ записанъ со словъ Аграфены Петровой. Г.

[2]) Этотъ плачъ иная произноситъ, когда ей объявляютъ только о сватовствѣ. Дѣло вкуса. Г.

Что вы ра́чите меня, молодехоньку.
Отдавать во чужи́ люди,
Ко чужому отцу, матери,
Ко чужому-то ко чужанину.
Вѣдь вы знаете, кормилецъ батюшка,
И родима матушка,
Что я молодистая—молодехонька,
Что я не исполнивши ростамъ полная,
Какъ травинушка я недорослая,
Не скопившая смогутной силы,
Какъ ягоди́ночка недозрѣлая,
Молодая я молодехонька,
Не накоплено могутной силы!
Вѣдь ты знаешь, кормилецъ батюшка,
И родима матушка,
Что не пожалѣютъ меня, молодехоньку,
Во чужихъ людяхъ, во чужой-то во работушкѣ:
По утру будятъ ранымъ ранехонько,
Ввечёру' позднымъ позднехонько;
Не понаровятъ меня, молодехоньку,
Кусочкомъ-то сахарнымъ;
А понаровятъ меня, молодехоньку,
Тяжелый работушкой.
Вѣдь ты знаешь, родимый батюшка,
Что у меня, во горюшицѣ
Поясница худехонька,
Бѣлы ручки тонехоньки,
Могутной силы у меня малехонько.
Я не думала, горюшица,
Что вы рачите отдать меня, молодехоньку,
Отдать во чужіе люди,
Что на горюшко на великое.
Не пожалѣютъ меня во чужихъ людяхъ!
А ты знаешь, родима матушка,
Каково́ жить во чужихъ людяхъ.
Во чужихъ людяхъ много горюшка!
Какъ чужая дальняя сторонушка,
Она горюшкомъ засѣяна,
Горячимъ слезамъ поли́вана,
Горячимъ слезамъ сиротскіимъ.
Не начитала я, горюша бѣдня,
Что вы рачите меня отдать во чужи люди,
На чужую-то на сторонушку!
Я, вѣдь, думала, молодехонька,
Что ты, кормилецъ батюшка,
И родима моя матушка
Продержите меня подъ правымъ крылышкомъ.
Вѣдь вы знаете, кормилецъ батюшка
И родима матушка,
Что не полюшко дѣтей у васъ посѣяно,
Не сады у васъ понасажены.
Я, вѣдь, думала, молодехонька,
Что я у васъ однимъ то одинехонька,
Что вы не рачите меня отдать во чужи́ люди,
На великую во горесть, на великую заботушку,
Не къ родному отцу, къ матери
Ко чужому, ко чужанину,
Ко чужому супостателю.
Покуль я жила у васъ, кормилецъ батюшка,
И родима матушка,
И была я умная, разумная,
И была работлива,
И была почетлива.
А, вѣдь, ты знаешь, родима матушка
Каково жить во чужихъ людяхъ
За чужимъ-то за чужениномъ!
Какъ я жила-то у тебя, кормилецъ батюшка,
И родима матушка,
Я не слышала худаго словечка грубаго.
Вы ласкали меня, молодехоньку,
Что своимъ то ласковымъ словомъ,
Вы держали меня, горюшу бѣдную,
У своей у бѣлоей груди,
У своего у ретива сердца,
Вы ласкали меня, горюшу бѣдную,
Угощали меня, горюшу бѣдную, чаемъ, кофеемъ,
И кусочкамъ сахарнымъ,
Я была бѣдна молодехонька,
Завсегда сытымъ сытехонька,
Довбльнымъ довольнехонька;
Вы родители мои родимые,
Одѣвали вы меня во свѣтло платьеце,
Хорошили меня хорошехонько.
Я ходила, горюша бѣдная,
Что настоящая барыня,
Окрученая, снаряженная
Въ свѣтломъ платьецѣ,
Я ходила, горюша бѣдная,
Въ башмачкахъ завсегда козловыихъ,
Въ чулочкахъ то *костровыихъ* (?)
На мнѣ, горюшицѣ, цвѣтно платье
Что жаръ горитъ,
На головушки у меня земчуги,
Ретиво сердце у меня завсегда веселехонько,
Въ бѣломъ личикѣ у меня румянчики,
Въ буйной головушкѣ было у меня завсегда весельеце,
На ретивомъ сердце хорошо *умѣньице* (?)
А какъ выдадите меня во чужи люди,—
Все минуется, все потеряется:
Съ буйной головушки весельице,
Съ бѣла лица потеряются румянчики,
Съ бѣлой груди хорошо́ умѣньице,
Нападетъ на меня на горюшицу,
Что́ заботушка великая,
Пообможутъ меня милы дѣтушки,
Мнѣ-ко некогда будетъ, горюшицѣ,
Что проспать темну ноченку;
Нападетъ-то на молодехоньку,
Нападетъ-то зима холодная

На мое-то на ретиво сердце.
Да, вѣдь, ты знаешь, родима матушка,
Какъ жить-то за чужимъ, за чужаниномъ?
Не пожалѣетъ меня, горюшицу,
Что чужой то чужанинъ,
Не приласкаетъ меня словомъ ласковымъ.
У чужого-то у чужанина
Слово ласково все матернымъ,
Приголубитъ-то плеть шелковая;
Ужъ онъ возглянетъ на меня по звѣриному,
Ужъ онъ выкрикнетъ по *порозиному* (?),
Я спугаюсь, горюша бѣдная:
Какъ сподломятся скоры ноженки,
Поупустятся бѣлы рученки,
Ужахнется мое ретиво сердце!
Я и скажу, бѣдная горюшица,
Что, охъ! родимая моя матушка,
На чтó нá горе ты меня зарóдила
На злодѣй на горюшко великое?
Не могла ты меня, родима матушка,
Со малымъ-то со малехонько
Въ своей утробушкѣ позадушити:
У бѣлоей груди бы позасосила,
Во парной баинькѣ позапарилабъ,
Позамыла бъ меня студеной водой:
Мнѣ ко легче было бъ, горюшѣ бѣдной!
Хоть вы выдали, кормилецъ батюшка
И родима матушка
За чужого за чужанина,
За чужого то супостателя,
Не пришло мнѣ, горюшѣ бѣдной,
Что великаго-то счастьеца!
Что моя судьба самая несчастная,
Не такая, какъ добрыи́мъ людя́мъ.
Видно я, горюша бѣдная,
Не тому я Богу молилася,
Что которому люди добрые;
Видно я молилася, горюша бѣдная,
Что я лѣсамъ-то темнымъ
Да тому-то Богу, кой не милуетъ,
Въ своей судьбѣ несчастной.
Ты подумай, родна матушка,
Кормилецъ батюшка,
Я не сплю, бѣдная горюшица,
Я не сплю-то всѣ темны ночицы,
Какъ чужой-то да чужанинъ
Надругается надъ горюшицей,
Надъ моимъ то тѣломъ бѣлымъ:
Я стою, бѣдная молодешенька,
У его у кровати у тесовой,
На своихъ-то на колешенькахъ[1]),
Я на мелкихъ на камышкахъ.
Ужъ какъ ввезилъ онъ свои рученки
Ужъ мнѣ вытаскалъ всѣ желтые кудри,
Какъ избилъ онъ мое тѣло бѣлое,
Не бѣлѣе черна чернаго.
Ну, я, вѣдь, думаю, горюша бѣдная,
Что ты, родимая моя матушка,
Ты кормилецъ мой, желанный батюшка,
Прилятите ко мнѣ, ко горюшицѣ,
На чужую то на сторонушку,
Вы возьмите, мой кормилецъ батюшка,
И родима моя матушка,
Навяжите на меня, на горюшицу,
Что на буйную головушку,
Навяжите камень бѣленькій
И поищите, мои родители,
Поищите глыбокой рѣченьки
Вы по чистоемъ по полюшкѣ,
Гдѣ горы есть высокія,
Гдѣ рѣки есть глыбокія,
И что которая есть всѣхъ поглы́бжѣе,
Со глыбокимъ-то со омутомъ.
Что со этимъ бѣлымъ камышкомъ
Опустите меня-въ быстру́ рѣку,
Въ омута-то во глубокіе:
Мнѣ-ко легче будетъ, горюшицѣ,
Со своей судьбой несчастноей!
Видно, я молилась, горюша бѣдная,
Лѣсамъ-то темнымъ,
Ужъ я темнымъ огромнымъ,
Что моя судьба несчастная
Не такая, какъ добрымъ людямъ.
Ужъ ты послухай, кормилецъ батюшка,
И родима матушка,
Какъ пройдетъ зима холодная,
Какъ настанетъ весна красная,
Зацвѣтутъ цвѣты лазуревы,
Какъ прилятатъ всѣ птички-ласточки,
Какъ разогрѣетъ лѣто теплое,
Какъ прилятатъ сѣры кукушечки,
Полячу я, горюша бѣдная,
Со чужой-то я со сторонушки,
На зоренькѣ я на утренней,
Къ тебѣ, кормилецъ батюшка,
Къ тебѣ, родима матушка,
Что во вашъ-то я во зеленый садъ.
Вы послушайте, мои родители,
Закукую я, горюша бѣдная,
Закукую я кукушкой сѣроей
Обливаяся[1]), горюша бѣдная,
Обливаяся я горячимъ слезамъ.
Ужъ какъ вышла родима матушка
Въ новыя-то во сѣнушки,
Ужъ какъ свой-то во зеленый садъ;

[1]) колѣняхъ.

[1]) Это слово произносилось неясно, нельзя было разобрать, говоритъ ли она обливаяся или обливаюся. Г.

Она признала мой звонкой голосъ,
Облилася она горячимъ слезамъ,
Она промолвила слово ласково.
Закипѣло у ней ретиво сердце
Она промолвила, сиротинушка:
«Охъ! ты сѣрая кукушечка,
Ты залетная мала пташенька,
Я послушаю, сиротинушка,
Ты кукуешь, ты ласковешенько,
Я, вѣдь, думаю, сиротинушка,
Что ни мое ли прилятѣвши мило дитятко
Со чужой-то со сторонушки?»
Она пришла-то въ нову горенку:
«Ужъ ты, мужъ, ты мой любименькій!
Ты ходи въ новы сѣнечки,
Ты взойди-ка во зеленый садъ,
Ты послушай, мой любимый мужъ,
Какъ поетъ тамъ птичка-ласточка
И кукуетъ сѣра кукушечка!»
Я послухала, сиротинушка, —
Закипѣла моя кровь горячая,
Заболѣло мое ретиво сердце,
Облилася я горячимъ слезамъ:
Причитаетъ она ласковешенько,
Обливается она горячимъ слезамъ.
Я, вѣдь, думаю, сиротинушка,
Что не наше ли мило дитятко?
Прилятѣла она, горюшица,
Со чужой-то со сторонушки,
Отъ чужаго-то отъ чужанина,
Попросила она, поклонялася,
Покорилась она ласковымъ словамъ:
— Ужъ ты, мужъ ты мой любименькій,
Ты пусти меня, горюшу бѣдную,
Къ своему кормильцу батюшкѣ
И ко моей родимой матушкѣ.
Что-то у меня, у бѣдной горюшицы,
Заболѣло мое рѣтиво сердце.
Не посплю-то я, горюша бѣдная,
Темной-то ноченьки!
Не пожалѣю я своихъ скорыхъ ноженекъ.
Ты пусти-ка, мой любимый мужъ,
Опровѣдать кормильца батюшку
И родиму мою матушку:
Они старымъ-то старешеньки!»
Ты послухай, мой кормилецъ батюшка.
Какъ расцвѣтутъ цвѣты лазуревы,
Зазеленятъ лужки зеленые,
Прилячу я, горюша бѣдная,
На кудрявую я на яблоньку,
Солячу я, горюша бѣдная,
Я на травушку на шелковую,
Ужъ я сяду, горюша бѣдная,
Подъ листочекъ по-подъ шелковинькій.
Ты придешь, кормилецъ батюшка,
Косить траву шелковую,
Не сподрѣжь меня, бѣдной молодехоньки,
Мои скорыя то ноженьки,
Ужъ ты срѣжь, кормилецъ батюшка,
Мою буйную головушку.
Я прилетѣла, горюша бѣдная,
Со великимъ-то горюшкомъ:
Позабылъ ты кормилецъ батюшка,
И родима моя матушка,
Меня, бѣдную несчастную,
На чужой-то на сторонушкѣ.
Заклевали меня воробушки!
Вѣдь, вы знаете, мои родители,
Что залятавши я, горюша бѣдная,
Я дальнымъ то далекохонько —
За озера-то я за синія,
За Невомъ-то за глубокіимъ
Я по край-то свѣту бѣлаго,
По конецъ-то моря синяго.
— «Охъ! ты милое наше дитятко!
Мы не думали, несчастные,
Что твоя будя судьба горя горькая!
Кабы мы знали да мы вѣдали,
Мы-бъ не отдали тебя, мило дитятко,
Что на горюшко-то на великое.
Вѣдь мы думали, побѣдные,
Что чужая-то сторонушка,—
Что садамъ-то она понасажена,
Что медамъ-то она поливана.
Она чужая-то сторонушка,—
Она горюшкомъ понасажена,
Горячимъ слезамъ поливана!
Охъ! ты милое наше дитятко,
Ты несчастная у насъ зарожена.
Видно, зародили тебя, наше дитятко,
Въ несчастный-то день, во пятницу,
Въ пятницу, въ темну ноченку.
Видно, надѣлили мы тя, наше дитятко,
Несчастьецемъ-то великіимъ,
Что твоя то судьба несчастная,
Она несчастная, горя горькая!
Изсушила ты, наше дитятко,
За кажину-то пору—времячко.
Мы не спимъ-то темну ноченку
Все мы думаемъ по бѣдноей,
Объ тебѣ, наше дитятко,
Объ твоей судьбѣ несчастноей.
Ты подумай, наше дитятко,
Что объ насъ-то ты бѣдныхъ,
Что мы старымъ-то старешеньки —
Кормилецъ твой батюшка,
Родная твоя матушка.
Мы надѣялись на тя, наша доченька,
Что ты не бросишь насъ, несчастныхъ,
При великой-то при старости.

На мое-то на ретиво сердце.
Да, вѣдь, ты знаешь, родима матушка,
Какъ жить-то за чужимъ, за чужаниномъ?
Не пожалѣетъ меня, горюшицу,
Что чужой то чужанинъ,
Не приласкаетъ меня словомъ ласковымъ.
У чужого-то у чужанина
Слово ласково все матернымъ,
Приголубитъ-то плеть шелковая;
Ужъ онъ возглянетъ на меня по звѣриному,
Ужъ онъ выкрикнетъ по *порозиному* (?),
Я спугаюсь, горюша бѣдная:
Какъ сподломятся скоры ноженки,
Поупустятся бѣлы рученки,
Ужахнется мое ретиво сердце!
Я и скажу, бѣдная горюшица,
Что, охъ! родимая моя матушка,
На чтó нá горе ты меня зарóдила
На злодѣй на горюшко великое?
Не могла ты меня, родима матушка,
Со малымъ-то со малехонько
Въ своей утробушкѣ позадушити:
У бѣлоей груди бы позасосила,
Во парной баинькѣ позапарилабъ,
Позамыла бъ меня студеной водой:
Мнѣ ко легче было бъ, горюшѣ бѣдной!
Хоть вы выдали, кормилецъ батюшка
И родима матушка
За чужого за чужанина,
За чужого то супостателя,
Не пришло мнѣ, горюшѣ бѣдной,
Что великаго-то счастьеца!
Что моя судьба самая несчастная,
Не такая, какъ добрыи́мъ людя́мъ.
Видно я, горюша бѣдная,
Не тому я Богу молилася,
Что которому люди добрые;
Видно я молилася, горюша бѣдная,
Что я лѣсамъ-то темнымимъ
Да тому-то Богу, кой не милуетъ,
Въ своей судьбѣ несчастной.
Ты подумай, родна матушка,
Кормилецъ батюшка,
Я не сплю, бѣдная горюшица,
Я не сплю-то всѣ темны ночицы,
Какъ чужой-то да чужанинъ
Надругается надъ горюшицей,
Надъ моимъ то тѣломъ бѣлымъ:
Я стою, бѣдная молодешенька,
У его у кровати у тесовой,
На своихъ-то на колешенькахъ [1]),
Я на мелкихъ на камышкахъ.
Ужъ какъ ввезилъ онъ свои рученки
Ужъ мнѣ вытаскалъ всѣ желтые кудри,
Какъ избилъ онъ мое тѣло бѣлое,
Не бѣлѣе черна чернаго.
Ну, я, вѣдь, думаю, горюша бѣдная,
Что ты, родимая моя матушка,
Ты кормилецъ мой, желанный батюшка,
Прилятите ко мнѣ, ко горюшицѣ,
На чужую то на сторонушку,
Вы возьмите, мой кормилецъ батюшка,
И родима моя матушка,
Навяжите на меня, на горюшицу,
Что на буйную головушку,
Навяжите камень бѣленькій
И поищите, мои родители,
Поищите глыбокой рѣченьки
Вы по чистоемъ по полюшкѣ,
Гдѣ горы есть высокія,
Гдѣ рѣки есть глыбокія,
И что которая есть всѣхъ поглыбжѣе,
Со глыбокимъ-то со омутомъ.
Что со этимъ бѣлымъ камышкомъ
Опустите меня въ быстрý рѣку,
Въ омута-то во глубокіе:
Мнѣ-ко легче будетъ, горюшицѣ,
Со своей судьбой несчастноей!
Видно, я молилась, горюша бѣдная,
Лѣсамъ-то темнымъ,
Ужъ я темнымимъ огромнымимъ,
Что моя судьба несчастная
Не такая, какъ добрымъ людямъ.
Ужъ ты послухай, кормилецъ батюшка,
И родима матушка,
Какъ пройдетъ зима холодная,
Какъ настанетъ весна красная,
Зацвѣтутъ цвѣты лазуревы,
Какъ прилятятъ всѣ птички-ласточки,
Какъ разогрѣетъ лѣто теплое,
Какъ прилятятъ сѣры кукушечки,
Полячу я, горюша бѣдная,
Со чужой-то я со сторонушки,
На зоренькѣ я на утренней,
Къ тебѣ, кормилецъ батюшка,
Къ тебѣ, родима матушка,
Что во вашъ-то я во зеленый садъ.
Вы послушайте, мои родители,
Закукую я, горюша бѣдная,
Закукую я кукушкой сѣроей
Обливаяся [1]), горюша бѣдная,
Обливаяся я горячимъ слезамъ.
Ужъ какъ вышла родима матушка
Въ новыя-то во сѣнушки,
Ужъ какъ свой-то во зеленый садъ;

---

[1]) колѣняхъ.

[1]) Это слово произносилось неясно, нельзя было разобрать, говоритъ ли она обливаяся или обливаюся. Г.

Она признала мой звонкой голосъ,
Облилася она горячимъ слезамъ,
Она проколвила слово ласково.
Закипѣло у ней ретиво сердце
Она промолвила, сиротинушка:
«Охъ! ты сѣрая кукушечка,
Ты залетная мала пташенька,
Я послушаю, сиротинушка,
Ты кукуешь, ты ласковешенько,
Я, вѣдь, думаю, сиротинушка,
Что ни мое ли прилятѣвши мило дитятко
Со чужой-то со сторонушки?»
Она пришла-то въ нову горенку:
«Ужъ ты, мужъ, ты мой любименькій!
Ты ходи въ новы сѣнечки,
Ты взойди-ка во зеленый садъ,
Ты послушай, мой любимый мужъ,
Какъ поетъ тамъ птичка-ласточка
И кукуетъ сѣра кукушечка!»
Я послухала, сиротинушка, —
Закипѣла моя кровь горячая,
Заболѣло мое ретиво сердце,
Облилася я горячимъ слезамъ:
Причитаетъ она ласковешенько,
Обливается она горячимъ слезамъ.
Я, вѣдь, думаю, сиротинушка,
Что не наше ли мило дитятко?
Прилятѣла она, горюшица,
Со чужой-то со сторонушки,
Отъ чужаго-то отъ чужанина,
Попросила она, поклонялася,
Покорилась она ласковымъ словамъ:
— Ужъ ты, мужъ ты мой любименькій,
Ты пусти меня, горюшу бѣдную,
Къ своему кормильцу батюшкѣ
И ко моей родимой матушкѣ.
Что-то у меня, у бѣдной горюшицы,
Заболѣло мое рѣтиво сердце.
Не посплю-то я, горюша бѣдная,
Темной-то ноченьки!
Не пожалѣю я своихъ скорыхъ ноженекъ.
Ты пусти-ка, мой любимый мужъ,
Опровѣдать кормильца батюшку
И родиму мою матушку:
Они старымъ-то старешеньки!»
Ты послухай, мой кормилецъ батюшка.
Какъ расцвѣтутъ цвѣты лазуревы,
Зазеленятъ лужки зеленые,
Прилячу я, горюша бѣдная,
На кудрявую я на яблоньку,
Солячу я, горюша бѣдная,
Я на травушку на шелковую,
Ужъ я сяду, горюша бѣдная,
Подъ листочекъ по-подъ шелковинькій.
Ты придешь, кормилецъ батюшка,
Косить траву шелковую,
Не сподрѣжь меня, бѣдной молодехоньки,
Мои скорыя то ноженьки,
Ужъ ты срѣжь, кормилецъ батюшка,
Мою буйную головушку.
Я прилетѣла, горюша бѣдная,
Со великимъ-то горюшкомъ:
Позабылъ ты кормилецъ батюшка,
И родима моя матушка,
Меня, бѣдную несчастную,
На чужой-то на сторонушкѣ.
Заклевали меня воробушки!
Вѣдь, вы знаете, мои родители,
Что залятавши я, горюша бѣдная,
Я дальнымъ то далекохонько —
За озера-то я за синія,
За Невомъ-то за глубокімъ
Я по край-то свѣту бѣлаго,
По конецъ-то моря синяго.
— «Охъ! ты милое наше дитятко!
Мы не думали, несчастные,
Что твоя будя судьба горя горькая!
Кабы мы знали да мы вѣдали,
Мы-бъ не отдали тебя, мило дитятко,
Что на горюшко-то на великое.
Вѣдь мы думали, побѣдные,
Что чужая-то сторонушка,—
Что садамъ-то она понасажена,
Что медамъ-то она поливана.
Она чужая-то сторонушка,—
Она горюшкомъ понасажена,
Горячимъ слезамъ поливана!
Охъ! ты милое наше дитятко,
Ты несчастная у насъ зарожена.
Видно, зародили тебя, наше дитятко,
Въ несчастный-то день, во пятницу,
Въ пятницу, въ темпу поченку.
Видно, надѣляли мы тя, наше дитятко,
Несчастьецемъ-то великімъ,
Что твоя то судьба несчастная,
Она несчастная, горя горькая!
Изсушила ты, наше дитятко,
За кажину-то пору—времячко.
Мы не спимъ-то темну ноченку
Все мы думаемъ по бѣдноей,
Объ тебѣ, наше дитятко,
Объ твоей судьбѣ несчастноей.
Ты подумай, наше дитятко,
Что объ насъ-то ты бѣдныихъ,
Что мы старымъ-то старешеньки —
Кормилецъ твой батюшка,
Родная твоя матушка.
Мы надѣялись на тя, наша дочечка,
Что ты не бросишь насъ, несчастныихъ,
При великой-то при старости.

Мы не дюжи-то теперь, побѣдные,
Что работать-то тяжелую работушку.
Ина ктоже теперь будя несчастныихъ,
Ина будетъ теперь поить-кормить?
Мы не спимъ-то да темпу ноченьку,
Мы не спимъ, да все думаемъ,
Ина какъ будя намъ несчастнымъ?
Мы старые теперь и дряблые!
Намъ кормиться будя побѣднымъ
По чужимъ-то людямъ добрымъ
Христовымъ-то имячкомъ.
Пожалѣй ты, насъ, мило дитятко,
Ты не брось насъ несчастныихъ!
Ты подумай, наша сердечная,
Объ насъ бѣдныихъ, несчастныихъ,
Что мы старые-то, дряблые!
Уговори ты своего мужа любимаго,
Не сожалѣетъ ли твой мужъ любимый
Насъ, бѣдныихъ, старыихъ,
Не дастъ ли намъ кусочка сахарнаго?
Вы подумайте, наше дитятко,
Какъ мы сохли по вамъ, по несчастнымъ,
Теперь мы просимъ насъ, наше дитятко,
Не бросьте насъ подъ старости,
Что намъ не на что таперь надѣяться,
Что ты одно у насъ, мало дитятко,
Одно у насъ сердечное.
Вѣдь, ты знаешь, мила доченка,
Что мы живемъ теперь не богатые,
Мы не имѣемъ-то золотой казны,
Ни мѣдныхъ, ни серебряныхъ.
Кабы мы были люди богатые,
Намъ бы не было горя великаго!
Поистеряли мы свою силу великую —
Таперь не можемъ во тяжелой во работушкѣ
Скоротать денечка краснаго:
Намъ работушка теперь не подъ силушку!»

Вотъ она плакала и омертвѣла, и ее подруги холодной водой оттирали, уговаривая. «Что же ты такъ спужалася своего суженаго?» Вотъ ю оттерли холодной водой. «Отчего же ты, наша подруга, не могла скрѣпить себя?» Она отвѣчаетъ: — «Милыя подруги, видно судьба моя несчастная, что сердце мое замерло, не могла сама себя скрѣпить. Вѣрно, мой нареченный либо пьяница будетъ, либо блядунъ, съ чужими женами будетъ заниматься, а меня бить и не будетъ любить». Ейна мать замѣтила, что она мертвая лежитъ и мать ейная на нее глядя тоже упала, омертвѣла. Отецъ ейшій надъ ними стоитъ, уговариваетъ. «Что же вы такъ слабо себя спустили, что омертвѣли, не могли сами себя содержать? Вѣдь, я тебя не поневолѣ отдаю, сходились вы съ согласія съ своимъ женихомъ, а теперь ты этакъ плачешь. Когда этакъ плачешь, то я могу отказать». — «Какъ же, тятенька, это можно отказать—дорого намъ это стоитъ. Они столько урону сдѣлали, изъянились, женихъ-то мой. Также и мы изъянились—дары покупали. Подвѣнечное онъ мнѣ платье купилъ, шелковое, подвѣнечное въ 70 руб. (?) женихъ мнѣ далъ 50 руб. на свадьбу, на дары, а также мы, тятенька, сколько своихъ стратили! Это намъ не честь!» «Изъянъ изъяномъ, уронъ—урономъ! Это мы сами себя очень конфузимъ, если свадьбу разорить.» Такъ, тятенька, что я у васъ дочь Марья славушная и одежа на мнѣ хорошо сдѣлана и хорошій мнѣ женихъ у васъ нашелся, такъ я-то полагаю, батюшка, что мы цѣны хорошей стали, а женихъ еще болѣе насъ стоитъ и богатнѣе, такъ нельзя этакъ сдѣлать, что свадьбу разорить. А какъ завели мы тятенька кашу, такъ не жалѣй масла. И кончайте па томъ, что непремѣнно въ воскресенье свадьба, и мы приготовимся, и пусть они готовятся свадьбу хорошо править. Я желаю, чтобы онъ ко мнѣ на вечеринку пріѣхалъ, вечеринку сидѣть.»

Невѣста жениха стрѣтила, благородно приняла, сидѣли, танцовали съ прочими дѣвушками. — «Я жениха для того пригласила, что желательно для себя, а что гостинцевъ привезъ и подарковъ, я и подругъ угостила этимъ гостинцамъ». Она его проводила и она тутъ цѣловала его при всѣхъ и сказала, чтобы пріѣзжалъ поутру, что она приготовится къ свадьбѣ. Наканунѣ свадьбы невѣста идетъ въ баню париться. Ея подруги готовятъ баню и поютъ при этомъ:

1646.

Топись, топись баненька,
Кались, кались каменка!
Распарись Марья душа,
Умойся Алексѣевна
Что во этой парной баненки,
Не сумоете черно́й грязи,
А смоете красну́ красоту
И всю дѣвишну вольну волюшку.
Со бѣла лица смоете всѣ румянчики,
Со ретива сердца все весельюшка....
(далѣе словъ диктовавшая не знала [1]).

[1]) Дѣвушка тоже отговорилась незнаніемъ.

Стопивши баню, они идутъ за невѣстою и въ сѣняхъ поютъ:

1647.

Мы идемъ, бѣдны молодехоньки,
По новымъ по сѣничкамъ;
Не скрипите, новы половниченки,
Не спугайте вы нашей подруженки,
Мы наложимъ руку́ на́ скобу,
Распахнемъ мы двери на́ пяту.
Не скрипи-ка, дверь дубовая,
Не спугайся, наша подруженька:
Мы не воры идемъ, не разбойники,
Твои труднечки идемъ, не разбойнички;
Мы стопили тебѣ парну баенку,
Мы безъ чаду безъ земнаго,
Мы нагрѣли воду теплую —
Безъ каменья безъ каленаго [1]).

А невѣста-выходитъ и поетъ: [2])

1648.

Вамъ спасибо, мои подруженьки,
Что стопили парну баенку!
И не спасибо, мои подруженки,
Что, вѣдь, эта парна баенка
И угарна и обманчива:
Она не вымоетъ черной грязи
А только вымоетъ дѣвичью кра́соту
Всю дѣвичью вольну волюшку:

Послѣ бани она приходитъ къ отцу и плачетъ:

1649.

Обманули меня подруженки;
Не обмыли черной грязи,
А обмыли красну кра́соту,
Да дѣвичью вольну волюшку,
Зазнобили ретиво́ сердце.

Все время до обвѣнчанія, когда подруги собираются у невѣсты, онѣ поютъ разныя свадебныя пѣсни. Привожу здѣсь тѣ, которыя удалось записать, но это далеко не весь обширный репертуаръ. Я не могъ записать больше, потому что дѣвушки отговаривались незнаніемъ и запамятываніемъ.

1650.

Что при вечерѣ вечеръ вечеритъ
У Марьи на вечорочкѣ,
У Алексѣевны на веселой.
Прилятaлъ тутъ молодой
Ясенъ соколъ золотой,
Добрый молодецъ заѣзжій,
Николай Ивановичъ.
Онъ садился на окошечко,
На точеную на рамочку,
На точену золотую,
Что никто-то не видитъ сокола.
Увидала Марьина матушка:
«Ужъ мое дитя, дитятко,
Приласкай ты ясна, сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго!»
— «Ужъ ты, родима моя матушка!
Рада-бъ рада приласкать его, —
Упустились бѣлы рученьки,
Сподломились скоры ноженки,
Ужаснулось ретиво сердце.

1651.

Изъ-за горъ-то, горъ высовіихъ,
Изъ-за лѣсу лѣсу темнова,
Изъ-за садика зеленаго
Вылетало стадо гусиное,
А другое лебединое
Отставала лебедушка
Отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Ко стаду ко сѣрымъ гусямъ.
Не умѣла лебедушка
По гусиному кричать,
Стали ю щипать и рвать.
«Не щипите, гуси сѣрые!
Не сама я залетѣла къ вамъ,
Залетѣла я неволею,
Занесло меня погодою,
Что погодою, буйнымъ вѣтромъ,
Буйнымъ вѣтромъ,
Частымъ дождемъ.
Отставала Марья

---

[1]) Поется ли это когда невѣста уже выпарилась или до этого? не знаю. Г.
[2]) Когда—тоже не знаю. Г.

Отъ стада дѣвичьяго,
Приставала Марья
Ко стаду молодочьему.
Не умѣла по горенкѣ ходить,
Со семеюшкой говорить,
Начали ее журить, бранить.
«Не брани-ка, свекоръ батюшка,
Не жури, свекровь матушка:
Не сама себя заѣхала,
Не своей я волюшкой,
А завезли меня добры кони,
Что добры кони Николаева,
Николая-то Иваныча.

1652.

На горѣ на глинчастой
Стояла часовенка.
Во этой часовенькѣ
Ясно свѣчи топятся,
Ясно разгораются.
Жалобнешенько попы поютъ,
Иванъ Богу молится,
Низко Христу кланится,
Пришла къ нему матушка:
— «Сердечно мое дитятко,
О чемъ Богу молишься?
Объ чемъ низко кланяешься?»
— «Ты, родима моя матушка!
Какъ же мнѣ Богу не молиться,
Низко Христу не кланяться?
Ѣхать за суженой,
Что за суженой, снаряженой,
За Марьей Алексѣевной.
Дороженька дальняя,
Дальная раскатиста,
Глыбока, ухабиста.
Раскаты широкіе,
Ухабы глубокіе.
Мнѣ ѣхать за суженой,
Мнѣ ѣхать за ряженой,
За Марьей Алексѣевной, —
Пушкамъ камены стѣны пробивать
И свою сужену добывать,
Брать ею за праву руку,
Весть ее въ Божью церковь,
Въ Божью церковь въ матушку,
Златымъ перстнемъ обручатися,
За золоты вѣнцы принниматися.
Привелъ я ко батюшкѣ,
Привелъ я ко матушкѣ:
«Любо-ль вамъ голубушка?»
— «Голубушка Аннушка,
Сердечно наше дитятко!
Было-бъ тебѣ любо,
А намъ любо любошенька,
Какъ снѣжокъ бѣлешенька.»
«Кормилецъ мой батюшка,
Родимая моя матушка!
Берегите, жалуйте
Этото-то чужо дитя
Со чужой сторонушки,
Отъ чужаго отца, маверн.»

1653.

Дѣвицы, вы дѣвицы! 2
Віны великія — 2
Сергѣя молодца!
Виномъ напбили,
На коня посадили,
Шелковую плеть подали.
Завезъ яго добрый конь,
Конь къ тестину двору,
Ко тещину крыльцу,
Къ Марьѣ въ теремецъ,
Къ Алексѣевнѣ въ высокой.
Марья спужалася,
Въ круги свилася;
Свивши полятѣла.
Конею (?) —звѣздою
Ко свѣтлому ко мѣсяцу.
«Разсвѣтись, свѣтелъ мѣсецъ,
У свекра на дворѣ,
У свекровки въ теремѣ,
У Сергѣя въ пологѣ
И Димитрича въ браноемъ—
На рукѣ на правоей
У сердца ретиваго.

День вѣнчанія.

Женихъ готовится тѣмъ временемъ, приглашаетъ 1) дружку, 2) подружья, 3) шапошника (нашъ шаферъ) 4) *кузебурака* — промежъ ногъ бурча вина (?), 5) одного со обощами [1] (кто несетъ гостинцы) и водкой. Послѣдніе двое должны угощать задерживающихъ ихъ во время поѣзда.

Собрали свадьбу, нужно отправляться. Нашего князя (женихъ) поставили за столъ и дружка выкликаетъ родныхъ благословить жениха ѣхать за невѣстой.

---

[1]) *Обощи*—деревенскіе свадебные крендели.

«Господь Іисусъ Христосъ, сынъ Божій нашъ, насъ помилуй! Зачадилъ Господь Богъ *Саволофъ* нёбу, землю, часты звѣзды, сини ходячи облака, ключи кипучіе, рѣки тякучія, ручьи поточники, больша озерка, маленьки пригорки. Пріосновалъ Господь Богъ Савалофъ на трехъ китахъ рыбьихъ, на трехъ рыбинахъ, на трехъ китенышахъ землю. На трехъ китенышахъ вся земля при основаніи стоитъ, и прикрасилъ Господь Богъ Савалофъ мать сыру землю краснымъ солнцемъ, свѣтлымъ мѣсяцемъ, горамъ сорочинскимъ, древамъ кипаринскимъ, темнымъ лѣсамъ, зеленымъ лугамъ, шелковымъ травамъ, буйнымъ вѣтрамъ, вольнымъ воздухомъ, святымъ духомъ. Зародилъ Господь Богъ Савалофъ двухъ *шлефъ* (?) человѣческихъ — Адамъ и Еву. Пошла отъ нихъ крестьянска плоть, отъ черной грязи—тѣло, отъ камня—кость, отъ бѣла *чачана* (?)—буйна голова, отъ капустнаго листа-уши, отъ чиста пеньки—суставы—кость,отъ текучей воды—горяча кровь, отъ яснаго мѣсяца—очи во лбу, отъ св. Духа — душа, отъ вѣтра — умъ! Ееть ли во этой свѣтлой свѣтлицѣ нашего князя молодаго (имя рекъ) крестный батюшка, крестна матушка, кормилецъ батюшка и родима матушка? Какъ же вы имѣли зачадить, спородить и 40 недѣлей во утробѣ носили, потомъ спородили, въ парной баенкѣ топили, бабушекъ призывали, шелковымъ вѣничкомъ потирали, бѣлымъ вытирали, отца духовнаго призывали, въ купеляхъ купали, именемъ нарекали, потомъ въ колыбеляхъ качали, бѣлой грудью воспитали. Могли вспоить, вскормить, великимъ выростить. Стоитъ нашъ князь молодой, вамъ сынъ родной, на кирпичномъ полу, передъ великимъ образомъ, евангеліемъ, припачалившись, пріунывши, слезно плачетъ; не проситъ отъ васъ, кормилецъ батюшка и родима матушка, крестный батюшка и крестна матушка, ни серебра, ни скатнаго жемчуга, а проситъ онъ отъ васъ благословеньица, которо на вѣки ненарушимо. Благословляйте, крестный батюшка и крестна матушка, родный батюшка и родима матушка, званы гости и не званы гости — не всѣхъ поимянно, а всѣхъ поголовно! благословляйте нашего князя молодаго ѣхать во путь во дорожку, въ дальнюю, не ближнюю, выйти изъ двора во дворъ, изъ воротъ въ ворота и по частымъ ступёнечкамъ выйтить на широкую улочку, брать своихъ добрыхъ коней за шелковы поводы, садится въ сани раскатныя, брать во правую руку шелковую плеть, во лѣвую руку возжи шелковыя, ѣхать, махать,ископытьемъ [1]) озера, рѣки зарывать, подъ часты звѣзды подъѣзжать, подъ сини-ходячи облака, подъ красное солнце, пушки ядромъ свинцовымъ заряжать, стѣну каменну пробивать, за столы дубовые, за скатерти за бранные, за питія медвяныя, за ѣствы за сахарныя ставать, золотой казной выкупать, затѣмъ ѣхать къ звону церковному, ко отцу ко духовному, ко церкви ко Божіей мати, златъ вѣнецъ принимать, чуденъ крестъ цѣловать, свою сужену обручать и потомъ свою сужены принимать. Благословляйте, крестный батюшка и крестна матушка, кормилецъ батюшка и родима матушка! Благословляйте всѣ добры молодцы, удалы головушки, званы гости, незваны гости! благословляйте нашего князя молодого! Кто нашего князя молодого не благословитъ, тому сыновей не женить и дочерей замужъ не отдать: надуетъ горой, поставитъ кверху дырой!

Живучи старушка не благословила, полъ п..... ослизло, на печку пошла — у ней вся ушла. Она схватилась да поздно! [2])

Родители отвѣчаютъ: «Богъ благословитъ!» Тогда дружка выкликаетъ сусѣдей и сусѣдокъ: «Сусѣдки и сусѣди, сусѣдки малы дѣтки, молоды молодухи, старыя [3]) станухи! благословляйте нашего князя!

Старыя старухи, сеяныя станухи, благословляйте нашего князя!

Малые ребятки, голопупнички! Зеленые возри! [4]). Всѣ крикнули въ одинъ голосъ! «Богъ благословляетъ во путь наставляетъ и мы тоже»!

Вотъ они поѣхали. Въ кажной деревнѣ ихъ останавливаютъ и просятъ обощей. Завѣдующій обощами надѣляетъ всѣхъ. Ѣдетъ свадьба, деревня услышала стонъ, звонъ, дѣвушки встрѣчаютъ и поютъ:

1654.

Соколъ Соколовичъ,
Романъ Григорьевичъ

---

[1]) копытами или землею, пылью, которая поднимается отъ ударовъ копытъ.

[2]) Послѣднія слова говорятся для потѣхи публики, чтобы разспотѣшить пригорюнившихся родныхъ и жениха. Весь монологъ говорится очень скоро съ особенными удареніями на рифмованныхъ послѣднихъ словахъ. Диктовалъ Павелъ Ивановъ Галистовъ. Г.

[3]) Диктовано Аграфеной Петровой. Г.

[4]) *Возри*—въ Арханг. губ. — сопли.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

165[illegible].

Покорнешенька я, молодешенька,
У своего кормильца батюшка,
И у своей родимой матушки,
И во батюшкином во стараньицѣ,
И во матушкином благословеньицѣ.
Гляди-ка, кормилецъ батюшка,
Погляди, родима матушка,
На меня-то на молодешеньку,
На меня, на горюшу бѣдную,
Какъ травинушка я [illegible],
Какъ ягодиночка я [illegible].
Не [illegible] вы, [illegible].

[1] [illegible]

И подвели ее къ отцу и матери. Она б[illegible]даритъ ихъ, въ ноги кланяется со словами:

1656.

Ты спасибо, кормилецъ батюшка
И родима матушка,
Что снарядили меня, молодешеньку,
Окрутили во цвѣтное платьеце,
И не пожалѣли за золотой казны.
Не спасибо тебѣ, кормилецъ батюшка,
Что не далъ доносить мнѣ
Свѣтлаго платьица.

[2] княгиня.

Поневолилъ ты меня, горюшечку,
Что великою-то неволею,
Что отдаешь меня, молодешеньку.[1])

«Дружка ставитъ подругъ и родныхъ кругъ невѣсты плетнемъ и одариваетъ ихъ деньгами, а женихъ стоитъ и смотритъ. Послѣ того, какъ одаренныя дѣвушки уходятъ и около невѣсты остается только одна родня женскаго пола, начинается выкупъ невѣсты. Невѣста приголашиваетъ:

1657.

Ужъ ты, крестная моя матушка!
Не мѣняй меня, молодешеньку,
На чужую-то золотую казну,
И сестрицы мои родныя!
Не бросайте меня, молодешеньку,
Не мѣняйте-то на чужую золотую казну
У чужого-то у чужанина
Со всего міру казна собирана —
По грошу, по копѣечкѣ.

«Однако тѣ промѣниваютъ и она остается одна у стола. Она плачетъ:

1658.

Промѣняли-то меня, молодехоньку —
Сестрицы мои ласточки
И хрестная моя матушка
И мои милыя подруженьки!
Я осталася, горюша бѣдная,
Что однимъ-то одинехонька,
Что сѣрая кукушечка.

Затѣмъ дружка разсыпаетъ деньги на 3 кучки. «Братья невѣстины! берите сколько хотите, уступите мѣсто жениху.

А сестра—невѣста плачетъ:

1659.

Братья вы мои дорогіе!
Не мѣняйте вы меня
На чужую на золотую казну.
У нихъ казна со всего міру собирана—
По грошу, по копѣечки.

«Братья промѣняли ее на деньги. Дружко стоитъ возлѣ ей и выкликаетъ крестныхъ и родныхъ отцовъ и матерей: «А есть ли во этой свѣтлой горенки крестный батюшка и крестная матушка, родимый батюшка и родима матушка? Сами ли станете руку вручать невѣстину или намъ прикажете?» И они отвѣчаютъ: «Богъ васъ благословляетъ руку вручать».

Дружко сажаетъ на подушку жениха и невѣсту и вручаетъ невѣстину руку жениху. Женихъ принимаетъ руку, жметъ ее и наступаетъ на ногу [2]). Невѣста отъ боли плачетъ:

1660.

Отступитесь люди добрые,
Пропустите кормильца батюшку
И родиму матушку!
Какъ чужой-то да чужанинъ,
Что во вашемъ тепломъ гнѣздышкѣ
Надругается надъ молодехонькой:
Какъ *сжануль* онъ бѣлу рученку,
Наступилъ на скору поженку,
Ужъ пролилъ кровь горячюю!

«Дружко услышалъ, что она это приголашиваетъ, пошепталъ жениху и онъ послабже сжалъ руку и ногу. Своихъ родныхъ и свадебныхъ женихъ вокругъ стола посадилъ, а дружко выкликаетъ невѣстиныхъ родныхъ:

«А есть ли во этой и т. д.

«Нашъ женихъ и невѣста слезно плачутъ и просятъ васъ всѣхъ ко обощамъ.»

Всѣхъ родныхъ вызываетъ. Они подходятъ, поздравляютъ молодыхъ, пьютъ водку, берутъ закуски. За ними слѣдуютъ сосѣди.

Подносятъ угощеніе (щей) свадебникамъ, они не кушаютъ, говоря: «Руки горятъ—даровъ хо-

[1]) Повидимому эта сцена происходитъ въ присутствіи жениха, собравшихся гостей, что видно изъ дальнѣйшаго. Г.

[2]) Къ чему послѣднее?—я не могъ получить объясненія. По замѣчанію разсказщицы другой тáкъ наступаетъ на ногу, что кровь идетъ. Это озарничество,

тать». Тогда сваха[1]) одариваетъ всѣхъ отъ лица невѣсты платками, а жениху подноситъ самый лучшій. Затѣмъ невѣстинъ отецъ, подноситъ жениху водки, но онъ отказывается, не пьетъ, такъ какъ передъ вѣнцомъ не полагается ничего ни ѣсть, ни пить. Остальные всѣ пьютъ. Потомъ подаютъ щи и разныя перемѣны кушаньевъ (яичницу, бѣлую рыбу, пироги, мясо, пиво и др.). Женихъ угощаетъ невѣстину родню, а дружко женихову. Дѣвушки, что баню топили, подносятъ жениху молоко; онъ не пьетъ, а пьютъ замѣсто его свадебники. Пустой чашки дѣвушки не берутъ, тогда всѣ кладутъ туда деньги, а женихъ больше всѣхъ. Послѣ обѣда начинаютъ собираться. Дружко ставитъ молодыхъ рядомъ, передъ ними кладетъ подушку, а подъ нею шубу и выкликаетъ родныхъ:

1661.

Отцы крестные и матери крестныя,
Отцы родные и матери родныя!
Проходите за столы за дубовые;
За скатерти за браныя,
За *иста* (яства) за сахарныя,
Нашего князя благословить
И съ *князиной* своею дорогой
Во путь дороженку.

Отцы и матери выходятъ въ шубахъ, вывороченныхъ шерстью вверхъ, берутъ скатерть, на которой хлѣбъ и невѣсты и жениха, два образа, одна солонка, двѣ ложки, два пирожка и троекратно касаются колѣнопреклоненныхъ, плачущихъ молодыхъ. Затѣмъ молодые уѣзжаютъ. Родные схватываютъ въ охапку молодую и спѣшатъ ее первою посадить въ сани. А женихъ смѣется, зная, чтобы тамъ не дѣлали, а все же верхъ его будетъ. Дружко съ скатертью въ охапку окрещиваетъ плеткой дорогу, тоже дѣлаетъ вслѣдъ за нимъ топоромъ поддружка. Затѣмъ дружко даетъ поцѣловать всѣмъ свадебникамъ Боженьку. Родители въ вывороченныхъ шубахъ остаются дома. Дружко по дорогѣ, не далеко отъ дома *выроняется*, возвращается въ избу, получаетъ отъ родныхъ по поясу и догоняетъ поѣздъ. Послѣ обряда вѣнчанія новобрачные заѣзжаютъ къ попу въ гости. Тамъ молодую причесываютъ побабьи и надѣваютъ повойникъ. Иногда для потѣхи свадебныя дѣвушки накрутятъ узлами волосы невѣсты такъ, что она не можетъ ихъ распутать и только, давъ за это свахѣ денегъ, съ ея помощью распутываютъ узлы.

По пріѣздѣ домой молодую ставятъ за столъ съ закрытымъ платкомъ на головѣ. Дружко завертываетъ въ опустившійся конецъ платка пирожокъ, открываетъ платокъ и кричитъ: «Хороша молодая?» Затѣмъ снова окручиваетъ головы и жениха и невѣсты, а присутствующіе кричатъ:

«Хороша молодая!»

Потомъ дружко ведетъ молодыхъ въ клѣть; тамъ ихъ кормитъ, при чемъ онъ плетью все бьетъ по полу.

Возвратившись послѣ кушанья, новобрачные кланяются въ поясъ жениховой матери и просятъ ее помочь раздать жениховой роднѣ дары. Сваха приноситъ эти дары въ рѣшетѣ, а дружко привязываетъ каждый подарокъ къ кнутовищу и выкликаетъ:

1662.

Есть ли во этой и т. д.
Становись на лыжи,
Двигайся поближе,
Къ нашему князю молодому.
У насъ стоитъ князь и княгиня молода,
И сватушка дорога,
И просятъ васъ къ дарамъ.

Всѣ поочереди подходятъ, снимаютъ подарокъ съ кнутовища и цѣлуютъ молодыхъ.

Начинается пирушка. Дружко и сваха уводятъ молодыхъ спать. Первую ночь молодая сохраняетъ свою невинность, такъ какъ на слѣдующій день ей и ея молодому мужу придется сидѣть подъ образами, а потому нельзя оскверняться. Въ противномъ случаѣ, пришедшая поздравить ихъ утромъ сваха и узнавши о несоблюденіи обычая, разглашаетъ это и молодые подвергаются насмѣшкамъ.[2])

Зап. Б. Б. Глинскимъ.

[1]) Эта личность здѣсь въ первый разъ появляется. Разсказчица ее совершенно опустила въ предъидущихъ дѣйствіяхъ. Г.

[2]) Почти все со словъ Аграфены Петровой. При скоромъ записываньѣ нельзя было въ подлинности удержать ея рѣчи. Г.

Той же губерніи, Бѣлозерск. у., с. Антушево.

На руковитьѣ.

1663.

Чего вѣкъ-то я не думала,
Отъ родесь[1]) своихъ не чаяла,
Что во эту студену зиму
На меня повыпадетъ невзгодушка . . .
Не изъ тучи громы грянули,
Не съ небесъ снѣга повыпали
На мою на буйну голову,
На мою на красну крáсоту.[2])
Я не знаю да не вѣдаю,
Вы на что, мои родители,
Разсердилисъ да разгнѣвались.
Кажется, я красна дѣвица,
Не жалѣла могуты-силы
Я не въ лѣтней-то работушкѣ,
Я не въ зимнемъ обряжаньицѣ,[3])
Я слуга была всѣмъ вѣрная,
Была вѣрная я ключница.
Вотъ уже мои родители,
Вы посхватитесь, поскаетесь.
Пора время пріобойдется,
Народъ, люди всѣ разойдутся,
Со двора гости разъѣдутся
Съ терема гости разойдутся.
Какъ пройдетъ зима студеная,
Какъ настанетъ весна красная,
Какъ поспѣютъ всѣ работушки.
Всѣ отхожія тяжелыя
Какъ пойдутъ да люди добрые
На отхожую работушку,
Со семьями, со артелями,
Съ козáками, съ козачихами,[4])
Съ дочерями, бѣлыми лебедями.
Ужъ какъ мой кормилецъ батюшко
И кручинная моя матушка
Пойдутъ одни-то одинешеньки
На отхожую работушку.
Государыня, моя матушка,
Ты повыйди на крылечушко,
Какъ пойдутъ милы подруженьки,
Запоютъ-то звонки пѣсенки, —
Ты послушай кручинна матушка,
Моего то зычна голоса,
Какъ по старому по прежнему.
Ты вспомни, да повспомяни
На чужой меня сторонушкѣ,—
Мнѣ икнется[5]) легошенько,
Мнѣ вздохнется тяжелешенько.
Хоть говорить-то мнѣ будетъ некогда,
Такъ сама себѣ подумаю,
Что вспоминаетъ кручинна матушка
На родимой на сторонушкѣ,
Тамъ запѣли милы подруженьки
Заунывныя-то пѣсенки.
По зарѣ-то по вечерней
Не могла моя матушка
Не учуть да не услышати
Моего то зычна голоса.
Какъ кручинная-то матушка
Обольется горючимъ слезамъ,
Меня вспомнила, молодешеньку,
На чужой на сторонушкѣ.
Ты подумай, тепла пазушка,
А въ чужихъ людяхъ не бываючи,
Чужихъ людей не видаючи.
Я жила-то, красна дѣвица,
У васъ, мои родители,
Я жила да красовалася,
Мое сердце радовалося,
Какъ пчела въ меду купалася.
Я не знала, красна дѣвица,
Какъ ни ранняго вставаньица,
Какъ ни позняго лежáньица,
Ни грубова побужденьица;
Ты побудишь, кручинна матушка,
Истиха-то, по легошеньку:
«Ты вставай-ко, мое дитятко,
Ты вставай-ко, мое милое!
Всѣ дѣла у насъ не дѣланы,
Всѣ работы не работаны.»
— Ужъ я встану, молодешенька,
Я со мягкой-то постелюшки,
Со высокова сголовьица,
Погляжу я, красна дѣвица, —
Всѣ дѣла у ней придѣланы,
Всѣ работы приработаны.
Какъ подумаю, красна дѣвица,
Про чужую-то про сторонушку —
Сердце кровью пріобо̀льется,
Животъ камнемъ перевéрнется.
А просплю-то, красна дѣвица,
Со дѣвичьей воли вольныя
До зари-то до бѣлóва дня,
До восхода красна солнышка.
Какъ заходятъ злы чужи люди,
Закричатъ-то по звѣриному,
Зашипятъ-то по змѣиному:

1) Отъ роду.
2) Головной уборъ, въ видѣ коронки.
3) Уходъ за скотомъ.
4) Съ работниками, работницами.
5) По повѣрью кого вспоминаютъ, тотъ икаетъ.

«Ты вставай, вставай, сонливая,
Пробужайся-тко, дремливая,
Всѣ дѣла у насъ придѣланы,
Всѣ работы приработаны!»
— Какъ я встану, молодешенька,
Я со мягкой со постелюшки,
Со высокова сголовьица,
Пріумою лице бѣлое
Не водой да не ключёвою,
А своими-то да горючимъ слезамъ,
Я утрӯ-то лице бѣлое.
Погляжу я, молодешенька,
У себя-то въ честномъ дому,
У кормильца-то, у батюшки,
У родители, у матушки:
Не волна-ли то взволновалася?
Чужи люди взбунтовалися . . . .
Какой шумитъ сватъ, злодѣй большой,
Со кормильцемъ-то, со батюшкой,
Со кручинною, со матушкою;
У нихъ сватовство заводилося,
Рукобитьице сучинилося.
Не спѣши, кормилецъ, батюшко,
Засвѣчать-то воскову свѣчу,
Подавать-то руку правую
За столы да за дубовые,
За скатерти-то браные,
За яства-то сахарныя,
За питья-то медвяныя . . .
Погляжу-я, молодешенька,
За столы да за дубовые
Во батюшкову сторонушку:
Всіе [1]) то да родни нѣтути
Пропивать-то буйну голову,
Запоручивать крáсну-крáсоту;
Минѣ [2]) дай да красной дѣвицѣ
Да повыдти, да повыступить
На широкую, на улицу,
Опустить да свой зыченъ голосъ
Что на всѣ четыре стóроны.
Надо мнѣ собрать вся родня своя,
Вся природа-то сердечная
На ручное рукобитьице.
Богъ судья вамъ, столы дубовые,
Да и вамъ, скатерти браныя,
Не могли столы отодвинуться,
Браны скатерти завéрнутися
Богъ судья вамъ, хлѣбы ситніе,
Не могли вы откатитися.
Богъ судья свѣча воскóвая,
Не могла ты закратитися.

[1]) Всей.
[2]) Мнѣ.

Наканунѣ свадьбы.

1664.

Благослови-ка, Боже Господи,
Душечку да красну дѣвицу,
Ночи спать мнѣ, красной дѣвицѣ,
Встать со лавочки дубовыя,
Со брусапочки кленовыя!
Я пойду да молодешенька,
Что по свѣтлой по свѣтлицѣ,
По высокой новой горницѣ,
По батюшкову по строеньицу
По одной да половичинкѣ,
Не впервые, во послѣдніе
Душечкой да красной дѣвицей
Во своей волѣ вольнею,
Въ дѣвичей-то красотѣ своей.
Погляжу я, красна дѣвица,
Во косящатое окошечко, —
Волюшка-то разсердилася,
Что со мною-то не простилася,
Посередь поля становилася,
Во всѣ стороны поклонилася:
«Прощай, веселое весельице,
Прощай, лѣтнее гуляньице!»
Какъ повышла воля вольная
За славное чистó поле, —
Ей попали три дороженьки,
Везутъ неволюшку великую.
Какъ спросила воля вольная
У великой-то неволюшки:
«Ты куда ѣдешь неволюшка?»
Отвѣчала ей неволюшка:
«Ѣду къ душечкѣ, красной дѣвицѣ.»
Тутъ-то волюшка призадумалася:
«Я напрасно разсердилася
На душечку, красну дѣвицу.
И пошла—съ ней не простилася,
Я, волюшка, отъ ней пѣшкомъ ушла,
А неволюшку на конѣ везутъ.
Охъ-ти мнѣ-то, мнѣ, тошнехонько!
Погляди, кормилецъ батюшко,
И кручинная моя матушка:
«Я во эти двѣ недѣлюшки [1])
Въ могучихъ плечахъ узешенька,
Въ животѣ стала тонешенька,
Со бѣла лица бѣлешенька!
Богъ судья, мои родители,
Вы на что да разсердилися,
Мнѣ не дали, молодешенькѣ,
Со годами соверстатися,
Со могутою сокопитися,
Да со разумомъ собратися;

[1]) Со дня сватовства.

Мнѣ не дали, молодешенькѣ,
Бѣлаво лица дополнити,
Русы косы дорбстити
До шелкова до пояса.
Не тонкимъ бѣлымъ плотенцемъ
Рукавомъ своей рубашечки.
Погляжу я, молодешенька,
У злодѣевъ-то чужихъ людей, —
Всѣ дѣла у нихъ не дѣланы,
Всѣ работы не работаны.
Тутъ повспомню да повспомяну
Батюшкину волю вольную,
Матушкину дроку [1]) дрочную.

Утромъ въ день свадьбы.

1665.

Наша миленькая подруженька,
Долго спишь да засыпаешься,
Въ крѣпкой сонъ-то задаваешься.
Пора встать да пробудитися,
По дворамъ-то *пѣуны* поютъ,
По садамъ то соловьи свищутъ,
По избамъ-то печи топятся,
По чуланамъ дѣвки моются,
По клѣтямъ ужъ наряжаются,
Въ избахъ печи истопилися,
Всѣ большухи обрядилися,
Всѣ подружки сокопилися.
Ты вставай, мила подруженька,
Во сегоднешный, во бѣлый день.
Тебя не будитъ кормилецъ батюшка
И кручинная твоя матушка,
У нихъ дѣла не случилося,
Всѣ дѣла у нихъ придѣланы,
Всѣ работы приработаны.
Отказали тебѣ родители
И отъ хлѣба, и отъ соли,
И отъ дѣла, отъ работушки.
Ныньче встану молодешенька
Я со мягкой со постелюшки
Со высокаго сголбвьица.
— «Ты, кручинная моя матушка,
Ты сходи-жъ въ три поля,
На три рбдничка.
Принеси, кручинна матушка,
Ключевой воды студенныя
Мнѣ-то посмыть со бѣла лица,
Мнѣ горючую слезйночку,
Съ ретива сердца кручинушку.

Нынче, слава тебѣ Господи,
Я умыла лице бѣлое.
Стану Господу молитися,
Чтобы Господи помиловалъ,
О злодѣяхъ о чужихъ людяхъ,
О злодѣйнѣ чужой сторонѣ.
Какъ пойду я, молодешенька,
По свѣтлой-то по свѣтлицѣ.
Я ударю челомъ пд низку
Своему кормильцу батюшкѣ:
«Мой кормилецъ, сударь батюшко!
Я учула да услышала,
Говорятъ милы подруженьки,
Что со лѣтнюю сторонушку
Не погода подымается,
Бѣлы снѣги завиваются.»
— Сама знаю, сама вѣдаю:
Не погода подымается,
Не бѣлы снѣги извиваются, —
Чужи люди подвигаются.
Мой кормилецъ, сударь батюшко,
Ты запри-ко сѣни новые
Да воротечка тесовые
На запоры-то на крѣпкія,
На замки-то на нѣмецкія!
Не пускай ты чужихъ людей.
Охти мнѣ-то, мнѣ тошнешенько!
Видно обошлися [2]) чужи люди
Со кормильцемъ-то, со батюшкой.
Онъ впустилъ зиму студеную,
Ознобилъ онъ красну дѣвицу
Безъ зимы-то безъ студеныя,
Безъ морозу безъ трескучаго.

Послѣ призыва въ баню.

1666.

Ты, кручинная моя матушка,
Мой кормилецъ, сударь батюшка,
Можно чуть да можно слышать:
Приходили мои подруженьки,
Меня звали, дозывалися,
Идти въ баню, идти въ пáруну,
Во честную не угарную.
Совсѣмъ баенка истоплена,
Какъ совсѣмъ понзготовлена,
Посогрѣта ключева вода,
Сварены да слизки щблоки.
Мой кормилецъ, сударь батюшка,
И кручинная моя матушка!

[1]) Холя.

[2]) Поладили.

Мнѣ дайте, красной дѣвицѣ,
Тонку бѣлую рубашечку,
Сарафанецъ семишо́лковый.
Какъ еще кормилецъ батюшка,
Собери-ко красной дѣвицѣ
Проводничковъ низкопоклонничковъ.
Ты кручинная моя матушка,
Мнѣ ты дай-ко, молодешенькѣ,
Посажоную-то свахоньку!
Какъ еще, кормилецъ батюшко,
Дай-ко мнѣ благословеньице
Идти въ баню, идти въ па́рушу!
Вы пойдемте, мои подруженьки,
На широкую на улицу:
Становитесь, милы подруженьки,
Кругомъ бани, кругомъ парушп,
Вы стѣной да бѣлокаменной,
Караульте красну кра́соту!
Какъ пойдетъ-то красна кра́сота
Во трубу то бѣлымъ дымикомъ,
Во двери то пойдетъ парикомъ,
Во оконце пойдетъ жарикомъ, —
Посхватайте, милы подруженьки,
Мою красную-то кра́соту,
На послѣдню вечериночку.

По возвращенiи изъ подвѣнечной бани.

1667.

Вамъ я много благодарствую
На банѣ-то на парушѣ!
Богъ судья, милы подруженьки!
На обманъ-то дѣло сдѣлали:
Насказали да нахвастали
Не беретъ-то баня паруша,
Какъ не дани, да не пошлины,
Ни оброку, ни подушнины, —
А взяла-то баня паруша
Больши дани, больши пошлины,
Взяла кра́соту-то красную,
Всю дѣвичью волю вольную.
Какъ пошла-то красна красота,
Я просила васъ, подруженьки:
«Задержите красну красоту!»
Какъ ушла-то красна красота
Чистымъ полемъ, бѣлымъ заюшкомъ,
По залѣсью горностаюшкомъ:
Ушла красная-то красота
На рѣку-то да на быструю,
На воду да на чистую;
Поплыла-то красна красота
Со гусямъ она со лебедямъ,
Да со сѣрымъ-то со утицамъ;
Такъ я только, молодешенька,
Посхватила красну красоту
На послѣдней вечеринушкѣ.
Охти-мнѣ-то тошнешенько!
Говорятъ мои родители
Вся родня-то *притуманная*:
Надо снять то красну красоту
Со моей-то буйной головы.
Я не знаю, молодешенька,
Какъ мнѣ съ нею раставатися:
Какъ водой ли разливатися?
Ли травою растилатися?
Ли конемъ то разъѣзжатися?
Камешкомъ ли разсыпатися
Со своей-то красной красотой?
— Охти мнѣ тошнешенько!
Не спѣшите, мои родители,
Разлучать-то съ красной красотой!
Какъ ушла-то красна красота
Къ красну солнцу на гуляньице,
Къ свѣтлу мѣсяцу на бесѣдушку,
Ко частымъ звѣздамъ на думушку.
Стану ждать да дожидатися
Я свою-то красну красоту:
Отъ краснаго солнышка съ гуляньица,
Отъ свѣтла мѣсяца съ бесѣдушки,
Отъ частыхъ-то звѣздъ со думушки.
Я не чула да не слышала:
Не ногамъ пришла красна красота,
Не рукамъ она положена
На мою-то буйну голову,
На мои-то русы волосы, —
Прилетѣла птичкой птачечкой.
Сама знаю, сама вѣдаю,
Хоть не долго красоватися,
Со красотою разставатися.
Прибери, кормилецъ батюшко,
Человѣка мнѣ надежнаго,
Мнѣ оставить красну красоту.
Государоня, моя матушка!
Буде подымутся бѣлы руки,
Посогнутся тонки пальчики
На мою-то буйну голову,
На мою-то красну красоту
Поспими ты красну красоту.
Сама знаю, сама вѣдаю:
У тебя, кручинна матушка,
Не подымутся бѣлы рученьки
У меня снять красну красоту.
Ты, кручинная моя матушка,
Прибери, моя родимая,
Человѣка-то надежнаго
Мнѣ оставить красну красоту.
Поручу я волю вольную
Своей крестной-то я матушкѣ.

«Моя крестная ты матушка!
Подыми свои руки бѣлыя
На мою на буйну голову,
На мою на красну красоту.
Богъ судья-те, кресна матушка,
Остыдила, обезчестила
При народѣ, при добрыхъ людяхъ.
Поснала ты красну красоту.
Погляжу я, молодешенька,
На столы-то на дубовые, —
Тамъ сидитъ-то красна красота
Покраснѣе красна солнышка,
Посвѣтлѣе свѣтла мѣсяца,
Въ *полуносъ*-то не изношена,
Въ *полудержъ* то не издержена,
Что новымъ-то она новешенька.
Я носила красну красоту
По гуляньямъ да по праздничкамъ,
Берегла я красну красоту,
Запирала во коробочку.
Государонь, моя матушка,
Мнѣ тоской-то встосковалося
О своей то красной красотѣ!
Подойду я, красна дѣвица,
Ко столу да ко дубовому
Ко своей-то красной красотѣ,
Стану звать да дозыватися:
«Ты иди-ко, воля вольная,
На мою-то буйну голову:
Мнѣ тоской-то встосковалося
Безъ тебя-то, красна красота!»
— «Отойди прочь, красна дѣвица!
Голова твоя неучесана,
Волоса твои неуглажены»
Обращусь я, красна дѣвица,
Ко кручинной ко матушкѣ:
«Ты, кручинная моя матушка!
Учеши-ко буйну голову,
Пріуглади русы волосы.»
Нынь пойду я, красна дѣвица,
Ко своей-то красной красотѣ.
Стану звать да дозыватися:
— «Ты иди ко мнѣ, красна красота,
На мою-то буйну голову,
На мои-то русы волосы!»
Отвѣчаетъ красна красота:
«Отойди прочь, красна дѣвица,
Голова твоя запросватана,
Коса русая запоручена.»
— «Охти мнѣ-то, мнѣ тошнехонько!
Не сердися ты, не гнѣвайся,
Что голова-то запросватана,
Руса коса запоручена.
Ты иди ко мнѣ, красна красота,
Не надолго поры времячка!»
Говоритъ-то красна красота:
— «У тебя и руки-то не вымыты.»
— «Моя крестная ты матушка.
Мнѣ подай-ко ключевой воды
Мнѣ повымыть руки бѣлыя.
Мой кормилецъ, сударь батюшко,
Ты подай мнѣ, красной дѣвицѣ,
Подай чашу пива пьянова
И скляницу зелена вина.
Мнѣ повыкупить красну красоту.»
Подойду я красна дѣвица
Къ соколочку, братцу милому:
«Соколочекъ, братецъ миленькой,
Тебѣ чаша пива пьянова
И скляница зелена вина. —
Ты отдай мнѣ красну красоту
На мою на буйну голову.»
— Нынь пойду я, красна дѣвица,
По своей по свѣтлой свѣтлицѣ,
Во своей-то красной красотѣ.
Не сидитъ-то красна красота
На моей на буйной головѣ.
На головѣ то извивается,
На бѣлы руки бросается.
Говоритъ-то красна красота:
«Мнѣ тутъ не мѣсто да не мѣстечко,
Голова твоя запросватана,
Коса русая запоручена.»
— Я не знаю да не вѣдаю,
Какъ сдержать мнѣ красну красоту?
Отнесу я красну красоту
Во поля-то да во чистыя,
Во луга-то во зеленые,
Какъ во травоньки шелковыя.
Тутъ не мѣсто ей, не мѣстечко,
Тутъ пойдетъ-то чужой чуженинъ
Со косой-то траву косити,
Подсѣчетъ онъ красну красоту, —
Мнѣ-то жаль будетъ тошнешенько.
Я снесу же красну красоту
На рѣку снесу на быструю,
Какъ на воду-то на чистую,
Опущу я красну красоту,
Со гусями ее со лебедямъ,
Со сѣрымъ ее со утицамъ.
Сама знаю, сама вѣдаю,
Что не мѣсто тамъ ей, не мѣстечко.
Какъ охочь ходить чужой чуженинъ
Со ружьемъ ходить за охотою, —
Онъ подстрѣлитъ красну красоту.
Мнѣ-то жаль ее тошнешенько.
Нынь снесу я красну красоту,
Во Божію церковь соборную,
Положу я красну красоту
За престоломъ Богородицы,

Сама знаю, сама вѣдаю,
Что ей не мѣсто тутъ, не мѣстечко:
Тутъ охочь да чужой чуженинъ
Ходить во церковь-то молитися, —
Тамъ увидитъ красну красоту,
За престоломъ Богородицы, —
Онъ повыкупитъ красну красоту
На свою-то золоту казну.
Мнѣ-то жаль будетъ, тошнешенько.
Такъ оставлю я красну красоту,
Я кручинной моей матушкѣ:
«Положи, кручинна матушка,
Мою красную-то красоту
Во свою то теплу пазушку.»
— «Государонь моя матушка
Сама стала старешенька,
Поясокъ носитъ слабешенько,
Потеряетъ красну красоту.
Такъ оставлю волю вольную,
Я сестрѣ-то голубушкѣ:
«Ты носи, сестрица милая,
Черезъ-будни да по праздничкамъ
По частымъ по воскресеньицамъ,
Съ головы-то не снимаючи,
Съ бѣлыхъ ручекъ не спускаючи,
Все меня-то вспоминаючи
На чужой то на сторонушкѣ.
Нынь сестрица моя милая,
Учеши-ко буйну голову,
Пріугляди русы волосы,
Наложи ты красну красоту.
Мнѣ не долго красоватися,
Хоть сидитъ моя красна красота
Не по старому, не по прежнему,
По конецъ буйной головы.»

Зап. П. Г. Вересовымъ.

Бѣлозерск. у., д. Бубриво.

1668.

Первый причетъ въ рукобитье или въ первый день за причетки.

Господи Боже, благослави меня
На день, да на севоднешней,
Въ добрый часъ да во топерешной
Бѣлой лебедѣ возгѝрчати,
Что на славномъ да на синемъ морѣ,
На горючемъ синемъ камешкѣ
Минѣ красной дѣвицѣ заплакати
Во высокомъ новомъ теремѣ,
На дубовой сидить лавочкѣ.
Опустите мнѣ звонки голоса
По батюшкову широку двору,
По матушкиной новой горницѣ
Объявить мнѣ горе нà люди,
Обронить да слезы нà землю.
Доходите звонки голоса
До моивъ роднывъ родителей,
До моево корминца батюшки
И до родители-то матушки.
«Мои родные вы родители:
Ужь ты мой, корминецъ батюшка,
И кручинная моя матушка!
Вы минѣ дайте благословленьицо
Съ чиста серца и со радости
Опустить да звонки голоса.
Я не смію млада осмилиться
Безъ вашево благословленьица —
Объявить да горе на люди
И обронить да слезы на землю.
Нопеча, слава тебѣ Господи,
Я учула и услышала
Отъ своивъ роднывъ родителей
Я отъ ивъ благословленьицо
Съ чиста серца и со радости.
Доходите, звонки голоса,
До моивъ до милывъ братьицей
И сестрицъ моивъ голубушекъ
И до всево до роду племени.
— Мои родные вы родители!
Вы минѣ дайте благословненьицо
Съ чиста серца и со радости.
Нонь сидить мнѣ не отсидитися,
Сидя думы не придумати,
Моево серца неутѣшивати,
Свое родни мати не разслезивати.
У мня родня стала неслезливая,
До миня не жалосливая
Минѣ отшатить свои могучія плечи
Отъ стѣны да тесу бѣлова,
Стать со лавочка дубовыя,
Со брусаночки кленовыя,
Стать на ноженьки томленные,
На чулочки на гумажныя,
На башмачки стать сафьяныя,
На гвозьё на полужённые
Походить покрасоватися
Пока до злодія свата большово —,
До чоснохвальные коровойницы.
Мои родные вы родители,
Ижь ты мой корминецъ батюшка
И родитель моя матушка!
Вы послушайте родители
Въ чемъ я попрошу васъ, красна дѣвчия,
До поры да и до времечки
Пока до злодія свата большова,

Вы нарядите слугу вѣрнова
Своева да сына милова,
Моева братца любимова,
Ево пошлите во темны лѣса —
Пущай засичеть да въ лисѣ зѧсѣку,
Чтобы нельзя (было), да некакъ не можно
Ни пройти да ни проѣхати,
Чтобы злодію да свату большому.
Да еще мои родители вы накажите сыну милому,
Чтобы поперекъ пути дороженьки
Прорылъ копавы-тѣ глубокія,
Чтобы нильзя, да некакъ не можно
Ни пройти, ни проѣхати было
Злодію, свату большому,
Чтобы со дороги воротилися,
Отъ миня прочь отступилися.
Я тебя, родитель-матушка,
Я попрошу да молодешенька,
Чтобы нарядила слугу вѣрную,
Свою дочерь-то любимую,
Мою сестрицу-то любимую,
Чтобы заперли да вси воротички,
Золотыя подвороточки.
Не допущайте злывъ чужывъ людей
До двора да до Маркова
До терема да до высокова
И до миня до красной дѣвицы.
Какъ ужъ вы, мои родители,
Откажите да злывъ чужывъ людей
Отъ миня да молодешеньки
Послѣ тые до поры времечки.
Я у васъ, мои родители,
Буду жить да лучше старова,
Работать да лучше прежнева.

1669.

Сыидеть домой да злодій большой сватъ
Противъ семьи разспохваляется,
На меня да роспеняется:
Коль хитра да мудра дѣвица,
Коль проворны милы братьица.
Въ лѣсахъ зѧсики засѝчены,
Во поляхъ рвы глубокія прокопаны,
Ворота да крѣпко заперты,
Подвороточки заложены
И приворотнички поставлены.
Вокругъ сё да красной дѣвицы
Стоятъ любимыя подруженьки —
Миня не допустили добра молодца
До души да красной дѣвицы.
Топерь пойду я, красна дѣвица,
Я по свѣтлой-то по свѣтлицѣ
И по высокой новой горницѣ
На весельѣ и на радостяхъ
Я нарядила слугу вѣрнова
И послала посла скорова,
Соколка да мила братечко,
Мою просьбу-то исполнити.
Я буду ходить до ни боючи,
И говорить ни опасаючи.
Охъ-ти минѣ, минѣ тошнёшенько!
У миня да красной дѣвицы
Растосковалося сердечушко,
Разгоревалося ретивое,
Разболѣлась буйна голова
И заплакали очи ясны
Потекли да горючи слезы.
Я не знаю да ни вѣдаю
Надо мной што случается:
Видно слышитъ ретиво серце
Эту нивзгоду-то великую.
Я сама да знаю вѣдаю,
Что злые люди коль наѣнливы,
Коль наенливы, нахратливы,
Они нахратливы, напрасливы:
Отъ миня да не отступятся,
Назадъ домой не воротятся,
Разсѣкутъ да въ лисѣ зѧсѣку,
Завалятъ да рвы глубокія,
Замостятъ да мостъ калиновой,
Да створятъ всѣ воротечка,
Выставятъ да подвороточку,
Оттолкаютъ приворотничковъ
Отъ дверей да всѣ въ придверничковъ,
Отъ миня милывъ подруженекъ.
Я сама да знаю, вѣдаю
Что минѣ невношко[1]) поры времечка
До злодія, свата большова,
Походить, покрасоватися,
Съ волюшкой порадоватися,
Пока во своей да волѣ вольнею,
Пока со миленькимъ подруженькамъ.
Какъ погляжу я, красна дѣвица,
Я на своивъ милывъ подруженекъ:
«Вы мои миленькія подруженьки,
Вы коль счасливы и таланливы!
Отъ васъ женихи да воротилися,
И сваты да въ Весь[2]) уѣхали
На славутную на ярмонку.
Какъ моему да свату большому
Ему ни открыло свѣту бѣлову,
Нигдѣ славутные тѣ ярмонки,
Только открылось свѣту бѣлово
Ко минѣ да красной дѣвицѣ.

[1]) Немножко.

[2]) т. е. въ Весьгонскѣ уѣздный городъ Тверской губерніи. Ш.

Миня разлучили красну дѣвицу
Со своей-то волюшкой-то вольнею
И со вамъ, милые подруженки.
Какъ я погляжу, да красна дѣвица,
Я на васъ, милыя подруженки:
Вы идете — буди трава растетъ,
Вы сидите — буди цвѣты цвѣтутъ,
Вы говорите — буди рублемъ дарите,
Буйны головы учесаны,
Русы косы заплетены,
Въ косу кустышки привязаны
И красны красоты наложены.
Какъ у миня, у красной дѣвицы,
Хоть буйна голова чесана
И русая коса заплетена
И въ косу кустышки привязаны,
И красная красота наложена,
Только не по старому, не по прежному,
Моя красная ты красота,
Моя прикраса лицу бѣлому!
Чесь хвала да роду племени!
У миня да красна красота,
Она въ дешовыя годы куплена,
А въ дорогу цѣну поставлена.
Какъ моя да красна красота
Девять сотъ да рублей стоила.
Какъ на первую на сотенку—
Брала кумачу да Ярославскова,
На вторую-то на сотенку—
Брала бархату Ростовскова,
Какъ на третью на сотенку—
Брала шолку нелинючева,
Какъ на четвертую на сотенку—
Брала мелкивъ частывъ блездочекъ,
Какъ на пятую на сотенку—
Брала насыпныхъ жемчужныхъ запанковъ,
На шестую-то на сотенку—
Брала зергальныхъ свѣтлыхъ ставочекъ,
На семую-то на сотенку—
Брала жемчугу для поднизи,
На восьмую-то на сотенку—
Брала драгоцѣннова-то каменья,
А девятую-то сотенку—
Оддала швеѣ да самоглавною:
Мою шили красну красоту,
Суряжали волю вольную
Во Москвѣ да двѣ бояроии,
Двѣ купеческія дочери
По тую раннія заутреньи,
По тую позныя обѣденки.

1670.

Вы, (в)ставайте-тко сонливыя,
И пробужайтеся дремливыя
По дворамъ да пѣуны поютъ,
По избамъ да печки топятъ,
По горницамъ дѣвки моются.
Вы, мои милелькія подруженки,
Минѣ скажите, бѣлы лебеди,
Какъ ночесь да въ темну ноченку
Вамъ спалося ли, дремалося
И во сняхъ ли что приснилося?
Какъ минѣ да красной дѣвицы,
Минѣ ночесь да въ темпу ноченьку
Мало спалося и дремалося,
А во сняхъ много приснилося.
Минѣ, приснилося, молодешенькѣ:
Будто у окна поколотилося,
У воротъ да въ кольцо брякнуло,
У дверей да попросилося.
Я (в)ставала, молодешенька,
Со кроваточки тесовыя,
Со перинушки пуховыя
И со кручинново изголовьица,
Я отворяла двери на пяту,
И дубовую доску на стѣну,
Я запускала волю вольную.
Она середь поля остановилася,
Господу Богу помолилася,
Пбниску минѣ поклонилася:
«Здраствуй, милая подруженка,
Моя сестрица, ты голубушка!
Минѣ попеняли да посудачили.
Тибѣ Богъ судья, мила подруженка,
Ты какъ поспѣшила, поторопилася,
Миня отказала волю вольную
Отъ сибя дя молодешенки.
Моя пошла да воля вольная
Отъ миня да молодешенки,—
Она со мной да ни простилася
И назадъ ни воротилася.
Ужь я вышла, красна дѣвица,
На широкую-то улицу,
Я поглядѣла, красна дѣвица,
Вслѣдъ за волюшкой-то вольною,
Куда пошла да воля вольная,
Моя дѣвичья дрока дрочная
Во далечи во темны лѣса.
Моя сѣла воля вольная
Она на елку на кужлявую.
Я подходила, молодешенька,
Къ своей волюшкѣ-то вольною,
Хотѣла взять ее волю вольную, —
Какъ нильзя, никакъ не можно:
Вѣдь зелена елка *подкарзяна*.
Я пошла прочь, слезно заплакала.
Какъ и еще да сонъ привидѣла:
Я выходила, красна дѣвица,
На круто красно крылечушко,

Изъ подъ высока нова терема,
Изъ подъ крута красна крылечушка,
Изъ подъ кроваточки тесовыя,
Изъ подъ перинушка пуховыя,
Изъ подъ кручиниово изголовьица
Протекала ричка быстрая.
Что по этой быстрой риченькѣ
По ней плыветъ да легка лодочка;
А во той ли легкой лодочкѣ
Есть сидитъ да красна дѣвица,
Въ рукахъ держитъ красну красоту.
«Вы, пародъ да люди добрые,
Все сусѣди порядовные.
И мои любимые подруженки,
Вы разгадайте да раздумайте
Этотъ сонъ къ чему да сонъ привидился.»
Хоть вы молчите, минѣ не скажете,
А я сама да знаю-вѣдаю,
Что къ чему да сонъ привидился:
Изъ подъ кутя красна крылечушка,
Изъ подъ кроватушки тисовыя,
Изъ подъ периншки пуховыя
Протекала быстра риченька —
Это мои слезы горячія.
А какъ плыветъ да легко лодочка, —
Это гульба-игра веселая,
А какъ сидитъ да красна дѣвица, —
Это воля моя вольная,
Въ рукахъ держитъ красну красоту, —
Мою просѣкную ленту шытую
Со жемчужной-то со поднизью.
Минѣ еще во снявъ приснилося,
Какъ ровно вьáво показалося
Я выходила красна дѣвица
На шырокую на улицу —
Будто у насъ да во чистомъ полѣ
Есть крутая гора высокая,
Какъ на этой на крутой горѣ
Лежытъ звирь да со звириною,
А подъ крутой горой высокою
Лежатъ змѣи со змiятами.
И по среди да поля чистова
Стоитъ столбъ да новоточеной —
Колется да расколяется,
Онъ горитъ да разгоряется.
«Мои любимыя подруженьки,
Минѣ скажыте, бѣлы лебеди,
Этотъ къ чему да сонъ привидился?»
— Я сама да догадалася,
Дѣвушка я домекнулася,
Что къ чему минѣ сонъ привидился:
На крутой горѣ высоко лежытъ
Не звирь да со звириною,
А лихой свекорь со свекровкою;
Подъ крутой горой высокою
Лежатъ не змѣи со змѣятами, —
То деверья со золовками,
Во шырокомъ во чистомъ полѣ
Стоитъ не столбъ да новоточеной—
Не колется ни расколяется
Не стогня да разжыгается, —
Это чужой да доброй молодецъ,
До поры онъ да до времечки
Мной дѣвицей похваляется.
Во севоднишной во бѣлой день
У моево корминица батюшка—
Бить двору да раствореному,
И тыну да розкаченому,
Минѣ дѣвицѣ да увезеною.

По умершихъ родителяхъ.

1671.

Во севоднешной во бѣлой день
Я (в)ставала, сиротиночка,
Утромъ рано поранешеньку,
Выходила, горе-бѣдная,
Я на шырокую на улицу,
Брала росы съ травы зеленые,
Обмывала лицо бѣлое;
Миня обдули вѣтры буйные
И обсушило красно солнышко,
Я наряжалась, сиротиночка,
Во нарядъ-платье кручинное,
Пошла ко церквѣ ко соборною,
Ко молебну-то заздравному.
Я (в)ставала, сиротиночка
Въ рядъ со миленькимъ подруженькамъ,
Я глядѣла да смотрила
По народу, по добрымъ людямъ,
Я своивъ роднивъ родителей,
Своево корминица батюшка,
По наряду платью цвѣтному,
По ево да по русымъ кудрямъ.
Я ни могла ево увидѣти
Во Божьей церквѣ соборною.
Какъ пошли народъ, — добры люди,
Домой изъ церквы-то соборные, —
Я (в)ставала, сиротиночка.
Ко дубовымъ шырокимъ дверямъ,
Все глядѣла да смотрила
Во народѣ во добрывъ людявъ
Своево корминица батюшка. —
Я не могла ево увидѣти
И во слѣдъ да по походочкѣ.
Я пойду нонь, сиротиночка,
На круту гору высокую
И на площадь на шырокую,
На могилоньку глубокую.

Я припадала, сыротиночка,
Я ко матушкѣ сирой землѣ,
Я опускала звонки голоса
Высоко да по поднебесью,
Шыроко да по бѣлу свѣту,
И глубоко во мать сыру землю,
Къ своему корминцу батюшку:
«Ужь ты, мой корминецъ батюшка,
Мое красное ты солнышко!
Ты послушай, красно солнышко,
Чево я спрошу да сиротиночка:
Ты придешь ли, родитель батюшко,
Ко мнѣ, да сыротиночкѣ,
Хоть не надолго поры времечка,
На одинъ маленькой минутой часъ —
Съ нами думушки подумати,
Тоски серцу пріубавити?
Кабы ты, мой кормилецъ батюшко,
Посулился красно солнышко
Ко намъ да сыротиночкамъ,
Я бы горькая несчасная,
Бѣдная да сыротиночка
Тибя середи бы поля стритила,
Черезъ рѝченьку увидѣла,
Черезъ темный лѣсъ поголчила;
Я бы розказала, сыротиночка,
Про свое горе великое
Какъ живемъ мы горьки-бѣдныя
Безъ тибя, корминецъ батюшко,
Мы нажылися, сыротиночко
По *привноимъ* по чужымъ людямъ.
Какъ у насъ, корминецъ батюшко,
Безъ тибя, да красно солнышко,
Пролитбе не жыветъ полно,
Отданное не воротится,
Назадъ слово не размолвится.
Мы безъ тибя, корминецъ батюшко,
Какъ подемъ мы, сиротиночки,
Во привногіе чужіе люди,
Малые и недорослые,
Глупые и неразумные.
Нашъ корминецъ, родитель батюшко,
Ты послушай красно солнышко!
Я розскажу да сыротиночки
Какъ во привногивъ во чужывъ людявъ,
Надо жыть въ людявъ умѣючи,
И говорить да разумѣючи:
По утру (в)ставать ранешенько,
Вечеркомъ легчи поздешенько.
Какъ во привногивъ во чужывъ людявъ
Слатко кормятъ, — горько чуется,
Глатко баютъ, — грубо кажется,
Мягко стелютъ — спать коль жо́стоко.

Зап. крестьянской дѣвушкой Гликерьей Ткаковой, научившейся грамотѣ въ Антушевской народной школѣ. Дост. учит. нар. уч. П. Г. Вересовымъ.

Той же губ. и уѣзда, другой волости.

Въ тотъ день, когда просватаютъ дѣвушку, на бесѣдѣ ей пропоютъ пѣсню «отставала лебедушка», а потомъ причитаютъ «зореньку»:

1672.

Ты заря ли моя зоренька,
Ты заря моя вечерняя,
Скоро рано да потухать стало,
Прежде закату да красна солнышка,
Прежде всхода да свѣтла мѣсяца.
Наша, миленькая подруженька (имя и отчество),
Коль ты скоро рано открасовалася,
Прежде сестрицъ ты своихъ голубушекъ,
Прежде миленькихъ подруженекъ:
Развѣ въ дѣвушкахъ тебѣ присидѣлося?
Развѣ волюшка тебѣ напрокучила?
Развѣ дрокушка да надосадило?
Голова тебѣ причесалася?
Руса косынька призаплеталася?
Въ косу кустышки да привязалися?
Развѣ во бесѣдѣ съ нами да присидѣлося?
Бесѣдныя пѣсни припѣлися?
Шутки, дворки[1]) пришутилися?
Цвѣтно платье да приносилося?
Красна красота да напрокучила,
Просѣкная да лента шитая,
Со жемчужной-то со подничью?
Развѣ въ кароводахъ тебѣ пригулялося,
Тебѣ со миленькими подруженькамъ?

Въ отвѣтъ на это невѣста причитаетъ:

1673.

Мои, миленькія подруженьки,
Можно знать вамъ да можно вѣдати,
По себѣ вамъ можно повѣрити:
Что въ дѣвушкахъ-то мнѣ не присидѣлося,
Волюшка не напрокучила,
Дрокушка не надосадила,
Голова не причесалася,
Руса косынька не призаплеталася,
Въ косу ленточки не привязалися,
Во бесѣдѣ съ вами не присидѣлося,
Бесѣдныя пѣсни не припѣлися,
Шутки дворки съ вами не пришутилися,
Цвѣтно платье не приносилося,
Красна красота не напрокучила,

[1]) Дво́рка—балагурство, острота. Дополн. къ Оп. обл. великор. слов. У Даля этого слова нѣтъ.

Просѣкная-то лента шитая,
Со жемчужной-то со поднизью,
Въ короводахъ не пригулялася,
Короводны пѣсни не припѣлися,
По гостямъ не приходилося,
Гостейкой не присидѣлося,
У своихъ родныхъ родителей.

Приходитъ на бесѣду за невѣстой сестра и причитаетъ, обращаясь къ подружкамъ:

1674.

Вы, мои миленькіе подруженьки,
Вы не бойтесь, да бѣлы лебеди,
Вы меня-то да молодешеньку
Я не сидѣть иду да не бисѣдовать,
Иду за сестрицей своей голубушкой.

Потомъ она подходитъ къ сестрѣ и причитаетъ:

1675.

Ты, сестрица моя голубушка,
Я скажу тебѣ, молодешенька,
Скажу вѣсточку тебѣ не радостную,
Что приказали тебѣ родны родители,
Что тебѣ распрощаться, красной дѣвицѣ,
Со бесѣдушкой смиреною,
Со гульбой-игрой веселою,
Что тебѣ со миленькими подруженьками,
Съ удалоемъ да добрымъ молодцамъ,
Тошнѣе того да и обиднѣе—
Со всей волюшкой-то вольною,
Со дѣвочьей волей гулливою.

Невѣста спрашиваетъ у сестры:

1676.

Ты скажи, сестра голубушка,
По чьему пришла позволеньицу,
По чьему да приказаньицу.
Разлучаешь меня, красну дѣвицу,
Со всей волюшкой-то вольною,
Со дѣвочьей волей гулливою?
Богъ судья-то вамъ, мои родители,
На чего вы разсердилися,
На меня-то на красну дѣвицу?
Что мнѣ какъ бы не хотѣлося
Разлучаться съ волей дѣвичьей
И съ бесѣдушкой смиренною.
Прости, бесѣдушка смиренная,
Прости, гульба игра веселая,
Простите, миленькія подруженьки,
Удалые да добры молодцы,
Прости, бесѣдная хозяюшка!
Меня извините, красну дѣвицу,
Что я суровая была несмирная,
Почасту я, съ вами бранилася,
Не по-долгу только сердилася.
Моя любая у васъ была бесѣдушка,
Почасту къ вамъ сидѣть ходила,
По-долгу у васъ сидѣла,
Въ лавкѣ мѣстечко просидѣла,
Всѣ окошечка проглядѣла,
У воротъ-то пяты вытерла,
У дверей-то скобы вырвала,
Прости, бесѣдушка смиреная!
Мнѣ не бывать больше, не сживать
Душечкой да красной дѣвицей.
Прости, желанная хозяюшка!
Дай Богъ счастливо оставатися,
Да богато разживатися!

Вслѣдъ за этимъ причетомъ невѣста выходитъ съ бесѣды съ подружками на улицу и идетъ къ дому; въ это время она съ подружками причитаетъ:

1677.

Улица моя улица,
Улица ты моя широкая,
Протянися ты, моя улица,
На сто верстъ да и на тысячу;
Я иду-то, да красна дѣвица,
Не по старому-то, да не по прежнему,
Иду со миленькими подруженьками.
Мои рѣзвы ноженьки подрѣзало,
Бѣлы ручки опустилися.
Подхожу я, красна дѣвица,
Къ батюшкову широку двору,
Къ матушкину да нову терему,
Какъ погляжу я, красна дѣвица,
Какъ у насъ во свѣтлой свѣтлицѣ,
Какъ зима то у насъ студеная,
Да отзимье да студеной зимы,
Какъ примногіе злы чужи люди.

Невѣста заходитъ въ это время въ домъ, подходитъ къ отцу и причитаетъ:

1678.

Богъ судья тебѣ, кормилецъ батюшка,
И кручинной моей матушкѣ,

Что вы пригадали, что придумали,
Меня отдавать то да запросватывать,
Меня въ эту зимоньку-то студеную;
Видно, не любая была я работница,
Не бѣла была платомойница,
Не вѣрна, видно, слуга вѣрная,
Менѣ какъ-то ужъ не хотѣлося
Въ эту-то вечерночку
Разлучаться-то красной дѣвицѣ
Со всей волюшкой-то вольною,
Со дѣвичьей волей гульливою,
Со бесѣдушкой смиренною,
Со гульбой-игрой веселою,
И со миленькимъ подруженькамъ.

Накавунѣ дѣвичника бываетъ рукобитье. Отъ жениха привозятъ «каравой», т. е. бѣлый хлѣбъ, украшенный конфектами и ленточками. До пріѣзда родныхъ жениха съ кароваемъ ей причитаютъ:

1679.

Ахъ-ти мнѣ, миеѣ тошнехонько!
Я не знаю, красна дѣвица,
Передъ чѣмъ да взвеселилася,
Я чему обрадовалася,
Коль я баско набасилася,
Хорошо да нарядилася,
Во уборъ да платье цвѣтное,
Во нарядьице хорошее,
Что зачула я, заслышала,
Я ко Господнему ко праздничку,
Ли къ обиднѣ пресвященной,
Ко молебну я заздравному,
Ли на бесѣдушку смиреную,
Я со миленькими подружками?
Я сама знаю, сама вѣдаю,
Въ эту пору, въ это времячко,
На слуху да нѣту праздничка,
Во торгахъ да нѣту ярмарки,
По церквамъ нѣту обѣденки,
Въ деревняхъ нѣту бесѣдушки.
Я погляжу да, красна дѣвица:
У меня сидятъ милы подруженьки
На дубовой то на лавочкѣ.
Во сегодняшній во бѣлый день,
Я наряжалась въ платьѣ цвѣтное,
И надѣвала красну красоту. [1])
Не по старому, не по прежнему,
Не на веселье, не на радости,
Меня принуждали, приневолили,
Всѣ мои родны родители,
Меня обманули, красну дѣвицу:
«Наряжайся, красна дѣвица,
Во нарядъ во платье цвѣтное
И надѣвай да красну красоту:
Пойдешь на гуляньице веселое.»
Приказали мнѣ родители,
Не далеко ходить разхаживать,
Не широко глядѣть, разсматривать.
Приказали мнѣ родители
Сѣсть на мѣсто-то на кручинное,
Повѣсить-то буйну голову,
Мнѣ потупить да очи ясные.
Тужить да велять плакати
Объ дѣвочьей-то волѣ вольной,
Опустить мнѣ свой зыченъ голосъ
Мнѣ по свѣтлой-то по свѣтлицѣ,
По высокой-то новой горницѣ,
По народу да по добрымъ людямъ.
Доходите вы звонки голосы
До моихъ-то родныхъ родителей,
До кормильца до батюшки,
До кручинной до матушки.
«Вы, родные мои родители,
Вы мнѣ дайте благословеньце,
Я не смѣю, да красна дѣвица,
Безъ вашего благословеньица
Объявить свой голосъ нá люди,
Обронить свои слезы на землю.»

Если невѣста сирота еще прибавляется:

Ахъ мнѣ, минѣ тошнехонько,
Коль гораздо минѣ обиднехонько,
Моему-то да ретиву сердцу:
Ужъ я просила благословленьица,
У своихъ я родныхъ родителей,—
Я не слышу, красна дѣвица,
Ихного благословленьица:
Видно во дому ихъ да не случилося,
Въ терему моемъ не сгодилося.
Видно моихъ-то родныхъ родителей
Нѣтъ во живной-то живности
Какъ во добромъ-то во здоровьицѣ:
Только имячко ихъ да называется,
Очество только величается.
Мнѣ не даютъ они благословенія,
Будто я безродная родилася,
Безплемянная крестилася;
Видно отъ камешка родилася,
Отъ крутой горы откатилася.
Какъ разгадаю сама, раздумаю:
Есть у крутой горы пригорочекъ,
Есть у камешка то дресвиночку.
Тутъ-то я, видно, сиротиночка.
Какъ у меня-то, у сиротиночки,

[1]) Коронку.

Нѣтъ родныхъ-то моихъ родителей.
Деннаго-то нѣту заступника,
Нѣтъ кормильца то батюшка,
Ночныя то нѣтъ богомольицу,
Нѣтъ кручиныя-то матушки,
Нѣту слезки то горячія;
Хоть есть у сиротинушки
Соколочки милы братьица,
Есть сестрицы мои голубушки,
Хоть имъ и жаль меня, младешеньку,
Да не противъ моихъ родителей.

Потомъ невѣста начинаетъ ходить по полу; въ это время причетчица причитаетъ:

1680.

Мнѣ сидѣть да не отсидѣтися,
Сидя сердце не утѣшити,
Своей родни не прослезити:
У меня родня-то не слезливая,
До меня-то не жалостливая,
Отшатить мнѣ могучи плечи
Отъ стѣны да тесу бѣлаго,
Отъ косерчатаго окошечка,
Отъ стекольчатыя околенки.
Благослови-ко меня, Господи,
Встать со лавочки дубовыя,
Со брусиночки кленовыя,
Встать на ноженьки на рѣзвыя,
На чулочки на бумажные,
На башмачки на сафьянные,
На гвоздьё на полуженое,
Мнѣ походить-то покрасоватися,
Съ волюшкой-то порадоватися,
По свѣтлой-то по свѣтлицѣ,
По высокой новой горницѣ,
По одной менѣ половочкѣ.
Ты не гнись, не гнись, половочка,
Не ломися, переводочка.
Отчего половкѣ гнутися,
Переводочкѣ ломитися?
Что не звѣрь да по тебѣ идетъ,
Не змѣя да извивается, —
Идетъ душечка да красна дѣвица,
Будто ниточка тонешенька,
Будто липочка легошенька,
Какъ травинка подкошеная,
Какъ сѣнинка подсушеная.
Меня подкосилъ кормилецъ батюшка,
Соколо̀чки милы братьица,
Меня подсушила кручинна матушка,
Сестрицы мои голубушки,
Въ эту зимоньку студеную,
Посковали мои рѣзвы ноженьки,
Завязали буйну голову,
Мои призакрыли очи ясные,
Мое подсушили ретиво сердце.
Обратиться мнѣ, красной дѣвицѣ
Ко своимъ роднымъ родителямъ:
Буду убиваться, красна дѣвица,
Какъ ластушка вкругъ гнѣздушка,
Какъ касатушка вкругъ теплаго,
Вкругъ родныхъ своихъ родителей.
«Вы, родные мои родители!
Вы пожалѣйте красну дѣвицу,
Вы не разлучайте красну дѣвицу
Со всей волюшкой-то вольною,
Со дѣвичьей волей гульливою.
Вы не допускайте свата большаго
До двора-то да до широкаго,
До терема-то до высокаго,
До меня-то, до красной дѣвицы.
Вы откажите свата большаго,
Чесну хвальную коровайницу.
Буду жить у васъ лучше прежняго,
Работать буду лучше стараго,
Буду слуга то я вамъ вѣрная,
Я на васъ буду надѣяться,
Держать надеженьку великую.»

Тутъ пріѣзжаютъ съ короваемъ и причетница причитаетъ:

1681.

Ахъ-ти мнѣ, минѣ тошнехенько,
Меня испугали, красну дѣвицу.
Какъ мнѣ, дѣвушкѣ, послышалося,
Иль мнѣ въ-яво показалося,
Какъ дубовые сани скрипнули,
Шелковая плетка свиснула,
Прозвонило колокольчико,
Пробѣжала лошадь добрая?
Какъ пріѣхалъ злодѣй большой сватъ,
Честно-хвальная корованьица.
«Мои миленькіе подруженьки!
Встань-те стѣной да бѣлокаменной
Вкругъ меня да красной дѣвицы!
Не допускайте свата большаго,
Честно-хвальную корованьицу.
Охъ-ти мнѣ, минѣ тошнехонько,
Какъ во мою то свѣтлу свѣтлицо,
Какъ нанесло да снѣгу бѣлаго,
Какъ зашелъ да злодѣй большій сватъ.

Въ это время коровайница подходитъ къ невѣстѣ, причитаютъ:

1682.

Ужъ вы, глупые придверничкн,
Ужъ вы неразумные приворотничкн!
Что вы сами гостей не встрѣтили,
И мнѣ, дѣвушкѣ, не сказали?
Хоть бы я вышла да красная дѣвица,
На широкую па улицу.
Меня извиаите, гости, пожалуста,
Что я васъ не знала да и не вѣдала,
Я не вышла да васъ не встрѣтила.
Чесно-хвальная коровайница:
Ты подошла ко мнѣ, красной дѣвицѣ,
Со словами да со лестливыми,
Со поклонами да со низкими,
Вы со привозными подарочкамъ;
Ужъ вамъ можно знать, да можно вѣдати,
Что я дѣвица-то да не безродная,
Красная, не безплемянная:
У мня есть родные-то мои родители.
Быде прикажутъ мнѣ, красной дѣвицѣ,
Принимать ваши подарочки.
Благослови да Боже Господи,
Мнѣ поднять да руки бѣлыя
На привозные подарочки.
Когда принуждали меня родители,
Мнѣ какъ да не хотѣлося,
За ракитовъ кустъ хвататися.
Мнѣ со вамъ, да родня, знатися.

Принявши коровай, она обращается къ свахѣ.

1683.

Ты прiѣзжiй да большiй сватъ,
Чеснохвальная коровайница,
Вы извольте-ко извѣщатися:
Перво мѣстечко возлѣ меня,
Друго мѣсто супротивъ меня,
Третье мѣсто гдѣ полюбится.
Прiѣзжiй, да злодѣй большiй сватъ!
Чеснохвальная коровайница!
Чего я у васъ буду спрашивать?
Вы извольте-ко мнѣ сказывать
Про вашу чужую дальну сторону,
Какъ про вашу семью большую:
У васъ здорово ли во дому живутъ
Богоданной мой батюшка,
Богоданная-то матушка?
Здоровъ-то ли чужой чужанъ?
Съ весела ли-то пиръ заводится?
Съ весела ли у васъ пиво варятъ?
Съ весела ли у васъ вино курятъ?
Съ весела ли меня въ гости ждутъ?
Я сама знаю, сама вѣдаю,
Ждутъ не въ гости меня и не въ гостейки,
Во рабы меня, во работницы,
Во бѣлое платомойщицы.
Ты прiѣзжiй, да большой сватъ!
Чеснохвальная коровайница!
Что стороной-то я чула, слышала,
Про вашу чужую дальну сторону,
Про злодѣйку-то незнакомую:
Что сторона у васъ невеселая,
И угода у васъ нехорошая,
И семья-то у васъ несогласная.
Лѣсъ съ лѣсомъ-то не склонится, —
Люди съ людями не сходятся,
И сойдутся, не поклонятся.

Въ это время бьютъ по рукамъ и родители невѣсты съ сватомъ молятся Богу; а невѣстѣ причитаютъ:

1684.

Не спѣшите, мои родители,
Не зажигайте восковой свѣчи,
Не молитесь Богу Господу,
Не ударайте да по бѣлымъ рукамъ,
Не запросватайте буйну голову,
Не запоручьте да русу косыньку,
За поруки-то за крѣпкiя,
Что злодѣю свату большему:
Вы мнѣ дайте находитися,
Пока во своей-то я волѣ вольной,
Во дѣвичьей волѣ гульливой.

Рукобитье кончается и свату даютъ полотенце. Онъ уѣзжаетъ домой, а невѣста послѣ него причитаетъ:

1685.

Соколо́чикъ мой, братецъ миленькiй!
Запряги-тко доброво коня
Во саночки самокаточки;
Нагони-тко свата большаго,
Отними да рукобитной платъ, (т. е. полотенце)
Вороти-тко мою волюшку.

На другой день послѣ рукобитья бываетъ дѣвичникъ, при этомъ причитаютъ.

1686.

Благослови-тко, Боже Господи!
Меня на день да на сегодняшній,
Меня во часъ да во теперешній,
Бѣлой лебеди возгыргати,
Что на славномъ на синемъ морѣ,
На горючемъ синемъ калишкѣ,
Мнѣ красной дѣвицѣ заплакати,
Во высокомъ новомъ теремѣ,
На дубовой-то на лавочкѣ.....

Въ дѣвичникъ невѣсту подруги и родные дарятъ деньгами, за это имъ причитаютъ:

1687.

Вы, милые подруженьки,
Дарите казной несчетною!
Вамъ можно знать, да можно вѣдать;
Мнѣ не нужна золота казна,
Ни на платьице-то цвѣтное,
Ни на красную-то красоту,
И неволю выкупать буду,
Не отъ неволюшки откупатися.
Вы скажите мнѣ, милы подруженьки,
Куда издержать да золоту казну?
— Я сама, дѣвушка, догадлива;
Я пригадала да придумала,
Куда издержать да золота казна;
Мы сей ночи да въ темну ноченьку,
Мы не поспимъ да ночки темные,
Запряжемъ да доброго коня,
Ужъ мы съѣздимъ въ городъ Вологду,
Мы розыщемъ фотографію,
Снимемъ патретъ да съ себя карточку
Съ моего да лица бѣлаго,
Пока душечкой я красной дѣвицей,
Пока съ вами я подруженьки;
Обойдется пора времячко,
И я буду подъ неволюшкой,
Какъ тоской-то мнѣ стоскуется,
Объ дѣвочьей волѣ дѣвичьей,
Погляжу я, красна дѣвица,
На свой патретъ да карточку;
Какъ припомню, и припамячу,
Когда была душей дѣвицей.

Передъ вѣнчаньемъ невѣста ходитъ въ баню. Впереди идетъ ея братъ съ иконой, за нимъ ея мать крестная разметаетъ вѣничкомъ дорогу до бани.[1]) На водѣ, которою въ банѣ окачиваютъ невѣсту, творятъ пироги. Утирается невѣста бѣльемъ, которое предназначено жениху. Потомъ воду протираютъ солью и рыбой, которая и входитъ въ составъ пироговъ. Пироги эти отсылаются къ родителямъ жениха для того, чтобы ее, невѣсту, любили въ новой семьѣ.

Невѣста приходитъ изъ бани, одѣвается въ праздничное платье и начинаетъ ходить по полу, подружки въ это время причитаютъ:

1688.

Пораздвиньтесь-ко, добры люди,
Вы мнѣ дайте, красной дѣвицѣ,
Хоть единую половочку.
Походить, покрасоватися,
Послѣ бани, послѣ пáруши
Будто ласточкѣ пролетати,
Какъ касатушкѣ пропорхнути.
Вы, родны мои родители,
Поглядите, мои родители,
Какъ у васъ во свѣтлой свѣтлицѣ,
Что тамъ ходитъ за дѣвица,
Что ходитъ за красная?
Ходитъ дочерь-то поповская,
Ходитъ дочерь-то купецкая?
—Вы, родные мои родители,
Ходитъ ваша это родная дочь,
Послѣ бани, послѣ паруши,
Во нарядѣ, въ цвѣтномъ платьицѣ,
И во красной-то во красотѣ,
Только не во своей-то волѣ вольной,
Не въ дѣвочьей волѣ гульливой,
Обрала да баня паруша
Волюшку вольную.
Богъ судья вамъ, подруженьки,
Вы на обманъ-то дѣло сдѣлали,
На проводъ дѣло проводили,
Меня обманули, красну дѣвицу,
Меня звали вы во парушу,
Во честную подвѣнечную,
Насказали да нахвастали:
«Не беретъ да баня паруша
Она не дани да не пошлины,
Не сниметъ да баня-паруша
Съ тебя волюшки-то вольныя,
Дѣвочьей воли гульливой,
Съ головы да красной красоты.»
— Обрала да баня паруша
Мою волюшку то вольную.
Только упросила я красну красоту,

[1]) Въ это время дѣвушки поютъ № 1666 см. выше стр. 507.

Просѣкную то волю [1]) шитую
Не на долго пору-времачко,
На одну только вечериночку.
Я просила у бани паруши,
Чтобы отпустила она волюшку
Ко мнѣ-то, ко красной дѣвицѣ,
На одну только вечериночку,
На слезяной горькой дѣвичничекъ,
Слезяныхъ моихъ пѣсенъ слушати.
Мои, миленькіе подруженьки,
Вы послушайте, бѣлы лебеди,
Объ чемъ я-то вамъ побью челомъ,
Красна дѣвица, я покучуся:
Вы подите, да бѣлы лебеди,
На широкую на улочку,
Стерегите, милы подруженьки,
Мою волюшку-то вольную:
Какъ пойдетъ моя воля вольная
Она изъ бани-то изъ паруши,
Вы не отпустите ее на бесѣдушку;
Какъ пойдетъ моя воля вольная,
Душечкой пойдетъ красной дѣвицей,
Остановите ее, подруженьки,
Приведите-ко волю вольную,
Приведите-ко мнѣ въ теремъ.
Я хожу-то да и красуюся,
Я сама-то да радуюся,
Что я жду да дожидаюся
Свою волюшку я вольную,
Свою дѣвочью волю гульливую.

Въ это время двѣ дѣвушки приносятъ разукрашенную елку и останавливаются среди избы; невѣста кланяется елкѣ [2]), а въ это время причетницы причитаютъ:

1689.

Здравствуй, милая подруженька,
Моя волюшка ты вольная,
Дѣвочья воля гульливая!
Измѣщайсь, моя воля вольная,
Въ большомъ мѣстѣ въ переднемъ углу.
Я пойду, да красна дѣвица,
По свѣтлой-то по свитлицѣ,
На весельѣ и на радостяхъ.
Я дождалася, красна дѣвица,
Свою милую подруженьку,
Волюшку вольную.
Находитесь, мои рѣзвы ноженьки,
Намашитесь, бѣлы рученьки,
Нашатайся, буйна голова,
Накрасуйся красна красота,
На моей да буйной головѣ!
Нарадуйся, ретиво сердце,
При своей да волѣ вольной!

Въ это время братъ невѣсты снимаетъ съ головы ея коронку.

1690.

Я не долго нагулялася,
Немного накрасовалася,
При своей да волѣ вольной,
Не глава да изшаталася,
Не кресты да повалилися,
Изшаталась красна дѣвица,
Повалилась красна красота,
Съ моея да буйной головы.
Я не видала, красна дѣвица,
Какъ подлитѣлъ да младъ ясенъ соколъ,
Подходилъ да братецъ миленькій,
У меня снялъ да красну красоту
Съ моей да буйной головы;
Меня пристыдилъ, да красну дѣвицу
Принародно при добрыхъ людяхъ,
И при миленькихъ подруженькахъ,
Пуще при вольной-то волюшкѣ

(Воля—т. е. елка ставится на столъ).

Соколочекъ, братецъ миленькій,
Ты скажи мнѣ, красной дѣвицѣ,
По чьему да позволеньицу,
По чьему да приказаньицу,
Меня пристыдилъ, да красну дѣвицу,
Принародно, при добрыхъ людяхъ,
При волюшкѣ-то вольной.
Развѣ позволялъ кормилецъ батюшко,
Приказала кручинна матушка,
Пристыдить меня, красну дѣвицу?
Ты скажи мнѣ, милый брателко,
Куда снесешь ты мою красоту:
Али во торги ее снесешь, во ярмарки,
Продавать будешь ее, красоту?
Не продавай мою красну красоту
И не дорого и не дешево.
Какъ моя-то красна красота
Въ дешевые годы куплена,
Въ дорогу цѣну поставлена,
Девять сотъ да она стоила.
Ты отдай-ко лучше, братецъ миленькій,
Какъ обратно мнѣ, красной дѣвицѣ.

---

[1]) Воля — коронка, она же красота.
[2]) Олицетвореніе воли въ коронкѣ, а за послѣднее время также и въ елкѣ. В.

Полно стыдить меня, безчестити,
Принародно да при добрыхъ людяхъ,
При волюшкѣ-то вольной.
Вы, родные мои родители,
Варено ли у васъ пиво пьяное?
Курено ли зелено вино?
Вы мнѣ дайте, красной дѣвицѣ,
Скляницу дайте зелена вина.
Напоимъ-ко мы, брата, допьяна, —
У пьяного-то можетъ выпросимъ.
Мою красну то красоту.

Подходитъ съ виномъ къ брату:

1691.

Соколочекъ ты, братъ миленькій,
Тебѣ рюмочка зелена вина;
Ты выпей-ко на здоровьице,
Въ буйну голову весельице.
Ты отдай мнѣ мою красоту!
Безъ нее-то мнѣ стосковалося,
Много времячка показалося,
Безъ своей мнѣ красной красоты.

Въ это время братъ возвращаетъ ей коронку, а за безчестье кладетъ въ ленту деньги.

1692.

А теперь-слава тебѣ, Господи,
Я получила красну красоту
На свои то на бѣлы руки.
Я не знаю-то, красная дѣвица,
Куда положить свою красну красоту,
Дайте въ очи видѣти кручинную матушку.

Мать невѣсты подходитъ къ ней.

1693.

Ты, кручинная моя матушка,
Ты возьми мою красну красоту!
Ты снеси мою красну красоту,
Во отхожую хороминку,
Положи мою красну красоту
Въ окованъ-то ларецъ, коробочку,
Почасту-то ходи, провѣдывай
Послѣ меня-то, красной дѣвицы!
Какъ потемнѣетъ красна красота,
Потемнѣе будетъ ночки темныя,
Почернѣе грязи черныя, —
Такъ мнѣ во примногихъ-то чужихъ людяхъ
Будетъ житье-то нехорошее.
Если посвѣтлѣетъ красна красота,
Посвѣтлѣе свѣтла мѣсяца,
Покраснѣе красна солнышка, —
Мнѣ-во примногихъ-то чужихъ людяхъ
Житье то будетъ хорошее.
Ты, кручинная моя матушка!
Тутъ не мѣсто моей красотѣ,
Тутъ не продуютъ вѣтры буйные,
Не печетъ да красно солнышко, —
Залежится моя красота.
Ты положи да красну красоту
Ты во теплую-то пазушку,
За тонку бѣлу рубашечку,
Ко сердечку ко ретивому,
Ко жалинью во великому.
Тутъ и мѣсто моей красотѣ,
Будетъ печи да краснымъ солнышкомъ,
Будетъ свѣтить да свѣтлымъ мѣсяцемъ,
У меня матушка старешенька,
Поясокъ носитъ слабешенько,
Потеряетъ красну красоту,
А найдетъ ее тутъ чужой чужанинъ —
Ее снесетъ да во царевъ кабакъ
И пропьетъ ее, мою красоту.
Тутъ не мѣсто красной красотѣ.
Кручинная моя матушка!
Ты отдай мнѣ назадъ красоту.
Я сама, да красна дѣвица,
Приберу ей сама мѣстечко,
Гдѣ не найдетъ и чужой чужанинъ
Я снесу да мою красоту
Да во теплыя-то стороны,
Положу ее на яблоньку садовую
И на грушицу зеленую.

Съ этими словами невѣста кладетъ коронку на столъ, на коровай хлѣба, противъ елки, а по сторонамъ ставятъ свѣчи.

1694.

Посторонь да красной красоты
Я посажу да лебедь бѣлую,
Да по другую гуся сѣраго,
Напротиво волю вольную.
Какъ я, дѣвица, обрадовалась,
Что прибрала я волѣ мѣстечко
И своей я красной красотѣ —
Мѣстечко да и красивое:

Не найдетъ да чужой чужанинъ.
Я отойду да сама посмотрю:
Не проложила ли я прослѣдьица,
Не проторила ли я тропинушки? —
Не дошелъ бы чужой чужанинъ
По моей пути тропинушкѣ.
Вслѣдъ за мной да красной дѣвицей
Вся трава да поднимается,
Всѣ цвѣты да разцвѣтаютъ,—
Тутъ воля красота осталася.
Охъ-ти мнѣ, минѣ тошнехонько!
Отъ людей я чула слышала,
Что ушелъ да чужой чужанинъ
Онъ съ ружьемъ да за охотою,
Онъ во теплые-то стороны,
Подстрѣлилъ да мою красоту
На мѣсто гуся, на мѣсто лебедя,
Повалилась моя красота
Со яблони то кужлявыя
На траву да на шелковую,
На цвѣты да на лазоревы,
Подхватила ее воля вольная,
Принесла ее ко мнѣ, дѣвицѣ,
Попенязла, посудачила:
«Богъ судья, да красна дѣвица,
Что ты смѣхомъ насмѣялася,
Надъ своей да волей красотой.»
Я не знаю теперь, дѣвица,
Куда снести мнѣ мою красоту,
Гдѣ прибрать ей будетъ мѣстечко,
Чтобы не нашелъ да чужой чужанинъ?
Какъ пригадала, да придумала,
Гдѣ прибрать да волѣ красотѣ
Мѣстечко да понадежнѣе:
Ты поди, да воля красота,
Выше лѣсу по поднебесью,
Къ частымъ звѣздамъ на бесѣдушку,
Свѣтлу мѣсяцу на думушку,
Красну солнцу на подмогушку [1])
Тутъ и мѣсто да и мѣстечко:
Тутъ не найдетъ да чужой чужанинъ.
Ты иди да красна красота
Ко минѣ, ко красной дѣвицѣ,
На мои да на бѣлы руки,
На мою на буйну голову,
Хоть на одну на вечериночку,
И на раннюю утри́ночку!
Охъ ти мнѣ, минѣ тошнехонько!
Отказала мнѣ красна красота:
«Поди прочь ты, красна дѣвица,
У тя бѣлы руки не мытыя,
Голова да не учесана,
Руса коса не заплетена.»

[1]) на помощь посвѣтить; она такъ блестяща. В.

— «Вы, мои милы подруженьки,
Принесите ключевой воды
Да и мыло бѣло-пѣнисто,
Тонкое да полотеничко.
Вы помойте бѣлы рученки,
Учешите буйну голову,
Заплетите русу косыньку,
Я созову тогда красоту:
«Ты погляди теперь, красота,
На меня, на красну дѣвицу,
У меня рученьки повымыты,
Буйна голова учесана,
Руса косынька заплетена,
Ты иди, да красна красота
На мою-то буйну голову
Хоть на одну вечериночку
Да на раннюю на утринку!
Ты не бойся, красна красота,
Не задержу тебя, красоту.»

Беретъ коронку въ руки.

1695.

Теперь слава тебѣ, Господи,
Я созвала да красну красоту
Ко себѣ, да красной дѣвицѣ.
«Мои милые подруженьки,
Наложите красну красоту
На мою да буйну голову!»

Надѣваютъ ей коронку на голову, а елку уносятъ изъ избы, невѣста ей кланяется и причитаютъ:

1696.

«Посиди, да воля вольная,
У меня, у красной дѣвицы,
До зари да ранней утренней,
До приъногихъ злыхъ чужихъ людей:
Мы съ тобой вмѣстѣ подумаемъ.»
—Нѣтъ, пошла да моя волюшка
Отъ меня, отъ красной дѣвицы.
«Ты прости да, моя волюшка,
Ты приходи, да воля вольная,
Съ утра рано по ранешеньку!»
Охъ, да мнѣ, младой, тошнехонько!
Я совсѣмъ да обтерялася
Я безъ волюшки гульливыя.
«Мои миленьки подруженьки,

Вся лучинка изсвитилася,
Всѣ подружки притомилися,
И мнѣ спать захотѣлося.»

Этимъ дѣвичникъ кончается. На другой день послѣ дѣвичника, въ день свадьбы, утромъ невѣста разсказываетъ сны:

1697.

Вы, родные родители,
Мои милые подруженьки,
Вамъ ночесь-то въ темну ноченьку,
Вамъ спалось ли да дремалося?
Что во снахъ-то вамъ привидѣлось
Вы скажите мнѣ, красны дѣвицы.
Какъ минѣ-то да красной дѣвицы
Не спалася ночка темная,
Я заснула на минуточку, —
Мнѣ во снѣ много привидѣлось:
Мнѣ привидѣлось, что у окна поколотилося,
У воротъ да кольцо брякнуло,
У дверей да попросилося.
Я вставала, красна дѣвица,
Отворяла двери на пяту,
Запущала красну дѣвицу,
Заходила красна дѣвица —
Моя волюшка-то вольная;
Середь полу становилася,
Богу Господу помолилася,
По низку мнѣ поклонилася:
«Здравствуй, милая подруженька!»
Подходила воля волюшка
Ко кроваточкѣ тесовой,
Ко перинушкѣ пуховой,
Ко кручинному сголовьицу,
Мою голову погладила,
Русу косыньку поправила,
Алы ленточки расправила,
Попеняла мнѣ, посудачила:
«Богъ судья тѣ, красна дѣвица!
Ты поспѣшила да поторопилася,
Отказала да волю вольную
Отъ себя то, отъ красной дѣвицы:
Видно надоѣло жить при волюшкѣ.
Погоди-тко, красна дѣвица,
Послѣ схватишься, наплачешься
О своей-то волѣ дѣвичьей.»
—Какъ пошла моя воля вольная,
На меня она разсердилася,
Со мной пошла не простилася,
И назадъ-то не воротилася.
Я выходила-то, красна дѣвица,
Вслѣдъ за вольной-то волюшкой,
Поглядѣла я, красна дѣвица,
Куда пошла да моя волюшка.
Пошла далеко-то, во темны лѣса,
Она сѣла-то на елочку,
И на елочку на зеленую.
Подходила-то красна дѣвица
Къ этой елочкѣ зеленой.
Какъ подняла да свои бѣлы руки,
Хотѣла снять свою волю вольною,
Тутъ зелена елка *окарзана* [1])
Тутъ моя волюшка осталася.
Какъ другой-то сонъ привидѣлся:
Выходила я, красна дѣвица,
На широкую-то на улочку,
На круто красно крылечушко.
Изъ подъ нашего нова терема
Течетъ да рѣчка быстрая,
Что плыветъ да легко лодочка,
Тутъ сидитъ да красна дѣвица,
Во рукахъ держитъ красну красоту,
Просѣкную да ленту шитую.
Вы скажите, мои родители:
Мнѣ къ чему да сонъ привидѣлся?
Вы молчите да и не скажите,
Я сама знаю, вѣдаю:
Мнѣ къ тому да сонъ привидѣлся,—
Тутъ не рѣчка течетъ быстрая,
А мои да горючи слезы.
Тутъ не лодка плыветъ легкая, —
Все тоска моя кручинушка.
Сидитъ не душа да красна дѣвица —
Моя волюшка гульливая,
Во рукахъ держитъ красоту
Просѣкну-то ленту шитую.
Во третьихъ-то видѣлось:
Выходила красна дѣвица
Во широко во чисто́ поле.
Середи да поля чистаго
Стоитъ гору́шенька высокая,
На горѣ лежитъ звѣрь со звѣри́ною,
Змѣя лежитъ да со змѣятами.
Середи горы высокіе стоитъ столбъ
Да повоточеный;
Онъ горитъ да разгорается,
Кругомъ искрами обсыпается.
Вы скажите вы, подруженьки,
Ужъ къ чему да сонъ привидѣлся?
Да и сама знаю, сама я вѣдаю,
Что не гора стоитъ высокая,—
Тутъ чужая дальна сторона,
Злодѣйка незнакомая.
Лежитъ не звѣрь да со звѣриною, —

---

[1]) вѣтви *обрублены* снизу, не могла достать. В.

Лихой свекоръ со свекровкою;
Лежатъ не змѣи со змѣятами, —
Тутъ деверья со золовками;
Стоитъ не столбъ да новоточеный, —
Тутъ гроза стоитъ молодецкая,
Не горитъ, не разгорается,
До поры да похваляется.

Послѣ сновъ ей причитаютъ:

1698.

Ужъ вы дайте въ очи видѣти
Мнѣ кручинную-то матушку!
Подойди, кручинна матушка,
Ко минѣ, ко красной дѣвицѣ,
Да при многихъ-то чужихъ людей;
Ты возьми да руки бѣлыя,
Положи да въ теплу парушку,
Посогрѣй да руки бѣлыя
Ты мнѣ на путь да на дороженьку,
Да при многихъ-то чужихъ людей,
Чтобы мои-то руки бѣлыя
На чужой на дальной сторонѣ
Да морозу не боялися.
— Благодарю да низко кланяюсь
Что согрѣла руки бѣлыя.

Накапунѣ вѣнчанья, за торжественнымъ ужиномъ, поютъ жениху,—если онъ сирота:

1699.

Ты рѣка моя рѣченька,
Ты рѣка моя быстрая, —
Быстрая, бережистая!
Во тебѣ, моя рѣченька
Много цвѣтнаго каменья
И съ *обрунцемъ* (?) и со яхонтомъ,
Одного камня нѣтъ, какъ нѣтъ.
У Василья гостей много,
У Григорьевича ихъ примножилося, —
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ:
Нѣтъ кормильца-то батюшки.
Сподоблять свадьбу некому,
Снаряжать—неподумати.

Если матери нѣтъ, то поется:

1700.

Нѣтъ родимой да матушки и т. д.
Нѣтъ соколочка мила брателка,
Осѣдлать коня некому,
А запречь—и не подумати.

Невѣста сидитъ въ это время на главной лавкѣ, окруженная подружками и плачетъ:

1701.

«Свѣтъ мои сестрицы,
Вы сестрицы, голубушки,
Схороните меня за себя!
Вонъ идетъ разоритель мой,
Вонъ идетъ погубитель мой,
Вонъ идетъ расплети-косу,
Вонъ идетъ потеряй-красу.»
Василій возговорилъ,
Григорьевичъ промолвилъ:
«Не я разоритель твой,
Не я погубитель твой.
Разоритель твой—сватъ большой,
Погубитель твой—тысяцкій,
Расплети-косу—свахонька,
Потеряй-красу—друженька.»

Тутъ слѣдуетъ такъ называемая «продажа невѣсты». Братъ ея садится съ ней за столъ: онъ въ шапкѣ, она въ коронкѣ. Кромѣ ея за столомъ никого нѣтъ, хотя онъ и накрытъ для гостей. Дружка жениха насыпаетъ на подносъ серебряныя и мѣдныя монеты, кладетъ, если богатый— кредитки, даже золото и трясетъ ихъ на подносѣ, приговаривая: «Бьетъ челомъ нашъ князь молодой златомъ, серебромъ, драгоцѣннымъ каменьемъ.»

Передъ вѣнчаньемъ женихъ пріѣзжаетъ за невѣстой. При его входѣ въ избу ему поютъ. Здѣсь дружка невѣсты загадываетъ загадки дружкѣ жениха, прежде, чѣмъ отпустить невѣсту къ вѣнцу. Это называется «продать невѣсту».

Дружка жениха, обращаясь къ дружкѣ невѣсты, спрашиваетъ:

«Чѣмъ торгуете? куницами, али лисицами, али красными дѣвицами?»

Дружка невѣсты:

— «Мы торгуемъ не куницами, не лисицами, а красными дѣвицами. Есть у нашей княгини молодой на морѣ на океанѣ, на островѣ на буянѣ двѣнадцать дѣвицъ, родныхъ сестрицъ: всѣ онѣ набѣлены, намазаны и къ дубу привязаны, подите и выбирайте изъ нихъ.»

Дружка ж.: «Мы ѣдемъ не по море-окіянъ, не на островъ буянъ, а мы ѣхали за молодой княгиней, Александрой Ивановной.»

Дружка н.: —«Ѣхали вы путемъ-дорогой, какъ проѣхали вы мои три заставы:? 1) Гора съ горой столкаючи, 2) огненная рѣка протекаючи, 3) на сорокъ верстъ войска разставлены.»

Дружка ж.: «Первую заставу конями топтали, другую заставу бичемъ расхлестали, а отъ третьей заставы — хлѣбомъ солью боронились.»

Дружка н: —«Гляжу на васъ и удивляюся, что вы за люди сюда наѣхали: съ моря ли ловцы, съ лѣсу ли вы стрѣльцы, или съ канавы лопатники?»

Дружка ж.: «Нѣтъ, мы не съ моря ловцы и не съ лѣсу стрѣльцы и не съ канавы лопатники, а мы иноземные купцы и пріѣхали сюда за молодой княгиней, Александрой Ивановной.»

Дружка н.: —«Сталъ я слѣпъ, подайте мнѣ свѣтъ!» (Подаютъ свѣчу). «Дайте мнѣ краше краснаго солнца, свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца!» (Подаютъ икону). «Дайте мнѣ посошокъ я и пойду подъ соштокъ». Ему подаютъ рюмку водки.»

Онъ уходитъ. На его мѣсто садится женихъ со свадебными чинами: тысяцкимъ, дружкой, свахой и другими.

Женихъ садится съ невѣстой за столъ, имъ поютъ:

1702.

Какъ сказали, что Василій не гулялъ,—
Въ эту зиму заходилъ онъ, гулялъ,
Заѣзжалъ онъ во высокій во теремъ,
Ай къ Авдотьѣ-то за занавѣсъ,
Ай къ Ивановнѣ за браный;
Онъ садился бочекъ о бочекъ,
Ужъ онъ бралъ да ручку объ ручку,
Прижималъ онъ да руку дò больна,
Приломалъ онъ всѣ злачены перстни.
Какъ Авдотья-то расплакалася,
Ивановна разсудачилася:
Какъ да сказать батюшкѣ,
Доложить да родной матушкѣ?
Она брала три золоты ключи,
Отпирала она кованы ларцы,
Вынимала гармазинное сукно.
Василью то кафтанъ кроила,
Григорьевичу примѣривала,
Чтобы не дологъ, не коротокъ былъ,
Въ подолѣ былъ раструбистый,
Въ животѣ да былъ подхватистый,
Рукава съ накулашниками,
Чтобы не стыдно добру молодцу
На добра коня садитися
Во Божью да церковь ѣхати,
Злать вѣнецъ да принимаючи
Чуденъ крестъ да цѣловаючи.

Жениху.

1703.

Не тёсанъ теремъ да не тесанъ.—
Сказывали Василій не ученъ.
Онъ выученъ, онъ выученъ
Ко тещѣ въ гости ходючи,
Къ Авдотьѣ гостинцы нощучи.
Гостинечки, сладки пряничкн,
Изюмъ ягодки да во бумагѣ,
Сладки прянички да во карманѣ.
Ай, сборы, сборы Авдотьины,
Собераіа подружекъ ко себѣ,
Садила подружекъ за столы
Сама она садилась выше всѣхъ,
Думала думу крѣпче всѣхъ.
Ай ну-те, подружки, горевати,
Какъ лихого свекра пазывати?
Звать, аль нѣтъ мнѣ свекра батюшкой.
Свекровушку звать ли матушкой,
Деверьицей звати братцами,
А золовушекъ звать сестрицами,
А милую ладу, ладушкой,
По имени звать Василіемъ,
По отчеству величать Григорьевичемъ.

Невѣстѣ.

1704.

Не тошно ли тебѣ да, Александра,
Не обидно ли тебѣ, да свѣтъ Ивановна,
Какъ чужая то родня да кругомъ сѣла:
Ужъ какъ дружка со подружкой съ чужой свахой,
Ужъ какъ тысяцкій да со боярами,
А сватъ большой да съ поѣзлянами,
Ужъ какъ князь молодой да со всѣмъ поѣздомъ?
Александра брату говорила,

Ивановна родному наказала:
«Поѣзжай ты, братецъ во торжочекъ,
Купи ты, братецъ соловейко,
Посадимъ мы соловья за рѣшетку,
Прикуемъ мы рѣшетку ко кроваткѣ,
Пусть поетъ соловей распѣваетъ,
Меня, молоду, утѣшаетъ
На дальной чужой сторонкѣ,
У чужого отца и у матери,
У чужого-то сына у отецкаго,
У Василья-то свѣта у Ивановича.

Покончивъ завтракъ, ѣдутъ къ вѣнцу. Женихъ и невѣста въ телѣгахъ, запряженныхъ парами лошадей, Къ дугамъ этихъ экипажей привязываютъ по два колокольчика къ каждой; въ гривы лошадей вплетаютъ разноцвѣтные ленточки.

Выходя изъ-за стола, чтобы ѣхать къ вѣнцу, невѣста тащитъ за собою со стола за уголъ скатерть, для того, чтобы всѣ подруги вышли замужъ вслѣдъ за ней. Послѣ благословенія женихъ быстро старается вывести невѣсту изъ дому, чтобы она по домѣ не скучала, а подруги въ свою очередь стараются удержать ее. Къ вѣнцу невѣсту ведутъ закрытою, а женихъ, напротивъ, долженъ ѣхать всю дорогу безъ шапки. Передъ выѣздомъ свадьбы изъ воротъ дружка очерчиваетъ по землѣ или по снѣгу (если зимою) крестъ.

Если невѣста или женихъ были больны чѣмъ нибудь, то родные, во время вѣнчанья ударяютъ три раза въ колоколъ, языкъ котораго обертываютъ полотенцемъ, чтобы хворость завѣнчалась. Если же брачующіеся были подвержены до брака припадкамъ, то тотчасъ же послѣ вѣнчанья они проводятся священникомъ черезъ трое дверей храма, хотя бы двери были и не на пути. Тогда, полагаютъ, припадки не повторятся.

Когда молодыхъ поведутъ кругомъ налоя, невѣста должна посмотрѣть на царскія врата, потомъ на жениха, чтобы дѣти были здоровы.

Послѣ вѣнчанья молодые ѣдутъ въ домъ молодаго. Какъ только ихъ поѣздъ остановится у подъѣзда, дѣвушки поютъ.

Въ дверяхъ дома ихъ встрѣчаетъ свекоръ съ пивомъ, а свекровь съ вѣкомъ, т. е. съ рѣшетомъ, въ которомъ лежитъ хлѣбъ и соль и подаетъ молодой, а та старается какъ можно смѣлѣе положить вѣко на столъ и осматриваетъ домъ смѣло и весело. Потомъ она съ мужемъ кланяются въ ноги родителямъ, а тѣ поздравляютъ ихъ съ законнымъ бракомъ. Затѣмъ она умывается, ее наряжаютъ въ кокошникъ, «окручиваютъ». Начинается торжественный пиръ, во время котораго поются пѣсни.

Молодые стоя, въ рукахъ съ подносомъ, на которомъ находится рюмка съ водкой и стаканъ съ пивомъ, чередуясь другъ съ другомъ, подносятъ, кланяясь низко, сначала гостямъ, а затѣмъ всѣмъ находящимся въ избѣ. Отпивъ немного изъ рюмки, гости говорятъ: «горько!» Молодые цѣлуются, *подслащаютъ*. Затѣмъ гость допиваетъ рюмку и кладетъ на подносъ монету. Надаренныя гостьми деньги поступаютъ въ личное распоряженіе невѣсты. По окончаніи пира невѣста даритъ жениха и его родственниковъ рубашками, полотенцами, платками, кланяясь каждому въ ноги и подносить на подносѣ вмѣстѣ съ подаркомъ рюмку водки. Принявшіе подарки въ свою очередь дарятъ невѣсту деньгами. Эта церемонія называется *«даровицею»*. По окончаніи «даровицы» дружка жениха подымаетъ съ полу то одѣяло, на которомъ стояла невѣста во время церемоніи, трясетъ его и говоритъ въ слухъ: «всѣмъ ѣзда, одному . . . да».

Потомъ отводятъ молодыхъ *«на подклѣть»*— обыкновенно—въ клѣть или другую избу. Когда ихъ уложатъ спать на одну постель, дружка жениха ударяетъ кнутомъ молодую спрашивая: «съ кѣмъ спишь?» Она отвѣчаетъ имя и отчество жениха. Тоже онъ продѣлываетъ и съ молодымъ. Наконецъ молодыхъ оставляютъ однихъ.

Состоятельный женихъ устраиваетъ на другой день утромъ «княжескій столъ». На этотъ пиръ приглашаются родители невѣсты особымъ церемоніаломъ. Женихъ въ сопровожденіи своихъ дружекъ лично ѣдетъ ихъ звать. Теща устраиваетъ ему завтракъ: подаетъ яичницу и замѣчаетъ, какъ зять будетъ ее разрѣзывать. Если молодая была дѣвственница, то онъ рѣжетъ яичницу крестообразно, если же нѣтъ, то вырѣжетъ кругъ на срединѣ.

Еще нѣкоторые суевѣрные обряды и примѣты, относящіеся къ описанію свадьбы той же мѣстности.

Когда отправляются сватать, то вся семья въ домѣ жениха садится на дальную скамью на нѣсколько минутъ, потомъ встаетъ и молится Богу, послѣ чего сваты выходятъ изъ избы и хозяинъ на проводы ударяетъ ихъ шапкой по спинѣ, чтобы сватовство было удачно. Выходя изъ избы послѣ неудачнаго сватовства, главный сватъ ударяетъ каблукомъ въ порогъ, чтобы никто въ этомъ году сватать не пріѣзжалъ.

Во время свадьбы ничего никому взаймы не дается. Въ дни свадьбы жениху и невѣстѣ, а иногда и всѣмъ участвующимъ на пиру кладутъ въ сапоги льняное сѣмя, монеты и пр., чтобы колдуны не испортили здоровья вѣнчающихся и присутствующихъ.

Съ этой же цѣлью опоясываютъ молодыхъ мережкою, состоящею изъ девяти ячей, или нитью съ девятью узлами.

Особенно распространено привязываніе къ шейному кресту лоскутка бумажки, на которомъ написанъ псаломъ «Да воскреснетъ Богъ». Въ узелокъ вмѣстѣ съ молитвой кладутъ разныя травы—и все это противъ козней дьявола. Такіе узелки носятъ всѣ члены семьи какъ жениха, такъ и невѣсты. Какое значеніе придаетъ всему этому народъ видно изъ слѣдующаго случая: Женился сынъ церковнаго старосты (Антушевской церкви). Онъ грамотей; члены семьи предложили ему написать для каждаго изъ нихъ молитву «да воскреснетъ». Женихъ былъ въ ссорѣ съ женой брата. Онъ роздалъ по клочку написанной бумаги всѣмъ членамъ семьи, въ томъ числѣ и нелюбимой невѣсткѣ. Прошло много времени, случилась свадьба у сосѣда, который обратился къ вышеозначенной женщинѣ съ просьбой уступить ему молитву. Она сняла мѣшочекъ, который носила со дня свадьбы на шеѣ, какъ святыню, вынула бумажку и подала деверю. Каково же было ея изумленіе, когда ей прочли на бумажкѣ вмѣсто: «да воскреснетъ Богъ,» въ родѣ слѣдующаго: «чтобы околѣть коломъ, чтобы *огнёва* (горячка) забрала, чтобы змѣя груди насосала, чтобы высохла въ тонкую соломинку и т. п. проклятія.

Противъ порчи колдуновъ практикуютъ еще слѣдующее: берутъ, отъ колдуна же «*огородъ*» (мнимую защиту отъ злыхъ духовъ), который онъ нашептываетъ, большей частью, на соль, завязанную въ тряпку.

Невѣста не перемѣняетъ бѣлья съ самого дня просватанія вплоть до вѣнчанія, хотя бы этотъ промежутокъ продолжался цѣлые мѣсяцы.

Зап. П. Г. Вересовымъ и М. П. Вересовой.

Той же губерніи, Валдайскаго уѣзда, села Гоголева.

Въ сваты выбирается братъ, или ближній родственникъ жениха. Онъ отправляется въ домъ невѣсты; при входѣ въ избу крестится и кланяется на всѣ четыре стороны. Тутъ отецъ невѣсты, или кто другой изъ старшихъ въ домѣ, проситъ свата садиться, а онъ отвѣчаетъ: «Садиться не годится, и стоять не хорошо. Пришелъ я не кумиться, пришелъ я не свататься, а пришелъ побрататься: у тебя есть невѣста, а у меня женихъ. Нельзя ли свесть ихъ въ одно мѣсто?» Если согласны отдать дѣвушку замужъ, то отвѣчаютъ: «Невѣста согласна, и мы отдаемъ.»

Черезъ нѣсколько дней назначаются «*смотрины*.» Женихъ къ этому времени приготовляетъ невѣстѣ въ подарокъ чулки, чуни, мыло и связку кренделей.

Когда начинаются смотрины, то при входѣ жениха въ избу, его встрѣчаетъ невѣста: онъ отдаетъ ей названные подарки, а она ему даритъ платокъ и тотчас же уходитъ за занавѣсъ. Женихъ и сватъ входятъ, садятся за столъ, на который ставятъ съ собой принесенную водку и крендели; потомъ сватъ, стоя за столомъ, начинаетъ выкликать къ водкѣ и закускѣ, сначала всѣхъ родственниковъ невѣсты, словами:

«По новой по горенкѣ, по свѣтлой свѣтлицѣ,— къ винной чаркѣ (имя рекъ).»

А послѣ призыва родственниковъ женихъ самъ начинаетъ выкликать невѣсту:

«По новой по горенкѣ, изъ-за задняго угла, изъ-за занавѣси круглой, изъ-за молодыхъ молодицъ, изъ-за красныхъ дѣвицъ, — ко винной чарѣ, къ золотой казны! Сама себя покажи, и насъ посмотри!»

Невѣста молча выходитъ изъ за занавѣса, поклонится жениху, поцалуетъ образа и уходитъ опять за занавѣсъ. Женихъ и сватъ уходятъ въ сѣни, и черезъ нѣсколько минутъ возвращаются въ избу. Ихъ встрѣчаетъ невѣста съ умывальникомъ и полотенцами, и подаетъ имъ мыться. Жениху и свату она даритъ по полотенцу. Затѣмъ женихъ, сватъ и другіе гости садятся за столъ и начинается ужинъ, а невѣста въ это время опять уходитъ за занавѣсъ. Послѣ ужина сватъ и гости уходятъ въ сѣни, а женихъ къ невѣстѣ за занавѣсъ и окончательно ее сговариваетъ. Потомъ онъ беретъ невѣсту за руку, прощается съ ней, она его провожаетъ до сѣней и онъ уходитъ. По его уходѣ дѣвушки начинаютъ пѣть:

1705.

Ужь какъ Маѳушка измѣнщица:
Измѣнила всѣмъ подруженькамъ,

Ужь сказала, что я замужъ не пойду,
А сама-то спохваталася.

Невѣста отвѣчаетъ:

1706.

Сестрицы, голубушки!
Отъ чего же мнѣ не йти замужъ?
Снарядиться мнѣ есть во что,
Благословить-то меня есть кому.»

Обнимая мать, она начинаетъ плакать въ голосъ:

1707.

Пропила меня, родима матушка,
Что за винную за чарочку! и т. д.

Съ этими же словами она по очереди обращается къ каждому изъ членовъ своего семейства и затѣмъ садится на лавку и причитаетъ:

1708.

Ужь я сяду, молодешенька,
На свою тесову лавочку,
Подъ круглое окошечко;
Я пущу-то гулы звонкіе,
Недалеко, по поднебесью:
«Вы слетите, гулы звонкіе,
Вы слетите въ чужу сторону,
Ко моимъ-то ко милымъ сестрамъ!
Пусть постоскнутся, погрустнутся,
Пусть прилетятъ на легкихъ крылушкахъ,
Что ко мнѣ-то, молодешенькѣ,
Со чужой-то со сторонушки
Поразмыкати кручинушку!»
— Я спрошу у милыхъ сестеръ:
Какъ мнѣ жить будетъ, молодешеньки,
Во чужой во сторонушкѣ,
Со чужимъ со чужаниномъ,
У чужаго отца съ матерью?
Какъ *упаковать*,[1]) улаживать на нихъ,
На своего-то супостателя?

[1]) Угодить, принаровиться, примѣниться. Слов. Даля.

Замужнія сестры невѣсты, если находятся тутъ, то поютъ:

1709.

Ужь мы не будемъ тебѣ сказывать,
Какъ жить на чужой сторонушкѣ,
Какъ упаковать, улаживать
На чужаго отца съ матерью:
Ты узнаешь, мила сестра,
Какъ поживешь сама съ ними.
Не держи, наша мила сестра,
Ни подружекъ, ни милыхъ сестеръ:
Какъ подруженьки и милы сестры
Поосудятъ и осмѣютъ тебя.
А коль задумаешь, мила сестра,
Крѣпку думушку подумати,
Ужъ ты выйди во чисто поле,
Припади ты къ бѣлу камушку:
Бѣлый камушекъ не просудливый,
Не просудливый, не насмѣшливый.

Этимъ кончаются смотрины. Дѣвушки прощаются съ невѣстой и расходятся по домамъ. Во время смотринъ, съ общаго согласія, назначается день свадьбы. Невѣсту въ продолженіе этого времени навѣщаютъ всѣ знакомые. Дѣвушки помогаютъ ей шить приданое, утѣшаютъ ее, и всегда поютъ пѣсни, болѣе обыкновенныя, напримѣръ, слѣдующія:

1710.

Дочь отъ матери уѣхала,
Уѣхала, не простилася,
Съ соловьями думу думала:
Соловьи ли вы, соловьюшки!
Не съ одной ли вы сторонушки?
Вы снесите моей матушкѣ,
Моей матушкѣ низкой поклонъ,
Моему батюшкѣ челобитьице:
Не ждала бы меня родна матушка,
Ни къ обѣду бы меня, ни къ ужину,
Ни къ поздому меня завтраку,
Ни къ честному меня празднику.

1711.

Много, много, у сыраго у дуба,
Много листьевъ, много подлистьевъ,
Только нѣту у сыраго у дуба,
Золотой его вершиночки.

Много, много, у Анны души,
Много сродства и пріятелей,
Только нѣтъ у Анны души,
Что кормилъца, родна батюшки:
Благословить-то ее некому
На чужую на сторонушку,
Ко чужому, ко чужанину,
Ко чужому отцу, матери,
А проводить-то ее есть кому,
Есть и братья, и милы сестры,
Есть и милыя подруженьки.

1712.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленаго,
Вылетало стадо лебединое,
А другое стадо гусиное;
Отставала лебедушка
Что отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Что ко стаду, ко сѣрымъ гусямъ.
Не умѣла лебедушка,
По гусиному кричати,
Ее стали гуси щипати:
Не щиплите меня, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою,
Что погодою осеннею.
Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленаго,
Выходила толпа дѣвушекъ,
А другая шла молодушекъ;
Отставала Марья душа
Отъ толпы отъ красныхъ дѣвушекъ,
Приставала Марья душа
Ко толпы ли да молодушекъ,
Не умѣла Марья душа
На головушкѣ оправити, —
Ее стали люди хаитя,
Ужъ какъ Марья стала плакати:
«Вы не хайте, люди добрые!
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Завезли меня кони добрые, 2
Что Василья Аѳанасьевича.»

1713.

Охъ ты волюшка вольная,
Воля вольная, незаемная!
Не на вѣкъ ты намъ доставалася.
Доставалась волюшка, доставалась вольная,
Краснымъ дѣвушкамъ до замужества:
Замужъ вышедши, ни въ чемъ воли нѣтъ,
Ни въ житьѣ-бытьѣ, ни въ богатествѣ,
Только есть она во тяжелой работушкѣ;
А одинокимъ добрымъ молодцамъ до женитьбы,
А женатымъ, семейнымъ, до солдатчины.

1714.

По борамъ, по борамъ, по борочкамъ,
Убита дорожка ковричкомъ:
Кто-жь эту дорожку ковромъ убивалъ?
— Убивалъ эту дорожку Арсеній князь,
Ходючи и смотрючи Аграфену душу.
На бору, на бору, на клену,
Виситъ колыбелька на шелку,
Въ колыбельки лежитъ Аграфена душа,
Аграфена душа, свѣтъ Максимовна;
Приходилъ къ ей Арсеній князь,
Возговорилъ ей Михайловичъ:
«Слуги мои, слуги мои, дѣвушки,
Мои вѣрныя служаночки!
Качайте колыбель позыбчѣй,
Чтобъ увидѣть ей свекровъ дворъ
И свекровушкинъ теремъ!»
Какъ увидѣла Аграфена душа,
Очень она возрадовалась,
Увидавши свекровъ дворъ;
А еще она возрадовалась,
Что увидѣла она князя Арсенія,
Арсенія свѣтъ Михайловича.

Наканунѣ свадьбы назначаются вечерины. Передъ вечеринами ведутъ невѣсту въ баню; за невѣстой приходятъ дѣвушки и начинаютъ звать ее въ баню:

«Просимъ милости пожаловать, во парну во баенку, подъ шелковый вѣночекъ, подъ бумажный листочекъ!

Невѣста обращаясь къ отцу причитаетъ:

1715.

«Благослови-ко, родной батюшка,
Мою ластошку, милу сестру,
Порасплесть мою русу косу,
По единому по волосу,
По могучимъ моимъ плечикамъ!»

Сестра начинаетъ расплетать, а невѣста не даетъ ей и говоритъ:

1716.

«Погоди, моя мила сестра,
Расплетать мою русу косу:
Пусть моя коса покрасуется,
Что во красной во мнѣ, дѣвушкѣ!»

Послѣ этого невѣста сáма же начинаетъ просить, чтобы ей расплели косу, причитая въ голосъ:

1717.

«Попрошу я, вамъ покланяюсь:
Расплетите мою русу косу,
Что русу косу, красу дѣвичью;
Вы возьмите, мои подруженьки,
Что мою ли косу дѣвичью,
И все красное дѣвичество!»

Та, которая заплетаетъ ей косу, отвѣчаетъ:

1718.

«Мнѣ не надоть, моя подруженька,
Мнѣ не надоть твоя руса коса:
Я возьму, снесу, русу косу,
Что во полюшко во чистое,
Во лужки-то во зеленые,
Да во травушки шелковыя,
Во цвѣты-то во лазоревы:
Всѣ алы цвѣтики алѣются,
А моя коса увивается,
Во лазоревыхъ цвѣтахъ заплетается.
Какъ пойдетъ твоя родима матушка!
Во поля-то да во чистыя,
Во луга-то во зеленые,
Да увидитъ твою русу косу,
Позавéрнется ейно ретиво сердце,
Позавéрнется крѣпче камушка.»

Невѣста остается съ распущенными волосами, пока не обвѣнчается. Только что расплетутъ косу, къ невѣстѣ пойдетъ или сестра, или подруга, звать ее въ баню, и причитаетъ:

1719.

Подымись, моя родна сестра,
Что пти-то въ парну баенку,
Что смывать-то волю вольную,
Да красу-то свою дѣвичью!

Невѣста встаетъ, подходитъ къ отцу и причитаетъ:

1720.

Благослови, кормилецъ батюшка,
Что пти-то въ парну баенку,
Что смывать свою волю вольную,
Да красу-то свою дѣвичью!

Съ этими же словами она обращается и къ матери. Сейчасъ же послѣ этого дѣвушки покрываютъ невѣсту платкомъ, ведутъ ее въ баню и поютъ:

1721.

Растопися, парна баенка,
Раскалися въ банѣ каменка,
Поразсыпься крупной жемчугъ,
По столамъ, столамъ дубовыимъ!
Порасплачься, невѣста душа,
Передъ своимъ кормильцемъ батюшкой!
«Ты кормилецъ, родной батюшка,
Для чего ты рано по утру встаешь,
Для чего ты пиво пьяное варишь?»
— «Для того я по утру рано встаю,
Для того я пиво пьяное варю,
Что твоихъ-то поѣзжанъ поить,
Что твоего-то свѣта суженаго».

Невѣста въ это время тихо плачетъ. Въ банѣ она угощаетъ подругъ лакомствами. По выходѣ изъ бани, только что невѣста станетъ подходить къ дому, не входя въ него, останавливается со своими подругами и начинаетъ плакать въ голосъ:

1722.

Я иду, родимый батюшка,
Со своимъ милымъ подруженькамъ,

Ужъ по новымъ-то по сѣнечкамъ;
Я вхожу, кормилецъ батюшка,
Что во новую во горенку,
Что во свѣтлую во свѣтлицу
Я изъ парной только баенки,
Пообмывши волю вольную,
Порастерявши красу дѣвичью,
По полямъ-то да по чистымъ,
По лужкамъ-то по зеленымъ.

Входя въ избу, вмѣстѣ съ подругами, невѣста, поклонившись отцу, причитаетъ:

1723.

Тебѣ спасибо, родимый батюшка,
Что за парную баенку!
Лишь попеняю тебѣ, батюшка:
Какъ здынулись твои рученьки,
Благословить меня, молодешиньку?
Теперь благослови меня, родный батюшка,
Что садиться за дубовый столъ,
Со своимъ милымъ подруженькамъ!

Невѣста входитъ за столъ и опять причитаетъ:

1724.

Благослови, родный батюшка,
За столы-то за дубовые,
Что за скатерти за бариныя!

Отецъ благословляетъ невѣсту и столъ, и всѣ садятся. Передъ каждой перемѣной блюдъ невѣста говоритъ:

1725.

Вы покушайте, мои подруженьки,
Что со мной-то, молодешинькой,
Мои послѣднія послѣдушки,
Мои остатніе остаточки!

Послѣ ужина невѣста обращается къ отцу и матери и благодаритъ ихъ словами:

1726.

Тебѣ спасибо, родный батюшка,
И родимая моя матушка,
Что накормили меня сытешинько,
Что напоили меня пьянешинько,
Да со милымъ подружинькамъ!

Затѣмъ дѣвушки начинаютъ пѣть пѣсни. Невѣста садится въ передній уголъ, т. е., подъ образа, и задумывается. Немного погодя, дѣвушки ей запоютъ:

1727.

Не печалься, Марѳа душа,
Не печалься, свѣтъ Ивановна!
Мы тебя не полонить хотимъ:
Не одну тебя во чужи люди отдаемъ,
А дадимъ тебѣ еще свашеньку,
Да еще-то дадимъ кучера.

На эту пѣсню невѣста молчитъ, а дѣвушки за нея отвѣчаютъ:

1728.

Всѣ кучера поразъѣдутся,
Всѣ свашеньки поразбѣдутся,
Одна я, млада, остануся,
У чужого у чужанина,
У чужого отца матери.

Тутъ дѣвушки начинаютъ пѣть разныя пѣсни, и въ числѣ ихъ: «Теща про зятя пирогъ пекла», и пр. См. выше стр. 251—252.

При пѣніи этой пѣсни дѣвушки пляшутъ. Невѣста же ходитъ по избѣ и приговариваетъ:

1729.

Похожу я, молодешинька,
Что по новой своей горенкѣ,
Что по новой своей свѣтлицѣ,
Поищу я красы дѣвичьей,
А еще погляжу я, молодешинька,
На своихъ милыхъ подруженекъ:
У ихъ буйны головы причесаны,
Алымъ лентамъ пріувязаны,
Золотымъ булавкамъ пріухолоты,
А у меня, у молодешиньки,
Алы ленточки растеряны,
Булавочки пораскиданы,
Буйна головушка растрепана,

Краса дѣвичья порастеряна.
Какъ поищу я своей красы дѣвичьей,
Что по всѣмъ ли четыремъ угламъ,
Да во новой нашей горенкѣ:
Не нашла я красы дѣвичьей,
Ни въ которомъ-то уголушкѣ!

Въ это время пріѣзжаетъ женихъ. Его встрѣчаетъ невѣста. Они садятся рядомъ въ передній уголъ, а дѣвушки имъ запоютъ:

1730.

Кто же у насъ умный,
Кто-жь у насъ разумный?
Арсеній у насъ умный,
Михайловичъ разумный:
На коня садится,
Подъ нимъ конь веселится,
Къ саду подъѣзжаетъ,
Садикъ разцвѣтаетъ.
«Аграфена, выходи,
Свѣтъ Максимовна, выходи!»
— Аграфена выходила,
За бѣлы руки Арсенія брала,
За дубовый столъ сажала,
Чару водки наливала,
Арсенію подавала,
Усердно просила:
«Выкушай, Арсеній князь!»
— «Я не пью вина хмѣльнаго,
Я не пью вина зеленаго;
Я дарую, семь разъ поцѣлую,
Что ни свѣтъ душу, Аграфенушку.

По окончаніи этой пѣсни женихъ и невѣста встаютъ, благодарятъ дѣвушекъ за пѣсню. Дѣвушки поздравляютъ невѣсту съ женихомъ, а жениха съ невѣстой. Женихъ прощается и уходитъ. Дѣвушки тоже начинаютъ расходиться, а невѣста имъ причитаетъ:

1731.

Погодите, мои подруженьки,
Погодите, мои голубушки!
Мнѣ не долго, молодёшинькѣ,
Провести часы, минуточки,
Что со вамъ, милы подруженьки,
Что со вамъ, мои голубушки;
Мнѣ не годикъ съ вами годовати,
Одну ночку темну почевати,
У своего кормильца, батюшки,
У своей ли родимой матушки.

Этимъ кончаются вечерины. Дѣвушки расходятся по домамъ, а невѣста плачетъ въ голосъ:

1732.

Охъ, рожденна моя матушка!
Какъ на чужой дальней сторонушкѣ,
Налетятъ ли черны вороны,
Забодутъ быки некладеные,
По утру станутъ будить ранешенько,
Въ вечеру будутъ класть позднешенько.
Я не знаю, молодешинька,
Ни обыча его, ни норову,
Ни ума его, ни разума.
Я о чемъ, мои подруженьки,
Попрошу васъ, да вамъ покланяюсь:
Какъ пойдете вы, подруженьки,
На веселое гуляньице,
А моя ли то краса дѣвичья,
За вами погонится,
За тонкой рукавъ ухватится,—
А возьмите, да мои подруженьки,
Да мою-то красу дѣвичью,
И ввяжите въ алы ленточки,
Пускай съ вами покрасуется!
А еще, мои подруженьки,
Попрошу васъ, да покланяюсь:
Какъ пріѣдутъ мои недруги,
Мои недруги, разлучники,
Не мечитесь вы, подруженьки,
Что на ихну золоту казну,
Не отдавайте меня, молодешиньку!

На другой день назначается свадьба. Невѣста встаетъ раньше всѣхъ, приготовляется къ вѣнцу, а совсѣмъ одѣвшись, садится и плачетъ въ голосъ:

1733.

Я встаю-то, молодешинька,
Что ранымъ-то ранешинько,
Что умоюся бѣлешинько,
Что умоюся не ключевой водой,
А умоюся горючимъ слезамъ;
Я спрошу-ко, молодешинька,
Поспалось ли родной матушки,
Проспала-ль она эту ноченьку?
А какъ мнѣ ли, молодешинькѣ,

Не спалась мнѣ темна ночинька,
Не спала я, думу думала:
Подошли-то морозы лютые,
Ознобили мое ретиво сердце.

Тутъ къ невѣстѣ начинаютъ собираться дѣвушки. Мать приготовляетъ столъ, такъ называемый «Княжій». Когда дѣвушки соберутся, то запоютъ:

1734.

Вереюшки пошатнулися,
Вороточки распахнулися,
Къ намъ наѣхалъ полонъ дворъ гостей;
А ужъ Аграфенушка не вѣрила,
Свѣтъ Ивановна не чаяла,
Какъ женихъ-то въ нову горенку вошелъ,
Ужъ какъ Аграфенушку за рученьку беретъ,
Свѣтъ Ивановну за правенькую:
У ней ножки подкосилися,
Бѣлы ручки опустилися,
Ужъ какъ Аграфена ужахнулася,
Свѣтъ Ивановна испужалася.

Въ это время пріѣзжаютъ дружки и, не входя въ избу, останавливаются у дверей, а невѣста, завидѣвъ ихъ, начинаетъ причитать, обращаясь къ брату:

1735.

Попрошу я тебя, мой родимый братъ,
Ты возми-сь-ко-ся саблю вострую,
Засѣки пути, дороженьки,
Чистымъ ельничкомъ, березничкомъ,
Да еще горькимъ осинничкомъ,
Чтобы не папали мои недруги:
Разлучатъ они меня, молодешиньку,
Со всѣмъ роднымъ со племенемъ,
Да и съ милымъ подруженькамъ.

Братъ идетъ къ порогу, за которымъ стоятъ дружки, и спрашиваетъ:

«Что вы за люди?»

Дружки. — Мы дружки, вѣрные служки, отъ князя молодаго, отъ Арсенія Михайловича.

Братъ. «Просимъ милости войти!

Дружки. —Намъ нѣкогда: мы пріѣхали узнать, готова ли невѣста?

Братъ. «Готова.»

Дружки прощаются и уѣзжаютъ, а черезъ нѣсколько времени опять пріѣзжаютъ со всѣмъ поѣздомъ и, не входя въ избу, останавливаются у порога, а дѣвушки въ это время стоятъ около стола.

Дружки. «Есть ли въ этомъ домѣ хозяинъ»?

Дѣвушки. — Есть.

Дружки. «Дайте намъ дубоваго стола, поставить нашего князя подъ святые образа.»

Обращаясь къ дѣвушкамъ: «Что вы за люди»?

Дѣвушки. —Молодой кинягиньи вѣрныя служаночки.

Дружки. «Гдѣ же княгинья? Отъ чего она не снаряжена и за столъ не посажена»?

Дѣвушки. —Наша княгинья въ парной баенкѣ, подъ шелковымъ вѣничкомъ.

Дружки. «Опростайте намъ квартиру: что надо, то и заплатимъ».

Дѣвушки. —Дайте намъ золотой казны!

(Дружки кидаютъ мѣдныя деньги.)

Дѣвушки. —«Наша княгинья больше этого стоитъ. Выкиньте намъ хоть мѣленькихъ да бѣленькихъ: мы баню топили, сто паръ башмаковъ износили, косу княгиньи расплетали. Если у васъ сыщется золотой казны, тогда и невѣсту возьмите; а коли не сыщется, то ваша невѣста въ зеленый дубъ посажена, золотыми ключами замкнута; эти ключи далеко спрятаны: намъ не сыскать, и вамъ не найти».

Дружки высыпаютъ на столъ серебро.

Дѣвушки. —«Нашей княгиньи руса коса стоитъ больше этихъ стеколъ (выкидывая золотую монету, или мѣдную пуговицу); у нашей княгини вотъ какія деньги есть, а за эти ваши стеклы не отдадутъ невѣсты».

Дружки прибавляютъ еще серебра. Дѣвушки, поблагодаривъ, спрашиваютъ: «покажите намъ кто краснѣя красна солнышка, кто свѣтлѣе свѣтла мѣсяца».

Дружки выводятъ жениха на середину избы.

Дѣвушки. — «Дайте намъ море воды, кучу ржи, да коня ѣхать со двора!

Дружки даютъ имъ пирогъ, чашку пива и мѣдную деньгу и говорятъ: «Дайте намъ стола, у насъ хлѣбъ-соль своя». Съ этими словами они сажаютъ жениха за столъ въ передній уголъ, вмѣстѣ съ невѣстой, ставятъ на столъ съ собой принесенную закуску и водку и угощаютъ тѣхъ, которые съ ними въ поѣздѣ, а потомъ и невѣстиныхъ родныхъ. Когда они кончаютъ, то невѣста говоритъ:

«Невѣстина хлѣбъ-соль тоже не поганая!» И подаетъ три какія-нибудь блюда, а четвертое: пряженники, которые раскладываютъ передъ каждымъ, и всякій, кто ихъ ѣстъ, обязанъ положить денегъ на блюдо. Дѣвушки, выйдя изъ-за стола, поютъ величальныя пѣсни жениху, невѣстѣ и поѣзжанамъ, сидящимъ за столомъ. Женихъ и невѣста сами ничего не ѣдятъ, а просятъ другихъ кушать. Въ это время дѣвушки поютъ:

1736.

Да ужь кто-жь тебѣ, Арсеній князь,
Чесалъ буйну голову,
Завивалъ тебѣ русы кудри?
— Чесала родная матушка,
Завивала кудри мила сестра,
Что во путь-то, во дороженьку,
По свою ѣхать по сужену,
Что по сужену, снаряжену,
По Аграфену-то Максимовну. —
Съ Богомъ, съ Богомъ, мое дитятко,
Со Христомъ, мое рожденное!

Женихъ благодаритъ дѣвушекъ за пѣсню, и даетъ имъ денегъ. Онѣ опять запоютъ:

1737.

Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ,
Вдоль по широкой удаленькій.
Онъ загуливалъ во высокій во теремъ,
Да за занавѣсь заглядывалъ,
Все за шитую, за браную,
Онъ высматривалъ, выглядывалъ,
Душу красну дѣвушку, Аграфенушку;
Онъ сталъ ей бѣлы рученьки сжимать,
Онъ сталъ ей золоты перстни ломать.
Говорила Аграфена душа,
Говорила свѣтъ Максимовна:
«Ты Арсеній, свѣтъ Михайловичъ,
Не сжимай моихъ бѣлыхъ ручекъ,
Не ломай моихъ золотыхъ перстней!
Вѣдь не ты мнѣ золоты перстни купилъ,
Да не ты и золотые золотилъ:
Мнѣ купилъ ихъ родной батюшка,
Золотила родна матушка.

Женихъ опять благодаритъ дѣвушекъ, и онѣ снова запоютъ:

1738.

Тебѣ спасибо, князь молодой!
Тебѣ спасибо, Михайловичъ!
Не успѣли мы слова выговорить,
Не успѣли мы пѣсни спѣть —
Отъ тебя дары пошли,
Отъ тебя великіе,
Съ поклономъ съ низкіимъ,
Съ словомъ со ласковымъ.

Послѣ этой пѣсни сваха вкладываетъ руку невѣсты въ руку жениха и ноги жениха въ ноги невѣстѣ. Это дѣлается для того, чтобы свадьбу не могли испортить.

Когда отобѣдаютъ, дружки говорятъ отцу и матери невѣсты:

«Умѣли дитя воскормити, умѣйте и благословити!» и обращаясь ко всѣмъ, онъ продолжаетъ:

«Званные, избранные, благословите!

Невѣста при этихъ словахъ заплачетъ въ голосъ:

1739.

Не прошу, кормилецъ батюшка,
Я ни злата у тебя, ни серебра,
Ни имѣнія, ни богатества;
Попрошу я, кормилецъ батюшка,
Что великаго благословеньица:
Благослови, кормилецъ батюшка,
Что во путь-то, во дороженьку,
На чужую на сторонушку,
Ко чужому отцу матери!

Невѣста и женихъ становятся передъ отцомъ на колѣни: отецъ ихъ благословляетъ и даетъ цѣловать образъ.

Послѣ благословенія, женихъ уводитъ невѣсту въ сани, чтобы ѣхать въ церковь, а дѣвушки запоютъ:

1740.

Не спи, не лежи,
Поповъ сынъ въ городѣ!
Ударь во колоколъ
Да во звончастый,
Чтобы услыхала
Аграфена матушка,
Услышавши, заплакала:
«Ко мнѣ сваты ѣдутъ,
Мое дитю берутъ,
Дитю рожденную;
Отъ меня дары везутъ,
Да дары все шитые,
Скатерти бранныя.
Не спи, не лежи,
Поповъ сынъ въ городѣ!
Пріударь во колоколъ,
Да во звончастый,
Чтобы услыхала
Арсеньева матушка,
Услыхавши, возрадовалась:
«Ко мнѣ сноху везутъ,
Ко мнѣ ларцы несутъ,
Со златомъ, со серебромъ,
Со крупнымъ со жемчугомъ,
Со шитымъ шитьемъ,
Со браннымъ со скатертямъ.

По окончаніи этой пѣсни поѣздъ отправляется въ путь: впереди ѣдутъ дружки, за ними женихъ съ посаженымъ отцомъ, который называется тысяцкимъ, въ третьихъ саняхъ ѣдутъ бояре, а сзади всѣхъ невѣста со свахой. Невѣсту везетъ кучеръ, который называется «возилой». Когда выѣдутъ за ворота, возила говоритъ: «У саней завертки лопнули: привязать не чѣмъ!» Невѣста даетъ ему полотенце. Это повторяется нѣсколько разъ, и каждый разъ невѣста должна дарить полотенца. Мальчишки, и даже взрослые мужики, загораживаютъ путь поѣзду, и дружки, чтобы ихъ пропустили, бросаютъ имъ орѣхи.

Обвѣнчавшись, молодые ѣдутъ въ домъ жениха. Тамъ ихъ сейчасъ же сажаютъ на лавку. Невѣста въ это время находится все еще подъ покрываломъ; тутъ выходитъ теща съ пирогомъ, которымъ закрываютъ молодую. Бабы, поспоривъ нѣкоторое время съ мужиками: кто лучше, женихъ, или невѣста, запоютъ извѣстную уже пѣсню:

1741.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленаго,
Вылетало стадо лебединное и т. д.

А за ней поютъ слѣдующую:

1742.

Не шелкова ниточка къ стѣнкѣ льнетъ,
Михайлычъ Максимовну къ сердцу жметъ:
«Ты скажи, скажи, Аграфенушка,
Кто-жь тебѣ отъ роду милъ?»
— «А милъ мнѣ, миленекъ, родный батюшка,
Помилѣе того родна матушка.»
— «А это, Аграфенушка, неправда твоя,
А это, Максимовна, не истинная.
Скажи, скажи, Аграфенушка, правду всю,
Скажи, скажи, Максимовна, истинную!»
«Я скажу, младешинька, правду всю:
Только мнѣ милъ одинъ Арсеній свѣтъ,
Милъ, милешенекъ, Михайловичъ!»
— Вотъ это Аграфенушка, правда твоя!
Вотъ это, Максимовна, все истинная.

Затѣмъ молодыхъ сейчасъ же поведутъ спать въ клѣть, а сваха и свекровь начинаетъ смотрѣть сундукъ съ дарами молодой. Дары состоятъ изъ шитыхъ полотенецъ, скатертей и т. п. Когда молодые вернутся изъ клѣти, то свекровь начинаетъ раздаривать изъ сундука дары роднымъ, а невѣста, кланяясь, проситъ ихъ принять.

Тутъ начинается пиръ, какъ обыкновенно бываетъ вездѣ. На другой день, утромъ, свекровь печетъ блины, а молодую посылаютъ за водой, и всѣ ее провожаютъ до воротъ. Когда она принесетъ воды, то всѣ родные стараются этой водой облить другъ друга три раза, и молодая должна сходить за водой три раза же. Когда она принесетъ въ послѣдній разъ воду, ее заставляютъ месть избу, и въ это время бросаютъ ей деньги.

Этимъ кончается свадьба..... Всѣ разъѣзжаются.

Сообщ. мѣстн. помѣщикомъ К. М. Шашкинымъ.

VI. Псковской губерніи.

а) Свадебный обрядъ въ городѣ Псковѣ.

Лѣтъ 30 назадъ [1]) купцы и мѣщане во Псковѣ справляли свадьбы по старинѣ: съ хоромъ дѣвицъ, пѣснями, плясками, праздновали на распашку, нѣсколько дней сряду, и угощали званыхъ и незваныхъ «сахарными» яствами. Бѣднякъ не отставалъ въ этомъ отношеніи отъ богача: онъ такъ же шибко могъ попраздновать на своей свадьбѣ на счетъ своихъ же гостей, потому что каждый гость присылалъ бѣдняку, по возможности, съѣстные припасы и другія угощенія.

Когда добрый молодецъ задумывалъ, бывало, жениться, онъ долженъ былъ прійти къ отцу, къ матери, поклониться имъ въ ноги и объявить, «что, молъ, батюшка и матушка, вотъ такъ и такъ, хочу я жениться, на такой-то дѣвицѣ». А иногда случалось, что отецъ съ матерью сами предлагали сыну жениться. Какъ бы тамъ ни было, только, со стороны родителей, посылалась ближняя ихъ родственница, а иногда и сама мать ходила къ родителямъ невѣсты. Сватья обыкновенно рѣчь заводила издали: спрашивала о здоровьѣ дочери-лебедушки; говорила, что дѣвки — вороги, а времена-то, вишь, какія: того и смотри, какъ нибудь проступится, отцу съ матерью глаза занавѣситъ. А отецъ съ матерью уже съ первыхъ ея словъ смекали, на что бьетъ сватьюшка, потчивали ее кофеемъ да сладкой водочкой. Потолковавши такимъ образомъ и отвѣдавши кофейку и сладкой водочки, сватья приступала къ дѣлу: «У васъ товаръ, а у насъ купецъ, добрый молодецъ, Иванъ Ивановичъ, съ краснаго ряду, сынокъ-соколокъ Ивана Карпыча, дѣтина — кровь съ молокомъ, смирный, послушмяный и достатку имѣетъ.» И пойдетъ размасливать, только слушай. «Коли есть ваше согласіе, такъ позвольте намъ посмотрѣться!» Отецъ и мать невѣсты благодарили обыкновенно сватью за честь, и просили дать время подумать, хотя бы и рады-радешеньки были отдать дочку за такого жениха, по приличіе требовало не сейчасъ соглашаться на предложеніе. «Вѣдь она намъ не чужая (говорятъ отецъ и мать), а своя родная, поена и вскормлена, не наскучила она намъ: пусть живетъ себѣ съ Богомъ! да и сродственники есть у насъ! нужно посовѣтоваться, да и у добрыхъ людей пораспросить... а мы пришлемъ тебѣ вѣсточку.» И отправляется сватья къ жениху, и считаютъ дѣло уже конченнымъ. Если же случалось, что родители невѣсты не думаютъ отдавать дочери за предлагаемаго жениха, то вотъ какъ они отдѣлываютъ сватью: «Да ты, матушка, туда ли зашла? Не заблудилась-ли?» — «Я то, батюшка, слава Тебѣ Господи, не рехнулась еще ума-разума», отвѣчаетъ сватья. — «То-то, голубушка: сдается, что не туда попала». — «Власть ваша, а честь не безчестье вашей дочушки... затѣмъ и прощенія просимъ!» И идетъ сконфуженная сватья, и на чемъ свѣтъ стоитъ ругаетъ гордеца щелкопера.

Родители невѣсты, получивъ предложеніе отъ сватьи, созывали своихъ родственниковъ и разсуждали съ ними: стоющій ли человѣкъ женихъ, или нѣтъ. Если рѣшеніе было въ пользу жениха, то вскорѣ же ему давалось знать, что онъ можетъ прійти на «сглядины», т. е., посмотрѣть невѣсту. Женихъ отправлялся къ невѣстѣ со сватьей, родителями и старшими родственниками, обыкновенно, — вечеромъ. Невѣста выходила къ гостямъ вскорѣ послѣ прихода ихъ, съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ была поставлена водка, потчивала прежде жениха, и при этомъ-то женихъ долженъ былъ хорошенько разсматривать будущую свою сожительницу и вывѣдывать ея умъ-разумъ. Онъ отказывался отъ водки, говорилъ, что не пьетъ, а если пьетъ, то самую малость, да и то теперь не хочетъ, потому что пилъ недавно; невѣста, бывало, его упрашиваетъ и не отойдетъ до тѣхъ поръ, пока женихъ не приметъ рюмку. Потомъ невѣста обносила всѣхъ прочихъ гостей. и затѣмъ потчивала кофеемъ, чаемъ, вареньемъ, или плодами, и при этомъ повторялась та же исторія, какъ и съ водкою: женихъ и гости отказывались, а невѣста упрашивала. Попотчивавши гостей, она ни минуты не оставалась съ ними, такъ что женихъ видѣлъ ее только съ подносомъ въ рукахъ. Занимать гостей должны были родители невѣсты. Посидѣвши нѣсколько времени, женихъ, не попрощавшись съ хозяевами, выходилъ со всѣми родственниками въ сѣни передать свое мнѣніе о невѣстѣ; если она понравилась, то вся компанія возвращалась въ горницу, и сватья, выступивши впередъ, говорила невѣстинымъ «родителямъ:» «Ну, съ нашей стороны все, слава Богу! какъ съ вашей?» Если и со стороны невѣсты также — слава Богу, тогда начинались «смолвины» и назначался день для «положенія» или рукобитія. Но когда невѣста не понравится жениху, онъ, потолковавши въ сѣняхъ со своими родственниками, прямо отпра-

[1]) Эта статья написана въ концѣ 50-хъ годовъ. Ш.

вился домой; а если женихъ не понравился невѣстѣ, то родители объявляли, что нынѣшній годъ, они раздумали отдавать замужъ свою дочку; или: что они еще не справились и т. п. Впрочемъ, рѣдко случалось, чтобы свадьба разстроивалась послѣ «сглядинъ».

Въ промежутокъ времени отъ помолвки до вечеринокъ, невѣста отъ скуки, сядетъ, бывало, на лавкѣ въ переднемъ углу съ подружками, и поютъ:

1743.

Свѣтъ мой, родной батюшка!
Государыня, родная матушка!
Благословите мнѣ зазвать дорогихъ гостей:
Своего крестнаго батюшку,
Свою крестную матушку,
И своихъ всѣхъ сродцевъ пріятелей!
Сударь мой, родной батюшка,
Пожалѣй меня, молодешеньку!
Не пожалѣй своихъ добрыхъ коней,
Дай погулять мнѣ красной дѣвушкѣ,
Александрѣ Ивановнѣ!

Отецъ не отказывалъ, давалъ лошадей. Невѣста съ подружками выѣзжали за околицу; дорогой онѣ пѣли:

1744.

Поля ли мои, поля чистыя,
Лужки мои зеленые,
Травушки шелковые,
Цвѣтки мои лазоревые!
Любила я по вамъ гулять,
Я по вамъ гулять, красоватися,
Своей путевой косой выхвалятися;
Ужъ одна была у меня коса,
Да двѣ волюшки,
Двѣ волюшки, и обѣ вольныя;
Хоть двѣ у меня будетъ косы,
Да одна волюшка,
Одна волюшка, и та невольная.

Заѣдутъ звать гостей. Когда впустятъ ихъ въ сѣни, онѣ кланялись за порогомъ и пѣли:

1745.

Покорно благодаримъ Т. Осиповна,
Что отперла скоро намъ новую горенку,
Не познобила меня съ милымъ подружкамъ,
Съ милымъ подружкамъ во новыхъ саняхъ!
Назябнусь я, молодешенька, у чужово батюшки,
У чужова батюшки, у чужой матушки.

Войдя въ избу онѣ пѣли хозяйкѣ:

1746.

Позволь, свѣтъ Т. Осиповна,
Къ мому батюшкѣ на бесѣдушку,
Ко мнѣ, къ дѣвушкѣ, къ дубову столу.

Хозяйка надѣляла невѣсту повоемъ. Тоже пѣли вездѣ, куда заѣзжали. Сирота ѣздила *по матку* и *по батьку* на погостъ. Пойдутъ въ церковь, помолятся, а потомъ идутъ на могилку: невѣста плачетъ голосно, что придетъ на умъ, а подружки поютъ:

1747.

Вы завѣйте, вѣтры буйные,
Вы развѣйте всѣ желты пески!
Ты раскройся, мать, сыра земля,
Оттворися гробова доска!
Ты возстань, мой родный батюшка,
На свои на скоры ноженьки!
Ты раскрой свои очи ясныя,
Погляди ты на меня, сиротинушку,
Своимъ очамъ яснымъ!

На вечеринкѣ, какъ только, бывало, дружка посадитъ жениха за столъ, дѣвушки запоютъ:

1748.

Боже, благослови, Христосъ,
Игру заигрывати,
Игру свадебную!
Боже, благослови, Христосъ,
Столы разставливати!
Боже, благослови, Христосъ,
Скатерти разстилывати!
Боже, благослови, Христосъ,
Хлѣбъ-соль на столы нести,
Ѣства сахарныя, меды обарные!

Затѣмъ садилась за столъ невѣста съ подружками, крестной матерью и гостями и пѣвицы начинали пѣть по порядку величальныя пѣсни:

Жениху.

1749.

«Дородный молодецъ, Михаилъ Андреевичъ!
Скажи, пожалуй, намъ про свою про матушку.
Про свою про матушку, про свою родимую:
Какъ зовутъ по имени, величаютъ по отчинѣ,
Величаютъ по отчинѣ, по великому чину?»
—«Зовутъ ее по имени да Александрою,
Величаютъ по отчинѣ да свѣтъ Яковлевной:
У ней тѣло бумажное, кость лебединая,
Жемчуги скатные голову обломили,
Сережки яхонтовы—лицо разгорѣлося,
Самоцвѣтны каменья—весь теремъ освѣтили,
Монисты золоты—бѣлу шею ломили,
Башмачки парчевы, скобки золочены;
Ковали скобушки въ Ярославлѣ городѣ,
Золотили скобушки посередь красной Москвы,
Во Псковъ привозили, въ ряды выносили,
Въ ряды выносили, цѣну накладали;
Никто на скобушки цѣны не наложилъ,
Только цѣну наложилъ мое милое дитятко:
Даетъ за скобушки и сто, и тысячу,
И сто и тысячу, и стольные городы,
И это тыи скобушки моей родной матушки,
Моей родной матушки, Александры Яковлевны:
Пусть, пусть, красуется моя родна матушка
По пирамъ, по бесѣдамъ, по дѣвичьимъ вечерамъ,
Пусть, пусть, дивуются всѣ князи и бояре,
Всѣ князи, бояре, всякіе люди розные!

Родной сестрѣ.

1750.

«Скажи мнѣ, пожалуй-ста, наша мила подружка,
Наша мила подружка, наша лебедь бѣлая,
Про свою сестрицу, про свою родимую:
Какъ зовутъ по имени, величаютъ по отчинѣ,
Величаютъ по отчинѣ, по великому чину?»
— «Зовутъ ее по имени Авдотьюшкой,
Величаютъ по отчинѣ Ивановной:
У ней тѣло бумажное, кости лебединыя,
Походка кункина, поговорка бѣлкина,
У ней слово сто рублей, а другое тысячу,
Жемчуги скатные голову обломили,
Сережки яхонтовы — лицо разгорѣлося».

(Продолженіе какъ въ предыдущей).

Невѣстѣ.

1751.

Наша княгиня душа, Агафья Ивановна!
У нашей княгини души, Агафьи Ивановны,
Сережки яхонтовы—лицо разгорѣлося,
Монисты золоты—шею обломили;
У нашей княгини души, Агафьи Ивановны,
Тѣло бумажное, кости лебединыя,
Со бровей соболь бѣжитъ, со очей соколъ летитъ,
Повздыханье бѣлкино,—поговорка кункина,
Повздохнетъ—въ сто рублевъ,
Проговоритъ—въ тысячу.

Батькѣ крестному.

1752.

Наша княгиня душа,
Агафья Ивановна!
Скажи намъ про батюшку,
Про свово про крестнова».
— «У меня свѣтъ батюшка,
Петръ Семеновичъ,
По любови позванъ,
Во чести посаженъ
За дубовы столики,
За скатерти бранныя,
За питье медовое,
За ѣства сахарныя».

Передъ входомъ дружки и жениха.

1753.

Не буйны вѣтры понавѣяли, —
Незнакомые гости понаѣхали,
Новыя сѣни пообломили.
Чѣмъ-то мнѣ, молодешенькѣ,
Гостей потчивати?
Нѣтъ у меня пива, вина,
Меду ставленова.

Когда невѣста даритъ гостей.

1754.

Пахала [1]) Александра душа да трои сѣни:
«Не боюся я гостей изъ Новагорода,

[1]) Мела.

Не боюся я гостей изъ красной Москвы,—
Только я боюсь гостей изъ славнаго Опскова:
Тыи меня гости полономъ полонятъ,
Полономъ полонятъ, во полонъ берутъ.

1755.

На дворѣ, матушки, что ни дождь, ни роса,
Въ теремѣ мила теща бояръ дарила:
Камкой, тафтой, золотой парчой,
Милова зятя вѣковѣчнымъ даромъ,
Вѣковѣчнымъ даромъ, своей дочерью.

Когда невѣста даритъ жениха.

1756.

Па́вою по морю плыла,
Бѣлою лебедушкою да воскрикнула:
«Есть ли у Великой—рѣки перевощички?
Перевезли-бъ меня, молодешеньку, на ту сторону?»
Никто на тотъ голосокъ отвѣту не далъ,
Только отвѣтъ держитъ Михайло князь:
«Я по тебя соколомъ прилечу,
Соколомъ прилечу, подъ крыломъ унесу».
—«Я съ соколомъ и сама полечу».

Еще поютъ на вечеринкахъ.

1757.

Милые наши вы колодизи!
Дѣвки съ васъ, молодицы съ васъ,
Воду черпали, крутую гору поли́вали.
На той горѣ высокъ теремъ стоитъ,
А во томъ теремѣ Александра сидитъ,
Шьетъ она шитьицо все бумажное;
Вскочитъ къ ней, привернется къ ней, самый большiй братъ:
«Сестрица! тебѣ шитьицо на умъ идетъ:
Сего дня твой подвѣнечный день!»
—«Большему брату я вѣры не понела.»
Вскочитъ къ ней, привернется къ ней, среднiй братъ:
«Сестрица! тебѣ шитьицо на умъ идетъ:
Ужъ твой богосуженый середи двора!»
— Середнему брату я вѣры не понела.»
Вскочитъ къ ней, привернется къ ней, самый малый братъ:
«Сестрица! тебѣ шитьицо на умъ идетъ:
Ужъ твой богосуженый среди терема!»
Бросила она шитьицо за дубовый столъ:
«Я тебѣ, матушка, не ключница,
Я тебѣ, родимая, не ларечница,
А я ключница, я ларечница,
Чужому батюшкѣ, чужой матушкѣ.»

1758.

«Не выплывай, сѣра утушка, съ зеленой тросты!»
—Выплыла сѣра утушка съ зеленой тросты [1]),
Стала Александра душа среди терема,
Среди терема, середь матушкина.
Матушка къ Александры души да припадываетъ,
Матушка в' Александры души да выспрашиваетъ:
«Будешь ли ты, Александра душа, да ко мнѣ ночевать?»
—«Не буду я, матушка, и часу часовать:
Я тебѣ, матушка, не ключница,
Я тебѣ не ключница, не ларечница,
А я ключница, я ларечница, чужому батюшки,
Чужому батюшки, чужой матушки.»

1759.

Не пей ты, милая подружка, княжескова меду:
Княжовъ медъ обманчивъ живетъ;
Лучше пропей свой золотъ вѣнокъ:
Золотъ вѣнокъ мы опять наживемъ,
А тебя, милой подружки, намъ и въ вѣкъ не нажить.

1760.

Мы тебѣ, сестрица душа, безъ людей говоримъ,
А при людяхъ мы тебя на умъ поучимъ:
Пойдешь ты, сестрица душа, во чужи люди,
Держи ты головушку да поклонливую,
Ретивое сердечушко да покорливое
Не тебя кликнутъ—ты откликнися!
Не тебя пошлютъ—ты сама пойди!

1761.

Злодѣй измѣнщица, наша мила подружка!
Вчера съ намъ, сестрица, сидѣла во темномъ куту,
Во темномъ куту, за бѣльчастой завѣсой,
Одну думу думала, одну рѣчь говорила:
«Не пойду я, сестрица, изъ за темнаго кута,
Изъ за темнаго кута, изъ за бѣльчастой завѣсы.»
А сего дня, сестрица, сидишь въ большомъ углу,

[1]) Въ сл. Даля: *троста́* — болотное, колѣнчатое растенiе, arundo diographis, phalaris, камышъ и т. д.

Сидишь во большомъ углу, съ дороднымъ молодцомъ;
Надъ вамъ Божія милость, подъ вамъ шитой коверъ;
Шила, вышивала, душа красна дѣвица. —
Кабы знала да вѣдала, что дородну молодцу,
Я-бъ шелковъ убавила, золотца прибавила.

1762.

Не продавай, братецъ, дорогой сестры!
Проси за сестрицу и сто, и тысячу,
И сто, и тысячу, и стольные городы!
Здравствуй, братецъ свѣтъ, да продавши сестру,
Съ главнымъ городомъ, да съ шелашкою,
Съ добрымъ домикомъ, да съ дубиною!

1763.

По сѣнямъ было, по сѣничкамъ,
По частымъ переходичкамъ,
Да тутъ ходила, гуляла,
Тутъ гуляла красна дѣвица
Она ходючи, погуливала,
Своего дружка побуживала:
«Ахъ ты встань-ко, проснись, молодецъ,
Пробудись душа, отецкій сынъ!
Оторвался твой добрый конь
Отъ тово столба точенова,
Отъ колечка серебренова,
Отъ витова, позолоченова;
Онъ ворвался въ зеленой садъ,
Притопталъ онъ въ саду травушку,
Все зеленую муравушку,
И калину со малиною,
Черну ягоду смородину.» —
— «Ты не плачь, моя душенька:
Если Богъ насъ помилуетъ,
Государь насъ пожалуетъ,
Наживемъ сады зеленые,
И калину со малиною,
Черну ягоду смородину.»

1764.

Въ Окіянѣ-городѣ трое новые вороты,
Къ тѣмъ ко воротичкамъ приходила дѣвица,
Приходила дѣвица, Авдотья Ивановна:
«Сторожа-ль вы, сторожа, сторожа молодые,
Пропустите меня, дѣвицу, къ Окіяну-городу,
Къ Окіяну-городу, за лѣса дремучіе,
За лѣса дремучіе, да къ *Акаю*-мѣсяцу,
Къ Акаю-мѣсяцу, да къ орлу подъ крылышко!»
У орла подъ крылышкомъ душа красна дѣвица.
«Сторожа-ль вы, сторожа, сторожа молодые,
Закладайте повозки, догоняйте корабли!
Вотъ вамъ по колечку, вотъ вамъ по доброму:
Первый кораблпчекъ со скатнымъ жемчугомъ,
А другой кораблпчекъ со златомъ, серебромъ,
А третій кораблпчекъ съ душой красной дѣвицей;
Вы злато, серебро, по себѣ раздѣлите,
Вы скатны жемчуги по женамъ развѣсите,
А душу красну дѣвицу вы мнѣ пожалуйте!»

1765.

Мила теща мила зятя у себя почевать унимаетъ:
«Есть у меня кроваточка тесовая,
Кроватка тесовая и перинка пуховая,
Перинка пуховая, одѣяло соболиное.»
— «Не ночую, не ночую: меня матушка ожидаетъ,
Меня матушка ожидаетъ, широки ворота отворяетъ,
Широки ворота отворяетъ, пухову перину растилаетъ.»

1766.

«Княгиня молодая! Скажи намъ, пожалуй-ста,
Про свово про братца, про свово вѣнчальнаго,
Какъ зовутъ по имени, величаютъ по отчинѣ,
Величаютъ по отчинѣ, по великому чину?»
— «Зовутъ его Михайломъ, величаютъ Алексѣевичемъ.
Зашла туча да сахарная,
Выпала роса среди терема,
Среди терема свѣтъ Александрина,
Слышучи холостова братца, не женатова:
«О чемъ ты, братецъ свѣтъ, да не женишься?
Или твоя богосужная да не выросла?
Или у тебя бѣлоярый хмель да повывелся?
Или у тебя солоды да не выросли?
Или росли, росли, да переросли?»
— «Росла богосуженая, да и замужъ пошла. —
Осталися у насъ дѣвушки что ни лучшія.
Зайди ты къ намъ, братецъ свѣтъ, за завѣсу,
Выбери изъ сорока что ни лучшую,
Кая тонка, высока, кая бѣла, румяна,
Кая очамъ быстра, кая бровямъ черна,
А обычая, разума, мы не вѣдаемъ.
Охвочь ты, братецъ, да во рынкѣ гулять,
Зайди ты, братецъ свѣтъ, во шелковый рядъ,
Купи ты, братецъ свѣтъ, шелковую плеть,

Устегни ты богосуженую по бѣлу тѣлу,
Обычья, разума, ты ея увѣдаешь.
Благодарствуй, братецъ свѣтъ, на твоихъ подарочкахъ,
Намъ не дороги дары, намъ дорога честь твоя,
Поклоны низкіе, словеса привѣтливы.
В' умнаго батюшки и дитя умно:
Научивши дитя и въ пиръ пустилъ.»
— Не успѣли пѣсни спѣть, намъ дары несутъ,
Намъ дары несутъ, намъ великіе.

Опѣваютъ холостаго.

1767.

«Молодая барыня, Александра Яковлевна!
Скажи мнѣ, пожалуй-ста, про свово про братчика,
Про свово про братчика, про свово вѣнчальнаго:
Ево какъ по имени величать, по отчинѣ,
Величать по отчинѣ, по великому чину.»
— «Зовутъ его по имени Иванъ Васильевичъ.
Взошла туча да сахарная,
Выпала роса середи терема,
Слышучи холостова братца, не женатова:
«Отъ чего ты, братецъ свѣтъ, да не женишься?
Жаль намъ тебя — изгуляешься:
Сыръ молодой да по блюдечкамъ,
Сладкій медъ да по бутылочкамъ,
Зелено вино да по шкляночкамъ,
Винны ягоды по тарелочкамъ.
Или твоя богосужная да не выросла,
Иль росла, росла, да переросла?»

(Окончаніе какъ въ предыдущемъ №).

Въ концѣ обѣда жениха, когда подадутъ гуся и обносятъ виномъ гостей.

1768.

Ягода со ягодой сокатилася.
.... [1])
Александра душа, да гдѣ-жь ты была? —
Яхонтикъ, Василій князь, во твоемъ саду,
Виноградъ щипала въ твою шапочку.
Дѣвицы-игрицы, души красны дѣвицы!
Или вы не знаете, кто возлѣ меня,
Кто стоитъ возлѣ меня да по правую сторону?
Стоитъ возлѣ меня дородный молодецъ,
— Дородный молодецъ, Иванъ Васильевичъ,
Онъ по улушкѣ идетъ, что буенъ вѣтеръ вѣетъ.

[1]) Записавшій, видно, пропустилъ здѣсь цѣлый стихъ.

1769.

Катился виноградъ да по загородью,
Дружка ведетъ молодово князя да по застолью,
Вевши его, да на мѣсто сажалъ,
На мѣсто сажалъ, серебромъ надѣлялъ,
Серебромъ надѣлялъ, Божьей милостью.

1770.

Сиди ты, мила подружка, остерегивайся!
Возлѣ тебя сидитъ сорви-вѣнокъ,
Сорви-вѣнокъ и згай-голова
Згай-голова и разсыпь-коса.
Не держи, князь молодой, снѣгу за рукавами,
Не осыпай головушки Агаѳьиной:
Была головушка, какъ макъ черна,
Стала головушка, какъ снѣгъ бѣла.

1771.

Тихо вы, бояре, снаряжаетесь,
Поздняго вечера дожидаетесь,
Ночь темна, да не мѣсячна;
Не портьте, бояре, типариса дерева,
Типарису дереву три угодья надобны.

1772.

Выйду-ль я, сирота, на крутой крылецъ,
Обопрусь я, сирота, объ перилочки,
Я крикну, сирота, громкимъ голосомъ,
Отголоски я пущу въ темны лѣса,
Изъ темныхъ лѣсовъ пущу ко Божьей церкви,
Что къ родимому, родному батюшкѣ,
Чтобъ спѣшили ко мнѣ на сиротину свадебку.

1773.

«Не сиди, матушка, у долгова пира!
Снаряжай свадебку Михайлову!»
— «У меня свадебка сонаряжена:
Сорокъ варей пива сварено,
Сорокъ курей вина скурено,
Сорокъ печей пироговъ спечено,
А что больше того, мелкихъ пряженцевъ.»

На могилкѣ.

1774.

Вы развейте, вѣтры буйные,
Разнесите вы, пески желтые,
Ты раздуйся, мать, сыра земля,
Разшенися, гробова доска,
Размахнитесь, ручки бѣлыя,
Прогляните, очи ясныя!
Я пришла къ тебѣ просить не имѣньица,
Не имѣньица, не богатества, —
Я пришла къ тебѣ просить благословенія:
Благослови меня, батюшка, ко суду Божію пойти:
У суда Божья мнѣ стоять страшнешенько,
У золота вѣнка скоры ножки ломятся,
Ретиво сердце ужахается.

1775.

Вдова молодая, жена богомольная,
Охвоча вдовушка къ заутренѣ ходить,
Ко заутрени ходить и Богу молиться:
Первый разъ я молилась о своемъ здоровьѣ,
А второй разъ молилась о любимыхъ дѣтушкахъ:
Создай, Господи, много Божьей милости,
Много Божьей милости супротиву добраго!
Не крапь, не крапь, дождецъ маленькой!
Не обмочи шубы соболиныя на вдовѣ молодой!
Благодарствуй, матушка, на твоихъ подарочкахъ!

Вѣнчальнымъ отцу и матери.

1776.

«Княгиня молодая! Скажи намъ, пожалуй-ста,
Про свово батюшку, про свово вѣнчальнаго,
Какъ зовутъ по имени, величаютъ по отчинѣ,
Величаютъ по отчинѣ, по великому чину?»
—«Зовутъ Дмитріемъ, величаютъ Семенычемъ:
Онъ по улушкѣ идетъ, какъ буенъ вѣтеръ вѣетъ,
У воротъ колотится, будто туча грозная,
По круту крыльцу идетъ бѣлымъ горностаюшкомъ,
Въ новы сѣни идетъ дорожнымъ молодцомъ;
Противъ раю раменье, растворилась горница,
Растворилась горница—дубовая столовая.
Выходила изъ горницы его молода жена,
Молода боярыня, Марья Семеновна,
За ручку принимала, въ уста цѣловала,
Въ уста цѣловала, душей называла,
Душой называла, сама слово молвила:
«Поди, мой душенька, дородный молодецъ,
Дородный молодецъ, Дмитрій Семеновичъ!
Куда же ты ѣздилъ, куда Богъ носилъ?»
—«Ѣздилъ я, душенька, съ города да по городу,
Закупалъ я, душенька, куницы да соболи,
Куницы да соболи и бобры осистые,
И бобры осистые, кораблями по морю.
Я за стрѣчу добрую сошью тебѣ куныю шубу,
Я за слово ласково солью тебѣ златъ перстень.»
—«Я за тотъ золотъ перстень рожу сына съ дочерью;
Надо сыну съ дочерью колыбель зыбучую,
Колыбель зыбучую, на цѣпяхъ брекучую.»
—Благодарствуй батюшка на твоихъ подарочкахъ:
Намъ не дороги дары, дорога честь твоя,
Поклоны низкіе, словеса привѣтливы.

Сиротѣ.

1777.

Рѣчки-ль мои, рѣчушки!
Вы течете, не сколыхнетесь,
По бережку не разбльетесь.
Съ желтымъ пескомъ не размутитесь.
Наша мила подружка сидитъ не улыбнется. —
Глядитъ—не усмѣхнется.
Отъ чего мнѣ смѣятися?
У меня полонъ дворъ да каретъ стоитъ,
Полна горница да гостей сидитъ,
А всѣ у меня гости званые,
Родимые, любимые,
И всѣ званые, родимые,
Одного лишь гостя нѣтъ, какъ нѣтъ,
Одного гостя любимова,
Мово батюшки родимова.
Вы, сестрицы мои, ластушки!
Вы пойдете-ко Божьей церкви,
Вы ударьте трижды въ колоколъ
Побудите мово батюшку,
Вы скажите мому батюшкѣ,
Что не красна моя свадебка:
Отпустить-то меня есть кому,
Надѣлить-то меня не кому.

Когда поѣзжане пріѣзжають къ невѣстѣ.

1778.

«На чемъ ты, друженька, поле ѣзжалъ?»
—«Изъѣзжалъ я, красны дѣвушки, на добромъ конѣ.
Конь подо мною да въ сто рублей,
Плеть да узда—что въ тысячу,
А самому друженькѣ цѣны нѣтути.

Если хорошо дарить за величанье.

1779.

Благодарствуй, друженька, на твоихъ подарочкахъ:
На сладкихъ пряничкахъ, на сахарныхъ яблочкахъ,
На сахарныхъ яблочкахъ, на орѣшкахъ щелканцахъ;
Намъ не дороги дары, дорога намъ честь твоя,
Поклоны низкіе, словеса привѣтливыя:
Сулишь алтынами, даришь полтинами,
А намъ гривна золота дѣвкамъ на бѣлилички,
А другая серебра дѣвкамъ на румянички.

Если худо дарить за величанье.

1780.

Вечеръ ты, друженька, у насъ ночевалъ,
У насъ ночевалъ, да блинъ укралъ.
Ты блинъ укралъ, да жены сослалъ.
Не подымай, друженька, высоко головы,
Не считай ты, друженька, на печи пироги!
У насъ пироги не про васъ печены,
Печены пироги да про своихъ гостей!
Благодарствуй, друженька, на твоихъ подарочкахъ:
Сулилъ полтиной, дарилъ алтыномъ;
Ужъ тебѣ тыи деньги да не скопите,
И женѣ ферезей да не купите,
И женѣ ферезей да не носите.

Когда невѣста сидитъ за столомъ до вѣнца.

1781.

Расшаталась въ саду грушенька,
Какъ расплакалась Авдотья душа,
Передъ матушкой стоючи:
«Ты, родимая матушка!
Что нельзя-ль думу отдумати?
Что меня замужъ не выдати!»
—«Мнѣ нельзя думу отдумати:
По рукамъ у насъ ударено,
Въ росписяхъ у насъ написано.

Когда отецъ и мать крестные невѣсты чешутъ ей голову.

1782.

На синемъ на морѣ двѣ утки плавали, —
Въ высокомъ теремѣ двѣ сестрицы плакали,
Александра плакала, а Марьюшка тѣшила:
«Не плачь, сестрица душа, не плачь, родимая!
Ты снеси свою красу на березу бѣлую,
На березу бѣлую, на кудряво дерево!»

Когда мать чешитъ голову невѣстѣ.

1783.

Государыня ты, родимая матушка!
Учеши мою буйную головушку! —
Учесала-бъ я сама буйную головушку,
Я-бъ сама заплела русу косу:
Мои бѣлыя ручки не здымаются,
Ретивое сердечушко ужахнулося,
Слышучи невзгоду великую.

1784.

Жемчужное челушко [1]) за шею гоняется,
За шею гоняется, за косу хватается,
Кругъ частая коса: ужо-ль ты моя? —
—«И то я не твоя, а Божья да матушкина.»

1785.

Спасибо тебѣ, сестрица лебедушка,
Что учесала ты мнѣ буйну головушку,
И заплела ты мнѣ русу косу,
И заплевши, мнѣ насмѣялася,
Будто я не умѣю головы чесать!

За столомъ, когда распустятъ косу невѣстѣ.

1786.

Вы раздайтесь, расшенитесь, люди добрые,
Что на всѣ ли, на четыре, на сторонушки!
Вы снесите мою красу да въ чисто поле,
Вы повѣсьте мою красу на березу бѣлую,
На березу бѣлую, на кудряво дерево:
Пускай-пусть, красуется береза бѣлая,
Береза бѣлая, кудряво дерево,
Пускай дивуются всѣ князи, бояре,
Князи, бояре, господа посадскіе,
Господа посадскіе, господа купечество,
Господа купечество, господа приказные,
Господа приказные, и вси люди разные!

[1]) Лента.

Женихъ ведетъ невѣсту къ вѣнцу.

1787.

Увели, увели, нашу милу подружку,
Нашу милу подружку, нашу лебедь бѣлую,
Нашу лебедь бѣлую, дитю береженую,
Дитю береженую, калачомъ воскормлену,
Калачомъ воскормлену, и сытой выпоену.
Береги ты, князь молодой, нашу подружку,
Нашу милу подружку, дитю береженую,
Дитю береженую, калачомъ воскормлену,
Калачомъ воскормлену, и сытой выпоену:
Не давай печалиться, не давай кручиниться!

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

б) Деревенская свадьба Псковскаго уѣзда.

Рукобитье тоже, что и въ городѣ: также становятъ на вывороченную шубу въ большомъ углу, благословляютъ и дарятъ. Во время сватовства отецъ невѣсты выговариваетъ у родственниковъ, или отца жениха, на покруту, т. е., на одежду невѣсты, рублей десять ассигнаціями; деньги эти привозитъ женихъ на рукобитье и отдаетъ отцу невѣсты. До рукобитья бываютъ «сглядины». Прежде отъ рукобитья до свадьбы не было вечеринокъ, а нынѣ заводятся. На рукобитье женихъ привозитъ гостинцы: водку, пироги и проч.

Чины свадебные.

Дружка, со стороны жениха, всегда съ плетью подъ кушакомъ на правой сторонѣ, черезъ плечо утиральникъ. Это лицо завѣдываетъ свадебнымъ обрядомъ.

Тысяцкій — почетное лицо, вся обязанность его состоитъ въ томъ, что онъ ѣздитъ съ дружкою.

Вѣнчальный батька, вѣнчальная матка, сестры жениховы и невѣстины. Батька съ маткою держатъ вѣнцы. Батька жениховъ долженъ заплатить за свѣчи, — невѣстинъ за вѣнчаніе. Матка вѣнчальная кладетъ въ церкви подъ ноги молодыхъ, если богата, платокъ, а не то—поясъ, или кусокъ холстины. Послѣ вѣнчанья все поступаетъ въ пользу дьячковъ.

Братья жениха и невѣсты. Обязанность ихъ подымать молодыхъ, когда они кланяются въ ноги, а сестры сидятъ около молодой, или молодаго, и поютъ.

Со стороны невѣсты также бываетъ дружка, который только отпуститъ невѣсту, а самъ остается дома.

Въ день свадьбы женихъ, имѣя на лѣвой рукѣ платокъ, подарокъ невѣсты, пріѣзжаетъ со всѣми гостями къ невѣстѣ; дружка впереди. Дружка жениховъ со всѣми поѣзжанами входитъ на крыльцо, а дружка невѣстинъ запираетъ дверь сѣней изнутри.

Дружка жениха стучится въ дверь и спрашиваетъ:

«Есть ли въ домѣ хозяинъ?»

Дружка невѣстинъ:

— На что тебѣ хозяинъ? Что вы есть за люди?

Др. ж.: «Мы люди пріѣзжіе, хотѣли здѣсь въ хозяина лошадей покормить.»

Др. н.: — У насъ лошадей кормить негдѣ, а вотъ на краю деревни есть мужикъ богатый, Степанъ Кривой, у него дворъ большой, тамъ есть гдѣ покормить, а у насъ есть княгиня молодая: мы ждемъ князя молодого.

Др. ж.: «А мы тыи самые люди и есть: у насъ князь молодой, пріѣхалъ съ княгиней молодой повидаться».

Др. н.: — А наша княгиня молодая по синю морю гуляла и въ море золотые ключи опустила, отпереть-то двери нечѣмъ.

Др. ж.: «А нашъ князь молодой рыбку ловилъ и золотые ключи въ тенета поймалъ и къ невѣстѣ привезъ. Посмотрите-ко не ваши ли?»

Дружка невѣсты отпираетъ дверь и говоритъ: «Ну, показывайте-тка ключи!» Дружка жениха показываетъ бутылку съ водкой. Тутъ дружки цѣлуются, всѣ здороваются и на порогѣ пьютъ; дружка невѣсты также почтуетъ поѣзжанъ водкой. (При поѣздѣ лошадей покрываютъ простынями, привязываютъ къ дугамъ колокольчикъ, а также убираютъ лошадей платками).

Входятъ въ избу. Въ избѣ столъ стоитъ поперекъ, т. е., противъ дверей, подъ краснымъ окномъ, за столомъ сидитъ на лавкѣ, на подушкѣ, невѣста, по бокамъ ея двѣ подружки. Надъ невѣстою, на стѣнѣ виситъ образъ надѣльный, передъ нимъ свѣчка, вокругъ образа повѣшено полотенце на гвоздикахъ.

Подружки невѣсты поютъ свадебныя пѣсни.

Въ день вѣнчанья.

Дружка, обращаясь къ подругамъ невѣсты, говоритъ: «Вы, дѣвушки, опорожните мѣсто, выдайте намъ молодую!»—«У насъ молодая дорога, стоитъ сто тысяцъ».—«У насъ не за деньгами дѣло»; вынимаетъ деньги и кладетъ на блюдо, или на столъ». — «Нѣтъ, этого мало!» Дружка прибавляетъ денегъ. Когда торгъ конченъ, дружка подноситъ дѣвушкамъ водки и даетъ на закуску пряниковъ. Дѣвки возьмутъ деньги, потомъ охватятъ молодую, поютъ и плачутъ, цѣлуются и прощаются. Послѣ этого дѣвки отходятъ въ сторону. Дружка впереди ведетъ жениха по лавкѣ за руку, а братъ его несетъ, также по лавкѣ, подушку, а сзади ихъ по лавкѣ скачутъ. Невѣста встаетъ и стоитъ за столомъ, а отецъ ставитъ жениховъ образъ къ невѣстиному и зажигаетъ свѣчи. Дружка беретъ отъ брата невѣсты подушку, кладетъ ее на невѣстину, и садится на эти подушки. Тутъ отецъ невѣсты долженъ попотчивать его водкой, при чемъ онъ встаетъ, бьетъ плетью крестообразно подушки три раза и сажаетъ на нихъ жениха и невѣсту. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ гости садятся за столъ, предварительно подымаясь и опускаясь три раза. Тутъ ихъ потчуютъ водкою, пирогами, пивомъ и чѣмъ Богъ послалъ; дѣвки поютъ и опѣваютъ, сперва жениховыхъ поѣзжанъ, а потомъ и прочихъ гостей.

Женихъ расплетаетъ косу (узлы), снимаетъ ленту-косоплетку, кладетъ ее на блюдо. Старшая подружка носитъ красу три раза взадъ и впередъ къ двери и потомъ отдаетъ ее родной матери. Кто нибудь изъ родственницъ подноситъ дары невѣстины жениху и всѣмъ его поѣзжанамъ по очереди, говоря: Вамъ верешокъ, а намъ корешокъ!», забираетъ всѣ блюда, каждый кто беретъ назначенный подарокъ, кладетъ деньги.

По окончаніи этой обрядности дружка выводитъ жениха, а женихъ невѣсту къ образамъ, молятся Богу, благодарятъ хозяина за хлѣбъ-соль. Дружка ведетъ жениха и невѣсту подъ полку, ставитъ ихъ лицомъ къ двери, самъ становится противъ нихъ и бьетъ въ полку плетью и говоритъ: «Во свѣтлой свѣтлицы, во столовой горницы, за дубовыми столами, за бранными скатертями, за ѣствами сахарными, за медами обарными, есть ли у нашей княгини молодой батюшка родной (имя)»? Отецъ откликается: «Есть»!—Дружка: «Батюшка (имя) родной! Могъ ты своего милаго дитя воспоить и воскормить и уму-разуму научить, то моги теперича простить и благословить и золотой казной надѣлить, и въ дальну путь-дороженьку отпустить, со своимъ богосуженымъ къ золоту вѣнцу!» Отецъ выходитъ, беретъ хлѣбъ съ солью, а также образъ невѣстинъ, и благословляетъ жениха и невѣсту. Они перекрестившись, цѣлуютъ образъ, кланяются отцу и матери въ ноги и цѣлуются. Мать беретъ хлѣбъ-соль и кладетъ въ сундукъ съ приданымъ. (Приданое везетъ братъ, или кто нибудь изъ родственниковъ невѣсты, когда невѣста съ женихомъ поѣдутъ къ вѣнцу). Они садятся на сундукъ, пріѣзжаютъ къ дому жениха и не отдаютъ приданаго, пока ихъ не попотчуютъ. Дѣвки опѣваютъ ихъ.

Женихъ и невѣста выходятъ, дружка сажаетъ ихъ на сани и они выѣзжаютъ за околицу. Дружка оставляетъ ихъ и всѣхъ поѣзжанъ въ полѣ съ батькой, или тысяцкимъ, а самъ поворачиваетъ свою лошадь назадъ, пріѣзжаетъ къ свату (отцу невѣсты) и проситъ его и *кошниковъ* (слѣпыхъ) въ гости къ жениху: «Просимъ покорно къ нашему князю молодому хлѣба-соли покушать, бѣлаго лебедя порушать». Дружку и батьку потчуютъ водкою. Тогда дружка возвращается къ поѣзду, обходитъ три раза вокругъ своего поѣзда и, подойдя къ своей лошади, вырываетъ изъ гривы клочекъ волосъ, плетью креститъ три раза дорогу и кладетъ клочекъ волосъ подъ жениха. Во время ѣзды бабы поютъ. Въ деревняхъ, гдѣ поѣздъ проѣзжаетъ запираютъ ворота, дѣвки деревенскія опѣваютъ жениха, имъ даютъ деньги, а мужикамъ водку, чтобы отворили ворота (на дорогѣ вѣники, солома, огонь). Дружка вводитъ въ церковь жениха, а женихъ невѣсту. Послѣ вѣнчанья матка родная повязываетъ невѣсту повойникомъ въ церкви, или въ хатѣ за занавѣсомъ, а женихъ въ это время сидитъ на лавкѣ. Затѣмъ ѣдутъ домой.

Жениха и невѣсту дѣвки встрѣчаютъ съ пѣснями, отецъ и мать встрѣчаютъ молодыхъ съ образомъ, въ вывороченныхъ шубахъ, оттворяютъ ворота, впускаютъ во дворъ, осыпаютъ жениха, невѣсту и поѣзжанъ хмелемъ и житомъ. Молодыхъ ведутъ въ подъизбицу, или во хлѣвъ, гдѣ приготовлена постель: тамъ ихъ кормятъ. Гости же садятся за столъ, и въ половинѣ стола дружка приводитъ жениха и сажаетъ его за столъ на мѣстѣ, надъ которымъ висятъ надѣльные образа и горятъ свѣчи, и говоритъ: «Батюшка и матушка! Любо ли вамъ приведеніе мое»? Отецъ жениха говоритъ: «Мнѣ любо, но нужно посмотрѣть». Дружка: «Право имѣешь посмотрѣть». Отецъ беретъ кнутъ, снимаетъ кнутомъ покрывало, обводитъ его три раза вокругъ головъ молодыхъ и бѣжитъ съ платкомъ за двери. Гости стараются отнять платокъ. Если это имъ удастся, то отецъ долженъ ихъ попотчивать, и тогда ему отдаютъ платокъ. Дѣвки начинаютъ опѣвать молодыхъ и по-

ѣхавшихъ невѣстиныхъ. Одинъ изъ нихъ подходитъ къ окошку съ блюдомъ. Тутъ говорятъ: «Надо выкупить косу». Идетъ одинъ, или съ нимъ кто либо изъ гостей, кладетъ потомъ ... даетъ деньги: ... отвѣчаютъ съ благодарностью, или бранью, смотря по количеству денегъ. По окончаніи стола дружка ведетъ молодыхъ къ опочивальнѣ. Баба, которая стлала постель, ложится туда сама и не пускаетъ молодыхъ, пока молодые не подарятъ ее чѣмъ либо. Молодая разуваетъ мужа, тотъ не даетъ снимать сапогъ, ... она кланяется ему въ ноги.

Утромъ молодыхъ будятъ, въ перехватѣ, колотятъ всѣхъ блинами, печь которые заставляютъ молодую. Она кланяется свекрови, или невѣсткѣ, въ ноги, чтобы та спекла, и даритъ ей за это полотенце. Затѣмъ молодая ходитъ за водой. Ей проливаютъ воду,—она отдаривается. Поѣвши блиновъ, дружка поставитъ молодыхъ подъ полку на солому, лицомъ къ столу, беретъ плеть, а братъ жениха становится съ тарелкой, а кто либо изъ родственниковъ съ пивомъ, или съ водкой. Дружка колотитъ плетью объ полку и призываетъ отца жениховa. Отецъ входитъ. Дружка: «Батюшка родной (имя)! У нашего князя новобрачнаго и княгини новобрачной головка съ низкимъ поклономъ, ножки съ подходомъ, ручки съ подносомъ (кто держитъ, называетъ водку, или пиво): просимъ покорно рюмочку принять и выкушать и донушко позолотить». Отецъ беретъ рюмку, прикушаетъ и говоритъ: «Ребяти, горько!» Молодые цѣлуются: «Дай-ко и мнѣ помолодѣть!» Молодые цѣлуютъ и его, кланяются въ ноги и лежатъ. Дружка спрашиваетъ у отца: «Не было-ль у тебя какого горя?» Отецъ разсказываетъ, какъ ѣздилъ къ отцу невѣсты сватать, какъ доставалъ деньги у С....., какъ упрашивалъ попа, потомъ; въ заключеніе, говоритъ: «Больше не было горя: вставайте, молодые!» Они встаютъ. Онъ кладетъ деньги въ рюмку; братъ вытряхиваетъ деньги на блюдо. Потомъ дружка призываетъ такимъ же образомъ и мать, и гостей, изъ коихъ каждый поступаетъ такимъ же образомъ. Когда всѣхъ выкликнутъ, братъ отдаетъ всѣ собранныя деньги жениху, или невѣстѣ. Потомъ слѣдуетъ обѣдъ (поклонный столъ), по окончаніи котораго всѣ разъѣзжаются по своимъ домамъ. За поклоннымъ столомъ, на отца или мать, крестныхъ надѣваютъ хомутъ; родные отецъ и мать здѣсь не бываютъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы молодые съ родными своими ѣдутъ къ отцу молодой. За обѣдомъ послѣднее кушанье, яичница, ставится передъ молодымъ, и если молодая оказалась нечестною, то онъ вырѣзаетъ посрединѣ этой яичницы дыру, въ которую и глядитъ. На другой день молодые возвращаются съ родными невѣсты къ молодому на «перевозины», гдѣ и пируютъ весь день, пьютъ и ночуютъ.

Свадебныя пѣсни той же губ., разныхъ уѣздовъ.

1788.

Боже благослови, Христосъ,
Игру заигривать,
Игру свадебную.
И хлѣбъ-соль на столъ нести,
И князя за столъ вести!

За столомъ, на сговорѣ.

1789.

Не ель въ бору зашаталася,—
Дочка къ матери снаряжалася,
Она тремъ мылами вымывалася,
Первымъ мылычкомъ
Со бѣлиличкомъ,
Вторымъ мылычкомъ
Со румяничкомъ
Третьимъ мылычкомъ
Со горячимъ слезамъ.

Въ домѣ жениха.

1790.

Родимый батюшка!
Примянись къ сыну своему родному,
И учеши его гладкую головушку!
У меня ли, у молодца,
Руки не здымаются,
Сердце ужахается.

Всѣ 3 деревни Остенко, Пск. у.

1791.

«Дороденъ молодецъ,
Нашъ князь молоденькій!
Смѣть ли у тебя спросить,
Изволишь ли говорить,
Про свово братца вѣнчальнаго?
Какъ звать по имени,
Взвеличать по отчинѣ?»
— «Его зовутъ Петръ Ивановичъ.»

Когда жениха благословляютъ его родители.

1792.

Благословлялось солнышко
У свѣтла мѣсяца, —
Благословлялся князь молодой
У родного батюшки.

Обѣ прихода Кривичи (Псковск. у.).

Въ домѣ жениха, передъ тѣмъ, когда ѣхать за невѣстой въ церковь, дружка говоритъ тѣмъ дѣвицамъ, которыя собрались опѣвать:

1793.

Въ чесномъ дому,
Въ чесномъ пиру,
Въ чесномъ пированьи,
Во свѣтлой свѣтлицѣ
И во свѣтлой горницѣ,
Вы, красныя дѣвицы,
Хорошія пѣвицы,
Пирожныя мастерицы,
Не шумите,
Не гамоните,
Потихоньку говорите!
Дай мнѣ, дружкѣ,
Вѣрному служкѣ,
Слово вымолвить.

(Такъ же).

Когда женихъ уже на дворѣ невѣсты.

1794.

Выскочила и выбѣгла
Теща ласковая,
Вынесла братыню [1])
Пива пьянаго:
Вылей пиво,
Коню на гриву!

Когда женихъ входитъ въ избу.

1795.

Почернѣлъ на головушкѣ,
Золотой вѣнокъ [2])
Алы ленточки.
Они слышучи непогодочку:
Что быть моей головушкѣ
Расчесанной,
А русой косѣ
Поразсыпанной.

[1]) Чару, большую кружку.
[2]) Лента съ газомъ: ее носитъ въ Псковскомъ уѣздѣ всякая дѣвица крестьянка.

Когда женихъ идетъ въ сѣни дома невѣсты.

1796.

Матушка! Бьется соколъ,
Въ избу летучи,
Съ горенки до горенки,
Переходы лежатъ,
По этѣмъ переходичкамъ
Бояре ишли, все бояре,
Все бояре молодые,
И молодежь все хорошая:
Бояре въ бархатѣ,
Самъ князь въ золотѣ.

Когда женихъ входитъ въ избу, невѣста съ подружками плачетъ слѣдующими словами:

1797.

Не гости къ намъ идутъ и не пріятели,
Идутъ къ намъ злодѣи и разлучники,
Разлучаютъ меня съ отцомъ съ матерью,
Съ отцомъ, съ матерью, съ родомъ племенемъ,
И увозятъ меня невѣдомо куда.

Въ домѣ невѣсты.

1798.

Не стой, друженька, долго въ терему!
Не зноби друженька, бояръ во полѣ!
Намъ не жаль бояръ во полѣ,
Только жаль молодаго князя:
Нашъ князь перезябъ, передрогъ,
А княгиня наша переплакалась.

1799.

Не видали-ль дѣвушки,
Какъ соколъ тучей влетѣлъ,
Соболемъ по лавкѣ ишелъ,
Молодцомъ на мѣсто сѣлъ?

Всѣ 6 Псковскаго уѣзда, прихода Кривичи.

1800.

На горѣ лужокъ зеленешенекъ,
У меня дружокъ молодешенекъ;
Пойдемъ, дружокъ, веселимъ дружокъ:
Ты со гуслями, а я съ ладушками:
Не быть гуслямъ противъ ладушки,
Не быть свекру противъ батюшки.

Деревня Остенко.

1801.

Былъ бы за завѣсой,
Цѣловалъ боярыню,
Цѣловалъ боярыню
Въ лѣву сторону:
Воротися, князь молодой,
Поцѣлуй во правую!

Талабской островъ.

1802.

Дородный добрый молодецъ!
Не дари меня, молодешеньку, дорогимъ даромъ.
Боюся принимать роднаго батюшки,
Опасаюся родной матушки.

Тамъ же.

1803.

Не пей, ты милая подружка, княжова меду!
Княжовъ медъ обманчивъ живетъ;
Лучше пропей свой золотъ вѣнокъ:
Золотъ вѣнокъ мы опять наживемъ,
А тебя, милой подружки, намъ и вѣкъ не нажить.

Псковскаго уѣзда.

1804.

Не въ золоту ли трубочку я трубила?
Свекоръ батюшка по сѣнѣчкамъ гуляетъ,
Любиму невѣстушку свою пробуждаетъ:
«Пора тебѣ, невѣстушка, вставати,
Пора, время, бѣлый ленъ полоти!»
— «Полоть мнѣ, батюшка, не съ кѣмъ:
Тебя ли позвать, ты не пойдешь,
Хоть и пойдешь, ничего не наработаишь
На межушкѣ больше ты пролежишь.

Тамъ же.

1805.

Не стой, друженька, долго въ терему,
Не здымай, друженька, высоко головы,
Не мечай, друженька, пироговъ на печи:
У насъ пироги не про васъ печены,
Не про васъ печены, а про своихъ гостей.

Когда молодые ѣдутъ съ погоста.

1806.

Потихоньку, бояры,
Съ горы спускайтеся:
Не споткнулся бы конь вороной,
Не свалился бы князь молодой,
Не свалилъ бы шапочки
Съ буйной головушки,
Не уронилъ бы плетушки
Съ правой руки.
Мой братецъ миленькій,
Голубчикъ бѣленькій!
Возьми правую вожжу,
Возьми въ лѣвую руку,
Пріударь добраго коня,
При пути-дороженьки,
При широкой улицы,
Чтобы добрые кони разбѣжалися,
А люди бы сдивовалися!

Когда молодые пріѣдутъ ко двору.

1807.

У нашего князя
Дворы широкіе,
Терема высокіе;
У нашего князя
Много пива варено,
И вина накурено.
«Любо-ль тебѣ, матушка,
Приведенье мое?
Любо, такъ на дворъ пусти,
А не любо, назадъ отошли!»
— На жениховомъ дворѣ
И черна смородушка:
Налетятъ лебедушки,
И клюютъ смородушку;
Одна лебедушка
Не клюетъ смородушки;
Пала лебедушка
Въ тоску, кручинушку,
По своей по волюшкѣ,
По родимой сторонушкѣ.

Когда молодые входятъ на крыльцо и ихъ осыпаютъ житомъ.

1808.

Дружка идетъ,
И князя ведетъ;
Князь идетъ,
И княгиню ведетъ;
Позади княгини
Посыпальня сестра,
Сыплетъ она,
Посыпаетъ она,
И житомъ, и хмелемъ:
Пусть отъ жита—
Житье доброе,
А отъ хмеля—
Весела голова!

Когда молодыхъ вводятъ въ избу, дѣвицы поютъ молодой:

1809.

Поди-тка нѣженка,
Поди-тка дроченка, [1])
Нѣжёха батюшкина,
Дрочёха матушкина!
Ужо-ль ты вынѣжелась?
Ужо-ль ты выдрочелась?
Про тебя, про нѣженку,
Трои жерны новые,
Про тебя, про дроченку,
Ведры дубовыя.

Вѣнчальному брату, если онъ не женатый.

1810.

Зашла туча сахарная,
Пала роса среди терема,
Слышати братца не женатаго:
«Что ты братецъ долго не женишься?
Ты даромъ сгуляешься;
Или у тебя богосуженой нѣтъ?
Росла твоя богосуженая,
Росла и переросла,
И замужъ пошла.
Зайди, завернись, къ намъ,
Во дѣвичій рядъ,
И выбирай изъ насъ,
Изъ сорока, самолучшую!»

[1]) Глаженая, ласковая.

1811.

На дворѣ матушки что ни дождь, пи роса,
Въ теремѣ мила теща бояръ дарила,
Камкой, тафтой, золотой парчой,
Милаго зятя вѣковѣчнымъ даромъ,
Вѣковѣчнымъ даромъ своей дочерью!

Тамъ же.

1812.

Нашъ князь молоденькой!
Скажи намъ про своего братца,
Про братца, про гостиньку,
Что-жь холостъ и долго не женишься?
Али тебѣ, молодцу, жена не выросла?
Приходи къ намъ за завѣсы,
Мы дадимъ тѣ красавицу;
А какъ въ твово братцика
Голова кудрявая,
Вилися кудерцы
Черезъ право плецико.

Тамъ же.

Когда просватанная дѣвушка идетъ на могилу родительскую со своими подружечками.

1813.

Ахъ, вы свѣтъ, мои сестрицы,
Милы подружки!
Мы пойдемъ-те-ка, сестрицы,
Да на улушку!
Вы идете-ка, сестрицы,
Не спѣшитеся,
Вы слѣдочки-то кладите
По частешеньку,
Засыпайте вы слѣдочки
Злой кручинушкой,
Заливайте вы слѣдочки
Горючимъ слезамъ!
Мы пойдемъ-те-ка, сестрицы,
Ко Божьей церкви,
Мы помолимъ-те-сь, сестрицы,
Всѣмъ святителямъ,
Мы поклонимъ-те-сь, сестрицы,
Всѣмъ родителямъ,
И государю моему,
Родному батюшкѣ.

Когда дружка покупаетъ невѣсту у ея брата.

1814.

Ты не плачь, не тужи, мила подружка,
Не плачь, не тужи, наша лебедь бѣлая!
Въ тѣ поры наплачешься,
Когда будетъ братъ коня сѣдлать,—
Тогда плачь, приплакивай,
Ко стременамъ припадывай:
Ты, мой братецъ миленькій,
Сизъ голубчикъ бѣленькій!
Не продавай, братецъ, дорогой сестры!
Проси за сестрицу и сто и тысячу,
И сто, и тысячу: и столичны городы!
Не мечись, братецъ, на орѣшки щелканцы,
На орѣшки щелканцы, на червивыя яблочки.

Когда братъ продаетъ сестру дружкѣ, послѣдній сажаетъ ее съ женихомъ, а дѣвушки поютъ:

1815.

Здравствуй, братъ дорогой,
Продавши сестру,
За орѣшки щолканцы,
За червивыя яблочки,
Со кривымъ конемъ,
Со дубиною!

1816.

Вейся, капуста,
Завивайся бѣла, зелена!
Вечеркомъ на капусту,
Съ утра рано на бѣлую, на мою
Частый дождикъ нападаетъ,
Бѣлую, зеленую, ломаетъ.
Молодецъ дѣвицу выбираетъ,
Выбираетъ, вызываетъ.
У нашей Дуни много думы,
У красавицы заботы,
Гдѣ-бъ съ милымъ повидаться,
Чтобъ на вѣкъ съ нимъ не разстаться.

1817.

Стояли кóмони,[1]) пошибши головы,
Не ѣли комони сѣна зеленаго, овса ядренаго,
Не пили комони воды студеной:
Слышали комони дальнюю дорожку,
Повозку тяжелую съ душой красной дѣвушкой,
Потихоньку, бояры, съ горы спускайтеся,
Не поломайте, бояры, кипарисна дерева!
Въ кипариснѣ деревцѣ было три угодійца:
Первое угодье—трое пчелы ярыя,
Другое угодійце—звончатые гусельцы,
Третіе угодійце—душа красна дѣвица.
Съ душой красной дѣвицой мнѣ вѣкъ вѣковати,
Съ душой красной дѣвицей темну ночь коротати.

1) Лошади.

1818.

По лугу, лужочку, по крутому бережочку,
Ходила, гуляла, тамъ вдовушка молодая,
Она плакала, рыдала, сама слезно причитала,
Глядѣла, смотрѣла, на свои высокія хоромы:
«Хороши хоромушки, развысокіе теремушки!
Что-жь все хоромушки, непокрытыя стоите?
Аль вамъ, хоромушки, хозяина нѣтъ?
А мнѣ молодой вдовы нѣту милаго дружка!
Росла въ саду ягода, все калина со малиной:
Не быть той калинушки сопроти ягоды малины,
Не быть чужому батюшкѣ сопроти своего родимова.

1819.

Ясный соколъ,
Не летай высоко!
Не бери рука въ руку,
Не сжимай перстовъ,
Не ломай перстневъ!
Не ты мнѣ купилъ,
Не ты золотилъ,
А мнѣ батюшка купилъ,
Мнѣ родимый золотилъ.

Всѣ 8 Островскаго уѣзда.

1820.

Гдѣ ты, хмелекъ, зимовалъ,
Что не развивался?
Гдѣ ты, парень, ночевалъ,
Что не разувался?—
Ночевалъ я, моя мать,
Въ зеленой лѣсинѣ,
Загадывалъ разувать
Молодой дѣвчинѣ;
Зеленая лѣсинушка
Всею ночь прошумѣла,
Молода дѣвчинушка
Разуть не хотѣла.

Опочковск. у. Сообщ. М. И. Семевскимъ.

в) Свадебныя пѣсни той-же губ., Великолуцк. у., въ с. Өедорцовѣ.

На дѣвичникѣ, во ожиданіи жениха, поютъ:

1821.

У воротъ береза стояла,
По двору княгиня гуляла,
Верхи съ березы ломала:
Ты постой, береза, безъ верха,
Поживи, матушка, безъ меня,
Когда я тебѣ *напрокутила* [1])
Своимъ подружкамъ дѣвушкамъ,
Своимъ умомъ, разумомъ,
Своей красотой дѣвичьей,
Своей косой русою.

1822.

Помнишь ли ты, Дарьюшка,
Помнишь ли ты, Антоновна,
Какъ тебѣ казывали?
Не ўставай, Дарьюшка,
Не ўставай по утру рано,
Не чеши буйну голову,
Не плети 2 да русой косы,
Не выходи на крутой крылецъ,
Не слушай 2 звончастыхъ гуслей:
Эти гусли 2 переманчиваты,
Переманютъ 2 на чужу сторону,
Къ чужому батюшку, къ чужой матушкѣ.

1823.

Ай военъ, военъ Иванъ же князь! 2
Ёнъ одинъ на войну не ѣзживалъ, 2
Ёнъ ўсё со дружьямъ со боярами,
Ёнъ ўсе со князьямъ со товарищамъ 2
Ёнъ посѣкъ березу при пути,
Проколилъ медыню при лузи,
Побралъ ягоду въ сыромъ бору,
Ёнъ не далъ березы раскинуться,
Ёнъ не далъ медыни разцвѣстя,
Ёнъ не далъ ягоды дозрѣть,
Ёнъ не далъ княгини дорости,
Дорости княгинѣ за мной молодцомъ,
За мной молодцомъ, за моей красотой.

[1]) Напроказила, наскучила.

1824.

Какъ во сыромъ бору пролегала дороженька,
Дороженька широкая, раскатистая,
По той по дорожинькѣ сивогривый конь бѣжитъ,
Вуздушку срываючи, сѣдельце сбиваючи,
Впереди коня идетъ молодая княгинюшка,
Во сугонь гонится да Иванъ Васильевичъ,
Ёнъ кричалъ, воскрикивалъ, своимъ громкимъ голосомъ,
Своимъ громкимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ:
«Дарья Антоновна, перейми доброва коня!
Не давай узды снимать, не давай сѣдла сбивать,
Вуздушка тесмянная, да сидельце черкаское!» 2—
— «Иванъ Васильевичъ, я бы рада перенять, —
Я боюсь роднова батюшки, тулюсь родной матушки.»
— «Ты не бойся, Дарьюшка, не бойся свово батюшки,
Ты не бойся батюшки, не тулися родной матушки,
Ты побойся молодца, Ивана Васильевича.
Какъ и есть у меня, молодца, шелковая плеточка,
Шелковая плеточка погрознѣй твово батюшки,
Погрознѣй твово батюшки, потульнѣй твоей матушки.

Въ самый день свадьбы въ домѣ жениха всѣ гости съ утра усаживаются за столъ, дружка беретъ два ржаные пирожка въ обѣ руки и, прихлопывая одинъ о другой, поетъ слѣдующую пѣсню:

1825.

а) Благослови меня, Боженька, [1])
Свадебку начать!
Благослови меня
На весело утро,
Подь на помочь
Свадьбу играть-начинать!
Скуй 3 намъ,
Крѣпако на крѣпко,
Крѣпко на крѣпко,
Твердо на твердо:
Люди судютъ,
Не разсудютъ;
Вѣтромъ вѣетъ,
Не развѣетъ;
Дожжичкомъ мочитъ,
Не размочитъ.
Ай далеко, въ чистомъ полѣ,
Протекала рѣка,

[1]) «Боженька» повторяется послѣ каждаго стиха.

Какъ за той быстрой рѣки
Три Апостола:
Первый Апостолъ —
Сама Мать Богородица,
Другой Апостолъ —
Воскресенье Свѣтлое,
Третій Апостолъ —
Кузьма и Демьянъ.
Яры свѣчи топятся.
Люди Богу молятся.

1826.

б) Далеко, во чистомъ полѣ,
Протекла быстра рѣка,
За той за быстрой рѣкой,
Крутая гора,
На той на крутой горѣ,
Божья церковь,
Во той во Божьей церкви,
Три Апостола:
Первый Апостолъ, Боженька,[1])
Воскресеніе Свѣтлое
Второй Апостолъ —
Кузьма Демьянъ,
Третій Апостолъ —
Лука Святой.
Воскресенье Свѣтлое —
Быть на свадьбы,
Кузьма, Демьянъ —
Быть на свадьбы;
Скуй намъ свадьба,
Крѣпко, твердо,
Вѣковѣчно,
Долговѣчно:
Люди судютъ,
Не засудютъ;
Вѣтромъ вѣять,
Не развѣять;
Солнцемъ сушить,
Не разсушить;
Дождемъ мочить,
Не размочить.

1827.

в) Благослови, Боженька, [1])
Свадьбу играти!
Воскресенье Свѣтлое,
Будь на свадьбу къ намъ!
И сама Мать Богородица,
Будь на свадьбу къ намъ!
И Лука Святой,
Будь на свадьбу къ намъ.
Солучи два младеныша:
Перваго нарожденнаго,
А другого сужденнаго!
И Кузьма Святой,
И скуй намъ свадьбу,
Крѣпко на крѣпко,
Твердо на твердо:
И люди судютъ,
И не разсудютъ;
И солнце сушитъ,
И не разсушитъ,
И дождемъ мочитъ,
И не размочитъ.

Затѣмъ онъ одинъ пирогъ отдаетъ пѣвицамъ-игрицамъ, а другой оставляетъ себѣ, причемъ онъ говоритъ: «игрицы-перицы, красныя дѣвицы, изъ двухъ пироговъ выбирайте любой! У меня семейство большое, дорога худая, мосты плохіе,— надо мосты мостить, работниковъ нанимать, мнѣ больше надобно, а вы-то дома останетесь». Пироги тутъ же съѣдаются. Когда молодой совсѣмъ готовъ, чтобы ѣхать къ невѣстѣ, дружко, обращаясь ко всѣмъ собравшимся, говоритъ:«Есть ли въ этомъ дому, въ этомъ терему, въ бѣлыхъ каменныхъ палатахъ, батюшка зачудённый, матушка порожденная, батюшка крестный, матушка крестная, и родъ и племя, и его поколѣнія, и сестры и братья, и гости званые и незваные, отъ Господа Бога созданные, и кого Господь залучилъ? Благословите младого князя за столы дубовые, за скатерти браныя, за напитки пьяные, за ѣства сахарныя! Благословите, честная кумпанія, подъ Спаса Бога, подъ чудны образа, подъ яры свѣчи, и суженую свою за руку взять»! Тогда садятся за столъ, и пойдетъ надѣлъ, т. е., угощеніе брагой и виномъ. Каждый изъ гостей кладетъ на тарелку (а на тарелкѣ закуска) въ даръ по нѣсколько копеекъ, приговаривая: «Вотъ надѣлю васъ златомъ, серебромъ! Моя копейка съ копьемъ, а вамъ жить съ добромъ!» Послѣ этого всѣмъ поѣздомъ отправляются за невѣстой. Пріѣхавши туда, поѣздъ останавливается передъ воротами, въ сѣняхъ запирается дверь. Дружко стукнетъ въ дверь и спрашиваетъ: «Кто этому дому хозяинъ»? — Хозяинъ отворяетъ дверь и выходитъ на улицу къ поѣзжанамъ: «Кабы нашимъ комонямъ стежокъ сѣнца, да засѣкъ овсеца!» Хозяинъ отворяетъ дверь въ сѣни. Тутъ дружко жениха подходитъ къ дружку невѣсты и между ними завязывается слѣдующій разговоръ:

---

[1]) Слово «Боженька» и тутъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Др. ж. «Здравствуй, друженько, отецкій сынъ! Не можете ли себя потѣснить и насъ помѣстить?»

Др. н. — «Я давно васъ дожидалъ: у меня есть гордыя барыньки — какъ они васъ пустятъ»?

Др. ж. «Здравствуйте, гордыя барыньки! Не можете ли вы себя потѣснить и насъ помѣстить?»

Боярки. «Мы давно дожидали васъ; только у нашей невѣсты одна бровь сто рублёвъ, а самой—смѣты нѣтъ».»

Др. ж. «Что же вы отъ насъ желаете: денежной платы, али хлѣбнымъ даромъ?»

Боярки. — «А мы, дѣвки погостки, а дочки поповски, хочемъ хорошо ходить, золото носить». Тутъ дружко подноситъ имъ деньги и говоритъ: «Вотъ шапочка наша на шапочки ваши!» Боярки (т. е. дѣвицы-пѣвицы) берутъ щепочку и покопаютъ, говоря: «Намъ хоть маленькихъ, да только бѣленькихъ.»

Др. ж. — «Гордыя барыньки! Сколько моихъ средствъ есть и подношу.»—Когда онѣ деньги возьмутъ и поклонятся, то дружко черезъ нихъ закинетъ перчаткой и скажетъ: «Ну, гордыя барыньки, теперь я купилъ невѣсту и все, что есть подъ невѣстой.»

Боярки. — «Ну, дружинька, гдѣ будемъ молодыхъ сводить: подъ краснымъ солнцемъ, ай подъ яснымъ мѣсяцемъ, ай подъ закрытіемъ?»

Передъ тѣмъ, какъ ѣхать къ вѣнцу.

1828.

«Бѣленькой, хорошенькой, Василь Ивановичъ!
Хто тебе во пиръ справлялъ, хто тебе во бесѣдушку»? —
— «Я скажу вамъ, жонушки, молодыя молодушки:
А справлялъ во пиръ меня родный батюшка,
Во эту во бесѣдушку родная матушка.»
«Ты скажи, Иванушка, ты скажи, Васильевичъ!
Хто тебѣ голову чесалъ, черны кудри завивалъ?»
— «Я скажу вамъ, жонушки, молодыя молодушки:
Мнѣ чесала головушку государыня матушка,
Завивала кудеришки черезъ правое плечо,
Черезъ правое плечо, на мой зеленъ кафтанъ,
На мой зеленъ кафтанъ, да на мой сырцовъ кушакъ,
На мой сырцовъ кушакъ, на мой сафьянъ сапогъ:
Шиты, шиты, сапоженьки въ Ярославлѣ городѣ,
Подбиваны да сапоженьки середъ красной Москвы,
Надѣваны сапоженьки на Ивановы ноженьки.»

1829.

Какъ нашей дѣвушкѣ темной ночи не спалось
Темной ночки не спалось, много во снѣ видѣлось:
Кабы въ избищѣ старые углы прочь отбивалися,
По той по избушкѣ шла гусыня сыпучая,
На столбѣ сидѣлъ котище усатоя,
Въ переду на лавицѣ два ясныхъ сокола,
Ў судахъ на окошечкѣ двѣ косатки косатыя,
На кроваткѣ во уголушкѣ двѣ лебедки бѣлыя.
Будила, побуживала родная матушка:
«Вставай, мое дитятко, встань ранешенько!
Встань ранешенько, умойся бѣлешенько!
Я твой сонъ весь разсужу, пословесно разскажу.
Избища старая — то чужая сторонушка;
Углы прочь отвалилися, — незнакомые людишки,
Гусыня сыпучая, — то свекровь лихучая;
Котище усатый, — то свекрище старый,
Ясные соколы, — деверьс пресмѣшливые,
Косатки косатыя, — то золовки щекатые,
Лебедушки бѣлыя, — то невѣстки бѣдные!

1830.

Ходилъ Иванушка, расхаживалъ,
  По своимъ новымъ сѣнямъ;
Ёнъ кричалъ, воскрикивалъ,
  На своихъ на слугъ вѣрныихъ:
«Охъ вы, слуги вѣрные,
  Холопья новоборные,
Подведите да подъ молодца
  Сиза ворона коня,
Подъ жену мою боярыню
  Карету кованную,
Подъ нянюшекъ-лялюшекъ
  Трое саней новыя,
Подъ малешенькихъ дѣтушекъ
  Колыбель зыбучую,
Колыбель зыбучую,
  На ремняхъ скрыпучую!»

1831.

Да чьи-жь это кбмони 2
Рано въ путь попущены? 2
Тремъ шелкамъ попутаны, 2

Серебромъ занузданы? 2
Стоятъ эти комони,
Пошибши головы, —
Шелковой травы не ѣдять,
Ключевой воды не пьють, 2
Вотъ и слышатъ комони,
Путь дорожку дальнюю,
Да пути неближняя:
Во Рязань—по золоту,
Въ Казань—по серебру,
Въ Великіе Луки—по красну дѣвушку,
По Дарью по Антоновну.

Ажно тамъ Дарьюшка дары мыла,
Ажно тамъ Дарьюшка Антоновна.
Мывши дары, слезно плакала:
«Вохъ-ти мнѣ тяжелешенько
На чужой ли дальней на сторонушкѣ,
Во чужова батюшки и у чужой матушки.»

1832.

На морѣ вуточка купалася,
На морѣ сизая купалася;
Скупавши, вуточка встрепенулася,
Слышавши погоду да ненастную. 2
Ты раскинься, береза сѣченна,
Ты разцвѣти, медыня кошенна,
Вотъ созрѣй, ягода бранная,
Слышавши морозы да Крещенскіе!

Когда молодыхъ кладутъ спать.

1833.

У насъ на свадьбѣ хмель да дуда, 2
Хмель говоритъ: «Гуцъ, гуцъ, гуцъ!»
Дуда говоритъ: «Ду, ду, ду!»
Дубовая бочечка, бочечка,
Не верченная дырочка, дырочка!
Кто вертѣлъ,—тотъ потѣлъ, тотъ потѣлъ,
А кто глядѣлъ,—тотъ хотѣлъ, тотъ хотѣлъ.
Женихъ вертѣлъ, ёнъ потѣлъ, ёнъ потѣлъ,
Дружко глядѣлъ, ёнъ хотѣлъ, ёнъ хотѣлъ.

Зап. мною отъ старой кормилицы Г-дъ Семевскихъ.

VII. Рязанской губерніи.

Зарайскаго уѣзда.

Запой.

Пріѣзжаетъ женихъ съ отцемъ и сватомъ къ невѣстѣ и привозитъ боченокъ браги, ведро вина, говядины, пшенички, творожники, пироговъ десятокъ, уложенныхъ въ судницѣ. У воротъ сватъ невѣстинъ ихъ встрѣчаетъ. Жениховъ отецъ идетъ впередъ, за нимъ женихъ, за женихомъ всѣ гости. «Здравствуй, сватъ! радъ ли гостямъ?» говоритъ онъ идущему ему на встрѣчу свату.— «Очень радъ, любезный сватушка, добро жаловать!» Всѣ входятъ въ избу, помолятся Богу и становятся у порога. Жениховъ отецъ: «Ну любезный сватушка! Сажай своихъ любезныхъ гостей, кого знаешь, за нашу хлѣбъ-соль.» Невѣстинъ отецъ тотчасъ сажаетъ своихъ гостей въ передній уголъ. Пріѣзжій сватъ кладетъ все привезенное на столъ, подчуетъ всѣхъ виномъ, брагой. Когда невѣстинъ отецъ доволенъ, то вылѣзетъ изъ-за стола, а за нимъ всѣ гости, а если недоволенъ, то говоритъ: «сватушка! подчуй еще виномъ.» Тутъ женихъ пойдетъ къ невѣстѣ, а за столъ садится жениховъ отецъ съ своими гостями. Повторяется таже исторія. Во время столовъ игрицы-пѣвицы стоятъ у порога и *обыгрываютъ* [1]) гостей.

Жениховъ отцу.

1834.

Звонкое деревцо кипарисовое!
Звончѣй его въ бору нѣту.
Умная головушка Иванъ сударь Ѳедоровичъ!
Умнѣй его въ роду нѣту:
Бражки не пьетъ, винца въ ротъ не беретъ;
Рѣчь у него соколиная,

[1]) Величаютъ. Глаголъ *обыгривать*, *обыграть* въ данномъ значеніи сроденъ глаг. *опѣвать*.

Слѣды его лебединные:
Тихо пришелъ, хорошо посидѣлъ.
Вотъ Ивану пѣсенька,
Вотъ Ѳедоровичу свѣту!
Бѣлому лебедю, со бѣлою лебедушкой,
Съ Марьею Микитишной!
Подари миленькій, подари хорошенькій:
Не рублемъ—полтиною,
Золотою гривною.

Жениховой матери:

1835.

Пріѣзжая сватенька, —
Марья Микитишна,
Черезъ три поля ѣхала
На черныхъ соболяхъ.
На ей шуба новая,
Опушка бобровая,
Сама черноброваая.
Вотъ и Марьѣ пѣсенька
Вотъ Микитишнѣ свѣту,
Бѣлой лебедушкой,
Со бѣлымъ, со лебедемъ,
Съ Иваномъ Петровичемъ.

(припѣвъ тотъ же).

Брату женатому.

1836.

Какъ пойду я, молоденька.
Въ зеленую рощу,
Сломлю-ка, молоденька,
Тоненьку гладеньку,
И сдѣлаю, молоденька,
Звончатыя гусли.
Кому въ гусли играти?
Кому поплясати?
— Василью играти,
Аннѣ плясати.
Какъ сказали, перказали:
Василій изъ Москвы ѣдетъ, —
Не успѣла свѣтъ Анна
Кунью шубу взяти, —
За рукавъ шубу схватила,
Середь двора вздѣла, 2
Василья она встрѣла.
«Поди, поди, мой хорошій,
Поди, поди, мой пригожій!
А вотъ твому коню сѣна,
А тебѣ постеля,» —
Постелюшка пуховая,
Взголовье высокое.

(припѣвъ тотъ же).

Снохѣ.

1837.

По сѣнямъ ли сѣнямъ новымъ,
По новымъ сѣнямъ рѣшетчатымъ,—
Тутъ ходила, выгуливала,
Молодая жена, душа добрая,
Что и Анна Николаевна.
Она будила и пробуживала
Своего-ли друга милова,
Что Василья Андреевича:
«Ты возстань, возстань,
Мой милый другъ!
Оторвался твой вороній конь
Отъ того столба дубовова,
Отъ колечка позлáченнаго,
Онъ ворвался во зеленый садъ,
Поломалъ *сетпы* лазоревыя,
И калину со малиною, —
Черну ягоду смородину.»

Брату неженатому:

1838.

На комъ, на комъ кудри русы?
Ай на комъ, на комъ по плячамъ висятъ?
По плечамъ висятъ, словно жаръ горятъ?
Словно жаръ горятъ, разгораються,
И никто къ кудрямъ не приступится.
Приступилася родна матушка:
Начала кудри *часать гладити*,
Часать гладити, масломъ мазаги.

Разъѣзжаются по домамъ. Невѣста прощается съ женихомъ и цѣлуются. Женихъ даетъ ей 20, 25 копѣекъ и болѣе.

На другой день у жениха начинается *брага*. Игрицы ходятъ подъ окна изъ дома въ домъ и скликаютъ: «идите затирать брагу къ жениху!» Всѣ сбираются, вынимаютъ изъ печи чугунъ съ водой, вносятъ кадушку. Женихова мать беретъ весло или веселку, сыпитъ муку, льетъ воду и, сказавши: «Господи благослови! Кузьма Демьянъ!

скуй намъ свадьбу!» «Какая брага сладкая, такіе молодые,» начинаютъ затирать и заигрывать пѣсню:

1839.

Рай мой, рай!
(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха).
У Ивана на дворѣ,
У Ѳедоровича.
Выростало деревцо
И тонко и высоко
А листомъ широко.
Ужъ какъ къ тому деревцу
Соѣзжалися *господины* 2
Соѣзжалися большіе.
Они думали думу:
«Ужъ и какъ же намъ быть?
Ужь и какъ намъ подступить.
Ко Степанову [1]) двору
Ко Марьиному терему?»
Выбрался такой—
Что смѣлой человѣкъ,
Что Иванъ [2]) господинъ.
Ужь дайте я пойду,
Ужъ дайте подступлю,
Ко Степанову двору
Ко Марьиному терему.

(Эту пѣсню поютъ во все продолженіе времени пока мать у кадки затираетъ брагу).

Пѣвицы, получившія въ награду отъ родителей жениха нѣсколько денегъ, расходятся по домамъ.

Накапунѣ свадьбы, утромъ кто-нибудь изъ родни жениха обойдетъ своихъ знакомыхъ, приглашая ихъ на свадьбу слѣдующими словами: «Милости просимъ каравай сажать!» Приходятъ посаженные отецъ съ матерью—мужъ съ женою, живущіе въ совѣтѣ и согласіи, съ хлѣбомъ-солью. По ихъ приходѣ имъ подаютъ лотокъ, а на лоткѣ тѣсто для коровая и чашка; въ чашкѣ крестъ. Посаженная мать начинаетъ переваливать тѣсто и *заиграетъ* пѣсню, другія подхватываютъ:

1840.

Валю, валю сыръ каравай
Съ правой руки на лѣву,
Съ лѣвой руки на праву,—
По золоту лоточку 2
По серебрянному блюдечку.

[1]) Отецъ невѣстинъ.
[2]) Имя жениха

Тутъ она кладетъ сваленное тѣсто въ чашку и идетъ къ дверямъ, взлѣзаетъ съ чашкой на лавку, обходитъ ее кругомъ, перепрыгивая съ ножки на ножку и продолжая пѣть:

1841.

Каравай на лавку взлѣзъ,
Каравай по лавкѣ пошелъ,
Каравай на полку сѣлъ,
Каравай на печку взлѣзъ, 2
Каравай съ печки слѣзъ.

Во время пѣнья она ставитъ чашку съ караваемъ на полку, а сама садетъ на печку, а мужъ беретъ чашку съ караваемъ и подаетъ ей на печку, откуда она ее опять передаетъ ему, кругомъ печнаго столба. что̀ повторяется до трехъ разъ. Затѣмъ посаженный отецъ съ матерью становятся къ лопатѣ, лежащей на загнеткѣ и кладутъ каравай на лопату, продолжая пѣсню слѣдующими словами:

Каравай на лопату сѣлъ,
Каравай въ печку глядитъ.

Потомъ оба берутся за лопату съ короваемъ и до трехъ разъ дѣлаютъ движеніе въ печь и изъ печи, въ третій разъ оставляютъ тамъ коровай, а лапату кладутъ опять на загнетку. Тутъ имъ подаютъ по стакану вина, которыми они обмѣниваются до трехъ разъ черезъ лежащую лапату и затѣмъ только всякъ выпиваетъ свой стаканъ и цѣлуются подпрыгивая до трехъ разъ, причемъ замѣчаютъ: кто выше прыгнетъ; тотъ *большинство* возьметъ. Затѣмъ посаженная мать запоетъ:

1842.

Пекись, пекись сыръ каравай,
Дерись, дерись сыръ каравай,
Выше дуба дубова́,
Выше матицы яловой,
Ширше печи кирпичной!

Когда каравай спечется совсѣмъ, то посаженная мать его вынетъ, обернетъ холстиной и обвяжетъ суконной пяточкой и выносятъ его въ горницу до вѣнца. Садятся обѣдать. Послѣ обѣда

женихъ идетъ собирать родныхъ, дружку, сваху, и всѣ, за исключеніемъ матери жениха отправляются къ невѣстѣ. Тамъ ихъ встрѣчаетъ у воротъ невѣстинъ отецъ. Сама же невѣста въ это время сидитъ за столомъ, кругомъ ея дѣвки. На столѣ стоитъ елка, убранная лентами и поставлена въ бутылкѣ. Гости входятъ,—въ это время дѣвки бьютъ бутылкой объ столъ, *играютъ* пѣсню:

1843.

а) Ой, яблонь моя, кудрявая,
Скора[1]) золотая!
А Иванъ сударь съ Марьюшкой
Скору сбирала.
Андреевна съ Иванычомъ
Золоту сымала.
Она тѣмъ золотомъ 2
Коверъ вышивала, 2
Она тѣмъ ковромъ 2
Свекра дарила, 2
Подаримши ему, 2
Рѣчи говорила.

Свекрови:

1844.

б) Яблонь моя кедровая и т. д.

(повторяется перв. 8 стих.).

Она тѣмъ золотомъ
Чепецъ вышивала, 2
Она тѣмъ чепцомъ 2
Свекровь дарила.

Жениху:

1845.

в) Яблонь кудрявая и т. д.

(тоже повтореніе перв. 8 стих.).

Она тѣмъ золотомъ
Кисетъ вышивала,
Она тѣмъ кисетомъ
Ивана дарила. 2

---

[1]) Скора— шкура, скорлупа.

Вышедшіе гости во все время стоятъ у стола, по окончаніи же пѣсни дружко говоритъ: «Мы народъ заѣзжій, долго ѣхали. Дѣвушки: «Зачѣмъ бы вамъ нужно ѣхать сюда!» — «Мы наслышаны: тутъ продается куница, красная дѣвица, а намъ она надобна.» Дѣвушки: «Какую?»—Марья Ивановна.—Дѣвушки: «она тутъ съ нами.»—Дружко: «Вотъ это слава Богу, намъ этого нужно. Вамъ продать, намъ купить. Давайте сторгуемся. — «Что вы хотите за нее взять?»—Дѣвушки: «Четыре угла, четыре рубля, на середку золотой, полштофа вина, часть говядины (ф. 3) да пирогъ».—Дружко отдаетъ требуемое. Дѣвушки берутъ елку съ бутылкой и выходятъ изъ-за стола, оставляя невѣсту одну. Женихъ подходитъ къ ней, беретъ ее за руку, здоровкается съ нею. Подаютъ гостинцы: пряники, орѣхи. Невѣста водетъ жениха въ особую горницу, а дѣвушки уходятъ за ними. Дружко проситъ: «Сватушко! сажайте своихъ гостей за женихову хлѣбъ-соль.»— Сватъ садится за столъ, въ передній уголъ, съ своими гостями. Дружко начинаетъ подчивать: кладетъ пирогъ на столъ, говядину, пшеника, четвертную, начинаетъ ихъ обносить краснымъ стаканомъ и всѣ пьютъ до тѣхъ поръ, пока не напьются пьяными—и тогда только сватъ вылѣзаетъ изъ-за стола съ своими гостями и проситъ за столъ жениховыхъ гостей и тѣмъ же порядкомъ напоитъ ихъ до пьяна. Дѣвушки въ горницѣ въ это время поютъ:

1846.

Во сыромъ бору на клену́
Виситъ колыбель на шелку,
На шелковомъ поясу́.
Во колыбелюшки дѣвушка,
Кругомъ ея подружки,
Любимыя сеструшки:
«Размахните меня высоко,
Чтобы видно было далеко,
Увидать бы мнѣ Ивана;
Что онъ тамъ дѣлаетъ?—
На добру коню ѣздитъ.

1847.

По лугу трава 2
Растилается, 2
По морю вода 2
Разливается. 2

Ужъ и я ли, млада, безъ воды пришла.
Свекоръ батюшко журить меня бранить,
Свекры матушка побить велить.
Одна милая золовушка
За меня слово молвила:
«Ужъ ты глупая невѣстушка
Какова вода не смучена была,
Ты тая-бъ вода домой несла,
Она бъ въ ведрахъ устоялася,
Свекрови сердце утолилось бы,
Свекры матушка умилилась бы.»

Гости вылѣзають изъ-за стола, благодарятъ и отправляются домой.

На другой день рано утромъ женихъ ходитъ по деревнѣ, собираетъ поѣздъ изъ родныхъ и знакомыхъ. Каждый изъ приглашенныхъ приходитъ съ приносомъ, съ хлѣбомъ-солью и еще чѣмъ нибудь (съ курицей, десяткомъ яицъ и т. п.). Когда всѣ соберутся, поѣзжане садятся за столъ и обѣдаютъ. Берутъ каравай, кладутъ его на столъ и ставятъ два штофа вина. Послѣ обѣда дружко съ гостями выходитъ на дворъ, гдѣ лошади запряженныя стоятъ кругомъ, посреди котораго онъ разстанавливаетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: дружко беретъ образъ, а за нимъ полудружье обходитъ весь кругъ снаружи, а затѣмъ внутри, вокругъ гостей и говорятъ: «Благословите православные!» Тѣ отвѣчаютъ: «Богъ васъ благослови!» Затѣмъ садятся въ повозки въ слѣдующемъ порядкѣ: женихъ съ отцомъ крестнымъ (тысяцкимъ), дружко съ подружьемъ, а остальные кто съ кѣмъ, только одна сваха ѣдетъ позади всѣхъ въ повозкѣ, запряженной тройкой, назначенной для невѣсты. Въ концѣ деревни собравшіеся мужики бросаютъ поперегъ дороги колъ, палку и т. п. Дружко останавливается, даетъ имъ вина, пирогъ, говядину. Пріѣхавши къ невѣстѣ, поѣздъ останавливается у воротъ. Въ это время родители благословляютъ невѣсту и она кричитъ:

1852.

Кормилецъ мой батюшка!
Не прошу я у тебя ни злата, ни серебра, —
Прошу одного—Божьяго благословенья!
Благослови ты меня горькую, въ чужіе люди!
Кормилецъ мой батюшка,
Не покинь ты меня горькую!

Наконецъ поѣзжане входятъ. Помолившись Богу, начинается выкупъ невѣсты, которая сидитъ рядомъ съ плаксой (подъ образами) и подъ ними вмѣсто подушки—шуба вверхъ шерстью; подъ конецъ стола сидитъ братъ со скалкой. Дружко при входѣ ударяетъ объ столъ плетью, говоря: «Что за человѣкъ не въ свое мѣсто сѣлъ?» А братъ ударяетъ скалкой и говоритъ: «Я приставленъ къ доброму товарищу.» Дружко: «намъ это и нужно, мы за этимъ товаромъ и пріѣхали, намъ цѣну объяви, мы ничего не пожалѣемъ.»—Братъ: «Четыре угла, четыре рубля, а по середки золотой.» Дружко, обращаясь къ своимъ: «Ну, слава Богу, это сходный человѣкъ.» Вынимаетъ и кладетъ, что можетъ: по семиткѣ, или по гривеннику, смотря по состоянію. Потомъ говоритъ: «Ну, сваха, ступай въ добрый часъ!» Сваха влѣзаетъ на лавку, беретъ жениха за руку и ведетъ за собою къ невѣстѣ, подходитъ къ плаксѣ, сидящей рядомъ съ невѣстой и говоритъ: «Ну, сватенька, подвинься немножко, я тутъ сяду, ты здѣсь не на своемъ мѣстѣ сидишь.»—«Нѣтъ, я давно тутъ сижу, вы хотите меня согнать отсюда, я не пущу.»—«Давай мы съ тобою выпьемъ и закусимъ, авось согласимся.»—«А вотъ это хорошо.» Сваха при этомъ вынимаетъ косушку вина и калачъ, отдаетъ плаксѣ и цѣлуются. Плакса-то и отодвинется. Тутъ сваха садетъ на ея мѣсто, а женихъ возлѣ невѣсты. Затѣмъ садится весь поѣздъ. Обѣдъ начинается. По окончаніи его отправляются къ вѣнцу. По возвращеніи оттуда молодыхъ сажаютъ обѣдать отдѣльно въ клѣть, съ ними садятся дружко, сваха и плакса. Въ это время крестный отецъ съ матерью ложатся *грѣть* постель молодыхъ и притворяются спящими. Дружко со свахою и молодыми подходятъ и будятъ ихъ съ разными прибаутками. А крестные между тѣмъ *играютъ* пѣсню:

1853.

Коровать, короватушка,
Коровать моя тесовая!
Ой люли, ой лешеньки!
Коровать моя тесовая, 2
Перинушка ты пуховая.
Какъ на той на перинушки
Лежалъ добрый молодецъ,
Иванъ, сударь, Ѳедоровичъ,
Онъ всѣхъ бабъ корить.
Одноё бабу хвалить:
«Какъ моя-то Марьюшка —
Она полу́чшея всѣхъ 2
Она при(я)деть тонешенькё,

Натачеть гладешенькё,
Какъ сошьеть рубашечкю
Со косымъ вороточкомъ,
Со витымъ со шнурочкомъ.

Дружко: «Опорожните» мѣсто молодому князю со княгинею!» Тѣ всѣ молчатъ. «Постойте! я скорѣе съ нимъ слажу, дайте мнѣ вина.» Онъ наливаетъ имъ стаканъ браги. Крестные выпьютъ и слѣзаютъ съ кровати, приговаривая: «Дай Богъ лечь вамъ двоимъ, встать троимъ, на первую ночку сына да дочку!» и т. д. Молодой садится на кровать, а молодая его разуваетъ. Въ сапогѣ непремѣнно положена какая нибудь монетка. Дружко и сваха, уложивши молодыхъ спать, уходятъ. Пріѣзжаютъ *вечеровые* (родные невѣсты), привозятъ ея постель, сундукъ и курицу (послѣдняя сидитъ на сундукѣ). Выходитъ дружко и поѣзжане, просятъ у нихъ сундукъ и курицу.— «Мы не отдадимъ никому, окромѣ молодому князю со княгинею.» Тѣ просятъ: «отдайте, мы вамъ винца поднесемъ, мы его подданные. Мы затѣмъ приставлены, чтобы все у васъ взять, отдайте намъ курицу,—курица дороже всего.»—«Стало, съ вами нечего дѣлать, надо идти за княземъ.» Уходятъ, подымаютъ молодыхъ и выводятъ на дворъ. Тутъ вечеровые шумятъ: «Вотъ нашъ хозяинъ, вотъ кому велѣно отдать курицу. «Хотѣли ее у насъ отнять, мы въ обманъ не давались.» Тутъ отдаютъ курицу молодому въ руки и поздравляютъ «съ законнымъ бракомъ и жить, богатить, а тебѣ, княгинюшка, спереди *горбатить*!» Поѣзжане (жениховы), берутъ сундукъ, постелю, дружко благодаритъ за привозъ приданнаго, а больше, за курицу. Подносятъ вина и тутъ ихъ просятъ въ избу къ молодому князю брагу пить. Садятся за столъ, на которомъ коровай лежитъ. Сестра невѣсты или другая близкая родня покрываетъ коровай платкомъ. Дружко крестится, беретъ коровай, а платокъ кладетъ себѣ въ карманъ, коровай разрѣзаетъ на мелкіе кусочки. Подаютъ чашку, куда всыпаютъ всѣ нарѣзанные куски и становятъ ее середъ стола. Молодому подаютъ штофъ съ виномъ, а молодой стаканъ. Всѣ гости сидятъ за столомъ, а молодые стоятъ. Дружки подкликаютъ отца жениха къ короваю: «Родимый батюшко! подойди къ намъ, погляди на насъ, а мы на васъ. Просятъ васъ дѣти съ сыръ-караваемъ. Сыръ-каравай прими, золотую гривну положи. Наше дѣло на новѣ, всего много надобно: на тонцы веретенцы, на тонкіе полотенцы,—надоть козла купить, воду возить, старика нанять, дрова колоть, старуху нанять—баню топить—молодому князю съ княгинею париться ходить,—помощь по силѣ, положьте рублика четыре, а будетъ ваше честь—положьте рубликовъ шесть.» Отецъ беретъ кусокъ коровая, а молодые ему подносятъ стаканъ вина и говорятъ: «родимый батюшко, изволь выкушать!» Онъ беретъ стаканъ, отопьетъ немного и скажетъ: «горько!» Молодые цѣлуются. Тутъ онъ поздравляетъ ихъ съ законнымъ бракомъ и даетъ наставленіе, чтобы другъ-друга любить. «А ты, сынокъ, люби жену, какъ душу, тряси ее какъ грушу. Сѣй ленъ конопей, спрашивай рубашку и портки.» Съ этими словами онъ выпиваетъ вино и кладетъ овцу: «Вотъ тебѣ, невѣстка, на каравай. Овечка твоя, ягнятки мои, шерстка твоя.» Она благодаритъ. Затѣмъ дружко подзываетъ съ тѣми же приговорками женихову мать: «Родимая матушка подойди къ намъ!» Та подходитъ, кладетъ сарафанъ, совсѣмъ сшитый. За ней подходятъ по очередно вся родня, сперва женихова, потомъ невѣстины и всякій даритъ что нибудь на коровай, а дружко при этомъ отпускаетъ разныя шутки. Во все это время вечеровые сидятъ за столомъ, кушая только то вино, которое при короваѣ. По окончаніи церемоніи они вылѣзаютъ изъ-за стола. Тутъ начинаютъ пѣть, плясать. Нѣсколько время спустя садятся ужинать. Послѣ стола въ скоромъ времени опять садятся за столъ, ѣдятъ, что послаже: курицу, ветчину, яблоки, пряники. Затѣмъ вечеровые уѣзжаютъ домой. Когда наступитъ ночь молодыхъ положатъ спать и расходятся по домамъ.

На другой день дружко со свахой приходятъ раньше всѣхъ подымать молодыхъ. Дружокъ вводитъ ихъ въ избу, бьетъ горшокъ, а сваха пляшетъ по черепкамъ. Всѣ родные бросаютъ деньги. Свекровь отправляетъ молодую съ молодымъ съ ушатомъ за водою. Дружко идетъ возлѣ съ виномъ, сваха съ закуской, поѣзжане окружаютъ ихъ, кто пляшетъ, кто поетъ. Воду наливаетъ сваха. Когда нальетъ полный ушатъ, дружко подноситъ брагу, кому угодно. Какъ подымутъ ушатъ и понесутъ, тутъ многіе стараются его вылить, поѣзжане стараются не допускать этого, но всетаки находятся смѣльчаки, которымъ это удается, даромъ что поѣзжане будто изо всѣхъ силъ бьются защищать молодыхъ. Тутъ обыкновенно произойдетъ порядочная суматоха. Дружки обливаютъ сваху и другихъ и толкаютъ ихъ въ воду, гдѣ они волей-неволей, выкупаются. Бабы обыкновенно ужъ заранѣе одѣваются въ платье похуже (ношеное). Наливаютъ снова ушатъ и покрываютъ его новымъ платкомъ, (который послѣ отдается дружку) и несутъ въ домъ молодаго. Свекровь встрѣчаетъ молодую такъ: «Вотъ, слава Богу, дождалась перемѣны.» Тутъ молодые пойдутъ въ клѣть. Затѣмъ пріѣзжаютъ родные не-

вѣсты къ обѣду, послѣ чего ближніе родные и молодые уѣзжають къ тещѣ.

Зап. мною на 3 недѣлѣ великаго поста 1876 г. отъ бывшей дворовой Ѳеклы, женщина лѣтъ подъ сорокъ восемъ, не глупая, умѣетъ немного читать и была, какъ видно, большая мастерица въ заправленіи свадебнаго обряда.

Той же губ., Данковск. у., въ деревняхъ Красной слободкѣ и Урусовѣ.

1854.

Не было вѣтру, вдругъ навѣнуло,
Не было гостей, вдругъ наѣхало,—
Полонъ дворъ, полна горница:
Наступили на новы сѣни,—
Обломили сѣни новыя,
Раздавили чару золоту,
Упустили соловья изъ саду.
Восплакалась свѣтъ Марьюшка:
«Свѣтъ-то мои, сѣни новыя!
Свѣтъ-то моя, чара золота!
Свѣтъ-то, мой соловей изъ саду!
Кто жь меня рано будить буде?
— «Рано будить, поздно утѣшать,
Да я у тебя, соловей, на рукѣ,
Я у тебя, Иванъ Васильевичъ!
Я тебя буду рано будить,
Я тебя буду поздно утѣшать!»

1855.

Подплывали гуси, лебеди,
Подъ крутые береги:
Мы думали, гуси, лебеди,—
Иванъ сы боярами,
Авдотьюшка со свахами;
Иванъ сталъ на бережки,
На бѣломъ на камушки,
Онъ пишетъ письмо-грамоту,
Ни перомъ и не чернилою,
Своей горючей слезой;
Онъ и шлетъ къ своему батюшки,
Къ родной матушки:
«Государь ты батюшка!
Государыня ты матушка!
Люба ль вамъ невѣстушка?»
— «Дитё ли, мое дитятко,—
Дитё ли мое милое!
Намъ давно полюбилася,
За тебя взять хотѣлося,
За такого за барина,
За Ивана Павловича.»

Когда невѣсту ведутъ въ баню.

1856.

Растопись, банька,
Разгорись, каменка,
Разсыпься, крупенъ жемчугъ,
Не по атласу, не по бархату,
По серебряномъ блюдечку!
«Ты расплачься, Марьюшка,
Передъ своимъ роднымъ батюшкой,
Передъ своей родной матушкой:
Ты, родимый мой батюшка,
На что ты пиво варишь? 2
На что зелено вино куришь?
Али хочешь себѣ сына женить? —
— «Ты, дитё ли, мое дитятко!
Я хочу тебя замужъ отдать,
Ни за князя, ни за барина,
За такова же крестьянина,
За Василья Васильевича.

1857.

Какъ Марья у матушки
Дорогая гостила,
Золотой метелочкою
Мела, повымела,
Мела, повымела,
Трое сѣни новыя,
Только одной не вымела,
Гдѣ сидитъ лютá свекровь, 2
Съ треми своимъ дочеремъ:
Ёны судили, баили,
Про чужую дитятку, 2
Про свою невѣстушку:
«А не толь ёна сонливая,
А не толь ёна дремливая:
Солнышко еще за лѣсомъ,
А невѣста спать идеть;
Солнышко на ўсходѣ,
А невѣстка со спальни идеть.»

1858.

Вѣнули вѣтры по чисту полю,
Заиграли гусли во высокомъ терему,
Пролили слезы по бѣлому *лису*:
«Съ кѣмъ мнѣ будетъ думушку эту думать?
Думать мнѣ думушку съ батюшкой»
— Та ли мнѣ дума, не крѣпка, не вѣрна,
Тѣ ли мнѣ словеса не *побычились*.

Вѣнули вѣтры по чисту полю;
Заиграли гусли во высокомъ терему,
Пролили слезы по бѣлому лису:
«Съ кѣмъ мнѣ будеть думушку эту думать?
Думать мнѣ думушку со милымъ дружкомъ —
Та мнѣ дума и крѣпка и вѣрна.»

1859.

Не бушуй, холоденъ вѣтеръ!
Не расшатай во бору сосну,
Не разбуди у Ивана жену!
Какъ вечоръ во пиру была,
Съ полуночи сына родила:
Кумъ былъ Долгоруковъ сынъ,
Кума была Шереметьева двора.

1860.

Ужь вы сборы, мои сборы!
Собирала дѣвушка къ себѣ въ домъ,
Сажала дѣвушка за свой столъ,
Сама сѣла выше всѣхъ,
Склонила головушку ниже всѣхъ,
Думала думушку крѣпше всѣхъ:
«Думаю, подумаю: какъ мнѣ быть?
Какъ къ свекору, въ чужой домъ, притить?
Какъ мнѣ будетъ свекра назвать?
Назову я свекра батюшкой;
Назову я молодова: милый другъ!
Спеси, сгордости, убавлю,
А ума-то, разума прибавлю.»

1861.

Ай, рано, рано, по зарѣ,
Поймалъ соловей кукушечку.
По ей дѣтушки плакали;
Не сизу кукушечку, красну дѣвицу,
По ей дѣвушки плакали,
По ей красныя плакали:
«Вы не плачьте, красны дѣвушки!
Мы давно соловья знаемъ:
Ёнъ не сизой соловей, —
Ёнъ удалый молодецъ;
Мы въ одномъ садикѣ гуляли, 2
Мы въ одномъ теремѣ сиживали, 2
Мы за однимъ столикомъ кушивали, 2
Мы съ одной рюмочки водку пили.

На дѣвичникѣ дѣвушки поютъ невѣстѣ:

1862.

Куковала кукушечка,
Во сыръ боръ летаючи:
Плакала Марьюшка,
Къ столику припадаючи,
Батюшку величаючи:
Матушки причитаючи:
«Государь мой батюшко!
Напиши мое личико
На дубовомъ столикѣ!
Государыня матушка!
Набери мою красоту,
На бранной скатерти,
Когда столикъ подвинните,
Про меня вспомяните,
А скатерть ускроете,
Три раза восплакнете:
«Какъ-то наше дитятко
На чужой сторонушкѣ 2
У чужова батюшки!»

1863.

Въ отхожей новой горенкѣ
Восковая свѣча *топится*,
А Константинъ свѣтъ Богу молится,
Самому Христу печалится.
Приходила къ ему матушка:
«Сердечное ты мое дитятко!
Ты о чемъ Богу молишься,
Самому Христу печалишься?»
— «Родимая моя матушка!
Какъ же мнѣ Богу не молиться,
Самому Христу не печалиться?
Какъ по утру вставать мнѣ ранешенько,
Свою головушку чесать гладешенько,
За своей-то мнѣ ѣхать суженой,
За своей за снаряженой.
Растеряютъ мою молодость
По ухабамъ и раскатамъ,
У насъ кони будутъ ренскіе, [1])
А поѣзжане будутъ пьяные.

1864.

Много, много, у сыраго дуба,
Много листья и палистья,
Только нѣтъ у сыраго дуба

[1]) Очень бойкіе.

Золотой его вершиночки.
Много, много, у Пелагеи души,
Много сродцевъ и пріятелевъ,
Только нѣтъ у Пелагеи у души,
Что кормилица, свово батюшки,
И родимой своей матушки.

1865.

Какъ Марьюшка голубушка,
Въ добрый часъ породилась,
Межъ обѣдней и заутреней,
Вы саду подъ яблонькой,
Въ зеленомъ подъ кудрявенькой:
Малиной банила, калиной парила,
Рѣчью приговаривала:
«Будь ты, мое дитятко,
Безъ учбы будь умнешенько,
Безъ бѣлилъ будь бѣлешенько,
Безъ сурмянъ брови черныя,
Безъ румянъ румянешенька!»

1866.

Звонили звоны въ Данковѣ городѣ,
Звончѣй того въ селѣ Знаменскомъ;
Звонила звоны свѣтъ Марья душа,
Мимо ѣхалъ Иванъ господинъ;
Звону ея онъ заслушался,
Красоту ея онъ засмотрѣлся,
Пріѣхалъ домой, выхваляться сталъ:
«Матушка! Видѣлъ я свою суженную,
Свою суженную, свою ряженную:
Ростомъ она и тонка и высока,
Лицомъ она бѣла и румяна,
Бровью она и черна и сурмяна.»

1867.

Я не знала млада, не вѣдала,
Ко мнѣ сваха пріѣхала,
Молодая, спесивая,
Гордая, ломливая:
На сѣнюшки ступила,
Ничего не молвила,
Подумамши, молвила:
«Собирайся ты, умница,
Снаряжайся, разумница,
Ко суду Божію ѣхати,
Ко суду Божію, ко златому вѣнцу!»

—«Поди прочь, свашенька,
Отступись, подговорщица:
Мнѣ безъ тебя-то грустнехонько!»

1868.

Кого это величаемъ?
По отечеству называемъ?
Дари игрецъ, не скупися,
Золотой гривной разступися!
Намъ игрицамъ много надо,
На бѣлые на бѣлилы,
На черные на сурмилы.

(Тутъ гости кладутъ деньги на тарелку).

Спасибо, дружья братья,
Мы пиво твое выпили,
Золотую гривну вынули.

1869.

Иванъ ходя по двору,
Кóнья [1]) на немъ шуба до земи,
Соболья на немъ шапка до верху,
Божья на немъ милость до вѣку.
Какъ люди скажутъ: «Чей это такой?»
Дарьюшка скажетъ: «мой господинъ!
Да мнѣ съ господиномъ вѣкъ вѣковать,
Да мнѣ съ господиномъ домъ наживать,
Да мнѣ съ господиномъ дѣтей воспитать.»

Жениховý отцу съ матерью.

1870.

Угрюмъ, угрюмъ, ходитъ
Марьинъ батюшка:
Угрюма, угрюма, ходитъ
Марьина матушка:
Мела свой высокъ теремъ,
Потеряла свой золотъ перстень,
Не золотъ перстень потеряла.
Потеряла свое дитятко,
Потеряла свое милое,
Марью Андреевну.
— Веселъ, веселъ, ходитъ
Васильевъ батюшка;

---

[1]) т. е. кунья.

Весела, весела, ходитъ
Васильева матушка:
Мела свой широкій дворъ
И свою новую горницу,
Нашла золотъ перстень
Съ дорогимъ съ камешкомъ.
Не золотъ перстень нашла, —
Нашла себѣ дитятко,
Нашла себѣ милую,
Марью Андреевну.

1871.

Летѣли голуби черезъ теремъ,
Вдарили крылами объ теремъ,
Думали думушку: «Дома ли Марьюшка?» —
Мы бъ ей сказали добрую вѣсть,
Что у Ивана въ домѣ есть:
У него въ домѣ кони вороные,
Онъ самъ собрался на коню,
Собрался на коню, какъ соколъ;
Его батюшка спрашиваетъ:
«Ты куда, дитё, собрался?»
— Въ дорогу, батюшка, въ дорогу;
Ты пожалуй-ко, батюшка, подмогу:
Тридцать человѣкъ пѣшковыхъ,
Пятьдесять коней верховыхъ,
Двѣ каретушки золотыя,
Двѣ свашеньки молодыя.

1872.

Вечоръ сы вечеру,
Да трое куръ пѣли,
Четвертая вскрикнула:
Иванъ сударь въ теремѣ,
Русы кудри чеше!
Про свою Авдотьюшку
Онъ и трехъ пословъ послалъ,
Четвертый самъ пошелъ:
Я не йду и не слушаюсь,
Я теперича не твоя:
Судьба Божья—батюшкина
Порожденьице—матушкина.

1873.

Марьи пѣсенку небезчестно слышати,
На дѣвичьемъ вечерѣ съ князьями, со боярами,
Со любовными свашеньками.

1874.

Какъ сказали:
«Иванъ изъ Москвы ѣдетъ!»
Не успѣла свѣтъ Марьюшка
Кунью шубу вздѣть—
За рукавъ шубы схватила,
Середи двора вздѣла,
За воротами ўстрѣла,
И цалуетъ, и милуетъ,
А правды не скажетъ.
— «Скажу тебѣ правду:
Рожу тебѣ сына,
Какъ бѣлаго сыра;
Рожу тебѣ дочку,
Какъ бѣлаго груздочка.
Какъ сына-то качаю,
Перемѣны себѣ чаю;
Какъ дочерю качаю,
Перепутье себѣ чаю.

1875.

Соколъ соколовичъ,
Иванъ Андреевичъ,
Онъ гулялъ по садику,
Гулялъ по зеленому,
Искалъ себѣ соколушку,
Лебедушку бѣлую,
Марью Андреевну;
Взялъ ее за рученьку,
Взялъ ее за правую,
Повелъ ее по садику,
Повелъ ее по зеленому,
Сталъ ее выспрашивать,
Изъ ума вывѣдывать:
«Гдѣ же ты, Марьюшка, была?
Гдѣ же ты, Андреевна, росла?»
— «Росла-то я, росла, у батюшки,
Лелѣялася у матушки.»
«Да что жь ты пила, ѣла?»
«Я медъ, вино пила,
Сахаръ, изюмъ ѣла.»

1876.

«Соколы, соколы, куды жь лётали?»
— «Мы лётали съ моря на море.»
«Да что жь вы видѣли?»
— «Мы видѣли утену на морѣ.»
«Да что жь вы ее не взяли?»
— «Хотя мы ее не взяли
А крылушки още пали,
Горячу кровь пролили.»

1877.

Какъ за нашими широкими воротами
Синее море разливалось,
Бѣлорыбица встрепехталась.
Рыболовцы по бережку ходили,
Бѣлой рыбицѣ говорили:
«Бѣлорыбица, берегись!
Ужь и хочуть тебя, бѣлорыбица, уловить,
Ужь и хочуть на мелкія части разрубать,
На серебряной тарелкѣ раскладать,
Во высокъ теремъ носить,
На дубовой столъ становить,
Свѣтъ Марьюшку кормить.»
Какъ за нашими широкими воротами
Разыгралися ребята молодые,
Расшутились купцы холостые,
А свѣтъ Марьюшки подружки говорили:
«Берегись, свѣтъ Марьюшка!
Ужь и хочеть тебя Иванъ сударь поцѣловать.»
«Догадалась, подруженьки, догадалась.»

1878.

Надъ рѣкою сосенька зелена стоить,
По той сосенки бѣлая лава лежить,
На той лавицѣ Марья сидить,
На той лавицѣ да Ивановна,
Чешется, гладится, русу косу плететь;
Вымося[1]) шелъ, вымося шелъ, родной батюшка:
«Дитятко Марьюшко, пойдемъ домой!
Дитятко Ивановна, пойдемъ домой!»
Охти мнѣ, батюшка, я не хаживала,
— Охти мнѣ, родной, я не хаживала:
Нотъ темная, да не мѣсячна,
Рѣки глыбоки — переходу нѣтъ,
Горы высоки, да юсхода нѣтъ.»
Надъ рѣкой сосенка зелена стоить,
По той сосенки бѣлая лава лежить,
На той лавицѣ Марья сидить,
На той лавицѣ да Ивановна,
Чешется, гладится,—русу косу плететь;
Вымося шелъ, вымося шелъ, милый другъ:
«Душечка Марьюшка, пойдемъ домой!»
—«Охти мнѣ, готовешенька:
Нотъ видна и мѣсячна,
Рѣки мелки и переходъ есть,
Горы высоки и юсходъ есть.»

[1]) т. е. много.

1879.

Какъ по погребу боченочекъ катается,
Какъ Иванъ сударь надъ женою надругается:
«Ты и Марьюшка разуй, ты Егоровна разуй!»
—«Я бы рада разула, я не знаю, какъ назвать; 2
Я къ сосѣдушкѣ пойду, я спрошу, какъ назвать. 2
Я и ноженьку разула, я Ивановъ назвала, 2
Я другую-то разула, я Степановичемъ назвала.

Всѣ 26 зап. мною.

VIII. Тульской губерніи.

Новосильскаго у., въ селѣ Верхней Залегощи.

Отдѣлавшись отъ работъ, убравши свой хлѣбушко, крестьянинъ, если есть у него сынъ взрослый, смышляется женить его (по большей части въ деревняхъ свадьбы бываютъ осенью). Начинается выборъ невѣсты, лучшія качества которой состоятъ въ томъ, чтобы она была рабочая, сильная и дородна собой. Кромѣ того ищутъ, чтобы отецъ невѣсты былъ побогаче, чтобы было гдѣ попить, да погулять. Тутъ уже большею частью дѣло обходится помимо жениха и невѣсты, а родители, замѣтивъ дѣвушку, которая пришлась имъ по нраву, или даже только прослышавъ о такой дѣвушкѣ, засылаютъ къ отцу ея сходатаго свата или сваху. Сваха, съ длинной палкой въ рукахъ, приходитъ въ домъ невѣсты, молится Богу и говоритъ: «Здорово живется!»—«Здорова, здорова, Микитишна,» привѣтствуетъ хозяйка, сядь, садь, Микитишна, ты уморилась!»—«И то уморилась, жалкая моя», и сваха садится на полу (возвышенное мѣсто, въ избѣ, подлѣ печки). «Штой-то ты къ намъ пришла, Микитишна?» Спрашиваетъ хозяйка.—«Да што, сударики жалкая, ўсѣ вы тутъ ўмѣстя. Прослышали мы, што у васъ есть товаръ, а у насъ купецъ».—«Чей жа это у васъ купецъ-то Микитишна?» спрашиваетъ хозяинъ.—«Да вонъ, сударикъ мой, Зосимушка Радюнинъ хоча сына жанить.»—«О, о, да милости просимъ! Сватъ ни сватъ,—добрый чиловѣкъ»,—

говоритъ хозяинъ. Сваха продолжаетъ: «Да туды ежели не отдавать, сударикъ мой, кудыжь и отдавать-то? Самъ ёнъ мужикъ хорошый, вина почитай ни пьеть и буянства отъ ниго никода ни бувая ў міру».

— «Да право! Асимья-то ихъ», продолжаетъ сваха, *сунетная*, (?) да сукромная и у пяти селъ такой не пайдишь, опять свикровья смѣрéная, да она, будя продумши мѣстичко сажать свою нявѣску-то. И съ мѣста ни сойтить!» божится она.—«Да это хошь правда, Микитишна,» говоритъ хозяинъ, люди хорошіе, покорить не чѣмъ.»

— «Ну, а какъ чаишь, Микитишна, ў солдаты-то ни пойдеть, малый-то?» спрашиваетъ мать невѣсты. — «И-и, любазная моя! да вишь ёнъ у нихъ самай бóльшинькяй. Ну идѣшь видано да слыхано, штобы бóльшого сына брали ў солдаты? Другой можетъ и пойдеть, а этотъ нѣтъ, этотъ останитца.»—«А малый-то, продолжаетъ сваха, такъ, любочка моя, настояшшай барянъ! А умница одна ў міря! Да, тамъ дитё, тамъ дитё и говорить нечего! и земля мало родить такихъ».

— «Да про малаго мы знаемъ, тутъ ню чужомъ сялѣ,—говоритъ отецъ невѣсты, и то сказать ў кого жъ яму и плохому то быть? Вѣдь што отецъ, што мать, хорошіе люди, а вѣдь яблочко отъ своей яблонки не далеко падая, такъ и дитё.»

— «Правда твоя, сударикъ, правда, замѣчаетъ сваха. А ў дому-то у нихъ чиго толькя нѣту!» продолжаетъ она, «хлѣбушка ишшо стараго два скирда стоятъ, своя маслинца, скотины тожь много: двѣ коровы съ молокомъ, ў чичвяромъ лошадей ѣзжалыхъ, жеребенокъ, овецъ боля 20-ти, а овцы то настояшшія копны! свиней однихъ што! ветчины-то у анбаря машты гнутца, трихолѣтишная чуть есть ишшо. Да тамъ ўсячины и докону нѣтъ, и докону нѣту»!

— Знамо дѣло, Микитишна, мы знаемъ, што ёнъ хорошо живеть, ў люди ни зачѣмъ ня ходя, говоритъ хозяинъ.—«Нѣтъ, нѣтъ, сударикъ! Ну штожь вы мнѣ скажитя-то?» Да вотъ што, Микитишна, до вечера подумаемъ мы со старухою, да съ роднею побалакаемъ, а у вечиря опять къ вамъ милости просимъ, приходитя.»—«Ну штожь, родимый подумайтя, сае, хошь у добрыхъ людей успроситя, ни хто худа ни скажа, разя толькя по ненависти. Да то-то они пристали ко мнѣ: сходи, да сходи! ишь дюжа полюбилась имъ дѣвочка-то ваша, да люди-то вы ни таковскаи, а ўсе у васъ по божьему. Я молъ, отчего-жь не сходить, я схожу, побалакаю,» говоритъ сваха, вставая съ полу. «Ну прошшайтя-жь, жалкаи, такъ до вечира?» спрашиваетъ она уже, выходя. «До вечира, Микитишна, до вечира!» «Ну прошшайтя!»—«Поди сае съ Богомъ!» И сваха уходитъ.

Вечеромъ приходитъ сваха съ сходатымъ сватомъ, Аксенычемъ, хотя этого Аксенычa и зовутъ обыкновенно Мистеркой, на этотъ разъ его величаютъ по батюшкѣ. Аксенычъ войдя въ избу, молится Богу и говоритъ: Здорово были!»—«Здорово, здорово родимый!» Никитишна садится на полу, а Аксенычъ на коникѣ. Аксенычъ, обращаясь къ отцу невѣсты, спрашиваетъ: «Ну Гурьяновичъ, сдумали, штой, вы отдавать-то?»—«Да хто ее зная, старуха ўсе какъ то жалѣя.»—«Штожъ жалѣть? жалѣть нечего, вѣдь это товаръ не береженый, надо-жь отдавать коли-нибудь дѣвку, а мѣсто хорошее.»—«Знамо дѣло, Аксенычъ, объ мѣсту мы не толкуемъ,»—говоритъ хозяйка,—да жаль-то, дюжа, ужь у мнея и разумъ разступился, и не придумаю я што и дѣлать! Дѣвочка то молода ишшо.»—«Да што вы толкуйтя? вить это товаръ не береженый, а мѣсто хорошее и малый ужь одно слово хоть куды! Ну штожь тутъ разгадывать?» А невѣста въ это время сидитъ за кожухомъ на печкѣ. Да про малаго мы знаемъ: тутъ ню чужомъ сялѣ, ўсягды на глазахъ,»—говоритъ отецъ невѣсты. «Ну штожь, старуха, какъ ты думаешь»? спрашиваетъ онъ жену свою?» А я и сама не знаю, и разумъ у меня разступился.» — «А я вотъ што скажу табѣ»— продолжаетъ отецъ невѣсты, вить ужъ кода-нибудь надо отдавать дѣвку, безъ этаго нельзя.» Мать молчитъ. «Вястимо, при сае ни продержишь,» замѣчаетъ Никитишна». «Нечего долго толковать,»—говоритъ сходатый,—скажитя: «дай Богъ часъ, да и за виномъ прямо пойдемъ!»—«Ну, а уговоренаго-то штожь вы дадитя нашей нявѣстѣ?» спрашиваетъ хозяйка.—«Да это мы не постоимъ, вотъ питярикъ ей прямо хошь ў руки.» «И-и, штожь это вы гýторитя! Ну штожь тутъ питярикъ? а вотъ дисятку ежели дадитя, тогда дай Богъ часъ и за виномъ»,—говоритъ мать невѣсты.—«Штожь ты сае, Яхимовна, сдумала это? вить это дли насъ дюжа обидно, право, дюжа чижало будя! Ну што ты гонисса за уговорнымъ нишь у тіе *холечовъ* (?) мало? Ни парядить штой боисса?»—«Да этаго то родимый, слава тіе Господи, хватя усячины. Вить ты думаешь мнѣ твои деньги дороги? мнѣ честь дорога свояму дитишту, а то люди скажутъ: «вотъ, молъ, не чаяла съ рукъ сопхнуть и уговорнаго мало ўзила». Ну вотъ ишшо цалковый! Ну по рукамъ штой?»—«Ну ужъ сватъ, ни сватъ, добрый чилаекъ, прибавь видно што одинъ, да и дай Богъ часъ, я ужь ня буду торговатца долго-го: это вить ня лошадь».—«Да ну на, дяржи, ужъ Богъ съ тобою! мы тожь не таковскіе, долго калякать ня будимъ. Ну за виномъ, штой? Ну, видно, дай Богъ часъ,» говоритъ отецъ невѣсты.

Черезъ полъчаса сходатые уже приходять съ отцомъ жениха, ставятъ на столъ четверть водки. «Ну, теперь помолимся Богу! Дай Господи, што задумали, загадали соваршить ў добромъ здоровьѣ!» Тутъ всѣ молятся Богу, потомъ садятся за столъ. Сходатый наливаетъ стаканъ вина и, подноси отцу невѣсты, говоритъ: «Ну-ка сваточикъ!» тотъ говоритъ: «Твояму здоровьицу!» Сходатый подносия стаканъ ко рту и кланяясь всѣмъ, говоритъ: «Ну будьтя ўсѣ здоровы! Ты сваточикъ, сватунька, ты Зосимъ Мистёрычъ, и ты Микитишна! Пошли Господи намъ, што задумали, загадали, соваршить ў добромъ здоровьицу»! Всѣ кланяются и повторяютъ: «Пошли Господи, пошли Господи!» Потомъ по очереди пьютъ всѣ, послѣ чего сходатый зоветъ невѣсту: «Ну-ка, Акулина Яхимовна, выдь суды, насъ погляди, а сіе окажи!» Невѣста сходитъ съ полу и кланяется всѣмъ. Сходатый подноситъ ей вина; она взявъ въ руки стаканъ, опять кланяется: прежде своему будущему свекру, потомъ сходатымъ и своимъ роднымъ и почти шепотомъ говоритъ: «будьтя здоровы», прикоснется губами къ стакану, поклонится и опять уходитъ на полъ; къ ней подходитъ мать и начинаетъ голосить:

1880.

Милая-жь моя дѣточка,
Любязная-жь моя дочичка,
Дочичка Акўлюшка!
Да какже такъ, дочичка,
ў чужіе люди пойтить будя?
Да какже таé, любочка,
Чужимъ людямъ угодить будя?
Какъ чужому батюшкѣ съ матушкою,
Какъ дочичка удобривать будя?

Тутъ сватъ и сходатые уходятъ, а отецъ невѣсты посылаетъ собирать сосѣдей и родственниковъ, и затѣмъ они отправляются къ жениху «колушки глядѣть». Мать невѣсты со своими родственницами продолжаетъ голосить:

1881.

Да какъ же мнѣ, горькяй,
Какъ же мнѣ горямыкой,
Какъ же свою дочичку,
Дочичку Акулюшку,
Охъ да съ свойго подворьица,
Какъ мнѣ проводитъ будя?
Да какъ же мнѣ спустить будя,
Какъ же тая дочичка
Охъ да дѣвичью волюшку
Охъ-да позабыть будя?
Ты вить, моя дочичка,
Ишшо молодехунькя,
Охъ-да зиленёхунькя.
Была-жь моя дочичка,
Была-жь ты у меня проворна,
Была-жь угодлива.
Какъ я, дочичка,
Охъ-да твои слядочки
Какъ буду ухаживать?
Какъ жа теперь я горькія
Охъ да твою работку
Какъ буду уработывать?

У жениха же въ это время сидятъ за столомъ цѣлая толпа уже пьяныхъ мужиковъ, но хозяинъ еще подноситъ имъ водки. Сюда же собрались дѣвушки и молодайки—«игрицы», онѣ обыгрываютъ пришедшихъ сватовъ и плящутъ подъ пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ запѣваетъ:

1882.

Во горенкѣ, во новинькяй ходя голубь си голубушкою,
Во голубя во сизаго золотая голова.
У кого-жь у насъ братцы молодая жена?
У Яхима, у Яхима, молодая жена,
У Мистеровича её молодинькая,
Яму друзья, братья, товаришши позавидовали:
«Кабы эта, кабы эта да моя шельма жена,
Я бы лѣтомъ, я бы лѣтомъ вы колясочкахъ возилъ
А зимою, а зимою да во новыхъ козыряхъ [1]).»

По окончаніи пѣсенъ одна изъ молодаекъ подходитъ къ величаемому гостю и подставляя горсть, проситъ за обыгрываньe денегъ. Тотъ кладетъ ей копѣйку или двѣ, а остальныя игрицы начали уже обыгрывать другого.

1883.

Вы городя лобода, 2
Ой лобода, лобода! 2
Ну що-жь эта привада, 2
Ой привада, привада! 2
Аляксѣй жану привадялъ, 2
Ой привадялъ, привадялъ! 2

---

1) «Козырь»—головки саней, загнутая къ верху часть. Слов. Даля.

Ёнъ ня пивомъ, ни виномъ, 2
Ой ни виномъ, ни виномъ! 2
Своимъ бѣлымъ животомъ, 2
Ой животомъ, животомъ! 2

Опять отправляется сборщица за деньгами и получаетъ опять копѣйку. И такимъ образомъ переличаютъ онѣ всѣхъ, а мужики-сваты, по выходѣ изъ за стола, въ свою очередь затягиваютъ пѣсни: «На горѣ былка стояла,» «Ягоравы копечки,» или «Скуковалая молъ кукушечка». И такъ они кричатъ во всю дорогу до самаго дома невѣсты.

Затѣмъ отецъ жениха идетъ къ попу сказывать, что онъ сосватался. «У кого-жь ты сосватался, Зосимъ?» спрашиваетъ священникъ. «Да вонъ, батюшка у Яхима Васютиноча.»—«Что же родства нѣтъ между вами?» «Кажись нѣту, батюшка, какое-жь сроство? А тамъ хто зная? вамъ виднѣя.»—«Ну хорошо, пріѣзжай завтра съ хлѣбомъ-солью, а въ воскресенье я повѣнчаю свадьбу.» – «Батюшка, явитя божескую милость! перевѣнчайтя ў пятницу, потому ежели долго откладывать, такъ черезъ это будутъ лишнія траты, чижало дюжа будя.»—«Нельзя! понимаешь ты: въ воскресенье нужно будетъ сдѣлать оглашеніе въ церкви. Вѣдь вотъ ты не знаешь навѣрно, есть ли родство между вами или нѣтъ?»—«Да нѣтъ, батюшка, нѣту, я доподлинно знаю, потому ни я у него ни хрестилъ, ни ёнъ у меня, вотъ кумовства и нѣту и сватовства тожь-жа!» «Да я хотя и знаю это, да форма того требуетъ,» —прибавитъ священникъ, какъ бы про себя. Крестьянинъ стоитъ, почесывая затылокъ. «А то нильзя-ли какъ, батюшка, ў пятницу-то? Я бы табѣ таво, поросеночка бы принесъ отдѣльно и нихтобъ ня свѣдалъ про то.»—«Иди! говорятъ тебѣ, что нельзя никакъ безъ оглашенія! Да чѣмъ же для тебя будетъ тяжело, если въ воскресенье играть свадьбу?» —«Да какъ же, батюшка, ўсе лишнія траты, то-бы я вотъ ниня собрался къ завтрому къ образованью, да и будя, а то вить до воскресенья-то чуть ни кажны дёнъ будутъ ходить-то охмѣляться, то нявѣсту кормить, анъ и чижало!»—«Ишь вѣдь какой ты скупой, Зосимъ, не хватитъ чтоль у тебя для этаго?»—«Да оно ничаго; ну видно, такъ тому дѣлу и быть!» И онъ почесывая затылокъ, уходитъ. На другой день бабы, четыре или пять, ѣдутъ отъ невѣсты рубаху мѣрить жениху; везутъ онѣ съ собой холста три льняныхъ для рубашекъ жениху. По пріѣздѣ въ домъ жениха этихъ бабъ, опять собираются игрицы. Бабы садятся за столъ и, попросивъ у хозяйки рубашку жениха, мѣряютъ по ней холстъ, скроятъ рубашки двѣ-три и опять завертываютъ холстину въ свои платки; хозяйка начинаетъ ихъ подчивать харчью, хозяинъ водкой, а игрицы обыгрываютъ ихъ пѣснями. Вотъ онѣ поютъ и пляшутъ:

1884.

По рѣчушкѣ утёнушка плавала, плавала,
Плавала, плавала!
По сѣничкамъ Хавроньюшка хóдила, хóдила!
Ходила, ходила!
По новенькимъ Мистёровна гýляла, гуляла!
Гуляла, гуляла! и т. д.

Потомъ отпочеванныя бабы выходятъ изъ за стола и тутъ начинается пляска подъ пѣсни, которыми величаютъ жениха съ невѣстой. Сначала запѣваетъ одна; потомъ подхватываютъ всѣ:

1885.

Да ну чей такой по улицѣ конь игралъ,
Ну чей такой по широкой шурмувалъ?
Ой, лей ляли, али лей ляли шурмувалъ!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ, съ повтореніемъ послѣдняго слова 2-го стиха).

—Усё это Ягоровъ конь играя,
Усе это Зосимовича шурмуя,
Ёнъ выскочилъ во зиленай садъ погулять,
Ёнъ пристопталъ зиляну мяту шлюмжу:
Увидѣла Акулинушка, смолчала,
Увидѣла Яхимовна—ничаго,
Увидѣла Акулинина матушка,
Ни сломила съ калина куста вѣточку,—
Ударила ворона коня по бедру,
Захватила Ягорушку по лицу—
Захватила Зосимовича по бяломъ.
Ну будь же ты Ягорушка бѣлъ-румёнъ—
Ну будь же ты, Зосимовичъ, чернобровъ,
Чаши́ кудри, чаши́ русы ниже бровъ
Ой лей ляли, али лей ляли! ниже бровъ.

Потомъ онѣ поютъ еще нѣсколько пѣсенъ: изъ числа которыхъ приводимъ слѣдующія:

1886.

«Перепелка, перепелка,
Перепелушка молодая!

Я кудажъ ты, я кудажъ ты,
Я куда летала?»
— «А лятала, а лятала
Ва зиленый садъ винеградья,
Обивала, обивала золотыя крыльцы
На пирницы.
А ни ласка, а ни ласка,
А ни ластушка прилетала,
Она вѣску, она вѣску
Она вѣстушку приносила,
Она вѣску, она вѣстушку,
Она вѣстушку слизявую.
То Марья, то Марья
По сѣнюшкамъ ходила;
Дочь Филипьевна
По новенькимъ гуляла.
'На гуляла, 'на гуляла,
Свово батюшку пробужала,
Свово роднова пробужала:
Што ни батькя, што ни батькя:
Што ни батькя пробудися,
Што ня роднинькяй ошнися:
А ни годъ мнѣ, а ни годъ
Ва тіе годовати,
Ни нядѣлькю, ни нядѣлюшку
Ва тіе гостовати.
Одну ночку, одну ночушку
Ва тіе ночевати,
Одну темную коротати.
Ни тае мнѣ, ни тае мнѣ
Съ тоски во слезахъ невидати.

1887.

Ужъ ты голъ ли, мой голъ, голъ голочикъ
Ой ляли, а лиля, голъ голочикъ!
Ужъ ты ясный мой соколочикъ, —
Ой ляли, а лиля соколочикъ!

(Такимъ образомъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха, т. е. съ повтореніемъ послѣдняго слова).

Ой, бывалъ ли ты, голъ, 2, на Волгѣ?
Ой, видалъ ли ты, голъ, голъ гомолку?
— «И ну какъ мнѣ на Волгѣ не бувати?
И какъ мнѣ гомолку не видати?
Она изъ луга въ лугъ перелетала,—
Шелковая травушка зашумѣла,
Съ колокольчикомъ крылья зашумѣли.

«И ну хтожъ у насъ бѣлый кудреватый?»
— У насъ бѣлый кудреватый—нашъ Андрея.
Сколь далеко Андреюшка заѣхалъ, —
На чужую на дальнюю сторонку,
За Пягоштинскую на слободку.
«Ой бувалъ ли, Андреюшка ва тестя?
Да ва ласковой привѣтливой ва тешши?
Ой видалъ ли, Андреюшка, Ахимью?»
— «И ну какъ мнѣ ва тестя ни бувати!
И-ну какъ мнѣ Ахимью не видати!
Она изъ терема ва теремъ пирходила,
Пуховыя пирины пирносила,
На ней твѣтная платья зашумѣла,
Въ косѣ алая ленда заалѣла, —
Ой ляли, а лиля, заалѣла.

Ѣдутъ и во всю дорогу кричатъ пѣсни; махаютъ платками и подплясываютъ, стоя на телѣгѣ. Послѣ этого отъ жениха столько же бабъ ѣдутъ кормить невѣсту; онѣ везутъ ей блюдо наполненное лепешками, курицей и еще какимъ либо мясомъ, горшочекъ каши отъ жениха отдѣльно, баранокъ около фунта, груздиковъ или пряниковъ намочныхъ и яблокъ. У невѣсты, эти бабы напившись до пьяна, ѣдутъ обратно съ пѣснями; и стоя на телѣгѣ, машутъ платками и подплясываютъ. Вотъ одна, точно какъ въ изступленьи, бьетъ въ ладоши и кричитъ пискливымъ голосомъ:

И!-и!-и! Гоцъ ну! гоцъ ну!
А ну-нуть!—туть! туть!
Другая кричитъ:
Ай ишшо! ай ишшо! ишшо! ишшо!

Наканунѣ свадьбы какъ у жениха такъ и у невѣсты собираются всѣ родственники и сосѣди. Въ домѣ жениха дружка становитъ послѣдняго посреди избы на постланную къ верху шерстью баранью шубу; отецъ съ матерью берутъ съ божницы икону и благословляютъ сына. Потомъ ставятъ на телѣгу сундукъ, наполненный харчью и коровайцами и длинный обозъ съ народомъ съѣзжаетъ со двора; они ѣдутъ на *образованье* къ невѣстѣ.

Въ домѣ невѣсты въ это время толпится народъ въ хатѣ, въ сѣняхъ и на дворѣ сюда прибываетъ еще человѣкъ 50 съ сватовой стороны. Дружко вводитъ жениха, ставитъ его подлѣ порога и говоритъ: «Здраствуйтя, сваточки, сватуньки!»—«Здорово, здорово, сваточикъ!» отвѣчаютъ тѣ. Потомъ входятъ въ избу всѣ гости и здороваются.

Около невѣсты, на полу, биткомъ набито дѣвушекъ—«дѣвишницъ», разряженныхъ конечно, какъ макъ цвѣтущихъ. Невѣста тоже наряжена, въ аломъ съ золотомъ платкѣ, на косѣ и на пле-

чахъ лентъ навѣшено аршинъ десять, юбка и рукава рубашки тоже красные, только и бѣлѣется станъ рубашки.

Вотъ подлѣ пола стелятъ къ верху шерстью баранью шубу; дружко ставитъ на нее жениха рядомъ съ собою, противъ пола и вызываетъ невѣсту:

«Акулина Яхимовна! Извольтя на винную чару сойтить!»

Дѣвушки съ полу отвѣчаютъ:

«Извольтя нашу Акулину Яхимовну окупить,— не рублемъ,—полтиною, золотою гривною, и скляницей вина!»

Дружка подаетъ имъ бутылку вина, накрытую мѣдной гривной или пятикопѣечной монетой. Дѣвушки, замѣтивъ, что бутылка не полна, говорятъ:

«Э, дядюшка, штожь это ты ня полну намъ даваишь? Это у нашай Акулины Яхимовны глаза такъ-то уволютца!»

— «Нябось, у насъ ни уволютца!»—говоритъ дружко.

«Нѣтъ, нѣтъ, дядичка, долѣй, а то мы нявѣсту ня спустимъ съ полу!»

Дружко доливаетъ бутылку и отдаетъ дѣвишницамъ. Дѣвишницы уходятъ распивать бутылку или въ горницу, или къ сосѣду, а съ невѣстой остаются только двѣ дѣвушки, которыя будутъ сводить ее съ полу. Теперь дружко научаетъ жениха звать невѣсту, такъ же какъ онъ звалъ. Женихъ, потупя голову, тихо говоритъ:

«Акулина Яхимовна, извольтя на винную чару сойтить!»

Съ полу сходятъ: впереди двѣ дѣвушки, а сзади невѣста, онѣ становятся на шубу, кланяются прямо, потомъ направо и налѣво и уходятъ опять на полъ. Женихъ, принуждаемый дружкой, опять зоветъ невѣсту:

«Акулина Яхимовна, извольтя на винную чару сойтить!»

И на этотъ разъ дѣвушки сходятъ съ невѣстой, кланяются въ три стороны и опять уходятъ на полъ. Въ третій разъ женихъ зоветъ невѣсту:

«Акулина Яхимовна, извольтя на винную чару сойтить!»

Опять дѣвушки сходятъ съ невѣстой, кланяются и на этотъ разъ ужъ не уходятъ на полъ, а становятся въ рядъ подлѣ пола. Дружко ставитъ жениха съ правой стороны подлѣ невѣсты и дѣвушки, которыя сводили съ полу невѣсту становятся: одна подлѣ жениха, а другая подлѣ невѣсты. Тутъ отецъ и мать жениха берутъ икону и благословляютъ жениха съ невѣстой, потомъ передаютъ икону отцу и матери невѣсты, тѣ тоже благословляютъ ихъ.

Потомъ дружко даетъ жениху стаканъ съ виномъ и велитъ передать его невѣстѣ, причемъ спрашиваетъ: «Кому даешь?» Женихъ отвѣчаетъ: «Акулинѣ Яхимовной.» Дружко спрашиваетъ невѣсту: «Отъ кого берешь?» Невѣста отвѣчаетъ: «отъ Ягора Зосимовича.» Потомъ дружко передаетъ жениху бутылку съ водкой. Послѣ этаго начинаютъ подходить подъ «поцаловки». Подходятъ по двое: мужчина съ женщиной, т. е. мужъ съ женой или съ родственницей. Подошедшіе, указывая на бутылку въ рукахъ жениха и на рюмку въ рукахъ невѣсты, говорятъ: «За которую-жь намъ браться?» Дружко отвѣчаетъ: «за которую вамъ будетъ угодно! вотъ эта стоитъ тысячу рублевъ», указываетъ на бутылку, «а вотъ эта полтысячи!» указываетъ на рюмку. «Видно надо браться за ту, которая подешевле,» и каждый беретъ рюмку изъ рукъ невѣсты и говоритъ:

«Ну, будьтя здоровы, молодой князь со княгиней!»

Женихъ съ невѣстою кланяются въ поясъ и такъ остаются нагнувшись, пока привѣтствовавшій прикушавъ вина не скажетъ: «горько!» Тутъ они поднимаются и три раза цѣлуются. Цѣлуется и подошедшая пара. Потомъ мужикъ, прикушавъ вина опять говоритъ: «Ишшо погорчѣло!» Опять обѣ пары цѣлуются по три раза, послѣ чего женихъ съ невѣстой еще наклоняются, а мужикъ въ третій разъ прикушиваетъ вина и восклицаетъ: «Штожь, сватъ, такого вина горькаго купилъ? Ай ужь насорилось што у стаканъ съ потолка?» и глядитъ на потолокъ.

«Нѣтъ, сваточикъ, я чисто обметала,» говоритъ приспѣшница (стряпуха). Снова обѣ пары цѣлуются и женихъ съ невѣстой опять нагибаются; тутъ онъ выпиваетъ всю рюмку и говоритъ: «сладко!» Молодые выпрямляются. Мужикъ цѣлуетъ жениха три раза и говоритъ: «укажи дорожку!» Женихъ цѣлуетъ одинъ разъ невѣсту, потомъ три раза цѣлуетъ ее и этотъ мужикъ, дальше онъ цѣлуетъ двухъ дѣвушекъ, которыя стоятъ по сторонамъ жениха и невѣсты, причемъ одна дѣвушка, что стоитъ съ правой стороны жениха, держитъ блюдо съ ширинками (съ холщевыми продолговатыми платками), поцаловщикъ беретъ одну ширинку, утираетъ губы и доставъ изъ кармана мѣдную монету, кладетъ ее на блюдо. Теперь начинаетъ повторять вышеописанную

глупую, пустую формальность, женщина, которая до того стояла только и цѣловалась, затѣмъ ея роль принимаетъ на себя ея супругъ, или родственникъ, или знакомый. И такимъ образомъ, пока всѣ жениховы родственники и знакомые подойдутъ парами подъ *поцаловки*, женихъ съ невѣстой во все время наклоняются и цѣлуются. По окончаніи этой церемоніи жениха съ невѣстой сажаютъ на полу, гдѣ поставленъ для нихъ столъ, на которомъ угощаютъ ихъ ужиномъ. Жениховыхъ родныхъ и знакомыхъ тоже сажаютъ за столъ и тутъ начинается ужинъ. Дѣвушки въ это время въ сѣняхъ величаютъ жениха съ невѣстой или, выпросивъ лошадь съ телѣгой, ѣдутъ кататься по селу. Насажавшись на телѣгѣ или на двухъ, онѣ ѣдутъ и кричатъ пѣсни.

Въ избѣ же за столами тоже слышится крикъ нѣсколькихъ голосовъ, такъ что за однимъ дотягиваютъ пѣсню, а за другимъ запѣваютъ. Тутъ сливаются въ одинъ гулъ и пѣсни и говоръ: вотъ одинъ кричитъ: «Сваточикъ! сваточикъ! да ну! выпяй ты отъ мине! да ну, сватокъ! Исдѣлай такую милость!» А вотъ слышится женскій протяжный голосъ: «кушайтя, сваточки любезныи, съ сахаромъ ў душку!»—«Спасибо, спасибо, сватунькя! Много довольны!» Когда кончается этотъ ужинъ, то жениховы родные сажаютъ за столы невѣстиныхъ родныхъ и знакомыхъ, вынимаютъ изъ сундука свою харчь, коровайцы, хлѣбъ и водку и угощаютъ ихъ. Послѣ этаго ужина сваты съ женихомъ уѣзжаютъ съ крикомъ пѣсенъ.

За столъ сажаютъ теперь уже дѣвишницъ, съ ними садится и невѣста; ихъ угощаютъ также виномъ и ужиномъ. Послѣ каши, онѣ сидя за столомъ «кажутъ» спасибо всему семейству. Одна изъ нихъ запѣваетъ:

1888.

«И спасибо Яхимумушкѣ»

Всѣ подхватываютъ:

«И спасибо Мистеровичу!
За любовь, за соль, за хлѣбъ за вино!»

Потомъ всѣ вмѣстѣ, сидя за столомъ наклонятся до самаго стола, хозяйка также стоитъ у конца стола и послѣ каждаго «спасибо» кланяется имъ, причемъ опять поютъ:

«И спасибо Хавроньюшкѣ,
(матери невѣстиной).
И спасибо Пятреевной!
За хлѣбъ, за соль, за любовь за іё!»

Затѣмъ поютъ: «спасибо» невѣстѣ.

«И спасибо Акулинушкѣ!
И спасибо Яхимовной!
За хлѣбъ, за соль, за любовь за іё!»

И такимъ образомъ поютъ они «спасибо» всему семейству», даже до маленькаго ребенка, а послѣ всѣхъ поютъ:

1889.

«И спасибо столу и скамѣечкѣ,
И спасибо ўсей да семеечкѣ!
За хлѣбъ, за соль, за любовь за іё!»

По выходѣ изъ за стола невѣста становится на средину избы и тоже на распѣвъ «кажетъ спасибо» всему семейству, причемъ сама плачетъ. Начинаетъ она со старшихъ, напр. съ дѣда.

1890.

«И спасибо сирдоболю дѣдушкѣ—
Мистеру Ивановичу
За хлѣбъ за соль,
Што мою бясѣдушку
Хорошо сукрасялъ,
Ничѣмъ ни обяздолялъ!»

Тутъ она послѣ каждаго возгласа кланяется Потомъ поетъ она «спасибо» бабкѣ, если она жива, а если умерла, то поетъ:

«И спасибо бабушкѣ!
У праведныхъ родителяхъ!
За хлѣбъ, за соль,
Што мою бясѣдку
Хорошо сукрасила
Ничѣмъ ни обяздолила!»

Потомъ отцу:

«И спасибо сирдоболю батюшкѣ!
За хлѣбъ, за соль,

Што мою бясѣдушку
Хорошо сукрасилъ!
Ничѣмъ ни обяздолилъ!»

Затѣмъ кажетъ она спасибо матери, братьямъ, если есть дядямъ и всѣмъ, всѣмъ. Родные и подруги плачутъ, слушая ее, потому «дюжа ужь жалобно кажа.»

На другой день къ жениху ѣдутъ охмѣляться одни мужчины; ихъ какъ и прежде обыгрываютъ игрицы. Оттуда они возвращаются пьяные и кричатъ во все горло пѣсни величальныя, тягольныя, напр. «На горѣ былка стояла,» «Ягоровы копечки» и «Скуковалася моя кукушечка.»

У невѣсты за столомъ сидятъ дѣвишницы, спѣшатъ дошивать приданое и величаютъ невѣсту. Въ половинѣ дня дядьки, (братъ невѣсты и еще парня четыре) собираются ѣхать къ жениху; невѣста ихъ провожаетъ, кланяясь каждому въ ноги и цѣлуетъ по три раза, послѣ чего дядьки уѣзжаютъ.

По пріѣздѣ къ жениху ихъ тамъ сажаютъ за столъ вмѣстѣ съ поѣзжаньемъ, которое состоитъ человѣкъ изъ 20-ти; съ ними садится и женихъ. Тутъ подаютъ обѣдъ, на этотъ разъ постный, это было и въ воскресенье. Подается капуста съ квасомъ, картофель съ масломъ, похлебка со пшеномъ и каша съ постнымъ масломъ. По окончаніи обѣда подлѣ пола разстилаютъ шубу кверху шерстью, на нее становится женихъ и предъ иконой, которую держатъ отецъ съ матерью, кладетъ три земныхъ поклона и потомъ, по наущенію дружки, цѣлуетъ у батюшки руку и самого батюшку»; потомъ икону беретъ мать и также благословляетъ сына. Послѣ этого поѣздъ длиннымъ обозомъ съ колокольцами и бубенчиками, съ крикомъ свадебныхъ пѣсенъ отправляется за невѣстой. У воротъ двора невѣсты ихъ встрѣчаютъ посторонніе мужики съ кольями, дубинами и т. п. орудіями и не пускаютъ въѣхать на дворъ, а требуютъ полштофа водки; тѣ, послѣ долгихъ споровъ, наконецъ отдаютъ требуемое и въѣзжаютъ на дворъ. Дружки и подружки оставляютъ жениха на дворѣ, а сами идутъ въ избу, молятся тамъ Богу и говорятъ: «здраствуйтя сваточки, сватуньки!»

— «Здорово, здорово, сваточки!» отвѣчаютъ тѣ.

— «Ну, штожь, готовы ль вы, сватуньки?»— спрашиваетъ дружко.

—«Сейчасъ, сваточикъ! вотъ нявѣсту парядимъ!»

—«Поскорѣе, пожалуйстка!»

Тутъ дружко, взглянувъ за столъ и увидѣлъ что по лавкамъ на подушкахъ сидятъ небольшіе ребятишки вооруженные,— кто половникомъ (разливальная ложка), кто весломъ, кто дубинкой, держа оружія свои кверху концами, достающими почти до потолка,— закричалъ на нихъ строго:

«Откуда вы поналѣзли суды! Вонъ пошли!»

Но ребятишки не струсили, а наученные старшими, они только сказали:

—«Нѣтъ мы ни падёмъ! а давай намъ по трынкѣ (по копѣйкѣ), да по стакану вина, тады мы и пустимъ васъ!»

Дружко еще долго стращалъ ихъ. Ребятишки начинали уже терять храбрость; но тутъ имъ на помощь стали являться ихъ сердобольныя «бaушки» и матушки.

—«Што ты, што ты, сваточикъ! Нешь тахто можно? Да таки, какъ добрые люди, одяли ихъ по трыночкѣ, да подняси винца по стаканчику, они и пойдутъ сае!» «Ты погляньки» продолжаютъ бабы, «на какихъ они падушкахъ-то сидятъ, ня грѣхъ и по спмеркѣ одялить!»

Дружко сдается, подноситъ ребятишкамъ вина и даетъ пятачекъ на всю братію.

Ребятишки сначала напуганные строгостью дружки, а потомъ обрадованные наградой, высыпаютъ градомъ изъ за стола. А на полу свахи и дѣвичницы одѣваютъ невѣсту: сначала онѣ ее обуваютъ, причемъ кладутъ ей въ сапогъ серебрянный гривеникъ для того, чтобы богато жила, потомъ надѣваютъ на нее все, причемъ ея мать всходитъ и креститъ каждую принадлежность костюма; голову вмѣстѣ съ лицемъ накрываютъ кисейнымъ полотенцемъ; въ пазуху кладутъ ей кусочекъ мыльца, рябиновыхъ и яблоновыхъ листиковъ для того, чтобы не испортили злые люди. Потомъ всходитъ братъ невѣсты, садится и расплетаетъ ей косу, а она нагнувшись и прижавъ платокъ къ глазамъ, плачетъ и голоситъ:

1891.

Расплятн, братяцъ!
Косу росу! (русу)
Ужой моя косочка
Открасовалася!
Ўдоль по спинушкѣ
Отлежалася!
Какъ же мнѣ, горькяй,
Ў чужіе люди пойтить!
Какъ же мнѣ, горямыкай,
Чужимъ людямъ угодить?

Тутъ братъ невѣсты уходитъ, а мать, обнявъ свою дочь, голоситъ вмѣстѣ съ нею. Къ нимъ

пристаютъ еще разныя тетки и сестры и всѣ оглашаютъ избу заунывной голосьбой. Но вдругъ раздается голосъ дружки: «Ну, ну, сватуньки! будя вамъ! сходитя-ка суды! пора!»

Невѣсту сводятъ съ полу, сажаютъ на лавку у конца стола, на которомъ лежитъ *корвега*, обшитая холстиной. Тутъ дружко подходитъ и наклоняетъ голову невѣсты на эту корвегу; потомъ подводитъ къ ней жениха и говоритъ: «Ну-ка, погляди-ка! твоя ли это?» Женихъ поднимаетъ голову невѣсты, цѣлуетъ ее и садится на правую сторону. Дружко замѣчаетъ:

«Ишь ты, свою-то узналъ, не ошибся!»

Затѣмъ подходитъ мать невѣсты, беретъ за головы жениха и невѣсту, прислоняетъ ихъ другъ къ другу, обводя ихъ три раза вокругъ ширинкой, послѣ чего эту ширинку засовываетъ за пазуху жениху и уходитъ. Все поѣзжанье садятся за столъ; имъ подаютъ обѣдъ, опять постный. Женихъ съ невѣстой не ѣдятъ, а только цѣлуются, когда кто говоритъ: «горько». Въ это время посреди избы *дѣвичницы* обыгрываютъ сначала жениха съ невѣстой, а потомъ и всѣхъ поѣзжанъ Послѣ обѣда все поѣзжанье выходитъ на дворъ, а дружко ставитъ жениха съ невѣстой опять на шубу, постланную кверху шерстью, отецъ и мать «баславляютъ» ихъ иконой, при чемъ всѣ, не исключая и невѣсты, опять оглашаютъ избу жалобной голосьбой. Дружко силою отрываетъ рыдающу невѣсту отъ матери и ведетъ ее на дворъ вмѣстѣ съ женихомъ. Подводятъ ее къ будкѣ (бричкѣ), она взлѣзаетъ на телѣгу и стоя кланяется на всѣ четыре стороны и садится въ будку. Поѣздъ съ пѣснями съѣзжаетъ со двора и направляется къ церкви.

Послѣ вѣнца молодую чету везутъ въ домъ свекра. Тутъ на дворѣ толпится народъ, изъ среды котораго выдѣляется одна баба, одѣтая въ вывернутую баранью шубу, съ громадной мохнатой шапкой на головѣ, держа въ рукахъ блюдо съ овсомъ; только что молодые покажутся въ воротахъ, она беретъ горсть овса и бросаетъ молодымъ прямо въ глаза, что она продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока они не подойдутъ къ отцу съ матерью, которые у дверей встрѣчаютъ ихъ съ иконой и съ хлѣбомъ-солью. Тутъ эта баба въ шапкѣ и посторонніе молодайки и дѣвушки поютъ встрѣчную пѣсню:

1892.

Стривай, мати, сына! 2
Твой сынъ-соколъ ѣдя! 2
Пирамѣнушку везетъ, 2
Пирамѣнная ручки! 2

Вошедши въ избу, молодые и все поѣзжанье садятся за столъ и ужинаютъ, но молодые не ѣдятъ. Тутъ каждый, кто только возьметъ въ руки стаканъ съ виномъ, прикушавъ, говоритъ: «горько!»

Молодые теперь уже считаютъ себя обязанными цѣловаться и цѣлуются обыкновенно по три раза. И рѣдко кто скажетъ горько одинъ только разъ, а то все по два, да по три раза и все съ разными шуточками: то скажетъ, что вино насорено сажей съ потолка, то, обращаясь къ молодой, говорятъ: «ну-ка, Акулюшка, подсласти ты ишшо!» и молодая первая подставляетъ свои губы для поцѣлуя своему мужу. Или вдругъ одинъ мужикъ, не допивъ полрюмки вина, выплескивая его подъ потолокъ, говоритъ: «молодымъ на кудярцы!» Другой точно также выплескивая вино, восклицаетъ: «штобы наши молодые тахта побрыкивали!»

Послѣ этого ужина молодыхъ сажаютъ за столъ, на полу и «кормятъ» послѣ чего дружко съ поддружкомъ ведутъ молодыхъ въ *хизокъ* [1]) на дворъ, хотя бы то было среди зимы и въ лютый морозъ. Въ хизкѣ молодые остаются до утра.

На другой день отецъ молодого посылаетъ поддружка позывать сватовъ на каравай. Поддружко, войдя въ избу свата, здоровается съ ними и говоритъ: «Милости просимъ, сваточки, сватуньки, къ намъ ў гости, провѣдать молодого князя сы княгинею!

Приглашенныя, собравшись всѣ (человѣкъ 50), ѣдутъ длиннымъ поѣздомъ «каравай кропть.» На одной телѣгѣ везутъ сундукъ съ приданымъ молодой.

Весь этотъ длинный поѣздъ съ народомъ въѣжаетъ на дворъ къ свату, всѣ сходятъ съ телѣгъ, входятъ въ избу. Тутъ вокругъ стола сидятъ бабы, старики и каждый не безъ дѣла: одинъ старикъ длинной палкой третъ табакъ въ горшкѣ, другой со свалкой въ рукѣ починиваетъ старый лапоть; одна баба прядетъ веретеномъ хлопья, другая шьетъ и т. д. Вошедшіе, помолясь Богу, говорятъ:

«Здраствуйтя добраи люди! Помогай Богъ работкѣ вашей!»

— «Спасибо, спасибо!» отвѣчаютъ тѣ, стараясь быть серьезными.

«Што это вы къ намъ пришли?»

— Да ишь што пришли, ярочка у насъ пропала, такъ не болтается ли у васъ какая чужая?

«Нѣтъ, жалкаи! у насъ нѣту! Какая жь ваша ярочка-то?» спрашиваетъ старуха.

— Да бѣленькая съ хвостикомъ (съ косой бывшая невѣста, а теперь она въ кичкѣ).

«Нѣтъ жалкаи, такой мы не видали и нѣту у насъ,» отвѣчаетъ старуха.

[1]) Этого слова у Даля нѣтъ, а есть: *ахиза*,—старин. и *хизина*, црк. хижа, хижина.» Съ Оп. обл. великор. слов. значится: *хижа*—шалашъ въ лѣсу.

— Да, можетъ, вы и не разглядѣли, какъ она учирá ўвечиря, ўскочила къ вамъ и заночевала. Семъ-ка мы, полядимъ по двору-то.

«Што глядѣть?!» кричитъ старикъ сердито и выходитъ изъ за стола. Сказано нѣту, да и шабашь! Ишь вѣдь тутъ болтаются!» продолжаетъ онъ, горячась, работали-бы вы лучше дома и добрымъ людямъ не мѣшали бы!»

— «Ну, ну, старичокъ, ни сирчай! Чаго жь ты сирчаешь? Ну и полядѣли-бъ мы, твоихъ вѣдь не поведемъ! А нѣту и нѣту, ну и ня нужно!»

«То-то! Вѣдь я вамъ толкомъ говорю, што нѣту,» говоритъ старикъ смягчаясь.

Въ концѣ концовъ они мирятся. Дружко вводитъ молодыхъ, становитъ подлѣ пола; сваха стоитъ рядомъ съ молодыми и держитъ въ рукахъ блюдо съ дарами. Начинаютъ подходить подъ *поцаловки*: прежде подходятъ вмѣстѣ отецъ съ матерью молодого, или, если есть дѣдъ съ бабкою. Тутъ продолжается часа три та же церемонія, что была и на образованьѣ.

Послѣ *поцаловокъ* молодыхъ и гостей посадили за столъ. Дружко взялъ корвегу хлѣба, наклонилъ головы молодыхъ, держа корвегу на головахъ, а поддружко разрѣзалъ ее пополамъ; въ этомъ именно и состоитъ *кроеніе каравая.* Потомъ начинался обѣдъ, но молодые и тутъ не ѣли, а только какъ кто выпьетъ вина, да скажетъ «горько», они опять вынуждены были цѣловатся и все по три раза.

За столами происходилъ говоръ или послѣ какоголибо кушанья затягивали пѣсню: за однимъ кончаютъ пѣсню, а за другимъ запѣваютъ, а потомъ этотъ гулъ сливается вмѣстѣ. Приспѣшницы подаютъ на столы: одна въ смѣшномъ колпакѣ, а другая въ тряпкахъ, до безобразія увернутыхъ вокругъ головы. По окончаніи обѣда шумъ, говоръ и пѣсни еще усилились и тутъ, какъ говорится, дымъ поднялся коромысломъ: всѣ и молодые и старые закричали пѣсни и заплясали. Вотъ бабы пошли плясать по лавкѣ конику, приспѣшница въ колпакѣ вскочила на скамейку, и заголосила:

1893.

Хата моя, хата моя,
Хата моя виновая,
Хата моя виновая!
Ва тый хатя, ва тый хатя
Ва тый хатя доска ляжала 2
Ляжить доска, ляжить доска,
Ляжить доска, тонка, хлеска, 2
По тый доскѣ, по тый доскѣ,
По тый доскѣ свекоръ ходя, 2
Свекоръ ходя, свекоръ ходя,
Свекоръ ходя, журя броня; 2
Журя броня, журя броня,
Журя, броня ни за дѣло,
Ни за дѣло, ни за дѣло,
Ни за дѣло, за бяздѣлья: 2
Гулять пошла, гулять пошла,
Гулять пошла, ню спросилась 2
Съ гульбы пришла, съ гульбы пришла
Съ гульбы пришла ня 'бьявила. 2

Затѣмъ стали пѣть величальныя пѣсни.

Въ хизкѣ въ это время переодѣвали молодую: сняли съ нее дѣвичью юбку, полотенце съ головы, а надѣвали паневу, голову убирали въ кичку, подзатылень и сороку съ опушинами.

Сваты между тѣмъ уѣзжаютъ къ себѣ и опять во всю дорогу кричатъ пѣсни и пляшутъ па телѣгахъ. По пріѣздѣ они сейчасъ набрали столы, какъ тамъ было, поставили на нихъ изъ тѣста ржаные прѣсные пироги и штофа по три на каждый столъ водки, и все это сверху закрыли скатертями. Хозяинъ посылаетъ приглашать въ *отводы* сватовъ. Собравшись человѣкъ 50, они всѣ, вмѣстѣ съ молодыми, уѣзжаютъ туда. А тутъ за столъ, какъ и у свата, было усѣлись старики и старушки съ домашней работой. И также какъ на короваѣ послѣ шуточныхъ переговоровъ и ссоръ мирятся. Молодыхъ и всѣхъ гостей сажаютъ за столъ и также шутовски наряженныя приспѣшницы подаютъ обѣдъ. Подается, какъ у тѣхъ сватовъ свиная голова съ квасомъ; затѣмъ подаютъ на каждый столъ по курицѣ, — тоже съ квасомъ, потомъ окорокъ вареной ветчины или свѣжины со щами, далѣе говядину или баранину обжаренную, потомъ по гусю или по индѣйкѣ, тоже обжаренные, а тамъ жаренаго поросенка, жареную ржаную лапшу и наконецъ кашу съ саломъ. Передъ каждымъ кушаньемъ подносятъ каждому по два стакана вина и каждый, какъ только пьетъ говоритъ: «горько» и молодые цѣлуются. На этотъ разъ за столомъ молодые уже и ѣдятъ и имъ, какъ и другимъ подносятъ водки. Молодая въ домѣ отца дѣлается смѣлѣе и потчуетъ своего свекра, свекровь и другихъ родныхъ: такъ, напримѣръ, подноси стаканъ водки свекру она говоритъ: «На, батюшкъ, выпяй!» — «Да ну, Акулюшка, выпяй сабѣ сама-то!» — Нѣтъ, нѣтъ, батюшкъ, выпяй ты, да ну, пожалуста, пожалуста, выпяй!» Свекоръ беретъ стаканъ и пьетъ, а молодая встанетъ и руками взявшись за дно стакана

опрокидываетъ его насильно въ ротъ своему батышкѣ. Или начнетъ подкладывать кушанья своимъ близкимъ новымъ родственникамъ, а то встанетъ, поклонится всѣмъ гостямъ и говоритъ: «кушайтя, кушайтя, мои дорогіе гостечки любимшаи!» А тамъ свахи, да приспѣшницы кричатъ попеременно: «кушайтя сваточки, сватуньки! Съ сахаромъ ў душку!» Въ половинѣ обѣда гости, насытившись и подъ вліяніемъ выпитой водки, опять начинаютъ за столомъ кричать или лучше сказать ревѣть пѣсни, особенно если пѣсни тягольныя, то это пѣніе очень похоже на ревъ звѣрей. Заалялякаютъ, бьютъ въ ладоши подплясывая, а послѣ обѣда — все закружилось, заплясало: крикъ, топотъ, хлопанье ладошъ все заглушило. Тутъ и старушки, что говѣютъ каждый постъ и исповѣдаются и которыя за тысячу рублей не дадутъ оскоромиться въ среду или пятницу даже трехлѣтнему своему внуку, а сами «лучше дадутъ свою голову на отсѣченье, нежели дадутъ себя оскоромить», какъ говорятъ они сами,— эти набожливыя старушки за столомъ въ ладоши бьютъ и пѣсни кричатъ своимъ старческимъ дребезжащимъ голосомъ.

Долго, до глубокой полночи кричитъ, кружится эта толпа пьянаго православнаго люда, потрясая крикомъ и шумомъ это бѣдное закоптѣлое зданіе деревенской хаты.

Наконецъ все нѣсколько угомонилось и длинный обозъ потянулся со двора, поѣхалъ и скрылся изъ вида, но крикъ пѣсенъ все еще доносился до слуха.

Молодые здѣсь остаются ночевать. Подъ утро все утихаетъ и засыпаетъ крѣпкимъ пьянымъ сномъ подъ покровомъ темной осенней ночи.

На другой день эти два свата съ гостями, по заведенному, позовутъ другъ друга на разгулки, попируютъ какъ и вчера. Затѣмъ опять потечетъ будничная жизнь ихъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Зап. учительн. народн. училища г-жей М. Кириловой.

Того же уѣзда, деревня Подъяковлева.

(Разсказъ очевидца).

Женился въ этой деревнѣ крестьянскій парень на крестьянской же дѣвушкѣ. Пропой невѣсты или, что то же, предварительная помолвка, происходитъ у нихъ обыкновенно, какъ и вездѣ почти въ крестьянскомъ быту. Наканунѣ ихъ свадьбы, въ домѣ невѣсты было празднество, подъ названіемъ «дѣвичникъ». Празднество это состояло въ слѣдующемъ: Невѣста, нарядившись еще въ сумеркахъ, въ ожиданіи своего жениха, сѣла на лавкѣ верхняго пола. Нарядъ ея состоялъ: въ головной повязкѣ платкомъ по лбу и части головы такъ, что макушка вся была открыта. Изъ подъ платка виднѣлась на лбу мишурная узкая бахрама, а заплетенная коса, оканчивающаяся вплетенною въ нее широкою шелковою, коричневаго цвѣта, лентою, лежала вдоль спины. Одѣта была невѣста въ пунцовомъ, съ большими цвѣтами, сарафанѣ, а посверхъ него теплая, на ватѣ, нанковая, синяго цвѣта, поддѣвка съ фалдами, со сборками назади и отъ лифа и, сверхъ сего, покрыта бѣлымъ полотномъ. Подлѣ невѣсты усѣлись: мать ея и замужняя сестра, которыя, до прибытія жениха, при появленіи какого либо посѣтителя голосили, оплакивая дѣвичью жизнь своей дочери-невѣсты. Между тѣмъ подруги невѣсты, разряженныя также въ сарафанахъ, сидя за накрытымъ бѣлою скатертью столомъ, пѣли:

1984.

Пыль, пыль по дорожкѣ, 2
Туманъ, туманъ по дубравкѣ.
Да по этой-то дорожкѣ, 3
Да по этой-то широкой, 3
Андреянъ сударь ѣдеть; 3
Онъ плеткою машеть: 3
«Догадайся, Авдотья! 3
Промети дороженьку, 3
Выстели полотнами, 3
Шитыми ручниками! 3
Заглянь во чисто поле, — 3
Андреянъ сударь ѣдеть: 3
Подъ нимъ конь играеть, 3
Что соколъ летаеть; 2
На ѐмъ кунья шуба 2
Слѣды заметаеть, 3
На ѐмъ сафьянъ сапогъ, 2
Что травушка вянеть, 2
На рукѣ золотъ перстень. 3

1895.

Не во трубушку трубить,
Рано по зари, 2
Авдотьюшка плачеть
По русой по косѣ: 2
«Ой свѣтъ, моя косушка,
Коса русая! 2
Да вечеръ мою косушку

Дѣвушки плели, 2
Золотомъ, серебромъ,
Косу обвили, 2
Алую ленточку
Въ косу увлели. 2
Богъ судья Андреянъ Васильичу,
Васильевичу, Васильичу:
Прислалъ ко мнѣ свашеньку,
Не милосливу, не жалосливу:
Стала мою косушку
Чесать и трепать, 2
Золото, серебро,
Рвать и бросать, 2
Алую ленточку
Ў ногахъ топтать.» 2

—Андреянъ сударь не женатъ,
Васильевичъ холостой.
Онъ и ѣздилъ, отъѣзжалъ,
Отъ села до села,
До тестина до двора,
До тестина терема,
До дѣвичьей комнатки,
До Авдотьиной кроватки:
«Авдотьюшка, выди вонъ!
Никитична, выступи!»
— «Я бы рада вышла вонъ,
Мово батюшки дома нѣтъ, 2
А матушка во пиру, 2
А братъ съ сестрой во торгу,
Золотыхъ ключей не найду.»
Андреянъ сударь поѣхалъ,
Поѣхавши, заплакалъ.
Авдотьюшка вышла вонъ,
Никитична выступила:
«Андреянъ, сударь, воротись!
Васильевичъ, оглянись!» —
— «Я бы радъ бы воротился:
Мой воронъ конь не стоитъ,
Буенъ вѣтеръ шляпу рветъ,
Ясно солнце лицо жжетъ, 2
Дробенъ дождикъ въ лицо бьетъ.»

1896.

Тихая Волга на Дунай течетъ,
Смирная Авдотья на думахъ сидитъ,
Думаетъ Авдотья думу крѣпкую,
Думаетъ Никитична думу крѣпкую:
Какъ-то мнѣ быть, 2
Во чужи люди итить! 2
Какъ привыкать 2
Ко чужой семьѣ! 2
Какъ назвать 2
Свекра батюшкой! 2
Какъ назвать 2
Свекры матушкой! 2
Свекоромъ назвать, — 2
Будетъ гнѣвъ дуржать, 2
Батюшкой звать, — 2,
Мнѣ не хочется;
Быть склонить 2
Сердце дѣвичье: 2
Быть назвать 2
Свекры матушкой. 2

1897.

Соловьюшка, соловей,
Отлетная пташечка!
И ой яли, али ляй,
Али, али, али ляй!

(Повторяется послѣ каждаго двустишія).

Куда леталъ, отлеталъ? —
Я изъ саду да ў садъ,
Зеленый садъ, виноградъ.
Да кто жь у насъ не женатъ?
Да кто жь у насъ холостой?

1898.

Рано въ воскресенье 3
Синее море играло, 3
Авдотья потопала, 3
Ручки подавала: 3
«Да кто жь меня вынетъ, 3
Изъ синяго моря,
Изъ великаго горя?» 3
Кидался, бросался 3
Старый старичища, 3
Сѣдая бородища. 3
«На дно моря тону, 3
За тебя замужъ не йду.
Рано въ воскресенье и т. д.
Кидался, бросался, 3
Андреянъ съ поѣздомъ, 3
Васильевичъ со большимъ, и т. д. 3
«Съ дна моря выду, 3
За тебя замужъ пойду.» 3

1899.

Андреянъ ѣхалъ мимо тестева двора,
Онъ ударилъ копьемъ въ ворота:
«Дома ль, дома ль, Авдотьюшка душа?

Если спить — не будите вы ее!
А не спить — высылайте ко мнѣ!»
Вышла, выходила, Авдотьюшка душа,
Вышла, выходила, Никитична душа,
Становилась на новое на крыльцо,
Простудила свое бѣлое лицо,
Воскричала громкимъ голосомъ своимъ:
«Вы сестрицы, подруженьки,
Ужь вы бѣлыя голубушки!
Вы берите мои золоты ключи,
Отпирайте кованные сундуки,
Вынимайте разноцвѣтное сукно,
Вы и сшейте Андреяну кафтанъ,
Чтобъ не долгъ, не коротокъ былъ,
Во подолѣ по разширистѣй,
Ретиву сердцу прижимистѣй!»

Наконецъ послышался звонъ колокольчиковъ: это былъ поѣздъ жениха со своею роднею и вообще съ поѣзжанами, въ томъ числѣ съ отцомъ и матерью крестными жениха и сватомъ; послѣдняго величаютъ еще и дружкомъ. Сватомъ выбирается лицо распорядительное, на обязанность котораго возлагается угощать гостей виномъ.

Услышавши звонъ колокольчиковъ, посторонніе зрители, находившіеся въ домѣ и сѣняхъ, вышли посмотрѣть на поѣздъ жениха, всѣ же остальные остались въ горницѣ. Мать обняла невѣсту руками и громче прежняго начала голосить и причитывать; ей вторила замужняя дочь. Отецъ невѣсты, сидя на скамьѣ, задомъ къ столу, погрузился въ какую-то думу, а подруги, по прежнему, пѣли пѣсни. Три только человѣка изъ числа родственниковъ невѣсты вышли на дворъ.

Наконецъ подъѣхалъ и весь поѣздъ жениха къ воротамъ дома невѣсты. Изъ числа поѣзжанъ дружка, съ кнутомъ въ рукѣ, сталъ крѣпко стучать въ ворота, крича: «Хозяинъ, отвори! Пусти ночевать! Мы перемерзли.» Стоящіе на дворѣ, не отворяя воротъ, спрашивали: «Да кто же вы такіе?»—«Мы (отвѣчаетъ сватъ)—охотники: ѣздили ловить лисицъ, перепелицъ и красныхъ дѣвицъ, да вотъ и запоздали, а между тѣмъ намъ показалось, что сюда будто бы шарнула лисичка, вотъ подъ эти ворота, въ этотъ дворъ!»—«Мы (отвѣчаютъ стоящіе на дворѣ), хотя и давно стоимъ въ этомъ урочищѣ, но никакой лисички не видали: поищите скорѣй у сосѣдей!»—«Нѣтъ (говоритъ сватъ), зачѣмъ у сосѣдей? Мы хорошо видѣли, что сюда моргнула.»—«Ну, да пожалуй, мы пустимъ васъ ночевать: не будетъ ли отъ васъ что нибудь за это?»—«Я (говоритъ сватъ) за цѣною не постою, лишь бы отыскать краснаго звѣрка; будетъ при этомъ и выпивка и закуска.» При этихъ словахъ ворота немного отворились, и стоявшіе на дворѣ высунулись впередъ и потребовали обѣщанной платы. Сватъ вынулъ изъ одного кармана своего дубленнаго полушубка бутылку вина, а изъ другого стаканъ, и сталъ ихъ угощать: поднесъ имъ по два стакана. Ворота отворились настежь, и поѣздъ двинулся на дворъ и остановился при входѣ въ сѣни. Сватъ отправился въ домъ осматривать помѣщеніе, а женихъ и всѣ, при немъ находившіеся, остались на своихъ мѣстахъ. Сватъ, войдя въ домъ и видя, что дѣвицы поютъ пѣсни, ударилъ по столу кнутовищемъ и загорланилъ: «Это что за народъ? Пошли вонъ изъ-за стола! Да гдѣ же хозяинъ?» Хозяинъ, отецъ невѣсты, сталъ передъ сватомъ: «Для чего я тебѣ, голубчикъ, нуженъ?»—«Какъ, для чего? Развѣ ты не понимаешь? Пустилъ насъ ночевать; говорилъ, что будетъ просторно и покойно, а между тѣмъ у тебя полонъ домъ народу?»—«Кто (отвѣчаетъ хозяинъ) обѣщалъ тебѣ просторъ и покой, съ того и взыскивай, а я тебѣ о томъ ничего не говорилъ. Да, впрочемъ, что о томъ толковать? Попроси-ка лучше вотъ ихъ (указывая на дѣвицъ): онѣ тоже народъ заѣзжій, можетъ быть и уступятъ вамъ свои мѣста, и тогда вамъ будетъ просторно и спокойно.»—«А что (говоритъ сватъ): и впрямь, не лучше ли съ ними обойтися поласковѣе и поторговаться, а натурой, пожалуй, ничего не возьмешь.» Вслѣдъ за тѣмъ, обратясь къ дѣвицамъ, онъ сказалъ: «Красны дѣвицы, перепелицы, сладкія пѣвицы! Уступите намъ свои мѣста: мы народъ заѣзжій, перезябли и нуждаемся въ покоѣ.»—«Пожалуй (отвѣчаютъ дѣвицы): что же намъ за это будетъ?»—«За цѣною (говоритъ сватъ) не постою и, кромѣ того, будетъ выпивка и закуска.»—«Если все это будетъ, то мы тотчасъ же и уступимъ.» Сватъ, вышедши къ поѣзжанамъ, взялъ у нихъ все, что нужно для угощенія дѣвицъ и, возвратясь, поставилъ на столъ три ржаныхъ пирога на деревянномъ блюдѣ, часть убоины, крупяной коровай на деревянной тарелкѣ и гривну денегъ; потомъ, доставши изъ за пазухи стаканъ и штофъ вина, сталъ подносить имъ вино. (Всѣхъ дѣвицъ за тремя столами сидѣло 20 человѣкъ, между ними было 5 молодыхъ женщинъ). Это угощеніе продолжалось довольно долго, такъ какъ ни одна изъ дѣвицъ не отказывалась отъ вина и, кромѣ того, взявши стаканъ, кланялась свату. Выпивши, дѣвицы взяли пироги и убоину, коровай и деньги, и пошли черезъ сѣни на другую половину дома. Сватъ же отправился на дворъ за женихомъ и, взявши за руку, ввелъ его въ домъ, гдѣ они вмѣстѣ помолились Богу, поклонились присутствующимъ и прошли въ кутъ, гдѣ женихъ сѣлъ на лавкѣ. Мать

[illegible]

«Авдотьюшка, разобуй, разодѣнь,
Григорьевна, распояшь ты меня!»
— Не хотѣлось бѣлыхъ ручекъ валять,
Не хотѣлось золотыхъ перстней ломать. —
Ужъ я роду купеческаго,
Я люблю сына отеческаго, 2
Вадима Васильевича!

1902.

Ой на горкѣ, на горочкѣ,
На правой на сторонушкѣ,
Ой ля! (3)
Али ля! (3)

(Повторяется послѣ каждаго двустишія).

Тутъ сидѣли два голубя,
Два голубя, да всѣ сизые,
Промежъ себя рѣчи говорятъ,
Про такого удалого молодца, 2
Михайла Өедотовича:
«Онъ богатъ, онъ богатый человѣкъ,
Да богатѣй его нѣтути.
Онъ съ гривенки на гривенку ступалъ,
Полтинами по городу шибалъ, 2
Рублемъ ворота запиралъ, 2
Изъ неволи сиротъ выпускалъ:
«Вы сироты, сироты мои,
Помолите Христа Бога обо мнѣ,
Обо мнѣ, объ удалой головѣ,
Объ Михайлѣ Өедотовичѣ!»

1903.

У насъ въ городѣ конопля росла, конопелюшка,
Ля али, али, али,
Али, ля, али, али!

(Повторяется послѣ каждаго двустишія).

Конопелюшка — красная дѣвушка,
Красная дѣвушка, Гарафенушка,
Гарафенушка, дочь Васильевна.
Она звала братца играть на улицу:
«Братецъ миленькій, голубчикъ бѣленькій!
Мы пойдемъ съ тобой играть на улицу:
Вы съ гуслями, а я съ ладонями.
Да не быть гуслямъ звончѣй ладоней,
Не быть свекру милѣй батюшки,
Не быть свекры милѣй матушки.

1904.

Стелется, вьется,
По лугамъ травка зеленая:
Андрей жену цѣлуеть,
Васильевичъ милуеть:
«Душа моя, Авдотьюшка,
Сердце мое, Никитична!
Роди жь ты мнѣ сыночка,
Роди сына ў меня,
А дочерю ў себя!
Учи сына грамотѣ,
А дочерю шелкомъ шить!»

1905.

А и кто жь у насъ на коню проѣзжалъ?
А и кто жь у насъ на ворономъ коню? —
Кузьма сударь на коню проѣзжалъ,
Пантелѣевичъ на ворономъ коню.
Авдотьюшка у вереюшки стоить,
Дочь Ивановна по правой сторонѣ:
«Ой, Авдотьюшка, прими мово коня,
Ивановна, коня воронова!» —
— «Не примаю, не примаю, другъ, коня,
За великую за грубость за твою:
Часто ѣздишь ты ў гости безъ меня,
А постелюшка простыла безъ тебя,
Возголовьице заиндивѣло,
Подушечки потонули ў слезахъ!

1906.

«Александръ Петровичъ, свѣтъ,
Не ходи кругъ бережку!
Ли, али, али, али,
Али, ля, али, али!

(Повторяется послѣ каждаго двустишія).

Не ходи кругъ бережку,
Не срони съ себя шапочку!»
Во твоей во шапочкѣ
Да семьсотъ золотничковъ, 2
Во четыре ягодки, 2
Дорогія каменья!
Александръ Петровичъ, свѣтъ!
Кто тебя шапкой дарилъ? 2
Кто тебя пожаловалъ?»
—«Ужъ я самъ въ войну ходилъ,
Ужъ я самъ царю служилъ,
Царскаго дитя качалъ
Въ золотой у люлечкѣ, 2
Въ шелковой пеленочкѣ.

1907.

У воротъ орѣшина,
У воротъ зеленая,
Ля, али, али, али,
Али, ля, али, али!

(Повторяется послѣ каждаго двустишія).

А на той орѣшинѣ
Колыбель повѣшена;
Во той колыбели
Качался боярскій сынъ, 2
Михаилъ Ѳедоровичъ.
«Вы, братцы родные,
Ступите поближе, 2
Смахните повыше, 2
Чтобъ видно было далече!»
Въ зеленомъ садочку 2
Татьяна гуляла, 2
Цвѣты сорывала, 2
Вѣночекъ свивала,
На головку вздѣвала,
Себя украшала.

1908.

Подъ калинкою,
Подъ малинкою,
Ай, али, али, али
Али, ля, али, али!

(Повторяется послѣ каждаго двустишія).

Спить, покоится
Добрый молодецъ, 2
Александръ Петровичъ.
У ногахъ стоять
Слуги вѣрные, 2
Дѣвки сѣнныя.
Будють, побуждають,
Добраго молодца, 2
Александра Петровича:
«Ты устань, устань,
Добрый молодецъ, 2
Александръ Петровичъ!
Ты охочъ ходить
Во чисто поле, 2
На синее море,
За куницами,
За лисицами,
Все за красными
За дѣвицами.

1909.

Спасибо, Александру Петровичу,
На твоемъ большомъ дару, [1])
На твоемъ большомъ дару,
На твоемъ на жалованьи!
Ой да спасибо тому,
Кто хозяинъ въ дому.
Спасибо Михайлу Ѳедоровичу,
За хлѣбъ за соль, за привѣтъ его!
То-то пили, то-то ѣли,
Душа сахарилась;
А закусочки у него
Да все сахарныя!

По окончаніи стола женихова и по выходѣ изъ-за стола родственниковъ невѣстиныхъ, заняли ихъ мѣста родственники жениха, а столъ пошелъ отъ невѣсты.

Обстановка стола одна и таже. Разница только въ томъ, что, при послѣднемъ блюдѣ, отецъ невѣсты вызвалъ ее съ женихомъ передъ всѣми и сказалъ: «Дочь! Когда-то ты будешь хозяйкой, а теперь иди-ка ты торговать виномъ и собирать на мохорчики!» При этомъ онъ далъ жениху штофъ вина, а невѣстѣ тарелку съ поставленнымъ на ней стаканомъ; женихъ наливалъ вино въ стаканъ, а она подносила гостямъ, какъ сидящимъ за столомъ, такъ и всѣмъ, находящимся въ домѣ, и гости, выпивши вина, клали на тарелку деньги.

По окончаніи стола невѣстина, пошелъ столъ общій, послѣ котораго начались со стороны невѣсты подарки родственникамъ жениха, за что тѣ отдаривали ее деньгами. Подарки эти состояли въ полотенцахъ и бумажныхъ носовыхъ платкахъ.

Послѣ подарковъ послѣдовалъ разъѣздъ гостей. Провожая жениха, дѣвицы запѣли:

1910.

Ой поецъ, пропоецъ, 2
Авдотьинъ батюшка!
Пропилъ свою дочку 2
За винную бочку;
Пропилъ свою чаду 2
За винную чару;
Проѣлъ свою дочку 2
На сладкомъ кусочку.

---

[1]) Припѣвъ тотъ же, что и въ предыдущей пѣснѣ.

На другой день по дѣвичникѣ.

Часовъ въ 9 утра дружка отправляется со штофомъ вина опохмѣлять невѣстиныхъ родителей, а между тѣмъ на дворѣ жениха начинается приготовленіе къ поѣзду въ церковь для вѣнчанія.

Передъ отъѣздомъ всѣ садятся, потомъ встаютъ, молятся Богу, отправляются въ пуньку купать жениха. Сватъ съ образомъ идетъ впереди, потомъ дядька, держа за руку жениха, а потомъ и прочія лица. По окончаніи купанья пьютъ вино. Потомъ возвращаются въ хату и садятся на прежнихъ мѣстахъ. Отецъ жениха, съ образомъ въ рукахъ, выходитъ на средину избы; женихъ дѣлаетъ три земныхъ поклона, цѣлуетъ образъ и говоритъ: «Благослови, батюшка, въ Божій Судъ пойти, златъ вѣнецъ получить!» Отецъ отвѣчаетъ: «Богъ тебя благословитъ!» и затѣмъ благословляетъ его образомъ, который, для той же цѣли, передается всѣмъ роднымъ жениха.

Затѣмъ слѣдуетъ, такъ называемый, отпускной столъ. Разсаживаются, какъ и при прежнихъ обѣдахъ; потомъ, на чайномъ блюдечкѣ, подносятъ свахѣ масло коровье. Она встаетъ и говоритъ: «Батюшка родной, матушка родная! Благословите молодому Князю голову помаслить!» и, не ожидая отвѣта, продолжаетъ: «Батюшка крестный и матушка крестная! Благословите молодому князю голову помаслить! Дружка, поѣзжане и всѣ званые и незваные! Благословите молодому князю голову помаслить! И вы игрицы-пѣвицы! Благословите молодому князю голову помаслить!» растираетъ масло и мажетъ имъ голову жениха. При этомъ онъ поетъ:

1911.

Благослови, Господи, Кузьма Демьянъ!
Ладо мое!

(«Ладо мое» повторяется послѣ каждаго стиха).

По сѣнямъ ходила,
На гвозди сбирала,
А на свадьбу ковала,
Для двухъ молодцевъ:
Первый молодецъ —
Андреянъ молодецъ,
Другой молодецъ —
Авдотьюшка.
У нашего Андреяна
Да три сестры:
Первая сестра —
Голову маслить,
Вторая сестра —
Голову чешетъ,
А третья сестра —
Хмелемъ осѣваетъ.

Затѣмъ сваха мажетъ волосы всѣмъ сидящимъ за столомъ поѣзжанамъ, но не поетъ, а поютъ ту же самую пѣсню игрицы.

Помазавши волосы, беретъ гребень и причесываетъ жениха, а потомъ и прочихъ поѣзжанъ.

Послѣ того начался столъ. Всѣ, кромѣ жениха, ѣли и пили, а женихъ только приподнималъ поданное блюдо и просилъ гостей кушать. Кромѣ того, женихъ и дядька кланялись въ поясъ каждому, кому отецъ подносилъ вино.

По окончаніи стола всѣ вышли на дворъ. Впереди сватъ съ образомъ, за нимъ сваха съ хмелемъ, далѣе женихъ, дядька, поѣзжане и родственники. Всѣ поѣзжане стали около своихъ лошадей, держа въ рукахъ шапки. Сватъ, съ образомъ въ одной и съ кнутомъ въ другой рукѣ пошелъ около приготовленныхъ въ путь лошадей, а за нимъ шла сваха и осыпала ихъ хмелемъ, а поѣзжанамъ клала хмель въ шапки. Этотъ обрядъ повторялся три раза. Потомъ всѣ разсѣлись и поѣхали къ невѣстѣ. Невѣста, уже приготовленная къ отъѣзду, сидѣла на перинкѣ; съ нею рядомъ сѣлъ и женихъ. Посидѣвши немного, они встали, вышли на дворъ, чтобы сѣсть на повозки и ѣхать въ церковь. Дѣвицы схватили перинку и унесли ее на верхній полъ, гдѣ и запѣли:

1912.

Дружки, подружки,
Забыли подушки.
Дружокъ безтолковый,
Подай намъ цѣлковый!
Дружокъ дубинникъ,
Подай намъ полтинникъ!
Постой-ка кобыла,
Постой голубая;
На грядкѣ другая;
Постой ты третья,
На грядкѣ веретья.

Услыхавъ это, сватъ вернулся въ домъ и, возвратясь къ игрицамъ, сталъ съ ними торговаться за подушку. Онѣ сперва требовали рубль, потомъ полтинникъ и сошлись наконецъ на двугривенномъ и штофѣ вина. Получивши перину, сватъ положилъ ее въ повозку невѣсты.

Потомъ всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ и поѣхали въ церковь.

Послѣ бракосочетанія жениха съ невѣстой зашли въ церковную караулку. Тамъ сваха сняла съ невѣсты головной уборъ, и заплела ей волосы на двѣ косы; при этомъ показала, какъ надобно повязывать платокъ.

По пріѣздѣ домой жениха съ невѣстою, слѣдовалъ обѣдъ. Обрядъ обѣденный одинъ и тотъ же; разница только въ томъ, что женихъ съ невѣстой цѣлуются каждый разъ, когда отецъ подноситъ кому либо изъ гостей рюмку вина. Иногда пьющій говоритъ: «Горько!» и это значитъ, женихъ долженъ поцѣловаться съ невѣстой.

По окончаніи стола молодыхъ ведутъ въ клѣть. При чемъ игрицы поютъ:

1913.

Меня младу ў клѣтку ведуть,
Меня младу отъ стѣнки кладуть;
Не шолкова нитка къ стѣнкѣ льнеть
Андреянъ Авдотьюшку къ сердцу жметь,
Андреянъ Авдотьюшку успрашиваеть:
Кто тебѣ Авдотьюшка, изъ роду милъ? —
Милъ мнѣ, милешенекъ, батюшка,
Мила мнѣ, милешенька, матушка.
(не конченная).

Въ клѣти устроена для молодыхъ постель, передъ постелью столикъ. Туда имъ подаютъ разныя яства и питья, но предварительно подается зажаренная курица, у которой одно крылышко надрѣзано. Эта курица назначена «къ разорву». Молодые берутся руками за крылышко и разрываютъ курицу. При этомъ у молодой остается только одно крылышко, а у молодаго остальная часть курицы, которая ими и съѣдается. Потомъ имъ подаются и другія блюда. Послѣ стола дядька и сваха выходятъ изъ клѣти, а дружка остается, чтобы уклàсть молодыхъ въ постель, приказывая имъ раздѣваться какъ слѣдуетъ. Потомъ кладетъ молодую къ стѣнкѣ, а молодаго рядомъ съ нею, но такъ, чтобы молодая легла на руку молодаго, и на оборотъ, переплетаетъ имъ ноги и выходитъ изъ клѣти. При этомъ дѣвицы, стоящія у входа въ клѣть, поютъ:

1914.

Куры на насѣсточку хочуть
Пѣтушокъ распѣваеть,
Туда жъ поспѣваеть.

Пропѣвши это, всѣ уходятъ въ домъ, оставивъ молодыхъ въ клѣти. На другой день, утромъ, дружка и сваха поднимаютъ молодыхъ съ постели и, одѣвши ихъ, приводятъ въ домъ, гдѣ ихъ поздравляютъ съ благополучнымъ препровожденіемъ ночи. Молодая даритъ гостямъ полотенца.

Потомъ слѣдуетъ «Княжой обѣдъ», послѣ котораго всѣ гости разъѣзжаются по домамъ.

На другой день, молодая, вставши съ постели, беретъ вѣникъ и мететъ избу. Мать молодого при этомъ говоритъ:

«Избу мети, мети,
И соръ подъ порогъ гнети,
И въ сору добра гляди!»

И потомъ ей объясняетъ, чтобы она не выно̀сила на улицу (не разсказывала людямъ) того, что дѣлается въ домѣ.

Прежде метенія пола кто либо изъ семейства бросаетъ въ соръ деньги и вещи, чтобы узнать характеръ невѣсты: объявитъ ли она о своей находкѣ, или нѣтъ?

Если невѣста объявляетъ о своей находкѣ, то все найденное остается въ ея пользу, потому что всѣ отказываются отъ потери, говоря, что это ея счастье.

Въ первые дни послѣ бракосочетанія занятіе невѣсты состоитъ въ метеніи пола и принесеніи воды и дровъ. Далѣе жизнь молодыхъ идетъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Зап. А. П. Чулковскій въ 1862 г.

Той же губерніи, Епифанскаго уѣзда.

(Со словъ крестьянки деревни Ѳедосовки).

На пропоѣ и на дѣвичникѣ невѣсту посадятъ отдѣльно одну куда нибудь; дѣвушки сидятъ за столомъ, приходитъ женихъ. Жениховые родные и гости кланяются на всѣ четыре стороны и сваты жениховы говорятъ: «Что вы сказали: просторная квартира, а потомъ занятая?» Сваха, или сватъ, невѣсты отвѣчаетъ: «Можно съ нимъ садиться: онѣ пустятъ!» Тутъ гости скажутъ дѣвушкамъ: «Пустите насъ! Вы ужь согрѣлись, здѣсь давно, а мы иззабли.» Тѣ говорятъ: «Намъ самимъ нужна квартира!» Гости: «Мы васъ кнутомъ!» Тутъ запоютъ:

1915.

Ты дуракъ, дружко,
Ты дуракъ, курвинъ сынъ!
Голова гладка
Какъ у выблядка,
А зубы рѣдки
Какъ у чорта дѣтки!
Дѣвки дружка били,
Подъ печкой забили, 2
Ступой завалили, 2
Толкачами забили.

«А у насъ скалка готова!» (постукивая ею). «Нельзя ли намъ, дѣвушки, сойтиться?» и съ этими словами ставятъ имъ на столъ водку, пирогъ и говядину. Дѣвушки тотчасъ ототкнутъ полштофъ и бросаютъ пробку.

Гости тутъ кладутъ денегъ на всѣ четыре угла стола и посередъ стола.

Полштофъ они закрываютъ деньгами. Дѣвушки собираютъ со стола все и уходятъ, благодаря, въ другую комнату. Тамъ онѣ пьютъ и ѣдятъ принесенное гостями. Сваты между тѣмъ садятся за столъ, сажаютъ родныхъ невѣсты.

Тутъ они подносятъ вино хозяевамъ и роднымъ невѣсты. Начинается обѣдъ.

Послѣ обѣда выводятъ къ нимъ невѣсту. Она здоровается съ женихомъ и со всѣми его родными. Немного посидѣвъ, женихъ съ невѣстой выходятъ изъ-за стола. Жениху даютъ штофъ вина въ руки, невѣстѣ подносъ и рюмку. Женихъ наливаетъ въ рюмку вина, а невѣста обноситъ такимъ образомъ всѣхъ гостей, изъ которыхъ каждый кладетъ на подносъ деньги, а родные невѣсты дарятъ родныхъ жениховыхъ платками, полотенцами, за что тѣ опять дарятъ деньгами. Женихъ съ невѣстой выходятъ въ другую горницу, тамъ ихъ сажаютъ за столъ и ставятъ имъ закуску. Посидѣвъ немного, гости разъѣзжаются по домамъ, женихъ тоже уходитъ, прощаясь и цалуясь съ невѣстою и со всѣми родными, и уѣзжаютъ домой. Дѣвушки остаются ужинать у невѣсты, но, поужинавши, и онѣ уходятъ домой.

На сговорѣ, когда пріѣдетъ женихъ, дѣвушки поютъ:

1916.

Какъ у насъ по саду рѣка текла,
По изюму разливалася,
Берега были хрустальные,
Желты пески виноградные.
Какъ у насъ въ городѣ Епифани,
Въ каменныхъ было палатахъ,
Противъ столика убраннаго,
Противъ дерева краснаго,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Здѣсь чесалъ молодецъ русые кудри,
Онъ чесалъ, приговаривалъ:
«Прилегайте, мои кудри,
Къ моему лицу къ бѣлому!
Привыкай, Авдотья Михайловна,
Къ моему уму, разуму,
Ко нраву молодецкому!»

1917.

На маковкѣ соловей,
Онъ весь макъ притолокъ;
Миколай Александровичъ
Онъ по за рѣку гулялъ, 2
Передъ зеркаломъ стоялъ, 2
Волоса свои чесалъ.
Расчесамши свои волоса,
Заставлялъ ихъ цѣловать:
«Палагея Ивановна, поцѣлуй,
Радость моя, поцѣлуй!»
Миколай Александровичъ!
—«Когда жь тебя цѣловать?
Меня милыя подружки
Въ садъ гулять меня зовутъ,
Подъ грушицей зеленой
Оставляютъ меня одное.
Не шуми ты, груша зеленая,
Не шуми ты надо мной!
Ежели будешь ты шумѣть,
Засушу, груша, тебя;
А не будешь ты шумѣть,
Снаряжу, грушу, тебя:
Куплю лентъ алыхъ, голубыхъ,
А по лентончкамъ жемчугу.»

1918.

Кустикъ, кустикъ, кустовой,
Ракитовой, листовой!
А кто у насъ холостой,
Да кто жь у насъ не женатъ?
—Андрей сударь холостой,
Ивановичъ не женатъ,
На ёмъ кафтанъ голубой,
Шапочка плисова,
Въ шапочки три узла:
Первый узелъ—гардамонъ,
Другой узелъ—любъ цвѣтокъ,

Третій узелъ,—василекъ.
«На что жь тебѣ гардамонъ?»
—«Чтобы мальчикъ горденъ былъ.
«На что жь тебѣ василекъ?»
—«Чтобы мальчикъ веселъ былъ;»
«На что жь тебѣ любъ цвѣтокъ!»
—«Чтобы дѣвки любили,
Молодушки хвалили.»

1919.

Подари, Алексѣй сударь, подари!
Аль у тебя, сударь, денегъ нѣтъ?
Займи у товарища, друга милова,
Займи у свѣтъ Марьюшки!
Аль тебя деньга родила?
Аль тебя подушка вскормила?
Подари, сударь Алексѣй, подари,
Не рублемъ, полтиною,
Полтиною, золотою гривною,
Отъ гривны, что пожалуешь!

1920.

У насъ на горѣ стоитъ елочка,
Подъ горой свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ свѣтъ Марьюшка сидить,
Приходить къ ней батюшка,
Онъ звалъ свѣтъ Марьюшку съ собой:
«Пойдемъ, пойдемъ, Марьюшка, со мной!»
—«Я не йду, не слушаю тебя:
Ночи темныя, не мѣсячныя,
Лѣса глухіе, караула нѣтъ,
Рѣки быстрыя, перевозу нѣтъ.»

У насъ и т. д.
Приходила къ ней матушка,
Она звала свѣтъ Марьюшку съ собой:
«Пойдемъ, пойдемъ, Марьюшка, со мной!»
—«Я не йду, не слушаю тебя,» и пр.

У насъ и т. д.
Приходилъ къ ней Алексѣй государь,
Онъ звалъ Марьюшку съ собой:
«Пойдемъ, пойдемъ, Марьюшка со мной!»
—«Я иду, иду, послушаю тебя:
Ночи видныя, мѣсячныя,
Лѣса глухіе, караула есть,
Рѣки быстрыя, перевозу есть.»

Когда пріѣдетъ женихъ, онъ закупаетъ у дѣвушекъ мѣсто, за которое кладетъ на столъ отъ двухъ до трехъ рублей. Всѣ разсядутся вокругъ стола: женихъ съ невѣстой сядутъ рядомъ и начинается угощеніе. Потомъ дѣвушки поютъ:

1921.

Какъ во горенкѣ пластовой
Сидятъ дѣвушки съ покоемъ;
Сидитъ молодецъ съ дѣвицей,
Какъ молоденькій паренекъ,
Точно ясный соколокъ,
Какъ Иванъ у насъ дѣтинка,
Точно ягодка малинка:
По горенькѣ пройдеть,
Точно пава проплыветь,
Станеть рѣчи говорить,
Точно лебедь прокричить:
Встань, Авдотьюшка, душа,
Встань, Михайловна, душа!
Я впервой въ гости пришелъ,
Семь подарочковъ принесъ:
Я принесъ тебѣ подарокъ,
Штучно платье со каймой,
Съ золотою бахромой,
Какъ во ушки сережки жемчужные,
А на шею-то платокъ,
Точно аленькій цвѣтокъ.

1922.

Стелется, вьется,
По лугамъ трава шелковая,
Цѣлуеть, милуеть,
Иванъ душку женушку,
Семеновичъ подушку:
«Душка моя, женушка!
У насъ съ тобой животы
Съ тоски не дѣлены.
Какъ пойдемъ мы съ тобой,
Во зеленъ садъ гулять,
Сорвемъ мы съ тобою
Два аленькихъ цвѣточка,
Пошлемъ мы съ тобою
Ко батюшкѣ гостинцы:
Ужь эти ли наши гостинцы
Въ честь пошли и въ славу!

1923.

Какъ у рюмочки у серебряной,
Золотой у нея вѣнчикъ,—

Какъ у Михайла у Ивановича,
Дорогой у него разумъ:
Гдѣ ни пьеть, гдѣ ни кушаеть,
Ночевать домой ѣдеть.
Какъ сказали Авдотьѣ,
Какъ сказали Михайловнѣ:
«Сердечный другъ ѣдеть.
Авдотья, встрѣнь!
Михайловна, встрѣнь!»
—«Мнѣ некогда встрѣтить:
Я сына качаю, 2
Дорогова качаю, 2
Перемѣны себѣ чаю;
Я дочерю качаю,
Дорогую качаю, 2
Перемѣны себѣ чаю:
Куда я ни поѣду,
Все къ дочери заѣду,
Ужь откеда ни поѣду,
Невѣстка встрѣчаеть.»

1924.

Какъ у Авдотьи во горенкѣ,
У Михайловны во спаленкѣ, —
Розанъ, розанъ, во горенкѣ,
Очень рано на зарѣ.
Здѣсь игралъ, гулялъ,
Молодецъ въ гусли,
А дѣвушки подпѣвали,
Розанъ, розанъ, подпѣвали —
Очень рано на зарѣ.
Авдотья танцовала,
Михайловна танцовала,
Танцовала, пріустала,
Розанъ, розанъ, пріустала, —
Очень рано на зарѣ.
Пріустала, пріустала,
У Ивана на колѣна,
У Семеновича на колѣна, —
Розанъ, розанъ, на колѣна.
Очень рано на зарѣ.
Иванъ Авдотью пробуждалъ,
Михайловичъ пробуждалъ:
«Встань, Авдотья, проснись!
Розанъ, розанъ, проснись,
Очень рано на зарѣ!
Встань, Михайловна, проснись!
Отецъ и мать не чужіе,
А все-таки же родные,—
Розанъ, розанъ, родные,
Очень рано на зарѣ!
Они хотя увидять,
Никому не скажуть,
Они хоть побранять,
Да опять примолвять,—
Розанъ, розанъ, примолвять,
Очень рано на зарѣ!»

1925.

Какъ на дубчикѣ два голубчика сидять,
Межъ собою разговариваютъ:
«Кто жь у насъ молодчикъ молодой?
Кто жь у насъ удалая голова?»
—«Алексѣй у насъ молодчикъ молодой,
Петровичъ у насъ удалая голова:
Онъ съ гривны на гривну переступаеть,
Онъ рублемъ ворота запираеть,
Онъ полтинникомъ отпираеть,
Сотнями по городу швыряеть,
Изъ неволи сиротъ выпущаеть:
«Вы сироты, вы мои сироты!
Помолите Христу Богу обо мнѣ,
Объ моей объ удалой головѣ!»

1926.

«Кто жь у насъ лебединъ?
Кто жь у насъ соколинъ?»
Лебединъ мой, лебединъ,
Лебедушка бѣлая. —

(Этотъ припѣвъ повторяется гдѣ черезъ 2, гдѣ черезъ 3 стиха).

—«Иванъ у насъ лебединъ,
Семеновичъ соколинъ:
Онъ по садику гулялъ,
Сапожкомъ травку топталъ, 2
Путь дорожку искалъ,
Путь дорожки не нашелъ, 2
Самъ заплакалъ да пошелъ, 2
Къ Авдотьѣ зашелъ,
Къ Михайловнѣ зашелъ:
«Постой часикъ у воротъ,
Я сбѣгаю въ огородъ:
Не поспѣлъ ли виноградъ,
Не пора ли его брать,
На серебряный подносъ класть?»
—Какъ Иванъ Михайловичъ,
Да Авдотьѣ Семеновнѣ,
На серебряномъ подносѣ, 2
Виноградъ ей поднесъ.

1927.

Соловейка моя молодая
Весь макъ притоптала.
Какъ Иванъ Васильевичъ
Передъ зеркаломъ стоялъ, 2
Русы кудри чесалъ.
Онъ, расчешамши русы кудри,
Просилъ Авдотью цѣловать,
Михайловну миловать.
— «Иванъ Васильевичъ,
Мнѣ не время цѣловать:
Мои милыя подружки
Отпросили меня въ садъ гулять.
Во зеленомъ во саду,
Оставляли меня одною
Подъ грушей зеленой.
«Ахъ ты груша зеленая!
Не шуми ты надо мною:
Если будешь ты шумѣть,
Засушу, грушу, тебя;
А не будешь ты шумѣть,
Снаряжу, грушу, тебя:
Три аршина лентовъ алыхъ,
По вѣточкамъ жемчугомъ.

1928.

«Сударыня моя, маменька!
Ты построй мнѣ новъ высокъ теремъ
Съ тремя окошками,
Съ окошками прекрасными:
Какъ первое окошечко
На чистое поле смотрѣть,
А второе окошечко
На зеленый садъ смотрѣть,
А третье окошечко
На синее море смотрѣть.
Какъ на синемъ морѣ,
Три корабли плыли:
Какъ первый корабь—
Съ дорогими съ товарами,
А второй корабь—
Съ брульянтами, конями,
А какъ третій корабь—
Съ удалымъ молодцомъ, 2
Съ Иваномъ Семеновичемъ.
Сударыня маменька,
Поймай ты мнѣ тотъ корабь
Со удалымъ молодцомъ,
Съ Иваномъ Семеновичемъ!»
—«Дитё ль мое, дитятко,
Дитё мое милое!
Когда пора, время, придеть,
Самъ корабь къ берегу приплыветь,
Иванъ сударь Семеновичъ
Съ корабля долой сойдеть, 2
Во высокъ теремъ зайдеть,
И тебя за ручку возьметь.»

1929.

На комъ, на комъ, кудри русы,
На комъ, на комъ, по плечамъ лежать,
По плечамъ лежать, словно жаръ горять,
Словно жаръ горять, словно полымя?
Со Москвы купцы соѣзжалися,
Они тѣмъ кудрямъ дивовалися:
Ужь чье это дитя, чье порожено, ¹)
Въ чистотѣ дите все положено? —
На Алексѣѣ кудри русые,
На Михайловичѣ по плечамъ лежать,
По плечамъ лежать, словно жаръ горять,
Словно жаръ горять, словно полымя.

1930.

Какъ по лугу, лугу, по зеленому лугу,
Ходилъ голубь, ходилъ сизый, со голубушкой:
Какъ у голубя сизова золотая голова,
У голубушки головушка серебряная; ²)
У Алексѣя молодая жена,
Молодая жена, что честная госпожа.
Всѣ товарищи его позавидовали:
Кабы это да моя, братцы, жена ³)
Я не билъ бы, не журилъ,
Я бѣлилъ, румянъ, купилъ, 2
Набѣлиться бъ ей велѣлъ:
«Набѣлись, моя милая,
Нарумянься, душа! 2 ⁴)
Тогда будешь хороша.
Я бы лѣтомъ, я бы лѣтомъ
Во колясочкахъ возилъ,
А зимою на расписанныхъ саняхъ,

Вар.

¹) Ужь и гдѣ эти кудри уродилися?
Ужь кому эти кудри чесать, гладить будеть
Что свѣтъ Агаѳѣ Ѳаддѣевнѣ.
Ужь брала кудри на бѣлыя руки,
На бѣлыя руки, на златыя перстни.

²) У голубушки золотая голова,
У голубушки позолоченная,

³) Какъ пришелъ къ нему товарищъ,
Позавидовалъ ему.

⁴) Нарумянься, Василиса,
Набѣлися, Ивановна!

На расписанныхъ саняхъ,
На ямскихъ лошадяхъ»
Кони, кони, вороные,
Извощички молодые, 2
Въ рукахъ плети шелковые:
Они ѣдуть, погоняють,
Сами пѣсенники поють, 2
Молоду жену везуть.

1931.

Не красенъ день безъ краснаго солнышка,
Не красна свадьба безъ родимой маменьки,
Родимый ты мой батенька!
Выйди на широкую улицу,
Посмотри на всѣ четыре стороны:
Не идеть ли, не летить ли,
Моя родимая маменька?
Родимый мой батенька!
Родимая моя маменька!
На великое вы меня горе зарбдили,
Худою долей меня надѣлили,
Худымъ счастьемъ наградили:
Ни въ чемъ мнѣ счастья нѣтъ.
Что жь я такая за горькая,
Что жь я такая за несчастная зародилася?
Ужь куда я ни повернуся,
Ужь куда я ни оглянуся,
Все вокругъ меня никого нѣту,
Никто около меня не увивается,
Никто около меня не убивается.
Кабы ты была, моя родимая маменька,
Ты бы вокругъ меня увивалася,
Ты бы вокругъ меня убивалася,
А то—безъ тебя мнѣ плохо,
А то—безъ тебя мнѣ худо!
Разступися, мать, сыра земля,
Расколися, гробова доска,
Ужь вы раскройтесь, бѣлыя полотна
Возстань-ка, моя родимая маменька,
Ты возстань, пробудись,
Приди, приди, провѣдай
Меня горькую, несчастную!
Ужь какъ я здѣсь горе терплю,
И больше перетерплю.

Когда начнуть убирать невѣсту къ вѣнцу, отецъ беретъ образъ; невѣста, на колѣняхъ, молится Богу и голоситъ:

1932.

Благослови меня, родимый батенька!
Я не прошу у васъ ни злата, ни серебра,
Я васъ только прошу благословеньица.

Потомъ мать беретъ образъ: тѣ же самыя слова и передъ матерью; тѣ же и отцу крестному; потомъ сажають ее за столъ съ дѣвушками, которыя запоютъ:

1933.

Во полѣ лебедушка кричала,
Въ теремѣ Авдотья плакала,
Во высокіимъ Михайловна рыдала,
Жалобу на батюшку клала:
«Богъ судья тебѣ, родимый батенька!
Вы меня, молоду, въ чужія руки отдаете,
Счастье съ любовью со двора вы долой шлете;
Засохнеть, заблекнеть, зеленый садъ безъ меня,
И засохнуть два аленькихъ свѣточка.
Родимый мой братецъ, ты вставай пораньше,
Ты вставай пораньше, поливай ихъ почаще:
Какъ первый-то свѣтъ—родимый мой батинька,
А другой-то свѣтъ—родимая моя маменька.»

1934.

Не тесанъ ли теремъ, не тесанъ,
Только хорошо теремъ сокрашенъ,
Разными красками расписанъ.
Не ученъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, не ученъ,
Только хорошо снаряженъ.
Снарядила его матушка,
Отпускала его къ тещѣ въ домъ,
Чтобы его теща приняла,
Большимъ подаркомъ подарила.
Я тотъ подарокъ принимала,
Низкой я поклонъ отдавала.

1935.

Заря ли моя, зорюшка,
Ой ляли, ой ляли!

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Зорюшка вечерняя,
Солнышко восхожее,
Высоко восходило,
Далеко освѣтило,
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синее море. 2
Черезъ быструю рѣчку, 2
Положи, милый, дощечку,
Чтобъ по той дощечкѣ

Никто не хаживалъ, 2
Никого не важивалъ.
Перешелъ Θедоръ-сударь,
Перешелъ Алексѣевичъ,
Перевелъ невѣсту, свѣтъ Марьюшку,
Перевелъ Васильевну,
Переведемши, онъ
Ее цѣловалъ, миловалъ.
Цѣловамши, миловамши,
Крѣпко къ серецу прижималъ:
«Другъ ты мой, свѣтъ Марьюшка,
Радость моя, Васильевна!
Ты меня состарила,
Безъ ума поставила,
Отца съ матерью забыла,
Меня молодца полюбила,
Во высокъ теремъ водила,
Чаемъ, кофеемъ, поила,
Всѣ конфекты становила,
Рубашечкой подарила:
Рубашечка полотняна,
Моя Марьюшка молодая.»

1936.

Зеленая сосенка, желтый цвѣтъ!
Почто тебя, Θедора Алексѣевича, долго нѣтъ?
Ждала я тебя день—тебя нѣтъ,
Ждала я другой—не бывалъ.
Писала бъ я письма—не умѣю,
Писарей просить—не смѣю,
Сама бъ я пошла—боюся,
Роднаго батюшки стыжуся,
Родной матушки боюся.

1937.

Не разливайся, мой милый Дунай,
Не выливай ручья въ чистомъ полѣ!
Въ чистомъ полѣ ковыль трава,
Во той ли травушкѣ бѣлый олень,
Бѣлый олень, золотые рога.
Мимо тутъ ѣхалъ Алексѣй Θедоровичъ,
Стегнулъ оленюшку плеточкою.
Что ему возговорить бѣлый олень,
Бѣлый олень, золотые рога:
«Не стегай ты меня плеточкою,
Не въ кое время пригожусь я тебѣ:
Станешь жениться, на свадьбу приду,
Золотыми рогами весь дворъ освѣчу,
Весь дворъ освѣчу, гостей твоихъ взвеселю,
Какъ большую гостью,—Марью твою:
Чтобъ Марья не плакала,
Чтобъ не слезила бѣлаго лица.»

1938.

На морѣ утушка купалася, полоскалася,
Всполоскнувши, сѣрая утка вскрикнула:
«Придутъ морозы крѣпкіе, снѣга глубокіе,
Выгонять утушку изъ синя моря,
Изъ синя моря, изъ крутыхъ береговъ.
Какъ мнѣ съ синимъ моремъ разстаться?
Съ крутыхъ бережковъ подыматься?»
—Въ теремѣ Марьюшка убиралася,
Въ теремѣ Васильевна снаряжалася,
Снаряжалась Марьюшка, восплакнула:
«Какъ мнѣ съ дѣвушками разстатися,
Разстатися, распроститися?
Пріѣдеть Алексѣй сударь съ большимъ поѣздомъ

1939.

Катилися игрушки съ верхушки,
Покинули подружки Марьюшку:
«Ворочусь я, игрушки подберу,
За подружками побѣгу.»
—«Некогда игрушекъ подбирать,
Некогда подружекъ догонять.»

1940.

Какъ у насъ въ бору на клену
Висить колыбель на шелку,
На золоченомъ на крюку,
На серебрянномъ на кольцу.
Въ той колыбели Алексѣй спить,
Спать не спить, только такъ лежить:
«Размахните меня, братцы,
Во Лотовинскую улицу,
Прямо къ Марьюшкѣ въ горницу!
Что моя Марьюшка дѣлаетъ?
— Подъ окномъ сидить, чванится,
Мною молодцомъ хвалится!»

1941.

Городомъ я шла зарею,
Ко бору пришла тучею,
Ударила въ ворота бурею,
Пустила по двору сильный дождь,

Сама я поплыла уткою,
На крыльцо я взошла павою,
Во новыя ворота лебедкою,
Во высокъ теремъ дѣвушкой,
Садилась за столъ съ молодцомъ,
Съ молодцомъ, со дружникомъ,
Съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ,
Махнула платкомъ черезъ столъ:
«Встаньте, бояре, къ одной сторонѣ!
Слушайте, бояре, что я стану говорить:
Сулилъ-то мнѣ, батюшка, семь городовъ,
Потомъ, родимый, не далъ ни одного.
Сулила мнѣ матушка семь сундуковъ,
Потомъ родимая—нѣтъ ни одново.

1942.

Охъ ты елка, ты елка, сосенка!
Всѣ ли на тебѣ, елка, сучья, вѣточки?
Всѣ ли на тебѣ тросточки? —
Всѣ ли на мнѣ сучья, вѣточки,
Только нѣтъ одной макушечки.
Всѣ ли у Марьи Васильевны,
Всѣ ли у тебя гости созваны?
За столомъ посажены. —

(Если нѣтъ отца):

Нѣтъ у меня батюшки,
Благословить меня некому,
А снарядить меня есть кому.
Вы дружки, полудружки,
Запрягайте своихъ вороныхъ коней!
Вы ступайте ко Божьей церкви:
Вы взойдите на высокую паперть,
Ударьте въ большой колоколъ,
Пробудите моего батюшку:
Разступись, мать, сыра земля!
Расколися, дубовая доска,
Ты встань, проснись, мой батюшка!
Или сударыня, моя матушка!
Благословите меня горькую,
Меня горькую къ суду Божьему,
Къ суду Божьему—золотому вѣнцу!

1943.

Во горенкѣ во новой
Стоитъ столикъ дубовой,
На столикѣ, на столѣ,
Стоитъ чара золота,
Полна меда налита:
Кому жь эту чару пить?
Кому ее подносить? —
Тимоѳѣю чару пить,
Егоровичу подносить. —
«Роди сына, что въ меня,
А дочерю во себя!
Учи сына лапти плесть,
А дочерю шелкомъ шить;
Она у насъ золото.

Плачь невѣсты.

1944.

Красота ль моя, красота, красота дѣвичья!
Родимый мой батюшка, родимая моя маменька?
Заключили вы мою головушку во чужіе люди,
Во чужіе люди, во незнамые,
Къ чужому отцу и къ чужой матери:
Какъ чужой отецъ—не родимый батюшка,
Какъ чужая мать—не родимая матушка.

Когда расплетаютъ косу.

1945.

Не въ трубушку мы трубимъ рано на зарѣ,
Авдотья плачетъ Михайловна по русой по косѣ:
«Коса ли моя, косынька, русая коса!
Вечеръ эту косу дѣвушки плели;
Пріѣхала сваха немилосливая,
Начала эту косу рвать и метать,
И рвать и метать, на двѣ заплетать.

1946.

Расплеталась руса коса,
Руса коса Софьина,
Выпадала лента алая. 2
Тутъ шли, прошли, два молодца,
Подымали эту ленту алую,
Подавали свѣтъ Софьюшкѣ:
«Ты прими, свѣтъ Софьюшка!
Не твоя ли лента алая?»

Когда расплетутъ невѣстѣ косу, ее сейчасъ же посадятъ за столъ, гдѣ стоитъ хлѣбъ-соль. Посидѣвши немного, она выходитъ помолиться Богу и идетъ въ баню съ дѣвушками.

Дорогой онѣ поютъ:

1947.

У воротъ банюшка стояла,
Жарко каменка горѣла,
Ай люли, люли, горѣла!

(Этотъ припѣвъ, съ повтореніемъ послѣдняго слова предыдущаго стиха, повторяется послѣ каждаго двустишія).

Тутъ расплакалась Марьюшка,
Передъ батюшкой стоючи:
«Государь ты, мой батюшка!
Подержи меня хоть годокъ,
Подержи меня хоть другой:
Я по улицѣ похожу,
Травку муравку потопчу,
И золотъ перстень поношу,
Ненавистниковъ подражню,
Ненавистниковъ молодыхъ,
Все ребятушекъ холостыхъ.

Въ деревнѣ Бучалкахъ, когда женихъ подъѣдетъ ко двору, дѣвушки поютъ:

1948.

Долго, долго, соколъ не летитъ,
Долго, долго, Иванъ не ѣдетъ,
Долго, долго, Михайловичъ не ѣдетъ:
Знать нашъ соколъ за лѣса залетѣлъ,
За лѣса залетѣлъ, за лѣса дремучіе.
Иванъ пріѣхалъ, Михайловичъ подъѣхалъ.

(Входитъ въ горницу):

Не сбуи (?) вѣтры понавѣяли,
Не званые гости на дворъ въѣхали,
Подломили сѣни новыя,
Сѣни новыя съ переходами,
Раздавили чару золоту,
Выпугнули соловья изъ тепла гнѣзда.

Когда повезутъ невѣсту къ вѣнцу, дѣвушки поютъ:

1949.

Какъ передъ нашими широкими воротами
Разлилося, разлелѣялось, синее море,
Унесло, улелѣяло, со двора три корабля:
Какъ первый то корабль съ красной дѣвицей душой,
А другой-то корабль съ перинами, съ подушками,
А третій-то корабль съ кованными сундуками.
Какъ выходила ея родимая маменька,
Какъ вскрычала громкимъ голосомъ своимъ:
«Дитё мое, дитятко, дитё мое милое!
Позабыла ты у меня, дитятко,
Позабыла ты трое ключей, три золотыхъ,
Позабыла ты у меня три волюшки:
Какъ первая-то воля—дѣвичья,
А другая воля—родимаго батеньки,
А третья воля—родимой маменьки.

Когда привезутъ отъ вѣнца:

1950.

Какъ шелковая ниточка къ стѣночкѣ льнетъ,
Какъ Иванъ Авдотью къ сердцу крѣпко жметъ:
«Ты скажи мнѣ, Авдотья, ты скажи мнѣ, Михайловна!
Кто жъ тебѣ, мой свѣтъ, изъ роду милъ?»
— «Мнѣ милъ-милехонекъ, родимой батенька,
Родимый мой батенька и родная маменька. —
— «Ты неправду говоришь и не рѣчь ты кажешь.
«Какъ шелковая ниточка и пр.
Ужь мнѣ милъ-милехонекъ — мой милый другъ
Ужъ мнѣ милъ мой милый другъ.»
— «Ты, Авдотья, правду говоришь и рѣчь ты сказываешь.»

1951.

Дунули вѣтры по чисту полю,
Заиграли гусли во высокомъ терему,
Пролилися слезы по бѣлому лицу,
Что по бѣлому по Прасковьину.
Взговорила Прасковья душа:
«Съ кѣмъ же мнѣ думушку думать и гадать?
Вздумаю-ка думушку съ родимымъ батюшкою.—
Та ль мнѣ дума не вѣрна, не мила;
Вздумаю думушку съ родимой матушкою, —
Та ль мнѣ дума не вѣрна, не мила;
Вздумаю-ка думушку съ Иваномъ Михайловичемъ —
Та мнѣ дума и вѣрна и крѣпка.

Когда подруги будятъ молодыхъ:

1952.

Дѣвушки, подружки мои!
Вы вставайте ранехонько,

Умывайтесь вы бѣлехонько,
Вы чешите голову гладехонько,
Надѣвайте вы платья цвѣтныя,
Вы берите ведра новыя, дубовыя,
Вы ступайте на Дунай рѣку,
Вы поливайте крутыя горы,
Чтобъ Ивану не пройти,
Семеновичу не проѣхати!

Зап. мною отъ мѣстной крестьянки въ 1862 г.

IX. Калужской губерніи.

Малоярославскаго у., с. Костино.

Наканунѣ свадьбы, на дѣвичникѣ, въ домѣ невѣсты ставятъ на столъ, елку обвѣшанную лентами, шелкомъ и свѣчками, и поютъ:

(Если невѣста сирота).

1953.

«Ужъ ты ель моя, елушка,
Зеленая сосенушка!
Всѣ ли на тебѣ сучки вѣточки?
Всѣ ли на тебѣ верхушечки,
Золотыя макушечки?»
— «Всѣ на мнѣ сучки, вѣточки,
Одного сучка только нѣтути, —
Самой верхушечки,
Золотой макушечки.»
«Ты Ѳедосья Никифоровна!
Всѣ ли у тебя гости собраны?
Всѣ ли они у тебя посажены?»
— «Всѣ у меня гости собраны,
Всѣ у меня они посажены.
Одного гостя нѣтути,
Что родимой матушки.»

1954.

Что летѣлъ соколъ изъ Новагорода,
А другой летѣлъ изъ Кіева,
А третій летѣлъ изъ каменной Москвы.
Они крылушками машутъ: «отворяй ворота!»
Ѳедосья по сѣнюшкамъ похаживаетъ,
Шелковымъ платочкомъ помахиваетъ:
«Бояре, вы бояре, вы Ѳедотовны!
Станьте, бояре, вы къ одной сторонѣ!
Слушайте, бояре, что я буду говорить:
Сулилъ мнѣ батюшка семь городовъ,
Повыдавши, батюшка,—нѣтъ ничего.

1955.

Ай на морѣ утушка умывалася,
Свѣтъ сѣрая полоскалася,
Что черпилами начернилася,
Что смуглилами насмуглилася.
Во теремѣ дѣвушка полоскалася,
Свѣтъ красная полоскалася,
Что бѣлилами набѣлилася,
Что румянами нарумянилась,
Нарумянившись, слезно плакала,
По новымъ сѣнямъ похаживала:
А и свѣтъ-то мои, сѣни новыя,
Сѣни новыя съ переходами!
А и свѣтъ-то моя, воля вольная,
Воля вольная, нѣга матушкина!
А и свѣтъ-то мой, соловей въ саду,
Соловей въ саду,—онъ рано вставалъ,
Онъ рано вставалъ, голосисто пѣвалъ,
Голосисто пѣвалъ, меня младу разбужалъ.

Зап. Е. Г. Дурново.

Той же г., Калужск. у., с. Ахлебино.

1956.

Я въ высокомъ теремѣ сижу,
Я далече по зарѣ слышу, 2
Какъ соколъ лебедушку кличетъ, 2
Ты, лебедушка луговая, 2
Полети ко мнѣ поскорѣй, 2
У меня приволье, довольe: 2
У меня луга зеленые, 2
На лугахъ трава шелковая, 2
На травѣ цвѣты голубые, 2
На цвѣтахъ пташки садовыя, 2
Онѣ поютъ, поютъ, распѣваютъ 2
Свѣтъ Катеринушку взвеселяютъ, 2
Чтобъ Катеринушка не тужила, 2

Григорьевна не горевала, 2
Изъ лица красы не теряла, 2
Она изъ глазъ слезы не роняла.

1957.

Во теремѣ свѣтушко не жарко горитъ,
Ни жарко, ни ярко, ни вспыхиваетъ,
Высоко, печально свѣтъ Анна сидитъ,
Высоко, печально Никифоровна сидитъ.
Свое тѣло бѣлое уронивала,
Всѣхъ матушекъ, нянюшекъ укладывала:
Вы нянюшки мамушки ложитеся спать,
Ложитеся спать, вамъ некого ждать,
А мнѣ, красной дѣвушкѣ, всю ночь не спать,
Всю ночь не спать, коверъ вышивать,
Коверъ вышивать, мила друга ждать,
Мила дружка ждать, авось подъѣдетъ, подойдетъ.
По улицѣ ѣдетъ, шумно вѣтеръ шумитъ,
Къ крылечку подходитъ, сапожки скрипятъ,
На крылечко всходитъ, колечко стучитъ.
Стукнулъ я колечкомъ, грякнулъ серебренымъ,
Екнуло сердечушко да у Катеринушки,
Ў избу ўсходетъ, Богу молится,
Богу молится со всѣми здоровится:
«Здравствуй, здорово и тесть, и теща,
А еще здорова, свояченица!»

1958.

Била, била на Волгѣ вода,
Била, била ключевая, 2
Шила, шила свѣтъ Анна коверъ, 2
Вышила на коня хвору.
Разсерчалъ Тихонъ сударь,
Разсерчалъ свѣтъ Васильевичъ,
Перескочилъ черезъ тынъ на огородъ, 2
Разломалъ весь желѣзный тынъ, 2
Поломалъ калину съ малиной,
Черную ягоду самородину, 2
Выпужнулъ изъ саду соловья. 2
Да восплакнула свѣтъ Анна душа: 2
«Да и кто-же будетъ рано мене будить?
Да и кто по зорямъ веселить?»

1959.

«Давно-жъ тебѣ, Катеринушка,
Давно говорили,
Ой ляли, ай ляли, ляли!
Давно говорили.

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ съ прибавленіемъ послѣдняго стиха).

Давно-жъ тебѣ, Григорьевна,
Давно голосили.
Пойди, выйди Катеринушка,
За новы ворота.
Глянь-ка, глянь-ка, Григорьевна,
Во чистое поле.
Въ чистомъ полѣ, въ синемъ морѣ
Дѣвки воду носятъ.
Онѣ носятъ, онѣ носятъ
Коромысло гнется.
«Что-жь ты, коромысленько,
Долго не ломилось?»
— «Спроси, спроси Катеринушка,
У сгово Николая.
«Что-жь ты, что-жъ ты
Николай, сударь
Долго не женился?
Кого-жъ, кого-жъ
Никитовичъ,
Кого дожидался?»
— «Тебя мой другъ, Катеринушка,
Тебя дожидался:
Пущай, моя Катеринушка,
Пущай возростаетъ,
Пущай, моя Григорьевна,
Дары вышиваетъ.»
— «Не гнѣвайся, Николаи сударь!
Куды дары шила.
Куды дары шила,
Скоро поспѣшила,
Скоро поспѣшила
Даровъ не нашила.

1960.

Не долго вѣночку на ступкѣ висѣть,
Не долго Авдотьюшкѣ въ дѣвушкахъ сидѣть,
Не долго Васильевнѣ русу косу плесть.
Вечёръ мою косушку дѣвушки плели,
Плели, плели косушку, золотомъ вили,
Вили, вили золотцемъ, жемчугъ низали.
Плакала Авдотьюшка по русой по косѣ:
«Коса-ль, моя косушка, русая коса!
Бывало, я тебя, косушка, часто гладила,
Бывало, я тебя, русая, мелко плетала,
А теперь, косушка, ў годъ однова.

—

Во трубушку трубили рано на зарѣ,
Рано-то, ранешенька, свашенька пришла,
Пришла, пришла свашенька не милостлива,
Начала мою косушку и рвать, и метать,
Начала мою русую на двѣ заплетать,

Плесть, не плесть мою косушку—все на двѣ косы,
Вить, не вить мою русую, кругомъ—головы,
Быть, не быть Авдотьюшкѣ,—Павловой женой.

1961.

Вился, вился коченочекъ,
Миленькій дружечекъ.
Милъ по улицѣ гуляетъ
Иву излюбляетъ.
Онъ иную излюбляетъ,
Меня спокидаетъ.
Я во горенкѣ сидѣла,
Въ окошечко глядѣла.
Я въ окошечко глядѣла,
Мнѣ зазорно стало.
Мнѣ зазорно, перезорно,
Очень не пріятно.
Какъ сказали: въ Петербургѣ
Дорогъ, дорогъ перевозъ.
Какъ Николай свѣтъ Катеринушку
На рученькахъ перенесъ.
Перенесъ, перескочилъ,—
Ничего не намочилъ.
Ничего не намочилъ,—
Башмачекъ съ ножки скочилъ.
Какъ Катеринушка на бережку
Расплакалася.
Свѣтъ Григорьевна на крутенькомъ
Раскуражилася.
Какъ и Николай сударь
Ее уговаривалъ:
«Ты не плачь, свѣтъ Катя,
Не плачь, душечка моя:
Я во славушку пойду,
Башмачки тебѣ куплю,
Башмаки литые,
Пятки зашитые.

Нивѣстъ.

1962.

Какъ при вечерѣ, вечерѣ,

(Каждый стихъ поется два раза).

При послѣднемъ часу вечера,
При свѣтъ—Катерининомъ дѣвичникѣ
Прилетали ясны соколы,
Ясны соколы залетные.
Одинъ садился подъ окошечко,
На серебряну рѣшеточку,
На золочену причаленку,
Причалинка сколыхнулась,
Ясенъ соколъ встрепенулся,
Встрепенулся, полетѣлъ.
Мимо садика зеленаго,
Мимо терема высокаго.
Что узрѣла, что увидѣла
Ее родная матушка,
Говорила своей дочери:
«Ты дитя-ль мое дитятко,
Ты Катерина Григорьевна,
Ты *прійй*-ко ясна сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго!»
Ты, родимая матушка,
Я бы рада его пріяла,—
Мое сердце не оборотится,
Животъ кровью обливается,
Рѣзвы ножки спотыкаются,
Бѣлы ручки опущаются,
Съ плечь головушка скатилась.
Ты, родимая матушка!
Разсуди ты мой дивный сонъ,
Что я нонче во снѣ видѣла:
Будто у нашихъ у широкихъ у воротъ
Сине море разливается,
Сизый селезень купается,
Сѣра утка окунается.»
«Ты дитя-ль мое, дитятко,
Ты Катерина Григорьевна;
Сине море—подворьице твое,
Сѣрая утица—свашенька
Сизой селезень—суженый твой.»

Величальная до свадьбы [1]).

1963.

Какъ сказали: Павелъ грозенъ,
Онъ грозенъ, грозенъ, не милостивъ:
Онъ садился на ворона коня,
Онъ поѣхалъ мимо тестева двора,
Становился противъ краснаго окна,
Онъ ударилъ копьемъ въ ворота.
«Дома-ль тесть? дома-ль теща моя?»
Дома-ль грозная свояченица?
Дома-ль жизнь, радость Авдотьюшка душа?
Если дома, — её вышлите ко мнѣ,
Если въ людяхъ, — сходите за ней,
Если спитъ, не будите её.
Я и самъ до Авдотьюшки дойду,
Про себя, Васильевну, разбужу.»
Услыхала Авдотьюшка душа,

[1]) Т. е. до вѣнчанья.

Закричала громкимъ голосомъ своимъ:
«Ужъ вы няньки, вы мамки мои,
Вы сестрицы-подруженьки!
Вы сходите къ моей матушкѣ,
Вы возмите золотые ключи,
Отоприте дубовые сундуки.
Вынимайте, что нѣтъ лучшаго сукна,
Шейте, кройте Павлу кафтанъ,
Чтобъ не длиненъ, не коротокъ былъ,
Чтобъ по самыя пяточки.»

1964.

Ужъ вы дѣвки, вы дѣвушки,
Ваши горкія сѣмена,
Васъ немножко посѣяно,
Отъ Москвы да до Кіева, 2
Да до Тульскаго города.
— Разлилась, разлелѣялась,
По лугамъ вода вольная,
По кустамъ по ракитовымъ,
По цвѣтамъ по лазоревымъ,
Унесло, улелѣяно со двора,
Со двора три кораблика:
Какъ первый-то корабль поплылъ,
Съ сундуками съ дубовыми,
А другой корабль поплылъ —
Со перинами со пуховыми,
Какъ и третій корабль поплылъ —
Со душой красной дѣвушкой,
Со Наталіей Павловной.
Ворочалъ её батюшка,
Середи двора стоючи:
«Воротись, мое дитятко!
Позабыло ты дитятко,
Свои золоты ключи,
На шелковомъ поясѣ,
На дубовомъ на столикѣ.»
— «Я не ключики забыла,
Позабыла волю батюшкину,
Позабыла нѣгу матушкину.»

Свахѣ.

1965.

Я не знала, не видала,
Ко мнѣ сваха пріѣхала, 2
Молодая спесивая, 2
Потому все журливая,
Подъ святые сѣла на лавочку.
Она не пьетъ, не ѣстъ, не кушаетъ,
Только рѣчи выговариваетъ,
Чужу сторону выхваливаетъ:
Какъ чужая сторонушка —
Она сахаромъ усѣяна, 2
Она сытою улитая.
— «Не разсказывай, свашенька!
Я сама знаю и вѣдаю:
Какъ чужая сторонушка —
Полыномъ поле усѣяно, 2
Горячьми слезьми улитая.

Если сваха не щедро даритъ пѣвицъ, то онѣ поютъ ей слѣдующее.

1966.

Околѣть тебѣ, свашенькѣ,
Подъ угломъ, подъ банею
Безъ свѣчей, безъ ладона, 2
Безъ попа, безъ дьякона,
Поминать тебя, свашенька,
Молодой кобылятинкой.

1967.

«Соколы мои соколы,
Соколы мои ясные, 2
Вы куда соколы летали?» 2
— «А мы летали, летали,
Съ моря на море летали.»
«А вы чтожъ, соколы, видали?»
— «А мы видѣли, видѣли,
Сѣрую утицу на морѣ, 2
Сизокрылую на синемъ.
«Да и что-же вы ее не поймали?»
— «Мы хотя её поймали,
Крылья, перья повыщипали,
На синё море бросили:
Поплыви-ко-ся, утица,
Вдоль по морю по синему. 2
Къ селезенюшкѣ сѣрому, 2
Къ хозяину прежнему. 2
—«Вы купцы, добрые молодцы,
Вы, калужскіе щегольцы, 2
Вы куды, куды купцы ѣздили? 2
— «А мы ѣздили, ѣздили.
Съ городъ на городъ ѣздили.»
«Да и что-же вы, купцы, видѣли?»
— А мы видѣли, видѣли
Красну дѣвушку во теремѣ, 2
Раскрасавицу во новенькомъ.»
— «Да и что-же вы ее не возьмили?» 2
Мы хотя ее и возмили,

По рукамъ насъ ударили, 2
Карaулъ приставили. 2
Караулы-то крѣпкіе,
Перемѣны рѣдкія.

1968.

Ой, отъ горницы до горницы,
Да до горницы.
Ой, лежатъ ковры, лежатъ ковры
Да все шелковые.
Ой, по тѣмъ коврамъ, по тѣмъ коврамъ
Шла свѣтъ Аннушка душа.
Ой, въ рукѣ несетъ, въ рукѣ несетъ
Зеленое вино,
Ой, въ другой рукѣ, въ другой рукѣ
Меда стойные,
Ой, подъ *тасикой* (?), ой подъ тасикой
Бѣлъ крупичатый пирогъ.
Ужъ ты—стой постой, ты—стой постой,
Свѣтъ Аннушка душа!
Ой, дай испить, ой дай испить
Зеленое вино!
Ой, дай скушать, дай скушать
Меда стойные!
Ой, дай скусить, дай скусить
Бѣлъ крупичатый пирогъ!»
—«Я не для тебя, не для тебя—
Я пирогъ пекла,
Я не для тебя, не для тебя—
Становила меды,
Я не для тебя, не для тебя—
Пирогъ пекла.
Я пекла пирогъ, пекла пирогъ—
Ради матушки своей,
Становила меды, становила меды—
Ради батюшки своего,
Я курила вино, курила вино—
Ради братца своего.

1969.

Ой на морѣ—тамъ досточка лежала,
Ой ляли, ой ляли, ляли!—лежала.

(Такимъ образомъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха, съ прибавленіемъ къ нимъ послѣдняго слова).

На досточкѣ Катеринушка стояла,
Бѣлешеньки рубашеньки мывала,
По бережку Николай сударь гуляетъ,
За утками, за лебедками стрѣляетъ:
Что не разъ стрѣльнетъ,—лебедушку ушибетъ,
На бѣлую Катеринушку взираетъ.
«Куда-жъ, моя Катеринушка хороша!
Куда-жъ, моя Григорьевна пригожа!»
—«Николай сударь! мой батюшка былъ хорошъ,
И въ матушку хорошая родилась,
Тебѣ, мой другъ, Николай сударь, годилась—
У лебедя лебедушка подъ крыломъ.

Зап. М. А. Баскаковой.

X. Смоленской губерніи.

Юхновскаго уѣзда, на границѣ Дорогобужскаго, при рѣкахъ Уфѣ и Гордотѣ, д. Сорокино.

Задумалъ крестьянинъ Василій женить своего сына и выбралъ для него невѣсту въ Никитиномъ дворѣ; дали знать въ тотъ дворъ, что въ такой-то день придутъ сваты. Вотъ въ назначенный день является Василій въ Никитинъ дворъ, входитъ въ избу, молится образамъ, потомъ садится на корточки посреди избы, а въ углу подъ образами сидятъ отецъ и мать. Столъ накрытъ бѣлой скатертью, на немъ положена коврига хлѣба, стоитъ солонка и полштофъ водки. Сидя на корточкахъ Василій обводитъ вокругъ глазами и говоритъ: «Хочу я женить сваво Иванушку, пришелъ вашу дѣвку смотрѣть, говорятъ, что она, и коса, и хрома, и собой невзрачна да и дѣлать ничего не умѣетъ; не годится она мому ясному соколу Иванушкѣ.» На это мать съ отцомъ отвѣчаютъ: «Что-жъ ты дѣвку нашу коришь, аль никогды ее не видалъ? Выдь-ка, Прасковьюшка, покажи свои ясные очинька.» Невѣста выходитъ изъ-за перегородки, беретъ со стола водку и подноситъ Василью. Отецъ и мать приговариваютъ: «Встань-ка Васильюшка, посмотри на дѣвку нашу, какова она.» Василій встаетъ, выпиваетъ стаканъ водки

и говоритъ: «Нѣтъ, не хороша ваша дѣвка, не годна она мому молодцу, да и водка дурная.» Съ этими словами онъ направляется къ двери, надѣваетъ шапку и не поклонивши никому, уходитъ. Черезъ нѣсколько времени входитъ въ избу жена Василья со свахою и сзади—самъ Василій, который останавливается у порога, а жена молится Богу, кланяется всѣмъ, и приговариваетъ: «Не слушайте его, добрые люди, что коритъ онъ вашу дочь, онъ у меня слѣпъ, не видалъ ясныхъ очей Прасковьюшкиныхъ; онъ у меня глухъ, не слыхалъ медовыхъ ея рѣчей, я пришла къ вамъ поклониться: отдайте вашу дочку за мово сыночка, у мово-ли у Иванушки русы кудри вьются, по плечамъ розсыпаются, очи ясные, какъ у сокола, уста сладкіе, сахáрные, люба ему ваша Прасковьюшка, будетъ любить ее, миловать, а васъ чевствовать.» Отецъ съ матерью встаютъ со стола, кланяются, цѣлуются, подводятъ невѣсту, которая низко кланяется и подноситъ водку; всѣ садятся за столъ—это называется *«лады.»* Родные съ обѣихъ сторонъ собираются, пируютъ и говорятъ, что уже *«дѣвку пропили.»* Назначаютъ день свадьбы, а до того времени каждый день къ невѣстѣ по вечерамъ собираются дѣвки-подружки, помогаютъ ей шить приданое, готовитъ *«дары,»* поютъ пѣсни, а женихъ пріѣзжаетъ навѣщать невѣсту и привозитъ гостинцевъ.

Наканунѣ свадьбы идетъ пиръ въ обоихъ дворахъ. Къ жениху собирается вся его родня; онъ сидитъ подъ образами, рядомъ съ нимъ его *«дружко»*; на столѣ угощеніе—водка; въ другомъ противуположномъ углѣ сидятъ бабы «игрицы» и поютъ:

1970.

А у мѣсяца золоты рога,
А у солнышка очи ясные;
У Иванушки кудри русые
По плечамъ лежатъ,
Словно жаръ горятъ
Чьи-жъ ефто были вымыслы,
Чтобы Ванюшку женить?
— Ефто были вымыслы
Родной матушки
Сидя въ горенкѣ,
Подъ вакошечкомъ 2
Подъ хрустальнепькимъ
И подъ стѣклышкомъ.

Затѣмъ онѣ обращаются къ жениху и произносятъ слѣдующій приговоръ: «Иванъ Васильевичъ! пѣсенку вамъ спѣли, словно яснаго сокола, свеличали, любо—примите, не любо—назадъ отошлите» и подаютъ ему стаканъ (пустой). Женихъ говоритъ: «Нѣтъ, ничего не слышу, мои *вуши* [1]) мятелью замело; еще пѣсенку сыграйте, тады, можетъ и послышу.» Игрицы опять поютъ:

1971.

«Мы пройдемъ по горенкѣ,
Мы пройдемъ по новенькой;
Мы найдемъ хорошаго,
Мы найдемъ Иванушку.
Хорошъ Иванушка,
Хорошъ Васильевичъ;
Хороша бесѣдушка,
Хороша веселая,
Хорошо въ бесѣдѣ сидитъ,
Хорошо игрицъ дарйтъ,
Не рублемъ, полтиною
Золотою гривною.»

Подходитъ опять игрица, подноситъ стаканъ и говоритъ: «Слышишь Иванушка, тебѣ пѣсенку сыграли, словно ясна сокола свеличали, любо—прими, а нéлюбо—назадъ отошли.» Женихъ кладетъ нѣсколько денегъ въ стаканъ, наливаетъ въ него водки, подаетъ игрицамъ и приговариваетъ: «Игрицы—поигрицы, пирожныя мастерицы, долгіе ваши нитки, голые ваши лытки, малый даръ примите, а на большой не взыщите, а посудинку назадъ отошлите.» Игрицы теперь поютъ дружкѣ:

У голубя, у голубя золотая голова
Вой люли, вой люли золотая голова.
Приходилъ къ нему товарищъ—позавидовалъ ему,
и т. д.

Еще жениху.

1972.

Изъ подъ града, изъ подъ Нова
Сынъ на матушкѣ пахать выѣзжалъ
Вой люли! пахать выѣзжалъ

(Такимъ образомъ этотъ припѣвъ повторяется и далѣе послѣ каждаго стиха).

Родну матушку въ корéнь запрягалъ,
Рóдну матушку въ корень запрягалъ,

---

[1]) Наши крестьяне утверждаютъ, что людей вуши, а у животныхъ вухи.

Молоду жану въ пристяжечку,
Молоду жану въ пристяжку гонялъ,
Родну матушку плетью стебалъ,
Молоду жану возжей тряхнулъ.
«Молода жана, ты не рви живота!
Я казалъ батькѣ: продай матку!
Человѣкъ старый пропадетъ даромъ.
Мы за денежки купимъ дѣвушку,
За полушечку купимъ душечку!
За полушечку купимъ душечку
Свѣтъ Прасковьюшку, свѣтъ Никитушку
Вой люли, вой люли! свѣтъ Никитушку.

Послѣ этого опять подносятъ стаканъ водки жениху и онъ приговариваетъ 1-й причетъ и отсылаетъ стаканъ; игрицы величаютъ его опять и опять подносятъ стаканъ, онъ вливаетъ водки, кладетъ деньги и произноситъ 2 приговоръ.

Такимъ порядкомъ долго *играютъ* пѣсни и угощаютъ другъ друга. Наконецъ дружко встаетъ и говоритъ: «Чтожъ мы засидѣлись, да заговорились, чай Прасковьюшка ждетъ, что Иванушка не ѣдетъ и даровъ не несётъ, пора въ путь дороженьку. Собирай-ка, матушка, своего сынка! благословляй его къ невѣстушкѣ!»

Всѣ встаютъ; мать съ отцемъ берутъ ковригу хлѣба съ вырѣзаннымъ въ ней четвероугольной ямочкой для соли, на ковригу насыпаютъ соль и ставятъ образъ. Сынъ кланяется въ ноги родителямъ и потомъ становится передъ нимъ на колѣни; отецъ съ матерью держатъ надъ нимъ ковригу и благословляютъ; мать приговариваетъ: «Поди-жъ, мое дитятко, поди-жъ, мое милое, у̌ Божій храмъ; проси-жъ, мое дитятко, проси-жъ мое милое и долю и счастье у Господа Бога.»

Послѣ благословенія воютъ и провожаютъ его къ невѣстѣ. Между тѣмъ у невѣсты идетъ своя пирушка. Подъ образами накрытъ столъ бѣлой скатертью, на столѣ стоитъ *курникъ* (курица запеченая въ тѣстѣ, въ который воткнутъ сукъ яблони, обернутый въ разноцвѣтныя бумажки и обвѣшенный золотыми листиками и лентами).

Невѣста сидитъ на первомъ мѣстѣ, вокругъ нея подневѣстница и подруги. Подруги поютъ:

1973.

«Не поле, поле запылилося,
Не туманъ съ моря подымается,
Со синя морюшка, на озерѣ, —
Подымалися гуси сѣрые.
«Чавожъ вы ихъ ня поймали?»
— Мы всѣхъ ня поймали, мы одному палѣпили,
Быстры крылушки поотрѣзали,
На синё море пораспу́стили.
Вы, боярушки наши, уборные!
Вы съ *ваткель*, далечаль ѣхали?»
— «А мы ѣхали съ Новагорода на вотчину.
«Кабы штожъ вы тамъ чу́ли-видѣли?»
— А мы видѣли красну дѣвушку во теремѣ.
Чтожъ вы ее тамъ не *возмели?*
— «Мы ее не во́змели, такъ намѣтили,
Русу косыньку ро́сплели,
По бѣлымъ плечамъ роспустили.»

1974.

У воротъ трава росла,
У воротъ шелковая.
Ой-ли, ой-ли, ой люленьки люли!

(Послѣ каждаго одного стиха повторяется этотъ припѣвъ; «ой-ли, ой-ли» и т. д. съ повтореніемъ втораго стиха).

Кабы кто траву потопталъ,
Кабы кто притаптывалъ.
Потоптали, притоптали богатые сватовье.
Яны травушку топтали,
Яны дѣвушку пымали.
Свѣтъ Прасковьюшку, свѣтъ Никитишну.
«Ты не плачь, Прасковьюшка,
Ты не плачь, Мякитишна.
Мы дадимъ приданаго—гусака чубарова,
Гусака чубарова и гусыню сѣрую,
И гусыню сѣрую, и село съ деревнею,
И село съ деревнею и кабакъ съ харчевнею.

—

Понаѣхали бояры
Все на во́роныхъ конёхъ.
Яны въ бѣлыхъ балахонахъ,
Черны шапочки съ вуглами.
И головушка съ кудрями,
И бородушки съ вусами.

Женихъ въѣзжаетъ во дворъ, ему загораживаютъ вороты, пьютъ водку; въ это время дѣвки слышатъ шумъ и поютъ:

1975.

«Во теремѣ свѣчка не ярко горитъ,
Не ярко, не жарко, не вспыхиваетъ,
Яраго воска вытаеваетъ.
Въ теремѣ Прасковья печально сидитъ,

Горючія слезы выранивает,
Часто у вакошко посматривает.
Чтожъ долго, чтожъ поздно соколъ не летишъ?
Погоди немножко соколъ съ крутогоръ,
Погоди маленько — Иванъ къ намъ во дворъ.
На дворъ взъѣзжаетъ, весь дворъ освѣтилъ.
На крыльце ступаетъ, крыльце зыбится,
У сѣни всходитъ, сѣни ломлются,
Въ йзбу входитъ, Богу молится.
«Здравствуйте, здоровенькиль скрасны дѣвушки.
Жива-ли, здоровалъ княжна моя?»
— «Уси живы здоровы, красны дѣвицы
Одна нездорова Прасковья твоя.»

Входитъ женихъ и дѣвки поютъ:

1976.

«Поглядите-ка подружки
Ти ня свѣтъ-ли?
Ой, люли, палюли! 2
Поглядите у вакошко:
Ти ня дождь ли?
Ой люли, палюли!
Поглядите-жъ на Ивана:
Ти ня слѣпъ-ли?
Ой люли, палюли!
Посмотрите-ка на Ивана,
Ти ня хромъ-ли?
Ой люли, палюли!
Посмотрите на Ивана:
Не горбатъ-ли?
Ой люли, полюли!
Не горбатъ-ли?

Начинается обрядъ выкупа невѣсты; ее загораживаютъ подружки и не даютъ жениху къ ней подойти; онѣ просятъ денегъ. Женихъ кладетъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ; подружки приговариваютъ:

1977.

«Эту-то мѣдь
Кошка на печи гнѣть [1])
Что черепковъ накидали?
Изъ подъ печи посбросали.
Дайте хоть маленькихъ
Да бѣлинькихъ.»

[1]) Не надо выговаривать какъ букву «ё».

Еще поютъ:

1978.

На горѣ дубочикъ пошумливаетъ,
Бѣлую березу поколыхиваетъ:
«Бѣлая береза наклонись ко мнѣ!»
— «Рада-бъ я, дубочикъ, наклонулася,
Сѣрые коренья въ землю вросли.»
По двору Иванушка да поѣзживаетъ,
Красную Прасковью да покликиваетъ:
«Красная Прасковья, ты поди ко мнѣ?»
— «Рада бы я, Иванушка, пошла къ табѣ,
Я боюсь, страшусь рòдна батюшки,
Опасаюся рòдной матушки.»
— «Ты не бойся, не бойся, Прасковьюшка,
Родна батюшки, не пасайся ты,
Бойся ты только одного Иванушку.»

Опять женихъ требуетъ невѣсту; дѣвки отвѣчаютъ: «Чтожъ ты, Иванушка, своей невѣстѣ привезъ? Какими дарами ты будешь ее дарить? Какую цѣну за нее давать?»

Женихъ подаетъ невѣстѣ гостинцы: зеркальце, мыло, конфеты, а дѣвкамъ кладетъ опять мѣдь.

Дѣвки опять загораживаютъ невѣсту и поютъ

1979.

«При долинѣ, при широкой
Дѣвки ячмень жали;
Яны жали, выжинали
По дномъ косочку.
У эфту пору, у эфто время
Иванушка ѣхалъ.
«Можноль, дѣвицы, Ванюшкѣ
До пору доѣхать?
Можноль, можноль Васильичу
Прянечковъ купить?
Прасковьяль твоя, Микитишка,
Она воду носитъ,
На плечушкѣ, на плечушкѣ
Коромыселъ гнется.
Прасковьюшка слезами
Сердечная льется.
«Чаво-же ты, коромыселъ,
Долго не сломился?
Чаво-же ты, Иванушка,
Давнѣй не женился?»
— «Отъ тоголь я не женился
Что тебя Прасковьюшка
Долго дожидался.»

Наконецъ женихъ кладетъ серебро и дѣвки отдаютъ ему невѣсту, а онъ угощаетъ ихъ водкой! Присутствующіе кричатъ: «Наши дѣвки татарки, пропили Прасковью за чарки!»

Потомъ невѣсту съ женихомъ сажаютъ на первое мѣсто, прочіе же гости разсаживаются по чинамъ, а дѣвки уходятъ въ противуположный уголъ и поютъ:

1980.

«Ктожъ у насъ холостъ, холостъ?
Ой-ли, люли, холостъ, холостъ!
Ктожъ у насъ не женатъ, не женатъ?
Ой-ли, люли, не женатъ, не женатъ.

(Такимъ образомъ повторяется припѣвъ послѣ каждаго стиха).

Иванушка холостъ, холостъ.
Васильевичъ не женатъ, не женатъ,
Въ его рукахъ бѣлъ платокъ,
А въ томъ платкѣ три вузла, три вузла:
Въ первомъ вузлѣ висилекъ, висилекъ,
Въ другомъ вузлѣ маковъ твѣтъ,
Въ третьемъ вузлѣ любостарь, любостарь,
«На чтожъ табѣ василекъ, василекъ?»
— «Чтобъ я веселъ былъ, веселъ былъ.»
«На чтожъ табѣ маковъ твѣтъ?»
— «Чтобъ твѣтенъ былъ, твѣтенъ былъ.»
«На чтожъ табѣ любостарь, любостарь?»
— «Чтобы дѣвушки любили, любили
Въ высокъ теремъ водили, водили,
Медомъ-пивомъ поили, поили.»

Въ продолженіе того, какъ поютъ, невѣста обдариваетъ всю родню. Дары состоятъ изъ полотенцевъ, разукрашенныхъ вышивками ея работы. Полотенцы несетъ сваха, а невѣста беретъ по одному, кладетъ на деревянную чашку и съ поклономъ подноситъ роднѣ, а они опускаютъ въ чашку деньги. Обдаривъ всѣхъ, невѣста опять садится къ жениху.

Дѣвки продолжаютъ пѣть:

1981.

«Ельничекъ частоватый,
Иванушка не женатый.
Ой-ли, ой люли!
Иванушка не женатый.
Ему мати говорила:
«Чаво, дитё, не женился?»
— На что мати мнѣ жаниться?
Меня и такъ дѣвки любятъ,
На высокъ теремъ водятъ,
Полотенцами дарятъ.

1982.

Леталъ соколъ по крутымъ по горамъ,
Искалъ соколъ лебединыя стада.
Какъ нашелъ-же соколъ, лебединыя стада,
Всѣхъ лебедокъ розогналъ,
Одноё только поймалъ,
За правое крыло, за павлиное перо.
Просилася лебедушка у сокола полетать:
«Пусти, пусти, соколикъ,
Меня къ лебедкамъ полетать!»
— «Тогда, лебедушка, я табѣ пущу,
Когда всѣ перушки общиплю.»
Ѣздилъ Иванъ по чужой сторонѣ,
По Сорокинской слободѣ.
Искалъ Иванъ дѣвокъ короводъ.
И нашёлъ Иванъ короводъ:
Колъ Микитиныхъ воротъ
Стоитъ дѣвокъ короводъ.
Всѣхъ дѣвушекъ розогналъ,
И всѣхъ красныхъ роспужалъ,
Одноё только поймалъ
Ёнъ за правую руку,
За золотый перстенекъ.
Просилася Прасковьюшка
У Ивана погулять:
«Ты пусти меня, Иванъ,
Къ краснымъ дѣвкамъ погулять!»
— «Я тогда табе пущу,
Когда косу росу расплету
По плечушкамъ распущу.»

Гуляютъ до утра и разъѣзжаются, а дѣвки остаются у невѣсты ночевать.

Утромъ жениха благословляютъ, съ причитаньемъ, снаряжаютъ и отправляютъ за невѣстой, чтобы вести ее въ церковь. А въ это же время дѣвицы въ домѣ невѣсты встаютъ, убираютъ ее, росплетаютъ ей косы и поютъ:

1983.

«Не въ трубушку трубили рано по зарѣ,
Росплакалась Прасковья по русой по косѣ:
Коса-ль, моя косынька, коса-ль моя русая!
Вечеръ мою косыньку дѣвушки плели,

Жемчужными камушками увязывали,
Шелковыми плётушками уплётывали.
Прислалъ Иванъ ко мнѣ сватушку
Немилостивую, нежалостливую:
Начала она косыньку рвати, метати,
Шелковые плётушки выплётывати,
Жемчужные камушки вынизывати,
Роспустила мою косыньку по бѣлымъ плечамъ,
Розлила мои слезыньки по румянамъ щекамъ.

Женихъ въѣзжаетъ во дворъ, дружко потчуетъ всѣхъ водкой, очищая дорогу къ избѣ, такъ какъ ее загораживаютъ мужики—родня, а пѣвицы, увидавъ жениха во дворѣ, поютъ такія же пѣсни, какъ и на дѣвишникѣ, при встрѣчѣ жениха. Невѣста воетъ, подружки ее унимаютъ, уговариваютъ. Отворяется дверь, входятъ отецъ невѣсты и отецъ жениха, въ рукахъ у нихъ по хлѣбу и они начинаютъ мѣрить чей хлѣбъ выше и наконецъ отецъ жениха беретъ верхъ. Дружко подводитъ жениха къ невѣстѣ, а другіе взлѣзаютъ на печь. Жениха ставятъ на одной половницѣ съ невѣстой, лицомъ къ лицу, чтобы они поглядѣли другъ на друга, потомъ соединяютъ ихъ руки, заставляютъ жениха обнять невѣсту, поцѣловать и, связавъ ихъ полотенцемъ, перекручиваютъ три раза. Въ это время съ печи кричатъ:

1984.

«Ты кузьма Демьянъ
Скуй свадебку
Крѣпко на́ крѣпко,
Долго на́ долго!»

Крики продолжаются до тѣхъ поръ пока отецъ невѣсты не прикажетъ: «Подайте пирогъ, чтобъ Иванъ Прасковью берёгъ» и тогда пирогъ, пиво, вино и деньги подаютъ черезъ брусъ на печку.

Когда всѣ успокоются, то ростилаютъ на полу шубу мѣхомъ вверхъ, ставятъ на нее невѣсту съ женихомъ и начинается благословеніе, сначала со стороны невѣсты, а потомъ со стороны жениха, затѣмъ усаживаютъ невѣсту съ женихомъ въ сани. Въ это время жениху поютъ:

1985.

«В' насъ на горочкѣ на пригорочкѣ,
Тамъ стояло два зелененькихъ дубца.
На дубочкахъ два голубчика сидятъ,
Промежъ собой яны рѣчи говорятъ,
Добра молодца не журятъ, не бранятъ.
«Добрый молодецъ Иванушка,
Добрый молодецъ Васильевичъ!
Онъ съ гривенки на гривенку ступалъ,
Бумажками дворъ застилалъ,
Полтинами ворота запиралъ,
По пяти рублей Шашурочкамъ давалъ,
Изъ неволюшки сиротъ вынималъ:
«Вы сиро́ты, вы сироты мои!
Помолитеся вы Богу за меня,
За меня-ли за вдалова молодца,
За Ивана за Васильевича.»

Невѣстѣ:

1986.

«Заходила туча грозная,
Выпадали снѣги бѣлые
На мою ли русу косыньку.»

(продолженія недостаетъ).

1987.

«Прасковьюшка со двора съѣзжала,
Верхъ съ березы сорвала.
«Стой, моя береза безъ верха!
Живи моя матушка безъ меня,
Безъ моей безъ русой косы!
Выплету я уплетъ съ русыхъ косъ,
Повѣшу уплетъ я на приклѣть,
Куда моя матушка въ клѣть ходитъ:
Яна въ клѣть идетъ, заглянетъ,
Изъ клѣти пойдетъ, заплачетъ,
Взглянетъ да и скажетъ:
«Ефто моей дочушки,
Моей милой уплетушки.»

Жениху.

1988.

«У насъ въ огородѣ
Ни хмель, ни росада,—
Пахучая мята
Вся переломата,
Въ пуки повязата,
За тымъ побросата.»

Ему-же:

1989.

«А кто-жъ у насъ холостъ?
А кто-жъ у насъ не жанатъ?»
— Иванушка холостъ,
Васильевичъ не жанатъ.
Онъ хврошо ходитъ,
Матéро ступаетъ,
Сапогъ не ломаетъ,
Чулокъ не мараетъ.
На коня садится,
Подъ нимъ конь бодрится,
Онъ плёточкой машетъ,
Подъ нимъ кони пляшутъ,
Со двора съѣзжаетъ,
Мати провожаетъ:
«Поди, мой хорошій,
Поди, мой пригожій,
Холостъ не жанатый,
Бѣлый, кудреватый.
Къ лугамъ подъѣзжаетъ,—
Луги зеленѣютъ,
Къ рѣкамъ подъѣзжаютъ,—
Рѣки разливаются;
По улицѣ ѣдетъ,—
Вся улица стóгнетъ,
Къ дворамъ подъѣзжаетъ,—
Народъ весь встрѣчаетъ.»

Жениху и невѣстѣ:

1990.

«Иванушка грозенъ, Васильевичъ грозенъ!
Онъ грозенъ, грозенъ не милостивъ.
Онъ въ конюшенку пошелъ,
Ворона коня браталъ, [1])
Ворона коня браталъ,
Онъ засѣдловалъ.
Онъ вдаритъ, не вдаритъ —
Ко тестевому двору.
Онъ грянетъ, не грянетъ,
Въ тестевы ворота,
«Когда спитъ моя Прасковья, —
Не будите её,
А не спитъ моя Прасковья,—
Не пужайте её.
А моя-ли то Прасковья—
Яна вумна, хороша,
По новымъ сѣнямъ прошла,
Золотыми каблучками
Дубову доску ломила,
Яна подружекъ всѣхъ будила:
«Вставайте-ка, сестрички,
Берите-ка ключи,
Отпирайте-ка, подружки,
Дубовые сундуки,
Вынимайте-ка, сестрички,
Вы нѣмецкое сукно,
Вы сошейте-ка, сестрицы,
Мому Ванюшкѣ кофтанъ,
Толькобъ въ пору яму сталъ.»

[1]) вм.: оброталъ.

При выѣздѣ изъ воротъ поютъ:

1991.

«У Мякитѣ во дворѣ
Подымалася война,
У Василья на дворѣ,
Опущалася война.
У Мякитѣ во дворѣ
Стоятъ кони во сѣдлахъ,
Во наборныхъ, во шлеяхъ,
И въ серебряныхъ вуздахъ,
И въ урѣзаныхъ санёхъ.
«А подкуйте-ка, вы слуги,
Воронаго вы коня.
Столяному ножу —
Здѣсь на столикѣ лежать,
Вороному коню —
По дороженькѣ бѣжать,
По дороженькѣ бѣжать,
Къ свѣтъ-Прасковьюшкѣ душѣ.»

Цѣлымъ поѣздомъ ѣдутъ въ церковь; на пути въ каждой деревнѣ имъ загораживаютъ дорогу и они должны поить виномъ каждаго встрѣчнаго.

По окончаніи вѣнца изъ церкви заходятъ или къ дьячку, или въ сторожку, гдѣ причесываютъ волосы молодой: съ одной стороны плететъ косу сваха, съ другой женихъ. Потомъ косы эти обматываютъ вокругъ головы и повязываютъ молодую платкомъ, какъ носятъ женщины. Затѣмъ ѣдутъ во дворъ жениха, гдѣ свекровь встрѣчаетъ ихъ одѣтая въ шубѣ, вывороченной вверхъ шерстью и ей бабы поютъ:

1992.

«Выйди-ка, свекровья горбатая,
Стрѣнь-ка невѣстку богатую!
Выдь-ка, свекровь сопливая,
Стрѣнь-ка невѣстку щастливую!»

Свекровь встрѣчаетъ молодыхъ съ хлѣбомъ-солью, благословляетъ ихъ на порогѣ на вывернутой шерстью вверхъ шубѣ, осыпаетъ хмѣлемъ и сажаетъ подъ образа; около нихъ садятся дружко, сваха и вся родня; начинаютъ пить и поздравлять молодыхъ, а бабы поютъ слѣдующія пѣсни:

1993.

Кто-жъ у насъ лебединъ?
Гдѣ-жъ у насъ лебединъ?
Лебединъ мой лебединъ,
Лебедушка бѣлая!
По новымъ сѣнёмъ прошелъ,
Чеботомъ доску пробилъ,
Соловьюшкомъ просвисталъ,
Красныхъ дѣвушекъ искалъ.
Красныхъ дѣвокъ не нашелъ,
Самъ заплакалъ да пошелъ.
«Прасковьюшка душечка,
На личушкѣ мушечка!
Сыми мушку съ себе,
Посадь мушку на мене,
Чтобъ я лучше былъ табѣ.»

1994.

Коло тыну хожу,
Рамонъ сажу;
Рамонъ сажу,
Приговариваю:
«Рости рамонъ
Съ тыномъ равёнъ!»
— Не быть рамону
Со тыномъ равну, —
Не быть свекру
Что родному батюшкѣ.
Родной батюшка
Рано спать кладетъ;
Рано спать кладетъ,
Поздно возбуживаетъ:
«Вставай, дитятко,
Вставай, милое!
Хата вытоплена,
Сѣни выметены.
Голову чеши буйную,
Плети косыньку,
Плети русую.

1995.

Закачалася заваляласяся
Иванова голова
Подъ Прасковьиными вокошкомъ.
«Ты, Прасковьюшка дружечикъ,
Твой малиновый душечикъ,
Ты открой-ка мнѣ вакошко,
Покажи лице немножко.»
— «Я жъ бы рада показала,
Въ меня мачиха лихая,
По три прутика вязала,
За калитку не пущала.»
— «Прасковьюшка, отопрись,
Желанная, покажись!
Я пришелъ къ табѣ не рано,
Я принесъ табѣ не мало:
Съ молодыхъ ярокъ-поярокъ,
Еще гривенный же пряникъ
На три денежки баранокъ, —
Вотъ табѣ и весь подарокъ.»

1996.

По лугамъ, лугамъ по зеленымъ лугамъ —
Тамъ ходитъ гуляетъ сизоглинистый голубокъ
Ёнъ кличитъ выкликаетъ сизоглинистую галубку:
«Подь-поди сюда, сизоглиниста голубка!
Яжъ табе люблю за полеточку твою.»
— По двору, двору, по широкому двору —
Тамъ ходитъ гуляетъ свѣтъ Иванушка душа,
Кличетъ выкликаетъ свѣтъ Прасковьюшку душу:
«Яжъ табе люблю за походочку твою:
По двору идешь, словно павушка плывешь,
По сѣнямъ идешь, словно маковъ твѣтъ твѣтешъ.»

1997.

Конопелька добрая,
Былинка зеленая, —
Ой-ли лели, лели
Былинка зеленая,
Коровать тесовая
Перина пуховая,
Подушка шелковая,
Одѣянье было теплое,
Oниманье [1]) было крѣпкое
Цѣлованье было сладкое.

1998.

Виноградъ разтвѣтаетъ,
А ягоды поспѣваютъ:
Виноградъ — Иванъ
Виноградъ — Васильевичъ,
А ягода — Прасковьюшка,

[1]) Т. е. обниманье.

Спѣлая—Микитична.
Всѣ люди дивуются,
Что пригоже цѣлуются.
«Не дивитеся люди, не дивитеся,
Вы сами такіе уродитеся.»

Свахѣ.

1999.

Какъ на нашей-то сватьѣ
Да новая шуба,
У правой полѣ шубы
Заморскія пташки,
А въ лѣвой полѣ шубы—
Ясный мѣсяцъ свѣтитъ,
Воспойте, воспойте,
Заморскіе пташки,
Завеселите, завеселите
Сватью во бесѣдѣ.

2000.

Иванъ чванится, своей жёнкой хвалится:
«Моя же-то женочка, моя же боярыня
Ничего не пьетъ, не ѣстъ, ничего не кушаетъ:
Ни вина зеленаго, ни яства сахáрнаго.
Только яна взлюбила у Ивана на ручкѣ спать;
На ручкѣ на правенькой, на сердцѣ на здравенькомъ.
Другъ, моя Прасковьюшка, другъ, моя Микитишна!
Когда спишь, Богъ съ тобой, а не спишь говори со мной:
Про свое житье бытье, про свое богачество.»

2001.

Рюмочка ты серебряная,
Ты Иванушка, свѣтъ Васильевичъ!
Дорогой-ли твой обычай:
Гдѣ ни пьешь ни гуляешь, —
А домой ночевать
На тесову кровать,
На перину пуховую,
На подушку шелковую
Всегда возвращаешься.
— Какъ сказали свѣтъ-Прасковьѣ,
Что Иванъ съ Москвы ѣдетъ, —
За рукавъ шубу схватила,
На порогѣ вздѣла.
На порогѣ шубу вздѣла,
Середь двора стрѣла.
«Ты чаво, Прасковьюшка,
Меня не встрѣчала?»
— «Отъ того не встрѣчала,
Дитю колыхала,
Я дитю-ли колыхала,
Перемѣны ждала.

2002.

Во саду подъ грушею,
Припаду послушаю,
Какъ Иванъ жену училъ:
«Моя-то боярыня,
Прасковья Микитишна,
Ўстаетъ ранешенько,
Мы́ется бѣлешенько,
Прядетъ тонешенько,
Выткетъ частешенько,
Выбѣлитъ бѣлешенько.
Яна сошьетъ рубашечку
Во четыре полотнища.»
— «Рубашка бѣлѣется,
Мой милый милѣется.»

2003.

«Ты поѣдешь, мой милый
На чужу сторону,—
На чужой сторонѣ
Не застáивайся,
На хорошихъ, на пригожихъ
Не заглядывайся.»
Хороша пригожа —
Свѣтъ-Прасковья душа,
За ворота выходила,
Путь указывала,
Черну шляпу выносила,
Пухъ ўстряхивала.

2004.

Черемуха густенькій кустокъ!
На черемухѣ яленькій твѣтокъ,
Далеко твѣтокъ ялѣется,
Ялѣется голубѣется.
Кабы хто-жъ у насъ
На ворóномъ коню,
Хто-жъ у насъ на осѣдланомъ?
— Иванушка на вóрономъ коню,

Иванушка на восѣдланномъ,
Подъѣзжаетъ ко широкому двору,
Уронилъ онъ черпу шляпу съ головы.
«Подыми шляпу, немилая жена!»
— «Мнѣ поднять шляпу не хочется,
Покориться не желается,—
За вчерашнюю за грубость за твою:
Что не ходишъ на постелю ты мою.
Безъ тебя мой другъ, постеля холодна,
Одѣялице заиндѣвѣло,
И подушечки потопули въ слезахъ,
Табе, дружочикъ мой, дожидаючись,
Свою долю проклинаючи:
«Доля моя, долюшка!
Несчастлива я на свѣтъ рождена!»

2005.

Соловьюшка перелеталъ,
Молоденькій перелеталъ
Изъ садика-то садочка
Съ зеленаго вишенья.
Иванушка пріѣзжалъ,
Васильевичъ пріѣзжалъ
Изъ Питера да въ Москву,
Къ высокому терему.
Стуки, грюки во ворота
Серебренымъ кольчикомъ:
«Прасковьюшка отопрись,
Микитишна не сердись!»
— «Я бы рада отворила,
Буенъ вѣтеръ ленты рветъ,
Краснымъ солнцемъ лицо жжетъ.»
Иванушка розсердился,
На добра коня садился
На добра коня садился
Отъ воротъ прочь отъѣзжалъ.
Прасковьюшка услыхала,
Ко новымъ сѣнямъ бѣжала, 2
Новы сѣни растворяла, 2
Громко молодцу кричала,
Громкимъ голосомъ кричала,
Ивану ворочала:
«Иванушка воротись!
Васильевичъ не сердись!»
— «Я бы радъ былъ воротиться,
Добрый конь мой не стоитъ,
Буенъ вѣтеръ шляпу рветъ,
Краснымъ солнцемъ лице жжетъ.»

Во время пира, каждый изъ присутствующихъ, когда подносятъ ему вино, прежде тѣмъ пить, оглядываетъ его и говоритъ: «Что-жъ это у васъ вино такъ сорно, мутно» (молодые въ это время, взявъ за уши другъ друга, цѣлуются) «не крѣпко, горько», (молодые цѣлуются три раза) «ну теперь хорошо.» Каждый это говоритъ и молодые должны поминутно цѣловаться.

Въ избѣ столько пароду, что не только сидѣть, но и стоять тѣсно; не смотря на это весельчаки все таки находитъ довольно мѣста, чтобы поплясать подъ звуки скрипки и гармоніи.

Къ ужину пиръ во всемъ разгарѣ: пѣсни, пляска, музыка, говоръ, хохотъ сливаются въ одно; духота страшная, почти всѣ пьяны; за ужиномъ величаютъ каждаго и всѣ кладутъ деньги пѣвицамъ. Только передъ свѣтомъ гости разъѣзжаются и наконецъ даютъ молодымъ отдыхъ, а въ другой избѣ ужинаютъ «пѣсельницы»— молодыя бабы. Этимъ и кончается свадьба.

Зап. учен. IV-го класса Калужск реальн. училища Ив. Лутонинъ.

XI. Орловской губерніи.

Малоархангельскаго уѣзда, село Каменки.

Дѣвишникъ.

Дѣвишникъ начинается утромъ. Невѣста уже заранѣе выбираетъ изъ своихъ близкихъ родныхъ или любимыхъ подругъ *4 звальщицъ*. Въ утро дѣвишника звальщицы приходятъ къ невѣстѣ и она передаетъ имъ рубаху, которую она сшила для своего жениха. Звальщицы ходятъ по всей деревнѣ и созываютъ всѣхъ подругъ невѣсты. Сами онѣ ѣдутъ къ жениху съ рубашкой, а дѣвушки идутъ къ невѣстѣ. При входѣ ихъ невѣста поетъ (плачетъ):

2006.

«Лебедушки подруженьки,
Подите покрасоватися ко мнѣ!»

Затѣмъ обращаясь къ косѣ, она продолжаетъ:

«Покрасуйся, моя руса коса,
У свово-то кормильца батюшки.
Красовалась-то я, горькая, отгулялася,
Отчесала-то я свою буйную головушку,
Плела-то я свою мелку косу,
Относила въ косѣ ленту алую.»

Ей начинаютъ расплетать косу; она поетъ:

2007.

«Лебедушка моя подруженька!
Какъ-то твои рѣзвы ноженьки
Ко мнѣ, горькія, подступалися?
Какъ-то твои бѣлы рученки
На мою буйную головушку,
Какъ приподнялися,
За мою-то русу косу взялися?
Открасовалася моя руса коса, отгулялася
По улицѣ по широкой
Со лебедушки-подруженькой.» [1])

Затѣмъ она обращается къ отцу:

2008.

«Кормилецъ мой, желанный батюшка!
Знать я вамъ, горькая, надоѣла, надоскучила?
Знать-то я вамъ не слуга была?
Знать-то я вамъ не посолъ была?
Вдругъ-то я вамъ теплымъ гнѣздомъ оттѣснила,
Хлѣбомъ-то я солью васъ обездолила,
Цвѣтнымъ-то платьемъ я васъ обносила.
Знать-то я вамъ была во чистомъ полѣ не работница,
Въ теплымъ-то гнѣздѣ не куковница?»

Обращаясь къ отцу и къ матери, она поетъ:

2009.

«Желанные мои, батюшка и матушка,
Вдругъ-то вы на меня распрогнѣвалисъ:
Заключили-то вы мою буйную головушку,
Запоручили-то вы мою русу косу,
Запечатывали-то ретиво сердце,
За поруки-то за крѣпкія,
За печати-то вѣковѣшныя,
Не дали-то вы мнѣ на рѣзвы ноги поднятися,
Со лебедушки-подружки соровнятися,
Съ умомъ-то съ разумомъ собратися.
Заключили меня, молодехоньку, зеленехоньку.»

Отецъ беретъ образъ и благословляетъ невѣсту; она продолжаетъ:

«Не прошу-то я у тебя ни злата, ни серебра,
Прошу-то я у тебя благословеньица.»

Дѣвки садятся за столъ; невѣста поетъ матери:

2010.

«Желанная моя матушка!
Лебедушекъ-подруженекъ сажай-ка,
Сажай-ка ты ихъ не по выбору,
Не по выбору, не по выгляду,
Чтобы онѣ на меня, на горькую,
Не прогнѣвались.»

Сидя за столомъ, невѣста ничего не ѣстъ. Она поетъ:

2011.

«Родимая моя матушка!
Поди-ка ты ко столу своему дубовому,
Взглянь-ка ты за свой за дубовый столъ,
На мои лебедушки-подруженьки!
Мои-то лебедушки подруженьки
Собраны, соряжены,
Буйныя-то головушки причесаны,
Русы-то косы заплетаны,
Въ косѣ-то у нихъ ленты ввязаны.
Я сижу, горькая, не собрана, не соряжена,
Буйная-то головушка у меня не причесана,
Руса коса растрепана, ленты не ввязаны.»

По окончаніи обѣда она продолжаетъ:

2012.

«Желанный мой батюшка,
Родимая ты матушка!
Спасибо-то вамъ на хлѣбъ, на соли,
Напоили-то вы меня, накормили,
Со лебедушки-подруженьки.
Лебедушки вы мои подруженьки!
Не прогнѣвайтесь на меня, на горькую,
Какова-то хлѣбъ-соль случилася
У мово-то кормильца-батюшки,
Къ этому часу, ко времячку.»

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ косу расплетаютъ въ день свадьбы.

Дѣвушки послѣ обѣда идутъ гулять по [д]еревнѣ, а невѣста со своею семьею садится за [с]толъ и ѣстъ вмѣстѣ съ ними. Приходятъ сродники. Каждый изъ нихъ приноситъ «ковригу» (круглый черный хлѣбъ); на ковригу обыкновенно кладутъ деньги, либо 3 копѣйки, либо пятачекъ, и т. д. Если родня женщина, то вмѣсто денегъ она часто приноситъ невѣстѣ вмѣстѣ съ ковригой «рукава».

Невѣста имъ поетъ:

2013.

«Поди-ка ты ко мнѣ, дорога гостя,
Спасибо тебѣ, моя лебедушка, мила сестра,

или:

Спасибо тебѣ тетушка, (или крестовая матушка)
На хлѣбѣ, на соли
А на томъ тебѣ нѣтъ спасиба:
Не пришла ты къ намъ спозараньица,
Спозараньица въ дороги гости;
Мого батюшку не уговаривала,
Родимую-то матушку не разговаривала:
Заключили-то мою головушку,
Запоручили-то русу косу,
Запечатывали-то ретиво сердце,
За поруки-то за крѣпкія,
За печати-то вѣковѣшныя.
Покрасуйся, руса́ коса!»

Въ такихъ словахъ она благодаритъ всѣхъ сродниковъ. Потомъ они передъ божницей зажигаютъ свѣчу и говоритъ на распѣвъ:

«Желанный ты мой батюшка,
Засвѣчай-ка ты свѣчу воску яраго»!

Сродниковъ сажаютъ за столъ, а дѣвки, возвратившись съ гулянья, берутъ невѣсту и ведутъ ее въ баню, къ сосѣду.

По дорогѣ туда она поетъ:

2014.

«Покрасуйся, моя руса ко́са,
По улицѣ по широкой,
По мураву по зеленому,
Со лебедушки подруженьки.»

Подходя къ дому сосѣда, хотя бы онъ был[ъ] [ч]ей и совсѣмъ чужой, она поетъ:

2015.

«Желанный ты мой дядюшка!
Встрѣчай-ка ты меня, горькую,
Къ себѣ въ дороги гости
Со лебедушки со подруженьки.»

Покуда она въ банѣ, сродники отобѣдают[ъ]. Уже настаетъ вечеръ. Сродники расходятся [п]о домамъ; невѣсту ведутъ домой. Она, прощаясь с[ъ] сосѣдомъ, поетъ:

2016.

«Прощай-ка ты, мой желанный дядюшка,
Не погнѣвайся ты на меня, на горькую,
Что я васъ въ теплымъ-то гнѣздѣ оттѣснила
Со лебедушки-то со подруженьки.»

Въ избѣ невѣсту раскрываютъ (въ проче[е] время она сидитъ закрытая). Дѣвушки поют[ъ] пѣсни, между прочимъ слѣдующую:

2017.

«Рѣка-ли моя рѣченька!
Не тошно-ли тебѣ, рѣченькѣ,
Не тошно-ли тебѣ по лужкамъ текучи,
По кустамъ разливаючи,
Съ бережками разставаючи
Съ синимъ льдомъ разрушаючи?»
«Не тошно-ль тебѣ, Пелагеюшка,
Не тошно ли, за столомъ сидючи,
За столомъ за дубовымъ,
За скатертью за бранною
За явствомъ, за сахарнымъ,
За виномъ, за зеленымъ?»

Вечеромъ, послѣ захода солнца, невѣста поет[ъ]:

2018.

«Сижу-то я день до вечера,
На роботушку-то вы меня не посылаете,
Не посылаете-то вы, не наряжаете,
Безъ меня-то у васъ роботушка приработана.»

Дѣвушки садятся ужинать; невѣста сиди[тъ] одна, поодаль. Послѣ ужина дѣвки ложат[ся]

спать, и невѣста, поужинавъ съ семьей, идетъ также ложиться.

Свадьба.

Утромъ, въ день свадьбы, невѣста должна встать раньше всѣхъ и перебудить спящихъ. Прежде всѣхъ она будитъ отца, плача!

2019.

Желанный мой, кормилецъ батюшка!
Вставай-ка ты по утру, по ранехоньку,
Обувайся-ка ты гладехонько,
Умывайся-ка ты бѣлехонько,
Утирайся-ка ты тонкимъ, бѣлымъ полотномъ,
Молись-ка Богу плавнехонько,
Клади-ка ты поклоны низехоньки,
Жди-ка ты къ себѣ дорогихъ гостей,
Моихъ-то разлучниковъ:
Разлучать-то они меня, горькую,
Со всѣмъ-то родомъ племенемъ,
Со отцомъ и съ матерью.»

Съ тѣми же словами она обращается сначала къ матери, потомъ къ сестрамъ и подругамъ. Потомъ плачетъ къ себѣ:

2020.

«Я-то, горькая, встала-то я ранехоньки,
Умывалася горючьми слезьми
Утиралася своей русой косой.»

Послѣ этого она начинаетъ снаряжаться къ вѣнцу. Надѣваетъ самый лучшій сарафанъ и бѣлую сорочку (въ случаѣ-же, если рубашка цвѣтная, то рукава всетаки должны быть бѣлыми). На шею ей не надѣваютъ ни бусъ, ни лентъ, потому что говорятъ: «къ вѣнцу, словно на смерть собираешься.» Когда невѣста «соберется», дѣвокъ сажаютъ за столъ и всѣ ждутъ жениха.

Наконецъ пріѣзжаетъ женихъ. Самъ онъ остается на улицѣ, а дружка входитъ въ избу и велитъ дѣвкамъ вылѣзать изъ за стола. Дѣвки требуютъ отъ него мыла. Онъ подаетъ имъ 1/2 фунта мыла и бутылку водки. Тогда онѣ просятъ его показать имъ жениха. Дружка вводитъ жениха. Отецъ невѣсты беретъ его за правую руку и соединяетъ съ правой рукой дочери. Невѣста же плачетъ:

2021.

«Желанный ты, кормилецъ батюшка!
Не сажай-ка ты подлѣ меня добра молодца,
Не давай-ка ты ему мою праву руку,
Не ломай-ка ты моихъ золотыхъ перстней
Не пугай-ка ты мого ретива сердца;
Такъ-то оно у меня испугалося,
Безъ огня-то оно загорѣлося,
Безъ полымя-то у меня сотлѣло.»

Потомъ она обращается къ жениху.

2022.

«Ты-то ли, добрый молодецъ!
Не бери-ка ты мою праву руку,
Не ломай-ка ты моихъ золотыхъ перстней,
Не пугай-ка ты мого ретива сердца;
Не твой-то отецъ меня воспоилъ, воскормилъ,
Не твоя-то мать меня возлелѣяла;
Воспоилъ-то, вскормилъ меня кормилецъ батюшка,
Возлелѣяла-то меня родимая матушка.»

Отецъ крестный невѣсты отводитъ дружко въ сторону «продавать косу». Ему даютъ большую кружку съ виномъ, Онъ ее покрываетъ рукой, при чемъ они торгуются. Дружко опускаетъ въ кружку либо 20, либо 30 копѣекъ, смотря по состоянію (эти деньги предназначаются невѣстѣ). Невѣста-же плачетъ, обращаясь къ своему крестному отцу:

2023.

«Желанный ты мой, крестный батюшка!
Не пей-ка ты зелена вина,
Не бери-ка ты золотой казны,
Не пропивай-ка ты мою русý косу.»

Обращаясь къ дружкѣ:

Желанный ты мой дядюшка!
Не бери-ка ты золоту чáру,
Не пущай-ка ты злата серебра.
Не дорога-то мнѣ ваше злато-серебро,
Не дорога-то мнѣ ваша золота гора,
Дорога-то мнѣ своя русá косá.»

Послѣ продажи косы «поѣзжане», т. е. состоящіе при поѣздѣ жениха, садятся за столъ. Невѣста поетъ:

2024.

«Не свѣти-то меня обсѣяли,
Не вѣтры-то меня обвѣяли,
Не морозы-то меня заморозили,—
Обсѣяли-то меня добры люди,
Добры-то люди, незнамые.
Покрасуйся, моя руса коса,
Во злачьей, во красотѣ,
Въ первые и во послѣдніе!»

Обращаясь къ дружкѣ, предлагающій ей въ подарокъ мыло, она продолжаетъ:

«Не дари-ка ты меня, молода дружка со подружкою,
Безъ мыла-то я бѣленехонька,
Безъ румянъ-то я румянехонька.»

Теперь отецъ невѣсты начнетъ всѣхъ поѣзжанъ обпаивать виномъ. Невѣста плачетъ («къ дарамъ»):

2025.

«Желанный ты мой, кормилецъ батюшка!
Носи-ка ты зеленымъ виномъ, не обпаивай,
Меня-то, горькую, не обрашивай (кидай).»

Сноха ея или сестра дарить всѣхъ поѣзжанъ по платку, а свахамъ (свахъ же бываетъ двѣ: одна жениха, другая невѣстина) даритъ «рукава». Невѣста продолжаетъ свой плачъ къ дарамъ:

2026.

«Лебедушка, моя мила сестра!
Дари-ка ты, не обдаривай,
Большаго-то барина съ меньшимъ,
Дружку-то со подружьеми,
Молоду-то сваху со повозникомъ.» [1])

Послѣ краткаго отдыха невѣсты, приносятъ «сальникъ», (т. е. крупяную кашу). Она плачетъ, обращаясь къ сальнику:

2027.

«Желанный ты, мой батюшка!
Ходи-ка ты потихохоньку.
Неси-ка ты зеленымъ виномъ рѣдехонько,
Тяни-ка ты день до вечера.»

Къ матери:

2028.

«Желанная ты моя, родная матушка!
Ходи-ка ты потихоньку.
Становь-ка ты яства рѣдехонько,
Тяни-ка ты день до вечера.
А мнѣ-то, горькой, у васъ покрасоватися,
Не годъ-то мнѣ у васъ годовати,
Не недѣлю-то мнѣ у васъ гостивати,
Одинъ-то мнѣ часъ часовати,
За столомъ-то за дубовымъ
Во первые-то, во послѣдніе.»

Когда поѣзжане отобѣдаютъ, невѣсту начнут благословлять. Благословляютъ обыкновенно отецъ и мать, родные и крестные. Она плачетъ

2029.

«Желанный ты мой, кормилецъ батюшка!
Не прошу-то я у тебя ни злата, ни серебра, —
Прошу-то я у тебя благословеньица,
Къ Божьей церкви ѣхати,
Подъ золотымъ вѣнкомъ стояти,
Законъ-то Божій приняти.»

Съ такими же словами она обращается къ матери, къ отцу крестному и крестной матери. Потомъ обращаясь къ себѣ:

«Отъ золота-то вѣнка голова болитъ,
Отъ перстня-то рука горитъ,
Отъ подножья [1]) ноги ломитъ.»

Къ косѣ:

«Покрасуйся моя руса́ коса́,
У сново-то кормильца батюшки,
У родимой-то матушки,

---

[1]) Повозникъ — это тотъ, который везетъ свахъ.

[1]) Холстины кусокъ въ 2 аршина, на которомъ женихъ и невѣста стоятъ въ церкви.

(когда есть братья)

У милыхъ то братцевъ, ясныхъ соколиковъ!
Открасовалась я, отгулялася,
Отчесала-то я свою буйную головушку,
Отплела-то я свою мелку косу,
Относила-то въ косѣ ленту алую.»

Приготовляются ѣхать въ церковь. Братъ родной надѣваетъ на нее новый дубленый полушубокъ (даже лѣтомъ); ей повязываютъ платокъ назадъ и надѣваютъ «покрывъ», т. е. кусокъ кисеи въ 3 аршина длиною. Его спускаютъ на лицо, а концы сзади скрещиваютъ и оставляютъ распущенными. Она плачетъ къ брату:

2030.

«Голубчикъ ты мой, милый братъ!
Не одѣвай-ка ты меня во цвѣтно платье,
Во цвѣтно платье, во печальное.
Во печальное, во вѣнчальное.»

Ее выводятъ на улицу; а отецъ и мать остаются въ избѣ,—садятся за столъ и имъ подаютъ водку. Выходя на улицу, невѣста поетъ:

2031.

«Первую то ступень ступила,
Изъ батюшкиной-то воли выступила;
Другую-то ступень ступила,
Изъ матушкиной-то нѣги выступила;
Третью-то ступень ступила,
Изъ дѣвичьей-то красоты выступила.»

На улицѣ:

2032.

«Желанная ты моя матушка!
Поглядись-ка ты въ окошечко:
Не яблоня-то стоитъ кудрявая,
Не яблочки-то съ нея катятся,—
А стоитъ-то ваше дитя милое
Горючи-то слезы у ней катятся.»

Ее сажаютъ на повозку съ обѣими свахами. Повозка обыкновенно не убирается цвѣтами и лентами. Просто ставятъ въ нее «будку», куда кладутъ подушку, на которую и сажаютъ невѣсту. Правитъ «повозникъ». Женихъ ѣдетъ отдѣльно, посреди двухъ дружекъ. Лошадью правитъ дружка. Въ это время сродники невѣсты «подымаютъ добро» ея и везутъ его въ домъ жениха, гдѣ ихъ встрѣчаютъ родители жениха и угощаютъ. Когда невѣсту сажаютъ на повозку (а на повозку ее сажаетъ обыкновенно или зять или братъ), она голоситъ:

2033.

«Желанный ты мой дядюшка!
Не сажай-ка ты меня на вороныхъ коней:
Чужи-то кони быстрые—
Увезутъ-то они меня далекохонько,
На чужую-то на сторонушку,
Ко чужому-то отцу съ матерью,
Ко чужому-то роду племени.»

Къ косѣ:

2034.

«Покрасуйся, моя руса коса,
По улицѣ-то по широкой,
Во первые-то во послѣдніе!
Открасовалась-то я, отгулялася,
Отчесала-то свою буйную головушку,
Отплела-то я свою мелку косу,
Относила въ косѣ ленту алую.»

Пріѣзжаютъ въ церковь. Женихъ слѣзаетъ первый, ссаживаетъ невѣсту и ведетъ ее въ церковь. Совершается обрядъ вѣнчанія. Есть примѣта, что если во время вѣнца невѣста ставетъ первая на «подножье», то она будетъ старшая надъ мужемъ; и наоборотъ. По окончаніи обряда ее «оправляютъ въ кокошникъ». Ее повязываютъ платкомъ, надѣваютъ «подзатыльникъ» (нѣчто въ родѣ золотаго платка, который надѣвается на затылокъ, чтобы прикрыть волоса молодой), надѣваютъ на лобъ «поднизокъ» изъ бисера и кокошникъ золотой съ рогами (волосъ совершенно не видно).

Оправляютъ молодую свахи. Затѣмъ везутъ къ жениху. Отецъ и мать жениха встрѣчаютъ молодую съ хлѣбомъ-солью, ее сажаютъ за столъ и раскрываютъ.

Отецъ жениха обноситъ всѣхъ виномъ. При этомъ каждый говоритъ, что вино горько и проситъ его «подсластить». Молодая цѣлуетъ мужа въ глаза, въ уши, въ макушку, и въ душку. Онъ же долженъ цѣловать ее три раза въ уста.

Послѣ обѣда, который длится очень долго и за

которымъ поютъ, свищутъ и пляшутъ, молодыхъ укладываютъ спать.

Записано В. Н. Харузиной въ 1893 г.
Сообщ. Этногр. Отд. И. Об. Л. Е. А. и Э.

Той же губ., Елецкаго уѣзда.

2035.

Какъ за рѣчушкой свободушка стоитъ,
На свободушкѣ молода вдова живетъ.
У вдовиньки дочь хорошая растетъ,
Про нее слава, рѣчь порядочно идетъ,
У нее личико точно бѣленькій снѣжокъ,
Щечки алы—въ саду розовый твѣтокъ,
Брови черны, развеселые глаза,
Рѣчь хороша, разумильны словеса:
«Ужь, ты миленькій, возлюбленный дружокъ!
Ты спиши со личушки потретъ
Намъ не долго жить, бесѣдовать съ тобой.
Пойду, выйду на парадный, на крылецъ,
Погляжу я въ подзорную трубу:
Въ чистомъ полѣ два шатрика стоятъ,
Въ шатрикѣ два разбойничка сидятъ,
Про Дуняшу рѣчь хорошу говорятъ,—
Не велятъ, мнѣ на улицу ходить,
Не приказываютъ мнѣ молодчиковъ любить.
«Ужъ вы, братцы, товарищи мои,
Вы не скоро-ли поѣдете домой?
Вы скажите моей мамыньки поклонъ,
Особенно Сашурынькѣ милой,
Чтобъ не ждали бъ по тепло лѣто домой,
Чтобы ждали по холодную зиму,
Когда рѣчушки закроются ледкомъ.»[1])

2036.

Маленька птичка, маленька,
Садилась на ракиту, садилась,
Хотѣла она, хотѣла она
Ракиту подломати, ракиту подломати.
Не подломила, не подломила,
Къ землѣ приклонила, приклонила.
Умная наша Авдотьюшка,
Разумная Ивановна,—
Хотѣла она, хотѣла она
Батюшку развеселити,—
Не развеселила она,
Лишь больше огорчила.
Дѣвочки идутъ, вѣночки вьютъ,
Тебя поджидаютъ.
—«Хуть жди, не жди.
Я къ вамъ вѣкъ не буду.
Буду-ль я, не буду—къ милому другу,
Къ Ивану Петровичю.»

[1]) Эта пѣсня собственно изъ разряда любовныхъ, но вездѣ на свадьбахъ, въ промежуткахъ времени, свободныхъ отъ обрядностей, дѣвки поютъ и такія другія подобныя. Ш.

2037.

Вы саду было, вы садику,
Вы зеленомъ виноградику,
Здѣсь катались два яблочка,
Два яблочка, два садовыя,
Садовыя, медовыя.
Врозь по берегу каталися,
Словно сахаръ разсыпалися:
Что и первое яблочко —
Иванъ Петровичъ,
А второе что и яблочко —
Авдотья Ивановна.

2038.

Какъ изъ улицы метелица мететъ,
Изъ широкой перепархиваетъ.
За метелицей Иванъ сударь идетъ,
За собою ворона коня ведетъ,
За тѣ поводы, за шелковые,
За тѣ удила серебренные.
Оборвались шелковые повода,
Распаялись серебрены удила,
Иванъ-сударь упущалъ свово коня,
Петровичъ свово воронова.
Авдотьюшка у вереюшки стоитъ,
Ивановна у тесовыхъ, у воротъ.
«Авдотьюшка, перейми мово коня,
Ивановна, перейми воронова!»
—«Похочю я, Иванъ сударь, перейму,
Не похочю—прочь пойду,
За твои-ль, другъ противныя слова,
Часто ходишь мимо мово двора,
Ты не зайдешь, не провѣдаешь меня.
Ты ходи, другъ, почаще,
Носи пранички послаще,
Носи пранички жамочки,
Носи орѣшки каленные!»

2039.

Передъ нашими широками воротами,
Разливалось синее море,
Люли, люли, разливалось,

(Припѣвъ: «люли, люли» поется послѣ каждой строчки съ прибавленіемъ послѣдняго слова стиха).

Рыбица бѣла разыгралась.
Какъ по бережку охотнички ходили,
Охотнички бѣлый рыбицы говорили:
«Берегись, бѣлая рыбица, берегися,
Хотять тебя, бѣлу рыбицу, поймати,
Въ шелковые невода посадити,
На двѣнадцать частей разрубити,
На двѣнадцать столовъ становити,
И двѣнадцать молодцовъ будуть кушать.
Промежъ себя рѣчь говорили:
Къ Авдотьюшки подруженьки приходили,
Авдотьюшкѣ подруженьки говорили:
«А хотятъ тебя, Авдотьюшку сговорити,
Хотятъ тебя, Ивановна, замужъ отдати,
За такова-ль, за дѣтину, за Ивана,
За его-ль честь фамилію Петровича.»
—«Я сама-ль, подруженька, догадалась,
Я изъ горницы въ горницу металась,
Я холодной водой умывалась,
Тонкимъ бѣлымъ полотенцемъ утиралась.

2040.

При дѣвичью было вечеру,
При Авдотьюшкиномъ дѣвичнику,
При Ивановнѣ печальюшкѣ,
Пролеталъ младъ ясменъ соколъ,
Онъ садился на высокъ теремъ
И спущалъ ножку на подножку,
На золотую пригалиньку.
Пригалинька обломилася,
Ясменъ соколъ встрепенулся,
Онъ же правымъ крылушкомъ, перушкомъ,
Правымъ крылушкомъ рябымъ
Ни по атласу, ни бархату,—
По Авдотьину лицу бѣлому,
По Ивановному румяному.
Никто этого не увидѣлъ, не усмотрѣлъ,
Усмотрѣли родной батюшка, родна матушка.
«Ты, дитё-ль мое милое,
Приголубь яснаго сокола къ себѣ!
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца заѣзжаго.»
—«Государь, ты, мой родной батюшка,
Государыня, ты, моя родная матушка,
Мое сердце не воротится къ нему,
Мои очи и смотрѣть не хотятъ.
Ужъ и есть не ясменъ соколъ,
Ужъ и есть мой разлучничикъ,—
Разлучить меня съ отцомъ, съ матерью,
Съ отцомъ, съ матерью, съ родомъ-племенемъ
И съ любезными подружками.

2041.

Въ темныхъ лѣсахъ кукушечка куковала,
Въ теремѣ Авдотьюшка плакала,
Въ высокомъ Ивановна рыдала,
Слезно свово батюшку просила:
«Ни отдавай, мой батюшка, отъ себя,
Остается зеленой садъ у тебя,
Въ томъ саду три цвѣтика разцвѣли:
Алый цвѣтъ и лазоревый, голубой.
А станешь-ли, мой батюшка, цвѣтики поливать?
Цвѣтики поливать утренней, вечернею порою? 2
Свѣжею ключевою водою?»
—«Стану я, мое дитятко, твои цвѣтики поливать,
Утренней, вечерней зарею —
Своею горючею слезою.

2042.

А у терема, терема,
У высокова нова
Золотые были выходы,
А ступенцы серебрены.
Какъ по этимъ ступенцамъ,
Здѣсь ходила, выгуливала,
Молодая здѣсь барыня.
Она будила, пробуживала
Свою дитятку милую,
Свою дочку любезную:
«Ужъ ты встань, проснись, дитятко!
Пробудись, мое милое!
Отдаю тебя, дитятко,
Отдаю тебя, милое,
Ужъ я съ рукъ тебя на руки, —
Ко Ивану-то на вѣки,
Отдаю и приказываю:
«Ужь, зять, ты, мой зятюшка,
Ты, родимой мой батюшка,
Ужь ты нѣжь мою дитятко,
Ты лелѣй мою милую,
Какъ и я ее нѣжила,
Какъ и я ее лелѣяла,
Я отъ вѣтру вы горницу,
А отъ дождю во свѣтлицу,
А отъ солнца во зеленый садъ.»
Изъ зеленаго садика,
Здѣсь лежала дороженька,
Далекимъ далекошенько.
Какъ по этой по дороженькѣ
Дочь отъ матери ѣхала,
Дочь по матери плакала,
Съ соловьемъ думу думала:
«Соловей мой, соловьюшекъ,

Соловей вольна пташечка!
Полети-же ты къ матушкѣ,
Утѣшай-же ты матушку.
Чтобъ она по мнѣ не плакала.

Сообщ. г-жею Великолѣповой, мѣстною уроженкой.

Той же губерніи, Орловскаго уѣзда.

Когда женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ на *лады*. Лады состоятъ въ томъ, что женихъ пріѣзжаетъ со свахами для рѣшенія своего сватовства.

Подъѣзжая къ воротамъ, свахи жениха поютъ:

2043.

У тестевыхъ воротъ
Все горы крутые,
Морозы лютые.
Хоть дорого взять,
Казаковъ нанять,
Горы ускопать —
У тестя побывать,
Апросинью увидать.
У тестя по двору
Дѣвки танки водять,—
Ў кругу Апросиньюшка
Ў рукахъ шерстиночка,
А на щекѣ слезиночка.
«Не плачь, Апросиньюшка,
Не плачь, Антоновна!
У насъ па дворѣ колодецъ,
На волахъ воду возятъ.»
— «Не обманывай, Иванушка,
Не обманывай, Егоровичъ!
У васъ на дворѣ скотинушка,
У васъ подъ горой колодецъ,
На плечахъ воду носять.»

2044.

Вьюнъ на водѣ увивается
Зять у воротъ убивается:
«Тесть мой тесть
Тесть ты мой ласковый,
Тесть привѣтливый,
Дай мой даръ, дай мой суженый,
Дай мой ряженный!»
Вывелъ тесть коня въ сѣдлѣ.
«Это не мой даръ, это не мой суженый,
Не мой ряженный.»
— Вьюнъ на водѣ увивается
Зять у воротъ убивается:
«Теща моя теща ласковая;
Теща привѣтливая!
Дай мой даръ, дай мой суженый,
Дай мой ряженный!»
Вынесла теща сундукъ съ добромъ.
«Это не мой даръ, не мой суженый,
Не мой ряженный.»
— Вьюнъ на водѣ увивается
Зять у воротъ убивается:
«Тесть мой, тесть,
Тесть мой ласковый,
Тесть привѣтливый,
Дай мой даръ, дай мой суженый,
Дай мой ряженный!»
Вывелъ тесть Аксинью.
«Вотъ мой даръ, вотъ мой суженый,
Вотъ мой ряженный.»

Подружки невѣсты поютъ за воротами на дворѣ.

2045.

Не было вѣтру понавѣяло,
Не было гостей понаѣхало,
Все нежданные, незнакомые,
Поломали сѣни новые, съ переборами,
Выпужнали, выпужнали соловья изъ саду.
Тутъ Аксиньюшка встужилася:
«Кто же у меня теперь соловей ў саду?
Кто жъ меня теперь будить будетъ?»
Отвѣчаетъ ей Иванушка:
«Я теперь соловей ў саду
Я тебя рано ўзбужу.

Ворота отворяются и подружки невѣсты поютъ

2046.

«Не уздальца колечушки звякнули,
Все жъ-таки Апрасиньюшка за тобой,
Все жъ-таки, Антоновна, для тебя.»
«Постойте, князья, бояре, на дворѣ!
А я пойду, своему батюшкѣ доложу,
Кунью шубу доношу.»

Свахи жениховы продолжаютъ:

Апросинья Антоновна
У тебя есть меньшая сестрица,
Она пойдетъ—батюшкѣ доложитъ,
Кунью шубу доноситъ.
— «Не уздальца колечюшки звякнули,

Все жъ-таки, Апрасиньюшка, за тобой,
Все жъ-таки, Антоновна, для тебя.»
—«Постойте же, князья, бояре на дворѣ,
Я пойду своей матушкѣ доложу,
Цвѣтныя платья донощу!»
— «Апросинья Антоновна,
У тебя есть твоя меньшая сестрица,
Она твоей матушкѣ доложить,
Цвѣтныя платья доносить.»

Вводятъ въ домъ жениха, садятся рядомъ съ невѣстой и всѣ вмѣстѣ поютъ.

2047.

У голубя голубушка подъ крыломъ,
У сизаго, косатушка подъ правомъ,
У Иванушки Апросиньюшка подъ бочкомъ,
У Егоровича Апросиньюшка подъ правомъ.

Дѣвушки величаютъ невѣсту.

2048.

Какъ на морѣ, тонка жердочка лежала,
На жердочкѣ, Апросиньюшка стояла,
Бѣлешеньки рубашечки мывала.
По бережку Иванушка гуляетъ,
За утками, лебедками стрѣляетъ.
Что не разъ стрѣльнетъ,
Лебедушку ушибетъ.
Все жъ таки на Апрасиньюшку взглянетъ:
«Я мѣтилъ, что лебедушка бѣлая,—
Ажноль, Апросиньюшка честная.
Она тѣмъ честна, она тѣмъ хвальна,—косою.
А ў косушки ў русенькой косничекъ, —
Подвернулся Иванушка подъ бочекъ,
Вывязывалъ шелковый косничекъ,
Уплетывалъ шелковую плеточку,
Что бъ было чѣмъ коня подогнать,
Что бъ было чѣмъ Апросиньюшку ўзбудить.
«Вставай; Апросиньюшка раненько,
Чеши, чеши, головушку гладенько!
Ўвоскресный день Апросиньюшка родилась,
Ў золото, ў серебро увилась,
А мнѣ, молодцу Иванушкѣ, досталась.»

Всю ночь они поютъ; утромъ когда дѣвушки чешутъ невѣсту къ вѣнцу, то поютъ.

2049.

Зимой, лѣтомъ сосенушка зелена,
Зеленешенька ў сыру бору стояла.
Ў пятницу Апросиньюшка весела,
Ў суботу русу косушку чесала,
Въ воскресный день къ вѣнцу шла,—плакала:
«Не жалостливъ, не милостивъ сударь батюшка до меня,
Отдаетъ молодешеньку отъ себя,
Остается мой зеленый садъ увесь тебѣ.
Ў садику три цвѣтика разцвѣли,
Мой аленькій, мой бѣленькій,
Лазоревый василекъ.
«Вставай, вставай, мой батюшка, раненько,
Поливай, поливай мои цвѣтики частенько,
И утренними и вечерними зарями,
А послѣ того горючими слезами.»
—«Буду, буду мое дидятко вставать,
Твои цвѣтики поливать,
И утренними и вечерними зарями,
А послѣ того горючими слезами.»

Затѣмъ братъ невѣсты продаетъ ея косу дружку жениха.

Дружекъ: «Ты что, молодецъ, сидишь?»
Братъ ея: —«Я купецъ, русой косы продавецъ.»
Дружекъ: «Сколько-же тѣбѣ за косу?»
Братъ: —«Ступу денегъ, рѣшето вина.»

Дружекъ наливаетъ стаканъ вина и кладетъ туда деньги. Братъ выпиваетъ, беретъ деньги и уступаетъ мѣсто жениху.

На ладахъ и на вечеринкѣ дѣвушки еще поютъ слѣдующія пѣсни:

2050.

Съ горъ, горы мятелица заметаетъ,
Съ другой горы дружинушка съѣзжаетъ,
Онъ шапку снялъ, коня держалъ да слушалъ,
Онъ мѣтилъ, что Апросиньюшка играетъ, —
Ажно это ранняя-ль сваха голоситъ.
«Голоси, голоси ранняя сваха,
До утренней до поры,
До вечерней до зари.»
Съ горъ, горы мятелица заметаетъ
Съ другой горы дружинушка съѣзжаетъ,
Онъ шапку снялъ, коня держалъ да слушаетъ
Онъ мѣтилъ, что ранняя сваха играетъ;—
Ажно-ль Апросиньюшка голоситъ.
«Голоси, голоси Апросиньюшка
До утренней до поры,
До вечерней до зари.»

2051.

На долинушкѣ бѣлый ленъ вѣтеръ повѣваетъ,—
Что-жъ наша Афросиньюшка унываетъ?»
Или наша Апросиньюшка свекру не по обычаю?
—«Дѣвушки, голубушки! аль вы не угадали,
Неправду вы сказали, менѣ [1]) свекръ,
Менѣ свекръ, что родимый батюшка.»
— На долинѣ бѣлый ленъ вѣтеръ повѣваетъ,
Что-жъ наша Апросиньюшка дюже унываетъ?
Или наша Апросиньюшка свекрови не по обычаю?»
— «Дѣвушки, голубушки, аль вы не угадали?
Неправду вы сказали, менѣ свекровь
Менѣ свекровь, что родимая матушка.»
— На долинушкѣ бѣлый ленъ вѣтеръ повѣваетъ,
Что-жъ наша Апросиньюшка дюже унываетъ?
Или нашей Апросиньюшки Иванъ не по обычаю?»
— «Дѣвушки, вы голубушки, аль вы не угадали?
Неправду вы, неправду вы сказали:
Менѣ Иванъ, мене Антоновичь, что родной братецъ.»

2052.

«Что гоголь мой, гоголечекъ?
Былъ ли, ты гоголь мой, на морѣ?
Видѣлъ-ли ты, гоголь, гоголку?»
—«Былъ я на морѣ, видѣлъ гоголку,
Видѣлъ гоголку, золотую головку.
Только на море взлетаю,
А она съ току на токъ перелетала;
За ней четки въ три ряда,
Галки въ четыре ряда.»
— «Былъ-ли ты, Иванъ, у тестя?
Видѣлъ-ли ты Апросинью?»
— «Только я на дворъ взъѣзжаю,
А она съ терема ў теремъ переходила;
За ней дѣвушки, въ три ряда,
А молодушки ў четыре ряда.»

2053.

Свѣтелъ мѣсяцъ дороженьку освѣтилъ,
Буенъ вѣтеръ, воротушки растворилъ.
Иванушка у Апросиньюшки успросилъ:
«Апросиньюшка Антоновна, милая!
Кто тебѣ изъ двухъ, изъ трехъ милѣй?»
— «Мила-то мнѣ милешенька матушка.»
«Неправду ты, Апросиньюшка, говоришь,
Неправду ты, Антоновна, сказываешь.»
— Свѣтелъ мѣсяцъ, дороженьку освѣтилъ,
Буенъ вѣтеръ, воротушки растворилъ,
Иванушка у Апросиньюшки успросилъ:
«Апросиньюшка, Антоновна милая!
Кто тебѣ изъ двухъ, изъ трехъ милѣй?»

[1]) Т. е. мнѣ.

— «Милъ-то мнѣ милешенекъ батюшка.»
«Неправду ты, Апросиньюшка, молвишь,
Неправду ты, Антоновна, говоришь.»
—Свѣтелъ мѣсяцъ, дороженьку освѣтилъ,
Буенъ вѣтеръ, воротушки растворилъ.
Иванушка у Апросиньюшки успросилъ:
«Апросиньюшка, Антоновна милая!
Кто тебѣ изъ двухъ, изъ трехъ милѣй?»
— «Милъ ты мнѣ милешенекъ, Иванушка.»
«Правду ты, Апросиньюшка, молвишь,
Правду ты, Антоновна, говоришь.»

Когда женихъ уѣзжаетъ съ вечеринки, то его свахи поютъ:

2054.

«Бѣлыя лебедки! гдѣ-жъ вы бывали?
Что-жъ вы видали?»
— «Мы были, побывали
На синемъ на морѣ.»
«Что-жъ вы увидали?»
— «Мы видѣли, увидали
Бѣлую лебедку.»
«Чего-жъ вы не взяли?»
— «Хотя мы не взяли,
Мы знакъ положили,
Сытой, водой ключевой напоили.»
— «Молодые вы свахи
Гдѣ-жъ вы бывали?
Что-жъ вы видали?»
«Мы видѣли, видали
Умную Апросинью»
«Чего-жъ вы не взяли?»
— «Хотя мы не взяли,
Мы знакъ положили,
Виномъ напоили.»

2055.

Пойду я вдоль по улицѣ,
Черезъ три двора минуючи,
Третій послушаю,
Что люди говорятъ:
Они судятъ-то, рядятъ,
Про Апросиньинаго батюшку:
«Онъ пойца, пропойца,
Пропилъ свою дочку
На сладкомъ медочку;
Пропилъ свою чáду
За винную чáру.
Винная чара
Весь міръ припоила

А умная Апрасинья
Весь поѣздъ придарила.

На вечеринкѣ продаютъ косу невѣстину дружку жениха, который торгуетъ ее у брата невѣсты.

Въ день свадьбы, когда женихъ ѣдетъ за невѣстой, у нея дѣвушки поютъ.

2056.

Долга темна осенняя ночушка —
Прождалась соловьина матушка:
«Что-жъ такогожъ соловьюшки долго нѣтъ!
Или ему случилось мимо сада летѣть,
И его черныя галки сманули,
У зеленый садъ водили?
Иль они его пшеницой кормили?
Иль они ключевой, святой водицей поили?
Иль они его черной галкой дарили?»
— Долга темна осенняя ночушка, —
Прождалась Иванина матушка:
«Что-жъ такого-жъ Иванушки долго нѣтъ!
Иль случилось ему мимо терема ѣхать,
Иль его красны дѣвушки сманули?
Иль они его у высокъ теремъ водили?
Иль они его виномъ, чаемъ поили?
Иль они его бѣлымъ хлѣбомъ кормили?
Иль они его Апросиньешкой дарили?»

2057.

«Милый другъ мой, Иванъ,
Моя надежа, пробудись!»
— «Я скажу-ль тебѣ, дѣвица,
Диво дивно дивованье:
Оторвался конь вороный
Отъ мого столба точенаго,
Отъ серебряна колечка,
Отъ золочена другаго.
Не тужи, моя умница,
Дорогая ты разумница!
Поживемъ мы годокъ,
Поживемъ мы другой
Наживемъ мы садокъ,
Наживемъ мы зеленый
Со калиной, со малиной,
— Черну ягоду смородину.»
Она рано поломана,
Во пучечки связана,
При дорожкѣ положена.

2058.

Ты заря-ль моя зорюшка,
Зорюшка вечерняя,
Солнышко ўсхожее!
Высоко усходило,
Далеко освѣтило —
Черезъ лѣсъ, черезъ море,
Черезъ синее поле.
На томъ синемъ морѣ,
Лежала дѣсточка.
Какъ по той по досточкѣ,
Никто не хаживалъ
Никого не важивалъ.
Перешелъ переѣхалъ
Валерьянъ молодой,
Красавецъ удалой,
Съ собою перевелъ,
Боярыню молодую
Дарью Ивановну.
Онъ взялъ ее за ручку,
Перевелъ на свою сторону,
На свою сторонушку, —
Цѣлуетъ и милуетъ,
Милымъ другомъ называетъ:
«Милый другъ ты мой, Дарьюшка!
Ты меня состарила,
Безъ ума поставила
Тихими походами,
Низкими поклонами.
На улицу не ходи,
Худой славы не клади;
У меня молодца,
Подворье широкое,
Горница тесовая,
Коровать еловая,
Перина пуховая,
Изголовье высокое,
Одѣяло шитое,
Башмачки сбитые.»

2059.

Заря, моя зорюшка,
Заря моя бѣлая,
Солнце ясное, —
Дѣвица красная!
Дарья слезно плакала.
Слезы катятся.
Играть не велятъ,
Играть хочется,
Все мнѣ претятъ;
Все заказываютъ,

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
И [illegible] кудрей [illegible].
Не [illegible], [illegible] ко [illegible],
Не другому [illegible] ко [illegible],
А ко третьему [illegible],
Купцы ѣхали, ѣхали,
Иванушку [illegible]:
«Продай кудри черные.»
«Мои кудри не продажны,
Моимъ кудрямъ есть участница, —
Авдотьюшка полюбовница.»

На вечеринкѣ когда жениха ждутъ.

2060.

Не разливайся мой тихій Донъ,
Не заливай зеленые луга!
На тѣхъ лугахъ лежитъ бѣлый олень,
Бѣлый олень, золотые рога.
Мимо проходилъ Иванушка,
Взялъ плетку, стебнулъ оленя.
«Не стибай меня, добрый молодецъ!
Я тебѣ впередъ гожусь:
Будешь жениться, на свадьбу приду,
На дворъ взойду, весь дворъ освѣщу,
Въ горницу взойду, гостей развеселю,
Больше всѣхъ Авдотьюшку.»

2061.

Какъ при вечерѣ, вечерѣ,
При Ульяниномъ дѣвишникѣ,
Ульянушка спать легла,
Нехорошій сонъ увидѣла:
Со крутой горы ручей точетъ
Съ тепла гнѣзда соколъ летитъ,
Онъ садился на окошко,
На серебряну причаленку.
А причаленка отломилась,
Младъ соколъ встрепещался.
Какъ увидѣла, усмотрѣла,
Ульянушкина матушка:
«Ты дитё ль мое, дидятко,
[illegible]
[illegible]
[illegible]
— «[illegible] матушка,
[illegible] —
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Съ плечъ головушка скатилась.»

По пріѣздѣ жениха дѣвушки сажаютъ невѣсту за столъ, рядомъ съ женихомъ и поютъ:

2062.

Авдотьины сборы, сборы!
Собирала дѣвокъ на сговоры,
Сажала красныхъ за свой столъ,
Сама садилась выше всѣхъ,
Голову клонила ниже всѣхъ,
Думала думу крѣпче всѣхъ:
«Сестрицы мои, подруженьки!
Придумайте мнѣ, пригадайте:
Ужъ какъ-то мнѣ быть,
Въ чужихъ людяхъ мнѣ жить?
Какъ мнѣ люта свёкра назвать?»
— «Сестрица наша, Авдотья,
Убавь ты спеси, гордости,
Прибавь ты ума-разума!
Назови ты свекра батюшкой,
Свекровь люту матушкой,
Иванушку назови Михайловичемъ.

2063.

На улицѣ крикунъ кричитъ,
Крикунъ кричитъ,—боярскій сынъ,
Всѣ дѣвушки на улицѣ,
Одной нѣту, Александрушки,
Сидитъ она во теремѣ,
Работаетъ работушку,
Платочекъ шьетъ—весь золотомъ,
Плеть плететъ шелковую,
Узду нижетъ жемчужную.
Мимо шелъ Иванушка:
«Богъ помочь тебѣ, Александрушка,
Платочекъ шьешь мнѣ въ карманъ,
Плеть плетешь мнѣ въ руки,
Узду плетешь моему коню.»

2064.

Яблоня моя садовая, кора золотая,
Мимо шла Варварушка, кору колупала,
Кору колупала, золото снимала.
Тѣмъ золотомъ коверъ вышивала,
Тѣмъ ковромъ коня одѣвала,
Тѣмъ конемъ свекра дарила:
«Прими, батюшка, не гребуй[1]) мною,
А я тобой, твоей буйной головою.
— Яблоня моя яблоня садовая, кора золотая,
Шла Варварушка мимо, кору колупала,
Кору колупала, золото снимала,
Тѣмъ золотомъ чупичникъ вышивала,
Тѣмъ чупичникомъ свекровь дарила:
Прими матушка, не гребуй мною,
А я тобой, твоей буйной головою.»
— Яблоня моя садовая, кора золотая,
Шла мимо Варварушка, кору колупала,
Кору колупала, золото снимала.
Тѣмъ золотомъ жилетъ вышивала,
Тѣмъ жилетомъ жениха дарила.

2065.

Воскукнула кукушка въ лѣсу,
Восплакнула Александра за столомъ:
«Не жалостливъ сударь батюшка до меня,
Отдаетъ меня замужъ далеко,
Остается мой зеленый садъ тебѣ.
Вставай, мой батюшка, раненько,
Поливай мои цвѣтики частенько,
Утреннею, вечернею зарею.»
— «Буду буду, мое дитятко, вставать,
Рано цвѣтики поливать,
Утренними, вечерними зарями,
Послѣ того горючими слезами.

2066.

Летѣли голуби черезъ теремъ,
Ударили крыльями о теремъ,
Сказали Аннушкѣ добру вѣсть,
Что у Степанушки въ домѣ есть:
Есть у Степанушки воронъ конь.
Собрался Степанушка въ дорогу:
«Пожалуй, батюшка, подмогу,—
Сорокъ коней на перевозъ,
Четыре каретушки золотыхъ.
Въ первую карету самъ сяду,
Въ другую Анну посажу,
Въ третью карету свашеньку
Въ четвертую карету матушку.
— «Вотъ тебѣ, дитятко, подмога,
Сорокъ коней на перевозъ,
Четыре кареты золотыхъ,
Двѣ свахи молодыхъ.»

2067.

Хожу, гуляю,
Купину копаю,
Набѣлимся, нарумянимся,
Сядемъ подъ окошко;
Люди скажутъ:
«Хорошъ дружко,
А сваха лучше,
Щеками поалѣй,
Бровями почернѣй.»
Хожу я гуляю,
Купину копаю,
Набѣлимся, нарумянимся,
Сядемъ подъ окошко,
Люди скажутъ:
«Хорошъ Стефанушка,
Лучше же Аннушка,
Щеками поалѣй,
Бровями почернѣй.»

2068.

Летитъ, летитъ,
Черная галка низенько,
Оглянулась, оглянулась,—
Ясный соколъ близенько:
«Отвернись, отвернись,
Ясный соколъ отъ меня!
Ищи, ищи ты,
Такой галки, что меня,—
Галушку черную, одноперую.»
Бѣжитъ, бѣжитъ,
Александрушка рѣзвенько,
Оглянулась, оглянулась,—
Иванушка близенько.
«Отвернись, отвернись,
Иванушка, отъ меня!
Ищи, ищи ты
Такову дѣвку, что меня,—
Бѣлую, румяную,
Александру Семеновну.»
— «Ужъ я сколько-сколько,
Сѣлъ, городовъ проѣзжалъ,
Такой дѣвки не встрѣчалъ.»

[1]) Не гнушайся, не брезгай.

2069.

Журилась га̀лушка въ саду:
«Кто у меня въ саду побывалъ?
Кто мои вишни поклевалъ?
Кто мою галку ощипалъ?»
Пролеталъ ясный соколъ:
«Не журись, га̀лушка!
Я у тебя въ саду бывалъ,
Твои вишни поклевалъ,
Твою га̀лушку ощипалъ.»
—Журилась, Аннина матушка, въ теремѣ,
«Кто у меня въ теремѣ бывалъ?
Кто мои столики поломалъ?
Кто мою Аннушку цѣловалъ?»
Приходилъ Иванушка:
«Не журись, Аннина матушка!
Я у тебя въ теремѣ бывалъ,
Я твои столики поломалъ,
Я твою Аннушку цѣловалъ.»

2070.

Просилась га̀лушка у ясна сокола,
На волю полетать,
Въ галочьемъ стадѣ побывать.
— «Пустить тебя галушка, —
Ты не будешь,
Меня, ясна сокола, забудешь.»
— «Не буду, соколушка, не буду!
Тебя, ясный соколъ, не забуду?
Отошедши галушка смѣялась:
«Не соколья у тебя ухватушка,
Не соколья, а воронья,
Не съумѣлъ ты черну галку удержать,
Крылья, перья ощипать.»

Попросилась Аннушка у Степанушки,
На улицѣ погулять,
Въ дѣвичьемъ хороводѣ побывать:
«Тебя, Аннушка, пустить,
Ты не будешь, ты не будешь,
Про меня, добра молодца, забудешь.»
— «Стефанушка! не буду, не буду,
Тебя, добра молодца, не забуду.»
Отошедши, Анна насмѣялась:
— «Не молодецка у Степанушки ухватка,
Не молодецка, а ребячья.
Не съумѣлъ красной дѣвки удержать,
Кольца серьги посымать.»

2071.

Хвалилась калина,
За рѣчкою стоя:
«Никто меня не срубитъ,
Безъ стуку, безъ грюку,
Булатнаго ножа.»
Хвалился поручикъ,
Молодой дружинушка:
«Ужъ я те срублю,
Безъ стуку безъ грюку,
Булатнаго ножу.»
Хвалилась Александра,
У батюшки сидя:
«Никто меня не возьмѐтъ.
Безъ пива, безъ меда,
Безъ зелена̀ вина.»
Хвалился Иванушка:
«Ужъ я тебя вòзьму,
Безъ пива, безъ меду
Безъ зелена вина.»

Зап. Е. А. Цуриковой.

XII. Курской губерніи.

Тимскаго уѣзда.

Поютъ на сговорѣ.

2072.

Я не думала, не вѣдала,
Ко мнѣ сваха пріѣхала.
Она не нашего города,
Не по нашему убрана.
Она ходя тихохонька,
Кланяется низехонька.
Она хваля свою сторону:
«Какъ наша сторонушка
Она 'зюмомъ усажена,
Виноградомъ обгорожена,
Сытою поливана,

А тавтою покрывана».
— «Отойди прочь, обманшница,
Отойди прочь, подговоришница!
Ужъ я знаю чужу сторону!
Ужъ ваша сторонушка,
Она горямъ усажена,
Печалью обгорожена,
Тоскою покрывана,
А слезами поливана.»

Величают женатых во время шитья приданаго.

2073.

Да по рѣчушки селезенюшка
Заплывалъ, 3
У глазушки утенушки
Заглядалъ: 3
«Да что моя утепушка
Хороша 3
Да чиго моя, ой, сѣрая
Пригожа!» 3
— «Ой дли тебе, селизенюшка,
Хороша, 3
Ой, дли тебе, касатенькей,
Пригожа.» 3
Да по сѣнюшкамъ Иванушка
Заходилъ, 3
У глазушки, ой Аннушкя,
Заглядалъ: 3
Да съ чиво моя, ой Аннушкя,
Хороша? 3
Да съ чиво моя Ивановна
Пригожа?» 3
— «Да дли тебе, ой, Иванушка
Хороша 3
Ой, съ дли тебе, Васильевичъ
Пригожа. 3

Дер. Борзенково, отъ Натальи Бѣлкиной.

Поютъ въ дѣвишникъ.

2074.

Какъ при вечерѣ, вечерѣ,
Охъ, при Марьиномъ дѣвичничкѣ,
Прилеталъ тамъ ясменъ соколъ,
Онъ садился на окошечко,
На серебряну рѣшоточку,
На позлайщенную причалинку.
Рѣшеточка сподломилася
Ясменъ соколъ стрепенулся, полетѣлъ.
Охъ какъ и Марьина матушка
По новымъ сѣнямъ похаживала,
Яснаго сокола прибаивала:
«Охъ, ты, дитя, мое дитятко,
Ты, дитя мое милое!
Ты сойди съ высокаго терема,
Ты прими яснаго сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго,
Ивана свѣтъ Ивановича.»
— «Охъ, родимая матушка,
Рада бы сошла съ терема, —
Рѣзвыи ножки сподломилися,
Бѣлаи ручки спустилися.
Буйная головка съ плечъ свалилася,
Яснаи очушки совсѣмъ не глядять.

Дер. Борзенково, отъ Марьи Валадовой.

На дѣвичникѣ, когда дѣлают каравай.

2075.

Валю, валю каравай
Сы правой рукп на лѣвой!
Изъ недѣли ў недѣлю годинкя,
Собиралася Авдотьина родинкя,
Привозила три пуда пшеницы на каравай, —
Хвалю Бога! пошеничный мой каравай.
Валю, валю каравай
Сы правой руки на лѣвой!
Изъ недѣли ў недѣлю годинка,
Собиралася Авдотьина родинькя,
Привозила три пуда соли на каравай, —
Хвалю Бога! соленай мой каравай.
Валю, валю каравай
Сы правой руки на лѣвой!
Изъ недѣли ў недѣлю годинка
Собиралася Авдотьина родинкя
Привозила три пуда яицъ на каравай.
Хвалю Бога! яичный мой каравай.
Валю, валю каравай
Сы правой руки на лѣвой!
Изъ недѣли у недѣлю годинка,
Собиралася Авдотьина родинкя,
Привозила три пуда масла на каравай, —
Хвалю Бога! масляной мой каравай.

Когда сажают каравай въ печь.

2076.

Нашъ каравай ў печку пошелъ, 2
Нашъ каравай было ножки пожегъ, 2

Заюшка по загнеткѣ ходя,
Сѣренькій у печь заглядая
Нашъ каравай и т. д.

Во время пѣнія мужъ и жена попремѣнно перебѣгаютъ чрезъ печку и каждый спѣшитъ захватить первый стоящую на каменкѣ рюмку съ водкою; кто успѣетъ первый захватить, тотъ и выпиваетъ. Остальные мѣшаютъ огонь на загнеткѣ, который приготовляется изъ соломы, называемой *засвѣтка*.

Тамъ же, отъ Анны Лупѣхиной.

2077.

Прилетѣла пава,
Середь двора пала.
Середь двора пала,
Косу потеряла.
Дѣвка ваша, —
Коса наша.
Дай полтину,
Я косу покину.
Дружка богатины!
Не умѣя дружка
Свататься
Краснымъ дѣвкамъ
Кланяться.

Тамъ же, отъ Анны Лупѣхиной.

Величаютъ холостаго во время шитья приданнаго.

2078.

Вихторъ Миколаевичъ!
Не ходи кругъ бережку, 2
Не клони ты головушку, 2
Не срони съ сибе шапочки.
Твоя шапка дорога:
На пятьсотъ рублей дана, 2
Восемьсотъ да золотничковъ.
Ой, Вихторъ Миколаевичъ!
Хто тебе шапкой дарилъ,
Ой, и хто шапкой дарилъ, 2
— «Братцы, мои товарищши,
Я и самъ во царя былъ, 2
Самому царю служилъ, 2
Во царя дѣтей качалъ, 2
Во серебряной люлечкѣ.»

Тамъ же, отъ Натальи Бѣлкиной.

Величаютъ сваху.

2079.

Сватьюшка молодая да купину копала,
Купину копала, зорюшку ломала,
Откуль не взялся да сходатай сватъ,
Онъ шапку снялъ, да коня унялъ
Низко поклонился: «Богъ на помочь,
Моя сватьюшка, да купину [1]) копати,
Да купину копати, зорюшку [2]) ломати!
Да поѣдимъ жа, моя сватьюшка да кы торгу, базару!
Да купимъ жа, моя сватьюшка, мыло, бѣло умываться.
А намъ будуть, намъ будуть люди дивоваться:
«Што хорошъ, пригожъ сходатай сватъ,
А сватьюшка лучше, а сватьюшка лучше.»
— «А чѣмъ она лучше, а чѣмъ пригожѣе?»
«Она личикомъ побялѣе, бровью почернѣе.»

Поютъ у жениха, когда собираются ѣхать къ невѣстѣ.

2080.

А летѣли голуби черезъ дворъ,
Ой, ле-ли, ле-ли, черезъ дворъ [3])
Ударили крыльями объ теремъ,
Прилетѣли, сказали добрую вѣсть,
Што в' Алексѣюшки въ домѣ есть:
Тамъ есть в' Алексѣя воронъ конь,
Да на вороному кони што соколъ.
Да не соколъ летая, — младъ Алексѣй.
Алексѣй по двору да гуляеть,
Ворана коня сѣдлаеть,
Его матушка вспрашиваеть:
«Куда, мое дитятко, собрался?»
— «Матушка моя, въ дорогу,
Дай мнѣ, матушка, подмогу:
Семеро коней вороныхъ,
Двѣ каретушки золотыхъ,
Да двѣ сватьюшки молодыхъ,
Приведу, матушка, сужанаю,
Ой, Евгеньюшку молодую.

Дер. Верхополье, отъ Анисьи Михотиной.

---

[1]) Ландышъ. Сл. Даля.

[2]) Въ сл. Даля: Заря, заря—растеніе Ligusticum leristicum offic. — «любиста, любистокъ, любимъ» и т. д.

[3]) Припѣвъ: «ой, ле-ли» съ прибавленіемъ двухъ послѣднихъ словъ стиха повторяется до 8 стиха; а съ 8-го стиха къ припѣву прибавляется одно слово.

Собираясь ѣхать за невѣстою, что-бы съ нею отправиться въ церковь, поютъ:

2081.

За церкваю.
Ладо, ладо!

(Припѣвъ: «ладо, ладо» послѣ каждаго стиха).

За вѣнешною
Слеталися
Семьсотъ голубей.
Всѣ голуби, всѣ сизаи,
Всѣ сизаи.
Они пьють и клюють,
Веселаи сидять.
Какъ одинъ голубь,
Какъ одинъ сизай,—
Онъ не пьеть, ни клюеть,
Ни веселай сидить,—
Пригорюнивши, 2
Призадумавши, 2
Увъ отлетъ летѣть, 2
По голубушку. 2
— У Ивана на дворѣ
Съѣзжалися
Семьсотъ бояръ. 2
Всѣ бояря, всѣ бояря,—
Всѣ чеснаи, всѣ чеснаи.
Они пьють и ѣдять, 2
Веселыя сидять. 2
Какъ одинъ Василій,—
Онъ ни пьеть, ни ѣсть,
Не веселой сидить, 2
Призадумавши — 2
Увъ отъѣздъ ѣхать
По бѣлаю, по бѣлаю, —
Все по Дарьюшку.

Поютъ (если невѣста сирота) когда ее одѣваютъ къ вѣнцу.

2082.

Много, много во сыромъ дубу
Много вѣтьявъ, павѣтвявъ,
Тольки нѣту во сыромъ дубу
Золотой верхушачки.
Много у Аннушки,
Много роду-племени;
Тольки нѣту у Аннушки
Роднмаго батюшки.
Снарядить ёё есть кому,
Благословить ёё некому.
У ей батюшки нѣту-ти
Кы суду кы божьему,
Кы храму, кы господняму,
Кы вянцу позлашшенному.
— «Сестрицы подружаньки,
Мы ўстанемъ ранешуньки,
Мы умиемся бѣлешуньки,
Мы пойдемъ рано къ утрени,
Мы ударимъ вы большой колколъ:
«Разступися, мать сыра земля,
Расколися гробова доска,
Подымися, родной батюшка,
Бласлави меня, дѣвушку,
Кы суду, кы Божьему,
Кы храму, кы Господнему,
Кы вянцу позлашенному!»

Поютъ, когда ведутъ къ вѣнцу.

2083.

Тамъ, тамъ за рѣкою,
Тамъ, тамъ за быстрою,
Тамъ старъ старый ходя,
Ў рукахъ коня водя,
Онъ свйшша, гуляя.
Никто не послыша,
Тольки послыша
Дуброва зеленая,
Да яблонь садовая.
Идѣ она стояла,
Вѣтвя опустила,
Листочки сронила.
— Тамъ, тамъ за рякою,
Тамъ, тамъ за быстрою,
Тамъ младъ Игнатъ ходя,
Ў рукахъ коня водя.
За шелковай поводъ.
Онъ свишша, гаркая,
Нихто не послыша. —
Тольки послыша
Авдотья молодая.
Идѣ она стояла,
Руки опустила,
Перснечки сронила.

Послѣ вѣнца.

2084.

Охъ и што-жъ у насъ во садику летая?
Ле ли а ле лели! летая. [1])

[1]) За каждой строчкой слѣдуетъ припѣвъ «ле ли а ле лели» съ повтореніемъ послѣдняго слова стиха.

Охъ, и што-жъ у насъ во зеленомъ порхая?
Соловей за кукушкою летая,
Молодой за рябою порхая,
А кукушка отъ соловья отлетая.
«Хоть ты порхай, не порхай—быть за мною,
А што слыть тебѣ, рябая, мною,
Мною, мною соловьиною женою.»
— Охъ и што-жъ у насъ во теремѣ шумѣла,
Охъ и што-жъ у насъ ў высокомъ гремѣла?
Тамъ Иванъ да за Марьею гуляя,
Онъ изъ ступочки во ступочку ступая,
Охъ и Марья отъ Ивана отбѣгая.
«Ой, ты бѣгай, не бѣгай,—быть за мною,
А што слыть тебѣ, Марьюшка, мною,
Мною, мною, охъ Ивановой женою,
Охъ, женою, женою молодою.

После вѣнца величаніе женатому.

2085.

Какъ ўсходя свѣтелъ мѣсяцъ
Передъ зорюшкою,
Величается Василій
Передъ женушкою,
Передъ Марьюшкою,
«Марьюшка, разодѣнь,
Петровна свѣтъ, разобуй!»
— «Ужъ я бы рада разобула,
Чимо витъ[1]) добре обутъ,
Я не знаю, какъ зовутъ.
Подить было къ сосѣду,
Успросить, какъ зовуть.
Сосѣди сказали:
Васильюшкою зовуть,
Другіе сказали:
Петровичемъ.
А мнѣ стать разувать, —
Бѣлаи ручки помарать,
Золотыи кольцы поломать.
— «Марьюшка дружокъ!
У насъ свои кузняцы,
У насъ свои златари,
Сами скують,
Сами сольють,
Сами вызолотють.
Пойдемъ рядомъ 2
По боярамъ,
Найдемъ гостя дорогова,
Степанушку молодаго.
То-то, гостикъ Степанушка!
То-то, гостикъ, Васильевичъ,
У вышечкахъ сидить.
Ославился Степанушка
Подъ Москвою —
Хлѣбомъ-солью.

Всѣ 4 зап. тамъ же, отъ Аниськи Лупѣхиной.

[1]) Дюже гордъ.

Послѣ вѣнца.

2086.

Охъ вы озёры, озёры глубокія
Ой, ляли алеляй! глубокія.

(Припѣвъ «ой ляли алеляй» послѣ каждаго стиха)

Подъѣзжали вы озёрамъ рыболовы,
Да рыболовы,—охотнички молодые,
Запускали невода шалковыя,
Они рыбушку ловили все бялугу,
На двѣнадцать частей разрубали,
На двѣнадцать тарелокъ раскладали,
На двѣнадцать столовъ дубовыя:
«Да вы кушайтя, бояре, поскорѣя,
Выводитя да Марьюшку съ подъ навѣсу!
Съ подъ навѣсу золотыя персни порвалися,
Марьюшку подруженьки прождалися.
Догадайся, Марьюшка, догадайся:
Хоча тебе Иванушка спадманути,
Хоча тебе Трохвимовичъ цѣловати,
Черезъ твѣтная платья парчевая,
Черезъ бѣлая земчужно-й-ожерелья.»
«Я давно ли подруженька догадалась,
А я твѣтная платья поскидала,
Я земчужно-й ожерелье оборвала.»
—Не по сѣнюшкамъ вотъ Марьюшка гуляла,
Она каленаи орѣшки щелкала,
Ў воконушко шалушицы бросала,
Ў Ивановы кудерки попала,
А Иванушка оглянулся, усмѣхнулся:
«Отсмяю табѣ, Марьюшка, осмѣшки,
За тваи ли за каленаи орѣшки.»
— «Позабудешь, Иванушка, позабудешь,
За своею за большою суятою,
За своею молодецкою красотою.

с. Мандрова, отъ Пелагеи Калышевой.

2087.

Какъ подъ небесью ясменъ соколъ летая,
Сы полету черныхъ галокъ выбирая,
Ле-ли а ле-ле! выбирая.

(Послѣ двухъ строкъ припѣвъ «ле-ли, а ле-ле» повторяется съ послѣднимъ словомъ стиха).

Онъ и выбралъ себѣ галушку любуя,
Онъ любуя, любуя, молодуя.
Какъ проснулася галушка на волю,
Она на волю, на волю погуляти,
У роднмаго стадика побывати,
«Отпустить тебе галушка,—не будешь,
Про мене, яснаго сокола, забудешь,»
—«Право буду, ясменъ соколъ, не забуду!»
Какъ по улицѣ Иванушка гуляя.
Съ корогоду красныхъ дѣвокъ выбирая,
Онъ и выбралъ себѣ дѣвушку любуя,
Онъ любуя, онъ Марьюшку молодуя,
Посадилъ онъ Марьюшку подъ неволю.
Какъ проснулася Марьюшка на волю,
Она на волю, на волю погуляти,
У роднмаго батюшки побывати,
«Отпустить тебе, Марьюшка,—не будешь,
Про мене, добраго молодца, забудешь,»
—«Право, буду, Иванушка, не забуду, 2
Право буду, Иванушка, я ўспомню.

2088.

Охъ у нашихъ 2 у воротъ,
А-ля а ле-ля-ли! у воротъ,

(Припѣвъ: «А-ля а ле-ля-ли» поется послѣ каждаго стиха, при чемъ присоединяется конечная часть стиха отъ 3 до 5 слоговъ включительно).

Охъ, у нашихъ 2 у широкихъ
Разливалися разливы широкія,
Широкія разливушки, глубокія.
А по тѣмъ по разливамъ а бѣлая рыба.
Пріѣзжали по рыбушку рыболовы,
Рыболовы охотнички молодые,
Привозили они невода шелковые,
Они глубокаи сугробы прогребали,
Они шелковы неводья запушшали,
Они бѣлаю рыбицу ловили,
Они рыбицу платьвицу:
На двѣнадцать частей разрубали,
На двѣнадцать тарелокъ раскладали,
На высокаи хоромы ўзносили,
На твѣченаи столы становили,
Они нашихъ бояръ потшивали:
«Ужъ вы кушайтя, баяря, поскорѣя,
Поскорѣя, да боярушки, посмѣлѣя.
Выпушшайтя вы Дарьюшку съ подъ навѣса,
Выпушшайтя Стефанову съ парчеваго,
Съ занавѣсы алаи ленды порвалися.»
Вотъ Дарьюшку подружаньки прождалися.
«Догадайся вотъ, Дарьюшка, догадайся!
Изумись, Стефановна, изумися!»
«Догадалась, сестрица моя, догадалась,
Изумилась, подруженьки, изумилась,
Ў ватхожаю горенку сходила,
Твѣтная платья посметала,»
Она замчужная жарелья поборвала,
Ўсію ночушку Дарьюшка не спала,
Сваи рѣзваи ножки пристояла,
Сваи черная брови приморгала,
Сы поклоновъ головушка заболѣла,
Сы поцаловъ Васильюшки помилѣла,
Помилѣла Ивановичу, пожалчѣла.

с. Княжая, отъ Дарьи и Натальи Шепелевыхъ. Всѣ пѣсни записаны дѣйствительн. студент. Моск. университет. Е. И. Томилинымъ.

Той же губ., Рыльскаго у.,

Когда учиняютъ коровай.

2089.

Пшеничная опара
На припечкѣ стояла,
Шептала, говорила,
Што быть караваю,—
А ў квѣточки съ барвеночки.

Когда мѣсятъ коровай.

2090.

Карвайницы воры
Все тѣсто покрали, 2
Въ карманы поклали,
Имъ на бѣду пошло:
Все тѣсто зъ кармана ушло.

Когда лѣпятъ коровай, то дѣлаютъ три ковриги, одна другой меньше и украшаютъ ихъ сверху полосками тѣста, вырѣзанными, нарочно сдѣланнымъ для этихъ случаевъ рѣзцомъ и квѣткой, которая состоитъ изъ вѣтки съ тремя отростками и обвитыми полосками изъ тѣста. Сверхъ того коровай украшаютъ еще боченочками и голубками, сдѣланными также изъ тѣста; и при этомъ поютъ:

2091.

Што это во полѣ загорѣлося,
Во теремѣ засвѣтилося?
Тамъ свашенька карвай лѣпитъ.

Приходитъ къ ней дружинушка:
«Покинь, сваха, карвай лѣпить!
Пойдемъ съ тобой во зеленый садъ.»
— Сваха дружины не послушала,
Карвай лѣпить не покинула,
Соловьевъ во садъ не пошла слушать.

2092.

Цвѣли, цвѣли цвѣтки
Алыми цвѣтами.
Опадали цвѣтики
Тихими зарями,—
Али! Али! Лешенька!
Тихими зарями.
На твою Гапульку
На русую косу,
На твою Ивановну.
Али! Али! Лешеньки!
Жить было у батюшки,
Да тихо ходити,
Носить было ключики,
Ими не звонити,—
Али! Али! Лешеньки!
Ими не звонити,
Молодого Петруню
Не пріучати,
Али! Али! лешеньки,
Не пріучати.
— «Сестрицы подруженьки,
Все ваше неправда.
Али! Али! лешеньки!
Все ваша неправда.
Жила я у батюшки,
Тихо ходила,
Носила я ключики,
Ими не звонила,
Молодого Петруню
Не пріучала.
Али! Али! лешеньки!
Да не пріучала.

2093.

Яблонь моя садовая
Кора золотая!
Красная Гапуля
По саду гуляла,
По саду гуляла,
Яблонь подсѣкала,
Яблонь подсѣкала,
Кору колупала, 2
Злата выбирала,
Ляли, ляли, лешеньки!
Злато выбирала,

(Такимъ образомъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ съ повтореніемъ втораго).

Ковры вышивала,
Свекру отсылала:
«Свекоръ 2 мой, батюшка,
Принимай мои дары!
Принимай мои дары,
Дары мои небольшіе,
Дары мои небольшіе,
Ковры золотые!
Я за тѣми за коврами
Сама скоро буду,
Ляли, ляли, лешеньки!
Сама скоро буду.
Сама скоро буду
Скоро скорешенько,
Скоро скорошенько:
По первомъ путечку,
По первомъ путёчку.
По бѣломъ снѣжочку.
Какова хлѣбъ-соль покажется,—
Я ночь заночую
Какъ свёкоръ покажется
Я годъ загодую.
Я годъ загодую,—
Каковъ женихъ приглянется,
Я вѣкъ завѣкую.
Ляли! Ляли! Ляешеньки!
Я вѣкъ завѣкую.

2094.

На валѣску на перелѣску
Тамъ свашенька, тамъ ранняя
Купену копала,
Ляли! Ляли! Ляшеньки!
Купену копала 2
Гори-цвѣтъ ломала.
Приходитъ къ ней 2
Хоробрый дружина:
«Покинь, свашенька,
Покинь ранняя,
Купéну копати, 2
Гори-цвѣтъ ломати!
Пойдемъ мы, 2
Ко новому торгу,
Купимъ мы, 2
Мыла-бѣлила.
Ой, будемъ мы, 2
Бѣло умываться,

Ой, будуть намъ, 2
Люди дивоваться:
«Дружко хорошъ! 2
А свашенька лучше!»
— «Чѣмъ же она лучше?» 2
Лицемъ побѣлѣе,
Брови почернѣе.
— Выѣздилъ дружинушка,
Все поле чисто.
А все поле, поле чистое,—
Не нашелъ дружинушка,
Не нашелъ хоробренькій,
Гдѣ коня накóрмити,
Воронаго напóити.
Завидѣла, заслышала
Ранняя свашенька:
«Сюда, сюда, да дружинушка,
Сюда, сюда да харобренькій!
Здѣсь коня накормишь,
Воронаго напоишь,
Здѣсь вода ключевáя,
Здѣсь трава шелковая.»

2095.

У насъ за горою, да за вишневымъ садомъ
Тамъ куковала рябая кукушка,
Къ ней выходила ранняя свашенька.
«Скажи, скажи, рябая кукушечка,
Когда ко мнѣ дружинушка хоробрый пріѣдетъ?»
— «Ой жди-пожди, ранняя свашенька,
Ой жди-пожди сей день до вечера,
Тогда къ тебѣ дружинушка будетъ,
Тогда къ тебѣ хоробрый пріѣдетъ.

Тоже повторяется и къ невѣстѣ, съ обозначеніемъ имя невѣсты.

2096.

Въ пятницу невѣстушка весела была,
Въ субботу невѣстушка русу косу чесала,
Въ воскресенье невѣстушка къ обѣдни шла,
Плакала невѣстушка:
Ой жа, кобы мой батюшка у тебя!
Отдаетъ меня, молодешеньку, отъ себя
Остаются мои всѣ цвѣтики у тебя:
Рутва мята, пахучіе васильки.
Вставай жа ты, мой батюшко, раненько,
Поливай жа ты мои цвѣтики частенько.
— «Буду я, буду я, мое дитятко, вставати,
Буду я, буду я, твои цвѣтики поливати
И утреннею и вечернею росою,
А росы не станетъ—горячею слезою.»

2097.

Вечоръ ко мнѣ, Гапуля,
Незваный гость приходилъ,
Онъ подарокъ приносилъ,—
Подарокъ не большой,
Съ руки перстень дорогой.
Не знала я, молодешенька,
На какой рукѣ носить:
На правой рукѣ носить—
Роднаго батюшку гнѣвить.
На лѣвой рукѣ носить,—
Самой молодой сухота,
Подруженьки подарить,—
Петруня свѣтъ не велитъ.
Пойду, молода, по воду,
Брошу перстень на воду:
«Золотой мой перстенекъ
Что не тонешь, не плывешь,
Прочь отъ бережку нейдешь?»
Петруня траву косить
Гапуля воду носить.
Косилъ, косилъ,—запотѣлъ,
Испить воды захотѣлъ.
Гапуля не смѣла,
Испить воды не дала.
Осмѣлилась своротила,
Петруню напоила.
«Петруня свѣтъ, лебедь бѣлый,
Что ты холостъ, не женатъ?»
— «Гапуля душенька!
Сама жь мнѣ не велѣла,
За меня замужъ хотѣла,
За вдалого молодца
За Петруню купца.»

По окончаніи мѣшенія коровая, ставятъ дежку, въ которой его мѣсили, посреди хаты, обкладываютъ ее соломой и зажигаютъ. А дружка съ кнутомъ въ рукахъ гоняетъ сваху вокругъ горящей соломы. Въ это же время выметаютъ печь для коровая, при чемъ поютъ:

2098.

Шелковое помело
Печь мело,
Желѣзная кочерга
Жаръ гребла,
Дубовая лапата
Каравай сажала.

Во время этой пѣсни дружко говоритъ: «Отецъ посаженый, мать посаженая и отецъ нароженый, мать нарожоная, благословите *сирчастний* ка-

равай въ печь посадить!» первый и второй разъ отвѣчаютъ: «Богъ благословитъ!» въ третій разъ отвѣчаютъ: «Божье благословя, все Божіе творитъ.»

Затѣмъ кладутъ дружку на голову *сито* и на него коврегу коровая, который онъ долженъ нести въ припляску отъ стола къ печи. При этомъ поютъ:

2099.

Дружко карвай несетъ,
Кудерцами трясетъ.
Хоть тряси, не тряси
Каравай въ печь неси.
Онъ еще понесется,
Еще потрясется.

Когда коровай положатъ на лопату, поютъ:

2100.

Печь-матъ гогочетъ,
Карваю хочетъ:
Припечки смѣются.
Шишечки пекутся.

Посадивши коровай въ печь, приглашаютъ гостей садиться за столъ и подаютъ ужинъ. При этомъ поютъ:

2101.

Вздрогонулись сѣни,
Какъ бояре сѣли.
Не такъ вздрогонутся,
Какъ меду напьются,
Вина наберутся:
Меду солодкаго,
Вина зеленаго.
А у квѣточки съ бaравеночки:
Первая квѣточка Гануля.
Вторая квѣточка Петруня.

2102.

«Бояре! бояре!
А гдѣ вы бывали?
Что вы видали?»
— «Были мы, были мы
На рыночку
Пили мы, пили мы
Горѣлочку:
Ладо! Ладо!
Горѣлочку.
Сколько мы пили, —
Не платили.
Шинкарочку сподманули
Ладо! Ладо!
Сподманули.
Шинкарочка-ранняя сваха,
Виномъ-медомъ
Торговала,
Виномъ-медомъ,
Сладкимъ пивомъ,
Ладо! Ладо!
Сладкимъ пивомъ.

Тѣже слова повторяются и невѣсти, называя ее по имени.

2103.

«Бояре! Бояре!
Гдѣ вы бывали?
Что-же вы видали?»
«Видѣли, да повидѣли
Сѣрую утку на озерѣ.»
«Чего жъ вы не взяли?»
— «Хотя мы не взяли,
Мы знакъ положили,
Перья ощипали:
Перьица на подушечки,
Сѣру утушку на юшечку.»
— «Бояре! Бояре!
Гдѣ вы бывали?
Что-же вы видали?»
— «Видѣли повидѣли
Красну дѣвушку во теремѣ.»
«Чего-жъ вы не взяли?»
— «Хотя мы не взяли
Мы знакъ положили, —
Мы знакъ положили, —
Косу растрепали, 2
По плечамъ расклали.»

Эта пѣсня поется на дѣвичникѣ, передъ отправленіемъ поѣзда къ вѣнцу.

2104.

Долго, долго соколъ не летитъ,
Долго, долго ясёнъ не летитъ.
Галочка вдоль (вдоволь) продожидалася,

Черная вдоль опечалилась:
«Или соколъ во лѣса полетѣлъ,
Или ясмёнъ во лѣса темные?»
— Долго, долго Петруни нѣтъ
Гапуля продождалася,
Ивановна опечалилась.
Или Петруня во грады дальнія,
Во грады дальніе, отъѣзжіе.
Погодя маленько, Петруня ѣдетъ;
Вдарилъ копьемъ въ тесовы ворота:
«Дома ли, нѣтъ, Гапулечка свѣтъ?—
Когда дома—не пугайте ея,
Когда спитъ—не будите ея,
Когда въ гостяхъ—не ходите за ней,
Я самъ пойду, да я самъ разбужу:
«Изволь встать, Гапулечка свѣтъ,
Изволь встать, Ивановна!»
— «Отойди прочь, Петруня,
Отойди прочь, Степановичъ.
«Право же я ўсю ночь не спала,
Шила коверъ твоему коню,
Твоему коню да на честь на хвалу.»

Эта пѣсня поется на дѣвичникѣ въ то время, когда пріѣзжаетъ туда женихъ съ своими пріятелями по окончаніи коровая у жениха, гдѣ лѣпятъ такой же коровай и съ тѣми же самыми обрядами и пѣснями, какъ и въ домѣ невѣсты и въ тоже время оставшіеся у него гости поютъ:

2105.

Темная невидная ночюшка!
Прождалася Палагея матушка.
«Ой что-жь моего Петруни долго нѣту.
Или Петруня въ дальніе города поѣхалъ?
Ой тамъ же его красныя дѣвки погубили,
Онѣ жь его на высокъ теремъ водили,
Онѣ же его за тесовый столъ садили,
Онѣ же его зеленымъ виномъ поили.
Онѣ же его калачами кормили.
У Петруни золотой перстень на рукѣ,
Торговали красныя дѣвки:—«Не продамъ,
Я своей Гапулечки даромъ-дамъ,
Ой, даромъ дамъ, ой, даромъ дамъ,
Ой, даромъ, безденежно подарю.»

На другой день являются опять подруги и начинаютъ убирать коровай, а по окончаніи уборки поютъ:

2106.

Рутва, рутва! желтый цвѣтъ!
Что тебя Петруня долго нѣтъ?
А ужо тебя, Гапуля, прождалась.
Написала бъ письмо—не умѣю,
Послала бъ посла—не смѣю:
Я своего батюшки боюся,
Да я добрыхъ людей стыжуся.
А у квѣточки съ борвеночки:
Первая квѣтка Гапуля,
Вторая квѣтка Петруня.

2107.

Летѣли пчелы,
Ой ладо!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Пчелы яровыя,
Крылья золотыя.
Сѣли пали пчелы
У батюшки на дворѣ,
У матушки на кутѣ,
У Гапулѣ на косѣ.
Стали косы трепать
Косу русую, косу русую,
Красу дѣвичью.
«Ой, торгуйся, братецъ,
Торгуйся!
Да проси за меня
Сто рублей,
За косу мою
Тысячу рублей,
За красу мою—
Смѣты нѣтъ.

Въ это же время ѣдетъ по улицѣ поѣздъ, направляясь къ дому невѣсты и поѣзжане поютъ:

2108.

Чей это поѣздъ по улицѣ проѣзжаетъ,
Никто его на дворъ не впущаетъ?
Гапуля въ окно поглядаетъ.
«Мой батюшко, впущай моихъ гостей!
Мои гости не навѣкъ достались:
На одинъ денекъ, на одинъ часокъ,
На одну минуточку.

Эта пѣсня поется раньше предъидущей: именно когда поѣзжане сядутъ за столъ и откупаютъ невѣсту, въ отвѣтъ на (эту) первую пѣсню, при торгѣ за косу, поютъ:

2109.

Не гнися дружко, не гнися
Вотъ тебѣ лавочка садися,
Вотъ тебѣ помои-умойся,
Вотъ тебѣ помело-утрися,
Вотъ тебѣ заслонка-молися?

Тутъ дружко кладетъ какую нибудь небольшую монету за невѣсту, и подруги послѣдней поютъ:

2110.

Сказали: дружко старъ, старъ, —
А онъ молоденекъ,
Кофтанъ зелененекъ,
Лычкомъ подпоясанъ,
Соломою борода сшита,
Обручемъ голова сбита.
Дѣвки дружко били,
Подъ печь подсадили,
Ступой завалили,
Блохами стравили.

Затѣмъ онъ кладетъ другую (серебряную) монету, тогда поютъ:

2111.

Спасибо дружинушко,
Спасибо хоробренькій,
Что хорошо игрицъ даришъ!
Дружинушко хорошенькій,
Дружинушко пригоженькій!
Гдѣ-то ты хорошился:
Чи въ меду, чи въ патокѣ,
Чи въ наливномъ яблокѣ?
Подари, дружинушка,
Подари, хоробренькій,
Не рублемъ, полтиною,
Золотою гривною.

Этимъ и кончается обрядъ выкупа невѣсты. Затѣмъ дружко беретъ кнутъ и выгоняетъ изъ-за стола подругъ невѣсты, которыя въ это время спѣшатъ проститься съ ней и, выходя изъ избы, поютъ:

2112.

Катилися грушки съ верхушки,
Покинули Гапулю подружки,
Обсѣла тебя чужбина,
Вся Петрунина родина.

2113.

Ой мгла и мгла
По полю легла,
Красная Гапуля
Къ столу прилегла,
Къ столу прилегла,
Къ бѣлой скатерти.

При этой пѣснѣ невѣста садится за столъ, кладетъ голову на сложенныя руки и плачетъ, не глядя ни на кого.

2114.

«Воробчикъ, воробчикъ!
Зачѣмъ это ты прилетѣлъ
Да на наше чистое поле,
Да на овесъ на гречиху,
На яру пшеницу?»
«Колибъ моя не воробушка,
Колибъ моя да не сизая,
Я сюда бы не прилетѣлъ.»
«Молоденькій Петруня!
Зачѣмъ ты пріѣхалъ
На нашъ широкій дворъ, 2
Да на высокъ теремъ?»
«Колибъ моя не Гапуля,
Колибъ моя не Ивановна.
Никогда бъ сюда я не заѣхалъ.»

Этимъ временемъ отецъ и мать невѣсты берутъ икону и благословляютъ ею новобрачныхъ. Затѣмъ эта икона передается въ руки невѣстѣ, и остается съ нею во все время до вѣнчанія.

2115.

«Медовая моя рѣчушка!
Какъ тебѣ не тяжко 2
Промежъ бережочковъ?»
— «Красная Гапуля!
Какъ тебѣ не тяжко 2
Съ батюшкой ростаться?»
— «Столикомъ заставлюся,
Ковромъ застелюся, 2
Съ батюшкой прощуся.»

2116.

Поѣхала Гапуля со двора,
Сломила березеньку съ верха́.

«Стой, моя береза, безъ верха,
Живи, мой батюшка, безъ меня,
Безъ красной дѣвушки, безъ Ганулечки!

2117.

По сѣнюшкамъ голубецъ ходитъ,
По свѣтлицѣ голосокъ водитъ.
Петруня съ тестемъ говоритъ:
«Ты тестюшко, ты мой батюшко!
Пущай-же насъ, не задерживай:
Дороженьки наши дальнія,
А коники пріутомлены,
Повознички перепоены,
А свашенька перепелушка,—
Она пѣсенъ перепѣлася.
Свѣтилочка перезяблая
А невѣста переплакалась,
Ивановна перенѣжилась,
Предъ отцемъ, предъ матерью,
Передъ родомъ, передъ племенемъ.»

Затѣмъ сваха накладываетъ въ узелъ хмелю *сѣмя* и орѣховъ, дружко беретъ въ руки кнутъ и три раза гоняетъ вокругъ повозокъ сваху, которая въ это время обсыпаетъ и дружко и всѣхъ поѣзжанъ хмелемъ, сѣменами и орѣхами, послѣ чего всѣ садятся въ повозки и ѣдутъ въ церковь. При этомъ поютъ:

2118.

Ой попе, попе,
Батька нашъ!
Отвори ты церкву
Противъ насъ,
Совѣнчай ты свадебку
Въ Божій часъ.

Когда ѣдутъ изъ церкви поютъ:

2119.

Мы у Бога были,—
Мы Богу молились,
Кресту поклонились:
«Ой дай же намъ, Боже
Съ тѣста паленицу,
Съ дѣвки молодицу.

Когда подъѣзжаютъ къ дому отца жениха, мать послѣдняго надѣваетъ шубу и шапку на выворотъ, беретъ въ руки ковригу хлѣба и солонку соли, а отецъ икону и становится на порогѣ. Предъ ними ставятъ на землю хлѣбную дежку *на положенную кирпичами* рюмку и бутылку. Въ воротахъ кладутъ кучу соломы и зажигаютъ ее. Черезъ этотъ горящій костеръ долженъ непремѣнно переѣзжать весь поѣздъ. Когда поѣздъ подъѣдетъ къ крыльцу, невѣста и женихъ слѣзаютъ съ повозокъ и три раза поднимаютъ вмѣстѣ поставленную около крыльца дежку. Затѣмъ дружко подноситъ жениху стаканъ водки, а женихъ, прикушавши немного, бросаетъ эту рюмку черезъ плечо назадъ, и кто ее поймаетъ, тому подносятъ также стаканъ водки. Послѣ этого женихъ и невѣста кланяются въ ноги отцу и матери, цѣлуютъ икону, принимаютъ хлѣбъ-соль и идутъ въ горницу. Это дѣлается такъ: дружко беретъ новобрачныхъ за руку, останавливаетъ ихъ въ сѣняхъ передъ растворенными дверями и громогласно говоритъ: «Отецъ посаженый и мать посаженая, отецъ *нарожоный* и мать *нарожоная!* благословите, сестрицы-игрицы, красныя дѣвицы, коровайныя мастерицы, князя со княгинею въ отеческій домъ ввести, благословите за столъ завести!» Это приглашеніе повторяется всѣми три раза. На первые два спроса отвѣчаютъ: «Богъ благословитъ!» а на третій: «Богъ благословитъ, все Божіе творитъ». Послѣ этого дружко обводитъ новобрачныхъ три раза вокругъ стола, убраннаго короваемъ (поднимаясь даже на лавки), сажаютъ ихъ на кутъ, подостлавши подъ нихъ шубу шерстью къ верху и накрываютъ голову невѣсты платкомъ, подходитъ свекоръ, беретъ качалку и говоритъ: «Дайте посмотрѣть, что это привезено: ни хрома-ли? ни слѣпа-ли?» Затѣмъ поднимаетъ платокъ (покрывало) и перекрестившись, говоритъ: «Слава тебѣ, Господи! все хорошое и все доброе». Затѣмъ объявляетъ новобрачнымъ, что слѣдуетъ получить жениху отъ отца въ наслѣдство. Послѣ этого начинается ужинъ и *вечерія*, т. е. (постельницы) не принадлежащія къ поѣзжанамъ, готовятъ постели.

2120.

Догадайся, Петруня, догадайся!
Завей чеботокъ за ножку,
Возьми Ганулю за ручку.
Желтая пташечка коростель,
Пора тебѣ, Петруня, на постель.

2121.

Повели дѣвку въ клѣтку
Повѣсили плетку.
Скажи, скажи, дѣвка,
Съ кѣмъ ягодки рвала, 2 .
Калину ломала?

2122.

Прекрасное наше дерево калина!
Сокрасила калинушка два луга,
Два луга, третью зелену дубраву.
Прекрасная наша Гапуля!
Сокрасила Гапуля два дома:
Первый-то домъ свекровъ,
А другой-то домъ батюшкинъ.

Когда новобрачныхъ поднимутъ съ брачнаго ложа, ихъ ведутъ къ колодцу и тамъ обливаютъ водою не только невѣсту, но и всѣхъ приходящихъ, затѣмъ наберутъ пару ведеръ воды, дадутъ молодой коромысло и заставляютъ ее нести воду въ домъ свекра. При этомъ поютъ:

2123.

Бѣлъ, бѣлъ камень,
Въ студеномъ колодцѣ.
Гапуля воду брала,
Въ свой край поглядала:
«Сизы мои два голубочка!
Полетите въ мою сторону,
Накажите моему батюшкѣ,
Сударынѣ, родной матушкѣ,
Что я, молода, завоевана!
Ни съ кѣмъ не знаюся,
Всякому кланяюся, —
Старому и малому,
Молодцу Петрунѣ.

Пришедши въ домъ, раскладываютъ *калину* [1]), начинаютъ бить горшки, плясать и пѣть различныя пѣсни, до тѣхъ поръ пока свекоръ и свекровь не поставятъ на столъ ведро вина. Послѣ этого молодая перевязываетъ дружка и подружье полотенцомъ. Затѣмъ дружко садитъ всѣхъ гостей за столъ, а невѣстину мать на кутъ съ подругами. Коровай и ножикъ обертываютъ платками и дружко, испросивъ у посаженыхъ родителей благословенія, разрѣзываетъ коровай и даетъ молодой тарелку, на которую ставятъ рюмку съ водкою, кладутъ кусокъ коровая, да свернутую въ трубку свитку съ рубахой и шелковымъ поясомъ и все это она подноситъ свекру съ свекровью, отвѣсивъ имъ предварительно по поклону. Тѣ поздравляютъ ихъ, надѣваютъ рубахи и подпоясываются поясами. При этомъ поютъ:

2124.

Сказали у Гапули
И льны не вродились,—
Она даритъ подарочки:
Первая квѣтка Петрунѣ,
Вторая квѣтка Гапуля.

Послѣ этого сваха поетъ:

2125.

Погуляйте сваты, погуляйте,
Да бѣлыя лавочки помарайте!
Наша Гапуля умненька:
Встанетъ она раненько
Помоетъ лавки бѣленько.
Ў квѣтки съ барвеночки:
Первая квѣтка Петруня,
Вторая квѣтка Гапуля.

Во время этой пѣсни свекоръ и свекровь и всѣ поѣзжане пляшутъ на лавкахъ:

2126.

Ой, на хатѣ зелье,
А въ хатѣ веселье,
И пьютъ и льютъ,
И въ бубны бьютъ.
А малыя жалобаечки:
Ти-ли-ли, ти-ли-ли,
Ти-ли-ли лешеньки.

Сообщ. мѣстнымъ помѣщикомъ Ив. Д. Саларевымъ.

[1]) т. е. брачную рубашку со слѣдами невинности молодой. Ш.

XIII. Тверской губерніи.

Калязинскаго уѣзда.

Въ настоящей статьѣ я хочу разсмотрѣть народную свадьбу въ Калязинскомъ уѣздѣ. Какъ ни узка рамка нашего очерка, по всетаки и тутъ, быть можетъ, намъ удастся найти нѣчто оригинальное.

Вслѣдствіе историческихъ причинъ все населеніе Калязинскаго уѣзда разбивается на двѣ части, существенно отличающіяся одна отъ другой: съ одной стороны существуютъ крестьяне казенные, нѣкогда бывшіе монастырскими (принадлежавшіе Калязину—монастырю и Троицко-Сергіевской Лаврѣ), а съ другой стороны — временно-обязанные, бывшіе крѣпостными у помѣщиковъ. Жизнь и обычаи тѣхъ и другихъ во многомъ рознятся между собой.

Приступая къ описанію народной свадьбы, мы имѣемъ въ виду это различіе, а потому сначала разсмотримъ народную свадьбу у казенныхъ крестьянъ, а потомъ дополнимъ ее нѣкоторыми чертами, взятыми изъ свадебныхъ обычаевъ у бывшаго крѣпостнаго населенія.

У казенныхъ крестьянъ не сохранилось праздниковъ древнѣйшаго происхожденія, какъ-то: «Семика», «Красной горки» и т. п. Что же касается барскихъ крестьянъ, то мы здѣсь еще встрѣчаемъ довольно интересное явленіе. Такъ, въ семиковый четвергъ, дѣвушки и молодцы отправляются въ рощу, гдѣ украшаютъ лентами и цвѣтами березку, завитую еще въ Вознесеньевъ день, а потомъ срубаютъ ее; самый лучшій парень беретъ эту березку въ руки и становится съ нею впереди хоровода. Затѣмъ запѣвается пѣсня, парень пляшетъ съ березкой въ рукахъ, и въ такомъ видѣ хороводъ направляется въ деревню. Нельзя не усмотрѣть въ этомъ торжествѣ историческаго элемента. Очевидно, это праздникъ въ честь весны, и березка изображаетъ собой, какъ самую весну, такъ дѣвичью красоту, которою съ расцвѣтеніемъ весны, завладѣваетъ добрый молодецъ. Пѣсенъ, свидѣтельствующихъ объ «умыканіи» невѣстъ, въ нашихъ памятникахъ не сохранилось. Правда, есть косвенные намеки на то, что когда-то и въ нашей мѣстности существовали умыканія. На эту мысль наводятъ народныя гулянья, устраиваемыя въ рощахъ, близъ рѣкъ. Мы знаемъ нѣсколько такихъ гуляній въ Калязинскомъ уѣздѣ, напримѣръ,—гулянье близъ деревни Юркина, въ 10 верстахъ отъ Калязина, близъ деревни Подоли, въ 46 верстахъ отъ Калязина и др. Какъ извѣстно умыканія невѣстъ происходили въ лѣсахъ, и вообще въ мѣстахъ уединенныхъ, а потому и празднества, свидѣтельствующія объ этихъ умыканіяхъ, совершаются также въ лѣсахъ, близъ рѣкъ. Красная горка, гдѣ она сохранилась, всегда празднуется въ лѣсу.

Въ Калязинскомъ уѣздѣ, хотя и не существуетъ народныхъ празднествъ, прямо свидѣтельствующихъ объ умыканіяхъ, тѣмъ не менѣе самыя гулянья въ лѣсу можно понимать какъ отдаленнѣйшее послѣдствіе тѣхъ же умыканій. Съ другой стороны подобныя гулянья наводятъ еще на нѣкоторыя другія соображенія. Для примѣра мы разсмотримъ Бердовскія гулянья (близъ села Крутца, въ 17 верстахъ отъ Калязина), лѣтъ 17 тому назадъ переведенныя въ эту деревню съ луговой поляны, гдѣ они доселѣ происходили. Эти гулянья начинаются послѣ Пасхи и происходятъ каждое воскресенье, оканчиваясь крапивнымъ воскресеньемъ передъ Покровками (въ заговѣнье). Еще на нашей памяти гулянья эти носили характеръ единственно смотра невѣстъ. Родители жениховъ расхаживали около стоявшихъ совершенно неподвижно, подобно статуямъ, дѣвушекъ, внимательно разсматривали ихъ со всѣхъ сторонъ, даже повертывали ихъ головы, удостовѣряясь не кривошея-ли такая-то дѣвка, не кривая-ли, не косая-ли? Иногда они отходили немного поодаль, смотрѣли, прищуриваясь, шептались, какъ бы оцѣнивая товаръ; все это говоритъ о существовавшей нѣкогда куплѣ невѣстъ.

Съ недавняго времени характеръ Бердовскихъ гуляній измѣнился совершенно: дѣвицы начали прохаживаться, къ нимъ пристаютъ кавалеры — и, такимъ образомъ, поговаривая и посмѣиваясь, въ настоящую пору движется эта масса разряженнаго люда. Отцы съ матерями теперь являются на гулянья, единственно какъ праздные зрители. Въ самые послѣдніе годы появились хорошенькіе тарантасики съ запряженными въ нихъ конями, на этихъ тарантасикахъ начали кататься тутъ же, на гуляньѣ, мѣстные аристократы, щеголяя качествомъ своихъ коней. Съ каждымъ годомъ гулянья разростаются и, быть можетъ, со временемъ примутъ характеръ шумныхъ увеселеній съ пѣснями и музыкой. Увеселяютъ же себя тѣже парни и дѣвушки въ зимнее время «кадрилями» подъ звуки гармоники.

Народныя свадьбы въ описываемой нами мѣстности происходятъ почти исключительно весной и совпадаютъ со временемъ гуляній: очевидно, что прежде и то и другое имѣло самую тѣсную связь. Во время гулянья высматривалась и облю-

бовывалась невѣста, къ которой потомъ сватались, а въ болѣе отдаленное время — которую покупали.

Свадебную церемонію у казенныхъ, бывшихъ монастырскихъ крестьянъ, можно раздѣлить на три отдѣльныя части: 1) дѣвичникъ, 2) передачь и 3) свадебный поѣздъ.

Дѣвичникъ устраивается за нѣсколько дней до свадьбы. Въ домъ невѣсты къ вечеру созываются ея подруги, угощаются виномъ, при чемъ предлагается и закуска. Послѣ закуски невѣста, или, какъ ее здѣсь называютъ, *сговоренка*, садится на лавкѣ, среди подругъ, и затягиваетъ причитанія:

2127.

Ужъ голубушки, вы мои подруженьки,
Ужъ заводите-ка пѣсню горемычную
Разгрустите-ка вы родимаго батюшку
Со радѣльницей то-ли съ родимой матушкой.

Дѣвки начинаютъ заплетать сговоренкѣ косу и при этомъ поютъ:

2128.

Не въ трубоньку ли трубили рано, по росѣ,
Ужъ и плакать ли Катеринушки (имя невѣсты) по своей косѣ:
Съ измладочка ль эту косыньку матушка плела,
А на возрастѣ косыньку она сама плела.
Какъ теперича косыньку подруженьки плетутъ,
А на утро косыньку свахи разобьютъ,
Раздѣлютъ ее, косыньку, на шесть долей,
Заплетутъ ее, косыньку, на двѣ косы,
Обовьютъ ее, русую, вокругъ головы,
Надѣнутъ Катеринушкѣ бабій сборничекъ:
«Красуйся, Катеринушка, въ бабьемъ сборничкѣ!
Ужъ и бабья краса—ее за стѣной не чуть,
А дѣвичья краса—ее за сто верстъ слыхать.»

Въ это время, когда подруги невѣсты, заплетаютъ косу, поютъ эту пѣсню, сговоренка между тѣмъ причитаетъ:

2129.

Ужъ радѣльникъ ты, родимый батюшка!
Ужъ погляди-тко ты на мою веселую бесѣдушку,
Погляди-тка ты въ остаточки на моихъ подруженекъ:
Ужъ какъ сидятъ-то онѣ изуражены,
Алыми лентами изукрашены.
Ужъ погляди-тко ты на меня горькую,
Сижу то-ли не уряжена, не украшена;
Изуряжена я пустыми рѣчами,
Изукрашена я горючими слезами.

Здѣсь кончается первая серія причитаній. При этомъ считаю не лишнимъ замѣтить, что слѣдуетъ строго отличать причитанія отъ пѣсни. Послѣднюю поютъ подруги, первую же *вывапливаетъ* невѣста. О невѣстѣ обыкновенно говорятъ въ народѣ: она *кричала* всѣхъ родныхъ, ревѣла съ *причетомъ*. *Причетъ* и *причетныя*—одно и тоже и употребляются безразлично.

Вышеприведенный причетъ и пѣсня поются печальнымъ длинноголосымъ напѣвомъ. Ниже приводится короткоголосая, веселая.

Невѣста снова начинаетъ причетъ:

2130.

Ужъ голубушки, вы мои подруженьки,
Ужъ запойте-ка вы пѣсеньку веселую,
Взвеселите-ка-те радѣльника, родимаго батюшку
Со радѣльницей-то со родной матушкой.

Подруги поютъ:

2131.

Вотъ при вечерѣ, вечерѣ,
При Катерининомъ дѣвишникѣ,
Собирались красны дѣвушки.
Возвивался-ль младъ ясенъ соколъ
Выше лѣса, выше темнаго,
Выше садика зеленаго,
Выше терема высокаго,
Ужъ садился-ль на окошечко,
На серебряной пробоинкѣ,
На спозолоченной причелинкѣ.
Какъ никто не вздогадается.
Вздогадалась ея матушка,
Авдотья Михайловна,
Говорила своему дитятку:
«Ты, родимо мое дитятко!
Приголубь яснаго сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца заѣзжаго.»
— Ужъ радѣльница, родима матушка!
Ужъ рада бы приголубила, —
Скоры поженьки подогнулися,

Бѣлы рученьки опустилися,
Очи ясныя прослезилися,
Голова съ плечь покатилася.

Невѣста кончила свои причеты и въ это время сидитъ среди подругъ, молчаливая и грустная, одѣтая въ темное и прикрытая шалью.

Подруги запѣваютъ новую пѣсню:

2132.

На улицѣ дождичекъ накрапываетъ,
Катерина Васильевна въ окошечко поглядываетъ,
Михайло Васильевичъ по улицѣ похаживаетъ,
Къ ея окошечку подхаживаетъ,
Катерину Васильевну выспрашиваетъ:
«Ужъ и скажи-ка ты мнѣ, Катеринушка,
Кто тебѣ изъ роду милъ?» и т. д.

Этими пѣснями и причетами кончается дѣвишникъ и подруги вскорѣ расходятся.

На слѣдующій день устраивается *передать*, черезъ день или черезъ два пріѣзжаетъ и свадебный поѣздъ за невѣстой. Мы для краткости и ясности соединимъ вмѣстѣ обѣ эти отдѣльныя части свадебной церемоніи, тѣмъ болѣе, что иногда, при скорости свадьбы, онѣ соединяются и на практикѣ.

Невѣста *завапливаетъ* причетъ:

2133.

Ужъ радѣльникъ ты, родимый батюшка!
Погляди-тка ты въ красное окошечко,
Погляди-тко ты во чисто поле:
Ужъ и что это за пыль пылитъ?
Ужъ и что это за колясочка катитъ?
Во колясочкѣ-то что за князь сидитъ?
Ужъ радѣльникъ ты, родимый батюшка!
Отыщи-тка ты свово слугу вѣрнаго,
Моего брата любезнаго,
Что и Степана-то Васильевича (имя брата).
Вы сходите-тко на широкій дворъ
И возьмите тамъ золоту узду,
Сбротайте-ка ворона коня,
Заложите его въ колясочку,
Ужъ и съѣздите въ темный лѣсъ,
Нарубите тамъ ельничку-березничку,
Завалите всѣ пути-дороженьки:
Никому бы ни пройти, ни проѣхати,
Къ моему широкому двору подъѣхати.
Ужъ радѣльникъ ты, родной батюшка!
Запри-тка ты свой широкій дворъ,
Не пущай-ка-те вы чужихъ людей.

Въ это время въ избѣ раздаются крики: «Ѣдутъ, ѣдутъ . . . . подъѣхали!» Отецъ и другіе невѣстины родственники идутъ на дворъ встрѣчать сватовъ и гостей съ «*передатью*» [1]). Но прежде всего запираются ворота. Невѣстины сваты со двора спрашиваютъ:

«Съ чѣмъ вы, сватушки, пріѣхали?»

Жениховы сваты отвѣчаютъ:

«Съ лисьей шубой. . . лиса бѣжала, намъ слѣдъ показала, у воротъ вашихъ стала. Либо слѣдъ отведите, а не то ворота отоприте!»

Ворота отпираются и входятъ въ избу сваты съ женихомъ. Женихъ здѣсь является въ первый разъ среди свадебной церемоніи и является онъ, какъ и слѣдовало, съ подарками. Впередъ идетъ сватъ съ сундукомъ и узломъ, за нимъ *гвоздарь* [2]) съ кувшиномъ пива, затѣмъ женихъ и другіе гости. Ставъ посрединѣ избы, гости прежде всего молятся иконамъ и почтительно кланяются хозяевамъ и всѣмъ присутствующимъ въ избѣ. Потомъ начинается выкупъ невѣсты. Сватъ беретъ стаканъ, въ него гвоздарь вливаетъ пива—и это пиво подносится прежде всего невѣстинымъ отцу съ матерью со словами: «Пивца стаканчикъ выкушайте, а намъ распорядиться прикажите!» Затѣмъ подходятъ къ невѣстиной свахѣ:

«Свахонька любезная!» говоритъ жениховъ сватъ, подавая стаканъ пива, «стаканчикъ-то выкушайте, а что привезли съ рукъ нашихъ снимите, а Катерину-то Васильевну намъ ослободите. Въ зеркало-то бы вы поглядѣлись, бѣлильцемъ-то побѣлились, румянцемъ-то порумянились, мыльцемъ-то помылись, утиральникомъ-то утерлись, а невѣсту-то нашу въ башмачки обуйте!» При этихъ словахъ сватъ подаетъ узелъ съ поименованными подарками и отдаетъ свахѣ. Сваха начинаетъ развязывать, вдвое или втрое закрученный узелъ и говоритъ: «Ну, сватушка, руки-то не развязываютъ!» Сватъ опускаетъ въ стаканъ мѣдную монету. Сватья беретъ деньги и опять говоритъ:

«Сватушка! первый-то узелъ развязала, а другой-то опять не могу». Сватъ опять кладетъ серебряную монету. Сватья беретъ деньги, развязываетъ узелъ и выпиваетъ пиво.

[1]) По словарю Даля: *пѣредать* им. сущ. первый гласный подарокъ жениха невѣстѣ наканунѣ свадьбы, и т. д.

[2]) «*Гвоздарь*, гвоздочникъ, отъ гвоздя въ бочкѣ, назывался завѣдывающій напитками во дворцѣ или въ барскомъ домѣ». Слов. Даля.

Между тѣмъ, пока идетъ такая торговля, невѣста причитаетъ:

2134.

Ужъ и голубушка моя, сватьюшка, (невѣстушка чаще)
Не принимай-ка ты свѣтлое зеркальцо,
Ужъ не развязывай-ка ты два узла нѣмецкіе,
Не принимай-ка ты подарочки,
Не обувайте-ка вы меня въ башмачки...

Затѣмъ сватъ обращается къ невѣстинымъ подругамъ и говоритъ, поднося пиво:

«Голубушки, подруженьки! стаканъ-то выкушайте, а мѣстечко намъ ослободите, а Катерину-то Васильевну отыщите.»

Подруги заслоняютъ собою невѣсту и, обращаясь къ свату, говорятъ:

«Сватушка любезный! мы за это (за такую плату) не согласны; теперича лѣто, не зима, теперича работницы дороги. Ушла въ лѣсъ невѣста за малиной,—у нея и слѣдъ завалило. Мы за это искать несогласны.» Сватъ кладетъ въ стаканъ полушку. Подруги, увидя это, говорятъ: «Сватушка любезный. Михайло ты Васильевичъ! не по міру ли ходилъ, да не слѣпыхъ ли водилъ, такихъ денегъ посбиралъ? Эту казну свою взадъ возьмите, а намъ Катерину Васильевну оставьте: на этомъ мы будемъ согласны».

Сватъ прибавляетъ въ стаканъ денегъ. Подруги опять говорятъ:

«Намъ, сватушка, изъ мѣди-то не сошни ковать, да не землю орать; мы люди-то не бѣдные, намъ не нужны деньги мѣдныя. Намъ, сватушка, хоть маленькихъ, да бѣленькихъ.»

Сватъ прибавляетъ еще серебряную монету. Подруги при этомъ говорятъ:

«Вы пиво-то не наливайте, а намъ казны-то прибавляйте!»

Наконецъ накладено денегъ чуть не цѣлый стаканъ, дѣвки выпиваютъ пиво и цѣлуютъ свата.

Послѣ покупки невѣсты у подругъ, нужно откупить ее и у родного брата. Вотъ къ нему-то теперь подходитъ сватъ и начинаетъ прежнюю процедуру со стаканомъ пива. Невѣста хватаетъ брата за карманъ, сжимаетъ послѣдній руками и причитаетъ:

2135.

Ужъ голубчикъ ты мой, любезный братъ!
Не сдавай-ка-сь ты на золотую казну:
Золотая казна—обманчива,
Для тебя, голубчика, прелестлива.
Голубчикъ ты мой, любезный братъ!
И я ли у васъ была не работница?
И я ли у васъ была не заботница?
Ужъ прощай-ка ты, мой любезный братъ!
Не помни ты моей грубости.
Прощай-ка ты въ первые—въ остаточки,
Ужъ прощай-ка ты въ моей дѣвичьей красотѣ.

Братъ продаетъ сестру. Онъ вылѣзаетъ изъ-за стола, за которымъ сидѣлъ и на свое мѣсто пускаетъ заѣзжаго добраго молодца. Къ этому-то послѣднему теперь обращается причетъ невѣсты:

2136.

Ужъ заѣзжій ты, добрый молодецъ!
Ходилъ ты, гулялъ по запольицу,
А теперь тебя ведутъ по застольицу.
Ужъ радѣльникъ ты, родимый батюшка
Со радѣльницей родной матушкой!
Погляди-тко-те на меня на младую:
Ужъ у меня ли у младой
По правую сторонушку
Стоитъ зима холодная.
Подвалился ли ко мнѣ бѣлъ горючь камень?
Холоднымъ-то онъ холоднехонекъ,
Align="left">Зазнобитъ онъ мое ретиво сердце
Съ молодыхъ годовъ до старыихъ,
А по лѣвую сторонушку—лѣто теплое,
То стоятъ голубушки-подруженьки.

Въ это время отецъ беретъ невѣсту за руку и хочетъ обручить кольцами сговоренныхъ. Невѣста не даетъ своей руки и продолжаетъ причетъ:

2137.

Ужъ радѣльникъ ты, родимый батюшка!
Не обручай-ка ты мою правую рученьку
Съ заѣзжимъ добрымъ молодцемъ.
Моя рука не нѣжная,
Моя рука рабочая.
Ужъ и я ли для васъ была не работница?
И я ли у васъ была не заботница?
Ужъ радѣльникъ ты, родимый батюшка!

Не покидай ты меня въ чужой сторонѣ
Со съѣзжимъ добрымъ молодцомъ.

Въ концѣ концовъ, какъ видно изъ причета, отцу удалось обручить свою дочь съ заѣзжимъ добрымъ молодцемъ. Невѣста теперь обращается въ сторону жениховыхъ гостей и причитаетъ:

2138.

Ужъ радѣльникъ ты, родимый батюшка
Съ радѣльницей родимой матушкой!
Ужъ сажайте-ка вы гостей пріѣзжихъ,
Напойте-ка вы ихъ пивомъ пьянымъ,
Пивомъ пьянымъ, виномъ зеленымъ!
Они бы у васъ позáпили,
Меня младую позáбыли.
Ужъ сажайте-ка вы свата ходатаго
Положите вы ему въ чашку бездонную,
Дайте ему ложку безчерепную, —
Ходилъ бы онъ, не прихвастывалъ,
Не хвалилъ бы чужую сторону,
Чужаго отца съ матерью,
Заѣзжаго ли добраго молодца.
Ужъ чужая сторонушка
Облита слезами горючими.

Затѣмъ невѣста становится лицомъ къ отцу съ матерью, которые, въ свою очередь, стоятъ передъ ней съ образами.

Ужъ радѣльникъ ты родимый батюшка
Со радѣльницей родимой матушкой!
Не прошу я у васъ злата-серебра, —
Прошу чистаго благословенія.

Отецъ съ матерью благословляютъ свою дочь, обливающуюся горькими слезами, ѣхать подъ вѣнецъ. Послѣ благословенія, выходя изъ подъ отцовскаго крова, невѣста прощается со всѣмъ окружающимъ и причитаетъ:

2139.

Прощай, ты нашъ высокъ теремъ
Съ широкімъ подворьицемъ!
Прощайте, сосѣдъ-сосѣдушка,
Прощай, широкая улица!
Прощайте, голубушки подруженьки!

При этихъ словахъ невѣста садится въ повозку свадебнаго поѣзда. При этомъ окружаютъ ее подруги, обращаясь съ своей послѣдней пѣсней къ доброму молодцу:

2140.

Ужъ поѣзжай ты, добрый молодецъ!
Сбереги ты намъ голубушку подруженьку,
Сбереги ее отъ чужихъ людей,
Отъ чужаго отца съ матерью!
Не давай на нее вѣтру дунути,
Чужимъ людямъ зынути!

Невѣста между тѣмъ уже сѣла въ свою повозку рядомъ съ женихомъ, лошади дернули, помчались, колокольчики-бубенчики зазвенѣли, и свадебный поѣздъ скрылся изъ глазъ провожавшихъ гостей и подругъ. Онъ мчится теперь къ церкви, гдѣ жениха и невѣсту ждетъ священникъ съ крестомъ.

Такова предсвадебная церемонія у казенныхъ крестьянъ Калязинскаго уѣзда. Пѣсни и обычаи, приведенные нами выше, записаны мною въ такъ называемой Кутетчинѣ, мѣстности лежащей отъ Калязина верстахъ въ 15—18. Теперь перешагнемъ, за 25 верстъ отъ описываемой нами мѣстности, по большой Московской дорогѣ, къ селу Яренскому (отстоящему отъ г. Калязина около 40 верстъ) и прилежащимъ къ нему деревнямъ. Эта мѣстность барская, принадлежащая роду Ртищевыхъ и др. Повидимому, какъ незначительно разстояніе Яренщины отъ Крутетчины, тѣмъ не менѣе и здѣсь и тамъ много своихъ особенностей, хотя въ основѣ содержаніе церемоній одно и тоже. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ, а въ особенности многіе изъ причетовъ, доселѣ поющихся въ Кругетчинѣ, въ Яренщинѣ не слышны. За то здѣсь есть пѣсни и причеты свои, неизвѣстные Крутетчинѣ. Свадьбу барскихъ крестьянъ мы не будемъ описывать въ подробности, а укажемъ только на нѣкоторыя особенности и сдѣлаемъ нѣкоторыя дополненія.

Предбрачныя церемоніи раздѣляются также на три части: 1) Дѣвишникъ, 2) заплетаніе косы и пирогъ; 3) свадебный поѣздъ.

Барскій дѣвишникъ тѣмъ отличается отъ предыдущаго, что на немъ, кромѣ подругъ невѣсты, присутствуетъ и женихъ, который все время сидитъ рядомъ съ невѣстой. Кромѣ этого, здѣсь невѣста не причитаетъ, а поютъ пѣсни подруги. Первая пѣсня, которую онѣ запѣваютъ, это приведенная выше: «При вечерѣ, вечерѣ». Затѣмъ поются еще слѣдующія пѣсни:

2141.

Разсыпался крупной жемчугъ,
Не по плису, не по бархату,
По серебряному блюдечку, —
То Катеринушка расплакалась:
Ты радѣльникъ мой, родимый батюшка!
«Ты почто, къ чему пиво варишь?
Ты почто, къ чему гостей зовешь?»
— Ты, родимо мое дитятко!
Ты не знаешь, не вѣдаешь, —
Мы вечоръ тебя сговорили[1])
Рука объ руку ударили,
За такого за хорошаго,
За такого за пригожаго,
Что и за Михайла-то ли Васильича.

2142.

Не послѣдній ли годикъ мнѣ въ дѣвушкахъ сидѣть?
Не послѣднее ли лѣтечко мнѣ у батюшки работать?
Не остатнюю ли весну мнѣ у матушки погулять?
Какъ у батюшки работаньице очень легко?
А у матушки вешнее гуляньице вольно.
Задумали меня родители замужъ отдать,
Съ веселой кампаньей меня разлучать.
Если разлучать, я не чаюсь живою быть.
Жива буду, не забуду во вѣкъ дѣвичье житье

2143.

Кто у насъ холостъ, не женатъ?
— Михайло-то холостъ,
Васильевичъ не женатъ.
Время ему жениться
На добраго коня садиться,
Къ тестю въ гости ѣхать,
Ко тестеву ко двору,
Ко тещиву терему.
Онъ къ воротечкамъ подъѣзжаетъ,
Съ добра коня слѣзаетъ,
Въ крылечко стучитъ,
Онъ Катеринушку вызываетъ:
«Катеринушка, выходи,
Воротечка отопри!»
— «Я бы рада отперла, —
Буйный вѣтеръ очень вьетъ,
Съ головушки жемчугъ рветъ,
Меня грусть-тоска беретъ:
Меня батюшка бранитъ,
Идти замужъ не велитъ.

[1]) Вар. Мы тебя просватали
Не за князя, не за барина, —
За Яренскаго крестьянина,
Что и за Михайла-то ли Васильевича.

2144.

«Не тошно ли тебѣ, Нева рѣка
Съ вешнимъ ледкомъ разстатися?»
— «Кабы не тошно было,
Я бы шла, рѣка, не шумѣла бы,
Крутые берега не портила.»
«Не тошно-ль тебѣ, Катеринушка,
Съ отцемъ съ матерью разстатися?»
— «Кабы не тошно было,
Шла бы я, не плакала,
Горючи слезы не роняла.»

Остальныя пѣсни, поющіяся на дѣвишникѣ, принадлежатъ къ циклу обычныхъ.

Наканунѣ вѣнца устраивается торжественное заплетеніе подругами невѣстиной косы. Встрѣчая ихъ у крыльца, невѣста причитаетъ:

2145.

Ужъ вы голубушки — подруженьки!
Вы простите меня, что васъ не встрѣтила
Середи пути — дороженьки,
Середи моста калиноваго:
Скоры поженьки подломилися,
Бѣлы рученьки опустилися.

(Обращаясь къ любимой подругѣ):

2146.

Ты голубушка-подруженька!
Потрудись-ка ты, пожалуйста,
Причеши ты мнѣ буйную головушку,
Разбери-ка ты мнѣ русу косу,
Разбери мелко па мелко,
Заплети-ко ты мнѣ часто на часто.
Посреди моей русой косы
Вплети мнѣ два пожечка булатные,
Два замочка позолоченые.
Во конецъ моей русой косы
Вплети ленту алую.
Завяжи ее въ три узла,
Въ три узла нѣмецкіе:
Не распалась бы моя руса коса,
Не потеряла бы красу дѣвичью.

(Провожая обратно подругъ).

2147.

Вы голубушки, мои подруженьки!
Ужъ придетъ ли къ вамъ весна красная,
Весна красная, лѣто теплое,
Ужъ пойдете вы, голубушки,
На гуляньице веселое,
Пойдете во чисто поле,
Во чисто поле, во зелены луга,
Станете вы рвать цвѣтки,—
Вы сорвите и мнѣ цвѣтокъ,
Ужъ и станете вить вѣнки —
Свейте и мнѣ вѣнокъ,
Ужъ несит-ко-те его впередъ себя
Не давайте-ко вы ему отъ вѣтра вянути,
Отъ краснаго солнышка сохнути[1]).

2148.

— Ужъ раздѣльникъ ты, родной батюшка
Со радѣльницей родной матушкой!
Ужъ и что это въ нашемъ подворьицѣ,
Что за садъ стоитъ, что за вишенье?
Въ саду-то ли во вишеньѣ
Не бѣлая-то ли лебедь возгаркнула,
Не я-то ли, горюша горькая,
Передъ подружками восплакнула?
— Вы голубушки подруженьки,
Прощайте-ка впервые—въ остаточки,
Не попомните моей гордости,
Моей досады великоей!

(Простясь съ подругами и возвращаясь въ избу):

Отставала лебедь бѣлая
Отъ стада лебединнаго,
А дѣвица красная
Отъ своихъ подруженекъ.
Ты радѣльникъ, родной батюшка
Со радѣльницей родной матушкой!
Не помысли-ль, не подумали-ль,
Что нейду-ли со гуляньица,
Съ работы тяжелоей?
А я, горюша горькая,

[1]) Очевидно, здѣсь говорится о *«семикѣ»*, когда каждая дѣвушка завиваетъ для себя вѣнокъ и примѣчаетъ, что если онъ скоро вянетъ, то и ея дѣвичья жизнь скоро завянетъ. Поэтому-то невѣста проситъ хранить ея вѣнокъ, чтобы ея дѣвичья жизнь не завяла. Н.

Попрощалася съ подружками.
Ужъ и что вы на меня прогнѣвались?
Ужъ и не дали вы цвѣтку выцвѣсти,
Не дали яблочку повызрѣти?
Сгубили буйную головушку,
Молодехоньку, зеленехоньку.

Вечеромъ въ тотъ же день въ невѣстинъ домъ пріѣзжаетъ сватъ отъ жениха съ пирогомъ. Отецъ невѣсты съ своими домочадцами садится за столъ, напротивъ него садится жениховъ сватъ и кладетъ на столъ пирогъ. Отецъ невѣсты въ свою очередь кладетъ свой пирогъ и такимъ образомъ происходитъ бесѣда. Въ знакъ единенія нѣсколько разъ касаются они однимъ пирогомъ о другой и бьютъ рука объ руку. Невѣста въ это время сидитъ въ сторонѣ и причитаетъ:

2149.

Ужъ радѣльникъ ты, родной батюшка!
Ты не бей-ка пирогъ объ пирогъ,
Не ударяй-ка рука объ руку!
Ты бей-ка, да воздерживай,
Говори рѣчь, да посмалчивай,
Добрыихъ людей повыспрашивай,
Чтобы тебѣ бить—не каяться,
А мнѣ жить—не маяться.
Запоручили мою буйную головушку
За поруки крѣпкія,
За замочки за нѣмецкіе.

Дальнѣйшій причетъ зависитъ отъ способности импровизаціи каждой невѣсты и не представляетъ особаго интереса.

Свадебный поѣздъ у барскихъ крестьянъ начинается нѣсколько иначе, чѣмъ у казенныхъ. Первоначально къ невѣстиной избѣ подъѣзжаютъ только два жениховыхъ дружка, здороваются со всѣми въ избѣ, и говорятъ:

«Сватушка и свахонька и всѣ гости пріятели, смотрѣльники, глядѣльники, благословите за княземъ ѣхать! Нашъ князь во чистомъ полѣ, во зеленой дубровушкѣ, подъ чистымъ небомъ, подъ темными облаками, подъ яркими звѣздами.»

Дѣйствительно свадебный поѣздъ стоитъ въ это время за деревней, и только, спустя нѣсколько времени, подъѣзжаетъ къ невѣстиному дому. Въ то время, когда женихъ подъѣзжаетъ и входитъ въ избу, невѣста причитаетъ:

2150.

Не пáвынька по заполью летала,
Павлинья перья роняла, —

Не я ли, горюша горькая,
По застольчику ходила,
Горючія слезы роняла.
Не по саду-то меня посадили,
Не по саду, не по вишенью, —
Посадили меня, горюшу горькую,
За столы за дубовые,
За скатерти самобранныя.

Потомъ, обращаясь къ отцу, матери и ко всѣмъ близкимъ, она опять причитаетъ.

2151.

Закатите-ко катомъ улицу,
Защитите-ко щитомъ ворота!
Вы поставьте у воротъ привратничковъ,
У дверей придверничковъ,
Не пущайте-ко вы чужихъ людей.

(Когда женихъ входитъ):

Всѣ каты откатилися,
Всѣ щиты отщитилися,
Придвернички отшатнулися,
Чужи люди въ дворъ въѣхали.

А между тѣмъ входящаго жениха встрѣчаютъ подруги невѣстины своей пѣсней:

2152.

«Во полѣ бояре стояли,
Не стояли, не проѣздили, —
На дворъ бояре въѣхали.
Полонъ дворъ гостей наставили,
Поломили сѣни новыя.
Князь въ теремъ восходитъ,
Богу молится.
Катеринушка сторонится,
За подруженекъ хоронится.
«Вы голубушки подруженьки,
Схороните вы меня за себя!
Онъ идетъ—погубитель мой,
Онъ идетъ—разоритель мой,
Онъ идетъ—расплести косу,
Онъ идетъ—потерять красоту.

2153.

Какъ не пава по двору ходитъ,
Не павлины перья ронитъ, —
Катя ходила, слезы роняла
Катеринушка горючи слезы.
Припадала къ нутряному замочку:
«Отопрись, отложись, нутряной замочекъ!
Пробудись, мой батюшка родимый» [1])

Послѣ этихъ пѣсенъ происходитъ, описанный выше, выкупъ невѣсты у подругъ, у брата и т. д.; между прочимъ здѣсь мы встрѣчаемъ нѣкоторую особенность, именно *невѣстиной красоты*. По этому случаю еще заранѣе приготовляется махровая вѣтвь (изъ барскаго сада), утверждается на какой-нибудь подставкѣ и ставится на столъ, затѣмъ украшается дѣвичьими лентами и цвѣтами. Это-то изукрашенная вѣтвь и служитъ эмблемой дѣвичьей красоты, которую выкупаютъ сваты у подругъ.

У барскихъ крестьянъ, кромѣ выкупа, женихъ даритъ еще невѣстиныхъ подругъ деньгами, за это онѣ поютъ ему пѣсню:

2154.

Ужъ ты, князюшка хорошенькій,
Ужъ ты, князюшка, пригоженькій!
Ужъ ты умная головушка,
Преисправная бесѣдушка!
Ужъ сидишь ты статнехонько.
Ужъ и слышишь ли: тебѣ мы пѣсню поемъ,
Пѣсню поемъ, тебѣ честь воздаемъ.
Пора тебѣ дѣвицъ подарить,
Пора тебѣ пожаловать.

(Въ это время женихъ даритъ).

Благодарствуй тебѣ, князюшка,
На твоемъ большомъ дару,
На твоемъ-то сладкомъ меду!
Ужъ медъ-отъ мы исповыпили
Золоту казну исповыбрали, —
Тебѣ поклонъ воздаемъ.

---

[1]) Въ связи съ предыдущей эта пѣсня наводитъ на мысль о похищеніи невѣсты: отецъ ея спитъ, въ это время неожиданно входитъ сватъ, котораго дѣвушка называетъ погубителемъ дѣвичьей красоты, прихода котораго страшно испугалась. Она хватается за послѣднее средство—припадаетъ къ нутряному потаенному) замочку, за которымъ спитъ ея батюшка и старается разбудить послѣдняго, чтобы онъ спасъ ее. Н.

Затѣмъ мать невѣсты даритъ жениха полотенцемъ, при этомъ невѣста причитаетъ:

2155.

Родная, родимая матушка!
Не даромъ ты подарила, —
Подарила своимъ чадомъ милымъ.

Далѣе одною изъ подругъ расплетается невѣстина коса, наканунѣ заплетенная. Невѣста причитаетъ:

2156.

Ужъ ты, голубушка бѣлая!
Потрудись-ка, пожалуста,
Расплети-ка мнѣ русу косу,
Расплетай-ка, да поберегись.
Въ моей-то въ русой косѣ
Вплетены два ножечка булатные,
Два замочка полуженые.
Не обрѣжь-ка свои руки бѣлыя,
Не закровяни-тко мои плечи могучія.

Здѣсь мы закончимъ изложеніе предсвадебной церемоніи у барскихъ крестьянъ. Считаемъ при этомъ не лишнимъ упомянуть, что здѣсь фигурируютъ слѣдующія должностныя лица: *тысяцкій*,—самое близкое и важное лицо при женихѣ: онъ выводитъ его съ невѣстой изъ избы и сажаетъ на коней: *гвоздарь*, какъ мы говорили выше, завѣдующій пивомъ и виномъ, *сваты*, *сватьи*, *дружки*, *подружья*, *бояре-гости*.

Когда поѣздъ пріѣзжаетъ послѣ вѣнца изъ церкви въ домъ жениха, молодыхъ на порогѣ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью отецъ съ матерью, какъ жениха, такъ и невѣсты и ведутъ по подостланной подъ ноги новинѣ. Затѣмъ молодыхъ уводятъ въ особое помѣщеніе позади сѣней—*горенку*, гдѣ предлагаютъ имъ обѣдъ. На этотъ обѣдъ допускаются только самые близкіе къ молодымъ лица.

Когда молодые окончатъ свой обѣдъ, ихъ вводятъ въ избу, гдѣ всѣ гости уже усѣлись за большой *княжій* обѣдъ. Молодыхъ сажаютъ за столъ среди гостей, но они здѣсь уже не ѣдятъ, а только потчуютъ другихъ, кланяются и цѣлуются подъ крики: «горько, горько!»

Пиръ въ домѣ жениха продолжается до полуночи. Молодыхъ укладываютъ спать ранѣе гостей, для чего уводятъ ихъ въ ту же горенку, гдѣ приготовлена имъ бываетъ постель. Первымъ раздѣвается и ложится подъ одѣяло молодой мужъ, а молодуха все это время стоитъ у постельнаго изголовья. Когда мужъ ляжетъ, жена подходитъ ближе къ нему и спрашиваетъ: «Михаилъ Васильевичъ! прикажете мнѣ раздѣваться и ложиться съ вами, или же стоять у вашего изголовьица?» И только тогда молодуха ложится, когда мужъ пригласитъ ее на постель.

Утромъ на другой день молодыхъ поднимаютъ съ брачнаго ложа, когда уже всѣ встали.

Часовъ съ 10-ти утра происходятъ въ домѣ жениха свадебныя игры и шутки.

Вотъ въ короткѣ ихъ содержаніе.

Тысяцкій обращается къ жениховой матери со словами: Не все тебѣ, Пелагея Степановна, самой печку-то топить, и кушанья варить, теперь и молодая истопитъ». Другіе гости, въ отвѣтъ на это, кричатъ: «Надо испробовать, умѣетъ ли молодуха-то печку топить. Пущай-ка за дровами сходитъ!» Невѣста выходитъ изъ избы за дровами, при чемъ сватья съ ея стороны указываютъ ей хозяйскую полѣнницу, а женихова сватья сбиваетъ ее и ведетъ къ чужой дальней полѣнницѣ. Здѣсь молодуха набираетъ охапку дровъ и несетъ ихъ въ избу. Гости увидѣвши, что молодуха набрала чужихъ дровъ, кричатъ: «Дура, дура, молодуха-то, дура!»

Внесши дрова въ избу, молодуха обращается лицомъ къ порогу и молится на него. Гости изумляются и кричатъ по прежнему, а молодуха между тѣмъ два полѣна кладетъ по краямъ божницы, даетъ по полѣну свекру со свекровью и другимъ гостямъ. Раздаются оглушительные крики: «Дура, дура, совсѣмъ дура!»

— Умѣетъ ли она прясть-то?» Подаютъ молодухѣ гребень. Она взлѣзаетъ на столъ, становитъ на немъ гребень шиворотъ на выворотъ, и садится на гребенку, а вмѣсто льну навертываетъ соломы и разбрасываетъ ее по избѣ. «Дура, дура!» раздаются крики.

Одинъ изъ дружекъ наряжается теленкомъ, котораго молодуха должна поить молокомъ. Вмѣсто молока подается шайка воды; молодуха начинаетъ поить теленка,—послѣдній брыкается, выкидываетъ разныя штуки. Гости хохочутъ, а молоко разливается по полу и выливается на теленка.

«Дура, дура, молодуха-то! Гдѣ сватъ? Онъ сосваталъ, онъ и въ отвѣтѣ. Его надо наказывать; надо его пороть!»

Одинъ изъ дружекъ наряжается палачемъ, обвиваетъ вокругъ своего туловища кнутъ, свитый изъ соломы. Всѣ гости идутъ на улицу, куда съ барабаннымъ боемъ въ заслонъ выводится сватъ для наказанія кнутомъ. Впереди его несутъ ска-

мейку, на которую онъ долженъ быть разложенъ. Скамейка становится посреди улицы, а между тѣмъ сватъ вырывается и бѣжитъ; его ловятъ. Сватъ забирается на крышу, но его оттуда волокутъ къ мѣсту наказанія..... Отовсюду сбѣгаются смотрѣльники-глядѣльники. Это своего рода для нихъ театральное представленіе. Свата наказываютъ удары: разъ.. два... три. Сватъ въ изнеможеніи, безъ чувствъ валится со скамейки, но въ это время на улицу выходятъ молодые. Мужъ несетъ вино, а жена закуску, сзади отецъ—ковшъ вина. Изнемогшему свату молодой вливаетъ въ ротъ стаканъ вина; сватъ открываетъ глаза и начинаетъ шевелится.

«Хорошъ молодой дохтуръ!» кричатъ гости. «Свату полегчалося. Ну-ка, дохтуръ, еще!»

Свату подносится еще стакана два, и онъ совершенно оживаетъ.

Затѣмъ тутъ же, среди улицы, угощаются виномъ и пивомъ всѣ гости, всѣ смотрѣльники-глядѣльники, рѣшительно всѣ находящіеся на улицѣ, кончая послѣднимъ нищимъ. Это одна изъ торжественныхъ минутъ деревенской свадьбы. Женихъ съ невѣстой, разодѣтые, выкланиваются предъ всѣми съ доброй привѣтливой улыбкой и потчуютъ.

Гости устраиваютъ на улицѣ хороводы, впрочемъ совершенно новѣйшаго характера. Нѣкоторые изъ болѣе пожилыхъ располагаются на травѣ и затягиваютъ свои *старинныя*. И все это происходитъ подъ открытымъ небомъ, подъ лучами весенняго солнышка, которые играютъ на непокрытыхъ, лоснящихся головахъ мужчинъ.

Въ этотъ день пьетъ и гуляетъ на свадьбѣ не толька вся деревня, но даже нерѣдко вся округа. Веселье продолжается за полночь. Когда послѣдняя покроетъ землю, гости утихаютъ и располагаются спать, гдѣ кому Богъ приведетъ: кто въ сараѣ, кто въ овинѣ, а кто просто чуть не среди дороги. Много въ этотъ день бываетъ вина и пива повыпито.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы устраивается *спознать*, т. е. новая родня перегащивается между собой: тутъ бываютъ только самые близкіе родные. Для *спóзнати* стряпаютъ лучше, чѣмъ для самой свадьбы.

Такимъ образомъ кончается деревенская свадьба, послѣ чего начинается обыкновенная будничная жизнь. Описанныя нами выше свадебныя церемоніи во всей полнотѣ, конечно, выполняются только у самыхъ зажиточныхъ крестьянъ. Что же касается причетовъ и пѣсенъ, то очень часто они также не исполняются вполнѣ: это зависитъ отъ характера невѣсты и подругъ.

П. Новоселовъ. Тверской Вѣстникъ 1880 г. № 15, 16, 17 и 19.

Той же губерніи, Новоторжскаго уѣзда.

Кануна и день брака.

Наканунѣ брака, когда съѣдутся всѣ гости, бываетъ выборъ поѣзжанъ, который происходитъ слѣдующимъ образомъ: Женихъ (князь) съ подъкнязьемъ, стоя за столомъ, кланяется всѣмъ, а отецъ подноси гостямъ вино и пиво, выбираетъ въ тысяцкіе, потомъ *сватью* (мать крестную), *большого барина*, меньшаго барина и двухъ дружковъ.

Должность *тысяцкаго* или отца крестнаго состоитъ въ томъ, что онъ выкупаетъ невѣсту и раздаетъ за нее дѣвушкамъ-подружкамъ ея—орѣхи. *Бояре*—только занимаютъ одно почетное званіе, дружки же обязаны раздавать орѣхи, мыло и проч., принимать молодыхъ, ухаживать за ними и класть въ постель.

Послѣ выбора свадебныхъ чиновъ готовятся къ поѣзду; садятся за столъ, молятся Богу. Въ это время отецъ жениха стоитъ съ образомъ, а мать съ хлѣбомъ и солью. Женихъ, помолившись Богу, кланяется отцу въ ноги, а дружки поддерживаютъ его за руки и не даютъ ему кланяться до земли. Отецъ благословляетъ его и затѣмъ выходитъ на дворъ, запрягаетъ лошадей и всѣ поѣзжане выѣзжаютъ съ двора въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди ѣдутъ дружки, за ними—тысяцкій съ женихомъ, далѣе—бояре. Отъѣхавши нѣсколько сажень, дружки возвращаются назадъ, благодарятъ отца и мать жениха за угощеніе и доносятъ имъ, что князь выѣхалъ со двора благополучно. Послѣ отправленія поѣзда въ домѣ жениха *трутень* или кормовой идетъ въ конюшню къ овцамъ, гдѣ и готовитъ постель для молодыхъ.

Подъѣзжая къ дому невѣсты, дружки останавливаются передъ воротами и спрашиваетъ ея отца: «готова-ли княгиня?» Если готова, то ихъ принимаютъ въ домъ, если же нѣтъ, то ворота не отпираются и имъ отвѣчаютъ: «княгини дома нѣтъ: ушла въ лѣсъ по грибы!» Весь же поѣздъ между тѣмъ стоитъ на дорогѣ въ ожиданіи отвѣта дружекъ и когда они, объявляютъ, что все готово, то весь поѣздъ ѣдетъ къ воротамъ невѣстинаго дома и прямо на дворъ, гдѣ сватья невѣсты потчуетъ пивомъ сватью жениха. Вошедши въ избу, всѣ здороваются со сватомъ и со всѣми родными, невѣста же въ это время сидитъ въ заднемъ углу, окруженная дѣвушками-подружками. Тысяцкій подходитъ къ нимъ и проситъ отпустить невѣсту. Дѣвушки просятъ выкупа. Тысяцкій предлагаетъ имъ деньги и если мало, то дѣвушки ихъ бросаютъ ему назадъ. Тысяцкій понемногу все прибавляетъ до тѣхъ поръ пока

сторгуются. Тогда дружки передаютъ невѣсту женнху. Женпхъ же, взявъ ее за руку наступаетъ ей трп раза па ногу (чтобы не была сердита). Затѣмъ тысяцкій беретъ за руку жениха, ведетъ за столъ и сажаетъ его па нарочно приготовленномъ для него мѣстѣ, т. е. на подушку, рядомъ съ невѣстой. Но прежде, чѣмъ молодымъ сѣсть совсѣмъ дружко ихъ три раза поднимаетъ съ подушекъ и опять сажаетъ па нихъ. Послѣ этой церемоніи начинается угощеніе и дары со стороны жениха. Угостившись вдоволь, всѣ выходятъ изъ-за стола и ѣдутъ въ церковь. Дружки и па этотъ разъ, отъѣхавши немного, возвращаются назадъ въ домъ невѣсты, благодарятъ свата за угощеніе и зовутъ къ себѣ въ гости. Сватъ же, т. е. отецъ невѣсты, предлагаетъ имъ садиться, по они не садятся. Сватъ угощаетъ дружекъ пивомъ и даетъ имъ пирогъ. Они же, взявъ пирогъ, отламываютъ отъ него только краешекъ, но не ѣдятъ. А между тѣмъ во время этого угощенія запираются ворота. Дружки выходятъ изъ избы, глядятъ—ворота заперты. Они опять входятъ въ избу и просятъ у свата пива. Тогда всѣхъ, кто только стоитъ около воротъ, угощаютъ пивомъ и даютъ закусить пирогомъ. И только послѣ всей этой церемоніи имъ отпираютъ ворота и они выѣзжаютъ со двора, догоняютъ поѣздъ и вмѣстѣ съ нимъ ѣдутъ въ церковь.

Сообщ. въ 1853 году свящ. Рожкинскаго погоста, отцемъ Георгіемъ.

2157.

Что были за гости, за пріятели?
Пропилъ ты меня, родной батюшка
За стаканъ пива пьянаго,
За рюмку вина зеленаго.
Продумалъ ты меня, родной батюшка,
Продалъ ты меня во чужіе люди,
Во чужіе люди незнакомые.
Ужъ какъ-то мнѣ жить будетъ?
Ужъ какъ-то мнѣ упаковать [1]) будетъ?
На чужаю отца съ матерью?
Что чужой отецъ съ матерью
Безъ желаньица уродился:
Въ вечеру кладутъ спать позднехонько,
По утру будютъ вставать ранехонько:
«Вставай-ко, дитя немилое,
Немилое, неродное,
Нероженное, нехоженное!
Ступай-ко на работушку!»
— А работушка мнѣ не подъ силушку.
Обольюсь я, младешенька,
Своимъ горючимъ слезамъ.

[1]) По слов. Даля: упакать — угодить, приноровиться, примѣниться, унорoвить.

2158.

Расшаталась грушица,
Расшаталась зеленая
Передъ яблонькой стоючи.
Расплакалась Лизавета душа,
Расплакалась Тимоѳѣевна
Передъ батюшкой стоючи,
Передъ матушкой возрыдаючи:
«Государь, родимый батюшка,
Государыня, родимая матушка!
Нельзя ли думу отдумати,
Чтобъ меня замужъ невыдати?»
— «Ты, дитя ли мое дитятко,
Ты, дитя ли мое милое!
И нельзя думу отдумати,
Чтобъ тебя замужъ не выдати:
По рукамъ у насъ ударено,
На словахъ у насъ положено.»

2159.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнова,
Изъ за садика зеленаго
Вылетало стадо лебедевъ,
Позади летитъ гусиное.
Отставала лебедушка
Отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Ко стаду къ сѣрымъ гусямъ.
Не умѣла лебедушка
По гусиному кликати,
И ее стали гуси щипати.
«Не щипите, гуси сѣрые!
Не сама я къ вамъ залетѣла,—
Занесло меня погодою,
Что погодою, невзгодою.»
— Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго
Изъ за садика зеленаго
Выходила толпа дѣвушекъ,
Позади идутъ молодушки.
Отставала Лизаветушка,
Отъ толпы отъ красныхъ дѣвушекъ,
Приставала Лизаветушка
Ко толпы ко молодушкамъ.
Не умѣла Лизаветушка
На головушку управиться, —
Иностали люди журити.
Не журите, люди добрые!

Не сама я къ вамъ заѣхала,—
Завезли меня кони добрые,
Что добры кони Захарова.

2160.

Какъ чесалъ Андрей кудри
Костяной новой гребеночкой,
Онъ чесалъ приговаривалъ:
«Прилегайте, кудри русые,
Ко моей буйной головушкѣ,
Ко моему-то лицу бѣлому!
Привыкай-ка, любовь душа,
Къ моему-то уму-разуму,
Къ мому-то роду, племени!»
— «Тяжело мнѣ привыкать будетъ
Къ чужому отцу, матери,
Къ чужому роду-племени.»

2161.

Ну, погоди-ко, мой свѣтелъ мѣсяцъ!
Затепляй свѣщу воску бѣлова,
Подвигайте столы дубовые,
Разстилайте-ко скатерти браныя,
Становите ѣства сахарныя,
Нацѣдите пива пьянаго,
Наносите вина зеленаго!

2162.

Не всѣ-то у насъ гости въ собраньицѣ,
Не всѣ они въ съѣзжаньицѣ.
Не тамъ-ли родной батюшка?
Авось ли онъ не подойдетъ ли?
Не подойдетъ ли, не подъѣдетъ ли
На мою-то свадьбу на младую,
На младую, на сиротскую?
Благослови ты меня, сиротинушку,
Ко суду-то Божьему ѣхати!
У суда-то Божья тяжело стоять:
Подломятся мои скоры ноги
Опустятся мои бѣлы руки,
Ужахнется мое сердце,
Ужахнется, испужается.

2163.

Ты рѣка ли моя рѣченька,
Рѣка ли моя быстрая!
Что ты стоишь, не колыхнешься?
Съ берегомъ ты не сравняешься?
Съ желтымъ пескомъ не смѣшаешься?
Что ты, Лизушка, сидишь, не усмѣхнешься?
Говоришь ты, не промолвишься?»
— «На что глядя, мнѣ смѣятися?
Полонъ дворъ каретъ наѣхавши,
Полна горница гостей сидя(тъ).
Нарядиться мнѣ кое есть во что,
Отпустить-то мнѣ есть кому,
Благословить-то мнѣ некому.
Ты желанный братецъ, батюшка!
Ты выйди на широкій дворъ,
Ты возьми узду тесменную,
Что тесменную, ременную,
Обротай коня что ни лучшаго,
Что ни лучшаго, хорошаго:
Ты съѣзди къ Божьей церкви,
Ты ударь трожды во колоколъ,
Ты пусти гулъ по всѣмъ церквамъ,
Что по всѣмъ церквамъ, по сырымъ землямъ,
Разбуди кормильца батюшку,
Екима-то Софроновица:
Благослови ты меня, сиротинушку,
Къ суду-то мнѣ Божьему ѣхати,
У суда мнѣ Божьяго стояти!
У суда мнѣ тяжело стоять:
Какъ подломятся у меня скоры ноги,
Опустятся у меня бѣлы руки,
Ужахнется мое ретиво сердце,
Ужахнется, испугается,
У суда Божьяго стоюци.

2164.

Какъ леталъ-то, леталъ соколъ,
  Съ горы на гору леталъ,
Какъ искалъ-то, искалъ соколъ
  Стадо лебединое,
Какъ нашелъ-то, нашелъ соколъ
  Стадо лебединое.
Ёнъ все стадо разогналъ,
  Одноё лебедушку ухватилъ,
Ахъ что лебедушку душу,
  Златокрыльцату свою.
Возмолилася лебедка
  Своему ясну соколу:
«Ты пусти, пусти, соколъ,
  Въ стадо лебединое!»
Я тогда тебя пущу, —
  Сизы перышки ощиплю,
Златы крылушки обобью,
  Горяцую кровь пролью.

— Какъ и ѣздилъ-то Захарь-князь
По Слопихину по селу,
Какъ искалъ-то, искалъ князь
Красныхъ дѣвушекъ толпу.
Ёнъ всѣхъ дѣвушекъ распустилъ,
Только ее одну ухватилъ
Свѣтъ Лизаветушку свою,
Тимофѣевну свою.
Возмолилася Лизаветушка,
Возмолилася Тимофѣевна
Своему милому-то дружку,
Захару Ѳедоровицу:
Ты пусти, пусти Захаръ-князь,
Ты пусти, пусти Ѳедоровицъ,
Къ краснымъ дѣвушкамъ въ толпу!»
— «Я тогда тебя пущу, —
Ко вѣнчальнцу свезу,
Ко вѣнчальницу свезу,
У вѣнчальница постоимъ,
Косу русу расплету,
Ее на двое заплету.

2165.

Свѣтъ ты, коса дѣвичья 2, коса русая!
Расплелась моя коса, коса русая
Развился мой шелковый гонтай [1]),
Шелковый гонтай съ алой ленточкой!
Свалилась ты съ меня, съ младешеньки,
Вся цесть-хвала, воля батюшкина,
Воля батюшкина, нѣга матушкина.
Бывало я, младешенька,—на гулянье пойду,
На гулянье пойду,—не спрашиваюсь,
Съ гулянья приду,—не сказываюсь.
А теперь-то мнѣ, младешенькѣ,
На гулянье-то итить—спрашиваться,
Съ гулянья-то итить,—все сказываться,
У новыхъ-то воротъ понастоишься,
У дубовыхъ дверей понаслухаешься,
И на степеньку-то ступнешь,—оступнешься,
Слово-то молвишь,—обмолвишься.

2166.

Подите вы, подружки-ластушки
Провѣдайте про мое горе,
Про мое горе про великое!
Какъ-то будетъ мнѣ, младешенькой,
Итить будетъ во чужи люди.
Во чужихъ во людишкахъ

[1]) *Гонтай, гонтинъ* — снурокъ, мутовязокъ, особенно, для тѣльнаго креста. Слов. Даля.

Надо жить умѣючи,
Умѣючи, разумѣючи.
У сѣней-то настоишься,
У дверей-то наслушаешься
За скобу возьмешься—попятишься:
Не про меня ли, молодешеньку,
Чужой отецъ съ матерью говорить?
Не про меня ли говорятъ,
Не меня ли бранятъ?

2167.

Не долго вѣночку на столбикѣ висѣть,
Не долго Лизаветушкѣ во дѣвушкахъ сидѣть.
Не трубушка трубила рано по зари, —
Плакала Лизаветушка по русой по косѣ:
«Ты свѣтъ моя косынька, русая коса!
Сегодня тебя, косынька, дѣвки плетутъ,
На завтра, моя косынька, сватья станетъ плесть.
Не та ли сватьюшка пріѣзжая,
Пріѣзжая сватьюшка, не милостивая.
Станутъ мою косыньку рвать-порывать,
Станутъ мою русую на двѣ заплетать,
Заплетутъ мою косыньку на двѣ косы,—
И весь крупенъ жемчугъ поразсыплется.

2168.

Соколъ, соколенка
Залетная пташецка,
Леталъ по вишенью,
Залетѣлъ въ зеленый садъ,
Ухватилъ лебедушку,
Лебедушку бѣлую,
Привелъ ее къ батюшку:
«Люба-ль тѣ невѣстушка?»
— «Родимо мое дитятко!
Люба-бъ тебѣ было,
А мнѣ—послѣ тебя.

(Повторяется все сначала съ обращеніемъ къ матери, которая отвѣчаетъ тоже самое).

2169.

Ѣхалъ зять мимо тестева двора, —
Онъ стучиться у новыхъ у воротъ:
«Дома-ль тесть, дома-ль теща моя?
Дома-ль душенька, невѣста моя?»
Услыхала Анисья душа,
Побѣжала по новымъ по сѣнямъ
Закричала громкимъ голосомъ своимъ:
«Ужъ вы, матушки, нянюшки мои!

Вы берите золоты ключи мои,
Отпирайте кленовые сундуки,
Вынимайте подгребцовое сукно,
Ужъ вы кройте Степану на армякъ
Чтобъ не дологъ, не коротокъ былъ,
Чтобъ пошире, поразмашистѣе,
Чтобъ было ему можно на ворона коня вскочить,
Чтобъ было можно въ стремя ногу положить,
Поскорѣй душу невѣсту увидать,
Да Лизавету да милую свою.

Когда невѣсту ведутъ въ баню.

2170.

Растопися, баенька,
Разгорися, каменька!
Ты разсыпься, крупенъ жемчугъ,
Что по атласу, да по бархату!
Ты расплачься, невѣстушка,
Лизавета душа Тимоѳеевна,
Передъ батюшкой стоюци,
Передъ матушкой плакуци,
Благословенья просюци:
Благослови, родимый батюшка,
Еще родима матушка!
«Благослови меня во цужи люди,
Ко цужому роду племени,
Ко цужому отцу съ матерью:
Безъ жалости уродился,
Что безъ жалости, безъ милости:
Въ вецеру кладутъ спать позднехонько,
По утру будятъ ранехонько:
«Ты вставай-ко, дитя немилое,
Ты вставай-кось, нероженное!
Ты вставай, сноха приведенная!
Кидай, кидай волю батюшкину,
Бросай, бросай нѣгу матушкину,
Привыкай ко работушкѣ,
Ко великой ко заботушкѣ.»

Всѣ зап. мною въ дер. Карцовѣ.

XIV. Ярославской губерніи.

Пошехонск. у., село Козьмодемьянское, на Шекснѣ.

Дѣловая часть брачныхъ обрядовъ, не разъ было мною описано, какъ-то: въ «крестьянской свадьбѣ», напечатанной въ «Трудахъ стат. ком.» такъ и въ статьѣ «село Козьмодемьянское», «въ Ярос. Губер. Вѣд.»; но остается еще многое дополнить новыхъ обрядностей, а также и позаимствовать изъ прежнихъ моихъ писаній. Изъ уцѣлѣвшихъ обломковъ старинныхъ обрядностей при бракахъ, сохранилось и до сихъ поръ не мало такихъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, которые указываютъ на давнопрошедшее время, какъ-то: похищеніе невѣстъ, которыя и называются: «самеходками», отдавать невѣстой жениху свои наряды — «залогъ», что дѣвушка шла замужъ, если родители его не будутъ согласны на бракъ. «Завалъ дороги», когда поѣздъ ѣдетъ за невѣстой, чтобы везти къ вѣнцу. «Выкупъ», которымъ дружка выкупаетъ невѣсту у подругъ и родни. «Выставка», вина, пива и закуски сосѣдямъ за невѣсту. «Приданое» и «выводъ», приданое выговаривается съ невѣсты, а «выводъ» дается родителямъ невѣсты—отъ жениха 15—30 р., но «выводы», въ послѣднее время стали рѣдкимъ явленіямъ. Битье посуды, горшковъ и проч. когда невѣсту поведутъ на брачное ложе изъ-за стола, а потомъ утромъ — послѣ первой ночи. Свадебныя причитанья, поговорки, загадки, обрядности, суевѣрія свадебныя, — все это опишется по возможности ниже. Все это указываетъ на обломки свадьбы и обычаевъ древнихъ, въ которыхъ много сохранилось достойнаго подражанія; но къ сожалѣнію, годъ отъ года уничтожается, замѣняется болѣе новымъ, иногда пошлымъ и безъ выразительности того типичнаго идеала народа, въ которомъ выражались духовныя его черты.

Свадьбы въ Пошехонскомъ уѣздѣ бываютъ по большой части въ осеннее и зимнее время. Крестьяне не любятъ отдавать дочерей замужъ весной — лишаться работницы для лѣтнихъ работъ. Каждому началу свадьбы, предшествуетъ «сватанье» невѣсты, къ которой посылается сватъ или сватья, для переговоровъ: отдаютъ-ли невѣсту, а затѣмъ и излагаются условія. Сваха или сватъ, пришедшій сватать невѣсту, не долженъ садиться во время переговора о согласіи, даже и тогда, когда ноги устаютъ стоять, то шутливыя свахи становятся

на колѣни и говорятъ о дѣлѣ. Въ сельской жизни народа, рѣдко случаются браки, такихъ молодыхъ людей, которые бы были незнакомы другъ съ другомъ. Прежде чѣмъ начинаютъ сватать дѣвушку за парня, которые уже знакомы между собой, переговорили не разъ о женитьбѣ, а нѣкоторые знаютъ другъ друга съ дѣтства, нѣкоторые познакомились на гуляньяхъ, въ хороводахъ и въ праздники. Придерживаясь описанія нашей «крестьянской свадьбы», мы будемъ описывать свадьбу того типа, который по нашему мнѣнію разнообразнѣй предъ другими. Намъ приходилось видать и бывать на свадьбахъ въ разныхъ мѣстахъ нашего уѣзда; по характеръ почти вездѣ одинъ и тотъ же съ разнообразными измѣненіями, которыя въ послѣдніе 20—30 лѣтъ значительно уничтожили тѣ старинныя обрядности, которыя указывали на давно прошедшія времена. Описаніе наше свадебныхъ обрядовъ и обычаевъ, относится ко времени 40—50 лѣтъ назадъ,—въ то время, нашего дѣтства и юности, намъ приходилось бывать, видать и наблюдать свадьбы, въ волостяхъ: Ериловской, Займищевской, Капунсиской, Мусорской, Щетинской и проч. Въ разныхъ мѣстахъ уѣзда называется начало свадьбы очень разнообразно, какъ-то: «Слово дали», «сговорки», «просватанье», «пропиванье» и проч. При «сговоркахъ» бываютъ кромѣ свата и сватьи, отецъ жениха и мать, даже иногда и самъ женихъ. Начнемъ же съ описанія «сговорокъ». Сговоркамъ предшествуютъ «смотрины»; но это только у лицъ мало знакомыхъ другъ съ другомъ.

I.

Сговорки.

Когда сваха порѣшитъ дѣло, т. е. уговорится съ родными невѣсты, на какихъ условіяхъ отдаютъ невѣсту, съ какимъ приданымъ, и выводомъ, а также въ какое время приходить въ домъ невѣсты для «сговорокъ». Надо замѣтить, что сговорки или пропиванье или слово даютъ всегда въ домѣ невѣсты. Когда придутъ сватающіеся въ домъ невѣсты, то въ это время народу—сосѣдей приходитъ очень много. Когда будутъ молится Богу, то дверь запираютъ, а всѣ предстоящія садятся, а потомъ отецъ невѣсты зажигаетъ свѣчу предъ иконой и молятся. Договорившіяся сватовья садятся за столъ, распивать чай и вино, съ закусками. Невѣста въ это время сидитъ гдѣ нибудь у печки или въ «кутѣ», подъ полатями. Когда собираются молиться, то она стонетъ, плачетъ или причитаетъ, если умѣетъ, причитаетъ сама, а если же нѣтъ, то приглашается къ ней женщина—«выльница», умѣющая выть—причитать, которая и садится съ невѣстой рядомъ. Вотъ нѣкоторыя причитанья «въ сговорки».

2171.

Не давай, кормилецъ батюшка,
Ты своей-то руки правыя,
Моему-то злому ворогу, —
Свату, къ тебѣ заманному.
Не зажигай-ка, родимая матушка,
Свѣчи воска ярова,
Не молитеся вы Богу-Господу,
Не сгубляйте красу дѣвичью.
Мало я-то у васъ, желанные,
Пожила, покрасовалася,
Со подружкамъ поводилася,
Мало я у васъ нагулялася:,
По темнымъ лѣсамъ дремучіимъ,
По полямъ, лугамъ зеленыимъ;
Мало я то у васъ порядилася
Въ дорогія платья цвѣтныя.

Когда сватовья и сватьи усядутся за столъ, начинаютъ говорить и пропивать. Разговоръ ведется приблизительно такъ:

«Ты, сватьюшка, къ намъ приходила?»

— Приходила.

«Рѣчи наши переводила?»

— Переводила:

«Приходится намъ: ударить по рукамъ, выпить винцо, да и слово дать крѣпкое, вѣрное». При этомъ всѣ цѣлуются и поздравляютъ другъ друга, а невѣста причитаетъ:

2172.

Не давай, кормилецъ батюшко,
Ты свово-то слова вѣрнаго,
Не крѣпи-ко меня дѣвицу,
Крѣпко накрѣпко и на вѣки.
Ты не бей-ко рука объ руку,
Не мирися ты съ разлучникомъ.
Не пропивай, кормилецъ батюшко,
За стаканомъ зелена вина,
Ты мою-то красу дѣвичью:
То вино-то изъ слезъ сдѣлано,
Да на слезы сватомъ куплено.
Ужъ какъ мнѣ-то красной дѣвицѣ,
Знать, до сыта будетъ плакаться,
А слезами умыватися.

Сговорки или пропиванье бываетъ очень недолго: разопьютъ чай и вино, закусятъ, возьмутъ у невѣсты платокъ и кольцо, а затѣмъ сватовья и уходятъ. Народъ же и подруги дѣвушки остаются. Невѣсту приводятъ и сажаютъ въ передній уголъ, за столъ, гдѣ она должна плакать и причитать или вмѣсто ея «выльница», причемъ невѣсту одну или съ выльницей сидящей рядомъ съ нею прикрываютъ большимъ платкомъ, чтобы не видно было лица. За столомъ невѣста причитаетъ:

2173.

Благослови-ка меня, Господи,
Пресвятая мать Богородица!
Благослови, кормилецъ батюшко,
И родимая моя матушка
Мнѣ садится-то, красной дѣвицѣ,
Мнѣ во мѣсто-то во печальное,
Во печальное, да горе-горькое!
Вы, соколики, братцы милые,
И голубушки невѣстушки,
Осердилися, да распрогнѣвалисъ
На меня, на красну дѣвицу;
Вы пропили меня, желанные,
За стаканъ за зелена вина!
Знать, не слуга я была, не работница,
Не посылочка была для васъ скорая,
Обносила васъ, желанные,
Обносила платьемъ цвѣтнымъ,
Васъ объѣла кускомъ сахарнымъ.

Всѣ предстоящіе и родные плачутъ или говорятъ тихо о доблестяхъ невѣсты, называя ее: смиренницей и рукодѣльницей. Невѣста, свои причитанья обращаетъ къ стоящимъ и сидящимъ около ея подругамъ дѣвицамъ, одинъ изъ слѣдующихъ причетовъ:

2174.

Вы, голубушки подруженьки.
Вы лебедушки да бѣлыя,
Вы сосѣдушки болѣзныя,
Что вы долго снаряжалися,
Иль посылу дожидалися?
Мнѣ послать-то было некого,
Мнѣ самой-то идти не время:
Мнѣ подрѣзали скоры ноженьки.
Не пришли, знать, вы за спесію,
Да за гордостью великою!
Не за спесью, не за гордостью,
А за дѣломъ за домовыемъ.
Не прогнѣвайтесь, подруженьки
И сосѣдушки болѣзныя,
Что не вышла, васъ не встрѣтила
Среди улицы широкія,
Среди мостику калиновова,
Середь лѣсенки брусовыя,
Не становилась я, красна дѣвица,
Супротивъ креста поклоннова,
Что поклоннаго, да богомольнаго,
Середи креста дороженьки,
Среди польныя проѣзжія.
Не смогу встать—приподнятися
Я отъ лавочки-то отъ дубовыя,
Отъ опушечки-то отъ кленовыя,—
Скоры ноженьки-то подогнулися,
Бѣлы рученьки-то опустилися,
Ретиво-то сердце испугалося,—
Испугалъ кормилецъ батюшко
И родимая-то моя матушка,—
Испугали меня дѣвицу,
Что чужой злодѣйкой стороной,
И злодѣемъ злымъ чужимъ людямъ,
И дороднымъ добрымъ молодцемъ.

Послѣ причитанія, подруги и сосѣдки начинаютъ уговаривать, чтобы сберегла себя ненадрывалася, а затѣмъ прощаются и расходятся. Невѣста оставшись одна или съ задушевной подругой, уходитъ на постель, полати или печь,— предается тамъ думамъ, отъ которыхъ у нея текутъ горючія слезы. Во все время, когда «сговоренка», просватана до вѣнца, родные ее не заставляютъ дѣлать никакого дѣла. Послѣ сговорокъ каждый день навѣста садится за столъ и плачетъ, причитая разные причеты, которые очень разнообразны. Если входитъ кто нибудь изъ подругъ или сосѣдей, родныхъ, то невѣста и причитаетъ, начиная: «Что вы долго такъ замѣшкались мои, подруженьки задушевныя». или: «Ты болѣзная моя тетушка, не придешь ты, не провѣдаешь, меня-то-ли, горюшу горе-горькую». Подруги, почти во все время у «сговоренки» шьютъ приданое, какъ-то: бѣлье и платья.

II.

Рукобитье.

Въ назначенное время, за недѣлю, или дня за три—четыре до брака, бываетъ рукобитье. Это первое веселіе—пированіе у невѣсты. Сватъ или сватья съ отцомъ и матерью жениха, въ со-

провожденіи родственниковъ, ѣдутъ или идутъ къ отцу и матери невѣсты въ домъ, для пированья на рукобитьѣ. Входятъ въ домъ, молятся Богу, здороваются съ хозяевами, иногда говорятъ: «пришли мы гости, хоша и видавые, да незваные, а обычныя дѣла совершати, просимъ насъ принимати—не брезговати». Пришедшіе по приглашенію хозяина садятся за столъ, покрытый скатертью. На немъ стоятъ на тарелкѣ пирогъ—сгибень[1]) и соль. Отецъ невѣсты зажигаетъ передъ образомъ свѣчу, и всѣ въ избѣ встаютъ, а двери запираютъ на крючекъ: крѣпко соблюдается примѣта: чтобы посторонній не пришелъ и не сглазилъ—худымъ глазомъ, дѣла важнаго. Молятся. Потомъ сватъ или сватья черезъ столъ, а иногда и у стоящихъ одинъ противъ другого сватовъ, беретъ правыя руки—рука въ руку и, взявъ съ стола пирогъ, которымъ обводитъ вокругъ рукъ сватовей три раза говоритъ: «Дѣло-то сдѣлано, хлѣбомъ-солью укрѣплено, на вѣки и на вѣки-аминь. Надъ руками пирогъ разламываетъ, а потомъ одну половину отдаетъ отцу жениха, а другую отцу невѣсты. Послѣ излома пирога, сватовья иногда мѣряютъ, чья половина болѣе правая или лѣвая, правая жениха, а лѣвая невѣсты. Есть примѣта: если которая половина больше, то у того больше силы, счастья, здоровья, долголѣтія и богатства. Переломленный пирогъ долженъ храниться у жениха и невѣсты до дня брака, а послѣ вѣнчанія, новобрачные должны съѣсть его прежде всего; но ѣсть пирогъ надо жениху невѣстину половину, а невѣстѣ женихову. Сватья при этомъ находится и говоритъ: «ѣшьте милые, во славу Божію, во любовь вѣчную, безконечную, яко же едино тѣсто въ пирогѣ, такожде и ваша плоть во единѣ до скончанія вѣка, неба и земли—аминь». Послѣ переломленія пирога сватовья садятся за столъ, начинается угощеніе. Во время переломленія пирога невѣсту проводятъ подъ платкомъ, садятъ у печки или у перегородки на лавку, а подруги около ее стоятъ или сидятъ. Если невѣста сама не очень горазда причитать, въ такомъ случаѣ зовутъ «выльницу», которыя и распѣваетъ причеты, а невѣста только рыдаетъ или охаетъ. Причеты во время рукобитья бываютъ нижеслѣдующія:

2175.

Благослови-ка меня, Господи,
Пресвятая Мать-Богородица,
Повыть-то мнѣ, поплакати,
Зычну голосу повынести,
Слезъ горючіехъ повыронить,
Лицо бѣлое повымочить,
Ретиво сердце повытерзать,
Платье цвѣтное повырудать![2])
Голоса-то у меня младой-младехоньки—
Голоса-то заунывные,
Ретиву сердцу докучные,
А причеты все нескладные.

Невѣста обращается къ отцу, матери, братьямъ и невѣсткамъ, пирующимъ за столомъ.

2176.

Ты послушай-ко, кормилецъ батюшко,
И родимая ты моя матушка,
И соколы да братцы милые,
И голубушки невѣстушки.
Я о чемъ буду разсказывать,
Честью, лестью наказывать,
Понизехонько вамъ буду кланяться,
Горючимъ слезамъ заливатися.

Невѣсту, подруги подводятъ къ отцу, матери и роднымъ, она имъ кланяется въ ноги рыдаетъ. Всѣ подпимая ее плачутъ. Потомъ невѣсту опять отводятъ на прежнее мѣсто, а она начинаетъ причитать:

2177.

Ну, Господь же съ тобой, батюшко,
И родимая моя матушка,
И соколики, братцы желанные,
И голубушки невѣстушки!
Не послушались наказу крѣпкаго:
Запоручили вы красну дѣвицу,
За поруки-то за крѣпкія,
За письма-то вѣковѣчныя.
Вы почто такъ разсердилися,
Разсердились, распрогнѣвались?
Запрошу я, красна дѣвица,
У тебя родимый батюшко,—
Я себѣ беру приданое:
Города всѣ съ пригородками,
Всѣ лѣса съ полями чистыми,
Всѣ ключи съ водами чистыми,
Да и рѣченьки-то быстрыя.
Ты подумалъ-бы, кормилецъ батюшко,
Я слуга-то была тебѣ и работница,
Я въ семьѣ была покорная,

[1]) *«Сгибень и сгибе́нь»* — пирогъ, обычно согнутый, сложенный вдвое, съ кашей, либо съ ягодами». Сл. Д.

[2]) Порудать—затаскать, обносить. Авт.

На работушки дотошная,
Имя честно не безславила,
Красу дѣвичью не кинула.
А ты ждалъ мнѣ, кормилецъ батюшко,
Съ умомъ-разумомъ собратися,
Со подружками сверстатися.
Я въ чужихъ людяхъ, младёхонька,
Отъ работушки замаюся;
За столбомъ я потихохоньку
Отъ чужихъ людей наплачуся.
Ужъ какъ этимъ ли чужимъ людямъ,
Мои слезы сладкимъ кажутся,
Мое горе—имъ весельецо,
Мнѣ кручинушка—имъ радости.

Послѣ этого причитанья, невѣста съ причетами обращается къ подругамъ:

2178.

Вы подруженьки, вы голубушки,
Задушевныя-то вы сударушки,
Что я, вамъ буду наказывать:
Вы пойдете на гуляньецо,
На гулянье на веселое,—
Меня вспомните, голубушки!
Вы пойдете въ лѣса темные,
Во болотечка во мховыя,
Собирать грибки и ягодки,—
Меня вспомните сердечныя!
Вы пойдете въ пору праздную,
Выводить хороводы веселые,
И игры играть затѣйныя,—
Меня вспомните, болѣзныя!
Вы пойдете во чисты поля,
Въ зелены луга весенніе,
Работать работы страдныя, —
Вспомяните меня, милыя!
На чужой я на сторонушкѣ,
Какъ живу я у чужихъ людей.
Вспомяните отъ радѣньеца.
Когда я-то растоскуюся,
Я приду къ вамъ, васъ провѣдаю,
Про свою вамъ жизнь повѣдаю.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пошехонскаго края, рукобитье бываетъ у жениха; но такія обычаи встрѣчаются рѣже. Въ такомъ случаѣ порядокъ обряда идетъ такъ же, но отецъ жениха, угощаетъ на рукобитьѣ—отца, мать и родныхъ невѣсты. Женихъ находится при рукобитьѣ и угощаетъ гостей. Когда отецъ, мать и родные невѣсты сбираются на рукобитье, то невѣста провожаетъ ихъ съ слѣдующими причетами:

2179.

Вы пойдете мои родимые,
На злодѣйку чужу сторону,
На злодѣйку незнакомую,
Не садитесь, мои желанные,
За столы-то за дубовые
И за скатерти-то самобранныя,
Не сдавайтеся на слова сладкія,
На поклоны ихъ на низкіе, —
Ихъ поклоны-то покуплёные,
А слова-то всѣ заучёныя.
Питья, яства въ долгъ понабраны,
Платья цвѣтны въ прокатъ заняты.
Не давайте, кормилецъ батюшко,
И родимая моя матушка,
Не давайте руки правыя
Чрезъ столы-то чрезъ дубовые,
Черезъ скатерти самобраныя;
Не запоручайте меня дѣвицу
За поруки вы за крѣпкія,
Что за крѣпкія-то вѣковѣчныя;
Чтобы мнѣ, младой, не плакаться,
Съ вамъ, желаннымъ, не разстатися.

Потомъ невѣста обращается съ причетами къ невѣсткѣ:

2180.

Ты послушай-ко, моя невѣстушка,
Разлюбезная голубушка,
Я о чемъ тебя просить буду:
Попримѣть, моя сударушка,
Ты злодѣйку чужу сторону,
И злодѣевъ всѣхъ чужихъ людей,
И дородна добра молодца:
Онъ не пьетъ-ли пива пьянаго,
До увалу—зелена вина?

Всѣ родные прощаются съ невѣстой—сговоренной, и уѣзжаютъ на рукобитье. Когда же возвращаются съ рукобитья, то невѣста встрѣчаетъ ихъ нижеслѣдующими причетами:

2181.

Не послушались, мои желанные,
Моего наказу крѣпкаго,
И не сжалилися на мои слезы,
Вы на слезы-то горючія,
Запоручили вы дѣвью красу,
За поруки-то за крѣпкія,

И за письма вѣковѣчныя.
Знать, не слуга я была, не работница,
Не посылочка была скорая,
Ваше имя я безчестила?

Послѣ этого, общаго причитанія, невѣста обращается съ слѣдующимъ причитаніямъ къ невѣсткѣ.

2182.

Ты голубушка, невѣстушка,
Ты сударушка моя, блѣзная,
Что заприметила ты, голубушка,
На чужой-то на сторонушкѣ?
Что по этой-то незнакомой мнѣ,
Каковы тамъ чужи люди,
И дородный добрый молодецъ?
Онъ не пьетъ-ли пива пьянаго,
До увалу—зелена вина?
Ты скажи моя блѣзная,
Ничево не опасаючи,
Всеё правды неутаючи?

Послѣ этого причитанія, невѣстка садится рядомъ съ невѣстой, и въ свою очередь начинаетъ отвѣчать невѣстѣ слѣдующимъ причитаніемъ:

2183.

Ты родимая моя золовушка!
Я скажу-то правду-истину,
Ничево-то не утаючи,
Никово не опасаючи:
Я примѣтила чужихъ людей,
И дородна добра молодца.
Что они-то всѣ чужи-люди:
Люди добрые, смиренные,
Роду честнова, богатова,
А дородный добрый молодецъ,
Будто яхонтецъ катается,
Ходитъ поломъ—улыбается,
Будто лебедь—лицо бѣлое,
Очи ясны, какъ у сокола;
Шлетъ тебѣ свои подарочки:
Перстенекъ съ руки золоченый,
Шелковой платокъ со цвѣтками.
Пива пьянаго и въ ротъ не взялъ,
Въ руки бѣлы зелена вина.

Послѣ причитаній, родные много говорятъ и утѣшаютъ невѣсту, предсказывая хорошое житье.

Послѣ рукобитья, время проходитъ до дѣвишника, въ разныхъ мѣстностяхъ Пошехонскаго уѣзда, очень разнообразно: въ одномъ мѣстѣ женихъ посѣщаетъ невѣсту каждодневно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣдко, въ однѣхъ мѣстахъ невѣста при встрѣчѣ жениха, а также и во все время его пребыванія не показываетъ лица, сидитъ подъ платкомъ и причитаетъ, но ее окружаютъ подруги-дѣвицы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невѣста встрѣчаетъ жениха, угощаетъ чаемъ, сидитъ за столомъ, а женихъ приноситъ подарки и закуски, гостинцы: орѣхи, пряники и конфекты. Дѣвушки послѣ чая поютъ пѣсни бесѣдныя, которыя помѣстятся въ другомъ отдѣлѣ нашего сборника. Всѣ такія посѣщенія женихомъ невѣсты называются: «побывашки», «поцѣлуи» и «провѣдки». Такъ продолжаются посѣщенія жениха до дѣвишника, въ которомъ торжество превосходитъ всѣ посѣщенія, потому что это послѣдній день дѣвичья житья-бытья.

III.

Дѣвишникъ.

Дѣвишникъ бываетъ въ нашихъ краяхъ въ послѣдній день или вечеръ предъ свадьбою. Къ невѣстѣ, на дѣвичникъ сходятся подруги, даже пріѣзжаютъ родныя и знакомыя изъ другихъ селеній. Ранѣе жениха и прочихъ гостей пріѣзжаетъ отъ жениха сваха съ сундукомъ или коробомъ, въ которомъ находятся разныя подарки невѣстѣ, а также гостинцы, для невѣсты и подругъ, послѣдними она одѣляетъ дѣвушекъ, дѣтей и прочихъ зрителей, которыя пришли посмотрѣть на дѣвишникъ. Невѣста во все время своихъ причитаній должна сидѣть за столомъ подъ платкомъ, съ закрытымъ лицомъ; когда же она незакрытая и не причитаетъ, то она встрѣчаетъ жениха, одѣтая въ лучшее платье. Какъ въ первомъ, такъ и въ другомъ случаѣ дѣвушки поютъ пѣсни. Веселіе бываетъ и во время причитанія невѣсты. Въ послѣднее время въ рѣдкихъ случаяхъ и мѣстахъ можно увидать старые обряды и обычаи свадебные, а потому мы и придерживаемся обычаевъ свадебныхъ прошедшаго времени. Прежде всего невѣста обращается съ причетами къ подругамъ:

2184.

Не въ саду я загулялася,
Не на вишни засмотрѣлася:
Засмотрѣлася я, дѣвица,

Заглядѣлася я, красная,
Что на васъ, мои подруженьки,
Что на васъ, мои голубушки.
Вы сидите всѣ веселыя,
На своихъ мѣстахъ на радостныхъ,
Вы срядилися срядиёхонько,
Платье цвѣтно на васъ новое,
И головушки причесаны,
Въ косахъ ленточки вплетеныя.
А вотъ я-то, красна дѣвица,
Сижу въ мѣстѣ во печальноемъ;
У меня платье измятое,
У меня буйна головушка,
Порастрепана, нечесана,
Въ косу лента не вплетеная,
Съ красотой на столъ положена;
Вы сидите распѣваете,
А я плачу горе-горькая!

Потомъ плачущая невѣста обращается «къ красотѣ», которая положена предъ ней на столѣ. Красотою называется повязка изъ парчи, съ позументами и лентами; эту повязку носятъ (носили прежде) дѣвушки въ праздничное время на гуляньяхъ и въ хороводахъ. Прощаніе съ красотой въ дѣвичникъ, «спусканіе красоты» предъ вѣнцомъ,—одна изъ трогательнѣйшихъ картинъ въ свадьбѣ, да и причитанія съ ихъ грустнымъ и поэтически-художественнымъ мотивомъ вызываетъ невольную грусть и слезы. Мы вписываемъ только тѣ причитанія, которыя намъ показались болѣе совершенными. Причитаній свадебныхъ много и разнообразны въ варіантахъ. Вотъ одно изъ причитаній невѣсты, обращенное къ красотѣ:

2185.

Ты прости-ко, краса дѣвичья!
Я на вѣкъ съ тобой разстануся,
Молодехонька наплачуся.
Опущу я тебя, крáсота,
Опущу тебя со ленточкамъ,
Во поля, въ луга широкіе,
Во лѣса, въ боры дремучіе,
На быстрые рѣки текучія.
Погляжу я, красна дѣвица,
Погляжу на свою красоту,
Вкругъ чего она обвилася:
Вкругъ осинушки-ли горькія,
Вкругъ березоньки-ли бѣлыя,
Аль вкругъ яблоньки кудрявыя?
Если ты обвилась, красота,
Вкругъ осинушки-то горькія, —
Мнѣ житье-то будетъ горькое,
Мнѣ замужье, красной дѣвицѣ,
Не хорошое, печальное.
Если ты обвилась, красота,
Вкругъ березоньки-то бѣлыя, —
Мнѣ житье-то будетъ ровное,
Житье будетъ долговѣчное.
Если ты обвилась, красота,
Вокругъ яблоньки кудрявыя,—
Мнѣ житье будетъ хорошое,
Развеселое, богатое (счастливое).
Я возьму тебя-ли, красота,
На свои на руки бѣлыя,
Отнесу я тебя, красота,
Во луга наши зеленые,
Положу я тебя, красота,
На шелковую на травушку,
На высокую, зеленую;
Какъ придутъ-то люди добрые,
Въ лѣто тёплое и красное,
Во луга съ косами вострыми,
Что найдутъ-то тебя, красота,
И возмутъ на руки бѣлыя,
Вотъ какъ скажутъ: чья-то красота,
Не на мѣстечкѣ положена,
Хоть и бережно поношена,
Тутъ не мѣсто тебѣ, красота,
Тутъ не мѣсто красоватися!
Я отдамъ же тебя, красота,
Что голубушкѣ, милой сестрѣ,
Поклонюся ей низёхонько:
«Ты возьми, возьми, мила сестра,
Покрасуйся въ моей красотѣ.
Ты прости-ко, моя красота,
Я въ тебѣ покрасовалася,
Берегла тебя, лелѣяла
И отъ солнышка отъ краснаго,
И отъ вихря—вѣтру буйнаго,
И отъ дождичка, отъ частаго;
Ты дороже мнѣ казалася
Золотой казны разсыпчатой,
Свѣтлѣй яснаго ты мѣсяца,
Ярче солнышка ты краснаго.

Сестра, или одна изъ подругъ невѣсты, беретъ со стола «красоту» и уноситъ. Дѣвушки послѣ причитанія поютъ слѣдующія пѣсни:

2186.

При вечерѣ, было вечерѣ,
При послѣднемъ было вечерѣ.

(Каждый стихъ повторяется).

У Авдотьѣ на дѣвичникѣ
Чечевичку дѣвки варили,
На окошко студить ставили.
Прилеталъ тутъ младъ-ясенъсоколъ, —
То Иванъ-то свѣтъ Ивановичъ!
Онъ садился на окошечко,
На узорчату подзоринку.
Что никто-то ясна сокола
На окошкѣ не усматривалъ:
Увидала ясна сокола,
Авдотьина матушка:
«Дорогое мое дитятко,
Ты Авдотьюшка Васильевна!
Приласкай-ка ясна сокола.»
— «Ты, родимая моя матушка!
Я бы рада приголубила:
Онъ разлука мнѣ великая,
Разлучаетъ съ тобой матушка,
Разлучаетъ съ родомъ-племенемъ
И съ голубками подружками.»

2187.

Цвѣты мои цвѣтики,
Голубые васильковые!
Я немного васъ посѣяла,
Очень много уродилося.
Много было подругъ дѣвушекъ,
Да одна у насъ измѣнщица,
Авдотья лицемѣрщица,
Говорила, что замужъ не пойду:
«Не иду, не иду, не подумаю!
Въ манастырь пойду, въ манашенки,
Васъ, подруженьки, съ собой возьму,
А сама буду игуменьей.»
А теперя-то замужъ идешь, —
Не сдержала слово крѣпкое.

2188.

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
По низёхоньку кланялась
Своему-то брату .милому,
Ивану Васильчу:
Ты соколъ мой, братецъ миленькой,
«Ты запри крѣпко воротечки
Тремя замками нѣмецкими,
Да запорами дубовыми,
Моему чтобы разлучнику
Ивану Иванычу,
Чтобъ за мной сюда не въѣхати,
На широкій дворъ на батюшкинъ.»
Какъ возговоритъ Иванъ-то молодецъ,
Какъ возговоритъ Ивановичъ:
«Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Привезу я съ собой слесаря,
Изъ нѣмецкой земли мастера:
Отопретъ замки нѣмецкіе,
Всѣ запоры ваши крѣпкіе.»
Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
По низёхоньку кланялась,
Говорила рѣчь милой сестрѣ:
«Ты голубушка, мила сестра,
Заплети, мнѣ русу косыньку,
И увей мнѣ крѣпче золотомъ,
Моему чтобы разлучнику
Не расплесть было русой косы.»
— «Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Привезу я съ собой свахоньку,
Расплетать твою русу косу,
Разовьетъ всё съ косы золото.»
Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
По низёхоньку кланялась
Подружкамъ голубушкамъ:
«Вы, голубушки-подруженьки,
Вы улейте-ка круту гору,
Чтобъ нельзя было разлучнику
За мной въѣхать на круту гору.»
— «Ты не плачь, не плачь Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Я оставлю коней подъ горой,
А пѣшкомъ взойду на круту гору
Со друзьями, со товарищами,
И возьму за руки бѣлыя,
Поведу тебя подъ златъ вѣнецъ.»

2189.

Возлѣ рѣченьки на бережкѣ,
Тутъ стояла нова свѣтлица,
А во этой новой свѣтлицѣ
Сидитъ дѣвица покрытая,
Печальная, да сговорёная.
Собиралисъ къ ней подруженьки,
На дѣвичникъ на дѣвическій.
«Ты подруженька голубушка,
Свѣтъ Васильевна Авдотьюшка!
Намъ съ тобой больше не гуливать,
Хороводовъ не выважнвать,
Рѣчей тайныхъ не говаривать.

Во лѣса пойдемъ во темные
Собирать грибки да ягодки,
Вспомянемъ тебя, голубушку.»

Когда сваха отдаетъ подарки и гостинцы невѣстѣ и подругамъ, а также одѣляетъ и предстоящихъ сосѣдокъ и дѣтей, дѣвушки поютъ слѣдующую пѣсню:

2190.

Вечеромъ позднымъ-позднёхонько
Къ Авдотьину отцу, къ матери,
Приходила сваха-сводница,
Постучалась подъ окошечкомъ,
Выкликала мать Авдотьину,
Ей хвалила чужу сторону:
«На чужой дальней сторонушкѣ
Поля сахаромъ засѣяны,
Виноградомъ огорожены,
Мёдомъ-сытою поливаны,
Середь поля стоитъ горница,
Ровно свѣтлая-то свѣтлица,
Три окошечка косясчаты
И карнизики узорчаты.»
— «Соврала ты сваха—сводница!
На чужой дальней сторонушкѣ
Кто живалъ, такъ всё извѣдывалъ:
Тамъ поля горемъ засѣяны,
Да кручиной огорожены,
Горючимъ слезамъ поливаны,—
Середь поля стоитъ килейка,
Какъ конурка—развалялася;
Въ ней одно окно разбитое.
Околѣть бы тебѣ, свахонька,
Безъ родной семьи, безъ сродниковъ,
На тотъ свѣтъ идти безъ савана,
И безъ гроба бы валятися!
Повезли бы сваху-сводницу,
Во лѣса-то во дремучіе,
Да во грязи во топучіе,
Посвалили-бъ сваху-сводницу,
Не въ могилу—поверхъ матушки
Сырой земли валятися!»

Сваха раздѣливши гостинцы, размахивая руками и качая головой, говоритъ: «Ну-у, дѣвоньки! за такую пѣсенку, не стоило-бы вамъ и гостинцовъ давать».

По окончаніи дѣвишника, женихъ уѣзжаетъ со своими гостями, а народъ расходится. Невѣста окруженная подругами, выходитъ изъ избы, идетъ по селенію, реветъ «толстымъ голосомъ», и, остановясь подъ окнами, гдѣ живутъ ея родные, причитаетъ:

2191.

Чьи это хоромы,
Чьи это высокія?
Въ нихъ живетъ-то
Родной дядюшка
Со болѣзною со тетушкой.—
Вы простите молодёхоньку,
Въ чемъ сгрубила, васъ прогнѣвала.

Изъ дому выходятъ дядя и тетка съ плачемъ на взрыдъ, и, обхвативъ невѣсту, даютъ ей денегъ, кто сколько при себѣ имѣетъ: гривенникъ, пятачекъ,—даже семитку и копѣйку. И такимъ образомъ невѣста обходитъ всѣхъ родственниковъ, повторяя тотъ же причетъ, затѣмъ возвращается домой, но если невѣста изъ села, то она отправляется на кладбище прощаться съ умершими родными и тамъ припадая къ могилѣ, причитаетъ [1]).

IV.

День брака.

Утромъ рано, къ невѣстѣ приходятъ дѣвицы-подруги, чтобы собрать ее къ вѣнцу. Въ домѣ приготовляются къ пированью брачному, потому, что отъ вѣнца всѣ поѣзжане съ новобрачными пріѣзжаютъ для пированія въ домъ невѣсты, а отпировавъ, уѣзжаютъ ночевать первую ночь къ жениху, на другой же день у жениха бываетъ *княжій* столъ. Если же отъ вѣнца привозятъ новобрачныхъ въ домъ жениха, то у невѣсты стола не бываетъ и свадьба ограничивается однимъ княжимъ столомъ. Какъ о первомъ, такъ и о второмъ обычаѣ свадебномъ скажемъ далѣе. Подруги невѣсты, собравши невѣсту къ вѣнцу, усаживаютъ ее на лавку, на которой постилается шуба къ верху волосомъ,—примѣта сидѣть на волосѣ шубы—жить богато, а также, чтобы не могли злые люди испортить молодыхъ. Невѣста сидитъ за столомъ, покрытая платкомъ, а столы покрыты скатертью бѣлой съ поставленными на нихъ пирогами. Невѣста, дѣвушки и родные, сидя за столомъ, ожидаютъ пріѣзда дружки, жениха и прочихъ поѣзжанъ—«новой родни», которые должны пріѣхать взять невѣсту и увести къ вѣнцу. Въ избѣ

[1]) Этого рода причитаній невѣсты нашъ авторъ, къ сожалѣнію, не приводитъ, хотя въ текстѣ онъ о нихъ упоминаетъ. Ш.

въ это время бываетъ очень много народа, который желаетъ видѣть: какъ пріѣдутъ за невѣстой, какъ ее будутъ выкупать, благословлять и провожать къ вѣнцу. Причитанья невѣсты бываютъ разнообразны и многочислены во время *сряжанія* къ вѣнцу. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, сбирая къ вѣнцу невѣсту, предохраняютъ ее: отъ лихихъ людей, отъ «порчи», болѣзни и проч. слѣдующими способами, какъ-то: «ноги натираютъ, или всыпаютъ въ чулки *колотина*», въ платье втыкаютъ безголовыя булавки, безухія иглы, осыпаютъ хмѣлемъ, обертываютъ тѣло мережками. Жениха, ѣдущаго къ вѣнцу, также охраняютъ,—даже кладутъ ему въ карманъ ножикъ, а невѣстѣ ножницы. Платье какъ у жениха, такъ и у невѣсты, должно быть новое и лучшее. Вотъ нѣкоторыя причитанья невѣсты въ день брака, до вѣнчанія:

2192.

Вѣтры буйные, разбушуйтеся,
Заметите путь-дороженьку,
Не пройти-бы, не проѣхати,
Что за мной младой, чужимъ людямъ!
Затворитеся, воротечка,
Вы широки, крѣпко-накрѣпко.
Ты закройся, красно солнышко,
Разбушуйся туча грозная,
Туча грозная да громовитая,—
Напустися ночью темною,
Разсыпайся, крупный дождичёкъ,
Разведи ты путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проѣхати
Ко мнѣ злымъ чужимъ людямъ!

Ты послушай, соколъ милый братъ,
Я объ чемъ тебя просить буду:
Ты сходи-ко соколъ милый братъ,
Во поля, въ луга во чистые,
Во лѣса-то во дремучіе,
Во дубравушки зеленыя,
Гдѣ сырой боръ съ вѣтромъ спорится,
Тамъ всѣ звѣри люты водятся.
Ты поймай-ка звѣря лютаго,
Звѣря лютаго, ѣдучаго,
Изо рта его—огонь пламенемъ,
Изъ ушей его дымъ столбомъ валитъ,
Изъ очей его искры сыплются.
Привези ты мнѣ звѣря лютаго,
Привяжи его къ двору батюшки:
Какъ подъѣдутъ-то злы чужи люди
Къ широку двору ко красному,—
Они звѣря-то испугаются,
Отъ меня, младой, прочь отступятся.
Я еще бы покрасовалася
У кормильца моего батюшки,
У родимыя у матушки,
У соколиковъ братцевъ милыихъ,
У голубушекъ повѣстушекъ.

2193.

Мнѣ прошедшу тёмну ноченьку
Не спалося красной дѣвицѣ,
Во просонкахъ много видѣлось:
Будто я-то, красна дѣвица,
Выходила рано въ улицу,
Гдѣ заря-то занимается,
Красно солнце гдѣ красуется.
Тамъ узнала васъ, подруженьки!
Мнѣ навстрѣчу—злы чужи люди,
Подзывали, силой забрали,
Полономъ-то заполонили,
Увезли въ лѣса во темные,
Тамъ мнѣ страшно показалося,
И я съ плачемъ просыпалася.
А другое мнѣ привидѣлось:
У моего кормильца батюшка
Развалилася хоромина,
Середь улицы разсыпалась,
Брёвна врозь всѣ раскатилися,
Углы прочь поотвалилися.
На трубѣ сидитъ да гаркаетъ
Чорный воронъ громкимъ голосомъ;
А на ясно красно солнышко
Тучи темныя надвинулись,
Грянулъ громъ, сверкнула мо̀лонья...
Я проснулась, испугалася.[1])

Во время причитанія невѣсты изба бываетъ переполнена народомъ, который слушаетъ причитанія невѣсты и поджидаютъ пріѣзда «новой родни—сватовъ» за невѣстой. Вотъ и слышится говоръ въ народѣ: «Дружка подъѣхалъ ко двору».— Невѣстинъ отецъ долженъ выйти на улицу, встрѣтить дружку «съ поѣздомъ», пріѣхавшимъ за его дочерью, и пригласить въ домъ, при этомъ бываетъ и женихъ. Если онъ беретъ невѣсту въ другую деревню, въ такомъ случаѣ сосѣди загораживаютъ дорогу, и дружка обязанъ дать имъ, вина, пива и закуски: пироговъ и пряженцовъ. У дому воро̀та или калитку также затворяютъ: и дружка стучитъ, говоря:

[1]) Причитаній невѣсты много разныхъ по мысли и варіантамъ, а потому и впишутся въ особой статьѣ. С. Дер.

— Господи, Иисусе Христе! (трижды). Есть-ли у этихъ дверей придверникъ, у воротъ приворотникъ, кто бы намъ эти ворота отворилъ и двери на пяты постановилъ, а насъ добрыхъ молодцовъ до хозяина допустилъ?

Хозяинъ (отецъ невѣсти) выходитъ растворяя двери, кланяется и пропускаетъ гостей въ избу. Дѣвицы и предстоящіе въ избѣ поютъ пѣсню встрѣчая ей дружку:

2194.

Идетъ дружка нашъ хорошъ,
На ляху болѣсть похожъ!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
Ну-ка, дружка, поскачи,
Витряхай-ка калачи!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
На тебѣ, дружка, кафтанъ,
Весь по ниточкѣ собранъ!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
На тебѣ, дружка, камзолъ,
Съ позолотою узоръ!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
На тебѣ, дружка, штаны,
Черны бархатны!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
Какъ на дружкѣ-то чулки,
Бѣлы шелковы!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
Какъ на дружкѣ сапоги, —
Пряжки свѣтленькія!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
Дружки шляпа со перомъ,
Позументы серебромъ!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
Коли дружка хочетъ въ рай,
То съ намъ вмѣстѣ полезай!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
Какъ у насъ дружкѣ въ раю,
Вино съ клянцею!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!
У насъ пиво на столѣ,
И пирогъ на столѣ!
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій!

Дружка низко кланяется и говоритъ: за такую пѣсенку надо и благодарность воздать. Подаетъ вина и пива съ закускою, а потомъ топаетъ ногой и говоритъ:

— Въѣхалъ я, сватушко, къ тебѣ на широкій дворъ, поставилъ я коней середи широка двора, приказывать я объ нихъ никому не приказывалъ, привязывать я ихъ—не привязывалъ. Нельзя-ли къ моимъ конямъ сторожа приставить, чтобъ спросить было съ кого?

— Будьте, друженька, покойны! останетесь нами довольны, а добры кони будутъ сохранны.

Дружка начинаетъ говорить разныя приговоры, вотъ нѣкоторые:

Пришелъ я, дружка легкая ножка, удалая головка, въ теплую хату къ любезному брату, ножку поставилъ за порогъ, другую чуть переволокъ,—ножкой топнулъ, дверью хлопнулъ, половнички гнутся, хозяева къ печкѣ жмутся. Взошелъ я, дружка, помолился, добрымъ людямъ поклонился. Здравствуйте, добрые люди и всѣ, что есть въ избѣ! Сватушка и сватьюшка, всѣ-ли вы здоровы?—Наши сватъ и сватьюшка остались здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ дружка кланяюсь!

Отправивши поклонъ, т. е. челобитье свату съ сватьей, дружка обращается къ народу, стоящему въ избѣ, и говоритъ:

— Здравствуйте, добрые молодцы, удалыя головы, широкія бороды! Всѣ-ли вы здоровы?—Наши молодцы остались здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ, а если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: на васъ кафтаны очень изорваны, четыре полы, а бока голы.

— Здравствуйте, красныя дѣвицы, пороженыя мастерицы, горшечныя пагубницы! Всѣ-ли вы здоровы?—Наши дѣвицы, всѣ здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разсказу ваши пороки: полно вамъ по кринечкамъ ходить, сметанку снимать, колобки мѣсить, молодцовъ кормить.

— Здравствуйте, молодыя молодушки, покрытыя головушки! Всѣ-ли вы здоровы?—Наши молодцы всѣ здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня на-

говорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ; если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: полно вамъ съ мужьями шутить, да ихъ въ обманъ вводить.

— Здравствуйте, малыя ребята, голыя пузята! Всѣ-ли вы здоровы?—Наши ребята всѣ здоровы, приказали намъ поклониться вамъ. Я вамъ, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорецъ про васъ, да не смѣю разсказать при васъ, а если льзя, да можно, оставлю свои зароки, разскажу ваши пороки: вы на полатяхъ-то лежите, да намъ въ чашки соплей не напустите: намъ гостямъ моркотно покажется!

Въ толпѣ слышится говоръ: «За такія шутки друженьки надо спѣть!» и ему пѣсенку запѣваютъ:

2195.

Ой, ты друженька—
Рожа пряшицею!
Ой, ты друженька—
Зенка [1]) скляницею!
Ой, у друженьки—
Носъ-то крючкомъ!
Ой, у друженьки—
Голова пестомъ!.... и проч. [2])

Дружка топаетъ ногой и говоритъ повелительно: «Но-о! за пѣсню откупъ—уймитесь!» подаетъ денегъ. Обращаясь къ свату или къ народу онъ говоритъ:

«Гдѣ бы мнѣ своихъ гостей съ нареченнымъ зятемъ усадить за столы за дубовые?»

— Мѣста всѣ заняты, попотчуй насъ, друженька услѣдимъ мѣста.

«Эхъ вы, добрые молодцы, умныя головушки, широкія бородушки! О чемъ надобно,—говорите, что надобно—просите, себя, меня и моихъ поѣзжанъ по пусту не томите. Я, дружка, не Романъ, не сдѣлаю обманъ.»

— Мы тебя, друженька, хотимъ съ дружьимъ чиномъ поздравить.

«Извольте, добрые люди, что дано ѣсть-пить, кушать, да насъ, добрыхъ молодцовъ, послушать.»

Дружка спрашиваетъ у хозяина, а иногда у свахи: какъ бы на мѣста садиться?—Ему говоритъ, указывая на сидящаго рядомъ съ невѣстой «продавца мѣстъ» (брата ея), что онъ мѣста продаетъ и распоряжается этими дѣлами. Дружка обращается къ продавцу и говоритъ:

«Нельзя-ли намъ, добрый молодецъ, свое мѣстечко уступить для жениха, а насъ добрыхъ молодчиковъ на мѣста, за столы дубовые посадить?»

— Я своего мѣста даромъ не уступаю, а продать—продаю.

«Чѣмъ же ты, добрый молодецъ, торгуешь: лисицами или куницами? или мѣсто княженецкое продаешь?»

— Я торгую всѣмъ: лисицами, куницами и мѣстомъ княженецкимъ.

«Сколько же тебѣ надобно, и чѣмъ берешь: золотой казной или чѣмъ инымъ?—У нашего князя нареченнаго всего достаточно.»

— Когда такъ, что я буду спрашивать, то и подавай, да мнѣ отвѣчай.

«Изволь, молодецъ!»

— Дай мнѣ напочинѣ рубликовъ семь, чтобы любо было всѣмъ.

Изволь, обирай.

Дружка высыпаетъ на блюдо поставленное на столѣ, на которое и долженъ выкладываться «выкупъ» за мѣста.

«Давай мнѣ, друженька, что свѣтлѣе солнца, краше неба звѣзднаго?»

— Изволь принимать.

Дружка вынимаетъ изъ-за пазухи образъ-икону и подаетъ. Продавецъ принимая икону, крестится и ставитъ икону на полку въ «божницу» въ углу. Надо замѣтить, что дружка ѣдетъ впереди поѣзда, а потому у него и образъ.

«Давай мнѣ, друженька: самъ нагъ, а рубашка въ запазухѣ?»

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ восковую свѣчу.

«Дай мнѣ, друженька: поле яровое, другое ржаное, а третье паренину.»

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ: хлѣбъ, пирогъ и пряженцы.

«Дай мнѣ, друженька: море на пяти столбахъ, въ дремучихъ краяхъ?»

— Изволь принимать.

Дружка подаетъ пиво въ жбанѣ или ендовѣ. Послѣ этого, когда все спрошенное дружкой подано,— начинаются между продавцемъ и дружкой загадки, которыя очень разнообразны по мѣстнымъ знаніямъ, складамъ и обычаямъ, зависящимъ отъ знанія продавца и дружки. Вотъ нѣкоторыя изъ загадокъ:

«Чѣмъ ты, друженька, впередъ шелъ?»

— Мыслями съ молитвой.

[1]) Въ слов. Даля: «зенко, ср. *зеница* или *зенокъ* — «зорочекъ, зрачекъ» и т. д.

[2]) Припѣвы дружкѣ разнообразны и многочисленны, а потому ихъ и впишемъ особо. С. Дер.

«Что такое, друженька: великое поле ирланское, много скота астраханскаго, а единъ пастырь, двѣ агницы?»

— Поле великое — небо ясное; скотъ астраханскій—звѣзды; пастырь—мѣсяцъ; двѣ агницы—утренняя и вечерпія зори.

«Стоитъ дубъ, въ дубу тина, въ тинѣ сосна, на верху лёнъ?»

— Дубъ—квашня; тина—тѣсто; сосна—мутовка; лёнъ—покрывало—«встошка».

«Вышелъ изъ земли, какъ Адамъ; взведенъ на колесницу, какъ Илья; посаженъ въ огонь, яко Кирикъ: вышелъ изъ ямы, какъ Іосифъ; кто увидитъ всякъ къ себѣ въ домъ беретъ?»

— Горшокъ.

«Дома-то тяпъ-тяпъ, въ лѣсу-то ляпъ-ляпъ, около тироуценки, а въ срединѣ—тирру!.»

— Сито.

«Летитъ птица орелъ, несетъ во рту огонь, а на концѣ хвоста смерть?»

— Ружье.

«Два кума Абакума, двѣ кумы Авдотьи, пять Фалелеевъ, десять Андреевъ?»

— Дровни.

«Раскину я шашни, взалю толстяка?»

— Лошадь въ оглобли вводится.

«Есть штука, собственная своя; люди корыстуются, да не я?»

— Собственное имя.

«На плѣшъ кануль, о плѣшъ хлопнулъ, съ плѣши долой?»

— Блинъ.

«Ползунчики ползутъ, бѣгунчики бѣгутъ, рогульчики везутъ, толстяка колоть хотятъ.»

— Ползунчики—два полоза у дровней; бѣгунчики—лошади; рогульчики—вилы: толстякъ стогъ сѣна.

«Два стоятъ, два лежатъ, пятый ходитъ, шестой водитъ?»

— Дверь.

«Поймаю гуся, пущу его въ воду, буду имъ водить, онъ будетъ говорить?»

— Гусь—перо; вода—чернила; водить—писать; говорить—читать.

«Шелъ я, мимо Поповскаго, видѣлъ диво таковское: брюхо-то рѣжутъ, тѣло въ адъ валятъ, душу-то въ рай тащатъ.»

— Молотьба хлѣба.

Въ народѣ начинается говоръ: «Дока на доку пашелъ. Ну, полно вамъ торговаться, да перекоряться,—уморите стоючи новую-то, нареченную родню. Всѣ-ли у тебя друженька «заговоры», «приговорены»?— «У меня, сударики, мои есть ихъ цѣлое лукошко бездонное, давича нарочно съ собой захватилъ угостить дорогихъ гостей. Коли хозяинъ позволитъ, могу вступить съ продавцомъ въ торги: загадка за загадку, кто не отгаетъ, съ того по рублю на столъ для новобрачныхъ князя и княгини,—не пожелаешь-ли, молодецъ?»

— «Ну, инъ спрошу, друженьку, въ послѣдній разъ: дай мнѣ, друженька, чего у нашего хозяина въ домѣ нѣтъ?»

Дружка беретъ за руку жениха, подводитъ къ продавцу мѣста; продавецъ беретъ за руку жениха и сажаетъ рядомъ съ невѣстой. Прочіе поѣзжане-гости выкупаютъ себѣ мѣста за столъ у сидящихъ дѣвушекъ и садятся.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ нашего края, столъ начинается у невѣстина отца до вѣнчанія, что и называется: «Дѣвкой столуютъ», а въ другихъ селеніяхъ, поѣзжане пріѣзжаютъ и увозятъ невѣсту, безъ столованья, къ вѣнцу. Если до вѣнчанія столуютъ, тогда невѣста въ продолженіи стола-пированья, сидитъ рядомъ съ женихомъ, покрытая платкомъ и продолжаетъ причитать.

За столъ усаживаются слѣдующимъ порядкомъ: близкая женихова родня по старшинству и первенству занимаютъ мѣста за столомъ. «Тысяцкій» садится въ самый уголъ подъ образа. Тысяцкимъ бываетъ: крестный отецъ (божатко) или родной дядя жениха, или старшій его братъ. «Большой баринъ» садится рядомъ съ тысяцкимъ, это дядя жениха или второй братъ; отъ тысяцкаго садится по другую руку второй баринъ—братъ жениха или второй дядя. Рядомъ съ женихомъ садятся родные его,—братъ или двоюродный, именуется: «Братнее мѣсто». Противъ жениха и невѣсты садится дружка съ «полудружьемъ», а затѣмъ за столъ садятся прочіе поѣзжане-гости, по родству и старшинству въ родѣ. Когда дружка ведетъ разговоръ съ продавцомъ мѣста, невѣста причитаетъ:

2196.

Что это родимый батюшко,
Что у тя за пиръ собирается,
Что за гости къ намъ съѣзжаются?
Собираются на пиръ пировать
Злые вороги, чужи люди, —
То мои съ тобой разлучники.
Говорила я родимому
И въ упросъ-просила, плакала:
«Не пускай къ себѣ разлучниковъ!»
Не послушался, не сжалился,
На меня младу прогнѣвался.
Знать не долго мнѣ осталося
Посидѣть-то здѣсь, поплакати

У родимыя у матушки,
У кормильца родна батюшка,
У соколовъ-то братцовъ милыёхъ!

Когда женихъ садится къ невѣстѣ, то она причитаетъ къ нему слѣдующій причетъ:

2197.

Ты садись-ко, добрый молодецъ,
Поплотнѣе со мной рядышкомъ,
Чтобы вѣкъ-то намъ неразлучатися,
Другъ на друга не пенятися.
Ты садись не съ спесью-гордостью,
А садись съ Господней милостью,
Чтобы жить-то намъ не маяться,
А проживши, не спокаяться.

Послѣ этого причитанья къ жениху, невѣста причитаетъ къ каждому поѣзжанину, когда пьютъ вино и пиво. Это и называется причитаньями къ «стакану вина». За эти причитанья каждый долженъ положить невѣстѣ нѣсколько мѣдныхъ или серебряныхъ денегъ на блюдо. Причитанье это слѣдующее:

2198.

Ты изволь-ко, сударь тысяцкій,
Изволь выкушать зелена вина,
Зелена вина разымчива.
Зелено вино у батюшка
У кормильца для васъ куплено,
А моимъ слезамъ разбавлено.

Этимъ причетомъ причитаетъ невѣста къ каждому поѣзжанину, только измѣняя названія. Послѣдніе причитаніе къ «стакану вина», невѣста причитаетъ къ жениху слѣдующими словами:

2199.

Ты изволь-ко, добрый молодецъ,
Ты прими-ко, да и выкушай
Стаканъ пива пьянова,
Пиво пьяное разымчивое,
Вѣдь оно тебѣ, надеженька,
Слаще сахара покажется,
Виноградиной подкатится
Къ твоему-ли ретиву сердцу.

Женихъ не встаетъ и не беретъ въ руки стаканъ пива, а невѣста начинаетъ опять причитать:

2200.

Ужъ сударь-ли родной батюшко!
Ты приди-ка къ чужу-чуженину,
Поклонись ему, надеженькѣ,
Чтобы выпилъ пива пьянова,
Отъ меня горюши-дѣвицы.

Отецъ невѣсты подходитъ къ столу, кланяется жениху и проситъ выпить стаканъ пива, но женихъ не встаетъ и не беретъ пива. Невѣста опять начинаетъ причитать слѣдующій причетъ:

2201.

Ты пріятной, желанной батюшко!
Ты какоже выбралъ мнѣ чуже-чуженина?
Онъ ломливый-то, да и чемливый-то,
Не беретъ-то онъ пива пьянова,
Отъ меня-то, души дѣвицы!
До поры-то онъ до времени
Надо мной-то накуражится.
Видно мнѣ-то, красной дѣвицѣ,
Приподняться на рѣзвы ноги,
Поклониться чужу-чуженину.

Невѣста встаетъ на ноги, кланяется, подноситъ жениху стаканъ пива, который онъ и беретъ изъ ея рукъ, а она причитаетъ:

2202.

Ты позволь-ко узнать, добрый молодецъ,
Какъ назвать-то тебя по имени-изочеству?
Чтобы знать съ кѣмъ стояти во Божьей церкви,
Съ кѣмъ я стану подъ златой вѣнецъ.

Женихъ называетъ свое имя и отчество, и оба, поклонившись другъ-другу, садятся. По окончаніи стола, дружка встаетъ первымъ и говоритъ слѣдующій приговоръ:

2203.

Встану, я добрый молодецъ,
Со лавочки со дубовыя,

Отъ прибоинки отъ кленовыя,
Изъ-за столика крашенаго,
Изъ-за скатерки самобраныя,
Изъ-за ятства сахарнаго,
Изъ-за питья медвянаго,
Изъ-за сгибня сдоблёнаго.
Будемъ хозяина благодарить,
Да новореченнаго князя,
И молодую княгиню
Изъ-за стола выводить.
Извольте, сватушко и сватьюшка,
Подъ златъ вѣнецъ благословить —
Свое чадо милыё.

За дружкой поднимаются всѣ и благодарятъ за хлѣбъ за соль и угощеніе. Дружка, выводя жениха и невѣсту изъ-за стола, говоритъ:

— Есть-ли у нашихъ новонареченныхъ молодыхъ, князя и княгини, батюшко и матушка, божатушко (крестный и божатенька? (крестная)— извольте выходить и свое чадо милоё благословить подъ златъ вѣнецъ.

Отецъ и мать, крестный отецъ и крестная мать подходятъ и благословляютъ жениха и невѣсту, которые цѣлуютъ иконы родителей и кланяются въ ноги. Выходя изъ-за стола невѣста причитаетъ и проливаетъ слезы... Сколько тутъ бываетъ слезъ! Тяжело народъ разстается съ милыми и дорогими сердцу. Вотъ одинъ изъ причетовъ невѣсты:

2204.

Ужъ какъ знать-то, красной дѣвицѣ,
Мнѣ сидѣть не отсидѣтися,
Горючимъ-то слезамъ не отплакаться.
Мнѣ вставать-то на рѣзвы ноженьки,
Выходить-то изъ-за стола дубоваго,
Изъ-за питья ятства сахарнаго,
Изъ-за спадобья-то матушки....
Раздвигайтеся, столы дубовые,
Собирайтесь, скатерки самобраныя!
Благослови-ко меня, кормилецъ батюшко,
И родимая моя матушка,
Отъ радѣнья ретива сердца̀,
Чтобы жить-то мнѣ не маяться,
На меня бы вамъ не плакаться.
Ваше-то благословеньецо
Мнѣ дороже злата сѐребра,
Кромѣ солнышка мнѣ краснаго:
Я, вѣдь, съ нимъ-то, красна дѣвица,
Буду жить до гробовой доски.
Вы прощайте, мои милые,
Не забудьте меня, бѣдную,
На чужой дальней сторонушкѣ. —
Въ чемъ сгрубила—не прогнѣвайтесь!
Я была глупа, не вѣдала,
Что придется съ вамъ разстатися.

Послѣ благословенія родителей, крестнаго и крестной, начинается прощаніе сосѣдей и сосѣдокъ съ невѣстой. При прощаніи невѣста не причитаетъ, а что называется «реветъ толстымъ голосомъ и *ойкаетъ*». Дружка идетъ и приговариваетъ, потопывая ногой:

2205.

Пошелъ дружка—
Веселая ножка
Изъ дому угощенъ
И хозяиномъ улещенъ.
Накупилъ дружка
И куницъ, и лисицъ,
И красныхъ дѣвицъ.
Дружка на коня садится,
Конь-то веселится,
Къ церкви катитъ.
Земля дрожитъ...
Шапки долой!
Ѣдетъ князь молодой
Со княжюшкой.

Дружка первый садится въ сани, и впереди всѣхъ ѣдетъ къ церкви; съ нимъ садится рядомъ и полудружье, за дружкой ѣдетъ женихъ съ «братнимъ мѣстомъ»—братомъ, потомъ невѣста съ свахой, а за ними ѣдутъ родные поѣзжане по старшинству и родству. Невѣсту везутъ на парѣ и тройкѣ,—провожаютъ ее дѣвицы отъ дому за овины родной деревни. Невѣста причитаетъ. [1])

2206.

Вы простите-ко, подруженьки,
Мои милыя голубушки,
Въ чемъ сгрубила—не прогнѣвайтесь!
Вы пойдете, мои милыя,
На работушку на лѣтнюю,
На гулянья на веселыя,

[1]) Причитаній въ свадьбѣ у невѣстъ очень много, почти въ каждой мѣстности свои причитанья, или новые варіанты. Здѣсь же написаны только тѣ, которыя были мной напечатаны въ 1868 г. въ статьѣ «Крестьянская свадьба». С. Д.

На бесѣдушку на зимнюю,—
Вспомяните меня, милыя,
Вы, весной, въ лугахъ зеленыхъ,
Когда будете плести вѣнки
Для меня, для красной дѣвицы.
Голубой вѣнокъ не надобенъ:
Я плела его въ послѣдній разъ
И бросила въ рѣчку быструю, —
Унесло вѣнокъ въ чужу сторону,
Ко синю морю Хвалынскому.

Дѣвушки сидятъ у невѣсты на саняхъ или тарантасѣ и поютъ слѣдующую пѣсню.

2207.

Отлетала лебедь бѣлая
Что отъ стада лебединаго,
Приставала лебедь бѣлая
Что ко стаду гусей сѣрыихъ.
Гуси стали лебедь щипати,
Лебедь нача́ла кричати имъ:
«Не щиплите, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ, лебедушка,
Залетѣла—не охотою:
Занесло меня погодою,
Что погодушкой ненастною,
Съ люта сѣвера снѣжистаго.
Отъѣзжала красна дѣвица
Отъ своихъ подругъ, Авдотьюшка,
Въ чужу-дальную сторонушку,
Въ чужу-дальню незнакомую,
Ко чужему чуже-чужанину, —
Не своей она охотою:
Поневолилъ ее батюшко,
Повезли её добры кони,
Что добры кони стоялые
Удалова добра молодца,
Нашей Дунюшки разлучника.

Кончивъ эту пѣсню, дѣвушки прощаются съ невѣстой-подругой, плачутъ и долго-долго стоятъ на дорогѣ, слѣдя за отъѣзжающимъ поѣздомъ къ церкви, а если въ селѣ, то идутъ въ церковь, въ которой смотрятъ на вѣнчаніе подруги.

Въ продолженіе всего просватанья, невѣста сидитъ за столомъ, покрытая платкомъ, и лица постороннимъ людямъ не показываетъ, на работы домашнія не ходитъ. Въ церковь она ѣдетъ также закрытая платкомъ, и только тогда ей открываютъ лицо, когда надѣнутъ вѣнцы и обводятъ вокругъ налоя. Послѣ вѣнчанія, всѣ слезы и причитанья кончаются [1]). Новобрачныхъ везутъ въ домъ жениха, отецъ и мать котораго встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ-солью и съ образами, благословляя: отецъ иконою, а мать хлѣбомъ-солью и иконою, а затѣмъ новобрачныхъ благословляютъ крестный и крестная жениха, а потомъ ихъ вводятъ въ особую избу или горницу, гдѣ ихъ наскоро кормятъ, а поѣзжанъ—родныхъ усаживаютъ за столы. Новобрачныхъ усаживаютъ на шубу — шерстью къ верху, среди стола, и начинается столованье: пьютъ, ѣдятъ, что называется до увалу; одни новобрачные недолжны ни пить и ни ѣсть, а сидятъ за столомъ плотно, рука съ рукой, нога съ ногой, чтобы кошка не пробѣжала. По окончаніи стола, гости бьютъ тарелки и рюмки, а затѣмъ молодыхъ отводятъ спать въ особую горницу или холодную избу, у порога которой бьютъ горшки и прочія. Новобрачныхъ въ спальню провожаетъ сваха, дѣлая разныя наставленія и приговорки непечатныя въ родѣ: «на первую ночку, парнека и дѣвочку». Когда новобрачные остаются одни,—молодая должна разуть мужа, у котораго въ сапогѣ положены деньги. Эти деньги новобрачная, беретъ себѣ, благодаритъ мужа, а затѣмъ онъ укладывается на постель, а молодая, раздѣвшись, вскакиваетъ чрезъ мужа къ стѣнѣ на постелю и ложится. Новобрачныхъ укладываютъ въ холодную спальню для того, чтобы дѣти у нихъ были здоровыми и небоялись холода, а молодая скачетъ чрезъ мужа на брачную постель для того, чтобы дѣтей родить легко и благополучно. Деньги мужъ кладетъ въ сапогъ, чтобы онѣ водились у жены во всю жизнь.

V.

Княжій столъ.

Княжій столъ приготовляется у новобрачнаго на второй день послѣ свадьбы. Утромъ, подгулявшіе еще съ вечера родные—поѣзжане идутъ, «поднимать молодыхъ»; но въ спальню, будитъ молодыхъ, входитъ одна только сваха. Прочіе же родные стоятъ на повѣти или у дверей горницы, бьютъ горшки, кринки, тарелки и проч., и, при выходѣ новобрачныхъ ихъ поздравляютъ и стучатъ, разбивая посуду. Новобрачные входятъ, послѣ умыванія и наряженія въ избу и ихъ садятъ за столъ «княжій», а за новобрачными усаживаются и прочіе родные, а затѣмъ начи-

[1]) Народъ вѣритъ, что надо поплакать невѣстѣ за столомъ. «Не поплачешь за столомъ,—наплачешься за столбомъ». С. Д.

нается угощеніе—завтракъ. По окончаніи завтрака, новобрачныхъ сряжаютъ въ путь къ тестю и тещѣ и прочимъ роднымъ новобрачной, звать на княжій столъ. Новобрачные уѣзжаютъ одни. У тестя ихъ угощаютъ чаемъ и закусками, приглашая вмѣстѣ съ ними и всю родню на княжій столъ. Новобрачные, пригласивъ тестя и тещу съ новой родней на княжій столъ, возвращаются домой, а за нимъ тотчасъ же пріѣзжаютъ и званые гости. Всѣ, какъ пріѣхавшіе, такъ и ночевавшіе тутъ гости усаживаются за столы и начинается княжій столъ. Новобрачные усаживаются по срединѣ стола, а новая родня садятся около новобрачныхъ, занимая первое мѣсто къ переднему углу. Отецъ и мать новобрачной должны сидѣть въ переднемъ углу, если нѣтъ на свадьбѣ священника съ матушкой, но когда они тутъ присутствуютъ, то они и занимаютъ первое мѣсто, которое и называется: «попово мѣсто», или «для поповъ и дураковъ». Отецъ и мать новобрачнаго не сидятъ за столомъ, а ходятъ у столовъ и кланяются, угощая гостей, а прочія родныя новобрачнаго подаютъ на столы кушанья и напитки. При каждомъ кушаньѣ поданномъ на столъ, отецъ и мать новобрачныхъ, а также и подающіе говорятъ: «покушайте, гости хорошіе, дорогіе!» За княжимъ столомъ новобрачные тоже ничего не ѣдятъ и не пьютъ, а только, если имъ подносятъ вино и пиво, то «пригубливаютъ», т. е. обмачиваютъ только губы. Новобрачныхъ, какъ предъ первымъ столомъ послѣ брака, такъ и передъ княжимъ, чтобы не возбудить у нихъ аппетита, кормятъ отдѣльно въ другой избѣ, что и называется «покормить молодыхъ па особинку». Подгулявшіе поѣзжане, за княжимъ столомъ, очень часто обращаются къ новобрачнымъ и говорятъ: «Горько, очень горько!» называя новобрачныхъ по имени и отчеству, проситъ: «Нельзя-ли подсластить?» Новобрачные должны встать, поклониться, поцѣловаться «крестъ—на крестъ», сказать: «покушайте, теперь сладко!» Гость допиваетъ изъ стакана или рюмки и говоритъ: «Вотъ теперь оченно сладко», а потомъ подходитъ къ новобрачнымъ и цѣлуетъ ихъ. Такимъ образомъ за княжимъ столомъ, только и слышится «горько!» а потому поцѣлуямъ и нѣтъ конца. Гости-супруги недовольствуясь «подслащиваньемъ» новобрачныхъ, обращаются съ словомъ «горько», мужъ къ женѣ, а жена къ мужу и тоже «подслащиваютъ»—цѣлуются. Затѣмъ при окончаніи стола, когда подадутъ жаркое, то каждый изъ гостей, встаетъ изъ за стола и съ кусочкомъ почки на вилкѣ, идетъ къ новобрачнымъ, цѣлуется, а затѣмъ подходитъ къ своей женѣ или сватьѣ, съ которыми тоже цѣлуется. Этотъ, довольно продолжительный процесъ цѣлованія приходится весьма по сердцу подгулявшимъ гостямъ. На обязанности дружки лежитъ: солить, рѣзать кушанье и разрѣзать помелче почку и начинать церемонію съ «почкой» и «горько». На княжій столъ посмотрѣть приходитъ очень много посторонняго народа. Въ иныхъ мѣстностяхъ и у небогатыхъ домохозяевъ, когда бываетъ одинъ столъ послѣ брака, то княжева стола не бываетъ, но всѣ церемоніи и обычаи происходятъ за первымъ столомъ послѣ брака, какъ и за княжимъ. По окончаніи столованія, подгулявшіе гости поютъ и пляшутъ до полуночи. Нѣкоторые изъ гостей ночью уѣзжаютъ по домамъ, а нѣкоторые остаются и ночуютъ у новобрачныхъ.

VI.

Третій день.

Изъ поѣзжанъ и новой родни на третій день остаются очень немногіе. Третій день имѣетъ видъ праздника семейнаго. Утромъ молодую заставляютъ кое-какое дѣло подѣлать около печки, и смотрятъ: умѣетъ-ли она приниматься за стряпню; но преимущественно ее заставляютъ стряпать и выпекать блины, которые она и подаетъ отъ печки на столъ, кланяясь, и проситъ покушать ея печенія. Послѣ обѣда, къ вечеру, къ новобрачнымъ собираются посидѣть дѣвицы, молодыя женщины и парни. Молодые люди поютъ пѣсни, заводятъ разныя игры и пляшутъ. При этомъ собраніи—вечерѣ новобрачная знакомится съ сосѣдями и потчуетъ ихъ: блинами, пирогами, пряниками и орѣхами.

VII.

Отводины.

Такъ называемыя «отводины», бываютъ чрезъ недѣлю или болѣе, а иногда и менѣе послѣ свадьбы. Отводины дѣлаетъ отецъ молодухи и всѣ прочіе ея родные, бывшіе на свадебномъ пиру. Въ назначенный день для отводинъ, тесть ѣдетъ звать къ себѣ зятя и дочь, а также и всѣхъ родныхъ зятя. Когда пріѣдутъ молодые къ отцу, и отпируютъ сватъ у свата, а зять у тестя,—тогда приглашаютъ къ себѣ по старшинству и прочіе родные—новобрачной. На отводинахъ, такимъ образомъ молодые ходятъ изъ дома въ домъ родныхъ, у каждаго угощаются: закусками, чаемъ и водкой.

Съ окончаніемъ отводинъ, свадьбу считаютъ оконченой.

Что за названіе: «отводины», почему такое названіе и установился обычай?—не извѣстно; но онъ широко распространенъ въ нашемъ краю.

Такъ была обычная свадьба крестьянская въ нашемъ краю 40—50 лѣтъ назадъ; но въ послѣднее время, вся типичность крестьянской свадьбы измѣнилась. Рѣдко увидѣть можно тѣ обрядности, которыя существовали въ былое время. Мы, современники,—свидѣтели и дѣйствующія лица описанной свадьбы, и теперь при вечерѣ жизни, съ восторгомъ вспоминаемъ то прошлое, въ которомъ было столько радости и задушевности. Не даромъ народъ говоритъ: «бракъ великое дѣло». «Жениться, перемѣниться».

VIII.

Свадебныя суевѣрія.

Когда сватья (сватунья) придетъ сватать невѣсту, въ ея домъ, то во время разговора не должна садится. Она будетъ говорить много и долго, хвалить жениха и договариваться обо всемъ; но все стоя на ногахъ. Даже и тогда, когда устанутъ ноги, то должна не садится, а стоять на колѣнкахъ. Если же сватья сядетъ, не будетъ пути! Опытная сватья такое правило очень помнитъ, сколько ее не уговариваютъ, чтобы садилась—не сядетъ, даже предлагаютъ чай пить или поѣсть — не будетъ. Садится не должно потому: что или дѣло не сладится, или если и сладится, то у новобрачныхъ дѣти будутъ «сѣдуны», т. е. не будутъ долго ходить, а если будетъ пить, то дѣти будутъ охотники до питья», а если будетъ ѣсть, то дѣти будутъ много ѣсть (многоѣшки).

Сговоренку—невѣсту закрываютъ платкомъ для того, чтобы не сглазили, а потому она до вѣнца и не должна показывать лица. Тѣмъ болѣе, должна она скрывать свой «обликъ»—лицо, во время свадьбы бываетъ много народу, какъ изъ своего селенія, такъ и изъ другихъ, а извѣстно, что у иныхъ людей бываетъ дурной глазъ—сглазятъ, а тѣмъ болѣе, что народъ вѣритъ въ знахарей, которые только однимъ взглядомъ въ лицо и могутъ напустить на человѣка разныя болѣзни, какъ-то: сухотку, чахотку, нытье сердца, порчу, плаксивость и проч.

Когда невѣсту и жениха собираютъ—снаряжаютъ къ вѣнцу—вѣнчаться въ церьковь, насыпаютъ имъ въ обувь: хлѣбныхъ зеренъ и денегъ: первые для того, чтобы не нуждались въ хлѣбѣ, а вторыя, чтобы онѣ водились,—первые имѣли хорошій урожай на поляхъ, а вторыя легко добывались.

Невѣстѣ и жениху, ѣдущимъ въ церковь вѣнчаться, втыкаютъ въ платье, въ рубашку, въ воротъ и подолъ, безухія иглы, безголовыя булавки; на тѣло навертываютъ обрывки мережокъ. Все это дѣлается для того, чтобы новобрачныхъ во время свадьбы не испортили. Никакому знахарю невозможно испортить человѣка у котораго есть безухія и безголовыя иглы и булавки, а тѣмъ болѣе, если у него на тѣлѣ находится перелина, на которой безчисленное множество узелковъ.

Новобрачныхъ, за столомъ передъ вѣнцомъ и до вѣнца садятъ на шубу, вывороченную вверхъ шерстью, чтобы ихъ не испортили, да жили богато и водился у нихъ въ изобиліи скотъ.

Во время столованья, какъ за первымъ столомъ, такъ и за княжимъ, новобрачные должны свои ноги переплести или поставить нога-на ногу—для того чтобы между ними не пробѣжала черная кошка. Для этой же цѣли они должны сидѣть поплотнѣе между собой. Если же пробѣжитъ между ними кошка, то молодые будутъ жить не согласно, какъ кошка съ собакой.

Когда жениха и невѣсту приведутъ на церковную паперть, то они должны взяться за скобу и сказать: «Пусть всѣ наши скорби и болѣзни не пойдутъ съ нами подъ вѣнецъ, а останутся на тебѣ, желѣзной скобѣ». Народъ вѣритъ, что желѣзо принимаетъ—притягиваетъ къ себѣ всякую болѣзнь, какъ отъ человѣка, такъ и съ «вѣтра», а въ особенности ржавое желѣзо, которое многіе носятъ на крестѣ—особливо, во время повальныхъ болѣзней. У дверей многихъ домовъ, у пороговъ вбиваются въ половницы скобы и подковы, для того, чтобы болѣзни повальныя невходили въ домъ, а оставались на скобѣ или подковѣ у дверей порога.

Когда на брачущихся надѣваютъ вѣнцы, и священникъ говоритъ: «вѣнчается рабъ Божій такой-то», то послѣдній долженъ креститься и говорить тихонько:—«Я, рабъ Божій (имя рекъ), вѣнчаюсь, а мои болѣзни не вѣнчаются.» Народъ вѣритъ, если у брачущихся есть какія либо болѣзни, да съ ними вѣнчаютъ, тогда ихъ никогда не вылѣчить.

Во время вѣнчанія, когда подъ ноги подстилается ширинка—полотно или платокъ, то, который на нее впередъ ступитъ ногой, тотъ изъ новобрачныхъ и будетъ большимъ—большакомъ въ жизни.

Во время вѣнчанія замѣчаютъ, что, у котораго изъ брачущихся, вѣнчальная свѣча скорѣе сгоритъ, тому прежде и умереть.

Во время вѣнчанія, ни жениху, ни невѣстѣ не слѣдуетъ смотрѣть другъ на друга, а если же будутъ, а въ особенности посмотрятъ въ глаза, то не возлюбятъ другъ-друга, или который нибудь измѣнитъ въ супружеской жизни.

Если брачущіеся оба или одинъ изъ нихъ невинными вѣнчаются (не познали блуда), тогда (говорятъ) вѣнцы у обоихъ или у одного изъ нихъ сіяютъ отъ свѣта-огня.

Когда отъ вѣнца молодую вводятъ въ домъ къ свекру, то онъ и свекровь встрѣчаютъ новобрачныхъ у калитки, первый изъ нихъ суетъ молодой въ руку скляницу съ виномъ или съ пивомъ, а послѣдняя кладетъ потихоньку въ пазуху новобрачной пирогъ и подъ ноги кидаетъ хмѣлю. Пирогъ новобрачные должны съѣсть пополамъ предъ свадебнымъ столомъ, на «особинкѣ», вино или пиво тоже выпить пополамъ. Это дѣлается для того, чтобы они жили всю жизнь сыто, въ любви и согласіи, а хмѣль разсыпается подъ ноги, чтобы жили вѣкъ весело и въ согласіи.

Когда молодая входитъ въ избу, то ступая ногой за порогъ должна сказать: «я, изъ меньшихъ—большуха,—буду мама, стряпуха».

Когда пріѣхавшихъ отъ вѣнца новобрачныхъ будутъ благословлять, тогда новобрачная послѣ благословленія, кланяясь отцу съ матерью въ ноги, говоритъ потихоньку: «Я-то пришла, меня-то привели не овечку, а волчиху».

Когда новобрачная начинаетъ на «особинкѣ» пить и ѣсть съ новобрачнымъ, то говоритъ тихонько: «пить-бы, да ѣсть до сыта, а дѣтей рожать до любви—легко».

Тотъ платокъ, подъ которымъ новобрачная, будучи еще сговоренною, плакала, остается навсегда въ домѣ родителей; его не берутъ въ приданое въ новый домъ, потому, чтобы жить замужемъ не плакаться. [1])

Зап. С. Я. Деруновымъ. Сообщ. Отд. Этногр. И. О. Л. Е. А. и Э.

---

[1]) Какъ причитанія, такъ общія положенія и обычаи свадебныя взяты мной изъ «крестьянской свадьбы», напечатанной въ 1868 г. въ V вып. «Тр. Яр. Ст. Ком.»; но съ нѣкоторыми дополненіями и выпусками. С. Д.

XV. Владимірской губерніи.

Юрьевскаго у., с. Шкльбово.

О времени свадебъ надобно замѣтить, что онѣ бываютъ большею частію въ мясоѣдъ отъ святокъ до масляницы, также около Ѳоминой недѣли—пока еще нѣтъ полевыхъ работъ, и осенью—послѣ работъ.

Въ первый разъ, разумѣется, отъ жениха засылается къ отцу невѣсты сваха; недостатка въ этихъ особахъ нигдѣ нѣтъ. Она опоясывается веревкой въ ту силу, что этой веревкой она должна опутать дѣло и связать свата. Сладивши дѣло, сваха сводитъ обоихъ сватовъ: они тутъ же молятся Богу и ударяютъ по рукамъ. Послѣ этого бываетъ у жениха два «пропоя»—малый и большой: на маломъ пропоѣ бываютъ одни родственники невѣсты, а на большомъ родные и невѣсты и жениха. На пропояхъ бываютъ обѣды или ужины, гдѣ вино подносится стаканами предъ каждымъ блюдомъ; особенно же усерденъ хозяинъ бываетъ къ тѣмъ, которые тутъ пропиваютъ невѣсту.

На канунѣ свадьбы, по обыкновенію у невѣсты бываетъ *дѣвишникъ*, на который сходятся ея подруги; отсюда начинаются вопли и причитанья. Невѣста къ каждой входящей дѣвицѣ причитаетъ:

2208.

Подруженька моя, голубушка!
Поди-тко, моя родимая,
Не во гнѣвъ ли тебя покажется,
Что я, горькая, тебя не встрѣтила
Среди-то двора широкаго,
Супротивъ-то мосту мощенаго, —
У избы двери не отворила?
Ужь и рада бы тебя встрѣтила;
Нейдутъ мои ноги рѣзвыя;
Нейдутъ онѣ, подгибаются;
Бѣлы рученьки опускаются;
Буйна головушка съ плечъ скатилася

По самыя могучи плеча.
Встрѣчаю я тебя, горькая,
Супротивъ полу широкаго.

Во время дѣвишника невѣста сидитъ съ дѣвицами за запавѣсомъ. Женихъ пріѣзжаетъ съ сватомъ и привозитъ огромную «куличку» съ гривенникомъ на ней, валенки и чулки. Вошедши въ избу, онъ такъ выкликаетъ невѣсту: «Марья Петровна! повыдь сюда, повыступи; мало-то прими, большаго-то подожди». Невѣста выходитъ и беретъ гостинцы. Женихъ садится впереди: тутъ его угощаютъ и дарятъ; также и свата съ нимъ. Даритъ мать невѣсты и, надобно замѣтить, съ особенной церемоніей: подарокъ кладется на блюдо, на подарокъ пшеничная горбушка; тотъ, кого дарятъ, обязанъ перекреститься, и взявъ горбушку, поцѣловать её, потомъ принять подарокъ, утереться имъ и поцѣловать сваху, которая даритъ. Когда женихъ выходитъ изъ избы, сватъ говоритъ невѣстѣ: «Марья Петровна, проводи насъ». Она провожаетъ ихъ на дворъ, прощается и цѣлуется съ женихомъ. Потомъ, войдя въ избу, начинаетъ вопить:

2209.

Невѣстки мои голубушки!

(или родимыя тетушки, кто есть въ семьѣ)

Подымайте столы дубовые,
Стелите скатерти браныя!
Сажайте вы моихъ-то подружичекъ
У родимаго-то у батюшки,
У радельницы у матушки,
У родимыхъ-то у дядюшекъ,
У радельницъ-то у тетушекъ,
У родимыхъ-то у брателковъ,
И невѣстокъ моихъ голубушекъ
Въ останешны и во первые.

(къ подругамъ):

Подружки мои голубушки!
Вы поѣште-ко, покушайте,
Моего горя не слушайте,
У родимаго-то у батюшки
У радельницы-то у матушки...

(и такъ далѣе).

Послѣ обѣда, когда подруги пойдутъ вонъ, невѣста завопитъ къ нимъ:

2210.

Вы подружиньки мои, голубушки,
Вы послушайте, что я вамъ стану говорить,
И говорить, и приказывать:
Ужъ вы пойдете во луга гулять,
Ужь вы станете твѣтки срывать,—
Сорвите-ко вы и мой твѣтокъ,
Совейте-ко вы и мнѣ вѣнокъ;
Передайте вы родимой матушкѣ,
Положите на косящето окошечко.

Проводивъ подругъ, она начинаетъ вопить къ родителямъ:

2211.

Ты, родимый мой батюшко,
Ты, радельница матушка!
Не по вашему ли повелѣньицу
Приходилъ ко мнѣ чужой чуженецъ,
Чужой чуженецъ — добрый молодецъ?
Подкосилъ онъ меня подъ рѣзвы ноги,
Ужь онъ снялъ съ меня буйну голову
Какъ по самыя могучіе плеча.

Послѣ дѣвишника бываетъ ужинъ, на который сходятся всѣ родные невѣсты. И она къ каждому гостю причитаетъ тоже самое, что причитала къ входящимъ подругамъ, т. е. проситъ у нихъ извиненія, что она ихъ «не встрѣтила среди двора широкаго». Потомъ точно также проситъ ихъ «поѣсть да покушать», какъ просила и подругъ своихъ.

Если нѣтъ отца и матери, то она, во время ужина, такъ обращается къ брату:

2212.

Родимый мой брателко,
Александрушка Петровичъ!
Что я стану тебѣ говорить,
И говорить и приказывать:
Ужъ ты выдь-ко на широкую на улицу,
Ужъ и стань-ко у притворной у вереюшки,
Погляди-тко на всѣ четыре сторонушки,
Ужъ какъ больше всего на восходъ солнца. [1])
Нейдетъ-ли родимый мой батюшко,
Не несетъ-ли онъ во бѣлыхъ рукахъ,
Не несетъ-ли чуда-образа,

---

[1]) На востокъ отъ села отведено кладбище.

Благословеньица великаго?
Благословилъ бы онъ меня, горькую,
На чужу дальню сторонушку,
Ко чужёму роду-племени,
Ко чужёму отцу-матери.

Если у невѣсты братъ въ солдатахъ, то она тогда вопитъ:

2213.

Поглядите, мои родимые
По всей избѣ, по всей горницѣ!
Ужъ какъ всѣ гости сошлись, съѣхались;
Ужъ какъ нѣтъ у насъ у горькихъ,
Ужъ какъ нѣту-ка дорога гостя,
Родимаго-то брателка!
Ивана-то Петровича.
Родимый мой брателко,
Отставь-ко ты ружье свѣтлое,
Покинь-ко ты службу царскую;
Прилети-ко ты, братецъ-батюшко,
Хоть и яснымъ соколомъ,
Хоть и бѣленькимъ голубчикомъ.

Если братъ въ солдатахъ, и вмѣстѣ она сирота, то она прибавляетъ:

На мою то свадьбу горькую,
На горькую на горемышную,
Безъ родимаго-то безъ батюшки,
Безъ радельницы-то безъ матушки.

На другой день — день свадьбы, невѣста вставъ съ постели, завопитъ:

2214.

Родимый мой батюшко,
Родимая моя матушка,
Спалась-ли вамъ темная ночь?
Ужъ какъ мнѣ горькой не спалося,
Не спалося, много видѣлось,
Будто я хожу по крутымъ горамъ,
Будто я беру черны ягоды.

Мать отвѣчаетъ ей:

2215.

Мило мое дитятко!
Круты горы—твое горе,
Черны ягоды — горючи слезы.

Потомъ невѣста, когда уже начнетъ ей расплетать косу сестра или другая въ домѣ дѣвочка, завопитъ къ матери:

2216.

Родимая моя матушка!
Куда то мнѣ свою красоту дѣвать?
Во луга пустить, — загуляется,
Во лѣса пустить—заплутается.
Пущу-то я свою красоту
По всей избѣ, по всей горницѣ:
«Ужъ дойди-ка ты, моя красота,
До родимыя-то до сестрицы,
До Ѳедосьи-то до Петровны.
Носи-тко ты мою красоту,
Носи-тко ты, не жалѣючи,
Съ буйной головушки не спускаючи,
Изъ русы косы не вывязываючи.

Каждая невѣста передъ вѣнцомъ отпѣваетъ молебенъ; въ церковь отправляется на лошади, а уже никакъ не пѣшкомъ; передъ отъѣздомъ проситъ у родителей благословенія:

2217.

Родимый мой батюшко,
Радельница моя матушка!
Не прошу-то я у васъ горькая
Ни злата я у васъ, ни серебра:
Прошу-то я у васъ, горькая,
Благословеньица великаго:
Благословите вы меня, горькую,
Во матушку во Божью церкву.

Если невѣста не имѣетъ родителей, то она послѣ молебна, прямо изъ церкви уѣзжаетъ съ *большимъ* въ домѣ на могилу отца и матери. Какъ скоро выйдетъ изъ церкви,—начинаетъ вопить, пока ѣдетъ на кладбище:

2218.

Не пчела летитъ, не въ устахъ несетъ,
Не въ устахъ несетъ меду сладкаго....

Пріѣхавъ же на кладбище:

Вы востаньте, вѣтры буйные,
Разбушуйте вы мать сыру землю,

Расколите вы гробову доску,
Распахните вы тонки саваны,
Разложите вы руки бѣлыя!
Ты встань, мой родимый батюшко!
Ты встань, радельница матушка!
Благословите вы меня, горькую,
На чужу дальню сторонушку,
Ко чужому роду племени,
Къ чужому отцу матери.

Возвращаясь съ могилы, она проситъ своего отца крестнаго, (съ которымъ большею частію ѣздитъ невѣста), ѣхать тише, а сама продолжаетъ:

2219.

Ужъ ты родимый мой дядюшко,
По крещеной вѣрѣ — крестный батюшко!
Ты послушай, что я тебѣ буду говорить,
И говорить и приказывать:
Поди-тко ты потихохоньку,
Ступай-ко ты полегохоньку;
Ступни-тко ты во мою ступень,
Дохни-тко ты моимъ сердцемъ.

Подъѣзжая ко двору, она завопитъ встрѣчающему ее брату:

2220.

Ты родимый мой, брателко!
Не мети-тко ты широкій дворъ;
Не разбирай-ко ты свѣтлой горницы.
Не явилися къ намъ дороги гости,
Ни родимый нашъ батюшка,
Ни радельница наша матушка.

Вошедши въ избу, она, обращаясь къ старшимъ въ домѣ,—къ дядѣ и теткѣ, вопитъ:

2221.

Ты, родимый мой дядюшка,
И радельница моя тетушка!
Ужъ какъ ходила-то я, горькая,
Въ церкву Богу помолитися,—
Поглядѣла-то я, горькая,
На своихъ-то на подружинекъ:
Ужъ какъ стоятъ они изряжены,
Изряжены онѣ, изукрашены,
Буйны головушки ихъ причесаны,
Русы косы приплетены,
Алыми лентами изувязаны.
А я-то стою, горькая,
Словно травынька подкошеная,
Черна земля подореная.

Тоже самое припѣваетъ и отцу съ матерью (если они есть) по пріѣздѣ отъ молебна.

Передъ вѣнцомъ съѣзжаются гости, и невѣста причитаетъ имъ тоже самое, что она причитала, когда они сходились на дѣвишникѣ.

Передъ одѣваньемъ къ вѣнцу она спрашиваетъ свою невѣстку:

2222.

Невѣстка моя голубушка!
Скажи-тко, моя родимая:
Каково житье во чужихъ людяхъ,
Во чужихъ людяхъ, во незнамыихъ?

Невѣстка отвѣчаетъ ей:

2223.

Ужъ ты, милое наше дитятко,
Милое наше родимое!
Послушай ты, мое родимое,
Что я стану тебѣ говорить,
И говорить, и приказывать:
Ужъ какъ надо жить во чужихъ людяхъ
И умѣючи и разумѣючи,—
Буйной головушкой будь поклончива,
Ретивымъ сердцемъ будь покорчива.

Во время одѣванія невѣсты дружка, подпоясанный полотенцемъ [1]) привозитъ ей отъ жениха шубу и такъ выкликаетъ сваху — невѣстину крёстну: «Свахынька молодая, глубынька голубая, изволь-ка ты твѣтно платье примать, часты пуговки считать». Сваха возражаетъ дружкѣ: «Есть ли пуговицы-та? Есть ли чѣмъ застегнуться-то?» Дружка отвѣчаетъ: «У нашего свата пуговицъ было сорокъ. И то надо сказать: дорога-та дальна, она же шибальна; ѣхали мы валялись, всѣ пуговки посломались. Ужь на себѣ сдобри!»

Отпустивъ дружку, крестна снаряжаетъ невѣсту въ шубу, имъ привезенную; накрываетъ

[1]) Въ продолженіе всей свадьбы дружки опоясываются полотенцами съ красными концами; это главное отличіе ихъ чина и званія.

ее красной шалью, чтобъ не видно было и лица. (Такъ покрытою она бываетъ до вѣнчанья, и послѣ вѣнчанья до того самаго времени, когда начнутъ крутить ее, т. е. убирать ей голову женскимъ уборомъ). Во время снаряжанья къ вѣнцу она причитаетъ къ крестнѣ:

2224.

Ужъ ты по роду мнѣ тетушка,
По крещеной мірѣ крестна матушка,
Надѣвай-ка ты на меня тѣтно платье!
Тѣтнимъ оно тѣтнехонько,
Къ ретиву сердцу холоднехонько.

Послѣ одѣванья начнутъ Богу молиться и благословлять невѣсту. Потомъ крестна поведетъ ее за столъ. Тутъ она завопитъ:

2225.

Коли-то я такова была,
По застольнцу я ходила,
За столами я сидѣла
За столами за дубовыми,
За скатертями за бранными
За яствами за сахарными?

По правую сторону невѣстѣ на мѣстѣ жениха садится мальчикъ — братъ, или племянникъ, или кто другой. Онъ назначается для продажи невѣсты. Она обоймётъ его и поетъ:

2226.

Милое ты мое дитятко!
Послушай, мое родимое,
Что я буду тебѣ говорить
И говорить и приказывать:
Ужъ какъ пріѣдетъ грозный дружка,
Ударитъ по столу по дубовому,
По дубовому плетью шелковою:
Сиди-тко ты, не убоючись,
Говори рѣчи, не утаючи;
Не проси-тко ты золотой гривны;
А проси-тко ты коня въ сѣдлѣ
Коня въ сѣдлѣ, въ золотой уздѣ,
Было бы на чемъ мнѣ доѣхати
До матушки до Божьей церкви.

Тутъ пріѣзжаетъ поѣздъ, состоящій изъ нѣсколькихъ паръ лучшихъ лошадей, убранныхъ лентами и увѣшанныхъ бубнами и въѣзжаетъ прямо на дворъ: на первой парѣ дружка, на второй священникъ съ женихомъ, потомъ сваха женихова, за нею тысяцкіе и т. д. Всѣ пріѣзжіе медлятъ входить въ избу, а отправляется впередъ дружка выкупать мѣсто для жениха. Входитъ онъ съ грознымъ челомъ, ударяетъ *ременницей* по столу и кричитъ мальчику: «Ступай вонъ!—не твое тутъ мѣсто; это мѣсто Ивана Петровича».—«Нейду вонъ», отвѣчаетъ мальчикъ, дай мнѣ за сестру золоту гривну, коня въ сѣдлѣ, въ золотой уздѣ!

Дружка молча кинетъ ему грошъ или копѣйку: мальчикъ отталкиваетъ, приговаривая: «У насъ невѣста не черна, а бѣла»

Послѣ этого дружка вынимаетъ пятакъ серебра и отдаетъ мальчику. Мальчикъ, поцѣловавъ сестру, уходитъ. Дружка отправляется на дворъ; за нимъ выходятъ и невѣстины дружки встрѣчать пріѣзжихъ, — а потомъ сваха. На дворѣ начинаютъ разносить гостямъ пиво или квасъ: дружка—дружкѣ, тысяцкій—тысяцкому, сваха—свахѣ. Послѣ входятъ въ избу: напередъ дружка съ образами, за нимъ священникъ съ женихомъ, далѣе свахи. Тогда невѣста встаетъ и вопитъ:

2227.

Не встала бы я, горькая,
Не встала бы я, горемычная,
Супротивъ гостей пріѣзжихъ.
Встаю-то я, горькая,
Супротивъ креста животворящаго
Супротивъ батюшки Духовнаго.

Женихъ садится по правую сторону невѣсты, а по лѣвую сваха женихова. Потомъ начнутъ дарить священника, жениха и другихъ пріѣзжихъ. Пока дарятъ, невѣста вопитъ:

2228.

Обсѣли меня, горькую,
Обсѣли меня, горемычную,
Не родимые-то братенки,
Не радѣльницы сестрицы,
По правую по сторонушку
Сидитъ не родимый брателко,
Сидитъ чужой чуженецъ
Чужой чуженецъ—добрый молодецъ.

Зачѣмъ ты ко мнѣ пріѣхалъ,
Почему ты меня свѣдалъ?
Не въ лугахъ-то мы съ тобой гуляли,
Не твѣтки-то мы съ тобой срывали,
Не вѣнки-то мы съ тобой свивали.
А по лѣвую-то сторонушку
Сидитъ не невѣстка голубушка,
Сидитъ тутъ сваха пріѣзжая.
Зачѣмъ ты ко мнѣ пріѣхала,
Почему ты меня свѣдала?
Не въ лугахъ-то мы съ тобой гуляли,
Не твѣтки-то мы съ тобой срывали
Не вѣнки то мы съ тобой свивали.

Наконецъ подымаются изъ-за стола. Невѣста причитываетъ:

Не сине море всколыхалося,
Не бѣла лебедь подымалася.... и т. д.

Засвѣчается свѣча, поется «достойно есть», и дѣлается священникомъ отпускъ. Потомъ начнутъ благословлять невѣсту отецъ и мать, крестный и крестная. Разстилаютъ на полу кафтанъ, на который становятся и женихъ и невѣста; предъ ними становится благословляющій съ образомъ; они даютъ три земныхъ поклона образу, цѣлуютъ его; потомъ кланяются благословляющему въ ноги и поочередно обнимаютъ его и цѣлуютъ. Тутъ-то льются искреннія слезы и вырываются задушевныя рыданія какъ у благословляющихъ, такъ у благословляемыхъ! Невѣста оставляетъ домъ, въ которомъ она росла съ колыбели, къ которому она такъ привыкла; дочь оставляетъ родителей, которыхъ она такъ любила.

Во время благословенія она вопитъ:

2229.

Ужъ родимый ты мой батюшка,
Ты радельница матушка,
Не прошу-то я у васъ, горькая,
Ни злата я у васъ, ни серебра.
А прошу-то я у васъ, горькая,
Благословеньица великаго:
Благословите вы меня, горькую,
На чужу дальню сторонушку
Ко чужому роду-племени,
Ко чужому отцу-матери.

Надобно замѣтить, что въ этотъ день съ самого утра въ домѣ невѣсты почти полна изба и дворъ зрителей: на полу, на лавкахъ, на печи и на полатяхъ другъ друга давятъ: бабы молодыя, дѣвицы и маленькія ребятишки.

Когда выводятъ невѣсту изъ избы, она причитаетъ зрителямъ:

2230.

Вы раздайтесь, разступитеся,
Пропустите вы меня, горькую,
Не помарайте вы на мнѣ твѣтно-платье.
Твѣтнымъ оно гвѣтнехонько,
Къ ретиву сердцу холоднехонько.

Поѣздъ отправляется къ вѣнцу точно въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ пріѣзжалъ къ невѣстѣ: на первой парѣ дружка, на второй священникъ съ женихомъ, на третьей невѣста со свахами, за нею тысяцкіе; наконецъ въ заключеніе выѣзжаетъ лошадь съ коробьемъ,—съ приданымъ невѣсты и отправляется прямо въ домъ жениха.

Отецъ и мать невѣсты остаются дома.

Отправляя жениха и невѣсту подъ вѣнецъ, матушки и болѣзныя сватьюшки кладутъ имъ за пазухи пучечки рябины, «богородицынъ сонъ» (о немъ послѣ) и втыкаютъ имъ крестъ на крестъ иголки. Это будтобы предохраняетъ отъ колдовства и порчи.

Послѣ вѣнца отправляются въ домъ жениха уже пѣшкомъ: на переди священникъ въ эпитрахили и съ крестомъ, за нимъ молодые въ вѣнцахъ. Въ продолженіе всего путешествія поются церковныя пѣсни.

Когда приведутъ новобрачныхъ въ домъ, отецъ и мать молодого, крестный и крестная, ихъ благословлять и сажаютъ за столъ. Зрителей полна изба и всѣ ждутъ пока имъ покажутъ молодую въ женскомъ головномъ уборѣ; до тѣхъ поръ она закрыта шалью.

За столомъ свахи должны окрутить ее, т. е. надѣть на голову женскій уборъ. На столѣ на блюдѣ лежитъ или *сорóка* или повойникъ, покрытый платкомъ. Священникъ снимаетъ платокъ и благословляетъ уборъ. Свахи послѣ этого берутъ его, — снимаютъ съ невѣсты шаль, напередъ такъ, чтобъ никто не могъ видѣть молодой; за углы шали даютъ держать двумъ дѣвочкамъ, нарочно для этого поставленнымъ по сторонамъ невѣсты, и за этой шалью убираютъ ее. Затѣмъ ее опять накрываютъ шалью. Это производитъ ропотъ, между зрителями и они начинаютъ просить, чтобы имъ показали молодую. Тутъ отецъ молодого обязанъ передать сыну своему просьбу отъ лица всѣхъ: «Ну-ка, Иванъ

Петровичъ, заголи молодую-то!» и молодой поднимаетъ шаль, цалуетъ молодую; она кланяется на всѣ стороны, опять цѣлуются. И зрители, вполнѣ удовлетворенные, хлынутъ вонъ, давя другъ друга.

Послѣ этого выводятъ молодыхъ нá середу (на средину)—кормить: за столъ съ ними садятся и всѣ тѣ, которые говѣли. Это бываетъ всегда почти уже къ вечеру; а потому, послѣ ихъ закуски, отправляютъ молодыхъ въ клѣть для отдыха. Туда ихъ сопровождаетъ священникъ со крестомъ. Между тѣмъ на брачную постель давно уже залегли дружки, у которыхъ молодые обязаны выкупать ее. Это сопровождается разными прибаутками и остротами; дружекъ дарятъ, поютъ водкою, и даютъ закусывать имъ кулички, принесенной невѣстѣ женихомъ. Надобно замѣтить, что этой закуской чрезвычайно всѣ дорожатъ; ее одѣляютъ не всѣмъ и то по маленькому кусочку.

Наконецъ дружки, довольно поломавшись, оставляютъ постель. Молодая обязана раздѣвать молодого. Когда она скидаетъ съ него сапоги, то находитъ въ нихъ деньги—копѣекъ двадцать или пятнадцать. Эти деньги она оставляетъ у себя, такъ какъ молодой нарочно ихъ приготовилъ для своей подруги.

Между тѣмъ въ избѣ продолжается пиръ горой; гости ждутъ еще ужина. Уже за полночь, а ужина нѣтъ: еще не встали новобрачные. Наконецъ послѣ небольшого отдыха молодыхъ, ихъ подымаютъ съ постели, приводятъ въ избу и сажаютъ за столъ.

Передъ ужиномъ невѣстина сваха дарить всѣхъ жениховыхъ гостей; подарки опять накрываются горбушкой и сопровождаются тѣми же церемоніями, о которыхъ сказано выше. Послѣ подарковъ начнется *здравствованье*; оно заключается въ слѣдующемъ:

Передъ молодой четой ставится ведро пива; молодой наливаетъ его въ стаканы, а молодая подноситъ гостямъ, которые получили подарки. Принимающій стаканъ обязанъ поздравить ихъ съ честнымъ и законнымъ бракомъ, обязанъ заставить молодыхъ полдюжины или болѣе разъ поцѣловаться; потомъ выпивъ, положить въ стаканъ денегъ по усердію; наконецъ обязанъ поцѣловать молодого и молодую. При этомъ бываютъ довольно смѣшныя сцены, особенно если стаканъ пива достается шутливому, подвеселенному водкой, гостю. Принимая стаканъ онъ начинаетъ цѣлый монологъ съ жестами и прибаутками:

— «Хозяинъ, что у те пиво-то не молодитъ? и хохолка то нѣтъ?»

Тогда молодые обязаны его сдѣлать молодистымъ и цѣлуются. Пьющій прихлебываетъ.

Стаканы для питья пива рѣдко употребляются стеклянные, а почти вездѣ деревянные, называемые *ставцами*; и морщится, давая знать, что оно невкусно. Молодые цѣлуются; онъ опять его хлебаетъ.

— «Эхъ, робя, какъ горько! инда въ лобъ ударила». Молодые подслащиваютъ—цѣлуются. Онъ опять попьетъ, посмотритъ въ стаканъ къ свѣту.

— «Э, э, па вотъ! что это? гущи-то, гущи-то... Мать моя! да это въ горло пройдетъ. Нѣтъ, Иванъ Петровичъ, это не дѣло: ты лихо мыслишь. Пить не хочу».

Молодые опять цѣлуются. Наконецъ пьющій увидѣвъ дно, говоритъ:

«Эхъ, кормилицы, вы мои! Взглянь-ка-те, что на днѣ-то. Поглянь-ка-те, таракапища-то какой,—съ вершокъ, мужика сшибетъ! Знать съ потолка, што-ли ботнулся» и т. д.

Молодые опять цѣлуются; и рады радехоньки, что наконецъ отдѣлались отъ такого гостя. Но не тутъ-то было: еще онъ ихъ начнетъ перецѣловывать разъ по двадцати и все съ ужимками да прибаутками.

Вотъ вамъ и здраствованье.—Послѣ него начинается ужинъ. На этотъ ужинъ разноситъ кушанья дружка; и онъ, подавая блюда, обязанъ говорить: «Ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, голова съ поклономъ, сердце съ покоромъ; гости дорогіе, извольте порушить, да покушать!»

На этомъ ужинѣ въ иномъ домѣ послѣднимъ кушаньемъ подаютъ *сальникъ*, называемый *разгоннымъ*. Дружка невѣстинъ отъ досады, что кончается пиръ, послѣ котораго должны всѣ разойтись по домамъ, засучивъ рукавъ, ударяетъ по сальнику; брызги отъ него летятъ въ разныя стороны,—онъ *разгоняетъ* гостей. Послѣ ужина невѣстины родные начинаютъ прощаться и расходиться. Отца и матери невѣсты тутъ не бываетъ: они въ продолженіе всей свадьбы остаются дома. Молодая завопитъ къ братьямъ:

2231.

Родимые вы мои, брателки!
Скажите вы родному моему батюшку
И радельницѣ моей матушкѣ:
Не ждали бы они меня, горькую,
Со гульбы-то со веселья,
Ждали бы они меня, горькую,
Дорогой гостьей съ дорогимъ гостемъ.

На другой день дружка отправляется звать родственниковъ молодой: а сама она съ бабами пойдетъ въ домъ къ отцу за гостьями. Отца и

матери опять не приглашають. Опохмѣлившись какъ слѣдуетъ, гости другъ друга мараютъ сажей; новобрачная носитъ воду для умыванья. Нѣкоторые изъ гостей затѣваютъ ряженье.

Когда гости и въ этотъ день разойдутся, отецъ новобрачной зоветъ уже къ себѣ *на ручки* своего молодого зятя и дочь и родныхъ женпховыхъ; здѣсь родители въ первый разъ видятъ свою дочь уже не дѣвицу. Это послѣднее угощеніе.

Изъ архива И. Р. Географ. Общества.

Свадебные причеты дружки.

Той же губ. и уѣзда, дер. Снегириха.

У жениха.

2232.

«Здрáвствуйте господá!
Я пришэлъ, къ вамъ сюдá, —
Я буду дружеть
А вы будете слу́шеть.»

Они и пододвинутся.

«Шабры́ и шабрёнушкиэ,
Приближэ́нные сосѣ́душки,
Благословляйте нашего новобрашнова князя
Къ злату́ вѣнцу ѣхать,
Подъ златы́мъ вѣнцóмъ стоять,
Богу помоли́тца,
У Звиженья милости попросить!»
«Вы старые старики!
Долблё́ны ваши кадыки́,
Ви́нные глóты,
Мірскіе моты,
Долгіе усы́,
Табашные носы́!
Зачѣмъ вы сюды пришли?
Чего вы здѣсь не видали?
Не ваше дѣло по свадьбамъ ходить,
Не ваше дѣло сварьбы смотрѣть,
А вáше дѣло лыки мучить,
Рогатины точи́ть,
К'шели́ плести́,
Въ миеръ брести,
Мякинки просить,
Какъ бы лéхче было носить.»
«А вы старые старухи,
Толсты́е пя́ты,
Косые заплаты,
Шелабóнницы,
Кисельные разбойницы!
(Вы) зачѣмъ (сюды) пришли?
Чего вы не здѣсь видали?
Не ваше дѣло сварьбы смотрѣть,
А ваше дѣло—съ снохой разбранитца,
И на робёнка сердитца!»

(Эти два стиха, равно и многіе ниже разсказчикъ передѣлалъ, чтобы сказать «почестнѣе».

На мужиковъ:

«Вы усачи́, дóброи молодцы́,
Зачѣмъ вы сюды пришли и т. д.
. . . .
Чего вы здѣсь не видали и т. д.
. . . .
А ваше дѣло въ Москву ходить,
Московскихъ бабъ любить,
Въ полпивнóй посидѣть,
Пѣсенокъ попѣть,
А какія пѣсенки? —
— «Не бѣлы снѣжки́...» —
А какъ домой итти,
Пóлку загнулъ:
«Подайте батюшки!»

Къ бабамъ:

«Вы тётушки-молóдушки,
Высóки ваши голóвушки,
Зачѣмъ вы сюды пришли и т. д.
. . . .
А ваше дѣло съ свекровью разбранитца,
Да на робёнка сердитца.

Вы мáлые ребя́та,
Вши́вые пузáтые!
Зачѣмъ вы сюды пришли и т. д.
. . . .
А ваше дѣло на лыжи покататца,
Да на кулáчки подратца!

Вы маненькіе дѣвчёнки,
Подплетены ваши жэпёнки!
Не ваше дѣло и т. д.
(Это я скажу почестнѣе).
. . . .
А ваше дѣло на лодкѣ покататца,
Да въ снѣгу повалятца.

Пріѣзжаютъ въ домъ невѣсты.

«Здравствуйте господá!»

Они будутъ отвѣтъ имѣть.

— «Здрáвствуй господи́нъ!» —

Я пріѣхалъ къ вамъ сюда,
Какъ живёте?»

Они отвѣчаютъ:

«Слава Богу! Сватушка.»
Какъ вы живёте? —
— А мы живёмъ, славу Богу!
У насъ живы быки и коро́вы,
Лежатъ на соломкѣ,
Хвуосты́ на сторонкѣ,
Хвуостами вертятъ,
А намъ дру́жкамъ говорить велятъ.
Ну давай выпьемъ!

Они скажутъ:

Сватушка, просимъ покорно въ гости!
Вотъ идетъ дру́жка
Хлопоту́шка
На коротенькихъ ножкахъ,
Въ сафьянныхъ сапуошкахъ,
По новы́мъ сѣ́ничкамъ,
По частымъ ступеничкамъ.

Входитъ въ избу.

«Посторони́тесь народъ! 2
Вамъ мо́лоды моло́душки,
Не ухватить бы за жубпку?—
А вамъ красныя дѣвушки,
Не сказать бы словечка.
Ша́гъ дру́жка черезъ порогъ!
Съ потолка всю сажу своло́къ.

Взошёлъ въ домъ.

Идётъ дружка по сосновымъ doскамъ
Ко святымъ образамъ

Богу мо́литца, свату кланяетца:

«Здраствуй сватушка!
Вотъ нашъ сватъ и сваха—
Приказали вамъ кланятца,
Не велѣли надъ вами чванятца.

Садятся за столъ.

Далѣе не записано. Записалъ П. К. Симони, въ августѣ 1886 г.

Той же губерніи, Судогодскаго уѣзда. [1])

Случай далъ намъ возможность изучить бытъ крестьянина въ Судоготскомъ уѣздѣ и на первый разъ предложить одно изъ нашихъ наблюденій, именно описаніе тамошней свадьбы-событія наиболѣе выдающагося въ жизни крестьянина и стоящаго, по своему значенію, какъ бы особнякомъ отъ прочей вседневной его жизни. Здѣсь крестьянинъ, отстраняя всѣ другія обстоятельства, сыгрываетъ свадьбу по мѣрѣ силъ и возможности, забываетъ постороннюю робость и горесть и старается какъ можно вѣрнѣе соблюсти искони заведенный обрядъ. Можно смѣло сказать, что нигдѣ такъ строго, какъ въ свадьбѣ, не соблюдается обрядовая часть. Это-же самое заставляетъ и насъ отнести ее къ тѣмъ явленіямъ, которыя должны передаваться во всей ихъ чистотѣ, без малѣйшаго нарушенія или искаженія ихъ вида чрезъ произвольное толкованіе и измѣненіе. Пусть каждый самъ угадываетъ по немъ духъ и свойства народныя. Замѣтимъ только, что жители Судоготскаго уѣзда, какъ нѣкоторыя смежныхъ съ нимъ рѣзко отличаются отъ жителей другихъ уѣздовъ той-же губерніи: это сторона глухая мало населенная, лишенная большого движенія и большихъ сообщеній, а слѣдовательно и посторонняго прилива; крестьяне твердо держатся старины, усидчивы, занимаются или земледѣліемъ или самыми грубыми промыслами, какъ напримѣръ, пилкою дровъ, сидѣніемъ смолы и т. п., и замѣчательны по своей первобытной простотѣ. Это такъ называемая лѣсная сторона, въ сравненіе съ которою никакъ нельзя ставить другую сторону — полевую или просто называемую полями, гдѣ совершилось много историческихъ событій древней Руси и гдѣ замѣтно гораздо болѣе жизни, движенія и развитія. Но какъ эта послѣдняя ни превосходитъ первую, однако и первая намъ кажется любопытною и достойною вниманія потому самому, что она глуха, что въ ней сохранилось болѣе старинной народной простоты открывающей болѣе доступа къ изученію первоначальныхъ свойствъ нашего народа.

Современемъ надѣемся представить и другія наши наблюденія надъ крестьянскимъ бытомъ упомянутаго уѣзда, какъ напримѣръ, отложеніе семейныхъ отношеній и права владѣнія земельною собственностію, понятіе крестьянъ о домашней собственности, о заработкахъ, о старшинствѣ; деревенское устройство и взаимныя отношенія односельныхъ крестьянъ и т. п. также

[1]) Эта статья написана почтеннымъ ученымъ авторомъ въ началѣ 50 годовъ. Ш.

туземные обряды, обычаи, преданія, повѣрья, пѣсни и т. д., слѣды историческихъ воспоминаній, сохранившіеся не только въ памяти народной, но и связанные съ извѣстною мѣстностью.

Нарѣчіе, которымъ говорятъ Субогодцы, какъ и вся Владимірская губернія есть вообще Новгородское, но и оно имѣетъ здѣсь нѣкоторыя особенности и оттѣнки звуковые. Но приступаемъ къ нашему описанію.

Сватовство.

Обыкновенно или большею частію крестьянинъ съ восемнадцати лѣтъ начинаетъ тянуть полъ тягла и тянетъ до двадцати одного года; тутъ накидываютъ на него полное тягло, не смотря на то женатъ ли онъ или нѣтъ. Но такъ какъ тянуть полное тягло не женатому чрезвычайно трудно, то парни и спѣшатъ жениться, пока еще сидятъ на полтяглѣ. Исключенія бываютъ иногда для очередныхъ, которыхъ помѣщики не женятъ, чтобы съ ними не потерять крестьянки, дѣлающейся по мужу солдаткою. Получивъ дозволеніе отъ помѣщика, или волостного управленія, отецъ жениха совѣтуется съ женою, сыномъ и шабрами, т. е. ближайшими сосѣдями о выборѣ невѣсты. Когда невѣста найдена по мысли, тогда родители начинаютъ сватовство.

Въ большихъ имѣніяхъ, по крайней мѣрѣ на столько большихъ, чтобы крестьяне не всѣ были переплетены между собою родственными связями, при которыхъ дальнѣйшіе браки не позволительны, сватовство идетъ прежде всего у своихъ, а потомъ, когда невѣсты нѣтъ — на сторонѣ. Но такъ какъ за невѣсту, взятую со стороны, обыкновенно даютъ выкупъ, иногда довольно значительный, то и цѣль помѣщика, чтобы крестьянскій домъ не ослабилъ себя переводомъ въ чужое имѣніе и выгоды самаго крестьянина не вносить выкупа за одновотчинную невѣсту, заставляютъ усиливать сватовство у себя дома, въ вотчинѣ. Дѣло обыкновенно улаживается, когда отецъ жениха положитъ больше денегъ на столъ. Что это означаетъ — увидимъ ниже. Разумѣется у государственныхъ крестьянъ подобныхъ препятствій не встрѣчается, по ихъ многочисленности. Иногда случается, что дѣвка, любимая черезъ-чуръ родителями и избалованная ими, предпочитая дѣвичью нѣгу работѣ, прикидывается больною недугомъ и, поблажаемая отцомъ съ матерью, отказывается отъ замужества, и потому парень на полномъ тяглѣ принужденъ оставаться не женатымъ. Тогда принимаются сильнѣйшія мѣры къ успѣшному сватовству. Вѣроятно гуманисты ухватятся за эти слова и возопіютъ противъ насильственныхъ браковъ. Но мы отвѣчаемъ имъ: гуманисты не живали по деревнямъ, которыхъ у нихъ большею частію и нѣтъ, а если и живали, въ лѣтнее время для разсѣянія столичнаго сплина, то какъ джентельмены не погружались въ самую среду крестьянскаго быта, не приглядывались съ любовью, безъ предубѣжденія, ко всѣмъ его особенностямъ, условливаемымъ какъ народнымъ характеромъ, такъ и степенью народнаго образованія, не удостоивали его вниманія, какъ истинные Русскіе, либо смотрѣли на него съ теоретическимъ или идеальнымъ взглядомъ заимствованнымъ у чужихъ! Это выродки столичной жизни, безъ практическаго взгляда на сельскій бытъ, съ тѣснымъ, какъ столичный валъ круговоротъ, напитанные при отсутствіи положительности, разными идеями запада, или вовсе не сбыточными утопіями, не допускающіе постепеннаго самобытнаго развитія и требующіе вдругъ различныхъ непримѣнимыхъ и не современныхъ мѣръ, которыя должны привести не къ устройству, а разстройству. Вотъ кого разумѣемъ мы подъ гуманистами, которые, къ несчастію и къ бѣдѣ, расплодились не мало въ столицахъ Россіи, и голосъ которыхъ уже довольно громко начинаетъ раздаваться съ наглою самоувѣренностію. Истинно русскій человѣкъ сближается съ своимъ народомъ и лучше основательнѣе понимаетъ его настоящій бытъ, какъ и существенныя выгоды. Мы не говоримъ о будущемъ, отъ котораго съ пламеннымъ желаніемъ ждемъ успѣховъ при постоянномъ и правильномъ развитіи крестьянскаго быта, какъ съ нравственной, такъ и вещественной стороны съ помощію тѣхъ своевременныхъ мѣръ, которыя истекаютъ непосредственно изъ потребностей народной жизни. Мы говоримъ о настоящемъ и по поводу настоящаго утверждаемъ, что въ крестьянскихъ бракахъ совершавшихся принужденій уже нѣтъ, а если иногда и поручается родственникамъ или старостѣ уладить дѣло, то гдѣ же, въ какихъ сословіяхъ не существуетъ браковъ по разсчету? Понужденіе еще не есть принужденіе. Но и смыслъ понужденія ослабѣваетъ при слѣдующихъ соображеніяхъ. Препятствіе почти всегда встрѣчается со стороны невѣсты, но дѣйствительно больную никто и не станетъ понуждать къ замужеству по тому одному, чтобы не навязать лишняго бремени на мужа, которому въ его быту нужна здоровая работница. Во вторыхъ засидѣвшіяся дѣвки не всегда бываютъ безукоризненнаго поведенія, да при томъ еще русскій крестьянинъ смотритъ на любовь иначе, чѣмъ другія сословія: въ немъ,

судя по большинству, еще мало развито чувство чистой идеальной любви. Потому и самыя отношенія его къ женѣ не таковы, какъ въ образованныхъ сословіяхъ. Въ крестьянствѣ мало встрѣчается влюбленныхъ. Тамъ даже не существуетъ этого слова, но есть выраженія: полюбиться или понравиться и если какая нибудь дѣвка полюбилась парню и лицомъ и силою и здоровьемъ и смышленностью, то онъ на ней и женится. Жена становится домашнею работницею, повинуется мужу, любитъ его почти безмолвно и чувство въ мужѣ и женѣ не доходитъ до такихъ глубокихъ, страстныхъ ощущеній, которыя въ образованномъ обществѣ или составляютъ высочайшее семейное благо, или производитъ ужасныя катострофы. Въ крестьянскомъ быту не столько любовь, сколько кротость, покорность и усердная работа жены составляютъ семейное счастье. Впрочемъ мы объясняемъ это явленіе не отсутствіемъ способности къ развитію душевныхъ силъ, ибо видали примѣры и такой любви и высокаго христіанскаго самоотверженія, но историческою судьбою женщины, ибо то положеніе, въ которомъ находится русская крестьянка, ведется изстари и есть древнее, потому то и сохранилось еще въ простонародіи, между тѣмъ какъ въ образованныхъ сословіяхъ развитіе женщины сдѣлало уже нѣсколько шаговъ впередъ и стремится стать въ уровень съ развитіемъ мущины. Въ русскомъ народѣ есть много покорности и эта покорность наиболѣе живетъ въ женщинѣ, сдерживая въ ней чувство и не давая ему переходить въ страсть, отъ которой не далеко и до необузданности. Сюда присоединяется и древнѣйшій взглядъ на права женщины, перешедшій въ народное преданіе, народный обычай и доселѣ сохранившійся въ русскомъ народномъ быту (очень легко можетъ быть, что чувство любви гибнетъ въ душѣ, дѣлаясь безплоднымъ и бездѣйственнымъ среди другихъ отношеній мужа и жены или по крайней мѣрѣ въ большей части народа оно не высказывается такъ сильно, чтобы всѣ другія обстоятельства могли подчиниться ему, а слѣдовательно и подчиненіе къ браку) не можетъ имѣть въ немъ такого значенія и такой силы, которыя ему стали придавать, не зная основательно русскаго крестьянина. Если строго употреблять крестьянскія выраженія, то мы скажемъ, что крестьянинъ выбираетъ себѣ невѣсту не по «сердцу», а по «мысли», это самое выраженіе измѣняетъ нѣсколько смыслъ понужденія, когда онъ является необходимымъ и полезнымъ. Сживется-слюбится, говоритъ пословица и крестьяне никогда не ссорятся между собою и не попрекаютъ другъ друга изъ за того, что женились не по любви. Иногда бываетъ и такая уловка — невѣста отказывается только потому, что ждетъ понужденія или приказанія, тогда какъ внутренно она согласна выдти за сватающагося парня. Это дѣлается про всякій случай, чтобы обезпечить за собою большую свободу, потомъ и свалить всю вину на родственниковъ или начальство, хотя въ настоящее время она и не имѣетъ никакого дурнаго намѣренія. Наконецъ въ третьихъ если согласиться, что въ крестьянствѣ чувство стоитъ ниже расчета, какъ это обыкновенно бываетъ, то при равенствѣ состоянія понужденіе или принужденіе можетъ случиться весьма рѣдко и при томъ оно не такъ чувствительно, если состояніе сватаемыхъ болѣе или менѣе равно. А извѣстно, что въ вотчинѣ или волости самое значительное число крестьянъ имѣетъ почти равное состояніе, въ сравненіи съ коими богачи и бѣдняки составляютъ лишь малую долю. Вотъ съ этой стороны свобода брака почти всегда что женихъ и невѣста находятъ себѣ ровню и не находятъ причины отказываться отъ брака. Вообще, повторяемъ, гуманисты, схватясь за слово принужденіе или понужденіе и начавъ кричать противъ угнетенія личной свободы, весьма много если только не вовсе разочаруются, когда пристальнѣе и глубже вглядятся въ крестьянскій бытъ и постараются понять его особенности, которыя дѣйствительно кажутся непонятными, или вовсе неизвѣстны имъ, потому что для точнаго и вѣрнаго узнанія ихъ требуются совершенно иныя отношенія къ своему народу, чѣмъ въ какихъ стоятъ наши доморощенные гуманисты. Все происходитъ отъ того, что мы еще плохо знаемъ свой народъ, чуть ли не плоше, чѣмъ чужіе народы. Уважая въ другихъ народность, мы, не зная своей, не признаемъ ея и требуемъ лишь подражанія чужимъ, забывая что много нашъ народъ, всегда отличавшійся самостоятельною жизнью, сильный своими собственными силами и твердо держащій свою народность, долженъ и развиваться самобытно, постепенно, по началамъ, истекающимъ изъ его собственной природы и всей его минувшей жизни, туземныя мѣры должны быть только поощрительныя, способствующія, проводящія, своевременныя, но не насильственныя, незаимствованныя, не разрушающія и не раннія. Самостоятельно развивающійся народъ всегда съумѣетъ своимъ путемъ дойти до человеческаго и помиритъ народное начало со всечеловѣческимъ. Тутъ только даютъ ему свободный ходъ, но не торопятъ его въ шествіи. За то надобно помнить, что каждый шагъ народа впередъ несетъ за собою забвеніе чего нибудь су-

щественнаго въ народѣ и потому во всякую пору своего развитія народъ достоинъ изученія. Итакъ въ настоящее время въ упомянутомъ уѣздѣ сватовство идетъ слѣдующимъ порядкомъ. Замѣтимъ, что при этомъ какъ въ дѣйствіяхъ такъ и словахъ простой народъ любитъ соблюдать строжайшую формальность, выражая чрезъ то взаимное уваженіе. Когда невѣста найдена, тогда отецъ жениха засылаетъ сватовъ. Онъ идетъ къ ближайшему родственнику невѣсты и говоритъ, что родственницу его такую-то желалъ бы взять за своего сына, прося уладить сватовство: сходить къ отцу невѣсты и объяснить ему, что такой-то хотѣлъ бы женить своего сына на его дочери. Съ этого времени родственникъ невѣсты, согласившійся начать сватовство, получаетъ названіе свата. Онъ приходитъ къ невѣстину отцу и объясняетъ въ чемъ дѣло, говоря:

«Любезный братецъ (или сватъ, или кумъ, или какъ иначе) такой-то! Слышно есть у васъ товаръ, чтобы не залежаться ему, нашелся купецъ, человѣкъ Божій и такъ подумайте со своею сожительницею, чтобы не упустить его».

Отецъ, какъ бы не понимая рѣчей свата, спрашиваетъ: что же у насъ за товаръ такой и что за купецъ?

На это сватъ отвѣчаетъ:

«Далеко молодцу за звѣремъ гоняться, далёко дѣвицѣ по грибы ходить. Намъ съ тобой не пристойно околёсницу нести. У тебя есть невѣста, у меня женихъ».

— Такъ-то, такъ, да дочка наша еще молодёшенька: не постыло ей еще житье дѣвичье, съ отцомъ матерью. Жалко намъ растаться съ нею. Пусть еще дома поживетъ да понѣжится: бабій вѣкъ дологъ—помается.

«Ну какъ знаете. Я пришелъ къ вамъ не силкомъ отнять вашу дочь, а по чести, да по родству. Только вы знаете, что въ дѣвкахъ не вѣкъ же вѣковать. Она у васъ дѣвка пригожая, разумная: пристроилъ, такъ и дѣло въ шапкѣ.

Узнавши кто такой женихъ, отецъ невѣсты проситъ сроку, чтобы подумать и посовѣтоваться съ женою и дочерью. По истеченіи срока сватъ приходитъ вторично, и узнавъ, что родители согласны выдать свою дочь за его жениха, идетъ въ домъ къ послѣднему и объявляетъ о согласіи со стороны невѣсты.

Столъ.

Получивъ черезъ свата согласіе изъ дому невѣсты, отецъ жениховъ беретъ свата и идетъ съ нимъ къ невѣстину отцу дѣлать условіе о *столѣ*. Дать на столъ «значитъ положить на столъ во время пропоя извѣстное количество денегъ за выкупъ или выходъ невѣсты и за ея приданое. Дѣло происходитъ между одними отцами въ присутствіи свата. Отецъ невѣсты выражаетъ свое согласіе уступить дочь и спрашиваетъ сколько дадутъ *на столъ*. Отецъ жениха назначаетъ сумму отъ 25 до 50 руб. с. При этомъ большею частію отцы торгуются и наконецъ сладивъ, условливается о днѣ, въ который долженъ быть *запой* или *пропой*.

Пропой.

Родители и сватъ жениха приходятъ въ домъ къ невѣстѣ, здороваются и садятся за столъ. Къ пропою приглашаются родственники невѣсты, живущіе въ одной съ нею деревнѣ. Женихъ не ходитъ на пропой.

— «Любезный сватъ, что нами по милости Божьей вздумано, загадано—давайте начинать! говоритъ отецъ жениховъ. А невѣстинъ отецъ отвѣчаетъ:

— «Богу помоляся, начинайте!»

Тутъ всѣ, находящіеся въ избѣ молятся Богу, и крестясь садятся по мѣстамъ: отцы впереди въ большомъ углу, а прочіе далѣе по лавкѣ. Отецъ жениховъ вынимаетъ выкупныя или столовыя деньги и кладетъ на столъ. Отецъ невѣстинъ беретъ ихъ, кладетъ на блюдо или въ чашу и ставитъ на полицу, гдѣ они и лежатъ до окончанія пропоя. Сосѣди, въ особенности дѣвки, званныя и незванныя, собираются въ избу смотрѣть пропой. Въ это время жениховъ отецъ развязываетъ кошель, который принесъ съ собою и вынувъ боченокъ или нѣсколько штофовъ съ виномъ, обращается къ невѣстину отцу:

— «Сватушка любезный, пожалуй-ка стаканчикъ!» Когда сватъ подалъ ему стаканъ, онъ наливаетъ вино и подноситъ свату, но этотъ отвѣчаетъ:

«Сватушка любезный! у кого въ рукахъ, у того и въ устахъ».

Отецъ жениха начинаетъ пить, говоря:

Сватушка любезный, дай Богъ, чтобы начатое по милости Божіей, кончить благополучно въ честь и радость. Выпивъ, онъ наливаетъ снова вина и подноситъ невѣстину отцу, который принявъ стаканъ, выпиваетъ его съ тѣмъ же пожеланіемъ. Потомъ жениховъ отецъ посылаетъ вино всему семейству и, наконецъ, самой невѣстѣ, положивъ на этотъ разъ въ стаканъ нѣсколько серебряныхъ

монетъ. Невѣста, которая до тѣхъ поръ оставалась съ подружками въ заднемъ или въ темномъ углу, т. е. близъ печи, услыхавъ, что ее зовутъ по имени и по отчеству, подходитъ къ столу и беретъ стаканъ съ виномъ, потомъ снова уходитъ въ свой уголъ и, выливъ во что нибудь вино, оставляетъ деньги у себя, а стаканъ относитъ на столъ и, поклонившись, возвращается къ подружкамъ. Сватъ подчуетъ виномъ гостей, а невѣстинъ отецъ ставитъ на столъ закуски. Когда подносятся вино гостямъ, невѣста даритъ будущаго свекра, жениха и свата дарами или платками. Дары подаетъ не сама невѣста, но сваха, т. е. жена свата. Сперва подаетъ она отцу жениха, говоря:

— «Сватушка любезный, дары прими, на большомъ не взыщи, а блюдечко-то позолоти».

Отецъ принимаетъ даръ и отдариваетъ деньгами. Сваха во второй разъ подноситъ ему съ тѣми же словами, прося принять ихъ для жениха. Отецъ принимаетъ дары отъ имени сына и снова отдариваетъ. Потомъ сваха обращается къ мужу:

«Сватушка любезный дарики-то прими, на большомъ-то не взыщи, а блюдечко-то позолоти. Сватъ дѣлаетъ тоже, что отецъ жениха. Послѣ даровъ женихова мать выкладываетъ на блюдо *кокуры*, т. е. ржаныя лепешки, пряничные орѣхи, яблоки, яйца и т. п. и подзывая къ столу невѣсту, говоритъ ей:

«Сынокъ такой-то тебѣ кланяется; вотъ онъ прислалъ тебѣ хлѣбъ-соль и Божью милость, просилъ сказать тебѣ, чтобы ты не плакала, не тужила, а молилась бы Богу.»

Невѣста, взявши блюдо, уходитъ къ себѣ и, сложивши съ него кокуры и прочее, кладетъ на него дары и выноситъ къ будущей свекрови, прося передать отъ нея жениху. Вино все роспито, закуска съѣдена и пропой конченъ. Новые сваты въ веселомъ расположеніи духа обнимаются, цѣлуются и разсуждаютъ, когда играть свадьбу. Напослѣдокъ отецъ и мать жениха уходятъ домой, за ними гости и зрители. Въ избѣ остается невѣста съ своею семьею и подругами. Тогда она начинаетъ вопить надъ матерью:

2233.

«Родима-то моя матушка!
Что у васъ были за пиръ за бѣсѣдушка?
Что у васъ были за люди незнакомые,
Съ чужой дальней сторонушки?
Пропили вы мою буйную головушку —
Не за пивомъ, не за браженькой,
А за винною чарочкой.
Пили вы прохлаждалися,
Надъ моей горькой головушкой ломалися.
Я говорила вамъ матушка,
Я говорила вамъ приказывала:
«Не пейте вы зелена вина
Не берите вы золотой казны,—
Золотая казна обманчива,
Зелено вино пьянчиво.»

Точно также вопитъ она надъ отцомъ, братьями и сестрами. По окончаніи плача подружки выходятъ на улицу и поютъ:

2234.

«Дорогая ты наша гостинька,
Марья Ивановна! (имя невѣсты)
Гости ты въ гостяхъ у батюшки,
И у родимой-то своей матушки!»
— Я радешенько бы погостила;
Не моя-то стала волюшка,
Стала волюшка Иванова,
Что Ивана-то Михайлыча;
Что Иванъ-отъ думушку думаетъ,
Что Михайлычъ думушку крѣпкую:
Какъ на дворъ будетъ въѣхати,
Въѣхати со боярами, поѣзжанами.
Какъ въѣзжаетъ-же Иванушка
Что въѣзжаетъ къ Ивану Петровичу.
Услыхала-же Марьюшка,
Услыхала-же Ивановна,
Испугалась-же и заметалася,
Закричала-же она громкимъ голосомъ:
Что кормилецъ ты мой батюшка
И родимая моя матушка!
Не пущайте-ка вы разорителей,
Не пущайте вы погубителей,
Разорятъ-то мою головушку,
Погубятъ-то мою дѣвичью красотушку.»

Дѣвичникъ.

За день до свадьбы бываетъ дѣвичникъ. Передъ дѣвичникомъ невѣста ходитъ въ баню съ любимою подругою. Возвратясь домой, она ждетъ подружекъ и когда онѣ входятъ въ избу, она вопитъ:

2235.

Вы подите-ка, подруженьки,
Вы подите-ка, лебедушки!

Вы не гнѣвайтесь-ка, подруженьки,
Что я васъ-то не встрѣтила
Середи-то двора широкова,
Середи-то мосту калинова,
Тяжелыя двери то я не отворила,—
Не за лѣнью-то, не за гордостью
За своимъ-то горюшкомъ великіимъ;
Не взначай-то ко мнѣ горюшко прикатилося
Подкосило-то оно мнѣ рѣзвы ноженьки,
Опустило-то мнѣ бѣлы рученьки,
Головушка-то моя съ плечь свалилася
Со своего-то горюшка великаго.

2236.

Любезныя подруженьки,
Вы любезныя мои бѣлыя!
Что заранѣе въ гости не ходили,
Моего батюшку не журили,
Мою матушку не сговорили—
Какъ прогнѣвался на меня батюшка,
Что прогнѣвалась на меня матушка.
Ужъ я думушку думаю,
Всѣ-то думушки передумаю,
Какъ одна-то думушка съ ума нейдетъ,
Какъ съ ума-то нейдетъ, съ разума:
Что прогнѣвался на меня батюшка,
Что осердилась на меня матушка,
Отдаютъ-то меня, молодехоньку,
Молодёхоньку, зеленёхоньку.
Ужъ и не дали мнѣ на ноги подрятися,
Что съ умомъ съ разумомъ собратися,
Отдаютъ-то меня въ чужіе люди,
Въ чужіе-то люди и незнамые
Ко чужому-то отцу съ матерью.
Ужъ и надо-то жить во чужихъ людяхъ,
У чужова-то отца съ матерью.
Чужой-то отецъ—не батюшка,
Чужая-то мать—не матушка.

Потомъ невѣста проситъ любимую подружку заплести ей косу. Когда плетутъ, она плачетъ:

2237.

Родимый-то мой батюшка!
Родимая-то моя матушка!
Поглядите вы на дорогихъ гостей,
На лебёдушекъ подруженекъ:
Убраны онѣ всѣ уряжены,
Одна-то я горькая не убрана и не уряжена,
И моя-то головушка не причесана.
Лебедушка моя подруженька!
Возьми-тко ты чистый гребень,
Расчеши ты мою буйную головушку.
Лебедушка моя подруженька!
Возьми-тко ты шелковъ косникъ
Со лентами со алыми,
Заплети-тко ты русую косу,
Сплети-тко ты мелку на-мелку,
Завяжи-тко мнѣ крѣпкой узелъ,
Чтобъ коса во вѣкъ не разбилася.

2238.

Вы лебедушки подруженьки,
Вы лебедушки мои бѣлыя!
Ужъ придетъ-то къ вамъ весна красная,
Расцвѣтутъ-то и всѣ цвѣтики,
Расцвѣтутъ и всѣ лазоревы,
Вы пойдёте во зелены луга.—
Вы сорвете-тко всѣ по цвѣтику,
Вы совьете-тко всѣ по вѣнчику,
Ужъ останется одинъ мой цвѣтикъ,
Ужъ не совьется-то одинъ мой вѣнчикъ.
Вы лебедушки мои подруженьки,
Вы лебёдушки мои бѣлыя!
Вы сорвите-тко и мой цвѣтокъ,
Вы совейте-тко и мой вѣнокъ.
Вы пойдете-тко по улицѣ,
Вы пойдете-тко по широкой,
Вы пойдете-тко мимо батюшки,
Мимо-то батюшки, мимо матушки,
Положите-тко вы мой вѣнокъ,
Положите-тко вы къ нимъ на окошечко:
Не ужаснется ли ихъ сердечушко,
Не ужаснется ли ихъ ретивое?....

По окончаніи плача невѣста даритъ подружекъ кокуркою и потомъ начинаетъ снова вопить:

2239.

«Красота-ль ты моя, красотушка,
Красота-ль ты моя дѣвичья!
Покрасуйся ты моя, красотушка,
Покрасуйся ты, моя дѣвичья,
У родимаго-то батюшки,
У родимой-то матушки!
Ужъ не долго-то мнѣ
Красоватися во дѣвичьей красотушкѣ,
Что не годъ то мнѣ, не недѣлюшку
Со своими-то пруженьками,
Со своими-то со лебёдушками.

Затѣмъ подружки идутъ домой, а невѣста ихъ провожаетъ плачемъ:

2240.

Побесѣдуйте-тко, вы подруженьки,
Побесѣдуйте-тко, вы лебедушки,
У мого-то роднмаго батюшки,
У моей-то родимой матушки!
Вы лебедушки подруженьки,
Вы лебедушки мои бѣлыя!
Не попомните-ко вы моей лихости,
Не попомните-ко вы моей грубости,
Не попомните-ко досадъ моихъ великіихъ.

Простившись съ подружками, она возвращается въ избу, садится на лавку и продолжаетъ вопить:

2241.

Ужо родимый ты батюшка,
Ужо родима моя матушка!
Проводила-то я дорогихъ гостей,
Дорогихъ гостей-подруженекъ,
Проводила-то ихъ въ остаточки,
Ужъ во дѣвичьей красотушкѣ.
Ты родимый мой батюшка!
Не сидите-ко вы долго вечеромъ,
Не жгите-ко вы свѣчу воску ярова,
Не ждите-ко вы меня съ улицы,
Съ веселаго-то гуляньица,
Во дѣвичьей-то красотушкѣ,
Отъ лебедушекъ подруженекъ;
Ужъ и ждите вы меня
Изъ чужихъ людей незнамыихъ,
Ужъ меня со горюшкомъ со великіимъ.

Канунъ свадьбы.

Отецъ жениха обходитъ своихъ родныхъ и знакомыхъ съ приглашеніемъ на свадьбу.

«Прошу пожаловать къ новобрачному князю меду пить».

Вечеромъ наканунѣ свадьбы званные гости собираются къ жениху. Собравшись гости подносятъ жениху хлѣбъ-соль и деньги, говоря:

«Вотъ тебѣ хлѣбъ-соль и Божья милость».

Садятся за столъ и хозяинъ каждому гостю подноситъ стаканъ браги, прося его быть такимъ-то поѣзжаномъ. Поѣзжане жениховы выбираются и распредѣляются такимъ образомъ: тысяцкій, которымъ выбирается крестный отецъ, или за отсутствіемъ его, ближайшій и почетнѣйшей родичь; дружки: первый дружка, второй дружка, третій дружка; бары: первый баринъ, которымъ выбирается сватъ, усватавшій невѣсту, т. е. родственникъ невѣсты; второй баринъ, третій баринъ. Если родство большое и гостей наѣхало много, то дружекъ и баръ назначается болѣе; сваха—крестная мать жениха; повозникъ—кучеръ свахи. Всѣ эти лица вообще называются поѣздомъ. По окончаніи выборовъ отецъ, а потомъ мать благословляютъ сына-жениха. Послѣ сего тысяцкій или крестный отецъ беретъ жениха за правую руку и садится съ нимъ на лавку. За нимн садятся всѣ прочіе. Когда всѣ посядутъ, тысяцкій говоритъ:

«Отецъ, мать и всѣ добрые люди! благословите посадить новобрачнаго князя на мѣсто».

Всѣ опять встаютъ, молятся Богу, тысяцкій ведетъ жениха за столъ и сажаетъ на большое или княжеское мѣсто. Начинаютъ ужинать, а послѣ ложаться спать.

Въ тотъ-же вечеръ точно такимъ-же образомъ съѣзжаются гости къ невѣстѣ.

Увидавъ родныхъ, входящихъ въ избу, невѣста вопитъ:

2242.

Вы подите дорогіе гости!
Что за ранье не ходили,
Моего-то батюшку не журили?
Мою-то матушку не сговаривали?
Ужъ прогнѣвался на меня батюшка,
Ужъ прогнѣвалась на меня матушка,
Отдаютъ-то меня, горькую,
Во чужіе люди незнамые,
Ко чужому отцу-матери.

Изъ гостей выбираются, посаженый сватъ—крестный отецъ невѣсты, дружки для угощенья женихова поѣзда; поваръ, который долженъ ставить кушанье для поѣзжанъ; встрѣчальная сваха, вмѣстѣ съ дружками встрѣчающая поѣзжанъ; *бражникъ* или мѣшатель браги; привратникъ—кто отворяетъ ворота поѣзжанамъ; продавецъ—мальчикъ, преимущественно братъ или родственникъ невѣсты, назначающійся для продажи невѣсты.

Послѣ этихъ разборовъ отецъ, мать, отецъ крестный и мать крестная благословляютъ порознь

невѣсту. Посаженый сватъ беретъ невѣсту за правую руку и садится съ нею на лавку; за ними садятся и всѣ прочіе. Когда всѣ сѣли, посаженый сватъ говоритъ:

«Отецъ, мать и всѣ добрые люди благословите меня новобрачную княгиню на мѣсто посадить». При этихъ словахъ всѣ встаютъ и молятся Богу. Посаженый сватъ ведетъ невѣсту за столъ и сажаетъ на большое или княжеское мѣсто. Вскорѣ за тѣмъ начинается ужинъ, послѣ котораго всѣ расходятся по домамъ.

Утро свадьбы.

Хозяинъ и всѣ гости, вставши отъ сна, по обыкновенію, завтракаютъ, а тысяцкій съ княземъ ѣдутъ въ церковь служить молебенъ Спасителю и Божьей Матери. Для поѣзда обыкновенно готовятся самыя лучшія лошади и убираются въ лучшую сбрую, съ лентами и бубнами. Когда невѣста снаряжается, братъ обуваетъ ее, а она вопитъ:

2243.

Родной ты мой братецъ!
Почто ты меня обуваешь?
Почто ты меня снаряжаешь?
Обуваешь меня, снаряжаешь
Во чужу дальнюю сторонушку,
Ко чужому отцу и матери.
«Родимый-то мой батюшка,
Родима-то моя матушка,
Ужъ и всѣ-то дорогіе гости!
Вамъ спалась ли ужъ и темная ночь?
Ужъ а мнѣ-то горькой
Не спалась-то мнѣ вся ноченька,
Что на зоренькѣ мнѣ-ка пріуснулось,
И не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся:
Будто я гуляла во зеленыхъ лугахъ,
И расплелась-то моя руса коса,
Будто выплелся мой зеленъ косникъ,
Мой зеленъ косникъ ужъ со лентами
Потеряла то я свою дѣвичью красоту.

Потомъ посаженый сватъ ѣдетъ съ княгиней въ церковь служить обѣдню. По возвращеніи изъ церкви княгиня вопитъ на мосту:

2244.

Ужъ пахаживайтесь, мои ноженьки,
По подворьицу по широкому,
Ужъ по мосту по калинову.

А вошедши въ избу, она продолжаетъ:

Родимый мой батюшка,
Родима моя матушка!
И ѣхала я чистымъ полемъ,
Чистымъ-то полемъ и темнымъ лѣсомъ,
Не видала я свѣту Божьяго,
Во своихъ-то слезахъ во великіихъ.

Когда тысяцкій съ княземъ воротились домой изъ церкви, тогда всѣ поѣзжане собираются ѣхать по невѣсту: заложивъ лошадей и одѣвшись, они садятся предварительно за столъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди на первомъ мѣстѣ князь, по правую его руку тысяцкій, за нимъ—большой баринъ, потомъ второй баринъ, затѣмъ первый, второй и третій дружка и т. д. По лѣвую сторону князя садятся—сваха, а подлѣ свахи—повозникъ. Отецъ жениха подноситъ всѣмъ по стакану вина и ставитъ закуску. Какъ скоро вино поднесено всѣмъ, поѣзжане встаютъ изъ-за стола, молятся Богу и выходятъ на дворъ. Здѣсь каждый становится у своей повозки. Первый дружка беретъ образъ, второй епанчу, и оба три раза обходятъ вокругъ поѣзжанъ и повозокъ, говоря: первый—«Христосъ воскресе», второй—«во истину воскресе!» Кончивъ троекратное обхожденіе, они вмѣстѣ со всѣми садятся въ повозки и ѣдутъ къ невѣстѣ. Не доѣхавъ съ четверть версты до деревни, гдѣ живетъ невѣста, поѣздъ останавливается. Первые дружки въ одной повозкѣ ѣдутъ въ домъ невѣсты, тогда какъ всѣ прочіе остаются. Въѣхавъ на дворъ—дружки слѣзаютъ съ повозки, крестятся, кланяются съ сосѣдями, пришедшими изъ любопытства посмотрѣть свадьбу и ждутъ встрѣчныхъ. На встрѣчу имъ выходятъ изъ избы невѣстины дружки съ виномъ и брагою, здороваются, называя другъ друга сватами. Послѣ взаимныхъ привѣтствій они говорятъ первымъ:

«Сватушки любезные! зачѣмъ вы пріѣхали, просимъ покорно пожаловать къ намъ въ избу». Первый дружка одинъ входитъ въ избу, а прочіе остаются при возѣ. Идя по лѣстницѣ, онъ говоритъ:

2245.

По синимъ сѣничкамъ,
По частымъ ступенечкамъ
Идетъ дружка пожилой,
Самъ съ сѣдою бородой.

Какъ только переступитъ черезъ порогъ, онъ говоритъ:

Дружка переступилъ чрезъ порогъ,
Увидѣлъ черный потолокъ,—
На силу поженьки переволокъ.

Продолжая идти отъ порога до переду, онъ говоритъ слѣдующее:

2246.

Красныя дѣвицы,
Пирожныя мастерицы,
Блинныя пагубницы,
Сметанныя лакомицы!
Ваше дѣло не по свадьбамъ ходить,
Не на свадьбы глядѣть,
Ваше дѣло въ клѣть залѣзать,
Сметану снимать, лепешки печи,
Подъ заборъ хоронить
Ребятъ кормить.
Молодыя молодицы!
Ваше дѣло не по свадьбамъ ходить,
Не на свадьбы глядѣть, —
Ваше дѣло дома сидѣть,
Веревочки вязать
Ко омету сходить,
Беремя соломы взять,
Постелю мягкую себѣ слать,
Съ хозяевыми крѣпко спать.
Старыя старухи!
Ваше дѣло не по свадьбамъ ходить,
Не на свадьбы глядѣть, —
Ваше дѣло дома сидѣть,
Ребятъ кормить, снохъ смущать:
Чтобы онѣ чаще бранились.
Маленькія ребятки!
Вы съ полатей глядите,
Сопли не уроните,
Князю новобрачному
Головы не проломите!
Сопли подотрите,
По горохъ подите!

(Ср. выше стр. 669).

По окончаніи этихъ приговоровъ онъ входитъ въ избу. Войдя, онъ крестится и кланяется. Дружки невѣстины приносятъ ему скамейку. Но онъ ласково отговаривается и не садится, потому что это дѣлается смѣха ради. Если же дружка не зная или забывъ этотъ обычай, сядетъ, то на него всѣ со смѣхомъ кричатъ:

«Сажайте дружку на казенку», (т. е. полку придѣланную къ печкѣ). Первый дружка обращается къ невѣстину отцу:

«Сватушка любезный, пожалуйте мнѣ стаканчикъ!» Сватъ велитъ своимъ дружкамъ подать стаканъ браги. Получивъ его, первый жениховъ дружка подноситъ его первому невѣстину дружкѣ, приговаривая: «Друженька любезный! вашимъ-же добромъ и вамъ-же челомъ». Стаканчикъ прими да выкушай, а чему я не разумѣю, поучи меня.» Также и прочимъ дружкамъ обноситъ онъ по стакану браги, потомъ самому свату и отцу невѣсты, говоря:

«Сватушко любезный, пожалуйте сюда! Вашимъ же добромъ да вамъ челомъ, стаканъ прими да выкушай». За симъ свахѣ или невѣстиной матери и наконецъ повару, котораго вызываетъ: «Любезный сватушка, поваръ, поварокъ, пожалуйте-ка сюда». Поваръ выходитъ впередъ, дружка подаетъ ему вино, приговаривая: «Вари кашу крутую, лапшу густую; отъ нашего свата насъ ѣдетъ 300 пѣшихъ, да 200 конныхъ, было бы что у тебя попить да поѣсть. Вашимъ же добромъ да вамъ челомъ, стаканчикъ прими да выкушай». Поваръ, взявши стаканъ, отвѣчаетъ: «У нашего свата приготовлено всего много, сколько бы васъ не было всего не попьете и не поѣдите. Прошу покорно къ нашему свату». Напослѣдокъ дружка обращается и къ княгинѣ: «Княгиня новобрачная, пожалуйте сюды изъ-за добрыхъ людей, какъ солнышко, изъ-за темныхъ облаковъ». И самъ подходя къ княгинѣ продолжаетъ: «Нашъ князь стоитъ во чистомъ полѣ подъ бѣлымъ шатромъ, онъ не велитъ тебѣ ни тужить, ни плакать, велитъ Богу молиться. Вашимъ же добромъ и вамъ челомъ, стаканчикъ прими да выкушай»; княгиня, не принимая стакана, плачетъ передъ дружкой:

2247.

Ужъ ты друженька, большой баринъ!
Ужъ почемъ ты меня знаешь?
И по имени меня называешь,
По отчеству меня величаешь?
Въ зеленыхъ лугахъ я съ вами не гуливала,
Въ темныя-то лѣса съ вами не хаживала,
На работушкѣ съ вами не работывала,

Во бесѣдѣ съ вами не сиживала,
Хлѣба соли съ вами не кушивала,
На широкой-то улицѣ съ вами не гуливала.
Кормилецъ ты мой батюшка!
Кормилица ты моя матушка!
Вы велите ли мнѣ-ка съ мѣста встать?
И велите ли мнѣ-ка стаканъ принять?
Ужъ сердечушко мое не покорчиво,
Мои-то ноженки не подходчивы,
Ужъ головушка моя не поклончива,
Мои-то рученьки не прiимчивы.
Ужъ кормилецъ мой батюшка!
И кормилица моя матушка!
Ужъ сердечушко мое стало покорчиво,
Мои-то ноженьки стали подходчивы,
Моя головушка стала поклончива,
Мои-то рученьки стали прiимчивы.

Она беретъ стаканъ отъ дружки, но не коснувшись его, отдаетъ назадъ. Дружка самъ выпиваетъ его и садится на скамью, говоря: «Благословите меня сватъ, сваха и всѣ добрые люди за цвѣтнымъ платьемъ итти». И выходитъ изъ избы къ своей повозкѣ, изъ которой вынимаетъ шубу, сарафанъ, лапти, зеркало, мыло, бѣлилы и румяны. Остальные дружки берутъ съ собою угольи и показываютъ ихъ ради смѣха. Съ выше упомянутыми вещами, первый, второй и третiй дружка идутъ въ избу, и раскладываютъ ихъ по лавкѣ говоря:

«Свахоньки любезныя! берите, что вамъ нужно». Свахи берутъ вещи, а дружки идутъ къ своимъ поѣзжанамъ, и соединившись съ ними, всѣмъ поѣздомъ отправляются къ невѣстѣ. Между тѣмъ невѣста плачетъ:

2248.

Родной ты мой братецъ!
Ты поди-тко на широкiй дворъ,
Ты возьми-тко и востеръ топоръ,
И бѣги-тко ты во темны лѣса,
Ты сруби-тко бѣлую березыньку,
Завали-тко ты путь дороженьку,
Чтобъ нельзя-то было ни пройти, ни проѣхати
Моимъ-то разорителямъ, погубителямъ!
Разлучать-то меня, горькую,
Со батюшкой и со матушкой,
И со всѣмъ-то родомъ племенемъ.

Послѣ этаго отецъ и мать благословляютъ невѣсту, которая воитъ:

2249.

Разшатнитесь вы добры люди,
Всѣ добрые-то люди и шабрёнушки,
На всѣ-то четыре сторонушки!
Ужъ дайте мнѣ путь дороженьку,
Какъ пройти-то мнѣ ко благословеньицу!

Послѣ благословенiя она продолжаетъ воить надъ отцомъ:

Ужъ кормилецъ ты мой батюшка!
Ужъ прошу-то я у тебя, батюшка,
Ужъ ни злата-то ни серебра,
Ужъ прошу-то я у тебя, батюшка,
Ужъ великаго благословенiйца.

За отцомъ благословляетъ мать, надъ которою невѣста воитъ:

Ужъ кормилица моя матушка.....
(тоже что и прежде).

Отецъ крестный беретъ невѣсту за руку и подводитъ къ столу, на которомъ лежитъ хлѣбъ-соль, а невѣста, стоя плачетъ!

2250.

Ужъ кормилецъ-то крестный батюшка!
Ужъ берешь ты меня за рученьку,
Ужъ взялъ ты меня за правую,
Ужъ ужалъ ты ее крѣпко накрѣпко,
Ужъ повелъ ты меня по застолику,
По застолику по-за дубовому.
Ужъ по-за скатертямъ по за обраннымъ,
По за хлѣбу, по за соли.
Ужъ родимый ты мой батюшка!
И родима ты моя матушка!
Ужъ шла то я по за столику,
Ужъ шла то я по за дубовому,
Потеряла я три ключика:
Ужъ первый-то ключикъ — воля батюшки,
А какъ другой-то ключикъ — нѣга матушки,
А третiй-то ключикъ — дѣвичья красотушка.
Красота ты моя, красотушка,
Красота ты моя дѣвичья!
Не красуйся, моя буйна головушка,
Какъ во красныхъ во дѣвушкахъ.
Ужъ не долго-то тебѣ красоватися,
Ужъ не долго-то тебѣ радоватися,

У родимаго-то мойго батюшки,
У родимой-то моей матушки.
Ты родимая моя матушка!
Не во садъ ли вы меня сажаете,
Не во зелены то луга гулять пускаете?
Вы сажаете меня во неволюшку,
Вы сажаете во неволюшку во великую.

Невѣста садится на лавку и плачетъ:

2251.

Спасибо тебѣ-ко батюшка,
Что на хлѣбѣ и на соли,
Что на крѣпкомъ-то подержаньицѣ.

За этими словами она встаетъ и кланяется надъ хлѣбомъ и солью:

Спасибо тебѣ-ко матушка,
Что на хлѣбѣ и на соли,
И на крѣпкомъ на подержаньицѣ!

Опять кланяется и продолжаетъ такимъ же образомъ плакать надъ каждымъ членомъ семейства порознь. Подъ конецъ плачетъ надъ продавцомъ, который сидитъ подлѣ нея:

2252.

И родной ты мой братецъ,
Ужъ сидишь ты ни при городѣ, ни при лавочкѣ,
Не торгуешь ты ни шелкомъ, ни бумагой,
А торгуешь ты моей буйной головушкой,
Моей буйной головушкой, дѣвичьей красотушкой.

Отъ этаго плача она переходитъ къ другому:

2253.

Красота ты моя, красотушка,
Красота ты моя дѣвичья!
Не долго тебѣ красоватися
Во красныхъ-то во дѣвушкахъ
У родимаго моего батюшки,
У родимой-то моей матушки,
Ужъ не годъ-то тебѣ годоватися,
Ужъ не недѣлюшку-то тебѣ сидѣти,
Ужъ одинъ-то часикъ часовати.

Родимый батюшка, родимая матушка!
Куда-то мнѣ красоту пустить будетъ?
Во зеленые луга пустить—загуляется,
Во темные лѣса пустить—заплутается.
Поди-ка моя, красотушка, въ кутъ по лавочкѣ,
Въ кутъ по лавочкѣ, по алой ленточкѣ
По алой ленточкѣ, по красной по дѣвочкѣ.
Вы лебедушки мои подруженьки!
Возьмите вы мою дѣвичью красоту.
Любезныя мои подруженьки!
Не давайте вы моей красотушкѣ загулятися,
Загулятися, зашататися!...

При послѣднихъ словахъ она кланяется подружкамъ и весь жениховъ поѣздъ вдругъ въѣзжаетъ на дворъ. Невѣста перестаетъ плакать. Поѣзжане входятъ въ избу, крестятся и садятся за столъ. Подъ жениха и невѣсту, которые садятся рядомъ, подстилается на лавкѣ епанча. Прежде всего невѣсту покупаютъ. Старшій дружка, для примѣра, торгуется съ ея продавцомъ.

«Дай мнѣ рубль!» говоритъ продавецъ.

—«У меня нѣтъ рубля, возьми меньше», торгуется дружка.

— «Коли нѣтъ рубля, дай живаго воробья!»

За неимѣніемъ живаго воробья, дружка принужденъ дать денегъ продавцу и невѣста куплена. Начинается угощенье. Во время пира дѣвки и молодыя бабы поютъ пѣсни про поѣзжанъ. Сначала про князя:

2254.

Ходитъ-же Иванъ по двору, по двору,
У него лисья шубынька дó долу, до долу,
Лосиныя рукавицы до локтю, до локтю,
А лисья шапка до верху, до верху,
А божья милость до вѣку, до вѣку,
А люди-то говорятъ: «Чей-то такой? чей-то такой?»
А Марьюшка говоритъ: «Мой господинъ, мой господинъ!
Нетроньте добры люди—нагуляется, нагуляется,
А онъ придетъ домой—не ломается, не ломается
Мягкой постели не спрашиваетъ, не спрашиваетъ,
Высоки зголовья не взыскиваетъ, не взыскиваетъ.»

Послѣ князя поютъ тысяцкому:

2255.

Тысячскій, тысячскій, большой человѣкъ, большой человѣкъ,
Любишь-ли ты, тысячскій, землю пахать, землю пахать?»

— «Люблю-то я люблю: то дѣло мое, то дѣло мое.»
«Тысячскій, тысячскій, большой человѣкъ, большой человѣкъ!
Любишь-ли ты, тысячскій, сыновей женить, сыновей женить?»
— «Люблю-то я люблю: то дѣло мое, то дѣло мое,
Сына-то я женю, сноху проведу, сноху проведу,
А дочь-то отдамъ изъ высокаго терема, изъ высокаго терема.»
Слышишь-ли ты, тысячскій, пѣсню поемъ, пѣсню поемъ;
Слышишь-ли ты, тысячскій, честь воздаемъ, честь воздаемъ.

Тысяцкій даритъ деньгами пѣсельницъ, но если не доволенъ одною пѣснею, то отвѣчаетъ имъ:

«Спасибо на той, другую запой!»

Пѣсельницы поютъ:

2256.

Селезень по рѣченькѣ всплавываетъ, всплавываетъ
На спинушку крылушки вскладываетъ, вскладываетъ,
А Филиппъ-то Агафьюшку спрашиваетъ, спрашиваетъ:
«Скажи-ка Агафьюшка, кто въ роду милъ, кто въ роду милъ?»
А милъ, милешенекъ ты господинъ, ты господинъ.»
— «То-то-же, Агафьюшка, правда твоя, правда твоя,
То-то-же, Устиновна, истинная, истинная.
Слышишь-ли ты тысячскій, пѣсню поемъ, пѣсню поемъ,
Слышишь-ли ты, тысячскій, честь воздаемъ, честь воздаемъ.

Если тысячскому мало и другой, то поютъ и третью:

2257.

Шелкова ниточка ко стѣнкѣ льнетъ, ко стѣнкѣ льнетъ,
А Филиппъ Агафьюшку ко сердцу жметъ, ко сердцу жметъ:
Душа моя, Агафьюшка Устиновна, Устиновна,
Родитъ мнѣ сына, что я у тебя, что я у тебя,
И ростомъ доростомъ, умомъ разумомъ, умомъ разумомъ.
Слышишь-ли ты, тысячскій, пѣсню поемъ, пѣсню поемъ,
Слышишь-ли ты, тысячскій, честь воздаемъ, честь воздаемъ.

Если и по третьей пѣсни тысячскій не хочетъ отдарить пѣсельницъ, то онѣ поютъ иную пѣсню:

2258.

Ельникъ, березникъ, то мнѣ дрова, то мнѣ дрова,
У тебя, Филиппушка, то-ли не жена? то-ли нежена?
Слышишь-ли ты, тысячскій, пѣсню поемъ, пѣсню поемъ,
Слышишь-ли ты, тысячскій, честь воздаемъ, честь воздаемъ.

Тѣже самыя пѣсни, только съ перемѣною именъ, поются каждому поѣзжанину и называются величаньемъ. Послѣ поѣзжанъ поютъ свахѣ:

2259.

Пріѣхала сваха дорогая, дорогая,
На ней шубонька голубая, голубая,
А фатынька шелковая, шелковая,
Сорочка золотая, золотая.
То-то сваханька убрана, убрана,
То-то сваханька снарядка, снарядка.
Слышишь-ли ты, сваханька пѣсню поемъ, пѣсню поемъ,
Слышишь-ли ты, сваханька, честь воздаемъ, честь воздаемъ.

Когда сваха начинаетъ расплетать косу княгинѣ, тогда поютъ про княжну, слѣдующую пѣсню:

2260.

Вострубитъ-же трубонька по росѣ, по росѣ,
Восплачетъ Марьюшка по косѣ, по косѣ:
«Ахъ свѣтъ моя косынька, русая коса, русая коса!
Пріѣхала сваханька съ чужой стороны, съ чужой стороны,
Пачала-же косыньку рвать порывать, рвать порывать;
Изъ косы-же жемчужный косникъ выплела, выплела.
Развила-же косыньку на двѣ косы, на двѣ косы,

Положила косыньки поверхъ головы, поверхъ головы,
Поверхъ головы, поверхъ маковки, поверхъ маковки:
А тебѣ, косынька, вѣкъ вѣковать, вѣкъ вѣковать,
А тебѣ, Марьюшка, въ дѣвкахъ не бывать, не бывать.

Когда кто изъ поѣзжанъ, или повозникъ холостъ, тогда ему поютъ:

2261.

Поетъ кочетъ въ предовинье, въ предовиньѣ,
Подаетъ голосъ Иванушкѣ, Иванушкѣ:
«Иванушка не женись, не женись,
Платонычъ не женись, не женись,
Твоя-то невѣстушка спесивая, спесивая,
Пѣшечкомъ къ обѣднѣ не хаживала, не хаживала,
Все-бы она на лошадкѣ, на лошадкѣ,
Тройка лошадей сѣропѣги, сѣропѣги,
Извощички молоды, молоды.»
Слышишь-ли, повозникъ, пѣсню поемъ, пѣсню поемъ,
Слышишь-ли, повозникъ, честь воздаемъ, честь воздаемъ.

Когда величаемый не доволенъ одною пѣсней, тогда поютъ ему другую:

2262.

Иванушка въ поѣздъ убирался, убирался,
Платонычь снаряжался, снаряжался.
Его матушка собирала, собирала,
Сестрица соряжала, соряжала,
Гребешкомъ кудри чесала, чесала,
Жемчугомъ кудри увивала, увивала.
То-то-же Иванушка снаряденъ, снаряденъ,
То-то-же Платонычъ уборенъ, уборенъ.
Слышишь-ли, повозникъ, пѣсню поемъ, пѣсню поемъ,
Слышишь-ли, повозникъ, честь воздаемъ, честь воздаемъ.

По окончаніи пированья, отецъ и мать невѣсты благословляютъ образомъ дочь и ея жениха, и когда всѣ поѣзжане выходятъ изъ избы, чтобы ѣхать въ церковь, тогда дѣвки поютъ про княгиню:

2263.

Раззлодѣй, злодѣй, ты Марьюшка,
Раззлодѣй, злодѣй, ты Ивановна!
Какъ ты клялася божилася;
«Право, дѣвушки, замужъ не пойду,
Право, красныя, не подумаю!
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за купчика, ни за торговаго.»
Пошла-же ты, свѣтъ Марьюшка,
Пошла-же ты, свѣтъ Ивановна,
Пошла сама первая,
За простаго крестьянина.
А на что ты свѣтъ, понакинулась?
Али дому то богатаго?
Али свекора почетнаго?
Али свекровушки разрядливой?
Али молодца парня хорошаго?

Свадьба.

Пригласивъ невѣстиныхъ гостей къ жениху на пиръ, поѣзжане съ нареченными ѣдутъ въ церковь для вѣнчанія. Женихъ садится въ повозку вмѣстѣ съ тысяцкимъ, невѣста вмѣстѣ съ своею и жениховою свахами. Повѣнчавшись, ѣдутъ въ домъ къ молодому, куда собираются и всѣ гости съ той и другой стороны. Изъ церкви молодые уже ѣдутъ въ одной повозкѣ и съ ними садится женихова сваха; дружки дорогой поютъ разныя пѣсни. На встрѣчу молодымъ выходитъ на дворъ отецъ и мать молодой и нѣкоторые гости. Родители благословляютъ новобрачныхъ и когда послѣдніе падаютъ имъ въ ноги, тогда сваха обсыпаетъ голову молодыхъ хмѣлемъ. Какъ только молодые входятъ въ избу ихъ сажаютъ за столъ на первое мѣсто. Тутъ имъ и гостямъ подносятъ вино и предлагаютъ закуску. Немного погодя, съѣзжаются невѣстины гости. Молодые предъ тѣмъ уходятъ за перегородку или въ горницу и въ ожиданіи гостей переодѣваются въ присутствіи свахи. Когда всѣ гости съѣдутся, то начинаютъ просить отца съ матерью показать имъ молодыхъ. Тогда сваха приводитъ молодыхъ и начинается пированье до поздней ночи. Когда гостямъ подносятъ брагу, то каждый изъ нихъ заставляютъ молодыхъ по три разъ цѣловаться, приговаривая,—«горько». Брагу также подносятъ и молодымъ бабамъ. Взявъ стаканъ и передавъ его мужу, жена падаетъ въ ноги мужу и лежитъ до тѣхъ поръ, пока мужъ не выпьетъ. Впрочемъ это дѣлается единственно въ шутку. Во время пира дѣвки, молодыя бабы и парни поютъ пѣсни,

какія только умѣютъ. Пиръ обыкновенно бываетъ шуменъ и веселъ. Къ почи тысяцкій и сваха отводятъ молодыхъ спать, а прочіе гости съ пѣснями разъѣзжаются по домамъ. Ближайшіе родственники остаются ночевать у жениха и на утро молодые дарятъ ихъ платками. Черезъ недѣлю у отца невѣстина бываетъ «отводный столъ», на который приглашаются и родители молодого. Здѣсь сваты встрѣчаются впервые послѣ того, какъ началось сватовство.

Сообщ. въ 1858 г. А. А. Майковымъ.

Той же губ., Покровскаго у.

На дѣвишникѣ.

2264.

Не въ золотѣ трубинька трубитъ по зарѣ,—
Милыя подруженьки тужатъ по косѣ:
Свѣтъ моя косынька, русая часта!
Вечоръ мою косыньку плели,
Алыя ленточки ввязывали.
Пріѣхала свахонька немилослива,
Разорвала косыньку на шесть прядей.

2265.

Мало цвѣтиковъ посѣяли,
Немножко уродилося,
Немного насъ, дѣвушекъ, водилося,
Немного насъ осталося.
Не было у насъ измѣньщицы,
А топеря проявилося,
А топеря проявилася,
Измѣньщица красна дѣвушка.
Что она клялась, божилася, —
Не хотѣла замужъ идти.
А теперь замужъ идетъ —
Не за князя, не за барина, —
За такого же крестьянина.

2266.

Не долго вѣночку на прутикѣ висѣть,
Не долго подруженьки въ дѣвкахъ сидѣть,
Не годъ, не недѣля,—послѣдній вечерокъ.
Бывало подруженька говаривала:
«Не ходи-ко, батюшко, по чесньмъ пирамъ,
Ты не пей, батюшко, зелено вино,
Не пропей ты, батюшко, молоду, меня!
Лучше пропей, батюшко, двадцать пять рублей.
Мы эти денежки годомъ наживемъ,
Тебѣ меня, батюшко,—по вѣкъ не нажить.
Пойду схожу съ горюшки въ зелень садъ гулять,
Сломлю, сломлю, дѣвушка, вербочки сучекъ,
Насажу я вербочку въ зеленомъ саду:
«Рости, рости, вербочка, аршинъ безъ вершка,
Живи, живи, батюшко, весь вѣкъ безъ меня.
Не шей, не шей, матушка, красный сарафанъ,
Не входи, родимая, попусту въ изъянъ.
Родимая матушка, некогда носить.

Когда поѣздъ собирается за невѣстой, дружельникъ говоритъ:

«Божій милостью, господа собралися мы сюда, не только пить да прохлаждаться, а, съ Божьимъ благословеніемъ, время и за дѣло приниматься. Выбранъ дружка я, не самъ собой, а вашимъ общимъ мнѣніемъ, да хозяйскимъ распоряженіемъ. Выбранъ дружка я, покорнѣйшій вамъ слуга, покорнѣйшій служитель, по имени сочинитель. По имени я васъ назвать всѣхъ не знаю, а почтеніе вамъ всѣмъ дѣлать стану. Господа поѣзжане, одѣваться не ошибаться, большіе баре, меньшіе баре, полубаре, простые крестьяне наравнѣ съ мужиками! Хочу я вамъ, дружки, приказъ отдать—коней закладать, въ гривы да въ хвосты ленточки ввязать, въ санки ковры разослать, шеи платочками обязать и, какъ должно, нашего новобрачнаго князя благословлять. Мы всѣ званы и всѣ жданы и всѣ Богомъ собраны.

«Есть между нами дяди, тетки, дочери отецки, жены молодецки, не помяните нашего новобрачнаго князя лихости, но благословите его въ радости по свѣтлой горницѣ пройти, сѣни новы перейти, на широкій дворъ сойти, ко конюшнѣ подойти, двери отворить да молитву сотворить; своего добраго коня уздечкой обуздать, серебряной хомутикъ надѣвать, въ сани коверъ разослать, шею платочкомъ обязать, въ санки ступить, сердечко не отшибить, въ санки сѣсть, умомъ подумать. Взять въ правую руку тесмяныя вожжи, а въ лѣвую шелковую плеть и ударить своего ворона коня по его крутымъ ребрамъ по могучіимъ, чтобы его добрый конь не шатался, не мотался, не печалился, побольше бодрился и всѣмъ нравился и чтобы онъ не сшибъ нашего новобрачнаго князя, а нашъ новобрачный князь не помаралъ бы своего цвѣтного платья, чтобы было ему не безчестно пріѣхать къ своей нареченной.

«Нашъ новобрачный князь будетъ своего коня ударать, подъ нимъ будетъ конь сердиться, отъ земли отдѣляться—повыше лѣсу стоячаго, пониже

облака ходячаго; горы, долы, болота и озёры будетъ онъ хвостомъ застилать, а маленькія рѣчки промежду ногъ пускать; сухой лѣсъ отъ этого будетъ ломаться, а сырой къ землѣ приклоняться и, нашему новобрачному князю дорога будетъ вездѣ даваться, и онъ этому не будетъ много ужасаться, а будетъ со своимъ конемъ управляться, свой тугой лукъ натягать да калены стрѣлы пускать, на лету птичекъ, голубушекъ убивать.

«Намъ ихъ не хочется много до смерти убивать, а хоть одну да живеньку поймать. Намъ нужно не сизую голубицу, не бѣлую лебедицу, а намъ нужно красную дѣвицу (имя и отечество) за правую рученьку взять, въ саночки сажать, къ святому храму подъѣзжать; въ святой храмъ вводить, предъ налоемъ на подножье становить, воску ярова свѣчи затеплять, да позолочены вѣнцы надѣвать, перстнями помѣняться, въ уста поцѣловаться, совсѣмъ обвѣнчаться, да благополучно опять домой примчаться. Такъ господа, время и собраться да не торопясь съ Богомъ въ путь отправляться.»

Когда дружка пріѣдетъ къ невѣстѣ одинъ, онъ говоритъ:

«Здравствуйте, господа! хочу имѣть любовь я съ вами завсегда, а вы со мной никогда. Ѣхалъ я, дружка, по вашей широкой и прекрасной улицѣ и видѣлъ двѣ вещицы на улицѣ: пѣтухъ топчетъ молодку, а за овиномъ воробей—воробку. Что они разумѣютъ, да и то себѣ по парочкѣ имѣютъ, а нашимъ молодцамъ, неужели холостымъ ходить? пришло время, надо и ихъ женить.

«Пріѣхалъ мохнатый звѣрь къ богатому на дворъ, поставилъ своего ворона коня у его широкаго двора; ни къ чему коня не привязывалъ и никому за конемъ смотрѣть не приказывалъ. Стой, мой конь не шатайся, не мотайся, никому въ руки не давайся, но опять меня, дружка, дожидайся. Вотъ дружка къ воротамъ подходитъ, Исусову молитву творитъ. Господи Исусе, въ передъ меня дружки на дворъ никто не суйся, а кому угодно, прошу покорно.»

Войдя на дворъ, дружко дружитъ:

«Эй, сватушка молодой, выдь-ко сюда, повыступи, какъ красное солнышко повыступи, самъ ты покажись да и на насъ посмотри, каковы мы пріѣхали сюда. Вотъ и сватъ новый идетъ, словно уточка плыветъ. Добраго здоровія свату любезному! гдѣ ты тамъ зашатался, завалялся, едва я тебя здѣсь дождался. Почему долго ко мнѣ не являлся; мы люди посланные, пріѣхали изъ Москвы изъ Посада, изъ Гостиннаго ряда. Пала намъ вѣсть, что у васъ дѣвушка есть, шолкомъ она шьетъ и золотомъ гнетъ, а намъ такихъ людей и нужно, наши купцы у васъ вчера были и этотъ товаръ купили, задатку дали, а меня, дружку, получить послали. И такъ, сватушко любезный! нашъ новобрачный князь, а вашъ названый зять, слава Богу, живъ и здоровъ, здраствуетъ благополучно. Онъ стоитъ со своимъ храбрымъ поѣздомъ въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ, подъ темными облаками, подъ чистыми звѣздами, подъ краснымъ солнышкомъ, подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ, конь подъ нимъ и Богъ надъ нимъ; онъ насъ посылаетъ, онъ насъ наряжаетъ, онъ намъ велитъ чисто ходить да рѣчисто говорить. И такъ, сватушка любезный, были бы у тебя дворники постоялые, а горники похожалыя, были бы у тебя на дворѣ дворники бороды сѣдыя, а въ горницахъ дѣвушки молодыя. За услугу мы твоихъ дворниковъ будемъ награждать, а дѣвушекъ замужъ выбирать, и были бы у тебя столы новые, ясли точеныя, сѣно зеленое; было бы у тебя сѣно по колѣно, а овса-то по копыта, чтобы было, гдѣ нашему новобрачному князю со своимъ храбрымъ поѣздомъ подъѣхать, стать да своего ворона коня привязать, чтобы его добрый конь копытъ не поламалъ, а нашъ новобрачный князь своего цвѣтного платья не помаралъ. Онъ ѣдетъ на коврахъ, на бобрахъ, на черныхъ соболяхъ. Сватушка любезный, мы вашихъ дѣловъ не знаемъ, какъ вы кумились, какъ вы любились, въ пустую сходились, по рукамъ били, пиво да вино пили, при этомъ дѣлѣ Богъ да добрые люди были, а меня дружка при этомъ дѣлѣ не было. Какъ ты, сватушка, прикажешь, на саночки сѣсть да отъ двора отъѣхать или въ хату влѣзть?»

Сватъ приглашаетъ: прошу покорно!

Дружка продолжаетъ:

«Вотъ благодарю, сватушка любезный, за это слово обсыпалъ бы тебя золотой казной, да за малымъ дѣло стало—ее у насъ нѣтъ, въ плотникахъ я, сватушко, не живалъ, въ кровельщикахъ не бывалъ, грѣха стать случится въ твою хату заберешься, врось, пожалуй, разобьешься. Что у тебя, сватушко, за лѣсинки,—ручки ихъ дѣлали, а ножки по нимъ бѣгали.

«По мосту-мосту, по калинову, идетъ дружка опинается, а самъ къ порогу подвигается. Что у тебя, сватушко, за порогъ, на силу я ноги черезъ него переволокъ, а потолокъ въ избѣ ты вѣрно чернымъ соболемъ оболокъ.

«Идетъ дружка по дубовымъ доскамъ, подвигается ко святымъ образкамъ, дружка Богу помолится, со всѣми поклонится.

«Добраго здоровья, сватушко любезный! какъ вы живы и здоровы? У насъ всѣ живы и здоровы, быки и коровы, маленьки теляты лежатъ на соломкѣ, хвостики на сторонкѣ, ажъ попя́рдываютъ.

Нашъ новобрачный князь меня прислалъ и строго мнѣ приказалъ объ *своемъ* здоровьѣ сказать, а объ вашемъ спросить. Какъ ваша новобрачная княгиня спала, почивала, утромъ весело вставала, водой ключевой умывалась, тонкимъ полотенцемъ утиралась, къ злату вѣнцу одѣвалась, бѣлилами бѣлилась, предъ святой иконой становилась, Богу молилась и сулила всѣмъ божкамъ по сапожкамъ, а мнѣ, дружки, хоть красную рубашку, я и тѣмъ бы доволенъ былъ.»

Когда женихъ пріѣзжаетъ за невѣстой, чтобы ѣхать къ вѣнцу, то подруги невѣсты, провожая ея, припѣваютъ дружку и свату, за что послѣдніе дарятъ имъ гостинцы или деньги.

2267.

Ты, послушай, сватушка названный,
Про тебя мы пѣсню поемъ,
Тебѣ честь отдаемъ!

Сватушка, сватушка, хорошенькій сватушка!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Какъ у сватушка головушка учёсанная,
Какъ у сватушки бородка ровно шелковая,
Какъ у сватушки рубашка нова ситцевая.
Намъ давно пала вѣсть, что у свата деньги есть,
Какъ у свата есть деньжоночки серебряныя.

2268.

По народу сватъ глядитъ,
Хочетъ дѣвокъ подарить.
Ты, сватушка, не скупись,
Пятерочкой разступись,
Если любишь ты, сватъ, честь,
Подай рубликовъ шесть,
Если по мочи, по силѣ —
Подай рублика четыре.
Ручки въ ручку пожимаетъ,
Дѣвкамъ деньги вынимаетъ.

Если же сватъ ничего не даетъ пѣвицамъ, то онѣ ему поютъ вотъ какую пѣсню:

2269.

По улицѣ, улицѣ
Ѣдетъ сватъ на курицѣ.
Какъ у свата на плѣши
Разыгрались бѣлы вши:
Кая скачетъ, кая пляшитъ,
Кая пѣсенки поетъ.
На полати сватъ взглянулъ, —
Шаль хорошу стянулъ,
А на полку сватъ взглянулъ, —
Часть говядины стянулъ,
А на печь сватъ взглянулъ, —
Рукавички стянулъ.
Какъ на сватушкѣ шапенька, —
Послѣ дѣдушки чертенка,
Какъ на сватушѣ кафтанъ —
Шутъ по мѣсяцамъ таскалъ,
Какъ на сватушкѣ штаны —
Послѣ дѣда сатаны.

Зап. студ. университета Мухановымъ, сообщ. А. А. Шахматовымъ.

XVI. Костромской губерніи.

Кинешемскаго уѣзда.

Описаніе свадебныхъ обычаевъ, соблюдаемыхъ крестьянами Кинешемскаго уѣзда Костромской губерніи, живущихъ около города Кинешмы въ верхъ по теченію рѣки Волги верстъ на 25 и внизъ по теченію той же рѣки верстъ на 10.

Крестьянскія свадьбы въ указанномъ мною краѣ, начинаются, совершаются, оканчиваются почти всегда однимъ обыкновенно принятымъ порядкомъ.

Отецъ жениховъ въ торговый день на Кинешемскомъ рынкѣ, проситъ родственника или знакомаго родителей невѣсты посватать ихъ дочь за своего сына, или по выраженію крестьянъ, посмутничать, посводничать. Если родители невѣсты согласны выдать свою дочь за предполагаемаго жениха, то, если мѣстожительство ихъ

далеко, приглашаютъ отца женихова и свата въ гостинницу, или въ питейный домъ, а если жительство ихъ близко, то въ свой домъ для условія, по выраженію крестьянъ: о *выводѣ* за невѣсту. Выводъ состоитъ въ томъ, что отецъ жениха обязывается дать родителямъ невѣсты условленное количество денегъ на наряды своей дочкѣ Сдѣлавши условіе, родители невѣсты угощаютъ отца женихова и свата, если условіе было въ гостинницѣ—чаемъ и водкою, а если въ питейномъ домѣ, или въ своемъ,—виномъ. Если условіе бываетъ въ домѣ родителей невѣсты, то при семъ находятся ихъ родственники. Условіе это у крестьянъ называется *рукобитьемъ*. Тутъ родители невѣсты назначаютъ день, въ который отецъ жениховъ въ ихъ домѣ долженъ угостить ихъ родственниковъ. На этотъ день они обыкновенно приглашаютъ всѣхъ своихъ родственниковъ, которые должны быть на предположенной свадьбѣ. На этой пирушкѣ отецъ жениховъ, угощаетъ родственниковъ невѣсты виномъ, пивомъ, калачами и медомъ; тутъ же онъ отдаетъ и *выводъ* за невѣсту.

Наканунѣ свадьбы бываетъ еще пирушка, называемая «дѣвишникомъ.» На эту пирушку приглашаютъ дѣвокъ; женихъ съ предназначеннымъ дружкою или съ своими братьями также уже пріѣзжаютъ и самъ лично даритъ сластями невѣсту, которую онъ въ первый еще разъ теперь видитъ. На этой пирушкѣ женихъ съ невѣстою сидятъ рядомъ; вмѣстѣ съ ними сидятъ дѣвки и дружка или братья жениховы; родители невѣсты всѣхъ угощаютъ; послѣ угощенія невѣста уходитъ за перегородку, или за занавѣсъ; женихъ, поблагодаривши родителей невѣсты за угощеніе, прощается за перегородкою съ невѣстой, при чемъ она даритъ его платкомъ.

На другой день послѣ дѣвишника бываетъ свадьба, на которую, по приглашенію женихова отца, съѣзжаются родственники или наканунѣ поздно вечеромъ, или въ самый день свадьбы рано утромъ. Когда всѣ окажутся въ сборѣ, дружка сажаетъ за столъ жениха, а родственниковъ сажаетъ за тотъ же столъ отецъ жениховъ. Когда всѣ усядутся, то дружка, обращаясь къ отцу жениха, говоритъ:

«Сватушка, пожалуйте тарелочки, а по руськи блюдечки!»

Ему даютъ и онъ продолжаетъ такъ:

«У васъ, сватушка въ широкомъ дворѣ, во высокомъ дому, во новомъ терему, во свѣтлой свѣтлицѣ, въ новой горницѣ поставлены столики, на столикахъ постланы скатерти браны, за столикомъ сидятъ гости званы, господа поѣзжана: въ началѣ тысяцкій, новобрачный князь, большой бояринъ, меньшой бояринъ, я—дружка съ полудружьемъ, и сватъ со свахой и весь нашъ храбрый поѣздъ. Князь на ноги встаётъ и васъ ко столу призываётъ и вамъ низко кланяется: не будетъ ли, сватушко, у васъ усердіе новобрачнаго князя наградить,—золотомъ или серебромъ, или хлѣбомъ да солью, да сверхъ того въ полѣ полосою».

Въ это время по выраженію крестьянъ: «золотятъ мошну», т. е. дарятъ жениха деньгами, которыми онъ въ домѣ невѣсты долженъ дарить того, кто займетъ его мѣсто.

Послѣ сего обращаясь къ родителямъ жениха, дружко говоритъ:

«Сватушка любезный и свахонька любезна! Я на ногахъ стою прямёхонько, гляжу на васъ веселёхонько, говорю съ вами рѣзвёхонько. Хочу къ вамъ попахалится и понавялится: Куды своего чадо милова и новобрачнаго князя собираете? Собираете вы его и насъ въ путь дороженьку, на чужую дальну сторонушку? Не будетъ ли у васъ усердіе насъ напоить или покормить? Или вы согласны насъ такъ проводить?»

Въ это время собираютъ обѣдъ, на которомъ сначала подаютъ студень. Вынувши три куска студеня на край блюда, дружко говоритъ: «Поварушко любезный! доступи сюда, пожалуй, кушаньё покушай, началъ сотвори, насъ гостей попой да покорми, да попотчуй». Съѣвши три куска студени, стряпка и родители жениха говорятъ: полюбитё, покушайтё.»

За обѣдомъ предъ каждымъ кушаньемъ гостямъ подносятъ вина; послѣ вина на всѣхъ крестьянскихъ пирахъ подаютъ, въ видѣ закуски, стаканъ пива. Когда дружкѣ поднесутъ первый стаканъ вина, онъ обращаясь къ гостямъ, говоритъ:

«Здравствуйте *великадные* господа! Али вы не знаете меня? Русскимъ ли вы меня называете? Или нѣмецкимъ поздравляете? Взялъ было я заповѣдь отъ духовнаго отца: не пить винца! Увидѣлъ винцо— задрожалъ, заповѣди не сдержалъ,—съ постели вскочилъ... Ахти согрѣшилъ! Житье мое,—житье бѣдное: жилъ я вѣкъ, не какъ хорошій человѣкъ. Много напрималъ скуды и бѣды. Теперь не знаю куды отъ скуды бѣды себя дѣвать. Развѣ глаза завязать да въ лѣсъ убѣжать? И тутъ не мѣсто: охотники найдутъ, за мѣсто звѣря убьютъ, кожу мою сдерутъ, а кости на убогій домъ снесутъ. Богатые люди пиво да вино пьютъ, а меня, бѣднова, только по шеѣ бьютъ: полно тебѣ, полоротъ, стоять у чужихъ воротъ, раззиня ротъ!» А меня, доброва молодца горе беретъ. Оставляю я міръ, пойду въ монастырь. И тутъ не безъ труда. Поднять взоръ,—скажутъ «воръ!» Посупить очи,—стало быть: мытарь! На-

добно воздохнуть, да чарочку вина помянуть. Наливалася сія чара изъ моря Соловецкова, для здравія моего молодецкова, для пріятелей многихъ, которые съ нимъ за столомъ сидятъ, на меня весело глядятъ, усы расчищаютъ, бороды разглаживаютъ, а мнѣ пить-ѣсть приказываютъ, мнѣ эту чару пить, да пьяному не быть, добро дѣло получить: хозяина съ гостьми не разлучить. Сватушко полну чару наливаётъ, а дружко до дна выпиваётъ, вверхъ донышкомъ поворачиваётъ и по донышку поколачиваётъ. Здравствуйте господа сенатóры! Я самъ при томъ изъ конторы. Я не швецкій, не нѣмецкій,—человѣкъ россійскій, отдаю вамъ поклонъ низкій.»

При послѣднихъ словахъ дружка выпиваетъ стаканъ вина.

Послѣ студени подаютъ щи съ говядиною, послѣ щей лапшу со свининою, наконецъ круглой пирогъ, который не разрѣзываютъ и не ломаютъ, но берутъ въ гостинецъ къ невѣстѣ. По окончаніи стола дружко обращаясь къ родителямъ жениха, говоритъ: «Сватушко любезной и свахонька любезна! отъ хлѣба соли мы сыты, отъ перегару пьяны, отъ чести честны, отъ доброва слова хвальны. Величайте хлѣбъ соль!»

Гости встаютъ изъ-за стола. Дружка, обращаясь къ гостямъ говоритъ:

«Гости поѣзжана, сядьте по мѣстамъ, какъ ясны соколы по гнѣздамъ».

Обращаясь къ родителямъ жениха, къ отцу и матери крестнымъ, онъ говоритъ:

«По Божіёму велѣнію, по царскому уложенію, какъ Богъ повелѣлъ, царь уложилъ, новобрачному князю заповѣдь положилъ: по пóлику походить, по тесовому походить, отца и матери поискать,— у ногъ полежать, благословенія попрошать. Есть ли у новобрачнаго князя отецъ родной и мать водна? Есть ли отецъ крѣсный и мать крѣсна? Благословляйте новобрачнаго князя въ путь ѣхать».

Обращаясь къ мущинамъ, которые смотрятъ на предбрачныя приготовленія, дружка говоритъ:

«По полу ходящіе, посреди стоящіе, добрые молодцы, удалые головы, широкія бороды! Кто старъ, кто сѣдъ,—тотъ дѣдушко, кто усатъ да бородатъ,—тотъ дядюшка, кто младъ, тотъ милый братъ. Благословляйте новобрачнова князя въ путь ѣхать!»

Обращаясь къ женщинамъ, дружка говоритъ:

«Молодые молодки, постатные походки, черные брови, пригожіе взгляды,—благословляйте новобрачнова въ путь ѣхать».

Къ дѣвкамъ дружка говоритъ:

«Красные дѣвицы, ему родныя сестрицы, узорчаты мастерицы! тонко пряли, звонко ткали, бёрда ломали, за окошко кидали. Ваше дѣло по крышкамъ блудить, сметанку снимать, колобки мѣсить, подъ застрѣхи хоронить, пастухамъ носить. Благословляйте новобрачнова князя въ путь ѣхать!»

Къ старымъ женщинамъ дружка говоритъ:

«Старыя старухи, запешныя грызухи, кисельныя осáдчицы, молодымъ людямъ досадчицы, косые заплетки, толстыя запятки! Ваше дѣло на улицу ходить, да про снохъ колотить: у меня сноха такова, сякова, а не подумаетъ старая, какая сама-то была. Благословляйте новобрачнова князя въ путь ѣхать!»

Обращаясь къ малолѣтнимъ, дружка говоритъ:

«Изъ кути по лавкѣ, вдоль по скамейкѣ, съ печи на полати, малые ребята, большіе брюха. Благословляйте новобрачнова князя въ путь ѣхать.»

Послѣ сего благословляютъ жениха иконою. Отецъ его держитъ икону, а онъ два раза кланяется предъ нею въ поясъ, а въ третій разъ въ землю; вставши, онъ цѣлуетъ икону; затѣмъ онъ кланяется отцу въ землю и вставши, цѣлуетъ его. Точно также благословляютъ жениха мать, отецъ крестный и мать крестная.

По окончаніи обряда, благословенія, дружка обращаясь къ поѣзжанамъ, говоритъ:

«Гости поѣзжана! сядьте по мѣстамъ, какъ ясны соколы по гнѣздамъ!» Когда всѣ усядуться дружка опять говоритъ:

«Гости браны, гости званы, господа поѣзжана! Что вы сидите не веселы, буйны головы повѣсили? Отъ сватушка ли чести не было? Сидѣть намъ не просидѣть, стоять—не простоять. Благословляйте новобрачнова князя изъ своей новой горницы подняться, по полику идти, по тесовому идти, по мосту идти, по калинову идти, по лѣсенькѣ идти, по брусчатой идти, на широкой дворъ сойти, ко добру коню подойти, во новы Казански сапочки сѣсть, во лѣву руку тесмяны вожжицы взять, а во правую шелкову плеть, ударить коня по крутымъ бедрамъ. Мой добрый конь не стоитъ, разъяряется, отъ земли отдѣляется, отъ дубова столба отрываётся. Не ясенъ соколъ съ гнѣзда слѣтаетъ,—новобрачный князь со двора съѣзжаётъ. Съѣхать бы намъ съ широкова двора и выѣхать во чисто поле. Въ томъ чистомъ полѣ пріостановиться, па святую церковь Богу помолиться. Ѣхать бы намъ путемъ-дорогою, чистыми полями, бѣлыми снѣгами, крутыми горами, быстрыми рѣками, черными грязями, зелеными лугами, шелковыми травами—и выѣхать въ чистое поле. Въ этомъ чистомъ полѣ стоитъ новая горница, свѣтлая свѣтлица. Въ той новой горницѣ сидитъ красная дѣвица, новобрач-

ная княгиня. Намъ бы ее взять и обрядить и за дубовый столикъ посадить,—за столики дубовы, за скатерти браны, за кушанья сахарны, за питья медовяны. Посидѣвши за дубовыми столами,—сватушку и свахонькѣ за хлѣбъ и соль поблагодарить, а новобрачную княгиню во новы сапочки посадить,—ѣхать бы ко Божьей церкви Богу помолиться, слово Божіе послушать, святой законъ принять, подъ златымъ вѣнцомъ постоять, одинъ крестъ цѣловать.»

Женихъ и поѣзжане встаютъ съ мѣстъ и выходятъ на дворъ, гдѣ уже заранѣе заложены лошади; дружка три раза обходитъ поѣздъ съ иконою; икону эту берутъ съ собой и потомъ выѣзжаютъ со двора. Напередъ ѣдутъ дружка съ полудружьемъ на одной телѣгѣ, или саняхъ, потомъ тысяцкой съ женихомъ, за второй телѣгой или санями,—большой бояринъ съ меньшимъ, за ними сватъ, который засваталъ невѣсту, со свахою, близкою родственницею жениха; остальные родственники, которые вообще называются поѣзжанами, ѣдутъ позади. Выѣхавши въ поле, всѣ молятся Богу или на церковь, если она есть въ виду, или на востокъ, если церкви въ виду нѣтъ.

Не въѣзжая въ селеніе, гдѣ живетъ невѣста поѣздъ останавливается въ полѣ, а дружка съ полудружьемъ въѣзжаютъ на дворъ къ невѣстѣ. Въ это время посторонніе люди заслоняютъ дорогу или запираютъ ворота; для того, чтобы очистили дорогу или отперли ворота, дружка долженъ угостить стороннихъ людей виномъ. Въѣхавши на дворъ, полудружье поворачиваетъ свою лошадь къ тѣмъ же воротамъ, въ которые въѣхали и остается тамъ, а дружка входитъ въ избу и проситъ вывести невѣсту. Ее выводятъ и сажаютъ за столъ; отецъ невѣстинъ приглашаетъ дружку къ себѣ въ домъ со всѣми поѣзжанами; въ отвѣтъ на это дружка съ полудружьемъ съѣзжаютъ со двора отца невѣсты и уѣзжаютъ въ поле, гдѣ ихъ дожидается поѣздъ и тогда уже дружка со всѣми поѣзжанами въѣзжаетъ на дворъ къ отцу невѣсты. На этотъ разъ уже всѣ входятъ въ избу, гдѣ рядомъ съ невѣстою, покрытою платомъ, сидитъ меньшій братъ ея, или ближайшій родственникъ. Дружка, почерпнувши ковшъ пива, подаетъ женину, а женихъ подноси брату невѣсты проситъ его выпить и уступить ему мѣсто.

«У нашей сестрицы по тысячѣ косица, по рублю волосокъ. Пожалуйте не рубль, не полтину, а хоть четыре алтына».

Дружка кладетъ въ ковшъ деньги, братъ невѣсты выпиваетъ изъ ковша пиво, беретъ деньги и уступаетъ жениху мѣсто. Женихъ и поѣзжане садятся за столъ; дружка кладетъ на столъ хлѣбъ съ калачомъ и пирогъ, потомъ надѣляетъ всѣхъ родственниковъ невѣсты орѣхами; при надѣлѣ онъ каждому изъ нихъ говоритъ:

«Сватушко любезный, или свахонька любезна! по имени орѣшки—свахины потѣшки, спасово урожденье, Ильи Великова совершенье. Ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, сердце съ покоромъ, буйна голова съ поклономъ. Милости прошу вамъ подношу.»

Потомъ дружка надѣляетъ орѣхами мущинъ, женщинъ, дѣвицъ и малолѣтнихъ; при семъ говоритъ тоже, что говорилъ предъ благословеніемъ жениха, только съ тою разницею, что тамъ говорилъ: «благословляйте новобрачнова князя въ путь ѣхать, а въ это время онъ говоритъ:

«По имени орѣшки, свахины потѣшки» и проч.

Послѣ сего бываетъ столъ точно такой же, какой былъ у отца женихова и съ такими же обрядами. Выходятъ изъ дому точно также, какъ изъ дому жениха. Предъ выѣздомъ со двора дружка и здѣсь также, какъ и тамъ, три раза обходитъ съ иконою весь поѣздъ, какъ жениховъ, такъ и невѣстинъ. Ѣдутъ къ церкви въ томъ же порядкѣ, какъ и прежде, когда женихъ ѣхалъ къ невѣстѣ, съ тою только разницею, что за женихомъ ѣдетъ невѣста со свахою, и поѣзжане невѣсты ѣдутъ позади поѣзжанъ жениха.

Послѣ вѣнчанья, когда новобрачные и поѣзжане пріѣдутъ на дворъ, отецъ выходитъ встрѣчать ихъ съ иконою, а сваха съ хлѣбомъ съ солью; дружка, высадивши новобрачныхъ, приводитъ ихъ къ отцу. Новобрачные, сдѣлавши передъ иконою два поклона въ поясъ, и третій земной, цѣлують ее, потомъ кланяются до земли отцу и цѣлуются съ нимъ; потомъ кланяются до земли матери, берутъ у нее съ хлѣба соли, вкушаютъ ее и цѣлуются съ матерью, потомъ входятъ всѣ въ избу; молодыхъ новобрачныхъ сажаютъ за столъ. Садятся за столъ и всѣ поѣзжане. Тогда дружка говоритъ: «Сватушка любезный. Ѣхали мы путемъ-дорогою, и попала намъ на дорогѣ бѣлая лебедушка, красная дѣвица, новобрачная княгиня; взявъ ее, мы привезли; но только мы въ дорогѣ перезябли, передрогли, переиндевѣли. Не будетъ ли у васъ милосердія обогрѣть насъ? Не варили ли кашки или не пекли ли пирожка?» Стряпка отвѣчаетъ: «Я кашу сварила, горшокъ руки жжётъ, полотенца ждетъ.» Дружка подноситъ ей въ подарокъ полотенца. Стряпка ставитъ на столъ горшокъ съ кашею, покрытый пирогомъ. Тогда дружко проситъ подать блюдо; призываетъ къ столу отца и мать новобрачныхъ и говоритъ: «Не будетъ ли у васъ усердіе новобрачнаго князя съ княгинею чѣмъ наградить, золотомъ или сéребромъ, или

хлѣбомъ да солью, да сверхъ того любовью?» При этомъ отецъ и мать новобрачнаго и всѣ ихъ родственники, по выраженію крестьянъ *скрываютъ*, т. е. дарятъ, кто чѣмъ разсудитъ. Потомъ дружка разрѣзываетъ пирогъ, кашу кладетъ въ блюдо и угощаетъ ею мущинъ, женщинъ, дѣвицъ и малолѣтнихъ, остальное выкладываетъ въ блюдо и это съѣдаютъ поѣзжане. При чемъ сватъ угощаетъ всѣхъ виномъ и пивомъ. Съѣвши кашу, поѣзжане благодарятъ за хлѣбъ за соль. Дружка съ иконою отводитъ новобрачныхъ въ особую комнату, гдѣ приготовлена для нихъ постель. Здѣсь свахѣ новобрачной и свату, которые называются посланами, бываетъ угощеніе, а новобрачнымъ обѣдъ; послѣ обѣда новобрачные ложатся въ постель. Въ это время пріѣзжаютъ отецъ и мать невѣсты и прочіе ея родственники и входятъ на дворъ. Сватъ выноситъ на дворъ столъ и ендову вина и угощаетъ ихъ; потомъ родственники новобрачной входятъ въ избу и садятся за столъ. Сватъ угощаетъ родственниковъ новобрачной. Послѣ угощенія гости требуютъ, чтобы дружка привелъ новобрачныхъ. Дружка исполняетъ ихъ требованіе и приводитъ ихъ и сажаетъ за столъ и тутъ-то начинается пиръ, называемый крестьянами *почёсный*. Изъ кушаньевъ на семъ столѣ бываютъ разные студени, щи, лапша, жаркое, сальные каши, свиная голова, ососки, круглый пирогъ. По окончаніи этого пира родственники новобрачныхъ, по выраженію крестьянъ, *кладутъ въ чарку*, т. е. дарятъ новобрачныхъ деньгами. Въ это время новобрачные угощаютъ родственниковъ виномъ; такимъ образомъ: она наливаетъ, а онъ подноситъ своимъ родственникамъ, затѣмъ онъ наливаетъ, а она подноситъ своимъ. Послѣ сего родственники расходятся по квартирамъ, или домой, если близко ихъ домы.

На другой день дружко съ женихомъ зовутъ тещу и всѣхъ родственниковъ къ себѣ на пиръ, такъ называемый *княжбй*. Въ это время теща угощаетъ зятя блинами и потомъ даритъ его платомъ; блиновъ теща привозитъ въ домъ зятя и для угощенія его родственниковъ. На *княжёмъ* пиру, блины подаются прежде всего; а потомъ слѣдуютъ тѣже кушанья что и на *почёсномъ*. Наконецъ новобрачная даритъ родственниковъ своего мужа, которые не были въ поѣзду. Послѣ сего всѣ родственники разъѣзжаются по домамъ.

Зап. священникомъ села Воздвижинскаго, Крестовоздвиженской церкви, Павломъ Вишневскимъ. Изъ матеріаловъ архива Импер. Р. Геогр. Общества № 84, 11 Янв. 1854 г.

XVII. Нижегородской губерніи.

Ветлужскаго края, Макарьевскаго уѣзда.

По долгу своего бывшаго пастырскаго служенія, мнѣ не рѣдко доводилось наблюдать за свадебными обычаями жителей Ветлужскаго края, Макарьевскаго у., и я рѣшился взять на себя нескромную задачу описать эти обычаи.

Насколько я успѣлъ выполнить эту свою задачу, судить, конечно, не мнѣ. Но «не мудрствуя лукаво», скажу, что буду весьма доволенъ, если по сосѣдству со мной найдется другой наблюдатель народной жизни этаго края, который, задавшись тою-же цѣлью, т. е. цѣлью этнографическаго описанія этаго края, восполнитъ то, что мною было опущено изъ вида, и такимъ образомъ довершитъ начатую мною задачу.

Весна.... Красное солнышко начинаетъ сильно пригрѣвать; изъ земли выходитъ паръ; озими встрепенулись; въ селѣ виднѣются мѣстами зеленыя лужайки; зазеленѣлась и береза. Праздникъ.... Народъ, и старъ и младъ, повысыпалъ на улицу; старики усѣлись на заваленкахъ и бревнахъ; малыя ребята копошатся и тамъ и сямъ, а молодежь водитъ хороводы: красныя дѣвицы щеголяютъ въ московскихъ шерстяныхъ сарафанахъ, бѣлыхъ коленкоровыхъ рукавахъ, плисовыхъ душегрѣйкахъ, изъ подъ которыхъ видиѣется конецъ алой или голубой ленты, заплетенной въ длинную косу, и въ щегольскихъ полусапожкахъ, надѣтыхъ на бѣлыя или росписныя чулки; молодые парни тоже, для праздника, принарядились въ шерстяныя и кумачныя рубашки, плисовые шаровары, суконные поддевки и черные съ высокими подборами и мѣдными подковами сапоги. Веселье принимаетъ болѣе и болѣе оживленный характеръ. Мѣстные остряки

не скупятся на каламбуры; дѣвицы то и дѣло хихикаютъ. Но вотъ, среди хоровода похаживаетъ статный дѣтина; одной рукой онъ уперся въ бокъ, другой покручиваетъ усики и съ самодовольнымъ видомъ оглядываетъ всѣхъ красныхъ дѣвушекъ. Это нашъ Чурила Пленковичъ, на котораго, по народной былинѣ:

Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ—оконницы звенятъ,
А старыя старухи костыли грызутъ,
Все глядучи на молода Чурилушку.

Это нашъ деревенскій ловласъ, отъ котораго не одно дѣвичье сердце вдоволь настрадалось, не одни алыя уста горячо воспламенялись и не одни бѣлыя груди высоко воздымались. Но ни къ одной изъ нихъ на этотъ разъ не льнуло сердце нашего Чурилы. Лишь одна Таня Большакова надрывала ретивое у молодца Василья Оглоблина. Для нея-то онъ и усики покручивалъ, для нея одной и въ хороводъ пошелъ, на нее лишь одну онъ больше всѣхъ и поглядывалъ. Какъ поглядитъ на нее, та и зардѣетъ, словно маковъ цвѣтъ; какъ улыбнется ей, та и ногъ подъ собой не чуетъ. А больше всего она полюбилась ему за скромную рѣчь и за тихій нравъ. Всѣ дѣвки такъ и лѣзутъ на парней. Лишь одна Таня Большакова отстраняется отъ долгихъ рукъ парня-нахала.

Между тѣмъ какъ парни и дѣвки ведутъ хороводы, отецъ и мать Василья, сидя у косящатаго окошка, ведутъ такую промежъ себя бесѣду: «А пора-бы, мать, намъ Васютку и поженить; какъ-бы не избаловался; да и тебѣ тяжело управляться одной со всѣмъ хозяйствомъ». — «Какъ знаешь, отецъ, я не противъ этаго». — «А къ кому-бы эдакъ посвататься?» — «Надо сперва его спросить: нѣтъ-ли у него на примѣтѣ какой невѣсты; вѣдь, нынѣ не прежнія времена—парни и дѣвки сами себѣ выбираютъ суженыхъ».—«Да, теперь совсѣмъ ведется не по старому; а прежде на счетъ этаго круто было. Помнишь, какъ твоего-то отца бурмистръ высѣкъ за то, что онъ не хотѣлъ отдавать тебя за меня?... Да и тебѣ тогда не мало досталось за твое упрямство, однакожь прожили свой вѣкъ, не смѣша людей. А нынѣ все стали жениться по любови; да что-то эта любовь не оченно прочна; полюбятся, потомъ глядишь, жена и шмыгнетъ отъ мужа, или въ свой домъ друга привѣтитъ; и мужъ, глядя на нее, тоже сударушекъ заведетъ, и пойдетъ все въ домѣ коромысломъ».—«Ну, ужъ ты начнешь причитать безъ пути, безъ дѣла; какъ будто при женитьбѣ безъ любови и не можетъ быть раздоръ между мужемъ и женой; еще скорѣе отъ нелюбого мужа или постылой жены все худое на разумъ пойдетъ.... А я вотъ что тебѣ скажу: давно я замѣчаю, что нашъ Вася сильно засматривается на Таню Большакову, и иногда думаю своимъ худымъ разумомъ, что эта пара была-бы хоть куда». — «Что-же? Я не противъ Татьяны: дѣвушка она смирная и работящая; одно немного не ладно, что одежонки мало, да и отецъ крутенекъ; ну, да одежа—дѣло нажитое, а отецъ будетъ въ сторонѣ. Надо ужó покалякать съ сыномъ, а потомъ и сваху пошлемъ къ дядѣ Вавилѣ; кстати теперь лишняя работница намъ очень нужна въ домѣ».... И на другой день въ домѣ Вавилы происходитъ рукобитье, на которомъ окончательно рѣшается участь влюбленныхъ.... Но при другихъ обстоятельствахъ дѣло не такъ скоро дѣлается. Большею частью препятствія бываютъ со стороны отца невѣсты и самой невѣсты: отецъ-крестьянинъ смотритъ на свою дочь, какъ на рабочую силу и всегда не охотно съ ней разстается,— развѣ ужъ черезъ чуръ она «баловаться» начнетъ или выгодный сватъ присватается. И сама невѣста не всегда охотно идетъ замужъ. У отца она живетъ на полной свободѣ; есть у нея и свой возлюбленный, за котораго она разсчитываетъ выйдти замужъ, хотя разсчеты ея большею частью и не оправдываются,—особенно если она по неосторожности родитъ. Въ такомъ случаѣ впрочемъ и вообще ей трудно выдти за-мужъ. Тогда беретъ ее за себя или вдовецъ или бѣднякъ-крестьянинъ, который радъ жениться хоть на какой-нибудь дѣвушкѣ или вдовѣ, лишь-бы имѣть хозяйку въ домѣ. Но если она при всемъ «баловствѣ» не родитъ, что впрочемъ почти постоянно и бываетъ—при помощи нѣкоторыхъ женщинъ, спеціально занимающихся уничтоженіемъ плода—то можетъ всегда разсчитывать на хорошую партію. И мужъ ее никогда не укоритъ и не будетъ тиранить за то, что она прежде времени лишилась своего дѣвства. Въ Ветлужскомъ краѣ Макарьевскаго уѣзда вообще на это дѣло смотрятъ весьма снисходительно. «Гдѣ ужъ намъ, батюшка, разбирать честныхъ дѣвокъ, сказалъ мнѣ одинъ крестьянскій парень, пожелавшій жениться на одной чуть-ли не публичной женщинѣ; да и гдѣ найдешь честныхъ? Развѣ изъ двухъ-сотъ выберется одна не тронутая, да и то наврядъ; вѣдь онѣ еще съ 13 или 14 лѣтъ начинаютъ съ нами баловаться. Если-бы ты поглядѣлъ, что мы дѣлаемъ по ночамъ въ *бесѣдкахъ*, или когда моемся въ банѣ—не малому диву дался-бы» [1]). Самому понятію

[1]) *Бесѣдки* дѣйствительно слишкомъ развращаютъ наше крестьянское юношество. Здѣсь—въ домѣ ка-

«дѣвство» здѣсь большею частью придаютъ одно обширное значеніе, т. е. пока дѣвица не за-мужемъ, она считается «дѣвственницею». Такое понятіе о дѣвствѣ мнѣ разъ довелось слышать въ домѣ одного священника при слѣдующемъ обстоятельствѣ. Дѣвушка, дочь одного крестьянина, изъявила желаніе выйдти замужъ за одного крестьянскаго парня, съ которымъ она была въ связи и отъ котораго даже находилась въ интересномъ положеніи. Но отецъ той дѣвушки никакъ не соглашался выдать свою дочь за ея любовника. Тогда они попросили священника повѣнчать ихъ тайкомъ. Узнавъ подробно обстоятельства этаго дѣла и справившись, что невѣста достигла уже гражданскаго совершеннолѣтія, священникъ далъ имъ слово повѣнчать ихъ. Между тѣмъ отецъ узнаетъ объ этомъ, приходитъ къ нему просить не вѣнчать ихъ. Священникъ, съ своей стороны, началъ высказывать ему всю неразумность его упрямства и, между прочимъ, намекнулъ, что дочь его въ скоромъ времени будетъ матерью. Тогда, въ порывѣ своего неудовольствія на священника, за то, что онъ не соглашается на его просьбу, этотъ крестьянинъ сказалъ: «Наплевать мнѣ на то, что она беременна; для меня хоть пять ребятъ принеси, только дѣвство соблюди» [1]). Такимъ его аргументомъ священникъ все таки не удовлетворился, и на другой день влюбленная чета была повѣнчана. Но главнымъ образомъ свадьбы здѣсь часто разстраиваются изъ-за «выговора». Отецъ невѣсты очень много иногда запрашиваетъ съ женихова отца этаго «выговора» и дѣло разстраивается. Самое-же сватовство, обыкновенно происходитъ такимъ образомъ: отецъ жениха, посовѣтовавшись съ женой и сыномъ, приглашаетъ съ собою въ ту деревню, въ которой живетъ невѣста, ближайшаго родственника, или, если родственники бѣдны, богатаго однодеревенца и ѣдетъ съ нимъ къ отцу невѣсты (въ своей деревнѣ, по родственнымъ и другимъ причинамъ, рѣдко устраиваются свадьбы). Тамъ они останавливаются въ домѣ какого либо родственника со стороны отца невѣсты или вообще своего знакомаго и просятъ его, или жену его, сходить къ отцу невѣсты и сдѣлать предложеніе: не пожелаютъ-ли они выдать свою дочь за-мужъ. Отецъ невѣсты обыкновенно тотчас не отказываетъ отцу жениха, если иногда и не желаетъ выдавать свою дочь за-мужъ, а идетъ къ нему для переговоровъ. Въ этомъ случаѣ онъ придерживается извѣстной поговорки: «сватъ не сватъ,—добрый человѣкъ». Иногда, впрочемъ, дѣло устраивается въ первую-же поѣздку, а къ другому отцу приходится съѣздить раза два или три, прежде, чѣмъ онъ окончательно рѣшится на сватовство, причемъ обыкновенно отговаривается тѣмъ, что сначала надо посовѣтываться съ матерью, родными и самой невѣстой. Когда всѣ они насовѣтуютъ выдать невѣсту замужъ, объявляютъ отцу жениха, чтобы пріѣзжалъ окончательно свататься и привозилъ вина. При этомъ, если невѣста потребуетъ жениха посмотрѣть, привезутъ и жениха. Онъ сходитъ въ «бесѣдку», посмотритъ на невѣсту и невѣста на него, спроситъ, согласна-ли она за него выйдти замужъ; та скажетъ: «Сватайся къ родителямъ, я противъ ихъ воли не пойду,»—и начинается формальное сватовство. Отецъ жениха съ своей женой и родственниками отправляется къ отцу невѣсты, входятъ въ избу, молятся передъ иконами; ихъ сажаютъ въ передній уголъ. Затѣмъ будущіе сватья, послѣ довольно продолжительныхъ разговоровъ, совершенно не идущихъ къ дѣлу, начинаютъ вести рѣчь и о дѣлѣ. Эта рѣчь обыкновенно ведется такъ: женихова родня говоритъ,

---

кой-либо бобылки — проводятъ почти всю ночь за глазами родителей и, вмѣсто того, чтобы прясть, предаются всевозможнымъ оргіямъ съ парнями, которые, обыкновенно, приносятъ съ собой кромѣ гостинцевъ, водки и вина. Здѣсь они вмѣстѣ съ падшими дѣвушками, подпоивъ невинныхъ и молодыхъ дѣвушекъ, развращаютъ этихъ послѣднихъ, и число проститутокъ увеличивается; бобылки тоже изъ-за отопленія своей кельи и другихъ мелкихъ корыстныхъ разсчетовъ обыкновенно занимаются сводничествомъ для тѣхъ и другихъ. Родители знаютъ, что тамъ дѣлается, и все-таки продолжаютъ смотрѣть на эти разсадники разврата и сифилиса сквозь пальцы. — Оригиналенъ здѣсь обычай и мытья въ банѣ. Самыя бани обыкновенно устраиваются позади селенія съ маленькими окнами безъ стеколъ, а вмѣсто стеколъ, послѣ топки, окна затыкаютъ паклей или тряпками. Моются, при свѣтѣ лучины, безъ мыла и кое-какъ; главнымъ образомъ стараются хорошенько пропариться, чему подвергаютъ и маленькихъ дѣтей, даже новорожденныхъ младенцевъ. Въ натопленную баню идутъ вмѣстѣ, не только родные—мужчины и женщины изъ одного дома, но даже и чужіе. Нерѣдко собираются для мытья въ банѣ парни и дѣвушки совершенно чужіе между собою. И тутъ сальность и цинизмъ не встрѣчаютъ никакихъ препятствій; развѣ только иногда какая нибудь дѣвушка ошпаритъ горячей водой или вѣникомъ ужъ черезъ-чуръ разшалившагося ловласа; но это тоже даромъ ей не можетъ пройдти: ловласъ задуетъ лучину, и въ темнотѣ произойдетъ тогда полная суматоха.

[1]) Если-бы эти неосторожныя слова отецъ невѣсты высказалъ передъ какимъ либо средневѣковымъ феодаломъ, то навѣрное, жестоко поплатился-бы за нихъ въ виду того права, которое представляло феодалу jus primae noctis.

что у нихъ есть покупатель, у тѣхъ товаръ, и не согласятся-ли они продать свой товаръ; говорятъ, что товаръ ихъ молодъ, необходимъ въ хозяйствѣ, не запасся еще одеждой и т. п., и въ концѣ концовъ дѣло ладится. Порѣшивъ на счетъ товара, т. е. невѣсты, родители ея начинаютъ высказывать свои условія, на которыхъ они согласны выдать свою дочь за-мужъ. Условія эти заключаются въ «выговорѣ» столовыхъ денегъ, которые жениховъ отецъ долженъ выдать передъ свадьбой отцу невѣсты. Выговоръ этотъ простирается отъ 10 до 50 и болѣе рублей, смотря по состоянію тѣхъ и другихъ родителей. Кромѣ денегъ выговаривается еще извѣстное количество пшеничной муки, говядины, солода для невѣстиной родни; если-же невѣста очень бѣдна и не имѣетъ задубленаго или суконнаго полушубка, то отецъ ея выговариваетъ и этотъ полушубокъ; равно рѣчь идетъ и о дарахъ, т. е., всякому-ли свою родню дарить, или жениху—и ту и другую. Покончивъ всѣ эти щекотливые разговоры, засвѣчаютъ передъ образами свѣчку и молятся; послѣ молитвы родители подаютъ другъ другу руки («бьютъ по рукамъ»), посторонній человѣкъ разнимаетъ ихъ, и начинается попойка, на которую обыкновенно приглашается вся невѣстина родня; угощаетъ всѣхъ отецъ жениха. За виномъ назначаютъ и время свадьбы. Въ это-же время отецъ жениховъ спрашиваетъ своего новаго свата, пріѣзжать-ли съ гостинцами и будетъ-ли вечеринка (наканунѣ свадьбы)? Тотъ соглашается. Рѣдкій изъ нихъ не соглашается, при чемъ обыкновенно говоритъ: «У меня дочь не кошка,—со стола не спехнемъ ее; тоже двадцать лѣтъ она работала у меня,—неужели и стола (вечеринки) не выработала.» Да и не удобно было-бы ему отказать въ вечеринкѣ; послѣ въ семействѣ мужа стали-бы корить его дочь: «Какой у тебя батька: и вечеринки не сдѣлалъ.» Между тѣмъ какъ совершится рукобитье, невѣста, поклонившись отцу и матери въ ноги и сѣвъ за перегородку, тотчасъ-же начинаетъ причитать, или, по мѣстному выраженію «выть».

2270.

Исполать, мои пріятели,
Что направдалися пріятели
Отдать меня, младехоньку,
Во тѣ, да во чужи люди,
Ко чужому отцу-матери.
Ужъ да въ васъ, мои пріятели,
Вся правдушка солгалась,
И вся ложность оказалась.
Безъ меня, да молодехоньки,
Не два солнышка свѣтить будетъ,
Не два солнца обогрѣютъ васъ;
Не корабль къ вамъ и на дворъ взойдетъ,
Не сундукъ казны откроется.
Работала я, пріятели,
Безо всякія безъ ложности;
То не думала, пріятели,
Дождаться отъ васъ этаго.
Все ходила на работу ужъ я первая,
Знать потомъ, мои пріятели,
Стала я для васъ ужъ лишняя;
Что потомъ, мои пріятели,
Во полѣ не жнея была,
Во лугахъ, да не кошельщица.
Что потомъ, мои пріятели,
Подъ окошко вамъ подкинута,
Что потомъ, моя родимая,
Во рукахъ меня не держала,
Въ колыбелюшкѣ не качала.
Ты послушай, моя родная,
О чемъ я стану кучиться,
О чемъ я низко кланяться,
Не рѣчами, уговорами,
Тебѣ низкими поклонами,
Да горючимъ слезамъ [1]).
Ты сходи, моя родимая,
Во бесѣдушку веселую
Къ моимъ милымъ подруженькамъ;
Поклонникаси, родимая,
Поклонникаси низехонько;
Позови, моя родимая,
Ты ко мнѣ, да къ молодехонькѣ,
Чтобъ пришли мои любезныя,
Милыя подруженьки
Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ,
Къ моему, да ко злодѣй-горю,
Ко злодѣй-горю великому.

По окончаніи этаго причитанья [2]), мать невѣсты идетъ къ ея подругамъ и приглашаетъ ихъ къ своей просватанной дочери. Тѣ долго ждать себя не заставляютъ, и собравшись на-скоро, идутъ къ своей подругѣ-невѣстѣ. На пути они поютъ пѣсни. Опредѣленныхъ пѣсенъ на этотъ разъ нѣтъ; поютъ, какую вздумаютъ. Мнѣ нерѣдко доводилось слышать слѣдующую пѣсню:

2271.

Миленькій по горенкѣ похаживаетъ,
Онъ тугой лучокъ натягиваетъ,

---

[1]) Въ Ветлужскомъ краѣ очень часто употребляется дательный падежъ вмѣсто творительнаго.

[2]) Всякое причитанье сопровождается слезами.

Кленову стрѣлу накладываетъ,
Кленовой стрѣлѣ наказываетъ:
Ты лети, кленовая стрѣла,
Выше лѣсу, выше темненькаго,
Выше садика зелененькаго,
Ты убей, убей, кленовая стрѣла,
Ты убей, убей орлика на лету,
Сѣру утицу на Волгѣ на рѣкѣ,
Сиза голубя на каменной стѣнѣ,
Добра молодца на вороном конѣ,
Красну дѣвицу въ высокомъ терему.

Передъ входомъ своихъ подругъ въ избу, невѣста «воетъ»:

2272.

Что-то мнѣ почуялось,
Что-то померещилось;
Посередь зимы студеныя
Что летятъ да гуси-лебеди.
То идутъ мои подруженьки
Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ.
Выйди-ка родимая,
Встрѣть ихъ, подруженекъ,
Середи двора широкова,
Ты поставь-ка двери на пяту
Моимъ милыимъ подруженькамъ.

При входѣ ихъ въ избу, невѣста продолжаетъ:

Не спасибо вамъ, любезныя,
Милыя подруженьки;
Зачѣмъ васъ долго не было,
За какими недосугами?
Али батюшки и матушки
Васъ ко мнѣ не отпускали?
Знаю, мои милыя,
Буйны головы прочесали,
Рубчетны плетни заплетали [1]),
Какъ сбирались, мои милыя,
Во смиренную бесѣдушку [2]).
Поглядите-ка, пріятели,
Что у васъ въ избѣ за садъ стоитъ,
Что въ саду за макъ цвѣтетъ?
То стоятъ мои подруженьки;
Одна маковка да поблѣднѣе всѣхъ,
Ее мочитъ сверху дождичекъ,
А по правую сторонушку
Запекло да краснымъ солнышкомъ.
Попросите-ка, любезныя,
Милыя подруженьки,
У милыхъ моихъ пріятелей,
Чтобъ мою, да дѣвью кра́соту,
Золотую мою связочку
Ужъ какъ взять, да молодехонькѣ,
Мнѣ ее да во бѣлы руки;
Золотую мою связочку
Какъ прижать, да молодехонькѣ,
Мнѣ ее да къ ретиву сердцу.
Ужъ возьмите-ка, любезныя,
Милыя подруженьки,
Вы унесте-ка, родимыя,
Мою да дѣвью красоту
Во батюшко, во темный лѣсъ.
Вы положьте-ка, подруженьки,
Мою да дѣвью красоту,
Золотую мою связочку,
Какъ на то-ли, сухо дерево,
Какъ тому-ли суху дереву
Не бывать да двою зелену;
Ужо мнѣ, да молодехонькѣ,
Не живать да въ красныхъ дѣвушкахъ.
Вы послушайте, пріятели,
О чемъ я стану кучиться:
Посажай, моя родимая,
Что за тотъ-ли за дубовый столъ
Моихъ милыихъ подруженекъ,
За любовь-то ихъ великую,
Что пришли, мои любезныя,
Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ.
Ты чести-ка, пуще потчуй ихъ,
Ты напой, моя родимая,
Ужо тѣмъ да зеленымъ виномъ;
Ты напой, моя родимая,
Ужо тѣмъ да пивомъ пьяныимъ,
Чтобъ запѣли-бы, любезныя,
Милыя подруженьки,
Ужо ту да пѣсню жалобну,
Въ которой пѣснѣ свадебной
Пѣсню жалобну и свадебну,
Поминается отецъ и мать;
Зазнобили-бы у молодехоньки
Мое сердце ретивое
Отъ нынѣ и до вѣку,
До матушки до гробовой доски.

Дѣвушки поютъ:

2273.

Какъ задумали родители
Меня за-мужъ выдавать,

[1]) Особый видъ плетенія волосъ у дѣвицъ.

[2]) Въ прежнее время бесѣдки дѣйствительно были *смиренныя*, и дѣвушки, сбираясь для пряжи льна, только пѣли тамъ пѣсни и парней никогда къ себѣ не принимали; но теперь бесѣдки совершенно утратили свое первоначальное значеніе и сдѣлались притономъ разврата.

Отъ бесѣды, отъ подружекъ
Хотятъ младу отлучать.
Какъ меня, младу, отлучать,
Я не чаюсь живой быть.
Я пойду съ такого горя
Въ нову горницу сидѣть;
Ужъ я сяду, пригорюнюсь
У косящата окна,
И тамъ буду слезы горьки
Проливать за то окно;
И тамъ буду я глядѣть
Въ чисто поле далеко,
И тамъ буду я бранить
Чужу-дальну сторону:
«Ты злодѣй, злодѣй, злодѣй
Чужа-дальна сторона,
Разлучила ты меня
Съ отцемъ, матерью родной,
Разлучила ты меня
Съ моимъ миленькимъ дружкомъ.

Выслушавъ пѣсню своихъ подругъ, невѣста проситъ своего отца и братьевъ, если они есть, запрячь для нихъ «ворона коня» и прокатить ихъ «вдоль улицы широкія». Тѣ исполняютъ ея просьбу. Послѣ катанья дѣвушки снова поютъ пѣсни въ домѣ невѣсты; вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ:

2274.

Знала-бы, знала, дура, за-мужъ не пошла
Лучше-бы, я во дѣвушкахъ жила;
Глаже-бы, глаже я головку чесала,
Мельче-бы, мельче русу косу я плела,
Въ русу косу алу ленту вплетала,
Вплетучи, алой лентой увила.
Во бесѣду развеселу ходила,
Противъ милаго на стулѣ сидѣла.
Противъ милаго широкаго двора
Выростала часта роща зелена;
Въ этой рощѣ прелюбезны два древа,
Перво древо—садовая яблонка,
Друго древо—зеленая грушица.
Съ того древа два яблочка сорвала,
Съ того время любить дружка начала.

Дѣвушекъ угощаютъ пивомъ и виномъ. Затѣмъ они расходятся и въ другой разъ приходятъ къ своей подругѣ-невѣстѣ уже не званыя, а когда имъ вздумается. Уѣзжаетъ домой и отецъ жениха въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Невѣста остается одна среди своихъ близкихъ родныхъ, и снова «воетъ»:

2275.

Послушайте, пріятели,
Родимая матушка,
Со кормильцемъ-батюшкой!
Словно вамъ я не родимая,
Въ утробѣ не ношеная,
У бѣлыхъ грудей не леженая?
Вамъ-ли, мои милые,
Не раба я была, не работница,
Не слуга-то-ли я вѣрная,
Не посылка-то-ли скорая,
Въ полюшкѣ не жнеюшка-ль,
Въ зеленыхъ лугахъ не копельщица?
Не дали грушѣ выростн,
Не дали яблонкѣ выцвѣсти,
Не дали яблочку вызрѣти;
Не дали мнѣ, пріятели,
На ноги рѣзвы поднятися,
Съ годами собратися,
Съ умомъ-разумомъ справиться.
Ужъ какъ отдали вы, пріятели,
Ко тѣмъ, да ко чужимъ людямъ,
Изъ теплыхъ рукъ въ холодныя,
Ко чужому отцу-матери.
А чужая мать—не матушка,
И чужой отецъ—не батюшка.

Своимъ «вытьемъ» невѣста даже нарушает ночной сонъ своихъ родителей, и утромъ, когд они еще спятъ, она будитъ ихъ такъ:

2276.

Ужъ какъ спится вамъ, пріятели.
Вся-то матушка темная ночь;
Ужъ какъ мнѣ, да молодехонькѣ,
Не спалось всю темну ночь.
Не спалось да много видѣлось:
Какъ ходила, молодехонька,
По краю-то рѣчки быстрыя,
Оборвалась, молодехонька,
Во ту-ли рѣчку быструю;
Какъ хваталась я, имался,
За кусты тѣ, за таловые,
За осоку я рѣзучую;
И обрѣзало у молодехоньки
Обѣ руки бѣлыя....
Не въ рѣкѣ я закупалася,
А купалась, молодехонька,
Въ своихъ лишь горючихъ слезахъ;
И хваталась я, имался
За свое-то горе горькое;

Не осокой мнѣ обрѣзало,
А обрѣзало у молодехоньки
Печалью лютою, великою.

Другой варіянтъ:

2277.

Ужо спится вамъ, пріятели,
Вся-то матушка темная ночь;
Ужо мнѣ, да молодехонькѣ,
Все не спятся ночи темныя
Со того, да со злодѣй-горя.
И вставала, молодехонька,
По утру-то я ранехонько,
Умывалась, молодехонька,
Своимъ, да горючимъ слезамъ
Утиралась, молодехонька,
Со правой руки рукавчикомъ.
Сидите, мои пріятели,
За столомъ, да за дубовымъ,
А мнѣ, молодехонькѣ,
За столомъ ужъ нѣтъ мѣстечка;
Какъ спасибо вамъ, пріятели,
За хлѣбъ, за соль, да за старую,
Не спасибо за теперешню.
Хлѣба стопка простояла,
Суха ложка пролежала,
Хлѣба-соли не отвѣдала.
Вы скажите-ка, пріятели.
Моему-то братцу-батюшкѣ,
Чтобъ запрягъ онъ коня добраго,
Посадилъ-бы молодехоньку
На того, да на добра коня.
«Увези-ка, братецъ-батюшка,
Ты меня во темный лѣсъ;
Тамъ я, молодехонька,
Найду себѣ горючь камень.
Я убьюсь, да молодехонька,
Объ тотъ, да объ горючь камень.
Какъ пройдетъ, да эта славушка,
Что убилась красна дѣвушка,
Что о тотъ, да о горючь камень.»
Знать, сама я вѣдаю,
Что это все не сбудется;
Лишь сама себя потѣшила,
Лишь сама себя позабавила.

Днемъ, при посѣщеніи родственниковъ или подругъ своихъ, невѣста тоже воетъ или причитаетъ. Если придетъ къ ней подруга, она такъ причитаетъ:

2278.

Поди-ка, милая подруженька,
Къ моему-то горю-кручину,
Къ печалюшкѣ великой.
Не чаешься ты, милая,
На себя-то горя-горькаго,
Не взначай горе подкатится....

Если придетъ къ ней крестная мать:

2279.

Поди-ка, крестна матушка,
Къ моему-то горю кручину,
Къ печалюшкѣ великой;
Ты послушай, крестна матушка,
О чемъ я буду кучиться,
О чемъ я буду кланяться,
Надѣли меня, родимая,
Чистыимъ благословеньицемъ,
Чистыимъ, не рушимымъ,
Какъ того-ли Спаса образомъ.

Если придетъ къ ней дядя, она и дядѣ причитаетъ:

2280.

Ты поди-ка, мой кормилецъ,
Мой кормилецъ, милый дядюшка,
Къ моему-то ко злодѣй-горю,
Ко злодѣй-горю великому.
Ты спроси-ка, мой кормилецъ,
Ужо тѣхъ моихъ пріятелей:
Кого ждутъ мои пріятели
Къ себѣ, да во любы гости.
Ужъ не тѣхъ-ли милыхъ гостеекъ,
Гостеекъ, да незнакомыихъ.
Я не знаю, молодехонька,
Какъ придетъ пора, да времячко,
Какъ придутъ, да къ молодехонькѣ
Эти гости незнакомые;
Помѣшается у молодехоньки
У меня, да умъ со разумомъ
И со крѣпкою со памятью;
Испугается, да сердце ретивое
При тѣхъ милыихъ при гостейкахъ.
Я не знаю, молодехонька,
Какъ мнѣ ихъ назвать будетъ,
Какъ назвать и возвеличать.

Не задолго до свадьбы родственницы жениха пріѣзжаютъ къ невѣстѣ съ гостинцами и передаютъ эти гостинцы матери невѣсты. Гостинцы эти состоятъ изъ конфектъ, пряниковъ, орѣховъ и сладкихъ пироговъ съ черникой, малиной, изюмомъ и т. п. Всѣхъ пріѣзжихъ сажаютъ за столъ и начинаютъ угощать, или, по мѣстному выраженію, честить. Честятъ сильно, такъ что передъ своимъ отъѣздомъ всѣ гости, какъ говорится, лыка не вяжутъ. Во время пира они, между прочимъ, просятъ вывести къ нимъ невѣсту, которая обыкновенно сидитъ за перегородкой. Въ сопровожденіи своихъ подругъ нарядная невѣста выходитъ къ гостямъ, наливаетъ пива и вина и потчуетъ ихъ. Въ тоже время она цѣлуетъ всѣхъ гостей-женщинъ, а тѣ въ это время ее разсматриваютъ. Послѣ того она снова уходитъ за перегородку и начинаетъ выть:

2281.

Не спасибо вамъ, пріятели,
Что вывели младехоньку
На великій стыдъ, безчестьице,
Что по тѣмъ, да по чужимъ людямъ.
Обнесли вы, молодехоньку,
Обнесли и обезчестили,
При моихъ милыхъ подруженькахъ.
У меня, у молодехоньки,
Скатилась со плечъ головушка,
Я на силу вѣдь, пріятели,
Собралася съ умомъ-разумомъ,
Со своей я крѣпкой памятью.
Не погнѣвайтесь-же, милыя,
Милыя мои гостейки:
Надо-бы, мои гостейки,
Васъ честить пуще, потчивать
Ужо мнѣ, да молодехонькѣ.
У меня, у молодехоньки,
Не стоятъ ноги рѣзвыя,
Не глядятъ очи ясныя,
Не дѣлаютъ руки бѣлыя
Съ того, да со злодѣй-горя.
Накажу-ка я пріятелямъ:
Вы честите-ка, пріятели,
По моей великой просьбѣ
Ужо тѣхъ, да милыхъ гостеекъ.
Кланяйтесь, мои пріятели,
Ужо имъ низехонько;
Говорите-ка, пріятели,
Съ ними по милехоньку.
Ужо знать, мои пріятели,
До поры вы дѣло сдѣлали,
Ужо сильно познакомились;
Знать меня, да молодехоньку,
Отдаете вы, пріятели,
Что во тѣ, да во чужи люди,
Ко чужому отцу-матери,
Какъ изъ теплыхъ рукъ въ холодныя.
Ужъ вы знаете, пріятели,
Мудрено, да мудренехонько
Жить во чужихъ людяхъ
У чужова отца-матери.
Надо мнѣ, младехонькѣ,
Два ума, два и разума,
Два обычая обоиравые.
Какъ придетъ, да молодехонькѣ
Та пора, да времячко
Попроситься у пріятелей,
У чужова отца-матери.
Ужо къ вамъ, да во любы гости.
Отпустятъ, да молодехоньку
На закатъ да красна солнышка;
И пойду я, молодехонька,
За тѣмъ, за полемъ чистымъ,
За тѣмъ, за лѣсомъ темнымъ.
Я зальюсь, да молодехонька,
Ужо тѣмъ, да горючимъ слезамъ;
Приду я къ вамъ, пріятели,
Ужо въ гости, во любые,
Ничего-то вамъ, пріятели,
Ничего-то не повѣдаю:
Каково-то жить въ чужихъ людяхъ,
У чужова отца-матери.

Послѣ пирушки гости разъѣзжаются, и в[о] другой разъ пріѣзжаютъ къ невѣстѣ уже нака[-] нунѣ свадьбы. Въ тотъ день утромъ невѣст[а] обыкновенно созываетъ своихъ подругъ и про[-] ситъ ихъ истопить для нее баню. Тѣ истопятъ [и] ведутъ ее въ баню съ пѣснями. Въ рукахъ в[ъ] это время они несутъ вѣникъ, увязанный банти[-] ками. Баню обыкновенно выбираютъ гдѣ-нибуд[ь] подальше отъ села или деревни, чтобы больше[е] пространство пройдти имъ съ пѣснями. Въ эт[о] время чаще другихъ слышится слѣд. пѣсня:

2282.

Туманъ, туманъ при долинѣ,
Листъ широкій на малинѣ;
Есть пошире па дубочкѣ;
Манилъ молодецъ дѣвочку.
Не свою манилъ, чужую,
Пойдетъ дѣвка, поцѣлую.
Зачѣмъ чужу цѣловати,
Тоску къ сердцу придавати;
Стала дѣвица рыдати,

Сталъ молодчикъ унимати,
Платкомъ слезы утирати:
«Не плачь, дѣвка, не плачь, красна,
Самъ я холостъ, не женатъ;
Если вздумаю жениться,
Просимъ милости на свадьбу.
У меня на свадьбѣ будетъ
Пива, водки очень много.»
«Мнѣ не диво твое пиво,
Милы твои рѣчи.
Твоя матушка-злодѣйка,
Твои сестры-лиходѣйки,
Разлучають насъ съ тобою,
Точно рыбицу съ водою.
Щука рыба живетъ въ морѣ,
А я, дѣвица, на волѣ;
Щука рыба по Дунаю,
А я дѣвка погуляю;
Щука рыба съ карасями,
А я, дѣвка, съ молодцами,
Со такими удалыми,
Съ ребятами холостыми.»

Въ банѣ дѣвушки моютъ и парятъ свою подругу-невѣсту тѣмъ разукрашеннымъ вѣникомъ, и при этомъ не рѣдко щиплютъ, при чемъ спрашиваютъ: какъ жениха зовутъ. При одѣваньи невѣста воетъ:

2283.

Какъ оставьте-ка, сударыни,
Меня въ той банѣ жаркой,
Чтобъ прошла такая славушка,
Что умерла-де красна дѣвушка
Во той, во банѣ жаркой.

Придя въ домъ, она проситъ своихъ подругъ причесать ей голову:

2284.

Какъ заплетите-ка, сударыни,
Мою косу русую;
Какъ вплетите-ка, сударыни,
Разноцвѣтну алу ленточку.

Подруги исполняютъ ея просьбу. Она благодаритъ ихъ за баню жаркую и сажаетъ за столъ обѣдать. Сама-же сидитъ возлѣ стола и ничего не ѣстъ, только причитаетъ:

2285.

Кушайте, мои сударыни,
Не дожидайтесь, мои милыя,
Чтобъ честила я васъ, потчивала.
Надо-бъ мнѣ, мои сударыни,
Стоять, да на рѣзвыхъ ногахъ,
И честить васъ пуще, подчивать,
Чтобъ не сердились вы, не гнѣвались,
На меня, на молодехоньку,
На меня, на зеленехоньку.

По выходѣ изъ-за стола, она проситъ ихъ не оставить ее на «завтрашній Господень день» и кланяется имъ въ ноги. Подруги уходятъ. Въ тотъ-же день сестры, тетки и другія родственницы со стороны жениха приходятъ или пріѣзжаютъ къ невѣстѣ съ пирогами, и дожидаются тамъ пріѣзда жениха, который на вечеринку пріѣзжаетъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью. На вечеринку отецъ жениховъ обыкновенно привозитъ и условленный «выговоръ» за невѣсту, состоящій изъ денегъ, муки, шубы и проч., а женихъ привозитъ своей невѣстѣ платокъ, ситцу на сарафанъ, башмаки и т. п. Въ свою очередь и невѣста его отдариваетъ—рубашкой, штанами и поясомъ. Иногда она даритъ его отца съ матерью: отцу даритъ утирку (полотенце), а матери—рукава. Отецъ за подарокъ невѣсты платитъ ей отъ 1 до 2 рублей. На вечеринку обыкновенно собираются и дѣвушки, которыя постоянно поютъ пѣсни, и въ своихъ пѣсняхъ не рѣдко «срамятъ» жениха. Но если онъ при этомъ дастъ имъ денегъ (10—20 к.), то начнутъ хвалить [1]). На вечеринкѣ, между прочимъ, поются слѣд. пѣсни:

2286.

Грянули весельцы вдоль по морю,
Грянули, раскрашены, вдоль по синему;
Топнули кони во широки ворота,
Топнули кони во рѣшетчаты.
Дрогнуло сердце у Катюшеньки,
Дрогнуло ретивое у Васильевны.
Какъ мнѣ жить на чужой сторонѣ,

[1]) На вечеринкѣ женихъ долженъ сидѣть, повѣся голову. Если-же онъ вздумаетъ глядѣть бойко и по сторонамъ, то это въ нѣкоторыхъ селахъ Ветлужскаго края считается неприличнымъ, при чемъ дѣвчонки съ печи или съ полатей иногда въ насмѣшку показываютъ ему кошку, оборотивъ ее къ нему задней стороной.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Не жалѣй.

[illegible]

Ты милѣй.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

2280.

[illegible]

Сяду я у батюшки

[illegible]

Стану я по милой

[illegible]

Большой будетъ выговорить:

[illegible]

Что за пташка во саду?
Среднiй братъ возговоритъ:
Пойду пташку застрѣлю.
Меньшой братъ возговоритъ:
Пойду пташку осмотрю.

Или:

2291.

Твой женихъ не хорошъ, не пригожъ—
На горбу роща выросла;
Въ этой рощицѣ грибы ростутъ,
Грибы ростутъ березовые;
Въ головѣ же мышь гнѣздо завила;
Въ бородѣ дѣтокъ вывела.

А когда женихъ дастъ дѣвушкамъ денегъ, продолжаютъ:

Твой женихъ и хорошъ и пригожъ;
Его кудри наложеные;
Черные брови наведеныя,
Ясны очи, какъ у сокола;
Его щоки—что твой маковъ цвѣтъ,
Его губы—что твой медъ сотовой.

Около полночи всѣ гости разъѣзжаются и расходятся съ вечеринки. Уходятъ и дѣвушки. Снова они приходятъ къ невѣстѣ-подругѣ утромъ, въ самый день свадьбы, въ то время, когда топится печь. Тутъ изъ прѣснаго тѣста они дѣлаютъ пирогъ—короваецъ съ начинкой. Втыкаютъ въ этотъ пирогъ пять лучинокъ и лучинки эти тоже покрываютъ тѣстомъ, а на середнюю или верхнюю лучинку сажаютъ поросенка, сдѣланнаго тоже изъ тѣста; въ ротъ этого поросенка всовываютъ соломинку; на поросенка прилѣпляютъ пастуха изъ того-же тѣста и даютъ этому пастуху въ руку мочало или нитку въ видѣ кнута. Когда пирогъ испечется, его вынимаютъ изъ печи, втыкаютъ въ него прутики съ сучками, обвѣшиваютъ эти прутики разноцвѣтной бумагой и увѣшиваютъ лентами, такъ что изъ-за этихъ лентъ тѣста совершенно не видно, кромѣ поросенка и пастуха. Пирогъ этотъ подаютъ за обѣдомъ послѣ вѣнчанія.

Между тѣмъ какъ въ домѣ невѣсты, въ день брака, съ самаго ранняго утра занимаются стряпней, въ домѣ жениха приготовляются ѣхать за невѣстой. Снаряжается поѣздъ изъ родственниковъ жениха. Поѣздъ называется малымъ, когда онъ состоитъ изъ двухъ или трехъ паръ, и большимъ—когда состоитъ изъ семи, десяти и болѣе паръ. Въ каждомъ поѣздѣ непремѣнно участвуетъ дружка. Дружка этотъ выбирается изъ родственниковъ и изъ постороннихъ лицъ. Большею частью впрочемъ приглашаютъ особаго специалиста по этой части. Специальность-же его состоитъ въ томъ, чтобы онъ всегда находился, что къ чему сказать и что когда сдѣлать. Это—древне-еврейскiй архитриклинъ, распорядитель пира, душа общества; онъ-же вѣдунъ или знахарь и въ то-же время противодѣйствующая сила противъ колдуновъ; а подъ часъ онъ разыгрываетъ и роль шута. Безъ этого лица не дѣлается ни одной свадьбы. Свои рѣчи и прибаутки онъ, какъ наслѣдство, передаетъ сыну или другому какому либо ближайшему родственнику, и всегда не охотно говоритъ объ этомъ ремеслѣ своемъ, доставляющемъ ему, кромѣ небольшого вознагражденія, почетъ на свадебномъ пиру и полное раздолье въ пьянствѣ. Дружки на свою профессiю смотрятъ вообще какъ на какое-то священнодѣйствiе и всегда исполняютъ свое дѣло съ особенною важностью и серьезной физiономiей, кромѣ особыхъ случаевъ. Не прочь бываютъ они иногда, особенно подъ пьяную руку, и похвастаться своими чарами или заговорами. «Самъ я не умѣю заговаривать, говорилъ мнѣ одинъ изъ второстепенныхъ дружекъ,—а другiе заговариваютъ на свадьбахъ; меня-же разъ чуть самого не заговорили. Былъ я дружкой въ Успхѣ. Стою со стаканомъ въ рукѣ, а хвать у меня сапогъ и слѣзаетъ съ ноги; смотрю, испугался, и другой слѣзаетъ. Я такъ испугался, что инда задрожалъ; но все-таки совсѣмъ не потерялся, а сказалъ: не шути, а то я такъ сшучу, что и не выйдешь отсюда. Смотрю, сапоги опять надѣлись, какъ слѣдуетъ. А въ другой разъ ѣхалъ съ поѣздомъ въ Елкино. Подъѣзжаемъ къ елкинскимъ воротамъ, вдругъ лошади встали и шабашъ. Били, били ихъ, нейдутъ, да и только. Елкинскiй народъ стоитъ у воротъ да хохочетъ, а я хоть плачь. Бились, бились, на силу въѣхали. Послѣ я узналъ, что нашъ поѣздъ заговорилъ на пустой орѣхъ Степка-хромой. А вотъ нашъ Ефимъ Крюковъ такъ мастеръ былъ на эти штуки. Разъ онъ былъ на свадьбѣ въ Копорулихѣ. Тамъ пьяные надъ нимъ и стали смѣяться. Онъ взялъ, да и ушелъ безъ шапки домой. А дѣло было зимой. Хорошо-же, говоритъ, не доѣдете до дому, коли вздумали надо мной смѣяться. Тѣ, отпировавши, поѣхали домой; доѣхали до богдановскаго поля и что-же? Бились, бились, такъ и воротились назадъ; цѣлый день тутъ кривуляли, а домой не попали. Послали за нимъ; на силу уломали (уговорили). Прiѣхалъ къ нимъ; они попросили у него прощенiя; онъ

простилъ ихъ, и послѣ поѣхали домой благополучно. Въ другой разъ онъ ѣхалъ съ дровами въ Гуляевку. Въ это время ѣхалъ свадебный поѣздъ, да и вздумалъ уронить у него возъ. Хорошо-же, говоритъ, [illegible]. Только поѣзжане выѣхали изъ деревни, какъ у нихъ у всѣхъ лошади сами распряглись изъ оглобель и понеслись въ разныя стороны. Какъ ни бились ихъ поймать, такъ и не поймали. А женихъ съ невѣстой сидятъ въ повозкѣ, да плачутъ. [illegible]

[illegible]

родимъ. Пріѣдетъ князь сынъ въ Сіонскихъ горахъ: на этакихъ Сіонскихъ горахъ стоитъ высокъ [illegible] теремъ. Въ этомъ терему сидитъ красна дѣвица, шьетъ она, вышиваетъ бѣлыя полотна; ждетъ, дожидается къ себѣ добраго молодца. Возъѣхать-бы намъ на Сіонскія горы и подъѣхать ко широкому двору, попроситься у тѣхъ чужихъ людей на широкій дворъ; възъѣхать-бы на добрыхъ коняхъ на широкій дворъ; со широкова двора намъ взойти-бы [illegible] въ бѣлу горницу и взять-бы ему красну дѣвицу за бѣлы руки, за [illegible] ѣхать-бы въ село Воскресенье, а въ селѣ Воскресенскомъ стоитъ храмъ господень. [illegible] въ храмъ господень. Богу помолиться, [illegible] Послѣ этой рѣчи, обращенной къ родителямъ жениха, [illegible]

опасаясь, съ одной стороны, колдуновъ, съ другой—скандала со стороны подруги жениха, если только она была у него. Потомъ всѣ выходятъ на дворъ. Женихъ встаетъ у своей лошади, три раза крестится и надѣваетъ шапку. Садится. За нимъ садится и весь поѣздъ. Выѣзжаютъ со двора. Здѣсь дружка напоминаетъ жениху, чтобы онъ ни съ кѣмъ не кланялся, что онъ въ точности и исполняетъ. Всѣ ему кланяются, а онъ и до шапки не дотронется. Не пригоже-де князю новображному поклоны воздавать [1]).

Между тѣмъ, въ ожиданіи поѣзда съ женихомъ, къ родителямъ невѣсты собираются всѣ званые родственники, и каждый изъ нихъ тоже приноситъ имъ въ подарокъ каравай хлѣба, а сама невѣста сидитъ съ своими подругами, и по обыкновенію причитаетъ:

2292.

Выйди-ка, братецъ-батюшка,
На улицу широкую;
Погляди-ка вдоль улицы широкой,
Какъ не ѣдутъ-ли чужіе люди.
Ты возьми-ка, братецъ-батюшка,
Въ обѣ руки по топорику,
Заваляй-ка путь дороженьку,
Чтобы не пройти имъ, не проѣхать
Къ нашему, да широку двору.

Напрасная просьба къ брату. Поѣздъ уже стоитъ за деревней, и по деревнѣ ѣдетъ дружка и прямо подъѣзжаетъ къ дому невѣсты. Вотъ онъ уже входитъ въ избу, молится Богу, садится на скамью; хозяинъ подноситъ ему стаканъ водки, онъ выпиваетъ, при чемъ хозяина и хозяйку поздравляетъ «съ гостенькомъ полюбовнымъ». За первымъ стаканомъ слѣдуетъ второй и третій. Послѣ третьяго стакана дружка встаетъ, творитъ Іисусову молитву и спрашиваетъ: «Кто сему дому въ началѣ?» Хозяинъ отвѣчаетъ: «Господь».—«А кто здѣшнему дому хозяинъ?»—«Я». — «Какъ васъ по имени назвать, по отчеству возвеличать?» — «Сидоръ Карпычъ». — «Былъ-ли у васъ Иванъ Михайлычъ?» — «Былъ». — «Были-ли у васъ съ нимъ рѣчи тайныя, слова полюбовныя, промежъ себя сватовство?» — «Было». — «Былъ-ли промежду васъ третій человѣкъ?» — «Былъ». — «Затопляли-ли вы свѣчку, молились-ли Богу?» — «Затопляли и молились». — «Бились-ли вы по бѣлымъ рукамъ черезъ столики дубовые, черезъ скатерти шелковыя, черезъ питія медвяныя, черезъ закуски сахарныя?» — «Бились». — «Разнимали-ли у васъ бѣлыя руки?» — «Разнимали».—«Было-ли у васъ съ нимъ (отцомъ жениха) условье, чтобъ быть сегодня свадьбѣ?» — «Было». — «Ждали-ли вы сегодня гостей?» — «Ждали». Послѣ этихъ допросовъ дружка продолжаетъ: «Ѣдетъ къ вамъ въ гости князь новображный на семидесяти парахъ; семьсотъ человѣкъ стоитъ съ нимъ въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ, стоитъ и не унываетъ, отъ васъ вѣсточки выжидаетъ. Дайте ему отвѣтствіе: на вашъ-ли княженецкій дворъ взъѣхать или на взъѣзжую квартиру? Если на вашъ княженецкій дворъ, то просимъ покорно отворить ворота, въ избу дверь, въ избѣ дать мѣсто, чтобъ вашихъ гостей не потѣснить, а нашего князя подъ окошко посадить, и при этомъ просимъ покорно встрѣтить съ хлѣбомъ-солью, съ милостью божьею». Отецъ невѣсты говоритъ: «Милости просимъ». Дружка выходитъ изъ избы, садится на лошадь и, не доѣзжая до поѣзда, снявъ шапку, говоритъ: «Просимъ милости къ нашей княгинѣ новображной». Дружка ѣдетъ впередъ, за нимъ весь поѣздъ, всѣ въѣзжаютъ на дворъ. На дворѣ у крыльца ихъ встрѣчаетъ отецъ и мать невѣсты съ иконою и съ хлѣбомъ-солью. Женихъ получаетъ отъ нихъ благословеніе, также, какъ и отъ своего отца и матери родной. Потомъ родители невѣсты приглашаютъ ихъ войдти въ избу, при чемъ сами они идутъ впередъ, за ними дружка, за дружкой женихъ, за женихомъ весь поѣздъ. Между тѣмъ какъ происходитъ эта церемонія, невѣста, окруженная своими подругами, сидя въ кутникѣ, подъ полатями, или за перегородкой, причитаетъ:

2293.

Что у насъ, мои пріятели,
Вдругъ воротца растворились,
Подворотенка простукнула,
Золото кольцо пробрякнуло?
Выйди-ка, моя сударыня,
Сестрица—лебедь бѣлая,
На тотъ, да на широкій дворъ.
Не осенній-ли ледъ ломается,
Не вода-ль на дворъ вливается.
Ужо ѣдутъ, знать, чужи люди,
На дворъ ѣдутъ, усмѣхаются,
Въ избу идутъ, похваляются,
Похваляется, да чужой чуженецъ,
Похваляется, да доброй молодецъ,

[1]) Кромѣ того, опасаются порчи со стороны лихого человѣка, которую легко-де сдѣлать, если князь новображный скинетъ свою шапку.

Покидучу да красну дѣвушку
Со отцомъ, да и съ матерью,
Да и съ милыми подружками.
Погадайте вы, подружоньки,
Не порою ли въ небу клонится,
Не борою ли Богу молится?
Не бѣжитъ ли по полу стелется,
Не на столъ ли жемчугъ сыплется?
Молится, да покланяется
Что тоть, да чужой чуженецъ,
Что тоть, да добрый молодецъ.
А сами-то знаю, вѣдаю,
[illegible]

[illegible]

стеклянну питье медвяно», продолжаетъ такъ ораторствовать: «А ѣхалъ я чистыми полями, быстрыми рѣками, уѣздными городами; мнѣ сказали: у насъ въ избѣ висятъ занавѣски, и за этими занавѣсками сидитъ невѣстка; какъ-бы мнѣ на эту невѣстку посмотрѣть: обута-ли она, оболочена-ли (одѣта-ли); есть-ли у ней на ногахъ сапожки, на рукахъ рукавички; надѣта-ли на ней лисья шуба? Мнѣ-бы ее везти,—да руки-ноги не обморозить, бѣло личико не попортить». Дружка идетъ къ невѣстѣ въ кутъ подъ полати и на тарелкѣ несетъ дѣвушкамъ стаканъ вина, при чемъ столпившейся въ избѣ публикѣ говоритъ: «Отшатитеся (посторонитесь) желудки, пузырь ползетъ; какъ-бы мнѣ маленькихъ ребятъ не помять, старыхъ старушекъ не поровнять, красныхъ дѣвушекъ за груди не похватать, на молодыхъ тетушкахъ шубки не изорвать; послѣ станутъ дружку срамить-ругать: экой, скажутъ, дружка, экой кось». Дѣвушки, при видѣ вина, говорятъ дружкѣ: «У насъ и безъ вина горько». Дружка идетъ назадъ къ крестному отцу женихову. Тотъ кладетъ на тарелку немного мѣдныхъ денегъ. Дѣвушки, увидя мѣдныя деньги, говорятъ дружкѣ: «У насъ невѣста [illegible]». Дружка снова идетъ къ крестному отцу, который на этотъ разъ кладетъ на тарелку [illegible]. Между тѣмъ невѣста [illegible].

[illegible]

Послѣ измѣны своихъ подругъ, невѣста всю надежду возлагаетъ на брата, который выводитъ ее изъ кута или изъ-за перегородки и ведетъ къ столу. Въ это время всѣ гости встаютъ и опрастываютъ мѣсто возлѣ жениха. Невѣста причитаетъ:

2296.

Ты постой-ка, братецъ-батюшка,
Ты бери-ка потихохоньку,
Ты веди-ка помалехоньку.
У меня, у молодехоньки,
Нейдутъ ноги рѣзвыя,
Со того, да со злодѣй-горя.
Ты садись-ка, братецъ-батюшка,
Со мною молодехонькой,
На лавку бѣлолипову,
Не отдавай-ка, братецъ-батюшка,
Изъ теплыхъ рукъ въ холодныя.

Братъ ея садится возлѣ жениха, а около себя сажаетъ сестру-невѣсту. Его подчуютъ виномъ и пивомъ, осыпаютъ разными насмѣшками, надѣваютъ бабью кичку (родъ повойника), но онъ все это стоически переноситъ и сдается только тогда, когда крестный отецъ жениха дастъ ему выкупъ за невѣсту (не менѣе рубля). Между тѣмъ его сестра-невѣста продолжаетъ:

2297.

Не сдавайся, братецъ-батюшка,
За стаканъ да пива пьянаго,
За рюмочку да зелена вина.
Пиво пьяное запойчиво,
Зелено вино разборчиво.
Не сдавайся братецъ-батюшка,
На ту да золоту казну;
Золота казна обманчива.
Развѣ пива ты не варивалъ,
Зелена вина не куривалъ,
Золотой казны не считывалъ?
Не спасибо, разъясенъ соколъ,
Что сдался ты, братецъ-батюшка,
На ту да золоту казну.

Въ концѣ пѣсни братъ ея, получивъ деньги, сажаетъ свою сестру рядомъ съ женихомъ, за что въ это время она его и укоряетъ. Сѣвши съ женихомъ, она начинаетъ выть дружкѣ—другому виновнику того, что ей пришлось сѣсть рядомъ съ чуже-чуженцомъ.

2298.

Не спасибо, дружка ласковый,
Дружка ласковый, обманчивый,
Раздробилъ мою головушку [1])
Зазнобилъ, да сердце ретивое.
Поднимаются вѣтры-вихори
Со восточныя сторонушки;
Не погода поднимается,
Не гроза, а чужой чуженецъ,
Не гроза, а доброй молодецъ,
Въ твоихъ очахъ, да не въ твоихъ рукахъ,
Не въ твоей, да волѣ-большинѣ,
Не въ твоей я бѣлой горницѣ,
У своихъ, да у пріятелей.

Послѣднія слова невѣста поетъ тогда, когда женихъ беретъ ее за руку, и свою ногу закидываетъ за ея ногу; въ это-же время онъ обыкновенно старается подложить подъ себя конецъ ея шубы, для того, чтобы «волю ея прижать». Между тѣмъ невѣста снова воетъ:

2299.

Погляди, моя родимая,
Что отъ печки отъ кирпичныя,
Отъ залавка бѣлолипова,
Черезъ брусики лежачіе,
Черезъ скамьи-то стоячія,
Черезъ столики дубовые,
Черезъ тѣхъ, да черезъ добрыхъ людей,
Черезъ скатерти все браныя,
Черезъ ѣствица (кушанья) сахарныя,
Черезъ питья все медвяныя,
На меня, да молодехоньку:
Нарядно-ли я наряжена,
Возлѣ ровни-ли посажена,
Что не ровня добрый молодецъ,
Не ровня, не верстанничекъ,
Хоть годами-то не старѣе —
Умомъ-разумомъ исправнѣе.

Послѣ этаго причитанья невѣсты, дружка произноситъ іисусову молитву и, обращаясь къ отцу и матери невѣсты, говоритъ: «Прикажите нашего

---

[1]) Въ это время дружка три раза ударяетъ жениха и невѣсту головами,—въ знакъ ихъ соединенія.

князя новображнаго дарить; спасены-ли у васъ дары? Если не спасены (т. е. не припасены), своимъ будемъ дарить». Выходитъ сваха невѣсты. Дружка снова произноситъ Іисусову молитву и, обращаясь къ жениху, говоритъ: «Встань, государь, на рѣзвы ноги, очисти ясны очи; въ очи я васъ вижу, погибели не чаю, чашу вамъ наливаю, Спаса на помощь призываю; чаша стеклянна, въ чашѣ прими для любья, выкушай для здравья (женихъ чашу принимаетъ изъ рукъ дружки). Послѣ чаши здравъ будь, государь мой; отъ великаго Николы канунъ пей, отъ пресвятыя Богородицы хлѣбъ кушай, отъ княгини новображной дары получай, и княгиню новображную люби, да жалуй, да на добро поучай; чему самъ гораздъ, и ее поучай, а на дары не повѣщуй» (т. е. не взыщи). Послѣ жениха дарятъ и другихъ лицъ; смотря по условію, или невѣста даритъ и ту и другую сторону, или-же каждая сторона даритъ своихъ родныхъ [1]). По окончаніи этой церемоніи дружка продолжаетъ: «По всей свѣтлой свѣтлицѣ, по всей бѣлой горницѣ изъ кута по лавкамъ, по залавкамъ, по скамейкамъ, по кривулькамъ, тутъ сидятъ дѣдушки и дядюшки, усаты, бородаты, холосты, не женаты: кто пожилой молодецъ—будь дядюшка; гвоздари, бочкари, малые ребята,—синіе пупки, кривые желудки, зелены сопли,—кто изъ васъ рѣзвый? Тотъ кушай стаканъ пива.» Рѣзвый выпиваетъ стаканъ пива. Затѣмъ зажигается свѣчка передъ иконами; поддружка наливаетъ стаканъ пива, дружка подаетъ его отцу невѣсты, который, въ свою очередь, передаетъ его тысяцкому (крестному жениха), самъ беретъ икону, а жена его хлѣбъ съ солью. Всѣ встаютъ. Дружка въ то время произноситъ Іисусову молитву и ведетъ такую рѣчь: «Батюшка княгини новображной! Встань, повыступи, прими чашу для любья» и проч... «Умѣлъ ты свое чадо милое на бѣлыхъ рукахъ лелѣять; твое чадо милое съизнова перерождается, въ цвѣтное платьице наряжается, горючимъ слезамъ заливается, шелковымъ платкомъ утирается, во рѣзвыхъ ногахъ валяется и проситъ у васъ чистаго благословеньица, пройдти по серединѣ пола, войдти въ новыя сѣни, сойдти на калиновъ мостъ, выйдти на широкій дворъ, садиться на добрыхъ коней, брать въ лѣвыя руки тесмяныя возжи, въ правыя руки шелковыя плети, бить намъ добрыхъ коней по правымъ бедрамъ, ѣхать намъ по крутымъ горамъ; ѣхать намъ горами, долами, крутыми берегами, темными лѣсами, топучими грязями, селами, городами, деревнями, слободами, подъѣхать намъ ко Божіей церкви, взойдти намъ въ Божью церковь, чудному образу помолиться, въ землю челомъ поклониться, на одно подножье встать, золотыми перстнями помѣняться и на буйну голову златъ вѣнецъ надѣть и златъ крестъ поцѣловать». Женихъ и невѣста молятся въ землю и получаютъ благословеніе отъ отца невѣсты. Затѣмъ дружка съ тою-же рѣчью обращается къ матери невѣсты, которая, въ свою очередь, также благословляетъ ихъ. Но передъ благословеніемъ родителей, невѣста не опускаетъ случая повыть:

2300.

Ужъ вы дайте-ка, пріятели,
Благословенье мнѣ великое,
Что идти, да молодехонькѣ,
Во матушку, да во Божью церкву;
Ужо какъ мнѣ передъ вамъ стоять?
Развѣ золотомъ разсыпаться,
Жемчугомъ да раскатитися.
Положите-ка, пріятели,
Что во тѣ да во рѣзвы ноги
Ужо тотъ да горючь камень;
И ударюсь, молодехонька,
Я своимъ, да ретивымъ сердцемъ,
Чтобъ прошла да эта славушка,
Что убилась красна дѣвица.

Въ это время обыкновенно жениху и невѣстѣ кладутъ въ карманы по луковицѣ и втыкаютъ въ одежду иголки—для того, чтобы ихъ не испортили. Тѣ-же предосторожности принимаютъ и всѣ поѣзжане. Послѣ благословенія жениха и невѣсты всѣ молятся и выходятъ изъ избы. Во время выхода изъ избы невѣста опять воетъ, и на этотъ разъ не совсѣмъ лестно для своихъ родителей.

2301.

Вы живите-ка, пріятели,
Безъ меня, да молодехоньки,
Вы живите, богатите,
Къ вамъ на дворъ вода вольетъ,
По водѣ суда пойдутъ,
Сундукъ казны откроется;
Два солнца обогрѣютъ васъ,
Два мѣсяца свѣтить будутъ,

[1]) Своихъ родныхъ женихова сторона даритъ обыкновенно не въ домѣ невѣсты, а въ домѣ жениха, когда послѣ пира пріѣдутъ отъ невѣсты и сядутъ ужинать или обѣдать.

Выживаете, пріятели,
Какъ звѣря стараго изъ лѣса
Меня, младу, вы изъ дома.

Женихъ ведетъ невѣсту за руку на дворъ. На дворѣ ее отнимаютъ отъ него подруги, будто-бы для перевязки. Дружка идетъ выручать невѣсту, но отходитъ отъ дѣвушекъ съ носомъ. Тогда онъ беретъ съ собой жениха. Женихъ даетъ имъ за нее деньги, и они выдаютъ ему невѣсту, заставивъ напередъ назвать ее по имени и отчеству. Послѣ того женихъ сажаетъ ее въ сани. Но и здѣсь дѣвушки не даютъ ему покоя. Опи всячески стараются помѣшать ему усадить свою невѣсту и хватаютъ ее за одежду, за руки, за ноги и проч., и если женихъ оказывается при этомъ малосильнымъ, то смѣются надъ нимъ. Между тѣмъ дружка въ это время съ хлѣбомъ, съ солью и мѣднымъ распятіемъ три раза обходитъ вокругъ поѣзда, отталкивая постороннихъ зрителей въ сторону. Затѣмъ поѣздъ выѣзжаетъ изъ воротъ и, отъѣхавъ небольшое пространство, останавливается. Дружка ѣдетъ назадъ къ невѣстину отцу. За нимъ караульный затворяетъ ворота. Онъ входитъ въ домъ и отъ лица жениха приглашаетъ отца, мать и прочихъ родныхъ съ невѣстиной стороны въ гости къ жениху. Приглашеніе свое онъ выражаетъ такъ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ (крестится). Батюшка княгини новобрачной! Встань на рѣзвы ноги, открой своя ясны очи и проч.... Проситъ нашъ князь новобрачный къ себѣ въ гости. И проситъ васъ покорно собраться въ гости: противъ тысяцкаго—тысяцкому, противъ бояръ—боярамъ, противъ дружки—дружкѣ, противъ свахъ—свахамъ. Сдѣлайте милость, не вдвое и трое, а въ десятеро пріѣзжайте». Послѣ этого приглашенія дружка проситъ позволенія взять чего нибудь на угощенье караульнаго или привратника. Ему даютъ стаканъ водки и на закуску кусокъ говядины, что онъ и передаетъ привратнику. Затѣмъ дружка выѣзжаетъ со двора и присоединяется къ поѣзду. Этого приглашенія впрочемъ не бываетъ, если поѣздъ изъ церкви опять пріѣдетъ въ домъ невѣсты. Самый поѣздъ происходитъ въ такомъ порядкѣ. Впереди ѣдетъ дружка, за дружкой женихъ съ крестнымъ отцомъ, за женихомъ невѣста со свахой и братомъ-ямщикомъ, а за невѣстою весь поѣздъ. При выѣздѣ изъ деревни, мужики загораживаютъ дорогу близъ околицы въ воротахъ и пропускаютъ весь поѣздъ только тогда, когда имъ дадутъ водки. Дорогою невѣстинъ братъ или въ сторону куда нибудь свороТитъ или вывалитъ невѣсту въ снѣгъ. Дружка каждый разъ обязанъ къ нему подъѣхать и угостить его виномъ, при чемъ весь поѣздъ останавливается. Дорогою невѣста воетъ:

2302.

Ты горь-ка, горько золото,
По моей да буйной головѣ,
Ты конецъ да русой косыньки;
Ты воюй-ка воля-большина
По конецъ моихъ бѣлыихъ рукъ.

Подъѣзжая къ церкви продолжаетъ:

Подъѣзжаю, молодехонька
Что ко той Божьей церкви,
Что во той, во Божьей церкви,
Знать принять мнѣ, молодехонькѣ,
Батюшку золотой вѣнецъ.
Ужо встать мнѣ, молодехонькѣ,
На одно-то на подножьице;
Ужо возьметъ чужой чужепецъ
Всю съ меня да волю-большину,
Что при тѣхъ да при добрыхъ людяхъ,
При попахъ да при священникахъ,
При дьякахъ да поученыихъ.
Знать, разстаться молодехонькѣ
Со матушкой, да волей-большиной,
Со матушкой, да дѣвьей красотой;
Поступить, да молодехонькѣ,
Ко чужому отцу-матери;
Нужно будетъ, молодехонькѣ,
Уважать мнѣ тамъ, да всякому,
Всякому—и старому, и малому.

Подъѣхавъ къ церкви, женихъ высаживаетъ невѣсту изъ саней и ведетъ ее въ церковь. Въ церкви послѣ обрученія, каждый изъ нихъ особенно заботится о томъ, чтобы первому встать на подножье—для того, чтобы «верхъ взять» и ихъ поспѣшность иногда бываетъ довольно курьезна. Послѣ вѣнчанія свахи «окручиваютъ» невѣсту или въ самой церкви или въ церковной караулкѣ. Окручиваніе это состоитъ въ томъ, что ея волосы (во время вѣнчанія распущенные) заплетаютъ въ двѣ косы и надѣваютъ на голову «сороку» (повойникъ),—въ знакъ того, что она стала уже бабою. Затѣмъ женихъ сажаетъ ее вмѣстѣ съ собою въ сани и поѣздъ ѣдетъ домой въ томъ-же порядкѣ [1]). Дорогою невѣста снова воетъ или причитаетъ:

---

[1]) При выходѣ изъ церкви жениха и невѣсты свахи особенно зорко наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы между ними кто либо изъ постороннихъ лицъ не

2303.

Ужо та, да бабья красота
По подлавочью валялась,
И мнѣ, младой, доставалась.
Ужъ я ѣду, молодехонька,
Тѣмъ да полемъ чистымъ,
Что ко тѣмъ моимъ пріятелямъ,
Ко чужому отцу-матери,
Ужо къ нихъ, да къ широку двору.
Ты послушай, чужой чуженецъ,
Какъ сказалъ ты, добрый молодецъ,
Ваша та, да бѣла горница
Вся цвѣтами изукрашена.
Какъ подъѣхала младехонька,—
Ваша та, да бѣла горница
Злодѣй-горемъ изусыпана.
Вы встрѣчайте-ка, пріятели,
Того гостейка бывалаго,
Меня гостью не бывалую;
Не погнѣвайтесь, пріятели,
Что не ладно съ горя свылося,
Во печалюшкѣ сказалося.
Я сама, да знаю, вѣдаю,
Гладко баютъ,—лихо думаютъ,
Мягко стелятъ, жостко спать живетъ,
Гладокъ полъ,—да шиповатъ ходить.
Какъ встаю я, молодехонька,
По утру-то я ранехонько;
Умываюсь, молодехонька,
Своимъ, да горючимъ слезамъ.
И спрошу я васъ, пріятели,
На какую, молодехонькѣ,
Мнѣ идти да на работушку,
На работушку разовую?
Вы скажите-ка, пріятели,
Своему-то сыну милому,
Чтобы съѣздилъ, разнадеженька,
По моихъ-то онъ пріятелей.
Знать у васъ, мои пріятели,
Богоданный сударь-батюшка,
Богоданная моя матушка,
Приключилась, молодехонькѣ,
Мнѣ тоска, да несусвѣтная.
Ужъ я вышла, молодехонька,
На широкую, на улицу,
Все глядѣла, молодехонька,
Во то да во чисто поле,
На родимую сторонушку.
Ужо ѣдутъ, знать, пріятели,
Родной батюшка со матушкой.
Не могла я слова вымолвить,
Залилася горючимъ слезамъ.
На меня, на молодехоньку,
Что при встрѣчѣ съ роднымъ батюшкой
И при видѣ родной матушки
Залилася горючимъ слезамъ
И ни слова не промолвила.

Эту пѣсню молодая воетъ во всю дорогу, если домъ жениха недалеко отъ церкви, а если далеко, то проѣзжая только села и встрѣчающіяся на пути деревни. Впрочемъ она поетъ эту пѣсню только въ такомъ случаѣ, когда поѣздъ изъ церкви прямо ѣдетъ въ домъ жениха. Но такіе случаи бываютъ весьма рѣдко, а изъ церкви весь поѣздъ обыкновенно ѣдетъ въ домъ невѣсты. Отецъ и мать невѣсты встрѣчаютъ молодыхъ у крыльца съ иконой и хлѣбомъ-солью. Въ это время молодая воетъ:

2304.

Вы встрѣчайте-ка, пріятели,
Меня, да молодехоньку;
Нездорово, молодехонька,
Ужъ я Богу-то молилась.
Не спасибо вамъ, пріятели,
Кормилецъ ты мой, батюшка,
Со родимою, со матушкой,
Дали вы мнѣ сваху ненадежну,
Устыдила, обезчестила
При попахъ, да при священникахъ,
При дьякахъ, да при ученыхъ,
Что сняла да дѣвью красоту
Золотую мою связочку.

Затѣмъ всѣ идутъ въ избу,—сначала отецъ и мать, за ними женихъ съ невѣстой, дружка, за дружкой весь поѣздъ. Дружка сажаетъ всѣхъ за столъ и говоритъ: «Нѣтъ-ли у тебя, сватъ, другой избы,—молодыхъ увести, да на столъ собрать и покормить—они ѣсть хотятъ. Да и моему храброму поѣзду на столъ собери; нашъ тысяцкій пить-ѣсть хочетъ, и большой бояринъ (дядя жениха), и меньшой бояринъ (тоже ближайшій родственникъ жениха) ѣсть хочетъ, и сваха, и свахинъ повозникъ и лагунникъ (ѣдущій позади всѣхъ за поѣздомъ), да и я, дружка, съ подружьемъ пить-ѣсть хотимъ. Стряпоньки-поварихоньки, поворачивайтесь, пошевеливайтесь, въ правой-то

прошелъ,—иначе-де новобрачные будутъ жить несчастливо и несогласно. Равнымъ образомъ, когда не желаютъ жениху и невѣстѣ согласія въ жизни, тогда выстригаютъ на лбу у кошки и собаки немного шерсти, запекаютъ эту шерсть въ лепешки и при случаѣ даютъ имъ съѣсть: они-де послѣ того будутъ жить, какъ кошка съ собакой.

сторонѣ кочергой загребайте, а въ лѣвой-то помеломъ заметайте,—къ намъ на передній столъ подавайте, да и задній не забывайте. (Обращаясь къ отцу невѣсты): у нашего Владимірушки нѣтъ солнышка, у нашего тысяцкаго пересохло въ горлышкѣ, перепялилась капустинка, засѣла костычка». Молодыхъ уводятъ обѣдать въ другую избу или за перегородку; всѣ поѣзжане садятся за столъ и когда выхлебаютъ одно кушанье, дружка говоритъ: «Повары-яворы, перемѣняйте яства сахарны». Послѣ всѣхъ кушаньевъ дѣвушки подаютъ свой изукрашенный лентами пирогъ. Дружка спрашиваетъ стряпку: «Стряповька-повархонька, сама-ли ты нарушишь (разрѣжешь) эту ѣствицу или намъ прикажешь?» — «Не мое дѣло», отвѣчаетъ стряпка, «спросите о томъ дѣвокъ.» Дружка обращается къ дѣвушкамъ. Тѣ дозволяютъ свою ѣствицу нарушить, но просятъ «краешки озолотить, а середочку осеребрить.» Тысяцкій платитъ имъ за пирогъ отъ 20 до 50 и болѣе копѣекъ. Затѣмъ дружка приступаетъ къ срѣзыванію верхней корки пирога, при чемъ онъ долженъ остерегаться не уронить на столъ ни одного бантика,—иначе за свою неловкость дѣвушки на него накинутся, надѣнутъ кичку и сильно сконфузятъ. Когда гости немного поѣдятъ начинки этого пирога, дружка опять накладываетъ на него верхнюю корку и передаетъ стряпкѣ. Этотъ пирогъ доѣдаютъ дѣвушки, а лучинки съ бантиками уносятъ съ собой домой и хранятъ до чьей либо новой свадьбы. Послѣ разукрашеннаго пирога стряпка подаетъ простой пирогъ, не помазанный масломъ и ничѣмъ не начиненный. Подача его на столъ означаетъ окончаніе обѣда. Всѣ встаютъ и благодарятъ хозяевъ за хлѣбъ, за соль въ «заѣзжеемъ дѣлѣ.» Послѣ обѣда молодыхъ сажаютъ за столъ вмѣстѣ съ гостями, и начинается попойка (за обѣдомъ вина не пьютъ). Попойка продолжается до самой ночи, часовъ пять. Въ это-же время подруги невѣсты катаются по деревнѣ на тѣхъ разбанченныхъ лошадяхъ, на которыхъ женихъ и невѣста ѣздили въ церковь вѣнчаться. Напировавшись вдоволь, дружка встаетъ и держитъ такую рѣчь: «Вставайте и благодарите здѣшняго хозяина; (обращаясь къ отцу молодой): ну, сватушка, теперь время ночнос; мы боимся ѣхать одни, дай намъ провожатыхъ.» Сватъ сбираетъ провожатыхъ, своихъ сродниковъ, которые и ѣдутъ къ жениху, въ томъже порядкѣ, какъ и отъ вѣнца, при чемъ сродники невѣсты ѣдутъ позади сродниковъ жениха. На дворѣ отецъ и мать жениха встрѣчаютъ новобрачныхъ съ хлѣбомъ-солью и благословляютъ иконой. Всѣ входятъ въ избу. Дружка творитъ Іисусову молитву и, обращаясь къ отцу и матери молодого, говоритъ: «О чемъ вы намъ кучились (просили), о чемъ кланялись, то мы устроили и обдѣлали; только въ томъ виноваты, что вы насъ посылали за дѣвицей, а мы привезли вамъ молодицу». Ему отвѣчаютъ: «Покорнѣйше благодаримъ.» Затѣмъ, по приглашенію хозяевъ, всѣ садятся за столъ. Сваха приноситъ сундукъ съ дарами, дружка наливаетъ пива и вина, выкликаетъ кого сначала слѣдуетъ дарить и подходитъ къ свахѣ съ тарелкой. Та кладетъ ему на эту тарелку даръ указанному лицу, которому дружка и передаетъ этотъ даръ. Но прежде передачи даруемый выпиваетъ пива и вина и затѣмъ уже полученнымъ даромъ вытираетъ свои губы. Послѣ перваго лица дарятъ второе, третье и т. д. Послѣ выдачи даровъ всѣ садятся за ужинъ, за которымъ пьютъ и водку. Послѣ ужина молодыхъ уводятъ въ особую избу или въ сѣнникъ спать. Званые гости остаются ночевать въ домѣ молодого, причемъ ихъ шумный говоръ и веселыя пѣсни слышатся далеко за полночь. Утромъ снова начинается попойка, которая продолжается цѣлый день; а молодой въ это время ѣдетъ звать къ себѣ въ гости тестя и тещу, которая у себя въ домѣ кормитъ его блинами. Затѣмъ онъ забираетъ сундукъ своей жены съ имуществомъ и вмѣстѣ съ тестемъ и тещей ѣдетъ домой. Вечеромъ въ тотъ день бываетъ такъ называемый красный столъ, за которымъ происходитъ «поцѣлуй». Столъ ставятъ середи избы. Впереди, возлѣ тябла, сажаютъ отца и мать молодого, рядомъ съ ними, на другой лавкѣ — отца и мать молодой. Возлѣ нихъ садятся по лавкамъ всѣ поѣзжане. Молодой съ своей женой стоитъ у стола и наливаетъ въ рюмку вина. Молодая беретъ эту рюмку и подноситъ ее своему свекру. Тотъ беретъ ее, и въ это время молодая падаетъ ему въ ноги и лежитъ до тѣхъ поръ, пока онъ не выпьетъ,—причемъ иногда свекоръ говоритъ: «горько» и молодая должна въ это время поцѣловать своего мужа. Послѣ выпивки отецъ цѣлуетъ свою молодую сноху и даетъ ей денегъ, которые кладетъ въ блюдо, находящееся на столѣ. Если свекоръ богатый, то даетъ 10—20 р., а если бѣдный, то 1—3 рубля. Послѣ свекра молодая со стаканомъ пива подходитъ къ свекрови, подноситъ ей это пиво, цѣлуетъ ее и тоже получаетъ отъ нея или деньги или какой нибудь подарокъ, въ родѣ платка, сарафана или кички. Затѣмъ молодая беретъ рюмку водки и подноситъ своему мужу, который тоже даритъ ей денегъ, сколько доведется. Послѣ мужа она подходитъ къ своему отцу, матери и наконецъ ко всѣмъ поѣзжанамъ. Всѣмъ она кланяется, всѣхъ цѣлуетъ и отъ всѣхъ получаетъ деньги. Иногда эта процедура повто-

ряется до трехъ разъ, и молодая собираетъ денегъ отъ 30 до 50 и болѣе рублей, смотря по состоянію родителей и всѣхъ поѣзжанъ. Деньги эти поступаютъ въ пользу молодыхъ. Послѣ всего этого начинается опять пировня, которая иногда продолжается дня два и болѣе. Наконецъ всѣ гости разъѣзжаются и крестьянская жизнь пойдетъ обыденнымъ порядкомъ.

Свадьбы здѣсь большею частью играютъ зимой предъ масляницей. Лѣтомъ не до свадьбъ, а осенью, когда всего лучше было-бы ихъ играть—по изобилію хлѣба и баранины, придерживаются того предразсудка, что женившіеся въ осеннемъ мясоѣдѣ будто-бы живутъ несчастно, и, кромѣ того, надъ женившимися въ этомъ мясоѣдѣ, обыкновенно смѣются: «вы и женились въ *овечій мясоѣдъ*» [1]), говорятъ имъ,—отъ того здѣсь свадьбы осенью и весьма рѣдки. Послѣ свадьбы на масляницѣ всѣ разряженные молодые считаютъ нужнымъ явиться на базаръ въ село Воскресенское, гдѣ молодой обыкновенно закупаетъ для родныхъ своей жены большія ковриги и прочія сладости, которыя и передаетъ имъ въ то время, когда пріѣдетъ въ гости къ тестю. Послѣ масляницы на весь великій постъ молодая остается гостить у своихъ родителей и въ это время прядетъ для себя ленъ. Собираясь въ гости къ своимъ роднымъ, она всегда приглашаетъ всѣхъ новыхъ сродницъ, и замужнихъ и дѣвицъ, къ своей матери, въ гости, въ сборное воскресенье, въ которое всѣ они и являются туда. А въ Ѳомнное воскресенье малые ребятишки приходятъ въ ту избу, гдѣ живутъ молодые (т. е. обвѣнчавшіеся въ томъ году), и говорятъ:

2305.

Молодая молодица,
Подавай наши яйца;
Не отдашь яйца,
Уведемъ молодца, —
Въ хлѣвъ запремъ,
Помеломъ заткнемъ,
Да не выпустимъ.

Молодая раздастъ имъ всѣмъ пряники, чѣмъ они остаются очень довольны и затѣмъ уходятъ. Въ нѣкоторыхъ впрочемъ деревняхъ даже мужики приходятъ къ молодой съ такою угрозою, и ихъ обыкновенно она угощаетъ водкой, чѣмъ тоже они остаются весьма довольны. Наконецъ въ Петровъ день (29 іюня), или наканунѣ его, зять отправляется съ своей женой къ ея родителямъ въ гости, и теща, или мать жены его, даритъ имъ въ это время деревянную чашку съ приготовленнымъ въ ней сыромъ, двѣ ложки, солоницу и иногда—молотило, грабли и косу. Этимъ дареніемъ и завершаются всѣ обязательные для той и другой стороны свадебные обычаи.

Но мой очеркъ далеко былъ-бы не полонъ, если-бы я не коснулся въ немъ еще такъ называемыхъ «воровскихъ свадьбъ» [1]).

Воровскія свадьбы преимущественно устраиваютъ бѣдные крестьяне. Бѣдному родителю жениха негдѣ взять денегъ за «выговоръ» невѣсты и на свадьбу, и вотъ онъ предлагаетъ своему сыну самому отыскать себѣ невѣсту. Сынъ начинаетъ рыскать по «бесѣдкамъ» и находитъ. Иногда находитъ скоро, а иногда очень долго странствуетъ изъ деревни въ деревню. Если онъ принадлежитъ къ порядочному дому и красивъ собою, то скорѣе находитъ себѣ невѣсту, а если черезъ чуръ бѣденъ и особенно не взраченъ на видъ, то не скоро поймаетъ ее. Изъ дѣвушекъ преимущественно тѣ соглашаются «по-воровски»

---

[1]) Лучшимъ временемъ для случки овецъ дѣйствительно считается октябрь и ноябрь мѣсяцы.

---

[1]) По-семеновски: свадьбы самокрутки, свадьбы уходомъ, уводомъ, убѣгомъ. Воровскія свадьбы макарьевскаго Ветлужья, описываемыя авторомъ, впрочемъ во многомъ разнятся отъ семеновскихъ самокрутокъ, какъ это можно видѣть изъ сравненія его описанія съ статьей священника А. В. Кордатова «Самокрутка» (Ниж. Сборникъ», томъ III, стр. 139—149), — вотъ, между прочимъ, оправданіе нашего мнѣнія о необходимости такъ сказать примѣненія микроскопа къ этнографическимъ изслѣдованіямъ (стр. IX предисловія къ V тому «Ниж. Сборника») и высказываемыхъ и авторомъ настоящей статьи, въ началѣ ея, положеній, подтверждающихъ выбранный имъ эпиграфъ: «что ни городъ, то норовъ»... Кстати здѣсь замѣтить, что воровскія свадьбы также въ употребленіи и у азіятскихъ народовъ; у алтайскихъ племенъ—черневыхъ татаръ и телеутовъ (см. статью князя Н. А. Кострова. «Женщина у инородцевъ томской губерніи» въ «Сборникѣ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири», изд. Б. А. Милютинымъ), у кавказскихъ племенъ (см. «Обычное право», Е. И. Якушкина, №№ 1294, 1302, 1304 и 1340), въ олонецкой губерніи (см. «Олонецкій Сборникъ» изд. олон. стат. комитетомъ, подъ ред. А. И. Иванова, статья г. Соколова). Въ видѣ нѣкотораго подобія самокрутокъ начинаетъ входить въ обычай и у такъ называемыхъ высшихъ слоевъ нижегородскаго общества, стремленіе все чаще и чаще устраивать свадьбы по возможности въ тихомолку, безъ званыхъ гостей, для чего женихъ и невѣста вѣнчаются или безъ предварительнаго объявленія дня свадьбы, или даже уѣзжаютъ съ этой цѣлью изъ города, гдѣ живутъ, и гдѣ имѣютъ слѣдовательно много знакомыхъ, въ ближайшее село, или въ Москву.—*Ред.*

обвѣнчаться, которымъ хочется поскорѣе «прикрыть свою голову», и родители которыхъ изъ-за собственныхъ выгодъ удерживаютъ ихъ, какъ рабочую силу, у себя въ домѣ, хотя имъ уже иногда бываетъ далеко за двадцать. Взявъ съ своей невѣсты слово гдѣ-нибудь на базарѣ или въ «бесѣдкѣ» на дворѣ, — причемъ всегда въ залогъ любви и брачной жизни, кромѣ поцѣлуевъ, они еще обмѣниваются своими крестами, женихъ съ торжествующей физіономіей идетъ къ своему отцу и сообщаетъ ему радостную вѣсть, что онъ нашелъ невѣсту. Отецъ ѣдетъ къ попу спросить: можно-ли устроить такой бракъ. Попъ сначала «поломается», но въ концѣ концовъ всегда соглашается, когда крестьянинъ выложитъ ему на столъ «красненькую», и поставитъ штофъ водки. Назначается день свадьбы, о чемъ сообщается и невѣстѣ. Все это дѣлается секретно. Ночью, наканунѣ брака, дядя или старшій братъ жениха запрягаетъ пару лошадей и ѣдетъ съ женихомъ въ ту деревню, въ которой живетъ невѣста. Дядя остается въ саняхъ возлѣ деревни, а женихъ идетъ къ невѣстѣ или къ ея теткѣ, при помощи которой дѣло устроилось. Тетка подходитъ къ окну той избушки, въ которой находится «бесѣдка» и зоветъ свою племянницу домой. Та тотчасъ собирается. Дѣвушки ничего не подозрѣваютъ и продолжаютъ веселиться и распѣвать свои пѣсни. Между тѣмъ въ это время позади дворовъ по сугробамъ быстро идутъ три тѣни, изъ которыхъ у одной въ рукахъ «куфтырь» или узелъ съ одеждой. Эти три тѣни достигаютъ саней и во весь опоръ мчатся въ село вѣнчаться. Въ большинствѣ случаевъ влюбленнымъ или, вѣрнѣе сказать, сговорившимся, удается повѣнчаться до погони, а иногда они не успѣваютъ, и тогда происходитъ не мало курьезовъ и скандаловъ. Первымъ долгомъ отецъ бѣглянки заявляется къ попу и требуетъ, чтобы онъ не вѣнчалъ его дочь, иначе онъ завтра-же поѣдетъ на него жаловаться «анхирею.» Попъ начинаетъ уговаривать его. Тотъ въ порывѣ гнѣва называетъ его «клокатымъ» (косматымъ) и идетъ по селу отыскивать свою дочь [1]). Иногда онъ ее находитъ, и въ такомъ случаѣ даетъ ей потасовку, если родные со стороны жениха не защитятъ ее; дочь его обыкновенно при этомъ говоритъ: «Хоть зарѣжь, батюшка, а не поѣду не обвѣнчанная домой; а если силой увезешь, то или утоплюсь или удавлюсь.» Отцу послѣ такого протеста остается только покориться и войти въ какую нибудь сдѣлку съ новымъ непрошеннымъ сватомъ, или плюнуть и уѣхать домой. Въ большинствѣ случаевъ онъ впрочемъ не находитъ своей бѣглянки, и тогда съ другими своими родственниками сидитъ, въ церковной караулкѣ, или возлѣ самыхъ церковныхъ дверей, и дожидается того времени, когда приведутъ ее въ церковь. Но вотъ тутъ-то «красненькая» и выручаетъ бѣглыхъ. Изобрѣтательные причетники всѣми силами стараются провести въ церковь невѣсту. А если имъ это никакъ не удается, то прибѣгаютъ къ хитрости: или проводятъ ее въ боковыя двери, которыя зимой ни для кого не отворяются, или одинъ изъ нихъ, въ глазахъ родителей невѣсты, беретъ ключи отъ напольной церкви — какъ будто для вѣнчанія—и, когда родители убѣгутъ къ напольной церкви, спѣшатъ обвѣнчать ихъ дочь въ главной церкви. А однажды, расказываютъ, былъ такой случай. Зорко слѣдили родители за невѣстой и не было никакой возможности провести ее въ церковь; между тѣмъ былъ послѣдній день мясоѣда, въ который можно было вѣнчать. Тогда одинъ изъ дьячковъ, одинаковаго роста съ невѣстой, нарядилъ ее въ свой тулупъ, надѣлъ свою шапку поповскую и отправилъ ее въ церковь, а самъ остался дома. Этотъ костюмированный дьячокъ бойко прошелъ въ глазахъ своихъ родителей въ церковь. гдѣ тотчасъ-же былъ снятъ тулупъ, и началось вѣнчаніе.... Послѣ вѣнчанія всѣ вышли изъ церкви и предложили родителямъ, подкараулившимъ свою дочь у церкви, поздравить своихъ дѣтей съ законнымъ бракомъ. Тѣ только руками развели, и хотя мать не удержалась, чтобы не потрепать «молодую за хохолъ», но въ тотъ-же вечеръ сватья помирились и не мало хохотали надъ находчивостью дьячка.

Всѣ эти воровскія свадьбы почти постоянно и

[1]) Надобно замѣтить, что духовенство Ветлужскаго края макарьевскаго уѣзда не пользуется въ средѣ своихъ прихожанъ должнымъ уваженіемъ. Причинъ этому много; главныя изъ нихъ: по наклонности къ расколу и приверженности къ старымъ обрядамъ замѣтная холодность къ православной вѣрѣ со стороны самихъ прихожанъ; часто бездушное и небрежное исполненіе священниками своихъ пастырскихъ обязанностей, какъ въ церкви, такъ и въ приходѣ; ихъ грубое обращеніе съ своими прихожанами; ихъ чрезмѣрная притязательность,—особенно при свадьбахъ и похоронахъ; ихъ кляузничество между собою и съ прихожанами; ихъ нетрезвость, — особенно при крестинахъ, молебствіяхъ и крестохожденіяхъ, ихъ скудное матеріяльное положеніе и зависимость отъ прихожанъ—отъ клока шерсти и до ложки сметаны или масла, и проч., и проч. Все это можетъ только унижать, а не возвышать духовенство, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что даже дѣти духовные иногда дозволяютъ себѣ ругать своего духовнаго отца не только за глаза, но и въ глаза.

оканчиваются мировой сдѣлкой. И я не зналъ ни одного случая, когда-бы родители невѣсты жаловались на священника, обвѣнчавшаго ихъ дочь безъ ихъ дозволенія. Въ этомъ случаѣ они руководствуются тѣмъ доводомъ, что «хоть жалуйся, не жалуйся, а ужъ теперь самъ царь не развѣнчаетъ; зачѣмъ-же и жаловаться». Послѣ вѣнчанія, на другой-же день, молодые обыкновенно ѣдутъ къ родителямъ невѣсты, валяются у нихъ въ ногахъ и почти всегда получаютъ прощеніе; рѣдкій отецъ не проститъ, особенно, когда молодой зять вытащитъ изъ саней полведерный боченокъ вина. Другой отецъ впрочемъ поупрямится, такъ что раза два и три придется къ нему съѣздить на поклонъ, и въ концѣ концовъ все таки проститъ и благословитъ своихъ дѣтей, при чемъ выдастъ дочери и все приданое, заключающееся въ разной одеждѣ.

Въ заключеніе настоящаго очерка считаю нужнымъ сказать еще слова два о статистикѣ браковъ по Ветлужскому краю макарьевскаго уѣзда. Общее число браковъ въ этомъ краѣ каждогодно бываетъ отъ 350 до 400. По народонаселенію Ветлужскаго края (36.000 чел. обоего пола) процентъ этотъ далеко не значителенъ. Причина — бѣдность крестьянъ и дороговизна свадьбъ. Самая бѣдная свадьба обходится крестьянину не менѣе 50 рублей. Другой-бы отецъ и женилъ своего сына, да какъ вспомнитъ, во что обойдется ему свадьба, и зачешетъ затылокъ.... Большее число свадьбъ приходится на февраль, который ко всѣмъ остальнымъ мѣсяцамъ относится какъ 3 : 2. Самое меньшее число браковъ бываетъ въ августѣ: отъ 1 до 5 браковъ на весь край. Самое большее число браковъ въ послѣднее десятилѣтіе, сколько мнѣ помнится, было въ 1865 и 1871 годахъ. И это увеличеніе браковъ въ тотъ и другой разъ зависѣло не отъ естественныхъ, а отъ особенныхъ причинъ. Въ первомъ случаѣ какіе-то злоумышленники распустили слухъ, что всѣхъ дѣвокъ правительство хочетъ отослать въ Польшу, къ полякамъ, во второмъ— едва-ли не пьяные волостные писаря, не понявшіе какого либо распоряженія правительства или какой либо газетной статьи, распустили слухъ, что всѣхъ дѣвокъ правительство хочетъ собрать и отправить въ Москву, учиться акушерству. Въ этомъ году очень многіе родители обращались ко мнѣ за разрѣшеніемъ этаго недоразумѣнія, и мнѣ большого труда стоило разубѣдить ихъ, что этотъ слухъ ложенъ. Большее число браковъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, бываетъ между холостыми и дѣвицами. Къ общему числу всѣхъ браковъ, браки между холостыми и дѣвицами относятся какъ 4 : 1. Браковъ холостыхъ со вдовами, вдовыхъ съ дѣвицами и вдовыхъ со вдовами бываетъ самый незначительный процентъ. Большее число браковъ заключается моложе 20 лѣтъ, именно: эти лѣта относятся къ остальнымъ лѣтамъ почти какъ 1 : 1.—Съ наступленіемъ всеобщей воинской повинности число это, по всей вѣроятности, измѣнится и большее число браковъ будетъ заключаться между 21 — 25 годами. Старше 65 лѣтъ не женятся и не выходятъ замужъ. Въ эти годы старухи обыкновенно уже даютъ обѣтъ не ѣсть говядины и стараются уклоняться даже отъ своихъ законныхъ мужей-стариковъ; но старики все-таки продолжаютъ льнуть къ своимъ старухамъ. Природа беретъ свое и «живой о живомъ и думаетъ».

М. М. Поспѣловъ. Изъ Нижегородскаго Сборника А. С. Гацискаго, т. VI, (1877 г.), стр. 108—155.

Той же губ., Сергачскаго у., въ селѣ Пересѣкинѣ.

Половина сентября мѣсяца. Работы полевыя почти уже кончены. Недалеко и Покровъ—нашъ храмовой праздникъ. Приходитъ время старшинѣ въ семьѣ озаботиться поженить молодыхъ людей своей семьи, давно достигшихъ совершеннолѣтія (нужно замѣтить, что народъ нашъ, по своей бѣдности, не женится ранѣе 20—25 лѣтъ). Пришла трудная забота сватать за холостого молодца невѣсту. Парень уже давно, въ осеннюю или весеннюю гулянку, облюбовалъ себѣ избранную, о чемъ и объявилъ, къ концу лѣта, своимъ родителямъ. Настало Вздвиженье (Воздвиженье,—14 сентября). И родители, помолившись Господу предъ иконою, избираютъ изъ среды себя, обыкновенно старшую сноху (если только есть въ семьѣ уже женатыя сыновья), а за неимѣніемъ ея,—выданную дочь, или еще кого-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ женскаго пола, и посылаютъ въ домъ невѣсты узнать: «будутъ-ли родители невѣсты согласны выдать свою дочь за предложеннаго жениха?» Тутъ переговоры бываютъ очень коротки: если согласны, то скажутъ: «милости просимъ», а если нѣтъ, скажутъ: «благодаримъ за честь, но торопиться отдавать еще погодимъ: невѣстѣ еще не охота смѣнять свою свободу». Въ первомъ случаѣ, т. е. когда изъявляется согласіе, то по возвращеніи свахи, отецъ и мать жениха (а за неимѣніемъ ихъ — крестный или крестная) помолившись, немедленно отправляются въ домъ невѣсты. Вошедши туда и поздоровавшись съ хозяевами, садятся подъ матку [1]).

[1]) Матка — это перекладина, на которой лежитъ потолокъ.

Поговоривъ немного о постороннихъ вещахъ, отецъ и мать приступаютъ къ дѣлу. «Вотъ у насъ есть женихъ, а у васъ невѣста: и намъ бы очень желательно было породниться съ вами.» — «Что-же?» отвѣчаютъ имъ: «мы тоже не прочь, только не знаемъ, какъ невѣста?» Невѣста не прекословитъ. Затѣмъ начинаются условія о *кладкѣ*, которая заключается въ томъ, что родители жениха обязуются уплатить невѣстѣ извѣстное количество денегъ и различную одежу, а если невѣста бѣдна, то выговаривается при этомъ и разная съѣстная провизія для свадьбы, какъ-то: мука, крупа, солодъ, солонина, вино.

Выговариваются всегда и разные подарки, которые невѣста должна подарить свекру, свекрови и всѣмъ ихъ семействамъ. Когда сватья во всѣхъ условіяхъ наконецъ сошлась, зажигается свѣча передъ иконами и всѣ молятся. Потомъ подаютъ другъ другу руки съ просьбой, чтобы все условленное было соблюдено свято и нерушимо, а главное, чтобы ни та, ни другая стороны не слушали никакихъ людскихъ сплетней относительно жениха, или невѣсты. Вскорѣ назначается и день сговора. На сговоръ въ домъ невѣсты идутъ отецъ жениха и ближайшіе родственники мужскаго пола, въ домѣ же невѣсты собираются тоже ближайшіе родственники, какъ мужчины, такъ и женщины. Начинается выпивка. Вино приносится отцемъ жениха, по окончаніи выпивки всѣ расходятся по домамъ и какъ только вышелъ за порогъ послѣдній гость, невѣста падаетъ въ ноги отцу, матери и со слезами причитаетъ:

2306.

«Что у тебя, батюшка, былъ за пиръ, за бесѣдушка?
За веселая у тебя компаньица?
Не мои-ли, батюшка, были у тебя разлучники?
Не пущалъ-бы ты ихъ на широкій дворъ;
Не встрѣчалъ-бы ты ихъ среди новой горницы;
Не сажалъ-бы, батюшка, за дубовый столъ;
Не бралъ-бы ты, батюшка, у нихъ изъ рукъ золоту̀ чару̀;
Не пилъ-бы ты ихъ, батюшка, зелено вино!
Золота-то чара̀ обманчива;
Зелено-то вино пропойчиво.
Не пропивали-бы мою буйную головушку
Въ чужіе люди, въ незнамые.
Не придумаю я, горькая, не пригадаю,
Какъ мнѣ жить во чужихъ людяхъ?
Какъ мнѣ будетъ привыкать къ чужому дѣтищу?
Трудно угодить на чужого отца съ матерью.
Чужіе отецъ съ матерью безъ вины журятъ-бранятъ,
Чужое-то дѣтище безъ вѣтру сушитъ-крушитъ;
Безъ краснаго солнышка глаза выпекутъ,
Безъ лютаго безъ морозу сердце вызнобитъ.»

На утро изъ невѣстина дома двѣ-три бабы отправляются въ домъ жениха за рубашкой, по образцу которой невѣста будетъ шить жениху бѣльё. Тутъ этихъ бабъ обильно угощаютъ.

Въ ближайшій базарный день отецъ и мать, сама невѣста и ближайшіе родственники ѣдутъ въ базарное село, останавливаются въ трактирѣ или въ харчевнѣ, и здѣсь имъ бываетъ обильное угощеніе со стороны жениха. Послѣ сговора каждый вечеръ невѣсту навѣщаютъ подруги-дѣвицы. При встрѣчѣ ихъ невѣста плачетъ:

2307.

«А свѣтъ ты моя, буйная головушка,
И свѣтъ ты моя, краса дѣвичья!
Куда-то мнѣ свою кро̀соту дѣвать будетъ?
Пущу свою кро̀соту въ чисто поле, —
Въ чистомъ полѣ она зашатается.
Пущу свою кро̀соту въ зелены луга:
Въ зеленыхъ лугахъ она загуляется.
Пущу её, разгорькую, во тёмный лѣсъ,—
Во темномъ-то лѣсу она заплутается.
Пущу её на бѣлую грудь:
На бѣлой груди она растоскуется.
Отдамъ я свою кро̀соту милымъ подруженькамъ:
«Носите вы ее, подруженьки, не жалѣючи,
А меня, горькую, вспоминаючи.
Ужъ не будетъ мнѣ такой волюшки,
Что у кормилица батюшки, у сударыни матушки.
Подите-ка, подруженьки, къ моему горю, къ великому.
Красуйтеся, подруженьки, у роднмаго батюшки,
У сударыни красуйтесь у матушки.
А я, злыдарушка, открасовалася:
Отошли всѣ мои гульбы-прокладушки, —
Отошли дѣвичьи забавушки.»

На невѣстинъ плачъ, подруги, уходя отъ нея, поютъ:

2308.

«Не было витро̀въ, да повянули,
Не было гостей—понаѣхались:
Полонъ дворъ вороныхъ коней,

А кони-то всё подъ сѣдлами, подъ черкасскими.
Подломили кони сѣни новыя;
Да растопилась золота чарà,
Выпустили соловья йзъ саду.
И расплакалась Анна, душа Васильевна.
Утѣшалъ же её Иванъ-государь:
«Ты не плачь, не плачь, Анна, душа Васильевна!
Сѣни новыя я самъ срублю;
А золоту чару златари сольютъ;
А соловья въ садъ я опять залучу,
А по утру рано я самъ разбужу.»

За нѣсколько дней до брака бываетъ окончательный запой невѣсты. Въ домъ ея собираются опять отецъ и ближайшіе родственники жениха; приносятъ съ собой вино. Сюда сходятся и родственники невѣсты. Помолившись, всѣ садятся за столъ и, выпивши вино, узнаютъ окончательно отъ родителей невѣсты, что къ совершенію предположеннаго брака нѣтъ никакихъ препятствій: въ веселомъ настроеніи расходятся по домамъ.

Въ день дѣвичника (который всегда бываетъ наканунѣ бракосочетанія), всѣ подружки невѣсты и молодыя бабы изъ невѣстина дома приходятъ въ домъ жениха за мыломъ. Встрѣча имъ бываетъ самая радушная и угощеніе весьма обильное: пьющія—напиваются до пьяна, а непьющихъ обливаютъ виномъ съ головы до ногъ. Дѣвицы запѣваютъ жениху:

2309.

«Кто у насъ уменъ, кто у насъ разуменъ?
Иванъ-отъ уменъ, Петровичъ разуменъ;
По двору ходитъ, манерно ступаетъ:
Сапогъ не ломаетъ, чулокъ не мораетъ.
Сапогъ-отъ сафьянный, чулокъ-отъ бумажный.
По горницѣ ходитъ, головушку чешетъ;
Въ зеркало глядится, самъ себѣ дивится:
«Хорошъ уродился, пригожъ нарядился.
Создай Ты мнѣ, Боже, невѣсту хорошу,
Невѣсту хорошу, Васильеву дочку.
Васильева дочка на рынокъ ходила,
На рынокъ ходила, коня выводила;
Коня выводила, Ивана дарила.
Иванъ-отъ садился:
Подъ нимъ конь веселился.
Онъ плеточкой машетъ,
Подъ нимъ конь-отъ пляшетъ.
Лугами онъ ѣдетъ:
Луга зеленѣютъ,
Цвѣты расцвѣтаютъ, 2
Соловьи распѣваютъ.»

2310.

«На дубчикѣ два голубчика сидятъ,
Промежъ собой рѣчи говорятъ,
Про добраго молодца, про Ивана Петровича:
«Какъ у насъ нѣтъ такого молодца,
Такого молодца какъ Ивана Петровича!
Онъ съ тысячи на тысячу ступалъ;
Сотней ворота запиралъ;
По пяти рублей красавицамъ дарилъ;
Изъ неволюшки сиротъ выкупалъ:
«Вы сиро́ты, вы сиро́тушки мои!
Помолитесь Богу обо мнѣ,
Чтобы Богъ меня помиловалъ,
Государь меня пожаловалъ.»
— «Слышишь-ли ты, Иванъ-государь,
Тебѣ пѣсенку поемъ?!
Слышишь-ли, Петровичъ,
Тебѣ честь воздаемъ?»

Вечеромъ же этого дня, передъ закатомъ солнца, въ домъ невѣсты собираются всѣ ея родственники и всѣ подруги-дѣвицы. Во время пира невѣста сидитъ въ углу, противъ печки, а подруги, сидя за столомъ, поютъ:

Не было́ витровъ, да повяпули; и т. д.
Изъ-за горъ, горъ высокихъ,
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Летитъ стая гусиная, и т. д.

Родственники, напившись и наѣвшись, не засиживаются, а дѣвицы-подружки веселятся почти всю ночь.

Въ то время, какъ въ домѣ невѣсты идетъ дѣвичникъ, въ домѣ жениха, въ его присутствіи, идетъ угощеніе родственниковъ.

Въ день бракосочетанія рано утромъ въ домѣ невѣсты, когда еще всѣ спятъ, она начинаетъ плакать, причитая:

2311.

«Вставайка, родимый мой батюшка,
Вставай, сударыня матушка.
Спалась-ли вамъ, батюшка, темная ноченька?
А мнѣ, злыдарушкѣ, не заснулося:

Всѣ-то я думушки передумала.
А заснула я на бѣлой зарѣ.
Привидился мнѣ, злыдарушкѣ,
Нехорошій сонъ:
Будто я, горькая, хожу по крутой горѣ,
По крутой горѣ, по желтымъ пескамъ,—
Желты пески осыпаются:
Мои ноженьки подсѣкаются.
Растеряла я, злыдарушка,
Изъ русой косы, алы ленточки.»

Только что ободняетъ, какъ въ домъ священника приходитъ дружка и полдружье, т. е. будущіе распорядители свадебнаго пира, и просятъ благословенія собирать свадебный поѣздъ. Получивъ это благословеніе, идутъ въ домъ невѣсты, неся съ собою для невѣсты сарафанъ, поддевку и башмаки съ чулками. А къ этому времени къ невѣстѣ,—которая въ ожиданіи сидитъ у печки,—соберутся уже подруги ея—дѣвицы. Подруги начинаютъ собирать ее къ вѣнцу, расплетять ей косу. Невѣста плачетъ:

2312.

«Любимыя мои, подруженьки!
Не расплетайте мою русу́ косу́;
Не розоряйте мою *кросу* дѣвичью.»

Затѣмъ на нее надѣваютъ сарафанъ и другую одежду. Она между тѣмъ продолжаетъ свой плачъ такъ:

«Не шубой меня одѣваете,
А морозомъ осыпаете.»

Съ этими словами она идетъ къ столу и плачетъ:

«Пропустите меня, люди добрые,
Изъ кута̀ до пе́реда,
Къ великому благословеньицу.»

У стола она садится къ брату и продолжаетъ плакать:

«Родимый мой, братецъ-батюшка,
Поѣзжай-ка, братецъ, во темны̀ лѣса̀,—
Сруби-ка, братецъ-батюшка, берёзоньку бѣлую;
Завали-ка, братецъ-батюшка, путь-дороженьку,
Широкую улицу, къ широкому подворьицу;
Чтобы моимъ-то разлучникамъ, не пройдти, не проѣхати;
Не разлучали-бы меня съ отцомъ, съ матерью.»

Затѣмъ она обращается къ отцу съ матерью съ такимъ плачемъ:

«Кормилецъ мой, батюшка,
И сударыня матушка!
Подойдите къ дубову́ столу́,
Раскройте шелкову́ фату́,
Поглядите на мою кро́су дѣвичью—
Въ первой и въ остаточки!»

Когда невѣста совсѣмъ наряжена къ вѣнцу и поѣзжане готовы—привозятъ въ домъ жениха причтъ церковный. Послѣ угощенія пріѣзжихъ причтомъ служится молебенъ, въ концѣ котораго бываетъ благословеніе жениха. Отецъ и мать становятся въ переднемъ углу (задомъ къ образамъ), держа въ рукахъ икону. Передъ ними, на полу, разстилается зипунъ. Послѣ поясныхъ и земныхъ поклоновъ женихъ падаетъ на полъ ницъ, и родители благословляютъ упавшаго иконою, говоря: «Да будетъ наше родительское благословленье отнынѣ и до вѣка!» Благословленный встаетъ, цѣлуетъ икону, отца и мать. Потомъ такимъ же образомъ благословляютъ его крестный и крестная. Затѣмъ женихъ, выйдя изъ дому, вмѣстѣ со священникомъ и двумя свахами, садятся на телѣгу и ѣдутъ въ домъ невѣсты. Тамъ невѣста сидитъ впереди, за столомъ, въ полномъ свадебномъ, подвѣнечномъ нарядѣ, покрытая фатой. Съ лѣвой ея стороны сидитъ крестная, а съ правой родной братъ. Дружка жениховъ проситъ брата невѣсты, чтобы онъ уступилъ свое мѣсто (близъ невѣсты) жениху; но братъ требуетъ за невѣсту выкупа. Дружка наливаетъ ему въ стаканъ водки, или браги и подаетъ, но братъ не пьетъ до тѣхъ поръ, пока въ стаканъ не будутъ положены деньги. По исполненіи его требованія, онъ выпиваетъ стаканъ, цѣлуетъ сестру-невѣсту и уходитъ изъ-за стола. Женихъ подходитъ къ невѣстѣ, открываетъ фату и, увѣрившись, что это дѣйствительно его невѣста, садится съ ней рядомъ. Причту и поѣзжанамъ подается обѣдъ, послѣ котораго опять служится молебенъ, вслѣдъ за коимъ родители невѣсты, а также крёстный и крёстная, благословляютъ жениха и невѣсту. По окончаніи молебна всѣ выходятъ изъ дома (кромѣ родителей). Впереди идетъ священникъ съ крестомъ, за нимъ дружка съ иконами, далѣе женихъ ведетъ за руку невѣсту, а сзади идутъ остальные родственники. Женихъ, посадивъ невѣсту на телѣгу, самъ идетъ и садится на другую телѣгу вмѣстѣ съ священникомъ. Дружки въ это время обходятъ съ иконами вокругъ всего поѣзда, послѣ чего всѣ поѣзжане, перекрестившись, пус-

каются въ путь къ церкви. Въ церкви невѣста стоитъ вся украшенная лентами и цвѣтами.

По совершеніи бракосочетанія всѣ выходятъ изъ церкви, переполненной любопытствующимъ народомъ. Молодой, посадивши на телѣгу свою новобрачную, садится и самъ рядомъ съ нею, а кругомъ нихъ дружки и свахи. Какъ только подъѣдутъ къ дому молодого, отецъ и мать его выходятъ на встрѣчу новобрачнымъ: отецъ съ иконою, а мать съ хлѣбомъ-солью. Молодой прикладывается сначала къ образу, потомъ цѣлуетъ отца и мать, хлѣбъ-соль; тоже дѣлаетъ и молодая; но хлѣбъ, держимый матерью, она покрываетъ шалью, которая и поступаетъ, какъ подарокъ, отъ невѣстки своей свекрови. Войдя въ домъ и, помолившись на иконы, молодые садятся за столъ. Отецъ и мать поздравляютъ новобрачныхъ, при чемъ, приблизительно, держатъ такую рѣчь: «Дѣти милыя! Поздравляемъ васъ съ законнымъ бракомъ. Дай вамъ, Господи, всякого счастія! И будетъ вамъ счастіе, если станете слушаться и почитать насъ, помогать намъ въ нашихъ дѣлахъ, а—придется, успокоете и нашу старость; мы же будемъ любить васъ, и видя васъ счастливыми, станемъ радоваться.» При этомъ свекръ и свекровь, въ знакъ своего благоволенія, дарятъ молодой невѣсткѣ—или овцу, или теленка, а кто улей съ пчелами или деньги. Дарятъ молодую тѣмъ же и нѣкоторые родственники. Потомъ молодая отводится за занавѣсъ, къ печкѣ, гдѣ ее обряжаютъ въ повойникъ — обязательный, отличительный знакъ женщины. А молодой въ это время сидитъ за столомъ. Повязанная молодая опять садится за столъ. Имъ сейчасъ же подаютъ на руки младенца-ребенка одного изъ ближайшихъ родственниковъ. Молодые, подержавъ его недолго, отдаютъ его обратно, при чемъ молодая кладетъ ему подарокъ—рубашку или поясъ. Послѣ этого молодые уходятъ за занавѣсъ, къ печкѣ, гдѣ имъ подается хорошее угощеніе, а среди комнаты идетъ между тѣмъ угощеніе ближайшихъ родственниковъ хозяина дома. Дружка первую чарку подноситъ новобрачнымъ, но они *отвертываютъ* (отклоняютъ, направляютъ) сначала къ отцу, потомъ къ матери, а затѣмъ уже и сами принимаютъ и отпиваютъ, сколько могутъ. Когда родственники разойдутся, молодые отводятся свахами въ отдѣльное холодное помѣщеніе (клѣть) отдыхать. Отдохнувши, молодые, совмѣстно съ дружкой и свахами, идутъ въ домъ родителей невѣсты, чтобы звать ихъ, вмѣстѣ съ родственниками, на вечерній пиръ— на «горные». Отецъ и мать радушно встрѣчаютъ ихъ и, послѣ небольшого угощенія, отпускаютъ обратно домой. По уходѣ ихъ, они отряжаютъ одного изъ членовъ своей семьи звать своихъ родныхъ на «горные». Родные очень скоро сбираются въ домъ ихъ и, немедля, всѣ отправляются на пиръ. Подошедши къ воротамъ, останавливаются. Немного погодя, выходятъ встрѣчать гостей молодые. Каждый изъ гостей ихъ поздравляетъ, цѣлуетъ и проходитъ въ домъ. Принявъ поздравленіе и поцѣлуи отъ перваго до послѣдняго, молодые входятъ въ домъ послѣдними. А въ домѣ между тѣмъ уже поставлены столы съ припасомъ всякаго угощенія. Всѣ усаживаются. Подходятъ новобрачные. Съ лѣвой стороны ихъ становятся свахи, держа въ рукахъ подарки для гостей, а съ правой стороны дружка съ бутылкой водки и стаканомъ. Дружка подноситъ наполненный стаканъ первому изъ ближайшихъ родственниковъ молодого, проситъ его выпить и принять предназначенный для него подарокъ. Но онъ (родственникъ) не дотрогивается до стакана, пока молодые не поклонятся ему въ ноги. Тогда только онъ поздравляетъ новобрачныхъ, выпиваетъ стаканъ и беретъ подарокъ, за который кладетъ *отдарокъ* деньгами.

Дружка наполняетъ другой стаканъ и подноситъ его съ такими же просьбами второму родственнику, который тоже выпиваетъ стаканъ только послѣ низкаго поклона со стороны молодыхъ. Всѣ поздравляютъ, выпиваютъ, берутъ подарокъ и отдариваютъ за него, а молодые кланяются въ ноги. Начинается пиръ. Молодые отводятся въ клѣть спать. Тутъ пиръ уже въ полномъ разгарѣ: почти всѣ пьяны. Хозяинъ и хозяйка дома (родители), обратившись къ гостямъ, весело говорятъ: «А что̀, гости дорогіе, не пора-ли ужъ намъ потребовать сюда и молодыхъ?» — «Пора, давно пора!!» — громко кричатъ гости. И немедленно къ клѣти отправляютъ свахъ и дружку. Вводятъ новобрачныхъ. На столѣ появляется курникъ (круглый пирогъ), украшенный цвѣткомъ. По рѣчи, которую будутъ держать свахи, всѣ выводятъ заключеніе—цѣломудренной-ли невѣста шла къ вѣнцу?. Всѣ обращаются въ слухъ, а глаза ихъ зорко устремляются на новобрачныхъ. Свахи, въ присутствіи всѣхъ, обращаются къ родителямъ новобрачной съ такой рѣчью: «Спасибо вамъ, дорогіе, за то, что вы свою дочку поили-кормили, уму-разуму учили и отъ бесчестья сберегли!......» Дружка въ этотъ моментъ съ силой бросаетъ на полъ какую-либо глиняную посудину, которая съ шумомъ разбивается въ дребезги. Цвѣтокъ съ курника ловко сшибаютъ ножомъ. А все собраніе гостей, съ дикими плясками (и по полу, и по лавкамъ) запѣваютъ слѣдующую пѣсню:

2318.

«Расцвѣли цвѣты лазоревы,
Понесли духи малиновы:
Ужъ я въ той травѣ повыкормлю коня,
Выкормлю и выпою его;
Поведу я коня къ батюшкѣ.
Ужъ ты, батюшка, рóдный мой,
Восприми-ка слово ласковое,
Восприми слово привѣтливое:
Не отдай меня за стараго замужъ!
Старъ-добрѐ и неровня мнѣ;
Съ неравнюшкой я гулять не пойду,
И постели не стелю, и спать не хочу!...
А отдай меня за ровнюшку,
За веселую головушку:
Съ ровнюшкой я гулять пойду и т. д.

Пиръ продолжается всю ночь. На другой день, поздно утромъ, родители молодой посылаютъ кого-либо изъ своихъ звать новобрачныхъ къ себѣ въ домъ «на блинки».

Вмѣстѣ съ молодыми идутъ и ближайшіе родственники молодого. Попируютъ недолго и уходятъ обратно домой. Затѣмъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, новые сватья, вмѣстѣ съ ближайшими родственниками своими и шабрами (сосѣдями), пируютъ другъ у дружки. Молодые же, ихъ родители и семейные обязательно ходятъ въ гости ко всѣмъ тѣмъ родственникамъ, которые пировали у нихъ на свадьбѣ. Предпочтеніе передъ всѣми на пирахъ отдается крёстнымъ и крёстнамъ новобрачныхъ. Свадебныя гулянья продолжаются 3, 4 и даже до 8 дней.

Составилъ священникъ с. Пересѣкина Константинъ Васильевъ Салгинскій. Эта статья, какъ и послѣдующія изъ означенной губерніи сообщены секретаремъ Нижегородск. Духов. Консисторіи М. И. Макаревскимъ

Той же губ., Лукояновскаго у., с. Старорождественно (Староселье, Тагаево тожъ).

Свадьбы въ нашемъ селѣ бываютъ въ разное время года, но преимущественно въ октябрѣ и январѣ мѣсяцахъ. Свадебное празднество продолжается отъ 3-хъ до 5-ти дней. Послѣ переговоровъ съ женихомъ и со своими семейными родители намѣчаютъ сыну невѣсту и приглашаютъ кого-нибудь изъ родственницъ въ свахи или изъ такихъ женщинъ, которыя занимаются сватовствомъ, какъ ремесломъ, а такихъ свахъ въ селѣ всегда найдется 2—3. Сваха приходитъ, ее угощаютъ водкой, обѣщаютъ подарки и посылаютъ въ домъ родителей намѣченной невѣсты. Отправляясь туда, сваха беретъ въ руки ухватъ. Изъ дома жениха вслѣдъ за ней кидаютъ лапти. Войдя въ домъ отца невѣсты, она молится (кладетъ три поясные поклона) и такъ привѣтствуетъ хозяевъ: «Здорово, сватъ, Иванъ Павлацъ? Какъ живешь можешь?»—«Ницаво, помаленьку.»—«А какъ супружница?»—«Да тожи ницаво!»—«А дѣтки, а Марья Ивановна (невѣста)?» Если отвѣтъ получается благопріятный, сваха садится подъ *матку* (матицу), держа въ рукахъ ухватъ, рогами вверхъ и начинаетъ разговоръ въ такомъ родѣ: «У насъ купецъ, удалой молодецъ», и при этомъ пересчитываетъ достоинства этого молодца: работящій, не пьяница, до *цужбинки не охотникъ* (т. е. цѣломудренный), затѣмъ высчитываетъ богатства жениха, конечно все въ преувеличенномъ видѣ: въ анбарѣ-де сусѣки полны, скотины—полонъ дворъ, земли засѣваютъ много, мясо ѣдятъ каждый праздникъ и пр. т. п. Если родители согласны, то отвѣчаютъ, что они-де не прочь породниться и тогда сваха переходитъ къ столу и начинается торгъ о *кладкѣ* за невѣстой. Если же несогласны, то покажутъ на образа и на дверь, говоря: «Вотъ Богъ, а вотъ дверь!» Иногда впрочемъ съ перваго раза скажутъ: «Подумаемъ! Приди въ другой разъ.» Бываетъ, что согласіе получается съ одного раза, иногда съ двухъ, а иногда только по третьему разу. Въ послѣднемъ случаѣ сваха приходитъ въ домъ невѣсты съ отцемъ и матерью жениха, всѣ они садятся по лавкамъ, подальше отъ передняго угла. Дѣйствующимъ лицомъ и на этотъ разъ является сваха. «Вотъ-де купецъ мой», говоритъ она, «вамъ по *ндраву*, а намъ вашъ товаръ по ндраву, а потому, сватушка и свахынька, за сколько продадите товаръ молодому купцу?» Начинается торгъ, какъ будто продаютъ корову. «*Кладку*» за невѣсту даютъ деньгами отъ 10—50 рублей, балахонъ легкій, одну или двѣ овчинныя шубы невѣсты, балахонъ легкій изъ нанки, казинету, или сукна, ватошникъ изъ тѣхъ же матерій, вина отъ 3-хъ до 5-ти ведеръ, говядины отъ 2—4 пудовъ, одну мѣру пшена, муки пшеничной, рыбы, валенки невѣстѣ, лапти, онучи, оборы. Вся свадьба обойдется жениху отъ 80—200 рублей.

Когда торгъ конченъ ударяютъ по рукамъ, берутъ одну четверть водки, позовутъ близкихъ самыхъ родныхъ и садятся за столъ. Отецъ жениха беретъ четверть, наливаетъ, пьетъ прежде самъ, потомъ предлагаетъ свату, свахѣ и пр., а что не допьютъ, плещутъ на потолокъ и говорятъ: «Совѣтъ намъ и любовь! Пусть наша молода прыгаетъ до потолка.» Послѣ этого сговора въ пер-

вый праздничный или воскресный день родные невѣсты идутъ въ домъ къ жениху—домъ глядѣть, но ничего не глядятъ, если только женихъ изъ своего села, а если изъ чужого, то обходятъ амбары, дворъ, сватъ показываетъ сколько у него денегъ. Бываетъ, что деньги сватъ беретъ на это время на прокатъ у богатаго сосѣда и лошадь лишнюю и коровку и пр. Обсмотрѣвши дворъ, амбары и пр., садятся за столъ и родныхъ невѣсты угощаютъ виномъ, брагой и ужиномъ или обѣдомъ. Послѣ обѣда (а если послѣ ужина, то на другой день) родные жениха вмѣстѣ съ женихомъ идутъ въ домъ невѣсты на такъ называемый *запой*. Сватъ (отецъ жениха) идетъ впередъ съ четвертью вина, а сваха съ короваемъ хлѣба. Входя въ домъ невѣсты, которая въ это время сидитъ въ куту, садятся за столъ: женихъ впереди у образовъ. Сватъ отдаетъ четверть вина кому-нибудь изъ близкихъ родныхъ и тотъ всю ее разноситъ по роднымъ невѣсты. Когда опорожнятъ всю четверть, изъ-за занавѣса выходитъ невѣста и кланяется жениху. Въ это время отецъ ея подноситъ послѣднему стаканъ вина. Женихъ поотвѣдавъ немного, передаетъ стаканъ невѣстѣ, что онъ повторяетъ до трехъ разъ. Въ послѣдній разъ невѣста допиваетъ стаканъ, цѣлуетъ жениха и садится рядомъ съ нимъ. Начинается гулянье. Въ концѣ ужина одна изъ родственницъ невѣсты подноситъ подарки роднымъ жениха, во время чего подруги невѣсты собравшись въ кружокъ, поютъ пѣсни. Подарокъ свекру обыкновенно—портки, а на нихъ платокъ. При этомъ дѣвушки поютъ:

2314.

Кто у насъ въ бесѣдушки сидитъ?
Сидитъ умная головушка,
Расширокая бородушка.
Ты не хочешь по пирамъ ходить,
Ты не хочешь дѣушекъ дарить,
Ты-ба, сватушка, по гумнашкамъ ходилъ,
Ты-ба, сватушка, по зернышкамъ сбиралъ,
Ты-ба, сватушка, пивцшко сварилъ,
Ты-ба, сватушка, насъ дѣвицъ поноилъ,
Насъ дѣвицъ-пѣвицъ немножко сидитъ,
Всего сорокъ съ одной дѣвушкой.

Сватъ беретъ подарки и кладетъ отдарье на блюдо—отъ 10 к. до 1 рубля, а дѣвушкамъ отъ 2—10 коп. Подарокъ свахѣ—ширинка, *синяска* (головной платокъ), полотенце, или рукава.

Дѣвушки въ это время поютъ:

2315.

По сѣнямъ, сѣнямъ, сѣнюшкамъ,
По новымъ сѣнямъ рѣшетчатымъ
Походила, похаживала молода, гарна боярыня.
«Ты встань, проснись, мой милый другъ!
Пробудись, душа, отецкій сынъ!
Оторвался твой добрый конь
Отъ столба, столба дубоваго,
Отъ колецка сиребрянова.
Онъ ушелъ, ушелъ въ зеленъ садъ гулять.
Поломалъ онъ въ саду вишенья,
Въ саду вишенья, зеленой виноградъ.

При подарки брату жениху, поютъ:

«Какъ на дубчикѣ два голубчика
Обнималися, цѣловалися.» и т. д.

Женскому полу поется одна и таже пѣсн всѣмъ—и свахѣ-матери жениха. Свахѣ вожато которая сватала невѣсту, поютъ:

2316.

Какъ у свахѣ глаза масляные,
По палатямъ разбѣгаются
Церствой каши дожидаются,
Церственной каши не мазаной.

По окончаніи пѣсенъ роднымъ опять поют свату (отцу жениха):

2317.

У нашего свата
Голова космата:
Онъ головкой потрясетъ,
Стаканъ водки поднесетъ.

Послѣ пѣнья величальныхъ пѣсенъ разным дарителямъ, дѣвушки берутъ невѣсту и уводят ее съ собою въ кутъ (за занавѣску). Сватъ идет къ нимъ съ водкой, угощаетъ ихъ и выкупает невѣсту. Гулянья продолжается. Невѣста пригл шаетъ жениха въ кутъ, гдѣ они ужинаютъ вдв

емъ, при чемъ невѣста должна почаще потчивать жениха. Послѣ ужина женихъ прощается съ невѣстой и она провожаетъ его за ворота. Если женихъ живетъ близко, то она провожаетъ его до воротъ его дома, а онъ отсюда провожаетъ ее обратно до воротъ ея дома. Когда женихъ съ невѣстой ужинаютъ въ куту, то дѣвушки, стоя по эту сторону занавѣси, поютъ имъ обоимъ слѣдующую пѣсню:

2318.

А кто у насъ школенъ?
Ой люли, люли!

(Повторяется послѣ каждаго стиха).

Кто у насъ манеренъ?
По горенкѣ ходитъ,
Манерна выступаетъ, —
Манерно выступаетъ,
Сапогъ не ломаетъ, 2
Чулокъ не мараетъ?
Сапогъ-то сафьяный,
Чулокъ-то бумажный.

Затѣмъ одной невѣстѣ:

2319.

Ужъ ты Дунюшка обманщица!
Ты обманщица, ты обманщица,
Не хотѣла ты замужъ идти,
А хотѣла въ монастырь идти,
Насъ подруженекъ за собой вести. и т. д.

Послѣ запоя, въ первое воскресенье, а иногда и чрезъ мѣсяцъ, дѣвушки идутъ въ домъ жениха за рубашкой, по образцу которой шьютъ ему новую—къ вѣнцу. Женихъ угощаетъ ихъ виномъ. Рубашку дѣвушки несутъ съ пѣснями и пляской.

Свадебный поѣздъ со стороны жениха состоитъ изъ трехъ дружекъ, крестнаго, 3—5 свахъ, поѣзжанъ, кучеровъ, снохъ, сестеръ жениха и др. родныхъ, со стороны невѣсты 4—8 свахъ—и только. Невѣсту съ головы до ногъ покрываютъ фатой (впрочемъ въ церкви лицо ей открываютъ). Передъ вѣнцомъ жениха благословляютъ отецъ, мать, крестный, крестная, дѣдушка, бабушка (если живы). Послѣ этого всѣ садятся. Одинъ дружка беретъ икону, другой—жбанъ съ брагой, третій—коровай хлѣба. По выходѣ изъ дома дружка съ иконой трижды обходитъ поѣздъ и затѣмъ всѣ садятся въ повозки и ѣдутъ къ дому невѣсты. Только что туда подъѣдутъ, какъ тамъ поспѣшно отворяютъ ворота и поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ. Женихъ съ поѣзжанами входитъ въ домъ невѣсты, которая въ это время сидитъ на лавкѣ и впереди около нея съ правой стороны 4—8 свахъ, а съ лѣвой—мальчикъ (ея братъ или племянникъ). Второй дружка наливаетъ въ чашку брагу, а первый кладетъ въ нее 2—5 коп. и подноситъ мальчику. Мальчикъ выпиваетъ брагу (а иногда—воду), беретъ монету, цѣлуетъ невѣсту и уходитъ, а его мѣсто занимаетъ женихъ. Въ это время третій дружка отрѣзываетъ половинку отъ лежащаго на столѣ невѣстиннаго коровая и половину изъ своего коровая и составляетъ изъ нихъ вновь цѣлыхъ два: одинъ изъ нихъ оставляется имъ у невѣсты, а другой увозитъ съ собой. По возвращеніи молодыхъ отъ вѣнца родители встрѣчаютъ ихъ въ сѣняхъ,—отецъ съ иконой, а мать—съ хлѣбомъ-солью, сажаютъ ихъ впереди и подносятъ по рюмкѣ вина отцу съ матерью молодой, дружкѣ и свахѣ. Прежде, чѣмъ выпить они произносятъ обычное: «горько!» что вызываетъ цѣлованіе жениха съ невѣстой, отца съ матерью, дружекъ со свахами и пр. Молодой тутъ же даютъ на руки мальчика,—чтобы она все мальчишекъ родила. Сваха со стороны невѣсты кладетъ предъ молодыми двѣ ложки.

Обязанность крестнаго состоитъ въ томъ, чтобы проводить молодыхъ въ церковь и изъ церкви, а послѣ вѣнца отводить въ отдѣльную клѣть. На обязанности свахи лежитъ между прочимъ—укладывать молодыхъ на брачную постель, дружки же должны слѣдить за актомъ соити, послѣ котораго молодая снимаетъ съ себя рубашку и отдаетъ свахамъ. Тѣ съ пѣснями и плясомъ проносятъ ее по двору. Если свадьба бываетъ зимой, то молодыхъ отводятъ въ баню. Если молодая оказалась нечестною, то рубашку у нея не берутъ и молодой въ ноги родителямъ не кланяется. Дружка же молодого въ такомъ случаѣ подноситъ водку родителямъ невѣсты въ стаканѣ съ просверлиной дырочкой. Также не бьютъ посуды.

На второй день послѣ свадьбы молодую заставляютъ мести полъ, а дружка въ это время подбрасываетъ ей сору. Но если молодая подаритъ ему платочекъ, или полотенца, то дружка самъ вымететъ полъ. Въ этотъ же день къ молодому приходятъ въ гости родные молодой—*горные* [1]). Звать горныхъ обыкновенно ходитъ

---

[1]) «Или отъ слова *га́рный*: дорогой, или *горнъ*, такъ какъ въ присутствіи ихъ бьютъ посуду». Св. Л. Даль же въ св. слов. толкуетъ то слово такъ: «*Горные гости*,—*га́рные*, гордные, гордые, поѣзжане на другой день свадьбы, за гордымъ столомъ». Щ.

дружка тотчасъ послѣ супружескаго акта молодыхъ въ клѣти. Если молодой самъ лишилъ невинности своей невѣсты еще до вѣнца, то онъ прибѣгаетъ къ такого роду хитрости; разрѣжетъ себѣ на ногѣ палецъ и кровью дѣлаетъ знакъ на сорочкѣ молодой, или даже совсѣмъ спрячетъ эту сорочку. Бываетъ, что и сама мать молодой, если она въ секретѣ, прибѣгаетъ къ другого рода хитрости для скрытія грѣхопаденія дочери.

Въ прежнее время на свадьбахъ играли большую роль колдуны, изъ которыхъ одинъ, 90 лѣтній старикъ, живъ и по сей часъ, но роли теперь уже никакой не играетъ. А прежде, лѣтъ 30, 40 тому назадъ, его приглашали на каждую свадьбу и дарили: богатые—золотымъ (въ 7 р. 50 коп.). Колдунъ обыкновенно, бывало, пройдетъ предварительно по той дорогѣ, по которой предстояло проѣхать свадебному поѣзду, также наговоритъ вино, которое подносятъ молодымъ, чтобы они дружно жили, нашепчетъ и брачную постель и пр.

Былъ въ прежнее время еще и слѣдующій обычай. Когда, бывало, сваха придетъ сватать невѣсту, то послѣдняя влѣзаетъ на лавку, и отецъ ея подходитъ къ ней съ вятелемъ и говоритъ: «Скокни, дочёнка!» На что она отвѣчаетъ: «Хóчу—скокну, хóчу—нѣтъ.» И если послѣ трехъ разъ невѣста прыгнетъ въ вятель, то это принимался за признакъ, что женихъ ей нравится и она за него пойдетъ.

Свадьба незаконнорожденныхъ ничѣмъ не отличается, а свадьба сиротъ отличается тѣмъ, что дѣвишника не бываетъ, равнымъ образомъ и трехдневнаго послѣ свадебнаго перегула.

Свадьба вдовцовъ отличается тѣмъ, что сватаютъ они сами, *кладки* за невѣсту не даютъ; не бываетъ также ни запоя, ни дѣвишника. Послѣ вѣнца въ клѣть не отводятъ.

Зап. свящ. Іоаннъ Лавровъ.

Той же губ., Макарьевскаго у., с. Богородское, на берегахъ рѣки Ветлуги. [2])

По берегамъ р. Ветлуги въ Макарьевск. уѣздѣ Ниж. губ. свадьбы бываютъ по большой части осенью—послѣ Казанской до Заговѣнья а зимой—предъ Масляной недѣлей. Если гдѣ, то здѣсь свадьбы имѣютъ очень много особенностей, и что особенно замѣчательно здѣсь свадебный ритуалъ полонъ народной поэзіи, сложенной кѣмъ-то, когда-то и въ силу традиціи сохраняющейся и до сего времени. Чтобы ближе познакомиться съ здѣшнимъ свадебнымъ обычаемъ необходимо прослѣдить весь ходъ свадьбы, начиная со сватанья и кончая свадебными пирушками.

Сватанье обыкновенно бываетъ ночью, въ такъ называемый легкій день недѣли т. е. не въ понедѣльникъ и не въ пятницу, которые, почему-то признаются днями тяжелыми для какихъ бы то ни было предпріятій. Въ назначенный вечеръ отецъ жениха съ какимъ нибудь своимъ родственникомъ отправляются въ домъ къ намѣченной невѣстѣ *на гости*. Послѣ недолгихъ обыкновенныхъ разговоровъ съ хозяиномъ дома, заводятъ сейчасъ-же рѣчь на нужную тему и начинаютъ разбирать роды—т. е. своихъ и невѣстиныхъ родственниковъ. Когда найдутъ, что *роды* соотвѣтствуютъ другъ другу т. е. что жизненная среда невѣсты такая-же почти, какъ и у жениха, тогда начинаютъ рѣшать дѣло и прежде всего родители невѣсты назначаютъ *запросъ*—т. е. требуютъ за невѣсту извѣстную, смотря по состоянію, сумму денегъ. За мало-мальски богатую невѣсту назначаютъ рублей 50—60, за среднюю 25—20, за бѣдную 15—10 р. Когда сойдутся въ запросѣ, хозяйка дома подаетъ на столъ хлѣбъ и соль и сама вмѣстѣ съ хозяиномъ садится у *тябла* (передній уголъ, гдѣ стоятъ иконы), а сваты чрезъ хлѣбъ и соль протягиваютъ имъ руки или, какъ говорится, бьютъ по рукамъ, потомъ вмѣстѣ встаютъ и молятся Богу. Послѣ этого выдаютъ на столъ *запросъ*, выговариваютъ поѣзжанамъ жениха какіе-нибудь подарки въ родѣ платка или полотенца, назначаютъ день свадьбы, число гостей и потомъ посылаютъ за угощеньемъ, (послѣднее полагается со стороны жениха), и всю почти ночь продолжается пирушка. Это значитъ невѣсту пропили, судьба ея рѣшена. Иногда пропивать невѣсту помогаютъ родственники послѣдней и дажесосѣди.

И такъ невѣста дѣлается сговоренной, которой суждено здѣсь вплоть до брака оплакивать въ слухъ свое дѣвство предъ подружками и родными, или какъ говорятъ здѣсь, *выть*, и выть такъ, чтобы было складно да по хорошему. Подружки сейчасъ-же узнаютъ о сговоренкѣ и сейчасъ-же съ пѣснями отправляются къ ней; сваты предлагаютъ имъ свою лошадь для катанье, послѣ чего дѣвушки расходятся по домамъ. Съ другого утра подруги опять собираются толпой и идутъ къ сговоренкѣ съ пѣснями такого содержанія:

---

[1]) «*Вятель*,—нестерь, кошель, сплетенный изъ веревокъ, изъ лычатъ для перебоя сноповъ.» Сл. Даля.

[2]) Нижеслѣдующія описанія свадебныхъ обрядовъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ были получены мною уже по сверсткѣ болѣе обширной статьи и о томъ же изъ того же уѣзда, написанный отцомъ Поспѣловымъ въ 1877 году, вслѣдствіе чего не могли быть помѣщены вслѣдъ за послѣдней. Помѣщая ихъ здѣсь, внѣ строгаго топографическаго порядка, я имѣлъ въ виду дать читателю-спеціалисту возможность сравнить насколько уцѣлѣла свадебная обрядность въ одномъ и томъ же районѣ въ теченіи 20-ти лѣтъ. Ш.

2320.

Гуси лебеди возвивалися, —
Ясна сокола испугалися.
Разъясенъ соколъ со гульбы летѣлъ,
Со гульбы, тульбы, со гуляньица,
Со веселаго пированьица.
На горѣ, горѣ, на всей крáсотѣ,
Состоитъ дрéвецко тонко вы́соко,
Стоитъ сосенка подсоценая,
Сидитъ дѣвушка сговореная:
Сговорилъ её родной тятенька,
Запросватала родима мамынька,
Еще пропили братья рóдные.

2321.

Кáлина со мáлиной
Рано расцвѣла,
На ту пору времяцка
Мать дочь родила,
Не собравшись съ разумомъ
Замужъ отдала,
За такова за дѣтинушку
— Сиротинушку.
Осержусъ на мамыньку
На родимую,
Не приду я въ гости къ мамынькѣ
Ровно три годà,
На цетвертомъ годикѣ
Мташкой прилецу,
Сяду я на яблонку
Въ зеленомъ саду,
Слезами я горюцими
Садикъ потоплю,
Своими прицетами
Зеленъ подсушу. и т. д.

Какъ только войдутъ дѣвушки въ избу, сговоренка садится на лавку и начинаетъ выть, какъ умѣетъ. Плохо той сговоренкѣ, которая не научилась вытью-причетамъ. Чтобы не сконфузить сговоренки, родные—мать или снохи, подсаживаются къ ней, подсказываютъ, а иногда— даже и сами невѣстинымъ голосомъ повоютъ за нее. Лишь только сговоренка увидитъ своихъ подругъ, завоетъ такимъ образомъ:

2322.

Подьте-тко ко мнѣ, милые,
Милые мои подруженьки,
Задушевные голубушки!
Что зацѣмъ вы долго не были,
За какими недосугами?
Развѣ мамыньки задержали,
Разѣ васъ батюшки да не отпускали?
Да я сама, вѣдь, знаю вѣдаю,
Да вы сами за собой не шли,
Да сходилися мои милые,
Во бѣседу посмиренную,
Во веселую кампаньицу,
Что чесали мои милые,
Вы свои да буйны головы,
Заплетала свои косыньки,
Да что вплетали алы лентоцки.

Потомъ сговоренка обращается къ матери и причитаетъ:

2323.

Погляди, моя родимая,
Что у насъ да здѣсь за садъ стоитъ,
Что за садъ стоитъ, за макъ цвѣтетъ?
А всѣ тѣ маковки алехоньки,
Одна маковка блѣднехонька[1]).

На это вытье дѣвушки отвѣчаютъ ей пѣсней:

2324.

Не подумвши, слово молвила:
Пожилъ, пожилъ-бы во чужихъ людяхъ,
Поробóталъ-бы на свекора
Да на лилую свекровь матушку.
На то тятенька осéрдился:
Взялъ онъ выдалъ во чужи люди.

(Пѣсню къ сожалѣнію до конца не пришлось узнать).

Если до брака невѣсты остается нѣсколько дней, то вытье предъ подругами, продолжается каждый день утромъ и вечеромъ. Въ подобномъ родѣ причетовъ бываетъ очень много. Наконецъ дѣвушки собираются въ послѣдній предъ бракомъ день, топятъ баню для невѣсты и когда истопятъ, приходятъ къ ней съ пѣснями, наряжаютъ вѣникъ въ подвѣнечный платокъ шелковый, убираютъ его лентами и ведутъ невѣсту, въ преднесеніи этого вѣника, въ баню парить — съ пѣснями. Парятъ ее здѣсь въ два вѣника и спраши-

[1]) Этимъ стихомъ она намекаетъ на себя.

вают какъ жениха зовутъ. Если сговоренка постѣснится назвать жениха по имени и отчеству, ей подбавляютъ пару-жару. Вечеромъ въ этотъ день въ послѣдній разъ подружки навѣщаютъ сговоренку. Послѣдняя въ это время проситъ своихъ родителей угостить своихъ милыхъ подруженекъ, — такими причетами:

2325.

Потрудись, сношка голубушка,
Посажай милыхъ подруженекъ
На скаменцу тесовую!
Ты скажи, моя родимая:
Наварила-ли пива пьянаго,
Поцести моихъ подруженекъ
Въ остальныя да въ остатные?
Попрошу да я осмѣлюся
У родимаго у тятеньки
Не рѣцьми, а уговорами,
Я не низкими поклонами,
Еще тѣмъ да горюцимъ слезамъ:
«Ты купилъ-ли, родной тятенька,
Да что того-ли зелена вина,
Поцести моихъ подруженекъ
Въ остальныя да въ остальныя?»

Въ то время, какъ невѣста воетъ, у жениха идутъ приготовленія къ свадьбѣ — варятъ пива, покупаютъ вина и т. д. Родители жениха подыскиваютъ прежде всего дружку (чаще изъ родственниковъ), потомъ зовутъ отца и мать — крестныхъ, просятъ и другихъ родственниковъ помочь сыграть свадьбу. Въ назначенный день свадьбы всѣ приглашенные родственники съѣзжаются къ жениху въ домъ. Здѣсь въ домѣ дружка прежде всего разсаживаетъ всѣхъ по чести, на приготовленный войлокъ, у *тябла* сажаетъ жениха, а рядомъ съ нимъ тысяцкаго. Обязанность тысяцкаго—давать, гдѣ потребуются деньги, оттуда и самое названіе «тысяцкій», (какъ будто у него тысяча денегъ). Рядомъ съ тысяцкимъ дружка сажаетъ большого боярина, потомъ малаго боярина, сваху съ повозникомъ. Когда усядутся, подаютъ на столъ лапшу и когда ее съѣдятъ, дружка проситъ перемѣнить блюда такими словами:

2326.

Поваръ-дворъ,
Перемѣняй-ко
Ѣства сахарныя!
Нашъ тысяцкій
Пить ѣсть хочетъ.
Большой бояринъ,
Малый бояринъ,
Я дружка съ подругами,
Сваха съ повозникомъ,
Весь нашъ храбрый поѣздъ
Пить ѣсть хочетъ.
Что есть въ печи
На столъ мечи!
Кочергой загребай,
Помеломъ заметай,
Все къ намъ
На столъ подавай.

Послѣ этого подаютъ кашу и простой пирогъ, не отвѣдавши котораго, всѣ вылѣзаютъ изъ-за стола и благодарятъ хозяина. Женихъ, по обыкновенію, въ день свадьбы говѣетъ. Потомъ дружка обращается къ родителямъ жениха и говоритъ имъ: «Умѣли вы своего чада милаго вскормить вспоить, умѣйте и благословенье дать.» Тогда начинаютъ обычномъ порядкомъ благословлять жениха иконой, при чемъ мать держитъ хлѣбъ съ солью. Пока родители благословляютъ, дружка держитъ двери, а потомъ онъ проситъ благословить и весь поѣздъ:

2327.

Дайте намъ благословенье,
Ѣхать намъ жениться
Чистыми полями
Селами, городами,
Деревнями, слободами.
Взять намъ свое суженое,
Взять намъ свое ряженое
Привести бы её въ Божій храмъ,
Поставить бы её на одно подножіе
И принять законъ Христовъ.

Послѣ этого всѣ поднимаются, идутъ на дворъ всѣмъ поѣздомъ, предварительно застраховавъ жениха отъ всей силы вражіей и отъ худыхъ людей—*луковицей*, утыканной иголками. Эту луковицу женихъ хранитъ у себя въ карманѣ. Когда выйдутъ на дворъ, дружка обходитъ съ воскресной молитвой лошадей, и каждую щупаетъ за гриву. Выѣзжаетъ сначала дружка, за нимъ женихъ съ тысяцкимъ вмѣстѣ, потомъ бояре и т. д. Такимъ порядкомъ мчится княженецкій поѣздъ за своей

суженой. Когда ѣдутъ, нельзя — никому ни кланяться, ни сворачивать съ дороги.

За нѣсколько саженъ разстоянія до суженой, поѣздъ останавливается, ѣдетъ только одинъ дружка. Подъѣхавши, онъ входитъ въ домъ, по обыкновенію молится и спрашиваетъ имя и отчество хозяина. У радушнаго хозяина для дружки-болтушки приготовлено уже угощеніе. Дружка подходитъ къ столу, наливаетъ себѣ стаканъ водки и кричитъ: «Господи, Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ! Хочу я у тебя спросить, добрый хозяинъ: были-ли у тебя сговоры съ такимъ-то человѣкомъ? били-ли вы по рукамъ чрезъ хлѣбъ и соль, чрезъ дубовый столъ?» Отвѣчаютъ, что все это было. «Когда было такое дѣло», тараторитъ дружка:

2828.

Есть у насъ во чистыхъ поляхъ,
Во зеленыхъ лузьяхъ,
Въ бѣлобархатныхъ шатрахъ
Есть княженецкій поѣздъ.
Ихъ бѣлыми снѣгами задувало,
Желтыми песками заметало.

— Прикажи, милостивый государь, князю новобрачному съ его храбрымъ поѣздомъ въѣхать на твой широкій дворъ!» — «Богъ благословитъ», отвѣчаетъ хозяинъ, милости просимъ!» Тогда дружка отъ имени хозяина ѣдетъ къ поѣзду и проситъ ихъ въѣхать. Невѣстинъ отецъ выходитъ встрѣчать жениха съ иконой, а мать съ хлѣбомъ и солью. Дружка подводитъ жениха за руку, оба крестятся предъ иконой, а потомъ женихъ кланяется въ ноги и входитъ въ домъ со всѣмъ своимъ поѣздомъ. Дружка впередъ забѣгаетъ съ войлокомъ, постилаетъ его въ переднемъ углу для жениха и тысяцкаго. Когда всѣ усядутся за столъ, дружка наливаетъ себѣ водки и кричитъ опять: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» Милостивые государи! Княгини новображной, батюшка съ матушкой!

2829.

Доступите пожалуйте!
Очистите свой путь,
Окажите свои ясны очи!
Очи ваши увижу
И ц(ч)еломъ ударю
И по имени возвеличаю.
У меня у дружки
Ноги съ подходомъ,
Руки съ подносомъ,
Сердце съ покоромъ,
Голова съ низкимъ поклономъ.
Я, дружка, чашу наливаю,
Спаса призываю.
Чашу подношу
И лица своего не стыжу,
Чаша деревянна,
Въ чашѣ питье медвяно,
Сахаромъ съ виноградомъ уставлена.
Примите для любья,
И выкушайте для здравья.
Послѣ здравья будьте многолѣтны!
У великаго Николы
Канунъ пейте
У Пресвятой Богородицы
Хлѣба кушайте.
Прикажите, милостивый государь!
У вашей милости пообѣдать:
Чѣмъ богаты,
Тѣмъ будьте и рады!

На столѣ въ это время приготовлена уже капуста и лапша. Невѣста пока находится за перегородкой довываетъ свою дѣвичью волюшку такими словами:

2830.

Ты принасъ ли, родной тятенька,
Еще мнѣ да шубу новую,
Шубу новую да къ сердцу темную?

Батюшка приноситъ ей шубу, она кланяется въ ноги, а потомъ обращается къ матери:

Принасла-ли, ты родимая
Еще мнѣ да цвѣтно платьице,
Цвѣтное да подвѣнешное,
Подвѣнешно, вѣковѣшное?

Мать приноситъ ей наряды; дѣвушки начинаютъ ее одѣвать. Кладутъ такъ же, какъ жениху, луковицу, натыкаютъ вездѣ, гдѣ можно, иголокъ. Дѣвушки не торопятся одѣвать свою подругу. А дружкѣ не терпится.—«Что княгиня

новобрачная, оболчена-ли? обута-ли?» кричитъ онъ, «если не одѣта, то мы привезли», и кажетъ *куфтыръ* (узелъ) съ одежей, которую привозятъ всегда на случай. Дѣвушки съ усмѣшкой отвѣчаютъ дружкѣ, что еще сарафанъ не лѣзетъ. Дружка какъ бы съ обидой на эту насмѣшку, говоритъ дѣвушкамъ:—«Чего вамъ, милые, еще не хватаетъ?» Дѣвушки требуютъ деньги, тысяцкій раскошеливается и уплачиваетъ рубль или два *за выкупъ* дѣвицамъ. Послѣднія, когда одѣнутъ невѣсту, отдаютъ ее въ руки брату или кому-либо изъ близкихъ родственниковъ. Братъ ведетъ къ жениху невѣсту съ такими причетами:

2331.

Отшатись-ко, князе бояре!
Еще дайте путь дороженьку
Изъ кути да въ подокошечко!
Не сказали молодехонькой.
Что сидитъ родима мамынька:
На лѣвой рукѣ цвѣтно платьице,
А во правой Спаса-образа.
Погляжу я, молодехонька,
По своей по бѣлой горьницѣ—
Тутъ сидятъ да все цужи люди,
Все цужіе, незнакомые.

Братъ не сразу отдаетъ невѣсту, и когда получитъ за нее должный откупъ. Тогда дружка сажаетъ невѣсту возлѣ жениха, переплетаетъ у нихъ руки и ноги и ударяетъ ихъ головой о голову три раза. А невѣста въ это время воетъ:

2332.

Не спасибо, дружка ласковый,
Что разшибъ мою головушку,
Изломалъ-ты мои рученьки,
Отнялъ мою волю-бóльшиву.

Потомъ обращается къ своей матери и говоритъ:

2333.

Погляди, моя родимая,
Ты отъ пецки отъ кирпишныя,
Отъ залавоцка порожнаго,
Изъ подъ брусика висяцова
На меня на молодехоньку:
Наряжана-ли я наряжена,
Да возлѣ ровни-ли посажена?

Послѣ этого обращается и къ своему су[...] ному:

2334.

Что берешь, ты добрый молодецъ,
Что берешь да ты надѣешься?
Меня пошлешь на работушку—
Ничего-то я не сдѣлаю.
Ужъ я сдѣлаю да не по твоему,
Не по твоему, и по своему,
Я уйду да загулянья
Позабуду свое дѣлицко.

Тогда и женихъ, какъ будто въ отчаяніи, же захнычетъ. Въ это самое время, поѣзжа[...] закусываютъ предложенную капусту и лапш[...] Послѣднюю ѣдятъ только по одной ложкѣ, а [...] томъ накрываютъ блюдо короваемъ и вылѣзаю[...] изъ-за стола. А невѣста завоетъ:

2335.

Не спосибо, родной тятенька
За сегодняшній за хлѣбъ за соль.
Хлѣба стопушка простóяла,
Сухая ложечка пролéжала.

Дружка начинаетъ ее уговаривать: «Ну полн[...] голубушка, полно!» Но находчивая невѣста дружкѣ напоетъ:

2336.

Погоди-ка ты, дружка ласковый,
Ласковый да наговорцивый!
При твоихъ слезахъ,
Да не въ твоихъ рукахъ;
Не на твоей вѣдь я землѣ стою,
Да и не твой вѣдь я наземъ топцу.

Еще больше разстраиваютъ дѣвушку-невѣс[...] ея подружки измѣнницы: онѣ всячески начинаю[...] просмѣивать ея суженаго и поютъ, что у ж[...] ниха-то на горбу роща выросла, на губахъ-хоть блины пеки, а на лбу-то хоть лапшу мѣ[...]

и т. д. (Пѣсню эту дословно привести не могу). Только тысяцкій да дружка пряниками да орѣхами удерживаетъ отъ подобныхъ пѣсенъ насмѣшницъ.

Какъ бы то ни было, время идетъ, слѣдуетъ давать благословеніе на отъѣздъ къ вѣнцу. Къ концу подходитъ и вытье невѣсты. Какъ бы въ довершеніе своихъ причетовъ дѣвушка обращается къ брату съ такими словами:

2337.

Ты сходи-ка, братецъ батюшка,
Да еще въ то-ли во чистò поле,
Принеси-ка бѣлъ горюцъ камень,
Положи-ка въ ноги тятенькѣ.
Какъ станýтъ давать благословеньице,
Да какъ стану въ ноги кланяться,
Расшибу свою головушку,
Чтобы прошла такая славушка,
Что убилась красна дѣвица,
У родимаго у тятеньки
Да что въ тѣхъ-ли во рѣзвыхъ ногахъ.

Однако же и это не помогаетъ; дѣвушку обычнымъ порядкомъ благословляютъ и женихъ ведетъ ее усаживать въ повозку. Дѣвушка рвется и воетъ:

Выживаютъ звѣря изъ лѣсу,
Красну дѣвицу да изъ дому.

Подружки, должно быть, не наѣлись еще вдоволь пряниковъ да орѣховъ, они и здѣсь продѣлываютъ надъ женихомъ шутку и вырываютъ невѣсту изъ рукъ и требуютъ опять выкупъ. Тысяцкій не жалѣетъ денегъ, лишь бы скорѣе къ дѣлу. Не тутъ-то было—видно скоро хорошо недѣлается—невѣста еще не садится въ повозку, ломается, падаетъ, а женихъ какъ бы то ни было долженъ усадить ее одинъ безъ помощи другихъ. Нужно себѣ представить положеніе молоденькаго парня въ то время, особенно слабосильнаго, когда ему приходится возиться съ деревенской лепешкой—дѣвкой, чтобы усадить ее въ повозку. Не посадить ее значитъ показать свое полнѣйшее безсиліе предъ будущей женой своей. И вотъ онъ кряхтитъ, натужится до поту лица и усаживаетъ. Дѣвушки окончательно смиряется и больше не воетъ. Поѣздъ готовъ къ отъѣзду, слѣдуетъ лишь только уплатить молодымъ ребятамъ на водку за открываніе воротъ. Поѣздъ мчится, невѣсту везетъ обыкновенно братъ или заступающій его мѣсто родственникъ. Послѣдній, пока невѣста у него въ рукахъ, по дорогѣ къ церкви, не разъ останавливается—то у него сани приморозитъ, то лошадь раскуется и т. п., дружка знаетъ чѣмъ попукпуть лошадь невѣсты: подноситъ водки брату и поѣздъ опять мчится своимъ порядкомъ къ церкви. Здѣсь въ церкви вѣнчаніе идетъ обычнымъ ходомъ. Развѣ какъ на особенность можно указать только на то, что каждая невѣста и каждый женихъ удерживаютъ другъ друга, что первому или первой встать на подножье. отъ этого будто бы будетъ первенство того или другого въ супружеской жизни. Невѣста во время браковѣнчанія стоитъ съ распущенными волосами, а послѣ ее *крутятъ* т. е. заплетаютъ двѣ косы и надѣваютъ повойникъ. Когда окрутятъ невѣсту, женихъ выводитъ ее за руки и сажаетъ съ собой рядомъ—обнимаетъ и прикрываетъ ее полой своего тулупа или халата.

Новобрачные ѣдутъ сначала къ невѣстиному отцу въ домъ. Здѣсь родители невѣсты встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ-солью и иконой. По входѣ ихъ въ избу начинается брачный столъ, какъ называютъ его здѣсь,—*красный* столъ; онъ состоитъ непремѣнно изъ 12 блюдъ; пива и водки также запасаютъ вдоволь. Пиръ открываетъ дружка со стаканомъ водки въ рукахъ, — такими словами:

2338.

«Господи Іисусе Христе, Сыне Божій,
Помилуй насъ!
Во всю свѣтлу свѣтлицу,
Во всю бѣлу горницу,
Изъ кути по лавкамъ,
Въ куть по скамейкамъ,
Малые ребята,
Сивы поросята,
Жималостны ноги,
Вострые сопли,
Красныя дѣвицы,
Крѝпошны блудницы,
Молодые молодицки,
Кривыя на васъ надѣты кицки,
Старые старики,
Почтенные мужики:
Просимъ милости,
Князю съ княгиней новобрачной
Хлѣба-соли кушать!
У кого волосы плотны,
Да зубы крѣпки,
Просимъ милости кушать!

Да еще прошу васъ, чѣмъ вы богаты, князя съ почетнымъ поѣздомъ подарите.

Хозяева тогда раздаютъ принесенныя подарки и просятъ гостей хлѣба-соли кушать. Угощеніе и обѣдъ идетъ своимъ чередомъ. Какъ на особенность брачнаго стола, нужно указать 10-е кушанье—это короваецъ, утыканный лучинками съ лентами и цвѣтами. Подавая его, стряпка говоритъ: «Корешокъ подрубите, а верхъ не сушите и ленточки позолотите!» Дружка отвѣчаетъ: «Покорно благодаримъ, мы такъ сдѣлать не съумѣемъ.» Тогда стряпка сама беретъ ножъ и срѣзываетъ верхнюю корку; внутри коровайца запечена говядина, которую и начинаютъ кушать; съѣвши говядину и, не трогая корокъ, дружка накрываетъ опять верхнюю корку и даетъ самъ деньги, тоже дѣлаютъ и гости. Это уже идетъ въ пользу стряпкѣ. 11-е кушанье—рыбный пирогъ. Передъ нимъ дружка кричитъ, что рыба по суху не ходитъ. «У Владимира Солнышка, продолжаетъ онъ, пересохло въ горлышкѣ!»

2339.

Есть-ли у васъ у боцекъ боцкари
У гвоздей гвоздыри,
А у ведеръ пивоносники,
А у зелена вина хозяева!

Тогда обносятъ послѣдній разъ гостей водкой и пивомъ. Потомъ подаютъ простой пирогъ безъ начинки, его не ѣдятъ уже и вылѣзаютъ изъ-за стола съ обычной благодарностью за хлѣбъ и соль. Всѣ поѣзжане собираются послѣ этого къ жениху въ домъ и просятъ къ себѣ ѳтгащивать невѣстину родню. На поѣздъ отецъ съ матерью невѣсты опять благословляютъ молодыхъ и желаютъ имъ спокойной ночи.

При входѣ въ домъ жениха, родители послѣдняго встрѣчаютъ молодыхъ также съ хлѣбомъ-солью и иконой. Невѣста со слезами покорности обращается къ свекру и свекрови съ такими словами: «Богодатные мои, батюшка и матушка! Дайте мнѣ честное благословеніе пройти въ вашу свѣтлу горницу!» По входѣ открываютъ пиръ для родственниковъ невѣсты; молодые въ это время удаляются за перегородку для ужина, а потомъ дружка отводитъ ихъ на брачное ложе. Гости остаются до тѣхъ поръ, пока сонъ и хмѣль окончательно не осилитъ ихъ.

Утромъ сваха будитъ молодыхъ. Женихъ вставши, тотчасъ, собирается за тестемъ и тещей. Последніе пріѣзжаютъ и привозятъ съ собой приданое невѣсты въ сундукѣ. Въ этотъ же день бываетъ баня для молодыхъ, послѣ коей сваха приноситъ ночную рубаху невѣсты какъ вещественное доказательство цѣломудрія послѣдней. Если есть это доказательство, гости бьютъ посуду, пляшутъ скачутъ и пр., въ противномъ же случаѣ приносятъ *хомутъ* и надѣваютъ его на шею отцу невѣсты. Тѣмъ дѣло и кончается. — Въ послѣднее время здѣсь вовсе почти не обращаютъ вниманія на цѣломудріе невѣсты. Пиръ продолжается до вечера, гости посѣщаютъ родственниковъ жениха, кои участвовали въ поѣздѣ.

Вечеромъ въ 1-й день послѣ вѣнчанія бываютъ *поцѣлуи*. Молодая обноситъ гостей водкой и потомъ каждаго цѣлуетъ. За поцѣлуй ей кладутъ на блюдо деньги. Богатыя невѣсты надѣляютъ рублей 50 или 40, бѣдныя — 5—10 руб. Послѣ поцѣлуевъ брачный пиръ кончается, у рѣдкихъ только онъ продолжается и на слѣдующій день. Свадьбы, нужно сказать, здѣсь очень чувствительны для жениха. Родителямъ послѣдняго, при плохомъ состояніи, приходится издержать рублей 30—40, а богатые тратятъ рублей сто.

Села Богородскаго, священникъ Григорій Гагинскій.

Той же губ. и уѣзда, въ приходѣ с. Воскресенскаго.

Свадьбы бываютъ большею частію послѣ Крещенія Господня, (передъ масляницей), осенью же хотя и бываютъ, но въ маломъ количествѣ. Свадебный пиръ продолжается дня три-четыре: день у невѣсты, а остальные два-три дня у жениха. Днемъ для сватанья главнымъ образомъ выбирается день воскресный, но бываетъ сватанье и въ другіе дни. Самое сватанье обыкновенно происходитъ такимъ образомъ: отецъ жениха, посовѣтовавшись съ женой и сыномъ (женихомъ), приглашаетъ съ собою въ ту деревню, въ которой живетъ невѣста, ближайшаго родственника, или, если родственники бѣдны, богатаго *сусѣда*-однодеревенца и ѣдетъ съ нимъ къ отцу невѣсты. Тамъ они останавливаются въ домѣ какого-либо родственника (если онъ есть) или знакомаго и просятъ его, или жену его, сходить къ отцу невѣсты и сдѣлать предложеніе: не пожелаютъ-ли они выдать свою дочь замужъ. Отецъ невѣсты въ большинствѣ случаевъ не отказываетъ отцу жениха, а идетъ къ нему для переговоровъ. Въ этомъ случаѣ онъ придерживается извѣстной поговорки: «сватъ не сватъ,—добрый человѣкъ».

Сватанье устраивается иногда въ первую же поѣздку, а къ другому отцу приходится съѣздить раза два или три, прежде, чѣмъ онъ окончательно рѣшиться на сватовство, отговариваясь въ данномъ случаѣ тѣмъ, что-де надо посовѣтоваться съ матерью, родными и самой невѣстой. Когда всѣ они посовѣтуютъ отдать замужъ невѣсту, тогда уже объявляютъ отцу жениха, чтобы пріѣзжалъ окончательно сватать и привозилъ вина. Отецъ жениха со своей женой и родственниками отправляются къ отцу невѣсты, входятъ въ избу, молятся предъ иконами; ихъ сажаютъ въ передній уголъ. Затѣмъ будущіе сватья, послѣ разныхъ разговоровъ, не идущихъ къ дѣлу, начинаютъ вести рѣчь и о дѣлѣ. Эта рѣчь ведется обыкновенно такъ: жениховa родня говоритъ, что у нихъ есть покупатель, а у тѣхъ товаръ, и не согласятся-ли они продать свой товаръ; говорятъ: что товаръ ихъ молодъ, да и имъ больно нуженъ въ хозяйствѣ, да и одежки-то еще мало понашиты и т. п., но въ концѣ концовъ дѣло ладится, но съ условіемъ, чтобы за невѣсту дали, такъ называемый *«выговоръ»*, который простирается отъ 10 до 50 и иногда болѣе рублей, смотря по состоянію тѣхъ или другихъ родителей. Если невѣста очень бѣдна и не имѣется *задубленаго* или суконнаго полушубка, то отецъ ея выговариваетъ и этотъ полушубокъ, затѣмъ поговорятъ о дарахъ, которые бываютъ большею частію со стороны невѣсты, заключающіеся въ томъ, чтобы отрѣзать кому слѣдуетъ и подарить то на фартукъ, то на рукава или же обдарить *утирками* (полотенцами), а жениха подарить—рубашкой и подштанниками. Покончивъ всѣ эти щекотливые разговоры, засвѣчаютъ предъ образами свѣчку и молятся; послѣ молитвы бываетъ *«рукобитье»*, т. е. родители подаютъ другъ другу руки, посторонній человѣкъ разнимаетъ ихъ, и начинается попойка, на которую обыкновенно приглашается вся невѣстина родня; угощаетъ всѣхъ отецъ жениха. Во время попойки назначаютъ и время свадьбы. Въ это же время отецъ жениховъ спрашиваетъ своего новаго свата, пріѣзжать-ли съ гостинцами и будетъ-ли *вечерина* (наканунѣ свадьбы). Тотъ большею частію соглашается, чтобы послѣ въ семействѣ ея мужа не стали корить его дочь: «какой у тебя батька и вечерины не сдѣлалъ». Какъ только совершится рукобитье, невѣста, поклонившись отцу и матери въ ноги и сѣвъ за переборку (перегородку), тотчасъ начинаетъ причитать или, по мѣстному выраженію— *«выть»*:

2340.

Исполать, мои пріятели,
Что заправдалися мои пріятели,
Отдать меня, молодехоньку,
Во тѣ, да во чужи люди,
Ко чужому отцу-матеру.
Ужъ да въ васъ, мои пріятели,
Вся правдушка солгалась,
И вся ложность оказалась.
Безъ меня, да молодехоньки,
Не два солнышка свѣтить будетъ,
Не два солнца обогрѣютъ васъ;
Не корабль къ вамъ и на дворъ взойдетъ,
Не сундукъ казны откроется.
Работала я, пріятели,
Безо всякія безъ ложности,
То не думала, пріятели,
Дождаться отъ васъ этого.
Всё ходила на работу ужъ я первая,
Знать потомъ, мои пріятели,
Стала я для васъ ужъ лишняя;
Что потомъ, мои пріятели,
Въ полѣ не жнея была,
Во лугахъ, да не кошельщица.
Что потомъ, мои пріятели,
Подъ окошко вамъ подкинута.
Что потомъ, мои родимая,
О чемъ я стану кучиться?
О чемъ я низко кланяться?
Не рѣчами, уговорами,
Тебѣ низкими поклонами,
Да горючіимъ слезамъ, —
Ты сходи, моя родимая,
Къ моимъ милыимъ подруженькамъ;
Поклони-ка-си, родимая,
Поклони-ка-си низехонько,
Позови, моя родимая,
Ты ко мнѣ, да къ молодёхонькѣ,
Чтобъ пришли мои любезныя,
Милыя подруженьки,
Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ,
Къ моему, да ко злодій-горю,
Ко злодій-горю великому.

Когда окончится это причитанье, мать невѣсты идетъ къ ся подругамъ и зоветъ ихъ къ своей просватанной дочери. Тѣ тотчасъ же отправляются къ своей подругѣ-невѣстѣ. Передъ входомъ своихъ подругъ въ избу, невѣста «воетъ»:

2341.

Что-то мнѣ почуялось,
Что-то померещилось:
Посередь зимы студеныя,—
Что летятъ да гуси-лебеди, —
То идутъ мои подруженьки

Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ.
Выйди-ка, родимая,
Срить-то (встрѣть) ихъ, подруженекъ,
Среди двора широкова,
Ты поставь-ка двери на пяту
Моимъ милымъ подруженькамъ.

При входѣ ихъ въ избу, невѣста продолжаетъ:

2342.

Не спасибо вамъ, любезныя,
Милыя подруженьки,
Зачѣмъ васъ долго не было,
За какими недосугами?
Али батюшки и матушки
Васъ ко мнѣ не отпускали?
Знаю, мои милыя,
Буйны головы причесали,
Рубчетны плетни заплетали,
Какъ собиралисъ, мои милыя,
Во смиренную бесѣдушку.
Поглядите-ка, пріятели,
Что у васъ въ избѣ за садъ стоитъ,
Что въ саду за макъ цвѣтетъ?
То стоятъ мои подруженьки.
Одна маковка да поблѣднѣе всѣхъ,
Ее мочитъ сверху дождичекъ,
А по правую сторонушку
Запекло, да краснымъ солнышкомъ.
Попросите-тка, любезныя,
Милыя подруженьки,
У милыхъ моихъ пріятелей,
Чтобъ мою, да дѣвью красоту,
Золотую мою связочку
Ужъ . . . взять, да молодехонькѣ,
Мнѣ её да къ ретиву сердцу.
Ужъ возмите-тка, любезныя,
Милыя подруженьки,
Вы унесьте-тко, родимыя,
Мою да дѣвью красоту,
Во батюшко, во тёмный лѣсъ.
Вы положьте-тко, подруженьки,
Мою да дѣвью красоту
Золотую мою связочку,
Какъ на то-ли сухо дерево.
Какъ тому-ли суху дереву
Не бывать да двою зелену;
Ужо мнѣ, да молодехонькѣ,
Не живать, да во красныхъ дѣвушкахъ.
Вы послушайте, пріятели,
О чемъ я стану кучиться:
Посажай, моя родимая,
Что за тотъ-ли за дубовый столъ
Моихъ милыхъ подруженекъ,
За любовь-то ихъ великую,
Что пришли мои любезныя
Ко мнѣ, да къ молодехонькѣ.
Ты чести-ка, пуще потчуй ихъ,
Ты напой, моя родимая,
Ужо тѣмъ да зеленымъ виномъ,
Ты напой, моя родимая,
Ужо тѣмъ да пивомъ пьянымъ.
Чтобъ запѣли-бы, любезныя,
Милыя подруженьки,
Ужо ту да пѣсню жалобну,
Пѣсню жалобну и свадебну.
Зазнобили-бы у молодёхоньки
Мое сердце ретивое
Отнынѣ и дò вѣку,
До матушки гробовой доски.

Дѣвицы-подруги поютъ:

2343.

Какъ задумали родители
Меня замужъ выдавать,
Отъ бесѣды, отъ подружекъ
Хотятъ младу отлучать.
Какъ меня, младу, отлучатъ,
Я не чаюсь живой быть.
Я пойду съ такого горя
Въ нову горницу сидѣть;
Ужъ я сяду, пригорюнюсь
У косащата окна,
И тамъ буду слёзы горьки
Проливать за то окно;
И тамъ буду я глядѣть
Во чисто поле далеко,
И тамъ буду я бранить
Чужу-дальну сторону:
«Ты злодій, злодій, злодій
Чужа дальна сторона!
Разлучила ты меня
Съ отцемъ, матерью родной,
Разлучила ты меня
Съ моимъ миленькимъ дружкомъ.»

Затѣмъ подруги расходятся по домамъ и послѣ приходятъ къ своей подругѣ-невѣстѣ уже какъ вздумается. Когда невѣста останется одна среди своихъ близкихъ родныхъ, то она снова воетъ:

2344.

Послушайте, пріятели,
Родимая матушка,
Со кормилицемъ, со батюшкой!
Словно вамъ я не родимая,
Во утробѣ не пошеная,
У бѣлыхъ грудей не леженая?
Вамъ-ли, мои милые,
Не раба я была, не работница,
Не слуга-то ли я вѣрная,
Не посылка-то ли скорая,
Во полюшкѣ не жнеюшка-ль,
Во зеленыихъ лугахъ не кошельщица?
Не дали грушѣ вырости,
Не дали яблонкѣ выцвѣсти,
Не дали яблочку вызрѣти;
Не дали мнѣ, пріятели,
На ноги рѣзвы подвятися,
Съ годами собратися,
Съ умомъ-разумомъ справитися.
Ужъ какъ отдали вы, пріятели,
Ко тѣмъ, да ко чужимъ людямъ,
Изъ теплыхъ рукъ въ холодныя,
Ко чужому отцу-матери.
А чужая мать—не матушка,
И чужой отецъ—не батюшка.

Если придетъ къ сговоренкѣ крестная мать, то она воетъ такъ:

2345.

Поди-тка, крестна матушка,
Къ моему-то горю кручину,
Къ печалушкѣ великой!
Ты послушай, крестна матушка,
О чемъ я буду кучиться,
О чемъ я буду кланяться,
Надѣли меня, родимая,
Чистыимъ благословеньицемъ,
Чистыимъ, нерушимыимъ
Какъ того-ли Спаса образомъ.

Не задолго до свадьбы родственницы жениха пріѣзжаютъ къ невѣстѣ съ гостинцами и передаютъ эти гостинцы матери невѣстѣ. Гостинцы эти состоятъ изъ конфектъ, пряниковъ, орѣховъ и сладкихъ пироговъ съ малиной, черникой, изюмомъ и т. п. Всѣхъ пріѣзжихъ гостей сажаютъ за столъ и начинаютъ угощать или по мѣстному выраженію, «честить». Честятъ настолько, что гости предъ отъѣздомъ домой, какъ говорится, лыка не вяжутъ. Во время пира невѣста изъ-за перегородки выходитъ къ гостямъ, подчуетъ ихъ пивомъ и виномъ. Въ то время она цѣлуетъ всѣхъ гостей-женщинъ, а тѣ на нее въ то время пристально глядятъ. Послѣ пирушки гости разъѣзжаются и въ другой разъ уже пріѣзжаютъ къ невѣстѣ наканунѣ свадьбы—на вечеринку. Женихъ на вечеринку пріѣзжаетъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью. На вечеринку отецъ жениха обыкновенно привозитъ и условленный «выговоръ» за невѣсту, состоящій изъ денегъ, шубы и проч., а женихъ привозитъ своей невѣстѣ платокъ, ситцу на сарафанъ, башмаки и т. п. Въ свою очередь и невѣста его отдариваетъ—рубашкой, штанами и поясомъ. На вечеринку обыкновенно собираются дѣвушки-подруги невѣсты, которыя въ то время, когда идетъ вечерина, постоянно поютъ пѣсни, и въ своихъ пѣсняхъ не рѣдко «срамятъ» жениха. Но если онъ при этомъ даетъ имъ денегъ, то начнутъ хвалить. На вечеринѣ, между прочимъ, поются слѣдующія пѣсни:

2346.

Во горенкѣ во новой,
Въ новой,
Стоялъ столикъ кедровой,
Кедровой,
Обитъ парчей голубой,
Голубой,
Серебряной бахрамой,
Бахрамой.
На столикѣ убраныимъ
Убрано.
Графинъ водки ставлено,
Ставлено.
Николай господинъ —
Дворянинъ
По горницѣ проходилъ,
Проходилъ,
Къ столику подходилъ,
Подходилъ,
Графинъ водки въ руки бралъ,
Въ руки бралъ,
Въ рюмку наливалъ,
Наливалъ,
Катюшѣ подносилъ,
Подносилъ,
Васильевну просилъ,
Онъ просилъ:
Выпей рюмку отъ меня,
Для меня,
Ради сына-сокола,
Сокола.

А тебѣ я подарю,
Подарю,—
Куплю нитку жемчугу,
Жемчугу.
Носи жемчугъ, не жалѣй
Не жалѣй,
Роди сына, да лелѣй,
Ты лелѣй.

Или такого рода пѣсни:

2347.

Ужъ ты сваха *шаболтошница* [1])!
Ужъ ты сватала, все хвастала:
«У насъ дворъ-то на семи верстахъ,
На семи верстахъ казенныхъ
О середь двора три горницы.
Какъ пріѣхали, увидѣли:
У васъ дворъ-то на пяти шагахъ,
На пяти шагахъ, на куричьихъ,
Осередь двора три банишки.

Или:

2348.

Твой женихъ не хорошъ, не пригожъ—
На горбу-то роща выросла
Во этой-то во рощицѣ
Грибы растутъ;
Грибы растутъ березовые;
Въ головѣ-то мышь гнѣздо свила,
Въ бородѣ-то дѣтей вывела;
А на лбу-то хоть лапшу сучи,
На бровяхъ-то журавли клюютъ,
А у глазъ-то хоть спички сирь;
Въ носу-то хоть кисель твори,
А сквозь зубовъ хоть кисель цади,
На брылахъ-то хоть блины пеки.

А когда женихъ дастъ дѣвушкамъ денегъ, продолжаютъ:

Твой женихъ и хорошъ и пригожъ;
Его кудри наложеные,
Черны брови наведеныя;
Ясны очи, какъ у сокола;
Его щоки—что твой маковъ цвѣтъ,
Его губы—что твой медъ сотовой.

Около полуночи всѣ гости разъѣзжаются и расходятся съ вечерины. Уходятъ и дѣвушки-подруги съ вечерины; но онѣ снова приходятъ къ невѣстѣ-подругѣ утромъ, въ самый день свадьбы, въ то время, когда топится печь. Тутъ онѣ изъ прѣснаго тѣста дѣлаютъ короваецъ (бѣлый хлѣбъ). Втыкаютъ въ этотъ короваецъ лучинки, которыя покрываютъ тѣстомъ, а на середнюю лучинку сажаютъ, сдѣланнаго изъ тѣста, поросенка; въ ротъ этого поросенка всовываютъ соломину; на поросенка приклеиваютъ пастуха изъ того-же тѣста и даютъ этому пастуху въ руку мочало или же нитку въ родѣ кнута. Когда пирогъ испечется, его вынимаютъ изъ печи, втыкаютъ въ него прутики, обвѣшиваютъ эти прутики разноцвѣтной бумагой и *убасятъ* т. е. украшаютъ лентами. Этотъ пирогъ (короваецъ) подаютъ за обѣдомъ послѣ вѣнчанія. Между тѣмъ какъ въ домѣ невѣсты, въ день брака, съ самаго ранняго утра занимаются стряпней, въ домѣ жениха приготовляются ѣхать за невѣстой. Снаряжается поѣздъ изъ родственниковъ жениха. Поѣздъ называется малымъ, когда состоитъ изъ двухъ или трехъ паръ, и большимъ—когда состоитъ изъ шести, семи и болѣе паръ лошадей; свадьба въ послѣднемъ случаѣ называется *«скрутной»*. Въ каждомъ поѣздѣ непремѣнно участвуетъ дружка, который выбирается изъ родственниковъ и изъ постороннихъ лицъ—*сусѣдей*; онъ долженъ быть мастеръ своего дѣла, т. е. чтобы онъ всегда нашелся, что къ чему сказать и что когда сдѣлать. Дружкѣ воздается на свадьбѣ особенный почетъ и дается полный просторъ *пировать* до сыта. Свадебный поѣздъ собирается такимъ образомъ. Поѣзжане родственники жениховы отца собираются въ его домѣ для поѣзда за невѣстой, при чемъ иные изъ родственниковъ привозятъ караваецъ (бѣлый или черный), всѣ садятся за столъ. Имъ подаютъ «варево», и они ѣдятъ его. За столомъ вмѣстѣ съ ними сидитъ и женихъ, но онъ ничего не ѣстъ, хотя передъ нимъ лежитъ хлѣбъ и ложка. Послѣ перваго варева слѣдуетъ второе, а затѣмъ подается *лапша*. Лишь только поѣзжане хлебнутъ лапши по три ложки, дружка кладетъ на блюдо съ лапшей короваецъ (бѣлый или черный хлѣбъ), разрѣзываетъ его на четыре части и говоритъ: «Кститесь (креститесь) и вставайте». Всѣ встаютъ. Дружка наливаетъ стаканъ пива и говоритъ: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» (крестится). «Есть-ли здѣсь произноситъ имя и отечество отца жениха и матери его? Встаньте на рѣзвы ноги, покажите ясны очи; въ очи я вижу, погибели не чаю, обоихъ величаю. У меня, у дружки, ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, сердце съ покоромъ, языкъ съ приговоромъ, голова съ низкимъ поклономъ. Я, дружка, чашу наливаю, Спаса призываю; при-

[1]) Отъ слова: шаболдошникъ = баклушникъ; шабалда = безтолковый пустомеля, и т. д. Слов. Даля.

ните чашу для любья, кушайте для здоровья; будьте послѣ чаши многолѣтны; у великаго Николы канунъ (мёдъ) пейте, у Матери Пресвятой Богородицы хлѣбъ кушайте. Умѣли вы своего сына вспоить, вскормить, на рѣзвы ноги поставить; умѣйте, родители, подъ окошко встать, чисто благословеньице дать—ѣхать жениться. Поѣдетъ вашъ сынъ чистыми полями, быстрыми рѣками, темными лѣсами, черными грязями, уѣздными городами. Пріѣдетъ вашъ сынъ къ Сіонскимъ горамъ; на этихъ Сіонскихъ горахъ стоитъ высокъ новъ теремъ. Въ этомъ терему сидитъ красная дѣвица, шьетъ она, вышиваетъ бѣлыя полотна; ждетъ, поджидаетъ къ себѣ добраго молодца. Взъѣхать-бы намъ на Сіонскія горы и подъѣхать ко широкому двору, попроситься у тѣхъ чужихъ людей на широкій дворъ; со широкова двора намъ взойти-бы на рѣзвыхъ ногахъ на калиновъ мостъ, со калинова моста въ бѣлу горницу и взять-бы ему красну дѣвицу за бѣлы руки, за златы перстни; ѣхать-бы въ село Воскресенье, а въ селѣ Воскресеньѣ стоитъ храмъ Господень. Придти-бы ему въ храмъ Господень, Богу помолиться, ко Евангелію приложиться, на одно подножье встать, да златъ вѣнецъ принять.» Послѣ этого приговора, обращеннаго дружкой къ родителямъ жениха, онъ (дружка) передаетъ налитой стаканъ женихову отцу, который, въ свою очередь, передаетъ его кому-либо изъ поѣзжанъ. Затѣмъ дружка наливаетъ другой стаканъ пива и держитъ свою рѣчь (приговоръ) уже ко всѣмъ лицамъ, собравшимся въ избѣ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ (крестится). Изъ кута по лавкѣ, въ кутъ по скамейкѣ; есть-ли здѣсь маленки ребятки—свиныя поросятки, зеленыя сопли, красны дѣвицы—крипошны блудницы,—старыя старушонки, худыя рубашонки, молодыя молодицы—косыя кички, банны затычки, подъ брускомъ лежащимъ, около столбушекъ стоящихъ,—примите чашу для любья, кушайте для здравья, будьте послѣ чаши благолѣпны, у великаго Николы канунъ пейте, у Матери Пресвятой Богородицы хлѣбъ кушайте. Благословите всѣ добрые люди нашему князю новобрашному (новобрачному), чего онъ пожелаетъ, то-бы ему получить въ добромъ здоровьи.» Послѣ этой рѣчи дружка передаетъ налитой стаканъ тому, кто стоитъ около столбушки, у печки, подъ полатями; тутъ-де обыкновенно стоитъ (по народному предразсудку) пòртинникъ или колдунъ, и потому стараются его угобзить, задобрить. Затѣмъ отецъ и мать жениха становятся у *тябла* (божница); отецъ держитъ въ своихъ рукахъ икону, а мать—хлѣбъ съ солью. Женихъ прикладывается къ иконѣ и хлѣбу, кланяется отцу въ ноги и проситъ у него благословенія. Отецъ говоритъ: «Господь тебя благословитъ; будь на тебѣ мое благословенье отнынѣ и дò вѣка». Потомъ икона передается матери, а хлѣбъ беретъ себѣ отецъ. Благословляетъ мать, при чемъ сынъ поступаетъ также, какъ и при благословеніи его отцемъ. Во время этого благословенья избную дверь держатъ, и никого не впускаютъ и не выпускаютъ изъ избы, боясь, прежде всего, колдуновъ или портниковъ, а также скандала со стороны подруги жениха, если только она была у него. Потомъ всѣ выходятъ на дворъ. Женихъ становится у своей лошади, три раза крестится, надѣваетъ шапку и садится. За нимъ садится и весь поѣздъ; выѣзжаютъ со двора. Дружка напоминаетъ жениху, чтобы онъ ни съ кѣмъ не кланялся, хотя бы ему всѣ кланялись, чтò онъ исполняетъ въ точности: всѣ ему кланяются, а онъ и до шапки не дотронется. Не пригоже-де князю новобрашному поклоны воздавать. Въ ожиданіи поѣзда съ женихомъ, къ родителямъ невѣсты собираются всѣ званые родственники, и многіе изъ нихъ приносятъ съ собой въ подарокъ коровай хлѣба, а невѣста, сидя съ своими подругами, въ это время воетъ:

2349.

Выйди-ка, братецъ-батюшка,
На улицу широкую,
Погляди-тка вдоль улицы широкой:
Какъ не ѣдутъ-ли чужіе люди?
Ты возьми-ка, братецъ-батюшка,
Въ обѣ руки по топорику,
Заваляй-ка путь дороженьку,
Чтобы не пройдти имъ, не проѣхать
Къ нашему, да широку двору.

Поѣздъ съ женихомъ стоитъ при въѣздѣ въ деревню, а по деревнѣ ѣдетъ дружка и прямо подъѣзжаетъ къ дому невѣсты. Входитъ онъ въ избу, молится Богу, садится на скамью; хозяинъ подноситъ ему стаканъ водки, онъ выпиваетъ, при чемъ хозяина съ хозяйкой поздравляетъ «съ гостенькомъ полюбовнымъ». За первымъ стаканомъ слѣдуетъ второй и третій. Послѣ третьяго стакана дружка встаетъ, творитъ Іисусову молитву и спрашиваетъ: «Кто здѣшнему дому хозяинъ?» «Я».—«Какъ васъ по имени назвать, по отечеству возвеличать?»—«Сидоръ Карпычъ.»—«Былъ-ли у васъ (имя и отечество отца жениха) такой-то?»—«Былъ.»—«Были-ли у васъ съ нимъ рѣчи тайныя, слова полюбовныя, промежъ себя сватовство?»—«Было.»—«Былъ-ли промежъ васъ

третій человѣкъ?»—«Затопляли-ли вы свѣчку, молились-ли Боги?»—«Затопляли и молились.»—«Бились-ли вы по бѣлымъ рукамъ черезъ столики дубовые, черезъ скетерти шелковыя, черезъ питія медвяныя, черезъ закуски сахарныя?»—«Бились.»—«Разнимали-ли у васъ бѣлы руки?»—«Разнимали.»—«Было-ли у васъ съ нимъ (отцомъ жениха) условье, чтобъ сегодня быть свадьбѣ?»—«Было.»—«Ждали-ли вы сегодня гости?»—«Ждали.» Послѣ такихъ допросовъ дружка продолжаетъ: А нашъ князь новобрачный и весь храбрый поѣздъ Тысяцкій, бояринъ большой, бояринъ меньшой, сваха и свахинъ повозникъ и я дружка со своимъ поддружьемъ, стоятъ во чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ, подъ бѣлымъ шатромъ, подъ краснымъ сукномъ, подъ зеленымъ садомъ, подъ краснымъ солнышкомъ, подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ, подъ мелкимъ звѣздочкамъ, съ холоду позябаютъ, съ голоду умираютъ, буйнымъ вѣтромъ задуваетъ, краснымъ солнышкомъ запекаетъ. Благословите намъ въѣхать на широкій дворъ, съ широкого двора взойти на калиновъ мостъ, со калинова мосточку войти въ бѣлу горницу. Своихъ-то гостей не потѣсните, А моихъ-то помѣстите; намъ не много мѣста надо: Изъ кути, да подъ окошко и до красного окошка. А мнѣ, дружкѣ, нѣтъ-ли хоть стульчика разъёмнаго? нѣтъ стульчика разъёмнаго—скамеечку расписную, а не расписную,—такъ хоть и простую, а нѣтъ простыхъ, и на ногахъ постою. Люди-то мы не форменные, тулупы на насъ не суконные,—и на простой посидимъ.»

Отецъ невѣсты говоритъ: «Милости просимъ.» Дружка выходитъ изъ избы, садится на лошадь и недоѣзжая до поѣзда, снявъ шапку, говоритъ: «Просимъ милости къ нашей княгинѣ новобрачной!» Дружка ѣдетъ впередъ, за нимъ весь поѣздъ, всѣ въѣзжаютъ на дворъ. На дворѣ у крыльца ихъ встрѣчаетъ отецъ и мать съ иконой и хлѣбомъ-солью. Женихъ получаетъ и отъ нихъ благословеніе, также, какъ и отъ своего отца родного и матери родной. Потомъ родители невѣсты приглашаютъ ихъ войти въ избу, при этомъ они сами идутъ впередъ, за ними дружка, за дружкой женихъ, за женихомъ весь поѣздъ. При входѣ въ избу гости не садятся, а спачала поддружка наливаетъ стаканъ пива, дружка произноситъ Іисусову молитву и ведетъ такую рѣчь: «Въѣхали мы на вашъ княжецкій дворъ по вашему приказанію,—благословите нашего князя новобрачнаго и на княженецкое мѣсто сѣсть.» Отецъ невѣсты говоритъ: «Богъ благословитъ.» Затѣмъ поддружка снова наливаетъ стаканъ пива; дружка произноситъ Іисусову молитву и продолжаетъ: «Просимъ покорно нашимъ конямъ задать корма: хлѣба печенаго, а нѣтъ хлѣба печенаго,—овса молоченаго; нѣтъ овса молоченаго,—сѣна кошенаго; нѣтъ сѣна кошенаго,—соломы яровой; нѣтъ соломы яровой,—ржаной; нѣть ржаной, такъ и такъ постоятъ, только просимъ приставить къ нимъ караульщичка, чтобы все было сохранно въ вашемъ домѣ честномъ...» «Мы тоже пріѣхали, продолжаетъ дружка, не такъ какъ иные прочіе: саночки самокаточки, семь жеребцовъ, словно ясныхъ соколовъ; хомуты сафьяновы, уздечки тесмяныя, шлейка шелковая, возжи плетены, сѣделки точены, дуги позолочены. У нашего князя новобрачнаго: тулупы лисьи, воротники куничьи, шапки собольи, верха бархатны; чтобы нашему князю новобрачному было во что нарядиться, на самокаточкахъ прокатиться. Еще у насъ есть двѣ коробки: одна коробка—серебра, а другая—золота. Мы это золото и серебро не по рублику считаемъ, и не горсточкамъ перегребаемъ; а беремъ совочекъ, насыпаемъ мѣшочекъ, да и распоряжаемся.» Послѣ того дружка, у котораго всегда «ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, сердце съ покоромъ, языкъ съ приговоромъ» и который всегда наливаетъ «въ чашу стеклянну питье медвяно», продолжаетъ такъ приговаривать: «А ѣхалъ я чистыми полями, быстрыми рѣками, уѣздными городами; мнѣ сказали: у васъ въ избѣ висятъ занавѣски, а за этими занавѣсками сидитъ невѣстка, какъ-бы мнѣ на эту невѣстку посмотрѣть: обута-ли она, оболочена-ли (одѣта-ли); есть-ли у ней на ногахъ сапожки, на рукахъ рукавички; надѣта-ли на ней лисья шуба? Мнѣ-бы ее вести, да руки-ноги необморозить, бѣло личико не попортить.» Дружка идетъ къ невѣстѣ въ кутъ подъ полати и на тарелкѣ несетъ дѣвицамъ-подругамъ стаканъ вина, при чемъ столпившимся зрителямъ говоритъ: «Отшатитеся (посторонитесь) желудки, пузырь ползетъ! какъ-бы мнѣ маленькихъ ребятъ не помять, старыхъ старушекъ не поропать, красныхъ дѣвушекъ за груди не похватать, на молодыхъ тетушкахъ шубки не изорвать; послѣ станутъ дружку бранить-ругать: «экой, скажутъ, дружка, экой пёсъ.» Дѣвушки, видя вино, говорятъ дружкѣ: «У насъ и безъ вина горько.» Дружка идетъ назадъ къ крестному отцу жениховy. Тотъ кладетъ на тарелку немного мѣдныхъ денегъ. Дѣвушки, увидя мѣдныя деньги, говоритъ дружкѣ: «У насъ невѣста бѣлая.» Дружка опять идетъ къ крестному отцу, который кладетъ на тарелку уже серебрушку. А невѣста въ это время причитаетъ:

2350.

Не бросайтесь, милыя подруженьки,
Вы на пиво пьяное,
Ни на матушку золоту казну!

Но дѣвицы-подруги на этотъ разъ ея не слушаютъ,—берутъ деньги, и которая побойчѣе, выпиваетъ стаканъ вина. Тогда невѣста надѣваетъ шубу, крестится и говоритъ:

Благослови меня, Господи,
Надѣть мнѣ шубу теплую.

Если-же надѣваетъ шубу выговоренную, то говоритъ:

Какъ тепла она и не угрѣвчева,
Какъ не грѣетъ у молодёхоньки
Сердце ретивое.

Затѣмъ братъ невѣсты выводитъ ее изъ кута или изъ-за переборки и ведетъ къ столу. Въ это время всѣ гости встаютъ и опрастываютъ мѣсто возлѣ жениха. Невѣста «воетъ»:

2351.

Ты постой-ка, братецъ-батюшка,
Ты бери-ка потихохоньку,
Ты веди-ка помалёхоньку.
У меня, у молодёхоньки,
Нейдутъ ноги рѣзвыя,
Съ того, да со злодій-горя.
Ты садись-ка, братецъ-батюшка,
Со мною, молодёхонькой,
На лавку бѣлолипову.
Не отдавай-ка, братецъ-батюшка,
Изъ теплыихъ рукъ въ холодныя.

Братъ ея садится возлѣ жениха, а около себя сажаетъ сестру-невѣсту. Его угощаютъ виномъ и пивомъ. Крестный отецъ жениха даетъ ему выкупъ за невѣсту (рубль и болѣе) а между тѣмъ сестра его—невѣста, причитаетъ:

2352.

Не сдавайся, братецъ-батюшка,
За стаканъ, да пива пьянаго,
За рюмочку, да зелена вина.
Пиво пьяное запойчиво,
Зелено вино разборчиво.
Не сдавайся, братецъ-батюшка,
На ту, да золоту казну;
Золота казна обманчива.
Развѣ пива ты не варивалъ,
Зелена вина не куривалъ,
Золотой казны не считывалъ?
Не спасибо, разъясенъ соколъ,
Что сдался ты, братецъ-батюшка,
На ту, да золоту казну.

Въ концѣ пѣсни братъ ея, получивъ деньги, сажаетъ свою сестру рядомъ съ женихомъ, за что она его укоряетъ. Сѣвши съ женихомъ, она начинаетъ выть дружкѣ за то, что ей пришлось сѣсть рядомъ съ чуже-чуженцомъ.

2353.

Не спасибо, дружка ласковый,
Дружка ласковый, обманчивый,
Раздробилъ мою головушку [1]).
Зазнобилъ, да сердце ретивое.
Поднимаются вѣтры-вихори
Со восточныя сторонушки;
Не погода поднимается,
Не гроза, а чужой-чуженецъ,
Не гроза, а добрый молодецъ;
Въ твоихъ очахъ, да не въ твоихъ рукахъ,
Не въ твоей да волѣ-большинѣ,
Не въ твоей я бѣлой горницѣ,
У своихъ, да у пріятелей.

Послѣдпія слова невѣста причитаетъ тогда, когда женихъ беретъ ее за руку, и свою ногу закидываетъ за ея ногу; въ это же время онъ старается подложить подъ себя конецъ ея шубы, для того, чтобы «волю ея прижать». Между тѣмъ невѣста снова воетъ.

2354.

Погляди, моя родимая,
Что отъ печки, отъ кирпичныя,
Отъ залавка бѣлолипова,
Черезъ бруснки лежачіе,
Черезъ скамьи-то стоячія,
Черезъ столпки дубовые,
Черезъ тѣхъ, да черезъ добрыихъ людей
Черезъ скатерти все браныя,
Черезъ ѣствица (кушанья) сахарныя,
Черезъ питья всё медвяныя,

[1]) Въ это время дружка три раза ударяетъ жениха и невѣсту головами,—въ знакъ ихъ соединенія.

На меня, да молодехоньку:
Нарядно-ли я наряжена,
Возлѣ ровни-ли посажена,
Что не ровня добрый молодецъ,
Не ровня, не верстаничекъ,
Хоть годами-то не старѣе—
Умомъ-разумомъ исправнѣе.

Послѣ этого причитанья невѣсты, дружка произноситъ Іисусову молитву и, обратившись къ отцу и матери невѣсты, говоритъ: «Прикажите нашего князя новобрачнаго дарить, спасены-ли (т. е. припасены-ли) у васъ дары? Если не спасены, своимъ будемъ дарить.» Выходитъ сваха невѣсты. Дружка снова произноситъ Іисусову молитву и, обращаясь къ жениху, говоритъ: «Встань, государь, на рѣзвы ноги, очисти ясны очи; въ очи я васъ вижу, погибели не чаю, чашу вамъ наливаю, Спаса на помощь призываю; чаша стеклянна; въ чашѣ прими «для любья», выкушай для здравья (женихъ чашу принимаетъ изъ рукъ дружки). Послѣ чаши здравъ будь; отъ великаго Николы канунъ пей, отъ Пресвятыя Богородицы хлѣбъ кушай, отъ княгини новобрачной дары получай, и княгину новобрачную люби, да жалуй, да на добро поучай; чему самъ гораздъ, и ее поучай, а на дары «не повѣщуй» (т. е. не взыщи). После жениха дарятъ и другихъ родныхъ По окончаніи всей этой церемоніи дружка продолжаетъ: «По всей свѣтлой свѣтлицѣ, о всей бѣлой горницѣ изъ кута по лавкамъ, по залавкамъ, по скамейкамъ, по кривулькамъ, тутъ сидятъ дѣдушки и дядюшки, усаты, бородаты, холосты, не женаты: кто пожилой молодецъ—будь дядюшка. Гвоздари, бочкари, малые ребята,—синіе пупки, кривые желудки, зелены сопли,—кто изъ васъ рѣзвый,—тотъ кушай стаканъ вина.» Рѣзвый выпиваетъ. Затѣмъ зажигается свѣчка передъ иконами; поддружка наливаетъ стаканъ пива, дружка подаетъ его отцу невѣсты, который этотъ стаканъ передаетъ тысяцкому (крестному жениха), а самъ беретъ икону, а жена его хлѣбъ съ солью. Всѣ встаютъ. Дружка въ то время произноситъ Іисусову молитву и начинаетъ ораторствовать такъ: «Батюшка княгини новобрачной! Встань, повыступи, прими чашу для любья и проч.... Умѣлъ ты свое чадо милое на бѣлыхъ рукахъ лелѣять; твое чадо милое сызнова перерождается, въ цвѣтное платьице наряжается, горючимъ слезамъ заливается, шелковымъ платкомъ утирается, во рѣзвыхъ ногахъ валяется и проситъ у васъ чистаго благословеньица, пройдти по серединѣ пола, войдти въ новыя сѣни, сойти на калиновъ мостъ, выйдти на широкій дворъ, садиться на добрыхъ коней, брать въ лѣвыя руки тесмяныя возжи, въ правыя руки шелковыя плети, бить намъ добрыхъ коней по правымъ бедрамъ, ѣхать намъ по крутымъ горамъ; ѣхать намъ горами, долами, крутыми берегами, темными лѣсами, топучими грязями, селами, городами, деревнями, слободами, подъѣхать намъ ко Божіей церкви, взойти намъ въ Божью церковь, чудному образу помолиться, въ землю челомъ поклониться, на одно подножье встать, золотыми перстнями помѣняться и на буйну голову златъ вѣнецъ надѣть и златъ крестъ поцѣловать.» Женихъ и невѣста молятся и кланяются въ землю и получаютъ благословеніе отъ отца и матери невѣсты. Передъ благословеніемъ родителей, невѣста воетъ такъ:

2355.

Ужъ вы дайте-тка, пріятели,
Благословеньице мнѣ великое,
Что идти, да молодехонькѣ,
Во матушку, да во Божью церкву;
Ужо какъ мнѣ передъ вамъ стоять?
Развѣ золотомъ разсыпатися,
Жемчугомъ, да раскатитися.
Положите-тка, пріятели,
Что во тѣ, да во рѣзвы ноги,
Ужо тотъ, да горючь камень;
И ударюсь, молодехонька,
Я своимъ, да ретивымъ сердцемъ,
Чтобъ прошла, да эта славушка,
Что убилась красна дѣвица.

Въ это время обыкновенно жениху и невѣстѣ кладутъ въ карманы по луковицѣ и втыкаютъ въ одежду иголки,—для того, чтобы ихъ не испортили. Это же дѣлаютъ и поѣзжане. При благословеніи жениха и невѣсты всѣ родные молятся и выходятъ затѣмъ изъ избы. Женихъ ведетъ невѣсту за руку на дворъ; на дворѣ ее отнимаютъ подруги. Дружке идетъ выручать невѣсту, но дѣвицы его гонятъ отъ себя. Тогда онъ беретъ съ собой жениха, послѣдній даетъ дѣвицамъ за невѣсту денегъ, и тогда онѣ ему выдаютъ ее. Послѣ того женихъ сажаетъ ее въ сани. Дружка въ это время съ хлѣбомъ-солью и иконой три раза обходитъ вокругъ поѣзда, отталкивая постороннихъ лицъ въ сторону, послѣ чего поѣздъ выѣзжаетъ изъ воротъ и, отъѣхавъ недалеко, останавливается. Дружка ѣдетъ назадъ въ домъ къ невѣстину отцу. Тамъ за нимъ караульный затворяетъ ворота. Онъ входитъ въ домъ и отъ имени жениха приглашаетъ отца, мать и проч. родныхъ съ невѣстиной стороны въ гости къ жениху та-

кимъ образомъ: «Господи Іисусе Христе и проч. (крестится). Батюшка княгини новобрашной! Встань на рѣзвы ноги, открой свои ясны очи и проч.... Проситъ нашъ князь новобрашный къ себѣ въ гости. И проситъ васъ покорно собраться въ гости: противъ тысяцкаго—тысяцкому, противъ бояръ—боярамъ, противъ дружки—дружкѣ, противъ свахъ—свахамъ. Сдѣлайте милость, не вдвое и трое, а въ десятеро пріѣзжайте.» Затѣмъ дружка выѣзжаетъ со двора и ѣдетъ вмѣстѣ съ поѣздомъ. Этого приглашенія не бываетъ въ томъ случаѣ, когда поѣздъ изъ церкви опять пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты. При выѣздѣ изъ деревни, мужики загораживаютъ дорогу близъ околицы въ воротахъ и пропускаютъ поѣздъ только тогда, когда дадутъ имъ на водку или самой водки. Самый поѣздъ происходитъ въ такомъ порядкѣ: впереди ѣдетъ дружка, за дружкой женихъ съ крестнымъ отцомъ, за женихомъ—невѣста со свахой и братомъ—ямщикомъ, а за невѣстою—весь остальной поѣздъ. Дорогой невѣстинъ братъ или въ сторону куда нибудь своротитъ или вывалитъ невѣсту въ снѣгъ. Дружка каждый разъ долженъ къ нему подъѣхать и угостить виномъ какъ его, такъ и другихъ поѣзжанъ. Подъѣхавъ къ церкви, женихъ высаживаетъ невѣсту изъ саней и ведетъ ее въ церковь. Въ церкви послѣ обрученія, каждый изъ нихъ особенно заботиться о томъ, чтобы первому встать на подножникъ—(платокъ, кусокъ холста) для того, чтобы въ жизни «верхъ взять». Послѣ вѣнчанія свахи «окручиваютъ» невѣсту или въ самой церкви, а по большей части въ церковной караулкѣ. Окручиваніе это состоитъ въ томъ, что ея волосы (во время вѣнчанія распущенные) заплетаютъ въ двѣ косы и надѣваютъ на голову, такъ называемую «сороку» (повойникъ),—въ знакъ того, что она уже стала бабою. Теперь женихъ ужъ сажаетъ ее вмѣстѣ съ собой въ сани (или телѣгу) и поѣздъ возвращается домой въ томъ же порядкѣ. При выходѣ жениха и невѣсты изъ церкви сваха беретъ за фалды шубы ее и его и соединяетъ ихъ вмѣстѣ; слѣдятъ зорко за тѣмъ, чтобы между ними кто-либо изъ посторонних лицъ не прошелъ, иначе-де новобрачные будутъ жить несчастливо и несогласно. Равнымъ образомъ, когда не желаютъ жениху и невѣстѣ согласія въ жизни, то выстригаютъ на лбу у кошки и сабаки немного шерсти, запекаютъ эту шерсть въ колобокъ (родъ лепешки) и при случаѣ даютъ имъ съѣсть: они-де послѣ этого будутъ жить, какъ кошка съ собакой. Изъ церкви весь поѣздъ ѣдетъ въ большинствѣ случаевъ въ домъ невѣсты. Отецъ и мать встрѣчаютъ молодыхъ у крыльца съ иконой и хлѣбомъ-солью. Въ это время молодая иногда воетъ такъ:

2356.

Вы встрѣчайте-тко, пріятели,
Меня, да молодехоньку;
Нездорово, молодехонька,
Ужъ я Богу-то молилась.
Не спасибо вамъ, пріятели,
Кормилецъ ты мой, батюшка,
Со родимою, со матушкой,
Дали вы сваху ненадежну,
Устыдила, обезчестила
При попахъ, да при священничкахъ,
При дьякахъ, да при учепыхъ,
Что сняла да дѣвью красоту,
Золотую мою связочку.

Затѣмъ всѣ идутъ въ избу,—сначала отецъ и мать, за ними женихъ съ невѣстой, дружка, за дружкой весь поѣздъ. Дружка сажаетъ всѣхъ за столъ и говоритъ: «Нѣтъ-ли у тебя, сватъ, другой избы,—молодыхъ увести, да на столъ собрать и покормить—они ѣсть хотятъ. Да и моему храброму поѣзду на столъ собери; нашъ тысяцкій пить-ѣсть хочетъ, и большой бояринъ (дядя жениха), и меньшой бояринъ (тоже ближайшій родственникъ жениха) ѣсть хочетъ, и сваха, и (кто хинъ повозникъ и лагунникъ (кто ѣдетъ въ поѣздѣ позади всѣхъ), да и я, дружка, съ поддружьемъ пить-ѣсть хотимъ. Стряпоньки-поварихоньки, поворачивайтесь, пошевеливайтесь, въ правой-то сторонѣ кочергой загребайте, а въ лѣвой-то помеломъ заметайте,—къ намъ на передній столъ подавайте, да и задній не забывайте.» Обращаясь къ отцу невѣсты: «У нашего Владимірушки нѣту солнышка, у нашего тысяцкаго пересохло въ горлышкѣ, перепялилась капустинка, засѣла костычка.» Молодыхъ уводятъ обѣдать въ другую избу или за перегородку; всѣ поѣзжане садятся за столъ и когда выхлебаютъ одно кушанье, дружка говоритъ: «Повары-яворы, перемѣняйте яства сахарны!» Послѣ всѣхъ кушаньевъ дѣвушки подаютъ свой изукрашенный лентами пирогъ. Дружка спрашиваетъ стряпку: «Стряпонька-поварихонька, сама-ли ты нарушишь (разрѣжешь) эту ѣствицу или намъ прикажешь?» — «Не мое дѣло», отвѣчаетъ стряпонька, «спросите о томъ дѣвушекъ.» Дѣвушки дозволяютъ дружкѣ нарушить ѣствицу, но при этомъ говорятъ: «краешки озолоти, а середочку осеребри.» Тысяцкій платитъ имъ за пирогъ копѣекъ 30—50 и болѣе. Затѣмъ дружка срѣзываетъ верхнюю корку пирога, при чемъ онъ долженъ стараться не уронить на столъ ни одного бантика, а иначе дѣвки его будутъ безчестить и надѣнутъ на него «кичку». Гости немного поѣвши начинки этого пирога,

передаютъ его дружкѣ, а дружка — стряпкѣ. Этотъ пирогъ доѣдаютъ дѣвицы, а лучинки съ лентами и бантами уносятъ домой и хранятъ до чьей-либо новой свадьбы. Послѣ разукрашеннаго пирога стряпка подаетъ простой пирогъ, не помазанный масломъ и безъ начинки. Послѣ этого гости встаютъ и благодарятъ хозяевъ за хлѣбъ, да за соль въ «заѣзжеемъ дѣлѣ.» Послѣ обѣда молодыхъ сажаютъ за столъ вмѣстѣ съ гостями, и начинается попойка. Напировавшись до сыта, дружка встаетъ и держитъ такую рѣчь: «Вставайте и благодарите здѣшняго хозяина!» Затѣмъ обращается къ отцу молодой и говорить: «ну, сватушка, теперь время ночное; мы боимся ѣхать одни, дай намъ провожатыхъ.» Сватъ собираетъ провожатыхъ, своихъ родныхъ, которые и ѣдутъ къ жениху, въ томъ же порядкѣ, какъ и отъ вѣнца, при чемъ сродники невѣсты ѣдутъ позади родныхъ жениха. На дворѣ отецъ и мать жениха встрѣчаютъ новобрачныхъ съ хлѣбомъ-солью и благословляютъ иконой. Всѣ входятъ въ избу. Дружка говоритъ, обращаясь къ отцу и матери молодого: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! и проч. О чемъ вы намъ кучились, о чемъ кланялись, то мы устроили и обдѣлали; только въ томъ виноваты, что вы насъ посылали за дѣвицей, а мы привезли вамъ молодицу». Ему отвѣчаютъ: «Покорнѣйше благодаримъ.» Затѣмъ всѣ садятся за столъ. Сваха приноситъ дары, дружка наливаетъ вина и пива, выкликаетъ кого слѣдуетъ прежде всего дарить и подаетъ на тарелкѣ этотъ даръ, предварительно заставивъ выпить. Тотъ выпиваетъ, беретъ даръ и этимъ даромъ вытираетъ губы. Послѣ перваго лица дарятъ слѣдующихъ родныхъ въ извѣстномъ порядкѣ. Послѣ выдачи даровъ всѣ садятся за столъ, пьютъ водку, пиво и ужинаютъ. По окончаніи ужина молодыхъ уводятъ въ особую избу или въ сѣнникъ спать; а остальные гости пьютъ и гуляютъ, поютъ веселыя пѣсни далеко за полночь.

Брачное ложе обыкновенно устраивается въ отдѣльной избѣ, а если нѣтъ отдѣльной избы, то въ холодномъ сѣнникѣ. Доказательствомъ цѣломудренности невѣсты служитъ то, что бьютъ глиняную посуду, а въ домахъ богатыхъ не щадятъ бить все, что попадетъ подъ руку, напр., рюмки, стаканы и проч.; въ случаѣ же нецѣломудренности молодой надѣваютъ иногда хомутъ на тестя и тещу, кромѣ того—прокусываютъ дыру на лепешкѣ и кладутъ ее на столъ, но за послѣднее время— это уже выводится. Утромъ снова начинается попойка, а молодой ѣдетъ звать къ себѣ въ гости тестя и тещу, которая у себя въ домѣ кормитъ его блинами. Затѣмъ онъ забираетъ сундукъ съ имуществомъ своей жены и вмѣстѣ съ тестемъ и тещей ѣдетъ домой. Вечеромъ въ этотъ день бываютъ, такъ называемыя, «поцѣлуи». Они происходятъ такимъ образомъ: Столъ ставятъ середь избы. Впереди, возлѣ *тябла* (божница), сажаютъ отца и мать молодого, рядомъ съ ними, на другой лавкѣ — отца и мать молодой. Молодой съ своей женой стоитъ у стола и наливаетъ въ рюмку вина. Молодая беретъ эту рюмку и подноситъ ее своему свекру. Тотъ беретъ ее, и въ это время молодая падаетъ ему въ ноги и лежитъ до тѣхъ поръ, пока онъ не выпьетъ,— причемъ свекоръ большею частью говоритъ: «горько» и молодая должна въ это время поцѣловать своего мужа. Послѣ выпивки отецъ цѣлуетъ свою молодую сноху и кладетъ ей на тарелку денегъ. Если свекоръ богатый, то онъ накладываетъ денегъ рублей до 10—15, а если бѣдный, то 1—2 рубля. Затѣмъ молодая со стаканомъ пива подходитъ къ свекрови, подноситъ ей пиво, цѣлуетъ ее и тоже получаетъ отъ нея или деньги или какой нибудь подарокъ, въ родѣ платка, сарафана или кички. Потомъ молодая беретъ рюмку водки и подноситъ своему мужу, который даритъ ей тоже денегъ. Послѣ мужа она подходитъ къ своему отцу, матери и наконецъ ко всѣмъ поѣзжанамъ; всѣмъона кланяется въ ноги, всѣхъ цѣлуетъ и отъ всѣхъ получаетъ деньги. Иногда она обходитъ съ поклонами и поцѣлуями до трехъ разъ, за что собираетъ денегъ рублей 20—50 и болѣе, смотря по состоянію родителей и всѣхъ поѣзжанъ. Собранные на «поцѣлуяхъ» деньги поступаютъ въ пользу молодыхъ. Послѣ поцѣлуевъ начинается снова пировня, которая продолжается дня два, а иногда и болѣе.— Свадьбы большею частью играютъ зимой—предъ масляницей потому, что въ народѣ есть предразсудокъ что женившіеся въ осеннемъ мясоѣдѣ будто-бы живутъ несчастно, и, кромѣ того, надъ женившимися въ этомъ мясоѣдѣ, обыкновенно смѣются: вы и женились-то въ *«овечій мясоѣдъ»*, говорятъ имъ,—вслѣдствіе этого здѣсь свадьбы осенью сравнительно мало и играютъ. На масляничный базаръ всѣ разряженные молодые считаютъ нужнымъ пріѣхать или придти въ село Воскресенское, гдѣ молодой обыкновенно закупаетъ для родныхъ своей жены большія пряники и конфекты, которыми даритъ въ то время, когда пріѣдетъ въ гости къ тестю. Послѣ масляницы на весь великій постъ молодая остается гостить у своихъ родителей и въ это время прядетъ ленъ на рубашку и штаны молодому. Собираясь гостить къ своимъ родителямъ, молодая зоветъ золовокъ (если они есть) и другихъ новыхъ сродницъ въ гости на «бесѣдки» въ сборное воскресенье, (первое воскресенье великаго поста), въ которое всѣ

онѣ и являются. А въ «радоницы» (Ѳомино воскресенье) малые ребятишки приходятъ въ ту избу, гдѣ живутъ молодые (т. е. повѣнчанные въ томъ году), и говорятъ:

2357.

Молодая молодица,
Подавай наши яйца;
Не отдашь яйца,
Уведемъ молодца, —
Въ хлѣвъ запремъ,
Помеломъ заткнемъ,
Да не выпустимъ.

Молодая раздастъ имъ всѣмъ яйца, пряники и по куску кулича. Наконецъ въ Петровъ день (29 іюня) или наканунѣ, его зять отправляется со своей женой къ тестю и тещѣ въ гости, которые дарятъ имъ (молодымъ) въ это время «канфоровое» (мѣстное выраженіе—вмѣсто фарфоровое) блюдо съ приготовленнымъ въ немъ сыромъ, двѣ ложки[1]), солонницу, молотилы (цѣпы). грабли, вилы, вапки, серпъ и косу. Этими подарками и заканчивается всѣ обязательные для той и другой стороны свадебные обычаи.

Означенныя свѣдѣнія собраны мѣстнымъ священникомъ, Евгеніемъ Троицкимъ.

[1]) «Небольшія, двурогія, тупыя вилы, на току при молотьбѣ». Слов. Даля.

XVIII. Симбирской губерніи.

Старинныя свадебныя пѣсни изъ рукописнаго сборника 1795 года, найденнаго Г. В. Юрловымъ у одного старика Симбирскаго мѣщанина.

2358.

Какъ во順 теремѣ дѣвица дары шила,
Тутъ ишелъ прошелъ сынъ дворянскій
Онъ и шедши остановился,
Остановился, поклонился:
«Еще Богъ помощь, дѣвица, дары шити!
Не загодать ли тебѣ дѣвица, шесть загадокъ?»
—«Загадай, сынъ дворянскій, хоть десятокъ.
«А что у насъ, дѣвица, краше (солнца) свѣта?»
— Краше свѣта—красное солнце.
«А что у насъ, дѣвица, выше лѣсу?»
— Выше лѣсу—свѣтелъ мѣсяцъ.
«А что у насъ, дѣвица, чаще рощи?»
— Чаще рощи—часты звѣзды.
«А что у насъ безъ отвѣту?»
— Безъ отвѣту горючь камень.
«А что у насъ безъ умолку?»
— Безъ умолку текутъ рѣки.
«А что у насъ, дѣвица, безъизвѣстно?»
— Безъизвѣстна судьба Божья.
«Благодарю тебя, дѣвица, на отгадкахъ,
На мудрёныхъ.
А и быть, дѣвица, за мною
Да и жить со мною.»

2359.

По лугу лужечку
Ѣхала карета
Непростая, золотая.
Въ каретѣ то дѣвица,
Она плачетъ и рыдаетъ:
Ужь ты ларь ли мой ларчикъ?
Золотой окованъ.
Не годъ тебя копила,
Не недѣлю шила (?)
Еднымъ часомъ раздарила:
Свекрови рубашку
Свекору другую,
Деверьямъ-то по платочку,
А золовкамъ по вѣночку,
Доброму молодцу золотъ перстень,
Золотъ перстень обручальный!

2360.

Какъ при вечерѣ при дѣвичникѣ
Прилеталъ младъ ясенъ соколъ
Онъ садился на причелинку,

На серебряну пошесточку,
За шелкову занавѣсочку.
Увидала его матушка
Говорила своему дѣтищу!
Привѣчай ты ясна сокала,
Ясна сокала залетнаго,
Добра молодца прiѣзжаго.
Ужъ я рада бы привѣтить молодца
Уста кровью запекаются
Сердце кровью обливается.

2361.

Приставала лебедушка
Къ сѣрымъ гусямъ во стаюшку.
Гуси его стали щипати,
Лебедушка стала крикати:
«Не щипите вы гуси сѣрые!
Не сама я къ вамъ залетѣла
Занесло меня погодою,
Погодой-невзгодой,
Полуденной, полуночной.
Отставала красная дѣвица
Отъ свово ли рода племени,
Приставала красна дѣвица
Къ чужому роду племени
Къ удалому добру молодцу.
Ее люди стали журити.
«Не журите, люди добрые!
Не сама я къ вамъ прiѣхала,
Завезли меня добры кони,
Добры кони удала молодца.

2362.

Не шелкова ленточка
Къ стѣнкѣ льнетъ
Удалъ добрый молодецъ
Жену къ себѣ жметъ.
Кто тебѣ милъ да хорошъ?
Мнѣ милъ то милехонекъ
Батюшка родной.
Не правда твоя не истинна
А милъ то миленекъ
Я господинъ.

Въ нѣкоторыхъ селенiяхъ Симбирской губернiи намъ нерѣдко удавалось слышать на свадьбахъ различныя рацеи и прибаутки дружекъ и различныхъ доморощенныхъ балагуровъ. Балагуры эти вообще отличаются способностью красно говорить и являются необходимыми гостями на крестьянскихъ свадьбахъ. Привожу здѣсь одну ихъ рацею, какъ образецъ народнаго творчества сочиненный, Богъ знаетъ кѣмъ и когда.

2363.

«Слушай, Ванька, кулегина стать,
Съумѣешь ли на вопросъ отвѣчать?»
— «Эко-ста дѣло, чать, съумѣемъ!»
«Ну-ка отгадай,
Только промаху не дай.
— Ну бай,
— Да смотряй
— Не плошай!»
«Поѣхалъ я на базаръ купить мѣру гороху.»
— Ну, это хорошо.
«Хорошо да не больно.»
— А что же?
«Да вотъ тоже:
Поѣхалъ я горохъ сѣять, поднялся вѣтеръ
Онъ и уродился рѣдокъ.»
— Ну, это плохо!
«Плохо да не больно.»
— А что же?
«Да вотъ тоже:
Рѣдокъ да стручистъ.»
— Ну, это ладно.
«Ладно да не больно.»
— А что же?
«Да вотъ тоже:
Повадились свиньки, да горохъ съѣли.»
— Ну, это плохо.
«Плохо да не больно.»
— А что же?
«Да вотъ тоже:
Свиней то перебилъ,
Да солонины насолилъ.»
— Ну, это ладно.
«Ладно да не больно».
— А что же?
«Да вотъ тоже.
Повадились сосѣдевы кошки,
Да съѣли все сало до крошки.»
— Ну, это плохо.
«Плохо да не больно.»
— А что же?
«Да тоже:
Я кошекъ-то перебилъ,

Да себѣ шубу сшилъ.»
— Ну, это хорошо.
«Хорошо да не больно.»
— А что же?
«Да вотъ тоже:
Сосѣдъ-то узналъ
Да съ меня шубу снялъ.»
— Ну, это плохо.
«Плохо да не больно.»
— А что же?
«Да вотъ тоже:
А взялъ да у сосѣда дочку укралъ,
А попъ то насъ повѣнчалъ.»
— Что ты! Не ужь то сосѣдова дочь?

(Первый балагуръ указываетъ на невѣсту).

«Глянь-ко словно эвту точь въ точь!»

Пирующіе смѣются.

Является на сцену дружка, записной мастеръ говорить красно.

Дружка.

2364.

Спасибо вамъ, на словцѣ, господа
Съ самаго испода!
Гдѣ вамъ черезъ заборъ брагу пить
Да красно говорить!
А ты, дядюшка Тарасъ,
Послушай-ка лучше насъ!
А то, что, за балагуръ?
Нечего сказать—хорошъ:
Давалъ чортъ грошъ,
Да и тотъ спятился.
А мы не чета ему.
Разскажемъ,
Какъ въ высокіимъ терему
Сидитъ красная дѣвица,
Собой бѣлолица,
Полна, румяна,
Безъ всякаго изъяна:
Очи орлиныя,
Брови соболиныя,
Руки бѣлыя,
Рѣчи смѣлыя.
Ай ребята!
Кому то дѣвицу,
Лицомъ бѣлолицу,
Полну да румяну,
Безъ всякаго изъяну,
Взять да отвѣдать, —
Да вѣкъ бы не ужинаць
И не обѣдать.
Ну-ка кому?
Видно мнѣ одному.

(Обращается къ стряпкѣ старухѣ).

Ну-ка, стряпынька, лапынька,
Для добрыхъ гостей
Выпьемъ по всей!
Али у хозяина вина не стало,
Припасу недостало?
Ну не гляди совой,
Не мотай головой!
Али на тебѣ лѣшій ѣзжалъ,
Въ лѣсу родилась,
Пенькамъ Богу молилась? [1])

Изъ повременнаго изданія: Матеріалы для Исторіи и Статистики Симбирской губ. Выпускъ четвертый. Симбирскъ. 1867 г., стр. 98—101.

---

[1]) Нельзя не замѣтить, что эти послѣднія причитанія принадлежатъ къ числу древнихъ произведеній народнаго творчества. «Пенькамъ Богу молилась» напоминаетъ вѣнчаніе вокругъ ракитова куста остатокъ язычества. В. Юрловъ.

XIX. Самарской губерніи.

Ставропольскаго у., въ дер. Новомъ Украйкинѣ.

(Со словъ дружки Агафона Дементьева).

Пріѣзжаютъ сваты сватать (отецъ, мать, либо сродники). Взойдетъ сродственникя, садится подъ матицу. «Вотъ и пришла: не будетъ ли либо, посватать дочь». Приглашаютъ отца съ матерью войти. Разговоръ: какъ жениха зовутъ, какъ невѣсту, много ли семьи. «Мы согласны, только жениха не видали». Приводятъ жениха; невѣсту обряжаютъ; она выходитъ, кланяется. Другъ на друга глядятъ; имъ свѣтятъ. Долго стоятъ они молча; потомъ невѣста— въ комнату, а женихъ— на дворъ. «Ну что, показалась невѣста?»—Показалась. Сходятся къ невѣстѣ братья, отецъ, спрашиваютъ: «Что показался?»—Показался. «Согласна итти?» Согласна. Входитъ сватъ (жениховъ отецъ) и говоритъ съ невѣстинымъ отцомъ: «Ну что, показался ли женихъ нашъ? Намъ невѣста понравилась.»—«Да, наша согласна.» Рядиться начинаютъ.

Отецъ невѣсты говоритъ: «Клади за дочь 60 рублей, шубу, два ведра вина (на запой ведро, да пріѣдетъ когда, ведро)».

Сажаютъ жениха за столъ, посадятъ противъ него невѣсту: онъ на лавкѣ, она—на скамейкѣ. Малость погоди, - рядомъ сажаютъ, угощаютъ водкой. Невѣста и женихъ отказываются; но стакану для примѣра подадутъ. Сватъ (невѣстинъ отецъ) кладетъ руку на столъ, другой сватъ кладетъ сверхъ его руки и всѣ сродственники тоже. Посторонній разнимаетъ (это *договоръ*). Водку пьютъ. Договариваются въ ближнее воскресенье *запой* дѣлать; въ то воскресенье—свадьба. Послѣ этого у невѣсты дѣвишникъ (у жениха два товарища только). На запой къ невѣстѣ сродники пріѣзжаютъ по вечеру; сажаютъ ихъ за столъ. Невѣсту обряжать. Невѣста начинаетъ женихову родню дарить; платокъ жениху и стаканъ вина; женихова отца съ матерью дарить тоже, потчуютъ. Женихъ съ невѣстой въ отдѣльной комнатѣ и угощаютъ ихъ. Жениха невѣста провожаетъ. Сватъ со сватомъ свадьбу назначаютъ. Жениховъ отецъ отыскиваетъ *дружку* (ловкаго, среднихъ лѣтъ). Дружка пойдетъ съ женихомъ созывать сродниковъ своихъ. Посажаютъ ихъ. Женихъ наливаетъ водки и подноситъ *подружью*, женихъ кланяется ему въ ноги (каждому). *Дружка*. Кланяется тебѣ князь *новобрачный*: стопочку прими, пойлица выпей, а намъ поработай! (т. е. съѣзди въ *поддружки*).

Всѣмъ это говорятъ (тысяцкому, крестному отцу, подевачью (невѣсту соблюдаетъ, постель стелетъ и пр.). Послѣ угощенья идетъ *обѣдъ*: холодное: рубленая говядина и квасъ со сметаной, яйца, хрѣнъ. Горячее: 1) щи, 2) похлебка, 3) лапша; каша съ масломъ; блинчики; жареная часть свѣжины (а то поросенокъ, либо гусь). Курникъ. Еще курникъ (его и не ломаютъ).

Послѣ обѣда поѣзжане впрягаютъ лошадей, съѣдутся къ жениху на дворъ (меньше трехъ паръ не бываетъ). Входятъ въ избу. Жениха впередъ сажаютъ на *войлокъ*. Всѣ присядутъ, какъ передъ отъѣздомъ. Дружка крестится и всѣ поднимаются.

Дружка.

2365.

Батюшка, что батюшка!
Благослови свово чада милаго:
Намъ ѣхать во путь, во дорогу
До добра коня дойти,
Взять шелковъ поводъ во лѣву руку,
А въ правую руку шелковую плеть
И бить коня по могучимъ плечамъ,
По крутымъ бедрамъ;
Ѣхать намъ черезъ зеленый лѣсъ,
Черезъ быстры рѣки, черезъ круты горы,
Черезъ чисто поле
Ко матушкѣ Божьей церквѣ
Чудёнъ крестъ цѣловать,
Законъ Божій принять.

Отецъ съ матерью благословляютъ жениха. Сажаютъ за столъ.

Дружка опять говоритъ:

2366.

Батюшка, что батюшка,
Посадили мы за столы за дубовые,
За скатерти бранныя,

За яства сахарны
За блюдечко карѐльцо,
За ложечку весѐльцо,
За хлѣбъ, за соль,
За Божью милость.

Закусываютъ, пьютъ водку. Подъѣзжаютъ къ невѣстину двору. Невѣстины сродники не пускаютъ у воротъ. Просятъ четверть вина. Отворятъ ворота—ѣдутъ во дворъ. У воротъ водку пьютъ. Сойдутся къ сѣнямъ всѣ поѣзжане. Входитъ дружка со свахой въ избу. Дѣвки около невѣсты. Сидитъ возлѣ невѣсты мальчикъ и держитъ въ рукахъ палку. Дружка ему говоритъ: «Вонъ изъ стола.» Дружка плетью грозится, а мальчикъ палкой. Оба хлопаютъ по столу. «Зачѣмъ ты сюда пришелъ?» Дружка кладетъ ему коп. 20. Мальчикъ прощается съ невѣстой и вылазаетъ. Подходитъ сваха и подаетъ дѣвкамъ круглый пирогъ и гривенникъ денегъ. Потомъ дѣвки всѣ простятся и вылазаютъ. (Невѣста ужъ благословлена). Сажаютъ жениха съ невѣстой рядомъ. Онъ беретъ невѣсту за руку. Поѣзжане выпиваютъ по стакану водки. *Дружка*: «Батюшка, что батюшка» и т. д. Благословляютъ и выводятъ. Подведетъ невѣсту женихъ къ той телѣгѣ, гдѣ подсватья и беретъ ее руками сажаетъ (если тяжела то пособляетъ братъ). Дружка три раза съ образомъ поѣздъ обходитъ; за нимъ идетъ *поддружка*. Дружка обойдетъ, зайдетъ встрѣчь и заговоритъ: «Господа поѣзжане будьте всѣ по мѣстамъ, какъ ясны соколы по гнѣздамъ.» Садится на свою лошадь, ѣдутъ со двора. Дружка—передомъ. Нѣсколько сажень отъѣдутъ—дружка назадъ ворочаетъ звать невѣстиныхъ родителей въ гости къ жениху на пиръ. Тутъ и постелю у дѣвушекъ выкупитъ. Вѣнчаютъ. Домой,—потомъ къ жениху. Тамъ ждетъ у крыльца жениховъ отецъ съ матерью;—благословляютъ; вводятъ въ избу и сажаютъ за столъ. Потомъ уводятъ въ особую комнату. Съ дружкой подсватье (ихъ кормятъ) постелю стелютъ; со свахой вмѣстѣ молодыхъ кладутъ на нее. Полежатъ молодые въ клѣти, ихъ поднимаютъ Поднявши, дружка говоритъ: «Молодые наши всѣ въ добромъ здоровьи; что не свѣтло, не красно, или меня нѣтъ? Какъ я иду, добры вѣсти несу: окорокъ капусты, да вилокъ ветчины!..» Сваха припасаетъ другу одежу на молодого. Переодѣваютъ при всѣхъ; жениха водой обливаютъ. Молодого вовсе обрядятъ, а молодая въ одной рубашкѣ. Ей даютъ штофъ вина и стаканъ. Она обноситъ всѣхъ. Всѣ поздравляютъ. Одѣнутъ поведутъ въ избу. Посадятъ въ чуланъ. Невѣстинъ отецъ съ сродниками садится за столъ; на столѣ хлѣбъ нарѣзаютъ, да лукъ. Обнесутъ по стакану вина. Сватъ со свахой молодыхъ выводятъ и подводятъ къ невѣстину отцу съ матерью. Жениховъ отецъ и мать подаютъ имъ вина (отцу со свахой). Молодые кланяются ему въ ноги. Рубашкой, въ которой молодая спала ее и одѣваютъ. Если она *неблагополучна*, то свату и свахѣ даютъ худые стаканы: дружка пальцами снизу затѣмъ держитъ горный столъ. Сажаютъ за столъ съ молодыми и подаютъ обряженую свиньину голову (въ бумажныхъ цвѣтахъ). Разломятъ ее и съимутъ это все. Невѣстины сродники поятъ пивомъ и виномъ. Молодые кланяются въ ноги оба. Пойдутъ гулять по сродникамъ. (Въ другихъ селахъ заставляютъ ведра съ водой носить и въ ведра кладутъ дрянь всякую и смѣются).

Когда молодыхъ выводятъ изъ подклѣти каждый поѣзжанинъ разбиваетъ горшковъ многое множество: у каждаго горшковъ по пяти.

Причеты дружки за горнымъ столомъ.

Приговоры къ пиву.

2367.

Бочкари-гвоздари,
Скорые послы подносчики,
Давайте пива!
Дружка пить хочетъ,
А говорить не можетъ.
У дружки брюхо велико,
Изъ семи телятъ шито,
Восьмымъ покрыто.
Давай двойнаго, либо тройнаго!
Дай ведро, дай другое,
Подерни ушатомъ.

2368.

Изъ кута по лавкѣ
Впередъ по скамейкѣ,
Малы робятки,
Синіе пупки,
Стары старухи,
Тащи лапоть,
Не потеряй онучу!

Повару и поварихѣ.

2369.

Поваръ лебедь бѣлый!
Поварушка матушка!

Шевелись, не лѣнись,
Поворачивайся!
Покажи-ка намъ очи ясныя.
Челомъ ударимъ,
Челобитье исправимъ.
Подавай намъ сахарны ѣства,
Встань на куньи лапки,
Достань до судной лавки,
Погляди-ка на чело:
Не забыла ли чего?
Что есть въ печи,
Все на столъ мечи,
Оставляй одни кирпичи,
Чтобы было намъ на чемъ
Пирожки печи.

(Кричитъ громко).

Тамъ-же.

(Съ голоса мѣстныхъ пѣвицъ).

2370.

Какъ по морю, морю
Плыветъ выплываетъ
Селезень сизъ-косистый.
За нимъ поспѣваетъ
Сѣрая утица.
«Ты постой-ка, подожди,
Селезенъ сизъ-косистый!
Ты возьми меня съ собой
На синё море водицы испити, —
Водицы испити, песку позобати.»
— По саду, саду тутъ ходитъ гуляетъ
Молодой князь бояринъ,
Андрей Ивановичъ.
За нимъ поспѣваетъ
Молода княгиня,
Марья Степановна.
«Ты постой-ко, пожалуй,
Молодой князь бояринъ,
Ты возьми меня съ собой
Во зеленый садъ гуляти,
Виноградъ посбирати,
Изюму пощипати.»

2371.

«Деревцо, деревцо кипарисно!
Гдѣ ты росло, гдѣ ты буяло?»
— «Я росла на крутой на горѣ
Буяло противъ солнышка.»
— «Дѣвица красная, Марія!
Гдѣ ты росло, гдѣ ты нѣжилася?»
— Я росла у батюшки,
Нѣжилася у матушки,
Шила дары въ высокомъ терему,
Сшивши дары, я заплакала:
«Этими дарами мнѣ не батюшку дарить,
Этими дарами и не матушку, —
Дарить дары свекру батюшкѣ,
Дарить дары свекрови матушкѣ,
Дарить дары добру молодцу.»
Свекоръ батюшка лисью шубу мнѣ шьетъ,
Свекровь матушка цвѣтно платье кроитъ,
Добрый молодецъ золотъ перстень мнѣ льетъ.
Лисья шуба—мнѣ удблена,
Цвѣтно платье—укорочено,
Золотъ перстень по рукѣ пришелъ,
Добрый молодецъ по душѣ мнѣ онъ.

2372.

Какъ по мосту мосту,
Раю, раю!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха)

По калинову мосту
Тутъ и ѣхала карета,
Что карета золотая.
Подъ ней кони вороные,
Кучера все молодые.
Во каретѣ Марія,
Во золоченой Ивановна.
Не соколъ облетаетъ,
Не крыломъ задѣваетъ, —
То Иванъ объѣзжаетъ,
Катерину утѣшаетъ:
«Ты не плачь, Марія,
Ты не плачь, свѣтъ Ивановна!
Ужъ и дамъ я тебѣ волю,
Ужъ и дамъ я тебѣ нѣгу:
Куда пойдешь—спросися,
А придешь—мнѣ доложися.»
Какъ возговоритъ Марія,
Какъ возговоритъ Ивановна:
«Ужъ и что это за нѣга?
Ужъ и что это за воля?
Мнѣ у батюшки вольнѣе,
А у матушкѣ нѣжнѣе:
Я пойду тамъ—не спрошуся,
А приду—не доложуся.

Женатому.

2373.

У нова города
Стоятъ три ворота:
Трои точеныя,
Позолоченыя.
Калина моя!
Малина моя!

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ четырехъ стиховъ).

Какъ во первы-то вороточки
Сокóлъ пролеталъ,
Какъ въ другі́й вороточки—
Андрей Иванычъ проскакалъ.
А въ третьи вороточки —
Скоры гонцы бѣгутъ,
Скоро посланные:
«Воротись, Андрей господинъ,
Воротись, Ивановичъ дворянинъ!
Что у твоей ли Марьи,
У твоей ли Степановны
«Нынѣ сынъ родился.
— «Ужъ для сына ворочусь.
Ужъ что сынъ у меня —
Самъ хозяинъ во дому
Со хозяюшкою,
Со невѣстушкою.

2374.

Какъ сказали про Андрея: «грозёнъ!»
Какъ сказали про Ивановича: «грозенъ!»
Онъ грозёнъ, грозенъ—не милостивъ,
Онъ для Маріи не жалостивъ,
Онъ садился на вóрона коня,
Проѣзжалъ онъ мимо тестева двора,
Онъ ударилъ копьемъ въ ворота:
«Дома-ль, дома-ль тесть и теща моя?
Дома-ль, дома-ль душа Марія моя?
Если спитъ—не будите вы ее,
Если-жъ нѣтъ—вышла выстрѣтила-бъ меня.
Пробѣжала она по новымъ сѣнямъ,
Закричала громкимъ голосомъ своимъ:
«Ужъ вы нянюшки, мамушки мои,
Ужъ вы сѣнныя дѣвушки!
Берите золотые ключи,
Отпирайте нѣмецки замки,
Отпирайте кипарисовы сундуки,
Вынимайте сукно англійское!
Ужъ вы шейте милому *сертукъ*,
Чтобъ не длиненъ, не коротокъ ему былъ,
Чтобы льзя было на кóня ему сѣсть,
На лету зайку залавливати.»
— Ужъ и эта ли запиька —
Свѣтъ все Марьюшка.

2375.

Ты рѣка ли моя рѣченька,
Ты рѣка-ль моя быстрая
Течешь, рѣчка, не колыхнешься,
Съ берегами не сравняешься,
Со желтымъ пескомъ не возмутишься.
— Ахъ вы, глупы круты бéрежки!
Къ чему мнѣ колыхатися?
Къ чему мнѣ волноватися?
Какъ на мнѣ ли на рѣченькѣ,
Какъ на мнѣ ли на быстрой,
Нѣтъ ни вѣтру, ни вихрю,
Ни порошу снѣгу бѣлаго.»
— Во высокомъ новомъ теремѣ
Во уборной было комнатѣ,
Что на стулѣ аломъ бархатномъ —
Тутъ сидѣла красна дѣвица,
А вокругъ нея подруженьки.
Какъ возговорятъ подруженьки:
«Ты душа-ли, красна дѣвица!
Что сидишь ты, не улыбаешься?
Говоришь рѣчь, не усмѣхаешься?»
— Ахъ вы глупы, красны дѣвицы,
Неразумныя подруженьки!
Ужъ чему мнѣ улыбатися?
Чему больно радоватися?
У меня ли, у горькія,
Ни отца нѣтъ, ни матери.
Снарядить-то меня есть кому,
Благословить-то меня некому
Во Божью церковь выѣхати,
Со добрымъ, добрымъ молодцомъ.
«Разступись ты мать сыра земля!
Ты раскройся гробова доска!
Развернись золота парча,
Встань, проснись, моя матушка,
Благослови ты меня, горькую,
Въ чужу ѣхати сторонушку,
Ко чужому отцу-матери!

2376.

По Московской по улицѣ, —
Тутъ идетъ идетъ удалый молодецъ
Свѣтъ Андрей Ивановичъ,
За собой ведетъ онъ дѣвицу,
Ведетъ дѣвицу красавицу,
Свѣтъ Марью Степановну.
Часто къ дѣвицѣ припадываетъ,
Изъ ума вываживаетъ.
«Скажи, дѣвица, красавица моя:
Неужели ты теперича моя?»
— «Я теперича еще, свѣтъ, не твоя,
Я теперичи, сударь, батюшкина,
Я теперь, свѣтъ, матушки.»

Зап. Д. Н. Садовниковъ въ 1870-хъ годахъ.

XX. Саратовской губерніи.

Свадебные обряды Сердобскаго уѣзда.

Немедленно по достиженіи *парнемъ* лѣтъ, въ которыя дозволяется ему закономъ вступленіе въ бракъ, семействомъ его посылается въ тотъ домъ, гдѣ пріискана и облюбована *дѣвка*, одна изъ самыхъ бойкихъ и говорливыхъ бабъ для предложенія о выдачѣ ее въ замужество. Баба эта, называемая *свахою*, снарядясь, отправляется въ назначенный домъ всегда *ночкомъ*, т. е. въ самые поздніе сумерки, ибо въ такую пору никто не перейдетъ ей дорогу, а злой человѣкъ не замѣтитъ цѣли ея отправленія и, слѣдовательно, не помѣшаетъ ея замысламъ. Предложеніе дѣлается *свахою* отъ имени стариковъ, т. е. родителей или старшихъ членовъ семьи «парня», *старикамъ* «дѣвки». Въ случаѣ согласія сваха не засиживается, а спѣшитъ домой порадовать пріятною вѣстью семью *жениха*, между тѣмъ, какъ невѣста [1]) начинаетъ обычный *вопь* или причитанія на разлуку съ родительскимъ домомъ:

Не касаточка, не ласточка,
Ко мнѣ горькой прилетала, и т. п.

Черезъ нѣсколько дней, обыкновенно черезъ недѣлю, послѣ предложенія, сдѣланнаго свахой, старики жениховой семьи идутъ для окончанія сватовства въ домъ стариковъ невѣсты. Войдя въ избу, помолясь и поздоровавшись, пришедшіе гости усаживаются хозяевами за столъ, на который ставятъ принесенные съ собою: штофъ съ виномъ, часть *свѣжины* и *курникъ* [2]). Затѣмъ, наливъ себѣ въ стаканъ принесеннаго вина и выпивъ его, отецъ жениха вновь наливаетъ въ стаканъ вина и поднося его отцу невѣсты, дѣлаетъ ему вторично предложеніе съ просьбою закончить затѣянное сватовство. Отецъ невѣсты, не принимая вино, спрашиваетъ совѣта у своихъ домочадцевъ: отдавать ли дѣвку или нѣтъ? Тутъ между членами семьи возникаютъ толки и переговоры, которые оканчиваются тѣмъ, что рѣшеніе отдается на волю отца и матери: «ваше дѣтище, ваша и воля», послѣ чего *старикъ* обращается къ своей старухѣ съ словами: «ну что *мать* [3]), али отдавать? — «*Воля твоя, отецъ*», отвѣчаетъ всегда покорно у простолюдиновъ жена. «Ну, сватъ, по рукамъ, знать такъ Богу угодно, берите нашу дѣвку»; заключаетъ отецъ невѣсты и ударомъ своей руки по рукѣ женихова отца изъявивъ наглядно свое согласіе, беретъ изъ рукъ его стаканъ вина и выпиваетъ. Обрадованный сватъ обноситъ и поитъ виномъ всѣхъ родныхъ невѣсты, изъ коихъ приглашаютъ на этотъ вечеръ только одни кровные да отецъ и мать крестные; сваха потчуетъ ихъ свѣжиною и курникомъ и заводитъ съ ними рѣчи о будущихъ любахъ и ладахъ, и этимъ заканчивается *рукобитье и запой невѣсты;* но въ вслѣдъ за этимъ начинается угощеніе отъ самихъ хозяевъ, которые накрываютъ столъ и ставятъ на него свое добро. По уходѣ гостей невѣста, сидѣвшая или лежавшая гдѣ-либо не шевелясь, обращается къ своему отцу съ вопомъ:

2377.

Пропилъ ты меня, батюшка,
За винную чарочку —
Молодехоньку, зеленехоньку!
Не далъ ты мнѣ, батюшка,
На рѣзвы ноги подпятися,
Съ умомъ разумомъ собратися.

И падая ему въ ноги, приговариваетъ: «Собери жь меня, горькую, во чужи люди»! Съ этою же просьбою обращается она къ матери и ко всѣмъ роднымъ:

---

[1]) *Парень* и *дѣвка; женихъ* и *невѣста* суть народныя названія холостыхъ, первыя до сватовства, а вторыя послѣ сватовства, на которое со стороны родителей дѣвицы изъявлено согласіе.

[2]) *Свѣжиною* называется у крестьянъ всякое мясо сырое и вареное, въ противоположность посоленому или *солонинѣ. Курникъ* есть круглый сдобный пирогъ изъ пшеничной муки съ начинкою изъ курицы и рубленыхъ яицъ.

[3]) Вообще у нашего простонародія мужъ и жена называютъ другъ друга не по имени, а сначала *молодыми*, когда же обзаведутся дѣтьми мужъ зоветъ жену *мать*, а она мужа *отецъ;* когда наконецъ выдадутъ дочь замужъ или женятъ сына, то называютъ другъ друга *старикомъ* и *старухой*, и этимъ названіемъ величаетъ ихъ и вся семья.

2378.

Родимые вы мои сродничкп,
Не помяните моей досады-грубости,
Не я-то вамъ досаждала,
Досаждалъ мой глупый разумъ.

Послѣ запоя къ невѣстѣ собираются ея подруги-дѣвушки, которыхъ она встрѣчаетъ объятіями и воплемъ:

2379.

Подите-ко вы, мои подруженки,
Къ моему горю великому,
Не огнѣвайтесь, мои подруженки,
Что я васъ не встрѣтила и т. п.

Подружки садятся по обѣимъ сторонамъ невѣсты и запѣваютъ хоромъ:

2380.

Бѣжитъ рѣчка по песку,
Во матушку во Москву;
Бѣжитъ рѣчка не колыхнется,
Желтымъ пескомъ не возмутится:
Сидитъ Надежда не улыбнется,
Сидитъ Ивановна не разсмѣхнется.

Невѣста отвѣчаетъ имъ:

2381.

Охъ, вы дѣвушки, подружки мои,
Вы подумайте сами, неглупыя —
Да къ чему мнѣ веселитися?
Много увижу людей добрыихъ,
Много встрѣчу гостей хорошіихъ,
За то лишуся моего гостя дорогаго,
Моего батюшки роднаго!
Много у сыра дуба вѣтвей-повѣтей,
Одной нѣтъ золотой макушки —
Какъ не будетъ у меня горькой
Сударыни-матушки.
Какъ кукушечка въ саду разкуковалася,
Такъ и бѣдная разгоревалася.

Если же невѣста сирота, не имѣющая ни отца, ни матери, она причитываетъ:

2382.

Охъ вы, дѣвушки, подружки мои,
Вы подумайте сами, неглупыя,
Да къ чему мнѣ веселитися?
Много людей добрыихъ,
Собрать срядить есть кому,
Благословить то меня некому.
Прошу васъ, дѣвушки: не покинуть меня,
Вы сходите на кладбище къ моей матушкѣ,
Доложите кормильцу моему батюшкѣ,
Что меня горькую безъ нихъ собираютъ,
Во чужи люди, во незнамые!

Припоминая кого-нибудь изъ родныхъ, находящагося въ отлучкѣ, невѣста шлетъ и ему свой привѣтъ.

2383.

Взвѣйся ты мой дядюшка,
Со чужой дальной сторонушки
Яснымъ соколомъ
На свою милу родину!
Сядь-ка ты, мой дядюшка,
На носящато окошечко,
Послушай ты моихъ пѣсенъ горькіихъ,
Какъ я несчастная за кажду минуту
Своимъ горемъ убиваюся.

Родные унимаютъ и утѣшаютъ невѣсту, приговаривая:

Полно тебѣ, горькая кукушечка, куковати,
Пора и перестати.

Подружки, гостя у невѣсты до самой ея свадьбы, пособляютъ ей шить приданое. Между дѣлъ онѣ поютъ пѣсни, извѣстныя здѣсь, какъ и вездѣ, подъ названіемъ свадебныхъ, принаравливая смыслъ и складъ каждой пѣсни къ обстоятельствамъ и расположенію невѣсты:

2384.

Звонокъ колоколъ въ Новѣгородѣ,
А звончѣй въ Подъячевкѣ селѣ,
Звонитъ свѣтъ Надеждушка,
Звонитъ свѣтъ Ивановна и проч.

Наканунѣ дѣвичника поется:

2385.

При вечерѣ вечерѣ Надеждиномъ дѣвичникѣ,
Прилеталъ къ ней ясенъ соколъ,
Ясенъ соколъ добрый молодецъ, и проч.

День, предшествующій свадьбѣ, начинается *дѣвичникомъ* и оканчивается *вечеринкой*. Дѣвичникъ заключается въ слѣдующемъ. Дѣвицы, подружки невѣсты, истопивъ для нея баню, идутъ къ жениху за мыломъ. Онѣ справляютъ ему поклоны отъ невѣсты, а сватьямъ отъ сватьевъ; ихъ усаживаютъ, угощаютъ виномъ, брагою, говядиною и курникомъ. Послѣ угощенія дѣвушки подносятъ жениху даръ невѣсты [1]), а онъ посылаетъ съ ними мясо, даритъ ихъ деньгами, и въ принесенное ими ведро наливаетъ браги, а въ блюдо кладетъ говядины. На прощаньѣ дѣвушки зовутъ жениха и всю его семью и родныхъ къ невѣстѣ на вечеринку, и отправясь домой, поютъ дорогою:

2386.

Наливная наша ягодка,
Дорогая наша гостьинька,
Погости у насъ малехонько,
На дворѣ у насъ тихохонько, и т. д.

Съ этимъ онѣ входятъ къ невѣстѣ, которая, встрѣчая ихъ, вопитъ:

2387.

Не пойте вы, мои подруженки,
Мнѣ безъ пѣсень тошнехонько;
Запойте вы, мои подруженьки,
Мою пѣсню горькую, и т. д.

Дѣвушки, отдавъ поклоны отъ жениха и сватьевъ, собираютъ и ведутъ невѣсту въ баню, припѣвая:

2388.

По двору похаживаю,
Щепочки пособирываю,
Баньку мыльную растапливаю,
Ростопись, моя банька мыльная,
Разгоритесь дубравы дровца;
Разсыпайся бѣлъ жемчугъ,
Не по атласу, не по бархату,
По серебряному блюдечку.
Расплакалась свѣтъ Надеждушка,
Разгрустилась свѣтъ Ивановна
Предъ своимъ роднымъ батюшкою,
Предъ сударыней матушкою:
«Государь ты мой, батюшка,
Про что, почто пиво варишь,
Аль ты хочешь сына женить?
— Сударыня моя матушка,
Ты на что, про что ширинка [2]) кроишь,
Аль меня хочешь замужъ отдать?»

Выпаривъ, вымывъ и одѣвъ невѣсту, дѣвушки чешутъ ей голову и плетутъ косу, а она въ это время вопитъ:

2389.

Чешите мою головушку
Гладко на-гладко;
Плетите мою русу косу
Мелко на-мелко;
Вплетайте мнѣ шелковъ косникъ
Крѣпко на-крѣпко.

Заплетя косу, дѣвушки ведутъ невѣсту домой съ пѣснію:

2390.

Я вечо́ръ была на ве́черѣ,
У Надежды на дѣвичникѣ.
У Ивановны на дѣвичникѣ.
Какъ Надеждиной матери
Нехорошъ сонъ привидѣлся:
Прилетали сизы голуби —
Сизехоньки, милехоньки.
Одинъ голубь всѣхъ сизѣе
И милѣе всѣхъ.
Онъ садился на окошечко.
На болотную причелинку.
Онъ будилъ, будилъ Надеждушку,
Онъ будилъ, будилъ Ивановну:
«Вставай-ка Надеждушка —
Ужъ тебѣ и много надобно —
Ужъ и свекора дарить было бы чѣмъ».
«Ужъ я свекора порточками,
А свекровь рукавочками,
Деверьевъ-то по шириночкѣ,

[1]) Даръ состоитъ изъ рубахи, портковъ и платка, если женихъ сирота, если же отецъ и мать у него живы, то невѣста посылаетъ ему только перчатки и платокъ; но въ томъ и другомъ случаѣ къ подарку присоединяется суровая посконная нитка, о значеніи коей будетъ сказано ниже.

[2]) Ширинка — кусокъ узкаго льняного холста длиною не болѣе аршина, окаймленный у краевъ затканною изъ красной бумаги полоскою.

А золовокъ по косыночкѣ.
А Александру я сама подарюсь,
А Петровичу я сама подарюсь.

Невѣста, подойдя къ воротамъ своего дома, вопитъ:

2391.

Подхожу я къ батюшкинымъ воротамъ,
Стоитъ тутъ озеро-болото,
Въ этомъ же во болотичкѣ
Плаваетъ утка съ утятами:
Не я ль, горькая, съ любезными подружками?

Войдя въ избу, падаетъ отцу въ ноги, вопя:

Спасибо тебѣ батюшка,
На пару, на банюшкѣ,
На дубовыхъ дровцахъ.

Затѣмъ кланяется въ ноги и матери, вопя:

Спасибо тебѣ, матушка,
На пару, на банюшкѣ,
На шелковомъ вѣничкѣ,
На цвѣтномъ платьицѣ.

Потомъ кланяется и всѣмъ своимъ домашнимъ, благодаря ихъ за заботы и попеченія объ ней. Всѣ стараются утѣшить ее и подъ конецъ усаживаютъ на кутникѣ, покрывъ ее *фатою* [1]), дѣвушки же помѣщаются около нея, за занавѣсью, которою онѣ отдѣляются отъ передней части избы; здѣсь остаются онѣ и на весь вечеръ.

Къ вечеру въ домъ жениха собираются его родные. Ихъ угощаетъ отецъ жениха и въ тоже время назначаетъ изъ нихъ *дружку*, *полдружіе*, *коровайника*, *подсвѣчника*, а также, если у жениха отецъ и мать крестные умерли, вмѣсто нихъ *отца* и *мать посаженыхъ*. Въ должность дружки, какъ и вездѣ, выбирается мужикъ разбитной, который, какъ говорится, за отвѣтомъ въ карманъ не полѣзетъ и у котораго всегда въ запасѣ на языкѣ красное словцо. Полдружіе — помощникъ дружки. Коровайникъ везетъ съ женихомъ коровай хлѣба въ церковь и изъ церкви. Подсвѣчникъ принимаетъ свѣчи, употребляемые при вѣнчаньи. Окончивъ выборъ, отецъ и мать жениховы приглашаютъ всю свою родню къ невѣстѣ на вечеринку и всею толпою, съ женихомъ впереди, отправляются къ ней въ домъ. Заслышавъ приходъ гостей, дѣвушки запѣваютъ:

Не было вѣтру, не было буйнаго, и т. д.

Пришедшихъ на вечеринку жениха и его родныхъ хозяинъ (отецъ или родственникъ невѣсты, выдающій ее замужъ) встрѣчаетъ въ сѣнныхъ дверяхъ, держа въ рукѣ стаканъ, налитой до половины брагою; къ нему подходитъ отецъ жениха также со стаканомъ, наполненнымъ до половины брагою. На спросъ послѣдняго: «Ждалъ ли гостей? Радъ ли гостямъ»? хозяинъ отвѣчаетъ: «Милости просимъ». За тѣмъ оба старика переливаютъ брагу изъ стакана въ стаканъ до трехъ разъ и, помѣнявшись ими, брагу выпиваютъ. Какъ скоро гости входятъ въ избу, дѣвицы затягиваютъ пѣсню:

Александръ идетъ со дарами,
Петровичъ идетъ со большими, и проч.

Въ избѣ невѣста сидитъ на кутникѣ подъ фатою посреди своихъ подружекъ. Изъ числа гостей къ ней подходитъ только сваха жениха, которая, поцѣловавшись съ нею и спрося ее о здоровьѣ, ставитъ ей на колѣни блюдо съ частью свѣжины и курникомъ. Прочіе же гости, увидѣвъ крестныхъ отца и мать невѣсты въ переднемъ углу за столомъ, окупаютъ у нихъ это мѣсто, отецъ жениха у крестнаго отца стаканомъ вина, а мать жениха у крестной матери *кокуркой* [2]). Окупивъ мѣсто, гости усаживаются за столомъ, оставляя почетныя мѣста въ переднемъ углу старшимъ. Тутъ свахою выводится изъ занавѣски покрытая фатою, невѣста, которая кланяется гостямъ на всѣ стороны. Къ ней подводится женихъ, и свахи, откинувъ съ лица невѣсты фату, подаютъ обоимъ по стакану, налитому до половины брагой. Эти стаканы женихъ и невѣста подносятъ другъ другу, между тѣмъ какъ сватья спрашиваетъ жениха: «Знаешь ли кого потчуешь»? а свахи тоже самое спрашиваютъ невѣсту. Женихъ отвѣчаетъ: «Знаю и потчую Надежду Ивановну», а невѣста: «Знаю и потчую Александра Петровича», послѣ чего они переливаютъ брагу изъ стакана въ стаканъ до трехъ разъ, мѣняются ими, выпиваютъ брагу до дна и цѣлуются. При этомъ вниманіе присутствующихъ обращено на то, кто прежде выпьетъ:

---

[1]) *Фата* — большой шелковый или бумажный платокъ.

[2]) *Кокурка* — сдобная лепешка съ запеченнымъ въ ней яйцомъ въ скорлупѣ.

женихъ, или невѣста? Если невѣста выпьетъ прежде жениха, то со всѣхъ сторонъ сыплются шутки и остроты въ родѣ слѣдующей: «Ну, сватья, жениха то нашего знать волки съѣли»! Передъ уходомъ невѣсты къ подругамъ, дѣлаются обычные подносы даровъ. Даръ жениху сопровождается извѣстною пѣснью:

Князь молодой,
Ты даръ прими, и проч.

Какъ скоро невѣста возвратится опять за занавѣсь, на кутникъ, подруги ея затягиваютъ пѣсни въ честь жениха и его гостей. Каждому гостю, который величается пѣснью, подносится стаканъ браги, а онъ отдариваетъ дѣвушекъ монетою, большею частію мѣдною.

По окончаніи пѣсенъ накрывается столъ и подаются гостямъ всегда только три блюда: студень, щи съ говядиною и лапша со свининою. Послѣ ужина жениху предоставляется самая пріятная обязанность: идти за занавѣсь и въ кругу дѣвицъ, покрывшихся какъ и невѣста большими платками, отыскать свою суженую. Онъ схватываетъ на угадъ то ту, то другую, и все ошибается. За каждую ошибку онъ платитъ какую нибудь монету, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока не попадется ему невѣста. Налюбовавшись ею и распростясь съ нею и хозяевами, женихъ уводитъ всѣхъ гостей къ себѣ на вечеринку. По уходѣ гостей невѣста вопитъ:

Провожай-ка ты, мой батюшка,
Гостей мнѣ нежеланныхъ,
Моихъ разлучниковъ, и проч.

Вечеринки въ домѣ родителей невѣсты заканчивается дарами всей ея роднѣ. Каждый изъ гостей, принимая даръ и выпивая подносимый стаканъ браги, одариваетъ невѣсту деньгами. У жениха же гости вновь ужинаютъ и уже въ позднюю ночь расходятся навеселѣ по домамъ.

На другой день всегда бываетъ свадьба. Утромъ этого дня въ домѣ невѣсты ничего не стряпается, и если свадьба играется лѣтомъ, то и изба не топится, а все вниманіе и хлопоты хозяевъ устремлены на то, чтобы успокоить невѣсту, которая, поднявшись отъ сна, начинаетъ тотчасъ вопить:

Вставай-ка ты, мой батюшка,
Вставай-ка ты, сударыня матушка
Спалась ли вамъ темна ноченька, и проч.

Вскорѣ являются дружка и подружье. Вручивъ невѣстѣ даръ жениха [1]) и попросивъ стариковъ поспроворить сборами къ свадьбѣ, они уходятъ, и дѣвушки приступаютъ къ одѣванью невѣсты подъ вѣнецъ. Спачала чешутъ ей голову и вмѣсто того, чтобы заплести косу, волосы на затылкѣ, у самаго корня, перевязываютъ снуркомъ. Затѣмъ братъ невѣсты, холостой и преимущественно младшій, а если нѣтъ братьевъ, то какой-нибудь мальчикъ изъ родныхъ обуваетъ ее въ чулки и башмаки, при чемъ въ правый башмакъ кладетъ деньги. Между тѣмъ мать невѣсты опоясываетъ ее по голому тѣлу суровою посконною ниткою, завязавъ концы нитки узломъ *на отмашь* [2]). Окончательнымъ нарядомъ распоряжаются опять подруги невѣсты у кутника, если свадьба бываетъ зимою, и въ клѣти, если лѣтомъ. Онѣ надѣваютъ на нее льняную бѣлую съ долгими рукавами рубашку и простой крашенинный сарафанъ. На этотъ сарафанъ надѣвается опять бѣлая кисейная, а иногда цвѣтная ситцевая или красная александрійская рубашка и сверхъ ея французскій [3]) или кумачный сарафанъ, если рубашка бѣлая, и китайчатый, если она цвѣтная или красная, съ шелковымъ поясомъ. Покрывъ невѣсту фатою, дѣвушки передаютъ ее свахѣ, съ которою она выходитъ отъ кутника или изъ клѣтки на средину избы, вопя:

2392.

Посторонитесь вы, люди добрыя,
На всѣ четыре сторонушки,

---

[1]) Даръ составляютъ: овчинная шуба, нагольная, а иногда крытая нанкою или китайкою, коты, какъ было прежде, а теперь болѣе башмаки и чулки.

[2]) Нитка эта прядется невѣстою *на отмашь*, т. е. веретено съ ниткою вертится налѣво, притомъ тайкомъ ото всѣхъ и на печномъ столбѣ. Спрявши нитку, невѣста ссучиваетъ ее также на отмашь и завязываетъ на ней шесть узловъ въ лѣвую же сторону. Первые узлы завязываются на порогѣ избы, вторые на порогѣ сѣней, третьи въ воротахъ. Затѣмъ нитка разрывается пополамъ; одну половину съ тремя узлами невѣста оставляетъ себѣ, а другую отсылаетъ жениху. Дѣлается это для того, чтобы отнять у колдуновъ силу ихъ наговоровъ и порчи, при чемъ простой народъ разсуждаетъ такъ: Хоть колдуны и знаютъ всю подноготную, но и имъ можетъ быть не въ домекъ то, что сдѣлано не по принятому порядку; но еслибъ знахарь и высмотрѣлъ нитку и даже сосчиталъ узлы, да не догадается, что она спрядена и завязана на отмашь, а еслибъ наконецъ и это спровѣдалъ, то ему въ голову не придетъ, что нитка спрядена на печномъ столбѣ, безъ того же, хоть надорвись проклятый, — не испортить ему ни дѣвки, ни парня.

[3]) *Французскимъ* называется у крестьянъ всякій сарафанъ изъ краснаго ситца, съ мушками или питсушками и цвѣтами, хотя бы онъ былъ и русскаго издѣлія.

Пропустите меня къ батюшкѣ
Пропустите меня къ матушкѣ.

Подойдя къ отцу, она падаетъ ему въ ноги, вопя:

Не бѣлая березынька
Ко сырой землѣ приклоняется, и проч.

Получивъ благословенія отца, невѣста обращается къ матери, падаетъ ей въ ноги и также проситъ у ней благословенія. Мать, взявъ у мужа икону, благословляетъ дочь, и обнимаетъ ее, кладетъ ей потихоньку за пазуху маковую головку или кусочекъ бредня [1]). За тѣмъ посаженная крестнымъ отцомъ въ передній уголъ за столъ, невѣста вопитъ:

2393.

Не сажай-ка ты меня, батюшка,
За столо за дубовые,
За скатерти браныя,
За яства сахарныя —
Не въ сады то меня сажаешь,
Сажаешь въ горе во великое!

Пока происходитъ это у невѣсты, къ жениху собираются его родственники, разряженые, на отборныхъ лошадяхъ, въ повозкахъ съ бубенчиками. Дружка составляетъ изъ нихъ поѣздъ. Выбранные имъ *поѣзжане* надѣваютъ крестъ-накрестъ черезъ плечо большіе платки, также привязываютъ къ дугамъ лошадей цвѣтные платки, которые развиваются какъ флаги. Послѣ благословенія жениха отцомъ и матерью родными и крестными, дружка надѣваетъ ему на плеча платокъ, складывая его косынкою, точно такъ какъ носятъ платки женщины. За тѣмъ всѣ поѣзжане, равно какъ и остающіеся въ избѣ, присѣвъ на минуту встаютъ, молятся и выходятъ на дворъ. Здѣсь, усѣвшись въ повозки, поѣзжане вновь крестятся, надѣваютъ шапки или шляпы [2]) и ѣдутъ за невѣстою. Подъѣхавъ къ воротамъ невѣстина дома и найдя ихъ, по обыкновенію, запертыми, они откупаютъ право въѣзда на дворъ стаканомъ вина. Подружки же невѣсты, заслышавъ поѣздъ, поютъ:

Погляди, дитя въ окошечко:
Чьи кони разыгрался?
Разыгралися кони Александровы,
Разыгралися добры Петровича и т. д.

Выкупъ невѣсты дружкою, угощеніе поѣзда и благословеніе невѣсты и жениха родителями первой и ея крестными отцемъ и матерью происходитъ обыкновеннымъ порядкомъ. При выходѣ поѣзда изъ избы особенная забота невѣсты и всѣхъ присутствующихъ заключается въ томъ, чтобы она переступила черезъ порогъ правою ногою [3]). Идя избою невѣста вопитъ:

2394.

Первый-то ступень ступлю, —
Прощусь съ батюшкою.
Другой-то ступень ступлю, —
Прощусь съ матушкою.
Третій то ступлю, —
Прощусь съ родомъ-племенемъ!

Между тѣмъ дружка, выкупивъ у подружекъ невѣсты ея приданую постель, выноситъ ее изъ избы и укладываетъ въ повозку, на которой невѣста должна ѣхать въ церковь; а свахи, взявъ обѣ ложки, лежавшія передъ женихомъ и невѣстою на столѣ, увозятъ ихъ съ собою.

На дворѣ дядя или братъ усаживаютъ невѣсту въ сани или телѣгу (смотря по времени года), при чемъ невѣста вопитъ:

2395.

Не сажай ты меня, мой дядюшка,
На вороныхъ коней поѣзжаныхъ.
Эти кони обманчивы,
Не въ саду привезутъ меня веселиться,
А въ горѣ привезутъ, горе великое!

---

[1]) И маковка и бредень составляютъ камень преткновенія для колдуновъ. Какъ ни хитеръ знахарь, но не скоро пересчитаетъ сколько въ положенной за пазуху маковкѣ зеренъ или сколько на отрывкѣ бредня узелковъ или петелокъ. Ошибись онъ хоть однимъ, и все колдовство пойдетъ не въ прокъ.

[2]) Но никогда, сколько мнѣ извѣстно, шапка не надѣвается на жениха въ избѣ, какъ описываетъ это г. Леопольдовъ (см. Статистич. описаніе Саратовск. губ., ч. I, стр. 96).

[3]) Такъ какъ заговоръ о порчѣ дѣлается большею частію на порогѣ, то переходъ черезъ порогъ правою ногою признается лучшимъ средствомъ уничтожить такое колдовство — по народному повѣрью, что правая сторона есть сторона благодати, ибо на правомъ плечѣ всегда сидитъ Ангелъ хранитель, а на лѣвомъ дьяволъ.

Закончивъ этимъ послѣднимъ причитаніемъ свой вопъ, невѣста, перекрестясь, покрывается фатою и усаживается въ повозкѣ. Рядомъ съ нею садятся: съ правой стороны сваха ея, представительница всей ея родни, остающейся дома, а съ лѣвой сваха жениха. Поѣзжане же усаживаютъ жениха, съ которымъ садится его крестный отецъ. Вообще поѣздъ устраивается дружкой въ общемъ порядкѣ: первую пару лошадей онъ оставляетъ для себя и подружья, вторую для невѣсты и двухъ свахъ, третью для коровайника и подсвѣчника, четвертую для жениха и его крестнаго, а остальныя пары для прочихъ родственниковъ-поѣзжанъ. Уладивъ поѣздъ, онъ обходитъ его съ благословенными иконами, творя (во избѣжаніе на дорогѣ порчи отъ колдуновъ и злыхъ бабъ) воскресную, а за неумѣніемъ ея, какую знаетъ молитву. Затѣмъ усаживается онъ съ подружьемъ на свою пару и крикнувъ: «съ Богомъ, поѣздъ честной!» трогаетъ лошадей, при чемъ весь поѣздъ снимаетъ шапки, крестится и выѣзжаетъ за дружкою въ назначенномъ порядкѣ, на улицу. Отъѣхавъ нѣсколько саженъ, дружка поворачиваетъ лошадей и скачетъ обратно въ домъ невѣсты. Перемѣня хлѣбъ жениха на хлѣбъ невѣсты, онъ догоняетъ поѣздъ и отдавъ хлѣбъ коровайнику, пускаетъ лошадей во всю рысь, чтобы первому подъѣхать къ церкви. Когда же всѣ остановятся у церкви, женихъ высаживаетъ невѣсту изъ повозки, а дружка, отецъ крестный жениха и иные почетные изъ поѣзжанъ ѣдутъ за священникомъ, который ѣдетъ съ поѣзжанами, и вслѣдъ за нимъ женихъ и невѣста вводятся въ церковь. Во время вѣнчанія, при подстилкѣ подъ ноги вѣнчаемыхъ платка, извѣстнаго подъ названіемъ *подножья*, свахи нашептываютъ невѣстѣ, чтобы она встала на него прежде жениха, что сулитъ ей власть надъ мужемъ. По окончаніи церковнаго обряда новобрачная отводится свахами въ трапезу, гдѣ онѣ заплетаютъ ей косу на двѣ половины и укладываютъ ихъ вокругъ головы; на затылокъ подзатыльную *поднизь*, на голову надѣваютъ *наклонку* [1]), спереди подвязываютъ платокъ, шею и грудь украшаютъ борками и гранатками [2]), и закрывъ лице молодой фатою, выводятъ ее изъ церкви.

[1]) *Поднизь* — прямоугольникъ (четырехъ вершковъ въ ширину и двухъ въ вышину), низанный узорочьемъ изъ цвѣтного стекляруса. *Наклонка* тоже, что кокошникъ.

[2]) Борки составляются изъ *пронизокъ*, нанизанныхъ на толстую нитку; *пронизка же* есть цвѣтной стеклярусъ съ скважиною насквозь. *Гранатка* — стеклярусъ, подкрашенный подъ цвѣтъ гранаты.

По возвращеніи изъ церкви, когда новобр
ные, встрѣченные, по обычаю, родителями мо
даго съ иконою и хлѣбомъ, въ вывороченны
на изнанку тулупахъ, прикладываются къ ико
старики осыпаютъ ихъ хмѣлемъ, приговарива

Какъ хмѣль легокъ и веселъ,
Такъ будьте и вы легки и веселы!

Затѣмъ, вводя новобрачныхъ за руки
избу, отецъ говоритъ молодому:

2396.

Вотъ тебѣ жена
Богомъ создана.
Люби ее какъ душу,
Тряси какъ грушу.
Живите, богатьте,
Спереди горбатьте.

А мать договариваетъ:

2397.

Сколько въ лѣсу пеньковъ,
Столько вамъ сынковъ:
Сколько въ полѣ кочекъ,
Столько вамъ и дочекъ,

И усаживаютъ ихъ за столъ, при чемъ съ нов
брачной снимается фата. Тутъ свекоръ, приня
отъ свекрови коровай ржанаго хлѣба съ пшени
нымъ пирогомъ и солонкою съ солью и мѣдн
монетой, подноситъ все это новобрачной невѣст
приговаривая:
«Вотъ тебѣ, невѣстушка, одонье ржи, а друг
сама нажни, и насъ при старости корми».
А свекровь вручаетъ молодымъ какого нибу
ребенка, приговаривая:

Вотъ вамъ ребенокъ готовенькой,
А о своемъ сами позаботьтесь.

Новобрачная, принявъ ребенка, даритъ ем
если это дѣвочка, серьги, а если мальчикъ — пояс
дары эти у ней прицѣплены заранѣе на сар
фанной проймѣ.
Между тѣмъ дружка со свахою готовятъ
чуланѣ, если это время зимнее, и въ клѣти, ес
лѣто, постель новобрачнымъ, и войдя въ изб

уводятъ ихъ съ собою. Въ чуланѣ сваха, накормивъ молодыхъ, снимаетъ съ новобрачной наклопку и нарядные сарафанъ и рубашку, послѣ чего, снабдивъ ее нужными совѣтами, укладываетъ спать, и уходитъ съ дружкою, заперши напередъ чуланъ. По возвращеніи въ избу они садятся со всѣми поѣзжанами обѣдать. Пообѣдавъ, дружка и сваха подходятъ къ дверямъ спальни, стучатъ и окликаютъ новобрачную чету: «Ель, аль сосна»? Если получатъ въ отвѣтъ: «Сосна», то отправляются обратно, но погодя немного опять подходятъ съ тѣмъ же, и если имъ отвѣтятъ: «Ель», то отпираютъ спальню. Здѣсь сваха снимаетъ съ молодой спальнее бѣлье и сарафанъ, надѣваетъ нарядные, и взявъ *молодыхъ* за руки, вводитъ въ избу, припѣвая, приплясывая и причитая всякій вздоръ, идущій къ дѣлу. Между прочимъ она поетъ, колотя горшки и другую посуду, какая попадется ей подъ руку:

2398.

Ай бѣда, бѣда моя немаленькая,
Что зовутъ меня не дѣвушкою! —
Вотъ не дѣвушкою, не молодушкою:
Я со вечера дѣвушка,
Ко полуночи молодушка,
Ко полуночи молодушка,
Черезъ сорокъ недѣль матушка!
Ой бѣда, бѣда моя не маленькая.

Не то бываетъ, когда обнаружится нецѣломудренность новобрачной. Тогда дружка вводитъ пристыженную чету безъ пѣсенъ и прибаутокъ; горшки не колотятся, а случается напротивъ, что опозоренный молодой, чтобъ выместить свою досаду, задаетъ новобрачной *катку* и *потосовку*. Да и отцу и матери ея почетъ бываетъ не равный. Въ первомъ случаѣ самъ молодой съ дружкою, полдружьемъ и свахою новобрачной идетъ къ *своимъ тестю* и *тещѣ* на *яичницу*, и послѣ вина и яичницы приглашаетъ ихъ со всѣми родными къ *своимъ старикамъ*, а дружка и полдружье зовутъ ихъ ни къ молодымъ *князю* и *княгинѣ* на *сыръ-коровай* [1]). Встрѣчая *сватьевъ* съ виномъ, отецъ молодого говоритъ имъ: «Умѣли, сватушки, дочку свою вспоить, вскормить, сумѣли и честь ее соблюстить — такъ просимъ пожаловать на всѣхъ радостяхъ.» Что касается до отца и матери провинившейся дочки, то ихъ при встрѣчѣ не благодарятъ, и подносятъ имъ не *винцо, а бражку, да и ту ивашку* [2]), притомъ въ продырявленномъ снизу стаканѣ. Подноси стаканъ, дырочку затыкаютъ пальцемъ, чтобы брага до поры не вылилась. Старикъ — гость волею-неволею долженъ принять этотъ позорный стаканъ; но онъ лишь возьметъ его, какъ брага со свистомъ выливается изъ дырочки и старику удается только пригубить стаканъ при злобномъ хохотѣ оскорбленной семьи. «Что, сватушка, говоритъ старикъ-хозяинъ, по усамъ текло да въ ротъ не попало; горько — а дѣлать нечего; ну, да судъ и рядъ не наши, а Божьи — такъ милости просимъ».

Между тѣмъ какъ гости, размѣстясь на скамьяхъ и лавкахъ по старшинству, угощаются брагою и виномъ, закусывая разставленною по столамъ говяниною, бабы-хозяйки и приглашенные ими приспѣшницы страшно озабочены приготовленіями къ ужину. Ужинъ этотъ, называемый *горный столъ*, состоитъ въ слѣдующемъ. Сначала покрываютъ столы скатертями, на нихъ кладутъ ложки, ломти ржанаго и пшеничнаго хлѣба, разставляютъ солоницы, ставятъ чаши съ брагою, съ опущеннымъ въ каждую ковшомъ. За тѣмъ гости усаживаются по старшинству. Изъ яствъ подаютъ: первое холодное: *студень* говяжья, разведенная квасомъ съ приправою тертаго хрѣна и сметаны; второе — *щи* съ накрошенною въ нихъ свѣжиною; третье — *похлебка* изъ легкаго, требушины, и проч., приправленная гречневою крупою и сметаной; четвертое — *лапша* молочная, а болѣе мясная изъ свинины; пятое — *пшенникъ* съ приправою коровьяго масла; шестое — *курникъ*. Всѣ эти яства подаются приспѣшницами на столѣ въ чашкахъ, прикрытыхъ сверху блюдами. Повершивъ горный столъ курникомъ, хозяева кланяются гостямъ, прося не осудить, что накормили и напоили не вдоволь, а по своей силѣ-мочи. Гости же, благодаря хозяевъ за хлѣбъ-соль, поднимаются, стряхнувъ передъ тѣмъ на столъ крошки, нападавшія имъ на колѣни [3]) и собираются ко дворамъ. Въ это время молодые подходятъ къ отцу и матери новобрачной и падаютъ имъ въ ноги, а дружка подаетъ старикамъ

---

[1]) Тоже, что *курникъ*. См. выше примѣч. 2.

[2]) Брага, сильно разбавленная водой.

[3]) Обычай стряхивать крошки на столъ повсемѣстенъ на Руси и соблюдается крестьянами послѣ каждаго обѣда, ужина и т. п. Основаніемъ этому служитъ, конечно, глубокое уваженіе простолюдина къ хлѣбу, какъ къ лучшему дару Божью, который не долженъ валяться на полу *зря*. Со стола крошки убираются въ какую нибудь посуду и даются скоту или птицѣ.

по стакану вина. Старики дѣлаютъ молодымъ наставленіе какъ имъ жить и любить другъ друга, и попробовавъ вино, словомъ: *«горько»* даютъ знать, чтобы они поцѣловавшись, подсластили его. Тутъ разгулявшіеся старики дарятъ новобрачнымъ *на разводъ* телку или что другое изъ домашняго скота и толику денегъ. Отблагодаривъ ихъ, молодые кланяются въ ноги отцу и матери крестнымъ, а за ними и прочимъ роднымъ новобрачной, получая отъ каждаго совѣтъ и подарокъ.

На другой день въ домѣ молодыхъ пекутся блины. Закусивъ ихъ, вся семья идетъ на *блинкѣ* къ тестю и къ тещѣ, молодаго. Отсюда новая роднця опять отправляется на обѣдъ къ молодымъ. Такимъ образомъ обѣ семьи, съ ихъ родными, продолжаютъ *гулять*, т. е. переходить изъ дома въ домъ, въ теченіе двухъ или трехъ дней, а иногда и цѣлой недѣли, попивая и приговаривая: «То мы къ тебѣ; то ваша милость къ намъ».

Зап. А. Труворовъ. Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, относящ. до Россіи. Н. Калачева. Кн. III, отдѣл. шестое, стр. 27—42.

XXI. Оренбургской губерніи.

Оренбургскаго уѣзда.

I.

Свадьба.

Въ Оренбургскомъ уѣздѣ вступаютъ въ бракъ довольно рано: женятся 17—18, а выходятъ замужъ—16—17 лѣтъ. Если парень женится, беретъ, а дѣвица идетъ, выходитъ замужъ, то есть, если молодые люди вступаютъ въ бракъ,—въ такомъ случаѣ у насъ говорятъ, что они «справляютъ или играютъ свадьбу».

Большинство свадьбъ въ Оренбургскомъ уѣздѣ совершается осенью, передъ Покровомъ, зимой—между Рождествомъ Христовымъ и сыропустной недѣлей и весной, вскорѣ послѣ Пасхи. Безъ вина здѣсь ни одна свадьба не обходится, а особенно во время осени и зимы, и, говорятъ, плоха та свадьба, на которой мало вина—3 или 4 ведра, и на которой не напьются до рвоты—блевоты и брани. Какъ ни одна свадьба не обходится безъ вина, такъ же она почему-то не можетъ обойтись и безъ пѣсенъ, даже безъ «похабныхъ», и безъ различныхъ безобразій. При этомъ нужно замѣтить, что весеннія свадьбы гораздо скромнѣе осеннихъ и зимнихъ свадебъ. Осенняя и зимняя свадьбы продолжаются отъ двухъ до четырехъ недѣль, тогда какъ весенняя—всего одну или, много двѣ недѣли.

Свадьба въ здѣшнемъ крестьянствѣ состоитъ изъ цѣлаго ряда пирушекъ или, вѣрнѣе, попоекъ, общихъ, повальныхъ и частныхъ, односемейныхъ, сопровождающихся разнообразными обрядами, различными безобразіями и разнохарактерными, въ томъ числѣ и «похабными», пѣснями. Каждая *гулянка*, каждый моментъ и обрядъ свадьбы здѣсь носитъ свое отдѣльное названіе. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ послѣднемъ, я скажу нѣсколько словъ о самомъ населеніи.

Говоря о населеніи Оренбургскаго уѣзда, или начиная говорить о немъ, прежде всего я долженъ сказать, что оно здѣсь настолько разнообразно, разнохарактерно, что, кажется, не нужно объѣзжать всей Руси, чтобы описать ее въ этнографическомъ и тому подобныхъ отношеніяхъ: для этого достаточно будетъ объѣхать только одинъ Оренбургскій уѣздъ, имѣющій въ себѣ не только воронежцевъ, куряковъ, орловцевъ, пензенцевъ, рязанцевъ, тамбовцевъ и туляковъ,—этихъ вездѣ сущихъ великороссовъ, но и всѣхъ другихъ представителей «Руси великой». Кромѣ того, здѣсь много татаръ, чувашъ, мордвы, башкиръ, сибиряковъ, есть даже вотяки и калмыки. Всѣ эти люди живутъ вмѣстѣ или рядомъ, бокъ о бокъ, имѣютъ частыя и даже постоянныя сношенія, дружатъ и,—словомъ, смѣшались, говорятъ больше однимъ языкомъ—великорусскимъ, на «московскомъ» нарѣчіи, но непремѣнно съ примѣсью всѣхъ остальныхъ нарѣчій, говоровъ и языковъ Россіи.

Въ здѣшнемъ уѣздѣ имѣются селенія, въ которыхъ не только поселяне и ихъ говоръ, но и постройки разнообразны, такъ что каждый домъ имѣетъ свою особенность. Въ Павловской волости, напримѣръ, есть деревня Холодный Ключъ. Деревня эта небольшая: въ ней всего-на-всего—только 43 дома. Изучая эту деревню въ истори-

ческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, я замѣтилъ, что деревня имѣетъ въ себѣ семь особенностей, семь отличительныхъ чертъ во всемъ, положительно во всемъ: и въ постройкахъ, и въ сбруѣ, и въ орудіяхъ, и въ утвари, и въ говорѣ, и въ одеждѣ, и въ обуви, и въ обычаяхъ, и въ суевѣріяхъ, и повѣріяхъ.

Спрашиваю объ этомъ ключевцевъ:

— «Почему это у васъ семь особицъ?»

— А потому,—отвѣчаютъ мнѣ,—что мы—народъ сбродъ: изъ семи губеренъ сошлись....

Это еще не особенно разнохарактерная деревня: здѣсь мнѣ доводилось встрѣчать деревни съ двадцатью и тридцатью особенностями, занесенными изъ двадцати и тридцати губерній!

Однако, несмотря на это послѣднее, оренбургская свадьба имѣетъ въ себѣ и нѣчто общее, а именно: смотрины, сватовство, рукобитье, запой, сговоръ, гарной, калинку и подворню.

Смотрины, или *поглядѣшки*, — это обычай, привычка. Въ обычаѣ этомъ, на мой простой взглядъ, ничего нѣтъ особеннаго, замѣчательнаго, какъ только одна черта, рисующая, до нѣкоторой степени въ комической формѣ, нашего крестьянина. Крестьянинъ-отецъ, задумавшій женить своего сына и испросившій согласія на женитьбу и выборъ той или иной, понравившейся ему (сыну) невѣсты, — въ вечернюю пору, когда зажгутъ огни, отправляется смотрѣть «облюбованную» сыномъ дѣвицу: на сколько она дородна, красовита, умна, послушна. Смотрѣть облюбованную отецъ или другой членъ семьи идетъ тайно, чтобы никто не зналъ, и смотритъ тамъ, гдѣ удается: подъ окномъ, въ избѣ, на улицѣ, на вечеркахъ, на посидѣлкахъ, на попрядушкахъ, на обшивалкахъ. Если «смотритель» заявится въ избу, то всегда подъ какимъ-либо инымъ предлогомъ. Обычай этотъ еще имѣетъ смыслъ, когда невѣста живетъ въ чужомъ селѣ; но когда облюбованная женихомъ особа находится въ своемъ селеніи и даже въ сосѣдствѣ съ женихомъ, мнѣ кажется, онъ никакого смысла не имѣетъ и держится, вѣроятно, въ силу наслѣдственной привычки, потому-что своя сельская знакома жениху и его семьѣ много лѣтъ, «съ пеленокъ», такъ сказать.

Когда невѣста «высмотрѣна», облюбована не только женихомъ, но и его родителями, послѣдніе идутъ въ домъ родителей невѣсты—уже «сватать», то есть просить согласія невѣсты на выходъ, а родителей ея на выдачу. Родители жениха,— «сходатые сваты»,—отправляются обыкновенно поздно вечеромъ, при огняхъ. Входя въ домъ родителей невѣсты, они со вниманіемъ смотрятъ, нѣтъ-ли въ домѣ постороннихъ лицъ, при которыхъ почему-то ни *сватовство*, ни рукобитье не начинаются. Взойдя же въ избу, а затѣмъ помолясь Богу и поздоровавшись съ хозяевами, они, если въ избѣ изъ постороннихъ лицъ никого нѣтъ, садятся подъ потолочную матицу [1]) и заводятъ рѣчь обиняком, преимущественно такъ:

— «Мы—люди заѣзжіе, захожіе, гости—покупатели: покупаемъ, скупаемъ птицу, больше голубицу, и слыхали, что въ вашемъ домѣ есть такая продажная птица».

Хозяева имъ отвѣчаютъ, говоря:

— Есть у насъ птица, только не голубица, а синица, и нужна-ли вамъ такая малая пичужка,— не знаемъ, да и не рѣшили, можно-ли нынѣ продать ее.

— «Ваша синица намъ знакома: мы долго ходили, смотрѣли, и узнали, что она лучше иной голубицы. Поэтому мы и зашли къ вамъ.»

— Ошиблись вы, добрые люди! Наша синица совсѣмъ не такова: она и летать-то, какъ слѣдуетъ, не умѣетъ.

Такая, окольная рѣчь сватами ведется цѣлый вечеръ, но дѣло въ этотъ разъ между ними кончается ни тѣмъ, ни сѣмъ. Обыкновенно стороны рѣшаютъ дѣло во второй вечеръ. Въ этотъ вечеръ, если они сойдутся, рѣшатъ взять и отдать, то между ними происходитъ «ряда» или говоръ о «кладкѣ».

Кладка, или *калымъ* (плата за невѣсту) въ Оренбургскомъ уѣздѣ иногда доходитъ до 100 р.; обыкновенный же размѣръ ея—25—30 руб. Въ кладку входятъ: деньги, шуба, валенки или ботинки, кошма, вино, мясо, хлѣбъ и прочее, смотря по тому, въ чемъ нуждаются выдающій и выходящая замужъ.

Послѣ ряды стороны совершаютъ *рукобитье*: ударяютъ рука объ руку, какъ на базарѣ при куплѣ-продажѣ, выпиваютъ немного вина и назначаютъ день «запоя».

Пока въ домѣ происходитъ рукобитье, невѣста созываетъ своихъ подругъ, объявляетъ имъ о случаѣ и приглашаетъ ихъ въ *«обшивалки»*, то есть проситъ ихъ помочь ей шить приданое. Конечно, подруги съ радостью соглашаются «обшивать» и тотчасъ же переселяются въ домъ просватанной своей подруги; но прежде, чѣмъ начать работу, онѣ берутъ косу и палку, отправляются на село и обходятъ его съ коснымъ звономъ и пѣснями.

Такія хожденія обшивалокъ повторяются въ продолженіе свадебнаго обряда до 5—6 разъ. «Обходныхъ» или «обшивалочныхъ» пѣсенъ поется много. Онѣ мало чѣмъ отличаются отъ прочихъ свадебныхъ.

[1]) Потолочная «матица»—обычное и излюбленное мѣсто сватовъ.

Пока продолжаются работы, обшивалки живутъ въ домѣ невѣсты; здѣсь же онѣ и столуются и только въ исключительныхъ случаяхъ, когда невѣста очень бѣдна, ѣдятъ свое, ходятъ домой или же хлѣбъ и прочее приносятъ съ собой.

По окончаніи работъ, обшивалки совершаютъ хожденіе по селу уже «въ нарядахъ», то есть въ жениховыхъ рубашкахъ, которыя невѣста заготовила для своего суженаго.

Запой—это первая общая свадебная пирушка, справляется на счетъ стороны жениха, но почему-то всегда въ домѣ невѣсты, куда, по приглашенію, собираются родные и близкіе знакомые съ обоихъ сторонъ; въ другомъ смыслѣ это есть нѣчто, похожее на объявленіе о томъ, что такія-то лица вступаютъ въ бракъ.

Кромѣ родныхъ и знакомыхъ, на запоѣ бываютъ товарищи жениха и подруги невѣсты, впрочемъ, тѣ и другія бываютъ въ качествѣ зрителей, присутствуя здѣсь лишь до тѣхъ поръ, пока не совершится обрядъ «помолвки».

Помолвка совершается такъ. Родители выводятъ жениха и невѣсту на средину избы, «на публику», и вручаютъ имъ по рюмкѣ вина. Сначала даютъ рюмку жениху, потомъ — невѣстѣ. Врученными рюмками женихъ съ невѣстой должны помѣняться и, мѣняясь, «помолвиться», спросить другъ друга: «отъ кого берешь?» и отвѣтить, назвать: невѣста—жениха, а женихъ—невѣсту по имени и отчеству. Послѣ этого должны «чокнуться» рюмками, «выпить и закусить» — поцѣловаться, при чемъ, если кто-либо изъ гостей скажетъ: «горько» или «полыномъ запахло», то помолвленные обязаны повторить поцѣлуй. Затѣмъ, послѣ поцѣлуевъ, невѣста даетъ жениху свой головной платокъ—въ этомъ случаѣ знакъ окончательнаго согласія на выходъ замужъ. И послѣ этого только начинается самая пирушка — запой, называется также «платкомъ» и «сводами».

По первой рюмкѣ вина здѣсь обыкновенно подноситъ невѣста, конечно, при помощи жениха. Женихъ наливаетъ вино въ рюмки, невѣста подноситъ, при чемъ прежде она подаетъ родителямъ, сначала своимъ, потомъ жениховымъ, а затѣмъ уже остальнымъ, гостямъ.

Подноcя отцу, невѣста кланяется ему въ ноги и причитаетъ:

2399.

«Ты, батюшка,[1]) пей —
Меня не пропей!
Только пропей,
Только пропей,
Лисью шубу:
Шубу пропьешь,
Шубу пропьешь —
Ее выкупишь;
Меня пропьешь,
Меня пропьешь —
Не выкупишь,
Не выручишь.»

[1]) Когда невѣста подноситъ рюмку вина матери, тогда она слово «батюшка» въ причетѣ замѣняетъ словомъ «матушка».

Въ этотъ моментъ гости и, вообще, всѣ присутствующіе на запоѣ сидятъ молча, въ глубокой задумчивости, и навѣрное всякій думаетъ о совершающемся, такъ какъ причеты свои невѣста произноситъ навзрыдъ со слезами и грустнымъ тихимъ воплемъ.

Кромѣ описаннаго и обыкновенной попойки, на запоѣ почти ничего не совершается. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ на этой пирушки дѣвушки поютъ пѣсни, воспѣвая въ нихъ жениха, невѣсту и гостей и получая за это съ воспѣтыхъ плату отъ трехъ до 20 коп., но это не общій, не повсемѣстный обычай.

Черезъ недѣлю или, смотря по тому, какъ управятся и условятся стороны, въ домѣ жениха устраивается *сговоръ* — вторая пирушка. На сговорѣ стороны назначаютъ день свадьбы и избираютъ «поѣзжанъ: 1) тысяцкаго, 2) дружку, 3) полдружку, 4) бояръ, 5) боярынь и 6) постельниковъ.

Тысяцкій — старшее почетное лицо въ поѣздѣ; онъ бываетъ избираемъ изъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ, потому что на него возлагается покупка вѣнчальныхъ свѣчъ и плата за вѣнчаніе священнику.

Дружка — второе лицо въ поѣздѣ, человѣкъ весьма важный и знающій всю оборотную сторону крестьянской свадьбы: онъ «можетъ» предупредить вліянія «лихости» и «порчи» злыхъ людей. Безъ дружки и свадьба — не свадьба.

Полдружка — помощникъ и вѣрный исполнитель порученій и приказаній дружки, человѣкъ въ жизни опытный. Безъ полдружки — дружка безъ правой руки.

Бояре, или шафера, — свидѣтели вѣнчанія, люди молодые, изъ холостыхъ.

Боярыни или «свахи» — свидѣтельницы вѣнчанія, молодыя особы, по одной съ каждой стороны; на нихъ обязанности лежитъ находиться подлѣ брачущихся.

Постельники — это мужчина и женщина; ихъ обязанность — доставка постели и приданаго отъ невѣсты до жениха.

Пока происходятъ «выборы» названныхъ лицъ, дѣвушки устраиваютъ «ловлю», угадываютъ судьбу будущихъ «молодыхъ».

Ловля устраивается такъ. Дѣвушки, взявъ невѣсту, на короткое время уходятъ въ отдѣльную избу или въ клѣть, чтобы «нарядиться», надѣть одинаковыя платья и однообразно покрыть головы одноцвѣтными платками. Побывъ здѣсь минутъ 10—15, нарядившись, онѣ составляютъ изъ себя и невѣсты «гусекъ» или «караванъ» и, затянутъ пѣсны:

2400.

«Не скачи, соболь, по горницѣ,
Не скачи, соболь, по широкой, —
Скачи, соболь, у порога:
Выбирай свою дружинницу,
Выбирай свою молоденьку»....

Возвращаются въ избу, изъ которой недавно вышли, гдѣ женихъ стоитъ у порога, у входной двери, стоитъ съ завязанными или зажмуренными (послѣднее чаще) глазами и съ нетерпѣніемъ ждетъ возвращенія гуська или каравана. И какъ только караванъ покажется на порогѣ, онъ начинаетъ ощупывать его, отыскивать или угадывать въ немъ свою суженую и, ухвативъ ее за руку, произноситъ речитативомъ:

«Вотъ она — моя дружинника,
Вотъ она—моя молоденька!...»

Затѣмъ это повторяется до трехъ разъ. Если во всѣ три раза жениху не удастся «поймать» свою невѣсту, то, значитъ, онъ беретъ не свою суженую и жизнь его въ супружествѣ будетъ не весела, а если удастся, то, въ такомъ случаѣ, «свою» и жить съ нею будетъ весело и счастливо.

Вслѣдъ за выборами и ловлей, невѣста съ «ручникомъ», съ полотенцемъ въ рукахъ, обходитъ гостей, «утирая» имъ губы. Подойдя къ гостю, она обращается къ нему, спрашиваетъ: «позвольте утереть ваши губки!» и, получивъ позволеніе, дѣлаетъ примѣръ, что утираетъ; а гость въ это время лѣзетъ въ карманъ, достаетъ изъ него нѣсколько монетъ и вручаетъ ихъ невѣстѣ за труды — за *утираніе*.

Но вотъ утираніе окончено: невѣста усѣлась въ переднемъ углу рядомъ со своимъ женихомъ; на столахъ появились «яства сахарныя, питья медовыя»,— и началась пирушка—«сговоръ».

«Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ».

А дѣвушки, подруги невѣсты, — въ сторонѣ, недалеко отъ пирующихъ образовали изъ себя кружокъ, и заливаются, поютъ «сговорныя» пѣсни, величая ими всю компанію, начиная съ жениха и невѣсты и кончая незамѣтною вдовой, и получая съ воспѣтыхъ «семишники», «пятаки» и «гривенники».

Сговорныхъ или величальныхъ пѣсенъ въ Оренбургскомъ уѣздѣ очень много; образцы ихъ я привожу ниже.

Послѣ сговора, наканунѣ свадьбы, въ домѣ невѣсты справляется дѣвичья пирушка — *дѣвичникъ*. На этой пирушкѣ бываютъ только однѣ дѣвушки. Справляется она невѣстой. Предметы угощенія: хлѣбъ-соль, сласти и вино.

Угощаясь, дѣвушки поютъ пѣсню:

«Отжилася, отнѣжилась» и т. д. (см. выше № 2436)

А невѣста, слушая напѣвъ, причитаетъ:

Любезныя подруженьки!
Покрасуйтеся у батюшки,
У государыни матушки». (см. № 2437)

Затѣмъ, когда пирушка закончится, пѣвуньи, простившись съ невѣстой и поблагодаривъ ее «за хлѣбъ за соль», отправляются въ хожденіе по селу и въ это время поютъ пѣсню

«При долинушкѣ калинушка стоитъ.» (№ 2438)

Въ день свадьбы въ домахъ жениха и невѣсты происходятъ «*сборы*», отличительная черта которыхъ заключается въ обрядахъ «расплетенія» и «продажѣ невѣстиной косы» и «родительскомъ благословеніи».

Сборы эти весьма подробно очерчены въ пѣсняхъ и причетахъ, такъ что описывать ихъ я считаю излишнимъ.

Какъ только сборы окончатся, тысяцкій или дружка беретъ жениха и невѣсту за руки, выводитъ во дворъ и, указавъ имъ подводы,—«мѣста», произноситъ во все услышаніе: «Господа поѣз-

жане! садитесь по мѣстамъ, какъ ясные соколы по гнѣздамъ». Затѣмъ беретъ икону и обходитъ съ нею трижды вокругъ «поѣзда», читая молитвы; а за симъ садится на переднюю подводу и обращаясь къ возницѣ, говоритъ: «съ Богомъ, въ добрый путь!» И поѣздъ трогается, а какъ только начнется выѣздъ его изъ воротъ, — «раздаются ружейные выстрѣлы, и заслоночный и косной звонъ, «на разогнаніе вражьей тьмы», «нечистой силы». «Поѣздъ» ѣдетъ шибко. Поѣзжане все время сидятъ безъ шапокъ и надѣваютъ ихъ только въ исключительныхъ случаяхъ: когда очень холодна или когда всѣ предварительно, до выѣзда въ церковь, напьются, по послѣднее бываетъ рѣдко.

Отъ «вѣнца», изъ церкви, поѣздъ съ «молодыми» (новобрачными) направляется въ домъ бывшей невѣсты—закусить, а отсюда—къ молодому на *гарной* (самая большая свадебная пирушка). Здѣсь молодыхъ сажаютъ въ передній уголъ на вывороченную шубу—для плодовитости. Отсюда, «со полупира» ихъ отправляютъ «на покой».

Передъ отправленіемъ, дружка даетъ распоряженіе постельникамъ «уладить» въ надлежащемъ мѣстѣ постель, послѣ чего полдружка и сваха берутъ молодыхъ и уводятъ «на свыканіе», въ помѣщеніе, гдѣ улажена постель. Передъ укладываніемъ, дружка отдаетъ приказъ полдружкѣ и одной изъ свахъ «обогрѣть постель», то есть лечь на нее и показать молодымъ примѣръ, какъ имъ должно спать. Затѣмъ дружка заставляетъ молодыхъ другъ друга разуть, при чемъ въ сапоги молодого кладетъ нѣсколько копѣекъ денегъ—молодушкѣ за труды, за разуваніе молодого; а когда они разуются, онъ, при помощи полдружки и свахъ, кладетъ ихъ (молодыхъ) спать, предварительно давъ имъ «совѣтъ на весь мясоѣдъ», оставляетъ ихъ однихъ, и уходитъ съ полдружкой и свахами на пиръ.

На другой день послѣ вѣнца и гарного, гости опять собираются «въ родительскій домъ», къ «молодому», и распиваютъ «калинку».

Прежде всего гости стараются узнать, «какъ живы-здоровы молодые»—князь и княгиня»,—и требуютъ на *честный судъ* молодушкину рубашку. Если рубашка окажется «съ краской»,—родителямъ новобрачной воздается честь: ихъ поднимаютъ на ура и потчуютъ калиновою настойкой, а если же нѣтъ, то въ такомъ случаѣ на нихъ надѣваютъ хомуты и подносятъ уже простое вино въ худыхъ рюмкахъ. Вообще, *калинка*—такая пирушка, на которой творится рядъ безобразій или въ честь, или въ безчестье родителей новобрачной.

На данной пирушкѣ, молодая бываетъ уже въ бабьемъ нарядѣ, съ «кикоболкой», или «новойникомъ» на головѣ. Наряжаютъ ее еще въ клѣти, гдѣ она провела первую ночь. Наряжаніемъ завѣдуютъ свахи (онѣ же показываютъ и рубашку), при чемъ, надѣвая повойникъ, поютъ:

2401.

«Какъ досележо повойникъ
По подлавочью валялся,
Никому не пригожался:
Ни старухамъ, ни вдовухамъ...
Пригодился повойникъ,
Пригодился кумашный
Молодой нашей княгинѣ
(Имя и отчество новобрачной),
На буйну ея головку.»

Здѣсь, хотя въ концѣ, считаю не лишнимъ замѣтить, что послѣ наряжанія молодушку стараются напоить до полупьяна и когда она повеселѣетъ, ее выводятъ на честную публику. При этомъ, если она была «съ честью», — родители молодого ей кланяются въ ноги и благодарятъ за соблюденіе чести, и тогда уже начинается настоящій пиръ — «калинка».

Отпировавъ калинку, гости начинаютъ справлять «подворню».

Подворня — это подворныя гулянки: каждый гость приглашаетъ компанію въ свой родительскій домъ и задаетъ здѣсь пиръ. Гулянки эти есть не что иное, какъ повальное пьянство со всевозможными безобразіями. Подворня продолжается до тѣхъ поръ, пока не обойдутъ всѣхъ гостей, бывшихъ на предшествовавшихъ пирахъ.

Заканчивая настоящій очеркъ, я нахожу нужнымъ сказать, что очеркъ этотъ не есть полное описаніе свадьбы крестьянъ Оренбургскаго у.: въ немъ мною описана только сотая часть всего, творящагося при вступленіи въ бракъ молодыхъ людей. Для того, чтобы описать всю оренбургскую свадьбу, нужно очень много времени и не достаточно однихъ моихъ силъ и способностей.

II.

2402.

Разливалось сине море—разливалось
Ой, люли, люли, люли, разливалось!

(Припѣвъ, повторяется послѣ каждаго стиха).

Разыгралось бѣлая рыба—разыгралось.
Рыболовы край бережку ходили;
Они этой бѣлой рыбѣ говорили:
«Берегися, бѣлая рыба,—берегися!
Хотятъ тебя, рыбица, поймати,
На двѣнадцать частей разрубити,
На двѣнадцать тарелокъ разложити,
На двѣнадцать столиковъ становити;
Какъ на тѣ на столики дубовые,
Какъ на тѣ на скатерти на браныя...»
Передъ нашими—да широкими воротами
Разыгралися дѣвицы молодыя,
Расшутилися ребяты холостые;
Они Аленушкѣ говорили:
«Берегися, Аленушка, берегися!
Хотятъ—хотятъ тебя, Аленушка, поймати
Хотятъ въ уста тебя цѣловати
Черезъ цвѣтное платьице парчевое,
Черезъ мелкіе жемчужные борочки.»
—«Я сама, подружки догадалась:
Я цвѣтное платье поскидала,
Я жемчужные борочки посбросала.»

2403.

У воротъ трава ростетъ,—
У широкихъ шелковая.
«Кто, кто траву топталъ?»
—Протоптали травушку
Все сваты сходатые,
Мужики богатые:
Сватались за дѣвушку,
За нашу Аленушку [1]).

2404.

Шумитъ, шумитъ зеленая дубрава.
Ой!.. Некому дубраву сѣчь-рубить,
Ой!.. Некому зелену съ корня валить:
Ой!.. Нашего Иванушки дома нѣтъ,
Ой!.. Нашего Иваныча дома нѣтъ.
Поѣхалъ нашъ Иванушка во яльму [2])—
Округъ его яльмовочки яльмуютъ —
Дешевыя китаечки торгуютъ.
«Хошь яльмуйте—не яльмуйте, яльмовки,—
Дешевыя китаечки не продамъ, 2
Пріѣхамши, Аленушкѣ даромъ дамъ!»
Не честь была,—ой, Аленушка!—не хвала,
Куда наша Аленушка глядѣла,
Хорошаго Иванушку выбрала.
Хорошь—хорошь Иванушка снаряженъ!..
Зеленъ кафтанъ, да зеленъ кафтанъ не его,
А Курскаго губернатора самого.
А Курскій-то губернаторъ самъ Иванъ;
Онъ самъ кузнецъ, самъ швецъ, самъ чеботарь, [3])
Сошьетъ своей Аленушкѣ черевички
И красныя, и атласныя голубыя...
— Обувай—обувай, Аленушка, любыя!

2405.

Какъ по круту—круту бережку,
По желтымъ пескамъ сыпучіимъ
Разъѣзжаетъ добрый молодецъ,
Свѣтъ Иванъ—сударь Ивановичъ.
На своемъ-ли на добромъ конѣ,
На добромъ конѣ бухарскіимъ,
На сѣделицѣ черкасскіимъ,
Тесьменной уздой поправливаетъ,
Шелковой плетью помахиваетъ,
На высокъ теремъ посматриваетъ, —
На душу-ли милу дѣвицу,
На Алену-свѣтъ Ивановну:
—«Ты, душа-ли, мила дѣвица,
Свѣтъ Алена—свѣтъ Ивановна!
Либо выдь, либо выгляни,
Аль открой, душа, окошечко,
Покажи свое бѣлô лицо,
Бѣло личико румяное.
Если ты да мнѣ покажешься,—
Я тебя-ли за себя возьму,
Если ты мнѣ не понравишься—
Восхвалю брату-тóварищу,
Своему брату названому:
«Ужъ и что-то, братъ, за дѣвица,
Ужъ и что, братъ, за красавица!
Безъ бѣлила лицо бѣлое,
Безъ румяна щеки алыя,
Безъ сурмила брови черныя,
Брови черны—наведеныя!...

2406.

Какъ по улицѣ метелица мететъ,
За метелицей мой миленькій идетъ,
За собою коня вóрона ведетъ,
За собою коня воронаго,
Сѣделице ново ковано,

---

1) Имена въ свадебныхъ пѣсняхъ, смотря по надобности, мѣняются.

2) Яльма, вѣроятно,—ярмарка, торгъ.

3) Чеботарь—сапожникъ.

Струмена-то позолочены.
— «Ты, дѣвица, переймп мово коня,
Красавица, копя воронаго!»
— «Ужъ я похочу—коня перейму,
А не похочу—съ дороги сворочу,
За велпку за нагрубушку твою,
Что не ходишь, что не жалуешь ко мнѣ.
Безъ тебя, милой, постеля холодна:
Подъ перинушку морозъ подползъ,
Одѣялице заиндевѣло,
Подушечки потонули во слезахъ,
Тебя, милый, дожидаючи,
Свою участь проклинаючи.

2407.

По задворьемъ, по задворьемъ,
Водица бѣжала.
Ляли, ляли, ляешеньки!..
Водица бѣжала.

(Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ съ повтореніемъ послѣдняго).

Аленушка воду носитъ —
Коромысли гнутся,
Калиповы гнутся, гнутся,
Да не изломятся;
Сосновыя ведерочки, —
Изъ нихъ вода льется.
Иванъ-сударь въ окно смотритъ,
Самъ слезою льется;
Онъ и льется-льется-льется,
Никакъ не уймется:
«Аленушка пойдетъ замужъ,—
Я буду жениться;
Ивановна посулится, —
Я буду сбираться...
Пойду, выйду за ворота;
Тамъ луга, болота:
Луга зеленые —
Покосы сѣнные...»
Ѣдетъ милъ на конѣ
Въ нѣмецкомъ уборѣ:
Въ плисовой жилеткѣ,
Въ розовой рубашкѣ,
Въ нанковомъ халатѣ...
Полѣзъ на полати 2
Къ Аленушкѣ спати,
Спати, посыпати, —
Поклонъ посылати.
Она поклонъ не примаетъ, —
Самого желаетъ.

2408.

Какъ на первомъ было вечерѣ,
У Аленушки на запоѣ,
У Ивановны на веселомъ:
Издалече соколикъ прилеталъ,
Изъ-за лѣсу-лѣсу темнаго,
Изъ-за садику зеленаго;
Онъ садился на окошечко,
Что на то окно косящато,
На блюдечко на серебряно.
Никто сокола не увидѣлъ,
Увидала его родная сестрица,
Свѣтъ Аксинья Ивановна.
Она сестрицѣ говорила:
— «Приласкайся, родная сестрица,
Къ ясну соколу залетному,
Къ добру молодцу заѣзжему,
Къ свѣтъ Ивану Иванычу.»
Приласкаться-то ей не хочется:
Ей хочется жить у тятеньки,
Красоватися у маменьки
Во высокомъ новомъ теремѣ.

2409.

Прилеталъ сизой голубь со иной стороны,
Онъ съ иной стороны ко своей голубкѣ;
Передъ нимъ голубушка стояла, воркована:
— «Ужъ и свѣтъ, сизой голубь, гдѣ тя посадити?
Ужъ и гдѣ тя посадити, чѣмъ и покормити?
Посажу я сиза голубя въ свою голубятню;
Накормлю я сиза голубя яровой пшеницей:
Напою я сиза голубя ключевой водицей.»
Заѣзжалъ Иванъ Иванычъ со иной сторонки,
Со иной-ли онъ сторонки ко своей Аленѣ;
Передъ нимъ-ли Аленушка стояла,
Таки рѣчи Аленушка говорила:
— «Ужъ и свѣтъ, Иванъ Иванычъ, гдѣ тя посадити?
Ужъ и гдѣ тя посадити? Чѣмъ тя накормити?
Посажу-ли я Ивана во свой теремъ,
Накормлю-ли Иваныча сладкимъ пирогомъ,
Напою-ли сударика медовой водой,
Медовой-ли водицею—сладкою сытой.

2410.

Кто у насъ хорошій?
Кто у насъ пригожій
Розанъ, мой розанъ,
Виноградъ зеленый!

(Данные два стиха—припѣвъ пѣсни, употребляются послѣ каждаго двустишія).

Хорошь Иванушка (или Иванъ-сударь),
Пригожь Ивановичъ.
На крыльцо выходитъ,
Къ нему конь подходитъ;
На коня садится,
Конь подъ нимъ бодрится,[1])
Плеточкою машетъ,
Конь-отъ подъ нимъ пляшетъ;
По улицѣ ѣдетъ,
Всѣ дѣвицы смотрятъ;
Къ лугамъ подъѣзжаетъ,
Луга зеленѣютъ 2
Болота алѣютъ;
Къ морю подъѣзжаетъ,
Море всколыбалось 2
Рыба испугалась;
Къ дому подъѣзжаетъ,
Матушка встрѣчаетъ, 2
Въ горницу вводитъ;
Въ горницу вводила,
На диванъ садила, 2
Дѣвицей дарила,
Дѣвицей, дѣвицей
(Имя рекъ) мастерицей:
— «Вотъ тебѣ невѣста,
Вотъ тебѣ хороша.»

Запойныхъ пѣсенъ, вродѣ приведенныхъ, въ уѣздѣ очень много: ихъ только въ моемъ распоряженіи наберется до 45—50 номеровъ.

2411.

Хмѣль, моя хмѣлюшка,
Веселая головушка!
Передайся, моя хмѣлюшка,
На мою на сторонушку.
На моей-ли на сторонушкѣ
Раздолье широкое.
Какъ по этому-ли раздольицу
Гулялъ добрый молодецъ,
Иванъ-сударь Ивановичъ.
Какъ Иванъ-сударь Ивановичъ
Связалъ свою голову
Камкою широкою,
Лентою зеленою.
Увидала его матушка
Съ высокаго нова терема.
— «Что ты, мое дитятко,
Шибко принечалился?
Что ты, мое милое
Очень прикручинился?»
— Родимая матушка!
Какъ мнѣ не печалиться, 2
Какъ мнѣ не кручиниться:
Друзья-братья женятся,
А я не женатъ хожу, 2
А я холостымъ слыву?!
— «Женись-женись, дитятко,
Женись-женись, милое;
Возьми, мое дитятко,
Боярскую доченьку!

2412.

Вотъ сказали, что Иванушка сердитъ:
Онъ сердитъ-сердитъ и милостивъ, —
Часто ѣздитъ мимо тестева двора.
Онъ ударилъ вострымъ копьемъ въ ворота.
— «Если спитъ—не спитъ Аленушка душа, —
Возбудите, чтобъ по сѣничкамъ прошла,
Золоты ключи въ рукахъ принесла.»
Ужъ вы, дѣвушки, подруженьки мои!
Отпирайте дубовые сундуки,
Вынимайте вы резетова сукна;
Ужъ вы шейте-ка Иванушкѣ сюртукъ,
Вы не дологъ и не коротокъ ему:
Во плечахъ-то—поплечистѣе,
Во сборахъ-то—посбористѣе.

2413.

Какъ по садику, было садику,
По зеленому виноградику
Ходилъ гулялъ добрый молодецъ,
Свѣтъ Иванъ-сударь Ивановичъ;
Онъ поймалъ себѣ лебедушку,
Что душу-ли милу дѣвицу,
Свѣтъ Алену Ивановну.
Ужъ онъ взялъ-ли за праву руку,
Что за тѣ-ли перстни золоты.
За колечушки серебряны,
За другія позолочены;
Онъ повелъ ее ко Божьей церкви,
Ко Божьей церкви, къ золоту вѣнцу,
Отъ Божьей церкви—къ батюшкѣ,
Къ государынѣ матушкѣ.
«Государь мой, родный батюшка!
Государыня матушка!
Что: мила-ли вамъ Аленушка?»
— Ты, дитя-ли, наше дитятко,
Ты, дитя-ли, наше милое!
Была-бы она лишь тебѣ мила,
А намъ-то она милешенька,
Что весьма-ли хорошошенька.

[1]) Варіантъ: «Конь-отъ веселится».

2414.

Ты, Алепа, обманьщица,
Ты, Ивановна, измѣньщица!
Обманула ты отца съ матерью,
Своихъ сестеръ и своихъ подругъ:
Ты сказала: «не пойду замужъ»,
Не пойду, и не подумаю итти,
Чужихъ людей не послушаю,
Я еще-ли годокъ посижу,
На улицу похожу,
Сафьянъ башмакъ изобью,
Бѣлый чулокъ изотру....»
А вчера ты пропилася,
Добру-молодцу отдалася,
Назвала его по имени,
Взвеличала по отчеству:
По имени—Иванъ-сударь,
По отчеству—Ивановичъ.

2415.

У насъ нынѣ Иванушка ночевалъ,
Всее ночку Аленушку цѣловалъ.
За правую за рученьку поведу
Ко лютому свекру—ко батюшкѣ приведу.
Лютой свекоръ да лютой свекоръ—чемавитъ,
Онъ чемавитъ, онъ чемавитъ да былъ спѣсивъ:
На пиру-ли, па бесѣдѣ напьется,
Съ пиру ѣдетъ, со бесѣдушки—убьется,
Велитъ-велитъ онъ Аленушкѣ совстрѣчать,
Велитъ-велитъ Ивановнѣ подымать!
Не честь была Аленушкѣ, не хвала,—
Куда наша Аленушка глядѣла,
Хорошаго Иванушку выбрала.

Пѣсни величальныя (на сговоръ) и другія.

Жениху и невѣстѣ.

2416.

У насъ на дубочкѣ
Да два голубочка:
У насъ на сговорѣ,
У насъ на веселомъ,
Что и въ самыхъ вышкахъ
Иванъ да Алена.
Они цѣлуются,
Они милуются,
Они все другъ другу
Да такъ отзываются:
—«Ужъ ты, другъ, Алена,
Голубушка сиза!»
—Ужъ ты, другъ Ванюша,
Голубочекъ сизой!
Полетимъ мы въ поле
Пшеницу клевати,
Пшеницу клевати,
Куполь выбирати.»

Тысяцкому.

2417.

Тысяцкій, тысяцкій—воевода!
Ты поѣдешь въ орду воевати
На добромъ конѣ,—на лопатѣ,
Свое имя вездѣ прославляти
И богачество—добро собирати,
Не бери ты, сударь, бобрами,
А бери, сударь, головами,
Что душами красными дѣвицами.

Ему же.

2418.

Ой, ты, тысяцкій!
Догадайся:
За свою мошну
Принимайся.

Ему же.

2419.

Въ огородѣ-то у насъ не лукъ-ли:
У насъ тысяцкій да не глупъ-ли!
Въ огородѣ-то у насъ не макъ-ли:
У насъ тысяцкій не дуракъ-ли!...

Дружкѣ и полдружкѣ.

2420.

У насъ друженька хорошій,
У насъ дружепька пригожій.
Прошу дружку па ручку —
Онъ гоголекъ,
Прошу дружку па грядку —

Онъ соболекъ,
Прижму дружку къ сердечку—
Онъ животокъ.

Имъ же.

2421.

Друженька хорошій,
Друженька пригожій;
Хорошо онъ ходитъ,
Манерно ступаетъ:
Сапогъ не ломаетъ,
Чулокъ не мораетъ.

Имъ же.

2422.

Какъ на дружкѣ кафтанъ
Чертъ по мѣсяцу таскалъ;
Какъ на дружкѣ сапоги,
Они съ вы́скорками, 2
Пальцы вы́скакали.

Варіантъ:

2423.

У нашего дружки
Чирій на макушкѣ
Друженька мой,
Хорошенькій мой!
Какъ на дружкѣ чепанъ
Чортъ по мѣсяцу таскалъ.
Друженька и т. д.
Какъ на дружкѣ сапоги,—
Они съ выскорками.
Друженька и т. д.
Они съ выскорками,—
Ноги выскакали.
Друженька мой,
Хорошенькій мой!

Свахѣ со стороны жениха.

2424.

Княжая-то сваха богата:
Она съ гривны на гривну вступала,
Полтиной ворота отворяла,
А рублемъ затворяла;
Она нищихъ, убогихъ надѣляла
И насъ (пѣвицъ) не забывала,
Насъ-то, пѣвицъ, не много:
Всего сорокъ пѣвицъ со пѣвицей,
Всего сорокъ дѣвицъ со дѣвицей.

Свахѣ со стороны невѣсты.

2425.

Княгинина-то сваха богата,
Богата и торовата:
Она по улицамъ ходила,
Людей бѣдныхъ надѣляла
Златомъ, серебромъ,
Чистымъ жемчугомъ.

Боярамъ.

2426.

Ужъ какъ нашего боярина
Дѣвушки любили:
За бѣлы рученьки брали,
Въ нову горенку уводили,
За столы его садили,
Цѣловали его, миловали,
Ко сердечку прижимали,
Животочкомъ называли.

Холостому.

2427.

По мосту-мосту калиновому,
По другому по малиновому
Вьется хмѣль со хмѣлинкою,
Со хмѣлинкой на тычинку вверхъ,
На тычинку вверхъ, на боярскій дворъ,
На боярскій дворъ, ко Ивану въ домъ.
На комъ у насъ кудри русыя?
На комъ кудри порасчесаны?
По плечамъ лежатъ, словно жаръ горятъ,
Словно жаръ горятъ, жениться велятъ.
Никто къ кудрямъ не приступится;
Приступала бѣла ластушка,
Бѣла ластушка — родна матушка.
Приняла кудри на бѣлы руки,
На бѣлы руки, на златы кольцы,

Понесла кудри во высокъ теремъ,
Положила ихъ на дубовый столъ.
Со Москвы купцы съѣзжалися,
Этимъ кудрюшкамъ дивовалися:
«Ужъ и честь хвала отцу съ матерью,
Хорошо дитя что порожено:
Онъ и чистъ, и рѣчистъ, говоритъ гораздъ,
Говоритъ гораздъ со дѣвицами.

Женатому.

2428.

Какъ у (имя и отчество)
Дорогой обычай:
Гдѣ ни ходитъ, ни гуляетъ —
Все домой приходитъ.
Стучитъ, брянчитъ во колечко —
(Имя жены его) кличетъ:
«Поди, выдь, разлапушка
Поди, выдь и встрѣнь!»
— Нейду-нейду, не встрѣчаю,
Я сына качаю,
Ужъ я сына качаю —
Перемѣны чаю,
Перемѣны себѣ чаю
Сноху молодую.

Замужней.

2429.

Какъ по сѣнямъ, по сѣничкамъ,
По чистымъ переходичкамъ,
Тутъ ходила, тутъ гуляла
Дорога душа боярыня,
Свѣтъ (имя и отчество);
Она будила, побуживала
Своего друга милаго,
Свѣтъ (имя и отчество мужа):
— «Ужъ ты, встань, душа милый другъ!
Пробудися, сынъ отческій!
Оторвался твой добрый конь
Отъ столба-столба дубовенькаго,
Отъ другого позолоченаго;
Убѣжалъ твой добрый конь
Ко сосѣдкѣ во зеленый садъ,
Весь зеленый садъ повытопталъ,
Виноградичекъ сповыломалъ,
Со калиной, со малиною,
Съ черной ягодой смородиной!»
— «Не тужи-ка, моя умная,
Не тужи, моя разумная!
Мы заплатимъ за зеленый садъ
Не монетами — червонцами,
Золотой казной несмѣтною.

Мужу и женѣ вмѣстѣ.

2430.

Виноградъ разцвѣтаетъ, 2
А ягода, а ягода поспѣваетъ.
Виноградъ—(имя мужа) сударь,
Виноградъ—(отчество его);
А ягода (имя жены, въ ласкат. формѣ),
А ягода-свѣтъ (отчество ея) душа.
Имъ и люди, имъ и люди 2
Дивовалися,
Что хороши, что пригожи 2
Уродилися.
— Не дивуйтесь, люди добры! 2
Ужъ вы сами таковы.

Имъ же.

2431.

По сѣнюшкамъ свѣтъ Аннушка ходила,
По новымъ Андреевна гуляла,
Изъ кармашка орѣшки щелкала,
Въ оконышко шелушки бросала,
Въ Васильевы (примѣрно) кудри русы попала
Васильюшка оглянулся,
Васильевичъ усмѣхнулся;
Онъ грозилъ грозу свѣтъ Аннѣ:
«Ой, добро-жъ ты, ой, добро-жъ ты, ой, Анна!
Отшучу-жь я тебѣ, Анна, сею шутку,
Отсмѣю-жь я тебѣ, Андреевна, насмѣшку:
Приготовлю я плеть, приготовлю шелковую,
О семи хвостовъ, о семи хвостовъ — лентовую
Ужъ я буду бить, ужъ я буду бить жену молод
Ужъ я буду бить, ужъ я буду бить да не тепере
Ужъ я буду бить, ужъ я буду бить вечере,
Да на новой, на тесовой на кровати,
Да на мягкихъ на пуховыхъ на перинахъ;
Ужъ я буду бить, ужъ я буду бить на подуш
Отзовется-отзовется на женушкѣ.

Вдовцу.

2432.

«Что ты, гусакъ, одинъ на Дону?»
«Нѣтъ, зачѣмъ я одинъ?—со мной мно

Со мной много гусей, лебедей,
Только нѣтъ одной гусынюшки моей.
Гусыня моя въ тростникъ уплыла,
Въ тростникъ уплыла, гнѣздо свила;
Гнѣздо свила, яицъ нанесла,
Яицъ нанесла, дѣтей вывела,
Дѣтей вывела, съ дѣтьми выплыла.
— «Чтожъ ты (имя), одинъ въ пиру?»
«Ну и чтожъ я за одинъ?—со мной много,
Со мной много князей и бояръ,
Только нѣтъ одной хозяюшки моей.
Хозяюшка моя во сырой землѣ,
Во сырой землѣ,—въ домовинушкѣ.»

Вдовѣ.

2433.

Много, много у яблони,
Много вѣтей, много павѣтей;
Только нѣту у яблони,
Нѣту самыя вершиночки,
Позолоченой маковочки.
Много-много у (имя),
Много-много у (отчество),
Много роду, много племени;
Только нѣтъ у (имя),
Только нѣтъ у (отчество)
Друга милаго сердечнаго.
Ея милый другъ во сырой землѣ,
Во сырой землѣ,—гробовой доскѣ.

Ей же.

2434.

Не дотолева рыба,
Не дотолева (?) щука:
По озерамъ ходила, —
Всѣ озера мутила.
Какъ и нынѣ-то рыба,
Какъ и нынѣ-то щука
Впереди лежитъ на блюдѣ,
Подъ лукомъ, подъ перцемъ,
Подъ нѣмецкимъ шафраномъ.
— Какъ, бывало, свѣтъ Агафьюшка,
Какъ, бывало, свѣтъ Ѳедотьевна
При своемъ господинѣ,
При своемъ дворянинѣ, —
И люди-то ее знали,
Господа-то почитали,
Середи двора встрѣчали,
За бѣлы руки примали,
За дубовый столъ сажали.
А какъ нынѣ-то Агафьюшка,
Какъ и нынѣ-то Ѳедотьевна,
Безъ своего господина,
Безъ своего дворянина:
Ее люди-то не знаютъ,
Господа-то не почитаютъ,
Середи двора не встрѣчаютъ,
За бѣлы руки не примаютъ,
За дубовый столъ не сажаютъ.

2435.

Во лугахъ-лугахъ зеленыихъ.
Ужъ и чьи тамъ кони пущены,
Шелкомъ кони перепутаны,
Гривы жемчугомъ унизаны?
Путь-дороженьку заслышали:
Во Казань ѣхать за серебромъ,
Во Москву ѣхать за золотомъ,
Въ Петербургъ ѣхать за дѣвицей,
За дѣвицей, за красавицей,
За Аленой Ивановной.
«Ты, Алена, обманьшшица,
Ты, Ивановна, измѣньшшица!
Не хотѣла ты замужъ итти
За удала, добра молодца,
За Ивана Ивановича;
Ты хотѣла въ монастырь итти,
Насъ, подруженекъ, съ собой взяти.
Ты хотѣла быть игуменьшей,
Насъ хотѣла взять въ послушницы:
Анъ—сегодня ужъ дѣвишникъ твой,
А завтра-то быть золоту вѣнцу.
Твоему-ли обручаньицу.»

2436.

Отжилася, отнѣжилась
Свѣтъ Алена у батюшки,
Свѣтъ Ивановна у родимаго.
Какъ вышла она изъ терема,
Сошла съ крашенаго крылечушка,—
На встрѣчу ей—батюшка;
На пути останавливалъ,
Унималъ, уговаривалъ:
«Воротись, мое дитятко,
Воротись, мое милое!
Позабыла ты ключи золоты
Во столовой новой горемѣ,

На уборномъ па столикѣ,
На десертпоей тарелочкѣ,
Что на розовой ленточкѣ.
Не одни ключи позабыла ты:
Позабыла ты волю батюшкину,
Разверику нѣгу матушкину.»

2437.

Любезныя моп подруженьки!
Покрасуйтеся у батюшки,
У государыпп матушки;
А ужъ я-то, горькая, открасовалася:
Отходила я по улпцѣ,
Отходила я по широкой,
Истоптала башмачки сафьяновы,
Истерла чулочки бумажные,
Отчесала свою буйну голову,
Потеряла красу дѣвичью,
Потеряла вольную волюшку.

2438.

При долипушкѣ калипушка стоитъ.
На калинѣ соловей-птица сидитъ,
Горьку ягоду-калинушку клюетъ,
А малипою закусываетъ.
Мпмо ѣхалъ добрый молодецъ,
Иванъ-сударь, свѣтъ Ивановичъ;
Онъ соловушка выспрашивалъ:
«Соловей-ли, ты, соловушекъ мой!
Не съ одной-ли ты сторонушки со мной.
Ты не знашь-ли, гдѣ Аленушка живетъ,
Ты не знашь-ли, гдѣ Ивановна?
Если знаешь,—залетай ты къ пей,
Ты скажи-ка ей низкой поклонъ,
Не тужила-бы, не плакала-бъ опа:
Ужъ я самъ скоро за ней буду,
Не одинъ буду—со свахами,
Самъ другой буду—со дружкою,
Самъ третей буду—съ поѣздомъ;
Увезу я душу Аленушку,
Увезу свѣтъ Ивановну
На чужу дальну сторонушку,
Ко чужому роду-племени,
Ко чужому отцу съ матерью.»

Когда невѣстѣ расплетаютъ косу.

2439.

Ты позволь-ка наша, Алепушка,
Расплести твою косу русую,
Расчесати разбумажити!
Во высокомъ новомъ теремѣ —
Тутъ сидѣли красны дѣвушки
Всѣ п веселы, всѣ и радостны: [1])
Ихъ головушки причесаны,
Ихъ русы косы заплетены,
Въ косахъ ленточки ввязаны.
Какъ одна изъ нихъ,—душа дѣвица,
Свѣтъ Алена Ивановна
Не весела, не радостна:
Головушка у ней не причесапа,
Руса коса не заплетена,
Въ косѣ ленточка не ввязана.
Знать, Аленушка просватана,
Красавица запоручена
За удала добра молодца,
За Ивана-свѣтъ Иваныча.

2440.

Вчера мою косыньку
Подружки плели
Золото и серебро
Въ ленты завили;
Нынѣ-жъ злая свахонька
Пріѣзжала,
Мою косу русую
Расплетала,
Золото и серебро
Побросала!...

2441.

Родимый мой братецъ!
Куда ты меня одѣваешь,
Куда снаряжаешь?
Во далеку-ли сторопушку?
Не въ далеку-ли дороженьку?
Не къ свекору-ли?
Не къ свекрови-ли?

2442.

«Часовая наша гостьюшка,
Наша милая Алепушка!
Ты войди-ка въ нову горенку,
Сядь-ка ты тамъ на лавочку,
Погляди-ка въ окошечко,
Сквозь хрустальное стеколышко,

1) Варіантъ: радошны.

Сколь великъ, сколь малъ ѣдетъ поѣздъ твой?
Сколь хорошъ, пригожъ твой женихъ сидитъ?»
— «Мой-то поѣздъ великимъ великъ,
А женихъ-то мой хорошимъ хорошъ.
Ужъ на немъ-ли шуба—шуба новая,
Шуба новая, кушакъ шелковый,
На головкѣ шапка каракульчата,
А на ножкахъ сапожки сафьяненькие.»

2443.

Родимый мой братецъ! (имя и отчество)
Не бери ты хрустальную рюмочку,
Ты не пей-ка—не пей зелена вина,
Не пропей ты за злату гривну меня,
Не продай мою косу русую:
Моя коса недорослая,
Косоплеточка недотрепаная.

2444.

На дворѣ снѣгъ попорашиваетъ,
А я собираюся, снаряжаюся
Во дороженьку—великій путь:
Ко Божьей церкви, къ золоту вѣнцу.
Батюшка! Что не унимаешь?
Матушка! Что не уговариваешь?
Мнѣ не вѣкъ вѣковать у васъ,
Мнѣ не годъ годовать у васъ,
Мнѣ не весну красну красоватися:
Мнѣ послѣдніе часы, минуточки
Быть осталося у васъ въ гостяхъ,
Во своей-то вольной волюшкѣ,
Во своей—дѣвьей красотѣ.
Потеряла я свою волюшку,
Потеряла красу дѣвичью:
Отчесала буйную головушку,
Отплела косу русую,
Растеряла косоплеточки,
Что шелковыя ленточки!
Въ своемъ теремѣ меня не будетъ,
Во высокомъ—меня не станетъ;
Соскучится обо мнѣ батюшка,
Сгорюется обо мнѣ матушка.

2445.

Распространитесь, милыя сосѣдушки!
Вы дайте-ка мнѣ путь-дороженьку
Ко Божьей церкви, къ золоту вѣнцу,
Ко великому благословеньицу.
—То не бѣлая береза къ земли клонится:
Я клонюсь-клонюсь ко батюшкѣ,
Къ государынѣ-матушкѣ
Во ихъ рѣзвыя ноженьки;
Я прошу-прошу благословеньица:
Благослови меня, кормилецъ батюшка!
Благослови меня, кормилица матушка!
Къ суду Божію, къ золоту вѣнцу.

Если невѣста сирота, то обрядъ благословенія надъ ней совершаютъ ея родственники, а за неимѣніемъ ихъ,—даже сосѣди. Передъ благословеніемъ невѣста-сирота только плачетъ — «воитъ», а женскій полъ, присутствующій при совершеніи сего обряда, поетъ:

2446.

Много-много у грушицы,
Много вѣтвей, много навѣтей.
Только нѣтъ у грушицы,
Нѣтъ самыя вершиночки,
Позолоченой маковочки: —
Много-много у Аленушки,
Много роду, много племени;
Только нѣтъ у Ивановны,
Нѣтъ родимаго батюшки,
Еще нѣтъ родимой матушки.
Снарядить-то ее некому,
Еще некому бла(го)словить ее.
Снарядятъ ее подруженьки,
Бла(го)словятъ ее чужи люди,
Чужи люди—люди добрые,
Приближенные сосѣдушки.

Въ моментъ же благословенія, сиротѣ-невѣстѣ «сосѣдушки» поютъ:

2447.

Ты рѣка-ли, мать рѣченька,
Ты рѣка-ли, Волга быстрая!
Ужъ какъ много въ тебѣ рѣченька
Много воды, много холоду,
Самоцвѣтныхъ мелкихъ камешковъ.
— Ужъ какъ много у Аленушки
На пиру да на бесѣдушкѣ
И князей, и бояръ,
Одного лишь гостя нѣтъ у ней,
Что родимаго батюшки.
Вы подуйте-ка, вѣтры буйные,
Со восточной со сторонушки,

Растворите-ка вы пастежь
Всѣ двери, всѣ воротички!
Вдругъ воротички зашаталися,
Дверюшки отворилися:
И идетъ-то къ Аленѣ, жалуетъ
Дорогой гость, родной батюшка,
Во устахъ-то онъ несетъ благословеньице,
Благословеньице несетъ великое,
Во рукахъ-то—мать Божью,
Мать Божью—Богородицу!

2448.

Вкругъ широкаго Аленина двора
Разливалася мать винная рѣка.
Какъ по этой-то по винной по рѣкѣ
Разукрашено суденышко плыветъ,
На суденышкѣ удалый молодецъ
Приплываетъ ко широкому двору,
Становится противъ краснаго крыльца,
Выстилаетъ онъ шелковые ковры,
Вызываетъ милу дѣвицу-душу
Свѣтъ Алену Ивановну:
«Ты Алена свѣтъ Ивановна!
Выходи-ка ты на красное крыльцо,
Посмотри-ка ты на шелковы ковры.
Ужъ я звалъ тебя не коврики смотрѣть,
Ужъ я звалъ тебя въ шашки играть.»
Алена съ Иваномъ играла—
Отца съ матерью проиграла,
Еще-то она проиграла
Брата со сестрицей,
А еще-то проиграло—
Проиграла своихъ подругъ,
Своихъ кукушекъ, сосѣдушекъ,
Вольную волюшку и красу дѣвью.

2449.

Ты рѣка-ли, Уралъ-рѣка,
Почему ты, рѣка, протекала—
По меду-ли, аль по сахару,
Аль по бѣлому калачику?
Свѣтъ Алена по сѣнямъ шла,
Дочь Ивановна по новенькимъ;
Она будила, побуживала
Своего друга милаго:
«Ужъ ты встань, пробудись, мой другъ!
Я пришла къ тебѣ не столъ столовать,
Не бесѣду бесѣдовать:
Я пришла къ тебѣ въ шашки играть.»
Они бились о великъ закладъ —
О своихъ золотыхъ перстняхъ,
О буйныхъ своихъ головушкахъ.
Ужъ какъ Ванюшка выигралъ,
Свѣтъ Иванычъ выигралъ.

2450.

Не знала, не вѣдала,
На дворъ свашенька въѣхала.
На перву ступеньку ступила
По атласу, по бархату;
На другу ступень ступила —
По парчѣ узорчатой;
На третью ступень ступила—
Ни съ кѣмъ слова не молвила,
Только молвила свашенька
Съ душой милой дѣвицей,
Съ Аленой Ивановной:
«Собирайся-ка, умница,
На чужую сторонушку:
Какъ чужая сторонушка —
Она садомъ усажена,
Черносливомъ усыпана.»
— Ужъ ты, злая обманьщица,
Ты, лихая измѣньщица!
Какъ чужая-то сторонушка
Она горемъ усажена,
А слезами поливана.

Послѣ вѣнца во дворѣ молодого, когда происходитъ встрѣча и пріемъ новобрачныхъ.

2451.

«Соколы, соколы!
Вы куда, соколы, летали?»
— «Мы летали, соколы,
Съ моря на море.»
«Вы кого, соколы, видѣли?
— «Ужъ мы, соколы, видѣли
Бѣлу лебедь на заводи.»
«Вы и чтожъ ее не поймали?»
—«Мы хотя ее не поймали,—
Право крылышко заломили
И соколика надѣлили.»
«Вы, бояре, бояре,
Вы куда, бояре, ѣздили?»
— «Ужъ мы ѣздили, бояре,
Съ горы на гору,
Изъ терема въ теремъ.»
«Вы кого, бояре, видѣли?»
— «Ужъ мы, бояре, видѣли

Милу дѣвицу въ теремѣ,
Свѣтъ Алену въ высокомъ.»
«Чтожъ вы, соколы, ее не привезли?»
—«Мы хотя ее не привезли,
Расплели косу русую,
Дали въ руки молодцу,
Свѣтъ Ивану Ивановичу.

2452.

Какъ вечо́ръ-то канареечка
Во саду поздно сидѣла
И звонкія пѣсенки пѣла;
А по утру-то ее не слышно:
Соколы прилетали
И канареечку нашу взяли,
Взяли-взяли, уносили
И сокола надѣлили...
«Ты владѣй-ка—владѣй,
Ясный соколъ,
Своей канареечкой,
Не давай ее въ обиду
Ни ласточкамъ касатымъ,
Ни яснымъ соколятамъ!»
—Какъ вечеръ-то наша подруженька
Ввечеру долго сидѣла
И громкую пѣсенку пѣла;
А по утру-то ее не слышно:
Бояры пріѣзжали
И подружку нашу взяли,
Взяли-взяли, увозили
И молодчику вручили...
Ты владѣй-ка—владѣй,
Милый сударь (имя-отчество)
Нашей подруженькой,
Не давай ее въ обиду
Ни свекору, ни свекрови,
Ни деверьямъ, ни золовкамъ!

Зап. А. П. Кузнецовъ.

XXII. Иркутской губерніи.

Станица Шерагольская.

Сватовства здѣсь не существуетъ, а молодой парень, сговорившись предварительно съ полюбившейся ему дѣвушкой и заручившись ея согласіемъ, воруетъ ее. Если женихъ изъ другой деревни, то онъ пріѣзжаетъ и увозитъ невѣсту на лихой тройкѣ. Отецъ жениха съ какимъ-нибудь старичкомъ-родственникомъ пріѣзжаетъ къ родителямъ невѣсты съ виномъ и обращается къ нимъ съ слѣдующими словами: «Сватушка, сватья, пожалуйста, не сердитесь, выкушайте!» И послѣ долгихъ упрашиваній и уговоровъ сватъ и сватья мирятся и начинаютъ пить вино, т. е. пропивать дочку.

Когда вино выпито, назначаютъ время свадьбы и даютъ свѣдѣнія священнику. А если женихъ изъ одной деревни съ невѣстой, то родители берутъ дѣвушку назадъ. Прійдя домой, она плачетъ, кланяется отцу и матери въ ноги.

Наканунѣ свадьбы, въ полдень у невѣсты бываетъ дѣвишникъ. Сначала невѣсту и пять, или шесть подругъ везутъ кататься по улицамъ деревни, для чего запрягаютъ пару или тройку лошадей, которыхъ убираютъ лентами. Передъ катаньемъ невѣста молится Богу, кланяется въ ноги родителямъ, при чемъ она горько плачетъ. Родители благословляютъ дочь. Проѣзжая по улицамъ деревни, подружки и сама невѣста поютъ свои любимыя пѣсни—заунывно, протяжно. Пріѣхавши домой, невѣста и дѣвушки садятся за столъ и поютъ слѣдующія пѣсни:

Гуси летѣли, гоготали,
Въ теремѣ красна дѣвица слезно плачетъ;
Бѣлы лебеди летятъ и жалко кričатъ.

Или:

2453.

Пѣтухи вы ранни утренніе!
Вы не пойте по утру рано,
Не будите моего батюшку

И мою родиму матушку!
Какъ вчера мой-то батюшка
Веселымъ-то былъ веселешенекъ,
И моя родима матушка
Веселымъ-же была веселешенька.
Во печалюшкѣ она во кручинушкѣ,
Во кручинушкѣ частопереча.

Невѣста въ это время жалобно плачетъ и причитаетъ о своей дорогой дѣвичьей волѣ. Пропѣвъ эти пѣсни, дѣвушки выходятъ изъ-за стола и идутъ съ невѣстой въ баню. Дорогой онѣ поютъ:

2454.

Вы ступайте-ка, мои подруженьки,
Помаленечку да потихонечку.
Покатайся ты, руса коса
По моимъ могучимъ плечамъ!
Насмотрись, моя руса коса,
Что на горы, горы крутыя,
На лѣса, лѣса, ты темныя.

Подойдя къ банѣ, невѣста берется за скобку, чтобы отворить дверь, но, внутри бани сестра или сестреница[1]) держатъ дверь за скобу. Дѣвушки при этомъ поютъ:

2455.

Отворяй, ты сестра, дверь дубовую!
Мнѣ помыться, мнѣ попариться,
Побѣлиться, порумяниться,
Со подружками, со голубушками.

Тогда дверь отворяютъ и впускаютъ всѣхъ въ баню. Выходя оттуда поютъ туже пѣсню. Подходятъ къ дому и тутъ дверь держитъ братъ невѣсты. Дѣвушки опять поютъ:

2456.

Отворяй-ко дверь дубовую, братецъ миленькій!
Пристоялися мои бѣлы ноженьки,
Опустилися мои бѣлы рученьки.

[1]) Въ слов. Даля: *сетрѣница* или *сестриница*—двуродная, здвуродная сестра. *Сестреница*, иногда сестрична—дочь сестры. Оп. обл. великор. словаря.

Двери отворяются. Дѣвушки входятъ въ изб[у], садятся за столъ. Мать невѣсты начинаетъ [чe]сать ей голову. Въ это время невѣста поетъ:

2457.

Учеши-ка ты мнѣ, родима матушка,
Учеши ты мнѣ буйну голову,
Уплети-ка ты мнѣ косу русую,
Что во пятеро, во шестеро,
Во пшенично мелко зернышко!
Заплети-ко во кóсыньку
Ленту алу гранитурову.

По заплетеніи косы дочь кланяется мат[ери] въ ноги и садится за столъ.

Начинается дѣвишникъ. Низко опустивъ [го]лову съ печальнымъ грустнымъ видомъ, сид[итъ] невѣста за столомъ, а подружки поютъ про [н]...

2458.

Посадила она всѣхъ подругъ за столъ,
Сама сѣла же да повыше всѣхъ, 2
Буйну головушку клонила да пониже всѣхъ,
Она думушку думала больше всѣхъ:
«Пособите мнѣ, подруженьки, думу сдумати, [2]
Какъ я буду жить во чужихъ людяхъ?
Какъ я буду называть свекра батюшку, 2
Какъ я буду называть свекровь матушку?
Батюшкой назвать, такъ не водится,
Матушкой назвать—мнѣ не хочется,
Свекровкой назвать—такъ не водится.»

2459.

Ужъ вы батюшка и матушка родимые!
Дайте провожатаго мнѣ крѣпкаго
Своего сына любезнаго, моего брата родима[г]...
Проводить мою дѣвью красоту
Во чужу страну во дальнію,
Во чисто поле, во раздольице.

Въ это время дѣвушки такъ горько, такъ [жа]лобно рыдаютъ, что на глазахъ даже сов[сѣмъ] постороннихъ людей показывается невол[ьно] слеза и сердцу становится тяжело и бол[ьно]. Пропѣвши нѣсколько пѣсенъ, дѣвушки пь[ютъ] чай, а послѣ чаю поютъ еще слѣдующую пѣ[сню]:

2460.

Благодарствуйте, родимый батюшка и матушка,
Что на хлѣбѣ-то, на соли,
На премногихъ вашихъ милостяхъ!
Ты поилъ, кормилъ, родной батюшка,
Поилъ, кормилъ,—не отказывалъ.
Чтъ-жъ теперь ты мнѣ отказываешь?
Опила-ли я, объѣла я тя?
Износила-ли много лопоти, [1])
Платье свѣтлое, шаль атласную?

Всѣ выходятъ изъ-за стола и подруги уходятъ домой. Вечеромъ начинается *смотрѣнье*. Въ избѣ ставятъ въ рядъ четыре стола, покрываютъ ихъ чистыми скатертями, наставляютъ на нихъ тарелки съ орѣхами кедровыми и черемуховыми, конфетами. На смотрѣнье невѣста надѣваетъ платье (а въ обыкновенное время дѣвушки ходятъ въ сарафанахъ), голову убираютъ цвѣтами. Приходятъ подружки, садятся за столъ и начинаютъ пѣть:

2461.

Дымка, ты Дымка рѣка!
Что по той по Дымкѣ рѣкѣ—
Тутъ бѣгутъ три корабличка.
Что во первомъ-то во корабличкѣ
Большой тысяцкій съ боярами,
Что во второмъ во корабличкѣ—
Тутъ душа красна дѣвица
Со своимъ крѣпкимъ провожатымъ-то,
Со роднымъ-то свѣтъ братцемъ своимъ.
«Братецъ, крѣпкій провожатый мой!
Проводи меня на дальню сторону,
Ко чужимъ людямъ, незнакомымъ все.

Черезъ нѣсколько времени отъ жениха пріѣзжаютъ два молодыхъ парня изъ поѣзжанъ и спрашиваютъ: «Готова-ли невѣста?» Отвѣчаютъ, что готова. Немного погодя пріѣзжаетъ со своимъ поѣздомъ и женихъ. Онъ и поѣзжане входятъ въ избу и, помолившись Богу, здороваются съ родителями невѣсты. За столомъ около невѣсты сидитъ его братъ или сестра. Тысяцкій подходитъ къ столу и спрашиваетъ у брата невѣсты: «Что стоитъ коса его сестры?» Братъ отвѣчаетъ, что очень дорого и проситъ за эту косу—коня съ сѣдломъ или коробку съ серебромъ.

[1]) *Лопоть*=1) вообще одежда, 2)—верхняя платье, 3)—имущество.

Тогда тысяцкій кладетъ на столъ рубль, или же 50 копѣекъ. Но косу братъ не уступаетъ дешево и говоритъ: «Невѣста молода, коса дорога.» Тысяцкій прибавляетъ еще нѣсколько денегъ и братъ уступаетъ косу. Тогда гости садятся за столъ, дѣвушки выходятъ изъ-за стола и уходятъ на вечерку. Гостей начинаютъ угощать, сначала водкой, а потомъ чаемъ. Женихъ съ невѣстой пьютъ чай изъ одной чашки и *сгоняютъ мухъ*, т. е. цѣлуются.

Посидѣвъ нѣсколько времени, гости расходятся, женихъ съ невѣстой уходятъ на вечерку. На вечерку танцуютъ подъ пѣсни и рѣдко-рѣдко случается, если гдѣ-нибудь раздобудутъ балалайку или бандурку.

На другой день рано утромъ приносятъ молодой отъ жениха коробку, въ которой заключается головной уборъ, косынка, зеркало, гребенка, нѣсколько другихъ мелкихъ вещичекъ, конечно не дорогихъ. Невѣста, совсѣмъ готовая къ вѣнцу, садится съ подругами за столъ и дѣвушки начинаютъ пѣть извѣстную свадебную пѣсню:

Отставала лебедь бѣлая
Прочь отъ стада лебединнаго и т. д.

Пріѣзжаетъ женихъ, родители благословляютъ невѣсту образомъ и хлѣбомъ-солью и они уѣзжаютъ въ церковь. Дико, бѣшенно мчатся тройки къ погосту. И черезъ часъ все кончено и дѣвушка становится уже женщиной.

Изъ записи учительницы Шерагольскаго приходскаго училища, Лидіи Верещагиной. Сообщ. Главнымъ Инспекторомъ училищъ Восточной Сибири. И. П. Татлинымъ въ 1896 г.

Той же губ.

Свадебныя пѣсни.

Когда женихъ съ своей родней пріѣзжаетъ заручать невѣсту.

2462.

Я когда была малешенька,
Я когда была глупешенька,
Я ходила вокругъ стульчиковъ,
Бѣлодубовыехъ лавочекъ.
Приходилъ ты ко мнѣ, родной батюшка,
Свѣтъ (Никита-то Ивановичъ),
Бралъ меня ты, родной батюшка,

На свои-то ручки бѣлыя,
На свои перс(т)ни злаченые,
Подымалъ ты меня, красну дѣвицу,
Выше буйныя своей головушки;
Говорилъ ты, родной батюшка:
«Не отдамъ тебя, родно дитятко,
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за гостя-купца торговова.»
А теперь, родной батюшка,
Ты про што на меня разгнѣвался:
Выдаешь меня, красну дѣвицу,
За удалова добра молодца,
За (Ивана-то Никитовича).

Когда пѣтъ въ живыхъ кого-либо изъ родителей.

2463.

Не ясенъ-то день безъ солнышка,
Не свѣтла-то ночь безъ мѣсяца;
Не весело-то мое свиданьице
Безъ батюшки родимова
(Безъ матушки родимыя).
Если-бы былъ мой батюшка,
(Если-бы была моя матушка),
Не тужила бы я, не плакала,
Не крушила бы ретиво сердце,
Не мочила бы очи ясныя,
Мнѣ теперича ихъ очей надобно:
Принять благословленьице
Ко суду Божью, ко злату вѣнцу.

Если кто-либо не присутствуетъ при сватаньи изъ родственниковъ невѣсты, то она плачетъ:

2464.

Погляжу я, посмотрю я
По всей свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой новой горницѣ,—
Все то гости званые,
Все то гости почтенные,
Одново то гостя не звали,—
Братца родимова
(Имя).

На утро просватанья.

2465.

Пѣтухи мои, пѣтухи,
Пѣтухи рано-пѣвчіе,
Молодые нѣмецкіе!
Вы не пойте по утру
Рано на-зарѣ,
На всходимомъ краснымъ солнышкѣ,
Не мѣшайте спать батюшку
Со родимой со матушкой.
Какъ вечőръ родной батюшка
Со родимой матушкой
Сидѣли долго вечеромъ —
До самой до полуночи,
Со полуночи до заутрени.
Пріѣзжали ко батюшкѣ,
Ко родимой ко матушкѣ
Все гости незнаемые, незваные,
Сватья все лес(т)ливые и хвас(т)ливые;
Вызывали родна батюшку
На ево сѣни новыя—
На частые переходички;
Они сватались у батюшки
И у родимой моей матушки
На любимой *ихой* дочери
На (имя невѣсты).
Они били руки объ руки
Поднимали чудны образы,
Заручали буйну голову
(Имя невѣсты):
Что ни выкупить, ни выручить
Ни златомъ, ни серебромъ,
Дорогимъ скатнымъ жемчугомъ;
Только выкупитъ, выручитъ
Удалой добрый молодецъ
(Иванъ-сударь Никитовичъ).
Онъ своей-ли буйной головой,
Молодецкой волюшкой,
Удалою свободушкой,
Какъ отъ свата лес(т)ливава,
Отъ злодѣя хвас(т)ливава-лукавава.
Сыры боры загоралися,
Всѣ огни разгаралися,
Быстры рѣки всколыбалися,
Всѣ умы помѣшалися —
Все отъ свата лес(т)ливова.

Послѣ просватанья подруги невѣсты собираются у послѣдней и помогаютъ ей шить придано[е]

2466.

Ты, родимая матушка!
У тебя сердце каменно,
Во булатѣ сковано,
Во ларецъ положено,
За тремя замками замкнуто,
За тремя за нѣмецкими,

И ключи-то въ море спущены.
Не сплывать-то тѣмъ ключамъ
Со дна моря синева:
Не дождаться мнѣ-ка жалости
Отъ родимой матушки.
Еще будетъ жалость,
Да будетъ не вóвремя,
Когда буду жить въ чужихъ людяхъ.

2467.

Какъ у грушицы у зеленыя,
Какъ у яблони у кудрявоей
Много листу было, много вѣточекъ.
Потянули-то вѣтры буйные
Со восточныя сторонушки,
Обнесло листья кудрявые,
Обломило вѣтки зеленыя,
Приклонило-то грушу зеленую
Ко матушкѣ сырой землѣ.
У душй-то у красной дѣвицы
Много роду было, много племени:
Много братцевъ, много сестрицевъ,
Много дядюшекъ, много тетушекъ,
Только нѣту матушки родимыя.
Кабы здравствовала родимая матушка,
Я не такъ бы слезно плакала,
Не мочила бы лицо бѣлое,
Не ронила бы горючи слезы.

Когда дѣвушки-подруги вплетають невѣстѣ въ косу красóту.

2468.

Зайди[1]), солнце красное,
Изъ-за горъ-то высокіихъ,
Изъ-за лѣсу-то темнова,
Изъ-за батюшка изъ-за синя моря,
Изъ-за матушки Москвы каменныя.
Ты дойди-ка, родима матушка,
До стола-то дубовова,
До скатерти шиты-браныя,
До меня красной дѣвицы.
Потрудись, родима матушка!
Донесу тебѣ докукушку
Я чижёлую работушку:
Заплети-ка мнѣ трубчату косу
Мнѣ во-пятеро и во-шестеро,
Во мелко пшенично зернышко;
По корѐнь моей трубчатой косы
Вплети мнѣ-ка волю батюшкову,
Посерѐдь моей трубчатой косы
Вплети мнѣ-ка нѣгу матушкину,
По конецъ моей трубчатой косы
Вплети ленту шелковую.

1) Вм. взойди.

2469.

Благодарствуй, родима матушка,
Заплела ты трубчату косу
Мнѣ во-пятеро и во-шестеро,
Во пшенично мелко зернышко,
По корѐнь моей трубчатой косы
Заплела волю батюшкову,
Посерѐдь моей трубчатой косы
Вплела нѣгу матушкину,
По конецъ моей трубчатой косы
Вплела кисть шелковую.

Когда невѣсту ведутъ въ баню (передъ дѣвишникомъ, накапунѣ свадьбы).

2470.

По залѣсью-лѣсью конь бѣжитъ,
По залѣсью вороной летитъ,
Шелковъ поводъ по землѣ тащитъ,
Шелковъ поводъ разстилается,
Шелковъ поводъ развѣвается.
За конемъ-то добрый молодецъ спѣшитъ,
При пути-то красна дѣвица стоитъ;
Онъ кричитъ-то зычнымъ голосомъ,
Молодецкимъ звонкимъ посвистомъ:
«Перейми, красна дѣвица, коня,
Перейми коня, Н душа!»
— «Я еще, сударь, не твоя:
Богомъ тебѣ не данная,
Золотымъ кольцомъ не обрученная,
Золотымъ вѣнцомъ не вѣнчанная.
Я Божья-то свѣтъ батюшкова.»

2471.

По горамъ я хóдила,
По крутымъ я гуляла,
Вóпраманъ сѣяла
Васильчики сáдила
Наповадился въ вóпраманъ гулять
Удалой добрый молодецъ,
Онъ вопраманъ вытопталъ,

Васильчики выщипалъ,
Красну дѣвицу высмотрѣлъ,
Отцу-матери высказалъ,
Роду племени выхвалилъ.

2472.

Вы метитеся, улицы,
Вы метитеся, широкія,
И становитесь, города,
Города и съ пригородочками,
Терема все съ притеремочками,
Хоробрò ѣздитъ, сударь-господинъ
Удалой Иванъ, свѣтъ Никитовичъ
На своемъ удаломъ конѣ,
На добромъ-то конѣ на бахмутцѣ;
Коня плеточкой постегиваетъ,
За шелковъ поводъ подергиваетъ;
Конь съ дороженьки сворачиваетъ,
Ко двору приворачиваетъ,
Ко двору ко тестиному,
Къ новой горницѣ ко тещиной,
Къ шитымъ браныимъ,
Ко невѣстинымъ пологамъ:
Къ пологамъ идетъ, спрашиваетъ:
«Дома-ли (имя и отечество невѣсты).

Когда невѣсту выводятъ изъ бани.

2473.

Насмотрися, коса,
На всѣ четыре стороны:
На батюшковъ высокъ теремъ,
На матушкинъ широкій дворъ.

При входѣ въ домъ невѣста останавливается предъ входной дверью, стучится и поетъ:

2474.

Пусти, пусти, батюшка,
Пусти, пусти, матушка,
Въ нову горенку погрѣтися!
Ознобила я ножки рѣзвыя,
Ознобила я ручки бѣлыя.

Въ дѣвишникъ (вечеромъ наканунѣ свадьбы).

2475.

Свѣтъ моя свѣтлая свѣтлица,
Столовая новая горница!
Во сыромъ-то бору
Лѣсы рóнены,
На добрыхъ коняхъ
Лѣсы вожены,
На прекрасномъ-то мѣстѣ
Свѣтлица строена:
Прекрасными окошками
Во зеленый садъ,
Широкими воротами
Во чисто поле.
Ужъ чѣмъ ты, моя свѣтлица,
Моя свѣтлица,
Разукрашена?
Какъ во той-то свѣтлицѣ
Стоятъ гусли самогудыя,
За гуслями сидитъ
Добрый молодецъ,
Онъ играетъ въ гусли,
Выигрываетъ
Волю батюшкову,
Нѣгу матушкину.
Приходила гусли слушать
Красна дѣвица душа
(Имя и отечество);
Послушавъ гусли
Она прочь пошла, —
Она прочь пошла
Слезно всплакала:
Отставать-то будетъ
Отъ воли батюшковой, —
Отъ воли батюшкиной,
Отъ нѣги матушкиной,
Приставать-то будетъ
Ко праву (имя жениха),
Приставать-то будетъ
Ко грозѣ, грозѣ-то,
Грозѣ свекровой
И ко свекровиной.

2476.

Какъ не ластка
Какъ не ластка
Не косатка,
Она вилася, увивалася
Кругъ свово теплà гнѣздышка —
Увивалася,
Увивалась (имя) душа
Кругъ высокова нова терема
Увивалася:
«Отомкнися, отомкнися,
Мой витой замочекъ,
Отомкнися!

Отоприся, отоприся,
Бѣла дубова дверь,
Отворися!
Распахнися, распахнися,
Шитый бранъ положекъ,
Распахнися!
Разбудися, разбудися,
Родной батюшка,
Разбудися!
Мнѣ не годъ у тебя,
Мнѣ не годъ у тебя
Годовати.
Не студену зиму,
Не студену зиму
Зимовати.
Одну ночку,
Одну темну
Ночевати.
Я не знаю,
Я не знаю,
Какъ ночь проводити:
Не знай ходя,
Не знай ходя
Проходити,
Не знай сидя,
Не знай сидя
Просидѣти;
Не знай съ батюшкой,
Не знай съ батюшкой
Рѣчь говорити,
Не знай съ матушкой,
Не знай съ матушкой
Мнѣ думу думати.

2477.

«Ахъ, ты, ласточка косатая,
Перелетная крылатая!
Ты зачѣмъ рано вылетывала
Изъ своево гнѣзда теплова?»
— Не сама собой вылетывала,
Выживаетъ соловей изъ гнѣзда,
Не даетъ онъ по чисту полю летать,
Не даетъ ключевой воды пить,
Заставляетъ на болотѣ воду пить,
На болотѣ со ржавчиною.

2478.

Какъ по Волгѣ рѣкѣ
Плыветъ корабличекъ;
Какъ во этимъ кораблнкѣ
Красна дѣвица душа.
Какъ по бережку крутому
Шла матушка родная:
«Ты, дитя-ли, мое дитятко,
Ты забыла отъ шкатулки ключи.»
— Я забыть-то не забыла ключи,
Я забыла взять благословеньице.

2479.

Что у тебя, батюшка, за пиръ во дому?
Что у тея, свѣтъ-родной, за радости?
Широки воротечки растворены,
Изукрашенъ дворъ каретами,
Прекрасное крылечушко кавалерами,
Тепла спаленка свáшеньками,
Горенка—подруженьками?
Сколь я ти, батюшка, говаривала,
Сколь я ти, свѣтъ, наказывала:
Не отдай, батюшка, въ ту сторону,
Та сторона сънзмала немила:
Грязи топучія, рѣки быстрыя,
Лѣса темные, люди незнакомые, —
Правду-неправду—все былъ говорятъ;
На жену мужу наговариваютъ:
«Бей мужъ жену, поучи молоду;
Молодая жена волю взяла,
Мужа подъ *голокъ* загнала,
Старая жена мужу покорна была.

2480.

Ужъ ты, свѣтъ наша подруженька!
Измѣнила ты слово вѣрное:
«Что замужъ не пойду я и не подумаю.»
— «Ужъ вы, свѣтъ мои подруженьки,
Не сама я замужъ иду, —
Отдаетъ меня батюшка
Со голубушкой матушкой.
Посовѣтовали люди добрые:
Меня замужъ отдать.

2481.

«Что-жъ ты, соколъ,
Ты одинъ за столомъ?»
— «Я не одинъ: я со батюшкой
Я со матушкой.»
«Что же ты, соколъ
Ты одинъ за столомъ?

Гдѣ же твоя суженая,
Гдѣ же твоя ряженая.»
— «Гдѣ бы ни была —
Она будетъ моя.»

Утромъ въ день свадьбы:

2482.

Вы вставайте, мои подруженьки,
Вы вставайте, мои голубушки,
Умывайтесь ключевой водой,
Утирайтесь полотенчикомъ,
Одѣвайте меня въ цвѣтно платьице,
Въ цвѣтное платьице подвѣнечное!
Ужъ я спала, высыпалася,
Ждала-то дожидалася
Я отъ батюшки благословеньица,
Я отъ матушки спобужденьица,
Я отъ братцевъ-то слова ласкова,
Отъ сестрицъ-то, бѣлыхъ лебедушекъ,
Слóва-то привѣтливова.
Не могла отъ нихъ дождатися
Спобужденьица, благословеньица,
Слова ласкова и привѣтливова.
Я вставала красна дѣвица
По утру рано на зарѣ, рано утренней,
На сходнимъ краснимъ солнышкѣ;
Умывалась я горючимъ слезамъ,
Утиралась тоской кручинушкой,
Молилась чудному образу,
Будила своихъ подруженекъ:
«Вы вставайте и умывайтесь
Ключевой водой студеною,
Утирайтесь полотенчикомъ,
Молитесь чудному образу,
Чешите свои буйныя головы,
Плетите трубчаты косы,
Заплетайте алы ленточки!
Ужъ какъ я-то красна дѣвица
У своихъ родимыхъ матушекъ,
У ласковыхъ у батюшекъ
Отчесала свою буйную голову,
Отплела трубчату косу,
Открасовалась я съ дѣвьей красотѣ.»

Невѣста разстается съ своей красотой.

2483.

Красота моя, дѣвья красота!
Ужъ была краше-то солнышка,
Краше-то краснова высокова,
Чище-то она чиста серебра,
Разсыпнѣе скатна жемчуга.
Возлелѣю свою дѣвью красоту,
Подниму ее выше буйныя головы,
Опущу я ниже пояса
И прижму ее ко сердечушку.
Возьму свою дѣвью красоту
На свои на руки бѣлыя,
На персни злаченые,
Положу я на блюдечко на серебреное,
На тарелочку на золоченую.
Понесу я свою дѣвью красоту
По свѣтлой свѣтлицѣ,
По новой горенкѣ,
По сѣнямъ-то по новенькимъ,
По крылечушку по красному,
Я по батюшкову широку двору,
За воротички за широкія,
За верешки за дубовыя,
Я во далече во чисто поле,
Во раздолье широкое,
Во луга зеленые
И на травы муравыя,
На цвѣти алы-лазоревые.
Поставлю свою дѣвью красоту
Подъ кусточекъ,
Подъ гнѣздышко соловьиное.
Отойду я отъ своей дѣвьей красоты, —
Ужъ мнѣ жаль-то будетъ
Своей дѣвьей красоты.
Оглянусь я на дѣвью красоту, —
Побѣгутъ-то мои горючи слезы
По моему лицу бѣлому,
По платью цвѣтному
Отойду я къ своей дѣвьей красотѣ,
Подойду я близешенько
Наклонюся низешенько.
Возьму я свою дѣвью красоту
Изъ подъ кустечка,
Изъ подъ гнѣздышка.
Понесу я свою дѣвью красоту
Изъ раздолья широкова,
Изъ луговъ зеленыихъ,
Со травонъ муравыихъ,
Со цвѣтовъ алыихъ лазоревыихъ;
Я ко батюшкѣ въ широку двору,
Ко матушкиной новой горенкѣ,
Ко своей-то свѣтлой свѣтлицѣ.
Я поставлю за дубовый столъ,
Подъ Мать Божью Богородицу,
Подъ свѣчи восковыя.
Я не знаю, куда свою дѣвью красоту дѣвать?
Возьму свою дѣвью красоту
И раздамъ роднымъ сестрицамъ,
И сполюбовнымъ своимъ подруженькамъ:

«Вы красуйтесь въ моей-то дѣвьей красотѣ!
Ужъ какъ я-то красна дѣвица
Открасовалась въ своей дѣвьей красотѣ.»

2484.

Зайди [1]), зайди, солнце красное,
Надъ горой зайди надъ высокой.
Ты дойди, дойди, родимая матушка,
До стола бѣла ду́бовова,
До скатерти шиты браныя,
До меня, красной дѣвицы.
Расплети ты трубчату косу,
Разложи русу косу по могучимъ плечамъ.
Я отдамъ свою красоту
Своимъ милымъ подруженькамъ,
Свѣтъ своимъ голубушкамъ:
«Вы красуйтесь. мои подруженьки,
Сколько я жила, красовалася
У родимова свово батюшки, —
Что сыръ въ маслѣ каталася.»
Какъ пойдетъ родной братецъ
Въ чисто поле, во раздолье широкое,
Какъ разсѣетъ мою красоту.
Придетъ-то лѣто красное,
Взойдетъ-то моя красота.
Какъ пойдутъ-то мои подруженьки,
Сорвутъ-то они по цвѣтику,
Совьютъ-то они по вѣнчику,
Какъ мой-то цвѣточекъ останется,
Онъ посохнетъ, онъ поблекнетъ.

2485.

Съ горы на́-гору вино течетъ,
Бочки съ медомъ катаются.
Мнѣ теперь не до зелена вина,
Мнѣ теперь не до сладкихъ медовъ;
Мой суженый у воротъ стоитъ,
Мой ряженый у воротъ стучитъ—
Со своимъ-то крупнымъ поѣздомъ
Со своимъ-то гордымъ сватенькой.

2486.

«Ужъ ты, матушка родимая
(Имя отечество)
Вышей мое лицо бѣлое
На скатерти браныя:
У тебя гости будутъ,
У тебя меня спросятъ,—
У тебя меня нѣту.
Ты на скатерть-то взглянешь,
Ты тогда меня спомянешь.»
«Ужъ ты, батюшка родимый,
Ты срисуй мое лицо бѣлое
На столѣ бѣло-дубовомъ и т. д.

Передъ благословеніемъ къ вѣнцу.

2487.

Что не стрѣлочко стрѣлила
Подъ ретиво сердечушко,—
Отказалъ родной батюшка
Со родимой матушкой
Что отъ хлѣба да отъ соли,
Отъ премногой большой милости,
Отъ цвѣтнова платьица,
Отъ цвѣтнова подвѣнечнова.
Ужъ я выйду, красна дѣвица,
На прекрасное крылечушко,
Облокочусь я, красная,
На перила дубовыя
И на балясы точеныя,
Что точеныя золоченыя;
Попрошу я, красна дѣвица,
У ласточки крылышекъ,
У косатой перышекъ,
У кукушки голосу,
У горюшечки и звончатова.
Полечу я красна дѣвица
Во далече во чисто поле
Во раздолье широкое.
Ужъ я выберу, выищу
Жировое деревцо,
Сяду, дѣвица, на деревцо,
На деревцо зыбучее,
На зыбучее, скрипучее:
Закокую кокушечкой,
Загорюю горюшечкой.
Пойдетъ мимо родной батюшка
Со родимой матушкой
Ко Вознесенской заутрени,
Пойдутъ и остановятся, —
Остановятся, послушаютъ:
«Ужъ какъ что же за кокушка во бору?
Ужъ какъ что же за горюшка во сыромъ?
Ужъ какъ не наше ли дитятко,
Ужъ не наше ли родимое
Тужитъ плачетъ во чужихъ людяхъ,
У чужова свекра батюшка,

[1]) Очевидно вм.: взойди.

У чужой свекровки матушки,
У чужихъ деверьевъ-братцевъ,
У чужихъ золовокъ сестрицевъ,
У чужова то чуженова
У свово-то ряженова?
(Имя отчество жениха).

Когда благословляютъ къ вѣнцу.

2488.

Не верба-то во полѣ качается,
Не зеленая къ землѣ склоняется, —
То красна дѣвица благословляется
Свѣтъ (имя отечество невѣсты)
У свово родна батюшка,
(Имя отечество)
У своей родимой матушки,
(Имя отечество).
«Ужъ вы простите, родимый батюшка,
И родимая матушка!
Простите, родимые братцы,
И любимыя сестрицы,
Дорогой крестнушко и крестнушка,
Родимыя дядюшки и тетушки,
Сродные братцы и сестрицы,
Подруженьки мои голубушки,
Приближенные сосѣдушки!
Отказалъ мнѣ сударь батюшко
Что отъ хлѣба да отъ-соли
Отъ премногой своей милости.
Не отказывай, родимый батюшка,
Отъ свово благословеньица!
Какъ твое то благословеньице
Изо дна моря вынесетъ,
Изъ темныхъ лѣсовъ выведетъ,
Отъ злыхъ людей выручитъ.»

Когда одѣваютъ къ вѣнцу.

2489.

Кругъ города все новы ворота,
Кругъ терема крута лѣсенка,
У (имя) души новы башмачки,
Малы башмачки, круты коблучки, —
Не можетъ сойти съ крутой лѣстницы,
Проситъ коня, коня батюшкова, —
Батюшковъ конь не ступистъ, не рыситъ,
Съ мѣста нейдетъ и къ вѣнцу не везетъ.
Проситъ коня, коня суженова, —
Суженова конь и ступистъ и рысистъ,
Онъ рысью идетъ и къ вѣнцу онъ везетъ.

Когда женихъ въѣзжаетъ во дворъ за невѣстой къ вѣнцу.

2490.

Не соколъ залетаетъ,
Не крыломъ заметаетъ,
Свѣтъ (имя) заѣзжаетъ,
Свѣтъ (отечество) заѣзжаетъ,
(Имя невѣсты) забираетъ.
Она плачетъ, рыдаетъ,
Ко столу припадаетъ,
Ко столу бѣлодубову.
Что (имя) плачетъ?
Что (отечество) тужитъ?
Не въ полонъ тебя берутъ,
Не въ полонъ забираютъ;
Какъ отъ батюшки къ батюшкѣ,
Какъ отъ матушки къ матушкѣ,
Отъ братьевъ и т. д.
. . . .
— «Я сама про то знаю,
Я сама про то разумѣю:
Какъ отъ батюшки къ свекору,
Какъ отъ матушки къ свекровкѣ,
Какъ отъ братцевъ къ деверямъ,
Какъ отъ сестрицъ къ золовкамъ.
Мнѣ не та будетъ воля,
Мнѣ не та будетъ нѣга,
Что у матушки родимой.»

2491.

Вечоръ перепелочка
Во саду щекотала,
Къ утру бѣла свѣта
Ея въ теремѣ не стало.
Знать, къ нашей перепелочкѣ
Соколы прилетали,
Ее съ собой взяли,
Кречету отдавали.
Знать, вечоръ наша подруженька
Въ теремѣ сидѣла,
Да громко рѣчи говорила.
Къ утру до бѣла свѣта
Ея въ теремѣ нѣту.
Знать, къ нашей подруженькѣ
Бояра заѣзжали,
Бояра пріѣзжали,
Ее съ собой брали,
Молодую отдавали:
«Вотъ тебѣ, молодецъ,
Красная дѣвица
Съ русою косою,

Съ ясными очами,
Съ черными бровями.

Когда невѣста уѣзжаетъ къ вѣнцу.

2492.

Бросила ключи
На дубовые столы,
На скатерти браныя:
«Я тебѣ, батюшка, не ключница,
Я тебѣ, матушка, не ларешница!
Ключница я свекру-батюшку,
Ларешница я свекровь-матушкѣ.»

По пріѣздѣ отъ вѣнца.

2493.

Неужели вы, бояре,
Всѣ въ терему, всѣ по мѣстамъ?
Не ужели васъ, бояре,
Всѣхъ по имени звать-величать?

Тысяцкому.

2494.

У насъ тысяцкій воевода
Онъ ѣздилъ *волгу* (?) воевать
И гусей-лебедей закупать,
Онъ и бралъ, сударь, не бобрами,—
Душамъ краснымъ дѣвицамъ.
И со дѣвьими красотами.

Боярамъ (холостому).

2495.

(Имя отечество)
У насъ нѣтъ такова молодца!
Онъ и тонокъ и высокъ молодецъ;
Онъ съ-бѣла кудреватъ удалой,
У нево на буйной головѣ
Въ три ряда кудри завиты.
Завивала родна матушка,
Завивала приговаривала:
«Ты рости, мое дитятко,
Умное разумное,
Счасливо таланливо,
Роду племени на честь, на хвалу
Добрымъ людямъ на зáвидость!

Свахамъ.

2496.

Дорогія наши гостейки!
Издалека-ли гости ѣхали?
И на добрыхъ-ли коняхъ пріѣхали?
Не въ атласѣ гости не въ бархатѣ,
Не въ камючкѣ мелкотравчатой.
Стрѣчайте добрыхъ гостей
Среди двора широкова,
Среди крыльца прекраснова!
Берите дорогихъ гостей
За ручки бѣлыя, за перспи злаченые!
Ведите въ нову горницу
И садите за столы бѣлодубовые,
За скатерти шиты браныя,
За явства за сахарныя,
За питья медвяныя!
«Кушайте, гости дорогіе,
У любезныхъ свата и сватушки!»

Жениху.

2497.

Леталъ соколъ по вишенью,
Поймалъ себѣ бѣлую лебедушку,
Душу красную дѣвицу
(Имя отечество)
«Люба-ли тебѣ, батюшка, невѣстушка?»
— «Любымъ она любешенька
И хорошимъ хорошёхонька.»

Когда заплетаютъ невѣстѣ двѣ косы и окручаютъ ей голову платкомъ (кичкой).

2498.

Сѣмена-ли вы мои, сѣмены,
Сѣмена вы мои голубиныя!

Васъ немножко было сѣяно,
Только два поля чистыихъ,
Два раздольица широкія.
Зародилося немножко,
Только два сѣмечка:
Нынче они за одномъ столомъ сидятъ,
Одну рѣчь говорятъ,
Одну пищу ѣдятъ.
Какъ красна-то дѣвица
Расплакалась, растужилась,
По батюшкѣ, по матушкѣ.
Ей не жаль-то лебедя бѣлова,
Только жаль-то пуху лебяжьева.
Вдвое, втрое растужилась
По своей-то дѣвьей красотѣ:
Я доселѣ буйну голову
Частымъ гребешкомъ почесывала,
И трубчату мелку косу уплетывала
Во пшеничпо мелко зернышко;
А теперь раздвоили русу косу на двое,
И заплетали косу вб трое,
И кругъ головушки обвили,
Золотую кику навили
И молодой женою назвали,
Молодой женой хозяюшкой.
Ужъ какъ жаль-то мнѣ
Дѣвьей красоты:
Въ сахару-то она купалася,
Во меду-то она полоскалася,
Полотенчикомъ утиралася,
На востокъ Богу молилася,
Къ иконамъ приложилася.
Ужъ какъ бабья-то красота
Во дехтю она купалася,
Въ смолѣ полоскалася,
По подлавочью валялася,
Отымалочкой утиралася,
На заслонку Богу молилася,
Къ лопатѣ приложилася.
Ужъ мнѣ не такъ-то жаль
Дѣвьей красоты,
Ужъ какъ жаль-то мнѣ
Трубчатой косы.

Всѣ эти пѣсни зап. наставникомъ Иркутской учительской семинаріи А. А. Доброхотовымъ съ голоса двухъ старыхъ пѣвицъ: а) Н. П. Савицкой урожденной въ с. Култукѣ, находящимся на берегу Байкала Иркутской губ. и б) Е. М. Казанцевой, урожденной въ селеніи Карлукскомъ, той же губ., Уриковскойволости. Сообщ. тѣмъ же.

Изъ той же губерніи [1]).

Величальныя:

Тысяцкому:

2499.

Тысяцкій воевода да воевода!
Ты поѣдешь въ орду воевати, —
Ты вокой въ ордѣ не недѣлю,
Ты вокой въ ордѣ да одну ночку;
Ты бери въ ордѣ не кунями,
Не кунями и не черными соболями, —
Ты бери въ ордѣ головами,
Со русыми, да косасами!

Жениху.

2500.

«Травонька трава,
  Трава муравая!
Что ты травонька
  Пріумята лежишь?
Что ты травонька
  Сбита лежишь?»
—«Какъ мнѣ травѣ
  Да не умятой быть?
Какъ мнѣ травѣ
  Не сбитою быть?
Какъ ѣхалъ да поѣхалъ
  Изъ Москвы дворянинъ,
Изъ Москвы дворянинъ,
  Свѣтъ Иванъ господинъ, —
Конь-отъ подъ нимъ
  Какъ лютый звѣрь,
А самъ на конѣ,
  Какъ соколъ на рукѣ,
Онъ самъ на конѣ
  Потѣшается,
Молодой своей женой
  Да похваляется:
«Есть у меня
  Да жена молода, —
Она шила коверъ
  И вышивала коверъ
Доброму коню
  Да на всю красоту,
А мнѣ, молодцу,
  На честь и хвалу.»

[1]) Ни уѣзда, ни волости не указаны.

Когда женихъ ѣдетъ за невѣстой.

2501.

Соколы вы наши ясные,
Да ясные,
Молодцы вы наши удалые,
Да удалые!
Полетайте вы, наши соколы,
Полетайте!
На чужую дальну сторонушку,
Да сторонушку,
Выше лѣса темнаго,
Да темнаго,
Ниже облака ходячаго,
Да ходячаго,
Ко тестю на широкій дворъ,
Да на широкій дворъ,
Ко тешшѣ да на высокъ теремъ,
Да на высокъ теремъ,
Ко братушкѣ во конюшенный дворъ,
Да во конюшенный дворъ,
Ко сестрицамъ въ зеленый садъ,
Да въ зеленый садъ:
Примѣчайте вы да свою суженую,
Да суженную.

Всѣ 3 записаны ученикомъ сельской школы. Сообщ. тѣмъ же.

В. Обряды погребальные и поминальные.

Олонецкой губ.

Ежезерскій прих. (Вытегорскаго у., Коштугской в.).

С. Ежезеро — въ 50 вер. отъ г. Вытегры,— на Югъ, расположено въ дикой, глухой — лѣсистой мѣстности. Мѣстность гористая, рѣкъ нѣтъ,— все озера. Деревеньки 5—6 раскинулись другъ отъ друга на 2—10 верстахъ. Ближайшій почтовый трактъ въ 40 верстахъ (Архангельскій). Окружающіе приходы—Коштуги, Уидозеро и Тагажмозеро отъ 15—25 вер. въ разстояніи. Приходъ выдѣлился изъ указанныхъ, въ 60-хъ годахъ, въ видахъ обращенія въ православіе раскольниковъ, чрезъ единовѣріе. Прежніе жители,— аборигены, были въ большинствѣ разные бѣглые: раскольники, крестьяне помѣщичьи изъ Новгородской губ. (граница въ 20 вер. Бѣлозерскаго уѣзда) и солдаты. Не мало разсказовъ про нихъ сохранилось еще и у настоящаго поколѣнія. Занятія — хлѣбопашество, рыбныя ловли, лѣсные заработки—только на сторонѣ. Кабака нѣтъ, былъ въ видѣ опыта 2 года, но не привился. Школа существуетъ годовъ 10 — церковная. Въ приходѣ много еще раскольниковъ. Народъ великорусскій (О говорѣ см. «Коштугское нарѣчіе»).

Народъ смотритъ на смерть, какъ на *«волю Божію»*, или, какъ выражаются, — «видно ужъ сужено Богомъ умереть» — будь эта смерть естественной или какой либо случайной, или даже насильственной, напр. утонулъ человѣкъ, убитъ въ дракѣ, задавленъ деревомъ. Горе по умершему выражается различно, т. е. сердечное или показное. Если умеръ мужъ, оставивъ жену съ малолѣтними дѣтьми, жена горюетъ и плачетъ отъ души; умеръ въ семьѣ единственный сынъ кормилецъ, тоже горе у родителей сердечное; умерла мать, оставивъ дѣтей, хотя бы и взрослыхъ, безъ всякаго женскаго (бабки, тётки) присмотра — тоже у дѣтей горе не показное. Въ противоположность этому бываетъ, напримѣръ, что умираетъ старикъ или старуха въ семьѣ, уже не приносящіе никакой пользы въ хозяйствѣ, — это «лишвіе рты», — горя сердечнаго уже не замѣтно; если и поплачетъ напр. невѣстка по свёкрѣ, то такъ, для людского глазу; умираетъ ребенокъ, другой (часто бываетъ при эпидеміяхъ) у бѣднаго крестьянина, родители еще и радуются, выражаясь: «слава Богу, прибралъ хоть Богъ лишнихъ!» Такому отцу сочувствуютъ и посторонніе, «счастливой» — говорятъ, и тутъ, понятно, никакихъ сердечныхъ плачей не бываетъ. Участіе постороннихъ сосѣдей къ больному вообще, и къ тяжко больному въ особенности, выражается въ частомъ его посѣщеніи, бесѣдахъ, при чемъ приносятъ больному кушанья разныя «не поѣстъ ли, молъ, больной этого!» У тяжко больного, почти умирающаго, взрослаго, обязательно бываетъ кто либо изъ постороннихъ, въ большинствѣ — старушки, въ качествѣ сидѣлокъ. Когда такой человѣкъ умираетъ, говорятъ: «Господь прибралъ».

Покойника обмывають обыкновенно старушки, въ большинствѣ случаевъ собираются онѣ всѣ изъ деревни; обмывають простой водой причемъ приговаривають «Святый Боже». Постель (больного) умершаго выносится на улицу, вытряхивается солома и затѣмъ, сжигается, вмѣстѣ со щепой и стружками отъ гроба [1]). Одѣвають покойника — мужчину стараго въ бѣлую новую рубашку и балахонъ [2]), женщинъ-старухъ — въ сорочкѣ, на голову тѣмъ и другимъ надѣвають [...] (в родѣ короткаго мѣшка) такъ, чтобы было закрыто лицо. Молодыхъ же мужчинъ и женщинъ одѣвають въ обычное платье, какое [...] носилось ими при жизни. Нижнее бѣлье, понятно, шьется новое изъ холста, у женщинъ [...]вають голову платкомъ, у мужчинъ такъ. Одежду [illegible]

обѣденъ не служать, кромѣ развѣ у состо[...]ныхъ людей. При выносѣ покойника изъ [...] вслѣдъ за гробомъ идетъ женщина съ вѣни[...] до порога, брызжетъ водой и затѣмъ метётъ [...] Оставшіеся дома дѣти, при выносѣ гроба, [...] трятъ въ печку, засунувъ голову въ отве[...] шестка (чтобы не видѣть покойника и скор[...] умереть). На похороны обычно, кромѣ родн[...], [...]рается вся деревня, особенно, если время не с[...]ное — напр. въ началѣ лѣта. На кладбище п[...]ника всегда *везутъ* и при томъ на дров[...] хотя бы и лѣтомъ; нести покойника на ру[...] нѣтъ обычая. Возятъ и въ лодкахъ, если [...] нѣе и ближе, напр. въ сосѣднихъ приходах[...] Униозерѣ и Кунтозерѣ. Когда привезутъ [гр[о]бь въ] церкви, [...] раскрывають и отдобія у [illegible]

по части. Въ 40-й день стараются непремѣнно отслужить обѣдню и, какъ выражаются: «отпустить покойника». Послѣ обѣдни духовенство приглашаютъ обѣдать; въ концѣ обѣда, когда нужно пропѣть «вѣчную память», духовенство выходитъ на улицу (священникъ съ кадиломъ и въ епитрахилѣ), хозяинъ съ *киселемъ* и *кутьей* и здѣсь, обращаясь на церковь, если она въ виду, поется краткая литія; если же церкви не видно, то все таки становятся въ сторону ея и, кадятъ. Въ этомъ и состоитъ отпускъ покойника. Въ избѣ затѣмъ доканчивается обѣдъ. Если-же священника не бываетъ, то въ этотъ день все-таки сама хозяйка выходитъ на улицу съ кутьей и киселемъ, помолиться въ сторону церкви или вообще кладбища, гдѣ похороненъ покойникъ. Въ продолженіе года поминки по усопшемъ совершаются тоже въ установленные церковью дни. Люди бѣдные ограничиваются единственно тѣмъ, что приносятъ на кладбище упомянутую выше стряпню, помянутъ на могилахъ, выдѣливъ часть духовенству и этимъ поминка кончается. Панихидъ служить на могилахъ духовенствомъ не принято, кромѣ развѣ могилъ богатыхъ крестьянъ. Никакой траурной одежды по покойнику не носятъ, ходятъ въ обычной одеждѣ. Послѣ похоронъ жизнь въ семьѣ, спустя немного времени, продолжаетъ идти обычнымъ порядкомъ, хотя понятно, въ семьѣ послѣ такого событія, особенно если похоронили хозяина или другое дорогое лицо, замѣтно довольно долго печальное настроеніе. Особеннаго сочувствія — пóмочи въ односельчанахъ къ вдовѣ и оставшимся сиротамъ незамѣтно; вся тягота по хозяйству и уплатѣ сборовъ лежитъ всецѣло на матери-вдовѣ; хотя въ тоже время не въ обычаѣ отнимать у такой вдовы земельныхъ участковъ.

Плакать — *причитывать* по умершемъ обязаны знать всѣ взрослыя женщины и дѣвицы; не знать причитывать стыдно предъ людьми и осмѣютъ со стороны. Потому-то, надо полагать, вокругъ плачущей женщины, особенно умѣлой, на могилѣ (въ воскресные дни послѣ обѣдни) стоитъ гурьба молодыхъ женщинъ и дѣвицъ, (помимо сочувствія скорѣе всего и сами учатся). Плакать по умершемъ т. е. причитывать полагается только *первый годъ*; плачутъ и причитываютъ обычно сряду послѣ смерти, въ тѣ дни, пока покойникъ дома, особенно сильно при выносѣ изъ церкви и на могилѣ, въ другое же время только по праздникамъ послѣ обѣденъ; въ простые дни плачутъ мало. На могилахъ плачутъ, припавъ головой къ могилѣ, на колѣняхъ [1]). Когда женщины причитываютъ на могилахъ, то часто «обомрýтъ», по мѣстному выраженію, отъ сильнаго горя плачущая обмираетъ, т. е. упавъ на могилу мужа лежитъ безъ движенія. Присутствующія здѣсь обычно женщины растряхиваютъ ее, приводя въ сознаніе; а она опять, припавъ къ могилѣ, продолжаетъ причитывать. Такія обмиранія бываютъ по нѣсколько разъ. Часто впрочемъ дѣлается это и для виду, такъ какъ это дѣлаетъ честь плачущей, ее за это хвалятъ, что «умѣетъ плакать.» Плачутъ и сторонніе, особенно тѣ, у кого былъ недавно свой покойникъ. Особыхъ плакальщицъ за плату нѣтъ.

К. Ф. Филимоновъ.

[1]) Въ Куйскомъ приходѣ Бѣлозер. у. плачутъ стоя у могилы (самъ очевидецъ).

а) Новгородск. губ., Бѣлозерск. у., дер. Гришкино, Антушевской волости.

Тѣло покойника, пока оно еще не остыло умываютъ теплой водою съ мыломъ, волосы причесываютъ и затѣмъ одѣваютъ его въ чистое бѣлье и кладутъ на лавку, которая идетъ вдоль пола, а не поперегъ. Приготовляютъ гробъ (домовище), скалачивая его изъ досокъ. Приносятъ чистые березовые вѣники, *бруснутъ* съ нихъ листья прямо въ гробъ, накрываютъ ихъ бѣлымъ, чистымъ полотномъ и — постель для усопшаго готова. Вмѣсто подушки кладутъ покойнику подъ голову мѣшокъ, набитый листьями вѣника; кладутъ еще ему въ гробъ гребень, которымъ расчесывали ему волосы, мыло, которымъ его обмывали, полагая, что эти вещи ему пригодятся въ будущемъ. Впрочемъ эти вещи кладутъ въ гробъ и потому, что ихъ больше употреблять нельзя. Если изъ волосъ мертваго выбредетъ вошь, то ея не убиваютъ. Во все время пребыванія тѣла покойника въ домѣ читаютъ псалтирь. На третій день везутъ покойника на погостъ. Послѣ его выноса изъ дома оставляютъ на столѣ на ночь чашку съ водой, чтобы онъ могъ напиться. Стружки, щепки и остатки досокъ, изъ которыхъ сдѣланъ гробъ выносятъ въ поле, гдѣ ихъ сжигаютъ, при чемъ замѣчаютъ, куда направляется дымъ: если на деревню, то это предвѣщаетъ новаго покойника, а если въ сторону отъ деревни, то это считается хорошимъ признакомъ. Чтобы не бояться мертвеца, садятся на то мѣсто, гдѣ лежало его тѣло. Заглядываютъ въ печь и въ подполье, произнося: «ухъ, нѣту!»

б) Того же уѣзда, с. Замошье, близъ Новозера.

Прежде чѣмъ опустить умершаго въ могилу,

бросаютъ туда деньги, чтобы купить умершему мѣсто.

Въ первую ночь послѣ похоронъ покойника въ домѣ его раскидываютъ постель, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ гробъ и оставляютъ ее пустою до утра. Это дѣлаютъ для того, чтобы узнать: ходитъ ли умершій домой? Если ходитъ, то онъ ляжетъ на постель и послѣ его ухода на ней окажутся формы его тѣла.

Чтобы покойникъ не ходилъ съ кладбища, то надъ воротами и надъ дверьми дома кладутъ рябиновые прутья. Говорятъ, что покойники боятся этихъ прутьевъ. Для этой же цѣли вѣшаютъ на двери узду съ лошади, на которой еще не ѣздили.

Душа покойника витаетъ около дома 40 дней.

Въ девятый, двадцатый и сороковой дни происходятъ поминовенія покойника: служатъ обѣдни, панихиды, послѣ которыхъ (какъ и въ день погребенія) дѣлаютъ поминальные обѣды, на которые приглашаютъ, кромѣ духовенства, всѣхъ родственниковъ, друзей покойнаго и сосѣдей. Предъ каждымъ кушаньемъ поютъ духовныя пѣсни, сидя, а передъ киселемъ поютъ ихъ стоя. Для покойника ставится на столѣ приборъ, кладется ложка. Послѣ киселя выходятъ изъ-за стола, провожаютъ покойника: духовенство съ пѣніемъ священныхъ пѣсенъ, а женщины-родственницы — съ причетами. Во всѣ дни поминовеній, а также въ престольные праздники носятъ на могилу пироги, иногда пиво и водку, кутью, собираются родственники и кушаютъ. Собственно для покойника пекутся пшеничныя на скоромномъ маслѣ и яичныя блины. На канунѣ сороковаго дня вечеромъ топятъ баню. Отправляясь туда, берутъ съ собою и для покойника бѣлье, мыло и вѣникъ. А дочь, жена или кто нибудь изъ родственницъ покойника обращаются лицомъ къ погосту и причитаютъ:

2502.

Ты кормилецъ, сударь батюшка!
Ты приди-ко къ намъ, пожалуста.
Какъ у насъ у сиротинушекъ,
Для тебя, кормилецъ батюшка,
Поистоплена баня-паруша,
Сварены да слизки-щелоки,
Посогрѣта ключева вода
И распаренъ шелковъ вѣничекъ.
Ты приди, кормилецъ-батюшка,
Безъ большого очуженьица,
Безъ великаго ломаньица.

Войдя въ баню, кладутъ вѣникъ въ горячую воду, бѣлье — на окно, но сами пока не умываются, чтобы дать время помыться покойнику. По выходѣ изъ бани провожаютъ его причетами въ родѣ слѣдующаго:

2503.

Не осуди, кормилецъ-батюшка,
Каково баня истоплена,
Каково поизготовлена.
Ты приди, кормилецъ батюшка,
Утромъ рано поранешеньку
Къ намъ на гостьбу на любимую:
У насъ варено да пиво пьяное,
Курено да зелено вино.

Зап. учит. народн. училища П. Вересовымъ.

Въ с. Староселье (Тагаево тожъ) Лукояновскаго у. Нижегородской губ.

Выносятъ покойника въ церковь непремѣнно въ ворота, а не въ калитку, для того, чтобы открыть ему широкій путь въ небо.

Провожать покойника нужно непремѣнно съ воплемъ, иначе трудно будетъ на томъ свѣтѣ его душѣ.

Если во время выноса тѣла пойдетъ дождь или ненастье, то это означаетъ что усопшій — праведный, если же солнце сіяетъ, — то грѣшный.

Изъ записи свящ. І. Лаврова. Сообщ. М. И. Макаревскимъ.

Плачь вдовы по мужѣ, какъ только онъ умретъ.

Олонецкой губ., Петрозаводскаго у.

2504.

По сегодняшнему дѣнецку,
По теперешнему времяцку,
Ищо што у насъ случилосе:
Какъ пришла да смерть прекрасная,

Голова да не разсудная;
Подъ окошкомъ не даваласе,
За воротцямъ не стучаласе;
Подошла да потихошиньку,
Сняла душу полегошиньку;
Я сидѣла горька-бѣдная
У трудной больной постелюшки,
У тяжелаго зголовьиця;
Караулила я, бѣдная,
Твою скорую смерётушку;
Я нашла бы бѣдна, горькая,
Себѣ плотничковъ, работничковъ:
Нарядила бы я, бѣдная,
Состроить крѣпости бы крѣпкіи,
Тынй (заборы) то бы желѣзныи,
Дый (да и) воротечки кленовыи;
Ко воротечкамъ кленовымъ
Замочки-то *булатныи*,
Я поставила бы, бѣдная,
Іщо (еще) сторожа удалого, —
Не пустила бъ смерть прекрасную
Во наше витое-то гнѣздышко.
Тутъ зашла да смерть прекрасная,
Во наше витое-то гнѣздышко.
Тутъ зашла да смерть прекрасная
Голова не разсудимая;
Я бы знала бѣдна-гбрюша,
Откупила бъ смерть прекрасную,
Задарила бъ златомъ-серебромъ,
Я бы скатнымъ-то жемчугомъ.
Какъ на то да не поладилась (согласилась),
Я бы прибрала бы, бѣдная,
Во своемъ роду безчастнаёмъ
Человѣка бы таковскаго,
Ты не вйдла, смерть прекрасная,
Взять ни нищаго, ни бѣднаго,
Ни калики волочащаго
По подбконью просящаго.
Ты увйдала, смерть прекрасная
Моёго да милу ладушку,
Да удалую головушку,
У моихъ у милыхъ дѣтушокъ
Ты кормильца-батюшку.

Когда выносятъ покойника изъ дому:

2505.

По сегодняшнему деницку,
По топерешнему времяцку,
При послйди — поры времячки;
Погости-ко, красно солнышко,
Во своемъ да витомъ гнѣздышки,
У меня у молодой жены,
У своихъ да малыхъ дѣтушокъ.
Ты, скажи-ко, мила младушка,
Ты куды да отправляешьсе?
Ты куды да снаряжаешьсе?
Въ путь во дальную-ль дороженьку,
Въ безъизвѣстную-ль сторонушку
Во вѣковую-ль во жирушку?
Ты скажи-ко, мила молодушка,
На кого то поост авилъ нынь
Своихъ рожёныхъ бѣдныхъ дѣтушокъ?
На народъ ли племя широкое,
На своихъ ли родныхъ сродничковъ,
На порядовыихъ сусѣдушекъ?
Сама бѣдна, сама горькая.
Ты оставько, мила младушка,
На самого Христа небеснаго.
Ты простись-ко, мила младушка,
Со всимá своимá сродничкамъ;
Да ищó простись-ко, млáдушка,
Со рожёныма со дѣтушкамъ,
Со полямы со широкима,
Со лучáмы со зелёныма,
Съ порядóвыма сусѣдушкамъ
Со сусѣдскима да дѣтушкамъ!

Когда подвозятъ покойника къ церкви.

2506.

Путь-дорожка показаласе,—
Путь дорожка короталасе;
Не нарадуйсе-ко, Тройца,
Пресвятая Богородиця!
Ужъ везутъ-то Теби, Троиця,
Ужъ не пелены церковныи,
Дый не ризы золоченыи;
Какъ везутъ Тебѣ, Тройця,
Моёго да милу младушку;
Ужъ везутъ-то тѣло мертвоё
Тѣло мёртво, лицё блёкло.

К. Ф. Филимоновымъ.

Причетъ по умершемъ мужѣ.

Вологодской губ.

2507.

Ты оставилъ меня, бѣдную,
Ты оставилъ меня, горькую,
Сироту горемычную,
Со маленькимъ крошечкамъ!

Какъ мнѣ жить будетъ, бѣдной,
Безъ тебя, красна солнышка,
Моя милая ластушка!
Какъ придетъ пора времечко,
Придетъ лѣтечко красное,
И пойдутъ люди добрые
Со косами со вострыми, —
Не будетъ у насъ бѣдныихъ
Ни денного работничка,
Ни ночного [illegible].
Ты куда же сокрылася,
Ты куда же [illegible],
Мое красное солнышко,
Моя милая ластушка!
[illegible]
[illegible] —
[illegible] мои ластушки,
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Ни съ которой сторонушки
Тебя милу ластушку.

2508.

[illegible]

«Собаке-те вольной,
Вольной да [illegible]
Захватить же у горькой
Мое сердце ретивое.
[illegible], горе-горькая,
На своихъ-то малыхъ дѣтей.
Они [illegible] горе-горькая,
Все съ большимъ уваженьицемъ,
Съ большимъ съ покореньицемъ.
[illegible], горе-горькая,
[illegible] весны праздника.
[illegible] горе-горькая,
Къ [illegible] Богородицѣ,
На святое [illegible]
Помолюсь, горе-горькая,
На всѣ четыре стороны,
[illegible], вѣтры буйные,
Со всѣ четыре стороны,
[illegible] вѣтры буйные.
[illegible]
[illegible] вѣтры буйные.
[illegible]
[illegible] милой,
[illegible] руки бѣлые,
Отъ сердечка ретиваго,
[illegible] уста сахарные
Ты промолви-ка [illegible] милой
[illegible]
[illegible]
[illegible] малыхъ [illegible].
[illegible]

Причетъ жены по мужѣ (Послѣ обмывки и обряда покойника).

Новогородск. губ., Кирил. у., Чуженчскій приходъ.

2509.

Ужъ ты моя да лада милая!
Ужъ ты куда да снарядилася,
Ты куда да обрядилася
Во матушку да въ сыру землю.
Ужъ ты подумай, лада милая,
На кого да оставляешь меня,
На кого покидаешь ты свою молоду жену?
Ужъ не создай да Христосъ Истинный
Молодымъ да людямъ вдовить,
Малымъ дѣтушкамъ сиротать.
Ужъ насловутся малы дѣточки
Вольничей да самоволькою!
Ужъ находиться будетъ дѣточкамъ
По міру да по крещенному,
Наживутся малы дѣточки
По чужимъ да по добрымъ людямъ,
По казакамъ да по работникамъ,
По пастухамъ да на все лѣто теплое!
У меня, горюшки бѣдное,
Изболитъ мое сердечушко,
Да изоржавѣетъ ретивое,
Все объ васъ, малы дѣточки.
Ужъ ты моя да лада милая —
Тебѣ не та да пора-времечко,
Что на тотъ свѣтъ да представлятися.
Ужъ ты моя да лада милая
Тебѣ бъ жить, Богу молитися,
Поить кормить да малыхъ дѣточекъ.
Ужъ мнѣ бъ лучше, *горю бѣдному*,
Ты лежалъ да лада милая
Во больной да во постеленькѣ,
Ты наряжалъ, да лада милая
Ты своихъ, да малыхъ дѣточекъ
На дѣло и на работушку,
Такъ и меня, горюшу бѣдную.
Вы мои да малы дѣточки
Пожалѣть-то васъ некому,
Приголубить-то не подумати.
Нѣтъ доброхота, свѣта батюшки.
Ты говорилъ, лада милая,
Ты о мнѣ, горюшѣ бѣдной:
«Ты моя, молода жона!
Ты до бѣла не вымывайся,
До баска не наряжайся.
Ты не ходи, да молода жена,
Ты по избамъ да по друго избамъ.
Ты не держи, да молода жена
Семь подружекъ да кумушекъ.
Съ умомъ живи со разумомъ.
Нѣтъ во чистомъ да полѣ пахаря,
Во темномъ лѣсу да дровосѣка.
Какъ доживу, горюша бѣдная,
До лѣта до теплова,
До тяжелыя работушки —
Всѣ пойдутъ да люди добрые
На тяжелую работушку
Всѣ съ сѐмьями да съ артелями, —
Какъ у меня, горюши,
Малы маленькія дѣточки,
Все не рабы да не работники.
Ты наказалъ ли, лада милая,
Всѣмъ сусѣдамъ и сусѣдушкамъ,
Ты своимъ да милымъ братьицамъ,
Чтобъ не оставили братьица
Все меня, горюшу бѣдную,
И со малыми-то дѣточками,
Съ сиротами горе-горькими.
Вы богданные братьица! вы наставьте меня,
Бѣдную сироту да горе-горькую.

Когда покойникъ въ грову.

2510.

Ужъ ты моя лада милая!
Тебѣ сострои̂ли свѣтлую свѣтлицу,
Свѣтлую свѣтлицу да и высокую горницу,
Только безъ оконъ да и безъ дверей,
Тебѣ на всѣ да вѣки долгіе,
На все житье да вѣковѣшное,
И на всю жизнь да безконечную.
Сама знаю, сама вѣдаю,
Что со того да свѣту бѣлаго
Нѣтъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Нѣтъ ни слуху да и не вѣсточки,
Нѣтъ и скоропечатны грамотки.

Когда покойникъ ночуетъ ночь въ церкви.

2511.

Ты моя да лада милая!
Я разскажу, горюша бѣдная,
Я про свое про горе великое:
Какъ сія да темныя ночепьки
Мнѣ не спалось да не дремалося.
Какъ погляжу, горюша бѣдная,
Я на мягкую постелюшку,
Какъ мои маленькія дѣточки,

Малые да не великіе,
Глупые да не разумные.
Ужъ я ждала да дождалася
Все тебя я, лада милая,
Домой па свою сторону,
Къ себѣ во свѣтлую свѣтлицу.
Все я думала, бѣдная,
Что ты придешь, да лада милая,
Что ты нарядишь, да лада милая
Своихъ малыхъ дѣтушекъ на дѣло
И па работушку.

Всѣ три зап. учит. народн. училища Ѳ. Ивановымъ. Сообщ. инспекторомъ Народн. училищъ Н. К. Рамзевичемъ.

Причитанье жены по мужѣ.

Ярославской губ., Пошехонск. у.

2512.

Ты послушай-ко меня ясенъ соколъ,
Соколъ ясный, лада милая,
Слово горькое, слово печальное
Черезъ землю сырую матушку,
Черезъ крышу гробову доску,
Черезъ саванъ бѣлый, вышитой,
Моей правой рукой выбраный,
На тебѣ-то мною сложенный!
Тяжело мнѣ молодехонькѣ
Безъ тебя жить, лада милая!
Люди злые молодехоньку
Помыкаютъ, всюду мыкаютъ.
Согрубятъ — млада расплачуся,
Житье вдовье — безъ платка головушка,
Житье вдовье — домъ некутанный,
Житье вдовье не затѣйное,
Безъ застоя-то не застойное...
О, охъ, бѣд-на-я!
Ты приди-ко, лада милая,
Ты приди хоть ночью темною —
Хоть во снѣ ты на минуточку,
Ко своей подругѣ-ладушкѣ,
И прижми-ко къ ретиву сердцу,
Ты горюшу крѣпко на крѣпко...
О, охъ, горе, о горь-ка-я!
Прилети-ко яснымъ соколомъ,
Прилети-ко соловеюшкомъ
Хоть на малую минуточку:
Той минутой радость скажется,
Той минутой сердце спрыгаетъ...
О, охъ, я разнесчаст-ная!
Разступися, мать сыра земля, —
Пріоткройся гробова доска,
Распахнися саванъ вышитый,
Моей правой рукой выбранный,
Вылетай, милъ яснымъ соколомъ,
Пой весной-ко соловеюшкомъ;
Я взяла бы тебя, пташечку,
На свои па руки бѣлыя,
Приласкала-бы, приголила,
Примочила перья сизыя,
До мокра слезами горькими
И снесла бы въ свой во вдовій домъ.
О, охъ, горюша горькая!

Тамъ же.

2513.

Благослови, Боже Господи,
Да и Ты Пресвятая Богородица,
Чтобы проводить мнѣ ладу милую.
Изъ дому-то изъ благодатнова
Во мѣстечко-то вѣковѣчное,
Что во матушку-то во сыру землю.
Поснижу-то я, млада младешенька,
Во мѣстечкѣ-то во печальноемъ,
Во слезливомъ во сиротскоемъ,
Побужу-ко я, горе-горькая,
Моего-то ясна сокола,
Ладу милую-то молчаливую:
«Ты возстань-ко да проснися,
Мой соколикъ, лада милая,
Отъ просонья-то отъ крѣпкова,
Отъ спа-то вѣковѣчнова!
Ты скажи-ко, вымолви словечушко,
Ты скажи слово по прежнему,
Чтобы сердце мое прыгало
Отъ ра́динья и отъ радости
Ты лежишь-то безъ словечушка,
Ты не смотришь очьми ясными.
Вѣрно мнѣ, горюшѣ горькоей
Встать-то помолитися,
Поклонитися-то Богу Господу,
Да заступницѣ сиротческой,
Пресвятой-то Богородицѣ,
Да сложить-то тебѣ крестъ по старому,
На бѣлой груди къ сердечушку,
Призакрыть-то очи ясныя
Отъ радинья ретива сердца.
Ты скажи-ко, лада милая,
Въ кою сторону сподобился,
Снарядившись хорошехонько
Въ какую путь-сторонушку,
Въ чью сторонушку-то чужедальную,
И на долго-ль отлучаешься?

Ты повѣдай, лада милая,
Въ кое время оборотишься?
Ты одинъ иль съ гостемъ явишься?
Стану я тебя, сердешнова,
Ждать да дожидатися
По утру-то раннимъ ранешенько,
Ко полудню въ обѣдъ, паужинъ,
Вечеромъ въ потемки-темныя,
Въ полуночь при ясномъ мѣсяцѣ.
Какъ завижу я сердешнова
Выйду встрѣть середь улицы,
Устелю весь дворъ широкій я
Новиною тонко-спряденной,
Хитро въ клѣтки вязью вытканной,
На насту весной бѣленою.
Приведу я тебя, лада милая,
Во новый домъ за бѣлы руки,
Посажу за столъ со яствами,
Да со питьями медвяными
Поклонюсь тебѣ низехонько,
Ниже пояса къ сырой землѣ,
Я скажу тебѣ, сердешный другъ:
Ты покушай яства сытова,
И отвѣдай питья сладкова!»

Оба зап. Я. С. Деруновымъ.

По мужѣ.

Псковской губерніи, Опочецк. у.

2514.

Моя милая, удалая головушка!
Посмотри ты на меня, горькую, несчастную,
Посмотри ты на своихъ малыхъ пташечекъ!
Съ кѣмъ ихъ оставляешь, моя удалая головушка?
Пошатаются мои малыя пташечки
По всѣмъ по честнымъ людямъ,
Попавидятъ они много горя великаго!
Къ комужъ они приклонятъ свою буйную головушку?
Не будетъ имъ теперь ласковаго словечушка
Безъ своего-то роднаго батюшки.
Бѣднешенько мнѣ безъ тебя, моя удалая головушка,
Что покинулъ ты меня, горемычную!

2515.

Моя удалая головушка, мой милый батюшка!
Встань ты на свои скоры ноженьки,
Размахни ты свои бѣлыя ручушки,
Распечатай ты свои уста сахарныя!
Споглянь ты своимъ очамъ яснымъ,
И пройди ты по своему широкому двору:
Что не по прежнему, моя удалая головушка,
Не по прежнему в' насъ, не по бывалому.
На кого же ты спонадѣялся?
Спокинулъ меня, молодешеньку
Съ маленькими моимъ пташечкамъ.
Маленькія мои пташечки!
Упросите вы своего родимаго батюшку,
Чтобъ не кидалъ онъ насъ по прежнему,
Что не на кого мнѣ надѣяться,
Что нѣту у меня братцевъ соловеюшекъ.

Сообщ. М. И. Семевскимъ.

По мужѣ.

Той же губ., Островск. у.

2516.

Умильная моя удалая головушка!
Что, объ чемъ ты на меня, сиротинушка, распрогнѣвался?
Али я, сиротинушка, вкругъ тебя не увивалася?
Увивалась, сиротинка, со всего радѣнья,
Со радѣйница, съ пожалѣйница.
Что самъ же ты зналъ, моя удалая головушка,
Что не на кого мнѣ, сиротинушка, надѣяться,
Что нѣтъ у меня, сиротинушка, братцевъ-соловеюшекъ,
А найаче того ясныхъ соколовъ, родныхъ дѣтушекъ.
Хоть и есть у меня двѣ бѣлыхъ лебедушки,
Что самъ же ты зналъ и самъ видѣлъ,
Что они еще глупешеньки.
Безъ тебя, меня, удалая головушка,
Навѣются на нихъ вѣтры буйные,
Понаговорятся про нихъ люди добрые.
Умильная моя удалая головушка!
Что не красный-то день безъ красна солнышка,
Что не весело-то жить безъ удалой головушки,
И тошнешенько и грустнешенько.
Что, бывало, какъ пойдетъ моя удалая головушка на скору работушку,
А я ходючи, сиротинушка, по новымъ горницамъ,
По свѣтлымъ свѣтлицамъ, посматриваючи въ косячато окошечко:
Что откудова-то выйдетъ мое красное солнышко?
Какъ бывало, моя удалая головушка, какъ распрогнѣваешься,
Я тебя, сиротинушка, все хожу и *упрахиваю*,
Что покуда мой батюшка взмилуется.
А теперь-то не могу я, сиротинушка,
Тебя добудиться и допроситься.
Что скрѣпилъ ты свое ретивое сердечушко крѣпше камышка.

Размахни, моя удалая головушка, свои бѣлы ручушки,
И проглени ты своими очами ясными!
Распечатай ты свои уста сахарныя,
Промолви мнѣ, сиротинушкѣ, хоть единое словечушко,
Что обрадуй ты мое ретивое сердечушко,
Что обрадуй ты, хоть на единый часъ,
На единый часъ, на одну минуточку!
Умильная моя удалая головушка!
Не забывай меня, сиротинушку, съ своими бѣлыми лебедушками!
Что летай-ка ты къ намъ яснымъ соколомъ!
Что садись-ка ты передъ моимъ окошечкомъ,
А я буду узнавать тебя, сиротинушка:
Что не мой ли это милый батюшка?

Сообщено М. И. Семевскимъ.

По мужѣ.

Новгородской губ., Валдайскаго у., с. Гоголева.

2517.

Ахъ ты, удалá моя головушка!
Удала, — хорошая, умная, разумная!
Оставилъ ты меня, сиротинушку,
На злодѣй-горе великое.
Безъ тебя, мой милъ сердечный другъ,
Натерпѣться мнѣ злодѣй-горя,
Мнѣ холоду будетъ принять и голоду.
А теперь мнѣ, сиротинушкѣ,
Терпѣть отъ родныхъ дѣтушекъ.

2518.

При старой я при старости
Наскиталась, сиротинушка
По чужимъ теплымъ гнѣздышкамъ,
Натерпѣлась я злодѣй-горя.
А безъ тебя, мой милъ сердечный другъ,
Нѣтъ застоюшки и оборонушки,
Нихто за насъ не замолвитъ слово ласковое,
А терпѣть намъ, сиротинушкамъ,
Все злодѣй-горя великое.

Обѣ зап. мною отъ бывшей дворовой.

Плачь матери по сыну (единственному).

Олонецкой губ., Петрозаводск. у.

2519.

По сегодняшнему деницку и т. д.
Отправляла мати бѣдная
Я роженого-то дитятка,
Да наливчатого яблучка,
Ищо написанного прянычка;
Отправляла я роженого
Я не въ дальней путь дороженьку,
Дый не въ дальни перелѣсочки;
(А) въ безъизвѣстную сторонушку
На вѣковую ль на жирушку.
Я не знала, мати бѣдная,
Великой ли да невзгодушки
Надъ своей буйной головушкой.
Я падiялась, бѣдная, — (что)
Отъ рожоного-то дитятка
Буде хлѣбъ-соль мни прострáнная (довольная),
Буде крѣпкая надѣтушка (одежда),
Буде лёгка перемѣнушка,
Буде печенька-то тёплая.
Ты, рожено мое дитятко!
Одiешь узкiя то плеченьки,
Обуешь рѣзвыя-то ножсеньки.
Ужъ какъ нынѣчу-топерячу
Потеряла потеряшечку,
Обронила я оброночку, —
Потеряшечку не маленьку,
Оброночку не дешевую —
Своего-то красна солнышка,
Родимого-то дитятка. —
Ужъ какъ нынѣчу-топерячу
Послѣ твоего бываньица
Во нашемъ витоёмъ-то гнѣздышки —
Пустымъ стало пустёшинько,
Холоднымъ да холоднёшинько;
Послѣ твоего быванька
Забусiютъ наши гнѣздышки,
По стѣнамъ будутъ снѣжочики,
По угламъ да инеёчики.

Когда ждутъ на домъ духовенство на помины въ 40-й день.

2520.

Я пойду, да мати бѣдная,
Во чистое я во полюшко,
На посильнюю работушку:
Камешковъ насобераюсе,
Слѣдковъ напримѣчаюсе,
Тебя въ чистомъ поли дожидаючи.
Ты скажи-ко, красно солнышко,
Ты, рожено, мое дитятко;
Когды въ гости ты посулишьсе:
По утру ли ты ранёшинько,
Въ вечеру ль придётъ позднёшинько,

Середи ль темныя почиеньки,
Посерёдки ль денька бѣлаго?
Стану ждать я, мати бѣдная,
У косящата окошечка,
Со которой со сторонушки
Откуль ко мнѣ появишьсе;
Стану я то, мати бѣдная,
Держать ножки па порожки,
Ручки бѣлы на заложки,
Стану ждать я, мати бѣдная,
На любимое гостибище.
Я поставлю, мати бѣдная,
Тиби столички дубовыи,
Кладу скатерти-то браныи,
Кладу кушанья сахарныи
Кладу питьиця медовыи.
Ты поѣшь-ко, ты, покушай,
Красно, тепло, мое солнышко,
У родители у матушки!

Обѣ отъ крестьянки II. Мелдовой.
К. Ф. Филимоновымъ.

По сынѣ.

Новгородской губерніи, Валдайскаго у., с. Гоголево.

2521.

Припаду я, сиротинушка, ко сырой землѣ,
Побужу я, сиротинушка, свово-то чаду милова,
Разскажу я ему свое злодѣй-горе:
«Какъ живу я, сиротинушка
Со своймымъ милымъ дѣтушкамъ.
Ты спроси, чадо родное
Про своихъ малыхъ дѣтушекъ,
Про свою-то молоду жену.
Поразвѣяла твоя молода жена
Что твоихъ-то родныхъ дѣтушекъ
По чужимъ-то по сторонушкамъ,
Безъ тебя то, чадо родное.
Ена не хотѣла ихъ поить, кормить.
Ты спроси-ко-сь, мое родное,
Какъ живемъ мы, горьки сироты.
Кто насъ будетъ кормить, поить.
Безъ тебя, мое рожденное?
Не сожалѣла твоя молодая жена
Что твоихъ-то родныхъ дѣтушекъ
Горькихъ сиротинушекъ:
Ена ихъ кинула и бросила
На чужого отца съ матерью.

Зап. мною отъ 70 лѣтн. старухи, бывшей дворовой.

По дочери.

Олонецкой губерніи.

2522.

Была у меня милая дочушка
Я держала крѣпкую надѣю великую.
Я срядила ее и обрядила
Во хорошее платье цвѣтное.
Немножко она походила и поносила.
Не находилась да не наносилась.
Спросилъ истинный Христосъ да Царь Небесный.
Ходила, моя милая дочушка,
Со кумами ходила, да со подругами,
Со сусѣдками порядовными.
И встанутъ въ Воскресенье Христово,
Пойдутъ ко ранней ко утренней ко заутрени,
Пойдутъ ея подружки возлюбленныя.
И я выйду, горе горькая кукушка,
Поглядѣть на ея подружекъ:
Нейдетъ-ли моя дочерь бѣлая
Со своими да со кумами и со подругами.
Какъ я ворочусь да кручинная бѣдная,
Да соберу ея платье цвѣтное
И сряжу и обряжу, какъ дочь свою
Придетъ ко мнѣ сынъ и скажетъ:
«Вѣдь, это мало живетъ и водится,
Что мертвый съ погосту воротится?
Тошнешенько сердцу ретивому
Нѣту въ живности дочери голубушки:
Думщица она была да собесѣдница».
Была тайная моя да разговорчица.
Не дивите-ка народъ да люди добрые:
Мнѣ тошнешенько сердечку ретивому;
Какъ собрались ко мнѣ ея подружки
Да возлюбленные,—я молилась имъ:
Вы мои кумы да и подруженьки!
Не увидите-ли моей дочери бѣлой голубушки
На гульбищахъ и на игрищахъ?
Увидите ее—и приведите ко мнѣ».

Зап. учит. Петроз. дух. учил. Л. Малиновскій.
Сообщ. К. Ф. Филимоновымъ.

По дѣтямъ.

Псковской губерніи, Островскаго у.

2523.

Милыя вы мои дѣтушки!
Дождались вы меня, сиротинушку;
Я спѣшила къ вамъ скоры́мъ скорешенько.
Я не на конѣ къ вамъ ѣхала,

Остались онѣ отъ родимой матушки
Малешеньки онѣ и глупешеньки,
Не во полноемъ въ дѣвичьемъ возрастѣ.
Какъ я сяду ко своей матушкѣ,
Сяду я ко сердечку ретивому,
Положу я свои бѣлы бумажны рученьки
Ко ея сердечку ретивому —
И убьюсь я слезами горькими и горе-горькими:
Такъ учули сосѣди порядовные,
Учули и братья да жалостливые —
И пришли къ намъ въ тепловатое гнѣздышко.
Мы бужаемъ свою кормилицу матушку,
Но отпихиваютъ насъ прочь отъ своей да родимой матушки
Свои да сосѣди порядовные.
Я захвачу за шейку свою родитель матушку,
Припаду къ ея устамъ да сахарнымъ,
Но одолѣли ее крѣпки сны да забудущіе,
Застыли ея бѣлыя рученьки.
Я отогрѣю ея бѣлыя рученьки,
Какъ положу ихъ во свою-ли да во теплую пазуху.
Не отогрѣть-то ихъ да и не оттаяти
Выпали ручки изъ теплыя пазушки
Мы червочкой вкругъ ея да увиваемся,
Косатой ласточкой ея да извивается.
На кого ты держишь крѣпкую надѣю великую,
Что покинула ты малыхъ дѣточекъ?
Отъ кого-то мы станемъ глядѣть доброты
Да ласкость великія мы — та малыя дѣточки?
Мы находимся по міру,—народу крещенному,
Насбираемся кусочковъ поданныхъ.

Зап. учит. Петрозаводск. Духовн. училища, Л. Малиновскимъ.

Тоже.

Смоленской губерніи, Вяземскаго у., с. Рыхлово.

2529.

Родимая матушка,
На кого жъ ты мене покинула?
Возьми жъ ты мене, горькую,
Несчастную къ себѣ,
Подъ правое свое крылышко;
Не давай мнѣ много горя мыкать,
Чужимъ людямъ надоѣдать.
Насудются люди добрые,
Наговорятся всячина.
Родимая наша матушка!
Съ какой намъ сторонушки
Тебе ждать будетъ?
Отъ кого мы ласковое слово услышимъ?...

Калужской губерніи, Тар. у., с. Маковицы.

2530.

Родимая матушка,
Желанная матушка!
На кого жъ ты насъ (или: мене, горькую), бросила?
Кто объ насъ обдумаетъ,
И кому мы будемъ нужны,
Кому мы будемъ бόльны,
И кто объ насъ такъ соболѣтся,
Какъ ты была, наша матушка?
Куды мы ни придемъ,
Куды ни прибудемъ,
Ты насъ стрѣчала,
Стрѣчала ты насъ, ласкала;
А теперь мы, горькіи,
Никому не будемъ бόльны
И никому не нужны;
И напоминать про насъ будетъ некому,
И стрѣтить некому
И приклониться намъ будетъ нѐ къ кому!

Если дочь замужняя, то она прибавляетъ слѣдующія три стиха:

(Зарастутъ мои всѣ стёжечки-дорожечки,
Перестанутъ ходить мои ноженьки
Ко родимой моей матушкѣ»).
Я приду къ ея могилушкѣ,
Возбужу свою родимаю матушку:
«Встань-ка, проснися, моя матушка,
Воскинь ты свои очи ясныя,
Промолви хоть одно словечко
Со мною, горькой сиротою!
Трудно мнѣ, горькою, жить въ чужихъ людяхъ,
Подумать мнѣ не съ кѣмъ,
И слово сказать некому».
Со всѣхъ сторонушекъ холоднай вѣтеръ дуетъ;
Ни съ одной стороны мене не пригрѣетъ.
Возьми меня, родимая матушка,
Къ себѣ подъ правое крылушко.
Не давай-ка мнѣ, горькою,
На свѣтѣ страдать и горе мыкать.

Зап. студент. филологич. факульт. Москов. унив Марковымъ. Сообщ. В. Ѳ. Миллеромъ

Тоже.

Тульской губерніи, Епифанск. у.

2531.

Родимая ты, моя матушка,
На горе ты меня зародила!

Пошла я горе безъ тебя мыкать.
Бывало, ты мнѣ все готовила,
Бывало, ты мнѣ все припасала,
А теперь я стану, горькая, горе мыкать,
Никто со мной думушку не подумаетъ,
Тайное словечко никто не промолвѣетъ.
Что ты, моя кормилица,
Крѣпко спишь, не проснисьси?
Скрѣпила ты свое сердечушко
Крѣпче горючаго камышка.
Нигдѣ я тебя не завижу,
Слѣдочка твово не увижу,
Голосочка твово не услышу.

Зап. мною.

Причитанія дочери по отцѣ.

Ярославской губерніи, Пошехонскаго у.

2532.

Раступися мать сыра земля,
Пріоткройся гробова доска,
Распахнися саванъ вытканный,
На лицо рукой покинутый!
Встань родимой батюшко,
Пробудись отъ сна отъ крѣпкаго
Отъ сна крѣпкаго, вѣковѣчнаго!
Погляди на насъ, желаненькой!
Подвимись на скоры поженьки,
Приласкай руками бѣлыми
Насъ сиротокъ безпривѣтнинькихъ,
Безпривѣтныхъ, горегорькіихъ.
Пожалѣй-ко насъ, кормилецъ батюшко,
Отъ радѣнья—ретива сердца.
Ты приди кормилецъ батюшко,
Ты приди — пожалуй родинькой
Во свой новый, благодатный домъ
На повѣтушки тесовыя,
На дворы свои широкіе,
Во избушечки уютныя,
Отъ морозу—въ зимы—теплыя.
Мы возьмемъ тебя за рученьки,
И посадимъ радость милаго,
За столы-то за дубовые,
За скатерки самобраныя;
И сиди-ко ты, кормилецъ нашъ,
На лавочкахъ-т тесовыхъ,
На пробойн ъ кленовыехъ.
Мы, теб батюшко,
Всѣ п ько,
Ниже п земли,
Всякимъ ъ,
Наглядимс.

2533.

Взойди ты, ясное солнышко,
Со восточной-то со сторонушки,
Покажись ярчѣе по небу,
Освѣти ты землю матушку,
Урони лучи ты ясные
На могилушку болѣзнова,
Чтобы мой-то родимый батюшко
Не сидѣлъ во тьмѣ кромѣшноей,
Чтобы ему, родимому, не горевати,
Съ тоской не битися, не тосковати!
Взойди, взойди, свѣтелъ мѣсяцъ!
Ты взойди яснѣй со вечера,
Свѣти свѣтлѣй во всю ноченьку,
Освѣти всю землю матушку,
Урони лучи на могилушку
Мово-то кормильца-батюшки
Чтобы свѣтлѣй-то ему было лежати
Во сырой землѣ, не горевати
По своимъ-то дѣткамъ милыёмъ.
Вѣтеръ вѣтровичъ, ты буйненькій!
Ты развѣйся-ко, разбушуйся-ко
Въ темну ноченьку до полуночи!
Принеси-ко вѣсточку радостну,
Моему-то кормильцу-батюшку,
Что поёмъ-то мы сокрушаемся,
За его-то мы слезно плачемся,
Во слезахъ-то усердно молимся.

2534.

Я сама, млада младешенька,
Безъ ума стала, безъ разума.
Не пойму какъ не сдогодалася,
Што ты къ намъ ужъ не пожалуешь
Въ дороги гости, родиминькой.
Я пришла-то въ свѣтлу свѣтлицу,
Я пришла, — не оглядѣлася,
И глядѣть — не доглядѣтися
Мнѣ тебѣ во вѣки вѣчные.
Коли я о чемъ подумаю —
Ты, родимый, мнѣ представишься,
Я зальюся горючимъ слезамъ,
Все же нѣтъ тебя, не выплачу, —
Не вернешься въ свѣтлу свѣтлицу.

Всѣ 3 зап. Дерунивымъ. Сообщ. Этногр. Отдѣл. И. О. Л. Е. А. и Э.

По отцѣ.

Олонецкой губерніи.

2535.

На своей на родимой на сторонушкѣ
Сквозь туманъ да пекетъ красно солнышко:
Заунывъ стоитъ висока горенка;
Призаплакались окошечки косящаты,
Подломились да новы сѣни рѣшетчаты,
Разсыпалась частоступчатая лѣсенка,
Закатилась да схоже-красно солнышко.
Не дивите-ко, люди добрые,
Да сусѣди порядовные,
На мои стихи, причеты неумильные!
Вѣдь не пекетъ два схожія солнышка,
Не живетъ да два родителя батюшка!
Одна моя стѣна, ограда бѣлокаменна,
Одинъ да доброхотъ — родитель батюшка.
И всего того тошнѣе да обиднѣе,
Что не была у своего родителя у батюшка
Какъ при той порѣ, да времячкѣ,
Какъ разставалась душа съ бѣлымъ тѣломъ,
Выкатилось зрѣнье и смотрѣньице
Изъ бѣлыхъ ясныхъ очей.
Это что за чудо за чудное!
Раньше было, какъ па собраньи людей добрыихъ,
Онъ имѣлъ совѣтъ съ господами, купцами и
боярами.
Теперь же что несетъ гнѣвъ сердце великое?
— Наѣхали гости къ нему, въ бѣлую палату;
Онъ прежде встрѣчалъ ихъ и честь давалъ,
Теперь, ужъ видно, гости пріѣхали
Не по уму ему, да не по разуму;
Пойдите, дочери — бѣлые голубушки,
Побужайте да родителя батюшка:
Одолѣли тебя крѣпки сны да забудущіе?
Это мало живетъ да водится,
Что заговоритъ покойный словечко единое.
Подавай да листъ бумажку гербовую
Ему да во правую рученку!
Напиши, да добрый батюшко,
Свое рукописаньице,
Своей да доброй матушкѣ чѣмъ воспитатися
При старости лѣтъ, да и при дряпности.

Зап. со словъ крест. Дрыгиной учит. Петрозаводск. духовн. училища Л. Малиновскій. Олонецк. Сборн., вып. 2-ой Петрозав. 1886 г.

Той же губ. и у.

(Дополненіе къ предыдущимъ).

2536.

Когда покойника относятъ въ церковь для отпѣванія и когда затѣмъ отпускаютъ его въ могилу, то причитаютъ слѣдующее при которое называется: послѣднимъ разом Оно причитается одинаково какъ по м тери, такъ и по мужѣ и другихъ родн мѣняя только слова, по комъ идетъ рѣ

Во останное свиданьецо,
Во послѣднее разставаньецо.
Попрощайся лада милая!
Не видаться въ вѣки по вѣки!
При послѣднемъ пирѣ-времечкѣ,
Ты когда въ гости посулишься:
По утру ли ты ранехонько,
Въ вечеру ли ты позднехонько,
Или ночью близь полуночи?
Я тогда бы, разнесчастная,
Спать не стала въ это времячко.
Я сидѣла бы, несчастная,
У косякчота окошечка,
Я глядѣла бы въ сторонушку,
Въ луговую полуденную,
Что ко Дмитрію къ Солунскому.
Я узнала-бы, несчастная
Изъ далека ладу милую,
Середь поля, середь чистаго,
По за рѣченькѣ изгибается,
Въ зеленомъ лугу широкомъ
Подъ туманомъ бы подъ утреннимъ
Подъ тьмою ли вечернею,
При звѣздахъ ли въ ночку свѣтлу
Я узнаю тебя, сокола,
По походочкѣ постатною,
По бѣлу лицу румяному.
Я бы вышла, тебя встрѣтила,
Середи поля широкого,
Середи луга зеленаго,
Возлѣ рѣченкѣ па бережкѣ,
Я бросилась бы, несчастная,
На твою па грудь высокую,
Залилась бы горючимъ слезамъ;
Я сказала бы словечушко:
Гдѣ взялась ты, лада милая?
Я взяла бы, лада милая,
За бѣлы тебя, за рученьки,
Привела бы въ спротскій домъ,
Ко сиротамъ бы, милымъ дѣтушкамъ
Посадила бы къ окошечку,
Ко переднему, къ косякчотому;
Посадили бъ рядомъ дѣтушекъ,
Я сама бы сѣла супротивъ,
Передъ очи на скамеечку, —
Залилась бы я, несчастная,
Горючимъ слезамъ, рыдаючи,
Стала бы разсказывать
Про свое житье, сиротчество. . .

Нѣтъ! не быть тому, не видывать
Мнѣ во вѣки ладу милую!
Не всплывать камню поверхъ воды,
Не бывать веснѣ середь зимы,
Не цвѣсти травонькѣ по снѣгу, —
Моя радость не воротится!
Раньше старость подвигается..
Не придешь ты, ладо-милая,
Ко мнѣ въ гости, молодехонькѣ
И ко малымъ своимъ къ дѣтушкамъ.
Не вставать-то ладѣ милому
Изъ сырой земли-то матушки,
Не видать-то свѣта бѣлаго,
Солнца краснаго весеняго.
Что изъ той-то изъ сторонушки
Нѣтъ не выходу, ни вьѣзду.

Похоронивъ покойника, родные возвра- отся въ домъ, гдѣ приготовляется обѣдъ. Не- мѣнною обязанностью считается послѣ смерти ойника помянуть его хлѣбомъ-солью. Чѣмъ ыше бываетъ за обѣдомъ народу, тѣмъ лучше. огда у богатаго крестьянина за столомъ на инкахъ сидитъ все селеніе—малые и старые. вратившіяся отъ свѣжей могилы жена или ери умершаго, причитаютъ слѣдующій при- ь:

Ты послушай-ко, родимая матушка,
Моя радость ты великая!
Подойди, моя жаланная,
Къ столамъ ты къ дубовыимъ,
Ко скатеркамъ самобраныимъ,
Ко всѣмъ сродничкамъ, пріятелямъ,
Ихъ попотчуй-ка, родимая,
Сладкимъ яствами...
Помянули бы, болѣзные,
Мою ладу милую.
Не прогнѣвайтесь, болѣзные,
На меня, на горемычную,
Что не потчую васъ хлѣбомъ-солію, —
Что отъ горя-то отъ великаго
Мои ноги-то подкосилися,
Бѣлы руки-то опустилися,
Помутился умъ со разумомъ.
Вы подумайте, болѣзные,
Какъ мнѣ жить-то, молодехонькѣ,
Безъ своей-то лады милыя,
Со малыми дѣтками съ глупыми?
Вѣдь малымъ онѣ малехоньки,
И глупымъ онѣ глупехоньки!
Я открою-ко окошечко:
Не летитъ ли лада-милая
Перелетной вольной пташечкой,
Иль сизымъ орломъ въ поднебесьи?
Я къ нему бъ, вдова, заплакала,
Чтобы сѣлъ онъ на окошечко
И послушалъ, какъ я, горькая,
Слезы лью съ своимъ сиротушкомъ.
Какъ придетъ-то зима вьюжная
Со морозами съ стрекучами,
Со снѣгами-то со бѣлыми —
Назноблюсь я, лада милая,
Безъ тебя, безъ ясна сокола.
Какъ растаютъ снѣги бѣлые,
Протекутъ-то рѣки быстрыя,
Какъ придетъ-то весна красная,
И придетъ-то лѣто теплое
Съ работушкой съ тяжелою:
Какъ пойдутъ-то люди добрыя
На работушку на страдную, —
Всѣ пойдутъ мои товарочки
Со своими ладамъ милыми, —
Имъ работушка тяжелая
Не тяжелою покажется.
Я возьму, млада младехонька,
На работу на тяжелую
Своихъ дѣтокъ малыихъ.
На работѣ всѣ товарочки
Веселымъ-то веселехонько,
Я то, горемычная,
Лишь зальюся горючимъ слезамъ.
Я косить буду, несчастная,
Тупой косой траву шелковую.
Вся трава-то зеленехонька,
Всѣ цвѣты кругомъ алехоньки.
Докошусь я, разнесчастная,
До одного цвѣтка до блеклаго, —
Я надъ нимъ-то разстоскуюся
И зальюся горючимъ слезамъ:
Знать-то этотъ блеклый цвѣточекъ
Не расцвѣлъ, пресохъ безъ времени.
Этотъ цвѣтокъ — лада милая!
Не пора бы, лада милая,
Не пора бъ тебѣ, не времячко
Умереть лежать въ сырой землѣ.
Я возьму жъ этотъ цвѣточекъ
На свои на руки бѣлыя,
Принесу его въ сиротскій домъ.

Хоронить покойника слѣдуетъ въ той самой рубахѣ, въ которой онъ умеръ, или же положить эту рубаху съ нимъ въ гробъ.

Умершаго обмываютъ водою, причесываютъ, надѣваютъ на него новое, нарочно сшитое, бѣлье, которое и называется *бѣлье на смерть*, поверхъ рубахи надѣваютъ саванъ (изъ полотна), на ноги надѣваютъ башмаки, сшитые изъ сукна, или лапти. Если башмаки окажутся широки, или саванъ длиннымъ, то это предвѣщаетъ новаго покойника.

Оставшіяся отъ шитья нитки и обрѣзки должно положить во гробъ къ покойнику; также кладутъ ему туда въ головы вѣнокъ.

Перваго умершаго въ домѣ покойника слѣдуетъ выносить изъ дома не въ дверь, а въ окно.

Когда покойника выносятъ изъ дому, то впередъ посылаютъ кого-нибудь съ обрѣзкомъ холста или полотна (аршина въ два) и этотъ обрѣзокъ отдаютъ первому встрѣчному, что и называется «первой стрѣчей». Думаютъ будто съ этимъ покойникомъ и встрѣтится на томъ свѣтѣ принявшій встрѣчу.

Если при отпѣваніи покойника въ церкви, во время кажденія выпадетъ изъ кадила уголь, то быть еще въ томъ домѣ въ скоромъ времени покойнику.

Когда покойника выносятъ изъ дома, то не останавливаются, потому что остановка предвѣщаетъ еще покойника.

Отцу не слѣдуетъ выносить изъ дому своихъ умершихъ дѣтей, потому что тогда ему придется видѣть всѣхъ своихъ дѣтей умершими прежде себя.

По выносѣ изъ дома метутъ избу и соръ весь сжигаютъ въ печкѣ, чтобы не бояться покойниковъ.

Если умирающій долго мучится предсмертными муками, то спрыскиваютъ святою Богоявленскою водою его и все его окружающее,— для того, чтобы дьяволы отлетали прочь отъ умирающаго и не мѣшали ангелу Господня взять его душу.

Душа умершаго человѣка каждодневно посѣщаетъ свое жилище и всѣ тѣ мѣста, гдѣ она бывала и дѣйствовала. Ангелъ ее носитъ и показываетъ ей хорошія дѣла, а дьяволъ худыя. Поэтому въ продолженіе 40 дней и творятъ поминовенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда вывѣшиваютъ изъ окна (къ переднему углу) избы на улицу полотенцо, или просто тряпку, которую, по истеченіи сороковаго дня бросаютъ на воду— въ рѣку или прудъ и т. п. Это дѣлается для того, чтобы душѣ покойника, умывающейся каждый разъ по возвращеніи въ домъ, было бы чѣмъ утереться.

По истеченіи сорока дней душа умершаго садится въ уготованное ей на томъ свѣтѣ мѣсто: Если душа была праведная, то она садится въ свѣтлое мѣсто, если же не праведная,— то въ темное.

Въ разные дни года, какъ-то: въ родительскія субботы, въ день смерти, въ день тезоименитства родственники умершаго совершаютъ по немъ поминки: служатъ панихиды, ставятъ свѣчи, затепляютъ лампады, подаютъ нищимъ пироговъ и разнаго рода милостыни. Въ эти дни и въ церковь носятъ пироги, которые и отдаютъ церковнослужителямъ. За всѣ подобныя поминовенія и подачки покойникъ, если душа его оказалась въ темномъ мѣстѣ, получаетъ отраду и видитъ свѣтъ. Поминаютъ умершихъ особенно за блинами и киселемъ съ медомъ. Безъ киселя и поминки не въ поминки. Поминальныя трапезы по умершимъ весьма распространены въ нашемъ уѣздѣ и очень чтутся народомъ.

Душа утопившагося или удавившаго проваливается въ тартарары.

На могилы умершихъ во время поминовенія сыплютъ разныя хлѣбныя зерна,— жита, овса и ржи — для птицъ. Если умершій умеръ насильственной смертью: отравился, удавился или задушился, то птицы не тронутъ насыпанныхъ зеренъ. Обычай кормить птицъ во дни поминовенія усопшихъ тоже весьма распространенъ среди крестьянскаго населенія нашего уѣзда. Многіе говорятъ, что птица небесная лучше помянетъ покойника, чѣмъ человѣкъ.

Въ заключеніе еще одинъ причетъ по отцѣ дочери, оставшейся съ мачихой.

2537.

По тиху, по позду по вечеру,
Была на милой па сторонушкѣ,
У своего да у родителя батюшки.
Сидѣла я на мягкихъ пуховыхъ перинушкахъ
И проспла крѣпкаго благословеньица.
Какъ я встала по утру ранешенько,—
Пришла нерадостная вѣсточка,
Нерадостная вѣсточка, не веселая:
«Нѣтъ во живности родителя батюшка!»
По малешеньку иду да потихошеньку
На свою на родиму на сторонушку.
Не гнутся подо мной ножки рѣзвыя,
Не глядятъ мои очи ясныя,
Не вздымаются мои ручки бѣлыя,
Пріунывъ стоитъ высока горница,
Позаплакались окошка косящаты,
Приразсыпалась частоступчатая лѣсенка.
Взошла я во сѣни во новыя,—
Призаплакались стѣнки сосновыя,
Оглядѣлась на народъ да на крещенный:
Погляжу по новой высокой горницѣ...
Гдѣ же доброхотъ мой, родитель батюшка?
Онъ сряженъ лежитъ, обряженъ

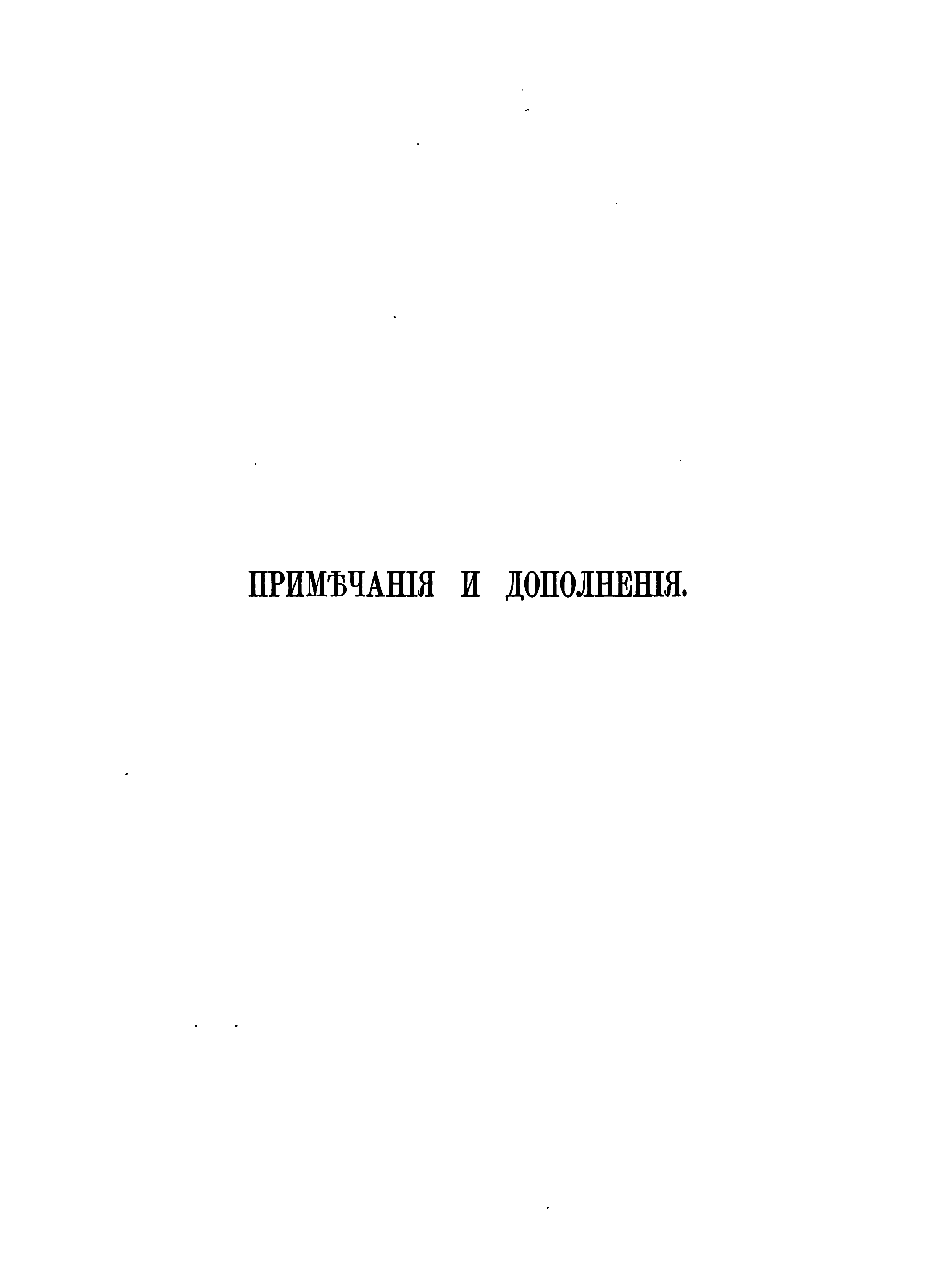
Въ умиральпо платье цвѣтное.
И я сѣла тутъ къ родителю батюшкѣ
Подъ правое крылышко,
Стала бужать да родителя батюшку:
«Доброхотъ да родитель батюшка!
Наказалъ-ли ты молодой женѣ,
Моей-ли чужеспальчивой мачихѣ,
Наказалъ-ли пріючать [1]) меня на свою родимую сторонушку
Во свое да тепловатое гнѣздышко?»
Какъ станетъ пріючать меня кормилица-матушка
На свою родимую сторонушку,
Не заростетъ путь-дорожка широкая
На милую сторонушку. —
Есть и малая сестрица родимая —
У насъ съ ней совѣтъ дума да соединая.
Не стала пріючать меня родимая матушка

[1]) Принимать, пріютить.

На свою родимую на сторону, —
И заросла путь-дороженька
Мелкимъ ельничкомъ и березничкомъ
И частымъ орѣшничкомъ!
Какъ въ веснѣ, по веснѣ красной
Что-то мнѣ почудилось, да послышалось,
Что во темномъ лѣсу, да во березничкѣ,
Во березничкѣ да во орѣшничкѣ:
Тамъ кукуетъ горе-горькая кукушечка,
Тамъ тоскуетъ моя милая сестрица и горюетъ.
Тамъ, видно, стошнилось ей по родимомъ родителѣ;
Видно, не издачна [1]) да чужая сторонушка,
Непохвальна неволя великая.

Зап. С. Я. Деруновымъ. Сообщ. Е. И. Якушкинымъ.

[1]) Не гостепріимна.



ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Вар. къ №№ 26 и 27, стр. 9.

2538.

Новгородск. губ. Кирилловск. у.

«Куколка моховая
Гдѣ ночéсь ночевала?»
— Подъ кусточкомъ, подъ березкой.
Шли мужики—скороходы,
Выломили по пруточку,
Сдѣлали по гудочку.
«Вы ли, гудки, не гудите,
Батюшка моего не будите!
Батюшка мой старенекъ,
Матушка молоденька,
Всѣ братья по службамъ,
Всѣ сестры по замужьямъ.
Брата Романа убили,
Подъ колоколъ захоронили,
Кадиломъ покадили,
Просворой помянули.
Некому поплакать,
Некому повоять:
Два волка сѣдатыхъ,
Двѣ свиньи горбатыхъ,—
Тѣмъ нельзя поплакать.

Зап. бывш. ученикомъ Тумбажскаго училища. Сообщ. инспекторъ народн. учил. 5-го района Новгородск. губ. Н. К. Рамзевичемъ.

Достойно вниманія, что во всѣхъ трехъ варіантахъ данной прібаутки, записанныхъ въ мѣстностяхъ, отстающихъ другъ отъ друга на весьма значительномъ разстояніи, упоминается объ убіеніи брата и опредѣленно о мѣстѣ его погребенія: по вар. Валдайскому и Перискому — подъ колоколомъ, т. е. подъ колокольней, а по Кирилловскому: противъ Спаса-Власо-Пряжи, въ Николы на горки. Едва-ли можно сомнѣваться, что тутъ кроется намекъ на дѣйствительное событіе, которое своей необычайностью произвело такое сильное впечатлѣніе на народъ, такъ поразило его воображеніе, его нравственное чувство, что онъ поспѣшилъ запечатлѣть его въ своемъ пѣснопѣніи для грядущаго потомства. Надо думать, что прежде, когда-то существовали (а можетъ быть существуютъ гдѣ-нибудь въ захолустьѣ и донынѣ) отдѣльныя пѣсни, цѣликомъ посвященныя тому кровавому событію, тусклое воспоминаніе о которомъ дошло теперь до насъ въ осколкахъ дѣтской прибаутки. Если изслѣдователи и бытописатели исторической старины найдутъ нелишнимъ принять къ свѣдѣнію согласное упоминаніе нашихъ варіантовъ о сути означеннаго факта, то имъ, быть можетъ, и удастся доискаться до болѣе подробнаго изображенія означеннаго событія.

Вар. къ №№ 102 и 103 (стр. 22), зап. мною въ Твери.

2539.

Бубенъ, ты бубенъ!
Отдай свою дочку
За нашего князя!
У нашего князя
Трое хоромъ,
Трое сѣней:
Курица ступила—
Сѣни проломила.
Изъ курицы перо,
Покатилося зерно
Подъ Иваново село.
Иванъ съ пестомъ,
Жена съ шестомъ.
Какъ поповы дѣти
Горохъ молотили,
Цѣпи поломали,
За-овинъ покидали.
Попъ погрозился,
Съ палатей свалился,
А попадья съ печки
Приломила плечки,
А пѣтухъ съ полички [1])
Проломилъ галички.

Вар. къ № 114 (стр. 24). Ряз. губ. Данк. у.

После стиха:
«Онъ играетъ во трубу»
продолжаетъ такъ:
Труба тóченая,
Позолоченная.

[1]) «*Полица* (отъ сл. *полка*), вообще всякая доска придѣланная на ребро къ стѣнѣ или къ поставцѣ, въ шкапу для постановки и поклажи чего». Слов. Даля.

Жена плеточки плететъ,
Свово мужа продаетъ
За лисицу, за тряпицу,
За лысаго кобеля
За медвѣдя п . . . на.

Къ № 117.

Этотъ № состоитъ собственно изъ двухъ прибаутокъ, изъ которыхъ первая оканчивается 7-мъ стихомъ и есть не что иное, какъ припѣвъ при игрѣ «Захарка». Игра эта практиковалась и практикуется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и теперь. Вотъ что говоритъ про нее Сахаровъ: (стр. 24) (приложеніе).

«Захарка, — игра дѣтская, веселитъ дѣтей и изъ ума выжившихъ старушекъ. Не имѣя ни-одной самобытной идеи, она за то не выражаетъ ни одной любопытной черты изъ семейной жизни. Кажется, что она родилась въ русскихъ селеніяхъ, гдѣ зимними вечерами хижины поселянъ освѣщаются горящими лучинами. Можетъ быть, предки имѣли свою цѣль, изобрѣтая эту игру, теперь намъ непонятную. Оттого мы въ ней теперь видимъ какую-то безотчетливость, указывающую прямо на дѣтскія наивности и на неосторожную беззаботность дряхлѣющихъ людей.

Старушка въ семействѣ, желая потѣшить дѣтей, беретъ пукъ лучины, сажаетъ ихъ около огня и каждому дитяти даетъ по лучинѣ. Дѣти зажигаютъ концы лучинокъ, махаютъ ими по воздуху, приговаривая за старушкою:

Гори, гори жарка!
Пріѣхалъ Захарко,
Самъ на телѣжкѣ,
Жена на кобылкѣ,
Дѣти на санкахъ,
Въ черныхъ шапкахъ.

Всѣ эти слова повторяются до тѣхъ поръ, пока сгорятъ лучины, или пока крикъ дѣтей, обожженныхъ лучинами, произведетъ порядочную суматоху. Въ селеніяхъ бабушки для этого только и сбираютъ дѣтей въ зимніе вечера въ одну избу позабавиться «захаркою.» Сахаровъ: сказ. р. н. т. I, стр. 84.

Изъ новѣйшихъ этнографовъ Е. А. Покровскій въ своей книгѣ: Дѣтскія игры, преимущественно русскія» (стр. 354) сообщаетъ слѣдующее объ этой игрѣ: «Захарка. Игра ведется почти исключительно въ лѣсныхъ губерніяхъ, между маленькими дѣтьми въ длинные осенніе или зимніе вечера. Для этого они собираются въ какую-нибудь пустую избу, въ отсутствіе стариковъ изъ дому, берутъ пукъ лучины, зажигаютъ его отъ свѣтца, т. е. той подставки, въ которой укрѣпляютъ лучину для горѣнія, даютъ каждому по лучинкѣ и каждый, махая по воздуху, сначала горящей, а потомъ превратившейся въ красный уголь, лучинкой, приговариваютъ на распѣвъ: «Гори, гори ярко и т. д. безъ перемѣны. Это повторяется до тѣхъ поръ пока лучинка не превратится въ черно-красный уголь. Затѣмъ и снова зажигаютъ и повторяютъ тотъ-же припѣвъ до тѣхъ поръ, пока вся лучина сгоритъ. Ср. также выше, № 269 описаніе игры «Курилка».

Къ № 118 (стр. 25). По вар. изъ Тульской г., Крапив. у., Ясная Поляна. Послѣ стиха:

«Я по курочкѣ цѣпомъ» продолжается такъ:

Она къ верху зобомъ,
Завертѣлась колесомъ.
Воробей нищитъ,
Сто рублей тащитъ.

Вар. къ № 280. (Изъ с. Ваныны, Зарайскаго у. Ряз. губ.

Около больн. няни играющія дѣти поютъ такъ:

Костромужка Кострома!
«Ай канунъ до свѣчи,
Да горячи блины,
Пошенишны пироги».

Затѣмъ слѣдуетъ разговоръ такой:
«Живъ-ли Костромушка?»
— Боленъ.
Опять сначала и опять:
«Живъ-ли Костромушка?»
— Выздоравливаетъ.

Въ третій разъ на этотъ вопросъ отвѣчаютъ: «всталъ».

Въ четвертый «пошелъ».

Сообщ. учит. народнаго училища Кедровъ. Ср. также описаніе этой игры у Покровскаго «Дѣтскія игры», стр. 197—198.

Во II отдѣлѣ этого сборника (стр. 367—371) читатель вѣроятно ужъ обратилъ свое вниманіе на подробное описаніе «обычая хороненія Костромы» (въ Муромск. у. Владимірской губ.), откуда онъ могъ увидѣть что загадочная современная дѣтская игра Костромы есть не что иное какъ убогій только обломокъ ритуальнаго обряда глубокой языческой древности.

Въ 1858 г. я записалъ отъ одной няни Корчевск. у. (Тверской губ.) еще слѣдующій варіантъ,

составляющій, какъ видно, только отрывокъ изъ неизвѣстнаго намъ цѣлаго:

Костромушка, кострома,
Государева жена!
На костромушки блинки,
Блинки съ творожкомъ,
Кисель съ молочкомъ.

—

Ложки крашеныя,
Ложки гнутся,
Носъ трясется,
Сердце радуется.

По смыслу здѣсь кострома означаетъ какъ будто какую-то кухонную посуду, въ родѣ сковороды, или кострюльки. Въ Петрозаводск. у., Олонецкой губерніи: «Кострома»—растущая во ржи сорная трава (плевелы): «Сей годъ во ржи костромы много.» Дополнен. къ «Опыту великорусскаго областнаго словаря.»

Послѣдній вар. можетъ служить новымъ доказательствомъ, что пѣсня, разъ вырванная изъ рамки своей исконной обрядности съ теченіемъ времени то и дѣло сокращается, видоизмѣняется до неузнаваемости и наконецъ примѣняется къ обстоятельствамъ далеко ей несроднымъ, что еще болѣе выясняется изъ слѣдующаго примѣчанія.

Къ №№ 222—229 (стр. 88—39).

Въ сборникѣ «Дѣтскихъ пѣсенъ» Безсонова два варіанта этихъ прибаутокъ отнесены къ числу тѣхъ, которыя дѣвочки распѣваютъ, играя въ куклы, и озаглавлены: «Куклы ходятъ въ гости, ихъ потчуютъ.» Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти же прибаутки поются деревенскими нянями при убаюкиваніи и укачиваніи дѣтей. Но по большинству имѣющихся у меня варіантовъ этихъ прибаутокъ выходитъ, что они практикуются дѣтьми, владѣющими уже въ достаточной степени родной рѣчью, при играхъ, въ видѣ жеребьеваго приговора, такъ называемаго *конанья*, почему я ихъ и помѣстилъ въ этотъ разрядъ.

По замѣчанію Н. С. Хомякова въ предисловіи его «Къ русскимъ пѣснямъ изъ собранія П. В. Кирѣевскаго», напечатанныхъ въ I т. Московскаго Сборника (М. 1852 г.) наша прибаутка является пѣснею колыбельною. Замѣчаніе это, интересное само по себѣ, мнѣ показалось такъ поучительнымъ для изслѣдователей русской народной словесности, что считаю необходимымъ привести его здѣсь цѣликомъ, т. е. вмѣстѣ съ относящейся къ нему выноской:

«Самыя юридическія учрежденія старины нашей сохранились во многихъ мѣстахъ въ силѣ и свѣжести и живутъ въ преданіяхъ и пѣсняхъ народныхъ. Такъ напримѣръ однажды, входя въ комнату, въ которой кормилица, родомъ изъ сельца Солнушкова, Московской губерніи, укачивала мою дочь, я услышалъ такую колыбельную пѣсню, которая меня удивила. Слова ея мною были записаны, и вотъ ея содержаніе:

Ребенокъ зоветъ другого ребенка играть и веселиться вмѣстѣ:

«Ты куколка, я куколка,
Ты маленькая, я маленькая.
Приди ко мнѣ въ гости.»

Другой отвѣчаетъ:

«Я радешенька-бъ пошла,
Да боюся тіуна.»

Первый возражаетъ:

«Ты не бойся тіуна,—
Тіунъ тебѣ не судья,
Судья намъ Владыка.»

Переданное въ такомъ обрывочномъ видѣ содержаніе этой старобытной интересной пѣсенки весьма естественно вызвало во мнѣ желаніе познакомиться съ нею въ цѣломъ ея составѣ. Это мнѣ удалось только въ концѣ 50 годовъ, благодаря обязательнѣйшей любезности покойнаго И. С. Аксакова. Какъ я только заговорилъ съ нимъ объ упомянутомъ предисловіи Хомякова, онъ вспомнилъ тотчасъ, что по поводу его ему было прислано изъ Ростова замѣчаніе съ полнымъ текстомъ искомой мною пѣсни для помѣщенія во второмъ томѣ, приготовленнаго для печати (и запрещенномъ цензурой), Московскаго Сборника и съ полнымъ радушіемъ предложилъ мнѣ списать для себя, если желаю, все письмо почтеннаго Ростовскаго купца, но не иначе какъ тутъ же, въ его комнатѣ. Я, разумѣется, незамедлилъ воспользоваться его любезнымъ предложеніемъ. И вотъ это письмо въ пересказѣ редакціи Сборника.

«На дняхъ мы получили—письмо изъ Ростова[1]) отъ почетнаго гражданина П. В. Хлѣбникова, который сообщаетъ намъ, что эта пѣсня поется и до сихъ поръ въ Ростовскомъ уѣздѣ, но тамъ она не колыбельная. Тамъ она составляетъ особенный родъ игры, въ которую играютъ маленькія дѣти и преимущественно дѣвушки. Дѣти становятся въ кружокъ,—одинъ изъ нихъ выступаетъ на середину круга и начинаетъ говорить пѣсню:

2540.

«Ты куколка,
«Я куколка;
«Ты маленькая,
«Я маленькая,—
«Гдѣ ты была?»

---

[1]) Ярославской губ.

— У вечерни пробыла.
«Что ты въ гости не пришла?»
— Боялася теуна.
«Теунъ тебѣ не судья, —
«Судья владыка.»
Владыковы дѣти,
Хотятъ улетѣти....
Шишелъ [1]) вышелъ,
Вонъ пошелъ!

Стоящій въ серединѣ круга при первомъ стихѣ дотрогивается рукою до одной изъ составляющихъ кругъ, при второмъ стихѣ до сосѣда того, до котораго она уже прежде дотронулась и т. д. обходитъ весь кругъ. Тотъ, на которомъ, при послѣднемъ стихѣ: «вонъ пошелъ» остановится его рука, выходитъ изъ круга. Такъ продолжается игра до тѣхъ поръ, пока въ кругу останется всего одинъ. Этого оставшагося начинаютъ дразнить словами: «Окова продѣта! Окова продѣта!» а она обязана всѣхъ переловить. Пойманный дразнить уже не можетъ. Когда уже будутъ пойманы всѣ, то они вмѣстѣ нападаютъ на ловившаго ихъ, начинаютъ его тормошить и щекотать. Тѣмъ и оканчивается игра.

Примѣчаніе редакціи Сборника:

«Ростовцевъ и до сихъ поръ въ народѣ называютъ въ шутку *«оковниками»*. Извѣстно, что въ древнія времена существовала хлѣбная мѣра *«оковъ»* (отъ оковки желѣзными обручами). Въ Ростовскомъ уѣздѣ, по словамъ г. Хлѣбникова, есть преданіе, будто Ростовцы во время голода, первые раздѣлили эту мѣру на части: четверть окова составила нынѣшнюю четверть, осьмая часть названа осьминой, а 16 часть—кадью. Впрочемъ, все это не объясняетъ, по нашему мнѣнію, ни значенія словъ: «окова продѣта», ни того, какимъ образомъ попали они въ дѣтскую игру.»

И въ Вологодской губерніи у дѣтей въ ходу эта жеребьевая пѣсенька подобнымъ же образомъ. Вотъ какъ объ этомъ сообщаетъ Н. А. Иваницкій.

«Весной, какъ только первая лужайка растаетъ, въ какой-нибудь праздникъ, собираются дѣти, становятся въ кругъ, а одинъ въ средину. Этотъ послѣдній поворачивается вокругъ себя, дотрогивается каждому до груди и говоритъ: «ты куколка, я куколка, зачѣмъ долго не была? побоялась типуна. Типу, типу, не судья, ради кошеля, шишелъ, вышелъ, вонъ пошелъ.» На кого упало слово: пошелъ, тотъ отходитъ до послѣдняго. Кто остался, тотъ бѣгаетъ за другими и ловитъ. Кого поймаютъ, тотъ въ свою очередь долженъ ловить, и т. д.»

Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи. Изв. И. Об. Л. Е. А. и Э. Труды Этногр. Отд. т. XX, вып. а, стр. 159.

«Въ заозерномъ селѣ Угодичахъ, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи доселѣ удержался обрядъ завиванія нитокъ, — при чемъ поется пѣсня «Куколка». Правда, въ послѣднее время этотъ обрядъ держится только у малолѣтнихъ дѣвочекъ, тогда, какъ немного лѣтъ тому назадъ, завиваніе нитокъ было обязательно для всѣхъ взрослыхъ дѣвицъ. Обрядъ этотъ совершается теперь въ Угодичахъ слѣдующимъ образомъ: небольшія дѣвочки собираются въ недѣлю Женъ Мνроносицъ въ извѣстномъ количествѣ въ домѣ одной изъ нихъ и составляютъ изъ извѣстнаго числа нитокъ кольцеобразно «плетеницу», которую украшаютъ различными лентами и сквозь нее онѣ поочередно цѣлуются попарно, каждая съ избранной своей подругой. Это у нихъ называется «Кумиться». Потомъ онѣ вѣшаютъ эту плетеницу-кольцо секретно отъ другихъ, на малиновый или смородинный кустъ, предварительно избравъ изъ среды себя должностныхъ лицъ: *куму, подкумье* и *раскумье*. Въ это время каждая пара имѣетъ все общее между собою (?), не исключая и пищи, которую приносятъ онѣ каждая съ собою, потомъ изъ общихъ припасовъ изготовляютъ для нихъ чай и хорошій обѣдъ и ужинъ. Въ тотъ день, ходятъ онѣ къ обѣднѣ, кромѣ кумы и подкумья, которыя въ это время убираютъ въ тайное мѣсто, извѣстное только имъ двумъ, кольцо-плетеницу. Послѣобѣденное время, до ужина онѣ проводятъ въ разныхъ играхъ, увеселеніяхъ и пѣніи пѣсенъ.

«Это первая половина загадочнаго обряда. Вторая половина заканчивается Троицынымъ днемъ; до обѣдни всѣ, кромѣ кумы—ищутъ спрятанную плетеницу, а нашедши, развиваютъ ленты съ нея и украшаютъ ими березку. Потомъ всѣ идутъ къ обѣднѣ, послѣ которой тоже изъ общихъ припасовъ пьютъ чай, затѣмъ обѣдаютъ. Послѣ обѣда кума беретъ плетеницу, а подкумье разукрашенную лентами березку и всѣ гурьбой съ пѣснями идутъ по улицамъ къ озеру, гдѣ расплетаютъ плетеницу, дѣлятъ ее по частямъ между собою и спускаютъ нитки по воду, выводя изъ этого различныя замѣчанія о своемъ будущемъ [2]).

«Игры, пѣсни, чай и ужинъ заканчиваютъ этотъ таинственный обрядъ. Замѣчательно при этомъ то, что если которая дѣвица отстанетъ

[1]) Въ Ростовскомъ уѣздѣ употребляютъ иногда въ брани названіе *шишелъ*. X.

[2]) Ср. въ этомъ же сборн. Описанія Вознесенія, Семика и Троицына дня — стр. 342—347.

послѣ первой части обряда и не пожелаетъ участвовать въ другой, то она почитается измѣнницей и въ теченіе всего лѣта имѣютъ ее въ подозрѣніи и не принимаютъ въ свое общество.

Слова пѣсни слѣдующія:

2541.

Куколка, ты куколка!
Не малая — малая.
Зачѣмъ долго не была?
— Боялася тіуна
Тіунъ тебѣ не судья, —
Судья-то владыка.
Владыкины дѣти
Хотятъ улетѣти.
Шышелъ вышелъ, —
Вонъ пошелъ.»

Труды Этнограф. Отд. Общ. Люб. Е., Антроп. и Этн. книга VII, стр. 44—5. Сообщ. д. чл. А. А. Шитова.

—

Къ №№ 238—248 (стр. 41—45).

«*Первенчики*», говоритъ Сахаровъ, «игра дѣвушекъ невѣстъ, есть въ полной мѣрѣ игра отъ нечего дѣлать. Встарь наши бабушки не любили гулять по проспектамъ и бульварамъ, которыхъ тогда и не бывало, а сиживали съ своими внучками въ свѣтелкахъ и вышкахъ. Когда, въ праздничные дни все покоилось, затворницамъ надобно было дать какое-нибудь занятіе, и вотъ наши бабушки обучали своихъ внучекъ первенчикамъ. Спасибо бабушкамъ и за это утѣшеніе.»

«Четыре и болѣе дѣвушекъ садятся на полъ, въ кружокъ. Каждая изъ нихъ кладетъ на колѣни къ одной по два пальца. Тогда старшая начинаетъ скороговоркою поговаривать:

Первенчики,
Друженчики,
Трынцы
Волынцы,
Поповы
Ладанцы,
Цыкень,
Выкень!

«Произнося каждое изъ этихъ словъ, она указываетъ на одинъ изъ протянутыхъ пальцевъ, и на который достается слово «выкень», тотъ палецъ и выкидывается. Внимательныя дѣвушки успѣваютъ прятать свой палецъ, прежде нежели будетъ произнесено роковое «выкень!» Отклоняя такимъ образомъ, приговоръ, онѣ мучатъ дѣвушку надъ одною очередью часа по два и болѣе. Знающіе эту игру, въ одну очередь успѣваютъ отсчитывать всѣ пальцы, и чьей останется одинъ палецъ, та должна и начинать игру.

«Старушки разсказываютъ, что въ этой игрѣ дѣвушки часто засыпали, вмѣстѣ со своими бабушками. Вѣрно, имъ, бѣднымъ, было усладательно!» Сахаровъ: Сказ. р. н., т. I, стр. 77.

—

Къ №№ 360—362 у Соболевскаго II, 20—204.
— №№ 401—403 » II, 118—123.
— №№ 410—415 » II, 365—370.
— №№ 412—416 » IV, 122—134.
— №№ 419—421 » III, 274—288.
— №№ 422—424 » IV, 224—225, 286.
— № 425 » IV, 764—771.
— № 433 » I, 166—169.
— №№ 434—436 » I, 51, 54—57.
— №№ 438—443 » II, 561—570. См. также замѣчанія Т. И. Филиппова въ его Сборникѣ, стр. 31—34.
Къ №№ 444—447 у Соболевскаго III, 150—154.

2542.

Вар. къ № 447. Владимірск. губ., Покровскаго уѣзда, с. Арханино.

Разметемъ лужокъ,
Заведемъ кружокъ —
Круги заводить,
Пѣсни запѣвать,
Дѣвокъ выбирать.
Дѣвокъ выбрали,
Коней выдали, —
Моему дружку
Коня не дали.
«Ужъ ты милъ мой,
Милъ душа моя!
Какъ мнѣ жаль тебя,
Все не какъ себя.
Заложи меня,
Да купи коня, 2
Поѣзжай въ службу.
Въ службѣ выслужишь,
Меня выкупишь,
За себя возьмешь.»
Всѣ князья-друзья
Съ войны ѣдутъ,
Моего дружка
Въ завѣтѣ нѣтъ.
Одинъ конь бѣжитъ,
На немъ явь лежитъ, 2
Черна пухова шляпа.
Въ пуховой шляпѣ лежитъ
Мой шелковъ платокъ.
Мнѣ не жаль платка,
Что онъ въ шляпѣ носится

Только жаль дружка,
Что съ иной онъ водится.
Съ которой водится,
Съ той цалуется.

Зап. С. П. Мухановымъ. Сообщ. А. А. Шахматовымъ.

Къ №№ 452—455 у Соболевскаго. II, 624—632.
Къ №№ 462—463 »
Къ №№ 466—473 » I, 51, 54, 55, 57.
Къ №№ 549—550, 553—554 » II, 493—496.
Къ №№ 566—568 » II, 49, 51, 54, 55, 57.
Къ №№ 606—604 » II, 590—599
Къ №№ 612—613.

2543.

Вар. изъ Владим. г. Покровск. у.

Наварю я пива пьянова,
Накурю вина зеленова,
Напою я мужа пьянова,
Повалю его среди двора,
Завалю его соломою,
Подожгу его лучиною,
Сама выбѣгу на улицу,
Закричу во всю Ивановску:
«Не видали ли, какъ туча шла?
Не слыхали ли, какъ громъ гремѣлъ?
Мово мужа убило грозой,
А меня, младу, помиловала:
На печи въ углу валялася
Вся въ сажѣ перемазалася,
Меня туча испугалася,
Назадъ туча воротилася.»

Зап. С. П. Мухановымъ. Сообщ. А. А. Шахматовымъ. Ср. у Соболевск. III, 139—142.

Къ №№ 614—615 у Соболевскаго IV, 157—161.
Къ №№ 627—628 » II, 347—351, 353.
Къ № 692 » IV, 404—409.
Къ №№ 693—694 » IV, 374—382.
Къ №№ 709—712 » II, 205—212.
Къ №№ 730—732 » II, 29—294.
Къ №№ 750—753. Толкованіе смысла этой *канибальской* пѣсни см. въ сочиненіи профессора Л. Воеводскаго: «Канибализмъ въ греческой миѳологіи», стр. 62—63. При этомъ нужно замѣтить, что въ Тимск. у. Курск. губ. эта пѣсня поется скорымъ темпомъ и подъ ней пляшутъ.
Къ № 755 у Соболевскаго V, 223—231.
Къ №№ 765—766 у Соболевскаго V, 177—183.
Къ №№ 775—777 » III, 500—503.
Къ №№ 778—780 » III, 483—488.
Къ №№ 781—782 » V, 104.
Къ №№ 797—801 » I, 442, 444, 448.
Къ №№ 812—820 » I, 449—463. Срав. также въ моихъ «Матер. для изученія быта и яз. русск. населенія С.-З. края». Т. I, ч. I, 177, и мой же сборн. «Бѣлор. народн. пѣсни». №№ 158 и 159, тамъ же 395.

Къ №№ 821—827, стр. 216—219. (Отравленіе брата) у Соболевскаго т. I, стр. 140—143, 145—146. Вар. бѣлорусск. см. въ вышеназван. моихъ: «Матеріалахъ» т. I, ч. I, №№ 543—544.

Вар. малорусскія:

2544.

— Ой дивчино, дівчинонько!
— Люби мене молодого:
— Будешъ мати мужа свого!
«Ой якъ мині тебе любить,
Братъ приіде, то буде бить!»
— Иструй братіка рідного:
— Будешъ мати миленького! —
«Якъ не знаю, коли умру,
«Такъ не знаю, чимъ счарую.»
— Ой у полі калинонька,
На калині гадинонька:
Підставъ, дівко, коновочку
Підъ гадючу головочку.»
Якъ набрала тй чари —
И тимъ брата чаровала.
Еще братікъ у дорозі —
А вже чари на порозі,
Тілько братікъ приіздждае,
Сестра къ брату виходжае.
Братъ до сестри дароньками,
Сестра къ брату чароньками.
— Ой на, сестро, уберися:
— Иди до саду проходися. —
«Ой напийсь, братку, пива
Шо я сама наварила.»
Якъ, братікъ, пива напився —
Зъ кониченька вирогого,
Зъ сіделечка золотого.
«Иди, братку, до комнати,
Въ білу постіль—ставъ канати.
Стала дівча листъ писати:
«Ой до мене, дворанине!
«Бо муй братікъ марно гине.»
— Дурная дівчина,
— Рідного брата струіла:
— Струіла-сь брата родного,
— Струішъ мене молодого.
Не пошла дівка за казака,
Тілько пошла за жебрака.
Жебракъ ходить, хліба просить,
А дівчина торбу носить.
Кусокъ хліба вложить въ торбу,
А дівчину вдарить въ морду.
Повій, вітре буйнесенькій,
На мой розумъ дурнесенькій.

Примѣч. Слово *чары* означаетъ часто, какъ и здѣсь, ядъ. Южноруссы думаютъ, что знаніе ядовитыхъ свойствъ вещей пріобрѣтается знакомствомъ съ злыми духами.

Народн. пѣсни, собр. въ западн. части Волынской губ. въ 1844 г. Н. Костомаровымъ, напечат. въ Малорусск. Литерат. Сборникѣ Д. Мордовцева 1859 г. стр. 217.

2545.

Минской губ. Пинскаго у.

«Чому дѣвче пышно ходишъ?
«Чому ко мни не заходишъ?
— Якъ же мни выходити,
— Маю брата, буде бити
«Счаруй брата, счаруй свого,
«То матимешъ мужа молодого.»
— Да кабъже я зелье знала,
— Тобъ я его счаровала. —
«Скажу тебе, дѣвче, чары:
«Ой у лузи надъ водою
«Стоитъ гадюкъ зъ гадиною.
«Подай, матцы, коновочку,
«На гадину головочку.
«А якъ пойде рóпа зъ рота,
«То и счаруешъ свого брата.
— Нема брата теперь дома,
— Поѣхавъ гдѣсь у дорогу.
«Коли нема брата въ дому,
«Поставъ чары на порогу.»
Братъ зъ дороги прыѣзджае,
Сёстра зъ пивомъ выходжае,—
Братъ до сестры зъ радонькамп,
Сёстра къ брату зъ чароньками:
«Гдѣ ты, братко, забавився?
«Возьми пива напитися,
«Що я сама наробила.»
— Выпій, выпій, сестро, сама,
— Яжъ баюса, кобъ не здрада.
«Яжъ, братко, сама пила,
«Да-й для цебе оставила.»
Взявъ братко да и напився,
Да-й за сердо ухопився. —
Изъ коника извалився
— Ой що то, сестро, за пиво,
— Що за сердечко вхопило? —
Ой лыжъ, браце, и проспися,
— Проспавшыся, ще напійся.
Ой ще брата не сховала,
До Свербины листы слала:
«Ой Свербино, Свербиноньке,
«Возьми мене, дѣвчыноньку!
— Я не хочу тебе брати,
— Колы умѣешъ чаровати;
— Счаровала брата свого,
— То счаруешъ мужа молодого.
«Повинь, витре, найбуйнійшы,
Тожъ мой розумъ найдурнійшы!
Повинь, витре, буйнесеньки,
Тожъ научывъ дурнесеньки!
Повинь, витре, найтужышы,
Бывъ у мене братъ найвѣрнѣйшы!
Ой ни брата, ни козака.»
Пошла дѣвче за жебрака;
Жебракъ ходитъ, жебракъ проситъ,
За нимъ дѣвче торбы носитъ. —
Въ ее торбы за плечыма,
Завше слёзы подъ очыма.

Изъ книги Р. Зенкевича: Piosenki gminne ludu pińskiego стр. 330.

Изъ сборника Эрбена: Prostonárodní české písně a říkadla, str. 477.

2546.

SESTRA TRAVIČKA.

Stojí hruška v šírém poli,
pod tou hruškou kámen bílý.
Pod kamenem zlatý prsten,
skrz ten prsten tráva roste.
Kdo tu trávu žíti bude,
zlatý prsten nosit bude.
Žala ji tam moje milá,
prstenu přec nenosila.
Jeli tudy cizí páni:
«Pojed, holka, pojeď' s námi!»
«Já bych s vámi ráda jela,
kdybych bratra já neměla.»
«Bratra můžeš otráviti,
s námi můžeš předce jíti.»
«Kterak bych ho otrávila?
Ját' se tomu neučila.»
«Idi do háje zeleného,
najdeš hada jedového.
Uvař mu ho v teplém mlíce,
on ti skoná v malé chvílce.»
Už bratříček z lesa jede,
javorové dřevo veze.
«Pojd', bratříčku, k snídaničku,
přichystala jsem rybičku.»
«Iaká, sestro, to rybička,
bez hlavičky, bez ploutvíčka?»
«Hlavičku já posnídala,
a ploutvíčka kočka vzala.»
A když bylo po snídaní,
bratr má se k umírání.
«Idi, sestřičko, pro vínečko,
at' okřeje mé srdéčko.»
Nabrala mu vody z louže:
«Pí, bratříčku, to zpomůže.»
A když bylo po obědě:
«Běda, sestro, zle je, zle je!
Podej, sestro, podušticku,
at' položím svou hlavičku!»
Podala mu tvrdý kámen:

«spi, bratříčku, s Kristem pánem!»
A když bylo po večeři,
přijeli tam tři lékaři.
«Ó vy páni lékařové,
probodněte srdce moje.
Tělo dejte pod kamení,
at' ten oheň více není.
A z kamení do kostnice,
at' ta bolest není více.»
Ieden den ho pochovala,
a druhý den psaní psala:
«Přijeď', milý bez prodlení,
už je bratr otrávený.»
«Když jsí bratra otrávila,
ani mne bys nešetřila.»
«Ouvej Bože, jaké hoře!
nemám bratra ani muže.
Bratra jsem si otrávila,
a muže jsem nenabyla!»
Z Berounska.

2547.

Pásla Iuda, pásla pava
od večera až do rána.
Přijel-tě k ní šelma Němec:
«Dej, Iudýtko, dej ten věnec!»
«Já ti věnec nemohu dát,
mámt' já bratra, ten je voják.»
Bratra můžeš otráviti,
mne si za manžela vzíti.»
«Iak pak bych ho otrávila?
ját' se tomu neučila.»
«Idi do lesa jedlového,
najdeš hada jedového.
Usekni mu jen hlavičku,
přistroj mu ho za rybičku.»
Bratr z vojny domů jede,
čtyry koně vrané vede.
«Dej koníčky do maštale,
máš tam ryby přistrojené.»
«Iakě, sestro, máš rybičky
bez hlavičky—bez ploutvičky?»
«Hlavičky jsem usekala,
a ploutvičky kočce dala.»
A když bylo po snídaní,
brabr má se k umírání.
«Ovej, sestro, hlava bolí!
vem šáteček, zavaž mi ji.»
«Kdybych chtěla vázat hlavu,
nedala bych jídla z hadů.»
«Podej, sestro, poduštičku,
at' vypustím svou dušičku!»
Podala mu tvrdý kámen:
«Umři, bratře, umři na ňém!»
Už bratrovi hrany zvoní,
a Iudýtku kati honí.
Už bratříčka k hrobu nesou,
a Iudýtku kati vedou,
Už bratříčka ve hrob kladou,
a Iudýtku kolem lámou.
Z Hradecka.

2548.

Žala holka, žala trávu
na tom podviničném stavu.
Ieli tudy cizí páni:
«Pojeď: holka, pojeď' s námi.»
«Iá bych s vámi ráda jela,
kdybych bratříčka neměla.»
«Zav se, holka, bratra svého,
dej mu hada jedového.»
Už bratříček z vojny jede,
čtyry koně s sebou vede.
A pátý hop! na provodě:
«Iseš-li, sestro, na svobodě?»
«Isem, bratříčku, na svobodě,
jako ryba v čerstvé vodě!
Na, bratříčku, snídaničku,
dřipravila jsem rybičku.»
«Iaké, sestro, máš rybičky:
bez ploutviček, bez hlavičky!»
«Iá hlavičky sama snědla,
a ploutvičky kočka zvedla.»
Po snídaní hlava bolí:
«Pojď', sestřičko, zavaž mi ji!»
«Kdybych chtěla hlavu vázat,
nechtěla bych jedu dávat!»
«Idi, sestřičko, do lednice,
natoč vína do sklenice.»
Než sestřička s vínem přišla,
už z bratříčka duše vyšla.
«Ouvej, kde jsou moje růže!
nemám bratra ani muže:
Bratra jsem si otrávila,
a muže jsem nenabyla!»
Rozpletta si dva rulíčky,
vypletla z nich dva nožíčky:
Iedním hrobek vykypala,
druhým krček podřezala.

Z Budějovicka. Srov. Čel II, 49. III, 9, 76, 108; Suš. 167; Kol. II, 32; Žeg. P. 81, 82; Vojć. 1, 71, 232, 289; Karadž. 1, 215; Kukulj. 1, 214; Sachar. IV, 7.

Приводимъ указанный Эрбеномъ вар. изъ В. Караджича, какъ болѣе подходящій къ нашему вар. подъ № 827. Первый, по всей вѣроятности послужилъ канвою для послѣдняго.

Вар. сербск. Караджичъ, т. I, стр. 215.

2549.

Сестра-отравительница.

Солнце закатилось межъ двухъ лѣсистыхъ горъ,
Парень лежитъ между двухъ дѣвушекъ,
Одну онъ цѣлуетъ, а другую не цѣлуетъ.
Но говоритъ краса дѣвица:
«Цѣлуй и меня, парень неженатый!»
Ей говоритъ парень неженатый:
«Ябы тебя цѣловалъ, краса дѣвица,
«Но боюсь твоего брата [1])
«У тебя братъ-большой ссорщикъ (спорщикъ),
«Куда-бы онъ ни пошелъ, онъ начинаетъ ссору.»
Когда услышала это краса дѣвица,
Она пошла въ зеленый лѣсъ,
Тамъ она переворичиваетъ камни и деревья,
Пока ни нашла змѣи-отравительницу (ядовитую),
Заколола (убила) ее золоченнымъ перстнемъ,
Наточила полстакана яду,
Остальное наполнила виномъ
И дала его своему родному брату.
Такъ и отравила своего брата
И пошла она къ парню неженатому:
«Поцѣлуй и меня, парень неженатый,
«Я отравила своего брата!»
Но говоритъ парень неженатый:
«Ступай отсюда (вонъ), отравительница!
«Если ты своего брата отравила,
«Отравишь и меня, юнака.» —

Перевелъ съ сербскаго П. А. Кулаковскій.

Къ №№ 841—845 у Соболевскаго III, 47—56.
Къ №№ 846—859 » III, 19—32 Срав. также въ моихъ «Матеріал.». Т. I, ч. I, №№ 479—485.
Къ №№ 858—864 у Соболевскаго II, 414—420.
Къ №№ 875—886 » I, 25, 27, 29, 37, 42. 44—49.
Къ №№ 888—889 » II, 53, 120—121, 124. Ср. также въ «Матеріал.». Т. I, ч. I, № 534.
Къ №№ 890—894 у Соболевскаго I, 126—130. Срав. Шейна «Матеріалы». Т. I, ч. I, №№ 537—539.
Къ №№ 900—902 у Соболевскаго III, 123—130.
Къ №№ 903—906 » I, 96—121.
Къ №№ 907—909 » I, 96—123.
Къ №№ 910—911 »
Къ №№ 923—926. Ср. въ моихъ «Матеріалы». Т. I, ч. I, 646—647. Тамъ же, на стр. 581—583 читатель найдетъ небольшую историко-литературную замѣтку касательно животнаго эпоса.

[1]) Собственно: несмѣю со страха предъ твоимъ братомъ:

Къ №№ 954—957. Ср. въ тѣхъ же: Матеріалы т. II, № 103 (стр. 221) сказку: «Недовольный мужъ и хитрая жена.»

Къ №№ 967—970: «Пошла коза по орѣхи.»

О распространеніи сородичей этой пѣсни среди другихъ европейскихъ народовъ и нѣкоторыя соображенія о ея первоисточникѣ читатель найдетъ въ «примѣчаніяхъ и дополненіяхъ» ко II тому назван. «Матеріаловъ».

Вар. къ №№ 971—974.

2550.

Новгород. губ., Кирилов. у., с. Нефедовское.

Козликъ.

У бабушки старушки,
У дѣдушки Варюшки
Быў козелъ.
«Бабушка старушка,
Дѣдушка Варюшка,
Спуститё погулять!
Я вамъ воўка убью,
Жеребёнка страцю»...
Побѣжалъ козелъ
По борку, по торгу,
По верстеўку.
На стрйцю козлу
Бѣло да мохнато,
Глаза выпуціў.
Тутъ испугаўся козелъ,
Подъ кусточекъ упаў:
Головою рветъ,
Ногами тепетъ,
Какъ добрый конь.
Бородою мететъ
Какъ виницкомъ.
Да вирю, вирю — вирю!
Да лёжать—не улёжать,
Да бѣжать не убѣжать.
«Благослови, Боже, звирёкъ,
У тебя поспрошать:
Не ты ли, жидовинъ —
Овецей скоть, собацей бѣготь?»
— «Ой ты, глупый козелъ,
Неразумный козелъ!
Ты въ людяхъ не бываў,
Ты людей не видаў?
Ты въ лисѣ не бываў,
Ты звирей не видаў?
Я заюшко, я биленькой
Пуцёглазенькой.
Опеть побѣжалъ козелъ
По торгу, по торгу
По веретеўку.

На стрицю козлу —
Лисо да мохнато.
Тутъ испугаўсе козелъ,
Подъ кустикъ упаў:
Головою рвётъ,
Ногами тепётъ,
Какъ добрый конь.
Бородою мететъ,
Какъ виницкомъ.
Да вирю, вирю — вирю!
Да лёжать—не улёжать,
Да бѣжать—не убѣжать.
«Благослови, Боже, звирёкъ,
У тебя поспрошать:
Не ты ли воўцекъ жидовинъ —
Овецей скотъ, собацей бѣготъ?»
— «Ой, ты глупый козелъ,
Неразумный козелъ!
Ты въ людяхъ не бываў,
Ты людей не видаў?
Ты въ лисѣ не бываў;
Звирей не видаў?
— Я лисанька довгофостая,
Кромофостая.»
Опеть побѣжаў козелъ
По торгу, по борку,
По веретеўку.
На стрицю козлу —
Цёрно да мохнато.
Тутъ испугаўсе козелъ,
Подъ кустикъ упаў:
Головою рветъ,
Ногами тепётъ —
Какъ добрый конь,
Бородою мететъ,
Какъ виницкомъ.
Да вирю, вирю — вирю!
Да лежать — не улежать,
Да бѣжать — не убѣжать.
«Благослови, Боже, звирёкъ
У тебя поспрошать:
Не ты ли, воўцекъ,
Не ты ли, жидовинъ,
Овцей-скотъ, собацей бѣготъ?
Ой, ты глупой козелъ,
Неразумный козелъ!
Ты въ людяхъ не бываў?
Ты людей не видаў?
Ты въ лисѣ не бываў?
Звирей не видаў?
— Я медвѣдушко.»
Опеть побѣжаў козелъ
По торгу, по борку,
По веретеўку.
На стрицю козлу —
Сѣро да мохнато.
Тутъ испугаўсе козелъ,—
Подъ кустикъ упаў:
Головою рветъ,
Ногами тепётъ
Какъ добрый конь.
Бородою мететъ,
Какъ виницкомъ
Да вирю, вирю—вирю!
Да лёжать—не улёжать,
Да бѣжать—не убѣжать
«Благослови, Боже, звирёкъ,
У тебя поспрошать:
Не ты ли воўцекъ,
Не ты ли жидовинъ
Овецей скотъ, собацей бѣготъ?»
— Я то и есь!
Сфатіў козла да разорваў...
Несетъ волкъ козла
Мимо бабкинъ домъ,
Мимо дѣўкинъ дворъ,
Бабка-то скацётъ,
Дѣўка-то пляшётъ:
«Нашъ козелъ воўка убіў,
Жеребенка сратіў!..»
День прошоў — козла нѣтъ,
Другой-то прошоў—козла нѣтъ.
На третій день пошли
Козла искать, —
Нашли козла подъ кустомъ:
Рога на кусту, борода на пню.

Зап. учит. народн. школы. Сообщ. инспектор. народн. училищъ Новгородск. губ. V-го района Н. К. Рамзевичемъ.

Что пѣсня о бабушкиномъ козликѣ или козлѣ служила когда-то сатирой на современные нравы — объ этомъ мы находимъ довольно интересное указаніе въ книгѣ достопочтеннаго С. В. Максимова «Сибирь и каторга», въ отд. «Тюремныя пѣсни». Послѣ приведенія имъ тамъ цѣлаго ряда пѣсенъ этого рода онъ въ заключеніе сообщаетъ еще 4 пѣсни сибирскихъ тюремъ и передъ текстомъ послѣдней замѣчаетъ слѣдующее:

«Четвертая сибирская пѣсня, извѣстная подъ именемъ «заводской» и записанная нами въ Нерчинскомъ Большомъ заводѣ со словъ ссыльнаго, пришедшаго съ Урала (Изъ Пермской губ.) передана была съ нѣкоторою таинственностью. Знакомецъ нашъ придавалъ ей большое значеніе, какъ бы какой многознаменательной загадкѣ и, проговаривая пѣсню, просилъ разгадать ея смыслъ. Вотъ эта послѣдняя изъ извѣстныхъ намъ тюремныхъ пѣсенъ, знакомая и въ Россіи.

2551.

За рѣкою, за рѣченькою,
Жили были три бабушки:
Три Варварушки,
Три старыя старушки —
Три постриженицы.
У первой, у старушки
Было стадо быковъ,
У второй, у старушки
Было стадо коровъ,
У третьей, у старушки —
Нѣтъ никого:
Одна козушка рязаночька.
Принесла она козла
И съ тѣмъ вмѣстѣ дурака —
Москвитёнинка.
По три годы козелъ,
По три годы дуракъ
Подъ полатями стоялъ,
Мякиники зобалъ —
Толокончатыя,
А помоечки пилъ
Судомойчатыя.
Сталъ-же козелъ,
Сталъ-же дуракъ
На возрастѣ —
У бабушки, у Варварушки,
Отпрашиваться: —
Въ чисто поле гулять.
Пошелъ-же козелъ,
Пошелъ же дуракъ:
Онъ ножками бьетъ,
Какъ тупицами сѣкетъ [1])
Глазками глядитъ,
Какъ муравчиками [2]).
Въ стрѣчу козлу,
Въ стрѣчу дураку
Незнакомый звѣрь:
Сѣренекъ и маленекъ,
Глазки на выпучкѣ.
Обошедши козелъ кругомъ,
Палъ ему въ ноги челомъ:
Не вѣдаю о чемъ.
«Какъ тебя, сударь, зовутъ,
Какъ тебя, сударь,
По изотчеству? —
Не смерть-ли ты моя,
Да не съѣшь-ли ты меня,
Козла дурака
И Москвитенинка?»
— «Какая твоя смерть!
Вѣдь я заинька пучеглазенькій:
Я по камушкамъ скачу,
Я осиночку гложу.
Спрошу я тебя,
У козла дурака,
У Москвитенинка
Про семь волковъ». —
«Я шести не боюсь:
Шесть волковъ
На спинѣ унесу,
Во рту (или въ зубахъ) утащу.
Изъ шести овчинъ
Шубу сошью,
А седьмой овчиною
Шубу опушу.
Отошлю эту шубу
Бабушкѣ Варварушкѣ:
Спать будетъ тепло
И потягаться хорошо».

С. Максимовъ, «Сибирь и каторга», Ч. I, 1871 г. стр. 419—421.

[1]) Въ Россіи вар. Онъ ножками трясетъ.
Да мережки плететъ. М.

[2]) Т. е. очень бойко, какъ объяснилъ пѣсельникъ. М.

Къ № 976. Отысканный конецъ: послѣ стиха «Поплыла требуха» продолжается такъ:

Мимо Бакина двора
Бѣжитъ баба со двора
Съ двумя дочерями,
Съ тремя кочетами.
«Ужъ ты батюшка Матвѣй
Ты, пожалуйста, отбей!
Мнѣ жаль сына, кобеля
Бѣло-гористаго.
Онъ за зайцами ходилъ,
За лисицами турилъ,
Денежки выручалъ
На солянкѣ проѣдалъ.

Къ №№ 979—981 стр.

2552.

Служилъ я пану
По первое лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Курочку за это:
Моя курочка
Гей, гей, да зюзюлечка,
По двору ходитъ,
Цыплятъ водитъ,
Хохолъ надымаетъ,
Пана утѣшаетъ,
Курочка!
Служилъ я пану
По второе лѣто,

Далъ же мнѣ пану
Уточку за это:
Моя утка
Водоплавка,
Моя курочка
Гей, гей, да зюзюлечка и пр.
Служилъ я пану
По третье лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Гуся за это:
Мой гусь
Подлѣ усъ,
Моя утка
Водоплавка и пр.
Служилъ я пану
По четвертое лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Пороси за это:
Мое порося
Лежа прося,
Мой гусь
Подлѣ усъ, и пр.
Служилъ я пану
По пятое лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Козочку за это:
Моя коза
Спала съ воза,
Мое порося
Лежа прося, и пр.
Служилъ я пану
По шестое лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Барана за это:
Мой баранъ
По горамъ,
Моя коза
Спала съ воза, и пр.
Служилъ я пану
По седьмое лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Телятко за это:
Мое теля
Хвостомъ меля,
Мой баранъ
По горамъ и пр.
Служилъ я пану
По осьмое лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Корову за это:
Моя корова,
Будь здорова!
Мое теля
Хвостомъ меля и пр.
Служилъ я пану
Девятое лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Кобылу за это:
Моя кобыла
Черногрива,
Моя корова,
Будь здорова! и пр.
Служилъ я пану
Десятое лѣто,
Далъ же мнѣ пану
Коника за это:
Мой конь
Возитъ въ домъ,
Моя кобыла
Черногрива,
Моя корова,
Будь здорова!
Мое теля
Хвостомъ меля,
Мой баранъ
По горамъ,
Моя коза
Спала съ воза,
Мое порося
Лежа прося,
Мой гусь
Подлѣ усъ,
Мея утка
Водоплавка,
Моя курочка,
Гей, гей, да зюзюлечка,
По двору ходитъ,
Цыплятъ водитъ,
Хохолъ надымаетъ,
Пана утѣшаетъ,
Курочка!

Изъ «Собр. пѣс.», Новикова. Москва, 1783.

2553.

Służyłem u pana na pierwsze lato,
Wysłużyłem sobie kokosku za to,
Moja kura
Złotopióra
Po sadzie chodziła,
Kurcęta wodziła,
Hej, hej, moja kuryca!
Służyłem u pana na drugie lato,
Wysłużyłem sobie scygielka za to,
Mój scygielek dziobie mak,
Moja kura
Złotopióra
Po sadzie chodziła,
Kurcęta wodziła,
Hej, hej, moja kuryca!

Służyłem u pana na trzecie lato,
Wysłu 'yłem sobie kacusie za to,
Moja kacka mówi tak,
Mój scygielek dziobie mak,
Moja kura
Złotopióra,
Po sadzie chodziła,
Kurcęta wodziła,
Hej, hej, moja kuryca!
Służyłem u pana na czwarte lato,
Wysłużyłem sobie gąseczke za to,
Moja gęs,
Kuprem trsęs,
Moja kaczka mówi tak,
Mój scygielek dziobe mak,
Moja kura
Złotopióra
Po sadzie chodziła,
Kurcęta wodziła,
Hej, hej, moja kuryca!

«Piesni ludu Krakowskiego, zebral J. Konopka». W Krakowie, 1840, стр. 157.

2554.

Изъ сборника Эрбена: Prostonárodni české písně a říkadla, str. 380.

Devttélétá výsluha

Když jsem já sloužil
to prvni léto,
vysloužil jsem si
kuřátko za to:
a to kuře kràkoře,
běhá po dvoře;
má panenka pláče
doma v komoře.
Když jsem ſá sloužil
to druhé léto,
vysloužil jsem si
kachničku za to:
a ta kachna jako machna,
a to kuře krákoře,
běhá po dvoře;
má panenka pláče
doma v komoře.
Když jsem já sloužil
to třetí léto,
vysloužil jsem si
husičku za to:
a ta husa chodí bosa,
a ta kachna jako machna atd.
Když jsem já sloužil
to čtorté léto,
vysloužil isem si
vepříka za to:
a ten vepř jako pepř,
a ta husa chodí bosa atd.
Když jsem já sloužil
to páté léto,
vysloužil jsem si
telátko za to:
a to tele hubou mele,
a ten vepř jako pepř atd.
Když jsem já sloužil
to šesté léto,
vysloužil jsem si
kravičku za to:
a ta kráva mlíko dává,
a to tele hubou mele atd.
Když jsem já sloužil
to sedmé léto,
vysloužil jsem si
volečka za to:
a ten vul jako kůl,
a ta kráva mlíko dává atd.
Když jsem já sloužil
to osmé léto,
vysloužil jsem si
botičky za to:
a ty boty do roboty,
a ten vůl jako kůl atd.
Když jsem já sloužil
poslední léto,
vysloužil jsem si
děvčátko za to:
to děvčátko jak poupátko,
a ty boty do roboty,
a ten vůl jako kůl,
a ta kráva mlíko dává,
a to tele hubou mele,
a ten vepř jako pepř,
a ta husa chodí bosa,
a ta kachna jako machna,
a to kuře krákoře
běhá po dvoře:
má panenka stele
postel v komoře.

Z Berounska. — Srov. Suš. 621; kol. II, 49; Karadž. 1, 505; Koryt. II, 98; Ross. Erot. S. Petersb. III, 178.

Къ №№ 982—983, (стр. 283).

Соображеніе о томъ, на что эта сатирическая пѣсня намекаетъ мы находимъ въ статьѣ свящ. Т. Успенскаго (помѣщ. въ Пермскомъ Сборникѣ), гдѣ онъ сообщая о любви мѣстн. стариковъ-крестьянъ старожиловъ къ преданіямъ старины, особенно о кладахъ, прибавляетъ еще слѣдующее:

«Любятъ еще старики потѣшать себя и молодое племя разсказами о томъ, какъ ихъ отцы и дѣды готовились отражать пугачевскую волость и ростоптать ее, какъ грибы. Рѣдкая бесѣда старыхъ людей обойдется безъ ссылки на ту памятную эпоху. «Я въ Пугачевъ годъ женился, говоритъ одинъ», «а я родился за годъ до Пугачева», говоритъ другой, «а я тогда съ покойнымъ бачкой учился въ цѣль стрѣлять, говоритъ третій». Всѣ же единодушно утверждаютъ, что тогда въ народѣ было сильное желаніе сражаться съ шайкою мятежниковъ, что для этого всякій, у кого было ружье, учился на дворѣ опытнаго стрѣльца-охотника стрѣлять въ цѣль. Для такого ученья ставился на дворѣ учителя столбъ, обращенный въ послѣдствіи въ коновязь, еще не такъ давно стоялъ на дворѣ одного изъ моихъ прихожанъ. Были, конечно, въ то время и трусы, разбѣжавшіяся по лѣсамъ, когда шайка Пугачева приблизилась къ Долматову и начала громить монастырь. Вотъ еще и любимая старинная пѣсня, сложенная едвали не про ту Пугачевскую эпоху и характеризующая съ нѣкоторой проніей героевъ тогдашняго времени:

Какъ вздумалъ грибъ,
Нашъ грибъ-боровикъ
По всѣмъ грибамъ полковникъ,
Подъ дубомъ стоючи,
На всѣ грибы глядючи,
Повелѣть и приказать
На войну идти опенкамъ и т. д.

Изъ ст. священ. Т. Успенскаго «Очеркъ юго-западной половина Шадринскаго уѣзда, Пермск. губ. Пермск. сборн. (М. 1895), кн. I, смѣсь, стр. 37.

Къ № 984. Болѣе исправный списокъ этого сказанія см. въ интересной монографіи г. Хр. Лопарева: «Древне-русскія сказанія о птицахъ», стр. 18. Тамъ же на стр. XXIX и объясненіе этой сатиры. Означенная монографія вышла въ свѣтъ, когда весь текстъ настоящаго сборника былъ отпечатанъ.

Къ №№ 987—997. Ср. у Шейна: «Матеріалы». Т. I, ч. I, 641 (стр. 521).

Къ №№ 998—1000. Ср. тамъ же стр. 632—637.

Къ № 1004: послѣ стиховъ:

Клопы подымали,
Животъ надорвали —

По старинному продолжается такъ:

Посылаетъ вошка блошку
Къ судьѣ воеводѣ.
Судья приказалъ,
Воевода наказалъ —
Могилушку рыти,
Вошь хоронити:
Попы—клопы,
Сверчки—дьячки,
Тараканы погребали,
Мухи голосомъ кричали,
Воробьи могилу об......

Сообщ. бывшимъ губернаторомъ Вятск. губ. въ 50-хъ годахъ Н. Н. Семеновымъ, помѣщикомъ Рязанск. губ.

Къ № 1009. Вар.

2555.

Новгородск. г. Кирилловск. у.

Злой мужикъ-садовникъ!
Онъ по зеленому садику гуляетъ,
Меня, хмелинушка, провѣдаетъ:
Онъ тычинушку въ сердечушко втыкаетъ.
Ужъ я тутъ-то, хмель, догадался,
По тычинушку къ верху подымался,
Я отростилъ себѣ бумажные листье,
И отростилъ себѣ яровыя шишки.
Ужъ какъ злой мужикъ-садовникъ
По зеленому садику гуляетъ,
Меня, хмелюшка, провѣдаетъ.
Онъ отрѣзалъ мнѣ рѣзвы ноги.
Старики меня, старухи, ощипали,
Во рогожи, во кули зашивали,
По торгамъ по базарамъ развозили,
Богатые мужики да покупали.
Наварилъ мужикъ сладкаго сусла.
Ужъ я тутъ-то, хмель, догадался. —
Во намѣрникѣ да разгулялся.
Богатые мужики да выпивали, —
Тутъ мужикъ съ мужикомъ да разодрался:
Онъ ударилъ о тынъ его головою,
Въ коровье калье да бородою.

Зап. учит. народн. учил. А. Разумовскимъ. Сообщ. инспект. народн. училищъ Новгород. губ. Н. К. Рамзевичемъ. Ср. у Соболевскаго, I. 501—503.

Къ №№ 1048—1051. Ср. у Соболевскаго II, 617.

2556.

Вар. Пермск. губ.

Подъ грушею подъ кудрявою,
Подъ яблонью подъ садовою

Сѣю, вѣю, разсѣваю конопéлышко;
А сама коноплю приговариваю:
Взойди, взрости, конопелышко
Ты не низко, не высоко, въ саду съ вишеньемъ [равно.
Ахъ всѣ мои подружки на игрище ушли,
А меня, младу младешеньку, свекоръ не отпу- [скатъ[1])
Заставилъ свекоръ батюшко работу работать,
Работу работать—овинъ сушить;—
А я въ сердце-то войду,—весь овинъ сожгу,
А сама, млада-младешинька, на игрище уйду.
Подъ грушею подъ зеленою,
Подъ яблонью подъ садовою
Сѣю, вѣю, разсѣваю конопелышко;
А сама, коноплю приговариваю:
Взойди, взрости, конопелышко,
Ты не низко, не высоко,—въ саду съ вишеньемъ [равно.—
Ахъ всѣ мои подруженьки на игрище ушли,
А меня, младу-младешеньку, свекровь не отпу- [скатъ;
Заставила свекровушка работу работать,
Работу работать,—кросенце ткать.
А я въ сердце-то войду,—кросна изорву,
Я кросна изорву—и челнокъ изломлю,
А сама, млада младешенька, на игрище уйду.
Подъ грушею... и проч.
Ахъ всѣ мои подруженьки на и́грище ушли,
А меня, младу младешеньку деверь не отпускатъ;
Заставилъ деверинушко работу работать,
Работу работать—коня сѣдлать.
А я въ сердце-то взойду—коня въ поле отпущу,
А сама млада младешенька, на и́грище уйду.
Подъ грушею... и проч.
Ахъ всѣ мои подруженьки на и́грище ушли,
А меня, младу младешеньку, золовка не пускатъ;
Заставила золовушка работу работать,
Работу работать—себѣ косу расплетать.
А я въ сердце-то войду,—русу косу оторву,
А сама, млада младешенька, на и́грище уйду.

Сообщ. А. И. Соколовымъ

[1]) Вм. отпускаетъ—общеупотребительная народная форма. С.

Къ № 1052 Ср. у Соболевскаго I, 501—503.
Къ №№ 1054—1055 » II, 609—613

Къ №№ 1068—69.

2557.

Вар. Вологодской губ., Повѣн. у.

Вокругъ я келейки хожу,
Вкругъ я повенькія,
Вкругъ сосновенькія;
Ужъ я старицу бужу:
Ужъ ты старица, встань,
Спасенная душа встань!
Встань, къ заутренѣ звонятъ,
На расходъ говорятъ!
Люди молятся,
Черти возятся
— «Отойди прочь, пономарь,
Отойди прочь, пустозвонъ!
Не могу я встать,
Головы поднять:
Голова моя болитъ,
Сердце ключикомъ кипитъ».
— «Къ тебѣ молодецъ идетъ,
Чаю, кофею несетъ,
Напиться велитъ,
Позабавиться». —
«Ужо встать было мнѣ,
Походить было мнѣ,
Поломать костей,
Для милыхъ гостей.

Зап. Н. А. Иваницкій.

Къ №№ 1241—1242. Ср. у Соболевск. II, 262—268.
Къ № 1243 » IV, 838—840.

Свадьба Нижегородск. губ. въ городѣ Балахнѣ

Въ этомъ городѣ и окрестныхъ его деревняхъ продолжительность свадебныхъ дней бываетъ отъ недѣли и до двухъ. Большей частью здѣсь свадьбы бываютъ осенью и зимою.

Сватанье начинается въ понедѣльникъ или вторникъ. Сваха посланная женихомъ приходитъ въ домъ невѣсты, становится среди комнаты противъ матицы и проситъ себѣ стулъ. Сѣвъ на него, она обращается къ родителямъ невѣсты со словами: «такой-то (имя, отчество и фамил. жениха) приказалъ вамъ кланяться и просить руки вашей дочери». Сваха не принимаетъ никакихъ угощеній, пока дѣло не пойдетъ въ ея пользу. Если родители изъявятъ согласіе на всѣ условія, предложенныя со стороны свахи, а именно: о составѣ приданнаго: сколько и какихъ платьевъ, дипломатовъ, шубъ, какое бѣлье, постель? на чей счетъ свадьба и сколько согласны дать жениху денегъ на столъ», то они свои желанія передаютъ своей дочери и, получивъ и отъ нея согласіе, объявляютъ о томъ свахѣ. Послѣдняя или кто другой идетъ въ домъ жениха и приглашаетъ послѣдняго и его близкихъ родныхъ въ домъ невѣсты, гдѣ совершается рукобитіе. По приходѣ туда, гости усаживаются за столъ по старшинству и родству, молятся Богу и отецъ жениха и невѣсты (а если кого-нибудь изъ нихъ нѣтъ въ живыхъ, то заступающіе ихъ мѣсто) встаютъ и кладутъ правыя полы своихъ кафтановъ или шубъ пола на полу и даютъ и бьютъ въ знакъ согласія другъ другу правыя руки. Вслѣдъ затѣмъ гости садятся за столъ и начинается угощеніе ихъ чаемъ, водкой и дисертомъ. Въ это время приходятъ дѣвицы подруги невѣсты и начинаютъ пѣть пѣсни.

Эти пѣсни поютъ уже болѣе 100 лѣтъ. — Расходъ на свадебныя приготовленія весьма неодинаковъ. Если невѣста бѣдная, то и расходъ небольшой. Если же обѣ стороны исправныя, то кромѣ своего приданаго, невѣста шьетъ жениху вѣнчальную тройку и даетъ ему денегъ: отъ 25 руб. и до 50 руб. и болѣе. Расходъ такого жениха доходитъ до 150 руб. Послѣ рукобитія до дня брака у невѣсты бываютъ вечера, куда сходятся по приглашенію дѣвицы и кавалеры: поютъ пѣсни и танцуютъ. Накапунѣ дня брака бываетъ въ домѣ невѣсты главный вечеръ, называемый «сговоръ», куда приглашаются родственники жениха и невѣсты. Родственники жениха собираются сначала къ нему въ домъ и помолившись Богу, идутъ, предводительствуемые дружкой, къ невѣстѣ. Если родъ большой, то гостей собирается отъ 20 до 50 человѣкъ. На этотъ вечеръ приглашаютъ и священника. Гости жениха садятся на первыя мѣста, а невѣста за ними. Ихъ угощаютъ чаемъ, водкой, десертомъ. Затѣмъ бываетъ ужинъ, состоящій отъ 5 до 10 кушаньевъ. Въ селѣ Кубинцевѣ въ этотъ вечеръ, во время ужина, двѣ любимыя подруги невѣсты входятъ прикрытые платками, такъ, чтобы ихъ не узнали и дарятъ жениха, невѣсту и всѣхъ гостей разными бумажными вещичками. Гости въ свою очередь отдариваютъ дѣвушекъ, кладя на тарелку деньги, которые идутъ въ пользу дѣвицъ. Крестный отецъ и мать благославляютъ нареченныхъ иконами и садятся на первыя мѣста подлѣ родителей. При благословеніи на бракъ предпочтеніе отдается отцу. Если въ день брака случается дождь или снѣгъ, то, по народному повѣрью молодые будутъ жить счастливо.

Во избѣжаніи дурныхъ послѣдствій нареченнымъ съ перваго же вечера кладутъ въ карманъ по луковицѣ и горсть зеренъ простаго пшена. При входѣ и выходѣ изъ храма дружко предупреждаетъ молодыхъ не задѣвать своимъ тѣломъ косяковъ и дверей храма. Кромѣ этого, невѣстѣ на гайтанъ [1]) нанизываютъ двѣ жемчужины, привязываютъ кусочекъ ртути и втыкаютъ нѣсколько иголокъ въ подолъ платья крестъ-на крестъ. Если-де порча и коснется тѣла, то вреда не будетъ, а спадетъ только одна жемчужина.

Накапунѣ брака, невѣста съ подругами ходитъ въ баню, гдѣ для пару поддаютъ вмѣсто воды — пивомъ, если явится горечь, то молодые жить будутъ плохо, а если горечи не будетъ, то жить будутъ счастливо. По выходѣ изъ бани дѣвицы на лошадяхъ отвозятъ приданое невѣсты къ жениху въ домъ. Женихъ даетъ имъ выкупъ кромѣ угощенія сколько нибудь денегъ. Въ этотъ день невѣста кланяется родителямъ своимъ въ ноги и благодаритъ ихъ за хлѣбъ, за соль, за воспитаніе и воскормленіе. Вечеромъ пріѣзжаетъ женихъ съ дружкой и привозитъ невѣстѣ ларецъ. Въ самый день брака къ жениху и невѣстѣ приносятъ изъ храма иконы и затѣмъ бываетъ обѣдъ у жениха, куда приглашаютъ весь причтъ. Вѣнчаніе въ большинствѣ случаевъ назначается въ воскресенье или въ понедѣльникъ. Около 4 часовъ пополудни этого дня родственники жениха, участвующіе въ поѣздѣ, собираются къ нему и отправляютъ одну лошадь за священникомъ. Священникъ прочитаетъ молитву, послѣ чего родители благословятъ своего сына и поѣзжане (дружка, крестный, крестная, свахи, шаферъ) выходятъ и садятся въ повозки: свя-

---

[1]) Снурокъ, на которомъ носятъ тѣльный крестъ. Сл. Даля.

щенникъ садится съ женихомъ на одну. Дружка съ обнаженной головой и съ иконой въ рукахъ три раза обходитъ поѣздъ и затѣмъ велитъ трогать и поѣздъ отправляется въ домъ невѣсты, гдѣ къ этому времени она уже наряжена и благословлена своими родителями. По пріѣздѣ, всѣ поѣзжане садятся за столъ. Къ нимъ выводятъ невѣсту. Въ селѣ Кубинцевѣ сваха со стороны жениха въ это время даритъ родственниковъ невѣсты полотномъ, ситцемъ и мятными вяземскими пряниками. Затѣмъ сваха расплетаетъ косу невѣсты и проситъ подать ей тарелку, на которую и кладетъ всѣ принадлежности дѣвичьей косы, которыя и отдаетъ ихъ матери невѣсты съ словами: «Свахынька прими — на дѣвичью красу.» Послѣ этого молятся Богу и дружка беретъ подъ руки жениха и невѣсту, выводитъ ихъ на улицу и сажаетъ отдѣльно. Здѣсь дружка снова обходитъ поѣздъ такъ же, какъ и въ первый разъ,—и ѣдутъ въ церковь. По окончаніи бракосочетанія молодыхъ ведутъ въ вѣнцахъ въ домъ жениха, гдѣ приготовленъ для всѣхъ ужинъ, называемый «столъ». При входѣ молодыхъ въ домъ ихъ встрѣчаетъ отецъ и мать жениха: отецъ съ иконой, а мать съ хлѣбомъ и солью. Молодые кладутъ три поясные поклона предъ иконой, цѣлуютъ ее, а потомъ здороваются съ отцомъ, тоже тремя поцѣлуями, затѣмъ прикладываются къ хлѣбу-соли и также здороваются съ матерью и входятъ въ домъ. Ужинъ состоитъ изъ 10-ти или 15 кушаньевъ и изъ множества напитковъ. Пирующіе гости расходятся не раньше 1-го ч. ночи. Молодыхъ уводятъ въ другое помѣщеніе, гдѣ устроено для нихъ брачное ложе. На слѣдующее утро снова всѣ гости сходятся въ домѣ жениха. Дружка, вооруженный заслономъ и горшкомъ сопровождаетъ молодыхъ до бани и обратно. Когда молодые на возвратномъ пути изъ бани вступятъ на порогъ дома, то всякъ изъ гостей хватаетъ горшокъ или плошку и бьетъ объ полъ; нѣкоторые изъ сватьевъ и свахи нашиваютъ себѣ на одежду ленточки пунцоваго цвѣта, а нѣкоторые вплетаютъ ихъ себѣ въ голову, садятся въ повозки и ѣдутъ по городу, распѣвая пѣсни. Свахи вооружены бутылками, наполненными виномъ краснаго цвѣта и размахивая ими, пляшутъ. Этимъ даютъ всѣмъ знать о цѣломудренности невѣсты. Послѣ этого въ домѣ жениха бываетъ для всѣхъ гостей обѣдъ, по окончаніи котораго гости расходятся и припасаются къ встрѣчѣ молодыхъ. Молодые съ 2 часовъ дня ѣдутъ по родственникамъ съ визитомъ, гдѣ ихъ дарятъ разными подарками, въ которыхъ чувствуютъ нужду новобрачные. Вечеромъ снова всѣ гости сходятся къ молодому въ домъ, гдѣ уже приготовленъ такой же ужинъ, какъ и наканунѣ. Въ селѣ Кубинцевѣ на второй день послѣ вѣнчанія ужинъ бываетъ и у невѣсты и называется «блинки». Спустя недѣлю молодые приглашаютъ снова всѣхъ родственниковъ, *кавалеровъ и барышенъ* и устраиваютъ танцевальный вечеръ.

Этимъ вечеромъ завершается кругъ свадебныхъ празднествъ.

Свадебныя пѣсни.

2558.

Ужъ ты, свѣтъ, наша измѣнщица!
Измѣнщица, красна дѣвица.
Измѣнила *насъ*, подруженекъ,
Подруженекъ, красныхъ дѣвушекъ:
Сказала, что «замужъ пейду!»
И говорила: «не подумаю».
Сказала: «въ монастырь пойду,
Въ монастырь пойду, въ игуменьи,
А васъ, дѣвушки, съ собой возьму,
Съ собой возьму—въ монашеньки»,
А теперьче замужъ пошла,
А теперече и подумала.
На что, душа, прельстилася:
На орѣшки ли, иль на прянички?
Или на сахарны сладки яблочки?
Ты скаже, на что прельстилася?
Человѣка ли добилася?
Или росту онъ высокаго?
Или роду онъ богатаго?
— Онъ худенешекъ, манешенекъ,
На личико смуглешенекъ.
Онъ и ходитъ—запинается,
Говоритъ рѣчь—*заякается*,
Самъ подноситъ—заливается.
Онъ цѣлуетъ—забывается.

2559.

Высоко солнце восходило,
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше терема высокаго.
Какъ во этомъ новомъ теремѣ
Сидѣла тутъ Аннушка,
Сидѣла она, плакала.
Такъ она плачетъ,—какъ рѣка льется,
Во рыданьи какъ волна бьется,
Проклинула она чужу сторону:
«Ты злодѣй, злодѣй, чужая сторона!
Ты злодѣй, злодѣй — чужой отецъ и мать!
Посылаютъ меня, молоду»
Во глухую полночь пó воду.
Ужъ какъ я, млада за водой пошла,—
Какъ подули вѣтры буйные,

Прилетѣли гуси сѣрыя
Со родимыя со сторонушки,
Намутили воду свѣжую.
Ужъ какъ я ли безъ воды пришла, —
Свекоръ батюшка журить-бранить,
Свекровь матушка кобить велить,
Деверя насмѣхаются.
Одна милая золовушка,
Ея умная головушка,—
За меня слово замолвила:
«Не брани-ко ее, батюшко,
Не жури-ко, родна матушка!
Мнѣ самой идти въ чужи́ люди».
— А ты, глупая невѣстушка,
Почерпнула бы воды мутныя:
Вода въ ведрахъ настоялась бы,
Сердце свекра уходилось бы.»

2560.

Не было вѣтру да навяяуло,
Не было гостей, да наѣхало.
Ужъ какъ полонъ дворъ вороныхъ коней,
Полны сѣнички дорогихъ гостей.
Подломали они сѣни новыя,
Разступили они золоту чару,
Золоту чару со фени́сами (?),
Со зелеными изумрудами.
Испугали они соловья въ саду.
Какъ расплакалась душа Аннушка,
Уговариваетъ ее свѣтъ Васинька:
«Ты не плачь-ка, не плачь, не вздыхай тяжело!
Я сострою тебѣ сѣни новыя,
Я солью тебѣ золоту чару со фени́сами,
Со зелеными изумрудами,
Ужъ я самъ у тебя соловей въ саду.
Ужъ я буду тебя по зарямъ будить,
По зарямъ будить по утреннимъ».

2561.

Ужъ вы дѣвушки подруженьки
Вы придите посидѣть ко мнѣ во останешны,
Во останешны въ послѣднiй разъ.
Послушайте голубушки, что я буду вамъ наказывать,
Что наказывать, приказывать:
Придетъ-то весна красная,
Разольется вода-полая,
Расцвѣтутъ лазоревыя
Вы поѣдете въ луги гулять,
Ужъ вы будете цвѣточки рвать,
Ужъ вы будете вѣночки вить,
Ужъ какъ мой цвѣточекъ останется.
Онъ останется, расплачется,
Ко сырой землѣ приклонится.
Любезная подруженька,
Сорви-ко ты и мой цвѣтокъ,
Завей-ко ты и мой вѣнокъ,
Отнеси ко родной матушкѣ.
Положико-ко на окошечко,
Чтобы матушка увидѣла,
Родимая бы возжалилась,
Возжалѣвшись бы, ко мнѣ пришла,
Меня, Аннушку, къ себѣ взяла.
«Родимое мое дитятко!
Что скоро соскучилось?»
— «Родимая моя матушка!
Ты спроси-ко гуся сѣраго:
Не зябутъ ли у него ноженьки?
А потомъ ты меня спрашивай:
Хорошо ли жить въ чужихъ людяхъ,
У чужаго отца-матери,
У чужого роду племени?
Чужой отецъ—не батюшка,
Чужая мать не матушка.»
— «Родимое мое дитятко!
Ты убавь-ко своей гордости!
Держи голову поклончиву,
Ретиво́ сердце, покорчиво,
Назови-ко свекра батюшкомъ,
Назови-ко свекровь матушкой!»
— «Родимая матушка!
Мое сердце не воротится,
И назвать мнѣ нехочется.»

2562.

Въ вечеру поздо позднешенько,
Поутру рано ранешенько
Приходила ко мнѣ свахынька,
Стучала подъ окошечко,
Вызывала мою матушку,
Вызывала на красенъ крылецъ,
Кланялась низехынько,
Говорила рѣчь тихохынько:
У васъ есть лебедь бѣлая,
А у насъ есть ясенъ соколъ.
Не можно ли подумати
За Василiя Павлыча
Анну (Ивановну) замужъ выдати?
Она сватала, все хвастала,
Восхваляла чу́жу сто́рону:
«Чужая-то сторонушка
Виноградомъ насѣяна,
Черносливомъ обгорожена,
Сытою поливана,
Золотой парчей покры́вана,

У (такого-то) широкій дворъ —
На семи верстахъ съ половиною,
Среди двора горница —
Ровно свѣтлая свѣтлица.»
— «Не жила млада не вѣдала,
Пожила— все свѣдала:
Чужая сторонушка.
Она горемъ насѣяна,
Кручиной обгорожена,
Слезами поливана,
Печалью покрывана,
У (такого-то) широкій дворъ
На семи куриныхъ шагахъ.
Да съ половиною.
Среди-то двора банишка —
Что худымъ-то худешенько,
Всѣ углы-то отвалилися,
По бревну раскатилися.
Еще свахѣ-то странницѣ,
Да ей еще подговорщицѣ —
Кумаха-бы замучила:
На печи подъ шубою,
Подъ двумя бы тулупами,
Подъ тремя бы одѣялами!
Умереть бы тебѣ, свахынька,
Безъ гроба и безъ савана,
И безъ свѣчъ и безъ ладана
Схоронить бы тебя, сваханька —
Безъ попа и безъ дьякона.
Схоронить бы за банею,
Зарыть бы мякиною,
Помянуть бы дробиною! [1]»

Примѣч. къ стр. 640, къ концу описанія свадьбы въ Калязинск. у. Тверск. губ.

«Разсмотрѣвши внимательно всѣ вышеприведенныя пѣсни и причеты, мы должны придти къ заключенію, что въ нашей мѣстности когда-то существовала купля невѣстъ, на это указываютъ вышеприведенныя сцены выкупа невѣсты у подругъ, брата и т. п.

Независимо отъ воли самого народа, по традиціи, въ причетахъ и пѣсняхъ сохранились черты болѣе или менѣе глубокой древности; мы можемъ даже, съ большей или меньшей вѣроятностью предположить къ какому именно періоду старины относятся тѣ или другія мѣста изъ пѣсенъ и причетовъ, если только постараемся ихъ анализировать. Прежде всего: какою представляется дѣвушка въ причетахъ и пѣсняхъ? Она представляется сильно прикрѣпленною къ своей родной семьѣ, гдѣ окружена попеченіями своихъ отца съ матерью и подругъ: въ этой семьѣ для нея и «работаньице очень легко» и «вешнее гуляньице вольно». Здѣсь цвѣтетъ и расцвѣтаетъ ея красота, здѣсь она среди своихъ подругъ точно лебедь среди лебединаго стада. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣвушку не можетъ не тяготить совершенная замкнутость женской жизни вообще: въ «ея дѣвическую косу вплетаются два ножечка булатные, два замочка полуженные», которые вынимаются изъ дѣвичьей косы только съ выходомъ замужъ. Эта замкнутость, конечно, скорѣе всего можно понимать въ смыслѣ психическихъ потребностей, въ смыслѣ неудовлетворяемыхъ потребностей любви, привязанности и т. д. Эти потребности, безъ сомнѣнія, пробуждались и въ удаленныхъ отъ мужскихъ взоровъ теремахъ, онѣ и тамъ жгли дѣвичье сердце; но только сама дѣвушка не въ состояніи была даже уловить значенія волновавшихъ ея чувствъ, предъ ея взорами носился лишь неясный образъ «друга милаго», въ видѣ яснаго сокола: и только уже мать дѣвушки, догадавшись въ чемъ секретъ, совѣтуетъ дочери «приголубить яснаго сокола». Но чувства дѣвушки уже дошли до своего апогея: она «рада бы сокола приголубить, только ея ноженьки подогнулися, рученьки опустилися, голова съ плечъ покатилася». Въ этихъ словахъ мы видимъ уже изнеможеніе отъ тяжести чувства, подобно тому, какъ это отобразилась въ греческихъ пѣсенкахъ Сафо, гдѣ дѣвушка, одержимая страстью, говоритъ своей матери:

Ниточки рвутся,
Руки трясутся;
Милая маменька,
Дай мнѣ уйти!

Такъ чувство бьется въ дѣвичьей груди и не знаетъ себѣ исхода; но вотъ дѣвушка въ концѣ концовъ останавливается на «другѣ сердечномъ» и произноситъ:

— Милъ-то ли мнѣ милешенекъ,
Милъ сердечный другъ!..

---

[1] У Даля этого слова нѣтъ, а есть: «дробило», ср. чекмарь, колотушка для раздробленія сухихъ комьевъ на пашнѣ.

Эти чувства къ другу милому однако страшатъ молодую неопытную дѣвушку, они представляются ей «бѣлымъ горючимъ камнемъ, который холоднымъ холодешенекъ и который зазнобитъ ея ретивое сердце». Вообще чувство любви скорѣе знобитъ русскаго человѣка, нежели кидаетъ его въ жаръ и волнуетъ кровь, — отсюда и названіе милой въ народѣ «зазноба, зазнобушка». Это чувство подавляетъ его нервную систему, заставляетъ опускать руки и подкашивать ноги, а нерѣдко снимаетъ голову съ плечъ. Конечно все это зависитъ отъ тяжелыхъ условій русской жизни.

Замужество для русской дѣвушки вообще не представляетъ выхода изъ ея тяжелаго положенія, потому что не даетъ ей свободнаго выбора, соотвѣтственно ея чувствамъ, оно бросаетъ ее по волѣ родителей на чужую сторону, къ чужимъ людямъ: оттого-то столько упрековъ и жалобъ выходитъ изъ устъ дѣвушки, обращенныхъ къ своимъ роднымъ, оттого она проситъ завалить дорогу, — по которой долженъ ѣхать ея женихъ, — ельничкомъ, березничкомъ, закатить катомъ, а ее отъ жениха защитить щитами; оттого-то столько отчаянія и грусти вырывается изъ устъ дѣвушки, когда всѣ эти каты откатилися, всѣ щиты отщитилися и всѣ родные ее продали.

Въ концѣ концовъ русская дѣвушка въ приведенныхъ причетахъ и пѣсняхъ представляетъ «работницей-заботницей; ея рука не нѣжная, рука рабочая». Какимъ же въ свою очередь представляется въ тѣхъ же пѣсняхъ и причетахъ женихъ?

Онъ представляется добрымъ молодцемъ, который гуляетъ «по запольицу», или же разъѣзжаетъ по зеленой дубравушкѣ «въ колясочкѣ», — онъ называется княземъ, который съ подарками и, какъ будто случайно, попадаетъ къ дѣвушкѣ въ домъ, къ которому привела его изъ зеленой дубравушки хитрая лисичка, показывая слѣдъ».

Вникая въ подробности причетовъ и пѣсенъ, обрисовывающихъ жениха, мы наталкиваемся на вопросъ о первоначальномъ происхожденіи этихъ народныхъ произведеній. Въ самомъ дѣлѣ: почему женихъ называется заѣзжимъ молодцомъ, княземъ, ѣдущимъ въ колясочкѣ, почему онъ первоначально посылаетъ въ домъ невѣсты пословъ, а самъ остается въ дубровушкѣ, почему его гости называются «боярами», которые, въѣхавши въ невѣстины ворота «полонъ дворъ коней наставили и поломали сѣни новы?»

Нельзя ли допустить предположеніе, что всѣ эти свадебныя церемоніи ведутъ свое начало отъ временъ княжеской Руси, когда князья рыскали по дубровушкамъ за охотой, когда они женились или въ сосѣднихъ княжествахъ, или у своихъ подданныхъ. Съ другой стороны, — при княжескихъ домахъ, во время свадебъ тоже были свои церемоніи, — и не были ли эти церемоніи заимствованы отсюда народомъ, какъ теперь заимствуются деревней разные обычаи города, — и такимъ образомъ, хотя и въ искаженномъ видѣ, дошли до нашего времени. Интересно было бы собрать, какъ можно болѣе подобныхъ причетовъ и пѣсенъ и въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ: тогда бы по сличенію ихъ, можно было бы дѣлать болѣе обобщенные выводы. Народныя пѣсни и причеты говорятъ не только о настоящей народной психологіи, но также о психологіи и бытѣ давно прошедшаго, а это очень важно.

П. Новоселовъ.

Тверск. Вѣстникъ 1880 г., № 19, стр. 15 (конецъ ст. Народная свадьба въ Калязин. у.).

Изъ письма А. Кузнецова. Дополненіе къ описанію свадьбы въ Оренбургск. у.

«Въ письмѣ своемъ вы указываете на пробѣлы въ моемъ свадебномъ очеркѣ.

Относительно стоимости свадьбы сообщу, что самая бѣдная крестьянская свадьба въ Оренбургскомъ уѣздѣ стоитъ сторонѣ невѣсты 40 рублей, а жениховой 80, если не считать пищевыхъ продуктовъ, идущихъ на свадьбу изъ своего хозяйства; богатая же крестьянская свадьба здѣсь только на одно вино требуетъ отъ невѣстиной стороны 80 р., отъ жениховой 150—200 р. Прошлой осенью, въ селѣ Покровскомъ, гдѣ я въ настоящее время обрѣтаюсь, мой пріятель, богатый мужикъ (Карповъ) выдавалъ замужъ внучку, — и ему свадьба обошлась въ 100 руб., да кромѣ того онъ употребилъ на харчи 2 свиней по 8 пудовъ, 7 барановъ, 15 гусей, 10 утокъ, кадушку масла коровьяго, воза два муки на пироги, да огромное количество (около 2500 штукъ) яицъ да куръ штукъ 50. Жениха сторона (Захаръ Пономаревъ, сватъ Карпова) израсходовалъ вдвое больше невѣстиной. Нельзя было и не израсходовать: вѣдь на свадьбѣ только однихъ родныхъ было 70 человѣкъ, а кумушекъ да сосѣдушекъ съ шабрами не считали, а то навѣрное насчитали бы столько же, если не больше.

Пріятель мой Карповъ старикъ 75-ти лѣтъ, глава 20-ти головой семьи (въ нашемъ уѣздѣ не рѣдкость семья въ 30—35 человѣкъ). Онъ разсказываетъ, что въ старину дореформенную свадьбы были веселѣе: вина больше выпивали, примѣрно, вдвое, «а про харчи — хлѣбъ-соль и говорить нечего... На семьянистой и богатой

свадьбѣ по 10 барановъ за разъ съѣдали, а про гусей и утокъ, особливо про куръ и яйца, про масло и хлѣбъ и говорить нечего. За то тогда и безобразій было больше. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ старикъ, бывалый и видавшій виды.

О продолжительности свадебныхъ торжествъ, я кажется писалъ въ очеркѣ. Точно опредѣлить продолжительности ихъ очень трудно, потому что они, т. е. празднества бываютъ съ перерывами, съ промежутками—иногда съ недѣльными, иногда больше, иногда меньше. Чѣмъ богаче стороны, справляющія свадьбу, тѣмъ продолжительнѣе празднества и на оборотъ, чѣмъ беднѣе, тѣмъ короче. Безъ промежутковъ мой пріятель Карповъ гулялъ свадьбу двѣ недѣли, а съ промежутками—$1^1/_2$ мѣсяца.

Цѣломудріе у насъ въ уѣздѣ строго соблюдается, въ глухихъ, болѣе отдаленныхъ отъ города селеніяхъ; въ селеніяхъ же близкихъ къ городу и въ такъ называемыхъ селеніяхъ базарныхъ уже не такъ цѣнится и наблюдается. За то въ первыхъ въ большомъ употребленіи «покора» (худой стаканъ родителямъ и хомутъ на шею или вывороченная шуба), а во вторыхъ она бросается. И въ первыхъ «цѣлошная» рубашка выносится на публику, на показъ всей честной компаніи, а въ послѣднихъ вмѣсто показыванія рубашки, какъ знакъ цѣломудрія невѣсты устраивается особый пиръ, называемый «Калинкой». Въ знакъ же отсутствія «цѣлки» этого пира у невѣсты не справляется, если молодой не пожелаетъ обнаружить грѣхъ своей суженой, т. е. уже молодушки».

Въ пригородныхъ селеніяхъ послѣ «гарнаго» на другой день утромъ молодой ходитъ къ тещѣ на блины, и если онъ, узнавъ грѣхъ нецѣломудріи своей жены въ дѣвкахъ, пожелаетъ его обнаружить, то онъ въ поданныхъ блинахъ выѣдаетъ только серединки или просто дѣлаетъ въ нихъ дырки (тоже «покора»).

Въ прежнее время, до реформы, по словамъ стариковъ, дѣвки и парни вели себя, въ общемъ, лучше: почти не было случаевъ, чтобы обнаруживалась нецѣломудренность дѣвушки, чтобы, какъ поется въ одной современной пѣсенкѣ:

Дѣвки мелки
Растеряли свои цѣлки.

или:

Какъ мы съ обыскомъ пойдемъ
Одной цѣлки не найдемъ.

Не смотря на то, что парни и дѣвки часто цѣлыя недѣли проводили вдали отъ родителей, на вечеринкахъ, гдѣ устраивались игры и спали вмѣстѣ, или попарно, или же цѣлою вечеринкой на одномъ полу, на однихъ полатяхъ, на однихъ печахъ и т. д. Нынѣ родители строго слѣдятъ за дочками, а между тѣмъ неуцѣлѣвшихъ выходятъ замужъ больше, а въ пригородныхъ и базарныхъ селеніяхъ встрѣчаются случаи, когда дѣвка имѣетъ дѣтей:

У дѣвушки Любушки
Двѣ дочки голубушки.

Коровай — особый свадебный хлѣбъ существуетъ только въ немногихъ селеніяхъ, а «курникъ» забылся, а можетъ быть, его у насъ и не было, такъ какъ здѣсь всѣ подъ словомъ «курникъ» разумѣютъ паштетны (пашкетный) пирогъ, начиненный куриными потрахами и мясомъ».

А. Кузнецовъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Оканчивая этимъ II-мъ выпускомъ первый томъ настоящаго своего сборника, я нахожу необходимымъ разъяснить въ его заключеніи возможныя со стороны читателей нѣкоторыя недоумѣнія, разрѣшеніе которыхъ они не нашли въ предисловіи къ 1-му его выпуску и вмѣстѣ съ тѣмъ представить на судъ ихъ тѣ мысли, которыми я руководствовался при составленіи предлагаемаго выпуска.

Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ 1-го выпуска «Великорусса» однимъ ученымъ рецензентомъ было, между прочимъ, высказано недоумѣніе на счетъ того, что великорусскія народныя пѣсни попали въ Одессу. Это странное недоумѣніе можно объяснить себѣ только тѣмъ, что почтенный ученый въ данномъ случаѣ совершенно упустилъ изъ виду, что въ этомъ многолюдномъ приморскомъ торговомъ городѣ мы встрѣчаемъ не только среди рабочихъ всякаго рода, массу пришлаго православнаго люда изъ ближайшихъ великорусскихъ губерній, но тамъ за городомъ уже много десятковъ лѣтъ существуютъ цѣлыя слободы, населенныя коренными великоруссами, доселѣ весьма ревниво сохранившіе нерушимо свой бытъ, свой родной языкъ, свои обычаи, преданія и пѣсни. Объ этомъ еще въ 40 годахъ писалъ въ «Москвитянинѣ» профессоръ Зеленецкій.

Подобное недоумѣніе вызовутъ, пожалуй, и тѣ пѣсни, которыя у насъ помѣчены изъ Харьковской и Екатеринославской губерній. Но дѣло въ томъ, что и эти пѣсни записаны отъ пришлыхъ изъ внутреннихъ губерній русскихъ рабочихъ и ремесленниковъ, по долгу проживавшихъ среди малороссовъ, вліяніе которыхъ, хотя въ слабой степени, не могло не отразиться на ихъ языкъ.

Затѣмъ можетъ возникнуть еще недоумѣніе относительно встрѣчи однихъ и тѣхъ же пѣсенъ изъ Вологодской губерніи, за подписью Н. А. Иваницкаго и въ настоящемъ сборникѣ и въ разныхъ томахъ монументальнаго сборника профессора А. И. Соболевскаго (Великорусскія народныя пѣсни). Для рѣшенія этого, весьма понятнаго недоумѣнія нахожу нужнымъ сообщить слѣдующее: лѣтъ 15 тому назадъ нашъ извѣстный даровитый этнографъ, упомянутый Н. А. Иваницкій (уже покойный), почтилъ меня своимъ довѣріемъ и передалъ въ полное мое распоряженіе большой рукописный сборникъ пѣсенъ, записанныхъ имъ въ разныхъ уѣздахъ означенной губерніи. Часть этихъ пѣсенъ была, какъ онъ объясняетъ тамъ въ предисловіи, напечатана въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и затѣмъ въ сборникѣ земства, въ крайне неисправномъ видѣ. Изъ сказаннаго ясно, что хотя и я и профессоръ Соболевскій черпали пѣсенный матеріалъ по Вологодской губ. изъ одного и того же источника, но въ одинакомъ невѣдѣніи насъ обоихъ насчетъ степени пользованія этимъ источникомъ для своихъ цѣлей каждымъ изъ насъ, такъ какъ наши сборники печатались въ одно и тоже время.

Теперь мнѣ остается отвѣчать еще на одинъ, возможный со стороны читателя вопросъ: почему я выбралъ для настоящаго своего сборника такое многообѣщающее заглавіе?

Выбралъ я это заглавіе во-первыхъ потому, чтобы съ разу отличить его отъ другихъ, ему предшествовавшихъ моихъ сборниковъ по бѣлорусской этнографіи, цѣлый рядъ которыхъ появлялись

въ печати въ теченіе не одного десятка лѣтъ (начиная съ 1874 г.) и пріучили читателей новѣйшихъ поколѣній къ мысли, что всѣ мои этнографическія работы ограничивались и ограничиваются только предѣлами областей бѣлорусскихъ говоровъ. Во-вторыхъ для того, чтобы полнѣе, рельефнѣе выставить на видъ содержаніе предлагаемаго труда, для котораго заглавіе «Русскія народныя пѣсни», подъ которымъ въ 1870 году вышелъ въ свѣтъ первый мой великорусскій сборникъ, далеко не выражаетъ всего объема того, что входитъ теперь въ разнообразный его составъ.

Приведенное объясненіе можетъ, кажется, служить достаточнымъ доказательствомъ того, что даннымъ заглавіемъ я не думалъ, да и думать не могъ представить въ своемъ «Великоруссѣ» полный кодексъ этнографическихъ данныхъ всѣхъ губерній и областей, населенныхъ преимущественно великорусскимъ племенемъ. На такую задачу не хватило бы жизни не только одного человѣка, но и цѣлаго поколѣнія самыхъ ревностныхъ собирателей, особливо при крайней скудости какъ матеріальныхъ средствъ, такъ и активнаго сочувствія нашего общества въ пользу подобныхъ задачъ.

Но какъ бы то ни было, а разъ выбравши, хотя по необходимости, для новаго своего сборника такой многообѣщающій, чуть-ли не рискованный титулъ, я, по мѣрѣ своихъ силъ старался расширить для него (противъ прежняго его изданія), рамки своей программы и пополнить ихъ, какъ можно болѣе разнообразными этнографическими данными въ области слова, обычая, обряда, пѣсни и т. п. Преимущественно же мое вниманіе при этомъ было направлено на пополненіе отдѣловъ по части обрядовъ, сопровождающихъ главные моменты жизни человѣка на землѣ, каковы рожденіе и крестины, свадьбы и смерть, такъ какъ въ нихъ, вслѣдствіе ихъ ритуальнаго значенія, уцѣлѣли отъ сокрушенія времени вплоть до нашихъ дней крупные слѣды древняго быта, древнихъ вѣрованій. Труднѣе всего оказалось добываніе матеріаловъ по обрядамъ двухъ первыхъ категорій и потому они и совершенно отсутствуютъ въ этой книгѣ. Однако надѣюсь, что мои дальнѣйшіе поиски по нимъ, если Богу угодно будетъ сохранить еще мнѣ жизнь и здоровье, окажутся не совсѣмъ безуспѣшными и я буду имѣть возможность напечатать ихъ въ приложеніи къ слѣдующему тому. Но за то мнѣ болѣе посчастливилось собрать значительное количество небезынтереснаго матеріала по обрядамъ свадебнымъ изъ 22 великорусскихъ губерній. Разумѣется всѣ эти записи не одинаковаго достоинства, но со стороны хронологіи онѣ представляютъ возможность прослѣдить свадебный ритуалъ исторически, начиная съ 50 годовъ.

Предлагаемое собраніе названныхъ данныхъ, хотя и занимаетъ въ этомъ сборникѣ цѣлыхъ 25 печатныхъ листовъ, едва-ли однако оно составитъ и сотую долю того, что являлось по этой части въ печати въ продолженіе только что истекшаго столѣтія, начиная съ первой его четверти,—преимущественно въ журналахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Отдѣльныхъ же сборниковъ, посвященныхъ исключительно обрядамъ свадебнымъ и погребальнымъ въ нашей этнографической литературѣ почти не существуютъ. II-й т. «Быта русскаго народа» Терещенко, содержащій описаніе этихъ обрядовъ, нельзя принимать въ счетъ, такъ какъ добрая часть его посвящена пересказамъ изъ Олеарія и старинныхъ грамотъ о свадьбахъ русскихъ царей до-Петровскихъ временъ, а затѣмъ перепечаткой изъ соч. Снегирева и отчасти Сахарова.

Мысль о важности приложенія подробнаго предметнаго указателя ко всѣмъ отдѣламъ настоящаго моего сборника, которымъ, льщу себѣ пріятной надеждой, не преминутъ воспользоваться, въ видѣ подспорья, наши ученые этнографы при своихъ изслѣдованіяхъ бытовой народной жизни, преслѣдовала меня безотлучно въ теченіе многихъ лѣтъ. Но, осуществить эту основательную мысль на дѣлѣ я оказался внѣ всякой возможности, такъ какъ всю многосложную работу надъ упорядоченіемъ и окончательнымъ приготовленіемъ къ печати громаднаго количества *совершенно сырыхъ* матеріаловъ по великорусской и бѣлорусской этнографіи я веду совершенно одинъ, безъ посторонней помощи. А для составленія желаннаго указателя, требующаго и, какъ хорошо всѣмъ извѣстно, не мало времени и кропотливаго труда, мнѣ пришлось бы задержать появленія его въ печати еще на неопредѣленно-долгое время, что въ виду преклонныхъ моихъ лѣтъ и сильно надтреснутаго здоровья, было бы не только весьма рисковано, но и досадно и совѣстно передъ самимъ собою и въ особенности передъ моими безкорыстными сотрудниками, разсѣянными почти по десяткамъ губерній Россіи.

Вслѣдствіе всего изложеннаго я рѣшился составить, по крайней мѣрѣ, хоть отдѣльный *сокращенный* указатель для самаго большаго и вмѣстѣ съ тѣмъ самого содержательнаго отдѣла своего «Великорусса» — т. е. для свадебныхъ обрядовъ, который вслѣдъ затѣмъ и предлагаю:

а) Время для совершенія свадьбъ не во всѣхъ губерніяхъ, откуда у насъ приведено ихъ описаніе, одинаково. Подробное указаніе на этотъ счетъ читатель найдетъ на страницахъ: 565, 631, 662, 664, 708, 710, 715, 718, 724.

б) Свадебные чины и прочіе участники свадебнаго ритуала.

Кромѣ обычныхъ на всѣхъ русскихъ свадьбахъ чиновъ, какъ напр. *тысяцкій*, дружка, поддружье, полудружье, *большей* и *малый бояринъ* и пр., мы въ г. Пинегѣ встрѣчаемъ еще: а) *вѣжливаго*, т. е. колдуна, оберегающаго свадьбу отъ порчи со стороны другихъ колдуновъ: стр. 332—333 и б) *подголошницы* — дѣвицы, помогающія невѣстѣ въ причитаніяхъ: стр. 387.

Въ Елибужск. у. (Вятск. г.) *погонихи*: стр. 467.

Въ Крестецк. у. *шапошники*: стр. 500.

Въ г. Псковѣ между свадебными чинами встрѣчаемъ: «вѣнчальнаго батька» и «вѣнчальную матку»: стр. 544.

Въ Зарайск. у. (Ряз. губ.) выдѣляются *вечеровыя*: стр. 560.

Въ Каляз. у. (Тверск. губ.) между перечисленными свадебными членами (стр. 633) обращаетъ на себя наше вниманіе *гвоздарь*, названіе, отзывающееся глубокой стариною; о немъ упоминается и дальше, на стр. 639.

Въ Новоторжск. у. (той-же губ.): одинъ изъ свадебныхъ чиновъ носитъ названіе: *трутень* или *кормовой*, — его обязанностью готовить постель для новобрачныхъ: стр. 640.

Въ Судогодск. у. (Владим. губ.) мы (на стр. 676) находимъ цѣлый рядъ свадебныхъ должностныхъ лицъ, которыхъ мы въ другихъ великорусскихъ губерніяхъ пока не встрѣчали.

Въ Сердобск. у. (Саратовск. губ.) въ числѣ свадебныхъ должностныхъ лицъ мы видимъ *каравайника* (онъ везетъ съ женихомъ коровай хлѣба въ церковь и изъ церкви) и *подсвѣчники*, который принимаетъ свѣчи, употребляемыя при вѣнчаніи: стр. 745.

Въ Оренбургск. у. *постельники:* мужчина и женщина, ихъ обязанность — доставка постели и приданнаго отъ невѣсты до жениха: стр. 753.

Изъ болѣе дѣятельныхъ участниковъ въ свадебной обрядности особенно выдаются: сватъ, сваха, а еще болѣе — дружко.

О свахѣ, ея пріемахъ и рѣчахъ при сватовствѣ, также о взглядѣ на нее мѣстныхъ обывателей см. стр. 470, 536, 539, 565, 566, 662, 742.

Роль свахи въ иныхъ мѣстностяхъ исполняетъ сватъ. О немъ — стр. 673 и 751.

в) Относительно же дружка и его краснобайства считаю нужнымъ сдѣлать болѣе обстоятельное указаніе:

	стран.
Арханг. губ. Рѣчи дружки передъ выѣздомъ къ вѣнцу........................	389
Вологодск. губ. Устюжск. у. Его причеты въ домѣ невѣсты — №№ 1431—1444, 1496—1499.	
Вятск. губ. Глаз. у..	483—484
Владимірск. г. Юрьевец. у. № 2232..........................	669
Судогодск. у..	677, 678
Покровск. у..	683—685
Новгородск. г. Крестецк. у...................................	501, 505
Бѣлозерск. у. Дружки сторонъ загадываютъ другъ дружкѣ загадки...	524—525
Валдайск. у. Переговоры дружекъ съ братомъ невѣсты.............	533, 535
Псковск. г. гор. Псковъ. Переговоры дружекъ..................	544
Рѣчь дружки..	546
Великолуцк. у. Пѣсни дружки жениха съ пирогами №№ 1825, 1826 и 1827.	551—552
Рѣчь дружки жениха..........................	552
Разговоръ дружки жениха съ дружкомъ невѣсты съ бояркими..............................	553
Тульск. г. Новосильск. у. Переговоры дружки жениха съ подружками невѣсты и съ женихомъ..	570
Курск. г. Рыльск. у..	626
Тверск. г. Калязинск. у. Рѣчь свата, замѣняющаго здѣсь, какъ подъ часъ и въ другихъ мѣстахъ роль дружка..............................	633

д) Въ свадебномъ ритуалѣ занимаетъ весьма важное мѣсто обрядъ приготовленія для невѣсты (наканунѣ бракосочетанія) *бани*, проводы ея туда и обратно съ пѣснями. Этотъ древній обрядъ сохранился и практикуется до нашихъ дней среди великорусскаго населенія всей Россіи. Въ настоящемъ сборникѣ сообщаются свѣдѣнія объ этой обрядности изъ слѣдующихъ губерній:

е) Еще привлекаютъ наше вниманіе слѣдующіе обряды и обычаи:

При этомъ нелишне будетъ напомнить, что свадебный хлѣбъ составляетъ предметъ священнаго культа какъ у Великоруссовъ, такъ и у Бѣлоруссовъ, Малороссовъ, Галичанъ. См. Труды Чубинскаго, т. IV, стр. 214—248, 560, 570, 584, 601, 634; у Шейна: «Бѣлорусскія народныя пѣсни», стр. 340—343; его же «Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣв.-Зап. края.» Т. I, ч. II, стр. 275—280.

Въ Галицкой Руси коровай играетъ важную роль въ свадебномъ ритуалѣ. См. «Галицкія и Угорскія пѣсни Головацкаго — ч. II, стр. 403, 438, 643, — ч. III, стр. 306.

И у литовцевъ свадебныя обрядности не обходятся безъ коровая.

См. Hochzeitsgebräuche der Welonischen Litauer (Karvólus svosidi) *), стр. 328—330.

и) Взглядъ народа на цѣломудріе дѣвушекъ и отношеніе его къ проступившимся не вездѣ одинаковъ; также не вездѣ одинаково строги требованія доказательствъ такъ называемой честности отъ новобрачной. Это видно изъ нижеслѣдующихъ указанныхъ данныхъ:

*) Sonderabdruck aus den Mittheilungen der Litauischen literarischen Gesellschaft Bd. III, Heft 14 S. 134 ff.

Примѣчаніе. О «калинкѣ», какъ объ одномъ изъ значительныхъ отдѣловъ свадебнаго ритуала въ Малой и Бѣлой Руси см. Труды Чубинскаго, т. IV, стр. 450, 453—454, «Матеріалы» Шейна т. I, ч. II, стр. 29 — и его-же «Бѣлорусскія народныя пѣсни», стр. 304, 336 и 352. Три пѣсни подъ заглавіемъ «калина», поющіяся, когда подымаютъ молодыхъ и невѣста оказалась честною. Не лишнимъ считаю привести оттуда одну изъ этихъ пѣсенъ:

Добрые наши морозы!
Не зморозили намъ рожи.
Пусцили квѣты по клѣцы,
А зялёны листокъ подъ мостокъ,
Чирвону калину въ подолдѣкъ.
Тутъ табѣ, калина, развицьца,
А мнѣ, молодзѣ разжицьца,
Тутъ тебѣ, калина, съ вѣтками,
А мнѣ, молодзѣ, зъ дзѣтками.

Ср. мои «Матеріалы» т. I, ч. II, стр. 119 и 327.

I) Касательно стихотворной части свадебной обрядности, болѣе всего привлекаютъ наше вниманіе такъ называемыя *заплачки, причитанія* или *причети*. Мы, правда, ихъ встрѣчаемъ спорадически въ губерніяхъ центральныхъ или приволжскихъ, но нигдѣ не пользуются онѣ тамъ такимъ почетомъ, нигдѣ не составляютъ такого необходимаго элемента свадебныхъ торжествъ, какъ именно въ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ. Тутъ народъ считаетъ причитанія священной частью этихъ торжествъ, пропускать которыя никакъ нельзя. Невѣста, приступая къ нимъ (въ день, особо для этого назначенный — вскорѣ послѣ рукобитья), съ первыхъ же словъ обращается къ Богу и святымъ угодникамъ о дарованіи ей «звучнаго голосу со умильной, со горазной, со причетью» (№ 1290) и далѣе (въ № 1316, стр. 387), въ началѣ своей причети также обращается къ Царю Небесному, Христу Истинному и Св. Богородицѣ съ молитвою: благословить ее

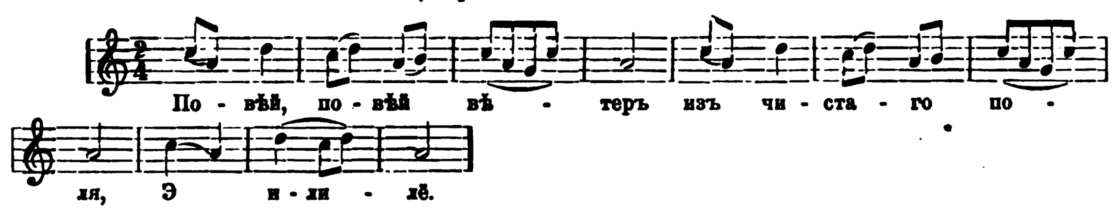
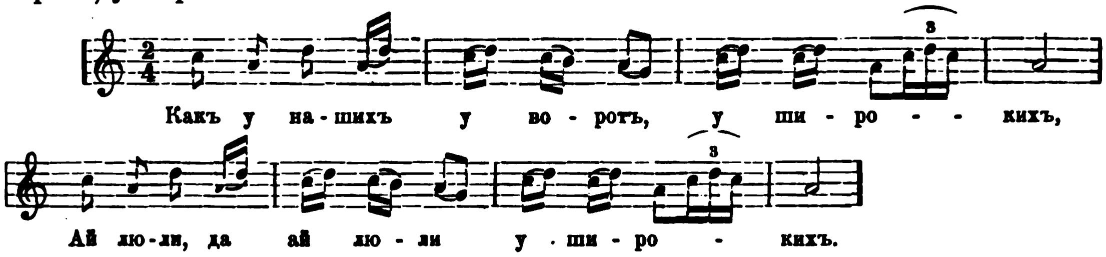
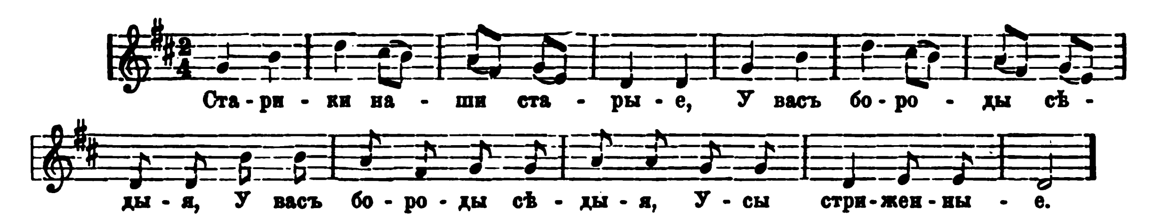
Бѣлой лебедью воскликати,
Красной дѣвицей восплакати.

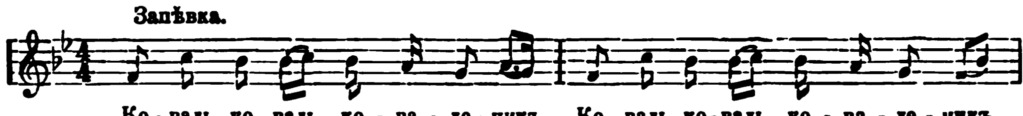
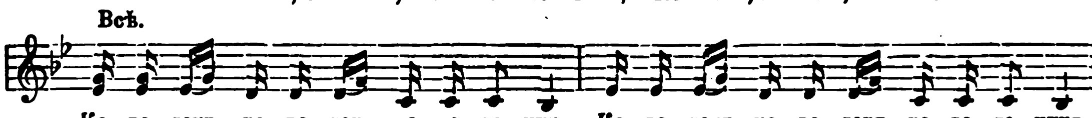
Затѣмъ въ этихъ причитаніяхъ поражаетъ проявленіе такого искренняго религіознаго и патріотическаго настроенія, котораго мы (пока) нигдѣ въ остальной Россіи не встрѣчаемъ. Это: поклоны передъ образами и молитвы за духовенство, за царя, царицу, царское семейство и за армію. См. №№ 1306 (стр. 383), 1369 (стр. 405) и 1466 (стр. 433).

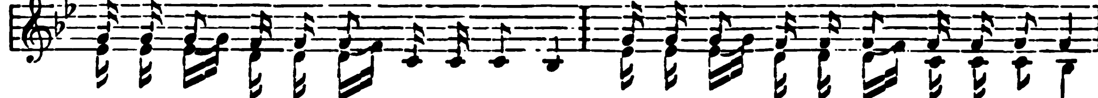
Также достойны вниманія: а) пѣсни слѣд. №№: 1825—1827 (Пск. г.) и 1911 (Тульск. г.). Въ нихъ передъ благословеніемъ брачущихся мы встрѣчаемъ молитвенное обращеніе къ святымъ Кузьмѣ и Демьяну (подъ которымъ народъ подразумѣваетъ одно лицо,—ковачу и закрѣпителя брачнаго, чтобы онъ сковалъ имъ свадьбу крѣпко-на крѣпко. Ср. у Шейна: «Матеріалы» т. I, ч. II, стр. 426 и 455. Въ бѣлорусскихъ свадебныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ и приговорахъ мы чаще встрѣчаемъ молитвенное обращеніе къ этимъ святымъ угодникамъ.

и к) Пѣсни и причеты, въ которыхъ невѣста разсказываетъ свои вѣщіе сны. См. №№ 1303, 1331, 1381, 1410, 1443, 1638, 1697, 1829, 1862, 2193, 2214, 2390.

л) О свадьбахъ уходомъ, воровскихъ — см. стр. 708 и 765.

Къ № 437, стр. 101. Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ.

На варіантъ этой пѣсни поется плясовая (но не хороводная) «Какъ у нашихъ у воротъ, у широкихъ».

Къ № 554, стр. 136. Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ

Къ № 573, стр. 143. Зап. С. Г. Рыбаковымъ съ голоса М. П. Лихаревой (1898 г.).
Коваль. Скопинск. у. Рязанской губ.





Вар. Зап. С. Г. Рыбаковымъ съ голоса П. В. Шейна (1898 г.).

Запѣвъ.

Ко - валь, ко - валь, ко - ва - ле - чекъ, Ко - валь ми - лень - кій дру - жо - чекъ,
Схо - ди, ко - валь, во лѣ - со - чекъ, Схо - ди, ко - валь, во лѣ - со - чекъ.

Всѣ.

Ко - ва - лекъ, ко - ва - лекъ, ко - ва - ле - чекъ, Ко - ва - лекъ, ко - ва - лекъ, ко - ва - ле - чекъ

Къ № 770, стр. 201. Зап. съ голоса П. В. Шейна С. Г. Рыбаковымъ (1898 г.).

Ахъ, раз - мо - ло - - день - ки, ахъ, вы друж - ки мо - и, ахъ,
у - не - си - те въ даль ме - ня, ахъ, то не вѣ - теръ раз - несъ
ку - дри мо - и зо - ло - ти - сты раз - не - сла ихъ грусть то - ска.

Къ № 707, стр. 184. Зап. С. Г. Рыбаковымъ.

Г. Верхнеуральскъ, Оренб. губ.

Умѣренно.

Запѣвка. Всѣ.

Ужь вы, но... ужь вы, по - че - ни - ки, вы, но - чи те.. эхъ
но - чи тем - ны - я, но - чень - ки о - сен - - ні - я.

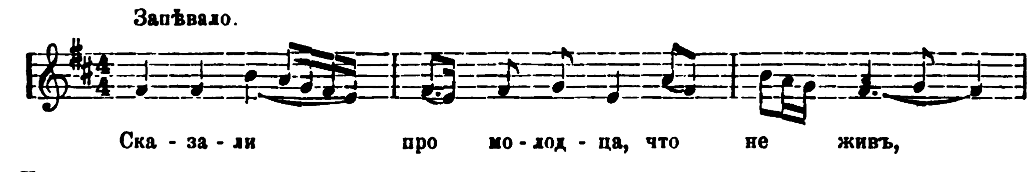
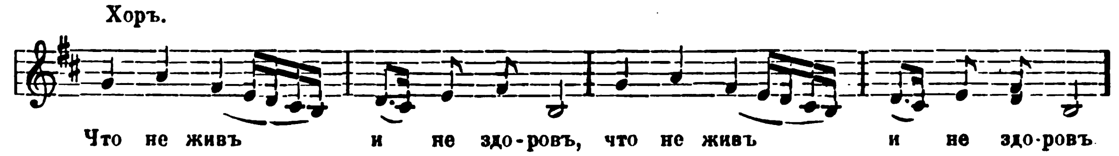
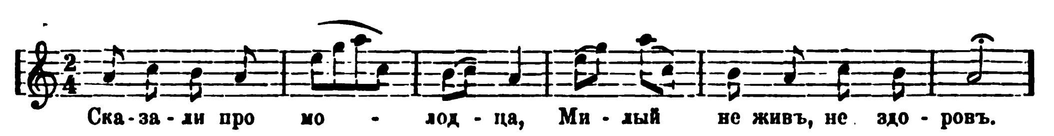
Къ № 712, стр. 185. Зап. С. Г. Рыбаковымъ.

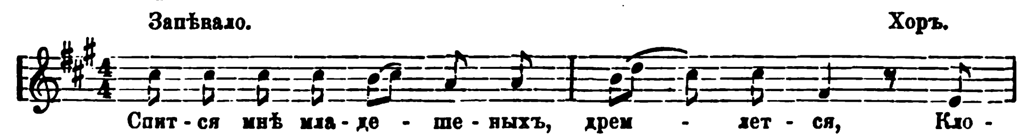
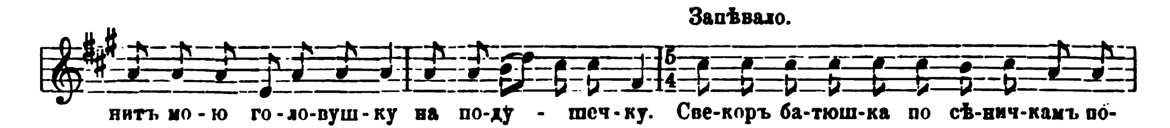
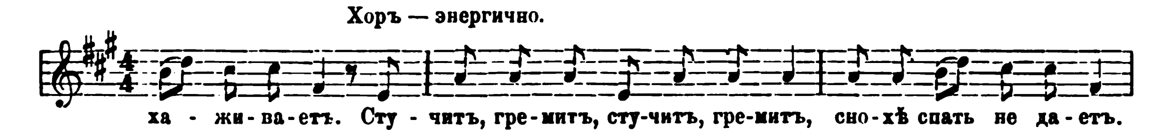
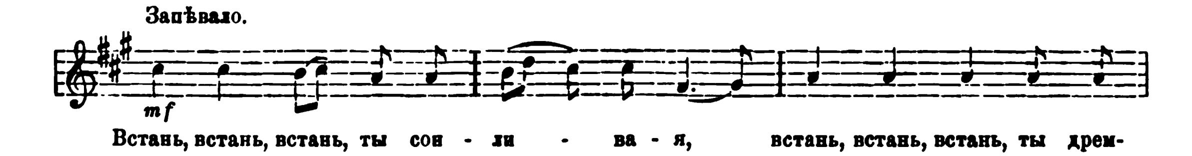
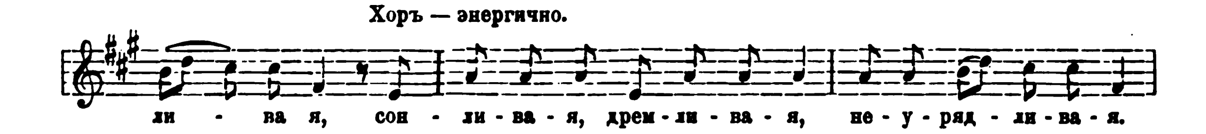
Г. Верхнеуральскъ.

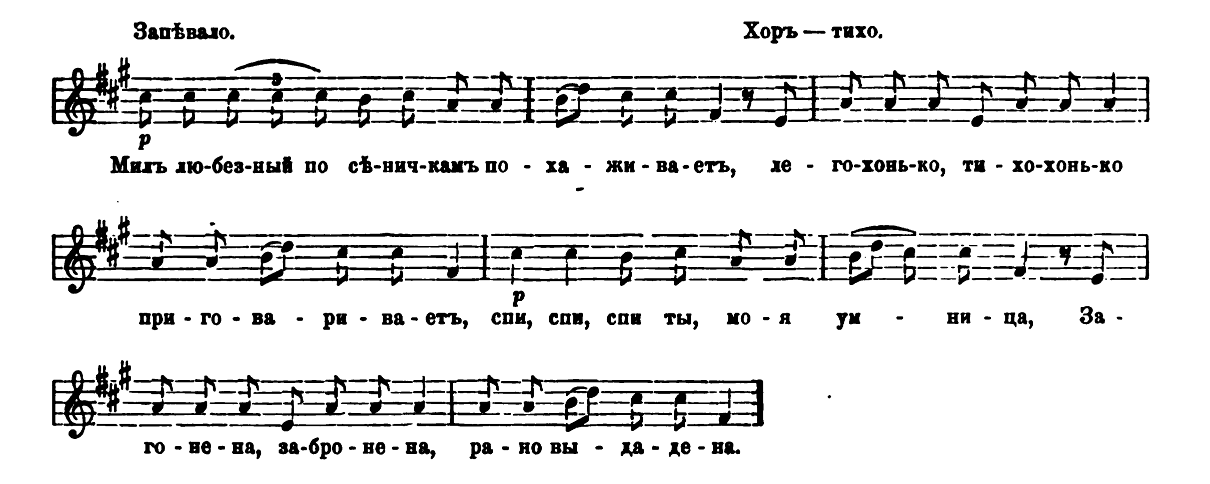
Довольно скоро.

У насъ бы - ло нынь - че во ны - нѣ - шнемъ го - ду,
ахъ, да у - ро - ди - ло - ся мно - го я - годъ, я - годъ во бо - ру.

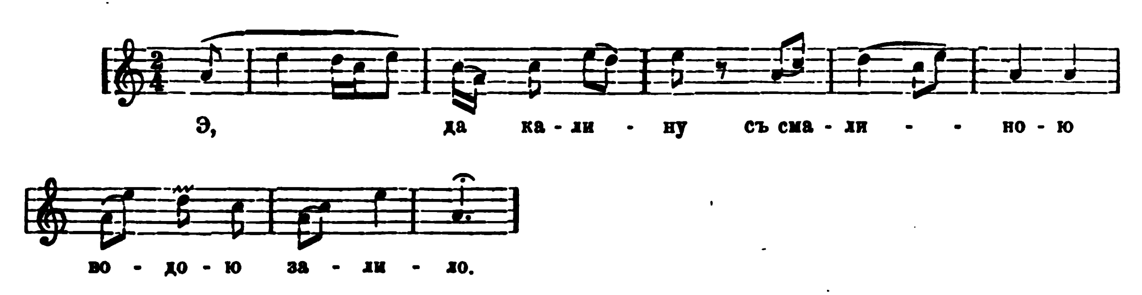
Къ № 775, стр. 203. Зап. съ голоса П. В. Шейна С. Г. Рыбаковымъ (1898 г.).

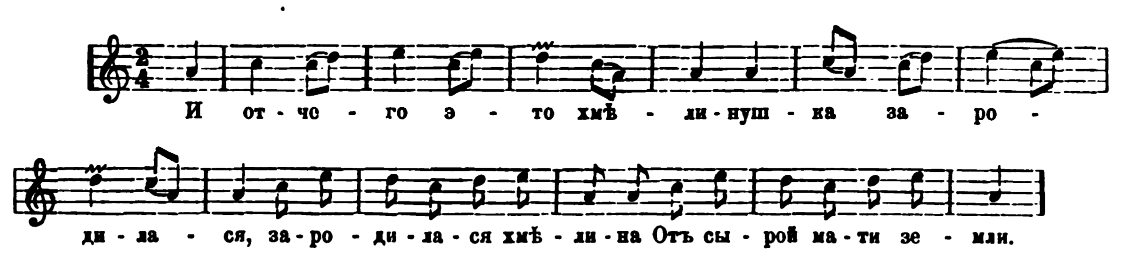
Умѣренно.

Къ № 776, стр. 203. Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ.

Къ № 833, стр. 221. Зап. съ голоса П. В. Шейна С. Г. Рыбаковымъ.

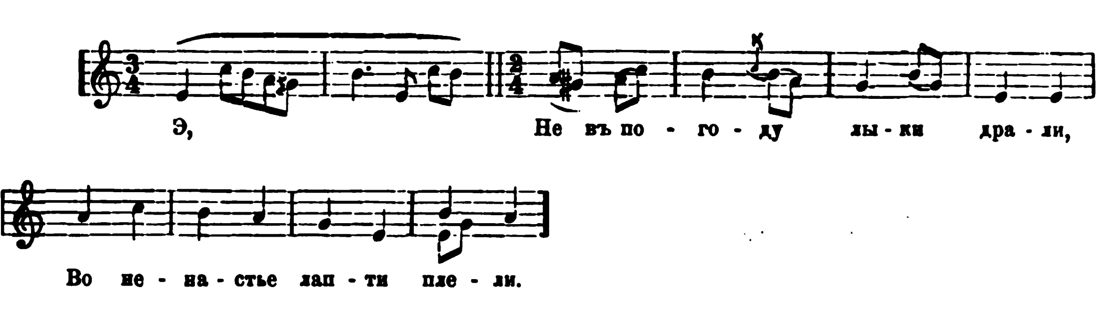
Умѣренно скоро.



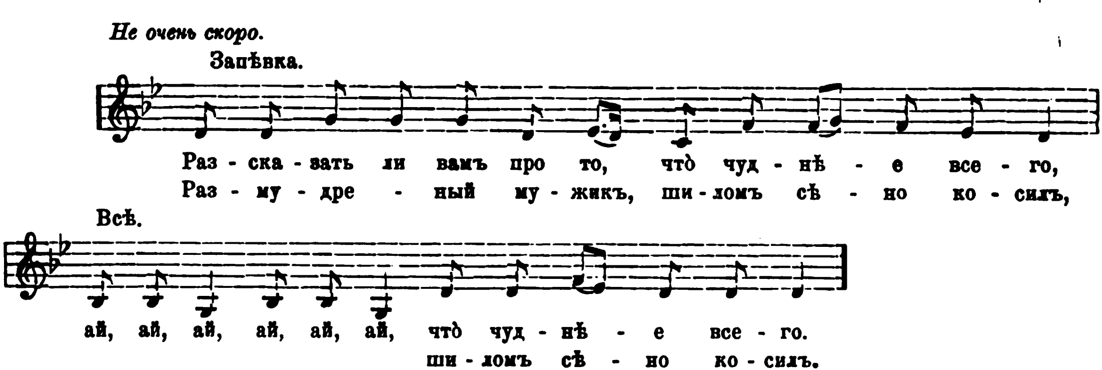


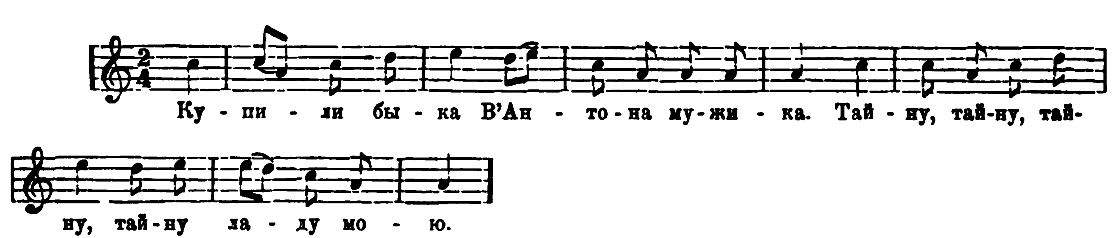
Къ № 852, стр. 227. Зап. Н. Θ. Соловьевымъ.

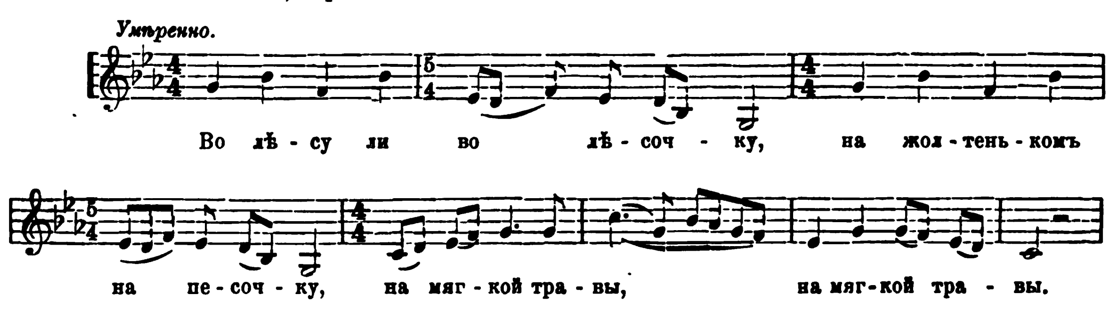


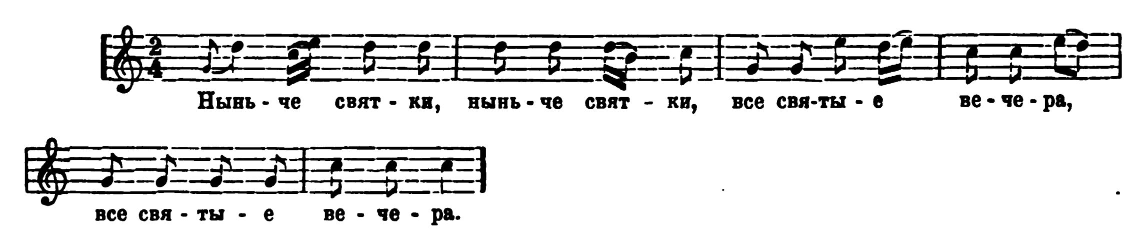
Къ № 857, стр. 228. Зап. Н. Θ. Соловьевымъ.

Къ № 955, стр. 270. Зап. Н. Θ. Соловьемымъ.



Къ № 958, стр. 271. Зап. съ голоса П. В. Шейна С. Г. Рыбаковымъ.

Къ № 1014, стр. 297. Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ.



Къ № 1245, стр. 362. Зап. съ голоса П. В. Шейна С. Г. Рыбаковымъ.

Къ № 1050, стр. 310. Зап. Н. Ѳ. Соловьевымъ.



(Объяснительное письмо Н. Ѳ. Соловьева по поводу сообщенныхъ имъ мнѣ пѣсенъ).

Многоуважаемый

Павелъ Васильевичъ,

Сообщая вамъ нѣкоторыя русскія пѣсни, считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующія примѣчанія.

Записывалъ я эти пѣсни въ 60-хъ годахъ съ исключительною цѣлью поближе познакомиться съ духомъ русской мелодіи.

Около 300 пѣсней сообщила мнѣ нѣкая крестьянка Марья, тульская уроженка, обладавшая обширной памятью. При записываніи я довольствовался только мелодіей въ томъ видѣ, въ какомъ она подходитъ къ первымъ строкамъ пѣсни, не доводя свой трудъ до точной музыкальной записи текста съ пѣніемъ — вплоть до конца пѣсни, которой мелодія, сообразно съ текстомъ, немного видоизмѣнялась, съуживаясь или расширяясь, по капризному требованію не всегда одинаково размѣренной рѣчи. Самый же текстъ пѣсней мнѣ казался настолько интереснымъ, что я его записывалъ до конца, стараясь помѣстить всѣ своеобразные пріемы произношенія народнаго языка.

Не могу поручиться за то, что доставленные мною вамъ напѣвы, подходящіе къ первымъ строкамъ пѣсни, вполнѣ подходили бы и къ слѣдующимъ.

Совершенно случайно выбранныя вами пѣсни оказались только въ двухъ-дольномъ размѣрѣ, но многія, мною записанныя у Марьи, имѣютъ и другой размѣръ и болѣе интересное ритмическое содержаніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ Н. Соловьевъ.

12 января 1900 года.

ВЕЛИКОРУССЪ

ВЪ СВОИХЪ

ПѢСНЯХЪ, ОБРЯДАХЪ, ОБЫЧАЯХЪ, ВѢРОВАНІЯХЪ, СКАЗКАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И Т. П.

МАТЕРІАЛЫ СОБРАННЫЕ И ПРИВЕДЕННЫЕ ВЪ ПОРЯДОКЪ

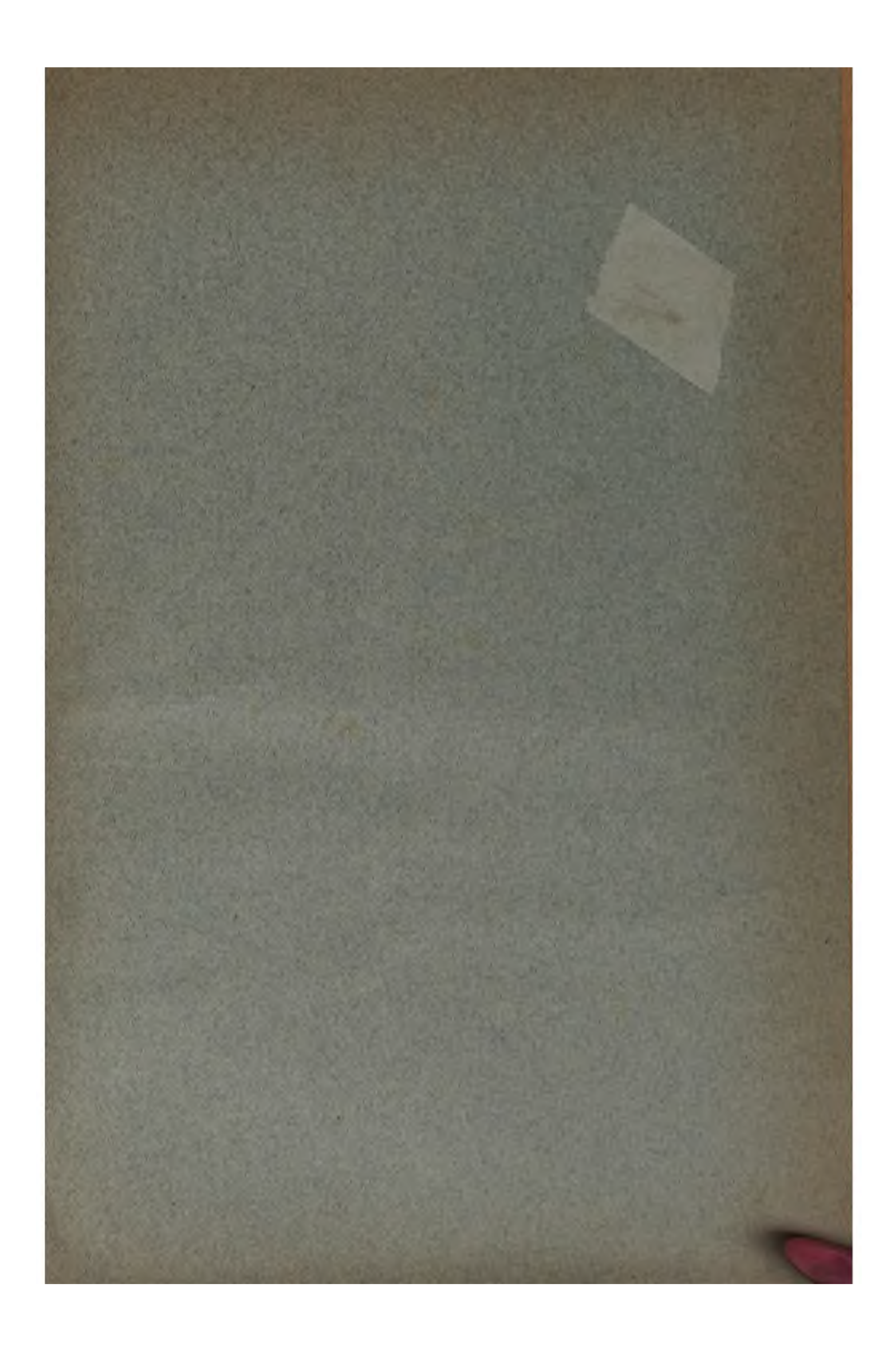
П. В. ШЕЙНОМЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, май 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.



Цѣна три рубля.

Великоруссъ, въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ и т. д. Т. I, вып. I. Ц. 3 р.

Труды того же собирателя:

Бѣлорусскія народныя пѣсни съ относящимися къ нимъ обрядами, обычаями, повѣрьями, суевѣрьями и пр. Изданіе Имп. Русск. Географич. Общества. Ц. 3 р.

Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго Края. Т. I, ч. I. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. Цѣна 2 р. 50 к.

— Т. I, ч. II. Обряды и обычаи погребальные и поминальные. Ц. 3 р.

— Т. II. Сказки, легенды, преданія, пословицы, загадки, привѣтствія, ругань, заговоры, духовные стихи и пр. Ц. 3 р.

Всѣ эти книги находятся въ складѣ при книжномъ магазинѣ К. Л. Риккера (Невск. проспектъ, д. № 14), и продаются какъ въ названномъ магазинѣ, такъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», Карбасникова, Глазунова и у собирателя: Николаевская улица, д. № 61, кв. 17.